

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

5

ВЫПУСК

ТВЕРЬ 2002

Тверской государственный объединённый музей

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

*В библиотеку
кафедр археологии ЛГУ
с. Вязьмы и Вышневоло.*
17.12.2003 г. *Сер (И.Н. Черных)*

ТВЕРЬ 2002

Основу данного сборника составляют материалы 6-го (21-25 марта 2000 г.) и 7-го (20-24 марта 2001 г.) заседаний научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», действующего на базе Тверского государственного объединённого музея с 1994 г.

В книгу вошло также несколько статей по докладам, сделанным в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург, 17 апреля 2002 г.) на заседании, посвящённом открытию выставки «Человек и зверь (памятники древнего искусства севера Евразии)».

Хронологически сборник охватывает периоды от палеолита до раннего средневековья, территориально – лесную и лесостепную зоны Восточной Европы и Северную Европу.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных изысканий, как сугубо археологических, так и произведённых на стыке с другими науками, а также разработки теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и её связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым России и Тверского края.

Сборник издан за счёт средств, полученных Тверским государственным объединённым музеем от проведения хозяйственных охранных археологических исследований.

Книга посвящается 100-летию II Областного Тверского археологического съезда (Тверь, 1903 г.).

Ответственный редактор выпуска **И.Н. Черных**

Tver State United Museum

**TVER
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION**

Tver 2002

The collection comprises articles based on materials presented at the 6th (March 21-25, 2000) and the 7th sessions (March 20-24, 2001) of the Archaeological Seminar "Tver Region and the Adjacent Territories in the Ancient Times", which has been acting since 1994 in Tver State United Museum.

The book also contains several articles reported in The State Hermitage (St. Petersburg, April 17, 2002) at the meeting dedicated to the opening of the exhibition "The Man and The Animal (Monuments of Ancient Arts of the Eurasian North)".

Chronologically the articles embrace times from the Palaeolithic to the Early Middle Ages, as well as the territories of the wood and wood-and-steppe zones of Eastern and Northern Europe.

New materials obtained during field and laboratory research are introduced. Along with purely archaeological investigations, complex surveys based on collaboration with other sciences, as well as theoretical works have been performed. The articles present modern methods of research and suggest new methodic approaches to the studies of archaeological objects. Artifacts belonging to material and spiritual culture of various epochs are published.

A number of articles are of a problem and disputable character.

On the whole the collection of articles is closely connected with the ancient cultures of Tver Region in its interrelation with other territories.

The book is addressed to archaeologists, historians, museum experts and to students as well as to all who are interested in learning more about the ancient times of Russia and Tver Region.

The publication is funded through commercial archaeological projects undertaken by Tver State United Museum.

The book is dedicated to the Centenary of the IInd Regional Tver Archaeological Congress (Tver, 1903).

Editor-in-Chief of the issue **I.N. Tchernykh**

Памяти Юрия Николаевича Урбана (1940-2002)

Молились богу Яхrome
И его наместнику –
Шефу экспедиции,
Бороде-кудеснику.

(Языковский гимн, 1971 г.)

11 июня 2002 г. скоропостижно скончался Юрий Николаевич Урбан – один из основоположников современной тверской археологии.

Юрий Николаевич родился 12 ноября 1940 г. в Архангельской области (д. Шубрюг Опаринского района) в семье учителей. Его мать, Елизавета Ивановна Полякова, была направлена на работу в Архангельскую область после учёбы в Калининском учительском институте. Дед отца, учителя истории, погибшего на фронте в 1942 г., Фёдор Урбан в 1918 г. был выслан на север из Могилёва.

Сразу же после освобождения Калининской области Елизавета Ивановна с маленьким сыном приехала к родной тётке, вырастившей её, в д. Тальцы Селижаровского района, здесь в школе она проработала до выхода на пенсию.

В 1958 г. Юрий Николаевич окончил Селижаровскую школу-десятилетку, поступал в Горьковский политехнический институт на радиотехнический факультет, но не прошёл по конкурсу, сохранив интерес к радиоделу и конструированию в этой сфере на всю жизнь.

В 1959-60 гг. он учился в Ленинградской республиканской школе киномехаников, по окончании которой с «Похвальным листом» за отличные успехи до 1962 г. работал мотористом-киномехаником в Кировском райотделе культуры Калининской области. В годы учёбы Юрий Николаевич увлёкся фотоделом, участвовал в нескольких городских (г. Ленинград) конкурсах, некоторые его работы были отмечены. Впоследствии это умение стало составной частью его археологической деятельности.

1962-1967 – годы учёбы Юрия Николаевича на кафедре археологии ЛГУ, где он специализировался по неолиту Дальнего Востока под руководством А.П. Окладникова. Одновременно с учёбой Юрий Николаевич работал лаборантом исторического факультета университета (1964-65 гг.) и Высшего морского училища (1966 г.).

В июле 1967 г. Юрий Николаевич Урбан был принят на работу в Калининский областной краеведческий музей (ст. научный сотрудник, затем зав. отделом истории досоветского общества), став первым в Твери (тогда Калинин) «местным» археологом-профессионалом, имеющим высшее специальное образование. С 1968 г. он руководил и Калининским отрядом Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР, проводя самостоятельные полевые исследования.

В 1972 г. начинается масштабная работа по созданию областных Сводов памятников истории и культуры, и Юрий Николаевич, получив предложение возглавить практическую сторону исследований, перешёл в качестве ст. научного сотрудника на исторический факультет Калининского государственного университета (КГУ). Здесь он сформировал и подготовил чрезвычайно дееспособную профессиональную команду раз-

ведчиков, в основном трудами которых на территории Тверской области к настоящему времени выявлено и паспортизировано св. 5000 памятников археологии. В КГУ Ю.Н. Урбан вёл также и преподавательскую работу, в частности по курсу «Основы археологии», подготовил совместно с Х.Д. Сориной учебное пособие для студентов, а фактически – первый научный очерк о древнейшем прошлом Тверского края.

Работу по поиску и паспортизации памятников археологии Юрий Николаевич продолжил в г. Ленинграде, в 1978-80 гг. являясь ст. научным сотрудником отдела истории Научно-исследовательского сектора и сотрудником кафедры археологии ЛГУ, а также подготавливая на договорной основе паспорта на памятники Костромской области (1980-83 гг.).

Последние годы (с 1983) жизни Юрия Николаевича Урбана были вновь связаны с музейной работой – в ГУК «Музейное агентство» (ранее – Дирекция Объединения музеев Ленинградской области). Он продолжал полевые исследования, являясь начальником Ленинградской областной комплексной экспедиции Объединения музеев, проводил планомерное археологическое разведывательное обследование Тихвинского и Бокситогорского районов, раскопки (в частности, стоянки Забелье 1); как и в Твери, создавал новые экспозиции в музеях (музей-усадьба Н.К. Рериха в Изваре, Кингисеппский историко-краеведческий и Пикалёвский краеведческий музеи, Тихвинский и Ивангородский историко-архитектурные и художественные музеи), разработал методическое пособие для подготовки экскурсий по археологическим разделам краеведческих музеев области, провёл большую работу по систематизации и обработке научного архива всего музейного объединения.

В Тверской области Ю.Н. Урбаном открыто и обследовано более 450 памятников археологии разных эпох, исследовалось раскопками разной площади свыше 20 археологических объектов от мезолита до средневековья. Среди них – стоянки, могильник и селища Иловец I-II, курганно-сопочно-жальничный могильник Абакумово (Абаконово), селище Костюшино I и стоянка Костюшино 6 (Лесной район); курганная группа Подолицы 1 (Кесовогорский район); стоянки Усть-Кеза 1 и 7, курганно-сопочный могильник (совместно с Ф.Х. Арслановой) Усть-Кеза 1 (Максатихинский район); стоянки и могильник Языково 1 (в т.ч. торфяниковая часть), 2, 3 (Кашинский район); стоянки и селище Спас-на-Сози (Спасская) 1, 2, 3, 5, 6 (Калининский район); поселения Сабринка 1 и Синяя Гора 1 (Осташковский район); стоянки Барская Лядка 1-2 и городище раннего железного века Ягренево 1 (Бежецкий район), Нижнее городище Торжка.

Эти работы проводились в научных и охранных целях, одновременно формируя музейный фонд, необходимый для создания новых экспозиций. До сих пор одной из самых ярких в Тверском государственном объединённом музее является экспозиция «Археология Тверской области» в его Старицком филиале, в подготовке которой принимал участие Юрий Николаевич. А в экспозиции головного музея объединения в г. Твери находится привезённый им из Пеновского района камень-«следовик» «Божья ножка».

Юрий Николаевич Урбан был очень удачливым археологом. Он вошёл в число исследователей, выделивших верхневолжскую раннеэолитическую культуру, на основе своих изысканий поставил вопрос о своеобразии моложского и северовалдайского мезолита и раннего неолита. Яркими и научно значимыми комплексами и находками явились волосовские погребения, в т.ч. с янтарём на поселениях Иловец I и Языково 1, Иловецкий «клад» украшений и восточных монет и брактеатов IX в. н.э. В последние годы жизни Юрий Николаевич начал разрабатывать вопросы появления письменности в лесной зоне Восточной Европы на основе сделанного им крупного научного открытия – надписи на фатьяновском сосуде с поселения Забелье 1.

Но самый большой данный ему Богом и жизнью дар – это удивительная человечность, доброта, открытость и талантливость, которые притягивали к нему людей, делали экспедиции, руководимые им, незабываемыми и "непокидаемыми", дававшими путёвку в археологию всё новым и новым продолжателям его дела. Можно с уверенностью сказать, что именно с Юрия Николаевича Урбана начала развиваться "местная" современная тверская археология.

В экспедициях Ю.Н. Урбана создавались песни, многие из которых стали известными далеко за пределами Тверского края. Одна из них – Гимн разведки – всегда будет напоминать нам о Юрии Николаевиче Урбане – археологе и Человеке.

Гимн разведки

(Сл. Ю. Панова, муз. И. Черных. Калинин, 1974 г.)

1. Накрыла землю косая сетка, Дождь барабанит марши свысока. По липкой грязи идёт разведка, Топча ногами в лужах облака. Давно забытой тропкою предков Идёт разведка.	2. Идёт разведка, забыв усталость, Лишь пот с висков стирают рукава. Шеф повторяет: «Чуть-чуть осталось, А там, быть может, сделаем привал». Давно забытой тропкою предков Идёт разведка.
3. Меридианов намокли клетки, По карте нет здесь уже дорог. Но по болоту идёт разведка, И нимб над головой из комаров. Давно забытой тропкою предков Идёт разведка.	4. Накрыла землю косая сетка, Дождь барабанит марши свысока, По липкой грязи идёт разведка, Топча ногами... лужи в облаках ..... Давно забытой тропкою предков Идёт разведка.

Праха Юрия Николаевича Урбана захоронен в могиле матери и других родственников на Иоанно-Богословском кладбище в г. Торжке Тверской области.

И.Н. Черных
Тверской государственный объединённый музей,
Тверь

Н.И. Ивановская
Санкт-Петербург

А.Д. Максимов
Комитет по охране историко-культурного наследия
Администрации Тверской области,
Тверь

Т.А. Шнак
ГУК "Музейное агентство",
Санкт-Петербург

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ Ю.Н. УРБАНА

1. Урбан Ю.Н. Работы на севере Калининской области // АО-1968, М., 1969, С. 30-32.
2. Урбан Ю.Н., Ивановская Н.И. Работы Калининского отряда Верхневолжской экспедиции // АО 1969, М., 1970, С. 35-36.
3. Урбан Ю.Н. Исследование неолитических памятников в Калининской области // АО-1970, М., 1971, С. 38-39.
4. Портнягин И.Г., Урбан Ю.Н. Работы Калининского отряда // АО 1971, М., 1972, С. 51-54.
5. Кольцов Л.В., Урбан Ю.Н., Харитонов Г.В. Разведки в верховьях Западной Двины // АО-1972, М., 1973, С. 66-67.
6. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья / Д.А. Крайнов, Н.А. Хотинский, Ю.Н. Урбан, Е.М. Молодцова // Вестник АН СССР, 1973, № 5, С. 80-84.
7. Урбан Ю.Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА, Вып. 137, 1973, С. 107-114.
8. Урбан Ю.Н. Раскопки стоянки Языково 1 // АО-1972, М., 1973, С. 97-98.
9. Работы на территории Верхнего Подвинья / Е.В. Бодунов, Г.В. Харитонов, Н.А. Харитонова, Ю.Н. Урбан // АО-1973, М., 1974, С. 42-43.
10. Григорьев В.И., Портнягин И.Г., Урбан Ю.Н. Разведки в бассейне р. Волкоты и на оз. Бенецком // АО-1973, М., 1974, С. 46-47.
11. Урбан Ю.Н. Исследование поселений эпохи неолита в Калининской области // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974, С. 18-36.
12. Урбан Ю.Н. Раскопки у д. Языково // АО-1973, М., 1974, С. 83-84.
13. Работы Калининского отряда / Ф.Х. Арсланова, Е.В. Бодунов, Н.И. Ивановская, Ю.Н. Урбан, А.А. Чариков // АО-1974, М., 1975, С. 50-51.
14. Урбан Ю.Н. Открытие мезолита в бассейне Средней Мологи // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, С. 78-84.
15. Работы Калининского отряда / Е.В. Бодунов, В.А. Булкин, В.М. Воробьев, Ю.М. Лесман, Ю.Н. Урбан // АО-1975, М., 1976, С. 55-56.
16. Сорина Х.Д., Урбан Ю.Н. Из истории Верхневолжья. Вып. 1 (Период феодализма. Часть 1): Курс лекций. Калинин, 1976, 150 с.
17. Урбан Ю.Н. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, С. 64-70.
18. Сидоров В.В., Урбан Ю.Н. Раскопки Языковской стоянки // АО-1978, М., 1979, С. 89-90.
19. Урбан Ю.Н. Работы в восточных районах Ленинградской области // АО-1986, М., 1987, С. 38-39.
20. Рябинин Е.А., Урбан Ю.Н. Древняя история Тихвинского края по археологическим данным // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988, С. 55-68.
21. Урбан Ю.Н. Разведки в бассейне р. Костромы // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992, С. 135-155.
22. Урбан Ю.Н. Стоянка Забелье – памятник раннего неолита Северного Валдая // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996, С. 235-244.
23. Урбан Ю.Н. Открытие древней письменности на Северо-Западе России (предварительное сообщение) // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000, С. 367-370.

В.В. Сидоров

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ АРХЕОЛОГИИ (археологическая онтология)

Задача любой науки – моделирование мира, явлений. В модели используются уже известные свойства явления, и их взаимодействие позволяет выявить новые свойства. Определение К. Марксом истории как единственной науки – утверждение того, что объяснение тождественно пониманию генезиса, что понять, как возникает и развивается какое-либо явление, – это и значит понять его природу. Но археология не моделирует социальные явления прошлого, и в этом смысле она не является наукой. Она – один из методов истории, этнологии, имеющих дело с археологизированными источниками, задача которого – получить информацию об обществах прошлого по оставшимся от них следам. Археология не выявляет никаких законов этих обществ – она только позволяет читать в материальных остатках следы былой действительности. Интерпретировать археологические факты – значит найти их соответствия историческим явлениям. Интерпретационные возможности основных археологических понятий возникают тогда, когда установлена их корреляция с понятиями этнологии, после чего они начинают давать полноценные исторические факты, с разной степенью детализации.

Определения строятся как указание на принадлежность определяемого явления к классу явлений более общего порядка и на его специфику в этом ряду. Нередко определение подменяется перечнем признаков. Но это – только сырьё для определения, поскольку отбор признаков должен строиться так, чтобы были ясны система их отбора, соподчинённость их, связь, значимость (вес признака), а это уже целый процесс исследования, а не определение. Язык определения, таким образом, включает понятия более общей системы, каковой для археологии является антропология (в англо-американском смысле). Уточнение – вторая часть определения – может заимствоваться из прикладных наук, естествознания, технологической терминологии и т.п. Определение через перечисление признаков не является достаточным. В лучшем случае за таким перечнем скрывается системообразующая структура, но перечень не указывает на неё. Лишь тогда, когда перечень указывает на генетические признаки, он приближается к определению. Но генетический характер связи признаков ещё требует доказательства.

Преимущество (и специфика) археологии в том, что она имеет дело с реальными материальными остатками, привязанными к определённому месту, что эти остатки могут быть связаны с реальным временем и складываться в неслучайные комбинации, отражающие какую-то реальность комплексно, и с историей природы. Но все эти связи с той или иной полнотой и точностью могут быть установлены лишь в том случае, когда мы имеем дело с памятником. **Памятник** – это и есть материализованные остатки следов в комплексе. Вырванный из контекста объект перестаёт быть памятником, поскольку значительная часть информации утрачивается.

Археологический комплекс – выявляемая на памятнике совокупность антропогенных следов, связь которых реальна или предполагается (подлежит доказательству). Идеален закрытый комплекс, поскольку сочетание следов в нём не случайно, а отражает ситуацию конкретного момента. Но уже комплекс могильника, жилища, а тем более поселения закрытым не является, а есть следствие длительного воздействия человека, в лучшем случае – само такое воздействие отражает ряд повторяющихся ситуаций. Допустимо говорить о реконструируемых комплексах – этапы, культуры, обряда, технологического процесса. За ними стоит также набор повторяющихся ситуаций. Именно комплекс, а не памятник, есть объект датирования, хотя на памятнике могут датироваться следы каких-то природных или антропогенных воздействий (переотложение, подтопление, пожар, выброс при рытье котлована).

Подразделения памятника – пласт, слой, участок, скопление, искусственный объект – это материал для интерпретации условий формирования комплекса, его структуры, его длительности и достоверности. В то же время и подразделение памятника также является памятником низшего порядка. Задача – выявление возможно более узких моментов, возможно более чистых комплексов, в пределах которых сочетание элементов перестаёт быть случайным, произвольным.

Значительная часть сообщений о параметрах «комплекса памятника» не несёт какой-либо полезной информации, отражая случайное сочетание не связанных друг с другом элементов. Так, соотношение типов разновременной керамики на "мешанном" памятнике – это информационный шум, а вовсе не след этногра-

фической ситуации (как полагали А. Я. Брюсов [1], Г. А. Панкрушев [2], Ю. Б. Цетлин [3]). Этнографическую ситуацию он отражает лишь в случае доказательства "чистоты" (одновременности) комплекса. В лучшем случае эти данные говорят о размере информационных массивов (по и при этом соотношения, выраженные в процентах, не отражают никакой реальности).

Реконструктивное понятие – **археологическая культура (АК)**. За перечислением признаков, обязательных для её выделения, стоит представление об этносе как о совокупности конкретных признаков. На практике это сводится к группировке комплексов по степени близости к эталонам. Дефиниции возникновения и исчезновения АК, взаимовлияния – это лишь очерчивание круга конкретного набора признаков. Ю. В. Бромлей определяет этнос как «исторически сложившуюся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от других таких же образований» [4, с. 37], но такое определение не достаточно. Особенно спорно здесь положение об "историческом складывании" этноса. Практически обязательное включение в число признаков этноса самосознания делает несопоставимыми археологические и этнографические источники. В. А. Шнирельман [5, с. 462-467] определяет появление этноса именно по моменту формирования самосознания. Но суть этноса – вовсе не в наборе признаков (а самосознание – только один из них). Он существует как в рамках такого набора, так и вне его. Суть его в том, что этнос есть среда циркуляции информации во времени и пространстве – связь современников, общению которых не мешает взаимное непонимание, и предков с потомками – через традицию. Может ли эту суть улавливать археология? Да. **Элементарная типология** – это фиксация стереотипов как в технологии изготовления, так и в сфере применения, стереотип же – это один из элементов культуры. Проследивая генезис материальных следов культуры, мы проследиваем непосредственно генезис самой культуры. Определение культуры – накопленный общественный опыт, средства его сохранения, внебиологическая информация. В археологической культуре мы видим лишь след реальной культуры былых обществ, поэтому АК можно читать как археологизированная культура. Культура архаичных обществ всегда этнична. Внеэтнические культурные комплексы – явление весьма позднее, но и они по мере встраивания в традицию становятся этническими.

Традиция – это оформленная, зафиксированная часть общественного опыта. Она может иметь разную форму и практически всегда осознаваема, обозначается, т.е. алгоритм традиции оснащён знаками в любой форме, что позволяет наиболее полно сохранять такую информацию. Стереотип, когда он осознан как признак, становится традицией. Одна из её разновидностей – тип в археологическом смысле как устойчивая комбинация признаков.

Иерархия общностей, выявляемых археологически, полностью коррелирует с иерархией этнических единств. Локальная группа комплексов – локальный вариант – археологическая культура – культурная провинция – это община – племя – этнос – историко-этнографическая общность (ИЭО). Произвольное их сопоставление лишает смысла интерпретацию. Так, локальные группы отождествляются с племенами, что ведёт к искажению исторической ситуации [6]. Необходимо также представлять реальную численность исследуемых обществ. Исторические судьбы локальных вариантов, миграции отдельных групп, контакты, импорты – за всем этим стоит изучение конкретной структуры древних обществ: связей, контактов (соответственно – их длительность, направленность, специализация), всё это с большей или меньшей степенью детализации поддается археологическому наблюдению.

Формы хозяйства, способы адаптации – это не только реакция человека на воздействие среды. Все внебиологические формы адаптации строятся на основе культуры, и их конкретное выражение так же культурно-специфично, как и любое другое. Они могут заимствоваться, как и элементы культуры, комплексно или по отдельным составляющим, или же с определённой аберрацией. Чем больше близость между смешивающимися культурами, тем более полно и с меньшими искажениями происходит усвоение новаций.

Элементы культуры могут быть как рациональными, так и иррациональными. Последние для исследователя особенно интересны, поскольку они образуют автономные подсистемы, наименее подверженные рациональной трансформации, отражая ту часть культуры, которая более всего специфична для человека и сохраняется в первую очередь в вербальной, а также любой знаковой форме. Иррациональные элементы культуры в археологических источниках непосредственно отражают след мышления, не осложнённый, не скорректированный рациональностью. Да, для носителей этих культурных элементов – субъекта культуры – не было чёткого разграничения на радио- и иррациональные части культуры, но объективно оно было.

Технокомплекс [7] – понятие, возникшее в палеолитоведении для обозначения стихийной комбинации фиксируемого в данной культуре набора типов, английское «tool-kit». Но ему стоит придать общепалеолитические функции для выделения группы признаков, взаимообусловленных технологически, системно. Так, вкладышевая техника обусловлена существованием техники снятия правильных микропластин. Гребенчатый штамп предполагает определённые варианты орнаментальных мотивов; строительство углублённых жилищ – присутствие в инвентаре землекопных и рубящих орудий. Системная связь выражается в том, что изменения одной части системы ведёт к изменениям других её частей.

Большинство памятников содержит разновременные компоненты, а также следы многократных и разнонаправленных природных воздействий. Задача полевого исследования – зафиксировать максимум связей и следов для того, чтобы полученный материал максимально близко сохранял структуру памятника. Полнота полученной информации зависит не только от объективного состояния памятника, но и от уровня развития науки, квалификации исследователя. Суммирование материала всего памятника превращает его в "подъёмку", где сохраняется минимум связей. В реальности на любом "мешанном" памятнике существуют

участки, где сохранялась ситуация чистого комплекса. Они могут быть невелики, статистическая обработка их материалов на фоне громадных массивов смешанного материала теряется, но именно такие участки являются ключевыми для понимания памятника.

Но и перемешанный материал сохраняет информативность. На его основании могут быть сделаны заключения о связи ряда признаков с территорией, с микротопографией. Разделение его на комплексы культур делается на основании соответствия части материала эталонам. Материал, не обладающий культурной спецификой, может быть опущен как неинформативный.

Лишь в самых примитивных обществах культура отдельного индивида почти полностью совпадает с культурой общества, к которому он принадлежит. Структуризация общества – это способ повышения его информационной ёмкости, когда индивид, группа обладают частью общественного опыта, но остальные его части остаются доступны, поскольку сохраняются у других групп и индивидов. Сохранение информации требует её структуризации, для чего вырабатываются определённые приёмы. Группы, обладающие собственными подсистемами, связанными со спецификой их существования в пределах общей культуры, – это **субкультуры**. Они вырабатывают собственную систему терминов, знаков, даже языка, которые актуальны только в пределах данной субкультуры. Разделение труда, социальных ролей – это способы повышения информационной ёмкости, оперативности в пользовании информацией. Такие субкультуры складываются исторически. Древнейшие связаны с половозрастным разделением труда (мужская и женская субкультуры – отражение значительного разобщения по признаку пола в пределах первобытных обществ). Не менее специфична сакральная субкультура, формирующаяся по мере усложнения и выделения иррациональных модулей в культуре. Далее возникают воинский, потестарный, производственные виды культуры. Их крайние формы обособления – кастовая система, доходящая до уровня этнического обособления.

Циркуляция культуры в обществе не протекает хаотично – за ней стоят определённые виды деятельности, а следовательно – и субкультуры. Поэтому культурные контакты могут носить характер заимствований информационных блоков субкультур, показывая при этом вид, специфику таких контактов. Так, изготовление керамики как область женской субкультуры вовсе не обязательно распространяется вместе с навыками изготовления орудий – областью мужской субкультуры. Производственные навыки вовсе не обязательно усваиваются вместе с сакральной субкультурой. Комплексное заимствование разных субкультур – показатель смешения населения, наличия смешанных браков, совместного проживания разнотипных групп.

Требования ограничения **территории**, предъявляемые к АК, соответствуют реальному ограничению в пространстве этнических связей. Но каковы рамки и жёсткость таких границ – это заранее не известно и должно быть определено в конкретном археологическом материале. Остаётся песяным, каков масштаб общности, очерчиваемой как археологическая культура. Межобщинные связи направлены преимущественно в сторону своих, родственных групп, что и поддерживает территориальную структурированность этноса. Преимущественно, но не исключительно, и часть связей оказывается направлена вне тесного круга, хотя интенсивность циркуляции здесь гораздо меньше и возможность отрыва от единства больше.

Существует ли этнос ограниченно во времени? Можно говорить об ограничении во времени его конкретной формы, но при иерархическом строении этнических связей границы во времени оказываются проблематичными.

Археологическая и историческая периодизация. Периодизация – это группировка комплексов во времени, отражающая специфику исторического процесса. Археологическая периодизация строится вокруг чётко узнаваемых признаков и служит для группировки комплексов в укрупнённые блоки для повышения надёжности информации: предполагается, что в крупных массивах случайные элементы отсеиваются. Практическое применение археологической периодизации – размещение комплексов на шкале времени. По мере развития естественно-научного датирования такая периодизация перестаёт быть актуальной.

Историческая периодизация группирует комплексы в связи с переломными моментами в развитии культуры. За ней стоит фиксация процессов трансформации культуры. Она может быть вызвана как естественными причинами (изменения среды катастрофических масштабов), освоением новых форм хозяйства, ведущим к изменению быта (складывание новых хозяйственно-культурных типов), но более всего – контактом с чуждой культурой. Каждая культура самодостаточна (в условиях постоянства среды и быта) и не требует замещения своих информационных блоков чужими. Если происходит заимствование новации – замещения не происходит. Но если мы наблюдаем замещение – это показатель ассимиляционного процесса. Межкультурная связь даёт возможность заимствования элементов чуждых культур цельными блоками. Если же мы видим частичное заимствование, взаимопроникновение только отдельных элементов, то скорее всего нами преувеличены оценки их изначального различия (в археологическом материале культура не дана нам как целостная система – это только след её, и не все следы читаются) – эти элементы располагаются внутри единой субкультуры, и их перемещение не требует отказа от материнской основы культуры.

Характер смены блоков информации позволяет интерпретировать этнические процессы – контакты и связи этносов, ведущие к интеграции, к ассимиляции, трансформации, – очерчивать круг контактирующих субкультур. Эти же методы позволяют выявить моменты миграции. Они требуют доказательств переноса на новую территорию целостных культурных систем, тождественных культуре иной территории, где прослеживается её становление на предыдущем этапе. Само существование культуры в виде переносимой со стороны системы может быть и весьма коротким – это зависит от конкретных исторических обстоятельств. К этническим факторам необходимо отнести и показатели замкнутости культур, степень их закрытости, избирательную направленность связей. Необходимо также изыскивать внеэтнические причины трансформации культур.

Любой объект обладает бесконечным множеством свойств. Часть их распознаётся и находит определение в терминологии науки. Описать, выделить, обозначить мы можем множество **признаков**, но в отрыве от задач исследования часть их оказывается информационным шумом и не способствует познанию связей явлений: информацию несёт не всякое сообщение, а только то, которое может быть поставлено в связь с уже существующим знанием. Информация всегда субъективна, так как её усвоение (связывание сообщений) возможно только на основе уже существующего знания. Некоторая избыточность описания, однако, создаёт возможность спонтанного поиска связей, но возможности такого перебора невелики.

Для исследовательской программы необходимы отбор признаков и придание им определённого веса (иерархия признаков). Это делается и в быту. Некоторым из признаков приписываются свойства этноразличительных, хотя для доказательства такого их качества требуется специальная процедура. Ссылка на этнографию недостаточна – мы располагаем не целым объектом, а только его отрывком, и не известно, какая часть информации, связанной с ним, несла этноразличительную нагрузку. Признаки бывают элементарные, для обозначения которых достаточно двоичной системы (есть/нет), сложные, взаимозависимые. Часть присутствующих признаков указывает на то, что не сохранились. Так, амулет указывает на средство его пошения. Определяя элемент орнамента как ямку, мы отмечаем только элементарный признак, но ямка как след конкретного вида штампа (беломнит, кость, узел, угол штампа) – это уже сложный признак.

В публикационном описании нередко делаются безнадёжные попытки зафиксировать максимум признаков. Но для разных направлений исследований требуются разные наборы признаков, и все их учесть невозможно. Разный вес имеют в разных исследованиях и в концепциях разных исследователей как разные признаки, так и их группы. Реально сопоставление может вестись в каждом конкретном случае по весьма ограниченному набору – в среднем не более 4 признаков. Для большего не приспособлены ни описательный язык, ни наше восприятие. В лучшем случае может прodelьваться последовательная группировка по иерархически организованным признакам.

Элементарный признак малоинформативен, и очень вероятно его случайное проявление (вне связи с исследуемой темой). И никогда не ясно, какой уровень абстракции считать элементарным. Является ли амплитуда зубчатого штампа? А верёвочный орнамент или навитая жилка? Тождественен ли деревянный штамп костяному? А щепка? Тождественны ли оттиски метаподий бобра, собаки, куницы? Тождественен ли вертикальный зигзаг такому зигзагу, когда один поясok поставлен вертикально? Каждый из этих случаев требует выяснения обстоятельств употребления, комбинирования, закономерности встречаемости и взаимозаменяемости.

Присутствующие во многих работах таблицы элементов орнамента, орнаментальных мотивов – это эмпирические наборы, отобранные авторами без доказательств. Особенно это касается мотивов орнаментов: реальность массово встречающихся признаков подтверждает статистика, но редкие – наиболее интересные и информативные – чаще всего представляют собой фрагмент орнамента, случайно отделённый и произвольно ориентированный. Нет устойчивости в разграничении мотива и элемента: часть мотивов выделена по специфике элемента, в других случаях у того же исследователя специфика элемента игнорируется. В целом получается довольно случайная комбинация, а если учесть, что гораздо более 90% комплексов, использованных до сих пор для расчёта индекса сходства, – мешанные, информативность этой работы стремится к нулю.

Отбор признаков для расчёта индекса сходства требует предварительной работы, которая ещё ни разу не была проделана. В первую очередь пригодны только достаточно узкие хронологически комплексы: не более одного этапа длиной до четверти тысячелетия для неолита и века – для эпохи бронзы. Признаки должны быть иерархизированы, и сопоставляться могут только признаки одного уровня. Должны быть исключены взаимозависимые признаки, когда один является всего лишь выражением другого в ином аспекте.

Элементарные признаки нередко имеют случайное сходство, что ведёт к крупной путанице. Так, накольчатый орнамент ранне-неолитической и имеркской посуды совпадает только по терминологии, а используется для исторических выводов. Гребенчато-ямочная керамика Валдая и гребенчато-ямочная рашельяловская не всеми исследователями различаются, хотя имеют разную датировку и генезис. И на основании терминологического совпадения делается вывод о связи прибалтийской гребенчато-ямочной керамики с керамикой Волго-Окского междуречья. В ямочных орнаментах лапчатой керамики И.К. Цветкова [8] видела продолжение керамической традиции рязанской культуры. И такие ложные аналогии встречаются на каждом шагу.

Аналогия в юридическом смысле не является доказательством, показывая только некоторую вероятность. Требуется тождество. В археологии тождество может быть получено только при сопоставлении сложных признаков, несущих большую информационную нагрузку. Сложный признак отражает присутствие в объекте следа целой технологической цепочки, целой системы представлений. Он может быть обозначен по одному из признаков этой цепочки, но не тождественен ему. Так, рессетинский наконечник – это не просто остриё с маленьким шипом на круторегулированном крае. Шип может иметь и случайное происхождение, но у рессетинских он возникал закономерно (хотя мог и не проявиться) при регулировании от двух концов. Ямка в орнаментации сосуда – элементарный признак. Но то, что для льяловской культуры характерно использование для ямок беломнита, – это уже отражение системы представлений и не является элементарным признаком. Если оставить за элементарными физическими признаками старый термин, то сложный признак, по которому только и можно вести достоверное сравнение, требует нового термина. Предлагаю обозначить его как **приём**.

Именно сложные признаки могут быть объектом заимствования, и по ним должны выявляться анало-

гии. Элементарные – скорее показатель подражания, что тоже немаловажно, но требует доказательства – определения синхронности. Связь культур фиксируется по наличию в них общих элементов, но достоверно доказывают её только сложные, информативные. Некоторые элементы отражают связь не столько с другой культурой, сколько с особенностями среды, в том числе с физической (биологической, психологической) природой самого человека, но и в них читаются собственно культурные компоненты.

Тип не может определяться по элементарным признакам. За типом стоит наличие устойчиво повторяющихся ситуаций, что связано со стереотипами навыков работы, с устойчивыми представлениями, с технологической целесообразностью, спроецированной на повторяющуюся ситуацию, за которой также стоит культурный стереотип. Минимально тип определяется как **устойчивая комбинация признаков** (вес их принимается разным, в зависимости от задач исследования)[6, с. 380-381]. Часть признаков типа в данной конкретной культуре носит факультативный характер, но из этого не следует, что в других ситуациях они не окажутся значимыми. Тип может определяться и генетически – как цепочка приёмов, необходимая для его получения, и в некоторых случаях – функционально, когда задачей является описание хозяйства в целом.

Значительная часть массовых материалов, используемых в статистических анализах, несёт очень небольшую информационную нагрузку о культуре. За ней могут стоять свойства материала, специфика употребления, которые к культуре отношения не имеют. В то же время редкие формы, особенно несущие на себе след воздействия нескольких приёмов, больше говорят о связях культур. Так, серповидные ножи с двусторонней обработкой, количество которых не выходит за пределы долей процентов в самых богатых комплексах, – показатель связей с Верхним Днепром, и не случайно они сочетаются с лапчатой керамикой. В то время как десятки волосовских наконечников стрел ничем не отличаются от льяловских. Глиняные фигурки встречены в единичных экземплярах, но территория их распространения в лесной зоне отнюдь не случайна. Эти вещи несут значительную информационную нагрузку и являются знаковыми.

Сосуд и его орнамент. Данностью является фиксация в керамике навыков производства, технологии и эстетики, системы представлений и специфических элементов быта. Керамика – весьма важный показатель культуры, и не столько потому, что представляет собой сложный информационный блок, касающийся технологии. Это – часть женской субкультуры, которая не читалась по каменным орудиям, но становится различимой по керамике. Наличие такого источника позволяет проследить систему брачных связей, определять степень родства микропопуляций и этносов. Керамика также несёт информацию об изменениях в быту и через них – об изменениях в системе хозяйства. Орнаментальная система керамики – единственный массовый источник, касающийся сферы иррациональной культуры, хотя и в довольно узкой области. Не приходится ожидать демонстрации племенной символики – круг употребления керамики её не касается. Но представление о картине Мира, его восприятие могут быть переданы с разной полнотой в системе оформления сосуда. Здесь могут отразиться и сакральные охранительные системы. Так, полнота орнаментации поверхности неолитической посуды лесной зоны противостоит зональной группировке орнамента на сосудах культур шнуровой керамики. Специфичен и не случаен состав штампов. Он демонстрирует специфику локальных вариантов и культур, но имеет отношение к магическим возможностям воздействия орнамента.

Формы и особенно размеры сосудов – важнейшие показатели их бытовых функций. Они имеют отношение к размерам семьи, питавшейся из такого котла. Разнообразие размеров и форм сосудов пока ещё не нашло объяснения. Обычно предполагается, что крупные сосуды – это ёмкости для хранения запасов. Но в неолитических жилищах не обнаружено участков, предназначенных для хранения запасов в глиняной посуде. Помещение сосудов в ямы – большая редкость. Видимо, для хранения использовались другие ёмкости – из органических материалов. Встречается утверждение, что из-за величины и малой прочности неолитическая посуда не пригодна для приготовления пищи, что котёл в 25 л (а это нормальный объём котлов) не выдержит тяжести налитой в него воды, что намоченная керамика развалится. Эксперимент не подтверждает этих опасений, к тому же почти все сосуды оказались просмоленными внутри – эту смолу принимают за пищевую нагар.

Керамика – важный показатель степени осёдлости, а значит и интенсивности использования угодий. Происходит нарастание количества керамики на поселениях, а вместе с ним – интенсивности окраски культурного слоя на протяжении неолита. Количество сосудов, выбывших из употребления в период формирования данного комплекса, отражает длительность обитания, численность группы, а также бытовые детали и особенности технологии. Количество фрагментов, характер измельчённости и разброса в первую очередь несут информацию о состоянии слоя. Сохранность керамики очень сильно зависит от её качества. Так, на некоторых волосовских поселениях керамика сохраняется столь не полно, что говорить о количестве бытовавших здесь сосудов становится затруднительно.

Поселение, стоянка – основные виды памятников, исследуемых в лесной зоне. Полагаю необходимым различить эти термины. Стоянка – место кратковременного обитания, при котором не происходит разрушения естественного растительного покрова. На поселении во время его функционирования трава оказывается вытоптана, а поверхность покрывается антропогенными отложениями – золой, выбросами из ям, кухонными кучами. Все неолитические поселения сезонны – вряд ли могли существовать всесезонные: слишком по-разному формируется культурный слой на летних и зимних поселениях, разные к ним предъявляются требования. В то же время остаётся вероятным многократное использование жилых площадок в разные сезоны. Мест, пригодных для поселений, на озёрах мало, и они возобновлялись множество раз. Исключения могут составлять быстро деградировавшие озёра, отдельные участки берегов которых могли быть пригодными для заселения на короткое время.

Могильники на неолитических поселениях не отражают демографической структуры популяций – это исключения, оснований для которых мы не знаем. Так, на волосовских стоянках похоронены преимущественно мужчины, детей практически нет. Более равномерна структура льяловских могильников, но они редки. Закономерности их появления на поселениях неясны. Вероятно, судя по центрическому их положению, они представляли собой сакральные участки. Волосовские могильники – двух типов: одни связаны с жилищами, другие – самостоятельные кладбища. Но это уже иной тип общества с весьма развитым мировоззрением, со специализацией сакрального блока информации. В любом случае важным компонентом характеристики поселения остаётся связь его с могильником.

Построение этнической истории на данных археологических источников потребовало учёта вышеперечисленных элементов. Являются ли они банальностью? Часть формулировок остаётся для многих исследователей неочевидной, и, соответственно, выводы – неоднозначными. Моей задачей было – сузить диапазон возможных толкований и сделать их более проверяемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брисов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. № XXVI. 1953.
2. Папкрусев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
3. Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
4. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
5. Шнирельман В.А. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. М., 1986.
6. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
7. Сидоров В.В. Технокомплекс как инструмент для исследования археологических культур // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
8. Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970. (Тр. ГИМ. Вып. 44.).

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

INTERPRETATION OPPORTUNITIES OF BASIC ARCHAEOLOGICAL CONCEPTS (Archaeological Ontology)

Summary

The use of archaeology for reconstruction of historical facts calls for a coherence of archaeological and historical concepts. One of the main tasks of archaeology is to clear up the ethnic genesis. Ethnos is an environment for circulation of information – a connection of contemporaries and ancestors with descendants. Such a structure can be revealed by archaeological methods. Culture as a social experience is fixed as the history of tools types, constructions, ritual activities. Archaeological culture presents material traces of such traditions' fixation. As an ethnos it is limited in space as well. Its limitation within the time is less evident: changes of ethnographical image of culture is not identical to the changes of an ethnos. In order to reveal an ethnical value of changes in a culture we must learn the nature of innovations' origin.

The objects of study are monuments as a complex connection of sources which let us reveal anthropo-genetic and natural factors which, in their turn, contain archaeological complexes – units of anthropo-genetic character. They can be objective as well as reconstructed ones. The task of a scholar is a maximum reach to a reconstruction of concrete situations. Their interrelation gives an opportunity to recreate an ethnographic image of ancient societies as well as a change of such an image – to determine a tendency and specific features of ethnic processes.

Migrations as a transfer of an entire cultural unit, which is able to keep its ethnic identity, into new environment, can be determined authentically. A change of economic and cultural type can be accompanied by a loan of lots of ethnographic features, but a number of them, as well as a similarity, doesn't yet mean an assimilation. The vector of cultures interrelations before and after their transformation needs to be determined, and a result will show a tendency of ethnic genetic processes.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.Д. Столяр

О СТАНОВЛЕНИИ СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ЭПОХ КАМНЯ (к постановке проблемы)

В нелёгких условиях наших дней активность когорты тверичей в археологических изысканиях широкого хронологического охвата вызывает чувство искреннего уважения. Без тени преувеличения очевидно, что им принадлежит авангардное место в региональном масштабе, а инициативы этого центра – исследовательские, организационные и публикационные – охватывают своим влиянием обширное археологическое поле северной половины европейской России.

Не буду скрывать то, что моё равнодушие к трудам и дням тверичей обостряется двумя, скажем так, личными обстоятельствами.

Первое. Здесь всегда радуется встреча с достойным лидером археологического «дела», обладающим естественным авторитетом, заслуженным многолетним трудом, – Игорем Николаевичем Черных. Окончив Ленинградский университет в 1978 году, он сам определил свой путь, выбрав далеко не лёгкий вариант. С этой археологической тропы, при всех неизбежных трудностях, он не сходил. А наглядным доказательством его общенаучного вклада зримо служат хотя бы представительные тома «Тверского археологического сборника» – зачина, надеюсь, фундаментальной многолетней серии типа солидного нового МИА. Наверное, оправдано видеть в этом самый дорогой гонорар кафедре археологии ЛГУ за её деятельность, созданную систему профессионально-этической подготовки археологов.

Второе. Тверская деревня Выголово Делединской волости Весьегонского уезда дала отечественной археологии выдающегося исследователя и самоотверженного патриота России Михаила Илларионовича Артамонова (1898–1972). В число его особых заслуг входит и заведование кафедрой археологии ЛГУ (1948–1972 гг.). Свою малую родину он вспоминал особенно тепло, с чувством сыновней признательности. Удивительно целостная личность М.И. Артамонова воплощала в себе высокие, по истокам народные начала мужественности и преданности общему делу, требовательной мудрости и подлинного, предпочтительно анонимного, гуманизма. В моём становлении он был последним по времени, но решающим по воздействию наставником на протяжении четверти века (1946–1972 гг.). Со временем всё явственнее его светлый образ утверждается в моём сознании в роли Учителя жизни, духовного отца. Ни один момент бывшего общения не забывается, а, напротив, всё существеннее осмысливаются его отдельные идеи, порой высказанные как бы вскользь, но по существу последовательно реализуемые в его же научной практике. Один из таких научно-этических устоев идеологии М.И. Артамонова побудил меня к исполнению этого этюда, по-видимому, не очень созвучного тональности общетриумфальных оценок состояния современной археологии.

М.И. Артамонов никогда не боялся самого смелого поиска, никак не отвечающего установившимся канонам, но никогда и не держался за высказанные им суждения в случае обоснованной их критики. Ему был дан дар искренней благодарности за справедливые коррективы, как и способность радоваться подлинным научным достижениям своих оппонентов. Сам по себе авторитет учёного в его глазах не служил особым аргументом, и он на протяжении всей научной жизни не прилагал ни малейших усилий для типичного в ту пору укрепления позиций, “полезных” связей или, иначе, обеспечения личной карьеры. Особое значение М.И. Артамонов, по его же словам, «любящий науку в себе, а не себя в науке», придавал постоянному, нацеленному на объективность самоанализу своего труда. Линия жёсткой самокритики не случайно приобретала всё большую силу в последние годы его жизни – по долгу совести так им выполнялся очень важный для “чистоты” науки, но столь редкий в современности акт «Mea culpa» науки (заключительного покаяния). Замечательным документом такой самоотверженности и, одновременно, духовным завещанием исследователям идеологически является самый последний его труд – проникнутый заботой «исторического реализма» энциклопедический очерк «Первые страницы русской истории в археологическом освещении» (в силу его полного расхождения с пропагандистским квазипатриотическим официозом публикация состоялась только на заре «нового времени» – в 1990 г., да и то с купюрами и после редакторской правки).

С такой “артамоновской заповедью” – итоговой обязанностью каждого учёного в части строгой, отрешённой от личных интересов и амбициозности оценки состояния области его научных интересов – этически полностью согласуется другая установка, касающаяся критерия морального права на археологический поиск. В наставлении аспирантам она формулировалась кратко примерно так: чем бы ни занимался учёный,

какая бы частная деталь ни поглощала его внимание, всегда необходим нелёгкий путь уяснения того значительного, настоятельно требующего своего раскрытия, которому будет служить предприинимаемый, на первый взгляд, изолированный опыт. Ощущая всегда свой гуманитарный долг, М.И. Артамонов категорически отрицал восприятие археологом своей дисциплины как кастовой сферы личного самоудовлетворения.

Моё целенаправленное обращение к теме отражения в реалиях культуры эпох камня процесса становления сознания и генезиса архаического мировоззрения, никак не входящей в основное поле проблематики первобытной археологии наших дней, напрямую было определено волей моего Учителя. Со студенческих лет я сугубо факультативно, вне официальных планов, а по собственной потребности мучительно размышлял о великих тайнах духовного рождения человечества. Интимный характер этих занятий был нарушен, когда я позволил себе выступить в ЛО ИИМК на обсуждении предельно спекулятивного («идейного» и атеистического в духе времени) доклада «О происхождении искусства». Сразу после этого я услышал от немногословного наставника, прошедшего в молодости хорошую художественную школу: «Вы, чёрт возьми, сами не понимаете, что нашли. Отдайте все силы этой проблеме. Ставлю Ваш доклад в марте 1960 г. на пленарном заседании научной сессии Гос. Эрмитажа». По приказу М.И. Артамонова мне пришлось защищать и «искусствоведческую» докторскую диссертацию, выполненную в порядке хобби. В ответ на мои просьбы об отсрочке слышал: «Я непременно должен быть на защите, а времени уже, увы, осталось очень мало». Защита состоялась 27 апреля 1972 года, а утром 31 июля того же года сердце Учителя, более полувека так жертвенно служившее людям, остановилось.

Мемориальное предварение основного содержания статьи, наверное, несколько растянулось. Оправдание тому мне видится в суждении, что память о действительной личности Михаила Илларионовича (по эрмитажному прозвищу «фельдмаршала» в связи с его полной неустрашимостью даже перед наивысшим начальством) – это наше общее достояние. А резонанс его жития в ауре интеллигенции родной ему тверской земли особенно уместен.

* * *

Очевидно, что высшие психические функции как реальная основа мышления *Homo* развивались, качественно трансформируясь, с момента выделения человека из мира животных – т.е. примерно на протяжении 2,5 млн. лет. А современное познание этого колоссального начального фундамента всей психики каждого из нас ещё не заняло в науке должного места, представляясь чем-то факультативным. Как следствие такой индифферентности в отношении первобытной бездны истории, хронологически занявшей более 99,8% всей биографии человечества (!), практикуется широкая “свобода” суждений, никак не сопряжённая хотя бы с минимальной логико-фактической аргументацией и опирающаяся на “очевидности” здравого смысла (по модели «*Quoi par?*»). Всё это составляет благодатную среду для продолжающейся уже более столетия, но теперь уже латентной биологизации всей родоначальной «доистории». В совершенно явном облици она представлена, к примеру, шумным явлением науке «палеопсихологии» Б.Ф. Поршнёва [1]. С другой стороны, игнорирование изначально дуалистической социо-биологической природы человека и неповторимо органичной специфики первых актов мышления человеческого типа неизбежно приводит к модернистской деформации всех определений в культуре «селой старины».

Итак, дефицит историзма в интересующем нас арсале знаний очевиден. В литературе преимущественное внимание уделяется близким нам по времени, чуть ли не сиюминутным плодам психогенеза, образованным как бы спонтанным самозарождением, вне почвы, накапливавшейся поколениями. Исключение из исследовательского поля скрытой от прямого наблюдения корневой системы каждого фундаментального акта психики, в своём зачатии глубоко уходящего в ретроспективу эволюции, практически ведёт к девальвации конкретно-исторического принципа в сфере духовного наследия, где ему принадлежала решающая роль.

Казалось бы, что в интересах объективности и некоторого утешения следовало бы обязательно упомянуть широко известные палеоэтнографические инициативы – от классического эволюционизма Э. Тейлора до последующих опытов социологической школы Э. Дюргейма, структурализма и функционализма. Но именно эти теоретические направления так последовательно обходят стороной археологические источники, как если бы таковых вообще не было. В этом отношении, например, впечатляющим диагностическим показателем, скажем так, этнографического “осовременивания” проблемы и зачёркивания её глубочайших генетических родников служит хрестоматийно известная работа А. Леви-Строса с многообещающим названием «Первобытное мышление» (русское издание 1994 г., издательство «Республика», М., серия «Мыслители XX века»). Подобная источниковедческая деформация, конечно, не случайна: она производна от того, что этнографический потенциал погружения в прошлое, его хронологическое “дно” в основном лимитируется самым финалом первобытности (стадиально по археологической периодизации – мезолит, “стартовавший” в Европе около 10000 лет тому назад). Последующий зондаж на буквально астрономическую глубину предшествующих эпох может опираться почти исключительно на отрывочные археологические реликвии древнейших фаз культуры – столь же объективно правдивые, как и предельно трудные для “чтения” фрагментарные элементы вещественной летописи прошлого. Понятно, что в этом контексте само собой разумеется предельное вспомоществование научной атрибуции ископаемых реалий со стороны сопредельных дисциплин и точных методик.

Теоретической установкой каждой подобной операции – от типологического анализа галечных чоплеров первородной индустрии камня *Homo habilis* (Олдувай) до эстетической оценки Альтамыры, Ляско неопантропа как «Сикстинских капелл» ледникового монументализма – служит парадигма одухотворённости

абсолютно всех произведений человеческих рук, конечно, исторически специфичной на каждой ступени антропогенеза.

Исходный постулат о многопланово сложной, разного уровня и семантики материализации особого течения мысли и чувств в любом артефакте, категорически противостоящий щорам биологизации человеческого начала, отвечает аксиоматическому уровню исторической логики. Тем самым развеивается бытующее профанированное представление о полном отсутствии первичной документации, отражающей конкретное становление высших психических функций и, следовательно, отрицается правомочность свободной фантазии на эту тему как якобы единственно возможного подхода к тайне рождения интеллекта.

Неисчислимое, умножаемое с каждым сезоном полевых исследований обилие потенциальных записей работы архаичного мозга само по себе никак не облегчает операцию их хотя бы гипотетической дешифровки. Подавляющую часть археологов-первобытников, начиная с их палеолитического колена, такая задача вообще не волнует. Высшая цель их исследовательской программы традиционно обозначается предельно искусственным формальным анализом, максимально опирающимся на точные естественные методики. Такая процедура представляется исчерпывающей научной самоцелью, и характер её реализации определяет профессиональный рейтинг исполнителя. В итоге опытный фонд археологических исследований генетико-психологического плана близок к нулевому. Нам первостепенной гуманитарной целью в этом круге исторических проблем представляется развёрнутая конкретно-историческая постановка задач и разработка начальной азбуки социогенетического источниковедения.

Вдохновляющую поддержку такая трудная инициатива историографически находит в редких случаях гуманитарного дальновидения археологов, сбросивших вериги палеоэтнографической ограниченности. В таком ракурсе принципиально особо значительной оказалась интеллектуальная диагностика устойчивой и определённой формы «ручного рубила» питекантропа (ведущего типа индустрии ашельской эпохи, начавшейся в Европе около 700000 лет назад) как древнейшего памятника человеческой мысли. К такому заключению пришли примерно одновременно, но независимо друг от друга Г. Чайльд [2] и С.Н. Замятнин [3]. Г. Чайльд (публикация переводной статьи в 1957 г.) увидел в этом артефакте «ископаемую концепцию», «идею», «понятие социальное». Иконические архетипы рождавшегося анимализма он же оценивал как «материальное воплощение духовных переживаний». С.Н. Замятнин (посмертная публикация в 1961 г. материалов из рукописного архива исследователя) особенно подчёркивал значительность этого свидетельства закрепления в развивавшемся мозге устойчивого образа, говорящего, дополнительно заметим, уже о значительном рубеже кристаллизации целенаправленного в раннеплейстоценовой индустрии камня.

В начале 1970-х годов к задаче специального анализа древнейшего формообразования в процессе изготовления нижнепалеолитических орудий как специфическому “зеркалу”, частично передающему начальную эволюцию человеческого интеллекта, обратилась психологическая школа Ж. Пиаже на базе теории интериоризации. Эта инициатива уже в самом её начале открыла частичную перспективу извлечения стадильной “духовной” информации из увековеченного в орудиях целевого потенциала. На таком фоне особенно контрастно проявляется косность, даже, образно определяя, “ископаемость” генеральной программы современного палеолитоведения. При всей триумфальности богатейшего куста новых, порой чуть ли не фантастических по возможностям, точных методик общепсихологическая миссия археологии девальвируется императивной монополией биологизаторских установок, близких к взглядам “археологов-натуралистов” палеоэтнологии второй половины XIX в. Оправданием такой процедурной ограниченности служит догматическое определение археологии как вспомогательной, исключительно источниковедческой дисциплины, поставляющей лишь сырьё для исторических дешифровок и обобщений. Но в структуре современной науки адресат для более высокого уровня панорамных реконструкций и заключений попросту отсутствует, поскольку непеременимым условием восприятия первобытного бытия, приближенного к древней реальности, практически является опыт археолога (как кабинетный, так и, особенно, полевой), накапливаемый в течение длительных специальных работ.

Примерно к двадцатилетию моей археологической биографии (началу 1960-х годов) интерес к “духовности” эпох камня, таящейся как в бытовых артефактах, так и во впечатляющих символических памятниках, перерос рамки хобби и приобрёл более серьёзный характер. В итоге к настоящему времени я пришёл к выделению и некоторому осмыслению (обычно на самой предварительной гипотетической основе) ряда внешне различных вопросов, сходящихся в общем фокусе проблемы ментального рождения человечества.

Теоретическая база наших опытов атрибуции и дешифровки – исторический материализм (не догма, а только метод, выверенный и калиброванный показателями конкретного анализа), “надстроенный” концепцией духовной сущности человеческого феномена (В.И. Вернадский, Тейяр де Шарден). Принцип применяемых методик на начальной ступени – сравнительно-имманентный анализ (выделение “цепей” социально-творческого наследования с опорой лишь на “чистую линию” археологических материалов и, конечно, общенаучные представления, но без влияния “подсказок” со стороны сопредельных дисциплин) как первая ступень подготовки конечного комплексного исследования.

Итог того, что ум скопил в более чем сорокалетних “факультативных” попытках видения в мёртвых реалиях прошлого теги древней «человеческой чувственной деятельности, практики» (К. Маркс) сводится к следующему хронологическому ряду рабочих этюдов:

- Археологическое решение проблемы грани выделения человека из мира животных.
- Эволюция олдувайско-мустьерской индустрии как документ первоначального «материального производства» идей (К. Маркс).

- Оценка «трудовой теории» Ф. Энгельса (критика догматического истолкования, историческая конкретизация).
- Раскрытие «великой тайны мустьерских шаров».
- Психо-физиологическая аура коллективной охоты ашель-мустье как горнило удвоения коллективной деятельности и зачатия духовной сферы.
- Эмбриональные ступени анимализма (поздний ашель-мустье).
- Древнейшая элементарно-охотничья иконическая система знаков (мустье).
- Специализированные формы социального наследования (институт инициаций в свете архаичного «материального общения» по К. Марксу) как реальность неандертальского социогенеза.
- Генезис иконического творчества в палеолите (три ступени в культурах палеоантропа – неантропа). Его историческая миссия как «мастерской сознания».
- Коллективная природа и историческая миссия творчества неантропа как «мастерской сознания».
- Критическая оценка априорного понятия «искусство палеолита» и сопряжённой с этим терминологии («наивный реализм» и т.д.).
- Генетическая природа анималистических шедевров («фреска» Альтамиры и др.).
- «Летящий галоп» в передаче движения – знамение гениальности (С. Рейнак [4] и др.) или же, напротив, следствие творческой ограниченности неантропа?
- Гносеологические основания монополии женского образа в теме человека.
- Семантика женского образа в культуре неантропа.
- Матриархат – не социальная система, а гносеологическая идеология.
- Генезис верхнепалеолитического понятия «человек» вообще.
- Становление орнамента (на мотиве зигзага). Семантическая нагрузка каждого иконического элемента.
- Освоение геометрических фигур (шар и круг, угол и треугольник; загадка прямоугольных построений).
- Материальное отражение идеи охотничьей магии, как и тотемистических, фетишистских, анимистических представлений.
- Хронологическая вторичность эстетического в анимализме неантропа.
- Специфические особенности творческого мышления верхнего палеолита (узкий круг образных доминант, концентрирующих на себе сознание; вероятность особой энергетики коллективной фантазии; материальная кристаллизация идей; буквализм идейного выражения представлений; исполнительская эволюция в границах многотысячного господства канона).
- Особая роль родоплеменного мировоззрения как решающей социальной силы.
- Генезис начально специфической (профильно-полосовой) перспективы в мезолите как следствие новой меры пространства, данной лучной охотой.
- Мезолитическое выделение родоплеменного протогероя в связи с развитием культа предков.
- «Мёртвые объединяют живых» (О. Конт).
- Мировоззренческая природа мезо-неолитического этнокультурогенеза в северных регионах господства присваивающей экономики.
- Великая каменная летопись севера Европейской России (петроглифы Карелии) как монументальные мировоззренческие ансамбли.
- Петроглифические «кафедральные соборы» Фенноскандии как особые энергетические центры этносоциокультурогенеза.
- Проблема социокультурной «реабилитации» древнего Севера по интеллектуально-творческим показателям осуществления человеческого феномена.

Перечисленные темы разработаны в различной степени (от лишь начальной постановки вопроса до, реже, рабочего наброска и гипотетического оформления), но во всех случаях эти опыты характеризуются конкретно-исторической направленностью и выходят за господствующие в археологии границы формальных операций.¹

В разыскании глубочайших корней духовности человека уповать приходится лишь на непреложную истину – дорогу осилит только идущий. Если не мы, – то, хочется надеяться, приходящие в науку новые поколения, которым «надо идти, не боясь пути».

¹ Более развёрнутое обоснование ряда этюдов представлено работами автора, указанными в опубликованном списке его научных трудов (см. сб. «Археология в пути или путь археолога». Ч. 1. Столяр А.Д. Путь археолога. СПб., 2001).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поринев Б. Ф. На заре человеческой истории. М., 1974.
2. Чайльд Г. Археологические документы по предыстории науки // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1-2.
3. Замятин С. Н. Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
4. Reinach S. Répertoire de l'Art Quaternaire. Paris, 1913.

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург*

A.D. Stolyar

**ABOUT CONSCIOUSNESS' COMING-INTO-BEING IN THE LIGHT
OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES OF THE STONE EPOCHS
(to the Problem Formulation)**

Summary

The creative influence of the outstanding archaeologist, the native and the patriot of the Tver land professor M.I. Artamonov has been the decisive one in the scientific biography of the author for more than a quarter of a century (1946-1972). Just to him the author is obliged for the fact that the theme of the Thought genesis in its archaeological reflection has gradually become the main one in his studies. The first condition for rising such a historical problem was the necessity to reevaluate the declining narrowness of the contemporary Primitive archaeology's programme as a stable consequence of biological interpretation of the whole Pleistocene culture which has been made by the primary palaeoethnology of France (the second half of the 19th century).

Having finished the research (1972) devoted to the problem of the origin of the Late Palaeolithic animalistic art, the author projected over 30 topics of archaeological sources' analysis in the aspects of epochal primitive psycho-genesis as it is reflected in them. These themes developed to various (evidently in most cases to the level of primarily raising of problems) present certain stages in social and cultural genesis from the Olduvay cradle of the Mankind to the taiga Neolithic of European Russia's north. Thus the first experience in this context ("Archaeological solution of the problem of the edge of determining the Man from the animal kingdom") is the consideration of the starting question of the Mankind history which is still under discussion, while the latest topic is devoted to the analysis of the unique connected with outlook monuments of the Mesolithic and the Neolithic in the north of European Russia (Oleniy Ostrov World of the Dead; grandiose petroglyphic collections of Onega Lake and the White Sea). Historical deciphering of the mentioned complexes dated to the final stage of stone epochs leads to raising the problem of social and cultural "rehabilitation" of the gray olden times of that region.

From the author's point of view the suggested initiative on the whole corresponds with the general task of archaeology which is an element of the entire system of humanitarian knowledge. This task is based on the principle of a concrete and historical identification of the coming-into-being oldest stages of the spiritual phenomenon of the Man.

*The State University of St. Petersburg
5, Mendeleevskaya Line,
St. Petersburg, 199034, Russia*

А.Д. Столяр

ФЕНОМЕН ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (мезолит Карелии)

Наверное, в жизнь каждого археолога вошёл какой-то особый памятник, определивший многое в его труде, да и в течении бытия. Для меня таким уникалом явился, как я только теперь осознаю, Оленеостровский могильник, который сначала однозначно относили к неолиту. В 1937 году после окончания 9-го класса бывшей гимназии Мая я на протяжении двух месяцев впервые участвовал в его раскопках экспедицией под руководством В.И. Равдоникаса (командировочное удостоверение № 59/67, подписанное академиком И.И. Мещаниновым). В результате этого лета спорная дилемма выбора вуза (археология или под руководством П.Н. Шульца история искусства в Академии художеств) была мной решена предпочтением истфака ЛГУ.

В дальнейшем я в раскопках археологических памятников Карелии не участвовал. Но спустя примерно пятьдесят лет с моего школьного старта я мысленно вернулся к комплексу онежской усыпальницы, за это время "постаревшей" на порядок (бесспорный мезолит) благодаря прогрессу культурно-хронологической атрибуции (инициатива В.Ф. Филатовой, 1972 г.) и ставшей хрестоматийным памятником раннеголоценовой поры на севере Европы.

При множестве обращений в отечественной и зарубежной литературе к его материалам, на мой взгляд, в полном забвении оказались откровенные проблемы исторического генезиса грандиозной усыпальницы лесной зоны, как и выяснение её исключительной этносоциальной миссии. Именно таким темам на фоне общепанорамной эпохи лука и стрел посвящается этот краткий этюд, нацеленный только на первичную постановку, думается, больших, общеисторического порядка вопросов, но никак не их решение.

* * *

Освобождение Восточной Европы от ледникового плена как бы поставило, начиная с 12-10 тысяч лет тому назад, колоссальный экологический эксперимент – конкретнее, экзамен на выживание человека в этой части ойкумены. Постепенно установился близкий к современному, а порой и более мягкий климат, облегчивший условия жизни и тем способствовавший росту народонаселения. Но одновременно природа согласно закону сопряжённости всех факторов её системы оплатила эту трансформацию сугубо отрицательным для социумов явлением – крайним обеднением основного состава той ледниковой фауны, добытие которой удовлетворяло все материальные запросы культуры верхнего палеолита. С начала голоцена единственной анималистической "надеждой" охотника остаётся сохранивший свою численность северный олень. Но и он, отвечая на новые климатические условия, постепенно откочёвывает в высокие широты.

Драматургию ситуации в раннем голоцене можно прозаически определить тем, что стало тепло и, одновременно, очень голодно. Естественно возрастающая в критической ситуации социальная энергия была направлена прежде всего на удовлетворение жизненно первичной и самой властной потребности – в пище. Надрывные усилия длинной цепи поколений привели к двум совершенно различным путям спасения, обусловившим особые экономические основания бытия и, как следствие, весь "имидж" культур в каждом случае.

Первый вариант представлял механизм исторического "бегства" от голода, всё нарастающего в ареале первичного расселения. Родовыми коллективами неизбежно выделялись группы "лишних ртов". Такие изгои выталкивались из сообщества и по необходимости, в поисках мало-мальски удовлетворительной экологической площадки, начинали странствия, растянувшиеся на столетия. При эмпирической хаотичности такого движения, в конечном счёте его равнодействующей служила северная ориентировка, отвечавшая трассе отступления северного оленя. Конечное решение задачи выживания, документированное возвращением к стабильной осёдлости, было достигнуто только в лесной полосе и продолжавшей её лесотундре. Основой хозяйства по-прежнему оставалось присвоение уже готовых продуктов природы, правда, подвергнувшееся необходимой адаптации к новым условиям (особое значение водного промысла, интенсификация лесного собирательства и т.д.).

Сохранившая аборигенность часть населения южной зоны пошла по другому пути органической перестройки и, скажем так, творческого обогащения приёмов и способов эксплуатации природной базы. Труд-

Рис. 1. Молодые участники Оленеостровской экспедиции 1937 года.
Студенты III курса кафедры археологии ЛГУ В.Д. Рыбалова и Е.А. Лошкарёва (Векилова), II курса – Т.Д. Родионова (Белановская) и Д.А. Бенуа, школьник 10 класса А. Столяр

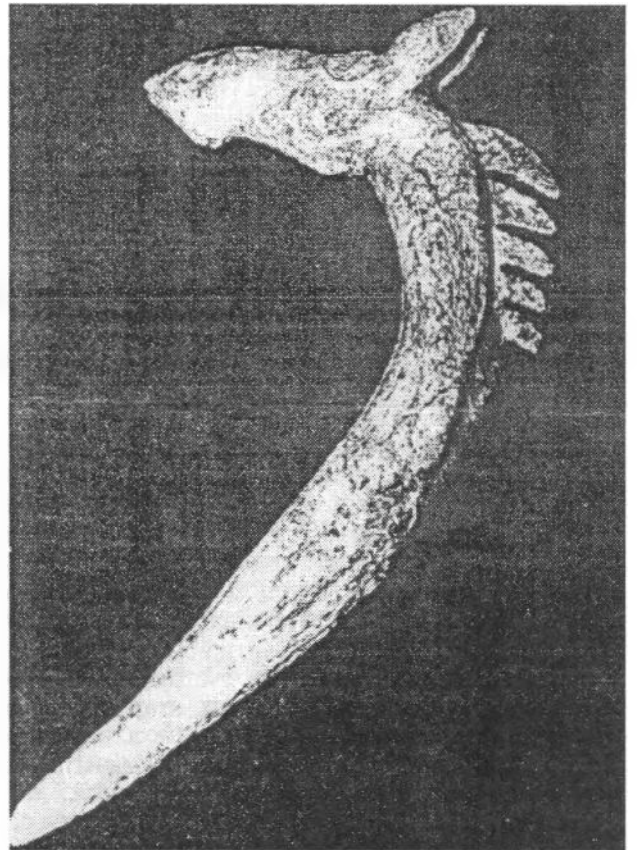

Рис. 3. Оленеостровский могильник.
Скульптурная роговая рукоятка из погребения 153

Рис. 2. Шестьдесят лет спустя.
Семинар эстонско-финского общества "Истории первобытного искусства" в Санкт-Петербурге. Кунсткамера. Февраль 2000 г. Доклад А.Д. Стояра о комплексе Оленеостровского могильника.
Средний кадр: в центре – Т.А. Попова

ности пропитания стимулировали внедрение в сознание начал первобытной экономики. Так в прежнюю практику входили новые производственные операции – будь то элементарные ростки доместикиции животных или введение в процесс специализированного собирательства начального акта посадки "дикой" культуры. Во всём этом таилось образование почвы того производящего хозяйства, которое затем, сформировав отрасли земледелия и скотоводства, с момента старта «неолитической революции» Юга представило ведущий принцип потребительской связи человека с биологическими ресурсами природы.

На этих заключительных ступенях эпох камня глубинная обусловленность хозяйственных форм природными условиями отчётливо передаётся разделённостью двух ареалов культур и сопряжённостью каждого из них с определённой ландшафтной зоной Восточной Европы. Так, археологические памятники складывавшегося производящего уклада жизни концентрируются в границах степей Юга, а комплексы, продолжавшие существовать за счёт генетически архаичного прямого присвоения «даров природы», рассеяны отдельными точками по необозримому пространству лесов.

Очень наглядно подобная региональная дифференциация подтверждается резкими различиями в суммарном облике культуры каждого из этих массивов. На Юге: возраставшее народонаселение начинало оказывать давление на производительные силы, стимулируя течение истории; умножались нормативные потребности коллективов, расширялись разноплановые межплеменные контакты и взаимодействия. Всем этим разворачивался универсум культуры, словно опалённой солнцем и отражавшей в себе его яркость, подвижность и энергетику. Вроде бы в нарочитую противоположность тому вся специфика Севера (редкое население, территориально изолированные небольшие стоянки, сугубо натуральное, статичное хозяйство, не создающее никаких меновых эквивалентов) обуславливала внешне неброский колорит культуры, как бы созвучный неизменно суровой мрачности непроходимой вечной тайги.

В такой сравнительной диспозиции культурно-ценностная противоположность мезолитических полюсов Юга и Севера получила аксиоматическое признание. По мере продолжающихся сенсационных раскопок на Юге она приобретала всё большую наглядность, а синхронная археология Севера, со своей стороны, по-прежнему, как казалось, ничего впечатляющего предложить не могла. Психологическим следствием подобного контраста явилось представление о первобытном Севере как безнадёжной обочине истории, регионе, не внесшем на протяжении тысячелетий (со времени его освоения мигрантами с Юга и вплоть до эпохи раннего железа) ничего сокровенно-значительного в общечеловеческий пантеон культуры.

Как нечто непререкаемое я со студенческой скамьи принял такое пессимистическое для рейтинга археологических памятников Карелии кредо. Лишь в последнее время анализ специфических памятников (мировоззренческих по функциям) Онежского озера – Оленеостровского могильника и петроглифов Бесова Носа – в аспекте тезы о духовной основе человеческого феномена приводит к противоположному заключению, актуализируя проблему социокультурной реабилитации древнего Севера Европы. Существенным толчком к такой ревизии сравнительных оценок послужили некоторые итоговые положения исторической лингвистики. Конкретно, по данным глоттогенеза, завязь финно-угорской консолидации в границах колоссального региона (от Урала до Прибалтики) приходится на финал мезолита и продолжавший его лесной неолит. Следовательно, центростремительные процессы генезиса масштабных социокультурных общностей стартовали на Севере и Юге примерно синхронно. Загадочность подобной одновременности заключается в том, что для Севера, в отличие от Юга, полностью обеспеченного всеми катализаторами возрастания общественной массы, совершенно невидимыми остаются энергетические факторы преодоления естественной изолированности отдельных малых групп различной генеалогии. Столь могучее социальное течение без рождавшей его силы? Касаясь такого парадокса, выдающийся русский финно-угровед Д. В. Бубрих, насмерть затравленный в разгаре послевоенной «борьбы с космополитизмом», считал важнейшей задачей науки фактическое выявление социальных "контактов" как движителя и механизма "лесного" этногенеза [1]. Сейчас, спустя более полувека после его призыва, мы остановимся на предварительном опыте некоторых поисков в данном ключе, опираясь, как это уже было отмечено, на выдающийся мировоззренческий ансамбль древней Карелии – поражающий своим гигантизмом Оленеостровский могильник.

Онежский «остров мёртвых»

«Самый большой из известных в Европе некрополей каменного века» [2, р. 35] размещался в северо-восточном секторе Онежского озера на Южном Оленьем островке, который в раннем голоцене в условиях значительной трансгрессии представлял собой небольшой буторок суши, едва поднимавшийся над водной стихией. Наиболее обоснованная дата могильника приходится на интервал от второй половины VII тысячелетия до начала V тысячелетия до н.э.

Раскопками В.И. Равдоникаса (1936-1938 гг.) было зафиксировано 177 захоронений, сопровождаемых незаурядным инвентарём (всего 7132 предмета), в котором особенно выделяются пледеры роговой скульптуры. При определении же былой "ёмкости" усыпальницы следует учитывать, что действовавший здесь до 1937 года карьер по добыче известняка, очевидно, уничтожил более половины древних могил. Поэтому можно предполагать, что могильник в реальности аккумулировал на своей площади примерно 400 мезолитических погребений. К тому же, пытаясь представить оставивший его коллектив, надо принять во внимание, что в нём хоронились отнюдь не все покойники отдельного социума. К этому суждению приводит ряд наблюдений разного плана (явная выборочность выявленных погребений по возрастному показателю; функционирование некрополя только в летне-осенний период; необходимость нелёгкой водной экспедиции в каждом случае и др.).

Гигантизм некрополя, противоречащий и времени, и географии его существования, выделяется особенно резко на фоне численных характеристик других синхронных аналогов. Так, могильник у натуфийского поселения Эль-Нан – самый большой в Палестине, представлявший авангардный центр культурно-экономического развития на рубеже наступавшего голоцена, – насчитывал 150 погребений. На Юге Европы в уникальном погребальном центре Мугем (Португалия) в отдельных кладбищах было открыто от 5 до 52 захоронений и лишь в одном случае 120 могил. Что же касается зоны присваивающего хозяйства, то здесь, вроде бы, единственным "нормальным" стандартом могли являться мининекрополи типа Тевьека (12 погребений) и Гоедика (7 погребений) на островках Морбигана (Нормандия). Кстати, отражая прямую связь в контексте стоянка – могильник и относясь к тарденуазу (примерно, VI тыс. до н.э.), они оказываются современниками онежского «острова мёртвых».

Впечатление необъяснимости оленеостровковой аномалии во многом покоится на том, подчеркнём ещё раз, что при исключительной, можно сказать, "международной", археологической популярности памятника проблема его происхождения, истории, охватывавшей не менее нескольких столетий, и функций (субъективных посылок и объективных последствий) до последнего времени выпадала из поля активного научного обсуждения. К примеру, исходные усилия автора (Н.Н. Гуриной [3]), которому мы обязаны монографическим изданием этого комплекса, были направлены на поиски стоянок на соседнем Клименецком острове, обитатели которых априорно считались единственно возможными учредителями некрополя. Несостоятельность такой простейшей увязки документируется как разномасштабностью сопоставляемых комплексов, так и рядом других, не менее весомых особенностей могильника [4]. К ним, в первую очередь, относится определённо неоднородный антропологический состав погребённых (по К. Джекобсу, – «мезолитический сэндвич» [2]), а также значительные вариации погребального обряда.

В целом памятник оказывается однозначно гетерогенным, что ориентирует на разыскание его оснований в диапазоне достаточно значительного ареала стоянок. Обратившись с подобной целью к археологической карте Заонежья, сразу же следует фиксировать расположение «острова мёртвых» у входа в самую большую губу озера – Повенецкую, протянувшуюся на север на 140 км. Представляя обширную и для таёжной зоны относительно благоприятную экологическую нишу (ландшафтно-рельефное разнообразие, наличие береговых террас, большая, но доступная мезолитической эксплуатации вода и др.), она, как показали многолетние археологические работы, была активно заселена уже в раннем голоцене. Не опасаясь большой ошибки, можно представить "мозаичность" такого оседания мигрантов, стартовавших задолго до этого из различных районов Юга и Юго-Востока. Как минимум, культура подобного сочетания стоянок должна была отличаться элементами немалого этнографического своеобразия.

Так замечаются две позиции на трассе сложной исторической связи – уголья Повенецкой губы как территория бытия коллективов и никому не принадлежавший островок, на котором вырос некрополь межплеменного масштаба. Как же мог возникнуть социальный механизм, связывавший живое и мёртвое в таёжной культуре в единую сложную систему, как могло осуществиться такое "общественное соглашение" в мезолите?

Поиски объяснения подобной ситуации требуют отказа от того догматического ограничения археологической программы, которое, по глубокому заключению Тейяра де Шардена, по-прежнему делает нашу науку только соматической, останавливающейся на полпути к истине. В интересах надстройки очень развитого формального анализа артефактов опытом действительной конкретно-исторической реконструкции необходимо вернуть автору археологического наследия его человеческую сущность. Он был постоянно заряжен неотступными "теоретическими" вопросами и переживаниями большой социальной силы; он даже, наверное, старался более самозабвенно, нежели мы, объяснить мир, понятно, в исторически доступной ему форме, а создаваемым им же фетишам и ритуалу поклонялся и следовал с той однозначной истовостью, которую нам трудно вообразить.

Пытаясь приподнять лишь уголок занавеса веков, скрывающего духовный мир мезолитических повенчан, можно, наверное, выделить одну тему общего для них социального стресса, неуловимо терзавшего сознание сменяющихся поколений. Общий для обитателей разных стоянок духовный кризис, лишавший коллективное сознание устойчивости и концептуальности в мифологическом истолковании бытия, был вызван тем, что все мигранты, вне зависимости от характера пройденного пути, утратили определённость в представлении о размещении мира мёртвых – того института, который был отмечен в эту пору особым развитием культа предков как мировоззренческой доминанты.

Островок за пределами обжитой губы, у открывающегося простора бескрайних воды и неба представил оптимальное для всех локальных групп Повенецкой губы решение "вечного" вопроса. Возникший некрополь сразу же приобрёл значение исключительного ансамбля, категорически противопоставленного бытовому миру стоянок. Последнее достаточно убедительно показывает особая стерильность его дневной поверхности (на общей площади раскопа в 2700 кв. м вне могил было найдено только четыре артефакта!), несмотря на его множественное групповое посещение, сопровождаемое материально выраженными обрядами.

Далее, продолжая попытку гипотетического эскиза генезиса могильника, можно поставить вопрос о его фундаторе (т.е. начальном захоронении). Психологическим кодом опознания подобного фундатора во всей массе открытых археологией субъектов онежского эпипалеолита служит суждение, согласно которому рождение подобной усыпальницы, сопровождаемое особой обрядностью, могло процедурно связываться только с исключительным, но отнюдь не рядовым захоронением. Опираясь на такую посылку при разборе

материалов некрополя, можно без особого труда назвать претендента на основополагающую роль фунда-тора «мира мёртвых», настолько убедительного, что серьёзные конкуренты ему просто не видятся. Имеет-ся в виду исключительное в квадрате (и по совершенно необычному положению покойного, и по уникаль-ному богатству инвентаря) погребение № 100, скорее всего, принадлежавшее патриархальному родопле-менному протогерою, дела и дни которого вышли за границы его родового коллектива и получили "рай-онную" известность. Касаясь хронологии погребения, нелишне упомянуть, что, по данным выборки ра-диоуглеродных определений (по 14 погребениям), оно оказалось исключительно ранним.

В этом захоронении могучий мужчина высокого роста был помещён вертикально (как бы стоя) в мо-гильной яме особой конструкции. Его голова поднималась над дневной поверхностью, на которую она опиралась нижней челюстью. В инвентарь погребения входило более 500 изделий (т.е. 7% от общего соста-ва всей коллекции некрополя), включая в это число ряд уникальных предметов. Анализ устройства моги-лы, позволявшего раскрывать верхнюю часть захоронения, а равно и нарочито композиционного разме-щения и покойного (строгий анфас), и символически наиболее знаковых предметов инвентаря ведёт к оценке этого уникаума как преднамеренного "зрительного объекта", которому адресовались посмертные обрядо-вые обращения (в том числе сопровождаемые фиксируемыми здесь материальными приношениями). При-нимая во внимание подобные функциональные детали, по существу весь этот комплекс можно определить в качестве антропоморфного "натурального идола".

Попутно нелишне заметить в интересах опознания связи времён хотя бы по одной ниточке образно-знаковой преемственности большую вероятность эволюционного перехода от специфически натурально-го (и уже в силу этого недолговечного) выражения эмбриональной идеи к классу искусственных деревян-ных идолов лесных культур. Промежуточным звеном подобной трансформации, завершившейся класси-ческими образцами (в Прибалтике – идолы Швянтойи II В и Сарнате), могло явиться вертикально уста-новленное на месте могилы маркирующее бревно.

Резюмируя всё изложенное, мы считаем возможным отметить выявление значительного в этнокультур-ном плане межплеменного контакта в мезолите Заонежья – генезиса общей погребальной традиции, суще-ственно содействующей мировоззренческой интеграции этнографически отличавшихся групп пришедшего населения. В данном случае история буквально подтверждает идею О. Конта о том, что «мёртвые объеди-няют живых».

Действие подобного, до недавнего времени не замечаемого фактора как основы архаичного пласта этнокультурогенеза, очевидно, не ограничивалось древним Заонежьем и, по-видимому, передаётся в раз-ных вариантах целой серией больших могильников финала эпохи камня (в частности, известными некро-полями Прибайкалья). А достаточно наглядно подобные механизмы, вероятно, отражаются значительны-ми погребальными комплексами палеоэтнографического характера.

В целом же основной итог нашего опыта заключается в выявлении мировоззренческой основы истори-ческого процесса в раннем голоцене лесной зоны. Подобная духовная энергетика, заключающая в себе прин-ципиальное отличие от экономических факторов социокультурного развития производящего Юга, нараста-юще проявляет себя на следующей – неолитической – ступени. Источниковедческим свидетельством тому служат уникальные петроглифические галереи Карелии. А в общем проясняется, что древний Север по репа-ющему индексу (работа ума) был не таким отсталым, как представлялось. И этим принципиально корректи-руется одна из неоправданных деформаций в картине древнего мира, воссоздаваемой археологией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д.В. Происхождение мышления и речи. Тезисы доклада на научной сессии, посвященной 125-летию ЛГУ. Л., 1944.
2. Jacobs K. Human Population Differentiation in the Peri-Baltic Mesolithic // Human Evolution. 7/4. London, 1992.
3. Гурша Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. 1956.
4. Столяр А.Д. Земное и сакральное "чтение" комплекса Оленеостровского могильника // Сакральное в культуре. СПб., 1995.

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург*

A.D. Stolyar

**A PHENOMENA OF OLENIY OSTROV CEMETERY
(THE MESOLITHIC OF KARELIA)**

Summary

The Oleniy Ostrov cemetery (177 burials were fixed in the course of the excavations carried out by the expedition headed by V.I. Ravdonikas in 1936-1938) is the largest and the oldest one (late 7th – 6th millenium BC) in Europe. The paradox is that such a gigantic burial-vault is situated in the high latitudes – in the zone of taiga with scarce population and absolute predominance of natural and self-sufficient appropriating economy.

Trying to explain such an anomaly one must stress the obvious heterogeneous character of the monument (concerning the variety of burial rites and its anthropological characteristics). Such a type of a cemetery supposes searching for the sites connected with it within a rather considerable area. Most probably, such a role was played by Povenetskaya “guba”, the largest bay of Onega Lake.

Considering the process of formation of such an “island of the dead” we have certainly to take into account a sufficient ethnographical diversity of the primary inhabitation of those places. The appearance of common burial activity which integrated different collectives might have been caused by mutual for them, constant and very strong spiritual and social stress under which those units lived. The reason for that was the loss of certainty in positioning of the world of ancestors in the course of multi-aged spontaneous migration. Such a “virtual” loss occurred just at the stage of the regular development of this cult. The optimal way out from that crisis of social consciousness was the formation of “an island of the dead” at the mouth of the mentioned above bay.

Next, addressing to the questions of the cemetery history we can reveal hypothetically the earliest burial, so to say, of the founder of the burial-vault. Such a role is played by a vertical burial 100, really unique due to many characteristics which could be the primary link in the chain of the anthropomorphic idols’ formation.

On the whole the basic result of this experience is the conclusion on the “outlook” nature of the Mesolithic and the Neolithic ethnical and social genesis in the Taiga zone of the old World. In this case the statement of O. Kont that “the dead unite the alive” is literally confirmed.

*The State University of St. Petersburg
5, Mendeleevskaya Line,
St. Petersburg, 199034, Russia*

М.Н. Желтова, М.А. Кулькова, Н.С. Карасёв, С.Н. Лисицын

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА КРЕМНЁВОГО СЫРЬЯ¹

Проблема классификации кремнёвого сырья остро стоит перед многими археологами, занимающимися камешным веком. Первые сложности зачастую встречаются уже при описании кремнёвого инвентаря. Многие исследователи используют совершенно различные системы описания сырья, в основном по цвету, восприятие которого весьма индивидуально. Использование различных опубликованных пособий, содержащих шкалы цветов, также не решает проблемы, поскольку их достаточно много в разных вариантах, и все, кто вообще ставит себе такую задачу, пользуются разными изданиями, где номера цветов не совпадают, следовательно, выработке универсальной описательной терминологии не способствуют. Кроме того, в этом случае в стороне остаётся структура сырья – фактор гораздо более существенный с точки зрения расщепления камня, нежели цвет. Часто для обработки сырья различного качества употреблялись различные технологические приёмы, и из разных групп сырья изготавливались разные категории орудий. Это могли делать одни и те же люди, использовавшие разнообразное сырьё, и разные группы людей, приспособившие сырьё из разных мест. Особенно существенным этот вопрос является для памятников со смешанным культурным слоем и местонахождений с подъёмным материалом.

Установление источников кремнёвого сырья, а также определение наличия импорта как сырья, так и готовых изделий являются очень важной частью исследования. Решение этих вопросов принципиально для установления возможных путей миграций и контактов различных групп населения в древности.

Это далеко не полный перечень проблем и вопросов, связанных с необходимостью классификации кремнёвого сырья. Данная проблематика разрабатывается для важнейших в археологическом отношении регионов Верхней Волги, Прибалтики, Среднего и Верхнего Поднепровья [1–4]. Исследователи ставят задачи реконструкции и палеоэкономических связей населения в каменном веке по добыче и распространению кремня. Индикаторами чаще всего выступают легко определяемые специфические разновидности кремня, такие, например, как чёрный и лиловый верхневолжские, пятнистый чёрно-серый деснинский, серый крупнозернистый сейминский и др. Находки орудий из такого характерного кремня вдали от его выходов свидетельствуют об экспорте сырья или маркируют миграционные пути древнего населения. Например, в Прибалтике практически не имеется собственных месторождений качественного кремнёвого сырья, и, по всей видимости, здесь в древности широко пользовались верхневолжским кремнем. Такой же кремень встречается на памятниках каменного века Ленинградской и Вологодской областей. Напротив, сейминский кремень имеет чётко очерченный ареал распространения, встречаясь лишь в мезолитических памятниках Белоруссии и на сопредельных территориях.

Таким образом, археология камешного века на отечественных материалах имеет довольно разрозненные данные по перемещениям кремнёвого сырья в древности. В настоящее время намечаются только пути распространения некоторых специфических видов кремня и собираются первичные данные по привязке материалов конкретных археологических памятников к определённым выходам кремнёвого сырья.

Принципиально другая ситуация в тех странах (например, в Польше, Дании), где в большой степени разработана система накопления геоархеологической информации [5–7]. Здесь разновидности кремнёвого сырья из археологических памятников связываются не только с районом расположения месторождения, но и с конкретными выходами кремнёвого сырья, построены периодизации доступности в разное время разных видов сырья, очерчены пути их распространения.

Всю сложность ситуации с исследованием кремнёвого сырья нам пришлось оценить при работе с каменным инвентарём памятников Двинско-Ловатского междуречья. Коллекции материалов каменного века с этой территории постепенно накапливались с 1962 года в ходе работ Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Микляева, а затем А.Н. Мазуркевича. Здесь было открыто значительное количество неолитических памятников, в том числе многослойных, и немало местонахождений подъёмного материала, относящихся к более раннему времени и не имеющих культурного слоя [8–9].

При исследовании кремнёвого инвентаря различных стоянок стала очевидной определённая специфич-

¹ Работа выполнена частично при поддержке РФФИ, грант 02-06-80456а.

ность типов кремнёвого сырья, использовавшегося разным населением данной территории в разное время. Например, чёрный кремь хорошего качества, использовавшийся обитателями стоянки Усвяты IV, сильно отличается от сырья с неолитических памятников долины р. Сертеи. В своё время это обстоятельство позволило выдвинуть гипотезу о доступности в разное время, в зависимости от палеогеографической ситуации, разных выходов кремня. Однако все попытки найти эти выходы оказались тщетными.

На местонахождениях, относимых к финальному палеолиту и мезолиту, ситуация с кремнёвым сырьём ещё более сложная. В целом, сырьё с местонахождений бассейна р. Усвячи достаточно близко сырью с памятников долины р. Сертеи. В основном оно характеризовалось как «цветной валунный кремь из морены» с небольшой примесью мелового кремня. Проблема заключается в его большом разнообразии и практически полном отсутствии местных источников кремня. Например, на полосе концентраций находок кремнёвого инвентаря вдоль берега р. Усвячи, известной под названием Лукашёнки III (III-1 – III-6), протяжённостью более двух километров представлено свыше 20 различных видов кремнёвого сырья, образующих 9 крупных групп самого разного цвета, качества и происхождения [10; 11]. Некоторые разновидности встречаются в большом количестве, другие представлены несколькими предметами (причём иногда только орудиями) (рис. 1). Вместе с тем, достаточно тщательно осмотрев выходы гравийной морены в этой местности, мы убедились, что она содержит различные породы, но только не кремнёвые. Не удалось найти кремня и в аллювии. Таким образом, оставалось лишь предполагать, что кремь принесён на эту территорию. Достаточно долго существовало мнение, что эта территория заселялась с запада, со стороны Белоруссии, и кремь, соответственно, должен был быть принесён оттуда [9; 12].

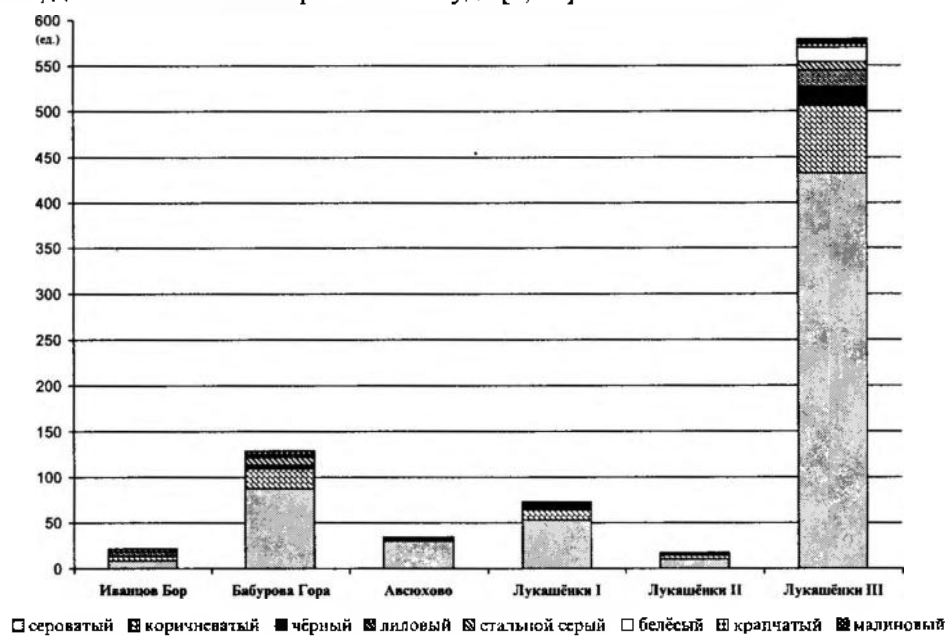

Рис. 1. Разновидности кремня

Все эти обстоятельства постоянно в течение многих лет возвращали нас к проблеме классификации и исследования кремнёвого сырья. Слишком много возникало вопросов в связи с этой проблематикой. Опыт проводившихся ранее исследований [1–4] не мог в большой степени помочь нам в этой ситуации, поскольку, в отличие от Верхней Волги, мы не имели выходов сырья, с которыми предположительно могли бы связать наши археологические материалы.

Было решено создать рабочую группу для разработки методики анализа и классификации кремнёвого сырья для такой ситуации на материалах Двинско-Ловатского междуречья. При этом предполагалось использовать различные методики и путём корреляции данных выяснить наиболее целесообразный метод решения проблемы. Благодаря поддержке Российского фонда фундаментальных исследований нам удалось осуществить наши планы, хотя и в небольшом объёме, и получить определённые результаты, которые мы и излагаем в этой статье.

В работе принимали участие геолог Н.С. Карасёв, геохимик М.А. Кулькова, археологи М.Н. Желтова и С.Н. Лисицын. Планировалось определение мест выхода кремнёвых пород на рассматриваемой территории и в сопредельных областях по геологическим данным, проведение петрографического, спектрального анализов образцов кремня из известных стоянок, а также изучение образцов методом инфракрасной спектроскопии (ИКС). Впоследствии данные анализов археологических образцов кремня должны были быть сопоставлены с данными анализов образцов кремня из месторождений. Эта часть работы остаётся пока в перспективе, поскольку из-за ограниченности во времени и финансировании осуществить её не удалось, хотя предварительные геологические исследования были проведены. На основании этих данных была составлена сводная таблица месторождений, перспективных для обнаружения интересующих нас конкреций кремнёвого сырья (табл. 1).

Таблица 1. Территории, перспективные для обнаружения коренных проявлений кремнёвых конкреций

Местоположение	Вид кремня	Вмещающие породы
Кармановский район Смоленской области	Конкреции пёстро-го кремня, жёоды кварца	Доломит белый, плотный, тонкозернистый с жёодами кварца
Новодугинский район Смоленской области	Прослой кремня, окремнённые известняки	Известняк плотный, светло-серый, в виде плит и кусков
д. Ржавец Смоленской области	Гнёзда кремня, окремнённые известняки	Известняк очень твёрдый, брекчиевидный, тёмно-серый и желтовато-серый с примазками яркой глины
д. Жерновка. Сычёвский район Смоленской области	Конкреции кремня и жёоды кварца	Обнажение в овраге известняков и доломитов
д. Киселёвка. Сычёвский район Смоленской области	Кремнёвые плиты, жёоды кварца	Доломит замешён кремнёвыми плитами. Территория заболочена
г. Смоленск. Рачевское месторождение. Большое Шевелёво	Кремни, окремнённые известняки	Петрографический состав гравия и валунов зависит от коренных пород, распространённых в районе месторождения
Восточная часть Смоленской области	Окремнённые известняки, кремни. Нижний карбон	Гравийно-валунный материал. Известняки – 26-30%. Кремни – 42-61%
Ново-Вяземское месторождение	Окремнённые известняки, кремни. Нижний карбон	Гравийно-валунный материал. Известняки – 29-49%. Кремни – 29-49%
Рубцовское месторождение	Кремни. Мел	Меловое. Известняки – 21%. Кремни – 8,5%
Пикалёвское месторождение. Ленинградская область	Желваки кремня, линзы окремнённых известняков. Нижний карбон	Известняки, местами доломитизированные. Венёвский, Тарусский, Стешевский и Протвинский горизонты
Угловское месторождение	Желваки и линзы кремней. Нижний карбон	Известняки с общим окремнением, известняки, участками слабодоломитизированные. Пачки II и III. Протвинский горизонт
д. Опошино 1-2. Ленинградская область	Кремнистый слой, рассеянные кремни, прослой, отдельные кремни. 0,12 м	Белый известняк с кораллами. Угловский горизонт
Овсищенское (Псковское) месторождение. Псковская область	нет данных? Девон	Карбонатные породы, сырьё для извести
Порховское месторождение. Псковская область	нет данных? Девон	Карбонатные породы, сырьё для извести
Улановское месторождение. Псковская область	нет данных? Девон	Карбонатные породы, сырьё для извести
Линнинское месторождение. Псковская область	нет данных? Девон	Карбонатные породы, сырьё для извести
Ильменское месторождение. Новгородская область	нет данных? Девон	Карбонатные породы, сырьё для извести
Передольское месторождение. Новгородская область	нет данных? Девон	Карбонатные породы, сырьё для извести
р. Можжинка, р. Б. Вяземка. Московская область	Кремни. Четвертичные отложения	В составе верхней морены. Содержания кремней 27,6-57,18%
Карьер Камушки. Москва	Конкреции кремня. Верхний карбон	Доломитизированные известняки

Перспективные горизонты в пределах листа О - 36

Карбон

Нижний отдел

Венёвский горизонт. Разрезы на Рагуше, Прикше, Мсте, Волге (Ржевское Поволжье). Известняк серый, пятнистый, массивный, на отдельных участках с отчётливой органогенно-обломочной структурой, нередко перекристаллизованный и доломитизированный с желваками и редкими цепочками синевато-серого фарфоровидного кремня.

Серпуховский ярус. Породы серпуховского яруса, относящиеся к тарусскому, стешевскому и протвинскому горизонтам, слагают верхнюю часть склона Карбонового уступа и западную часть Карбонового плато.

Тарусский горизонт. Разрезы по рекам Рядань, Рагуша, Прикша, Мста, Жукола, Паникля, в Ржевском Поволжье. Южнее линии Валдай – Бологое горизонт сложен доломитами, доломитизированными известняками и известковыми доломитами серого и желтовато-серого цвета, плитчатыми, участками сильно перекристаллизованными и окремнёнными с прослоями и линзами чёрных и коричневых кремней.

Стешевский горизонт. Разрезы по рекам Рагуша, Прикша, Мста, в Ржевском Поволжье. Сложен известняками, доломитами, мергелями, нередко сильно окремнёнными с желваками и цепочками желтовато-бурых кремней.

Карбон

Средний отдел

Московский ярус. Нижний подъярус. Верейский горизонт. Терригенные породы характеризуются слабой окатанностью зёрен и плохой сортировкой материала. На многих участках красные глины переполнены в основании горизонта обломками сильно выщелоченного протвинского известняка и кремней. В виде маломощного (0,5 -1,0 м) плаща покрывают поверхность протвинского горизонта, представляя собой эдвильные образования (кору выветривания) времени предверейского континентального перерыва. Описаны под названием "Высоковские слои".

Каширский горизонт. На многих участках породы средней и верхней частей горизонта окремнены (желваки кремня и кремнистый цемент в породе). В смедвинской литолого-стратиграфической толще выделяются светлоокрашенные фораминиферо-криноидные известняки с прослоями мергелей и доломитов, с линзами кремней и стиллолитами.

Карбон

Верхний отдел

Гжельский ярус. Клязьминский горизонт. Доломиты светлоокрашенные, кремнево-серые, тонко- и мелкозернистые, кавернозные, участками глинистые, нередко содержат желваки кремня и кремнистые прослои.

Проект предусматривал также проведение археологических работ в Усвятском районе Псковской области в бассейне р. Усвячи. Это было необходимо прежде всего для пополнения коллекции кремнёвого инвентаря, поскольку все материалы предыдущих полевых сезонов хранятся в Государственном Эрмитаже и было бы нецелесообразно подвергать музейные предметы разрушающим минералогическим анализам. Кроме того, требовалось внести некоторые уточнения в результаты проведённых ранее полевых работ и проверить предположения о наличии культурного слоя на некоторых местонахождениях.

В полевом сезоне 1999 года был собран подъёмный материал, представленный кремнёвыми артефактами, на известных мезолитических местонахождениях Лукашёнки I–III в окрестностях деревни Лукашёнки. Там же было открыто два ранее неизвестных пункта находок, названных Лукашёнки IV-1 и IV-2. В окрестностях деревни Авсюхово были обследованы два ранее известных пункта и открыт новый, получивший название Авсюхово III. Общее количество подъёмного материала составило более 2000 кремнёвых предметов, среди которых присутствуют как отходы производства, так и орудия, представленные скребками, резцами, ретушированными микропластинками, микроостриями, двусторонне обработанными топориками, черепковыми наконечниками стрел.

На самом древнем, финальнопалеолитическом, памятнике Иванцов Бор, откуда происходят два свидерских наконечника [8: 9, с. 229; 10], кроме сбора подъёмного материала, давшего более сотни находок, были проведены ограниченные раскопки на площади 20 кв. м для поиска культурного слоя. После снятия слоя современной пахоты удалось в стерильном ледниковом песке выявить остатки горизонта залегания находок, частично потревоженного золовым переиванием. Кремнёвый инвентарь составил более тысячи находок – как орудий, так и технологических отходов их изготовления, в том числе чешуек.

Все археологические материалы, за исключением некоторого количества отходов расщепления, отобранных для минералогического анализа, были переданы в Государственный Эрмитаж. Большой объём и разнообразие таких отходов обеспечило нам необходимую свободу в отборе образцов.

На следующем этапе необходимо было отобрать максимальное количество разновидностей кремнёвого сырья. Делалось это визуально всеми участниками проекта вместе. Всего был отобран 61 образец разного цвета и фактуры, причём лишь 48 из них происходили из материалов с памятников Двинско-Ловатского междуречья. Пять образцов были получены с р. Сож от белорусских коллег, шесть – из знаменитых кремнедобывающих шахт Красное Село (также на территории Белоруссии), два – с р. Десны: один – из окрестностей стоянки Пушкари близ г. Новгорода-Северского, второй – из Деснинских Жигулей. Все эти "импортные" образцы визуально были очень близки тем немногим меловым кремням, которые были найдены на памятниках бассейна р. Усвячи.

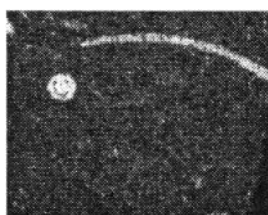
Данные минералогического анализа, полученные нами только по археологическим образцам, позволили приблизиться к решению задачи классификации кремнёвого сырья. Визуальное восприятие археологами различных видов сырья основано на большом опыте и развитой научной интуиции, тем не менее большинству исследователей хотелось бы иметь инструмент, позволяющий избежать субъективности в этом вопросе.

Петрографический анализ

Петрографические особенности образцов изучались в шлифах при помощи поляризационного микроскопа МП-3. Было исследовано 48 образцов. Кремнистые конкреции образуются минералами кремнезёма. Основными конкрециеобразователями являются халцедон, опал, кварц. Наряду с кремнистыми минералами конкреции содержат в виде примеси карбонатные минералы, окислы и гидроксиды железа, органическое вещество, глинистые минералы. Исследование текстурно-структурных микросоособностей и минеральных примесей позволило объединить образцы в несколько групп. Выделяются халцедоновые, халцедон-кварцевые и кварцевые кремни.

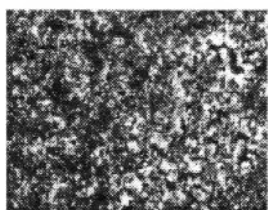
На рис. 2 представлен образец А10, являющийся скрытокристаллическим агрегатом, сложенным халцедоном, с включениями остатков микрофауны, замещённой опалом.

Рис. 2. Халцедоновый кремень.
Шлиф $\times 40$.

Образец кварцевого кремня А22 представлен на рис. 3. Это мелкокристаллический, хорошо раскристаллизованный кварцевый агрегат с рассеянными включениями гетита, гидрогетита и карбонатного вещества.

Рис. 3. Кварцевый кремень.
Шлиф $\times 40$

На рис. 4 представлен образец А1. Кремнь – плотный, скрытокристаллический, кварц-халцедонового состава с примесью рассеянного минерала чёрного цвета, по-видимому, гетита. Данные инфракрасной спектроскопии подтверждают наличие в образце гетита.

Рис.4. Кварц-халцедоновый кремнь
с примесью тонкорассеянного гетита.
Шлиф $\times 40$

Образцы L11, А6, содержащие органические остатки, представлены на рис. 5, 6.

Рис. 5. Органические включения в кремне.
Шлиф $\times 40$

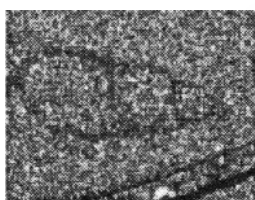
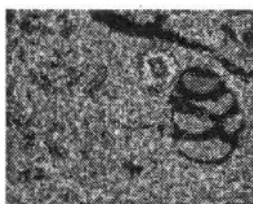

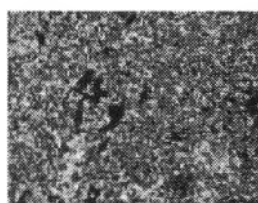
Рис. 6. Образец А6. Кремень
с органическими включениями.
Шлиф $\times 40$

Наблюдения микроорганических остатков дают возможность разделить кремни по возрасту на меловые кремнистые образования и карбоновые. Наличие фораминифер, радиолярий, губок, скопления диатомовых водорослей, разнообразие микрофауны позволяют отнести большинство образцов к образованиям мелового периода. Большое содержание растительных остатков и включения раковин брахиопод в образцах могут указывать на их принадлежность к карбону.

Некоторые образцы содержат примеси гидрогетита и гематита. Присутствие гидрогетита определялось по наличию рыжевато-бурых плёнок и налётов, хорошо видимых в шлифах без анализатора. Наличие ярко-красных и буровато-красных включений указывает на гематит (рис. 7, обр. А7). Образец представлен тонкозернистым халцедон-кварцевым агрегатом, в котором можно выделить зоны рассеянных включений гематита и гетита, а также отдельные крупные зёрна гематита, небольшое количество остатков микрофауны. Отдельные остатки микрофауны замещены карбонатным веществом. Наблюдается небольшое количество примесей гидроокислов железа (гидрогетита).

Рис. 7. Образец А7. Кремень с гематитовыми
и гидрогетитовыми включениями.
Шлиф $\times 40$

Исследования методом инфракрасной спектроскопии

Для установления минерального состава образцов и относительного количества в образцах примесей применялся метод ИКС. Съёмка образцов проводилась на приборе UR-22 в области $400-1800\text{ см}^{-1}$. В пробах обнаружены следующие минералы (табл. 2):

1. Кварц и халцедон определялись по характерным полосам: 462 и 512 см^{-1} , дублет в области 780 и 798 см^{-1} , 1080 и 1165 см^{-1} - Si - O связи. Дублет кварца в области $780-798\text{ см}^{-1}$ показывает степень раскристаллизованности кварца. Чёткий дублет с хорошо выраженными пиками указывает на присутствие большого количества кварца в образце по сравнению с халцедоном. Расплывчатый спектр в этой области указывает на халцедоновый состав.

2. Полосы поглощения для Fe - O связей расположены в области $400-700\text{ см}^{-1}$.

Гетит - FeOОН - 420 см^{-1} , 625 и 665 см^{-1} .

Гидрогетит - $\text{FeOОН} \times n\text{H}_2\text{O}$ - дублет в области $815-920\text{ см}^{-1}$.

Гематит - Fe_2O_3 - $540 - 550\text{ см}^{-1}$.

3. Полосы поглощения для слоистых силикатов расположены в области $950-1080\text{ см}^{-1}$, 460 и 520 см^{-1} - дублет, характерный для монтмориллонита.

Глинисто-гидрослюдистые минералы - 1030 см^{-1} , 960 см^{-1} , 1130 см^{-1} .

4. Полосы поглощения для C-O связей находятся в области $1400-1500\text{ см}^{-1}$ и 870 см^{-1} . Минералы группы карбонатов - 1470 см^{-1} и $850-860\text{ см}^{-1}$.

По составу примесей и их относительному количеству в образцах все образцы можно разделить на несколько групп: кремни с примесью гетита; кремни с примесью гидрогетита; кремни с примесью гематита; кремни, содержащие органические включения; кремни с карбонатной примесью; кремни с гидрослюдисто-глинистой составляющей.

Таблица 2. Относительное количество примесей минералов в образцах по данным ИКС

№ образца	Основная фаза	Гетит	Гидрогетит	Гематит	Глинистые минералы	Карбонатные минералы
A1	Кварц-халцедон	+++	-	-	+	+
A20	Халцедон-кварц	++	-	-	++	-
Пол1	Халцедон	+++	-	-	-	-
A13	Халцедон	+++	-	-	+	-
Пол2	Халцедон	+++	-	-	+	-
N1	Кварц-халцедон	+++	-	-	+	-
D2	Халцедон	+++	-	-	+	-
L6	Халцедон	+++	+	-	-	-
P2	Кварц-халцедон	++	-	-	++	+++
D1	Халцедон	++	++	-	+	+
A10	Халцедон-кварц	+	-	-	+	-
Kp5	Халцедон	-	-	-	-	-
A21	Халцедон-кварц	-	-	-	+++	+
M1	Кварц-халцедон	+	-	-	+++	-
Kp2	Кварц-халцедон	++	-	-	+++	+
Kp1	Кварц-халцедон	+	-	-	++	+++
M3	Халцедон	+++	+	-	++	+
L9	Халцедон	+++	+	-	++	++
A28	Халцедон-кварц	++	-	-	+++	-
A29	Кварц-халцедон	++	-	-	++	+++
A23	Кварц-халцедон	+	-	-	++	-
A24	Кварц	+++	-	-	++	+++
A30	Кварц	+	-	-	+	++
L4	Кварц	++	-	-	+	-
A5	Кварц-халцедон	++	+	++	+	++
A6	Халцедон	++	++	+++	++	+
A9	Халцедон-кварц	+++	-	+++	++	+++
A25	Халцедон-кварц	+++	+++	-	+	-

"-" – отсутствие минерала или незначительное количество его

"+" – малое количество минерала

"++" – среднее количество минерала

"+++” – большое количество минерала

Исследования методом спектрального анализа

Химический состав образцов был исследован с помощью метода полуколичественного спектрального эмиссионного анализа (табл. 3). Данные полуколичественного спектрального анализа по породообразующим элементам были обработаны факторным анализом, в результате этого выделено два наиболее значимых фактора с вкладами факторов в суммарную кумулятивную дисперсию 51,01% и 20,80%. В первой из этих компонент выделяется ряд Al_2O_3 (0,90), Na_2O (0,87), MgO (0,69), CaO (0,64), Fe_2O_3 (0,30), который отражает долю глинистого, карбонатного и железистого вещества, содержащегося в составе образцов кремня. Во второй компоненте проявляется антагонизм между Fe_2O_3 (0,89) и CaO (0,44). Второй фактор характеризует геохимическую обстановку образования (окислительно-восстановительную среду), обогащённость кремнёвых образцов окислами железа или карбонатной составляющей. По данным этого анализа исследованные образцы можно подразделить на группы: кремни с большим количеством окислов железа, кремни с примесью гидродистоглинистого материала и кремни с повышенным количеством карбонатной составляющей.

Таблица 3. Химический состав кремнёвых образцов по данным полуколичественного спектрального анализа (%)

Индекс образца	Si	Al	Mg	Ca	Fe	Na	P	Sr	Ti	Mn	Cr	Zr	Sc	La	Yb	Cu	Zn	Ag	B
A 1	30	0,25	0,02	0,015	0,12	0,02	800	60	80	10	40	160	3	10	0,5	8	20	0,15	100
A 2	30	0,2	0,02	0,02	0,15	0,015	800	80	80	10	30	6	3	10	0,5	15	30	0,1	100
A 3	30	0,3	0,02	0,03	0,2	0,015	800	80	100	10	80	8	3	10	0,5	40	25	0	100
A 4	30	0,2	0,02	0,015	0,25	0,01	800	80	80	8	20	8	4	10	0,5	8	0	0,25	50
A 5	30	0,25	0,02	0,012	0,2	0,01	600	80	80	10	50	6	4	10	0,6	12	25	0,15	60
A 6	30	0,15	0,02	0,01	0,25	0,006	600	80	80	10	50	8	4	10	0,5	15	25	0,25	40
A 7	30	0,2	0,015	0,06	0,5	0,01	800	80	80	10	50	10	4	10	0,6	15	20	0,15	40
A 8	30	0,1	0,015	0,003	0,8	0,006	800	60	80	12	50	10	3	10	0	10	20	0	20
A 9	30	0,25	0,015	0,03	0,15	0,015	800	80	80	8	50	40	4	10	0,5	10	0	0	80
A 10	30	0,25	0,015	0,02	0,15	0,01	800	80	80	8	50	25	4	10	0,5	15	40	0	20
A 11	30	0,25	0,015	0,012	0,4	0,02	800	80	80	10	30	30	4	10	0,5	10	0	0	50
A 12	30	0,15	0,015	0,012	0,15	0,015	800	80	80	6	50	5	3	10	0,5	8	0	0	50
A 13	30	0,25	0,015	0,02	0,15	0,025	800	60	80	6	40	8	3	10	0,5	8	0	0,5	50
A 14	30	0,15	0,015	0,025	0,15	0,015	800	60	60	6	40	3	4	10	0,5	8	0	0	50
A 15	30	0,1	0,015	0,015	0,15	0,02	800	60	80	6	50	4	4	10	0,5	12	2	0	50
A 16	30	0,2	0,015	0,04	0,15	0,006	800	80	80	6	40	6	3	10	0,5	8	0	0	30
A 17	30	0,4	0,015	0,015	0,2	0,015	800	60	80	8	50	20	5	10	0,5	15	0	0	30
A 18	30	0,3	0,015	0,02	0,015	0,015	800	60	80	8	40	6	3	10	0,5	12	0	0	30
A 19	30	0,5	0,015	0,025	0,6	0,025	800	60	80	10	40	30	3	10	0,6	10	0	0,2	50
A 20	30	0,6	0,015	0,05	0,2	0,02	800	60	100	6	40	40	3	10	0,5	10	0	0	50
A 21	30	0,2	0,012	0,012	0,15	0,015	800	80	80	8	40	8	4	10	0,8	10	500	1	60
A 22	30	0,03	0,012	0,002	0,2	0	800	80	80	10	40	3	3	12	0,5	8	20	0,2	20
A 23	30	0,15	0,012	0,012	0,15	0,015	800	60	80	8	40	40	4	10	0,6	10	0	0,15	40
A 24	30	0,1	0,012	0,01	0,2	0,006	800	60	80	10	25	6	4	10	0,6	10	0	0	20
A 25	30	0,5	0,012	0,1	0,5	0,04	1000	60	100	10	50	30	3	10	0,6	6	0	0	30
A 26	30	0,15	0,015	0,012	0,15	0,01	800	60	80	10	80	5	5	10	0,5	10	0	0	80
A 27	30	0,1	0,012	0,05	0,15	0,003	800	80	80	10	40	4	4	10	0,5	8	0	0,2	15
A 28	30	0,05	0,015	0,002	0,15	0,012	800	80	80	10	60	5	4	10	0	12	0	0,2	100
A 29	30	0,02	0,015	0,001	0,2	0,005	800	80	60	10	50	3	4	10	0	8	40	0,3	50
A 30	30	0,2	0,015	0,012	0,2	0,003	800	80	80	10	40	8	5	10	0	10	30	0,3	40
L 1	30	0,4	0,05	0,015	0,2	0,025	800	60	120	10	40	10	4	10	0	6	25	0,3	150
L 2	30	0,08	0,015	0,005	0,12	0,015	800	80	80	10	50	3	4	10	0	6	0	0,8	120
L 3	30	0,1	0,015	0,015	0,12	0,01	800	80	60	10	50	3	4	10	0,5	6	0	0,8	60
L 4	30	0,05	0,015	0,005	0,15	0,01	800	80	80	10	80	5	4	10	0	15	25	0,2	50
L 5	30	0,1	0,015	0,02	0,15	0,015	800	80	80	10	60	5	4	10	1	12	0	0	50
L 6	30	0,1	0,015	0,02	0,15	0,02	800	60	80	10	60	10	4	10	0,8	8	0	0,6	80
L 7	30	0,25	0,015	0,03	0,15	0,015	800	60	80	10	80	30	4	10	1,5	8	0	0	60
L 8	30	0,06	0,015	0,02	0,15	0,01	800	80	80	10	80	10	5	10	0,8	10	0	0	25
L 9	30	0,2	0,015	0,05	0,15	0,012	800	60	80	10	60	10	4	10	0,6	25	30	0	25
L 10	30	0,015	0,012	0,001	0,15	0,006	800	80	60	10	60	3	3	10	0	15	30	0	60
L 11	30	0,2	0,012	0,02	0,15	0,012	800	80	80	10	60	5	4	10	0,6	12	25	0	60
M 1	30	0,4	0,015	0,06	0,2	0,012	800	80	100	10	30	12	3	10	0,5	10	0	0,3	80
M 2	30	0,2	0,015	0,06	0,15	0,01	800	80	60	10	40	120	4	12	0,6	6	40	0,3	40
M 3	30	0,4	0,02	0,08	0,15	0,1	800	80	80	10	60	150	4	10	0,5	6	0	0	80
N 1	30	0,3	0,015	0,012	0,12	0,1	800	80	80	8	50	10	4	10	0,5	6	0	0	30
N 2	30	0,5	0,02	1	0,2	0,015	800	100	100	10	50	30	4	20	3	10	30	0,3	40
P 1	30	0,3	0,02	0,3	0,2	0,012	800	80	80	10	60	5	4	0	1,5	12	30	0,5	40
P 2	30	0,2	0,02	1	0,15	0,012	800	80	60	6	80	6	4	10	0,5	10	0	0,5	30

Таким образом, полученные по химическому и минералогическому составу обломков кремнёвых конкреций данные позволяют разделить все имеющиеся образцы на 5 групп. По мнению некоторых исследователей [13; 14], минералы группы кремнезёма и их структурно-текстурные особенности могут указывать на возраст кремнеобразования. Многие молодые кремнистые породы (от меловых и моложе) сложены, как правило, опалом и халцедоном и обладают скрытокристаллической структурой, палеозойские – кварцем и халцедоном и имеют тонкокристаллическую и мелкокристаллическую структуру. Наблюдения над остатками микроорганизмов в шлифах также позволяют разделить кремнёвые образцы на кремни мелового и палеозойского (вероятно, карбонового) возрастов.

Кремнёвые образцы предположительно мелового возраста

1. Халцедоновые и кварц-халцедоновые кремни.

1.1. С примесью гетита: А1, А2, А3, А13, А20, А26, L2, L6, N1, Кр2, Пол1, Пол2, Д2.

Образцы чёрного цвета, в зависимости от количества примеси гетита, – от прозрачных более светлых оттенков до непрозрачных тёмно-чёрных.

1.2. С незначительной примесью гетита, с большим содержанием органических остатков и примесью карбонатов: L5, L11, P2.

Образцы светло-жёлтого цвета, в зависимости от количества примесей, – полупрозрачные до непрозрачных.

1.3. С примесью гидрогетита: А25, L1, Д1, С1, С2.

Образцы имеют окраску от коричневатого-чёрной до светло-бурой.

2. Кварц-халцедоновые кремни с примесью гематита: А4, А5, А6, А7, А8, А9, А11.

Образцы имеют красную, серовато-красную, красно-бурю окраску. Непрозрачные разновидности содержат небольшое количество глинистых минералов.

3. Кварц-халцедон-опаловые кремни с незначительной примесью других минералов: А10, А12, А17, L3, Кр5.

Образцы белого цвета с различными оттенками, имеют скрытокристаллическую и тонкокристаллическую структуру.

4. Халцедон-кварцевые кремни с повышенной примесью гидрослюдисто-глинистых минералов: А19, А21, L9, M1, M3, P1, Кр1, А28, А29.

Образцы тонкокристаллические от светло-серых до тёмно-коричневых окрасок, непрозрачные, матовые.

Кремнёвые образцы предположительно палеозойского (карбонового) возраста

Образцы кварцевого состава: А14, А15, А16, А18, А22, А23, А24, А27, А30, L4, L7, L8, L10, M2, N2.

Образцы серого цвета, различных оттенков, тонкокристаллической структуры.

На основании литературных данных [15] можно выделить некоторые районы выходов коренных пород, содержащих кремнёвые стяжения. Выходы мергелей, опок Коньякского яруса с кремнистыми стяжениями обнаружены в Смоленской области. Выходы отложений Коньякского яруса – в долине р. Остёр (д. Мурашино и Серповка), в районе г. Орша. Кремнистые стяжения, приуроченные к отложениям мела, широко распространены в Белоруссии. Кремнистые стяжения карбонового возраста известны в отложениях известняков и доломитов Серпуховской свиты. Карбонатные породы нижнего карбона Окской и Серпуховской свит представлены известняками и доломитами с прослоями глин и песков; известняки – светло-серые, мелкозернистые, перекристаллизованные. Эти отложения проявлены в районе Валдайской возвышенности, в верховьях рек Волги и Западной Двины, по берегам р. Мсты (Новгородская область). Кремнистые стяжения серого и желтовато-бурого цвета, приуроченные к карбонатным отложениям нижнего и среднего карбона, отмечаются в районе Московской синеклизы.

Обломки пород с кремнёвыми конкрециями могли быть также принесены ледником. Их остатки могли входить как в состав конечных морен, так и в состав большой моренной гряды. Кроме того, такие обломки могут присутствовать в аллювиальных отложениях и встречаться в долинах рек.

Полученные результаты исследований в определённой степени позволяют сопоставить визуальную классификацию кремнёвого сырья с данными детального геохимического и минералогического анализов. Дальнейшее накопление данных комплексных исследований кремнёвого сырья из различных месторождений и археологических памятников необходимо для установления путей использования природных ресурсов первобытным человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические Вести. № 2. СПб., 1993.
2. Селиванова Н.Б. Определение источников кремня для памятников каменного века на территории Верхней Волги // Труды 11 Международного Конгресса ИНКВА. М., 1982.
3. Селиванова Н.Б. Методика определения источников кремня для археологических памятников // III Seminar in Petroarcheology. Reports. Plovdiv, 1984.
4. Zhiłin M. Flint Raw Material from the Upper Volga Basin and Its Use in the Final Palaeolithic – Neolithic // Man and Flint. Warszawa, 1997.
5. Kobusiewicz M. Sources of Flint on the West Polish Plain // Man and Flint. Warszawa, 1997.

6. Schild R., Krolik H., Tomaszewski J. A Raw Material Economy of the Palaeolithic and the Mesolithic Occupants of the Rydno Complex // *Man and Flint*. Warszawa, 1997.
7. Sulgostowska Z. The Phenomenon of Chocolate Flint Distribution on the North European Plain During the Final Palaeolithic // *Man and Flint*. Warszawa, 1997.
8. Микляев А.М. Памятники Усвяцкого микрорайона. Псковская область // АСГЭ. Вып. 11. Л., 1969.
9. Желтова М.Н. Ранние этапы заселения территории Усвяцкого района (Псковская обл.) // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. Т. 1. СПб.; Псков, 1997.
10. Лисицын С.Н. Проблемы разделения смешанных комплексов финального палеолита и мезолита Двинско-Ловатского междуречья // В печати.
11. Желтова М.Н. Кремневые индустрии памятников финального палеолита и мезолита бассейна реки Усвячи // В печати.
12. Микляев А.М. Камнистый – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // *Петербургский археологический вестник*. № 9. СПб., 1994.
13. Геологическая съемка в районах развития кремнистых образований. Л., 1981.
14. Зарицкий П.В. Конкреции и конкреционный анализ. М., 1977.
15. Зубов И.П. Геология и перспективы нефтегазоносности Центральной области Русской платформы. М., 1970.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

M.N. Zheltova, M.A. Kulkova, N.S. Karasjov, S.N. Lisitsyn

AN ATTEMPT OF DEVELOPING METHODS OF FLINT RAW MATERIAL ANALYSIS*

Summary

Applying the petrographical, mineralogical and geochemical methods of research we divide the flint samples of artifacts into some groups on the basis of their composition. According to characteristics of composition and microfossils the flint groups were corresponded with the pronounced types of flint geological fields. These data allow to determine probable sources of flints, that were found in the archaeological settlements.

---

*The research is partly done under support of The Russian Foundation for Fundamental Studies, grant 02-06-80456a.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

С.Н. Лисицын

ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ НА ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ - МАСТЕРСКОЙ АНОСОВО I

Стоянка-мастерская по обработке кремня Анососо I открыта Верхневолжской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной в 1969 г. [1] Памятник располагается на левом берегу Днепра близ деревни Анососо и приурочен к краю высокого коренного плато, рассечённого молодыми оврагами. Здесь на площади около 4000 кв. м, разбитой на участки 10×10 м, был собран кремнёвый подъёмный материал. Первоначальная пробная шурфовка на местонахождении показала, что культурный слой не сохранился. Результаты полевых исследований в предварительном виде опубликованы [2]. Повторные сборы и обследование памятника были осуществлены в 1979 г. [3] Собранный материал, включающий в основном продукты расщепления кремня на месте выходов кремнёвого сырья, отнёсен по особенностям первичного расщепления (призматические нуклеусы для пластин, отсутствие правильных отжимных пластин) и орудийному набору (черешковые наконечники стрел) к финальному палеолиту. Суммируя опубликованные данные и данные из отчётов Н.Н. Гуриной 1969 и 1979 гг., можно представить общее число кремнёвых артефактов памятника.

Таблица 1. Подъёмный кремнёвый инвентарь Анососо I (по Н.Н. Гуриной)

Кремнёвый инвентарь	1969 г.	1979 г.	Всего
Отщепы (с обломками)	2573	558	3131
Пластины	227	83	310
Нуклеусы	230	198	428
Орудия	36	58	94
ВСЕГО	3030	897	3927

Количество собранных орудий (в 1969 г., по данным Н.Н. Гуриной, оно не превышало 36 экз.) незначительно, что характерно для мастерских. Однако в реальности орудия и вовсе единичны, т.к. большинство кремнёвых артефактов имеет следы естественных повреждений, резцовых сколов и тракторной ретуши, которые не всегда можно отличить от древней обработки из-за специфики кремнёвого сырья, характеризующегося хрупкостью. Подавляющее число предметов изготовлено из местного кремня, выходы которого в виде крупных бесформенных желваков зафиксированы непосредственно на площади памятника. Кремнёвое сырьё происходит из карбоновых отложений и отличается относительно хорошим качеством; цвет преимущественно чёрный и чёрно-коричневый с песочно-жёлтыми и светло-серыми включениями. Обожжённые предметы из этого кремня приобретают малиновую окраску. Единичные артефакты сделаны из тёмно-серого и лилового кремня среднего качества – по всей видимости, приносного.

В 1979 г. Н.Н. Гурина заложила шурф, в котором в пахотном слое «на контакте с коричневатой-красной глиной» были зафиксированы кремнёвые изделия, в том числе мелкие чешуйки и отщепы, отсутствующие в сборах с поверхности. Кремнёвый материал из шурфа представлен в таблице 2.

Таблица 2. Материалы шурфа 1979 г. (по Н.Н. Гуриной)

Кремнёвый инвентарь	Количество
Отщепы (с обломками)	143
Пластины	89
Нуклеусы	13
Орудия	15
ВСЕГО	260

Исследовательница памятника отметила, что в шурфе, возможно, зафиксированы остатки культурного слоя, однако характер залегания материала не ниже уровня основания пахоты этому противоречит. Следует отметить, что красно-коричневый суглинок на местонахождении Аносово I, осмотренном нами в 2000 г., является фактически поверхностным слоем и подвергается распадке на глубину до 35-40 см. Кремнёвые изделия из шурфа 1979 г. по своему облику полностью тождественны подъёмному материалу, поэтому Аносово I можно рассматривать как достаточно монолитный в культурном отношении памятник финального палеолита.

Н.Н. Гурина отмечала, что в пределах памятника были выделены отдельные скопления артефактов. Однако наша попытка вычленив их поквартную привязку результатов не дала: только 15% шифров на кремнёвых изделиях содержат номера квадратов (и исключительно за 1969 г.), многие шифры стёрты. Оригинальная публикация этого памятника [2] носила предварительный характер, а материалы 1979 г. остались неопубликованными. Представляется целесообразным пересмотреть аносовские материалы, остающиеся вот уже более 30 лет важнейшими для изучения финального палеолита Верхнего Поднепровья.

Орудийный набор Аносово I выглядит в количественном отношении скромно. Следует исключить из него массу артефактов с краевой и концевой ретушью случайного характера, причисленных к орудиям. Большинство таких изделий повреждены в результате распадки и часто неотличимы от настоящих артефактов, обработанных человеком. Включение псевдоорудий в набор изделий со вторичной обработкой привело к ситуации, когда, например, число отщепов с нерегулярной ретушью в коллекции Аносово I превысило количество отщепов без вторичной обработки [2, с. 244].

Настоящих наконечников в коллекции всего два, оба на пластинах. Один – наконечник типа лингби с массивным черешком, обработанным дорсальной вертикальной ретушью, подправлен у пера краевой ретушью (рис. 1: 1). Второй наконечник имеет выемчатый насад, также оформленный на спинке (рис. 1:2), дистальный конец подретуширован или повреждён. Кроме этих двух наконечников в коллекции есть ещё одно изделие, морфологически напоминающее наконечник. Оно изготовлено на массивной первичной реберчатой пластине с усечённым очень крутой вентральной ретушью скошенным нижним концом (рис. 1:11). Отнесение этого предмета к наконечникам проблематично из-за его чрезмерной массивности и наличия толстого обушка, покрытого коркой. Следы утилизации на краях с брюшка и со спинки в сочетании с тронкированными черешкообразным основанием позволяют охарактеризовать его как нож.

Скребок 8 экз. Все достаточно массивные, однако единой серии не образуют. Пять из них сделаны на отщепах (рис. 1: 3-6, 8). У одного из скребков спрямлённое лезвие (рис. 1:5) и у одного – скошенное, оформленное грубой ретушью (рис. 1: 8); два других имеют угловые выступы (рис. 1:3, 6). Последнее орудие, опубликованное Н.Н. Гуриной как скребок-резец [2, с. 247, рис. 2:7], несёт древнее повреждение, не являющееся резцовым сколом. Три скребка изготовлены на массивных пластинчатых заготовках или пластинчатых отщепах (рис. 1:7, 9-10). Среди них – скребок с сильно забитым (рис. 1: 7) и два – со скошенными (рис. 1:9-10) лезвиями.

Резцы также несерийны (9 экз.). Из них 3 экз. – угловые на пластинах (рис. 1:12-14), 2 – ретушные на отщепах (рис. 1:15, 25). Один резец – поперечный (рис. 1:16), с множественными резцовыми сколами, нанесёнными с естественной грани пластины. Два орудия на аморфных реберчатых сколах можно отнести к двугранным резцам (рис. 1:17-18) и один на массивном обломке – к нуклеидным (рис. 1:19). Остальные резцы из первой публикации 1972 г. при пересмотре коллекции оказались случайными формами или просто повреждёнными предметами.

Пластины с коусечённым ретушью концом, некоторые из которых можно отнести к остриям, представлены 5 предметами (рис. 1: 20-24). Одно из изделий (рис. 1: 22) опубликовано как черешковый наконечник [2, с. 249, рис. 3: 1], однако “черешок” в действительности является выпуклоретушным косым остриём, оформленным на спинке полукрутой ретушью, а на брюшке – частичной противолежащей ретушью утилизации. Ещё три изделия, отнесённые наряду с этим к наконечникам, являются обломками пластин с нерегулярной ретушью [2, с. 249, рис. 4: 5-6, 15].

Орудийный набор дополняют по меньшей мере 3 резчика со следами работы на подретушированном кончике (рис. 1: 26-28). Типологическая аморфность этой категории позволяет найти среди пластин, многие из которых, как уже указывалось, имеют повреждения и ретушь использования конца, множество сходных изделий.

Проколки, изготовленные на отщепах, насчитывают 4 экз. (рис. 1: 29-32), две из них подправлены резцовыми сколами. Ещё одно орудие на дистальном конце реберчатой пластины, обработанное противолежащей ретушью, можно отнести к провёрткам (рис. 1: 33).

В коллекции есть обломок пластины с притупленным краем (рис. 1: 34), овальный двусторонне обработанный топорик (рис. 2: 2) и, возможно, заготовка топорика меньших размеров на отщепе (рис. 2: 1). Два последних изделия выделяются из контекста единого комплекса и могут относиться не только к финальному палеолиту, но и к более позднему времени – вплоть до эпохи бронзы. Для финальнопалеолитических рубящих изделий более характерна трапецевидная форма топора с выемчатыми краями (с перехватом) и спрямлённым лезвием. Именно такой топор обнаружен Г.В. Синицкой на многослойной стоянке Вышегора I, расположенной в 5 км от Аносово I ниже по течению, на правом берегу Днестра [4].

Интерпретация Аносово I и его место в финальном палеолите остаются дискуссионными. Первооткрывательница памятника Н.Н. Гурина относала этот памятник, как и другие выявленные в окрестностях д. Аносово пункты, к «прибалтийскому мадлену» в широком смысле, указывая на его аренсбургскую подоснову [2, с. 251]. В.П. Ксёзов [5; 6] выводит из Аносово I гренскую мезолитическую культуру, отмечая её

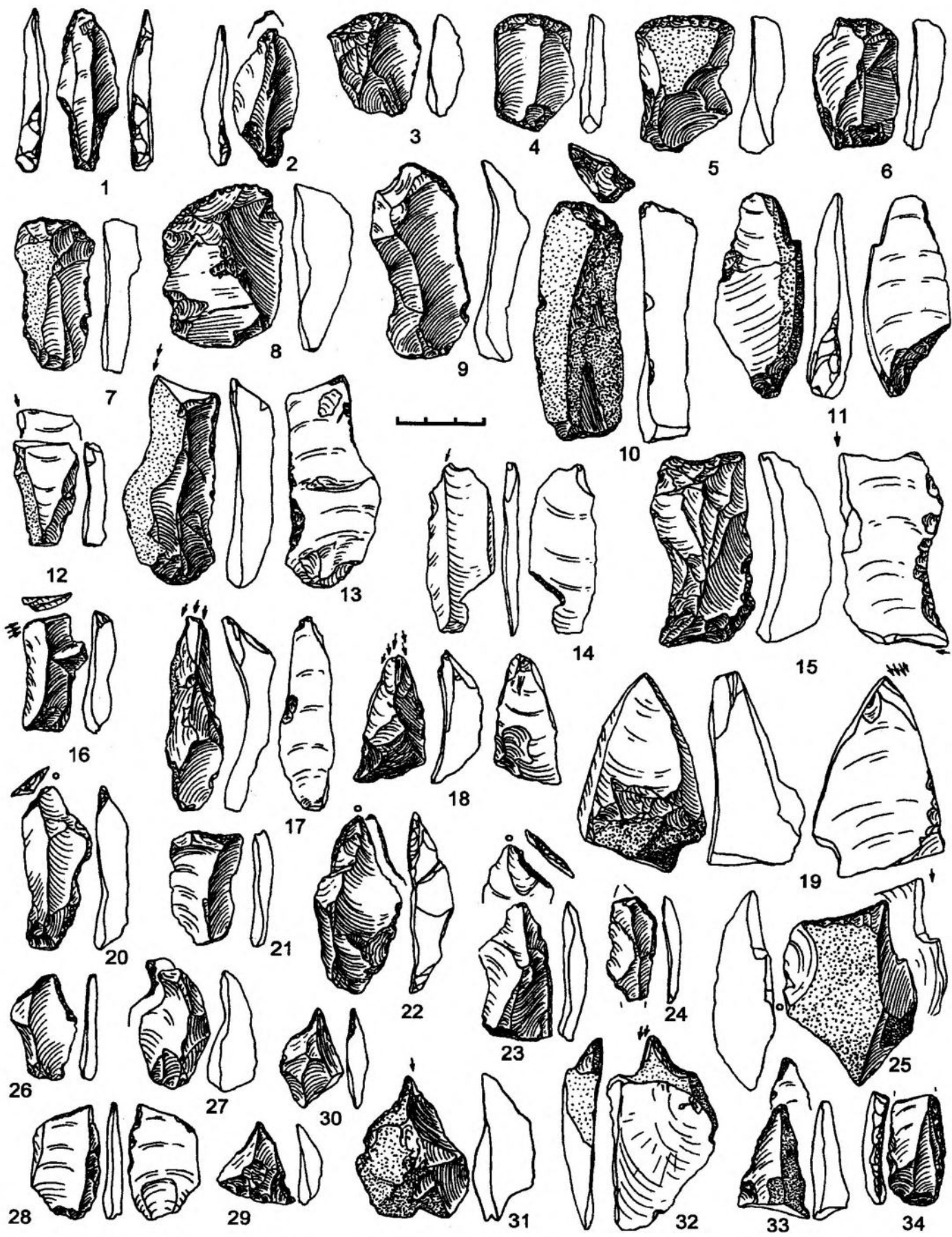

Рис. 1. Аносово I. Кремнёвый инвентарь: 1-2 – наконечники; 3-10 – скребки; 11, 20-24 – тронкированные пластины; 12-19, 25 – резцы; 26-28 – резчики; 29-33 – проколки; 34 – пластина с притушенным краем

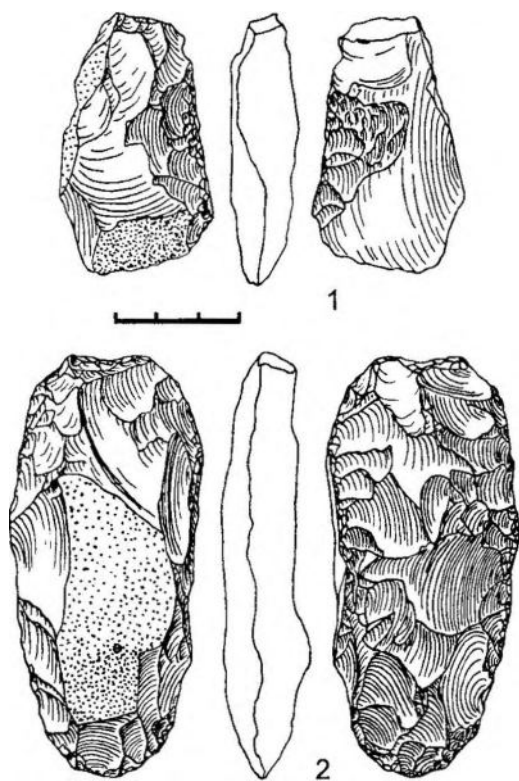

Рис. 2. Аносово I. Кремнёвый инвентарь:
1 – заготовка топорика; 2 – топорик

для нуклеусов в стадии переоформления. Далее нуклеусы разделяются по способу раскалывания на две большие категории – параллельные и конвергентные (рис. 3), характеризующиеся количеством площадок, с которых производились снятия. Параллельные нуклеусы могут быть одно- или двухплощадочными, конвергентные – двухплощадочными и многоплощадочными (3 и более). На следующем уровне классификации выделяются группы по приёмам скалывания и их комбинациям на нуклеусе. В один вариант объединяются и односторонние, и двухсторонние нуклеусы одного и того же приёма скалывания, который, таким образом, просто повторяется. Одноплощадочные ядрища параллельного снятия попадают в группу ординарных, а аналогичные двухплощадочные – в группу полюсных. Конвергентные двухплощадочные образуют группу ортогональных, а многоплощадочные – группу подперекрестного снятия (кубовидные изделия). На самом низком уровне классификации в каждой группе выделяются подгруппы по расположению плоскостей системы скалывания. Их количество условно ограничено шестью основными подгруппами, которые для большей точности описания уже могут дробиться на бесчисленное количество вариантов на основании чисто морфологических критериев (рис. 3), дополняемых описательными признаками (будь то наличие гребня, кия или поперечных сколов выравнивания противоположной стороны нуклеуса и т.п.).

местные корни. В.Ф. Копытин [7; 8] тоже склонен сопоставлять этот комплекс с грэнским, генетически продолжавшим традиции верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья. Л.Л. Зализняк [9] отнёс аносовские материалы сначала к восточному аренсбургскому, а затем – к восточно-европейскому варианту лингби, или, иначе, к красносельской культуре [10]. В целом, несмотря на имеющийся разброс мнений, все исследователи считают Аносово достаточно ранним памятником в рамках периодизации финального палеолита. Невыразительность орудийного набора, а также узкий функциональный профиль памятника (мастерская на выходах сырья) затрудняют его культурную атрибуцию.

Дополнительная информация о культурной принадлежности комплекса, с нашей точки зрения, может быть извлечена при анализе техники расщепления. Представления о технике раскалывания камня включают классификацию как нуклеусов, так и сколов-заготовок. Типология нуклеусов, по своей сути, является исходно технологичной, поэтому для описания этой категории изделий из коллекции Аносово I мы пользовались технологическими признаками (рис. 3), следуя схеме, предложенной П.Е. Нехорошевым [11, с. 42-43], с элементами морфологической классификации нуклеусов верхнепалеолитической стоянки Супонёво, разработанной Н.А. Хайкуновой [12]. По принципу раскалывания нуклеусы делятся на плоскостные, призматические и бессистемного снятия. Так как все ядрища Аносово I являются призматическими, этот критерий роли не играет. По соотношению ширины фронта расщепления с остальной частью нуклеусы разделяются на торцовые, неторцовые и условно-смешанные. Большинство аносовских нуклеусов являются неторцовыми формами. Торцовые ядрища единичны и определяются плоской формой отдельных желваков или начальной стадией расщепления; смешанный тип характерен

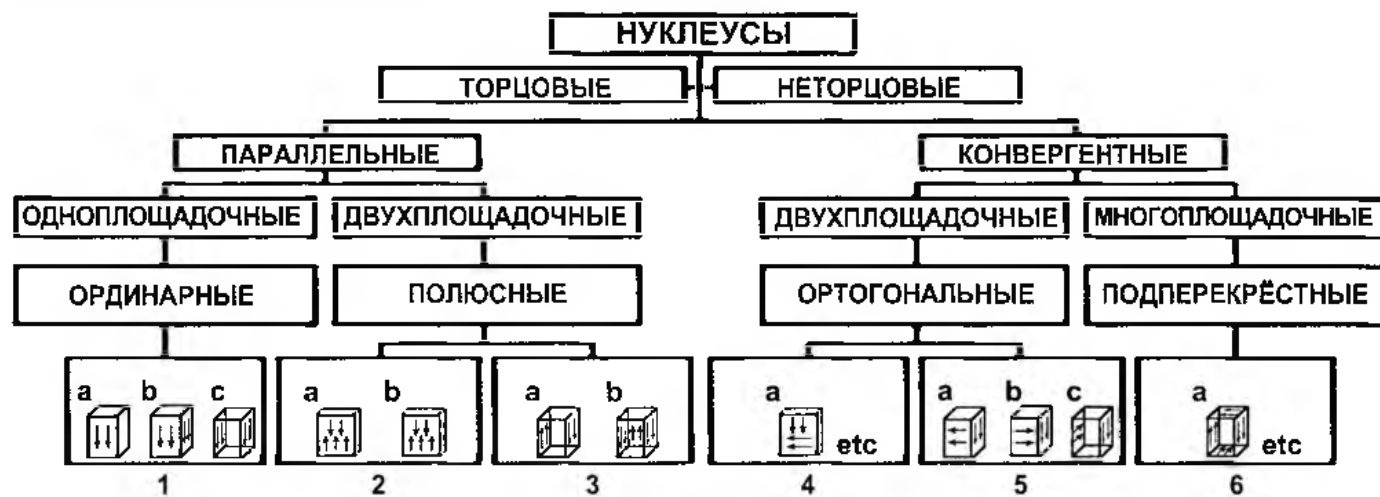

Рис. 3. Схема классификации призматических нуклеусов

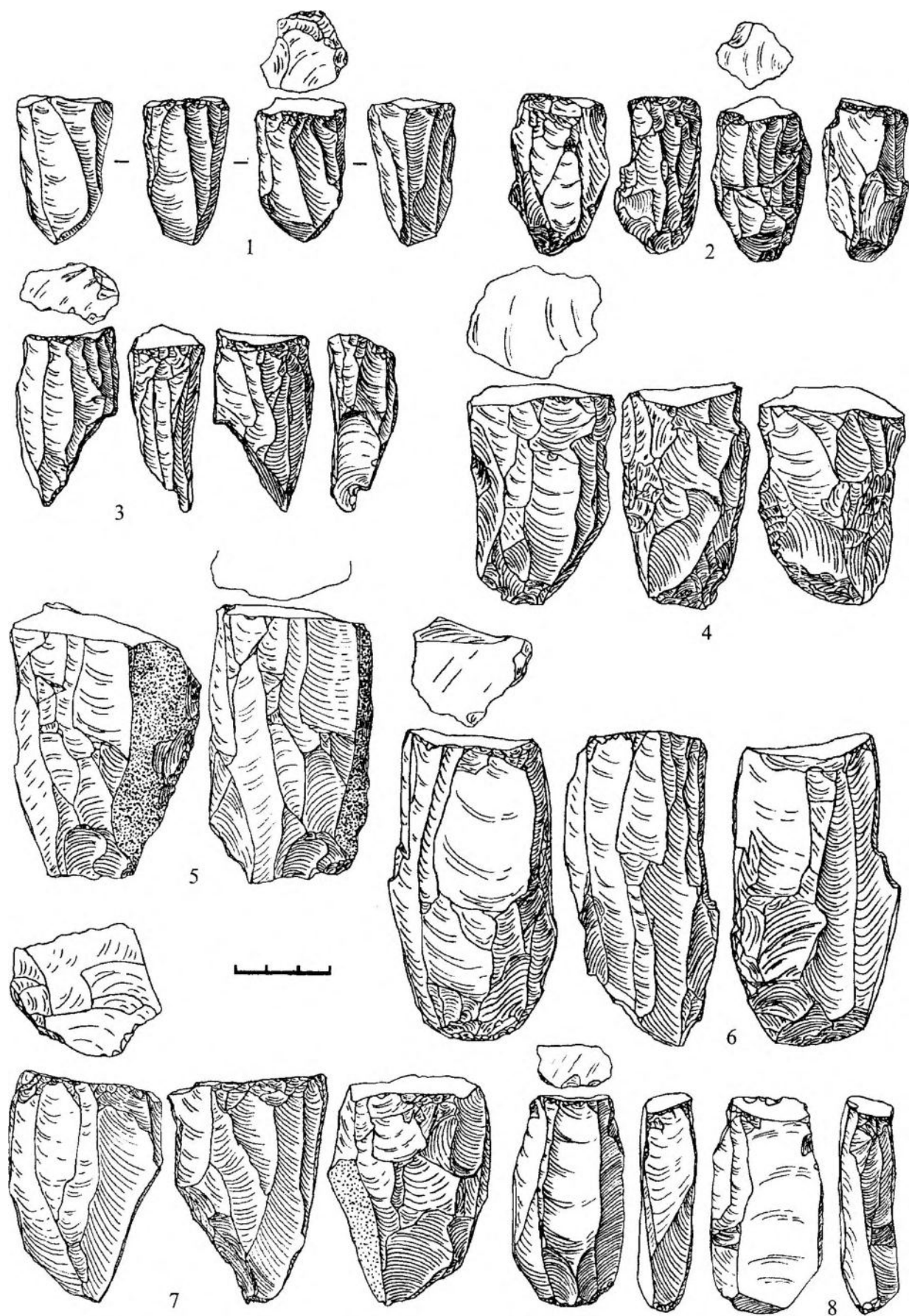

Рис. 4. Аносово I. Кремнёвый инвентарь. Подконусовидные пуклеусы

Серия аносовских нуклеусов достаточно представительна. К ним в коллекции можно отнести 396 (100%) предметов. Представлен весь цикл расщепления от преформ до многократно переоформленных в процессе утилизации изделий. Форма ядрищ, как правило, вытянутая; скалывание производилось по длинной оси и было направлено на получение пластинчатых и отщеповых заготовок. Лишь нуклеусы в первичных стадиях расщепления несут негативы только от снятия отщепов. Серийные негативы, как правило, все пластинчатые. Размеры нуклеусов варьируют от 125×130×65 мм до 42×35×25 мм.

К пренуклеусам отнесены 3 предмета (0,8%), один из которых опубликован Н.Н. Гуриной [2, с. 245, рис. 1: 4]. Это конкреции с остатками корочного покрытия, у которых несколькими сколами сформирована площадка и намечено краевое ребро для инициального скола. Специальной подготовки боковых сторон или придания сырью заданной формы перед серийным расщеплением, видимо, не требовалось.

Большинство нуклеусов – 219 экз. (55,3%) – относятся к одноплощадочным (рис. 3: 1а, б, с), из которых лишь 4 экз. торцовые, остальные – плоскостного типа. Практически все площадки прямые, гладкие или сформированы несколькими уплощающими сколами. Фронт раскалывания занимает около 1/2 изделия, не менее чем у половины нуклеусов охватывает 2/3 поверхности, придавая им подконусовидную форму. 8 предметов имеют оформленное поперечными сколами ребро, переходящее в киль. По-видимому, конусовидная форма являлась конечной в процессе расщепления одноплощадочных нуклеусов, судя по тому, что подобные ядрища имеют наиболее мелкие размеры (рис. 4).

Двухплощадочные полюсные нуклеусы встречного принципа скалывания (рис. 3: 2а, б) представлены 47 экз. (11,8%), из которых 2 торцовых, остальные – плоскостные. В отличие от одноплощадочных они более уплощены, часто имеют скопённые площадки. Но в целом двухплощадочные нуклеусы аналогичны по оформлению одноплощадочным. Серийное скалывание производилось, как правило, с одной из площадок; вторая имеет подчинённое значение.

Двухплощадочные полюсные нуклеусы (рис. 3: 3а, б) встречно-параллельного принципа скалывания (в смежных или параллельных плоскостях) представлены 12 изделиями (3%). Их морфология повторяет морфологию предыдущей группы ядрищ.

Двухплощадочные ортогональные нуклеусы (рис. 3: 4а) с двумя пересекающимися под углом направлениями скалывания на одном фронте представлены 3 экз. (0,8%). Это нуклеусы несерийные, на стадии переоформления.

Двухплощадочные ортогональные нуклеусы (рис. 3: 5а, б, с) с двумя пересекающимися под углом направлениями скалывания на смежных и параллельных плоскостях раскалывания представлены 6 предметами (1,6%). Их тоже можно определить как атипичные.

3 нуклеуса (0,8%) можно отнести к многоплощадочным (трёх- и более площадочным) с подперекрёстным принципом расщепления (рис. 3: 6а), когда скалывание велось бессистемно во всех удобных мастеру плоскостях и направлениях.

Аморфные нуклеусы, а также нуклеусы в начальной стадии расщепления с подготовленной площадкой, но без серийных снятий насчитывают 47 экз. (11,8%). Эти изделия не имеют стандартной морфологии, их можно назвать техноформами.

Нуклевидные куски и неопределимые обломки нуклеусов составляют не менее 54 экз. (13,6%) и представляют собой отходы производства, пробные ядрища и переоформленные изделия.

2 нуклеуса (0,5%) с сильно забитыми выступающими частями превращены в отбойники. Кроме них в кол-

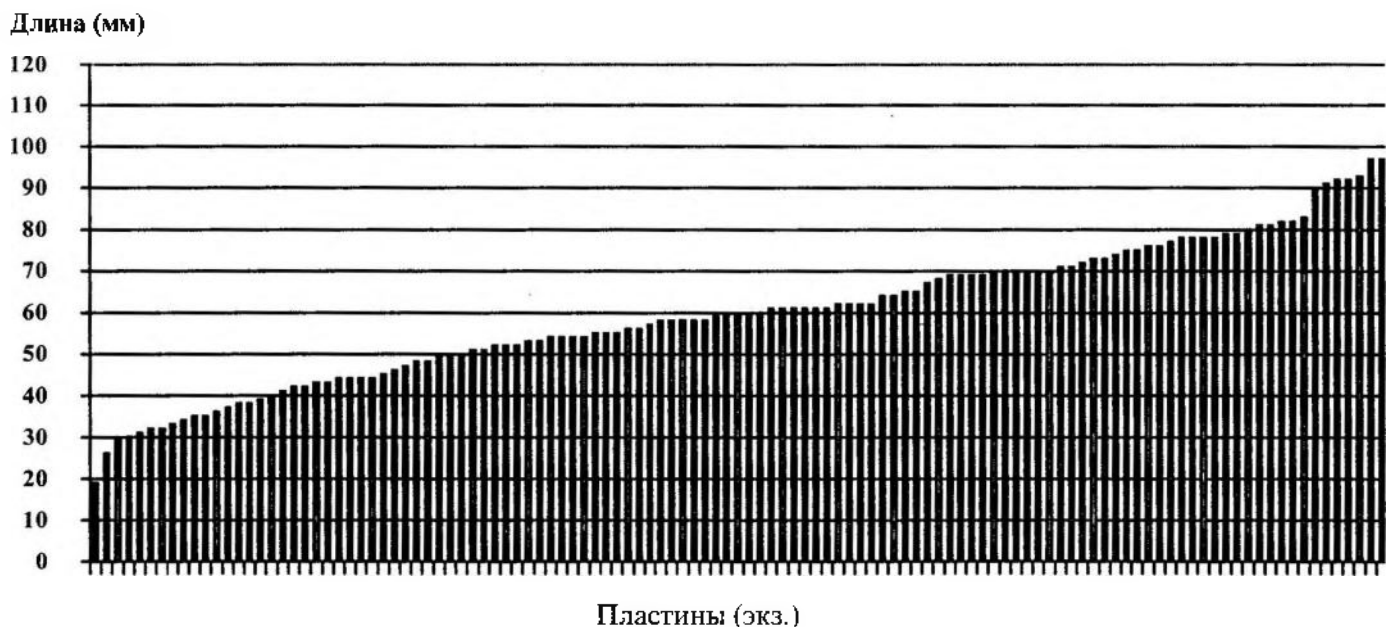

Рис. 5. Аносово I. Распределение целых пластинчатых сколов по длине

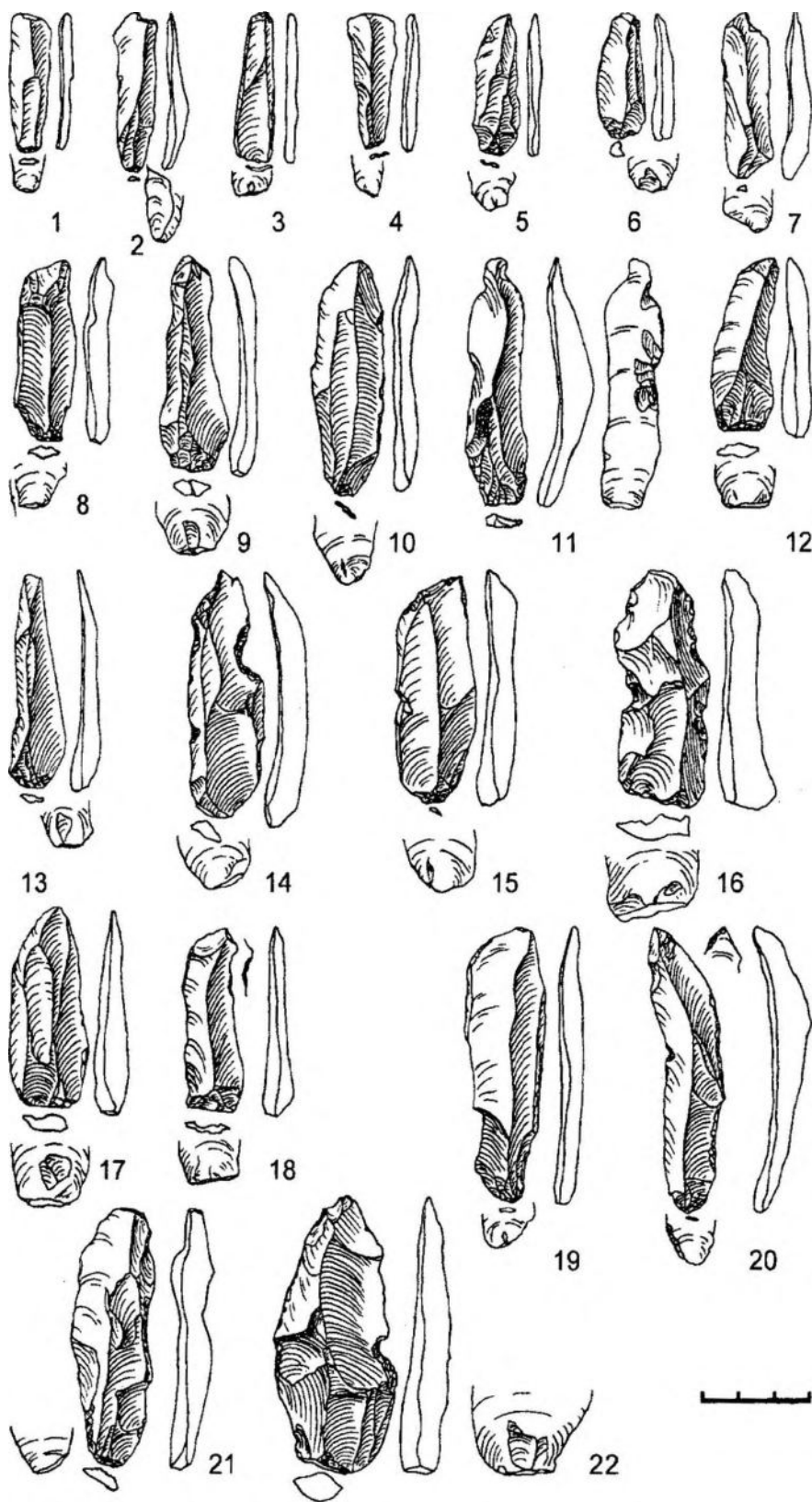

Рис. 6. Аносово I. Кремнёвый инвентарь.
Мелкие и средние пластинчатые сколы

Проблема, которую пытаются решить многие исследователи – насколько индустрия Аносово I близка в культурном отношении культуре бромме-лингби, – окончательно может быть решена лишь путём сравнения его технокомплекса с чистым технокомплексом бромме. Сходную работу по сравнению систем расщепления кремня в культурах бромме и гамбург по очень тщательной методике провёл датский исследователь

лекции есть настоящий отбойник из плоской кремнёвой гальки с забитыми и фасетированными концами.

Таким образом, наиболее распространённой формой нуклеуса Аносово I является одноплощадочный, подконусовидный (рис. 4). Полностью истощённые ядрища в коллекции практически отсутствуют. По-видимому, переизбыток сырья способствовал тому, что нуклеусы выбрасывались в ещё пригодном для дальнейшего расщепления состоянии, хотя уже не отвечающем требованиям мастера к размерам получаемых заготовок.

Основной целью расщепления нуклеусов, судя по морфологии последних, было получение пластин. В коллекции насчитывается порядка 400 пластинчатых сколов, которые можно отнести к таким заготовкам. К ним отнесены все удлинённые сколы, у которых длина в два раза и более превышает ширину, а толщина имеет обратную пропорцию к ширине. Следует учитывать, что большая часть качественных пластин, по-видимому, унесена с места мастерской, и в нашем распоряжении остались лишь отбракованные изделия.

Целых пластин 121 экз. (100%) По их размерам можно судить о степени микро- или макропластинчатости комплекса (рис. 5). Как видно из графика, длина пластинчатых заготовок колеблется от 19 до 116 мм. Среди них мелкие пластины длиной 19-40 мм (рис. 6: 1-7) составляют 17 экз. (14%), в том числе 11 экз. – микропластины. Средние пластины длиной 41-70 мм (рис. 6: 8-22) насчитывают 70 экз. (57,9%). Крупные пластины длиной 71-116 мм (рис. 7) составляют 34 экз. (28,1%). Т.е. пластинчатые заготовки Аносово I – это в основном средние и крупные изделия. Намеренное скалывание микропластин, судя по всему, не характерно для этой индустрии.

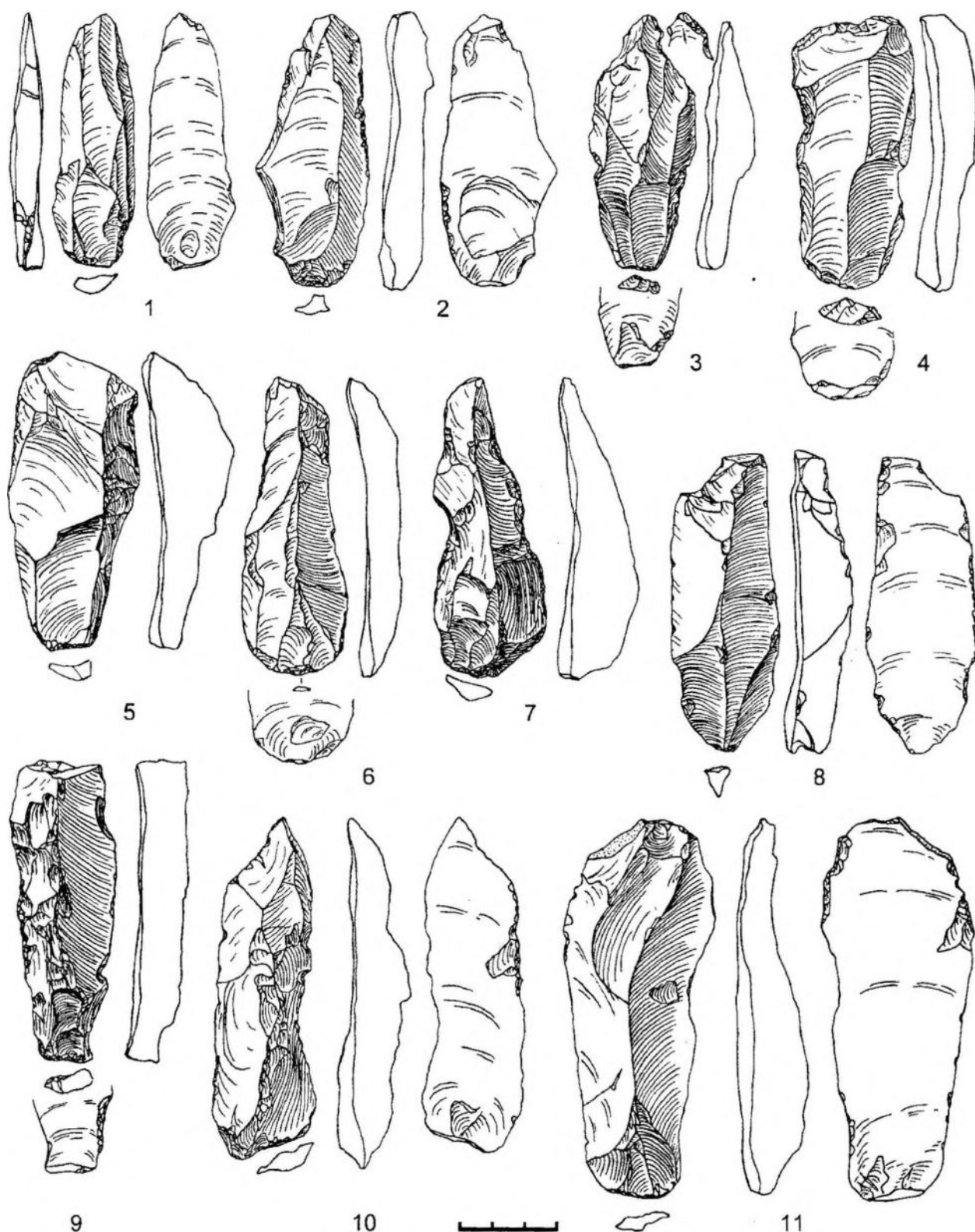

Рис. 7. Аносово I. Кремнёвый инвентарь. Крупные пластинчатые сколы

Б. Мадсен [13] на примере поздних гамбургских комплексов Йельс 1 (Jels 1), Йельс 2 (Jels 2) и памятника культуры бромме Хейгорд (Højgård). Мы попытались сравнить с индустрией Хейгорда пластинчатый инвентарь Аносово I, применяя методику Б. Мадсена. Датский исследователь использует для анализа техники расщепления пластины с целым проксимальным концом, у которых сохранилась ударная площадка с прилегающими к ней вентральными и дорсальными участками заготовки, несущими следы предварительной подготовки к скалыванию, а также технологические свидетельства использования мягкого или жёсткого

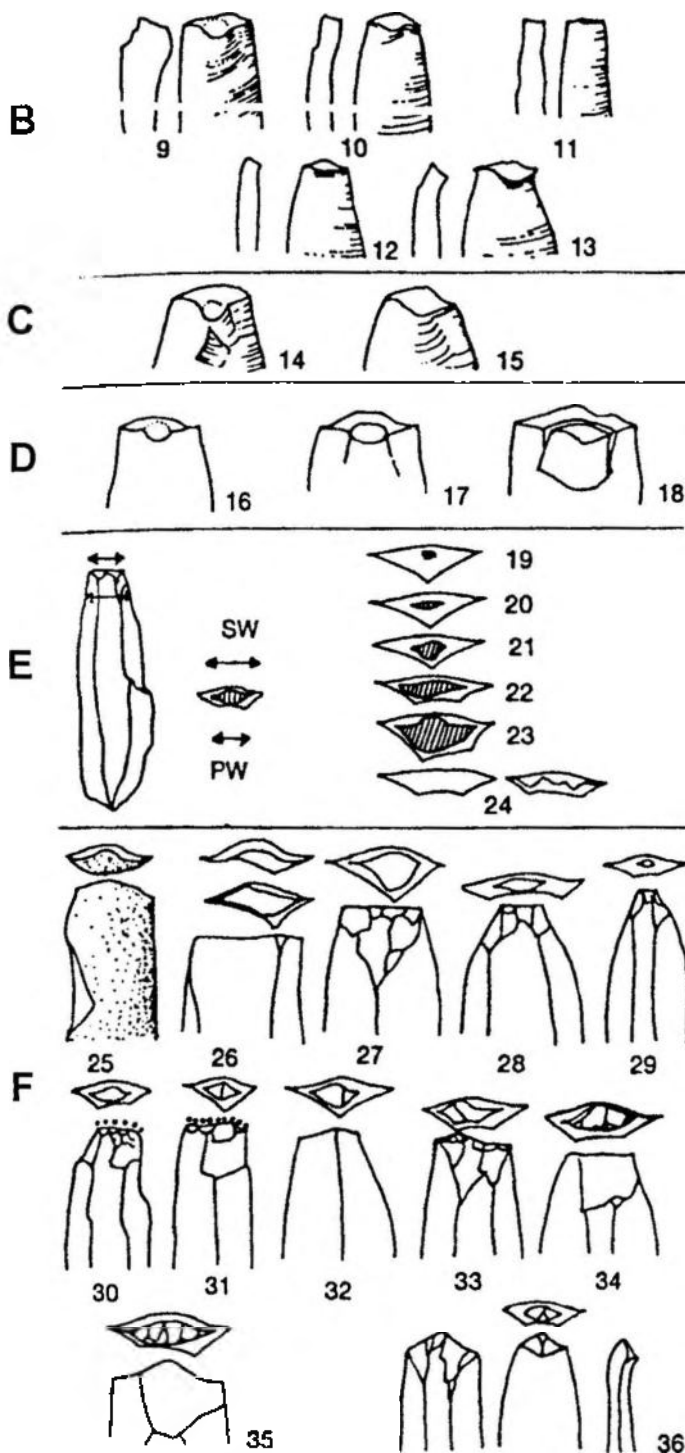

Рис. 8. Схема технологических признаков пластинчатых сколов (по В. Madsen, 1996 [13])

Д аносовские пластины резко отличны и от Хейгорда и от Йельса 1 и 2. Только 1 изделие имеет следы растрескивания от сильного удара, тогда как в датских памятниках эта группа устойчиво присутствует: Йельс 1 – 27%, Йельс 2 – 16%, Хейгорд – 72%. В группе Е Аносото I крупные линейные ударные площадки Е22-23 (63,8%) преобладают над точечными Е19-21 (29,8%), что наблюдается только в Хейгорде. В группе F соотношение вариантов дорсальной обработки находит более точное соответствие в гамбургских комплексах, чем в Хейгорде. Так, F28-36 в Йельсе 1 и 2 составляют 30% и 60% соответственно, тогда как в Хейгорде – лишь 3%. В Аносото I этот показатель равен 62%. Резко преобладающий в хейгордском комплексе бромме приём выравнивания подтёской карниза перед скалыванием (F27) в Аносото I представлен лишь 18% пластин. Удивляет также в Аносото I большое количество пластин с шлифовкой карниза F30-31 (41,6%), что малохарактерно для бромме.

отбойника. Набор этих признаков разделён на 5 групп (рис. 8). Группа В (№ 9-13) характеризует форму и расположение ударного бугорка; группа С (№ 14-15) – наличие или отсутствие негатива микроотщепка на ударном бугорке; группа D (№ 16-18) – формирование атипичного конуса расщепления при сильном ударе; группа Е (№ 19-24) – соотношение размеров площадки и ширины пластины; группа F (№ 25-36) – соотношение типа ударной площадки и предварительной дорсальной обработки поверхности нуклеуса. Таким образом, технологические критерии очень дробные. При сравнении индустрии Хейгорда с Йельс 1 и 2 Б. Мадсен пришёл к заключению, что гамбургский стиль расщепления сводится к использованию прямого удара мягким или средней жёсткости отбойником по фасетированной площадке нуклеуса с предварительной подтёской и/или грубой шлифовкой карниза. Нуклеусы имели встречное расщепление и скошенные площадки. В итоге получались достаточно узкие пластины с небольшой (8-15 мм) ударной площадкой, длина большинства из которых не превышала 4-8 см. Техника бромме, по результатам анализа Б. Мадсена, отличается прямым ударом твёрдым или среднетвёрдым отбойником по нуклеусу на твёрдой подставке. Нуклеус предварительно обтёсывался до коническо-цилиндрической формы. Угол скалывания был не менее 75 градусов. На серийных пластинах, которые в среднем превышали по массивности гамбургские, наблюдалась подтёска карниза. В целом пластины получались более грубыми и прямыми. В отличие от гамбурга в бромме-лингби менее развита техника подправки и утилизации нуклеуса, больше количество отходов производства.

Среди массива пластинчатых заготовок Аносото I были отобраны все целые и проксимальные обломки пластин общим числом 221 экз. Это меньше, чем использовал Б. Мадсен в своей работе (Йельс 1 – 725 экз., Йельс 2 – 1623 экз., Хейгорд – 506 экз.), но в процентном соотношении сравнение вполне допустимо. В группе В комплекс Аносото I (рис. 9) характеризуется преобладанием крупных ударных бугорков В9 (58%), что наблюдается у всех трёх датских комплексов, но в отличие от Хейгорда, где этот признак доминирует (96%), в Аносото I устойчиво присутствуют и другие типы ударного бугорка: В10 (27,1%), В11 (3,6%), В12 (9%), В13 (2,3%). Такое соотношение более характерно для гамбургских пластин Йельса 1 и 2. В группе С преобладание ударных бугорков с негативами ударных отщепков С14 (61,8%) над гладкими бугорками С15 (38,2%) аналогично их соотношению в Хейгорде. Зато по группе

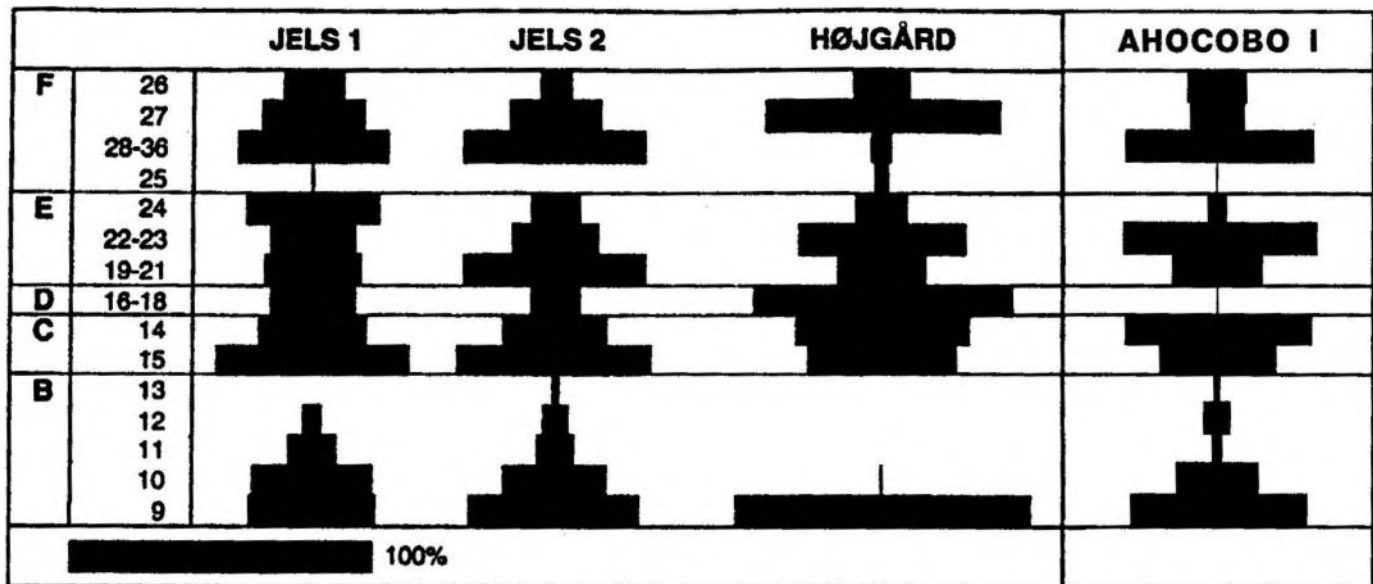

Рис. 9. Процентное соотношение технологических признаков на пластинчатых заготовках Хейгорда, Йельса 1 и 2 в Дании (по В. Madsen, 1996 [13]) и Аносово I на Верхнем Днепре

При сопоставлении техники получения пластин в Аносово I с технологией раскалывания бромме и гамбурга выявляются признаки как сходства, так и различия. По размерам ударных бугорков Аносово I обнаруживает признаки использования относительно мягкой техники удара – как в гамбургской культуре, хотя доминирование бугорков с негативами отщепков, аналогичное бромме, свидетельствует об употреблении также и жёсткого отбойника. Можно заключить, что в Аносово I использовался жёсткий отбойник (3 экз., как уже упоминалось, присутствуют в коллекции), но без подставки-наковальни. О последнем косвенно свидетельствует отсутствие растрескавшихся по конусу расщепления D16-18 ударных площадок. Преобладание массивных линейных площадок у пластин в Аносово I над точечными паходит полное соответствие в технике бромме, тогда как предварительная подготовка поверхности нуклеуса к скалыванию заготовки, по-видимому, носила более тщательный характер, – возможно, даже более тщательный, чем в гамбургской культуре.

Таким образом, нельзя категорично утверждать, что аносовская индустрия – это полный аналог культуры бромме-лингби Южной Скандинавии в технологии получения пластин. Однако значительное сходство техники расщепления именно с техникой бромме более чем очевидно. Индустрия Аносово I выглядит в сравнении с бромме более развитой в технологическом отношении. Днепровский памятник резко контрастирует с территориально расположенным ближе, но выглядящим более архаичным с точки зрения первичного расщепления комплексом типа бромме стоянки Подол III на Верхней Волге [14; 15; 16; 17]. Вероятно, более близки Аносово I в технологическом плане пластинчатые комплексы типа бромме Красноселье E на Украине и Красносельский-5 в Беларуси [9; 10; 18; 19]. Пласт памятников финального палеолита, технологически и типологически близкий южно-скандинавской культуре бромме-лингби, который в настоящее время всё ярвственней начинает обозначаться на западе Русской равнины в виде пока единичных комплексов, вероятно, является крайним восточным проявлением культурного процесса, общего для всей Северной Европы в период её ранней постледниковой колонизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н.Н. Отчет о полевой работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1969 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3.
2. Гурина Н.Н. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях р. Днепра // МИА. № 185. 1972.
3. Гурина Н.Н. Отчет о полевой работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1979 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 7.
4. Силицына Г.В., Лисицын С.Н. Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита - раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области // Археологические Вести. Вып. 7. СПб., 2001.
5. Ксензов В.П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
6. Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
7. Копытин В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992.
8. Копытин В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
9. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
10. Зализняк Л.Л. Финальный палеолит північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.
11. Нехорошее П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
12. Хайкунова Н.А. Нуклеусы верхнепалеолитической стоянки Супонево // СА. 1984. № 4.
13. Madsen V. Late Palaeolithic Cultures of South Scandinavia - Tools, Traditions and Technology // The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Relationship with Neighboring Areas. Acta Archaeologica Lundensia. Issue 24. Stockholm, 1996.
14. Силицына Г.В. К вопросу о генезисе валдайской культуры // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.

15. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
16. *Синицына Г.В.* Финальный палеолит и ранний мезолит - этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
17. *Синицына Г.В., Стридонова Е.А., Лаврушин Ю.А.* Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.
18. *Лисицын С.Н.* Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
19. *Чернявскі М.М., Кудряшоу В.Я., Літвіцкая В.Л.* Старожытныя шахцеры на Росі. Мінск, 1996.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

S.N. Lisitsyn

THE KNAPPING TECHNIQUE ON THE FINAL PALAEOLITHIC SITE-WORKSHOP ANOSOVO I

Summary

The Final Palaeolithic site-workshop Anosovo I was found in 1969 by N.N. Gurina. It is located on the edge of the high solid Dnieper riverbank. No remains of a cultural layer were traced. The flint assemblage of the site refers to Bromme-like industry. The tool inventory comprises points of Lingby type, scrapers and burins made on massive blades and flakes, as well as two axes. The current paper reviews the old materials in terms of the knapping technique. The analysis of cores demonstrates gradual reduction of forms to the final cone-like cores. According to the technological method of B. Madsen the flint complex of Anosovo I was compared with the base complexes of Hamburg and Bromme cultures in Denmark. Some Bromme features were found, such as hard hammer knapping technique and massive blades; though Anosovo I industry shows a greater advance in blade manufacturing.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

Л.В. Кольцов

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Это очень сложная и интересная проблема, которой специально практически никто, кроме автора, не занимался. Хотелось бы для начала напомнить, что за чисто гносеологическим понятием «археологическая культура» стоит определённый реальный этнос – реальные группы людей, оставившие для археологов орудия труда и предметы быта в определённом наборе, жившие на ограниченном хронологическом отрезке в своеобразных экологических условиях. Поэтому понятно многообразие культурных вариантов, которые, вероятно, диктовались природной средой и традицией.

Изложение всех процессов формирования культур мезолита начну с запада с раннего мезолита. Культура британского маглемозе сложилась на теперешнем острове Британия, когда он освободился от материкового льда и его большую часть, во всяком случае, почти до Шотландских гор, заняли сосново-берёзовые леса. Остров в это время соединялся с материком мостом суши. На территории, где образовалась эта культура, ей предшествовала кресуэлльская культура финального палеолита. Рядом, на территории современной Голландии, в то же время продолжала бытовать тьонгерская группа культурной общности федермесер. Там же жило и аренбургское население, о чём свидетельствуют материалы стоянок в местности Гельдроп. Носители аренбургской культуры проникают и в южную Англию, здесь могла поселиться какая-то её группа, отсегментировавшаяся от основного массива культуры. К моменту сложения британского маглемозе внутреннюю сегментацию, по-видимому, претерпела и кресуэлльская культура. Появившись в Британии, аренбургское население неизбежно должно было вступить в контакт с кресуэлльским. В результате этого контакта и возникла культура, представленная ранними этапами британского маглемозе (типа Стар Карр).

В раскальвании кремня в ней можно проследить и кресуэлльские и аренбургские черты. Это выражается как в формах нуклеусов, так и в характере заготовок и вторичной обработки. Проявляется это и в основных типах орудий. Из кресуэлльской культуры оказались заимствованными острья типа Маглемозе, острья с затупленным краем и ретушированным на другом краю основанием; из аренбургской – наконечники аренбургского типа, треугольники равнобедренные и неравнобедренные, ромбовидные острья. Наконечники типа Лингби, острья со скошенным концом, низкие трапедии, острья типа Коморница уже были в обеих предшествующих культурах. Лапцетовидные острья могли перейти из кресуэлльской или соседней тьонгерской культуры. Другие категории орудий, как и в иных культурах, не играют показательной роли в оценке процесса образования культур [1].

Анализируя этот состав орудий, можно попытаться восстановить процесс формирования британского маглемозе. Вероятно, уже в IX тыс. до н.э. ослабевают связи населения кресуэлльской культуры. Об этом говорит хотя бы тот факт, что часть её населения сохраняет свои культурные признаки уже после возникновения британского маглемозе, т.е. продолжает существовать в прежнем виде параллельно последнему. Об этом можно судить по радиоуглеродным датам. С другой стороны, появившаяся в Британии часть аренбургского населения тоже, по-видимому, отсегментировалась от своей культуры. Поселившись в Британии, эта группа вступает в контакт с какой-то группой кресуэлльской культуры, если учесть факт, что самые ранние памятники британского маглемозе расположены в восточной части острова Британия. Сейчас трудно говорить о форме этих контактов. Но вполне допустимо считать, что аренбургская группа могла ассимилировать кресуэлльскую, будучи более гибко адаптированной к складывающимся послеледниковым условиям. Во всяком случае, в составе охотничьего вооружения британского маглемозе количественно несколько преобладают аренбургские компоненты. Сохранив в целом приёмы раскальвания кремня и вторичной обработки, почти общие у обеих культур-предшественниц, новое население сумело ещё лучше адаптироваться к окружающей лесной среде. При этом роль наконечников с черешком аренбургского и лингбийского типов, предназначенных для охоты в основном на открытых пространствах тундры и лесотундры, резко падает. Возможно, шире они могли ещё применяться на плато Пеннинских гор. Зато большое распространение получили в качестве наконечников стрел различные типы кремнёвых острей, а также костяные острья различной формы. Остальные категории орудий обеспечивали другие виды производственной деятельности. Безусловной мезолитической инновацией, которая была способом адаптации, являлись рубящие орудия, необходимые в лесной среде. Таким представляется формирование британского маглемозе.

Вторая раннемезолитическая культура – дуфензе – располагалась по соседству (территория современ-

ных Голландии, Северной Германии, Дании, Южной Швеции). Она тоже существовала в зоне довольно густого леса. Можно высказать две гипотезы о её сложении. Первая сводится к следующему. Поскольку её ранние памятники моложе соответствующих памятников британского маглемозе и в то же время их материальная культура чрезвычайно близка, можно предположить, что культура дуфензе образовалась в результате сегментации населения британского маглемозе, миграции на восток отсегментировавшейся части и дальнейшей адаптации её на новом месте. В этом варианте не остаётся места для культур-предшественниц на этой территории – аренбургской и федермессер.

Я больше склоняюсь к другому варианту. Культурная близость дуфензе и британского маглемозе несомненна. Однако есть и различия в инвентаре, даже в группе микролитов. Правда, это можно объяснить и дальнейшей адаптацией, но это же может свидетельствовать и об участии других групп в формировании дуфензе.

В технике раскалывания и вторичной обработки используются приёмы, известные во всех поименованных выше культурах, включая британское маглемозе. Качественный набор микролитов здесь несколько беднее. Правда, появляются новые формы, которых не было в Британии: сегменты и острия типа Ставинога. Они, видимо, были заимствованы от одной из культур федермессер (тьонгер ? риссен ?). Исчезают острия типа Маглемозе и с затупленным краем и ретушированным основанием. Нет наконечников с черешком. Остальные микролиты, в общем, повторяют формы британского маглемозе. Однако изменяются количественные соотношения их. Увеличивается роль мелких равнобедренных треугольников. Оценивая всё это, я предлагаю такой вариант возникновения дуфензе: отсегментировавшаяся часть населения британского маглемозе мигрирует на восток, где встречается с остатками населения одной из групп федермессер и ассимилирует его, заимствуя при этом некоторые формы микролитов. В дальнейшем при новой адаптации увеличивается роль острий типа Коморница и равнобедренных треугольников небольшого размера в качестве наконечников или зубцов составных орудий [2].

Коморницкая культура, вероятнее всего, является результатом адаптации группы населения, отделившегося от культуры дуфензе с миграцией на восток. Во всяком случае, все технико-типологические характеристики их очень схожи. По-видимому, представить процесс сложения коморницкой культуры можно так. От основного массива населения дуфензе вскоре после её оформления отделилась группа (группы ?), продвинувшаяся на восток и, адаптировавшись здесь, организовавшая новую культурную единицу.

Ещё одна культура этой общности сложилась в раннем бореале (?) – собственно маглемозе. Её население жило в разреженном лесу. Ей предшествовали ранние этапы британских маглемозе и дуфензе. При этом следовало бы отметить, что территория последней частично совпадает с территорией маглемозе (совр. Северная Германия, Дания, Южная Швеция). Вместе с тем, если судить по ряду радиоуглеродных дат, на поздних этапах дуфензе сосуществует с маглемозе, сохраняя характер, присущий домаглемозским дуфензейским памятникам.

Способ раскалывания камня, когда преобладающими формами нуклеусов становятся конический и торцовый, роднит маглемозе, как это ни странно, больше всего с аренбургом, а через него с обеими предшествующими мезолитическими культурами. Приёмы вторичной обработки характерны для всех предшествующих культур. Однако тип основных заготовок – правильных относительно длинных пластин – больше напоминает таковой поздних этапов британского маглемозе. Набор микролитов крайне разнообразен. Надо проследить, из каких предшествующих или синхронных культур были заимствованы те или иные их типы. Наиболее часто встречаемыми формами микролитов маглемозе были неравносторонние треугольники, порой с тремя ретушированными краями, пластины-вкладыши с ретушированным основанием, узкие большие прямоугольные и тупоугольные (яниславицкие) треугольники, острия типа Новы Млын, ромбовидные, типа Маглемозе, ланцетовидные, со скошенным концом, с затупленным краем и скошенным вверх ретушью основанием, типа Ставинога, яниславицкие [3].

Анализируя этот состав и сравнивая его с инвентарем предыдущих мезолитических культур, можно сказать, что часть таких орудий встречалась в британском маглемозе и дуфензе (острия косые и ланцетовидные, треугольники, хотя ни у одного из них третий край не обрабатывался). Из британского маглемозе заимствованы острия типа Маглемозе и с затупленным краем и ретушированным основанием, из дуфензе – острия типа Ставинога. Все остальные формы – инновации, однако развившиеся из уже прежде известных. Итак, в инвентаре маглемозе преобладают признаки британского маглемозе с меньшей долей дуфензе.

По-видимому, генезис маглемозе можно представить себе так. На рубеже VIII–VII тыс. до н.э. отсегментировалась часть населения британского маглемозе и мигрировала на восток. Тогда ещё не существовало современных очертаний Северного моря, и люди могли передвигаться по заболоченной местности типа современных голландских и немецких приморских маршей. Достигнув территории современной Дании, это население вступило в контакт с родственным населением культуры дуфензе, часть которого жила здесь (стоянка Клостерлунд). Обогатившись в этих контактах некоторыми элементами материальной культуры, оно в новых условиях природного окружения адаптировалось к ним свой инвентарь, в котором развился и ряд новых черт. В таком облике маглемозе просуществовало около тысячи лет. Возможно, продолжались в какой-то форме связи с британским маглемозе.

Затем наступил экологический кризис, выразившийся в поднятии уровня Мирового океана, что привело к сокращению территории, занятой прибрежными культурами. Особенно сильно этот кризис сказался на культуре маглемозе. Он не только оборвал её связи с Британией, но и вызвал её распад. Вследствие этого в начале VI тыс. до н.э. образовался ряд новых культур.

Единственной из них, сохранившей в значительной мере инвентарь маглемозе, оказалась культура ольдесло. С.К. Козловский считает, что она образовалась на территории Южной Швеции, а затем её население мигрировало на юг – до современной Северной Германии. Возможно, так оно и было. Но для данной темы это не так уж и существенно. Во всяком случае, можно сказать, что как основные приёмы раскалывания кремня и техники вторичной обработки, так и главные формы микролитов в ней почти целиком заимствованы из маглемозе. Количественно сокращаются только острия типов Маглемозе и Ставинога. Ещё одним отличием является появление трапеций, они представлены несколькими разновидностями. Какие-то из них могли быть заимствованы из соседней культуры фосна, какие-то – являться результатом южных контактов. Остальной инвентарь меняется очень мало: только больше становится рубящих орудий на отщепках.

Второй постмаглемозской культурой была де лейен-вартена (Голландия и Северо-Западная Германия). Способы раскалывания камня и вторичной обработки – маглемозские. В составе микролитической группы – явные следы маглемозе в виде разных вариантов неравносторонних треугольников, в том числе с тремя ретушированными краями, пластинок-вкладышей с ретушированным основанием; культуры дуфензе – в виде острий типа Коморница и, вероятно, позднего тарденуаза или культуры боберг – в виде многочисленных разнообразных трапеций. Острия типа Ставинога и ланцетовидные могли перейти из маглемозе или дуфензе.

Таким образом, формирование этой культуры можно было бы представить следующим образом: после распада маглемозе отсегментировавшаяся группа её носителей мигрирует на юго-запад, сохраняя при этом значительную часть признаков культуры. Здесь она вступает в контакт с оставшимися ещё группами населения дуфензе, испытывая, правда, не очень сильное, их влияние. В это же время на соседней территории формируется культура боберг, относящаяся к совтеррско-тарденуазской общности. Контакты де лейен-вартена с этой культурой приводят к обогащению инвентаря обеих культур новыми формами изделий.

Население третьей постмаглемозской культуры – конгемозе – осталось на территории, занятой прежде материнской культурой. Её инвентарь значительно беднее формами микролитов, чем маглемозский. Способы раскалывания камня и вторичной обработки – маглемозские. Но от маглемозе в категории микролитов остались только редкие ланцетовидные острия и вкладыши с ретушированным основанием. Зато появились многочисленные ромбы и высокие асимметричные трапеции. Возросла роль рубящих орудий на отщепках и типа Пик.

Формирование этой культуры представляется так. Вероятно, в течение существования маглемозе её носители постоянно контактировали с населением соседней культуры фосна, относившейся к другой культурной общности. В основе этих контактов, видимо, облегчая их, лежало то обстоятельство, что культура фосна была непосредственным наследником аренсбурга, элементы которого были и в составе маглемозе. Возможно, хотя это и очень трудно доказать, их языки ещё в VII тыс. до н.э. не настолько разошлись, чтобы они не могли понимать друг друга. После распада маглемозе люди, оставившие потом культуру конгемозе, оказались лицом к лицу с миром постаренбургского населения. Можно предполагать, что их взаимные контакты становятся более частыми и прочными, усиливается влияние населения фосна на постмаглемозское, результатом чего становится появление в конгемозе трапеций и ромбов. Очевидно, эти формы наконецников оказались в данном случае наиболее универсальными в условиях как приморского, так и внутриматерикового хозяйства при нарушении в некоторой степени маглемозских традиций, так как люди конгемозе успешно осваивают и приморские виды экономики.

Характер раскалывания, как и приёмы вторичной обработки в хойнице-пеньковской культуре (Польша) типично маглемозские. После распада маглемозе часть постмаглемозского населения, мигрировав на юго-восток, образовала эту культуру. Из маглемозе ею заимствованы неравносторонние треугольники разных форм, острия типа Новы Млын, пеньковские, пластины с ретушированным основанием. Острия типа Коморница, скорее всего, получены от коморницкой культуры.

Сложение этой культуры я представляю себе так. Отделившись от остального постмаглемозского населения, эта группа мигрирует на юго-восток. Здесь она вступает в контакт с оставшимся (претерпевшим внутреннюю сегментацию) населением коморницкой культуры, ассимилирует его часть и, расселяясь по долинам рек, адаптирует свою культуру к новым условиям. Во время своего существования эта новая культура испытала влияние южных культур (тардиграветта?), от которых обогатила свой инвентарь различными формами трапеций.

Последняя постмаглемозская культура – яниславицкая. Её происхождение вызвало достаточно оживлённую дискуссию. Выделивший её впервые С.К. Козловский сначала говорил об её постмаглемозском характере. Того же мнения придерживалась Р.К. Римантене, сопоставляя раскопанные ею памятники с маглемозскими. Б. Гинтер тоже считал возможным говорить о постмаглемозском её происхождении. Х. Венцковска выводила её из Восточной Европы, не называя предков. В 1970-х гг. С.К. Козловский изменил своё мнение и стал производить яниславицкую культуру от памятников гренского типа. В 1980-х гг. он опять меняет свои взгляды на происхождение этой культуры и выводит теперь её с юга, не уточняя предка.

Моя точка зрения всегда была неизменной: яниславицкая культура – постмаглемозская. Об этом говорят прежде всего характер раскалывания камня с преобладанием конических и наличием «ладьевидных» торцовых нуклеусов и основных заготовок – правильных пожевидных пластин, а также характер вторичной обработки. Оба главных элемента в микролитической группе (острия и треугольники яниславицкого типа) тоже известны в маглемозе. Маглемозский характер имеют и костяные острия с пазами для вкладышей. Необходимо отметить и ещё один факт: яниславицкие памятники без трапеций и со значительным

числом рубящих орудий, которые всеми специалистами признаются самыми ранними, находятся в северных частях ареала культуры. Имеющиеся в яниславицкой культуре трапеции могли быть заимствованы в результате контактов и из южных культур.

Схема формирования этой культуры мне видится такой. Отсегментировавшаяся часть населения после распада маглемозе испытала давление носителей родственных культур и была вынуждена мигрировать на юго-восток (причём это произошло до миграции хойнице-пеньковского населения). В ходе миграции по обитаемым районам эта группа сталкивалась с сопротивлением населения данных мест, что приводило к её постоянному вытеснению и передвижению. В этих условиях люди пошли по пути минимизации форм своего охотничьего вооружения. И только при контактах с южными группами в процессе передвижения оно обогатилось трапециями.

Тарденуазская культура сложилась в VIII тыс. до н.э. Вероятно, этот процесс происходил сначала в верховьях Дуная на стыке современных Германии и Франции. Впоследствии тарденуазское население расширило свою территорию.

Система раскалывания кремня тарденуаза в значительной степени заимствована из азийской и аренбургской культур, хотя и здесь очень рано возникли мезолитические инновации. То же самое следует сказать и о приёмах вторичной обработки. В микролитической группе есть элементы, полученные из азии (острия типа Ставинога, Совтерр, ланцетовидные, сегменты) и из аренбурга (треугольники разных типов, острия типа Тарденуа и Коморница). Правда, необходимо отметить, что тарденуазская кремнёвая индустрия имеет гораздо больше черт сходства с южными культурами (совтерр, романелли), чем с культурными кругами с накопечниками с черешком или дуфензе-маглемозе. Она является как бы самым северным ранне-мезолитическим проявлением постазийской культурной общности. Складывание её видится так: в самом начале голоцена носители азийской культурной традиции продвинулись в северные предгорья Альп, где встретились с южной группой аренбурга. Результатом их слияния и явилась тарденуазская культура. Наконечники аренбургского типа были отвергнуты в силу довлеющей более сильной традиции в системе охотничьего вооружения острий с затупленным краем. В дальнейшем развитии тарденуазский инвентарь обогащался новыми чертами – трапециями и пластинами типа Монбани [4].

На основе тарденуаза сформировалось ещё несколько мезолитических культур (в конце бореала – начале атлантика). Одной из них была культура боберг. В ней в основном сохраняется тарденуазская система раскалывания кремня и вторичной обработки. Микролитическая группа инвентаря включает как элементы тарденуаза (острия типов Совтерр и Тарденуа), так и дуфензейско-маглемозской общности (треугольники с ретушью по трём краям); есть формы, присущие обеим общностям (треугольники разных типов, острия типа Коморница). Возникновение этой культуры я рассматриваю так. Во второй половине бореала в Центральной и Западной Европе широколиственные леса начинают двигаться к северу. Вслед за ними сдвигаются и ареалы некоторых видов животных (например, кабана). За этим происходит подвижка части населения совтеррско-тарденуазской общности. Отделившись от него, вернее, от его группы, жившей в предгорьях Альп, часть достигает нижнего течения Эльбы, где вступает в контакт с населением дуфензейско-маглемозской общности не совсем ясной культурной принадлежности. В результате этого складывается культура, тарденуазская в основе, но с долей маглемозско-дуфензейских элементов. Возможны в дальнейшем взаимоотношения с соседними культурами де лейен-вартена и ольдесло [5].

Второй культурой, возникшей на базе тарденуаза, была нижнерейнская. Характер раскалывания камня и вторичной обработки в значительной степени тарденуазский. Инновацией является плоская ретушь, покрывающая некоторые микролиты по всей поверхности, а также своеобразные наконечники, не встречающиеся больше ни в одной культуре. Часть микролитов целиком тарденуазская (острия типа Тарденуа, разные варианты трапедий, прямоугольники), часть встречалась в тарденуазе и в дуфензе (острия типа Коморница, разные треугольники). Образование её кажется таким. Часть населения тарденуаза из бассейна Сены мигрирует на север, в район дельты Рейна, где встречается с ещё остававшейся там группой дуфензе, ассимилирует (?) её и образует новую культуру. Неясен вопрос о возникновении микролитов и наконечников со сплошь ретушированной поверхностью. Во всяком случае, они возникают задолго до первого прихода сюда неолитического населения из бассейна Дуная.

Культура шиппи хилл возникла на острове Британия. Она имеет, в общем, тарденуазскую систему расщепления кремня. В технике вторичной обработки, однако, наряду с тарденуазскими сохраняются и элементы британского маглемозе. Состав микролитов позволяет выявить черты как тарденуазские (острия типов Совтерр, Тарденуа, прямоугольники), так и британского маглемозе (острия с затупленным краем и ретушированным вверх основанием, ланцетовидные, типа Маглемозе); есть элементы, равно присущие обеим названным культурам (острия типа Коморница, треугольники, низкие трапеции). Надо отметить, что количественно типы микролитов культур-предшественниц примерно равны [6].

По-видимому, формирование этой культуры связано с приходом в Британию какой-то группы совтеррско-тарденуазской культурной общности. С.К. Козловский предполагает, что это были носители совтеррской культуры. Однако мне кажется, что все элементы, присущие указанной общности, встречающиеся в культуре шиппи хилл, есть в гораздо ближе, чем совтеррская культура, расположенном к Британии тарденуазе. Чтобы попасть в Британию, носителям совтерра пришлось бы пройти через “домен” тарденуаза. Ещё один аргумент: на юго-востоке Британии встречаются настоящие тарденуазские стоянки, которые в 1930-х гг. английские археологи называли хоршемской культурой. Поэтому я считаю, что в Британию пришло тарденуазское население. Здесь оно встретилось с населением британского маглемозе, произошло слияние этих

двух групп. При этом для дальнейшей эксплуатации были отобраны (вариант адаптации) те элементы, которые были наиболее пригодны в создававшихся условиях густого широколиственного леса. В таком виде культура просуществовала до прихода иноземного неолита.

Ларнийская культура возникла, вероятно, в результате переселения с острова Британия на остров Ирландия отделившейся части населения культуры шиппи хилл. В результате островной изоляции и адаптации её материальная культура настолько изменилась, что очень трудно без серьёзной ошибки определить её предка.

Культура фосна возникла в VIII тыс. до н.э. на территории современных Южной Норвегии и Южной Швеции. Это произошло в основном на базе аренбургской культуры. Сохраняются аренбургские приёмы раскалывания камня и вторичной обработки. Распространены паконечники стрел аренбургского и лингбийского типов, появляются наконечники, похожие на них, но с обработкой полукруглой ретушью на брющке, а также наконечники, производные от аренбургских, – с боковым выемкой у основания (асимметричные или коселезвийные). Распространены острия с затупленным краем и ретушированным основанием, ромбы, высокие трапеции, острия типа Коморница. Ишповация – рубящие орудия.

Как представляется, в первой половине VIII тыс. до н.э. отделившаяся аренбургская группа, вобрав в себя немногочисленные элементы культуры одной из групп федермессер, мигрирует за уходящими на север стадами северного оленя через Скандинавский мост суши в Южную Скандинавию, где, адаптируя несколько свою культуру, сохраняет ту же экономику. Адаптация выражается в более широком распространении наконечников с боковой выемкой, ромбов и высоких трапеций как более эффективного вооружения в разных экологических нишах.

Североскандинавская культура комса в значительной степени повторяет этот путь происхождения. Различия с фосна крайне невелики. Несколько изменяются формы топоров, появляется шлифовка, есть острия типа федермессер и ланцетовидные, нет острий с ретушированным основанием и затупленным краем. Остальные компоненты практически не отличаются от культуры фосна.

Формирование культуры комса происходило, вероятно, так. В середине VIII тыс. до н.э. от населения фосна отсегментировалась группа, которая по западному побережью совр. Норвегии достигла севера Скандинавского полуострова и Кольского полуострова, где адаптировалась к суровым условиям Приполярья.

Культура аскола-суоумусярви имеет большое сходство в инвентаре с двумя предыдущими. Характер раскалывания камня похож на фосна и комса, вторичная обработка схожа с культурой комса. В составе инвентаря есть наконечники аренбургского типа, а также формы с боковой выемкой у основания. Микролитическая группа довольно бедна, но включает острия типа федермессер и высокие трапеции.

Такой состав вооружения позволяет роднить эту культуру с двумя предыдущими. О её возникновении можно высказать такие предположения. Первое: эта культура – результат переселения на данную территорию части населения культуры комса. Второе: она – результат прихода в Финляндию части населения аренбургской культуры через Северную Швецию или по льду Ботнического залива. Слабость этой точки зрения в том, что в Восточной Швеции нет аренбургских памятников или элементов. Намечается сейчас и третья точка зрения: эта культура ведёт происхождение от кундской или бутовской. Однако ни для кундской, ни для бутовской культур не характерны коселезвийные наконечники, высокие трапеции и острия типа федермессер. Поэтому, может быть, вопрос этот пока следует считать открытым.

Главное место в мезолите Восточной Европы занимают культуры постсвидерской общности. Одной из них была неманская. До неё на этой территории существовали свидерская культура и какой-то вариант постлингби. Неманская культура складывалась в условиях наступающего леса.

Характер расщепления кремня в ней сначала свидерский, потом в ходе развития культуры основной формой нуклеуса становится коническая. Приёмы вторичной обработки тоже сначала свидерские, затем применение плоской ретуши уменьшается. Наконечники стрел – вначале свидерские, аренбургские, постсвидерские, затем роль двух первых сильно снижается, постсвидерские же получают развитие и разнообразие форм и характера обработки. Среди микролитов – разные варианты вкладышей, симметричные острия, в поздних памятниках встречаются острия и треугольники яниславицкого типа, трапеции, прямоугольники, отдельные микролиты других типов; есть и инновация – рубящие орудия [7].

Складывание этой культуры произошло после распада свидерской, когда часть её населения, оставшаяся в бассейне Немана, обогатив свой инвентарь немногочисленными аренбургскими элементами, адаптировала его к новым природным условиям. В дальнейшем, испытав некоторое влияние яниславицкой культуры, неманская заимствовала у неё отдельные элементы.

Вторая культура постсвидерской общности – кундская. Располагалась севернее неманской. Она возникла на прежде почти незаселённой территории (известен только один памятник свидера). Развитие происходило уже в лесной среде. Характер расщепления камня, пожалуй, уже постсвидерский. Во вторичной обработке на первых порах сохраняются свидерские приёмы плоской ретуши на брющке орудия, есть и крутая ретушь. Рано появляется техника шлифовки. В составе каменного инвентаря – наконечники стрел постсвидерского типа обработки, формы с плоской ретушью на брющке на пере, асимметричные формы, напоминающие аренбургские с боковой выемкой или производные от них. Каменные наконечники сохраняются только на ранних этапах развития культуры. В группе микролитов характерны разные вкладыши, есть треугольники, напоминавшие яниславицкие (редки). Много форм рубящих орудий [8].

Кундская культура складывалась, вероятно, в результате сегментации свидерской после её распада. Выделившаяся группа мигрировала на север, испытав некоторое влияние аренбурга. Постепенно адаптируя

свой инвентарь к отсутствию хорошего кремнёвого сырья и новым природным условиям, население кундской культуры просуществовало на этой территории несколько тысяч лет.

Третья постсвидерская культура – бутовская – формировалась в центре Русской равнины, где до неё были постлингбийская группа типа Усть-Тудовка I и группа типа Алтыново-Заозерье. Существовала в лесной зоне. Характер расщепления кремня – постсвидерский, хотя намечаются переходы от свидерского. Нуклеусы различны. Основная заготовка, как и в свидере, – пластина. Приёмы вторичной обработки разнообразны, на ранних этапах заметно наличие свидерской плоской ретуши. Рано появляется шлифовка. В охотничьем вооружении на ранних памятниках заметна доля свидерских наконечников с участием аренбургского типа, затем широко развиваются постсвидерские, сохранявшие основные формы свидерских – черешковую и иволистную. Очень редки наконечники рессетинского типа. В микролитической группе на первом этапе отмечается наличие ланцетовидных острий, представлены острия косые и симметричные. Широко распространены разные варианты вкладышей. Среди геометрических орудий – редкие прямоугольники и трапеции. Много форм рубящих орудий [9].

Состав охотничьего вооружения и микролитической группы инвентаря предполагает следующий путь формирования культуры. После распада свидера (а может быть, и несколько раньше) одна из групп его носителей, возможно, уже обогащённая аренбургскими "элементами", движется на северо-восток, где встречается с редкими уже остатками населения групп типа Алтыново-Заозерье, ассимилирует их и генерирует новую культуру. В процессе развития испытывает влияние кундской культуры, что формирует в бутовской вкладышевую группу инвентаря. Позднее наблюдаются контакты с иневской и рессетинской культурами, но они не оставляют заметного следа в бутовской.

Гораздо труднее вопрос об образовании культуры веретье. Она возникла на территории, где не известен финальный палеолит. Формировалась эта культура в лесной среде. Судя по формам каменных наконечников, она относится к постсвидерской культурной общности. Характер расщепления камня не отличается от такового у культур этого круга: найденные формы нуклеусов известны и в других его культурах. Известные формы микролитов также не выходят за пределы постсвидерского культурного круга. Формы рубящих орудий – тоже. Единственная инновация – секировидные мотыги. Костяной инвентарь имеет много общих черт с бутовским и кундским. Можно предположить, что данная культура сформировалась путём отделения группы населения от какой-то более ранней постсвидерской культуры (Кунда? Бутово?), мигрировавшей на свою будущую территорию, с последующей адаптацией.

Инвентарь сухонской культуры во многом совпадает с инвентарём поздних этапов бутовской. Здесь те же принципы расщепления кремня и вторичной обработки, тот же основной набор орудий. Можно предположить, что данная культура обязана своим возникновением отделившейся группе бутовского населения, мигрировавшей в бассейн Северной Двины и там адаптировавшейся к местной экологической нише [10].

Вопрос о генезисе памятников типа Андозеро-М сейчас решить тоже очень трудно, хотя характер расщепления кремня, приёмы вторичной обработки и формы основных категорий орудий здесь, несомненно, постсвидерские.

Образование днепро-двинской группы (культуры) представляется более простым. Она продолжает развитие существовавших здесь свидерских памятников типа Яново.

Онежская культура возникла, по-видимому, тоже на базе одной из ранних постсвидерских культур. Более точно сказать об этом что-либо сейчас трудно.

Ряд культур в Восточной Европе имеет в своей основе восточный аренбург (или постлингби). Одной из них была иневская, которая формировалась во время становления на её территории лесной зоны. Её предшественники в Волго-Окском междуречье уже упомянуты выше. Характер раскалывания камня неустойчив: формы нуклеусов крайне разнообразны, однако можно уловить как аренбургские (конические, подконические, подпризматические), так и относящиеся к палеолиту типа Алтыново-Заозерье формы (в частности, торцовые и аморфные). Основной заготовкой служил отщеп, хотя доля пластин достаточно велика. При вторичной обработке использовались приёмы, в целом более присущие постлингби, особенно кругая, иногда встречающаяся ретушь. В составе комплекса орудий выделяются серии асимметричных (косолезвийных) наконечников стрел с выемкой у основания или без неё, известные в некоторых комплексах постлингби, есть отдельные аренбургские и постсвидерские наконечники. Характерны наконечники с поперечным лезвием, иногда с выраженным черешком. Много трапеций различных типов, есть треугольники, ромбы, сегменты, хотя и единичные. Все они – производное от форм, встречающихся в предшествующих культурах. Есть немного острий типа Коморница (из аренбурга), ланцетовидных (производных от "федермессеров"), косых. Характерна форма рубящих орудий с перехватом.

Генезис данной культуры мне представляется так. В конце плейстоцена в Верхнем Поволжье поселяется группа носителей традиций постлингби (или восточного аренбурга). Здесь она встречается с редким уже населением памятников типа Алтыново-Заозерье, ассимилирует какую-то его группу, обогатив свой инвентарь немногочисленными элементами его орудийного комплекса. В результате возникает иневская культура. В дальнейшем у неё были контакты с бутовской культурой.

Существует ещё точка зрения А.Е. Кравцова [11] о формировании иневской культуры. От моей она отличается тем, что, как считает А.Е. Кравцов, в этом процессе вместо населения типа Алтыново участвовало население, оставившее стоянку Боршево II на Среднем Дону. Время покажет, кто из нас был прав.

Ещё одна культура этой общности, с моей точки зрения, является продолжением развития иневской. Это песочноровская. Судя по имеющимся хронологическим реперам иневской культуры, её существование

прерывается в середине бореала. Для песочноровской есть только одна дата С-14, относящаяся к атлантику. По мнению Л.Л. Зализняка, большая часть поселений этой культуры существует в данное время. По сути дела, только стоянка Песочный Ров кажется ему более ранней. Проведённый мною анализ инвентаря показал, что состав микролитов во всех памятниках культуры одинаков, а из наконечников в поздних поселениях преобладают аренсбургские (т.е. ранние), а в Песочном Рове – асимметричные с боковой выемкой (т.е. более поздние). Из этого можно сделать вполне допустимый вывод, что если Песочный Ров и раньше основного массива памятников, то незначительно.

Поэтому я предлагаю такую гипотезу. В первой половине бореала часть иеневского населения покидает Волго-Окское междуречье и переселяется в бассейн Десны.

Усть-камская культура родственна по инвентарю двум вышеупомянутым. Однако с её возникновением не всё вполне ясно. Её памятники имеют много общего с предшествующим финальным палеолитом типа Сюжеевский взвоз. Вполне вероятно, что, согласно предположению М.Г. Косменко и М.Ш. Галимовой, усть-камская культура – голоценовое продолжение финального палеолита.

Неясным остаётся пока происхождение камской и рессетинской культур. Эта проблема, надеюсь, будет решена в будущем.

Все стороны генезиса (традиционные линии, механизм и факторы, влияющие на тот или иной его вариант) тесно переплетены между собой, и разделить их чрезвычайно трудно. В самом деле, условия внешней среды, являющиеся одним из важнейших факторов в этом процессе, чаще всего определяли механизм его, диктовали отбор тех или иных форм орудий, получавших в новой культуре порой определяющее значение, и отбрасывание ненужных в данных условиях, с точки зрения человека мезолита, форм.

С другой стороны, ещё более важным кажется и такой фактор, как культурная традиция. Подавляющее количество форм орудий всех категорий в каждой новой культуре заимствовано из предшествующих или является модификациями уже известных форм. Чаще всего в новой культуре преобладает одна линия традиций. Оценка этих двух факторов генезиса на материале всех мезолитических культур показывает, что именно культурная традиция была всегда на первом месте в формировании новой культуры, а природный фактор отходил на второй план, оставаясь тоже очень важным. Вероятно, можно было бы назвать и другие факторы. Но мне кажется, что все они – производные от этих двух.

Механизм генезиса культуры – явление строго индивидуальное. Трудно определить здесь какую-либо закономерность. При его исследовании, наверное, нужно принимать во внимание последовательность событий. Она может быть, например, такой: сначала идёт оценка имеющихся в распоряжении данной группы населения основных возможных компонентов материальной культуры; за ней следует отбор необходимых в данных условиях её элементов; возможное включение инноваций; закрепление в традиции и, следовательно, в сознании всех её компонентов, т.е. оформление комплекса материальной культуры. Вероятно, археологам очень трудно будет изучить духовную часть этого механизма – осознание территории, самосознание людей и т.д.

О выражениях традиций (линиях генезиса) подробно говорилось выше.

В заключение хотелось бы сказать о формах, в которых происходит складывание культур. Мне кажется, пока их можно выделить три. Первая: новая культура складывается на основе по меньшей мере двух предыдущих, причём признаки одной из них в новой культуре преобладают. Вторая: слияние двух культур, когда в новой культуре их признаки проявляются примерно поровну. Третья: когда новая культура складывается в результате отделения от уже существующей, сохраняя основные черты своей материальной культуры, но осваивая новую территорию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clark J.G.D. Report on the Broxburne Industry // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. V. 64. 1934.
2. Bokelmann K. Duvensee, ein Wohnplatz des Mesolithikums in Schleswig-Holstein, und die Duvenseegruppe // Offa. V. 28. 1971.
3. Brinch Petersen E. A Survey of the Late Palaeolithic and Mesolithic of Denmark // The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973.
4. Rozoy J.-G. Les derniers chasseurs. Charleville, 1977.
5. Schwabedissen H. Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutschland. Neumünster, 1944.
6. Clark J.G.D. A Microlithic Industry from Cambridgeshire Fenland and Other Industries of Sauveterrian Affinities from Britain // Proceedings of the Prehistoric Society. V. 21. Cambridge, 1955.
7. Римаитене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
8. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
9. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
10. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
11. Кравиц А.Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V. Koltsov

THE FORMATION OF THE MESOLITHIC CULTURES OF NORTHERN EUROPE

Summary

The article considers the problem of formation of the most of the Mesolithic cultures of Northern Europe. The author comes to the conclusion that there were 3 forms of the process. 1. A new culture was formed on the base of not less than two previous ones with the predominant features of one of them (predominance). 2. A new culture originated in the confluence of two cultures and the features of those were equally presented in the new one. 3. A new culture separated itself from the existing one and in the course of occupying a new territory it developed its own principles of adaptation though at the same time it preserved the previous one's basic elements.

Environment and cultural traditions which dominated in the process are considered to be the basic factors influencing the cultures' formation in that way or another.

The author traces the traditions for each culture. The mechanism of cultures' formation is strictly individual for each and every culture, and does not submit to any general rule.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Л.В. Кольцов

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР МЕЗОЛИТА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Во время своего существования большинство известных культур мезолита претерпевало поступательное развитие, что отражалось прежде всего в изменениях их инвентаря. Не для всех культур мы можем определить характер и тенденции этого развития; чаще всего это связано с тем, что не все культуры располагают большим количеством независимых датировок, а некоторые из них (например, хойнице-пеньковская) и совсем их не имеют. В ряде случаев развитие культуры невозможно проследить из-за относительной кратковременности её существования, что не даёт уверенности в уяснении характера и тенденций развития. Поэтому в данной статье я буду говорить не обо всех культурах, известных в рассматриваемом регионе, а только об их части.

Вместе с тем, есть культуры, которые существовали достаточно долго: бутовская, кундская, вероятно, неманская, тарденуаз – в течение почти трёх тысячелетий, британское маглемозе, дуфензе, коморницкая – по крайней мере, двух; все скандинавские культуры тоже имели достаточно долгое существование. Всё это позволяет сделать попытку проследить если не характер (что очень затруднено без достаточного числа публикаций отдельных памятников), то тенденции развития той или иной культуры.

Если сравнить две ступени британского маглемозе (стар карр и броксбери), то признаки развития культуры проступают достаточно отчётливо. На второй ступени заготовки – ножевидные пластины – становятся более правильными, чем на первой ступени, где они больше напоминают пластинчатые отщепы. Практически не меняется качественный и количественный состав категории скребков: почти нет только двойных концевых. Зато категория резцов меняется довольно ощутимо: если на ранней ступени количество резцов составляло иногда до 30% всех орудий комплекса, то на поздней ступени известен ряд памятников, где резцов вообще нет. Да и количество их форм резко сокращается. Практически нет перфораторов, которые на раннем этапе составляли в некоторых стоянках до 10% орудий. Почти совершенно исчезли наконечники: только в отдельных комплексах есть наконечники типа Маглемозе (производные от аренсбургских), в то время как наконечники типа Лингби исчезли совсем. Подверглась изменению микролитическая группа: микролитов в комплексах стало больше, на одно из первых мест по количеству выдвигаются ланцетовидные острия, которых на первом этапе было немного, появляются острия типа Маглемозе, а также с одним затупленным полностью и другим у основания краями. Резко падает число неравносторонних треугольников, а равнобедренные становятся более вытянутыми в пропорциях. В целом ряде стоянок (более 20) заметны признаки влияния тарденуаза в виде острий типов Совтерр и Тарденуа. К сожалению, ничего не могу сказать об орудиях из кости и рога, поскольку достоверные их находки, связанные с кремнёвыми комплексами, на втором этапе неизвестны [1; 2].

Как объяснить такие изменения? Население на ранних этапах развития этой культуры, если судить по данным палинологии, жило в условиях, когда в Британии был ещё разреженный сосново-берёзовый лес с большой долей необлесённых участков. Поэтому ещё имели значение некоторые виды охотничьего вооружения, оставшиеся с финального палеолита (наконечники типа Лингби). На поздних этапах носители этой культуры существуют уже в условиях сплошной облесённости территории, причём с большой примесью пироклиственных пород. По-видимому, это вызвало к жизни адаптивную тенденцию развития, что привело к утере ряда финальнопалеолитических черт в инвентаре и развитию других элементов, более пригодных в создавшихся условиях. Вместе с тем, надо признать, что есть и вторая тенденция – сохранение культурных традиций. В самом деле, целая серия типов вещей, найденных в комплексах поздней поры развития культуры, или имеет аналогии или является производной от вещей как ранней фазы той же культуры, так и от более ранних элементов. Это группы форм скребков, резцов, микролитов (не буду их перечислять). Третьей тенденцией, чётко прослеживающейся в период развития данной культуры, особенно её поздних фаз, является усиление контактов с соседними культурами, что способствовало обогащению инвентаря.

Развитие культуры дуфензе (VIII-VII тыс. до н.э.) можно проследить по многослойным стоянкам, давшим по несколько слоёв этой культуры – Фризак, Дуфензе, Пиннберг, Хоем Фихельс, а также однослойным датированным памятникам. Очень серьёзное исследование данной культуры произведено К. Бокельманом [3]. Новые данные даёт предварительная публикация материалов Фризака. К. Бокельман и Б. Грамш делят дуфензе на три хронологических этапа или ступени: преборсальную, раннеборсальную и позднеборсальную. В течение этих стадий расщепление камня, вторичная обработка, формы орудий обработки продуктов

охоты (скребки, резцы, перфораторы) меняются мало. То же можно сказать и о костяной и роговой индустрии.

Зато микролитическая группа и рубящие орудия обнаруживают явные признаки изменения во времени. В группе микролитов это, в основном, количественные изменения одних и тех же форм. Скажем, если в пребореальных комплексах резко преобладают острия типов Коморница и Маглемозе, то в раннебореальных увеличивается число треугольников, вышеназванных типов становится меньше, возрастает число острий других типов. Среди треугольников появляются удлинённые формы. В позднебореальных стоянках увеличивается доля острий типа Ставиного и ланцетовидных (их было немного на ранних этапах), которые численно сравниваются с остриями типов Коморница и Маглемозе. Среди треугольников преобладают уже удлинённые.

В пребореальных слоях имеются оббитые топоры и тёсла и топоры типа Пик. В раннебореальных слоях к ним добавляются ещё валиковые топоры и булавы. В позднебореальных появляются топоры и тёсла на отщепках.

Эти довольно небольшие отличия хронологического порядка могут говорить об адаптивной тенденции развития культуры, с одной стороны, и о тенденции сохранения существующих традиций – с другой. Иначе говоря, в развитии этой культуры тоже проявляются эти две важнейшие тенденции. Есть и третья: уже на самой ранней, пребореальной ступени в памятниках обнаруживаются элементы тарденуаза в виде острий типов Совтерр (во Фризаке) и Тарденуа (во Фризаке, Дуфензе, Клостерлунде). В дальнейшем эта тенденция продолжается, что видно и по некоторым стоянкам позднего дуфензе. На поздних этапах проявляется и ещё одна тенденция: во второй половине бореала в этой культуре складываются три локальных группы: классическая, представленная поздними слоями дуфензе Фризак и стоянкой Хоен Фихельн, где среди микролитов преобладают острия, присущие почти всем культурам этой культурной общности (типов Коморница, Маглемозе); северная (стоянки Мельстед, Хенниге, Бостелле, Мункарп 9), где доминируют острия с затупленным краем – типа Ставиного и ланцетовидные; и группа в Северо-Восточной Германии (стоянки Флессенов, Финероде 2), где очень заметны тарденуазские элементы. Таким образом, здесь проявляется и ещё одна тенденция – вероятное ослабление внутренних связей с образованием локальных групп.

Очень трудно проследить развитие многих других культур этой общности: или из-за отсутствия значительного числа независимых датировок или из-за относительно кратковременного существования культур. Тем не менее, некоторые исследователи считают возможным говорить о существовании фаз развития у этих культур. Так, С.К. Козловский [4] отмечал в бореальных комплексах коморницкой культуры рост количества равнобедренных треугольников, развитие на её поздней фазе скребков неправильной формы («скробо-чей»), появление трапеций и треугольников с тремя ретушированными краями на атлантической фазе. Такие небольшие изменения могут говорить об адаптивной тенденции и усилении контактов с другими культурами. Я бы выделил и третью тенденцию – к ослаблению внутренних связей и распаду массива культуры на локальные группы, о чём может свидетельствовать доживание юго-западной группы до IV тыс. до н.э.

Признаки развития культуры маглемозе, пожалуй, серьёзным образом не проявляются. Поэтому о тенденциях в ней я ничего сказать не могу. Может быть, следует только отметить стандартизацию получения заготовок для каменных орудий.

По Х. Швабедиссену [5], основывающемуся на своих раскопках серии стоянок культуры ольдесло на Затрупском болоте, её можно разделить на две фазы: на ранней много удлинённых треугольников, топоров и тёсел с двусторонней оббивкой; на поздней среди треугольников больше равнобедренных, а топоры и тёсла ретушируются только на спинке. Такие изменения не дают оснований для серьёзного разговора о тенденциях развития.

Пожалуй, можно сказать о постмаглемозских памятниках Польши, что их материальная культура развивается в сторону изменения пропорций орудий. Это не может служить основанием для разговора о тенденциях развития. Но об этой культуре (хойнице-леньковской) можно говорить в другом плане: уже почти с её начала она дробится на несколько вариантов, что отмечает тенденцию к распаду.

Что касается яниславицкой культуры, то тут больше вопросов, чем ответов и предположений. В последней своей работе о мезолите Польши С.К. Козловский [4], приводя данные о хронологии этой культуры, считает возможным допустить, что памятники без трапеций – более ранние, чем с трапециями. Первых немного, они находятся в Литве, Белоруссия, на Украине и кроме отсутствия трапеций отличаются наличием серий рубящих орудий, которых в других яниславицких памятниках почти нет, и более развитой группой резцов. Если принять эту мысль, то тенденция развития инвентаря этой культуры сводится к обогащению его трапециями и исчезновению рубящих. Это, вероятно, адаптивный момент. Вторая тенденция в этой культуре – стандартизация основных типов микролитов: острий и треугольников яниславицкого типа, трапеций. Третья тенденция – разделение культуры на ряд локальных вариантов. Четвёртая – обогащение инвентаря через контакты с другими культурами.

В тарденуазской культуре разными авторами выделяется разное количество фаз или этапов. При этом часто используется стратиграфическая последовательность в пещерах, где иногда присутствует по несколько тарденуазских слоёв. Порой обращается внимание только на изменения в микролитической группе, гораздо реже используются другие категории орудий (к сожалению, очень мало памятников опубликовано полностью, поэтому часто очень сложно проверить данные, которые иногда даже у одного автора весьма противоречивы).

В. Гауте, раскапывавший пещеры Егерхаус и Цигёйнерфельс, считает, что в раннетарденуазских слоях

представлено большое число острий типов Коморница и Ставинога, на средней фазе возрастает число острий типа Тарденуа, равнобедренных треугольников, появляются неравносторонние треугольники. На фазе перехода от борсала к атлантику начинают доминировать очень узкие неравносторонние треугольники – пеньковского типа. И, наконец, на финальной фазе появляются трапеции разных типов. А. Тевенен [6] предлагает примерно ту же схему развития. Различия сводятся к тому, что он отмечает большую правильность пластин-заготовок на финальной фазе тарденуаза, а также большую роль острий типа Тарденуа уже на ранней фазе. Его схема основана, главным образом, на материалах пещеры Маннлефельзен, тарденуазские слои которой были раскопаны на небольшой площади и, в общем, довольно бедны.

Однако, с моей точки зрения, это упрощённое понимание развития данной культуры. Признаки такого развития видны не только в микролитической группе. К финальным этапам тарденуаза меняется характер основных заготовок. Пластины становятся постепенно более правильными, чаще стали употребляться и отщепы. Сокращается число типов нуклеусов, употребляются в основном конические и подконические. Становится более разнообразной и ретушь, встречается и плоская. Появляется шлифовка. Среди скребков возникают округлые. Почти исчезают боковые резцы, остаются, главным образом, двугранные. Широко распространяются пластины с выемками (типа Монбани), которые в памятниках раннего тарденуаза или отсутствуют, или крайне редки. Разнообразится костяная индустрия, появляются, в частности, плоские гарпуны из рога благородного оленя, ножи из клыков кабана, кинжалы, муфты для топоров с отверстием. Распространяются мелкие шлифованные каменные топоры и тёсла.

Таким образом, здесь просматривается, с одной стороны, адаптивная тенденция. С другой стороны, поражает стандартизация инвентаря. Удивительны, например, стандартность формы и размеры серии трапедий из стоянки Монбани 13. Создаётся впечатление, что они вышли из-под руки одного мастера. Естественно, проявляется и тенденция к сохранению традиций: через весь тарденуаз проходят острия типа Тарденуа и разного вида треугольники, которые и определяют лицо этой культуры. Тенденция к появлению инноваций видна по некоторым новым формам: сначала пластинам типа Монбани, затем трапециям – симметричным и асимметричным (остриям типа Вьелль). И, наконец, хорошо проявляется тенденция к появлению целого ряда локальных вариантов: это и классический тарденуаз Парижского бассейна, бейронский вариант в Северо-Восточной Франции, Юго-Западной Германии и Северной Швейцарии, божалский вариант к югу от Сены (в междуречье Сены и Луары), арденнский вариант в Северной Франции и Бельгии, порманский вариант в Западной Франции [7].

Культуры тарденуазского круга, кроме шиппи хилл, существовали относительно недолго и, самое главное, практически не имеют дат по методам естественных наук. Однако кое-какие замечания о тенденциях их развития можно сделать.

Культура боберг, судя по её материалам, поддерживает тенденцию к сохранению традиционных элементов (острия типов Тарденуа и Совтерр, треугольники). Прослеживается тенденция к контактам с другими культурами (наличие маглемозских элементов и трапедий).

Нижнерейнская культура во многом сохраняет традиционные тарденуазские черты (острия типа Тарденуа, различные треугольники). Однако в ней прослеживается и другая тенденция – инновационная. Это выражается в широком распространении плоской ретуши, часто покрывающей спинку изделия целиком, а также в появлении совершенно новых типов орудий: наконечников стрел – иволистных и асимметричных («листья омелы») с плоской ретушью на поверхности, а также треугольников с такой же ретушью и прямоугольников. Зато почти исчезают резцы. Вероятно, тут играет роль и своеобразная адаптивная тенденция [8].

С культурой шиппи хилл немного сложнее. Она складывалась на базе двух культур – британского маглемозе и тарденуаза. В её комплексах сохраняются элементы обеих культур. Следовательно, здесь как бы существует тенденция поддержания двух традиций. К концу её существования как будто бы намечается тенденция к стандартизации инвентаря. Сам набор элементов при формировании культуры говорит об адаптивной тенденции.

Некоторые из культур свидерской традиции (неманская, днепро-двинская) не имеют независимых датировок. Материалы других (памятники типа Андозеро-М, онежская) в недостаточной степени опубликованы. В третьих культурах (например, веретье) по-настоящему опубликовано совсем немного хорошо датированных памятников. И только бутовская и куцкая культуры отвечают, пожалуй, всем требованиям.

Бутовская культура [9] на раннем этапе имеет ещё очень много общего со своими предками. Так, наконечники стрел представлены чаще свидерскими и, в меньшей степени, аренбургскими и постсвидерскими формами. Весьма неразвита вкладышевая группа. Расщепление кремня носит характер, переходный от свидерского к мезолитическому. Остальные категории орудий сохраняют традиционный облик.

Уже в конце преборсала появляются черты изменений. Резко развивается вкладышевая группа. Среди наконечников усиливается роль постсвидерских. Появляются редкие геометрические формы. В категории резцов на первое место выходят угловые. Есть две новые формы скребков – боковые и неправильных очертаний, а также рубящие орудия. Возникает шлифовка.

В борсальном периоде исчезает свидерская технологическая традиция, хотя формы наконечников сохраняются. Обедняется категория вкладышей. Возникшие на предыдущем этапе формы нуклеусов становятся преобладающими. В атлантике полностью исчезают геометрические типы, ещё больше обедняется состав вкладышей, меняется и характер их обработки.

Всё это позволяет говорить о нескольких тенденциях развития. Это, во-первых, адаптивная, что выражается в постоянном изменении инвентаря. Во-вторых, – сохранение определённых традиций. В-третьих, как

отмечает М.Г. Жилин [10], тенденция к стандартизации форм костяного инвентаря на финальных этапах. Это же проявляется в попытках получать стандартные заготовки для каменных орудий. В-четвёртых, заметна тенденция к контактам с другими культурами (трапеции – заимствование из иеневской культуры, наконечники пуллийского типа – контакт с кундской, рессетинские наконечники – контакт с рессетинской). В-пятых, есть тенденция к сегментации, которая приводит к выделению групп населения и расселению их на другие территории.

Ранний этап кундской культуры характеризуется стоянкой Пулли, инвентарь которой кажется достаточно развитым; возможно, к тому же этапу относится нижний слой стоянки Звейниэки II. Бореальный этап культуры лучше всего представлен стоянкой Кунда. Характер инвентаря меняется весьма заметно. Единственный наконечник, найденный здесь, – постсвидерского типа, тогда как в Пулли спектр форм наконечников весьма широк. Сокращается ассортимент форм вкладышей. Появляются в качестве сырья кварц и уралит-порфирит, из последнего сделаны рубящие орудия. Распространяется техника плифовки. Разнообразнее инвентарь из кости и рога. При сохранении видов, уже известных в Пулли, появляется серия новых, особенно среди наконечников стрел. Это подсказывает мысль, что, попав в условия, где хорошего кремня крайне мало, население данной культуры пытается его заменить при изготовлении охотничьего вооружения костью и рогом. Во всяком случае, охотничье вооружение из этих материалов весьма разнообразно.

Косвенно это подтверждают памятники финального, атлантического, этапа развития кундской культуры (например, стоянка Нарва-город), где каменных наконечников нет совсем, тогда как и количество костяных форм несколько сокращается. Практически исчезают и ретушированные вкладыши, резцы. Зато разнообразнее рубящие орудия [11].

Таким образом, в этой культуре очень чётко проявляется адаптивная тенденция. Пожалуй, здесь, если судить по материалам, она выражена наиболее отчётливо среди всех культур рассматриваемой зоны. Может быть, прослеживается ещё тенденция к внедрению инноваций. Судя по материалам бутовской культуры, действовала и тенденция к контактам с другими культурами, хотя в инвентаре самой кундской культуры она прослеживается очень слабо.

Что касается неманской культуры, которая, вероятно, также существовала, по меньшей мере, три тысячи лет, то из-за отсутствия дат по методам естественных наук тенденции её развития проследить очень трудно. Можно предполагать тенденцию к адаптации, что вызывалось так или иначе сменой природного окружения. Безусловна тенденция к сохранению традиционных форм орудий. Тенденция к стандартизации проявляется только в стремлении получить заготовки определённых параметров. Контакты с другими культурами приводят к появлению в поздних комплексах трапеций и острий и треугольников яниславицкого типа [12].

В культуре веретье, продолжительность которой С.В. Ошибкиной определяется примерно в тысячу лет, опубликованы достаточно полно только три памятника. Можно здесь говорить о тенденциях адаптивной, сохранения традиций, инновационной.

Сухонская культура имеет только палинологические определения для ряда памятников (атлантик). Поэтому система её развития остаётся неизвестной. Можно только отметить тенденцию к стандартизации заготовок, а также категорий резцов и вкладышей [13].

Для памятников типа Андозеро-М характеристику процесса развития предложила Н.В. Косорукова, которая считает, что оно шло в сторону сокращения количества пластин в качестве заготовок и замены их отщепами, увеличения числа микропластин, сокращения количества резцов (при этом первое место постепенно занимают угловые), появления косых острий, пластинок с притупленным краем, единичных трапеций. Со временем становится больше рубящих орудий, особенно сланцевых, появляются другие поделки из сланца (например, подвески) [14]. Всё это может свидетельствовать об адаптивной тенденции развития. Она проявляется не только в изменении или модификации форм орудий, но и в освоении нового сырья и новых сортов старого сырья – кремня. В то же время заметны и тенденция к сохранению определённых традиций, тенденция к внедрению инноваций. Может быть, в какой-то мере можно говорить и о стандартизации, особенно на финальной фазе, в изготовлении скребков и резцов.

Онежская культура претерпевает, по мнению В.Ф. Филатовой, три этапа развития. Суть изменения инвентаря от первого этапа ко второму сводится к увеличению числа используемых пород камня, большему разнообразию рубящих орудий, нововведениям в технике вторичной обработки, увеличению роли вкладышей и орудий на пластинах, широкому распространению постсвидерских наконечников. Изменения от второго этапа к третьему сводятся к обеднению инвентаря. Исчезает целый ряд форм орудий, падает роль вкладышевой техники [15]. Эта схема, с моей точки зрения, чисто типологическая, поскольку она вступает в противоречие даже с теми немногими радиоуглеродными датами, которые имеются для этой культуры.

Однако всё же можно указать на существование адаптивной тенденции (хотя бы в расширении количества видов сырья). Действует и тенденция сохранения традиций: через всю историю культуры проходят, например, некоторые формы рубящих орудий, наконечников, скребков и т.д. Очень заметно проявление инновационной тенденции. Вероятно, можно говорить и о тенденции к стандартизации в изготовлении некоторых категорий орудий (например, рубящих).

Иеневская культура в настоящее время после получения новых датировок, можно сказать, не имеет периодизации, её надо заново создавать. А.Е. Кравцов показал развитие инвентаря, правда, только охотничьего вооружения и отчасти микролитической группы. Но даже в этих категориях можно увидеть некоторые изменения во времени. Они проявляются в большей микролитизации и правильности трапеций и в появлении в более поздних комплексах наконечников стрел постсвидерского типа. Вероятно, можно условно говорить

об адаптивной тенденции и тенденции к контактам с другими культурами. Может быть, действует и тенденция сохранения традиций.

Что же касается других культур, то сейчас, пожалуй, не стоит говорить о тенденциях их развития, поскольку мы в этом отношении не располагаем серьёзным материалом.

Подводя итог, можно сказать, что в мезолитических культурах обнаруживаются разнообразные тенденции, способствовавшие их развитию и, в какой-то мере, существованию вообще. Важнейшими из них являются тенденции адаптивная и сохранения культурных традиций. Первая приводила к поддержке выживания данного сообщества людей в постоянно и порой резко меняющихся природных условиях. Вторая определяла культурную самостоятельность и обособленность этого сообщества. Из только что сказанного совершенно ясной становится их роль в жизни людей мезолита.

Очень часто проявляется и тенденция к стандартизации инвентаря. Она выступала, как правило, в конце существования той или иной культуры, когда основной набор техник и технологий был уже выработан данным сообществом в течение веков, что давало возможность отбирать те приёмы и способы, которые облегчали изготовление заготовок и орудий. Наоборот, тенденция к инновациям возникала на разных ступенях развития культуры, когда появлялась потребность в создании или заимствовании некоторых категорий вещей, которые могли в определённых условиях способствовать облегчению существования или его оптимизации [16].

В ряде культур проявляется тенденция к контакту с соседними культурами, порой относившимися к другим культурным общностям. Это тоже помогало обнаруживать элементы, в данной культуре отсутствовавшие, которые могли бы пригодиться в решении экономических задач. Вероятно, осуществлялся обмен не только идеями, но и продуктами производства. Но это часто неумовимо в мезолитических материалах.

Проявляется и тенденция к распаду некоторых культур. Она отображается в возникновении локальных вариантов, что может объясняться только началом ослабления внутренних связей между отдельными коллективами, составлявшими данную культуру. Иногда создававшееся перенаселение территории приводило не к распаду культуры, а к выделению отдельных групп населения из её состава для освоения других территорий. Это – проявление тенденции к сегментации.

Разумеется, в данной статье не отражены все тенденции развития культур в мезолите. Я и не ставил себе такой задачи. Мне хотелось показать главнейшие из них. Будущие исследователи дополнят и скорректируют сказанное мной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clark J.G.D. Report on the Broxburne Industry // *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. V. 64. 1934.
2. Clark J.G.D. Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954.
3. Bokelmann K. Duvensee, ein Wohnplatz des Mesolithikums in Schleswig-Holstein, und die Duvenseeegruppe // *Offa*. V. 28. 1971.
4. Kozłowski S.K. The Mesolithic in Poland: a new approach. Warszawa, 1988.
5. Schwabedissen H. Die Ausgrabungen im Satruper Moor // *Offa*. V. 16. 1957-58.
6. Thevenin A. Paléo-histoire de l'Est de la France du 7 au 6 millénaire avant J.C. // *Les Civilisations du 8 au 5 millénaire avant Notre ère en Europe*. Nice, 1976.
7. Rozoy J.-G. Les derniers chasseurs. Charleville, 1977.
8. Schwabedissen H. Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutschland. Neumünster, 1944.
9. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бугонской культуры). М., 1999.
10. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
11. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
12. Римаитене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
13. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
14. Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // *ТАС*. Вып. 3. Тверь, 1998.
15. Филатова В.Ф. Мезолит // *Археология Карелии*. Петрозаводск, 1996.
16. Кривцов А.Е., Спиридонова Е.А. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // *ТАС*. Вып. 2. Тверь, 1996.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V. Koltsov

**ON SOME TENDENCIES OF THE MESOLITHIC CULTURES OF NORTHERN EUROPE
DEVELOPMENT**

Summary

According to the materials of the Mesolithic cultures the author marks out the following tendencies in their progress: 1) adaptive, which made the inventory suitable for changing environment; 2) preserving, which kept the traditional shapes of inventory, thus determining the cultural image of the unity; 3) standardization of inventory in order to facilitate the process of inventory complex production (the tendency reveals itself on the later stages of cultures' progress); 4) innovative, which aims at enriching the inventory with new elements; 5) a tendency to contact with other cultures to exchange products and ideas; 6) a tendency to disintegration, which expresses itself in local groups' forming; 7) a tendency to segmentation and subsequent migration of a part of the culture population to new territories.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.Е. Кравцов

О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК С НЕЧЁТКОЙ СТРАТИГРАФИЕЙ (по материалам памятников иеневской культуры)¹

До конца 1990-х гг. в большинстве исследований по волго-окскому мезолиту находки и объекты, обнаруживаемые в одном раскопе или в нескольких раскопах, заложенных на территории той или иной стоянки, исключая многослойные памятники на торфяниках, рассматривались суммарно как комплексы, соотносимые с определённым поселением. Такие комплексы находок подвергались сравнительно-типологическому анализу, направленному на определение культурной принадлежности и хронологической позиции памятника в пределах предполагаемого времени существования той или иной археологической культуры [4-10 и др.]. В ряде случаев результаты типологического и функционального анализов вещевых коллекций, данные о наличии выявленных раскопками объектов, понятых исследователями как остатки жилищ, кострищ, хозяйственных ям и т.п. (либо об отсутствии таковых), служили основанием для хозяйственно-бытовых реконструкций [6; 11-13 и др.]. Памятники, в каменном инвентаре которых отмечались технико-морфологические признаки, ассоциировавшиеся с разными культурами, интерпретировались, хотя и с долей сомнения, как отражающие процессы аккультурации [11, с. 25; 14, с. 16, 17; 15; 16, с. 93-98; 17, с. 24, 25; 18]. Даже в тех редких случаях, когда археологи прямо указывали на неоднократность заселения исследовавшегося раскопками места [19] и на вероятность смешения в отложениях разнокультурных материалов [11; 14; 15], неделимой единицей сравнительного анализа продолжала оставаться вся совокупность мезолитических культурных остатков, происходивших из одного раскопа или с одного памятника.

Такой принцип анализа является частью определённого методологического подхода к изучению археологических памятников и общностей, в рамках которого как источники информации о них рассматриваются почти исключительно коллекции находок. Формированию и анализу документальных источников, сохраняющих по завершении раскопок информацию о культурных отложениях памятников (дневников, отчётов, описей, заключений специалистов – представителей естественных наук, результатов лабораторных анализов), отводится подчинённое положение. Эти источники используются от случая к случаю, в той мере, в какой они способны подтвердить, дополнить, проиллюстрировать выводы, сделанные на основе сравнительно-типологического анализа вещевого материала, не противореча им. Под критикой источников понимается, главным образом, выявление по особенностям номенклатурного, количественного и типологического составов сортированных, непредставительных и “смешанных” коллекций и отнесение их к разряду источников ненадёжных или недостоверных.

На протяжении почти всей истории изучения мезолита Волго-Окского бассейна среди его исследователей этот подход был общепринятым. Более или менее отчётливо он выражен и в работах по финальному палеолиту – мезолиту других регионов Восточной Европы [20-24 и мн. др.]. К пониманию его ошибочности автор подошёл только в середине 1990-х гг., анализируя совместно с Е.В. Леоновой постепенно пополняющиеся источники по стоянкам иеневской культуры [25-28; 1].

Литература, посвящённая этой культуре, достаточно обширна. Имеются публикации ряда памятников, в которых наибольшее внимание, как правило, уделяется описанию кремнёвого инвентаря [11; 19; 29; 30 и мн. др.]. Отражены разные точки зрения на хронологию, периодизацию, историческое место иеневской культуры среди общностей финального палеолита и мезолита Восточной и Севера Центральной Европы, неоднократно она характеризовалась в целом [3; 5; 6; 8; 10; 14; 31 и др.]. Это позволяет, отказавшись в данной статье от описания изделий и хотя бы краткого рассмотрения вышеуказанной проблематики, остановиться на условиях расположения иеневских памятников и характере культурных отложений.

Отмечу, что под названием «иеневская культура» в соответствии с историографически сложившейся традицией здесь объединены обладающие определённым набором технико-морфологических признаков изделий стоянки только территории Волго-Окского бассейна. Стоянки с аналогичным характером инвентаря, распространённые в бассейнах Десны и Верхнего Днестра и относимые к песочноровской [32] и гренской [24,

¹ Большая часть рассматриваемых в статье памятников исследовалась совместно с Е.В. Леоновой. Некоторые формулируемые здесь положения отрабатывались также совместно [1] и частично отражены в диссертации Е.В. Леоновой [2] и в одной из моих статей [3].

с. 32-47] культурам мною не рассматриваются, хотя мнение о принадлежности трёх указанных территориальных групп памятников к одной общности [32; 33, с. 211-234; и др.] не вызывает возражений.

В настоящее время к иеневской культуре отнесено до шестидесяти стоянок (рис. 1), среди которых более тридцати – исследовавшихся раскопками.

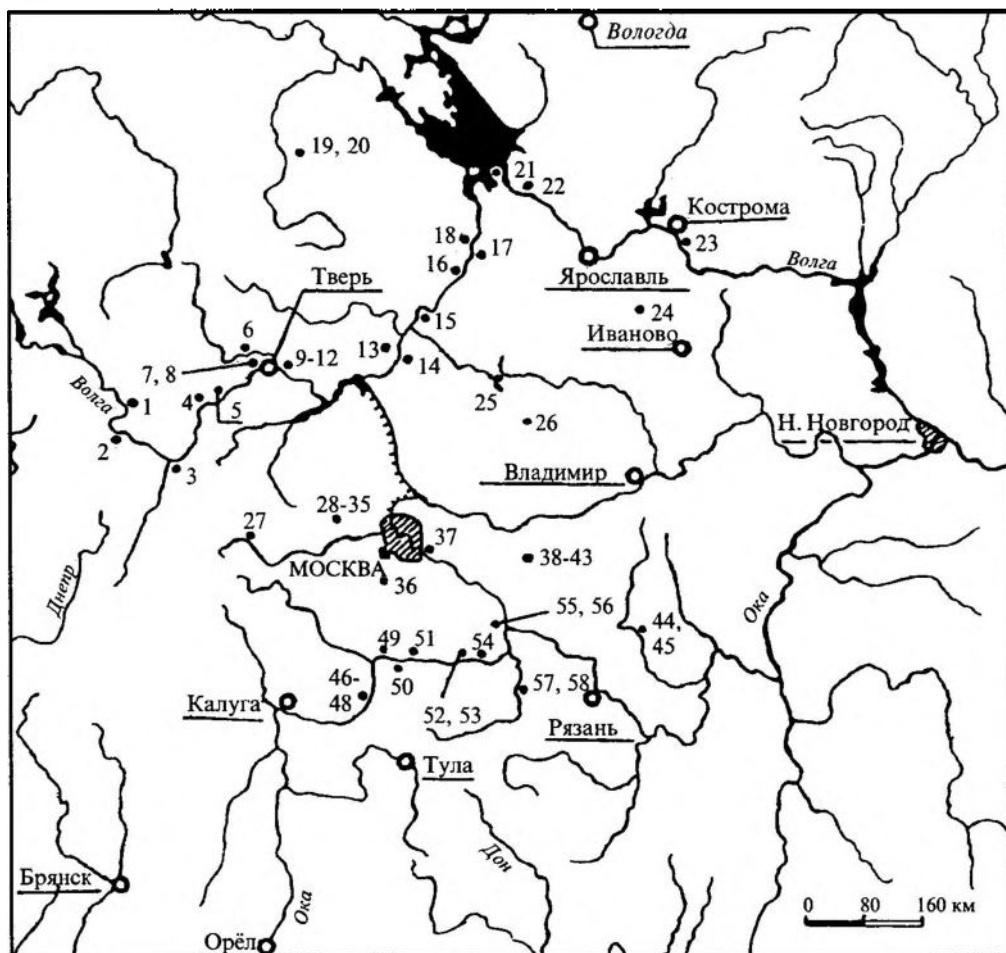

Рис. 1. Памятники иеневской культуры. Карта.

1 – Озерёнки; 2 – Усть-Тудовка 1, раскоп 2; 3 – Высокино; 4 – Журавец; 5 – Тихменёво; 6 – Новенькая 2; 7, 8 – Чёрная Грязь 1, Дмитровское 1; 9-12 – Иенево 2, Староконстантиновские 2, 4, 6; 13 – Тихоново 1; 14 – Титово 1; 15 – Авсерьгово 2; 16 – Алтыново; 17 – Богоявление; 18 – Федюково; 19, 20 – Усть-Кеза 1, 2; 21 – Коприно; 22 – Пеньково; 23 – Сельцо 3; 24 – Становое 4, слой 3а; 25 – Дикариха; 26 – Еловка 2; 27 – Поречье; 28-35 – Дальний Остров, Тростенские 3-северная и 3-южная, 7, 8, Тростенская гора, Никольские 1, 5; 36 – Посёлок № 3-2; 37 – Заозерье 2; 38-43 – Беливо 1В, 4А, 4Б, 4Г (северная и южная), 6Б, 6В; 44, 45 – Исток 1, Шильцева Заводь 5; 46-48 – Ладыжино 1-3; 49 – Брагино; 50 – Митино 5; 51 – Глазово; 52, 53 – Катунь, Грызлово; 54 – группа Умрышенка 3; 55, 56 – Настасьино 2, 4; 57, 58 – Белый Колодец 1, Куково 1

мыми кальцинированными обломками костей; единственная массовая категория находок – изделия из камня (главным образом, кремня). Границы территории памятников не всегда ясны, поскольку полностью раскопанные или детально обследованные шурфами среди них единичны, а подбёмный материал в ряде случаев либо отсутствует, либо встречается только на отдельных повреждённых участках. Тем не менее имеющихся данных достаточно для того, чтобы утверждать, что площадь распространения культурных отложений сильно варьирует и может составлять от нескольких десятков до 10000 и более кв. м.

Условия расположения и характер культурных отложений иеневских памятников не специфичны. В этом отношении они не отличаются от множества финальнопалеолитических и мезолитических стоянок Восточной и Севера Центральной Европы, имеющих разную культурную принадлежность. По признаку геоморфологической позиции такие памятники могут быть названы стоянками приречных и приозёрных возвышенностей, что представляется более правильным, чем применяемое к ним иногда обозначение «дюнные» [2]. Единственный до настоящего времени случай иного – низинного – расположения памятника иеневской культуры зафиксирован в середине 1990-х гг. при раскопках многослойного озёрно-болотного поселения Становое 4 на р. Лахость в Ивановской области. Здесь в культурном слое 3а характерный для иеневской

подавляющее большинство памятников располагается на речных пойменных, реже – на неподтопляемых в паводки озёрных террасах или других прилежащих к рекам и озёрам древних возвышенных элементах рельефа. В погребённом состоянии культурные остатки залегают в верхней части различных по генезису (зол, делювий) покровных отложений минерального состава – в песках, супесях, суглинках. Мощность горизонтов отложений, содержащих культурные остатки, обычно не превышает 40-50 см, а горизонтов, отделяющих их от современной поверхности, – 15-20 см. В естественных профилях почв культуросодержащие горизонты по литологическим признакам не выделяются. В пределах этих горизонтов могут различаться лишь небольшие пятна окраски древесным углём, золой или имеющие по каким-то неустановленным причинам тёмный оттенок, часто сопровождающиеся концентрацией находок. Характер последних определяется условиями залегания: макроорганические остатки сохраняются плохо, представлены помимо древесного угля малочисленными, за редкими исключениями неопредели-

культуры кремнёвый инвентарь, изделия из кости и дерева, фаунистические остатки были обнаружены в совместном залегании в отложениях торфяника. Памятник обладает чёткой стратиграфией. Хорошая сохранность органики даёт возможность комплексного применения методов археологии и естественных наук [34; 35]. Научная значимость этого открытия несомненна. Однако культурный слой 3а исследован на небольшой площади, а происходящий из него комплекс находок остаётся уникальным. Это заставляет, учитывая имеющиеся по Становому 4 данные, всё же опираться в разработке проблематики иеневской культуры, главным образом, на материалы “стоянок возвышенностей”, массовые, сопоставимые между собой и с материалами широкого круга финальнопалеолитических и мезолитических памятников других культур разных регионов Европы.

Ряд таких стоянок исследовался автором в поле: Беливо 4А, 4Б, 4Г (северная и южная), 6Б, 6В, Дальний Остров, Ладыжино 3 – раскопками; Иенево 2, Дмитровское 1, Авссыргово 2, Алтыново, Титово 1, Брагино, Еловка 2 – зачистками или шурфами. Памятники, изучавшиеся раскопками, обеспечивались инструментальными топопланами. Имевшиеся планы остальных (обычно глазомерные или полуглазомерные) сверялись на местности и при необходимости корректировались. Для фиксации находок использовалась методика, отработанная в 1960-1970-е гг. исследователями палеолитических поселений [36-39 и др.], впервые применённая к отечественным памятникам эпохи мезолита в 1983 г. А.Н. Сорокиным [40] и заимствованная автором у него.

Все находки нивелировались и наносились на планы масштаба 1:10. С целью выявления стратиграфически разделённых мезолитических культурных слоёв, различных углублённых объектов с несокрапленным заполнением, микрорельефа древних дневных поверхностей составлялись системы микропрофилей по проекциям находок на вычерченные лито-стратиграфические разрезы и воображаемые вертикальные плоскости, проводившиеся обычно через один метр по разделительным линиям квадратов. По ходу раскопок велась полевая опись, в которую вносились все обнаруживаемые артефакты, включая позднейшие. Помимо наименования и соответствовавшего обозначенному на плане номера находки в описи фиксировались её абрис, координаты, данные о лито-стратиграфической приуроченности, принадлежности к какому-либо объекту (пятну) в слое, в ряде случаев – данные о положении предмета относительно горизонта («вертикально»; «наклонно» с указанием направления наклона).

Для характеристики памятников во всех случаях использовался типологический анализ находок. Для стоянок Беливо 4Г-северная и Беливо 6В – функциональный (трасологический) анализ изделий. Для Беливо 6В, Ладыжино 3, Иенево 2, Авссыргово 2, Алтыново, Титово 1, Брагино, Еловка 2 – спорово-пыльцевой анализ. Для Беливо 4А, Беливо 6В – радиоуглеродный анализ. Углистые и иные пятна, места отбора образцов древесного угля и почвы фиксировались в той же, что и находки, системе координат. Для нескольких стоянок группы Беливо выполнен пространственный анализ, важнейшим элементом которого был ремонтаж расщеплённых кремней; в систему пространственного анализа включались данные типологического, функционального, спорово-пыльцевого, радиоуглеродного анализов.

Представляется, что ряд наблюдений и выводов, сделанных в ходе этих исследований, а также в результате изучения памятников иеневской культуры по коллекциям, отчётам из Архива ИА РАН, публикациям может быть интересен с точки зрения источниковедения. Они приводятся ниже.

В отложениях всех исследованных автором раскопками памятников стратиграфически выделялось только по одному «мезолитическому культурному горизонту» – уровню относительно высокой концентрации мезолитических изделий. Зафиксированное А.Н. Сорокиным на стоянке Исток 1 [14, с. 3-8] наличие двух таких горизонтов, разделённых стерильной прослойкой, остаётся пока единственным достоверно установленным для волго-окских “стоянок возвышенностей” фактом такого рода.

На многих памятниках, таких как Беливо 4А, 4Б, 6В, Дальний Остров, Ладыжино 3 (исследования автора), Титово 1 [41], Пеньково [10, р. 353-356], Староконстантиновская 4 [11], Шильцева Заводь 5 [14, с. 9-11] и др., в раскопах, шурфах, зачистках в разном количестве и сочетаниях встречены поздние и позднейшие артефакты – от неолита до XVIII-XIX вв. За редкими исключениями, они залегали в тех же выделенных по литологическим признакам слоях, что и мезолитические изделия. В случаях фиксации всех находок по нивелиру удавалось установить, что горизонты залегания поздних / позднейших остатков и остатков мезолитических стратиграфически чётко не разделяются. Максимум в распределении первых обычно отмечается на микропрофилях несколько выше, чем вторых, но стерильной прослойки между горизонтами залегания разновременных культурных остатков нет. Изделия разных эпох оказываются смешанными при отсутствии каких бы то ни было признаков переотложения.

Это явление давно известно археологам. Оно обусловлено антропогенно-природным генезисом культурного слоя, механизмы формирования которого поняты и описаны исследователями палеолитических памятников [42, с. 5-8; 43, с. 13, 14; 44, с. 69 и др.], но до последнего времени не вызывали заметного интереса у специалистов по восточно-европейскому мезолиту.

Лишь в недавно защищённой докторской диссертации А.Н. Сорокина процессу формирования культурного слоя раннеголоценовых стоянок было уделено серьёзное внимание, дано детальное объяснение с позиции археологии и почвоведения [45, с. 27-31]. Однако нельзя не отметить значения самой констатации описанных фактов, указывающих на то, что территории мезолитических памятников часто посещались и заселялись человеком в последующие эпохи, и что сколько-нибудь полное стратиграфическое разделение мезолитических и более поздних культурных остатков, залегающих в характеризовавшихся выше условиях, в подавляющем большинстве случаев, невозможно.

Большие категории находок позднего происхождения – керамика, изделия из металла и др. – отделяются от мезолитических по признаку материала, использованного для изготовления обнаруженных вещей. Но при наличии в раскопе вместе с мезолитическими остатками эпох неолита и бронзы возникает необходимость разделения набора изделий из камня. В нём распознаются уже не все “поздние” предметы, а только обладающие различительными технико-морфологическими признаками. Некоторые “поздние” орудия и значительная часть сколов таких бесспорных признаков не имеют и от мезолитических неотличимы.

Выше не рассматривалась гипотетическая ситуация нахождения в одном раскопе разновременных мезолитических остатков. Между тем, регулярно отмечаемые на мезолитических стоянках следы поздних и позднейших поселений и посещений приводят к мысли, что и в мезолите эти места могли заселяться / посещаться не один раз.

Комплекс археологических и естественно-научных данных об иеневской и других мезолитических культурах современного умеренного пояса Восточной Европы позволяет утверждать, что они оставлены родственными группами охотников на нестадных копытных (главным образом, лося), обитавших здесь в раннеголоценовых таёжных лесах. Модель хозяйственной адаптации обществ традиционных таёжных охотников предполагает обязательные сезонные перекочёвки. По обобщённым Л.Л. Зализняком этнографическим данным, у всех традиционных охотников тайги долговременные («базовые») поселения полностью отсутствовали, а «...стойбища функционировали от нескольких дней до нескольких месяцев...», но ежегодно устраивались «...в одних и тех же местах, обусловленных, прежде всего, нуждами первобытной экономики... и традицией» [32, с. 91].

Однако в любом речном бассейне число оптимальных для устройства стойбищ мест ограничено. Среди них прежде всего следует назвать надпойменные приустьевые мысы, дюнные и иные возвышения, расположенные поблизости от бровок обживавшихся в мезолите террас, останцы этих террас. Принимая во внимание стабильность хозяйственного уклада первобытных обществ, следует считать, что мезолитические поселения на таких местах могли систематически возобновляться на протяжении столетий и тысячелетий и, следовательно, не раз в той или иной мере совпадать друг с другом в плане. Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев такого совпадения разновременные культурные остатки оказывались смешанными.

Поскольку геоморфологические позиции мест многократного заселения обычно привлекают к ним даже невольное внимание, а обследование даёт большое количество находок, именно они легко выявляются при разведке и преобладают среди известных в настоящее время поселенческих памятников эпохи мезолита. Это обязывает исследователя априори предполагать наличие на каждом памятнике остатков нескольких или множества поселений, возникших в результате непродолжительных обособленных во времени эпизодов обитания определённых человеческих коллективов, и смешанный характер материалов, объединяемых по признаку обнаруживания на одном памятнике или в одном раскопе. Вывод о культурно-хронологическом единстве материалов, напротив, требует всесторонней аргументации.

Доказательства, основывающиеся на технико-морфологической характеристике изделий из камня из-за слабой разработанности хронологии мезолита Восточной Европы, отсутствия надёжных и общепризнанных критериев для диагностирования разновременных и “метисных” мезолитических индустрий в большинстве случаев окажутся сомнительными и дискуссионными. Посредством стратиграфических наблюдений изредка удаётся подтвердить предположение о наличии на памятнике разновременных культурных остатков этой эпохи, а в исключительных случаях даже частично разделить их [14, с. 3–7; 45, с. 32, 33], но доказать культурно-хронологическое единство невозможно. В связи с этим особое значение приобретают данные планиграфических наблюдений, являющихся, как и стратиграфические, составной частью пространственного анализа.

Такие наблюдения с разной степенью детализации проводились на материалах более чем двадцати памятников иеневской культуры [1; 2; 3; 15; 25–28]. Обобщая их результаты, необходимо обратить внимание на следующие установленные факты.

В едином раскопе на стоянках Беливо 4 Г-северная [26; 27] и 4 Г-южная [26; 3, с. 82, 84, 85] (рис. 2: 1, 3), раскопах на стоянках Беливо 6 В [28] (рис. 3: 3, 4), Ладыжино 3 (раскоп 1) [30; 46], Коприно [47], Ансерьгово 2 [48], Умрышенка 3 [49; 50] и др. зафиксированы чёткие скопления расщеплённого кремня, находки за пределами которых были единичными или малочисленными. Иногда скопления сопровождалось углистыми пятнами; в Беливо 6В в зоне наиболее высокой концентрации кремня содержащий находки золотой песок имел тёмный оттенок. Площадь скоплений – от 1–2 до нескольких десятков кв. м. Число скоплений сильно варьирует и в некоторых случаях, очевидно, определяется не реальным их количеством на памятнике, а размерами вскрытой площади. Некоторые (чаще “маленькие”, условно – до 10 кв. м) скопления состоят почти исключительно из сколов и ядрищ; в других (и всегда в “больших”, площадью свыше 20 кв. м) представлены все или почти все основные классы изделий, характерные для волго-окского мезолита. Известны скопления с выраженной специализацией набора орудий. В случае целенаправленного анализа коллекций удавалось выполнить ремонт части расщеплённых кремней. Разница между глубинами залегания апплицируемых предметов в Беливо 4Г и 6В нередко оказывалась значительной, сопоставимой с мощностью горизонта залегания культурных остатков. “Связи” [51] по ремонту, как правило, выявлялись в пределах скоплений. На стоянке Беливо 4 Г-северная “связи” были установлены также между содержащими специализированные наборы инвентаря одним “маленьким”, двумя “среднего размера” скоплениями, а также раз-

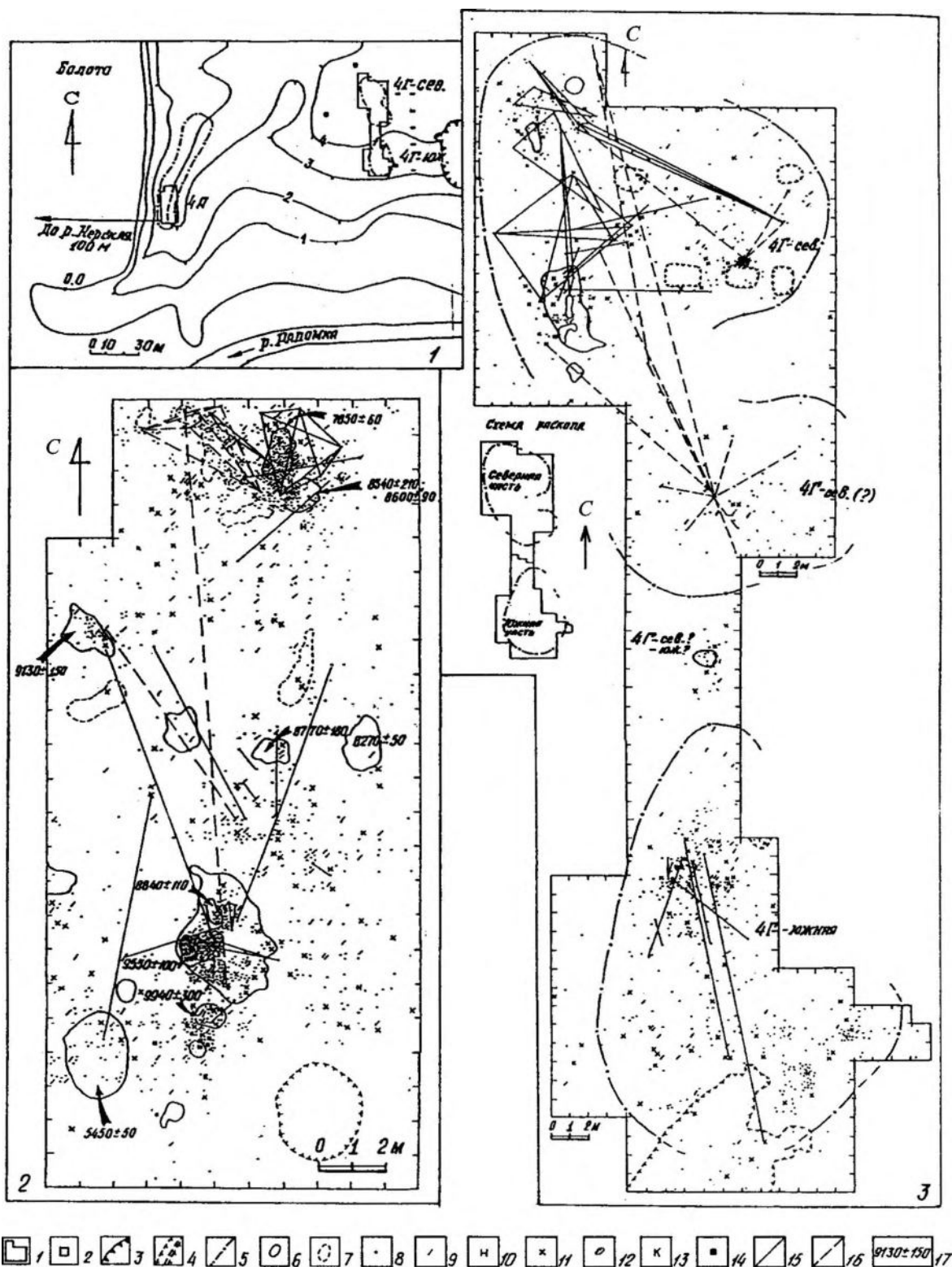

Рис. 2. Планы памятников и раскопов.

1 – топографический план стоянок Беливо 4А, 4Г-северная, 4Г-южная; 2 – план раскопа на стоянке

Беливо 4А; 3 – план раскопа на стоянках Беливо 4Г-северная, 4Г-южная.

Условные обозначения к рис. 2 и 3: 1 – раскопы; 2 – шурфы; 3 – карьеры; 4 – техногенные нарушения слоя в раскопах; 5 – границы памятников; 6 – углистые и иные цветные пятна в слое, связанные с бытованием поселений/посещениями в эпохи камня и бронзы; 7 – пятна естественного происхождения;

8 – отщепы, осколки; 9 – пластины; 10 – нуклеусы; 11 – орудия; 12 – камни; 13 – кальцинированная кость;

14 – керамика эпох неолита и бронзы; 15 – “связи” по ремонту; 16 – “связи” по специфической цветности сырь; 17 – даты С14

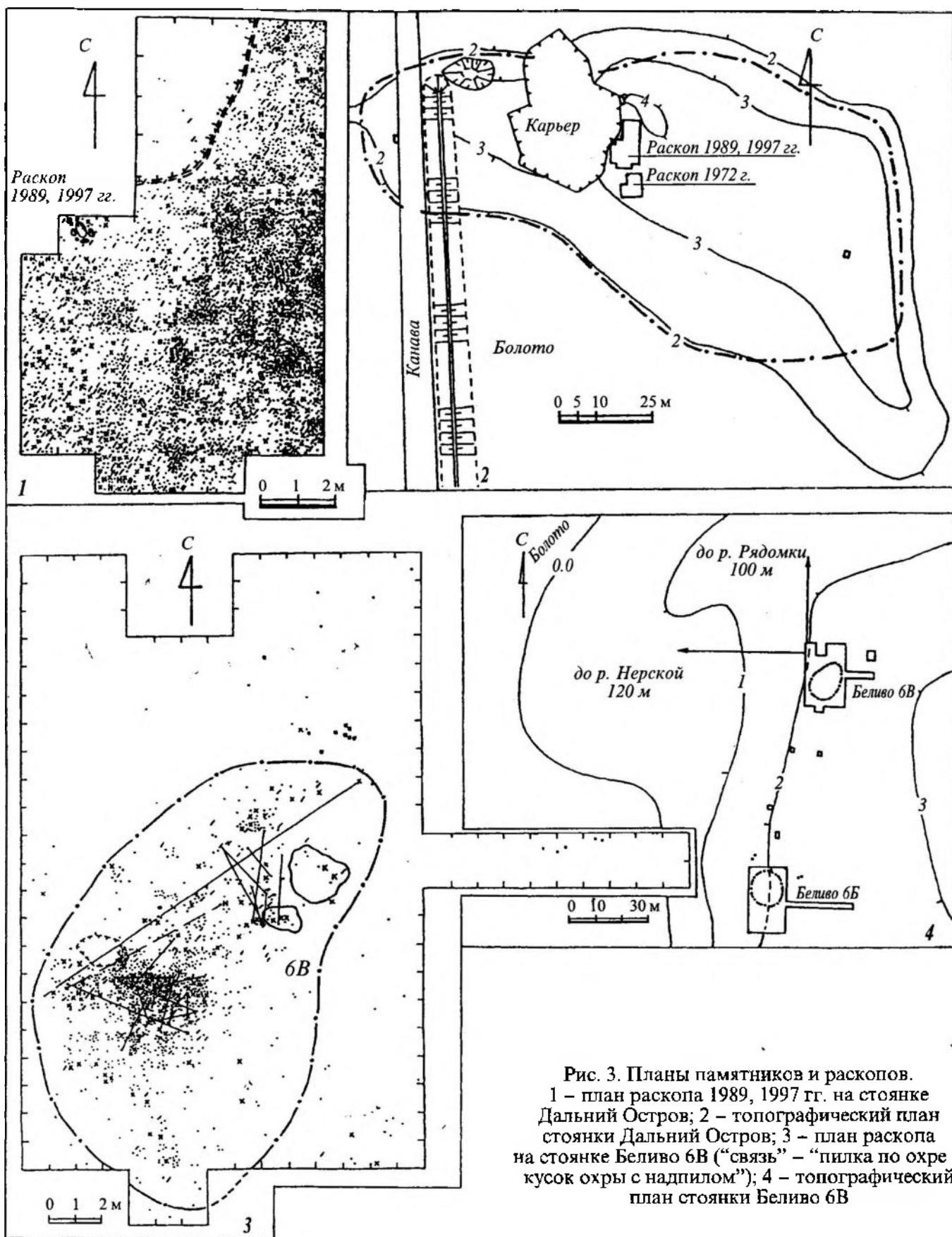

Рис. 3. Планы памятников и раскопов.
 1 – план раскопа 1989, 1997 гг. на стоянке Дальний Остров; 2 – топографический план стоянки Дальний Остров; 3 – план раскопа на стоянке Беливо 6В (“связь” – “палка по охре – кусок охры с надпилем”); 4 – топографический план стоянки Беливо 6В

делявшей их зоной с разреженными находками, что позволяет синхронизировать культурные остатки, обнаруженные в данных скоплениях и в зоне; площадь, заключённая в систему "связей" по ремонту, достигала здесь 120-150 кв. м. Ни в одном случае границы скоплений (и группы синхронных скоплений в Беливо 4Г-северной) не были сопряжены с естественными границами элементов рельефа.

Вышеуказанные и подобные им по распределению находок стоянки можно охарактеризовать как памятники с планиграфически выраженной структурой культурных отложений и по признаку чёткости структуры объединить в **группу I**.

Иной характер распределения находок отмечен на стоянках Дальний Остров [25] (рис. 3: 1,2), Беливо 4 А [2; 15] (рис. 2:1,2), Сельцо 3 [6, с. 80; 2], Титово 1 [41], Пеньково [10, р. 353-356; 2, с. 9], Шильцева Заводь 5 [14, с. 9-24] и др. Здесь при значительной насыщенности горизонтов залегания расщеплённый кремнь распределялся по площади расконов почти равномерно (Дальний Остров, Сельцо 3, Титово 1, Шильцева Заводь 5), или зоны высокой концентрации хаотично чередовались с зонами, где находок было несколько меньше (Беливо 4А, Пеньково). В Беливо 4А зафиксированы многочисленные углистые пятна; большинство – в зонах повышенной концентрации кремня, некоторые – за их пределами. Часть пятен уверенно связывалась с деятельностью человека в мезолите; одно – сопряжено с находками керамики эпохи бронзы и медного окисла; ряд, очевидно, имел природное происхождение, связанное с вывалом деревьев [52]. По данным обследования стоянок шурфами, зачистками, сборами подъёмного материала, отложения с находками были распространены на площади от нескольких сотен кв. м до нескольких гектаров, а границы их распространения в тех случаях, когда были установлены, оказались приуроченными к естественным границам возвышавшихся элементов рельефа (всхолмлений, площадок мысов и т.п.).

Структура культурных отложений на перечисленных и аналогичных им памятниках планиграфически не выражена или выражена нечётко. По этому признаку они могут быть объединены в **группу II**. В стратиграфическом отношении памятники групп I и II видимых различий не имеют.

К осмыслению методического значения результатов наблюдений за распределением культурных остатков на иеневских памятниках подводит определение культурного слоя как «структурного единства предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии», позволяющее различать понятия «культурные отложения» и «культурный слой» [53, с. 43]. В соответствии с ним «... толща с находками не может быть автоматически определена в качестве единого культурного слоя...», а последний, понимаемый в указанном смысле, «... в своих основных археологических измерениях, каковыми являются стратиграфическое, планиграфическое и хронологическое, будет равен одному поселению» [там же].

Это определение, сформулированное Х.А. Амирхановым в связи с анализом стратиграфии Зарайской верхнепалеолитической стоянки и «общей методической проблемой стратиграфического членения культурных отложений на памятнике» [там же], содержит понятие «структурное единство», применимое к остаткам поселений любой археологической эпохи, в том числе и к мезолитическим стоянкам, рассматриваемым мной в этой статье. Для характеристики мезолитических памятников, последующих обобщений и возможных интерпретаций проблема членения культурных отложений на образования, соответствующие отдельным поселениям, т.е. на такие, в которых остатки связаны признаками структурного единства, не менее важна, чем для палеолитических. Однако, в силу особенностей формирования культурные отложения на мезолитических памятниках, за редчайшими исключениями, стратиграфическому членению не поддаются. Компактность горизонта залегания, отсутствие установленных фактов переслаивания каких-либо групп культурных остатков, ремонт изделий, залежавших на разных глубинах, не являются сами по себе надёжными признаками структурного единства культурных остатков, обнаруженных в одном стратиграфическом горизонте. Даже в тех исключительных случаях, когда в отложениях, вскрытых раскопками, на памятнике удаётся выделить два горизонта залегания мезолитических культурных остатков [14, с. 3-8], отождествление каждого из этих «культурных горизонтов» с культурным слоем требует дополнительных доказательств.

Такие доказательства могут быть получены в результате пространственного анализа, в котором преобладают планиграфические данные, позволяющие, как было показано выше, членить культурные отложения (горизонты отложений с находками) памятников на обособленные структурные элементы – зоны скопления культурных остатков, разделённые зонами с низким их содержанием (с разреженными находками) и практически стерильными. Небольшая площадь и чёткость границ зон скопления («скоплений»), наличие внутри них "связей" по ремонту находок позволяют считать, что они возникли вследствие непродолжительных явлений в жизнедеятельности небольших коллективов или эпизодов трудовой деятельности отдельных индивидуумов, реально существовавших в древности, и рассматривать совокупности находок и других культурных остатков, обнаруживаемых в этих зонах, как локализованные не только в пространстве, но и во времени, то есть как полузамкнутые комплексы. Случаи природного или связанного с позднейшей деятельностью человека происхождения концентраций находок, возникновения в отложениях различных пятен здесь не рассматриваются. Они должны выявляться в процессе раскопок, последующего анализа документации и коллекции.

Синхронизация планиграфически обособленных структурных элементов культурных отложений осуществляется, главным образом, методом "связей" по ремонту изделий и обломков, результаты которого должны, при наличии пригодного для датирования материала, дополняться и проверяться естественно-науч-

ными датировками. Вывод не о синхронности, но о значительной хронологической близости² структурных элементов культурных отложений памятника может быть, как показывают результаты изучения Е.В. Леоновой коллекции из раскопок стоянки Авсерыгово 2 и соответствующей отчётной документации [48], убедительно обоснован и сравнительно-типологическим анализом, позволяющим в некоторых случаях установить повторяемость структуры вещевых комплексов, технико-морфологических признаков основных классов входящих в них изделий, стилистических особенностей оформления определённой части орудий.

Значение для членения культурных отложений стратиграфических данных второстепенно, хотя, конечно, они должны анализироваться в комплексе с планиграфическими и могут существенно влиять на характеристику памятника.

Таким образом, возможность доказательства структурного единства культурных остатков, обнаруживаемых в отложениях мезолитических памятников, сохраняется для памятников, отнесённых выше к группе I, хотя и оказывается ограниченной в сравнении с палеолитическими или иными памятниками, обладающими более чёткой стратиграфией и дающими более обильный и качественный материал для естественно-научного датирования. Можно считать, что на памятниках группы I отчасти сохранился культурный слой либо некоторое число обособленных в плане культурных слоёв, каждый из которых «равен одному поселению» или одному эпизоду обитания на территории памятника. На мезолитических памятниках группы II имеются «толщи с находками», не поддающиеся членению. По своей информативности эти памятники не имеют существенных различий с разрушенными, представленными подъёмным материалом.

Возвращаясь к сопоставлению археологических данных с этнографической моделью хозяйственной адаптации традиционных обществ таёжных охотников, можно определить образования, вычленяемые в культурных отложениях мезолитических памятников группы I посредством пространственного анализа, с осторожностью соотнести с сезонными стойбищами. В качестве таковых прежде всего могут рассматриваться зоны скопления культурных остатков, занимающие достаточно большую площадь (условно – от 20 до нескольких десятков кв. м) и включающие более-менее полный по номенклатуре набор находок. «Скопления», отличающиеся меньшей площадью, обеднённым или специализированным составом комплексов находок могут соответствовать жилищам, различным производственным площадкам, функционировавшим в пределах стойбищ, кратковременным лагерям малых кочующих коллективов, индивидуальным днёвкам и т.п.

Культурные отложения памятников группы II, не поддающиеся сколько-нибудь полному и надёжному членению на структурные элементы посредством пространственного анализа, сформировались вследствие многократного возобновления поселений, лагерей и т.п. на одних и тех же оптимальных для заселения или для ведения определённых видов хозяйственной деятельности (например, добычи сырья) естественно ограниченных участках местности. О хронологических диапазонах возобновления жизнедеятельности на таких участках даёт представление серия радиоуглеродных дат, полученных по материалам автора [15] и Е.В. Леоновой [2] для стоянки Беливо 4А. Восемь дат по древесному углю, отобранному из мезолитических объектов, обнаруженных в раскопе площадью 245 кв. м, распределяются в диапазоне от 10,2/9,6 до 7,9/7,8 тыс. лет назад (рис. 2:2)³; судя по дате 5450±50 л.н. (ГИН - 4731), в том же раскопе имеются и неолитические культурные остатки, не выявляемые по технико-морфологическим признакам изделий; о встреченных здесь керамике эпохи бронзы и медном окисле упоминалось выше. Сопоставление дат и непредвзятый типологический анализ находок приводят к заключению, что на исследованной раскопками площади жизнедеятельность только в эпоху мезолита возобновлялась, по крайней мере, 4-5 раз. Однако следует учитывать, что датированы были не все выявленные раскопками объекты антропогенного характера, что в северной части раскопа насыщенность отложений культурными остатками заметно возрастала, и что раскопом было исследовано менее 30% территории памятника, границы которой отчётливо повторяли очертания дюнного всхолмления на площадке надпойменного приустьевых мыса. Вероятно, при продолжении раскопок и увеличении количества датированных объектов число фиксирующихся эпизодов обитания на данном участке местности могло бы возрасти.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Традиционный подход к изучению финальнопалеолитических и мезолитических памятников с нечёткой стратиграфией, определяющий как основной источник исследования коллекции находок и предполагающий суммарную характеристику и обобщённую интерпретацию предметов и объектов, обнаруженных в одном раскопе или в отложениях одного памятника, не является корректным. Схемы культурной периодизации и различные реконструкции, основанные на сравнительном анализе культурных остатков, сгруппированных в комплексы по признаку происхождения из одного раскопа (из отложений одного памятника), следует считать малосостоятельными.

2. Представляется необходимым иное определение источников исследования. В качестве таковых на первом его этапе рассматриваются: а) имеющиеся на памятнике культурные отложения, в составе которых как один из компонентов содержатся изделия из камня; б) современный природный комплекс памятника,

² Под синхронностью мезолитических культурных остатков автор понимает их принадлежность одному сезонному поселению. Под значительной хронологической близостью – отложение в результате явлений в жизнедеятельности реально существовавшего в прошлом коллектива, возможно, на протяжении нескольких лет или жизни нескольких поколений непосредственных современников.

³ Антропогенный характер объекта, датированного 7850±60 л.н., вызывает у Е.В. Леоновой сомнения [2, с. 11]. Без учёта этой даты интервал – 10,2/9,6–8,3/8,2 тыс. лет назад.

включающий физико-географические, ландшафтные, геолого-геоморфологические условия места нахождения (залегания) культурных отложений. После камеральной обработки полевых материалов и проведения различных лабораторных анализов источниками дальнейшего исследования становятся полевая, отчетная, лабораторная документация и коллекции находок. Достаточным основанием для какой-либо интерпретации памятника может служить только комплексный анализ указанных документальных и вещественных источников, которые, сохраняясь в архивах и музеях, позволяют хотя бы отчасти проверить сделанные ранее выводы.

3. Важнейшей составной частью комплексного анализа является пространственный анализ, направленный на характеристику структуры исследуемых на памятнике культурных отложений, возможные членения этих отложений на определённые структурные элементы (зоны скопления культурных остатков; зоны с разреженными культурными остатками) и синхронизацию последних, прежде всего, по планиграфическим признакам, учитывающим "связи" по ремонту изделий. Данные естественно-научных анализов, техникоморфологические характеристики находок соотносятся с данными планиграфических, а также стратиграфических наблюдений, используются для характеристики структурных элементов культурных отложений и совокупностей синхронизированных групп этих элементов.

4. Сравнительному анализу с целью разработки культурно-хронологических периодизаций и каких-либо реконструкций подлежат только комплексы культурных остатков, выделенные по признаку структурного единства.

Предлагаемый автором и пока лишь отчасти реализованный в отношении памятников иеневской культуры подход к изучению стоянок с нечёткой стратиграфией согласуется с подходами, выработанными в последние десятилетия исследователями верхнего палеолита и допускающими постановку и решение интерпретационных вопросов «...только на основе... комплексной характеристики культурного слоя, дополненной анализом находок» [42, с. 7]. Таким образом, он не является оригинальным, но обладает новизной в области исследований по финальному палеолиту и мезолиту Восточной Европы. Развернутое его обоснование представляется необходимым именно потому, что среди специалистов в указанной области по-прежнему доминирует охарактеризованный в начале этой статьи, очевидно устаревший и ошибочный подход. Устойчивость последнего в практике научных исследований удивительна. Примером этому является упоминавшаяся выше докторская диссертация А.Н. Сорокина. В её последней главе [45, с. 20-42], посвящённой, главным образом, объяснению «парадокса источниковедения» [45, с. 42] мезолита Восточной Европы, содержится справедливая критика обобщающих работ ряда авторов, проведённая с позиций пространственного анализа. Однако эта глава находится в полном противоречии с предыдущими, посвящёнными исследовавшимся А.Н. Сорокиным стоянкам Жиздринского полесья. В этих главах в качестве источника исследования определяются «прежде всего, коллекции» [45, с. 5], а характеристика и интерпретация памятников базируются на очень подробном, но вполне традиционном сравнительно-типологическом анализе вещевых комплексов, сформированных по признаку происхождения находок из одного раскопа или с одного памятника. Сочетание в диссертации такого подхода с отчётливо выраженным пониманием необходимости применения пространственного анализа вызывает недоумение и является ещё одним «парадоксом источниковедения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Структура памятников и вопрос о периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Тез. докладов международной конференции. Сергиев Посад, 1997.
2. Леонова Е.В. Планиграфический анализ "дюнных" мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1998.
3. Кравцов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980–1990-х годов) // Исторический музей–энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Тр. ГИМ. Вып. 103).
4. Кольцов Л.В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
5. Фролов А.С. Иеневская позднемезолитическая культура в бассейне р. Оки // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985.
6. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).
7. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
8. Kravtsov A.E. Concerning the Dating of the Yenevo Culture // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 13-16, 1993. Lublin, 1999.
9. Sorokin A.N. Neighbours of the Butovo Culture on the Upper Volga and Oka Rivers // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 13-16, 1993. Lublin, 1999.
10. Koltsov L.V., Zhilin M.G. Tanged Point Cultures in the Upper Volga Basin // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 13-16, 1993. Lublin, 1999.
11. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Стоянка Старокопстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
12. Жилин М.Г. Результаты трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Старокопстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
13. Кольцов Л.В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. 1985. № 3.
14. Сорокин А.Н. Новые данные по мезолиту бассейна реки Оки // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы волго-окского мезолита. М., 1991.
15. Кравцов А.Е., Луньков В.Ю. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // РА. 1994. № 2.

16. Сорокин А.Н. О связях населения бутовской и иневской культур // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
17. Сорокин А.Н. О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997.
18. Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иневской мезолитических культур // СА. 1991. № 2.
19. Крайнов Д.А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь 1 // КСИА. Вып. 131. 1972.
20. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
21. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
22. Мацкевой Л.Г. Мезолит Запада Украины. Киев, 1991.
23. Ксеизов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
24. Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992.
25. Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмоскowie // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 2. Рязань, 1992.
26. Леонова Е.В. Опыт планиграфического анализа иневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
27. Кравцов А.Е., Жилин М.Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4 Г-северная // РА. 1995. № 2.
28. Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Беливо 6 В // Археологический сборник. М., 1998. (Тр. ГИМ. Вып. 96).
29. Сидоров В.В., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмоскowie // СА. 1975. № 2.
30. Жилин М.Г., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. 1981. № 2.
31. Сорокин А.Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. Вып. 189. 1987.
32. Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
33. Зализняк Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ, 1999.
34. Аверин В.А., Жилин М.Г. Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 5. Н. Новгород, 2001.
35. Zhilin M.G. Technology of Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // European Journal of Archaeology. 1998. Vol. 1. № 2.
36. Leroi-Gouran A., Brezillon M. Fouilles de Pincevent. Paris, 1972.
37. Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Культурный слой как отражение определенной конкретно-исторической реальности (на примере IV культурного слоя стоянки Кокорево I) // КСИА. Вып. 202. 1990.
38. Миньков Е.В. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и II // КСИА. Вып. 202. 1990.
39. Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. Вып. 202. 1990.
40. Сорокин А.Н. Опыт исследования мезолитических памятников с нескрапленным культурным слоем // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докладов. М., 1987.
41. Кольцов Л.В. Отчет о раскопках стоянки Титово в 1979 г. // Крайнов Д.А. Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7548 а-в.
42. Александрова М.В. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // КСИА. Вып. 202. 1990.
43. Леонова Н.Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. Вып. 202. 1990.
44. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск, 1994.
45. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
46. Кравцов А.Е., Кошова С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // В данном сборнике.
47. Кольцов Л.В. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
48. Леонова Е.В. Стоянка Авсерыгово 2 (мезолитический слой) // В данном сборнике.
49. Энговатова А.В. Отчет 2-го отряда Подмоскowieй экспедиции. Ч. 1. Каширский р-н. 1991. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15975.
50. Сидоров В.В., Энговатова А.В. Отчет о работах Подмоскowieй экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17772.
51. Сергин В.Я. Применение метода "связей" при археологических исследованиях // СА. 1984. № 1.
52. Васенев И.И., Таргульян В.О. Ветровал и таежное почвообразование. М., 1995.
53. Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.

**Государственный Исторический музей,
Москва**

A.E. Kravtsov

**ON THE ATTEMPTS TO THE STUDIES OF THE MESOLITHIC SITES
WITH ILLEGIBLE STRATIGRAPHY
(on the Materials from the Monuments of Ienevo Culture)**

Summary

Cultural remains lay in porous deposits of mineral composition on the most of the Mesolithic sites of Eastern Europe (including sites of Ienevo culture situated in the Volga – the Oka Rivers watershed) characterized in the article. Due to this fact the stratigraphy of the sites is very illegible. Cultural remains found in one excavation area or in the deposits of one monument are described as belonging to a single settlement in the most of researches devoted to such monuments. But a model of economic adaptation of traditional societies of taiga hunters suggests a prolonged systematic renewal of seasonal settlements at one and the same place.

According to this statement we must think that the materials of various times and cultures often appear to be mixed in the deposits as well as in collections of artifacts from such the sites. In accordance with the author's approach to the study of these sites culture deposits (including artifacts together with all other finds) as well as contemporary natural complexes of the monuments, which determine conditions of cultural deposits are considered as sources of information during the field stage of research.

The sources for the next ("cabinet") studies are: 1. Field and laboratory documentation; 2. Collection of finds. This method suggests a complex consideration of documents and artifacts. The most important phase of the study is the spacial analysis which leads to defining of characteristics of cultural deposits and subsequent subdivision of those into certain structural elements later to be synchronized according to the planographic features which take into account the data on remontage of splintered flint. The data of scientific analysis as well as technical and morphologic characteristics of finds must be strictly correlated with planographic and stratigraphic observations, though the meaning of the latter for the sites considered in the article is relatively small.

*The State Historical Museum
1/2, Krasnaya Sq., Moscow,
103612, Russia*

А.Н. Сорокин

О МЕЗОЛИТЕ НИЗОВЬЕВ р. МОКШИ

В географическом отношении под Нижней Мокшей подразумевается отрезок в пределах рязанского течения реки. Нижнее Примокшанье относится к зоне Окско-Мокшинской низины – задровой равнины, входящей в главный пояс полесий Восточной Европы [1; 2]. Изучение каменного века низовьев Мокши началось ещё в 1930 г., однако вплоть до современности обследование территории носит эпизодический характер. Несмотря на то, что мезолитические находки происходят уже не менее чем с 50 пунктов [3-7] полноценные материалы получены лишь на двух стоянках: Пургасово 3 и Барашево 1. Главной задачей данной работы служит введение в научный оборот материалов этих памятников.

Пургасово 3 открыто в 1983 г. Б.А. Фоломеевым [8] и раскопано в 1985 г. Окской экспедицией под руководством автора данной статьи на площади 65 кв. м [9]. Коллекция включает 3231 каменный предмет, в том числе 1095 орудий, или 34% комплекса (рис. 1, 2, табл. 1). Это один из самых высоких показателей для мезолитических коллекций Волго-Окского бассейна.

Таблица 1. Пургасово 3. Распределение инвентаря по комплексам

Наименование/комплекс	П. м.	Р-Г	Шурфы	Всего
Нуклеусы	4	31	2	37
Сколы подправки площадки нуклеуса	9	47	4	60
Сколы подправки основания нуклеуса	0	5	0	5
Сколы ребристые	16	112	3	131
Отщепы	160	994	61	1215
Пластины	62	270	12	344
Отбойники	2	15	0	17
Абразивы	1	14	0	15
Резцы	41	325	23	389
Скрепки	10	43	2	55
Скобели	4	13	0	17
Перфораторы	1	17	1	19
Орудия комбинированные	8	32	3	43
Орудия рубящие	3	3	0	6
Ножи	7	19	0	26
Острия симметричные	0	7	0	7
Острия косые	0	13	0	13
Острия трапециевидные	0	1	0	1
Микролиты с притупленным краем	1	8	1	10
Трапке	2	10	0	12
Микролиты с выемкой	1	8	0	9
Наконечники с выемкой (тип А)	1	5	0	6
Наконечники (тип Б)	0	3	0	3
Наконечники постсвидерские	2	8	1	11
Грузила	0	3	0	3
Вкладыши	7	28	4	39
Пластины с ретушью утилизации	21	135	1	157
Отщепы с ретушью утилизации	34	229	8	271
Отщепы со шлифовкой	0	9	4	13
Сколы подправки лезвий орудий	2	23	3	28
Сколы резцовые	16	155	10	181
Обломки орудий	7	80	1	88
Всего каменных изделий	424	2665	142	3231
Керамика	0	10	0	10
Предмет глиняный	0	1	0	1
Охра	0	1	0	1

П. м. – подъёмный материал; Р – раскоп

Первичное расщепление характеризуется развитой пластинчатой и отщеповой техникой. Нуклеусы – одноплощадочные конические, карандашевидные или призматические, предназначены для снятия пластин и микропластин. Пластинчатость комплекса сравнительно высока, доля орудий на пластинах среди морфологически выраженных форм достигает 57%.

Во вторичной обработке широко использовалась резцовая техника, крутое и полукрутое краевое ретуширование, применялось двустороннее краевое ретуширование, уплощающая ретушь, пильчатая ретушь и плоская подтёска. Подтёска и пильчатая ретушь в материалах мезолитических стоянок Волго-Окского бассейна раньше не встречались. При обработке рубящих орудий применялись двусторонняя оббивка и шлифовка. Шлифовка использовалась при обработке не только мягких пород камня, но и кремня. Особо следует отметить технику сверления, которая нашла отражение в грузилах и массивных развёртках.

Среди орудий доминируют резцы, а в них преобладают изделия с неподроботанной площадкой скола, более трети из которых нуклеидные. Двугранных и ретушных резцов поровну, присутствуют комбинированные, но число их невелико. Характерны плоские сколы. На втором месте по численности стоят скребки. Превалируют концевые, их дополняют двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скребачи и стрельчатые. На третьем месте находятся комбинированные изделия, наиболее часты сочетания резцов с ножами или скребками. Вкладыши из фрагментированных пластин занимают четвертую позицию. Довольно многочисленны перфораторы, включая массивные развёртки. Свёрла бывают с невыделенным концом или плечиковые. Скобели, как правило, с дугообразными узкими мелкими выемками. Встречены пластины с регулярной приостраивающей или (реже) притупляющей ретушью, тёсла подтреугольной и подтрапцевидной формы, выполненные из отщепов и желваков. Сравнительно многочисленны косые острия, а также микролиты с поперечно срезанной ретушью концом и микролиты с выемкой на конце (рис. 1: 6, 18). Последние часто имеют подтёску на брюшке. Этот приём является культуроопределяющим для пургасовских памятников. Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Выразительными сериями представлены абразивы, "выпрямители древков стрел" и каменные грузила с пазами для подвешивания или круглыми сверлинами (рис. 2: 21). Среди наконечников стрел помимо традиционных постсвидерских (рис. 1: 4, 5) весьма характерны изделия двух разновидностей с выемкой на конце. Первая – массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен прямо или в виде выемки двусторонней крутой или пологой в сочетании с плоской ретушью (тип А) (рис. 1: 8, 11, 17). Вторая (тип Б) – крупные острия с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой или без таковой по основанию (рис. 1: 7, 16).

Наличие полного поселенческого типологического набора позволяет говорить о Пургасово 3 как о базовой стоянке. Наряду с традиционными для волго-окских памятников формами изделий есть ряд весьма специфичных. Если постсвидерские наконечники – это своеобразная визитная карточка волго-окского мезолита, то пургасовские поперечно-лезвийные наконечники типов А и Б ранее абсолютно не были известны в мезолите лесной зоны Европейской России. Как установлено, наконечники пургасовского типа присутствуют также в Борисово 1 в Мещёре [10]; Дорках 4 [11], Нижних Котицах 5 [12, с. 145, рис. 2:1] и на Круглом озере [13, с. 73, рис. 2:1] на Верхней Волге; на стоянках Имерка 4 [4;14] и Шаверки 5 [3, рис. 6:16] в Примокшанье. Кроме того, имеются два наконечника на стоянке Пясина 3 на Таймыре в Восточной Сибири [15, рис. 2:6; 16, рис. 9], хотя причины такого сходства не до конца ясны. Единственным полным аналогом инвентарю стоянки Пургасово 3, исследованной раскопками на значительной площади, является комплекс поселения Шагара 4 на одноимённом озере в Мещёре [17].

Если же к наконечникам пургасовского типа добавить ещё микролиты с торцовой выемкой, которые образуют с наконечниками пургасовского типа сопряжённую группу, то специфика описываемого комплекса будет ещё более осязаема. Следует отметить и практическое отсутствие в Пургасово 3 геометрических микролитов, неразвитость вкладышевой техники и невыразительность микролитов с притупленным краем.

Своеобразие каменного инвентаря подчёркивается особенностями самой массовой категории орудий – резцов, среди которых широко представлены экземпляры с подтёской на брюшке, практически не встречающиеся на других волго-окских стоянках. Это же относится к каменным грузилам и комбинированным орудиям. Кроме того, коллекцию выделяет использование пильчатой ретуши.

Пургасово 3 имеет сходство с материалами бутовской культуры, однако своеобразие комплекса настолько значительно, что позволяет выделить его вместе с Шагарой 4 и другими стоянками в отдельную археологическую культуру, входящую в круг постсвидерских.

Мне не кажется выделение пургасовской культуры неоправданным. Во-первых, эпонимная стоянка настолько выразительна и своеобразна, что сама по себе может служить эталоном. Во-вторых, понятие «археологическая культура» предпочтительней термина «памятники типа ...» своей краткостью и большей понятийной разработанностью. В-третьих, термин «памятники типа ...» страдает меньшей понятийной определенностью. Наконец, помимо Пургасово 3 имеется ещё один территориально удалённый, исследованный путём раскопок на значительной площади памятник – Шагара 4, давший не менее выразительный материал. Конечно, двух раскопанных памятников не так уж много, тем не менее их культурная специфика настолько очевидна, а орудийный материал настолько представительен и разнообразен, что пургасовская культура имеет право на существование. Естественно, что и её характеристика, и проблемы генезиса и исторических судеб могут быть в настоящее время определены лишь в самом предварительном виде или вообще только сформулированы. Надеюсь, что эффект «постановки проблемы» уже в ближайшее время приведёт к расширению её источниковедческой базы.

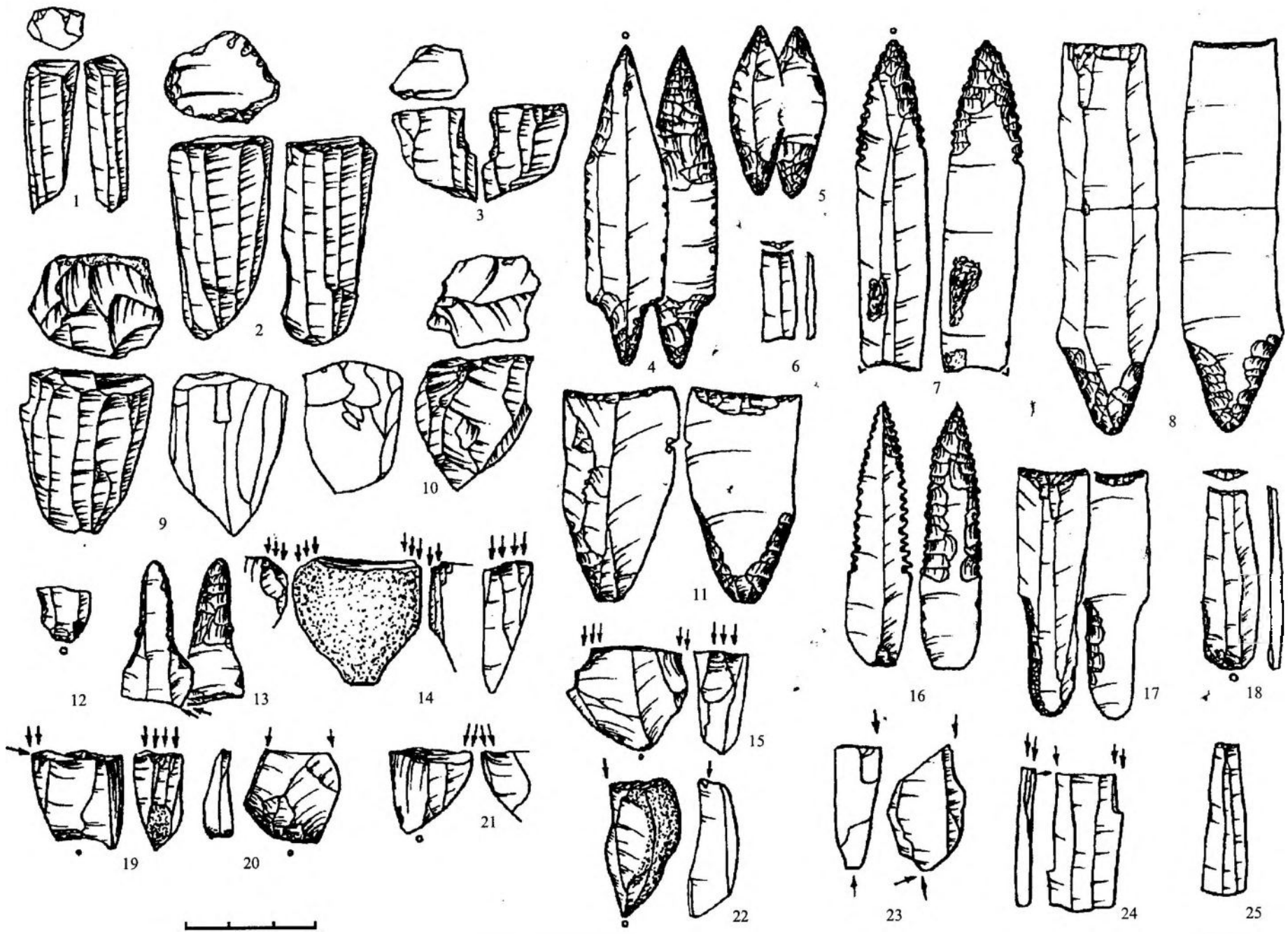

Рис. 1. Пургасово 3. Каменные изделия

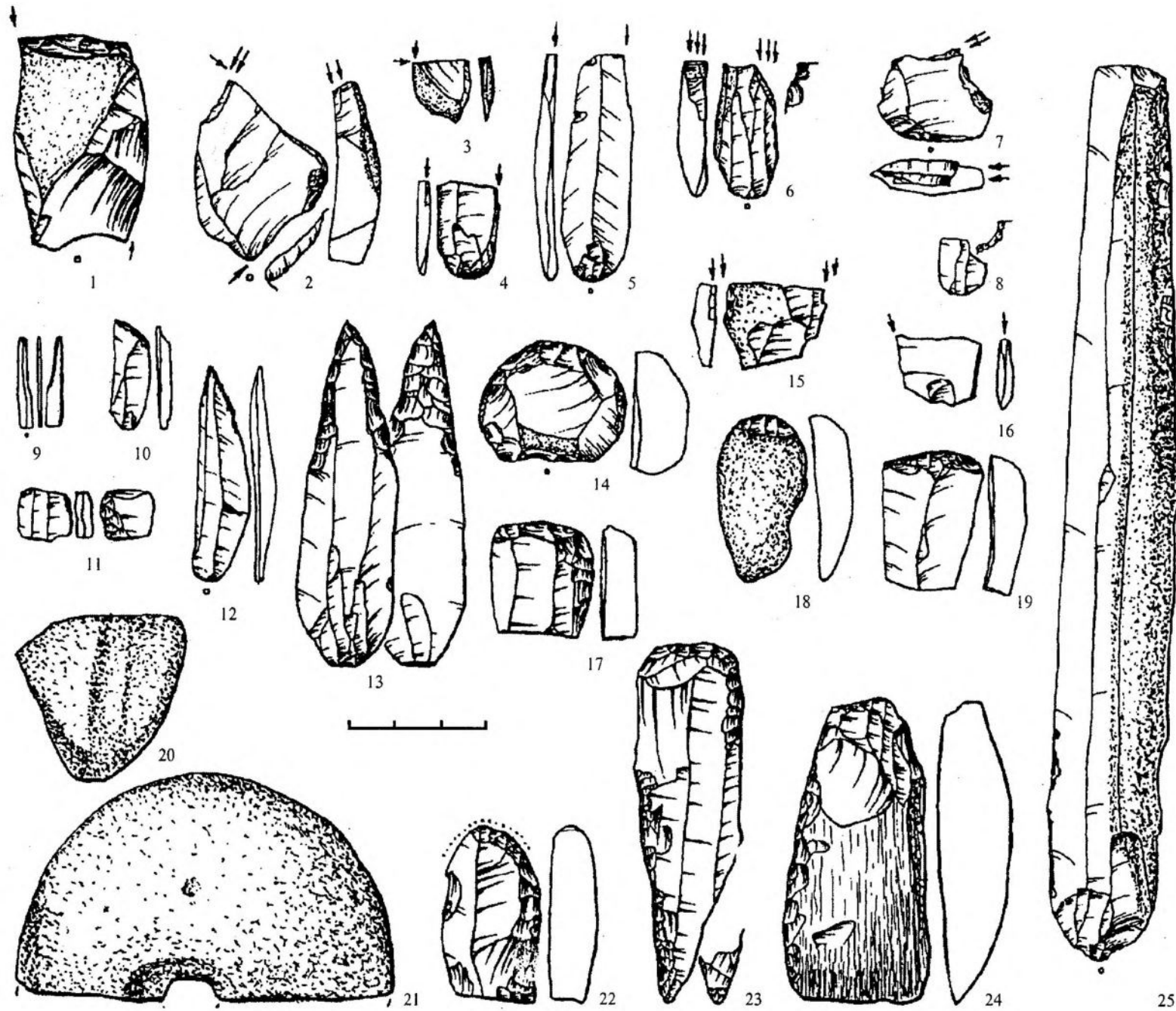

Рис. 2. Пургасово 3. Каменные изделия

Несколько слов о генезисе пургасовской культуры. Приём плоского ретуширования в Восточной Европе с некоторых пор связывают с наследием свидерской культуры. Насколько это справедливо, судить не берусь. Не исключаю, что это положение может быть скорректировано, если появятся массовые даты для всех т.н. постсвидерских культур. Во всяком случае, генезис самой свидерской культуры и её хронология ещё недостаточно ясны, что не прибавляет ясности и вопросам о времени сложения постсвидера, и весь ли «постсвидер» наследовал свидерские традиции. Ведь, несмотря на значительную хронологическую разницу в возрасте Пургасово 3 и верхнепалеолитической стоянки Авдеево, сходство многих изделий и технических приёмов просто разительное [18]. Логичнее, однако, проводить параллели пургасовской культуры с синхронными ей культурами. Так, не вызывая сомнения параллели с бутовской культурой. Сходство в оформлении бутовских и пургасовских наконечников достаточно велико и может свидетельствовать о связи населения этих культур, возможно, даже указывает на их генетическое родство. Однако приём плоского ретуширования не является исключительно бутовским, и считать плоскую ретушь бутовской лишь на том основании, что эта культура лучше других в Волго-Окском бассейне исследована на настоящее время, было бы неправильно. Конечно, этот вариант возможен, но на нынешнем уровне знаний его вряд ли следует рассматривать как единственный. Не следует уже хотя бы потому, что аналогичные постсвидерские наконечники есть и в кундской, и в донецкой культурах, и в культуре Веретье, и в ряде других. Вероятно, правильней говорить, что пургасовская культура входит в круг постсвидерских, сознавая нечёткость самого этого термина.

Не отрицая в принципе саму идею складывания постсвидерских культур на основе свидерской культуры Польской и Полесской низменностей [19; 20; 21], хочу подчеркнуть, что она требует своего обоснования с учётом всего накопленного к настоящему времени материала и должна быть предметом специального исследования. Во всяком случае, этот переход, если он был, не может быть объяснён только как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны, ибо во всех исконных свидерских землях – и на территории Польши, и в Полесье, которые в мезолите также входили в лесную зону, – никакого «постсвидера» нет. Напротив, здесь развиваются коморницкая и яниславицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к свидерской [24; 25; 21; 22; 23]. Прояснению ситуации не способствует и отсутствие независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе т.н. «постсвидерских» культур немало важно и то обстоятельство, что содержание самого термина достаточно неопределённо и до сих пор никем не было произведено корректное сравнение постсвидерских культур.

Для решения вопроса о соотношении бутовской и пургасовской культур известное значение имеют наблюдения над распределением бутовских и пургасовских наконечников на трёх памятниках, исследованных с помощью пространственной фиксации, – это Пургасово 3, Борисово 1 и Шагара 4. В жилище Пургасово 3 пургасовское и бутовское охотничье вооружение залегает совместно. Тем не менее, это наблюдение не обязательно говорит о прямой зависимости между двумя этими культурами, в частности, о генезисе пургасовской индустрии на основе бутовской, ибо единственная пургасовская радиоуглеродная дата ничуть не моложе ранних бутовских, а также потому, что и другие постсвидерские культуры имеют достаточно общих черт с пургасовскими материалами.

В жилище 1 Борисово 1 пургасовские и бутовские изделия по глубинам пересекаются, но не абсолютно, что не позволяет строго говорить о гомогенности или, напротив, гетерогенности комплекса.

В жилище 1 Шагары 4 бутовские наконечники залегают выше пургасовских. Та же картина наблюдается и в двух квадратах вне этого жилища. Однако такой чёткости нет в заполнении жилища 2, где глубины залегания пургасовских и бутовских наконечников совпадают.

Таким образом, источниковедческий анализ не даёт однозначного ответа о соотношении бутовской и пургасовской индустрий. Поэтому гипотезы об их родстве и взаимосвязи, подобно и вариантам независимого складывания обеих культур на единой основе, как и механического смешения материалов, должны рассматриваться как равноправные.

Генезис пургасовской индустрии, вероятно, связан с индустрией культуры Веретье. В Веретье 1 помимо постсвидерских наконечников, аналогичных пургасовским, широко распространено сверление камня, а на одном из косых острий имеются не только оформленный подобно пургасовским боевой конец, но и пильчатая ретушь на черешке. Кроме того, на этом памятнике при обработке площадок резцов эпизодически использована плоская подтёска [26].

Хронология пургасовской культуры может быть предложена лишь предварительно. Возраст стоянки Борисово 1 определён палинологическим методом не позднее начала бореала. Для стоянки Шагара 4 получена радиоуглеродная дата 9350 ± 200 л.н. (ГИН-5417), помещающая этот памятник в конец пребореального – начало бореального времени. Других естественно-научных дат для пургасовских стоянок в настоящее время нет. Исходя из этих данных, а также размеров каменных изделий и известной рудиментности микролитов пургасовского типа в Борисово 1, можно предположить, что Пургасово 3 является наиболее ранним из известных памятников, т.е. должно датироваться серединой пребореала. Надеюсь, что последующие исследования внесут и в эту проблему большую ясность.

Территория пургасовской культуры охватывает Среднее и Нижнее Примокшанье (Пургасово 3, Имерка 4, Шаверки 5) в пределах Окско-Мокшинской низины, Мещёрскую низменность (Шагара 4, Борисово 1), Верхневолжскую низменность (Дорки 4) и, вероятно, выходит на Великий водораздел (Круглое озеро).

Примокшанье и Мещёрская низменность – это фактически единая геоморфологическая зона, не имеющая внутренних границ. Поэтому она может рассматриваться лишь как зона освоения пургасовским населением, его «кормовая территория». Возможно, это наиболее обжитая часть ареала исследуемой популяции. Может быть, такое впечатление складывается из-за историографического момента – сравнительно

лучшей обследованности Примокшанья и Мещёры по сравнению с территорией Великого водораздела. Если исходить из гипотетической реконструкции хозяйственно-культурного типа (ХКТ) населения лесной зоны пребореального и бореального времени как охотников-собирателей лесной зоны, то вероятность именно таких перемещений или миграций в пределах единого географического ареала и одного водного бассейна для населения пургасовской культуры представляется вполне естественной.

Территория археологической культуры в мезолите – это абстракция, а не ареал с жёсткими контролируруемыми границами. Её нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Поэтому в то время, когда некая группа мезолитического населения обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива.

Границы археологической культуры фактически совпадают с ареалом годичных хозяйственных циклов, поэтому у охотников на северного оленя он один, мамонта – другой, а у охотников на лося – третий. Не вызывает сомнения, что для финального палеолита и мезолита – это территория, определяемая «поведением сопровождения». Таким образом, территория археологической культуры в мезолите – это, вероятно, размах пространственных колебаний популяции в пределах кормовой зоны, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом никак не мог, вероятно, контролироваться и обороняться – просто некому было. Этим и объясняется наложение ареалов многих мезолитических культур. Во всех случаях совпадения территории разных культур надо доказать, что население в них обитало одновременно, а не последовательно.

В этой связи хочу обратить внимание на следующее. В археологической литературе, как правило, схемы миграций традиционно обозначаются стрелками, идущими в каком-либо одном направлении. Например, освоение Прибалтики аренсбургским населением отмечается как однонаправленное передвижение с запада на восток – с Северо-Германской низменности в Понеманье, свидерским населением – с юго-запада на северо-восток – из Польской и Полесской низменностей в Верхнее и Среднее Поднепровье и т.д. [20, с. 210]. Этим как бы определяется движение миграционных «потоков» в момент заселения конкретной территории.

Таким образом подспудно понимается, что эта территория делается постоянно или на длительное время заселённой носителями конкретной археологической культуры. Между тем, такое графическое воплощение идёт вразрез с историзмом и формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. Ибо эти миграции были возвратно-поступательными, то есть шли в обоих направлениях. В ряде случаев крайние точки ареала – это и есть размах пространственных перемещений мезолитического населения в пределах кормовых территорий. Например, особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяла то, что когда северный олень был в тёплое время года в тундре на пастбищах (это была территория Прибалтики), – и всё рессетинское население, вероятно, было именно там, а в холодное время вслед за северным оленем всё население откочёвывало на возвышенности Центральной России.

Теперь о другом памятнике Нижнего Примокшанья – стоянке Барашево 1. Барашево 1 было открыто в 1986 г. В.П. Челябиным [27]. В 1987 и 1989 гг. сборы на ней проводились автором данной статьи [28; 29]. Коллекция включает 6820 предметов, в том числе 504 орудия, или 7,5% комплекса (рис. 3 и табл. 2). Это близко к средним значениям показателя для мезолитических коллекций региона.

Техника первичного расщепления основана на утилизации одноплощадочных ядрищ подконической или подпризматической формы, которые служили для скалывания отщепов и, реже, пластин. Индекс пластинчатости орудий довольно низок, он составляет лишь 33%. Для вторичной обработки характерно использование краевой ретуши: пологой, полукрутой или крутой. Плоская ретушь практически не применялась. Отмечены единичный случай наличия на косом острие микрорезцового скола и присутствие псевдомикрорезцов. Вообще степень обработки поверхности минимальна. Изредка применялась шлифовка. Орудийный набор памятника, особенно на фоне Пургасово 3, сравнительно беден. Наиболее многочисленны резцы (27%), среди которых доминируют экземпляры на сломе отщепа, их дополняют ретушные (12,5%), двугранные (12,5%) и комбинированные (5,8%). Весьма характерны широкие кромки, но доля нуклеидных невелика. Все скребки (4,7%) изготовлены из отщепов, многие фрагментированы. Они отличаются известным разнообразием, достигаемым за счёт единичных форм. Преобладают концевые экземпляры, их дополняют подокруглые, скробообразные, двойной концевой, боковой и «обратный» скребки. Особенностью коллекции является отсутствие концевых скребков на пластинах. Скобели (1,4%) все одинарные, выемки мелкие, узкие, дугообразные, изредка глубокие. Свёрла, комбинированные орудия и ножи малочисленны. Рубящие орудия (0,6%) представлены лишь обломками двусторонне обработанных тёсел, в том числе с намечающимся желобком. Выразительны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (1,2%) и косые острия (2,2%). Коллекцию дополняют вкладыши из фрагментированных пластин (9,3%), пластины и отщепы со следами сработанности (4,5% и 48% соответственно), многочисленные резцовые сколы, обломки орудий и отщепы со следами шлифовки. Комплекс Барашево 1 весьма интересен тем, что здесь нет традиционных для волго-окского мезолита постсвидерских наконечников стрел. Их функцию выполняли косые острия с усечёнными крутой ретушью бугорковыми частями (рис. 3: 1-4), которые использовались как основные или боковые вкладыши в составном охотничьем метательном вооружении. При этом обращает на себя внимание факт полного несходства Барашево 1 с Пургасово 3, расстояние между которыми не превышает и 50 км. Специфические черты комплекса: низкая пластинчатость, бедный типологический набор орудий, отсутствие традиционных для бассейна постсвидерских наконечников, оригинальные формы охотничьего вооружения, отсутствие концевых скребков на пластинах, малочисленность резцов на пластинах, высокий удельный вес среди рез-

Таблица 2. Барашево 1. Типологический состав инвентаря

Наименование	Кол-во
Сырьё ¹	2
Нуклеусы	11
Сколы подправки ударных площадок	51
Сколы ребристые	288
Отщепы	4717
Пластины	813
Отбойники	0
Абразивы	2
Резцы	136
Скребки	23
Скобели	7
Скрёбла	0
Перфораторы	2
Комбинированные орудия	2
Рубящие орудия	3
Нож	1
Транке	6
Острия косые	11
Острия симметричные	0
Наконечник стрелы с выемкой	1
Вкладыши из фрагментированных пластин	47
Пластины со следами сработанности	23
Отщепы с ретушью	242
Сколы резцовые	336
Сколы подправки лезвий орудий	30
Обломки орудий	66
Псевдомикрорезцы	6
Отщепы со шлифовкой	13
Всего	6837

цов изделий с широкими кромками, наличие выразительной серии ретушных и двугранных резцов, неразвитость вкладышевой техники, отсутствие геометрических микролитов и присутствие предметов со следами шлифовки – позволяют говорить об известном своеобразии Барашево 1 в ряду других волго-окских памятников. Следует при этом отметить, что наибольшее сходство Барашево 1 проявляет с т.н. памятниками типа Красново 1 и стоянками Волго-Камского междуречья, с которыми его объединяет полное сходство типологического набора инвентаря, но различает меньшая пластинчатость. Можно увидеть все без исключения формы Барашево 1 и в Красной 1 "Вася", но здесь они "растворены" другими материалами: аренбургскими и свидерскими наконечниками стрел, низкими трапециями, остриями и обрабатываемыми орудиями, аналоги которым, по большей части, имеются в посожских материалах. Выявление сходства в разнородных материалах позволяет предположить, что группа средневожского населения в раннем мезолите расселяется и в Волго-Окском междуречье. Это событие отмечается появлением здесь стоянок Култино 1, Велетьминское 9, Угольново 1, Старая Пустынь, Барашево 1, Красново 1 "Вася" и некоторых других. При этом индустрии сохраняются в "чистом" виде, как в Барашево 1 и Култино 1, или носят следы метисации с иными культурными традициями, как в Красной 1 "Вася".

Полный типологический набор изделий позволяет интерпретировать Барашево 1 в качестве сезонной базовой стоянки.

При определении места Барашево 1 рассмотрен вопрос его соотношения с т.н. памятниками типа Красново 1, которые М.Г. Жилип и Л.В. Кольцов считают «специализированными охотничьими лагерями ботовской культуры» [30]. К этому типу ими отнесено не менее 21 памятника. Это Берендеево 3, Велетьминское 9, Жихарево 1, Задне-Пилёво 2, Ивановское 3 и 7, Красново 1, Култино 1, Лягалин, Пищалкино, Подольское, Сахтыш 9, Саурово 1, 4, Силикатный завод 3, Соболево 3, Старая Пустынь, Угольново 1 и 3, Федюково. Обращу внимание, что в этот список включены Соболево 3, Пищалкино, Сахтыш 9 и даже Зад-

¹ При вычислении процентного состава артефактов две кремнёвые конкреции не учитывались.

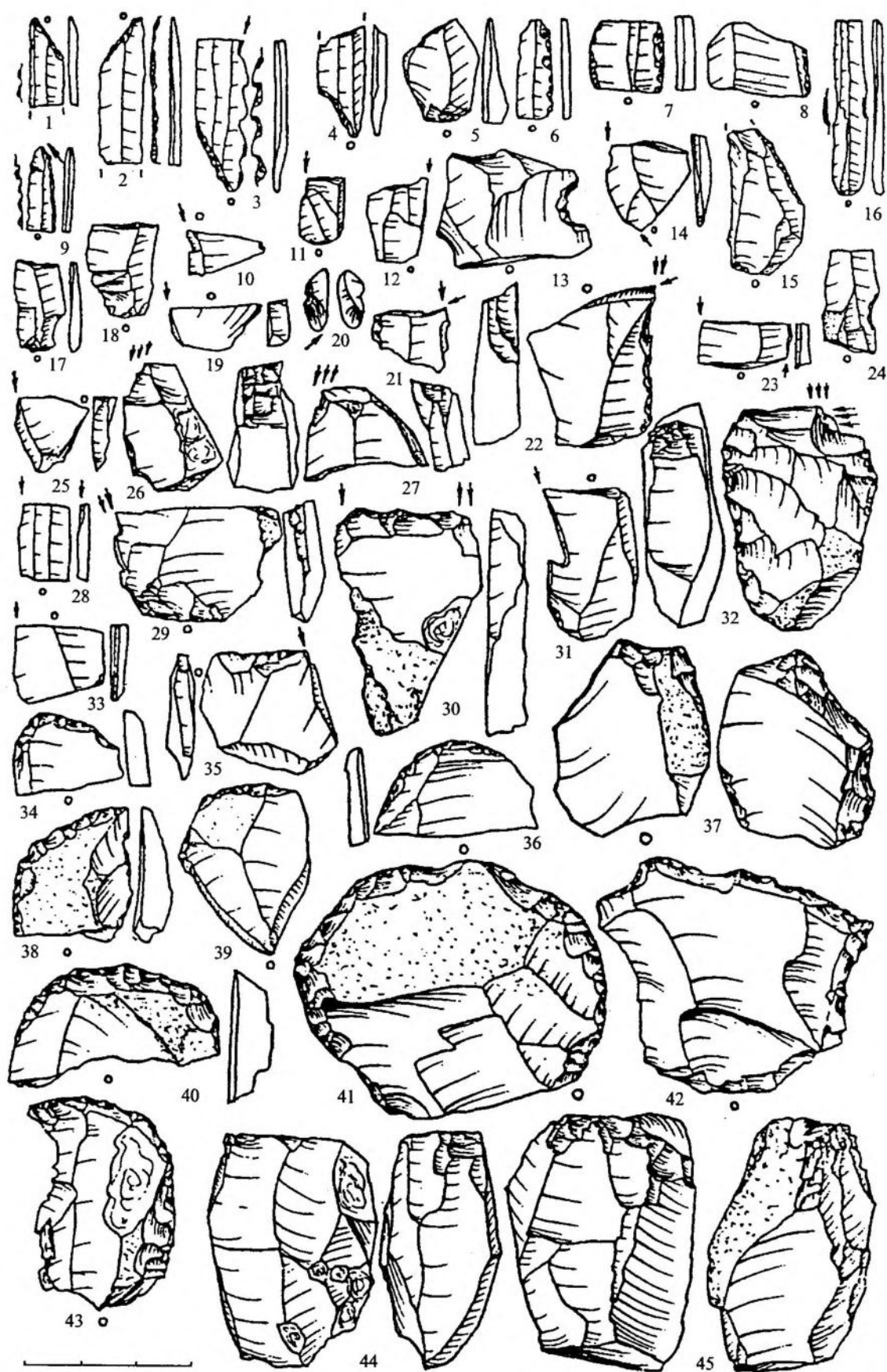

Рис. 3. Барашево 1. Каменные изделия

не-Пилёво 2 [30]. Первые три не являются специализированными памятниками, четвёртый – не имеет отношения к типу Красново 1, так как отличается своим охотничьим вооружением. Для того, чтобы доказать бутовскую принадлежность памятников типа Красново 1 М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов [30] “улучшают” источник². Они пишут: «наконечники стрел на пластинах есть и на 3 стоянках типа Красново 1: Соболево 3 – 4, Пищалкино – 2, Велетьминская 9 – 1» [30, с. 66]. Анализ показывает, что типологические особенности Соболево 3 и Пищалкино вызваны не типом памятника, а сортировкой коллекций. Факт сортировки доказывается элементарно: число пластин в них значительно превышает все прочие вместе взятые изделия, чего нет ни в одной полноценной волго-окской коллекции. Что касается Велетьминского 9, никаких доказательств принадлежности невыразительного обломка к коллекции (слою) также не приводится [30]. Вот почему интерпретация М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым этих стоянок как охотничьих лагерей – фикция [31].

Примером специализированной охотничьей стоянки бутовской культуры служит Задне-Пилёво 2, но никакого отношения к памятникам типа Красново 1 она не имеет. Не имеет уже хотя бы потому, что в последнем содержатся постсвидерские наконечники, которые составляют основу охотничьего вооружения этого памятника. Охотничьей же стоянкой Задне-Пилёво 2 делает специфический набор обрабатываемых орудий [10].

Памятники типа Красново 1 выделены и названы по одной из наименее выразительных коллекций, включающей лишь 26 орудий. Впрочем, и на большинстве других их количество редко когда достигает полусотни – например, в Утрехе 5 найдено 8 орудий, в Соболево 3 – 18, в Берендеево 3 – 20, Пищалкино – 33 и т.д. [30]. Создаётся впечатление, что они вообще объединялись исключительно по принципу “бедности” материала.

Корреляция признаков т.н. памятников типа Красново 1 показывает, что в них нет вообще ни одного общего типа изделий. Главная причина этого заключается в крайней малочисленности и сортированности ряда коллекций. Если рассматривать лишь статистически представительные материалы, то пригодных для анализа памятников останется не более двух – это Култино 1 и Старая Пустынь. Для сравнительного анализа допустимо использовать коллекции Угольново 1 и Велетьминского 9, при этом надо чётко осознавать, что наблюдаемые различия могут быть обусловлены именно количественными, а не качественными характеристиками. В этом случае становится понятным, что памятники типа Красново 1 помимо крайней бедности инвентаря отличаются от бутовских целым рядом признаков: в первичной обработке – это присутствие торцовых нуклеусов и большая микропластинчатость комплексов, во вторичной – меньшее использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши. Но главное различие между бутовской культурой и памятниками типа Красново 1 состоит в типологии. Их орудийный набор включает лишь восемь общих типов орудий, причём массовых – всего три. Это резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин. Ни один из этих типов не является специфическим и не определяет культурного своеобразия комплексов, в которых он представлен. В качестве охотничьего вооружения присутствуют лишь скошенные и косые острия, которые и служили наконечниками стрел.

Обязательный состав бутовской культуры включает не менее 25 типов [32; 10], причём 18 из них относятся к массовым. Да, в этот список входят и все типы, которые встречаются в т.н. памятниках типа Красново 1. Тем не менее, это не свидетельствует в пользу их культурной близости, а говорит лишь о малой вариативности каменной индустрии.

Главное, что следует подчеркнуть, – это отсутствие в памятниках типа Красново 1 ведущих бутовских типов охотничьего вооружения: постсвидерских наконечников, микролитов с затупленным ретушью краем, геометрических орудий и т.д. Это более чем странно при интерпретации памятников типа Красново 1 в качестве охотничьих лагерей бутовской культуры.

Установлено, что коэффициент связи памятников типа Красново 1 с бутовскими (Борисово 1, Елин Бор, Задне-Пилёво 1 и 2, Заборовье 2, Исток 1 (верхний слой), Микулино, Петрушино, Соболево 5 и др.) не выше фоновых показателей. Всё сказанное не позволяет рассматривать стоянки типа Красново 1 в качестве функционально специализированных памятников бутовской культуры. По наблюдениям западно-европейских и американских учёных различия между инвентарём охотничьего лагеря и стоянки одной культуры заключаются не в охотничьем вооружении, а в предметах, связанных с утилизацией охотничьей добычи (скребках, резцах, проколках и т.д.) [33; 34; 35; 36]. Нет никакого основания считать, что бутовская культура представляет в этом отношении исключение. Именно специфика охотничьего набора стоянок этого типа и отсутствие в них классических бутовских форм заставляют считать памятники типа Красново 1 относящимися к иной, не бутовской культурной традиции.

Наиболее представительным из т.н. памятников типа Красново 1 является Култино 1. Реальность такова, что по всем показателям Култино 1 расходится со всеми выразительными бутовскими стоянками. Дело даже не в том, что М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов считают Култино 1 специализированным охотничьим лагерем [30], хотя интерпретировать в качестве «kill-site» материал, который в количественном отношении превосходит любую из базовых бутовских стоянок, нелепо (для сравнения: в Култино 1 найдено 38699 каменных изделий, тогда как в Заборовье 2, например, собрано всего 6684 предмета, в Соболево 5 – 5283, в Тихоновно – 3210 и т.д.), а в том, что и при такой трактовке остаётся фактом отсутствие в Култино 1 типичного

² Подробную критику методики “улучшения источников”, разработанной М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым, см.: [31].

бутовского охотничьего вооружения – постсвидерских накопечников стрел и микролитов с затупленным краем. В качестве колющих наконечников в Култино 1 использовались скошенные остря, которые отличаются от изделий бутовской, иеневской, рессетинской, песочноровской и других мезолитических культур. Обилие скошенных острей в Култино 1, не считая абсолютного совпадения форм обрабатываемых орудий, и позволяет отождествлять эту стоянку с материалами камской культуры. Очевидно и другое: Култино 1 даёт полный типологический поселенческий набор, поэтому это тоже базовая стоянка. При сравнении материалов бутовских базовых стоянок (Соболево 5, Елин Бор, Заборовье 2, Петрушино, Микулино, Задне-Пилёво 1 и др.) с базовой стоянкой Култино 1 видно их резкое отличие по охотничьему вооружению и несходство в типах обрабатываемых орудий. Все эти различия не являются случайными по той простой причине, что изделий в Култино 1 больше, чем во всех вместе взятых представительных бутовских базовых стоянках. Следовательно, и Култино 1 и другие памятники типа Красново 1, раз в них нет традиционного для бутовской культуры охотничьего вооружения, не имеют к ней отношения.

Сравнение Барашево 1 с Култино 1, Старой Пустынью, Угольново 1 и Велетьминским 9 показывает, что они близки друг другу и отличны от стоянок бутовской, иеневской или рессетинской и пургасовской культур. Всё сказанное позволяет объединять их в особую археологическую культуру, которую по её наиболее выразительному памятнику можно назвать култинской. Впервые идея о култинской культуре была высказана мной ещё в докладе на Калужской конференции 1986 г. [32]. Поступившие с тех пор материалы, в том числе и с Барашево 1, подтверждают правомерность этого выделения и расширяют представление о ней. Генезис култинской культуры, учитывая территориальную близость и имеющиеся аналогии, связан с мезолитом Камско-Вятского междуречья [37]. Мне не кажется удачным сохранение названия «камская культура» и за волго-окскими стоянками, так как любое название культур по речным бассейнам сужает понятие культуры до размеров конкретного бассейна, а в случаях, если территория выходит за его пределы, термин входит в логическое противоречие с содержанием.

В свою очередь, Красново 1, по-видимому, действительно является, как пишут М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов [30], специализированным памятником – охотничьим лагерем. Но это охотничий лагерь култинской, а не бутовской культуры.

Подводя краткий итог обзора материалов мезолитических стоянок низовьев р. Мокши, следует сказать, что мезолит Примокшанья в значительной мере остаётся пока слабоизученным. Тем не менее, эти памятники не являются единичными в культурном отношении. Отсутствие культурного единства мезолита низовьев Мокши, как и всего Окского бассейна, определялось совокупностью причин; важнейшими из них были: известная временная протяжённость периода, одновременность заселения территории теми или иными группами, поликультурность пришлого сюда населения, его немногочисленность, сезонная подвижность и относительная разреженность. Немаловажным фактором являлось и отсутствие естественных географических рубежей, которые отделяли бы Примокшанье и Поочье от других территорий.

Выделение любых археологических культур есть момент источниковедения. Не удивительно, что по мере накопления источников происходило не просто развитие представлений о мезолите бассейна р. Оки, но и изменение складывавшихся ранее взглядов, формулирование и проверка новых гипотез. Следует отметить, что сам факт поликультурности мезолита региона в настоящее время никем в специальной литературе не оспаривается. Впрочем, объём работы не позволяет останавливаться на характеристике других окских культур – таких как рессетинская, бутовская или иеневская, так как это заняло бы слишком много места. Но нельзя не отметить следующее. Фактически пока на территории Окско-Мокшинской низины в наличии всего две полноценные коллекции. Анализ этих комплексов показывает, что Пургасово 3 и Барашево 1 относятся к разным археологическим культурам. Если Барашево 1 представляется гомогенным комплексом, то Пургасово 3 производит впечатление синкретического комплекса. Однако генезис этого синкретизма пока не ясен.

Анализ мезолитических источников показывает, что синкретизм чаще вызывается не взаимодействием групп древнего населения, а исключительно действием природных факторов, в первую очередь почвенных процессов [38; 39]. Феномен натурации тем и опасен, что генерирует источник, внешне почти неотличимый от того, который может возникнуть в результате культурного взаимодействия разных этносов. Вот почему синкретизм является атрибутом многих коллекций подъёмного материала. Только знание контекста находки, геоморфологических условий образования и “жизни” слоя, наличие аппликаций и находок-маркёров может дать основания для выявления происхождения природы синкретизма.

Анализ материалов Барашево 1 и Пургасово 3 – наиболее выразительных стоянок низовьев р. Мокши – не только подтверждает гипотезу культурного многообразия мезолита Окского бассейна, но и позволяет конкретизировать составляющие этого разнообразия. Материал мезолитических стоянок р. Мокши, безусловно, достаточно своеобразен, но это своеобразие показывает, сколько ещё проблем ждёт своего изучения.

Следует отметить и важную роль материалов стоянок низовьев Мокши в выделении култинской и пургасовской культур, в разработке их характеристик и определении их специфики. Между тем, многие вопросы, связанные с этими культурами, ещё не только далеки от своего разрешения, но могут быть, в лучшем случае, лишь сформулированы. Конечно, вряд ли в нынешнее время приходится рассчитывать на скорый приток новых данных и существенное увеличение источниковой базы, однако кропотливый анализ и пересмотр имеющихся коллекций могут дать положительные результаты уже в ближайшее время. Хочется верить, что данная работа не станет завершающей в этом ряду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Физико-географическое районирование Нечерноземного Центра. М., 1963.
2. Абатуров А.М. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М., 1968.
3. Вихляев В.И., Ставицкий В.В. Балахнинские поселения на Средней Мокше Шаверки 2 и Шаверки 5 // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995.
4. Выборная А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
5. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.
6. Третьяков В.П. Неолит междуречья Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.
7. Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976.
8. Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской экспедиции ГИМ в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9663, а, б.
9. Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11155.
10. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М., 1990.
11. Мирецкий А.В., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка-мастерская Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
12. Крылова Т.Б. Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // Палеолит и неолит. Л., 1986.
13. Мирецкий А.В. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шопи // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
14. Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.
15. Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Западного Таймыра // КСИА. Вып. 137. 1973.
16. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.
17. Крацов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
18. Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М., 1998.
19. Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
20. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ, 1999.
21. Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт України // Археологія. 1995. Вип. 1.
22. Зализняк Л.Л. Ранній мезоліт України // Археологія. 1995. Вип. 3.
23. Зализняк Л.Л. Пізній мезоліт України // Археологія. 1995. Вип. 4.
24. Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев, 1984.
25. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
26. Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
27. Челябинов В.П. Отчет о разведках и раскопках на территории Рязанской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11310.
28. Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14058.
29. Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в зонах строительства автодорог в Рязанской области в 1989 г. и раскопках стоянки Шильцена Заводь 5 // Архив ИА РАН. Р-1. № 13786.
30. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
31. Сорокин А.Н. Рецензия: Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999. // РА. 2001. № 3.
32. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
33. Clare G.D. Seasonality and the Interpretation of Lithic Assemblages // Estudios dedicados at Professor L. Pericot. Barselona, 1973.
34. Price T.D. Redactional Approaches to Human Adaptation in Mesolithic of the Northern European Plain // Mesolithic in Europa. Berlin, 1981.
35. Ларичева И.Б. Мезоиндейские культуры Северной Америки. Культура плано. Новосибирск, 1986.
36. Фрайсон Дж. Добыча бизонов и анализ каменных орудий на палеоиндейской стоянке Хорнер, Парк Каунти, Вайоминг, США // Исследования четвертичного периода. М., 1986.
37. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
38. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
39. Сорокин А.Н. Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.N. Sorokin

ON THE MESOLITHIC OF THE LOWER MOKSHA RIVER

Summary

At least 50 sites with the Mesolithic finds are known at present in the basin of the Lower Moksha River, but valuable informative material was obtained only from Purgasovo 3 and Barashevo 1. The main task of this work is a monographic description of the collections.

Over 3000 artifacts were collected in Purgasovo 3, with tools comprising 34% of the association. The peculiarity of the site is strikingly obvious, this fact permitting to single it out together with similar ones as belonging to an original Purgasovo archaeological culture, included into the circle of post-Swider cultures.

Collection from Barashevo 1 comprises 6837 artifacts, tools making 7,5% of the assemblage. The lack of post-Swider arrowheads is a specific feature of this collection, which distinguishes it from typical Mesolithic sites of the Volga-the Oka Rivers region. Comparison of Barashevo 1 with the sites of Kultino 1, Staraya Pustyn', Ugol'novo 1 and Velet'minskoye 9 displays their similarity, on the one hand, and their difference from the stations of Butovo, Ienevo, Resseta and Purgasovo cultures, on the other hand. These observations produce the ground to consolidate the sites mentioned above into Kultino archaeological culture. Its genesis, probably, was related to the Mesolithic of the Kama - the Vyatka Rivers' interflow.

The site of Barashevo 1 is considered a homogeneous association, while Purgasovo 3 displays syncretic features, though the origin of the syncretism is not clear so far. Having analyzed the Mesolithic sources, the author claims that syncretism occurs more frequently not as a result of interaction of ancient population's groups, but it caused by the activity of natural factors, and first of all, by soil processes. Phenomenon of naturation in this sense represents a threat, since it produces normally a source, practically indistinguishable in outward appearance from that which emerges in the course of different ethnic groups' interaction. The material from the Mesolithic sites located on the Moksha River is an obvious testimony of numerous problems in the Mesolithic studies still insolved.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

М.Ш. Галимова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МЕЗОЛИТУ МАРИЙСКОГО КРАЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

На территории Волго-Вятского междуречья (рис. 1) исследованы мезолитические стоянки, каменный инвентарь которых характеризуется совершенной пластинчатой и микропластинчатой индустрией в сочетании с доминирующими в орудийном наборе разнообразными скребками укороченных пропорций. Характерны для этих комплексов и типологически выраженные наконечники стрел на пластинах. Речь идёт о следующих памятниках: 1) Яндашевская стоянка, изученная в 1927 г. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым в нижнем течении р. Цивиль в Чувашии [1]; 2) позднемезолитические поселения в левобережье Волги в пределах Республики Марий Эл, исследованные В.В. Никитиным – Удельно-Шумецкое 10, Ясачное, Дубовское 13 и др. [2]; 3) стоянки, открытые недавно в северо-западной части Татарстана, предварительные результаты исследования которых представлены ниже, – Алан-Бексерская, Мало-Битаманская и Бикнарятская. К этому кругу памятников примыкают и территориально, и в технико-типологическом плане мезолитические стоянки, расположенные на правом берегу р. Вятки в Кировской области, – Мари-Кугалки 2 и 3, материалы которых опубликованы Т.М. Гусенцовой [3].

В непосредственной близости от восточной границы Марийской Республики в Высокогорском районе Татарстана были изучены в последние годы три новых памятника с микропластинчатой кремнёвой индустрией

Рис. 1. Карта-схема основных мезолитических памятников Волго-Вятского междуречья

стрией: Алан-Бексерская стоянка, открытая П.Н. Старостиным в 1997 г.; Мало-Битаманская стоянка, открытая в 1998 г. П.Н. Старостиным и М.Ш. Галимовой, а также Бикнаратская стоянка, обнаруженная М.Ш. Галимовой в 2000 г. (рис. 1). Памятники расположены в нижнем течении реки Ашит, которая является притоком реки Илеть (левого притока Волги). Культурные слои стоянок связаны с эоловыми отложениями, сильно развитыми в Волго-Вятском междуречье на территории Республики Марий Эл. В целом природно-географические условия северо-западной части Республики Татарстан аналогичны условиям Марийского края. Долина р. Ашит является своеобразной границей, к северу от которой простираются крупные массивы эоловых форм рельефа, покрытые хвойными лесами. Всё это позволяет относить стоянки бассейна р. Ашит в плане географических и стратиграфических условий расположения, а также, вероятно, и культурной принадлежности к кругу мезолитических памятников Марийского края, достаточно хорошо известных благодаря исследованиям В.В. Никитина [2].

Алан-Бексерская и Мало-Битаманская стоянки находятся на песчаных дюнах у излучин правого берега р. Ашит на расстоянии 1,8 км друг от друга. Памятники разрушаются с разной интенсивностью. Культурный слой Мало-Битаманской стоянки уничтожен почти полностью. В 1998 г. автором был изучен его остаток на площади около 40 кв. м. Алан-Бексерская стоянка сохранилась гораздо лучше прежде всего потому, что дюна не была разрушена песчаным карьером. В 1998 г. на памятнике были проведены разведочные зачистки обнажений, а в 2000 г. в этом месте был заложен раскоп площадью 80 кв. м. Бикнаратская стоянка разрушена в значительной степени песчаным карьером. В связи с тем, что раскопки на ней дали немногочисленный материал в виде небольшого скопления сколов – отходов от расщепления, вероятно, одного-двух нуклеусов, материалы этого памятника в данной статье не рассматриваются.

Культурные слои Мало-Битаманской и Алан-Бексерской стоянок были зафиксированы в однотипных условиях – на глубине от 40 до 80 см от поверхности, в подзолистом горизонте почвы (белёсом алеврите с линзами выпележающей гумусированной супеси), а также в нижележащем слое, переходном к материковому палевому песку (подзолисто-палевой пестроцветной супеси). Фаунистические остатки не сохранились. В культурном слое зафиксированы разрозненные мелкие угольки, редкие скопления угольков, а также пятна размытой охры.

В культурном слое Мало-Битаманской стоянки были выявлены нечёткие пятна гумусированного подзола с углистыми включениями, а также несколько ям аморфных очертаний с аналогичным заполнением. В этих объектах залежали единичные кремнёвые предметы. Достоверных остатков жилищ в данном раскопе не выявлено. Кремнёвые изделия из сырья среднего качества были распределены по площади раскопа весьма неравномерно. Наблюдались два скопления находок и редкое залегание их в остальной части раскопа. В первом скоплении найдены 39 предметов, среди которых сколы подправки нуклеусов, отщепы, несколько узких пластин и три изделия со вторичной обработкой – скребок с широким лезвием на отщепе (рис. 2:21) и два сечения пластин с ретушью по краю (рис. 2:12). Второе скопление артефактов, более крупное, состояло из 129 кремней и содержало 28 узких пластин и микропластин, а также 21 орудие. Среди орудий: резец-скобель (рис. 2:25), двугранный резец на массивной пластине, перфоратор на мелком отщепе (рис. 2:4), наконечник стрелы на узкой пластине с крутой ретушью по всей длине обоих краёв (рис. 2:1), две микропластины со скошенными ретушью концами и краем (рис. 2:3,11), комбинированный резец на фрагменте пластины (рис. 2:24), нуклевидный резец на осколке (рис. 2:26), пластины и отщепы с резцовыми гранями либо с краевой и концевой ретушью (рис. 2:5-7,9,10,13,14,16-19,22), а также "веерообразный" скребок на отщепе (рис. 2:20).

Среди орудий, найденных вне скоплений, необходимо отметить: тесло с двусторонней обработкой (рис. 2:29), скребковидное орудие с переходящим со спинки на брюшко лезвием, концевой скребок на фрагменте массивного скола (рис. 2:23), асимметричное острие с резцовой гранью на конце (рис. 2:28). Общее число кремнёвых предметов, найденных в раскопе, составляет 290, в том числе: 12 кусков и осколков кремнёвого сырья, 7 невыразительных сработанных нуклеусов и фрагментов нуклеусов (рис. 2:27), 73 мелких фрагмента сколов и чешуек, 52 коротких скола подправки нуклеусов и отщепов, 20 длинных сколов подправки, 27 узких пластин и микропластин, 32 сечения пластин, 20 фрагментов сколов, 46 изделий со вторичной обработкой. Отсутствие в коллекции Мало-Битаманской стоянки крупных кусков сырья, пренуклеусов и нуклеусов в начальной стадии расщепления, а также значительная доля правильных узких пластин, микропластин и орудий свидетельствуют о том, что памятник не являлся кремнеобрабатывающей мастерской, по крайней мере в сохранившейся части, охваченной раскопом.

Раскоп на Алан-Бексерской стоянке длиной 20 м и шириной 4 м был разбит поперёк небольшого овражка в центральной части дюны с целью определить, не связан ли овражек с понижением поверхности над жилищной впадиной, подобно тому, что наблюдалось В.В. Никитиным на левобережье Волги. В целом в зачистке и в раскопе было обнаружено около 2000 предметов из кремня невысокого качества с прожилками известняка и доломита. Действительно, как и предполагалось, абсолютное большинство находок оказалось сосредоточенным в средней части раскопа на участке размерами 8×4 м. Этот участок примыкает к одному из бортов овражка, однако не совпадает с его погребённым дном, что указывает на непереотложенный характер культурного слоя. На площади данного скопления, уходящего в стенки раскопа, были зафиксированы небольшие пятна прокалённого песка и гумусированного подзола с углистыми включениями. Несмотря на то, что остатков очагов и других надёжных свидетельств наличия в раскопе остатков жилища не обнаружено, состав кремнёвых находок и результаты трасологического изучения орудий из данного скопления указывают на поселенческий характер памятника. Это позволяет надеяться на получение более весомых данных о характере и структуре Алан-Бексерского поселения при расширении раскопа в ближайшие годы.

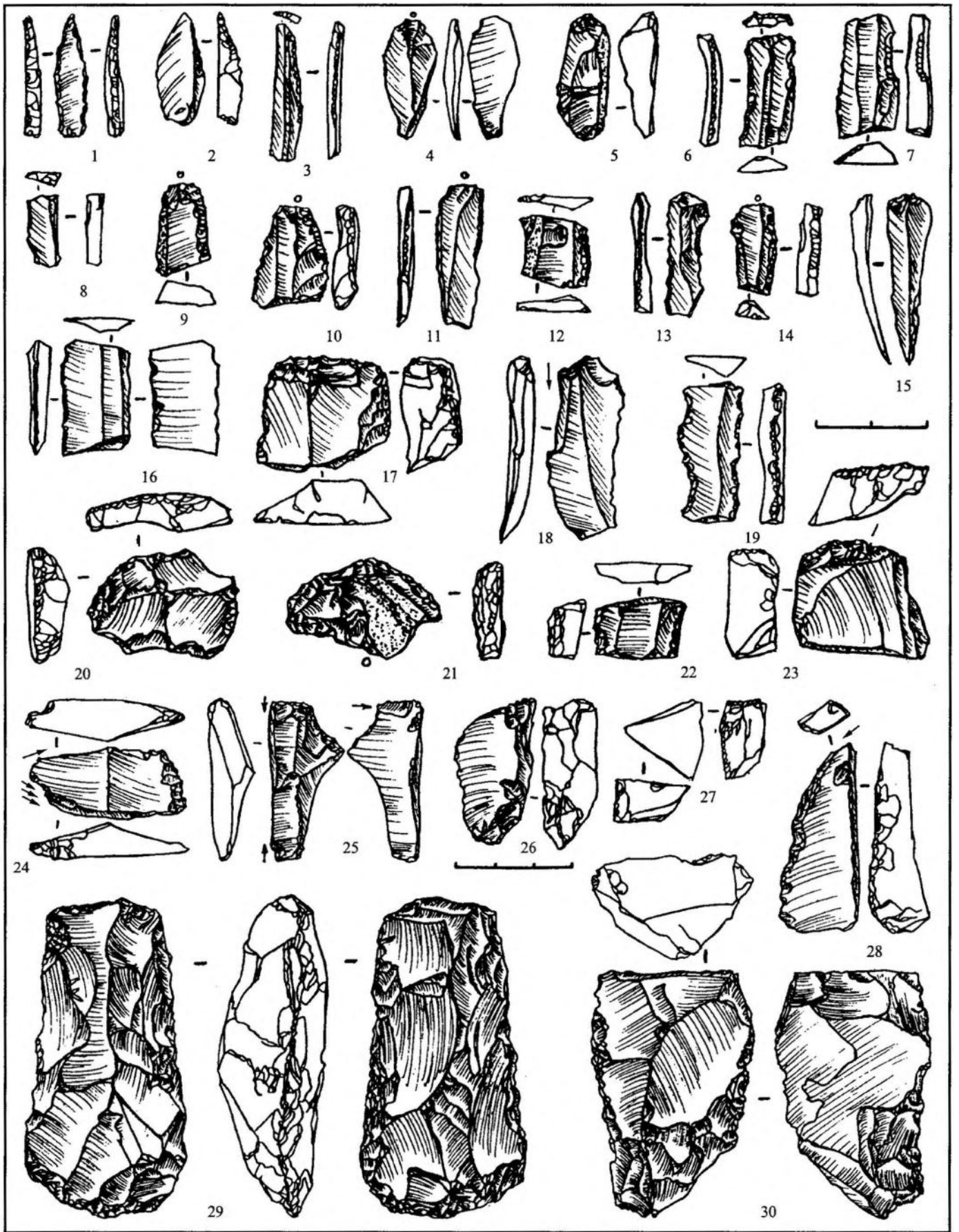

Рис. 2. Каменный инвентарь Мало-Битаманской стоянки

В коллекции стоянки имеются кроме сколов-отходов, мелких фрагментов и чешуек следующие категории кремнёвых предметов: 20 фрагментов плиток сырья, 9 аморфных препуклеусов, 57 мелких сработанных нуклеусов с негативами узких пластин и микропластин (рис. 4:17-22, 24-26), 4 фрагмента нуклеусов, 120 микропластин (целых и фрагментированных), 62 узкие пластины, а также 335 изделий со вторичной обработкой.

Среди орудий почти половину составляют предметы с морфологическими признаками скребков, которые отличаются большим типологическим разнообразием, но выполнены в основном на коротких заготовках (фрагментах пластин и отщепках) (175 экз.). Среди них наиболее представительны полукруглые, концевые, боковые, сегментовидные формы (рис. 5). Имеются скребки угловые, с "плечиками", "веерообразные", стрелчатые, округлые, а также скребки с лезвием, переходящим со спинки на брюшко, и комбинированные многолезвийные.

Трасологический анализ морфологически выраженных скребков из коллекции Алан-Бексерской стоянки, проведённый автором в экспериментально-трасологической лаборатории Института истории материальной культуры РАН под руководством профессора Г.Ф. Коробковой, продемонстрировал наличие в этом большом массиве орудий разных функциональных групп. А именно не только собственно скребков по шкуре, которые действительно численно преобладают, но и скобелей по дереву (рис. 5:13,14), скобелей по кости – рогу (рис. 5:15,16), а также орудий со следами работы по разным материалам.

Довольно многочисленна группа изделий с разными вариантами краевой ретуши (53 экз.), в которую включены сечения пластин с ретушью на спинке, либо на спинке и брюшке, а также отщепы с нерегулярной ретушью. Обнаружены 36 несерийных предметов с зубчатой ретушью и выемками разных размеров, которые локализируются на краях либо концах массивных сколов и фрагментов сработанных нуклеусов. В коллекции имеются 25 изделий с резцовыми гранями, среди которых представительны лишь резцы на сломе пластин (рис. 3:14,15; 4:8) и резцы с неподработанной площадкой (рис. 4:5,9). Единичны двугранные (рис. 3:11; 4:4), поперечный, ретушный, нуклевидный резцы. Выделены пять резцеобразных изделий. Обнаружены также аморфные долотовидные изделия из фрагментов нуклеусов (8 экз.), фрагмент небольшого рубящего орудия и заготовка наконечника дротика с двусторонней плоской обработкой, резчик с клювовидным рабочим концом, выполненный на длинном массивном сколе.

Наибольший интерес представляет группа морфологически выраженных острий, которые разнообразны по размерам и форме (35 экз.) (рис. 3:1-10,12,13; 4:2,10,13-16). Сюда включены: массивные острия-перфораторы (?) на длинных сколах со сходящимися краями, отретушированными по спинке; острия на мелких пластинках и микропластинках с круторетушированными по спинке краями; изделия с краями, круторетушированными на брюшке; острия на пластинках с ретушью на спинке и брюшке в различных сочетаниях. Превалируют бесчерешковые формы, либо предметы со сломанными черешками. Большинство острий средних и мелких размеров рассматриваются предположительно в качестве наконечников стрел. Трасологический анализ всех острий пока не дал надёжных доказательств их функционального назначения.

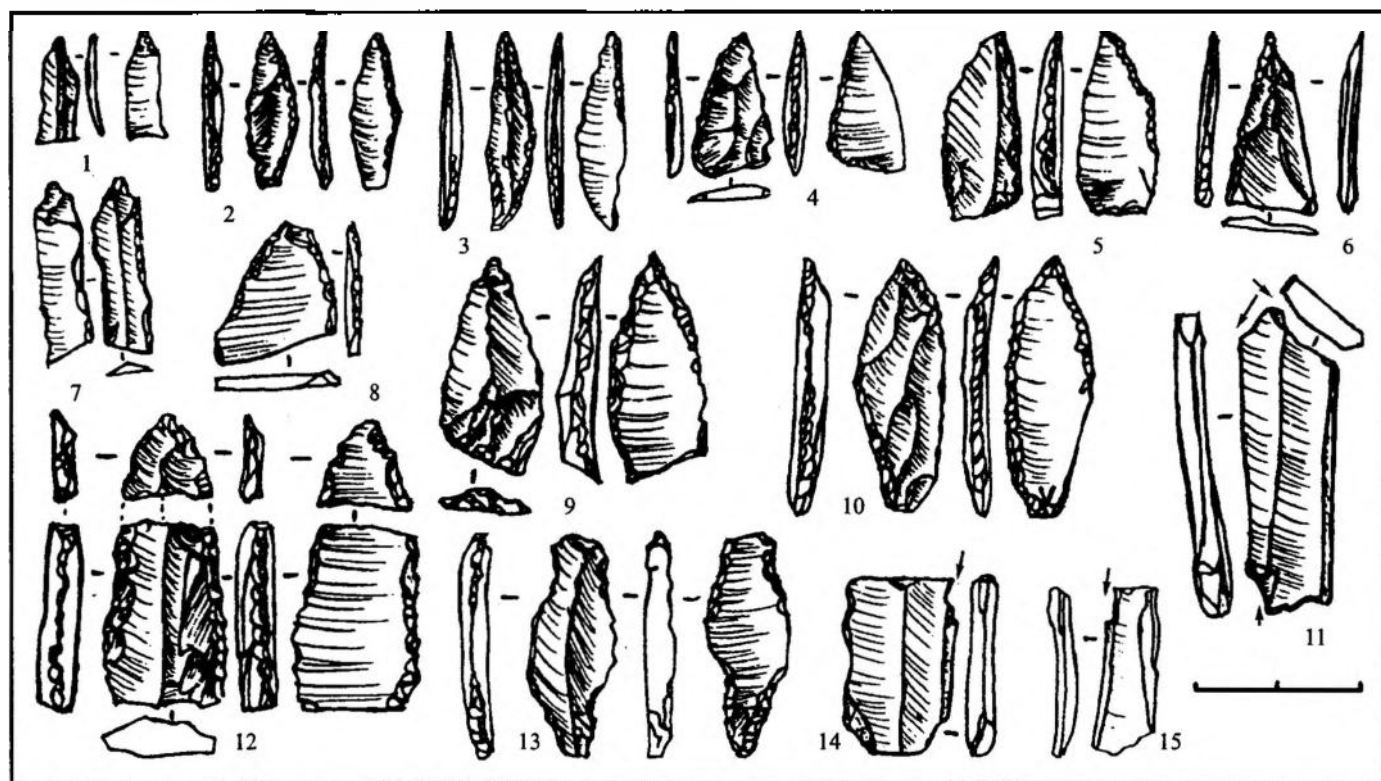

Рис. 3. Кремнёвый инвентарь Алан-Бексерской стоянки

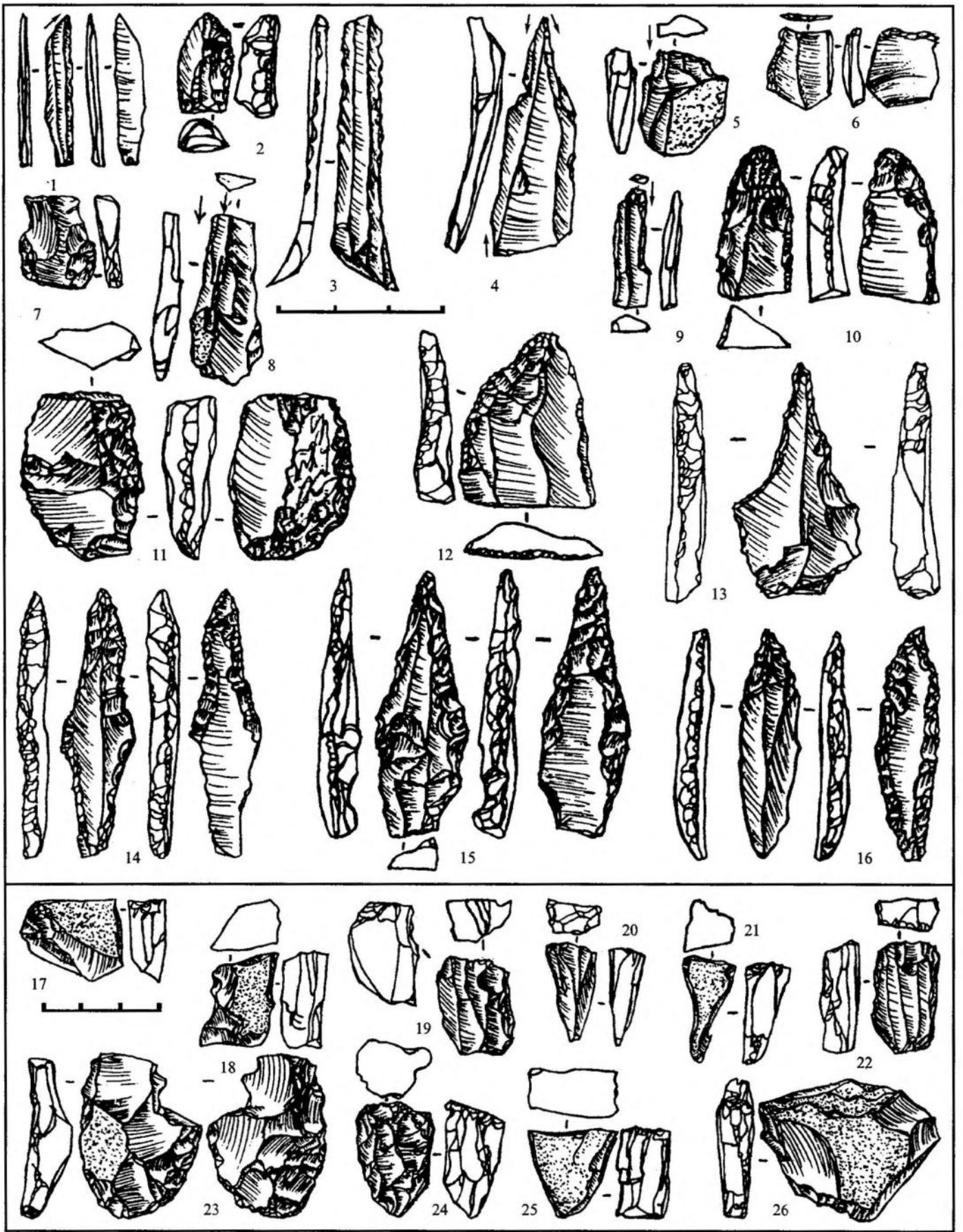

Рис. 4. Каменный инвентарь Алан-Бексерской стоянки

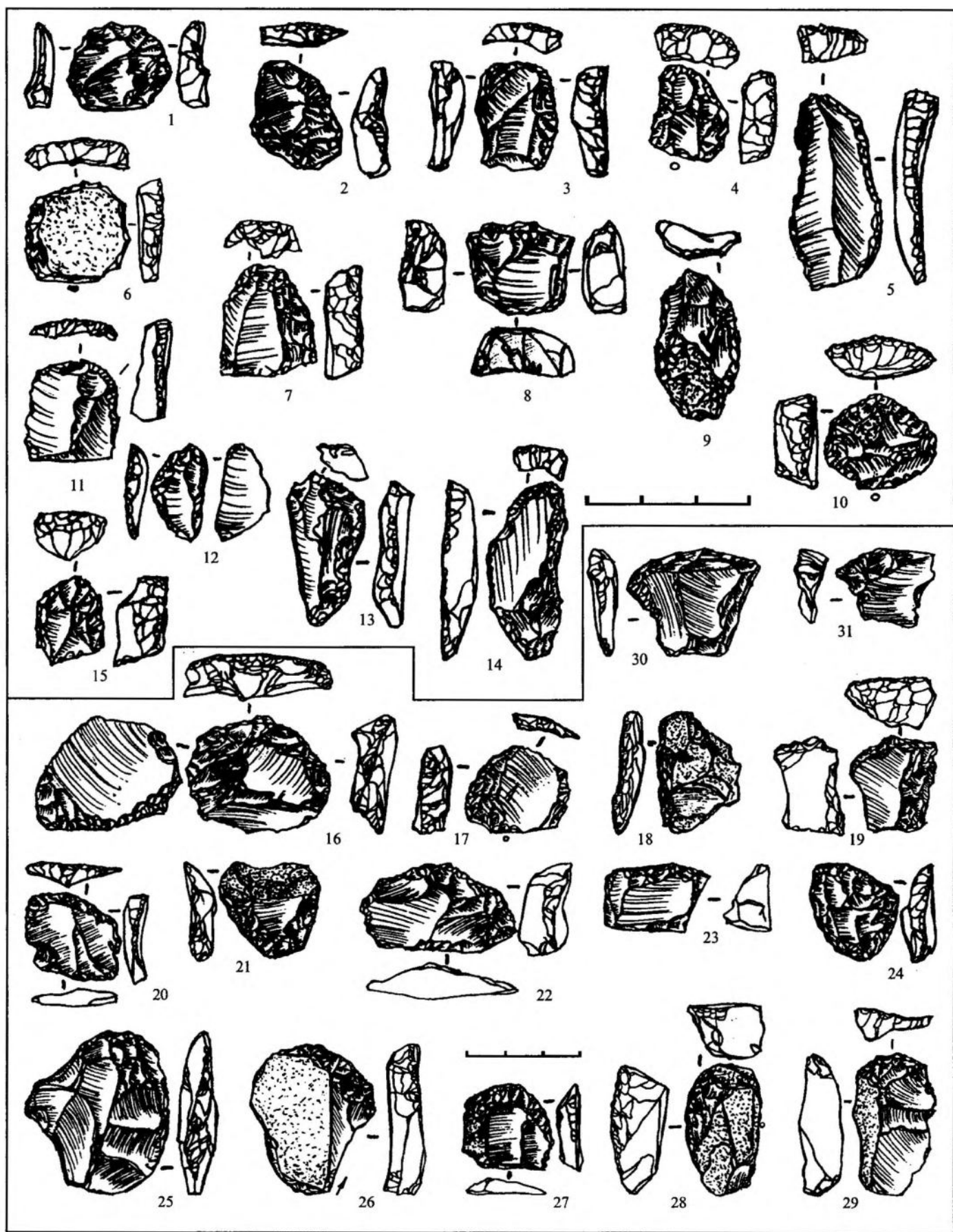

Рис. 5. Кремнёвые скребки Алан-Бексерской стоянки

Следует отметить несколько кремнёвых предметов, которые, не являясь собственно изделиями со вторичной обработкой, несут следы использования в качестве орудий. Таковы десять скребков по шкуре на мелких сработанных нуклеусах (4 экз.), отщепях (2), пельх пластинах (2) и сечениях пластин (2). Вызывает интерес фрагментированная микропластина без ретуши, которая использовалась в качестве скребка по шкуре (без рукоятки) и вкладыша мясного ножа (рис. 4:1).

Таким образом, обитатели Алан-Бексерской стоянки целенаправленно изготавливали скребки для проведения скоблящих операций по шкуре, дереву, кости и рогу. Заготовками для этих скребков служили в большинстве случаев отщепы и сколы подправки нуклеусов. Заготовки в форме пластин и микропластин, полученные со специально подготовленных нуклеусов, для изготовления ведущей категории орудий применялись редко. Об этом свидетельствует тот факт, что около 55% всех морфологически выраженных скребков несут на спинке остатки известняковой корки. Вместе с тем, большое число правильных пластин и микропластин (как целых, так и фрагментов), а также сработанные нуклеусы с негативами пластин указывают на совершенную технологию получения пластин, практиковавшуюся обитателями стоянки. Ножевидные пластины применялись в качестве ножей, резцов, вкладышей составных орудий, перфораторов, наконечников стрел и т.д. При этом вторичная обработка требовалась далеко не всегда.

Аналогичная стратегия расщепления кремнёвого сырья (близкого по своему качеству) наблюдается в комплексе находок из мезолитической стоянки Мари-Кугалки 2 [3]. Типология орудий и нуклеусов в обоих комплексах также близка. В инвентаре Мари-Кугалки 2 более половины орудий являются скребками с полукруглым или угловым лезвием, выполненными на отщепях и нуклеусах. Вместе с тем, необходимо отметить отсутствие в коллекции данного памятника типологически выраженных наконечников стрел.

Близкая к Алан-Бексерской технологическая картина наблюдается на волжских памятниках, изученных В.В. Никитиным [2]. На поселениях, отнесённых исследователем к позднему мезолиту (Ясачное, Удельно-Шумецкое 10, Дубовское 13 и др.), достаточно разнообразны и представительны не только скребки, но и наконечники стрел. Некоторые типы наконечников и острий имеют близкие аналоги в материалах Алан-Бексерской стоянки. Однако на поселениях левобережья Волги в довольно большом количестве были обнаружены разнообразные рубящие орудия, которые пока весьма слабо представлены в коллекциях стоянок бассейна р. Ашит.

При сравнении кремнёвой индустрии Алан-Бексерской и Яндашевской стоянок [1] обращает на себя внимание общее сходство в качестве сырья, форме и размерах нуклеусов, параметрах пластин, ведущей роли в инвентаре разнообразных скребков, их пропорциях и типологии. Острия, найденные на Яндашевской стоянке, ещё более разнообразны по форме и характеру вторичной обработки. Но прямых аналогов типам острий, встреченным в Алан-Бексерской стоянке, при непосредственном осмотре коллекции Яндашевской стоянки автору обнаружить не удалось. Вместе с тем, целенаправленный поиск аналогий оригинальным формам острий Алан-Бексерской и Мало-Битаманской стоянок в мезолитических комплексах Поволжья и Приуралья, предпринятый автором, выявил некоторое сходство в принципах оформления наконечников стрел из коллекций стоянки Озерки 5 (бутовская культура), исследованной М.Г. Жилиным в Верхнем Поволжье, а также из погребального комплекса Минниярковского погребения, раскопанного Е.П. Казаковым на востоке Татарстана (в нижнем течении р. Ик) и предположительно датированного поздним мезолитом – ранним неолитом.

Таким образом, результатом первых шагов по исследованию мезолитических памятников в северо-западной части Республики Татарстан стало выявление небольшой группы стоянок на дюнах и песчаных террасах, каменный инвентарь которых характеризуется высоким уровнем пластинчатой и микропластинчатой индустрии и своеобразными формами острий и наконечников. Отмеченные выше черты сходства общего порядка с поздне-мезолитическими поселениями Волго-Вятского междуречья позволяют предполагать наличие в позднем мезолите на этой территории, а возможно, и несколько шире (в Предволжье и Закамье) некоей общности населения. Разумеется, это всего лишь гипотеза, которая нуждается в серьёзной аргументации. Думается, прежде всего необходимо заполнение лакун на карте мезолитических памятников данного района и, в частности, на севере Татарстана. Наличие эоловых песчаных дюн в некоторых речных долинах на этой территории делает поиски вполне перспективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2.
2. Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 4. Йошкар-Ола, 1996.
3. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.

*Национальный центр археологических исследований
Института истории Академии наук
Республики Татарстан,
Казань*

M.Sh. Galimova

**NEW DATA ON THE MESOLITHIC OF MARI LAND
IN THE LIGHT OF THE PROBLEM OF INTERACTION OF CULTURAL TRADITIONS**

Summary

The article considers the data from the Mesolithic monuments researched recently in the northern part of Republic of Tatarstan, on the border with the Republic of Mariy Al. These monuments are the Alan-Bekskerskaya and Malo-Bitamanskaya sites. The flint inventory of the sites shows a well-developed technology of blades and micro-blades production in combination with dominating in the tools' set various scrapers of shortened proportions together with the original points and arrow heads on the blades. The author puts forward a hypothesis that on the territory of the Volga – the Vyatka Rivers' watershed in the Late Mesolithic there was a population with common traditions in economy and the way of life in general, as well as in flint production in particular.

*National Archaeology Research Centre of
the Institute of History, Academy of Sciences of the Tatarstan Republic
9, Kremlyevskaya St., Kazan,
420503, The Tatarstan Republic,
The Russian Federation*

В.Н. Карманов

ПАМЯТНИКИ С ТРАПЕЦИЯМИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

В настоящее время на территории европейского Северо-Востока (ЕСВ) известно 10 памятников, материалы которых содержат геометрические орудия в форме трапеций: Усть-Кулом I (3 экз.), Пезмог I (1 экз.), Синдорское Озеро I (1 экз.), Эньты I (80 экз.), стоянка Озельская (2 экз.), Ревью I (19 экз.), Кочмас А (1 экз.), Прилукская (3 экз.), Явроньга I (1 экз.), Нонбург 10 (1 экз.).

До открытия поселения Эньты I находки геометрических микролитов на памятниках ЕСВ были редкостью. Было известно всего три таких орудия, обнаруженных на стоянке Пезмог I [1, с. 54-55], стоянке Синдорское озеро I [2, с. 78] и поселении Явроньга I [3, с. 36].

Открытие и исследование Э.С. Логиновой в 1974-1985 гг. в среднем течении Вычегды поселения Эньты I с яркой серией геометрических орудий изменило представление о распространении этого типа изделий [4; 5]. Памятник находится на боровой террасе старичного оз. Эньты, в 4,5 км от пос. Седкыркещ (район г. Сыктывкара, Республика Коми). Из 80 трапеций, найденных на памятнике, для настоящей работы отобрано 57 наиболее выразительных орудий. Остальная часть состоит из 23 термически повреждённых изделий, обломков и невыразительных образцов. Это довольно представительная серия поперечно-лезвийных наконечников, причём не только для памятников ЕСВ, но и для лесной зоны Восточной Европы в целом. Для сравнения: в мезолитических усть-камской и иневской культурах найдено по 64 трапеции [6, с. 149].

В качестве типобразующих признаков поперечно-лезвийных наконечников указывают симметрию или асимметрию формы, характер краёв (прямые, вогнутые), пропорции [7, с. 90-94], а также характер ретуши (крутая, пологая, комбинированная, нанесённая с дорсального или вентрального фасов, встречная и т.д.), используемую заготовку, геометрические очертания (треугольник, трапеция, прямоугольник, сегмент). На макроуровне признаками метательного вооружения являются фасетки spin-offs, резцевидные сколы, неконические фасетки со ступенчатым окончанием. На микроуровне таковыми являются линейные следы и линейные заполировки [8; 9, с. 159]. Зачастую указанным признакам отсутствуют, что объясняется кратковременностью контакта с материалом. Примером могут служить результаты трасологического изучения 19 трапеций поселения Ревью I (Нижняя Вычегда), проведённых Н.А. Алексашенко, согласно которым 18 образцов не имели следов использования [10, с. 93].

Отобранные нами для изучения предметы с поселения Эньты I были исследованы по вышеуказанным показателям, за исключением трасологического анализа вследствие отсутствия необходимых навыков у автора статьи. Данные по каждому орудью приведены в таблице 1, 44 орудия зарисованы и представлены на рисунке 1.

Итак, заготовкой для рассматриваемого типа орудий, как правило, служили различные сегменты отщепов и пластин с неправильной огранкой дорсального фаса. Так, использование отщепов зафиксировано в 35 случаях (целый отщеп – 1, проксимальный сегмент – 6, медиальный сегмент – 23, дистальный – 6), и в 22 случаях заготовкой служили части пластинчатых сколов (медиальные – 21, проксимальный сегмент – 2). Если использовались дистальные и проксимальные сегменты, то соответствующие концы не обрабатывались (рис. 1:25, 42, 44). Практически во всех случаях для создания формы применялась отвесная рубящая ретушь (угол между вентральной поверхностью и ретушированной поверхностью – 80-90°), нанесённая в основном с вентрального фаса (55 случаев).

Минимальная высота эньтыйских трапеций составляет 9, максимальная – 23, средняя – 16,8 мм; ширина – соответственно 6, 19, 10,72 мм; толщина – 1,5, 4,5, 2,65 мм. Ещё один признак – ширина основания (насада) – данные, которые обычно не приводятся исследователями. Тем не менее, его величина, скорее всего, должна находиться в прямой зависимости от диаметра древка. В случае с изделиями с поселения Эньты I этот показатель колеблется от 2 до 10 мм. В целом же большинство наконечников (38 экз.) имеет ширину основания от 4 до 6 мм, о чём говорит и средний показатель – 4,73 мм. Изделия с узким основанием могут рассматриваться как треугольники (рис. 1:28, 29, 31), но на фоне представительной серии трапеций наличие подобных форм может быть связано с особенностями заготовки.

Ещё один показатель – симметричность: в случае с эньтыйскими трапециями наблюдается преобладание асимметричной формы, зафиксированной у 51 изделия из 57. Изучение характера краёв орудий показало доминирование трапеций с прямыми краями (53 экземпляра), у двух изделий зафиксированы выпуклые края

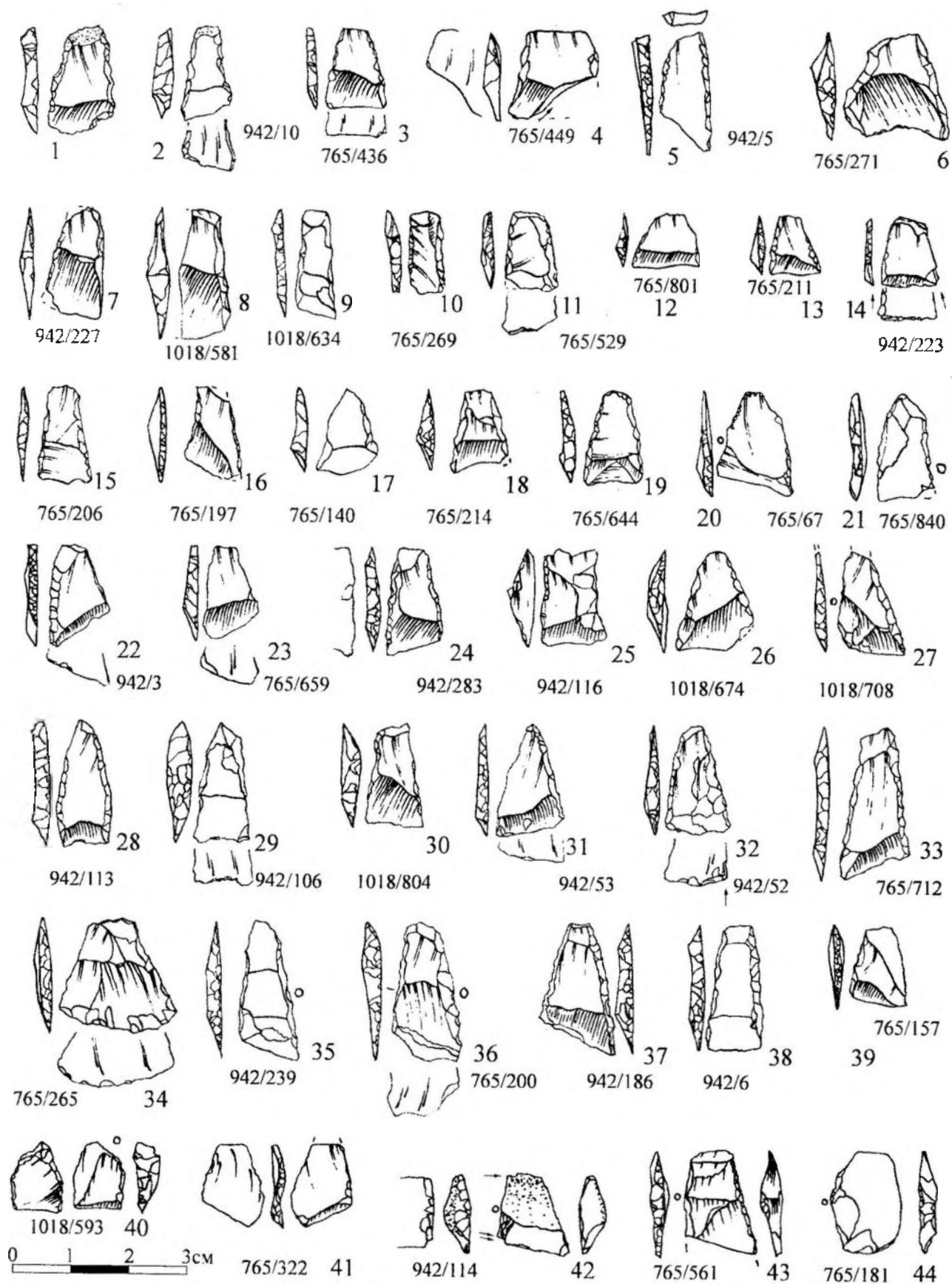

Рис. 1. Трапеции с поселения Эньты I

Таблица 1. Характеристика поперечно-лезвийных наконечников стрел (трапеций) поселений Эньты I, Усть-Кулом I, Нонбург 10, стоянок Озельская и Синдорское Озеро I

№ рисунка	Инд. №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
ЭНЬТЫ I																			
Рис. 1																			
1	-	16	11	5	3	1,5	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
2	942/10	16	8	4	3	2	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
3	765/436	13?	10	4	2	1,3?	П (м)	В	+	?	?	П	-	-	-	-	-	-	+
4	765/449	15?	15	9	3	1?	П (м)	В	?	?	?	?	?	+	?	?	?	?	?
5	942/5	20	9	6	3	2,2	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
6	765/271	19	16	6	4	1,2	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	+	-	-	-
7	942/227	19	10	5	2	1,9	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
8	1018/581	22	8?	5?	3	2,8?	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
9	1018/634	18	7	4	2	2,6	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
10	765/269	14	6	6	2	2,3	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
11	765/529	14	10	4	2,5	1,4	О (п)	В	+	-	-	П	-	-	+	-	-	-	+
12	765/801	9	12	5	2	0,76	П (м)	В	+	-	-	П	-	-	-	+	-	-	-
13	765/211	11	10	4	2	1,1	П (м)	В	+	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
14	942/223	12	10	6	1,5	1,2	П (м)	В	-	-	-	П	-	+	+	-	-	-	-
15	765/206	16	10	5	2	1,6	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
16	765/197	13	10	5	2,5	1,3	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
17	765/140	14	11	2	3	1,3	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
18	765/214	13	10	5	3	1,3	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
19	765/644	15	10	4	3	1,5	О (м)	В	-	-	+	П	-	-	-	-	-	-	+
20	765/67	16	14	4	3	1,1	О (д)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
21	765/840	18	10	1	2	1,8	О (д)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
22	942/3	14	12	4	2	1,2	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	+	-	-	-	-
23	765/659	16	10	4	3	1,6	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	+	-	-	-	+
24	942/283	17	10	5	2	1,7	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	+	-	-	+
25	942/116	17	11	9	3,5	1,5	О (п)	Д	-	+	-	П	-	-	-	-	-	+	-
26	1018/674	17	15	3	3,5	1,1	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
27	1018/708	16	12	5	3	1,3	О (м)	В	-	-	-	П	+	-	-	-	-	-	-
28	942/113	21	9	1	3	2,3	О (м)	В	+	-	-	В	-	-	+	-	-	-	-
29	942/106	16	9	6	2	1,8	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	+	-	-	+
30	1018/804	18	10	6	3	1,8	О (п)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
31	942/53	18	12	1	2	1,5	П (м)	В	-	-	-	П	+	-	+	-	-	-	+
32	942/52	18	11	4	2	1,6	О (п)	В	-	-	-	П	-	+	+	-	-	-	-
33	765/712	22	12	5	2	1,8	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
34	765/265	20	19	6,5	3	1,1	О (м)	В	-	-	-	П	+	-	+	-	+	-	-
35	942/239	20	10	2	3	2	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
36	765/200	23	12	5	3	1,9	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
37	942/186	18	14	4	3	1,3	П (м)	В	-	+	-	П	-	-	+	-	-	-	-
38	942/6	21	10	5	3	2,1	П (м)	В	+	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
39	765/157	14	10	5	2,5	1,4	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
40	1018/593	12	9	2	4	1,3	О (д)	Д	-	-	-	В	-	-	-	-	-	-	-
41	765/322	12	11	5	2	1,1	О (п)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
42	942/114	14	12	6	4	1,2	П (п)	В	-	-	-	П	-	+	-	-	-	-	-
43	765/561	17?	11	5	3	1,5	О (п)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
44	765/181	17	12	5	3	1,4	О (д)	В	-	-	-	П	-	-	+	-	-	-	-
-	942/224	19	11	6	2	1,7	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
-	942/228	13	11	2	3	1,2	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
-	942/284	20	10	5	3	2	О (м)	В	-	+	-	П	-	-	-	-	-	-	-
-	942/296	20	10	1	4,5	2	О (д?)	В	-	-	-	П	-	-	-	+	-	-	-
-	1018/567	16	12	5	2	1,3	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	+	-	-	-	+
-	1018/633	17	12	6	3	1,4	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
-	1018/709	17	10	10	2	1,7	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
-	765/205	23	9	9	2	2,6	О (д)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
-	765/273	13	9	5	3,5	1,4	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	+	-	-	-	-
-	765/443	19	9	2	3	2,1	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
-	765/525	13	9	5	2	1,4	О (п)	В	-	-	+	П	-	-	+	-	-	-	+
-	765/605	13	12	6	2	1,1	О (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
-	765/911	16	8	4	3,5	2	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	+
УСТЬ-КУЛОМ I																			
Рис. 2																			
1	15/1830	17	11	7	4	1,5	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
2	15/2643	15	13	5	3	1,2	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
3	15/2687	25	11	5	3	2,3	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
СИНДОРСКОЕ ОЗЕРО I																			
Рис. 2																			
5	93	26	20	6	5	1,3	П (м)	В	+	-	-	П	-	-	+	-	-	-	-
ОЗЕЛЬСКАЯ																			
Рис. 2																			
6	1124/169	34	11	7	4	3,1	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-
7	1016/20	15	11	6	3	1,4	П (м)	В	+	-	+	П	-	+	+	-	-	-	+
НОНБУРГ 10																			
Рис. 2																			
19	94/3	17	8	5	4	2,1	П (м)	В	-	-	-	П	-	-	-	-	-	-	-

1 – высота (мм); 2 – ширина пера (мм); 3 – ширина основания (мм); 4 – толщина (мм); 5 – пропорция; 6 – заготовка и использованная часть заготовки (пластина – П, отщеп – О; (ц) – целый; (п) – проксимальный, (м) – медиальный, (д) – дистальный сегменты); 7 – поверхность, с которой наносилась ретушь (В – вентральная, Д – дорсальная); 8 – симметричность; 9 – выемка в основании; 10 – регулированное основание; 11 – характер краёв (П – прямые, В – выпуклые); 12 – фасетки spin-offs; 13 – режцовые сколы; 14 – неконические фасетки со ступенчатым окончанием; 15 – выкрошенность; 16 – снятия с основания; 17 – снятия с боков; 18 – сломанный угол, фасетка. “+” – наличие признака, “-” – отсутствие признака, “?” – не установлено

(рис. 1:28, 40), и у одного наконечника – слегка вогнутый (рис. 1:34). В связи с этими особенностями наконечники асимметричных форм некоторые исследователи предлагают рассматривать в рамках колюще-режущих или особой категории колющих наконечников [7, с. 92].

Необходимо отметить, что показатели границ групп рассматриваемых изделий по отношению их высоты к ширине лезвия определены в работе Л.Г. Мацкевича [11] и несколько скорректированы и применены К.Э. Истоминым к материалам культур лесной зоны Восточной Европы [7, с. 90-94; 6, с. 144]. Чтобы вывести результаты нашего исследования на сопоставимый уровень сравнения, эти показатели были взяты и для изучения материалов памятников европейского Севера-Востока. Большинство трапедий имеют средние (26 экз.) и высокие (30 экз.) пропорции, и лишь одно изделие имеет пропорции ближе к низким (рис. 1:12). В целом показатели колеблются от 0,76 до 2,6 (рис. 1:9), средний же – 1,6.

Небольшая выемка в основании зафиксирована лишь у 3 изделий (рис. 1:37), ретушированным основанием оказалось у трёх орудий. Характерные для метательного вооружения признаки, такие как фасетки *spin-offs*, отмечены на трёх орудиях (рис. 1:31), резцовые сколы – также на трёх (рис. 1:14, 32, 42), один наконечник оказался рассечённым, возможно, от сильного удара (рис. 1:4). Неконические фасетки со ступенчатым окончанием наблюдаются у 13 орудий (например, рис. 1:11, 22, 23), выкрошенность – у пяти (рис. 1:14, 29). Мелкие снятия с меньшего основания отмечены у двух изделий, боковые снятия – у трёх. Чуть менее половины всех наконечников (25 экз.) имели сломанный угол или единичную фасетку на углу, что также служит аргументом в пользу использования эньейтских трапедий в качестве наконечников стрел. Хотя необходимо иметь в виду, что угол в данном случае – наиболее ломкая часть изделия и, вполне вероятно, что они могли ломаться, например, при “вытаптывании” поверхности поселения.

Кремнёвый инвентарь связывается Э.С. Логиновой, автором раскопок, с тычковой, тычково-гребенчатой и гребенчатой керамикой [4; 5]. Выделяются, по крайней мере, три типологических группы. Анализ состава формовочных масс керамики также наводит на мысль о том, что керамический материал раннего комплекса поселения нельзя считать единым. Отсюда встаёт вопрос о связи трапедий и керамики, и второй – если они связаны, то с какой керамической группой конкретно. Учитывая верхневолжские аналогии эньейтской керамики и используя периодизацию верхневолжской культуры (ВВК), предложенную Е.Л. Костылёвой [12; 13] и поддержанную другими исследователями [14], эньейтскую керамику правомерно синхронизировать по крайней мере с материалами второго и третьего этапов ВВК. Не исключена и примесь материалов, сопоставимых с черноборской группой памятников. В связи с вышесказанным наличие трапедий в коллекции с Эпты I выглядит нелогично на фоне общей культурной ситуации в лесной зоне Восточной Европы в каменном веке. Поэтому в настоящее время предлагается несколько вариантов решения рассматриваемой проблемы.

Обратимся к характеристике других вышеупомянутых памятников европейского Северо-Востока, материалы которых содержат геометрические орудия в форме трапедий.

Поселение Усть-Кулом I. Находится вблизи с. Усть-Кулом на надпойменной террасе ручья Паса-шор, впадающего в р. Куломью – правобережный приток р. Вычегды (Усть-Куломский район Республики Коми). Это – самый восточный в регионе пункт с находками трапедий. Исследовалось в 1977, 1988-1995 гг. В.А. Семёновым, Н.Н. Чесноковой и В.Б. Липиным [15; 16]. Материалы памятника относятся к широкому отрезку времени – от мезолита до средневековья. В коллекции присутствуют три трапедии, которые невозможно связать с другими категориями находок. Две из них изготовлены на медиальных сегментах пластин, одна – на среднем отщепе. Одно орудие несёт на вентральном фасе неконическую фасетку со ступенчатым окончанием (рис. 2: 1-3).

Стоянка Пезмог I. Находится вблизи с. Пезмог (Корткеросский район Республики Коми). Трапедия со стоянки Пезмог I – средней пропорции (22×15 мм), симметричная, с боковыми выемками, хотя и слабовыраженными (рис. 2:4). Памятник относится к средневычегодской мезолитической культуре, материалы которой сопоставляются с камским мезолитом [17, с. 107]. К сожалению, рассматриваемое орудие утеряно, поэтому судить о нём приходится по рисунку в публикации [1].

Синдорское Озеро I (пункт 5). На поверхности одного из мысов оз. Синдор (Княжпогостский район Республики Коми) обнаружено одно геометрическое орудие в форме трапедии [2, с. 78]. Необходимо отметить, что по пропорциям оно сопоставимо с рассмотренными выше, но гораздо крупнее (26×22 мм) и массивнее последних и имеет симметричную форму (рис. 2: 5).

Стоянка Озельская. Расположена вблизи с. Озёл (Сыктывдинский район Республики Коми). Открыто Э.С. Логиновой в 1984 г. и исследовано ею в 1984 и 1988 гг. [18]. В коллекции памятника, материалы которого относятся к мезолиту–неолиту (тычковая и гребенчато-ямочная керамика), имеется две трапедии: одна – высоких пропорций, изготовлена на медиальном сегменте широкой пластины или отщепе (рис. 2:6) и сопоставима с серией орудий со стоянки Ревью I. Второй экземпляр – средних пропорций, симметричной формы – выбивается из ряда вышерассмотренных изделий, поскольку на лезвии орудия зафиксированы выкрошенность, неконические фасетки со ступенчатым окончанием, а также резцовый скол. Основание изделия притуплено мелкой отвесной ретушью (рис. 2: 7), в связи с чем оно может рассматриваться в качестве вкладыша составного орудия (не исключено, что метательного).

Стоянка Ревью I. Находится напротив с. Жешарт, на правом берегу р. Вычегды (Усть-Вымский район Республики Коми). По данным Л.Л. Косинской, найдено 19 поперечно-лезвийных наконечников стрел в форме трапедий, изготовленных на пластинах с неправильной отгранкой. Как уже упоминалось выше, трапедийный анализ не выявил никаких следов их использования [10, с. 93], что может косвенно указывать

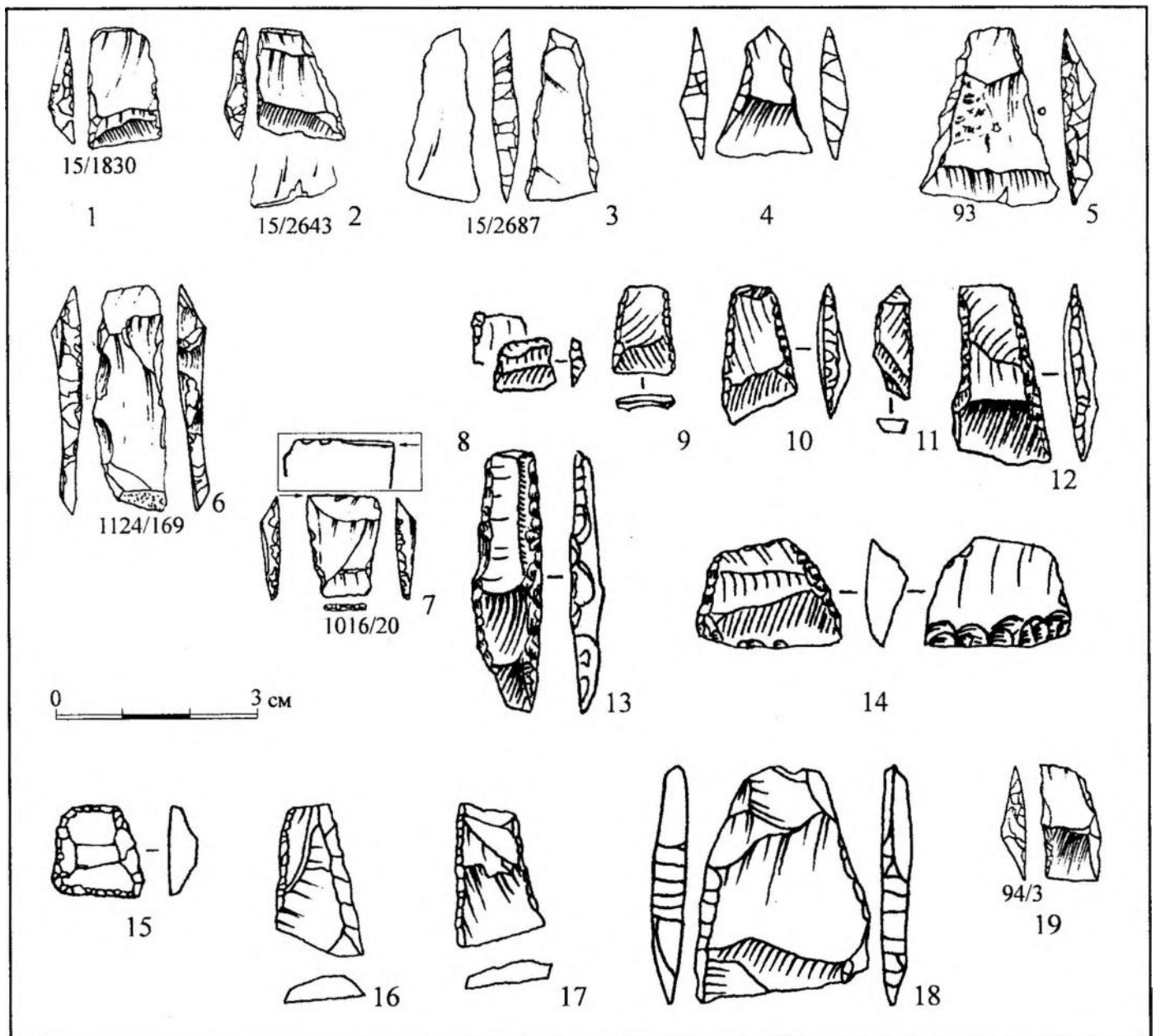

Рис. 2. Трапеции с памятников европейского Северо-Востока.
 1-3 – Усть-Кулом I; 4 – Пезмог I (по Г.М. Бурову); 5 – Синдорское Озеро I; 6, 7 – Озельская;
 8-14 – Ревью I (по Л.Л. Косинской); 15 – Кочмас А (по Л.Л. Косинской); 16, 17 – Прилукская
 (по И.В. Верещагиной); 18 – Яврньга I (по Г.М. Бурову); 19 – Нонбург 10

на их применение в качестве наконечников стрел. В коллекции памятника присутствуют подпризматические укороченные нуклеусы кругового и двуфронтального скальвания, а также аморфные многоплощадочные. Вторичную обработку характеризует преобладание краевой ретуши. Для оформления наконечников применялась отвесная ретушь [19, с. 166]. Помимо орудий, сопоставимых с энзтьскими трапециями (рис. 2:8-12), выделяются наконечники очень высоких пропорций (рис. 2:13), а также трапеция с вентральной ретушью по широкому основанию (рис. 2:14).

Стоянка Кочмас А. Расположена в нижнем течении р. Вычегды напротив с. Гам (Усть-Вымский район Республики Коми). Обнаруженная трапеция изготовлена на коротком сечении массивной пластины (высота – 15 мм, ширина – 15 мм). Отличительными чертами являются обработка орудия по всему периметру краевой ретушью и скруглённые углы (рис. 2:15), что не позволяет сопоставить его с трапециями энзтьского типа. К тому же, согласно трасологическому анализу, проведённому Г.Ф. Коробковой, изделие относится к числу вкладышей составного орудия – струга по кости [20, с. 10].

Стоянка Прилуцкая. Находится на краю 26-метровой «борово́й» террасы, примыкающей к старичной протоке – озеру Прилуцкий Полой – бывшему руслу р. Уфтьюги – правого притока р. Северной Двины (Архангельская область). От последней памятник удалён на 4-5 км [21].

Помимо наконечников стрел «черноборского» типа И.В. Верещагиной найдено три трапеции асимметричной формы, высоких пропорций, как и в остальных случаях изготовленных на пластинах неправильной огранки (рис. 2:16, 17), что в конечном счёте позволяет включить их в общий список этих изделий. Совместное нахождение наконечников обоих типов, а также двух различных типов керамики: тычковой валиковой и гребенчатой – указывает, вероятно, на возможность неоднократного посещения памятника в неолите.

Поселение Явроньга I. Расположено на останце террасы левого берега р. Явроньги (бассейн р. Пинегы, Архангельская область). Исследовано Г.М. Буровым в 1967-69 гг. [3]. Найдено одно геометрическое орудие в форме трапеции, изготовленное на среднем отщепе размерами 31×22 мм (рис. 2:18). Поэтому отнесение его к типу трапеций с поселения Эньты I довольно сомнительно. Материалы памятника относятся к широкому отрезку времени: от мезолита до раннего средневековья, – и связать находку с конкретной группой керамики или орудийным набором не представляется возможным.

Поселение Нонбург 10. Находится вблизи с. Нонбург, на левом берегу р. Цильмы (бассейн Печоры, Усть-Цилемский район Республики Коми). Найден один поперечно-лезвийный наконечник стрелы в форме трапеции средних пропорций, изготовленный на медиальном сегменте пластины (рис. 2:19). К сожалению, исследования памятника ограничены сбором подъёмного материала на поверхности [22]. Значение памятника состоит в том, что в настоящее время это самый северный пункт с подобной находкой.

Таким образом, на европейском Северо-Востоке выделяется ряд памятников с находками трапеций, которые могут быть объединены в один тип этих орудий: Усть-Кулом I, Эньты I, Ревью I, Озельская, Прилуцкая. Единичные экземпляры, обнаруженные на стоянках Озельская, Пезмог I, Кочмас А и Синдорское Озеро I, Явроньга I, выбиваются из этого типологического ряда.

В большинстве случаев речь идёт о памятниках со «смешанным» материалом, нестратифицированных и недатированных независимыми естественно-научными методами. Поэтому вопрос о культурно-хронологической позиции рассматриваемого типа трапеций однозначно в настоящее время не решается. В связи с этим правомерно предложить несколько вариантов.

Как известно, геометрические орудия лесной зоны Восточной Европы – черта финальнопалеолитических и мезолитических культур. В Волго-Окском междуречье это иеневская культура, в Подесенье – деснинская и днепро-деснинская, в устье р. Камы – усть-камская и т.д. Всего исследователями приводится список из 10-14 культур, материалы которых содержат поперечно-лезвийные наконечники стрел в форме трапеций [23; 6, с. 148-149].

На основе их изучения наиболее простым выходом при современном состоянии источниковой базы по рассматриваемой проблеме является констатация типологического соответствия эньты́йских трапеций иеневским и песчоноровским и, поэтому, наличия в составе коллекций с ряда памятников ЕСВ материалов этих культур. Это продемонстрировал и совместный с А.Н. Сорокиным просмотр находок с некоторых иеневских памятников¹. Но в настоящее время мы не можем ни опровергнуть этот тезис, ни убедительно доказать его. Тем не менее, наличие мезолитических памятников постаренбургской традиции на европейском Северо-Востоке вовсе не исключено.

Стоянки, инвентарь которых красноречиво свидетельствовал бы о местной мезолитической основе рассматриваемого явления, пока не выявлены. Материалы средневычегодской культуры эпохи мезолита, которые могут содержать трапеции огурдинского типа, отдалены во времени. Вполне возможно, что в регионе существуют неизвестные нам памятники, промежуточные между позднемезолитическими (парчевской культуры) и памятниками типа Эньты I. В любом случае этот вопрос следует оставить открытым и иметь в виду и этот вариант тоже.

Если говорить о связи трапеций с тычково-гребенчатой керамикой, то в этом случае они могут быть отнесены к раннему неолиту. Рассматриваемая керамика была сопоставлена с посудой верхневолжской (2-3 этапы) и валдайской (памятники типа Котчище) культур. С другой стороны, своеобразный для памятников ЕСВ и отличный от каменных индустрий вышеупомянутых культур типологический набор кремнёвых орудий не позволил исследователям связать генезис памятников этого типа напрямую с этими культурами. Был выделен особый культурный тип памятников, получивший в литературе название эньты́йского. Геометрические орудия, обнаруженные на этих памятниках, получили, в свою очередь, название трапеций эньты́йского типа. По мнению исследователей, происхождение памятников, содержащих рассматриваемые изделия, было связано с носителями постиеневских (постаренбургских) традиций [24; 19, с. 186]. Было указано и на значительный хронологический разрыв между памятниками типа Эньты I и иеневской культурой [19, с. 167].

Учитывая типологическую близость эньты́йской керамики посуде 2 и 3 этапов верхневолжской ранне-неолитической культуры, следует обратиться к материалам последней. По публикациям нам известны следующие памятники: Сахтыш II, Скрабы, Польцо, Уницы [25, с. 52; 26], где найдено по одной трапеции. Но, судя по рисункам, они несопоставимы с эньты́йскими. Вполне возможно, учитывая мнение некоторых ис-

¹ Пользуясь случаем, выражаю А.Н. Сорокину признательность за предоставленную возможность ознакомления с коллекциями и консультацию по рассматриваемой проблеме.

следователей об отсутствии “чистых” комплексов верхневолжской культуры [27, с. 28-38], они не выделяются и “записываются” в категорию находок ижевской культуры. Тем более, что в настоящее время у исследователей нет чёткого представления о кремнёвой индустрии верхневолжской культуры.

Также в этой связи большое значение имеют аналогии с неолитическими памятниками других регионов. Так, в Подесенье на стоянках на Жеренских озёрах (Жеренская Протока, Жерено I, Жерено II) встречены изделия, типологически сопоставимые с энзтьскими. А.С. Смирнов считает их архаической чертой в неолите Подесенья [28, с. 103-105, 110].

Более близкие аналогии представлены материалами поселения Вёкса-Н (Вологодская область), исследованного Н.Г. Недомолкиной [29, с. 282]. Здесь найдена целая серия трапеций, которые типологически очень близки энзтьским, что показал совместный просмотр и сравнение материалов обоих памятников². На рассматриваемом памятнике орудия этого типа сопровождаются керамикой, сопоставляемой с 3 этапом ВВК и типологически близкой части керамического комплекса поселения Энзты I. И эта связь (керамики и геометрических форм орудий), судя по публикациям, устному общению с автором раскопок, а также просмотру полевой документации, выглядит вполне убедительной. Это направление поиска аналогий представляется более привлекательным, если учитывать прямую связь регионов: р. Вёкса – р. Сухона – р. Сев. Двина – р. Вычегда.

В качестве другого возможного, но пока слабо документированного источника направления связей можно рассматривать Камско-Вятское междуречье и конкретно поселение Ботыли IV, исследованное Т.М. Гусенцовой. Материалы памятника разновременны, и связать найденную трапецию с каким-либо типом керамики, по мнению исследователя, не представляется возможным. Тем не менее, высказано мнение о её мезолитическом возрасте и типологической близости трапециям энзтьского типа [30, с. 105-106, рис. 87:5].

И, наконец, не исключено, что в древности могли реализовываться все рассмотренные выше варианты. Вполне правомерно, например, допустить наличие на европейском Северо-Востоке мезолитических памятников с постаренбургскими традициями и складывания на их основе памятников типа Энзты I.

Таким образом, поперечно-лезвийные наконечники стрел в форме трапеций на памятниках европейского Северо-Востока – явление неоднозначное. Современное состояние источниковой базы не позволяет говорить определённо о культурно-хронологической принадлежности этого типа орудий.

² Выражаю благодарность Н.Г. Недомолкиной за возможность ознакомления с материалами её исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965.
2. Буров Г.М. Древний Сяндор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М., 1967.
3. Буров Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): Учебное пособие для студентов-историков. Ульяновск, 1974.
4. Логинова Э.С. Поселение Энзты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 7)
5. Логинова Э.С. Ранний неолит на средней Вычегде // КСИА. Вып. 157. 1979.
6. Галимова М.Ш., Истомина К.Э. Трапеции усть-камской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
7. Истомина К.Э. Модель морфологической типологии кремневых наконечников стрел // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань, 1996.
8. Fisher A. Hunting with Flint-tipped Arrows: Results and Experiences from Practical Experiments // The Mesolithic in Europe: Third International Symposium. Edinburgh, 1985. John Donald Publisher Ltd. Edinburgh, 1989.
9. Лозовская О.В. К вопросу о трасологических признаках составного метательного оружия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.
10. Косинская Л.Л. О соотношении памятников с накольчатой керамикой и памятников энзтьского типа Европейского Северо-Востока // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Сб. научных трудов. Сыктывкар, 1992.
11. Мацкевой Л.Г. Опыт типологической классификации микролитических индустрий Крыма // СА. 1971. № 1.
12. Костылева Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской культуры: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1987.
13. Костылева Е.Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
14. Эгговатова А.В., Жилин М.Г., Спириданова Е.А. Хронология верхневолжской ранненеолитической культуры // РА. 1998. № 2.
15. Семенов В.А. Разведки в Усть-Куломском и Сысольском районах Коми АССР // АО – 1977. М., 1978.
16. Литин В.Б. Комплекс археологических памятников у с. Усть-Кулом // Духовная культура: история и тенденции развития: Тез. докладов. Ч. 2. Сыктывкар, 1992.
17. Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
18. Логинова Э.С. Раскопки Озельской стоянки // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
19. Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
20. Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка Кочмас на Нижней Вычегде // Неолитические памятники Урала: Сб. научных трудов. Свердловск, 1991.
21. Верещагина И.В. Ранний неолит на Северной Двине // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 6)
22. Волокитин А.В. Культурные процессы в бассейне Печоры в эпоху камня. Обзор // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993.

23. *Галимова М.Ш.* Мезолитические культуры с трапециями в бассейнах Волги и Днепра: проблемы происхождения и исторических судеб: Научный доклад. Казань, 2001.
24. *Буров Г.М.* Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.
25. *Костылева Е.Л.* Остатки ранне-неолитической верхневолжской культуры на стоянке Сактын II // КСИА. Вып. 177. 1984.
26. *Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Ранне-неолитическая верхневолжская культура на стоянке Польцо // СА. 1984. № 3.
27. *Сорокин А.Н.* Поздние памятники бутовской культуры и проблемы генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
28. *Смирнов А.С.* Неолитические стоянки Жеренских Озер // СА. 1982. № 3.
29. *Недомолкина Н.Г.* Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
30. *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.

*Институт языка, литературы и истории
Кomi научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар*

V.N. Karmanov

MONUMENTS WITH TRAPEZES IN NORTHEASTERN EUROPE

Summary

The author sums up the information about the finds of trapezes on the monuments in northeastern Europe. The article contains the description and morphological analysis of these artifacts. The author pays special attention to the most numerous trapezes of En'ty type, which were found on the sites En'ty I, Revju I, Ust'-Kulom I on the Vychegda River and on the site Nonburg 10 in the basin of the Tsylma River. The originality of the trapezes of this type lies in that they have as a rule high proportions and asymmetric in plan shape. Mostly they are similar to the trapezes of Ienevo and Pesochnorovskaya cultures, though the artifacts of En'ty I site type are smaller.

The author notes the problem of cultural and chronological belonging of the En'ty type monuments. He suggests two possible variants of the problem solution. 1) The monuments of the En'ty type belong to the Early Neolithic if the microlithic inventory as well as the pottery of the En'ty site refer to a single complex. 2) We should state the discovery of the Mesolithic monuments of a new type on the northeast of Europe if the dates of the microlithic artifacts differ from the ceramics of the En'ty site.

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Centre, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya St.,
Syktyvkar, 167982, Russia*

М.Г. Жилин

ЗАСЕЛЕНИЕ САХТЫШСКОГО ТОРФЯНИКА В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ¹

Сахтышский торфяник находится в Тейковском районе Ивановской области на южном склоне Волго-Клязьминского водораздела (рис. 1). Размеры торфяника составляют около 12×4 км. До недавнего времени в центральной части торфяника располагалось остаточное оз. Сахтыш размерами около 4×2 км, от него сохранилась заболоченная низина. Судя по распространению сапропелей, в древности площадь озера была больше. Из озера брала начало р. Койка – левый приток р. Нерли Клязьминской. В настоящее время русло Койки углублено и представляет собой магистральный канал, в который впадают дренажные канавы. Старое русло достаточно хорошо прослеживается в рельефе местности.

Рис. 1. Местонахождение Сахтышского торфяника

В 1930 г. В.И. Смирновым открыто многослойное поселение Сахтыш 1. Благодаря исследованиям Верхневолжской экспедиции при выходе р. Койки из торфяника с 1962 по 1996 гг. было открыто ещё 12 поселений, относящихся к мезолиту, неолиту и эпохе бронзы. Некоторые из них раскопаны на широкой площади [1; 2], на других проведены рекогносцировочные раскопки или шурфовка. В настоящее время большинство из стоянок приурочено к старому или дренированному руслу р. Койки (рис. 2).

В 1999 г. автором проведены разведочные работы в долине р. Койки от выхода её из осушенного оз. Сахтыш на протяжении 6 км вниз по течению. В результате открыто ещё 2 поселения и получены данные для палеоэкологических реконструкций. Бурение, шурфовка и изучение архивных геологических материалов позволили проследить изменения береговых линий озера и русла р. Койки в раннем и среднем голоцене. Анализ размещения поселений мезолита и неолита, фаунистических остатков и промысловых орудий указывает на определённые изменения в хозяйственной деятельности древнего населения, вызванные, в первую очередь, изменениями окружающей среды.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 99-06-88024.

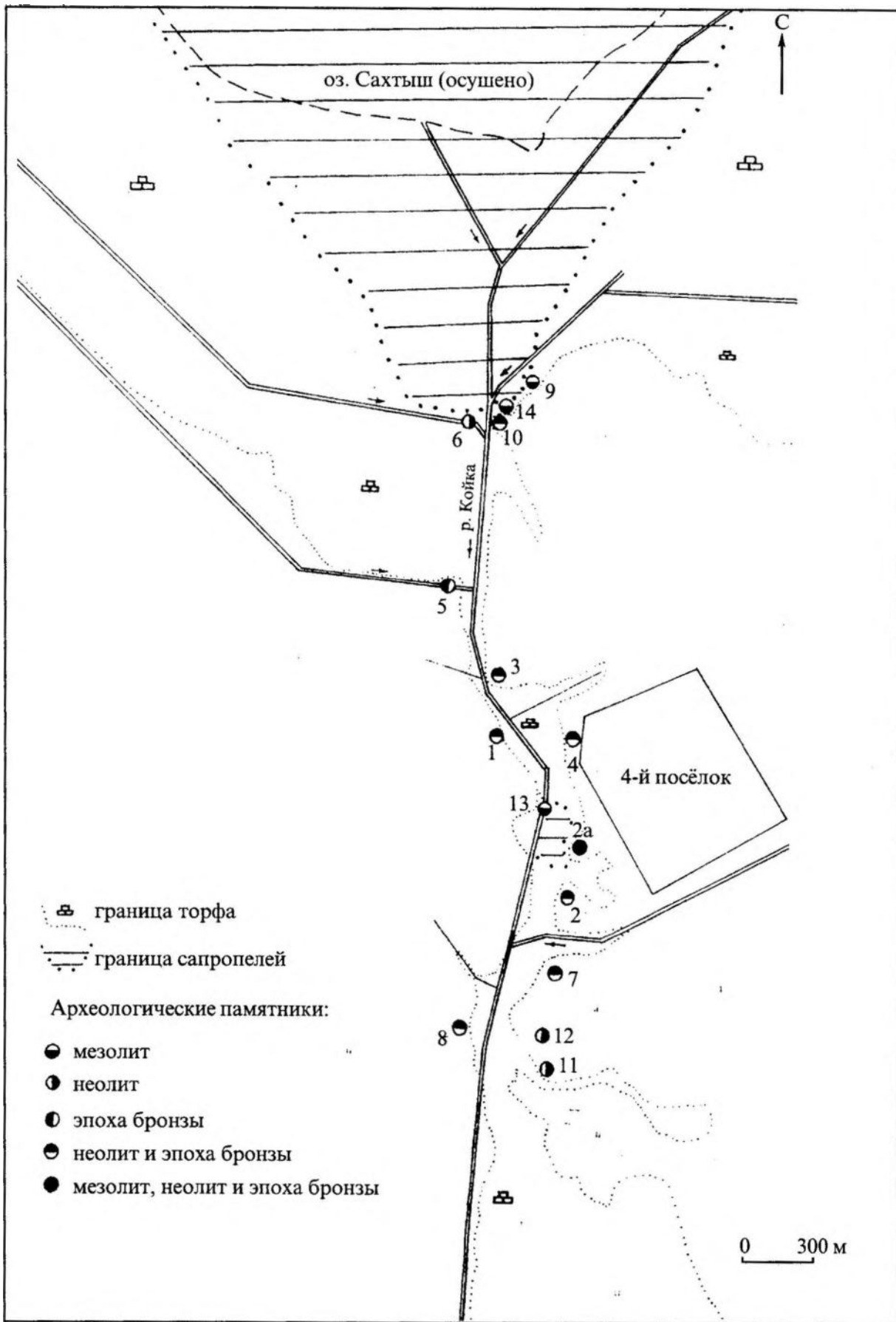

Рис. 2. Современное расположение памятников археологии на Сахтышском торфянике

Мезолит

Мезолитические культурные слои представлены на четырёх поселениях – Сахтыш 2а, 9, 13 и 14 (рис. 2). Сахтыш 9 исследовался в 1987-1989 гг. раскопками на площади 124 кв. м. В результате получен небольшой, но выразительный каменный и костяной инвентарь, позволяющий отнести памятник к среднему этапу бутовской культуры. Находки залегают на поверхности погребённой почвы, отнесённой палинологическим методом к концу пребореала, и в её верхней части, что позволяет датировать стоянку началом бореального периода. По образцам необработанной древесины, не связанным с культурным слоем, получены даты 9570 ± 50 (ГИН-5890) и 10300 ± 100 (ГИН-5891) лет назад (л.н.) [3]. В 1996 г. М.Г. Жилиным вскрыто ещё 20 кв. м вдоль дренажной канавы от угла раскопа 1 к западу. В результате установлено, что помимо прослеженного ранее на памятнике имеется ещё и нижний слой, представленный небольшим количеством кремней и костей животных, лежащий на размытой морене, отделённый от верхнего слоя прослойками песка, а в шлейфе – торфа и сапропеля. С нижним слоем может быть связана первая радиоуглеродная дата, в то время как вторая относится к линзам материкового торфа с древесиной. Прослежена береговая линия древнего озера и установлено, что оба заселения соответствуют регрессивным фазам палеозера. Разделяющая их трансгрессия оставила слой светлого сапропеля, чётко выраженный в западной части разреза [4].

В 100 м к западо-юго-западу от предыдущего на погребённом мысу берега озера находится мезолитическое поселение Сахтыш 14, открытое в 1999 г. Вскрыто 14 кв. м и поставлено две зачистки в 10 м к северу, в сторону суходола, и в 12 м к югу, в сторону озера, от разведочного раскопа. В раскопе представлено 4 культурных слоя: верхний залегают в чётко выраженной тонкой погребённой торфяной почве под слоем торфа, в нём найдены кости животных и нуклеидный кусок кремня, дата пока не ясна. Второй культурный слой также лежит в хорошо выраженной погребённой торфяной почве, отделённой от верхнего слоя стерильным слоем торфа. Найдены кости животных, рыб и птиц, кремнёвые и костяные орудия, позволяющие отнести его к среднему или позднему мезолиту. Третий культурный слой залегают под ним в слое коричневого торфа, а в северной части раскопа отделяется слоем светлого сапропеля. В этом слое найдены кости зверей, птиц и рыб, каменные и костяные орудия среднего этапа бутовской культуры. Нижний культурный слой приурочен к подстилающему оторфованному песку с лесным опадом, в нём представлены помимо фаунистических остатков каменные и костяные изделия раннего мезолита, вероятно, также бутовской культуры. В зачистке, поставленной севернее раскопа, второй, третий и четвёртый культурные слои разделены прослойками сапропелей. В зачистке южнее раскопа представлен только один культурный слой, залегающий в суглинистой погребённой почве, лежащей на размытой морене. Памятник, расположенный на берегу древнего озера, заселялся в регрессивные фазы развития водоёма в раннем, среднем и, вероятно, позднем мезолите. Исток р. Койки в это время находился к юго-западу от поселения, берега реки у истока, по данным бурения, были заболочены и, видимо, мало пригодны для заселения. Этот памятник представляет большой интерес и нуждается в стационарном исследовании.

Ещё два мезолитических поселения находятся в 1,6-1,7 км южнее. На торфяниковой части многослойного поселения Сахтыш 2а автором совместно с Е.Л. Костылёвой проведено бурение, поставлены два шурфа 1×1 м и разведочный раскоп (в дальнейшем раскоп 2) площадью 16 кв. м. В обоих шурфах и раскопе под неолитическими культурными слоями прослежен слой раннего или среднего этапа бутовской культуры, залегающий в оторфованном песке, лежащем на озёрном дне. В этом слое встречены кости птиц, рыб и млекопитающих, каменные и костяные изделия. Из раскопов на суходольной части поселения происходит ряд изделий, находящих точные аналоги в инвентаре памятников раннего и среднего этапов бутовской культуры и неизвестных в неолите. Примечательно, что бурение показало наличие небольшого пятна сапропелей под аллювиальными отложениями р. Койки. Это указывает на существование здесь в мезолитическое время озеровидного расширения реки с очень слабым течением, по сути небольшого проточного озера. Уже в самом начале неолита, а возможно, и несколько раньше, это озерко заболотилось. В раскопе 2 мезолитический слой отделён от слоя самого начала верхневолжской культуры прослойкой стерильного торфа, в верхней части которого прослежена тонкая прослойка песка, вероятно, аллювиального происхождения.

В 200 м к северо-западу, на другом берегу заболоченной низины, располагается стоянка Сахтыш 13, открытая в 1999 г. В шурфе 1×1 м и зачистке берега дренированного русла р. Койки встречены кости рыб, лося, волка или собаки, мелких грызунов. Датировка памятника не ясна, однако полное отсутствие керамики указывает на его скорее мезолитический возраст. Эта стоянка приурочена к северному берегу проточного озера близ впадения в него р. Койки. Культурный слой памятника перекрыт слоистыми аллювиальными песками мощностью до 60 см.

Проведённые исследования позволяют предложить следующую реконструкцию заселения Сахтышского торфяника в мезолите (рис. 3). Нижние слои поселений Сахтыш 9 и 14 указывают на первое появление человека на берегах Сахтышского палеозера в раннем мезолите, вероятно, в первой половине пребореального периода. Площадь озера в это время была существенно больше, оно вплотную подходило к минеральному берегу восточнее истока р. Койки. Берега озера были покрыты лесом. Заболочивание и накопление торфа находилось в начальной стадии и носило очаговый характер. Последовавшая в середине-второй половине пребореала трансгрессия привела к затоплению этих стоянок. Новое заселение становится возможным в конце пребореала - начале бореального периода, когда откладываются верхний слой поселения Сахтыш 9 и третий культурный слой на Сахтыше 14. Предварительно к этому же времени можно отнести и мезолитический слой поселения Сахтыш 2а. Последовавшая в середине бореала трансгрессия приводит к затоплению

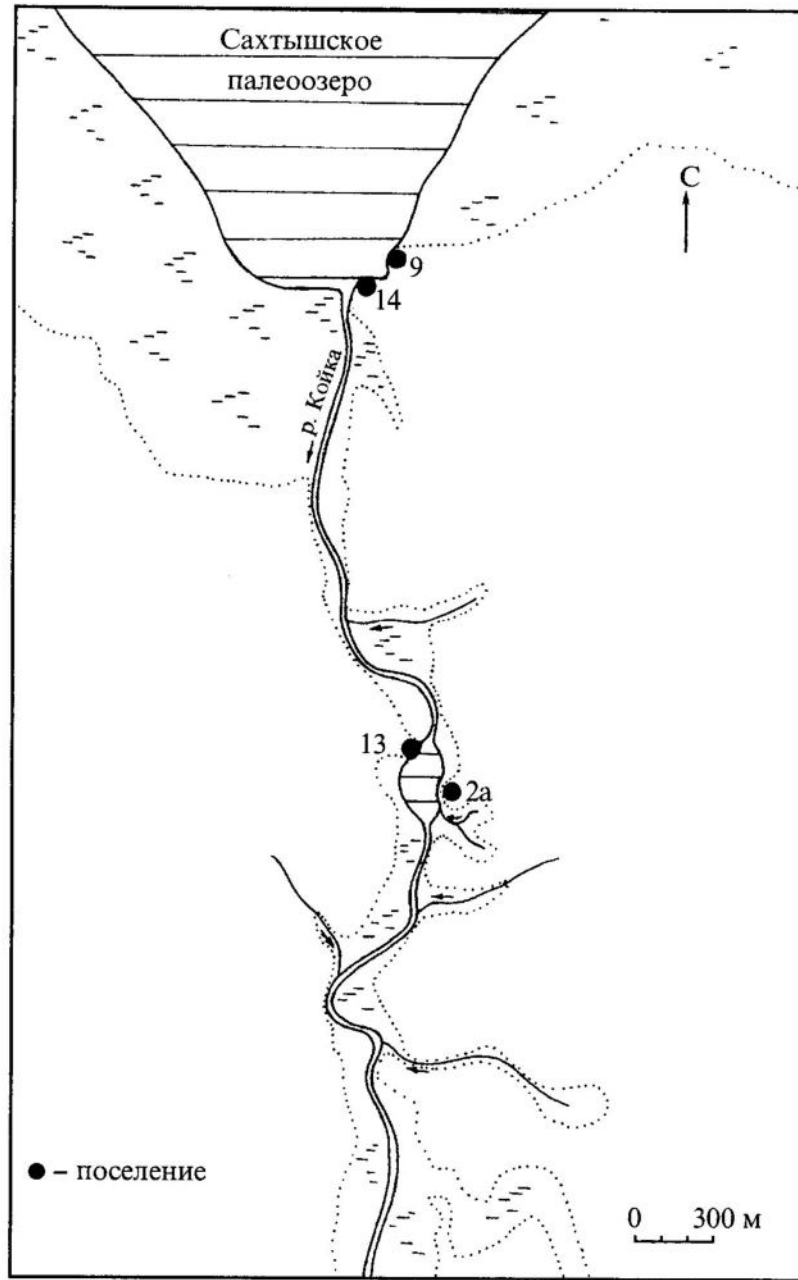

Рис. 3. Схема заселения Сахтышского торфяника в мезолите

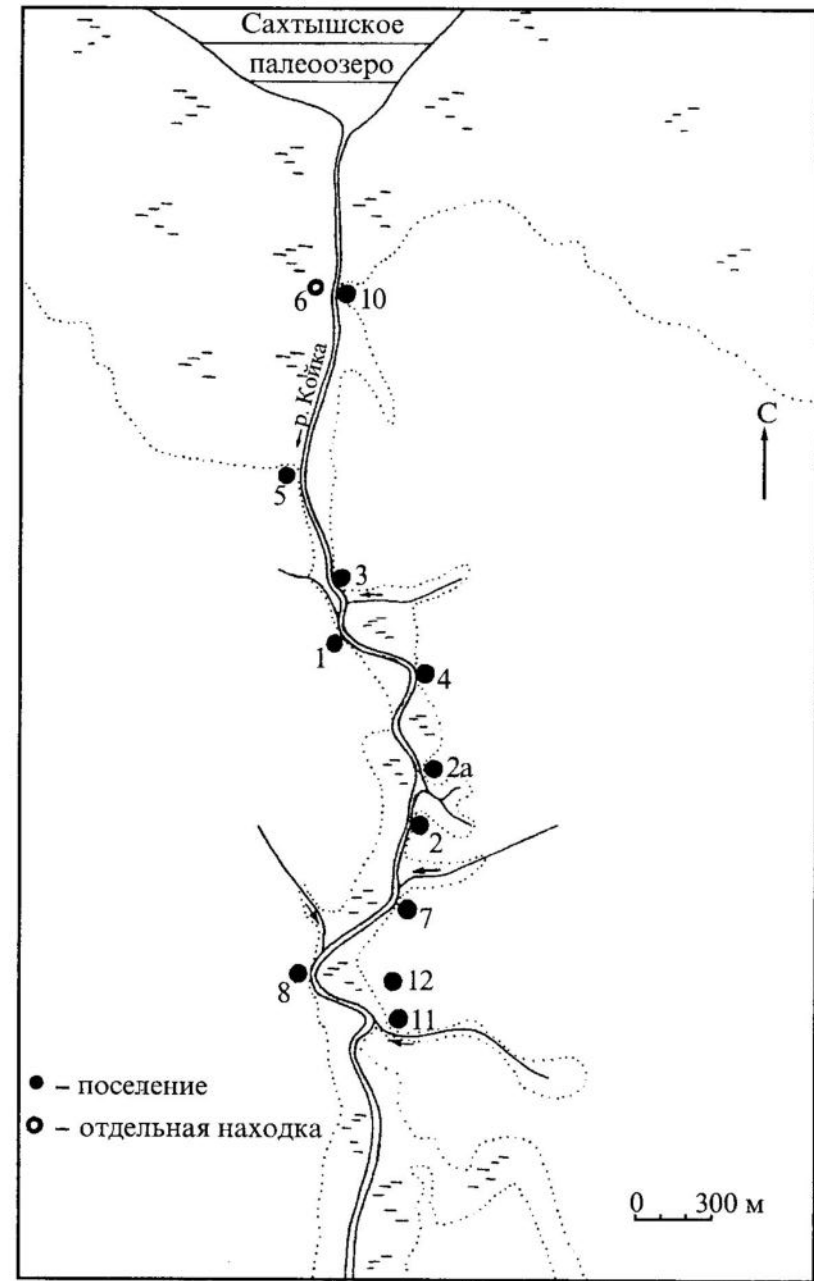

Рис. 4. Схема заселения Сахтышского торфяника в неолите и бронзовом веке

этих стоянок, во время следующей регрессии в районе Сахтыша 9 идёт заболачивание, и заселение не возобновляется. На Сахтыше 14 во время этой регрессии формируется мощная гидроморфная почва, с которой связан второй культурный слой. Дата верхнего слоя этого поселения пока не ясна, однако его формирование происходило в сходных условиях. Дальнейшие исследования, радиоуглеродный и палинологический анализы отобранных образцов позволят внести соответствующие уточнения в предложенную схему.

Неолит

Уже с самого начала неолита отмечаются существенные изменения в расположении поселений. Слои раннего неолита – верхневолжской культуры – представлены на Сахтыше 1-4, 7, 8, 10-12; среднего неолита – льяловской культуры – на Сахтыше 1-4, 6-8, 10; позднего неолита и бронзы – на Сахтыше 1-5, 7-10. В расположении всех этих памятников чётко прослеживается основная закономерность – все они приурочены к старому руслу р. Койки (рис. 4). Как показало бурение, у подножия поселений Сахтыш 1, 4, 2, 7, 8, 11 во время их функционирования в неолите проходило речное русло.

Стоянка Сахтыш 10 занимает вершину мыса минерального берега и несколько удалена от русла р. Койки, берега которой, по данным бурения, были в этом месте в неолите заболочены. Озеро отступило, видимо, ещё в финальном мезолите, около 7200 лет назад. По крайней мере именно на это время приходится пик аридизации климата, с которым связана глубокая регрессия многих озёр [5]. Поселение занимает первый сухой мыс, приближенный к реке, вытекавшей из заболоченного озера значительно севернее. Реконструировочные раскопки [6] показали, что памятник заселялся на короткое время на протяжении всего неолита и в эпоху бронзы. Учитывая его расположение, можно предположить, что это была сезонная промысловая стоянка, функционировавшая во время весеннего половодья и/или осеннего паводка. Аналогичным образом расположена кратковременная стоянка эпохи бронзы Сахтыш 5, но на другом берегу р. Койки. Также кратковременной сезонной стоянкой, функционировавшей в половодье или паводок, является Сахтыш 12 с керамикой раннего этапа верхневолжской культуры. Памятник занимает вершину небольшой гривки, также несколько удалённой от русла.

Поселения Сахтыш 1-4, 7, 8, 11 расположены на сухих мысах или гривках в тех местах, где извилистое русло Койки наиболее близко подходило к минеральным берегам. Именно этот фактор был основным при выборе места поселения, поскольку большая часть её долины была в неолите заболочена. Как показали бурение и шурфовка, проточное озерко между поселениями 2а и 13 заболотилось уже в раннем неолите, а культурный слой последнего был перекрыт пачкой аллювиальных отложений, вероятно, в неолитическую эпоху. При этом Сахтыш 1, 2, 2а и 8 являются долговременными поселениями [1; 2], а остальные – сезонными. Сахтыш 11 относится к раннему этапу верхневолжской культуры, стоянки Сахтыш 3, 4 и 7 посещались неоднократно на протяжении неолита и эпохи бронзы.

Второй важной закономерностью является расположение большинства неолитических поселений близ устьев ручьёв, впадавших в р. Койку. Их долины хорошо прослеживаются в современном рельефе в виде наклонённых в сторону реки понижений, в которых прорыты дренажные каналы. Бурение и шурфовка в районе поселений Сахтыш 2, 2а и 3 вскрыли аллювиальные отложения, характерные именно для ручьёв, в двух таких долинах. Раскоп 2 на торфяниковой части Сахтыша 2а показал, что в раннем неолите между поселениями Сахтыш 2 и 2а существовал мелководный заболоченный залив, в котором в сильные половодья ручей откладывал прослойки песка, а в межень происходило накопление торфа. Южнее, где довольно прямое русло р. Койки с низкими заболоченными берегами на протяжении нескольких километров не имеет притоков, поселений не обнаружено.

Из общей закономерности выпадает местонахождение Сахтыш 6, расположенное напротив поселения Сахтыш 10. Здесь при торфоразработках был найден развал льяловского сосуда, однако осмотр места находки культурного слоя не выявил. По имеющимся данным трудно сказать, была ли это кратковременная стоянка на заболоченном низком берегу р. Койки, или же сосуд принесён сюда с соседней стоянки Сахтыш 10, на которой представлена такая керамика. Второе предположение более вероятно. Сейчас можно только гадать о его назначении, однако наиболее вероятно, что он мог быть взят на место сезонного рыбного промысла или с каким-то содержимым, или для приготовления пищи на месте рыбной ловли.

Основные выводы

Рассмотренные материалы показывают две системы расселения, существовавшие на Сахтышском торфянике. Первая сложилась в мезолите. Для неё характерна ориентация поселений на мелководное палеоозеро или на небольшое, также мелководное проточное озерко (озеровидное расширение р. Койки). Выбор места для поселения был тесно связан с хозяйством мезолитического населения. Раскопки многослойных мезолитических памятников Становое 4 [7] и Ивановское 7 [8] показали, что с самого начала мезолита основой хозяйства была охота на лесных млекопитающих, дополнявшаяся охотой на птиц и рыболовством. Основными объектами наземной охоты были лось и бобр [9], среди птиц резко преобладают водошавяющие [10], а среди рыб – щука-травянка [11]. Идеальным местом для ведения такого хозяйства были поросшие лесом берега мелководных проточных озёр, особенно близ впадения или истока небольших речек. Именно в таких местах и расположены мезолитические стоянки Сахтышского торфяника. Периодические трансгрессии заставляли людей покидать поселения, однако там, где подобные условия сохранялись, стоянки заселялись вновь. Комплексное хозяйство лесных охотников-рыболовов-собирателей было стабильным

на Верхней Волге на всём протяжении мезолита. Появление одних и исчезновение других промысловых видов при устойчивом сохранении ведущей роли лося и бобра, водоплавающих птиц и щуки, прослеженное на мезолитических памятниках Верхнего Поволжья [12], отражает палеоэкологические изменения и говорит о нормальном развитии хозяйства без каких-либо кризисных явлений.

Вероятно, в самом конце мезолита, около 7200 лет назад, произошли существенные изменения природных условий, повлекшие за собой некоторые хозяйственные изменения. Этим объясняется иное расположение поселений неолита и эпохи бронзы. В результате аридизации климата Сахтышское палеозеро уменьшается в размерах, его берега заболачиваются, то же происходит и с озеровидным расширением р. Койки, с которым были связаны мезолитические поселения Сахтыш 2а и 13. Таким образом, не остаётся удобных для поселения мест непосредственно на берегу озера. С самого начала раннего неолита осваиваются берега р. Койки там, где её русло подходило близко к минеральным берегам и в неё впадали ручьи. В новых условиях изменения коснулись прежде всего рыболовства. Именно с начала неолита широко распространяются сложные стационарные рыболовные сооружения на малых реках типа заколов и различные ловушки. В прибрежной зоне поселений они обычно представляли многочисленными колами, прослеженными, в частности, при раскопках поселения Сахтыш 1 и в раскопе 2 Сахтыша 2а. В последнем найдены сохранившиеся *in situ* длинные рыболовные верши, стоящие, как и скопление колов, именно в устье ручья – месте, где обычно скапливается рыба. Подобные сооружения давали постоянный источник пищи, хотя и требовали значительных усилий для поддержания их в порядке.

Таким образом, природные изменения на рубеже мезолита–неолита привели к переориентации рыболовной отрасли хозяйства населения Сахтышского торфяника на эксплуатацию русла реки с использованием стационарных рыболовных сооружений. В результате этого постепенно выработался специфический вариант лесных рыболовов-охотников-собираателей, в рационе которых рыба играла очень существенную роль. Химический анализ человеческих костей говорит о формировании этого варианта на Сахтышском торфянике в позднем неолите – на памятниках волосовской культуры [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / Д.А. Крайнов, Г.И. Зайцева, Е.Л. Костылева, А. В. Уткин // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.
2. Комаров К.И. Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1993.
3. Крайнов Д.А., Лозовский В.М., Костылева Е.Л. Мезолитическая стоянка Сахтыш IX // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново, 1990.
4. Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20127.
5. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Результаты палинологического изучения мезолита Волго-Окского междуречья // Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
6. Жилин М.Г., Костылева Е.Л. Разведочные работы на Сахтышском торфянике в Тейковском районе Ивановской области // Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1999 г. Архив ИА РАН. Р-1.
7. Жилин М.Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103).
8. Жилин М.Г. Многослойное поселение Ивановское 7 (по раскопкам 1992-1997 гг.) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
9. Карху А.А. Остатки птиц с поселения Ивановское 7 (предварительные результаты) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
10. Кириллова И.В. Охотничья добыча обитателей стоянки Ивановское 7 (по костным остаткам млекопитающих) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
11. Сычевская Е.К. Остатки рыб с поселения Ивановское 7 // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
12. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.
13. Колдовская М.В. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М., 1996.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.G. Zhilin

THE INHABITATION OF SAKHTYSH PEATBOG IN THE MESOLITHIC AND THE NEOLITHIC*

Summary

Field investigations of the Upper Volga expedition lead to discovery of 16 sites, dated from the Early Mesolithic to the Bronze Age. Topography of the sites shows two different patterns, indicating changes in palaeoecological situation and economy. Four sites of the Mesolithic occupy shores of the large former lake, and a small lake about 1,6 km to the south. Other 12 sites of the Neolithic and the Bronze Age are placed at former riverbanks, namely at the mouths of creeks. Economy of the Mesolithic population was based on hunting elk and beaver, fishing and fowling. Fishing played important role in economy since the beginning of the Mesolithic, pike, caught by nets in shallow water composing major part of fish supplies. At the end of the Mesolithic aridisation of climate and deep lake regression took place. As a result, the large lake decreased in size, and its shores became swampy, while the small lake disappeared. Since the Early Neolithic the only places, suitable for settlement were found at river banks. Such situation lead to wide employment of stationary fishing traps and fence-like constructions, which demanded more labour, but gave stable food supply. By the end of the Neolithic a specific variant of forest fishers-hunters-gatherers economy with a very high role of fishing was developed on the basis of intensive exploitation of stationary fishing equipment.

---

* The research is done under support of The Russian Foundation of Fundamental Studies, grant 99-06-88024.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

М.Г. Жилин

СТРАТИГРАФИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ СТАНОВОЕ 4 В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ¹

Значение многослойных торфяниковых поселений с надёжной стратиграфией и хорошей сохранностью изделий из органических материалов для изучения мезолита и неолита лесной зоны трудно переоценить. Вместе с тем, количество раскопанных памятников этого типа на территории Восточной Европы до сих пор весьма невелико. Это связано, главным образом, с трудностью их обнаружения и исследования. Поэтому введение в научный оборот каждого из них представляет большой интерес. Поселение Становое 4 открыто автором в 1992 г. В 1993-2000 гг. заложено 3 раскопа и несколько шурфов, вскрыто в общей сложности около 400 кв. м. Краткие сведения о памятнике и часть материалов опубликованы [1-5]. Настоящая статья посвящена анализу его стратиграфии, планиграфии и реконструкции на их основе истории заселения памятника.

Поселение Становое 4 находится в Комсомольском районе Ивановской области, в 1,8 км к северу от деревни при истоке р. Лахость из Подозерского торфяника. Лахость является правым притоком р. Которосль, которая впадает в Волгу в г. Ярославле. Подозерский торфяник образовался в обширной ледниковой котловине, центральная часть которой в древности была занята озером размерами около 5×3 км. Поселение занимает низкий мыс древней озёрной террасы и прилегающий участок торфяника на правом берегу р. Лахость (рис. 1). Русло последней во время торфоразработок было углублено и спрямлено, высота мыса – до 5 м над межениным уровнем реки. В современном рельефе отчётливо прослеживается ложбина, соответствующая узкому озёрному заливу, из которого вытекала Лахость в древности. Поверхность памятника задернована, поселение разрезано спрямлённым руслом и мелиоративной канавой, перекрыто разровненным бульдозером выбросом мощностью до 1-1,5 м или отвалом мощностью до 3,5 м. В результате осушения торфяника начались процессы азрации, ведущие к разрушению культурных слоёв и, прежде всего, органических материалов. В силу этого раскопки носили прежде всего охранный характер, раскапывались участки, находящиеся в наиболее угрожаемом состоянии.

Раскоп 1 площадью 16 кв. м заложен на краю мелиоративной канавы на площадке мыса. Стратиграфия его такова (рис. 2): 1 – дерн мощностью до 6 см; 2 – выброс из канавы – до 80 см; 3 – торф бурый, до красно-коричневого, в верхней части со следами пожара – до 38 см; 4 – погребённая почва, которая подразделяется на два подгоризонта: 4а – суглинок тёмно-серый, до чёрного, оторфован – до 20 см; 4б – тот же суглинок, но светлее и плотнее, ожелезнён – до 18 см; 5 – суглинок серовато-коричневый – материк. В восточной части раскопа, ниже по склону слои 4а и 4б выклиниваются, замещаясь слоем 7 – суглинком пёстрым с разводами – перемытым слоем 4. Материковый суглинок здесь постепенно замещается слоем 6 – светлой серовато-жёлтой ожелезнённой глиной. В раскопе прослежено два культурных слоя. Верхний (культурный слой I) залегает в нижней части слоя 3, в нём встречены единичные отщепы и кости животных, а также мелкие фрагменты льяловской керамики и сетчатой керамики эпохи бронзы. Нижний слой (культурный слой III по общей нумерации культурных слоёв) связан со слоем 4, причём наибольшее количество находок отмечено в нижней части слоя 4а. Здесь представлены каменные изделия среднего или позднего этапа бутовской культуры, небольшое количество изделий из кости и рога, кости зверей, птиц и рыб. Такие же находки сделаны и в слое 7, однако здесь вместе с ними встречены мелкий обломок сетчатой керамики и два мелких фрагмента керамики без орнамента, также, видимо, эпохи бронзы. Эта керамика датирует время перемыва. Спорово-пыльцевой анализ² относит слой 4б к климатическому оптимуму бореального периода, а слой 4а – к его последней четверти.

Раскоп 2 площадью 139 кв. м заложен на торфянике под склоном мыса к востоку от раскопа 1, на правом берегу спрямлённого русла р. Лахость (рис. 1). Прослежена такая стратиграфия (рис. 3-4): 1 – дерн мощностью 6-12 см; 2 – выброс из искусственного русла р. Лахость мощностью до 1 м; 3а – буро-коричневый торф³ –

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 01-01-18005е.

² Автор благодарит Е.А. Спиридонову и А.С. Алёшинскую за проведённый спорово-пыльцевой анализ, Л.Д. Сулержицкого и Н.Е. Зарецкую – за выполненный радиоуглеродный анализ.

³ По определению О.Н. Успенской, слой в раскопе 4 и 5, выделенные визуалью как торф, являются сапропелями с древесным детритом, а слои 8а и 8б – минерализованным илом.

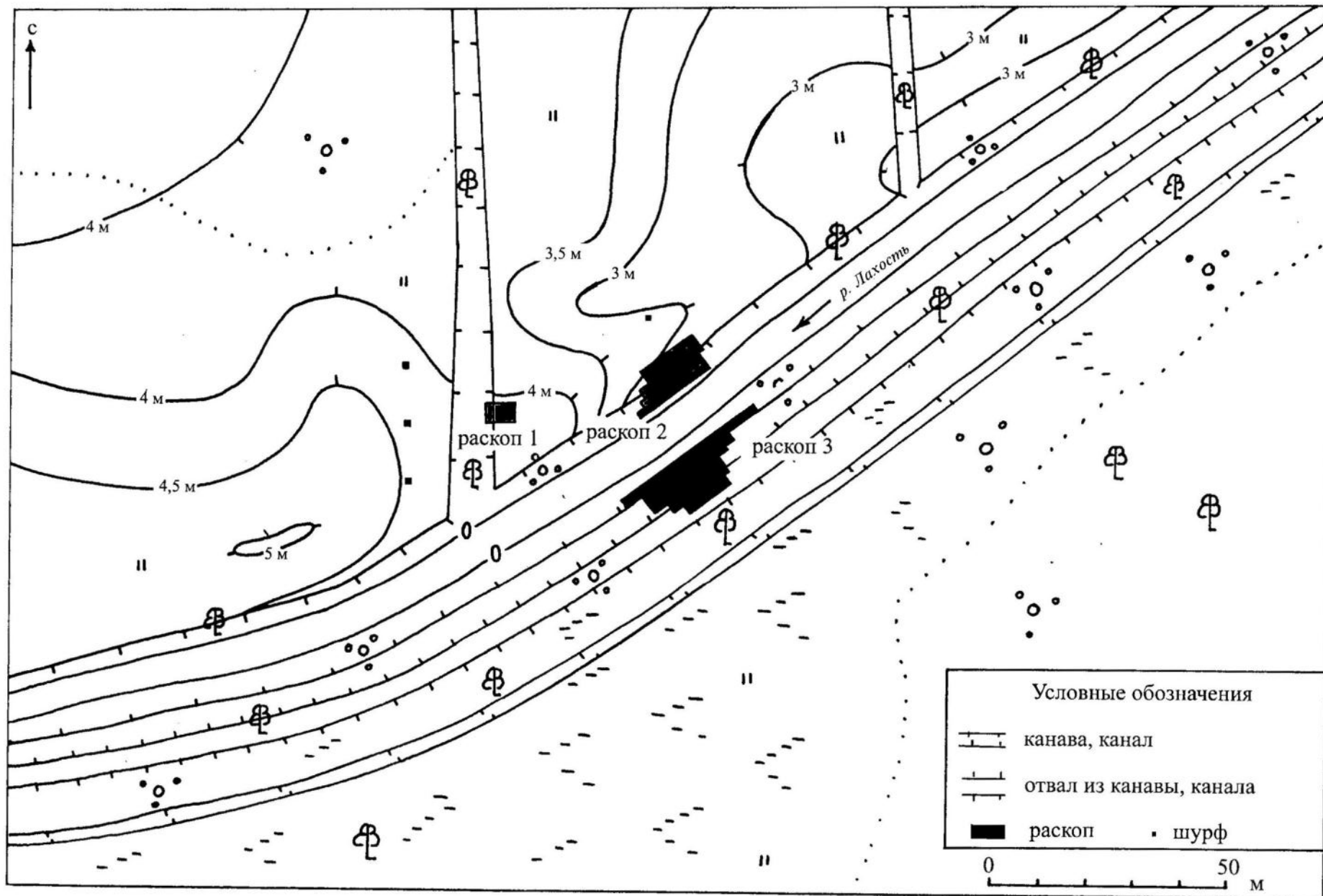

Рис. 1. Поселение Становое 4. План

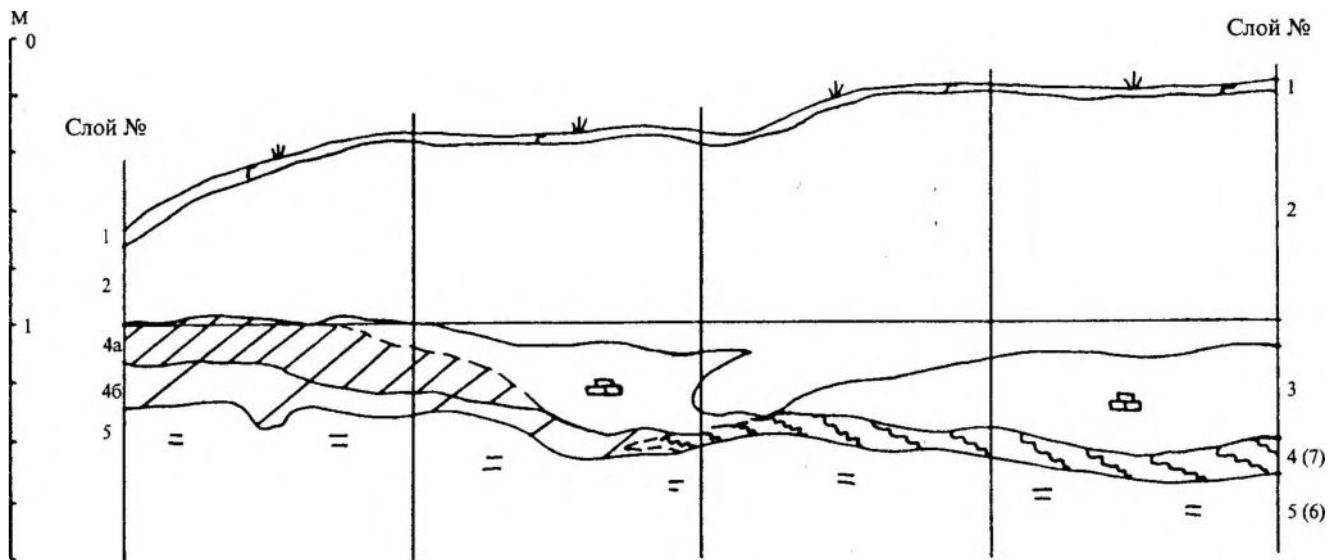

Рис. 2. Поселение Становое 4. Раскоп 1, разрез северной стенки (фрагмент)

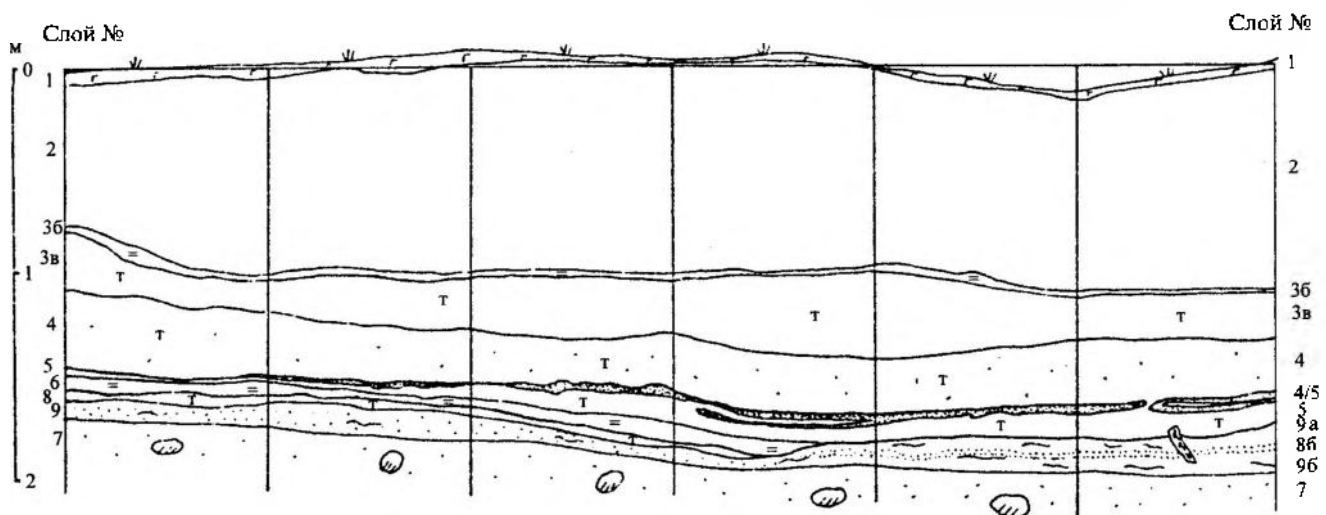

Рис. 3. Поселение Становое 4. Раскоп 2, разрез северной стенки (фрагмент)

до 15 см; 3б – серая оторфованная глина, связанная с последней значительной трансгрессией палеозера, – до 20 см; 3в – коричневый торф – до 40 см; 4 – темно-коричневый торф с линзами жёлтого песка – 30-50 см; 4/5 – тонкая прослойка жёлтого песка, аллювий более мощного потока – до 5 см; 5 – чёрный разложившийся торф, погребённая почва – 2-20 см; 6 – серая вязкая глина, отложения озёрной трансгрессии – до 10 см; 8 – плотный коричневый оторфованный сапропель – до 10 см; 9 – серый оторфованный песок – 6-15 см; 10 – плотная серая глина, озёрное дно – до 10 см; 7 – гравий с песком, глиной и валунами – размытая морена. В верхней части слоя 4 примесь песка незначительна, в его средней части появляются тонкие песчаные линзы (до 1 см) и прослойки жёлтого песка. Слой 4/5 является самой нижней такой прослойкой, мощность его колеблется от 1 до 5 см. В отличие от более верхних тонких линз эта прослойка хорошо прослеживается практически по всей площади раскопа, местами распадаясь на две тонкие прослойки. Она чётко разделяет слой 4 и 5 и может служить маркирующим горизонтом, указывающим на смену режима осадконакопления. В слое 5 в западной части отмечается примесь суглинка, постепенно замещающаяся на примесь сапропеля в восточной части раскопа. Этот слой можно расценивать как погребённую гидроморфную почву. В западной части раскопа она формировалась на заболоченном низком берегу, а в восточной – представлен её шлейф, сформировавшийся в заболоченном озёрном заливе. Слой 6 прослежен только в западной части раскопа, как и лежащий под ним слой 8, однако последний распространён на большей площади. В юго-западной части раскопа слой 8 лежит непосредственно на размытой морене, на остальной площади картина более сложная. В северо-западной части под слоем 8 залегает слой 9, а ниже – слой 7. В центральной части раскопа и далее к востоку слои 8 и 9 замещаются более сложной по строению пачкой озёрных отложений, состоящей из чередующихся прослоек сапропеля и песка (рис. 4). В её верхней части непосредственно под слоем 5 лежит прослойка серого сапропеля (8а) мощностью 5-6 см; под ней – прослойка серого песка с примесью сапропеля (9а) мощностью 10-12 см; ниже – ещё одна прослойка более тёмного серого сапропеля с

примесью лесного опада (8б) мощностью 8 см; под ней – прослойка серого песка с примесью сапропеля (9б) мощностью 12 см; ниже – размытая морена. В юго-восточной части раскопа слой 5 залегает на плотной серой глине (слой 10), а в северо-восточной он отделяется от слоя 10 слоем серого сапропеля (8а) мощностью до 30 см. В восточной части раскопа в целом размытая морена резко уходит вниз, а мощность глинистых отложений превышает 1 м.

Палинологический анализ (Алёшиевская, 2001) показал, что слой 9б сформировался в позднем дриасе; слой 8б – в переходное время от позднего дриаса к пребореалу; слой 9а – в первой четверти и слой 8а – во второй четверти пребореального периода; слой 5 – в первой половине бореала; слой 4/5 – во второй половине бореального периода; слой 4 – в атлантическом периоде.

В раскопе 2 прослежено 4 культурных слоя (рис. 4). Верхний представлен рассеянными угольками и двусторонне обработанным листовидным кремнёвым наконечником стрелы (несколько ниже верхних песчаных линз в слое 4). Его верхняя хронологическая граница определяется датами 5250 ± 40 (ГИН-10102 II) и 5040 ± 70 (ГИН-10102 I) лет назад⁴. Второй культурный слой залегает в самом низу слоя 4, на песчаной прослойке 4/5. Здесь найдены кости зверей, птиц и рыб, каменные и костяные орудия и фрагменты наиболее ранней керамики верхневолжской культуры. Сосуды были сделаны из глины с примесью органики и шамонта или органики и мелкой раковины, венчик прямой, донца маленькие плоские, толщина стенок 8-9 мм, обжиг довольно слабый, на внутренней поверхности толстый слой нагара (до 2 мм), в котором встречены косточки калины, внешняя поверхность иногда подлощена. Орнамент отсутствует, на некоторых встречаются сверлёные отверстия, вероятно, следы ремонта. Показательны довольно крупные размеры и горизонтальное залегание большинства фрагментов керамики в самом низу слоя 4, при этом низ черепков касался прослойки песка 4/5, однако ни одного фрагмента в самой прослойке встречено не было. Этот уровень слоя 4 с находками второго культурного слоя формировался от 7380 ± 170 (ГИН-10108 I) до 6950 ± 50 (ГИН-10108 II) л.н. Перекрывающий его образец получил даты 7080 ± 40 (ГИН-10106 I) и 6650 ± 160 (ГИН-10106 II) л.н. В этом слое рядом с типичным верхневолжским фигурным костяным наконечником стрелы найдена горизонтально лежащая обработанная доска длиной 1,2 м, толщиной 2 см, давшая радиоуглеродную дату 7030 ± 100 (GIN-8378) л.н., что определяет время заселения этого участка поселения.

Третий культурный слой залегает *in situ* в слое 5. В нём найдены многочисленные кости птиц, рыб и млекопитающих, каменные, костяные изделия и отходы их производства, относящиеся к концу среднего этапа бутовской культуры. Время формирования вмещающих этот слой отложений определяется датами 8930 ± 40 (ГИН-10109 II), 8640 ± 60 (ГИН-10110 II), 8540 ± 80 (ГИН-10109 I) и 8500 ± 150 (ГИН-10110 I) л.н. Из этого слоя на глубину до 70 см в материк забиты берёзовые колы, вероятно, являющиеся остатками рыболовных сооружений. Три из них получили радиоуглеродные даты: 8700 ± 70 (GIN-8854), 8670 ± 50 (GIN-8856) и 8540 ± 60 (GIN-8853) л.н., определяющие время заселения участка для этого слоя. В прослойке песка 4/5 встречены переотложенные находки, связанные с этим слоем, вероятно, смытые со склона мыса и незначительно перенесённые рекой во время половодий.

Культурный слой IIIа в раскопе 2 как таковой не представлен, однако в западной части раскопа в самом верху слоя 8, датированном 9560 ± 50 (ГИН-10111 II) и 9350 ± 200 (ГИН-10111 I) л.н., под слоем 5, что соответствует уровню культурного слоя IIIа в раскопе 3, найдено два затёсанных кола, лежащих почти горизонтально. Даты колов таковы: 9620 ± 50 (GIN-8374) и 9590 ± 40 (GIN-8376) л.н.

Нижний культурный слой (IV) представлен в раскопе 2 небольшим количеством костей млекопитающих, птиц и рыб, отщепов кремня и единичными орудиями из камня, кости и рога. В западной части раскопа находки лежали на размытой морене (слой 7) под слоем 8, а в центральной и восточной частях – в прослойке 8б. Время формирования последней – от 10300 ± 70 (ГИН-10112 II) до 9690 ± 230 (ГИН-10112 I) лет назад. Образец необработанной древесины из перекрывающей её прослойки 9а получил дату 9680 ± 40 (ГИН-10128) л.н. Видимо, раскопом вскрыты северная периферия поселения, оставившего этот культурный слой, и его шлейф в озёрных отложениях.

Раскоп 3 заложен южнее раскопа 2, на противоположном берегу спрямлённого русла р. Лахость, разрезавшего поселение. В 1994-2000 гг. вскрыто 230 кв. м. Стратиграфия раскопа такова (рис. 5, 6): 1 – дерн мощностью 5-10 см; 2 – выброс из искусственного русла реки – до 2 м; 3а – коричневый торф со следами пожара в верхней части – до 40 см; 3б – серая оторфованная глина, связанная с последней значительной трансгрессией палеозера – до 30 см; 3в – коричневый торф – до 50 см; 4 – темно-коричневый торф с тонкими линзами песка – 40-80 см; 5 – чёрный разложившийся торф с примесью сапропеля, замещающийся в средней части раскопа чёрным сапропелем – до 20 см; 6 – прослойка серой вязкой глины – до 10 см; 8 – сапропель зеленовато-коричневый оторфованный, очень плотный – до 15 см; 9 – слоистая серая глина – до 12 см; 10 – линза серой глины и рыжего песка, лежит под слоем 9 на слое 7 в восточном конце раскопа – до 18 см; 7 – грубозернистый песок с глиной, гравием и валунами – размытая морена. В центральной части раскопа отмечено углубление материка и возрастание мощности слоёв, особенно 5 и 8, лежащих непосредственно на размытой морене. Вероятно, раскопом прорезано древнее русло Лахости. Вместе с тем, ровное залегание слоёв 3а-в без каких-либо следов речных отложений указывает на изменение русла реки после отложения слоя 4. Последний в западной части раскопа постепенно замещается слоем 4а – турбулентным серым песком с аморфными линзами чёрного торфа – отложениями берегового вала мощностью до 80 см. В нижней части этого слоя песок грубозернистый с мелкой и, редко, более крупной галькой – русловый аллювий.

⁴ Все приводимые радиоуглеродные даты некалиброванные, отсчёт от 1950 г.

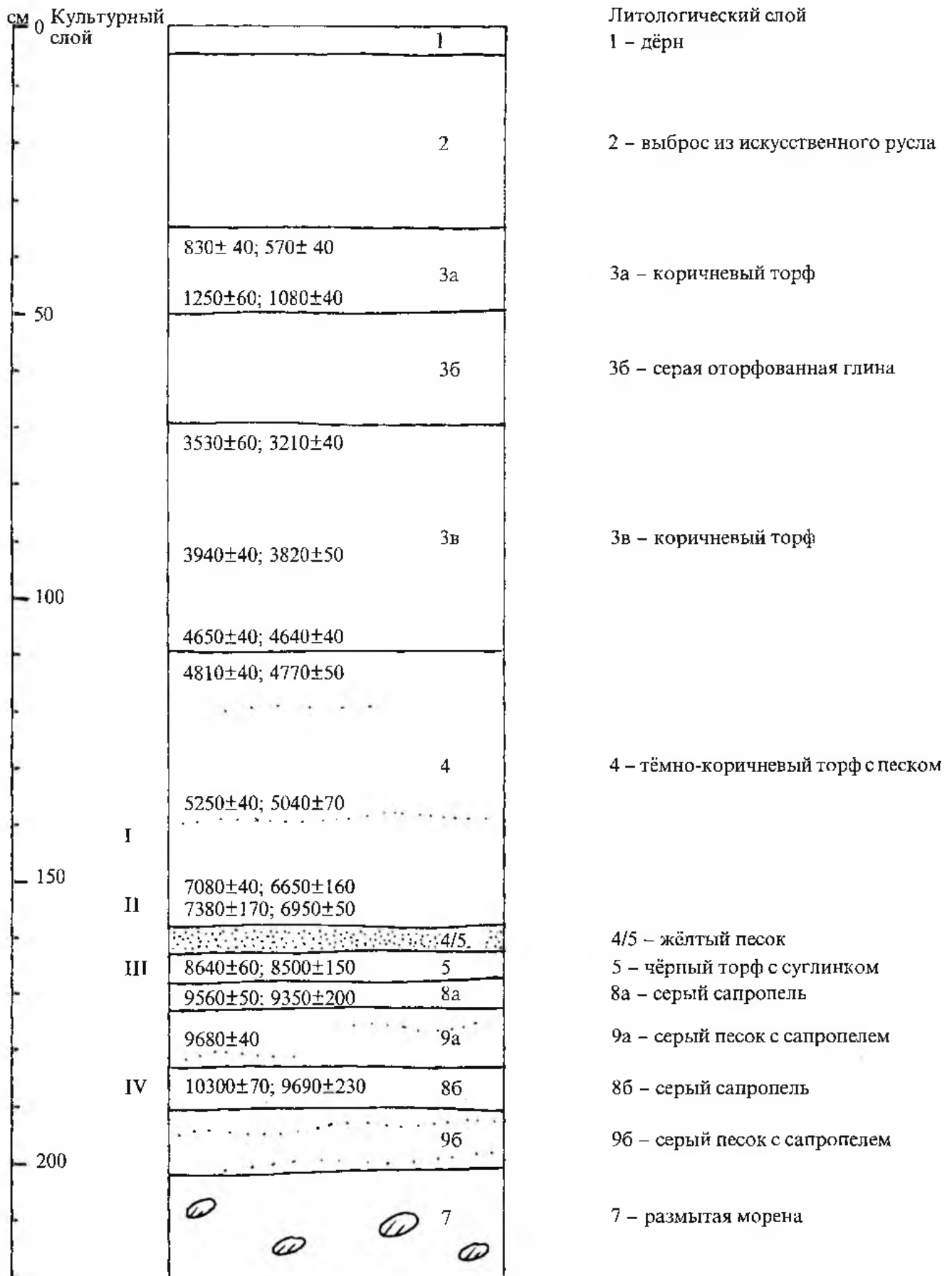

Рис. 4. Поселение Становое 4. Раскоп 2, северная стенка, кв. 91. Разрез 4 для спорово-пыльцевого и радиоуглеродного анализов

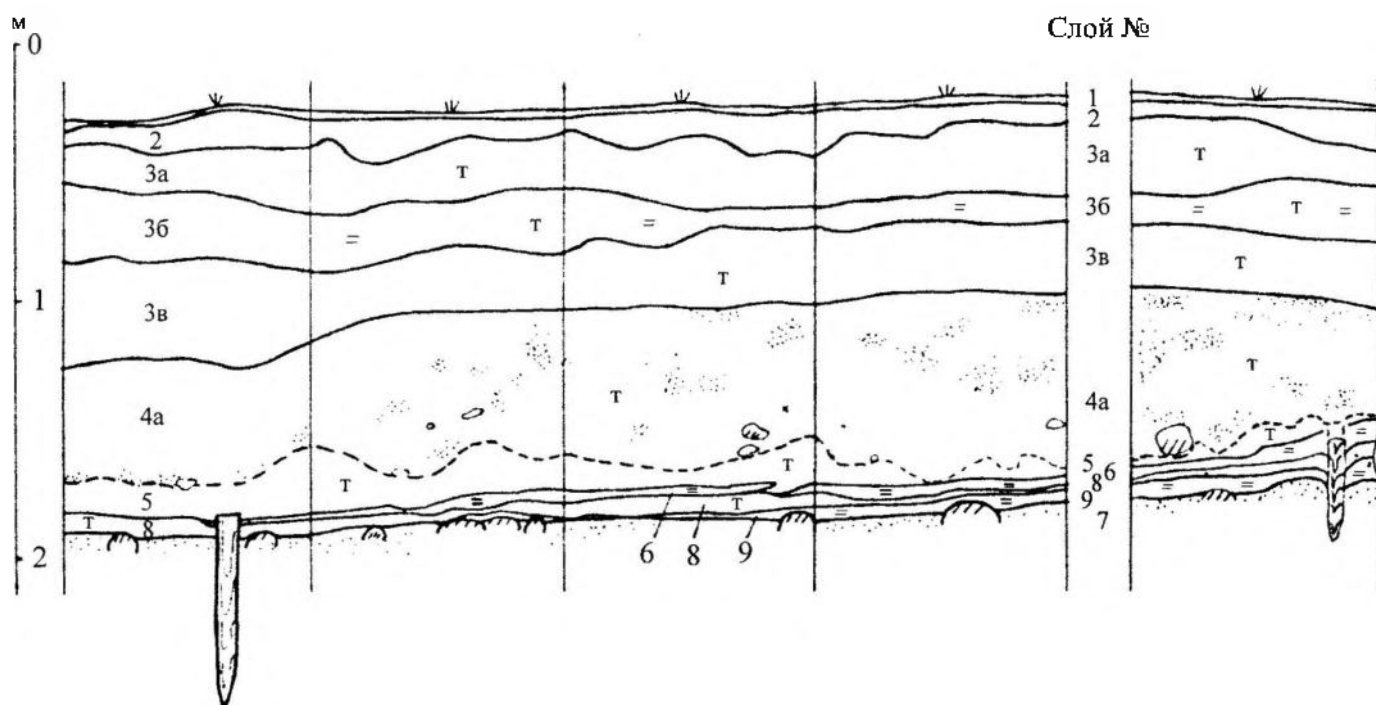

Рис. 5. Поселение Становое 4. Раскоп 3, разрез южной стенки (фрагмент)

Контакт слоя 4 с нижележащим слоем 5 в западной части неровный, с многочисленными западинами и котлами, иногда достигающими материкового слоя 7, содержащими большое количество грубозернистого песка и мелкой гальки. Это говорит об активной деятельности реки в половодья, когда течение было бурным, с многочисленными водоворотами. Ровного горизонтального слоя песка (4/5), как в раскопе 2, здесь не отмечено, зато неоднократно наблюдались крупные кости, частично находящиеся *in situ* в слое 5, в то время как другой их конец оказался в промоине, заполненной слоем 4а. Завихрения вокруг препятствий характерны для русловых процессов. В восточной части раскопа слой 4 с тонкими ливзами песка не отличается от слоя 4 раскопа 2, здесь также самая нижняя прослойка – наибольшей мощности, но не более 1-2 см.

Слой 5 в восточной части раскопа содержит примесь суглинка, а в центральной замещается сапропелем. В наиболее глубоком месте прогиба нижняя часть этого слоя – зеленоватая, с остатками раковин беззубки. В западной части раскопа в слое 5 присутствует примесь песка, особенно в верхнем отделе, на контакте со слоем 4а. Здесь этот слой в значительной степени размыт. Слой 6 представлен в западной части раскопа в виде прослойки или тонких (2-3 см) линз на размытых участках. В центральной части он постепенно выклинивается, появляясь вновь на северо-восточном конце раскопа, где лежит на морене. Под ним в западной части раскопа находится слой 8, залегающий непосредственно под слоем 5 в центральной и восточной частях раскопа. Максимальной мощности он достигает в прогибе в центре раскопа, здесь он мягче, темполивкового цвета. В западной и восточной частях, где материк поднимается, этот слой – более тонкий и плотный, цвет – до темно-коричневого. Под ним в западной части раскопа непосредственно на морене лежит слой 9, представленный отдельными линзами также в восточной части раскопа, в центральной – он отсутствует.

Палинологический анализ относит нижнюю часть слоя 8 к концу позднего дриаса (Алешинская, 2001); средний и верхний уровни слоя 8 – к первой половине пребореального периода; слой 5 – к последней трети пребореала. Слой 4 переотложен, причём это переотложение, начавшись в атлантическом периоде, шло в основном в суббореальном.

В раскопе 3 прослежено 4 культурных слоя. Верхний залегаёт в нижней части слоя 4 на центральном и восточном участках раскопа. В нём встречено небольшое количество костей зверей, птиц и рыб, каменных и костяных орудий и несколько мелких фрагментов такой же, как в раскопе 2, керамики раннего этапа верхневожской культуры. Однако в раскопе 3 керамика окатана, что говорит о переотложенности этого культурного слоя. Время переотложения определяется радиоуглеродными датами разреза 5 – от 4880 ± 70 (ГИН-10121 II) до $3380 + 90$ (ГИН-10118 I) л.н. (рис. 6). На западном участке раскопа вся толщина слоя 4а содержала переотложенные находки из мезолитических слоёв. Помимо этого, преимущественно в нижней части слоя встречались окатанные фрагменты ранней верхневожской керамики, а в самом верху слоя в юго-западном углу раскопа найдены фрагменты льяловской керамики, мелкий фрагмент сетчатой и глиняное грузило с гребенчатым орнаментом поздняковского облика. Примечательно, что слои 3в и 3б здесь отсутствуют, и слой 4а лежал непосредственно под слоем 3а и подстилался мореной, которая здесь залегала существенно выше.

Нижние культурные слои располагались в раскопе 3 *in situ*. Культурный слой III приурочен к подошве слоя 5 в центральной, наиболее глубокой части раскопа, вмещающие его отложения здесь датированы

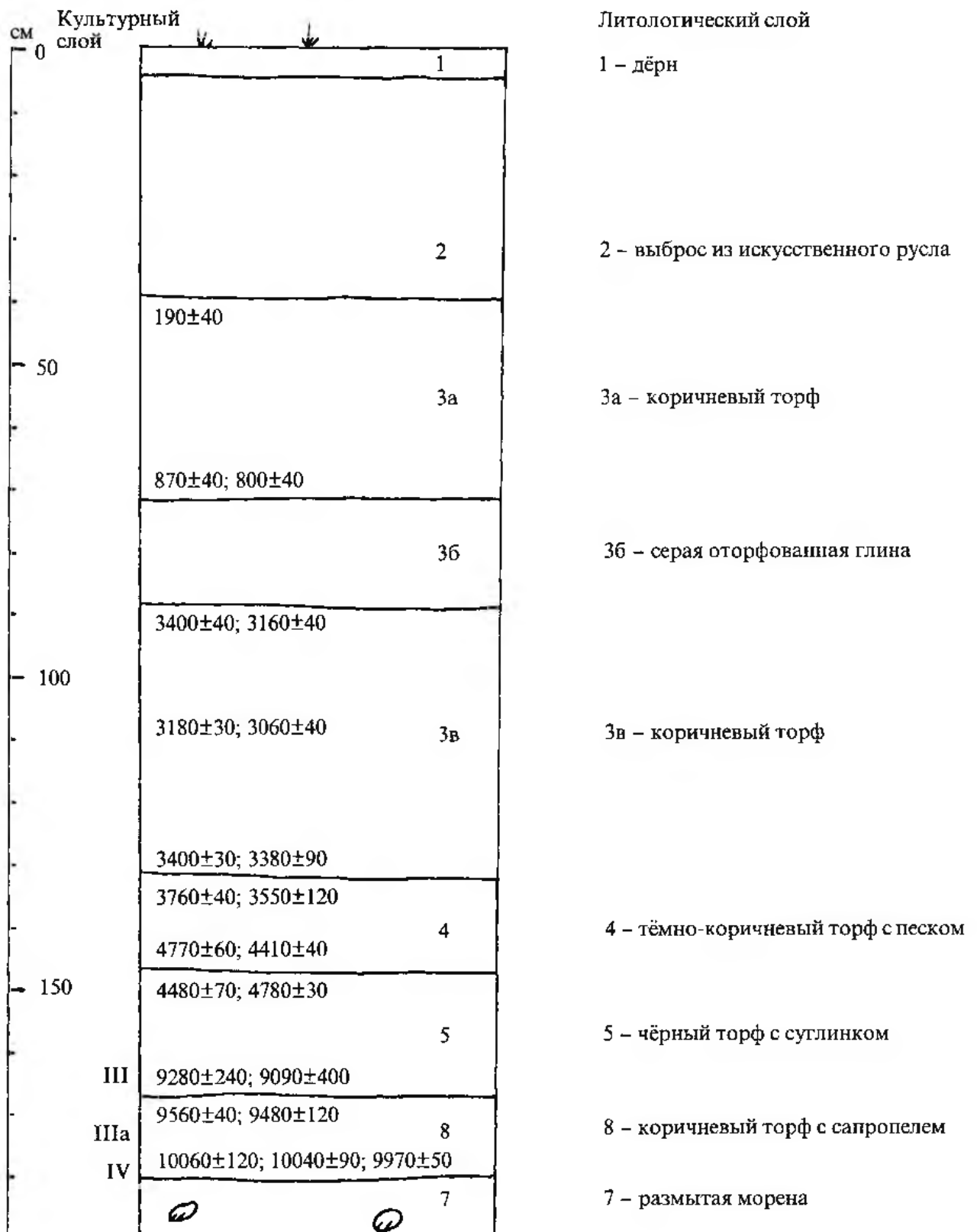

Рис. 6. Поселение Становое 4. Раскоп 3, южная стенка, кв. 160. Разрез 5 для спорово-пыльцевого и радиоуглеродного анализов

9280±120 (ГИН-10122 I) и 9090±400 (ГИН±10124 I) л.н. На остальной площади он связан со всей толщей этого слоя. Насыщенность находками высокая, встречены кости млекопитающих, птиц и рыб, многочисленные отщепы, пластины, нуклеусы, каменные, костяные, роговые и единичные деревянные изделия начала среднего этапа бутовской культуры. Из этого слоя были забиты берёзовые и сосновые колы, заточенные

каменными топорами и тѣслами. Особенно много их было в древнем русле Лахости в центральной части раскопа. Вероятно, это остатки неоднократно ремонтировавшихся рыболовных сооружений типа заколов. Один из этих колов получил радиоуглеродную дату 9220 ± 60 (ГИН-8375) л.н., которая определяет основное время освоения участка этого поселения. Кость лося из слоя 5 в западной части раскопа получила дату 8850 ± 90 (ГИН-11093а) л.н., определяющую верхнюю границу этого слоя на данном участке.

Культурный слой IIIa встречен только в западной части раскопа, где он залегает на границе слоёв 6 и 8, а несколько ниже по склону, где слой 6 отсутствует, – в самом верху слоя 8. На разрезе 5 место этого слоя – в верхней части слоя 8, но не в самом его верху (рис. 6). Мощность слоя очень мала – 1-3 см. Перекрывающие его отложения датированы 9560 ± 40 (ГИН-10125 II) и 9480 ± 120 (ГИН-10125 I) л.н. Находки представлены костями лося, отщепами кремня, каменными и костяными орудиями иеневской культуры (см. статью В.А. Аверина в настоящем сборнике), среди которых особо следует отметить высокую слегка асимметричную трапецию. Наиболее интересна в этом слое находка остатков верши, сплетённой из продольно расщеплённых ивовых прутьев, переплетённых такими же прутьями через 5-8 см. Рядом лежала плоская плитка известняка с чёткими следами обмотки – вероятно, грузило от этой верши. На сегодняшний момент это древнейшая из известных рыболовных ловушек. В этом слое найден заточенный каменным теслом кол, лежавший почти горизонтально в западной части раскопа, его радиоуглеродная дата 9620 ± 60 (ГИН-8377) л.н. определяет время существования этой очень кратковременной стоянки.

Нижний (IV) культурный слой залегает в самом низу слоя 8 в центральной части раскопа, где мощность этого слоя максимальна. От материка – размытой морены – культурный слой отделён очень тонкой прослойкой слоя 8 мощностью 0,5-1 см. Вмещающие нижний культурный слой отложения в этой части раскопа датированы 10060 ± 120 (ГИН-10127 I), 10040 ± 90 (ГИН-10027 II), 9970 ± 50 (ГИН-10026 I), 9940 ± 50 (ГИН-10026 II) л.н. Образец из нижней части слоя 8 в разрезе 3 в 7 м к северу и выше по склону, соответствующий средней части этого слоя в разрезе 5, датирован 9850 ± 60 (ГИН-8379) и 9760 ± 150 (ГИН-8379а) гуминовая вытяжка из того же образца) л.н. На остальной площади находки встречены в линзах слоя 9, а там, где он отсутствует, они лежат непосредственно на размытой морене, перекрытые слоем 8. К этому слою относятся несколько колов плохой сохранности, вбитых в материк в центральной части раскопа, вероятно, являющихся остатками рыболовных сооружений. Представлены кости лося, бобра, бурого медведя, выхухоли и домашней собаки, птиц и рыб, каменные орудия и отходы их производства, изделия из кости и рога. Следует отметить черешковый постсвидерский наконечник стрелы на пластине; серию костяных узких плоских наконечников стрел с пазами, в двух сохранились вкладыши – микропластинки, отжатые с призматических и клиновидных нуклеусов; лезвие сланцевого топора с пришлифовкой и оббитые заготовки сланцевых рубящих орудий; роговые вставки тѣсел и муфты для их закрепления. Такой инвентарь позволяет уверенно отнести этот слой к раннему этапу бутовской культуры. Это пока древнейший из датированных её памятников.

Нетрудно заметить соответствие литологических и культурных слоёв в раскопах 2 и 3. Вместе с тем, несмотря на единую стратиграфическую картину, отчётливо проступает специфика каждого участка. Для выявления границ памятника и реконструкции его древнего окружения была поставлена серия шурфов, зачисток и буровых скважин. В результате установлено, что к западу от раскопа 1 на ровной площадке мыса под выбросом из канавы прямо на морене залегает однородный чёрный суглинок мощностью до 30 см, содержащий в смешанном виде находки, характерные для мезолитического слоя, прослеженного в раскопе 1, и сетчатую керамику эпохи бронзы. К северу от раскопа 2 шурф вскрыл под выбросом из искусственного русла слой коричневого торфа, а под ним – светло-серый песок с линзами торфа, мелкой галькой и лесным опадом – аллювий мощностью до 0,5 м, лежащий на серой глине – озёрном дне. В самом низу слоя аллювия, на глине встречены кости, отщепы кремня и кварца из того же сырья, что и в мезолитическом слое раскопа 1. Аналогичные стратиграфию и находки дал шурф, заложенный в 10 м к юго-западу от раскопа 2, только вместо глины в этом шурфе материком являлась морена. Серия зачисток края спрямлённого русла р. Лахость показала, что ниже раскопов 2 и 3 оно прорезало край мыса коренного берега Лахости, сложенный мореной, а выше – глинистые и песчаные отложения ледникового озера, подстилающие торфяник. К югу от раскопа 3 наблюдается небольшое осушенное болото, лишённое древесной растительности. Его шурфовка и бурение показали, что под слоем торфа находятся оторфованные серые пески и сапропели мощностью более 1 м – озёрные отложения. В шурфе в 10 м к югу от раскопа 3 под слоем коричневого торфа в верхней части серых оторфованных песков и сапропелей встречен шлейф мезолитического слоя, вероятно, III, мощностью 10 см, в котором найдены кости животных, отщепы и кремнёвая пластина.

Полученные данные позволяют установить планиграфию памятника и наметить историю его заселения. Поселение располагалось в древности на очень удобном для охотников и рыболовов месте – на мысу у протоки, соединявшей узкий мелководный залив большого озера с маленьким озерком, из которого брала начало древняя Лахость (рис. 7). Поднятие глинистой морены с крупными валунами у устья этой протоки, прослеженное в раскопе 3 в 2000 г., создавало подпор, в силу чего течение в протоке было очень медленным. Это место было благоприятно для лова рыбы с использованием заколов и ловушек, остатки которых зафиксированы в нижних слоях раскопа 3. Древнейшее поселение раннего этапа бутовской культуры возникает на низкой стрелке мыса около 10000 лет назад во время кратковременной регрессии. Начавшаяся около 9900-9800 л.н. трансгрессия привела к затоплению этого места. Во время следующей кратковременной регрессии, когда поверхность отложившегося сапропеля обсохла, на этом же месте возникает кратковременная стоянка иеневской культуры (около 9600 л.н.). Она была затоплена около 9560 л.н., в начале следу-

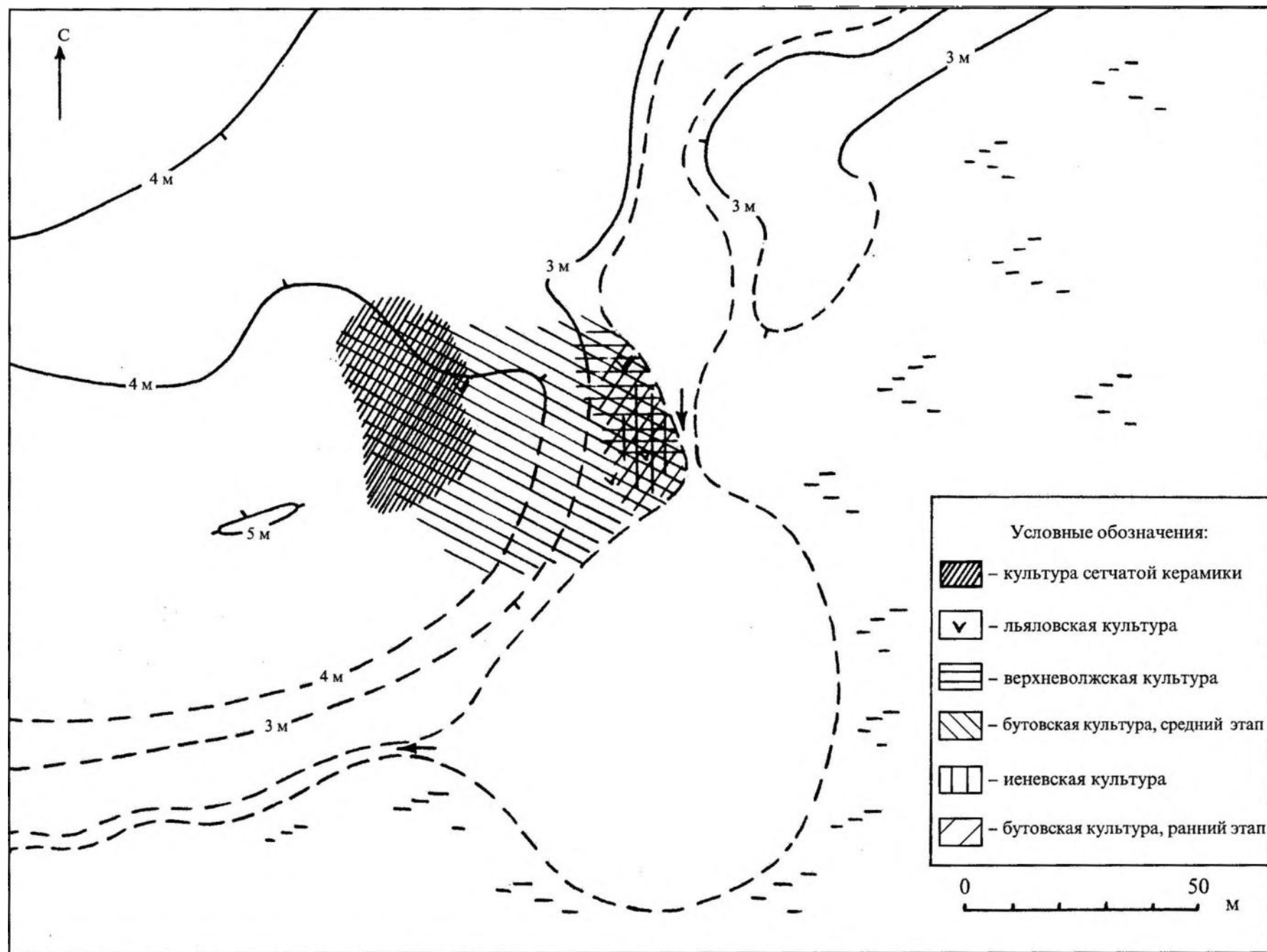

Рис. 7. Поселение Становое 4. Реконструкция заселения

ющей трансгрессии. Вновь стрелка мыса становится пригодной для заселения во время регрессии, наступившей около 9300 л.н. и продолжавшейся сравнительно долго. За это время на месте раскопа 3 накопился культурный слой III. Начавшееся повышение уровня озера вынудило людей постепенно переместиться на более высокие участки. Так начал формироваться около 8800 л.н. тот же III культурный слой севернее, на месте раскопа 2. Во второй половине бореального периода поселение располагалось на склоне и площадке мыса к западу от раскопов 2 и 3, его культурный слой выявлен в раскопе 1. Слои финального мезолита на данном памятнике не представлены. Возможно, в результате глубокой регрессии, прослеживающейся в это время в Волго-Окском междуречье [6], кромка озера отодвинулась, и это место стало неудобным для заселения. Новое поселение возникает в северной части низкого мыса на берегу протоки в начальный период следующей трансгрессии – около 7000 л.н. В это время отложился слой самого начала верхневолжской культуры, выявленный в раскопе 2. На протяжении неолита уровень воды в протоке оставался высоким, особенно в половодье, что привело к размыву более древних слоёв и формированию берегового вала на стрелке мыса на её правом берегу. Вероятно, в это время мыс также был неудобен для заселения, хотя наличие отдельных находок, связанных с льяловской культурой, во всех трёх раскопах говорит об эпизодическом его посещении в среднем неолите. Следов посещения мыса в волосовское время не отмечено. Последний раз поселение Становое 4 заселяется в эпоху бронзы, в начале озёрной трансгрессии, которую отмечает слой 3б в раскопах 2 и 3. Уровень воды в это время был наиболее высоким за всю историю существования памятника, что определило расположение поселения с сетчатой керамикой на площадке мыса. Судя по перемытому слою 7 раскопа 1, береговая линия этого времени проходила у края этого поселения.

Проведённое исследование показало, что наиболее удобные для закольного рыболовства места заселялись в Верхнем Поволжье неоднократно с самого начала мезолита. В раннем мезолите плотность населения в Волго-Окском междуречье была крайне низкой, а подвижность – высокой. В это время территориальные границы групп населения разных культур ещё не сложились, что отчётливо проявляется в заселении Станового 4 первоначально населением бутовской культуры, затем, примерно через 400 лет, – группой носителей иеневской культуры, а потом, примерно через 300 лет, – снова населением бутовской культуры. На протяжении этого времени носители обеих культур сосуществовали чересполосно в пределах одного и того же региона. Об эфемерности их контактов в пребореальном периоде говорит единичность изделий, сочетающих традиции обработки кремня обеих культур, например иеневские наконечники стрел с плоской ретушью на насаде. В дальнейшем, по мере роста численности населения бутовской культуры и освоения её носителями всего Волго-Окского междуречья, вероятно, происходит ассимиляция населения иеневской культуры. На это указывают материалы наиболее поздних иеневских памятников [7], где, с одной стороны, утрачиваются многие черты этой культуры, а с другой, – отчётливо проступают характерные для бутовской культуры признаки в морфологии каменных орудий и технологии обработки кремня [8]. Вместе с тем нельзя отрицать и возможности механического смешения разнокультурных материалов, поскольку известные в настоящее время подобные памятники расположены на песчаных грунтах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешинская А.С.* Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2001.
2. *Жилин М.Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
3. *Zhilin Mickle G.* Technology of the Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // *European Journal of Archaeology*: 1998:1:2.
4. *Жилин М.Г.* Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103).
5. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
6. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
7. *Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А.* О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.G. Zhilin

**STRATIGRAPHY AND PLANOGRAPHY OF THE MULTI-LAYER SITE STANOVOYE 4
IN THE UPPER VOLGA RIVER BASIN**

Summary

The multi-layer peat-bog site Stanovoye 4 is situated in Komsomolsky Area of Ivanovo Region and occupies a cape of fundamental bank with an adjacent pit-bog near the source of the Lahost River coming out of Podozersky peat-bog.

The site was discovered by the author in 1992. It was excavated in 1993-2000 at 3 excavation areas which made a total of about 400 sq. m. The stratigraphy of the areas is analyzed in the presented article. The obtained data give an opportunity to reconstruct the history of the site from the Early Mesolithic to the Late Bronze Age.

The first settlement of early Butovo culture was founded there about 10000 years ago. It was situated on the low cape of a bank of a spring which connected a narrow lake creek with a small lake where the Lahost River comes from. About 9900 years ago the settlement was submerged. The next short-term occupation of the site by people of early Ienevo culture occurred about 9600 years ago, then nearly 9560 years ago that settlement was submerged too.

The site on the spit of the cape was inhabited for the third time about 9300 years ago by the bearers of the middle stage of the Butovo culture. Nearly 8800 years ago the site gradually moved to the North and to the West because of the rise of the water level in the lake. Deep regression in the Late Mesolithic made that place unsuitable for dwelling, so a new site of the early Upper Volga culture occupied the northern part of the low cape in the Early Neolithic about 7000 years ago. In the Middle Neolithic the place was rarely visited by the bearers of Lyalovo culture. The site was deserted in the Late Neolithic. The place was inhabited for the last time by the bearers of cord ware in the Late Bronze Age in the period of the largest transgression of the paleolake.

---

* The research is done under support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation, grant № 01-01-18005e.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Н.Е. Зарецкая, О.Н. Успенская, М.Г. Жилин

ВОЗРАСТ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОТЛОЖЕНИЙ ДВУХ РАЗРЕЗОВ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ СТАНОВОЕ 4 (Ивановская область)¹

В 1997 году на памятнике Ивановское 7 были инициированы радиоуглеродные исследования многослойных торфяниковых поселений мезолита и неолита [1;2]. В результате детального отбора образцов органического материала разного генезиса (торфа, сапропелей, древесины, костей и пр.) с разных стратиграфических уровней и в разных точках раскопа и последующего их радиоуглеродного датирования удалось разработать хронологию развития поселения, определить возраст культурных слоёв, а также получить новые данные о начале раннемезолитического заселения Ивановского 7 [2]. Кроме того, именно радиоуглеродное датирование вмещающих культурные слои торфа и сапропелей позволили разобраться в условиях осадко-накопления на разных участках поселения. Перспективы получения новых данных и возможность детализации хронологии способствовали продолжению подобных исследований на многослойном поселении Становое 4, расположенном в Подозерском торфянике в Ивановской области, где для датирования были отобраны образцы из двух разрезов: 4 и 5 (образцы из разрезов 1-3 отобраны ранее только на палинологический анализ). Породой, вмещающей культурные слои поселения в местах разрезов 4 и 5, считался торф, в нижней части разрезов выделялись также два прослоя сапропелей.

На поселении Становое 4 М.Г. Жилиным выделено 5 культурных слоёв. Нижний, IV, культурный слой относится к раннему этапу бутовской мезолитической культуры и является самым древним датированным раннемезолитическим слоем во всём Волго-Окском междуречье. Культурный слой IIIa относится к иеневской мезолитической культуре и встречается только в южной части поселения. Слой III относится к среднему этапу бутовской мезолитической культуры, и слой II – к верхневолжской раннеэнеолитической культуре, её раннему этапу [3; 4]. Слой I с находками льяловской и поздняяковской культур представлен в разрезе 1, в раскопах 2 и 3 встречены отдельные находки этого времени.

Методы исследований

Основным методом, применявшимся в работе, был радиоуглеродный анализ. Отбор образцов на датирование производился в 1998 и 1999 гг., во время раскопок поселения. М.Г. Жилиным было заложено два раскопа по обе стороны современного русла р. Лахость, представляющего собой дренажную канаву (рис. 1; план поселения см. в статье М.Г. Жилина в настоящем сборнике), и из каждого раскопа была отобрана полная колонка образцов по разрезу озёрно-болотных отложений. Образцы вмещающих пород отбирались послойно с площадок размером 0,5 кв. м у границ каждого из литологических и культурных слоёв (рис. 2, 3) для получения дробной хронологии. Также отбирались отдельные образцы древесины (обработанной и необработанной) и костей из разных мест раскопов с чёткой привязкой их к стратиграфическим уровням и культурным слоям (см. легенду к разрезам). Всего было отобрано 26 образцов.

Обработка и определение возраста образцов проводилась в лаборатории Геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. К разным материалам применялись разные методики, используемые в этой лаборатории и детально описанные в статье Н.Е. Зарецкой с соавторами [2]. Коротко следует отметить, что по образцам вмещающих пород получали две даты по последовательным щелочным вытяжкам, образцы древесины датировались по очищенной клетчатке, костные остатки – по очищенному коллагену. В результате по всем образцам получено 50 радиоуглеродных дат, из них 44 – по вмещающим культурные слои отложениям.

Для исследований вещественного состава датированных образцов торфа и сапропелей и выявления возможностей влияния растений-торфообразователей на радиоуглеродный возраст О.Н. Успенская провела ботанический и комплексный биологический анализы всех датированных образцов органических отложений Станового 4. В результате в каждом образце были идентифицированы различные виды растений и определено их процентное содержание, а также процентное содержание минеральной части (песчаной и глинистой фракций) по соотношению с органической [5].

¹ Это исследование проводилось при поддержке РФФИ, грант № 99-05-64954.

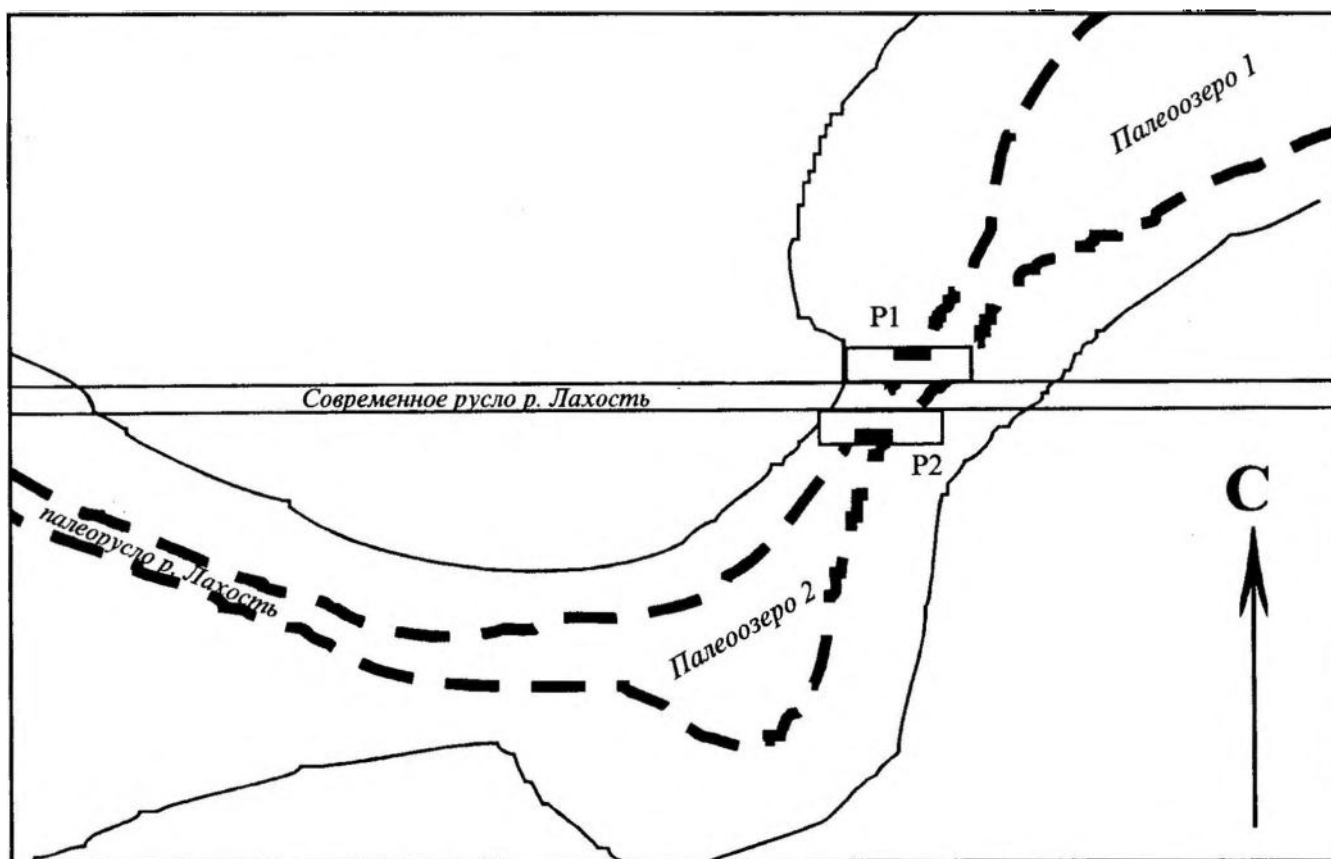

Рис. 1. Схема раскопов (P) на многослойном поселении Становое 4 (1998–1999 гг.)

Количественное соотношение болотных, водно-болотных и чисто водных видов показало, что:

1. Материал, ранее определявшийся как торф, является сапропелем.
  2. Материал, ранее идентифицировавшийся с сапропелем, является органогенным илом.
- То есть, накопление отложений, вмещающих культурные слои памятника Становое 4, по исследованным разрезам, происходило под водой, на большей (ил, более 3 м) или меньшей (сапропель, менее 3 м) глубине. В этом случае сразу можно предложить два варианта накопления культурных слоёв:

1. Накопление слоя синхронно отложению ила/сапропеля: при этом формируется шлейф культурного слоя, в котором находки залегают на разных уровнях. Радиоуглеродные даты, полученные для этого слоя по вмещающим породам, будут датировать и сам слой. Этот вариант характерен для культурного слоя III.

2. Культурный слой перекрывается сапропелем/илом вскоре после его отложения, в условиях трансгрессии водоёма, на берегу которого жили люди. Находки залегают только в самом низу сапропеля/ила, на контакте с подстилающим слоем. В этом случае даты, полученные по вмещающим породам, будут фиксировать время окончания накопления культурного слоя и начала трансгрессии. Этот вариант характерен для культурных слоёв II, IIIа, IV.

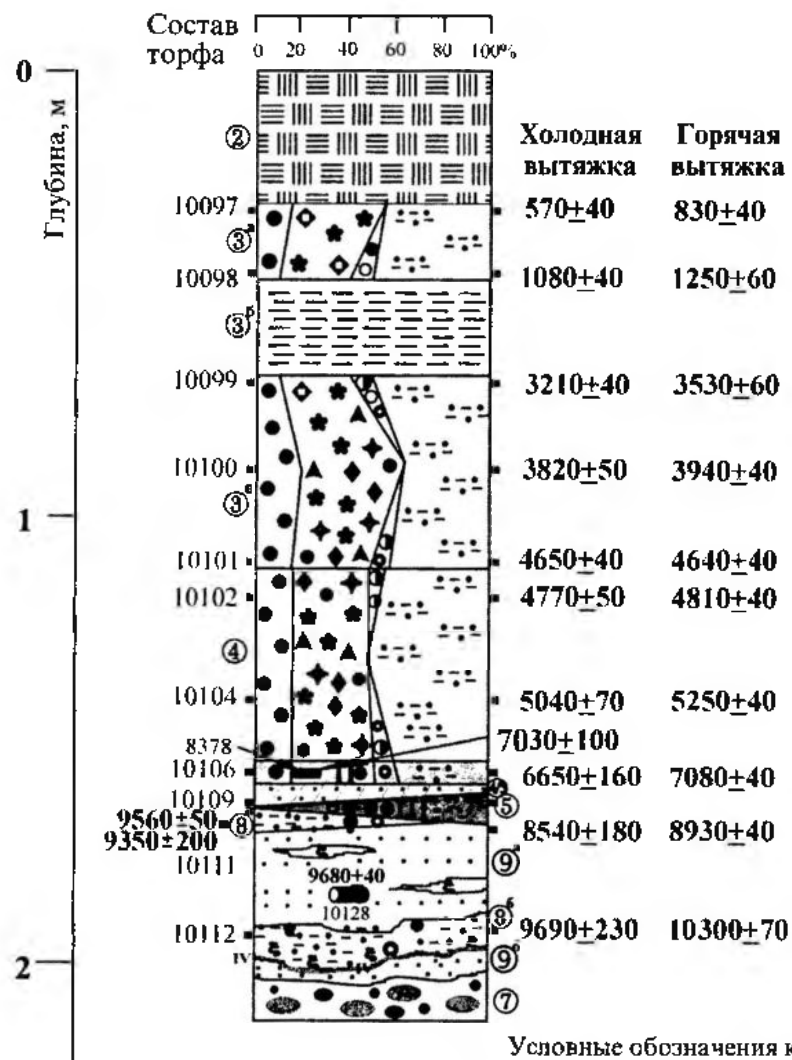
Следует отметить, что именно ботанический состав озёрно-болотных отложений является главным генетическим признаком и основной характеристикой торфа и сапропелей, все же остальные характеристики второстепенны [6; 7; 8]. Поэтому ранее существовавшие представления о генетических типах отложений разрезов 4 и 5, вмещающих культурные слои поселения Становое 4, следует считать ошибочными.

Результаты анализов

Результаты радиоуглеродного датирования (даты) и ботанического анализа (видовой состав растительных остатков в изученных образцах) представлены на рисунках 2 и 3 и снабжены легендой. Стратиграфия памятника приведена в статье М.Г. Жилина в настоящем сборнике.

Ниже даётся детальный анализ стратиграфии и возраста отложений, вмещающих культурные слои поселения Становое 4, в свете полученных новых данных. Поскольку стратиграфия памятника по разным разрезам отличается, что вызвано различиями в условиях осадконакопления, то рассматриваться они будут по отдельности.

Толща разреза 4 (рис. 2) начала откладываться на размытой морене (литологический слой (л.с.) 7) московского оледенения [9]. Морена перекрыта прослоем песка с линзами ила мощностью до 10 см (л.с. 9б), подстилающего толщу ила с песком (л.с. 8б), в нижней части которой на контакте с подстилающим песком и в верхней части последнего прослеживается культурный слой (к.с.) IV (бутовская культура, ранний этап). Возраст прослоя ила – от 10300 ± 70 до 9690 ± 230 лет назад (ГИН-10112 I и 10112 II). Выше по разрезу толща

Условные обозначения к разрезам 4 и 5 поселения Становое 4

- ил	- неолитический культурный слой и его номер
- глина	- мезолитический культурный слой и его номер
- песок	- литологический слой
- перебитый песок	9318 - номер анализа ГИН
- морена	7530±50 - радиоуглеродный возраст, лн
- отвал	3950±50 - омоложенный возраст, лн
- необработанная древесина	
- обработанная древесина	

Рис. 2. Становое 4, разрез 1(4)

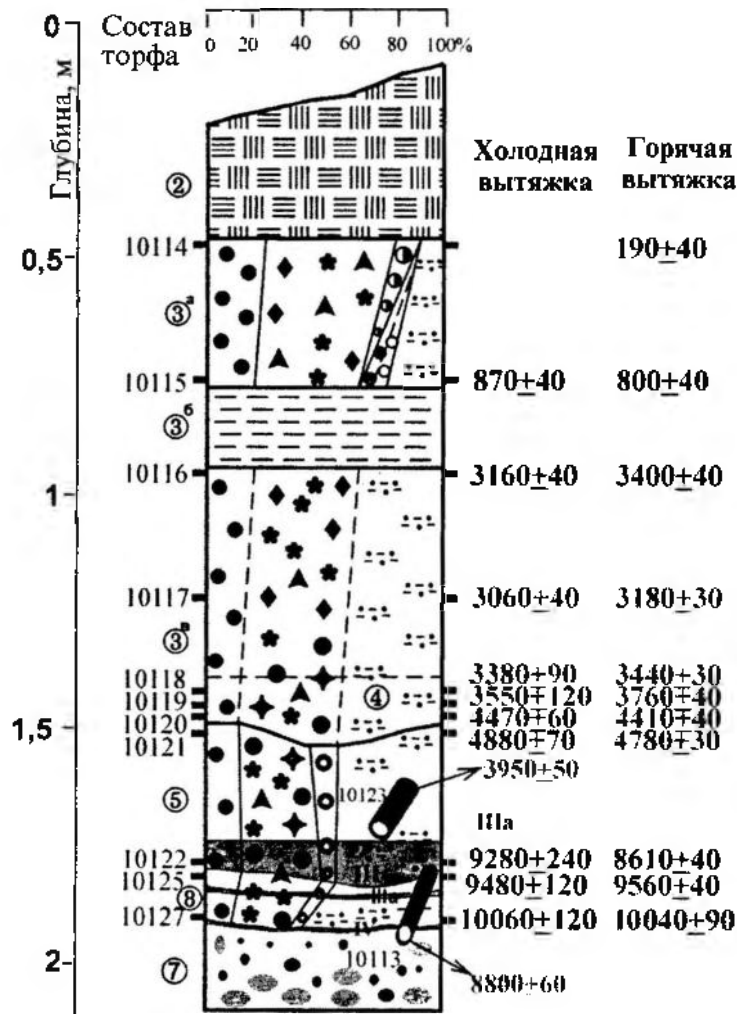

Рис. 3. Становое 4, разрез 2(5)

Вещественный состав "торфа"	Высшие растения	Водоросли
- аморфный детрит	- Salimagrostis	- сине-зелёные
- древесный детрит	- Carex sp (осоки)	- хлорококковые
- песок	- Menianthes (вахта)	- диатомовые
- глина	- Nymphaeaceae (кувшинки)	- золотистые
	- Phragmites (тростник)	- харовые
	- Typha (рогоз)	
	- травянистые неопределимые	

песков содержит линзы ила и образец древесины (ГИН-10128) возраста 9680 ± 40 л.н., вероятно, синхронный отложению песка. В самом верху этого слоя (л.с. 9а) встречена линза ила (л.с. 8а) возраста от 9560 ± 50 до 9350 ± 200 л.н. (ГИН-10111 I и 10111 II), подстилающая тёмный сапропель (л.с. 5) в восточной части раскопа. Таким образом, в конце плейстоцена – начале голоцена на участке разреза 4 существовала межозёрная протока, в которой течение периодически усиливалось (отложение песка) или ослабевало (отложение илов). Прослой сапропеля образовался на верхней пачке илов с перерывом в 400 лет (л.с. 5) и содержит культурный слой III (бутовская культура, средний этап); возраст прослоя – 8930 ± 40 – 8540 ± 180 л.н. (ГИН-10110 I и 10110 II). В дальнейшем откладывался ожелезненный песок без ила (л.с. 4/5), содержащий переотложенный из культурного слоя III материал (рис. 2). Перемыв и отложение песка длились около 1500 лет, после чего накапливались сапропели на небольшой глубине в прибрежной зоне палеоозера. Самая ранняя дата для подошвы толщи сапропеля – 7080 ± 40 (ГИН-10106 II) л.н. В нижней части этой толщи прослеживается культурный слой II (верхневолжская культура).

Далее вверх по разрезу наблюдается довольно стабильное накопление сапропелей, для которых характерно весьма высокое содержание песка и глины (30-50%). Вариации в ботаническом составе фиксируют более глубоководные (маркируются присутствием хлорококковых и сине-зелёных водорослей и нимфейных) и более мелководные (маркируются преобладанием травянистых растений и отсутствием водорослей) условия осадконакопления. Далее, около 5000 л.н. (ГИН-10104), происходит отступление воды или локальное осушение территории поселения, так как в датированном образце нет водорослей и увеличивается содержание минеральной составляющей. На этом уровне встречен двусторонне обработанный наконечник стрелы. В дальнейшем периоды увлажнения (4800 - 4600 и 3500 - 3200 л.н., даты – ГИН-10102, 10101 и 10099) чередуются с периодами низкого стояния воды в озере (3900 - 3800 л.н., ГИН-10100). В период с 3210 ± 40 (ГИН-10099 I) по 1250 ± 60 (ГИН-10098 II) радиоуглеродных лет назад накопление сапропеля прерывается и откладывается толща тяжёлых серых глин неизвестного генезиса. По окончании формирования этой толщи уже в более мелководной обстановке (глубина до 1 м) накапливается торфянистый сапропель. Самая поздняя дата по автохтонным отложениям разреза – 570 ± 40 л.н. (ГИН-10097 I), выше они перекрыты отвалом торфоразработок. Последовательность дат по этому разрезу снизу вверх нормальная, инверсий и невалидных дат нет совсем, что говорит об отсутствии переотложения и о спокойном и последовательном накоплении отложений.

Разрез 5 (рис. 3) находится в южной части поселения, на правом берегу современной Лахости. В основании разреза залегает размытая морена (л.с. 7), на которой 10060 ± 120 л.н. (ГИН-10127 I) начала формироваться органогенная толща. В подошве этих отложений (сапропель, л.с. 8) прослеживается культурный слой IV (бутовская культура, ранний этап). В верхней части л.с. 8, но не в самом верху, располагается культурный слой IIIa (иеневская культура). Возраст самого верха слоя 8, перекрывающего литологический слой IIIa, полученный по образцу сапропеля, составляет 9560 ± 40 – 9480 ± 120 л.н. (ГИН-10125 I и 10125 II). Следующий литологический слой 5 лежит с небольшим перерывом, дата, полученная по его подошве, – 9280 ± 240 л.н. (ГИН-10122 I). В нижней части этого слоя находится культурный слой III (бутовская культура, средний этап). Следует отметить, что в образцах ГИН-10127, 10125 и 10122 содержатся хлорококковые водоросли, а также остатки рогоза, и в них высоко содержание песка и глины, что свидетельствует о прибрежной обстановке накопления сапропеля при глубине 1-3 метра. Проточный характер и небольшая глубина водоёма подтверждаются раковинами беззубки, залегающими на уровне образца 10125. Однако при глубине более 1,5 м на месте разреза 5 вся площадка в южной части поселения затапливалась. Вероятно, заселение здесь возможно было только в межень или зимой.

Дальнейшее накопление осадков на поселении происходило под воздействием праЛахости, так как разрез располагался в её русле, ныне заполненном торфянистыми отложениями, что хорошо заметно по прогибу слоя 5 в центре разреза. Это подтверждается полученными радиоуглеродными датами. Например, по образцу древесины из литологического слоя 5 (возраст в разрезе 4 8900 - 8500 л.н.) получена дата 3950 ± 50 (ГИН-10123) лет назад. Даты по образцам ГИН-10121-10118 дают большой разброс в возрасте, несмотря на близкое стратиграфическое положение, и даже инверсии (ГИН-10117 и 10116). Деятельность праЛахости продолжалась вплоть до начала накопления толщи глин, которое датировано в разрезе 4 (ГИН-10099). Прекращение накопления глин в этом разрезе произошло 870 ± 40 л.н. (ГИН-10115 I), и далее откладывался торфянистый сапропель с низким содержанием минеральной составляющей, в котором присутствуют сине-зелёные, золотистые и диатомовые водоросли. Самая молодая дата из этого разреза – 190 ± 40 лет назад (ГИН-10114 II), далее органогенные отложения перекрыты отвалом торфоразработок.

Следует отметить обилие обломков веток и стволов, а также древесного детрита во всей толще обоих разрезов. По-видимому, эти древесные остатки были принесены ветровым волнением или течением и откладывались в прибрежной зоне. Радиоуглеродное датирование позволило решить и этот вопрос путём сравнения дат, полученных по вмещающим породам, с датами по чётким археологическим объектам – костяным и деревянным изделиям. «Сходимость» дат [10] показала, что возраст детрита синхронен возрасту осадков. Следовательно, исключается его удрежняющее влияние на возраст углерода образцов.

Горизонтальное залегание крупных фрагментов древесных стволов свидетельствует о спокойном характере отложения, даты таких образцов синхронны датам по вмещающим их породам (разрез 4, ГИН-10128). Наклонное и вертикальное залегание крупных кусков древесины говорит либо о приносе их бурным потоком во время паводков, либо о падении в воду росших по берегам деревьев, когда они пробивают уже накопившиеся слои [2]. При этом древесина оказывается на более древнем стратиграфическом уровне, и даты по ней (например, разрез 5, ГИН-10013 и 10123) существенно моложе дат по вмещающим породам. Такие образцы не следует брать на анализ.

Обсуждение результатов

Данные палеоботанического анализа, вкупе с радиоуглеродными датами, показывают, что заселение Станового 4 находилось в прямой зависимости от природных процессов. Так, в финале позднего дриаса (10300-10000 лет назад) трансгрессия озера 2 (рис. 1) привела к уходу людей с места поселения, площадка которого затапливается (илы в разрезе 4 и сапропели в разрезе 5 перекрывают к.с. IV). В это время на участке разреза 4 режим слаботекучей воды сменяется обстановкой стоячей воды; возможно, происходит подтопление русла протоки из-за трансгрессии и повышения базиса эрозии (песок с линзами ила сменяется илом, рис. 2).

Замещение ила песком (л.с. 8а на л.с. 9, рис. 2) говорит о смене водного режима на проточный около 9680 л.н., продолжавшейся до 9560 лет назад. Затем, 9560-9350 л.н. откладывался ил (рис. 2). Заселения нет. На юге на участке разреза 2 несколько ранее 9560 л.н. (рис. 3) возникла кратковременная стоянка, оставившая культурный слой IIIа. Заселение прекращается с началом отложения сапропелей, то есть трансгрессии озера 1 (рис. 1), которая и привела к отложению ила на севере (глубина больше 3 м, по данным биологического анализа) и сапропеля на юге (глубина меньше 3 м, по данным биологического анализа) участка.

Примерно с 9300 л.н. до 8500 л.н. в разрезе 5 идёт отложение шлейфа культурного слоя III. Люди же живут рядом, в более сухих условиях. Поскольку дата подошвы слоя в разрезе 5 – 9280±240 л.н. (ГИН-10122 I), а в разрезе 4 – 8930±40 л.н. (ГИН-10109 II), то можно предположить, что около 8900 лет назад было смещение поселения к северу. Даты по обработанной древесине из раскопа 2 уточняют, что это произошло около 8700 л.н. Приход реки после 8500 л.н. (отложение песка в разрезе 4, л.с. 4/5 и переотложение сапропелей в разрезе 5, верх л.с. 5, л.с. 4 и 3в) вызывает уход людей на незаливаемые участки (раскоп 1).

Далее по шкале времени в южной части поселения на участке разреза 5 люди не живут. Здесь проходит русло реки Лахость, идёт размыв и переотложение сапропелей, вплоть до примерно 3160 лет назад.

Из северной части поселения река, наоборот, уходит, и около 7030 лет назад возникает стоянка верхневожской культуры, и на песке откладывается культурный слой II (рис. 2). Этот слой вскоре был перекрыт сапропелем. Позже участок также не заселяется, идёт отложение сапропелей (трансгрессия озера 1), вплоть до примерно 3200 лет назад.

Отложение серых глин (примерно до 1000 л.н.) приводит к началу евтрофикации озера, и далее практически до наших дней идёт накопление уже торфянистого сапропеля, то есть условия становятся более сухими.

Изложенные выше результаты в краткой форме представлены в таблице 1.

Таблица 1. Природные события и фазы заселения поселения Становое 4

¹⁴ C лет назад	Разрез 4		Разрез 5	
	Режим озера	Заселение	Режим озера	Заселение
10300-10000	Протока между озёрами 1 и 2	Ранний этап бутовской культуры	Протока	Ранний этап бутовской культуры
10000-9700	Озеро, накопление ила	Нет	Озеро, накопление сапропеля	Нет
9700-9560	Протока между озёрами 1 и 2	Нет	Протока между озёрами 1 и 2, низкий уровень	Иеневская культура
9560-9350	Озеро, накопление ила	Нет	Озеро, накопление сапропеля	Нет
9350-8850	Перерыв в осадконакоплении	Нет информации	Прибрежный участок озера (накапливается шлейф слоя)	Средний этап бутовской культуры
8700-8500	Прибрежный участок озера (откладывается шлейф слоя)	Средний этап бутовской культуры	Подтопленный прибрежный участок озера	Нет
8500-7100	Протока между озёрами 1 и 2. Отложение песка	Нет	Протока между озёрами 1 и 2. Переотложение сапропеля	Нет
7100-7000	Берег озера	Верхневожская культура	Протока между озёрами 1 и 2. Переотложение сапропеля	Нет
7000-0	Озеро	Нет	Озеро	Нет

Выводы

1. Органогенные породы разрезов 4 и 5, вмещающие культурные слои поселения Становое 4, ранее определявшиеся как торф, по результатам ботанического анализа классифицируются как сапропели. Отложения, ранее идентифицировавшиеся с сапропелями, по результатам ботанического анализа определяются как илы.
2. Накопление шлейфа культурного слоя III происходило в прибрежных частях озера в его трансгрессивную фазу. Культурные слои II, IIIa и IV накапливались во время регрессий и были вскоре после подъёма воды в озере перекрыты сапропелем. Наиболее высокой была трансгрессия, полностью затопившая нижний культурный слой около 10000 лет назад.
3. В разрезах механизм накопления культурных слоёв и вмещающих их пород (синхронный или асинхронный) определяется радиоуглеродными датами. Дробное радиоуглеродное датирование вмещающих органогенных пород памятника Становое 4 позволило выявить последовательность и особенности их накопления и реконструировать палеоэкологическую историю заселения занятого им участка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулержицкий Л.Д., Зарецкая Н.Е., Жилин М.Г. Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
2. Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское VII // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
3. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
4. Жилин М.Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Исторический музей-энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Тр. ГИМ. Вып. 103).
5. Успенская О.Н. Изучение истории озер методом комплексного биологического анализа: Дис. ... канд. биол. наук. М., 1979.
6. Горемнов С.Н. Торфяные месторождения. М., 1976.
7. Кац Н.Я., Кац С.В., Скобелева Е.И. Атлас растительных остатков в торфах. М., 1977.
8. Боч М.С., Мазинг В.В. Экосистемы болот СССР. Л., 1979.
9. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
10. Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродные исследования торфяников и хронология событий голоцена Южной Камчатки и Волго-Окского междуречья: Дис. ... канд. геол.-мин. наук. М., 2001.

*Геологический институт РАН,
Москва
Производственное геологическое
объединение «Торфгеология»,
пос. Верея, Московская область
Институт археологии РАН,
Москва*

N.E. Zaretskaya, O.N. Uspenskaya, M.G. Zhilin

THE AGE AND GENETIC TYPES OF THE LAYERS OF TWO CUTS OF THE MULTI-LAYER SITE STANOVOYE 4 (Ivanovo Region)*

Summary

The article performs the detailed radiocarbon dating of the organic deposits enclosing cultural layers of multilayer the Mesolithic – the Neolithic site Stanovoye 4, which is located in the Ivanovo Region. The authors conduct the palaeobotanic analysis of all the dated samples and further describe peat was estimated as gyttja deposits. Thus the cultural layers of the site were deposited synchronously with gyttja as aprons or overlaid by gyttja after the population had left the site. The main mechanisms of cultural and stratigraphic layers' accumulation are estimated by radiocarbon dates. Finally the detailed Holocene history of the site habitation and palaeoecology has been reconstructed being based on the new radiocarbon and palaeobotanic data.

* The research is done under support of The Russian Foundation for Fundamental Studies, grant 99-05-64954.

*Geological Institute,
Russian Academy of Sciences
7, Pyzhevsky Lane, Moscow,
109017, Russia*

*The Industrial Geological Union "Torfgeologiya",
Vereya, Moscow Region, Russia*

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.А. Аверин

ИЕНЕВСКИЙ СЛОЙ ТОРФЯНИКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ СТАНОВОЕ 4

Поселение Становое 4 было открыто в 1992 г. Верхневолжской археологической экспедицией ИА РАН под руководством М.Г. Жилина¹ [1, с. 225]. С 1993 г. началось его планомерное исследование. Памятник находится в 1,8 км к северу от д. Становое Комсомольского района Ивановской области. Он располагается на мысу древнего коренного правого берега р. Лахости (правый приток р. Которосли) при истоке её из залива древнего озера, существовавшего на месте Подозерского торфяника. В 40-е гг. XX века памятник был разрезан на две части в результате работ по спрямлению русла р. Лахости, которые проводились для осушения торфяника. Культурные слои оказались несколько повреждены мелиоративной канавой.

За семь полевых сезонов (в 1997 г. раскопки не проводились) тремя раскопами вскрыто 385 кв. м и выявлено пять культурных слоёв. Верхние два отложились в эпохи неолита и бронзы. Нижние три слоя – мезолитические. Культурные слои III и IV содержат материал среднего и раннего этапов развития бутовской культуры соответственно. Культурный слой IIIa представлен находками иеневской культуры (подробнее см. статью М.Г. Жилина в настоящем сборнике).

Иеневский слой был выявлен в 1994 г. и прослежен только в западной части раскопа 3. По-видимому, раскопан лишь край поселения. Стратиграфия западной части раскопа 3 следующая:

- 1) дёрн – до 10 см;
- 2) выброс из дренированного русла р. Лахости – до 20 см;
- 3а) торф буро-коричневый – до 40 см;
- 3б) серый оторфованный суглинок – до 40 см;
- 3в) торф коричневый – до 50 см;
- 4) торф тёмно-коричневый опесчаненный, постепенно замешается слоем 4а, состоящим из аморфных линз чёрного торфа и песка, – до 80 см;
- 5) чёрный торф с примесью песка – до 20 см;
- 6) глина серая вязкая – до 10 см;
- 7) глина с валунами и гравием – морена – материк;
- 8) тёмно-коричневый, слегка зеленоватый, очень плотный оторфованный сапрпель или торф с примесью сапрпеля, залегает под слоем 6, а там, где последний отсутствует, – под слоем 5 – до 15 см.
- 9) слоистая серая оторфованная глина, залегающая под слоем 6; мощность до 12 см.

Иеневский слой лежит на контакте слоёв 6 и 8 в западной части раскопа. Литологически не выражен. Мощность его невелика: всего 1–3 см. Он залегает в чётких стратиграфических условиях и отделяется от других культурных горизонтов стерильными прослойками. По обработанному дереву этот слой датирован 9620 ± 60 (ГИН – 8377), 9620 ± 50 (ГИН – 8374), 9590 ± 40 (ГИН – 8376) лет назад (л.н.), а по пыльце – отнесён ко второй четверти пребореала [2, с. 14]. Впервые в Восточной Европе в этом слое встречены материалы иеневской культуры, сопровождающиеся органическими остатками (исключение составляет лишь находка костяного острья на стоянке Алтыново [3, с. 89]).

Основным сырьём для изготовления каменных орудий являлся пёстрый местный валунный кремль низкого качества. Кроме того, широко использовались кварц, сланец, песчаник, кварцит. Общее число каменных изделий невелико – всего 23 предмета. Тем не менее, они позволяют определить культурную принадлежность слоя.

Нуклеусы (рис. 1:1,2) представлены одним подпризматическим и двумя аморфными экземплярами от пластин и отщепов соответственно. Наряду с нуклеусами встречено 6 нуклевидных кусков. Их преобладание над нуклеусами, на наш взгляд, объясняется спецификой местной сырьевой базы [4].

Найдено 5 пластин неправильной огранки без вторичной обработки.

Изделия со вторичной обработкой также немногочисленны и включают следующие артефакты.

Скребки (рис. 1:3-5) представлены несколькими типами. Этот вид орудий преобладает над всеми остальными (5 экземпляров). Встречены концевые, аморфные, подокруглые и боковые орудия, обработанные круглой регушкой на спинке.

¹ Автор выражает благодарность М.Г. Жилину за предоставленную возможность работы с материалами и частичного их опубликования.

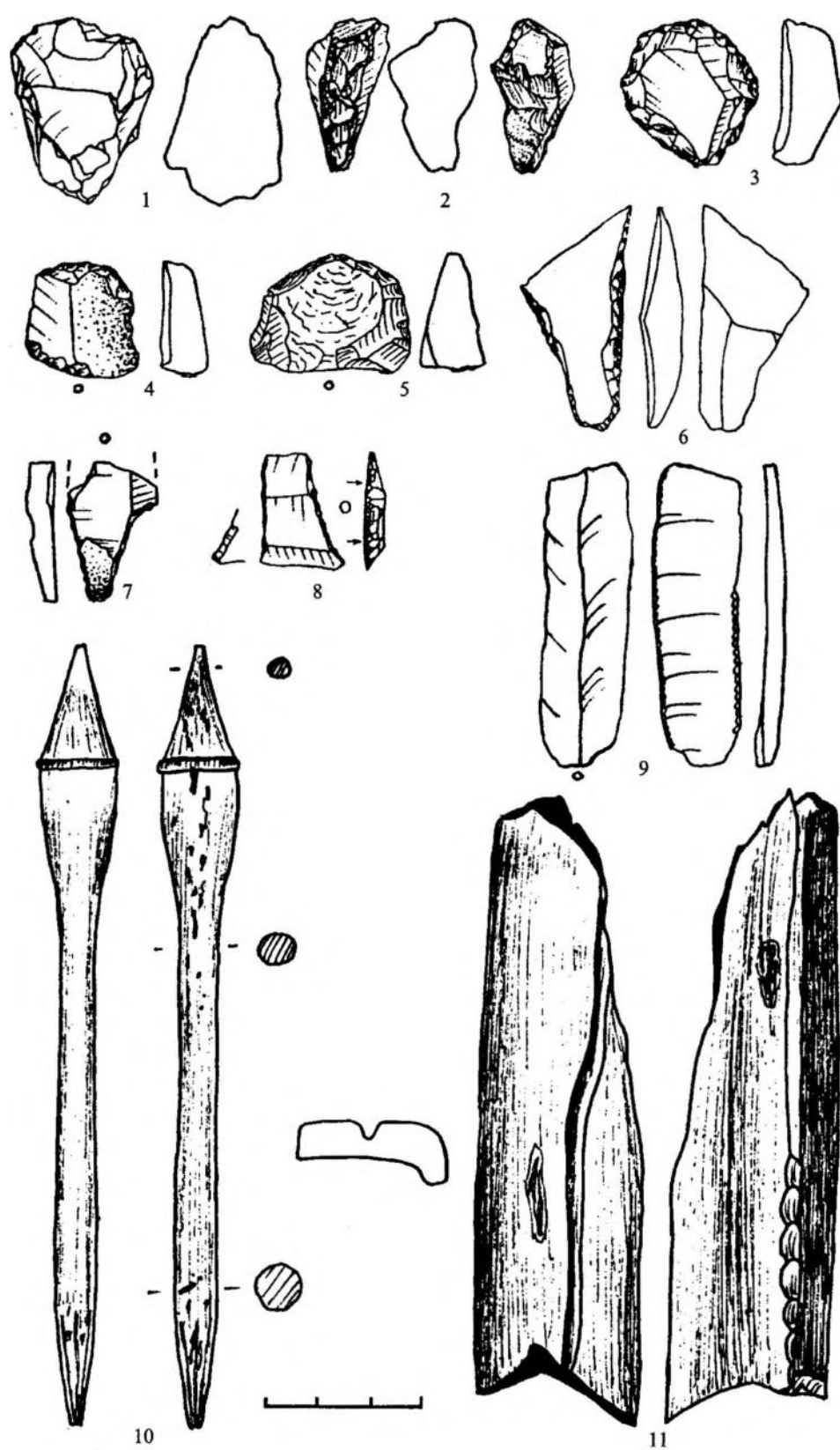

Рис 1. Поселение Становое 4. Иеневский слой. Инвентарь.
 1, 2 – нуклеусы; 3-5 – скребки; 6, 7 – косолезвийный наконечник стрелы и обломок подобного наконечника; 8 – трапеция; 9 – нож на пластине;
 10 – костяной биконический наконечник стрелы;
 11 – обломок кости с прорезанным пазом

Обнаружен кремнёвый нож на правильной пластине с регулярной мелкой приострающей ретушью на брюшке (рис. 1:9).

Однако наибольшую значимость из находок этого слоя имеют косолезвийный наконечник стрелы, изготовленный из кремнёвого осколка (рис. 1:6), обломок ещё одного подобного (рис. 1:7) и высокая асимметричная трапеция (рис. 1:8) из пластины, обработанная очень крутой ретушью. Эти вещи позволяют уверенно относить культурный слой Ша к иеневской культуре. Появление классической трапеции в столь раннее время особенно примечательно, так как, по мнению некоторых исследователей, подобные изделия характерны для более поздних этапов развития культуры [5, с. 95-96; 6, с. 104; 7, с. 115-116]. Также в слое было обнаружено около двух десятков отщепов и осколков кремня, других пород камня.

Костяной инвентарь представлен следующими предметами: лезвие костяного желобчатого долота (рис. 2:3), обломок ножа, изготовленного из лопатки лося, нож из осколка кости (рис. 2:1), массивный костяной наконечник стрелы, имеющий неправильно-биконическую головку с рельефным пояском в центральной части, а также остатки смолы на ограниченном насаде (рис. 1:10). Кроме того, был найден обрубленный отросток рога и обломки крупных костей животных с прорезанными с помощью резца широкими неровными пазами (рис. 1:11; 2:2). Необходимо отметить хорошую сохранность артефактов.

Отдельно следует сказать об изделиях из дерева, которые тоже неплохо сохранились. Так, были обнаружены остатки рыболовной ловушки – верши. Сохранился фрагмент нижней части, включающий внешний обод из ветки (вероятно, ивы) толщиной 1,5 см, от которого отходят под прямым углом длинные продольно расщеплённые ивовые прутья толщиной 5-8 см. Концы их заве-

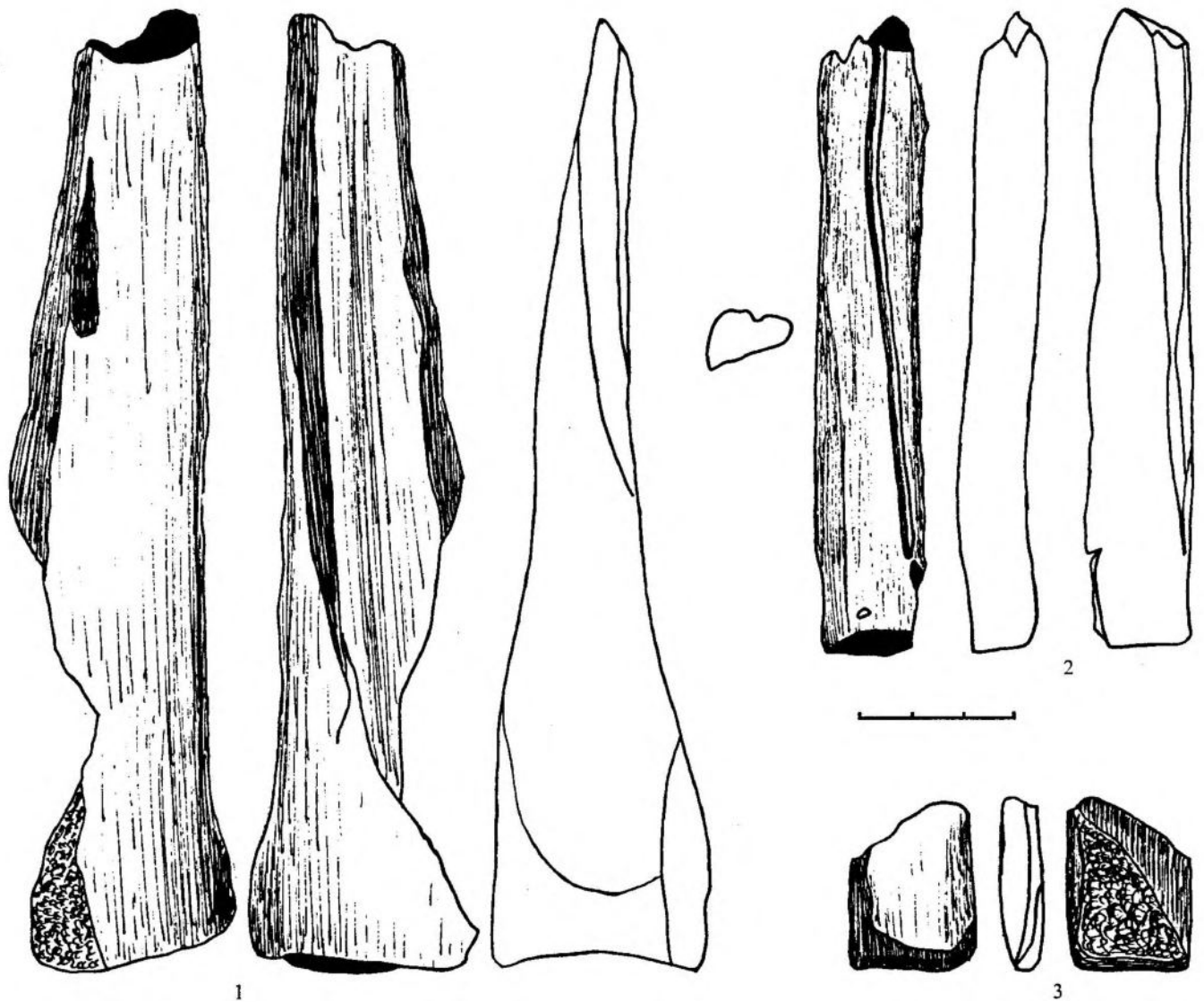

Рис. 2. Поселение Становое 4. Иеневский слой. Инвентарь:
 1 – нож из осколка кости; 2 – обломок кости с прорезанным пазом;
 3 – лезвие костяного желобчатого долота

дены за край внешнего обруча и загнуты. Перпендикулярно им и параллельно краю верши идут с интервалом в 7-8 см поперечные переплетения из таких же веток, пропущенных между продольными ветками. Основываясь на данных, полученных от А.В. Уткина, а также на собственных наблюдениях, М.Г. Жилин пишет, что подобные ловушки продолжают использоваться и в настоящее время, в частности в Ивановской и Нижегородской областях [8, с. 10]. Рядом с остатками верши обнаружено крупное грузило – плоский камень с чёткими следами поперечной обмотки из какого-то органического материала. Вероятно, эта находка связана с вершей. Подобные верши известны со второй половины бореала, т.е. со времени не позже 8500 лет назад [8, с. 10]. А так как иеневский слой поселения Становое 4 датируется временем 9620 лет назад, то, соответственно, данная верша является древнейшей из известных в настоящее время.

Среди животных, кости которых были обнаружены в слое, доминирует лось (по определению И.В. Кирилловой). Встречены единичные кости бобра и медведя (по определению Е.Л. Костылёвой)².

Материалы, полученные в результате раскопок поселения Становое 4, позволяют с достаточной долей уверенности сказать, что уже в первой половине пребореала иеневская культура была не только вполне сложившейся, о чём уже писали некоторые исследователи [9; 10], но и достаточно хорошо адаптировавшаяся к местным условиям существования.

Об охоте свидетельствуют остатки лесной фауны и разнообразные наконечники стрел. О развитом рыболовстве, которое раньше считалось нехарактерным для раннего мезолита, говорят остатки вышеупомя-

² Автор основывается на устных сообщениях И.В. Кирилловой и Е.Л. Костылёвой и, пользуясь случаем, выражает им искреннюю благодарность за проведённые определения.

нутой верши. Присутствие в культурном слое обломка лезвия костяного желобчатого долота свидетельствует о том, что у населения иеневской культуры были разнообразные рубящие орудия, позволяющие изготавливать различные изделия из дерева.

Тем не менее, раскопки памятника ещё не завершены, и новые материалы могут существенно дополнить наши представления об иеневской культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилин М.Г. Результаты разведки на Подозерском торфянике в 1992 году // Проблемы изучения и возрождения русской провинциальной культуры: Материалы конференции. Плес, 1993.
2. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.
3. Кольцов Л.В. Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. Вып. 131. 1972.
4. Аверин В.А., Жилин М.Г. Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии (НИКА). Н. Новгород, 2001.
5. Сорокин А.Н. О связях населения бутовской и иеневской культур // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
6. Крацов А.Е., Спиридонова Е.А. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
7. Зотько М.Р. Стоянка Озеренки 4 в контексте памятников иеневской и песочноровской культур // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. Жилин М.Г. Охранные раскопки многослойного поселения Становое 4 в Комсомольском районе Ивановской области в 1998 году // Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1998 году. Архив ИА РАН. Р-1.
9. Кольцов Л.В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
10. Крацов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х-1990-х годов) // Исторический музей-энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103).

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

V.A. Averin

THE LAYER OF IENEVO CULTURE ON THE PEAT-SITE STANOVOYE 4

Summary

This article reports about the cultural layer IIIa of the multi-layer peat-site Stanovoye 4, which contains the materials of Ienevo culture. The study of this archaeological monument began in 1992, but the IIIa layer was found only in 1996 in the 3rd test-pit. The layers thickness is not large, only 1-3 cm.

The cultural layer IIIa is of great interest, because it is the most ancient of all famous monuments found nowadays. It contains organic remnants (bones, horns, wood). The layer is found in clear stratigraphical conditions.

The amount of stone and bone artifacts is not large – 23 stone and about 10 bone things. The discovery of wooden fishing trap is of great interest.

The material makes it possible to assert that I.C. was well formed in the first half of the Preboreal. However the excavations of the settlement are not finished yet, and new material will show if the information which has been obtained is valid or not.

*The State University of Ivanovo
10-18, Sovetskaya St., Ivanovo,
153000, Russia*

А.Е. Кравцов, С.Б. Коннов

СТОЯНКА ЛАДЫЖИНО 3

(предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.)

Стоянка Ладыжино 3 (рис. 1: А, I) на левом берегу р. Оки близ д. Ладыжино Тарусского района Калужской области открыта А.С. Фроловым в 1971 г. и исследовалась им в 1976, 1977, 1979 гг. [1;2]¹. К моменту выявления культурные отложения были отчасти разрушены распахом, отчасти сохранялись под разреженным бором, окаймлявшим пашню полосой с севера и востока. На поле был собран подъёмный материал, в лесополосе заложены раскопы 1 и 2 площадью 15 и 18 кв. м, близ раскопа 1 – два шурфа по 1 кв. м каждый, по северной стенке этого раскопа на участке 1976 г. отобраны образцы для палинологического анализа. По мере пополнения материалы Ладыжино 3 публиковались [3–5]. К началу 1980-х гг. она вместе с соседними разрушенными стоянками Ладыжино 1 и 2 была отнесена к недавно выделенной [6] мезолитической иеневской культуре и вскоре приобрела значение «эталонного» памятника этой культуры в бассейне Верхней Оки. С сер. 1980-х гг. стоянка Ладыжино 3 фигурировала в большинстве культурно-хронологических разработок по волго-окскому мезолиту, хотя степень изученности памятника оставалась недостаточной.

Инструментальные обмеры его территории не производились. Геолого-геоморфологические условия нахождения культурных остатков нуждались в выяснении. Отсутствовали документированные сведения о границах распространения и распределении подъёмного материала, данные о границах распространения сохранившихся культурных отложений. Вскрытая площадь была незначительной, а исследование скопления культурных остатков, обнаруженного в раскопе 1, осталось незавершённым. Требовали проверки обосновывавшие раннебореальную датировку памятника [5] данные спорово-пыльцевого анализа, образцы для которого отбирались в зоне указанного скопления. Представлялась необходимой постановка вопроса о том, являются ли обнаруженные в Ладыжино 3 находки единым в хронологическом отношении комплексом.

В 1992 г. Е.А. Спиридонова провела повторное палинологическое изучение отложений Ладыжино 3 по образцам почвы, отобранным А.Е. Кравцовым из зачистки, врезанной в южную стенку раскопа 1 на участке 1976 г. (рис. 1: Б). По данным анализа, формирование отложений с находками, коррелирующими с выявленным ранее скоплением, было отнесено к климатическому оптимуму пребореального периода [7, с. 102].

В 1998 г. авторам стало известно, что на поле, занимавшем значительную часть стоянки, построены коттеджи. Вероятность распространения хозяйственной деятельности в облесённую зону с сохранившимися культурными отложениями послужила толчком к проведению охранных раскопок уже в 1999 г. Однако к этому времени почти вся территория Ладыжино 3 была передана владельцу одного из коттеджей в долгосрочную аренду и огорожена. Формальных препятствий к этому не существовало, поскольку стоянка, хотя и вошла в научный оборот (Археологическая карта России [8, с. 104]), не была поставлена на государственные учёт и охрану и, таким образом, юридическим статусом памятника археологии не обладала. Калужская Дирекция по охране памятников сведениями о ней не располагала. Не знали о существовании стоянки и владельцы коттеджей, тем не менее, предоставившие возможность проведения работ и размещения лагеря экспедиции на частных и арендованных землях².

Условия расположения Ладыжино 3 и соседних мезолитических стоянок Ладыжино 2 и 3А (последняя открыта в 2000 г.), характер территории памятников и современную ситуацию отражает публикуемый план (рис. 1: А).

Стоянка Ладыжино 3 занимает позицию у края площадки 26-28-метровой, очевидно, третьей [9, с. 34] надпойменной террасы Оки на высоте от 19 до 24 м, приурочена к открывающемуся на восток в пойму восьмиметровой высоты устью оврага и расположена на его южном мысу. В отчётах 1970-х гг. и в выпуске «Археологической карты России» площадь памятника не указана. В настоящее время она не может быть достоверно определена, поскольку поле, исключая грядки и клумбы на приусадебных участках, задерновано и подъёмный материал практически отсутствует. Обозначенные на плане (рис. 1: А) границы памятника приблизительны, нанесены на основании данных о характере отложений, количестве и распределении находок в шурфах и раскопах, распространении единичных кремней на поверхности, а также с учётом сведений

¹ Авторы выражают признательность А.С. Фролову, давшему согласие на продолжение начатых им исследований.

² Авторы сердечно благодарят С.А. Бессонова, Н.А. Кукушкину, А.В. Ломбардо, Е.Г. Корбченко и их семьи за радушие, терпение и неизменную помощь экспедиции.

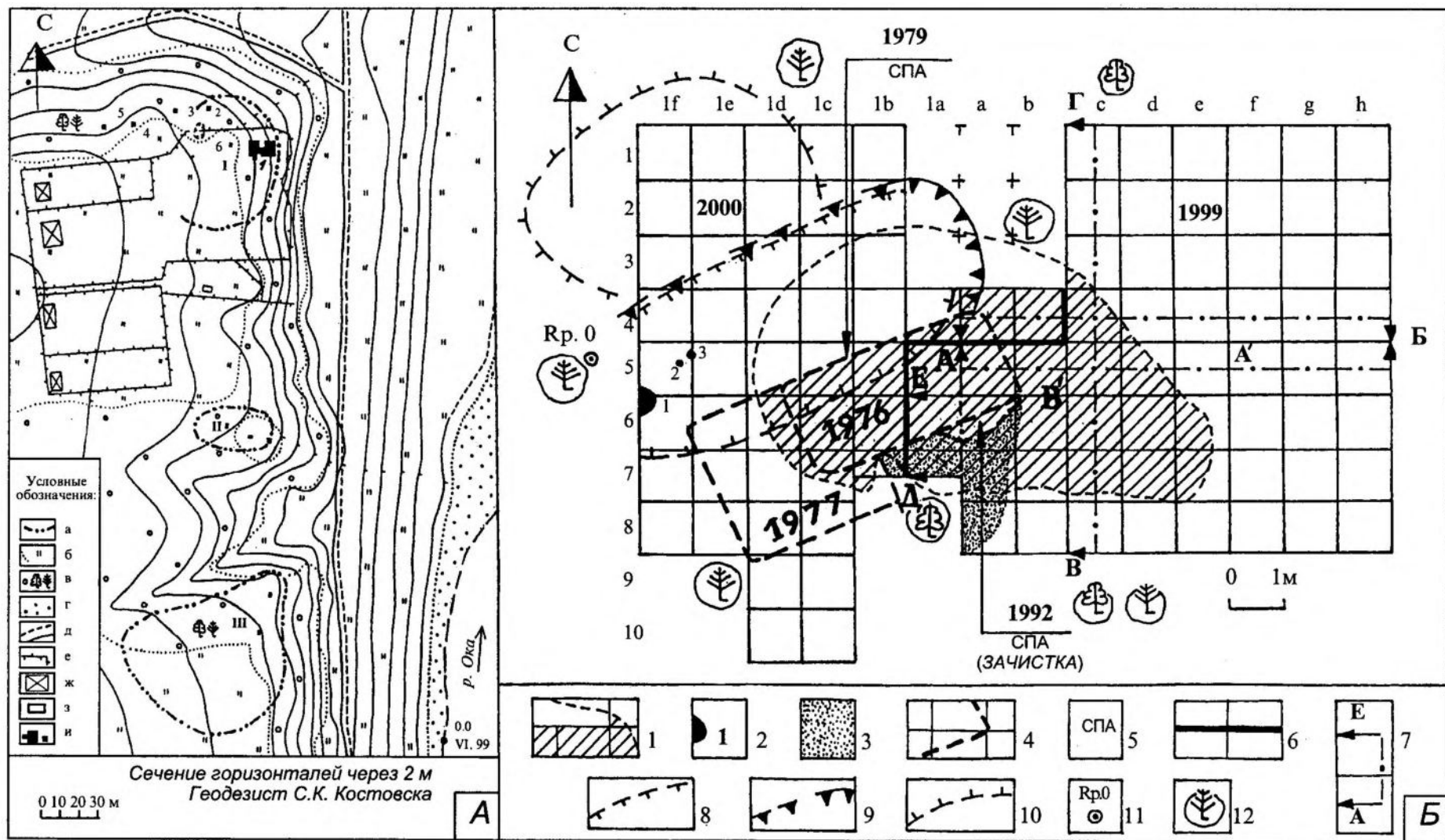

Рис. 1. Стоянки Ладыжино. А. Топографический план. I – Ладыжино 3; II – Ладыжино 3А; III – Ладыжино 2; I – раскоп 1; 2 – шурф 1; 3-5 – шурфы 2-4; 6 – западина предположительно на месте раскопа 2 1977 г.

Условные обозначения: а – границы памятников; б – луг; в – лес; г – пляж; д – дорога; е – изгороди; ж – коттеджи; з – вагончик; и – раскоп, шурфы.

Б. Стоянка Ладыжино 3. Схема раскопа 1. 1 – скопление изделий из камня: раскопанная часть (заштрихована) и предполагаемые границы; 2 – яма, №; 3 – белесоватое пятно; 4 – границы раскопов 1976-1977 гг., зачистки 1992 г.; 5 – места отбора образцов для спорово-пыльцевого анализа; 6 – граница между участками 1999 и 2000 гг.; 7 – линии разрезов и микропрофилей с обозначением зон выноски находок на микропрофиль; 8 – границы позднейшей ямы; 9 – ложбина на поверхности; 10 – насыпь; 11 – место репера "0"; 12 – деревья

о том, что в 1970-е гг. «... все находки были собраны на папине у окончания мыса на площади около 2000 м²» [4, с. 228]. Принимая во внимание отсутствие непереотложенного археологического материала в шурфах 2-4, разбитых в 2000 г. вдоль северного, овражного, склона мыса (рис. 1: А, 3-5), низкую насыщенность отложений находками в шурфе 1 2000 г. и раскопе 2 1977 г. (рис. 1: А, 2, 6), следует считать, что территория памятника охватывает, главным образом, центральную (ранее распахивавшуюся) и обращённые к реке облесённые восточную и северо-восточную части площадки мыса. Её протяжённость по линии С-Ю 60-80 м, 3-В – 50-70 м, площадь – приблизительно 3000-4000 кв. м. Поверхность плавно понижается на В и СВ – к реке и устью оврага.

Раскоп 1 1999-2000 гг. площадью 104 кв. м (рис. 1: Б) был заложен в восточной части стоянки с целью завершения раскопок скопления изделий из камня. Поскольку местоположение старого раскопа устанавливалось только приблизительно и точная прирезка к его границам не представлялась возможной, раскоп 1999-2000 гг. разбит таким образом, что исследованная ранее площадь (около 15,5 кв. м) перекрыта им практически полностью.

Нормальная (вне зон природных и связанных с позднейшей деятельностью человека нарушений) стратиграфия такова (нумерация слоёв – сверху вниз, мощность – в см) (рис. 2: А-А1):

1. Лесная подстилка – 1-3 см. 2а. Серо-бежевая слабогумусированная супесь – 2-12 см. 2. Бежевая, в юго-западной части раскопа чуть белесоватая (слабогумусированная) супесь – 12-30 см. 2б. Рыжевато-бежевая оглеенная супесь – 4-18 см. 3. Рыже- и рыжевато-бурый опесчаненный суглинок, залегавший вне участков контрольной прокопки до дна раскопа (глубина которого колебалась от 45 до 70 см), вскрывавшийся на 5-20 см. На более глубоких участках контрольной прокопки (на квадратах 1f-2,3; 1a-6,7; g, f-4) слой 3 прокапывался полностью, его мощность – от 15 до 35 см. 4. Рыжевато-бурый и бурый, более плотный и тёмный, чем в слое 3, суглинок, пройденный полностью только на одном из контрольных участков: на кв. 1f-2,3–38-52 см. 5. Серо-бурый опесчаненный суглинок, обнаруженный на том же участке и пройденный на 4-13 см до глубины 120 см от поверхности.

Границы между слоями 2а и 2, 2 и 2б, 3 и 4, 4 и 5 – нечёткие. Суммарная мощность супесчаной толщи (слои 2а, 2, 2б), в верхней части которой выделяется гумусовый горизонт (2а), а в нижней – горизонт оглеения (2б), составляет вне западин 30-40 см. Её граница с подстилающими суглинками (по контакту слоёв 2б и 3) выражена достаточно отчётливо; она извилистая, с западинами, но в целом подпараллельная современной дневной поверхности. В слоях 2а-4 встречаются мельчайшие, не образующие скопления включения древесного угля, отмечаются кротовины и червороины.

Изделия из камня залегают в слоях 2а, 2, 2б и изредка по кротовинам и корневым нарушениям проникают в верхнюю часть слоя 3 (рис. 2: А-А¹-Б, В-В¹-Г). На разных участках раскопа находки встречались с глубины от 3-5 до 35-50 см (здесь и далее – от современной дневной поверхности) однако не менее 75% их залегало на глубине от 15-20 до 25-35 см, образуя насыщенный культурный горизонт мощностью 5-10 см. Он совпадал с нижней частью слоя 2, а к западу от линии квадратов g – и со слоем 2б; на линиях g-h находки в слое 2б были единичными. Неустойчивое стратиграфическое соотношение этого культурного горизонта и границы слоёв 2 и 2б, вероятно, свидетельствует об оглеении низов супесчаной толщи в период после отложения и погребения культурных остатков каменного века.

Помимо находок этого времени, в слое 2, эпизодически – в слоях 2а и 2б с глубин от 3-10 до 15-30 см встречались также фрагменты керамики эпохи раннего железа и XVIII-XIX вв. Разновременные группы керамики стратиграфически не разделялись. В целом она немногочисленна, горизонт её залегания прерывистый, с плохо выраженными границами. Тем не менее, по микропрофилям прослеживается, что практически вся керамика залегала несколько выше подавляющего большинства изделий из камня. В пределах наиболее насыщенного кремнем горизонта находки её были единичными (рис. 2: А-А¹-Б, В-В¹-Г).

Стратиграфическая аномалия прослежена на квадратах 1b-7; 1a-6,7; a-6-8 (рис. 2: Д-Е). Здесь, как и повсеместно в зонах, прилежащих с Ю и В к раскопу 1970-х гг., слой 1 был отчасти срезан, отчасти погребён отвалом этого раскопа мощностью до 17 см (слой 01а), на котором успела отложиться новая лесная подстилка (слой 01б – 1-3 см), а слои 2а, 2, 2б, местами верхняя часть слоя 3 оказались нарушенными линзовидной западиной с неровным дном, заполненной белесовато-бежевой, в придонной части – белесовато-бурой, оглеенной оподзоленной супесью. В плане западине соответствовало аморфное белесоватое пятно, уходившее на квадратах 1b, 1a, a-7 и a-8 за пределы вскрытой площади, а на квадратах 1a, a, b-6; 1b-7 прорезанное раскопом 1970-х гг. (рис. 1: Б). В части, исследованной в 1999-2000 гг., пятно имело размеры до 220×250 см. Глубина западины достигала 45 см от основания отвала; под её дном в слоях 3 и 4 до глубины 60-75 см различались пятна белесовато-бурого опесчаненного суглинка. Единичные фрагменты керамики встречались в заполнении западины до глубины 10-12 см, а изделия из камня – по всей его толще, в белесовато-бурых пятнах под ней, единично – и в суглинках рядом с этими пятнами, в том числе под дном раскопа 1970-х гг., на глубинах от 0 до 75-78 см. Наиболее высокая концентрация изделий из камня отмечалась на глубине приблизительно с 10-15 до 35-40 см, но границы горизонта залегания были размытыми (рис. 2: Д-Е). Стратиграфические особенности рассматриваемого участка имеют природное происхождение: структуры, подобные описанной западине, часто встречаются при археологических раскопках, обнаруживают значительное сходство с западинами на местах современного ветровала [10] и, очевидно, могут определяться в качестве таковых. Периферийной части исследовавшейся нами западины, скорее всего, соответствует и некий углублённый объект, выявленный А.С. Фроловым в разрезе по северной стенке раскопа 1970-х гг. и понятый им тогда как искусственная яма, связанная с бытованием мезолитического поселения [4, с. 256].

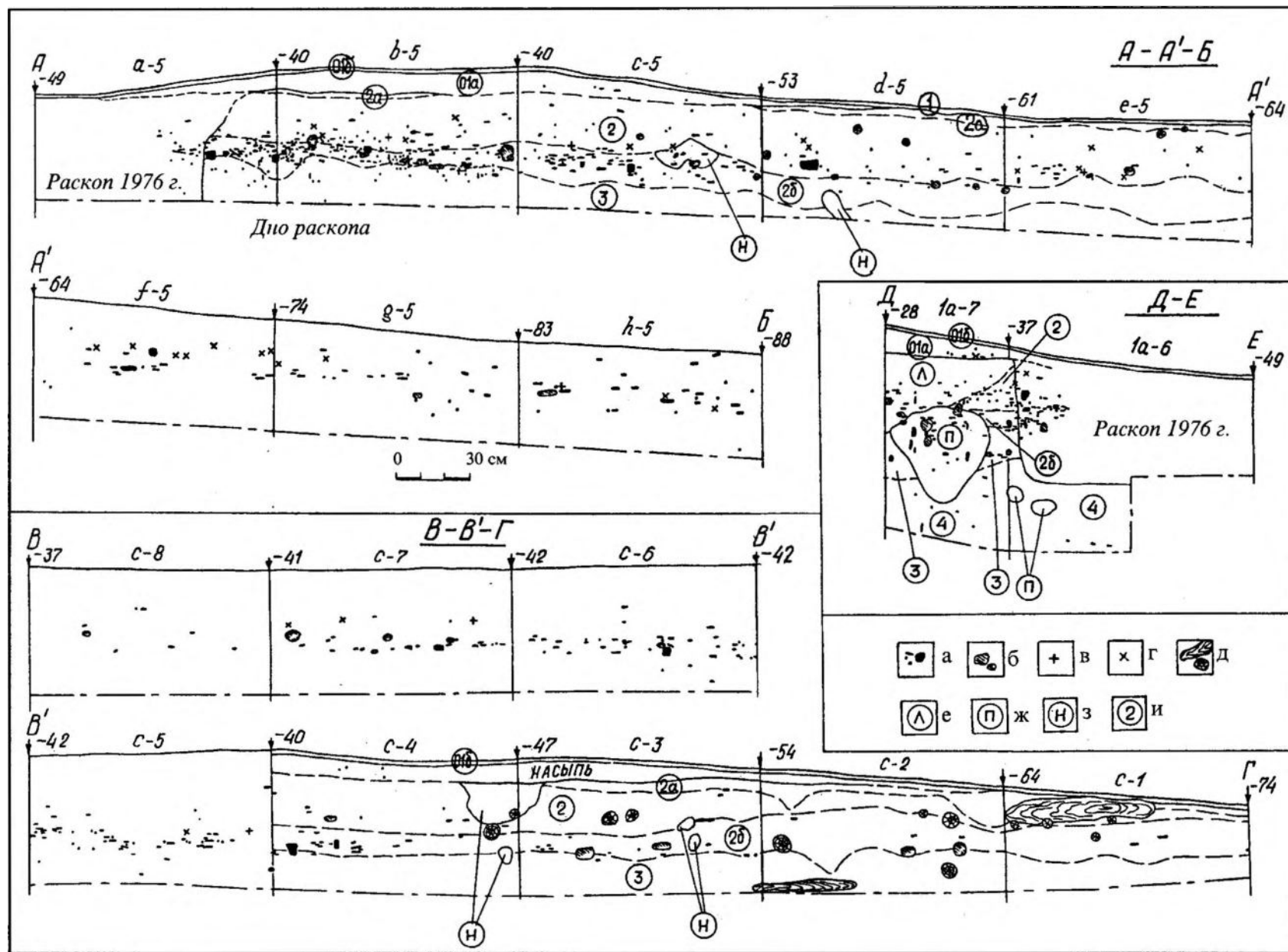

Рис. 2. Стоянка Ладыжино 3. Раскоп 1. Микропрофили и лито-стратиграфические разрезы по линиям А - А'-Б, В-В'-Г, Д-Е (см. рис. 1:Б).
 Условные обозначения: а - расщеплённый кремь; б - кварцит; в - керамика эпохи раннего железа; г - деревянная керамика; д - корни; е - линза белесовато-бежевой оглеенной супеси; ж - пятна белесовато-бурого опесчаненного суглинка; з - нарушения отложений корнями и землероями; и - номера лито-стратиграфических подразделений, охарактеризованных в тексте

К С и СЗ от раскопа 1970-х гг. на квадратах 1f-4-7; 1e, 1d-3-6; 1c-2-6; 1b-2-5; 1a, а-4 отложения нарушены канавообразной ямой глубиной до 36 см и шириной до 350 см (рис. 1: Б). На поверхности над ней наблюдалась неглубокая ложбина, пересекавшая с ЮЗ на СВ участок, вскрытый в 2000 г., и продолжавшаяся за его пределами. Яма чашевидного профиля с ровным дном прорезала слои 1-2б, местами срезала верхнюю часть слоя 3, своим южным краем была врезана в засыпанный котлован раскопа 1970-х гг. В заполнении ямы – рыже-бежево-бурая супесь с примесью суглинка, содержащая немногочисленные кремни и фрагменты керамики. К северу от ложбины была заметна оплывшая насыпь высотой до 20 см, коррелирующая по разрезам с заполнением ямы. Слои этой насыпи и/или отвала раскопа 1970-х гг., прослойки погребённой ими лесной подстилки зафиксированы почти во всех разрезах к западу от линии квадратов d. Ниже этих слоёв и прослоек вне ямы и котлована старого раскопа характер стратиграфической колонки нормальный. Представляется, что позднейшая яма появилась вскоре после раскопок 1970-х гг. и связана с каким-то эпизодом хозяйственной деятельности у края распаханного поля. По цвету и плотности заполнявшего грунта эта яма почти не отличалась от котлована раскопа 1970-х гг., а границы и ямы и раскопа в культуросодержащих слоях 2а, 2, 2б различались плохо.

При зачистке подстилавшего дно позднейшей ямы стерильного суглинка слоя 3 были выявлены три искусственных объекта неясного возраста, представлявшие собой в плане пятна белесовато-бежевой супеси, аналогичной супеси слоя 2 (рис. 1: Б). Пятно 1 на квадратах 1f-5,6 уходило в западную стенку раскопа; в раскрытой части оно – полукруглое, 58×30 см; по разрезу прослежена котловидная яма глубиной до 45 см, верхняя часть которой срезана перекопом; заполнение сероватое, слабоуглистое; в нём – отщеп, два осколка, термический осколок орудия. Пятна 2 (квадрат 1f-5) и 3 (1f-5, 1e-5) – в 80 и 90 см к СВ от пятна 1; подокруглые, 5×6 и 14×16 см; по разрезам прослежены чашевидные ямки глубиной 3 и 6 см, верхние части которых также срезаны перекопом. Находки и уголь в заполнении отсутствуют.

По полевым и коллекционным описаниям находок, обнаруженных в 1999-2000 гг., учтено 2875 предметов из камня, в том числе 188 происходивших из заполнения котлована раскопа 1970-х гг., около 100 – из заполнения позднейшей ямы, а также из соответствующих им отвалов и насыпей. Кроме того найдено 43 фрагмента керамики эпохи раннего железа, 133 – керамики XVIII-XIX вв., соотносящиеся с последней кованный гвоздь и стеклянная бусина.

В раскопе 1999-2000 гг. площадь, вскрытая в 1976, 1977, 1992 гг., и площадь позднейшей ямы составили суммарно 32 кв. м. На остальных 72 кв. м, где отложения не имели значительных искусственных нарушений, предметы из камня распределялись неравномерно: до 53% находок было сосредоточено на площади 14 кв. м в пределах квадратов 1b-7; 1a-4,6,7; a, b-4-7; c-3,7; d-4-7; e-6,7; они относились к скоплению, западная и центральная части которого раскапывались ранее. Северо-западная часть скопления, лежавшая к северу от раскопа 1970-х гг., уничтожена позднейшей ямой. Северным (на квадратах 1a, a, b-4) и южным (1b, 1a, a-7) участками, очевидно, незначительными по площади, скопление выходит за границы раскопа (рис. 1:Б).

Судя по данным о распределении находок в раскопе 1970-х гг. [1; 2; 4] и отсутствию следов скопления к С и СЗ от позднейшей ямы на участке 2000 г., оно было вытянуто по линии ЗСЗ – ВЮВ или СЗ – ЮВ на 8,5-9 м, его ширина колебалась приблизительно от 5 м в северо-западной части до 2 м в юго-восточной, а площадь достигала 28-32 кв. м. Форма скопления в плане неправильная, возможно, близкая к треугольной с закруглёнными углами или каплевидной. За все годы раскопок вскрыто 70-80% его площади и обнаружено 3400-3500 образывавших его предметов³, исключая находки, встреченные нами в перекопах.

Наиболее высокая концентрация находок в скоплении отмечалась на участке, вскрытом в 1976 г., – в среднем 231 предмет на 1 кв. м [4]; на участках 1999 и 2000 гг. она колеблется от 70 до 165. За пределами скопления (вне перекопов) самая низкая – на северных линиях квадратов участка 1999 г., минимальная – в его северо-западном углу – от 3 до 6 находок на квадратах c, d, e-1. Относительно высокая концентрация зафиксирована на юго-востоке того же участка – от 26 до 34 предметов на квадратах g, h-6-8, и на южных квадратах участка 2000 г. 1d, 1c-9, 10 – от 29 до 42 предметов.

Ниже приводится систематизированный список обнаруженных в раскопе 1999-2000 гг. находок⁴, дополненный краткими комментариями. После количества предметов определённых групп в скобках указывается количество находок из заполнения котлована и из отвалов раскопа 1970-х гг. В виде дробей после скобок записаны данные о заготовках орудий: в числителе – количество изделий на пластинах, в знаменателе – на отщепах; не учтены в дробях довольно многочисленные неопределимые заготовки, а также единичные, носящие характер случайных или атипичных (осколки, резцовые отщепы). Определимые обломки учтены в составе соответствующих групп изделий. В случаях, когда материал предмета не указан, подразумевается кремь. Последний в коллекции разного качества и цвета; преобладают чёрный (до 30%), жёлтый и серый разных оттенков. Многие предметы обожжены.

I. Предметы без признаков преднамеренной обработки – 176 (0) экз. В том числе: куски (сырьё ?) – 7 (0); гальки с участками забитости – одна кремнёвая, остальные – кварцитовые (отбойники, ретушеры) – 64 (1); галек кварцитовых осколки – 100 (5); плитки песчаниковые с желобками (абразивы) – 2 (0).

II. Нуклеидные – 26 (2) экз. В том числе: нуклеидные куски – 2 (1); пренуклеусы – 4 (0); нуклеусы – 16 (1); осколки нуклеусов – 4 (0).

³ Количество относящихся к скоплению находок из раскопа 1999-2000 гг. подлежит уточнению по завершении пространственного анализа. Между отчётными и опубликованными данными по раскопу 1970-х гг. [1, с. 6; 2, с. 2; 4] имеются расхождения.

⁴ Хранятся в ГИМ, инв. № 109082, 6302 НВ; 110064, 6353 НВ.

Среди нуклеусов 14 (0) одноплощадочных. Из них 13 от отщепов, в том числе аморфных – 9, подпризматических – 2, вторичных из отщепов – 2 (торцевой и с широким плоским фронтом). Нуклеус от отщепов и пластин совместно – 1, торцевой.

Двухплощадочных всего 2 (1): первый – от отщепов, с одним широким уплощённым фронтом; второй (1) – от отщепов и пластин совместно, подпризматический.

III. Продукты расщепления – 2579 (177) экз. В том числе: отщепы и осколки (два кварцитовых, остальные – кремнёвые) – 2284 (164); пластины, включая 8 (0) ребристых, – 270 (11); резцовые отщепы – 20 (1); краевые сколы с ретушированных орудий – 3 (1); микрорезцы, один из которых от изделия на пластине (рис. 3: 13, 14), – 2 (0).

Среди пластин доминируют средней ширины и широкие, грубые, по фрагментам часто неотличимые от отщепов; микропластины отсутствуют; преобладают экземпляры с широкими гладкими площадками, точечных площадок не отмечено.

Характер ядрищ и снятых с них сколов указывает на технику расщепления, основанную на использовании твёрдого отбойника. Удельный вес таких отбойников (см. список, группа I) в рассматриваемой коллекции заметно превышает обычный для памятников волго-окского мезолита.

IV. Орудия, морфологически не выраженные, – 15 (1) 5/10 экз. В эту группу включены отщепы и пластины (рис. 3: 16) с мелкой крутой и полукрутой, часто нерегулярной, ретушью. Из них 2 (0) 1/1 с выемками, ещё 3 (0) 0/3 представляя собой атипичные острия.

V. Орудия, морфологически выраженные, – 60 (0) экз. Подразделены на ряд классов.

1. **Отбойник подпирамидальный** – 1 (0). Изготовлен из куска низкокачественного кремня в технике оббивки.

2. **Резцы** – 24 (0) 11/9. Одинарные, двойные, тройные. В том числе: с площадками на сломках заготовок (рис. 3: 21) – 11 (0) 5/2; с поперечными, скошенными, вогнутыми и вогнуто-скошенными ретушированными площадками (рис. 3: 19, 25) – 9 (0) 4/5; двугранные срединный и асимметричный – 2 (0) 1/1; «комбинированные» (на сломе – ретушный и на сломе – двугранный) (рис. 3: 23, 22) – 2 (0) 1/1. Преобладают резцовые сколы средней (2-4 мм) ширины и широкие, узкие – малочисленны.

3. **Скребки** – 12 (0) 4/3. В том числе: концевые, включая скошенные (рис. 3: 26-28) – 10 (0) 4/2; подокруглый (заготовка ?) – 1 (0) 0/1; две части одного скребка с ретушью более чем по половине периметра изделия – 1 (0) 0/2.

4. **Орудия с выемками** парными симметричными по краям (рис. 3: 24, 29) – 2 (0) 0/2.

5. **Изделия с усечённым ретушью дистальным концом** – 6 (0) 6/0. В том числе: с поперечным усечением – 1 (0) 1/0; тупоскошенные – 1 (0) 1/0; косые острия (рис. 3: 12) – 4 (0) 4/0.

6. **Острия с затупленным краем**, в том числе заготовка из двух апплицируемых фрагментов (рис. 3: 17, 18) – 2 (0) 2/0.

7. **Пластинка с затупленными противоположащей ретушью краями**, фрагмент (рис. 3: 15) – 1 (0) 1/0.

8. **Наконечники стрел** – 11 (0) 6/4. В том числе: «колющие» черешковые (рис. 3: 2, 7) – 2 (0) 2/0 и асимметрично-черешковые⁵ (рис. 3: 1, 3, 4, 5) – 6 (0) 5/0; два относительно крупными размерами и грубостью заготовки сближаются с наконечниками типа Лингби (рис. 3: 1, 2), однако черешок одного из них подправлен плоской вентральной ретушью; такая же вентральная ретушь есть на выделенном крутой вертикальной противоположащей ретушью черешке ещё одного крупного сломанного наконечника (рис. 3: 4); остальные три выполнены в аренсбургских традициях, причём у одного сломанного наконечника с полным или частичным ретушированием края острие оформлено на проксимальном конце заготовки (тип последней неясен), а на неретушированном крае пера имеется «резцовый» скол (рис. 3: 5); аналогичный скол – у целого наконечника со скошенным ретушью краем пера (рис. 3: 3);

«колющий» наконечник с едва намеченной боковой выемкой (рис. 3: 6) – 1 (0) 1/0;

косо- и поперечно-лезвийные – 4 (0) 0/4, среди которых один черешковый (рис. 3: 9), а остальные – трапециевидные (рис. 3: 8, 10, 11), которые могут классифицироваться и как грубые высокие асимметричные трапеции.

9. **Топоровидное орудие** подпрямоугольное, обработанное частичной ретушью (рис. 3: 20) – 1 (0) 0/1.

VI. Неопределимые обломки орудий – 22 (2). В том числе: с регулярной ретушью – 15 (2) 0/7; с резцовыми сколами – 7 (0) 1/0.

Наиболее характерная для морфологически выраженных орудий всех классов ретушь – крутая и вертикальная среднефасеточная, существенно преобразующая край или/и конец заготовки. Полукрутая ретушь встречается изредка, в сочетании с крутой и вертикальной, носит не вполне регулярный характер (рис. 3: 20, 29). Как правило, ретушь дорсальная, иногда – противоположащая (рис. 3: 4, 15), единичны орудия с перемежающейся (рис. 3: 20) или вентральной обработкой.

Сопоставление технико-морфологических характеристик находок, обнаруженных в раскопе I за все годы

⁵ Наконечники, относимые к разрядам «асимметрично-черешковых» и «с боковой выемкой», часто имеют аналогичные очертания и определяются исследователями интуитивно. Считая необходимым ввести более строгое разграничение, мы относим к наконечникам с боковой выемкой только экземпляры, у которых один край – либо прямой, либо дугобразный – ретуширован по всей длине, а второй – частично, в пределах оформляющей насад выемки. Формы с частичным ретушированием противоположащего выемке края, а также с уступом или шилом на этом крае, даже если он ретуширован полностью, мы относим к асимметрично-черешковым.

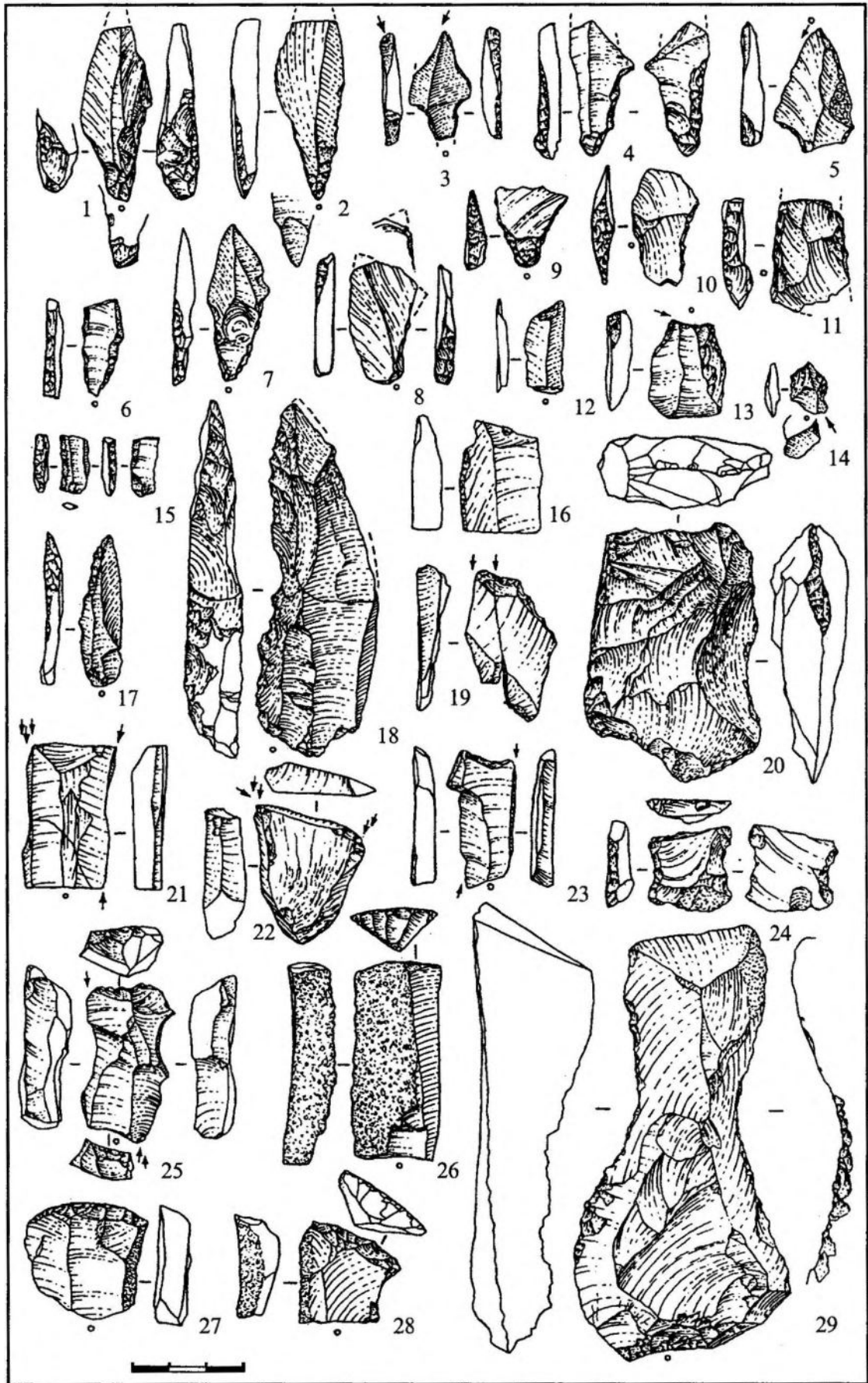

Рис. 3. Стоянка Ладыжино 3. Раскоп 1. Изделия из кремня

исследований, данные об их пространственном распределении позволяют считать, что подавляющее большинство происходящих из указанного раскопа каменных предметов соответствует остаткам одного поселения иеневской культуры. Насколько полно исследовано это поселение, исчерпываются ли в основном его остатки характеризовавшимися выше скоплением, или последнее является только одним из элементов более сложной поселенческой структуры – неясно.

Из числа относимых к данному поселению находок могут быть исключены предметы из заполнения позднейшей ямы, не выделенные нами в списке по причине недостаточной чёткости её границ и незавершённости пространственного анализа. Однако эти находки сколько-нибудь заметно не влияют на характеристику коллекции в связи со своей малочисленностью (до 100 экз.) и отсутствием среди них орудий и нуклеусов.

Гипотетическое присутствие в раскопе остатков других мезолитических поселений, возможно, бытовавших на территории памятника, представляется наиболее вероятным в двух стратиграфически обособленных друг от друга и от скопления зонах с повышенной концентрацией находок – на квадратах 1d, 1c-9, 10 и g, h-6-8. Сравнительный анализ показывает, что среди находок из первой зоны (осколки галек, гальки, нуклеус, продукты расщепления, резец, наконечник, изображённый на рис. 3: 3, – всего 140 экз.) отсутствуют предметы, не имеющие полных аналогов в инвентаре исследовавшегося скопления. Остатки, обнаруженные в рассматриваемой зоне и в скоплении, – однокультурны, очевидно, хронологически близки или синхронны. Тем не менее, строгие доказательства принадлежности тех и других к одному сезонному поселению у нас отсутствуют. Повышенная концентрация находок на квадратах 1d, 1c-9, 10 позволяет полагать, что где-то поблизости, к югу от раскопа, имеется ещё одно скопление. Его исследование невозможно из-за значительной облесённости этой части памятника.

Среди находок, обнаруженных во второй зоне (гальки, осколки галек, 3 нуклеуса, продукты расщепления, 3 резца, 2 скребка, 2 морфологически не выраженных орудия, неопределимый обломок орудия – всего до 190 предметов), обращают на себя внимание подокруглый скребок и фрагменты скребка из отщепла с ретушью по большей части периметра заготовки, происходящие с соседних квадратов g-6 и h-7. Аналогичных им изделий ни в скоплении, ни где-либо ещё на стоянке не встречено. Возможно, они указывают на слабую примесь постороннего археологического материала в юго-восточной части раскопа. Лито-стратиграфическая колонка соответствует здесь норме памятника, но стратиграфические границы «культурного горизонта» размыты. Скорее всего, это является следствием частичного переотложения находок к бровке террасы с более высоких уровней.

С этими оговорками находки из раскопа 1, сделанные за все годы исследований Ладыжино 3, могут в совокупности рассматриваться как единый комплекс.

Существенно дополняют характеристику Ладыжино 3 материалы, полученные из шурфа 1, 2×2 м, заложенного в 27 м к СЗ от раскопа 1 (рис. 1: А, 2). Стратиграфия шурфа такова: 1. Лесная подстилка – 2-6 см. 2а. Серо-бежевая слабогумусированная супесь – 3-6 см. 2. Бежевая, в основании слоя белесоватая, супесь – 14-32 см. 3а. Белесовато-бурый плотный опесчаненный гумусированный суглинок, предположительно, погребённая почва – 5-25 см; в заполнении древней западины (на месте вывала дерева ?) – до 75 см. 3. Рыже-бурый опесчаненный суглинок – 20-34 см. 4. Бурый плотный суглинок, прокопанный на 28 см и залегающий до дна разреза. Максимальная глубина шурфа 110 см. От других разрезов на территории памятника и фоновых он отличается наличием слоя 3а – предполагаемой погребённой почвы.

Находки немногочисленны (19 экз.), но условия залегания и набор изделий заслуживают внимания. Пять были рассеяны по супесчаной толще в слоях 2а и 2; 12 – приурочены к контакту слоёв 2 и 3а, то есть к кровле погребённой почвы; ещё 2 оказались в западине слоя 3а. Среди находок – 12 отщепов и осколков, 2 фрагмента крупных грубых пластин (1 ребристая) (рис. 4: Б, 3), концевой укороченный скребок на аналогичной пластине (рис. 4: Б, 4), 4 наконечника стрел (2 целые, 2 сломанные). Один из обломков – насад, на котором вертикальная дорсальная ретушь по краям дополняется плоской вентральной при основании; тип заготовки и форма изделия неясны (рис. 4: Б, 2). Остальные очень крупные. Второй сломанный – из отщепла, с боковой выемкой (рис. 4: Б, 5). Целые – из пластин, асимметрично-черешковые, со скошенным ретушью краем пера; черешок одного обработан крутой противоположающей, другого – вертикальной дорсальной ретушью, дополненной в обоих случаях плоской и пологой вентральной ретушью при основании (рис. 4: Б, 1, 2).

Однокультурность находок из раскопа 1, шурфа 1, а также собранных в 1970-е гг. на пашне не вызывает сомнений. Однако вопросы о хронологическом единстве культурных остатков и датировке памятника не решены и требуют дальнейшей разработки в ходе полевых и лабораторных исследований, научной обработки коллекций.

Следует отметить, что вещевой комплекс из раскопа 1, находки из шурфа 1 и из сборов объединяются, помимо общих для инвентаря памятников иеневской культуры признаков, по крайней мере, двумя специфическими. Во-первых, в каждой из указанных групп материала среди наконечников стрел преобладают асимметрично-черешковые, тогда как наиболее характерные для иеневской культуры наконечники с боковой выемкой либо находятся в меньшинстве (шурф 1), либо единичны (раскоп 1), либо отсутствуют (подъёмный материал). Во-вторых, в каждой группе имеются «колющие» наконечники, насад которых подработан плоской вентральной ретушью (шурф 1 – 3 экз., раскоп 1 – 2 экз., подъёмный материал – 1 экз.), сближающиеся по этому признаку с наконечниками Хвалибоговицкого типа, рассматриваемыми для севера Центральной Европы как свидетельство контактов аренбургских и свидерских групп [11, s. 140, 282, taf. 134]. Отмечались они ранее и на отдельных памятниках иеневской культуры [12; 13, с. 27-28], но во всех известных нам случаях – в единичных экземплярах. В Ладыжино 3 данным признаком обладает не менее трети всех обнаружен-

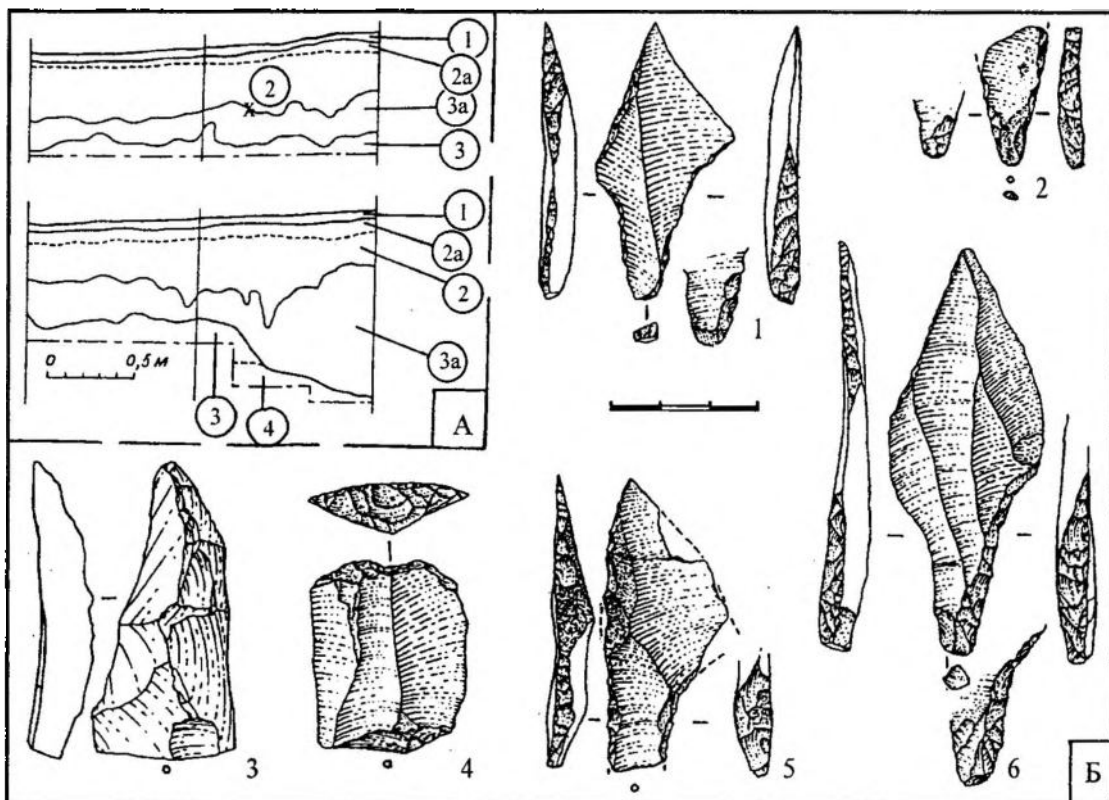

Рис. 4. Стоянка Ладыжино 3. Шурф 1. А – разрезы по восточной (верхний) и южной стенкам. Номера слоёв соответствуют описанию в тексте. На верхнем разрезе обозначен наконечник (рис. 4: Б, 1), найденный при зачистке стенки. Б – изделия из кремня

ных «колющих» наконечников, что позволяет считать его достаточно устойчивым. Эти особенности не рассматриваются нами как основание для вывода о хронологическом единстве указанных групп материала, но позволяют отнести их к одному культурному комплексу.

Определённое своеобразие находкам из шурфа придают крупные размеры обнаруженных в нём пластин, скребка и наконечников, один из которых (рис. 4: Б, 6), если не принимать во внимание центральную ретушь на насаде, может быть сопоставлен с рядом наконечников стоянки Бромме [11, taf. 94: 4-7]. Такой облик изделий позволяет с осторожностью предположить, что шурфом 1 разведана

часть более древнего, чем исследовавшееся раскопом 1, поселения. Подтверждение значимости отмеченных различий и уточнение их характера возможно в ходе дальнейших раскопок в зоне этого шурфа.

Надёжных естественно-научных датировок для Ладыжино 3 не имеется. Предложенная первоначально раннебореальная палинологическая датировка [5, с. 50], относившаяся к комплексу скопления из раскопа 1, была отклонена в связи с недостатками, отмеченными в методике проведения обосновывавшего её анализа [14, с. 99]. Сомнительна и предложенная для него позднее пребореальная дата [7, с. 102; 14, с. 98-99], базирующаяся на анализе образцов, отобранных, как было установлено при раскопках 1999 г., из отложений, отчасти нарушенных древесным вывалом. Возможно, с зоной того же нарушения отложений совпадает и место отбора первой колонки (см. рис. 1: Б).

Преобладание среди наконечников стрел этого комплекса «колющих» черешковых и асимметрично-черешковых, выполненных в традициях культур Лингби и Аренсбург, сочетание их с косо- и поперечно-лезвийными наконечниками и трапециевидными формами позволяет отнести его к рубежу палеолита и мезолита. Вероятно, он несколько древнее иеневских комплексов поселений Авсерьгово 2 [15] и Становое 4 (слой 3а) [16], в которых содержатся наконечники с боковой выемкой и крупные высокие трапеции, но отсутствуют черешковые и асимметрично-черешковые наконечники. Первый из них, по данным спорово-пыльцевого анализа, отнесён к начальным фазам пребореала [14, с. 88-90]; второй, по данным спорово-пыльцевого и радиоуглеродного анализов, – ко времени, непосредственно предшествующему климатическому оптимуму этого периода, – около 9,6 тыс. лет назад [16]. В качестве ещё одного хронологического ориентира может быть указан палинологически датированный концом позднего дриаса комплекс из раскопа 2 на стоянке Усть-Тудовка 1, в составе которого представлены черешковый и асимметрично-черешковые наконечники, наконечник с боковой выемкой, косолезвийная трапециевидная форма [17, с. 15-16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фролов А. С. Отчет о полевых исследованиях в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6503.
2. Фролов А. С. Отчет о полевых исследованиях в Калужской и Тульской областях в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7219.
3. Фролов А. С., Жилин М. Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. 1978. № 1.
4. Жилин М. Г., Фролов А. С. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. 1981. № 2.
5. Фролов А. С. Палинологическая датировка стоянки Ладыжино 3 и ее место в окском мезолите // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.

6. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: тез. пленарных докладов Всесоюзной конференции. Л., 1979.
7. *Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А.* О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. Археологическая карта России. Калужская область. М., 1992.
9. *Асеев А.А.* Палеогеография Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959.
10. *Васнев И.И., Тиргульян В.О.* Ветровал и таежное почвообразование. М., 1995.
11. *Taute W.* Die Stielspitzengruppen im Nordlichen Mitteleuropa. Köln, 1968.
12. *Кравцов А.Е., Луньков В.Ю.* Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // РА. 1994. № 2.
13. *Сорокин А.Н.* О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997.
14. *Кравцов А.Е.* Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990-х гг.) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Тр. ГИМ. Вып. 103).
15. *Леонова Е.В.* Стоянка Авсерьгово 2 (мезолитический слой) // В данном сборнике.
16. *Аверин В.А., Жилин М.Г.* Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 2001.
17. *Жилин М.Г., Кравцов А.Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Памятники археологии Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.

*Государственный Исторический музей,
Москва*

A.E. Kravtsov, S.B. Konnov

**THE SITE LADYZHINO 3
(the Preliminary Results of Studies in 1999-2000)**

Summary

The site Ladyzhino 3 is one of well-known monuments of Ienevo culture. The materials gained in the course of its excavations in 1970s were used in nearly all the researches of cultural and chronological situations of the Mesolithic in the Volga – the Oka Rivers watershed. The study of the site was renewed in 1999-2000 because of construction works which were started in its zone.

The article gives characteristics of location of the site as well as its deposits lying in different parts of the monument's territory. Besides that the work gives the data on the allocation of finds, and their systematic list. The authors put forward a question whether the artifacts found on Ladyzhino 3 make a single complex or not in relation to chronology.

The answer is positive in relation to finds from dig 1, which were deposited in mass. Finds made in prospecting shaft 1 and on the ploughed field in 1970s belong to the same culture and are closely connected with each other, as well as with the complex from dig 1 due to the peculiarities of their typological set, first of all to the arrowheads. But it doesn't mean their belonging to the same seasonal settlement.

All the mentioned above finds have analogies among the inventory of the sites of Lyngby and Ahrensburg types. The authors mark as unique for the Volga – the Oka Rivers watershed series of asymmetric arrowheads with flat ventral retouch on a handle, which are comparable with the ones of Khvalibogovitse type.

There are no scientifically-based dates for the site. On the basis of analogies the authors suggest that the site should be dated back to the Late Palaeolithic – the Early Mesolithic.

*The State Historical Museum
1/2, Krasnaya Sq., Moscow,
103612, Russia*

Е.В. Леонова

СТОЯНКА АВСЕРЬГОВО 2 (мезолитический слой)

История изучения иеневской археологической культуры насчитывает уже более 20 лет [1]. Открыто и раскопано множество памятников, но уровень информативности источников крайне низкий как вследствие объективных причин (состояние культурного слоя), так и вследствие методов, применявшихся для получения источников (методика раскопок, фиксация и способы и условия хранения материалов).

Материалы мезолитического слоя памятника Авсерьгово 2 относятся исследователями к иеневской культуре, неоднократно упоминаются и получили различную трактовку в научной литературе [2-5], но до сих пор не прошли полной научной обработки и не опубликованы. Коллекция из раскопок Авсерьгово 2 1983 г. доступна для изучения¹. А.В. Мирецким была составлена опись находок, Л.В. Кольцов и М.Г. Жилин любезно предоставили сохранившиеся полевые (черновые) чертежи раскопа 1983 года². На основании вышеперечисленных источников, а также полевых отчётов [6; 7] я попыталась выделить из коллекции материалы, относящиеся к мезолитическому слою; провести их технико-морфологический и пространственный анализы.

Стоянка Авсерьгово 2 находится между д. Авсерьгово и селом Никитское в Калязинском районе Тверской области. Памятник расположен на мысу первой надпойменной террасы правого берега реки Волги, на правом берегу ручья, впадающего в Волгу (рис. 1: а). Он был открыт в 1970-е гг. В.М. Воробьевым и И.Н. Черных при проведении плановых разведок недалеко от стоянки Авсерьгово 1, расположенной на левом берегу ручья (рис. 1: б). Северо-восточная часть памятника разрушена могилами кладбища села Никитское, юго-западная размывается весенними паводками. Возможно, значительная часть памятника уже смыта. Памятник находится на высоте примерно 6 м над современным межennым уровнем Волги (после поднятия уровня воды в связи началом работы Угличского водохранилища в 1939-1943 гг.) (рис. 1: а). Соседний памятник Авсерьгово 1 был открыт в 1930-е годы, до строительства водохранилища. По топографическому плану стоянка располагалась до затопления на высоте 20 м над уровнем Волги (рис. 1: б) [8]. На этом же плане отмечено кладбище с. Никитское, расположенное на высоте 15 м над уровнем воды в р. Волге, рядом с которым был открыт памятник Авсерьгово 2. Известно, что между валдайской террасой и поймой в долине Волги развита ещё одна терраса (высотой в районе Рыбинска 8-10 м над правобережным бечевником), но время её формирования относится к раннему и среднему голоцену [9]. Средняя высота валдайской террасы над современным уровнем воды в Волге вне водохранилищ – 17-20 м, что примерно соответствует высоте, указанной на плане О.Н. Бадера и М.В. Воеводского. Можно предположить, что памятник располагается на террасе московско-валдайского (хвалынского) времени, которая в начале голоцена (в период бытования мезолитической стоянки или стоянок) являлась первой надпойменной террасой.

В 1983 г. Л.В. Кольцовым был заложен раскоп площадью 95 кв. м, ориентированный вдоль кромки берега (вытянут с северо-запада на юго-восток), врезанный в край осыпи [6]. В 1995 г. А.Е. Кравцовым была сделана зачистка на расстоянии 21 м от северо-восточного угла раскопа 1983 г. и отобраны образцы для палинологического анализа (рис. 1, 2). По данным этого анализа, отложения, вмещающие культурные остатки эпохи мезолита, сформировались в первой половине пребореала [7; 4; 5].

В 1983 г. раскопки велись по условным горизонтам. Находки фиксировались по квадратам 2×2 м и по секторам (1×1 м), условными значками (отщеп, пластина, орудие, нуклеус) наносились на план соответствующего горизонта. Глубина так называемых «индивидуальных находок» фиксировалась по нивелиру. Отщепы собирались по квадратам и условным горизонтам. Ни в тексте отчёта, ни на планах, ни в описи не указана мощность условных горизонтов или их соотношение с литологическими слоями (всего 4 условных горизонта, 3 культурных слоя, а литологических слоёв, по описанию Л.В. Кольцова, – 9).

Памятник Авсерьгово 2 – многослойный, всего Л.В. Кольцовым выявлено три культурных слоя: мезоли-

¹ Коллекция хранится в Тверском государственном объединённом музее (ТГОМ): КОФ № 18265/ 1-1442; НВФ № 8682/1-5592. Несколько вещей, находящихся в экспозиции в филиале музея (г. Калязин), не просмотрены, были описаны и учтены на основании описи и рисунков для полевого отчёта.

² Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Л.В. Кольцову, М.Г. Жилину и А.Е. Кравцову за предоставленную возможность использовать имеющуюся в их распоряжении документацию, а также сотрудникам ТГОМ И.Н. Черных, А.Н. Пичугиной и Л.В. Максименко за помощь в работе с коллекциями.

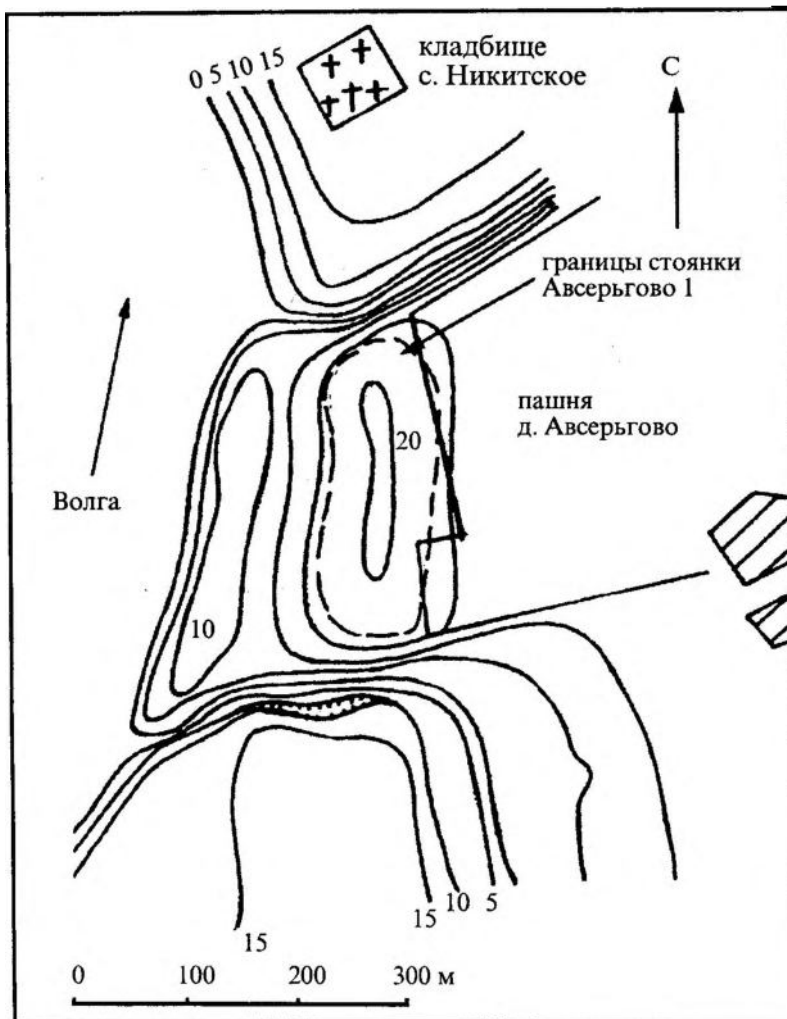
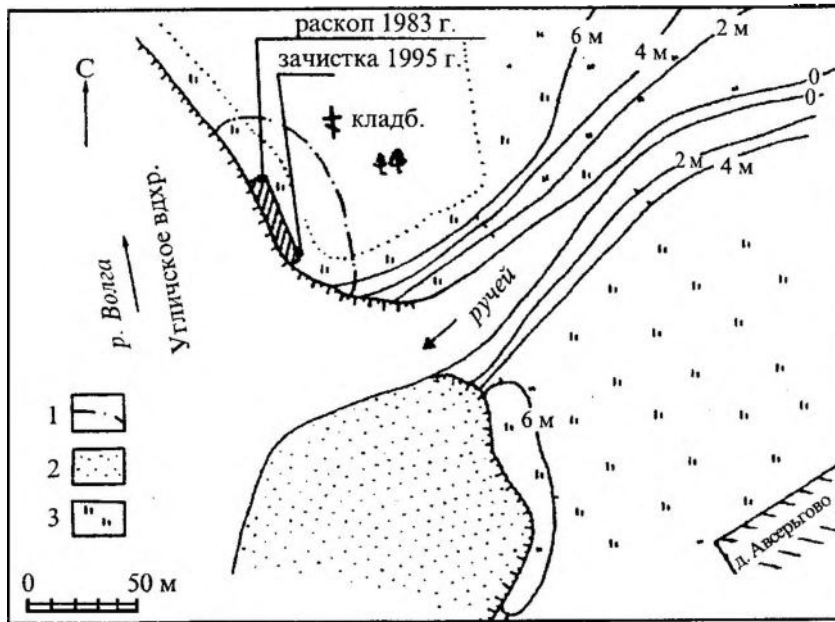

Рис. 1. Топографические планы памятников:
 а – Авсер'гово 2 (по Л.В. Кольцову [6] и А.Е. Кравцову [7]);
 б – Авсер'гово 1 (по О.Н. Бадеру и М.В. Воеводскому [8]).
 1 – граница стоянки Авсер'гово 2; 2 – обнажение; 3 – луг

тический, слой эпохи бронзы и слой XVIII-XIX веков. Стратиграфия памятника (дана по тексту отчёта Л.В. Кольцова, уточнена и дополнена по сохранившимся полевым чертежам и сопоставлена с разрезом зачистки 1995 г.) следующая (рис. 2).

1. Дёрн – 2-5 см. 2. Песок светлый, рыхлый, видимо, эолового происхождения (на чертежах обозначен как «наброс») – 4-6 см; по А.Е.Кравцову, – слой 2 – рыхлый бежевый песок – 2-15 см. 3. Слой первой погребённой почвы (подзол или по профилю, поданному в отчёт, – тёмно-серый песок). Залегает не везде, «местами прерывается» (судя по профилю, залегает в месте: выделенный ниже как вторая погребённая почва слой 5, судя по чертежам, представляет собой единое целое со слоем 3, но в нескольких местах разбивается «зольно-углистой прослойкой» на два слоя). Мощность слоя над прослойкой колеблется от 2 до 5 см; общая мощность единого, на мой взгляд, слоя вне западин достигает 20-22 см; по А.Е. Кравцову, слой 3 – тёмно-серый золисто-углистый песок, светлеющий книзу (погребённая почва) – 12-20 см. 4. Золино-углистая прослойка – 2-4 см, залегает не везде; в зачистке А.Е. Кравцова отсутствует. 5. Слой второй (по Л.В. Кольцову) погребённой почвы (подзол) – 20 см (см. пояснения к слою 3). Но не исключено, что под второй погребённой почвой подразумевалась линза серого гумусированного песка, зафиксированная в южной части – кв. 11, 22, 22а и отмеченная в профиле зачистки 1995 г. как коричневатого-серый углистый песок (см. ниже: слой 6). 6. Жёлтый пятнистый песок – 30-45 см; соответствует, вероятно, слою 4, по А.Е. Кравцову, – «желтовато-серый крупнозернистый песок – 60-77 см, разбитый на две части линзой коричневатого-серого углистого песка (здесь и далее выделено мной – Е.Л.) и, вероятно, являющийся погребённой почвой». Слой 4, по А.Е. Кравцову, вероятно, включает в себя и слой 6а, отмеченный на профиле 1983 г. Линза коричневатого-серого углистого песка не дана в описании стратиграфии раскопа 1983 г., однако отмечена на профиле в кв. 11, 21, 22 как серый гумусиро-

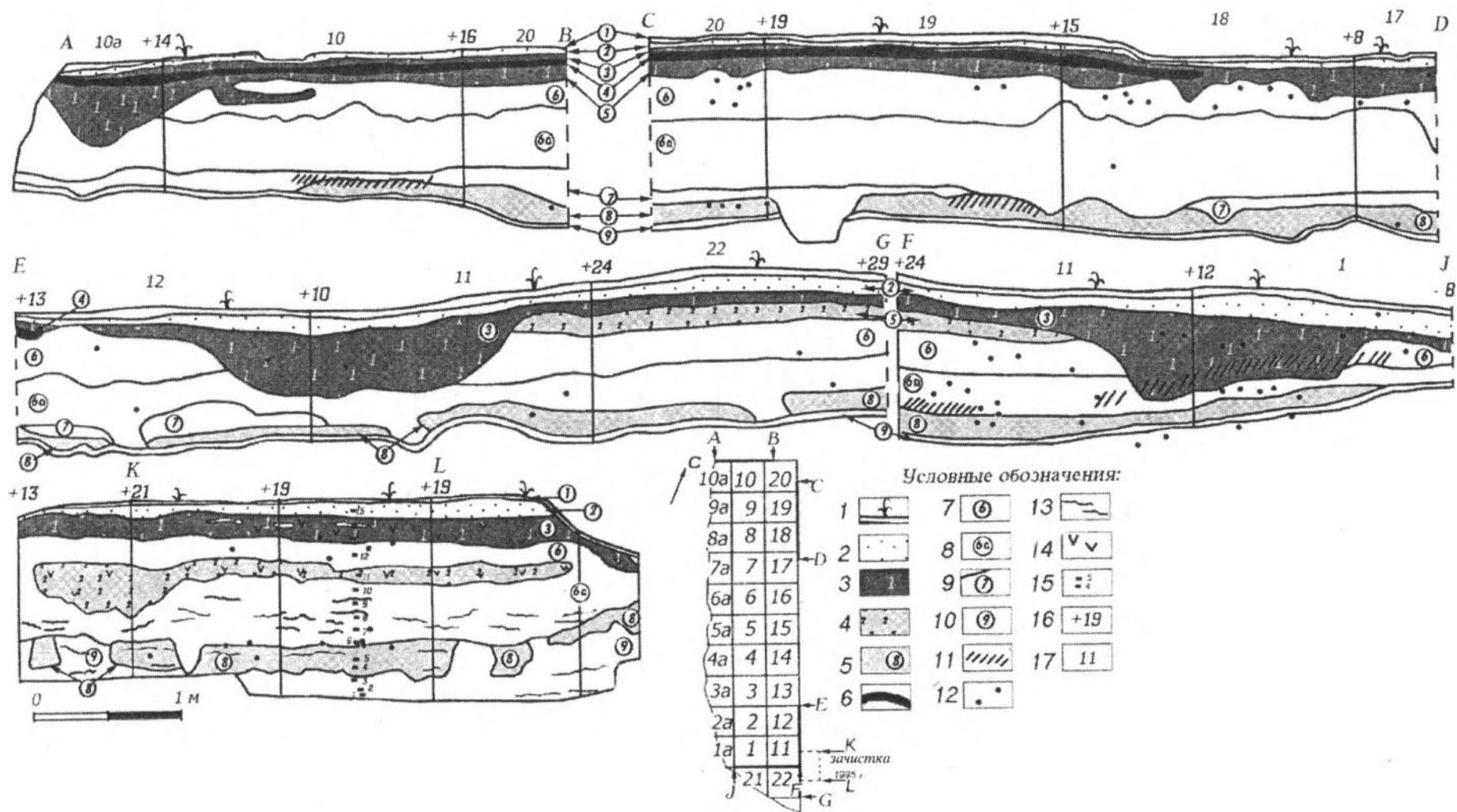

Рис. 2. Авсерьгово 2. Стратиграфия раскопа 1983 г. и зачистки 1995 г. (по Л.В. Кольцову [6] и А.Е. Кравцову [7]).
 1 – дерн; 2 – рыхлый песок; 3 – темно-серый песок (1 погребённая почва); 4 – коричневатого-серый песок (2 погребённая почва);
 5 – темно-серый песок с орзандами (3 погребённая почва); 6 – песок с золой и углём; 7 – жёлтый песок; 8 – светло-жёлтый песок;
 9 – жёлтый песок с орзандами; 10 – заиленный песок, по Л.В. Кольцову, и желтовато-серый мелкозернистый песок, по А.Е. Кравцову;
 11 – проекция залегания находок из скопления; 12 – проекция залегания отдельных находок; 13 – орзанды; 14 – угли;
 15 – место отбора образцов для палинологического анализа; 16 – нивелировочные отметки; 17 – номера квадратов

ванный песок. ба.³ Светло-жёлтый песок (на полевом чертеже помечен как «стерильная прослойка») – 30-60 см. По А.Е. Кравцову, составляет единое целое со слоем 4 и, вероятно, соответствует нижней части этого слоя, где отмечены редкие ортзанды. 7. Жёлтый песок с тонкой прослойкой ортзанда; местами прерывается – разбит (как и нижележащий слой 8) западинами слоя ба, мощность – 2-18 см; представлен лишь в северо-западной и центральной частях разреза; в восточных и юго-восточных квадратах, а также в зачистке А.Е. Кравцова отсутствует. 8. Слой третьей (по Л.В. Кольцову) погребённой почвы (тёмно-серый гумусированный песок) – 6-26 см; по А.Е. Кравцову, – слой 5 – тёмный коричневато-серый песок с ортзандами, чётко отмечающими его нижнюю границу, мощность – 15-30 см, разбит на блоки разной протяжённости. 9. Песок заиленный с ортзандом – материк; по А.Е. Кравцову, – плотный желтовато-серый мелкозернистый песок с редкими ортзандами.

Верхний слой приурочен к «верхней погребённой почве» (слой 3) и относится к XVIII-XIX вв. н.э. С верхнего горизонта залегания находок опущено несколько ям, которые, как отмечает Л.В. Кольцов, затронули нижележащий слой эпохи бронзы. В некоторых ямах, связанных с верхним слоем, зафиксированы «мощные прослойки угля и золы».

Второй культурный слой – слой эпохи бронзы – приурочен, по мнению Л.В. Кольцова, ко второй погребённой почве (слой 5). Но по описанию, данному в отчёте, нельзя чётко определить положение на профиле слоя 5 (на рисунке 2 слой пронумерованы мною – Е.Л.). На полевых чертежах как слой эпохи бронзы был помечен слой б – жёлтый пятнистый песок, что подтверждается и проекциями глубин залегания находок, вынесенных на профили раскопа 1983 г. и зачистки 1995 г. (рис. 2). Во втором культурном слое также зафиксировано несколько ям, прорезающих нижележащие слои, и, как отмечает Л.В. Кольцов, частично разрушивших нижележащий слой эпохи мезолита, «чем объясняется наличие отдельных мезолитических находок» в нём. К эпохе бронзы отнесены сетчатая керамика и кремнёвые орудия.

Нижний культурный слой сопряжён со слоями 7 и 8, культурные остатки представлены только изделиями из камня. Расщеплённый кремнь залегал в нескольких небольших скоплениях, находки между скоплениями немногочисленны. Никаких объектов в нижнем культурном слое не зафиксировано. Также не отмечены следы ям, опущенных из вышележащих горизонтов, которые, по мнению Л.В. Кольцова, должны были частично прорезать и мезолитический слой.

Данные разрезов ям, попавших на стенки раскопа, а также положение отдельных переотложенных находок-«маркёров» (предметы охотничьего вооружения, валиковый топор, керамика) позволяют утверждать, что в плане не были прослежены следы позднейших ям, затронувших мезолитический слой, и отметки глубин дна некоторых ям ошибочны. Так, видимо, яма, опущенная из верхнего слоя (кв. 1, 11, 21, 22), прорезала и нижний культурный слой: в профиле отчётливо читается глубокая западина, а на глубине –62 см, «под ямой» (судя по нивелировочной отметке её дна, данной в отчёте), найден валиковый топор (глубина скопления кремней, отнесённых исследователями к эпохе мезолита и при перебивке чертежей выведенных на план нижнего горизонта, –30 - –37 см).

Несмотря на нарушения слоя, проецирование глубин залегания находок и верха и низа скоплений на профиль, позволило довольно чётко выделить нижний (мезолитический) культурный горизонт. Находки залегают на контакте слоёв жёлтого песка (по Л.В. Кольцову) или желтовато-серого крупнозернистого песка (по А.Е. Кравцову) и тёмно-серого сильно гумусированного песка (или, соответственно, тёмного коричневато-серого песка с ортзандами – т.н. погребённой почвы) и в кровле последнего. Нивелировочные отметки верхней границы так называемой 3-й погребённой почвы колеблются от –55 до –100 см. Падение её происходит с юго-запада на северо-восток (судя по профилю раскопа), а также от кромки берега (обрыва) в глубь террасы, в отличие от современной дневной поверхности (рис. 3). Глубина залегания находок нижнего слоя вне нарушенных участков колеблется от –55 до –115 (т.е. 45-50–115 см от поверхности, что связано с перепадами уровня расположения погребённой почвы). Находки образуют горизонт мощностью 10-15 см. Между нижней границей культурного слоя эпохи бронзы и кровлей мезолитического слоя примерно 60 см.

В плане находки из нижнего (мезолитического) слоя залежали отдельными скоплениями: №13 – судя по тексту отчёта и №14 – по плану Л.В. Кольцова. Велика вероятность, что скопления расщеплённого кремня в южной части раскопа (№№ 12-14), большинство материалов из которых залегало на 20-25 см выше «третьей погребённой почвы» и основного горизонта залегания находок, даже учитывая поднятие древней поверхности, переотложены в результате позднейших перекопок.

Таким образом, мезолитический культурный слой в исследованной части представляет собой горизонт залегания расщеплённого кремня мощностью 10-15 см, приуроченный к кровле нижней погребённой почвы и основанию перекрывающего её слоя. Выявленный горизонт находок залегает на разной глубине от современной дневной поверхности, но чётко совпадает с кривой кровли нижней погребённой почвы. В плане находки образуют несколько скоплений, площадь которых колеблется от 0,2 до 2,6 кв. м. Концентрация находок в пределах скоплений варьирует примерно от 100 до 1000 изделий на квадратный метр, вне скоплений встречается от 5 до 50 находок.

В качестве сырья на памятнике использовался моренный валунно-галечный разноцветный кремнь среднего и низкого качества, а также кремнистый известняк. Как орудия для первичного расщепления кремня и

³ В тексте отчёта описание слоя светло-жёлтого песка пропущено, и, чтобы не вносить ещё большую путаницу, я отметила этот слой как «ба».

Рис. 3. Авсерьгово 2. Линии современной дневной поверхности и кровли нижней (третьей) погребённой почвы

вторичной обработки изделий из камня использовались гальки и небольшие валуны из кварцита и других метаморфических горных пород. Преобладают изделия из сиренево-жёлтого кремня – 49,8%; изделий из кремня серых оттенков меньше – 24,4%; значительную часть – 15,8% – составляют кремни со следами воздействия огня, в результате чего часть из них поменяла изначальный цвет. Анализ ремонта кремневых изделий, проведённый на материалах других памятников, позволяет заключить, что жёлтый («табачный») кремень при обжиге становится красным; сиреневый розовеет или блекнет; коричневатого-серый полупрозрачный становится серым непрозрачным. Большую часть выявленных кремней красного цвета со следами пребывания в огне, вероятно, можно отнести к наиболее многочисленной группе изделий из сиреневато-жёлтого кремня.

Соотношение изделий из сырья различного цвета внутри групп инвентаря (нуклеидных, орудий, сколов-заготовок и отходов производства каменных орудий) примерно повторяет и суммарные данные. Но надо отметить, что для производства скребков и резцов предпочтение отдавалось сырью жёлтого («табачного») цвета, тогда как для изготовления микролитов и наконечников стрел использовали жёлтый, тёмно-серый, белый кремень и кремнистый известняк примерно в равных долях.

Всего в коллекции нижнего слоя **5223 изделия из камня** (без учёта переотложенных находок)⁴.

Состав каменного инвентаря мезолитического слоя включает в себя группу нуклеидных – 100 (1,9%); орудия для обработки камня – 24 (0,5%); сколы-заготовки и отходы расщепления – 5044 (96,6%); морфологически выраженные орудия – 43 (0,82%); морфологически невыраженные орудия – 3 (0,06%), технологические сколы производства орудий – 7 (0,13%); неопределимые обломки орудий – 2 (0,04 %).

Нуклеусов – 51 экз. (0,97% от комплекса) (рис. 4-7). Преобладают одноплощадочные – 21, среди них 11 – от пластин и от отщепов вместе, от пластин – 5, остальные от отщепов (5 – подконических, 4 – подпризматических, 5 – торцевых, 4 – уплощённых, 1 – аморфный).

Двухплощадочных – 11 экз.: 5 – от пластин и от отщепов, 6 ядрищ – от отщепов (6 – аморфных, 1 – подпризматический, 2 – торцевых, 2 – уплощённых).

Многоплощадочных – 5 экз. Они от отщепов, все – аморфные.

У большинства рассмотренных нуклеусов площадки скошены и подправлены сколами.

Восемь нуклеусов представлены обломками, ещё шесть нуклеусов включены в состав полевой описи (находятся в экспозиции).

Кроме этого в коллекции имеется **33 нуклеидных куска** – кремнёвое сырьё с несколькими сколами, отброшенное в большинстве случаев из-за низкого качества.

Технологических сколов с нуклеусов – 16 экз.: 14 ребристых пластин и 2 – подправки площадок нуклеуса.

Среди сколов преобладают **отщепы и осколки – 4302** (из них 264 – первичных). Большинство из них – мелкие отщепы размером 1-2,5 см – 2816 (65,4%), 819 (19%) отщепов средних размеров (от 2,5 до 4 см) и 665 (15,5%) отщепов – более 4 см в поперечнике.

Пластин всего 160 экз. (3% от комплекса). Преобладают пластины шириной от 1 до 2 см – 105 экз. Пластины – грубые, толщина их колеблется от 0,1 до 1,1 см, доминируют пластины толщиной 0,3-0,55 см.

⁴ Ниже особо отмечены изделия, включённые в комплекс, но, вероятно, переотложенные, – трапеции и наконечники стрел.

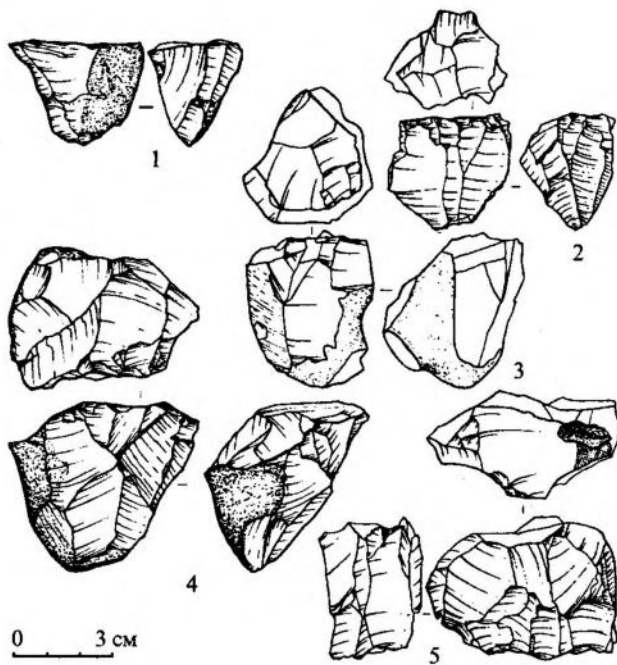

Рис. 4. Авсерьгово 2. Каменный инвентарь.
Нуклеусы. Кремь

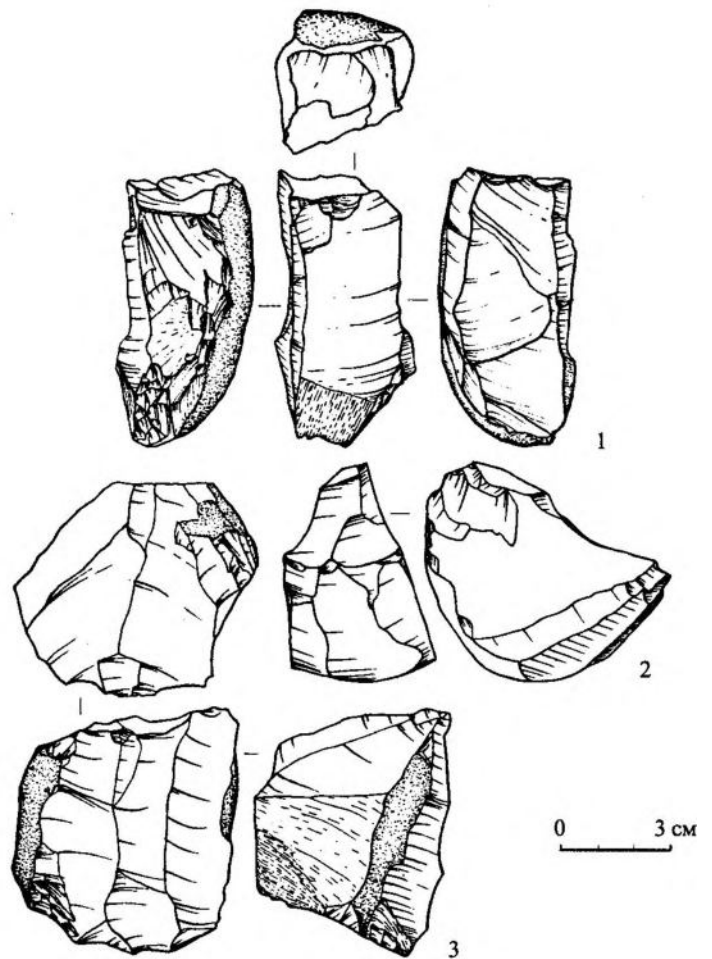

Рис. 5. Авсерьгово 2. Каменный инвентарь.
Нуклеусы. Кремь (№ 2 – по Л.В. Кольцову [6])

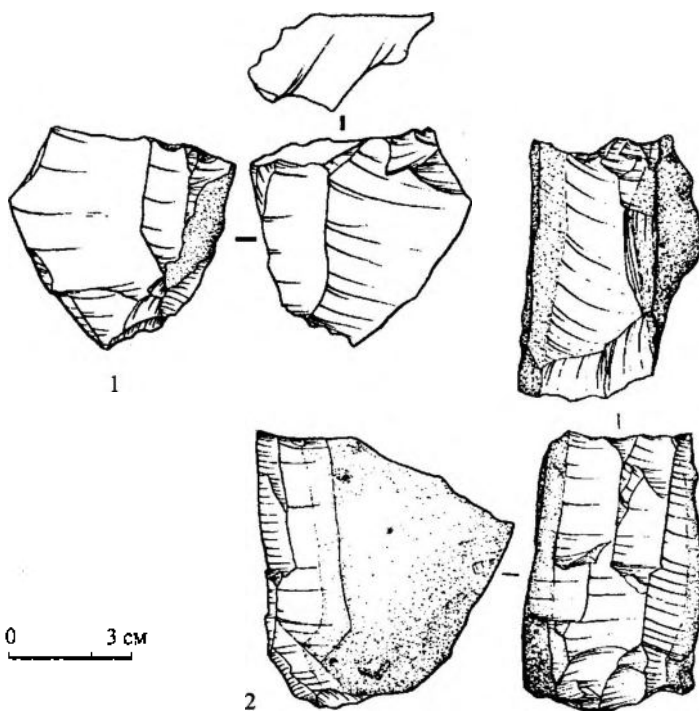

Рис. 6. Авсерьгово 2. Каменный инвентарь.
Нуклеусы. Кремь

Орудия для обработки камня – 24 экз. (33% от всех орудий). Среди них – 20 отбойников и 2 ретушера. Ещё один предмет по описи определён как шлифовальная плитка (?), и последний – фрагмент гранитной плитки, – возможно, использовался как наковаленка (?), но следов использования не видно.

Морфологически выраженных орудий – 48 экз. Заготовками служили отщепы и пластины – примерно в равной доле, реже использовались небольшие кремнёвые гальки. Толщина заготовки колеблется от 0,35 до 2,1 см, ширина – от 1,8 до 4,45 см. Для производства каменных орудий в процессе вторичной обработки применялись ретушь (преобладает крутая среднефасеточная и вертикальная с бруска, есть изделия, оформленные с применением встречной ретуши), техника резцового скола для производства резцов и односторонняя оббивка.

Скребок – 10 экз. (рис. 7), все концевые (1 скребок – концевой двойной – рис. 7: 5), на пластинах – 6, на отщепах – 4. Длина целых скребков колеблется от 3,0 до 6,1 см, ширина заготовок – от 1,6 до 3,2 см, толщина – от 0,41 до 1,6 см. Лезвия – дугообразные или дугообразно скошенные крутой среднефасеточной ретушью по спинке. Два скребка – с прямым и прямым слабоскошенным лезвиями. Ещё два концевых скребка учтены в группе комбинированных орудий (см. ниже).

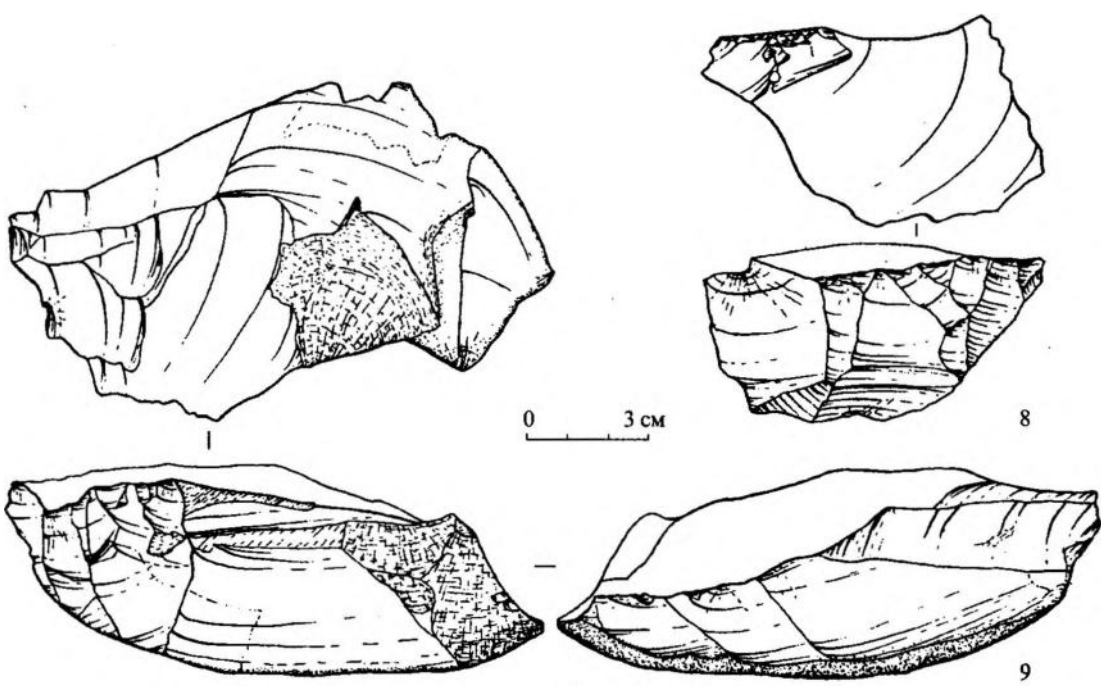
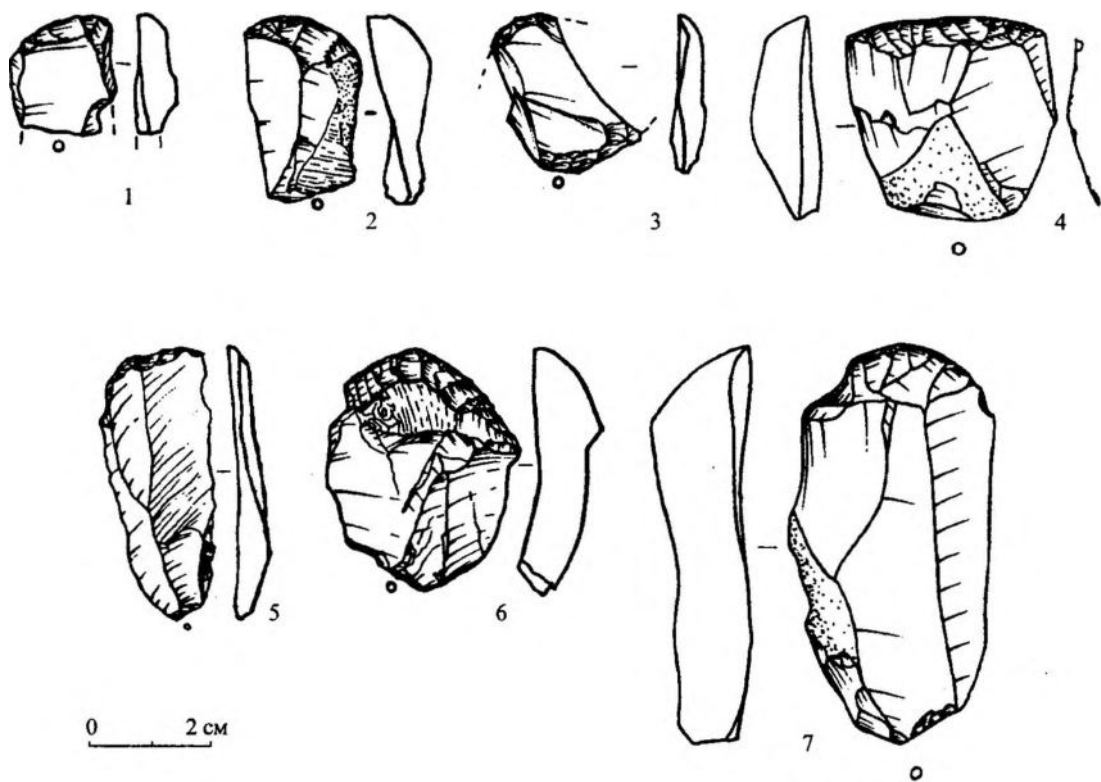

Рис. 7. Авсерьгово 2. Каменный инвентарь.
 1-7 – скребки; 8, 9 – нуклеусы. 1-8 – кремь; 9 – кремнистый известняк
 (№№ 4, 7 – по Л.В. Кольцову [6])

Резцов – 14 экз.: 3 – на пластинах, 8 – на отщепах, 1 – из кремнёвой гальки, у двух тип заготовки неясен (рис. 8). Ширина заготовок от 0,9 до 4,1 см, толщина – от 0,65 до 2,3 см. Ширина резцовой кромки – от 0,21 до 0,66 см.

Преобладают резцы с неподработанной площадкой скола (на сломе или окончании заготовки) – 8 экз. (5 на отщепах, 2 на пластинах), из них два двойных резца (рис. 8: 3, 8) и два одинарных поперечных (рис. 8: 1). Ретушных – 3 экз. (2 на отщепах и 1 выполнен на сколе переоформления орудия) (рис. 8: 2, 7, 13). Среди них

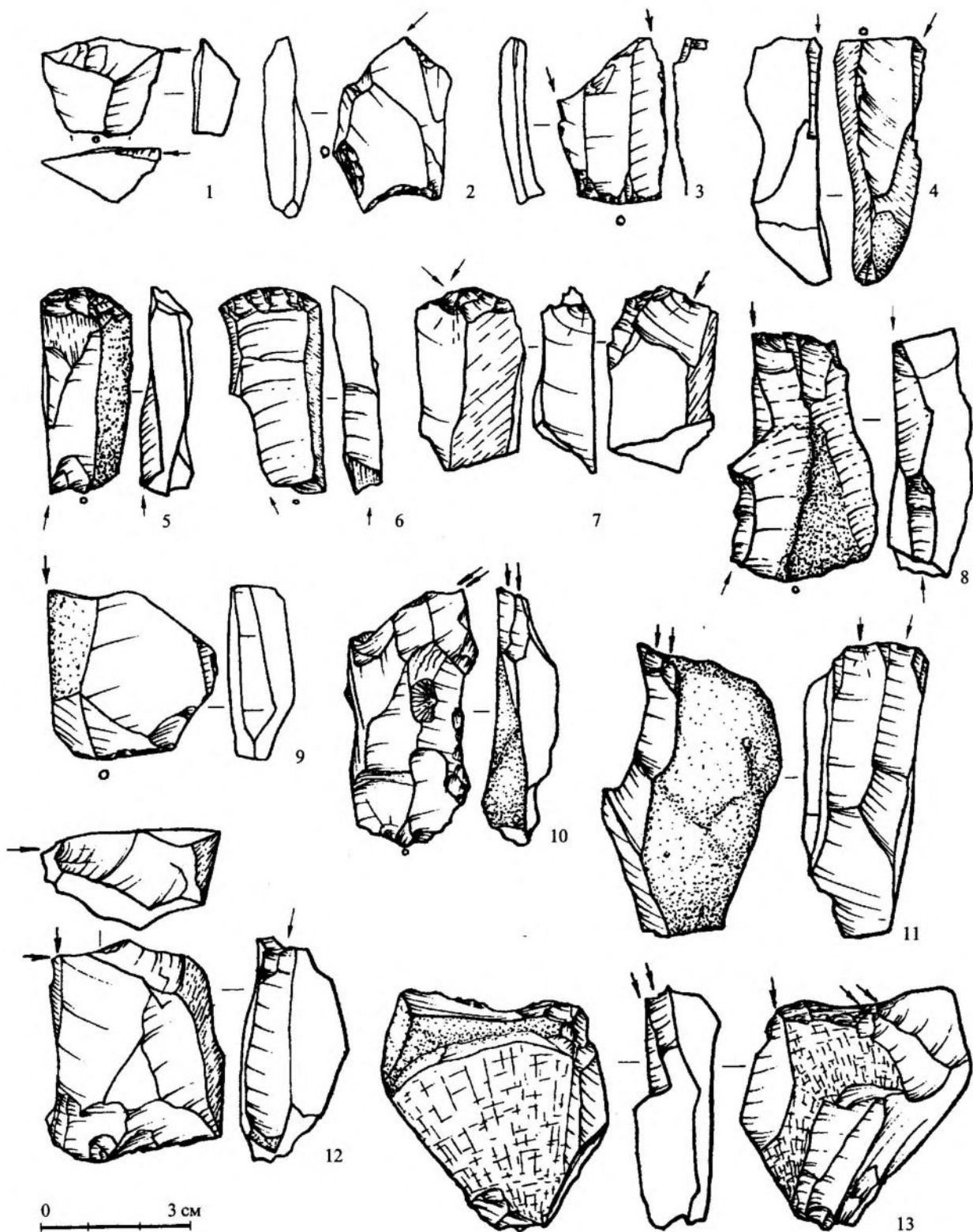

Рис. 8. Авсергово 2. Каменный инвентарь.
 1-4, 7-13 – резцы; 5, 6 – комбинированные орудия. Кремль
 (№№ 2, 3, 9 – по Л. В. Кольцову [6])

два с вогнутыми ретушированными площадками (1 – двойной плоский), ещё у одного ретушного резца площадкой плоского резцового скола послужило лезвие скребка. Резцов с площадкой, оформленной резцовым сколом, – 2, оба на отщепах (рис. 8: 10, 12), кромки смещены от центральной линии заготовки.

Скошенных острий из пластин 2 (рис. 9: 6, 14) (ширина заготовок 1,2 и 2,4 см). У первого дугообразно скошен вертикальной ретушью с бруска проксимальный конед. У второго – крупной (на всю толщину

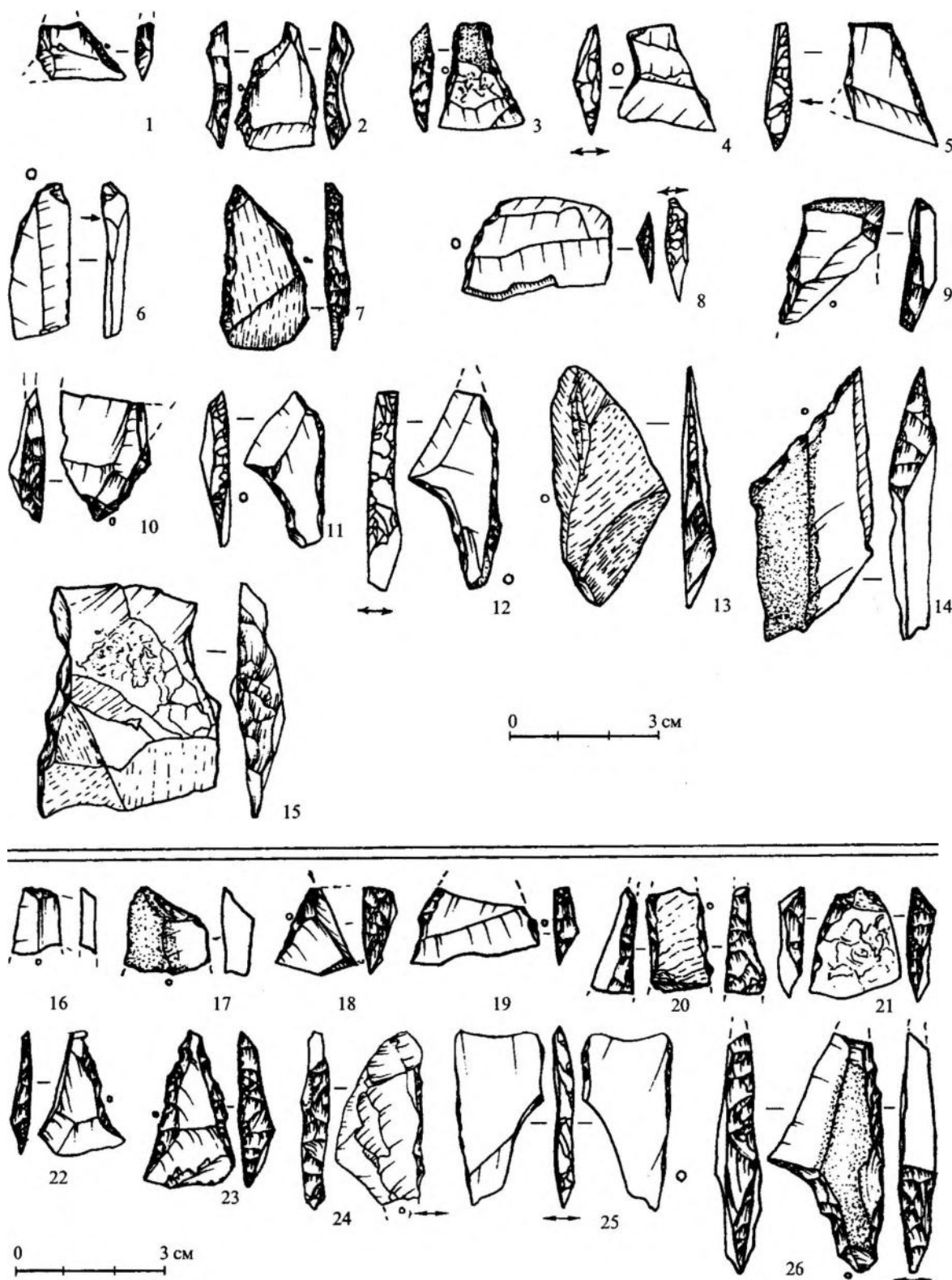

Рис. 9. Авсер'гово 2. Каменный инвентарь. Трапеции и обломки трапеций, наконечники стрел, скошенные острия и отщепы с "обушком".

1-15 – находки из мезолитического слоя; 16-26 – изделия, переотложенные в результате нарушений мезолитического слоя. 1-12, 14, 16-26 – кремь; 13, 15 – кремнистый известняк (№№ 4-6, 8, 11, 12, 15 – по Л.В. Кольцову [6])

заготовки – 0,65 см) вертикальной регушкой с брюшка усечена проксимальная часть пластины под углом примерно 45 градусов.

Асимметричных наконечников стрел с боковой выемкой 3 экз. (один найден в переотложенном состоянии) (рис. 9: 11, 12, 26). Заготовками служили отщепы толщиной 0,61-0,82 см. Все три наконечника оформ-

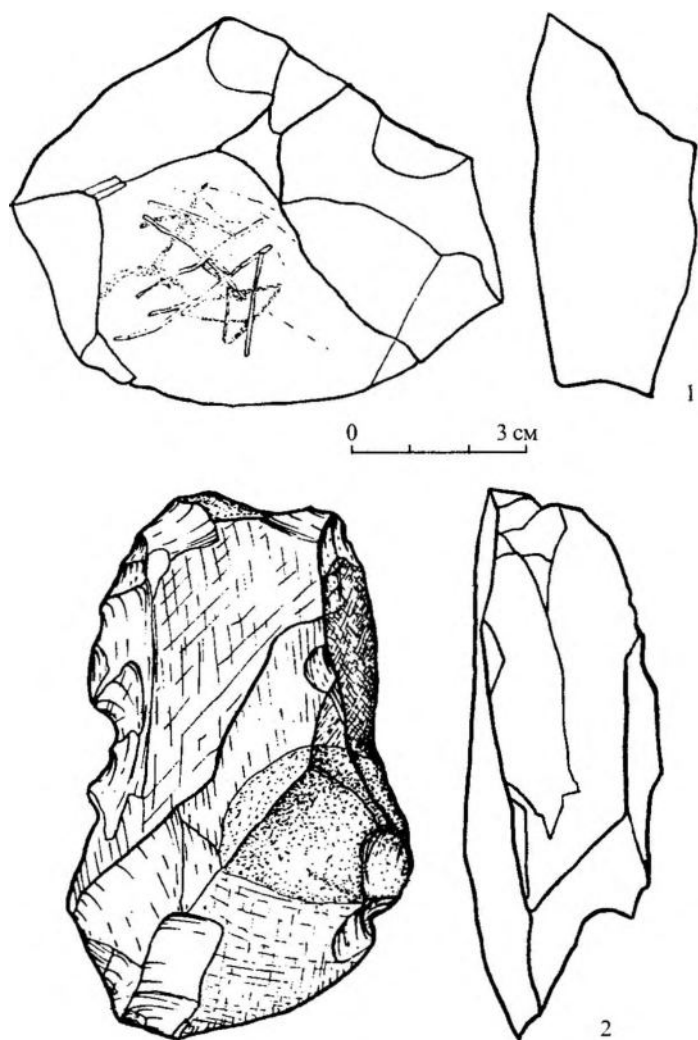

Рис. 10. Авсер'гово 2. Каменный инвентарь.
1 – отщеп с "гравировкой" (?), кремнистый известняк;
2 – заготовка рубящего орудия, кремнь

цы на пластинах (рис. 8: 5,6). Скребки концевые, лезвия выпуклые, оформлены крутой среднефасеточной ретушью по спинке. С противоположного скребковому лезвию конца с неподработанной площадки у обоих орудий нанесён резцовый скол.

Неопределимых обломков орудий 2 экз.; отщепов с ретушью -- 3 экз.

Краевых отщепов резцов 7 экз.

Кроме этого в коллекции обнаружен отщеп из опоки (кремнистого известняка) с тремя парами прочерченных линий (рис. 10: 1). Возможно, эти полосы были процарапаны не преднамеренно, но не исключается и сознательное нанесение "рисунка".

Рассмотренный выше инвентарь нижнего культурного слоя стоянки Авсер'гово 2 имеет следующие черты:

- 1) техника расщепления направлена на получение пластин и отщепов, но уровень развития техники скалывания пластин очень низкий, пластины правильной огранки единичны, техника получения микропластин не развита. Пластинчатость рассмотренного комплекса составляет всего 3,5%;
- 2) пластинчатость комплекса морфологически выраженных орудий составляет 50%. Этот показатель соответствует данным, полученным для материалов других иеневских памятников [10; 11];
- 3) доля орудий со вторичной обработкой составляет всего 0,82% комплекса;
- 4) во вторичной обработке преобладает крутая среднефасеточная по спинке и вертикальная ретушь; приотстригающая или пологая ретушь отсутствует;
- 5) представлены все основные группы орудий, характерные для других иеневских мезолитических памятников Волго-Окского бассейна; отсутствуют лишь выемчатые орудия, законченные рубящие орудия, перфораторы – как правило, единично присутствующие в других иеневских комплексах;
- 6) наиболее многочисленные категории орудий – резцы и геометрические микролиты (трапеции);
- 7) наличие серии высоких трапеций в сочетании с наконечниками с боковой выемкой и скошенными острями и присутствие единичной низкой трапеции;

лены крутой и вертикальной ретушью по спинке (на некоторых участках ретушь встречная). Одна сторона наконечников (у всех трёх правая) срезана крутой или вертикальной ретушью вдоль оси орудия, на другой оформлена выемка. Длина наконечников 3 см и более 4,5 (у двух, более крупных, экземпляров утрачен кончик пера) см. Не исключено, что у целого наконечника тоже в процессе обработки был сломан конец пера и впоследствии слом подправлен ретушью (рис. 9: 11).

Трапеций и обломков – 14 (6 переложены?). Основной заготовкой служила пластина (10 экз.), одна трапеция сделана из отщепа, у остальных тип заготовки поясен. Ширина заготовок, из которых были сделаны геометрические микролиты, варьирует от 2,1 до 3 см, толщина – 0,3-0,75 см. Из слоя происходят три целых высоких асимметричных трапеции, одна высокая симметричная и одна низкая асимметричная (рис. 9: 3-5, 2, 8). Ещё одна целая высокая симметричная трапеция залегала вне мезолитического слоя (рис. 9: 23). Остальные изделия представлены обломками высоких или симметричных или слабоасимметричных трапеций.

Ещё одно орудие (рис. 9: 15) – по форме очень крупная (размерами 4,5×3,5 см) высокая слабоасимметричная трапеция с вогнутыми сторонами – сделано из кремнистого известняка.

Кроме этого в коллекции есть два отщепа (один переложен) подтреугольной формы, один край которых усечён вертикальной ретушью с брюшка (рис. 9: 13, 24).

Заготовок рубящих орудий 2 (рис. 10: 2). Одна заготовка – из гальки низкокачественного кремня подтрапециевидной формы с намечающимся перехватом, оформлена грубой оббивкой по спинке. "Брюшко" плоское, не обработано, оставлена естественная окатанная поверхность гальки. Другая заготовка рубящего орудия выявлена по описи – представляет собой отщеп с двусторонней оббивкой.

Комбинированных орудий 2 экз. -- скрепки-рез-

8) эпизодическое использование в качестве сырья кремнистого известняка, в том числе для изготовления микролитов.

Перечисленные выше особенности каменного инвентаря противоречат мнению Л.В. Кольцова, который считал, что «наблюдается технологическая и морфологическая деградация каменного инвентаря. Если техника раскалывания кремня остается в основном прежней (направленной на получение отщепов – Е. Л.), то техника вторичной обработки становится небрежной и грубой... Найдены только подовальные и подпрямоугольные топоры и тесла, остальные типы рубящих орудий исчезли... Почти вдвое сокращается список типов орудий, известных в момент расцвета культуры (иеневской – Е. Л.) на ее втором этапе...» [3].

Анализ распределения кремня по площади раскопа показал, что в плане кремень различного цвета образует группы (соответствующие скоплениям или части скопления) (рис. 11). Жёлтый и жёлто-сиреневый кремень преобладает в северных скоплениях № 1, 4 (кв. 10, 8-8а) и в группе южных (скопления № 11-14, кв. 21, 11) (рис. 11). Также отмечается концентрация обожжённого кремня в центральной части раскопа на квадратах 6 (скопление 5), 16 (скопление 6), 5 и 4А (скопление 9) (рис. 11). Скопление обожжённого кремня может указывать на наличие в древности на этом месте кострища. Но необходимо отметить, что в вышележащих слоях, на кв. 5, 6, 16 выявлено несколько позднейших ям (рис. 11), в заполнении которых были зафиксированы прослойки угля и золы. Хозяйственная деятельность позднейших насельников, связанная с огнём, на этом участке могла оказать непосредственное воздействие на состояние кремня. Первичные скопления не образуют столь явных пиков: максимум первичных сколов зафиксирован на кв. 3 (более 40 отщепов из скопления № 10) и 40 экз. на кв. 8а (скопление № 4).

Всего в мезолитическом культурном слое раскопом вскрыто 14 скоплений расщеплённого кремня.

Скопление № 1 расположено в северо-западной части раскопа на кв. 10 (секторы б, в) и уходит в северо-западную стенку, зафиксировано на глубине –70 - –78 см (0,85-0,93 м от современной дневной поверхности). В исследованной части представляет собой полукруг 130×50 см. В составе скопления 1 первичный отщеп, 7 крупных, 17 средних, 27 мелких отщепов (по плану – 126 отщепов, 11 пластин). Преобладают кремни беловато-бежевого цвета. Также есть изделия из сиреневого и жёлтого кремня, единичны – изделия из серого. Методом ремонтажа установлено, что несколько отщепов бежевого цвета сколоты с одного желвака. Обожжённых кремней нет.

Скопление № 2 расположено на кв. 9а и 10а примерно в 1,8 м к югу от скопления 1. Частично разрушено оползнем, «очень густое и компактное. В сохранившейся части вытянуто вдоль края бровки примерно на 70 см» [6]. Выявилось на глубине –69 - –72 см (0,85-0,88 м от поверхности). В его составе 161 отщеп, 7 пластин, пуклеус и скол подправки нуклеуса, а также один резец. Все кремнёвые изделия выполнены из кремня различных цветов.

Скопление № 3 (кв. 19) выявлено на глубине –92 - –94 см (1,07-1,09 м), подокруглое в плане, площадь 0,2 кв. м. В отчёте отмечено, что, «возможно, скопление было в какой-то ямке, но ее очертания не прослеживаются ни в плане, ни в профиле...». В составе скопления 1 нуклеус, 130 отщепов, 7 пластин; орудий и отходов их производства нет. Преобладают изделия из кремня серых оттенков.

Скопление № 4 (кв. 8 и 8а) выявлено на отметках –81 - –88 см от репера (0,98-1,05 м), «имело неправильную форму размерами 1,2×1,1 м (1,3 кв. м). Его южная часть была менее густой, чем остальные». Найдены 2 нуклеуса, 947 отщепов (в том числе 40 первичных), 33 пластины, 1 резец, 4 орудия для обработки камня (отбойники и ретушёр), 1 краевой отщеп резца.

Скопление № 5 (кв. 6), зафиксировано на глубине –78 - –80 см (0,99-1,01 м от поверхности), подовальной формы, размеры 0,8×0,54 м (0,43 кв. м). В его составе нуклеус и нуклевидный кусок, 310 отщепов, 6 пластин, 1 краевой отщеп резца.

Скопление № 6 (кв. 16) выявлено на глубине –95 - –96 см (1,16-1,17 м), округлое, диаметром около 0,5 м, в составе скопления 4 нуклевидных куска, 86 отщепов, 2 пластины и 1 резец.

Скопление № 7 (кв. 6 и 6а) обнаружено на глубине –80 см (1,17 м от поверхности), подовальной формы, 0,6×0,4 м. Состоит из 1 нуклеуса, 113 отщепов, все кремни обожжённые, красного цвета.

Скопление № 8 (кв. 14) зафиксировано на глубине –81 - –84 см (0,85-0,88 м от поверхности), неправильной подпрямоугольной формы, размерами 0,6×0,35 м. Состоит только из отщепов (180), часть которых сделана из кремнистого известняка. Возможно, потревожено ямой, опущенной из верхних горизонтов.

Скопление № 9 (кв. 3, 4, 3а-6а) выявлено на глубине –58 - –69 см (0,49-0,6 м от поверхности), имеет форму неправильной дуги, общая длина в сохранившейся части 0,8 м, частично разрушено осыпью береговой кромки. Найдено 4 нуклеуса и нуклевидных куска, 825 отщепов, 3 пластины, скребок, накопечник стрелы. На различных участках этого скопления использовалось различное по цвету сырьё.

Скопление № 10 (кв. 2, 3, 12, 13) зафиксировано на глубине –66 - –70 см (0,65-0,69 м от поверхности), размеры 0,6×0,4 м (0,24 кв. м). В его составе только 145 отщепов и 1 пластина. В скоплении отмечено более 40 первичных отщепов.

Скопление № 11 (кв. 1, 11) выявлено на глубине –62 - –69 см (0,62-0,69 м от поверхности). Оно неправильной, чуть вытянутой, формы, размером около 0,48 кв. м (границы нечёткие). В составе скопления 2 нуклеуса, 330 отщепов, 3 пластины и отбойники. Преобладают изделия из сиреневого и жёлто-сиреневого кремня.

Последние два (или три) скопления сильно потревожены позднейшим перекопом.

Скопление № 12 (кв. 1, 1а, 21) частично разрушено оползнем, выявлено на глубине –33 - –46 см (0,45-0,58 м от поверхности), размеры раскопанной части 2,2×1,2 м.

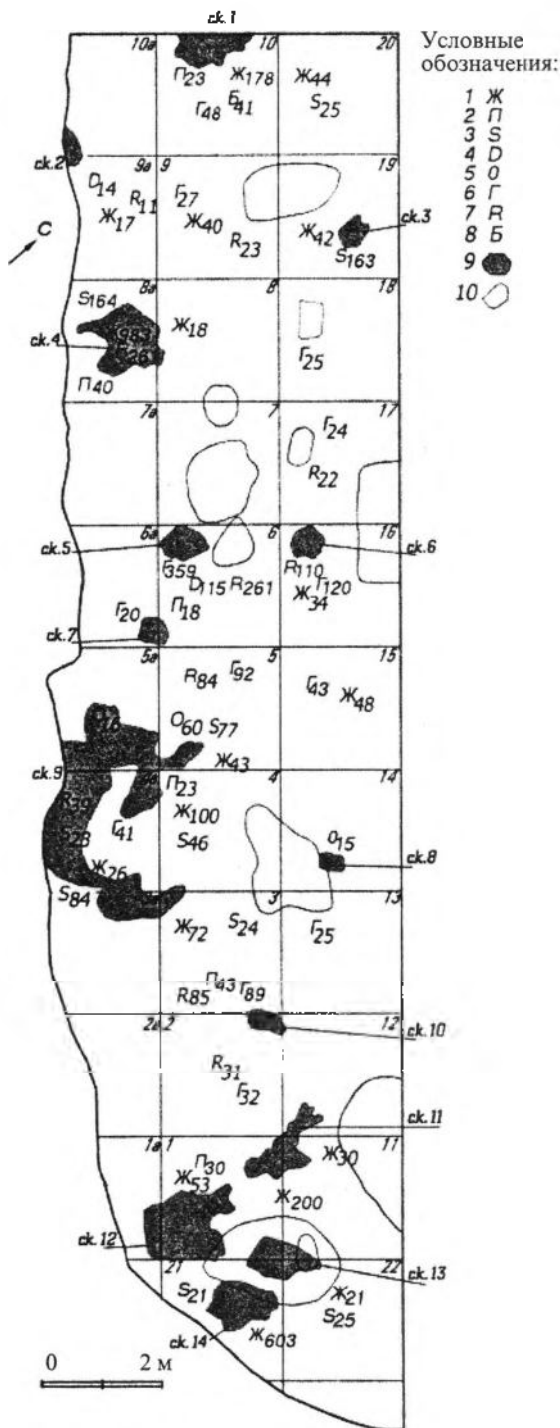

Рис. 11. Авсер'гово 2. План распределения первичных, обожжённых отщепов и отщепов из сырья различного цвета (числовой индекс соответствует количеству отщепов). 1 – жёлтый кремь; 2 – первичные отщепы; 3 – серый кремь; 4 – тёмно-серый кремь; 5 – кремнистый известняк; 6 – обожжённый кремь; 7 – красный кремь; 8 – бежевый кремь; 9 – скопления (ск.) кремья; 10 – контуры позднейших ям, перенесённые с планов верхних горизонтов

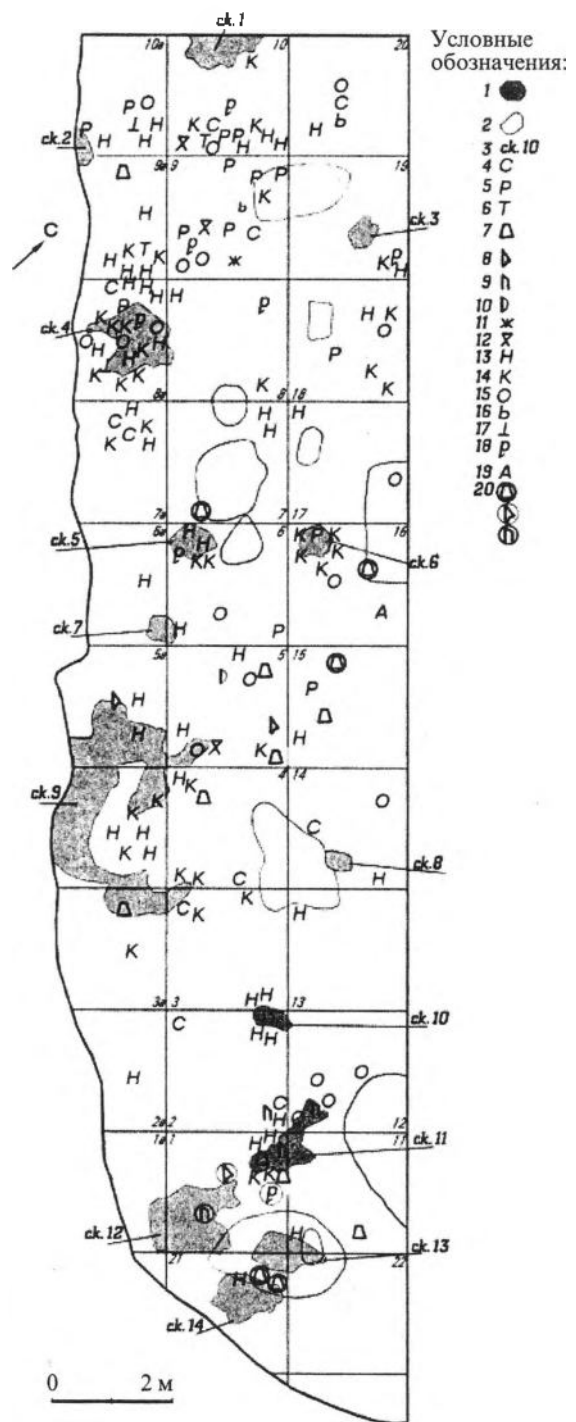

Рис. 12. Авсер'гово 2. План распределения нуклеусов, орудий и технологических отходов производства каменных орудий. 1 – скопления кремья; 2 – контуры позднейших ям; 3 – номер скопления (ск.); 4 – скребок; 5 – резец; 6 – рубящее орудие; 7 – трапеция; 8 – наконечник стрелы; 9 – скошенное остриё; 10 – отщеп с "обушком"; 11 – обломок орудия; 12 – отщеп с ретушью; 13 – нуклеус; 14 – нуклеидный кусок; 15 – отбойник; 16 – ретушёр; 17 – наковаленка; 18 – краевой отщеп резца; 19 – отщеп с "гравировкой" (?); 20 – переотложенные находки

Находки из скопления № 13 (кв. 1, 11, 21, 22) изначально были зафиксированы на плане третьего горизонта, но при перебелке чертежей к отчёту перенесены на план 4 горизонта. Проекция глубин находок на стратиграфический разрез показывает, что расщеплённые кремни из скопления 13 залегают выше погребённой почвы на 20 см.

Все рассмотренные выше скопления занимают очень небольшую площадь, имеют простую структуру (исключение составляет скопление № 9) и, вероятнее всего, образовались в результате первичного расщепления 1-3 желваков с целью получить необходимые заготовки для орудий. Возможно, каждое из скоплений – это остатки деятельности одного человека в один отрезок времени. Расположение скоплений в непосредственной близости друг от друга (на расстоянии 1,5-2 м) может свидетельствовать о том, что образовались они не одновременно, а последовательно. Однако чёткая структура расположения скоплений, отсутствие скоплений, перекрывающих друг друга, позволяют предположить, что временной разрыв между их образованием был невелик, возможно, в пределах деятельности одной группы людей.

Скопление 9 имеет форму дуги (подковообразное скопление). Подобные скопления ранее зафиксированы на стоянках Велетьминская 9, Бутово, Красное 1. Интересно отметить, что форма этих скоплений не связана с естественным рассеиванием кремня в процессе первичного расщепления, когда расколотый камень разлетается полукругом или веером от мастера. Природа этих скоплений заключается в существовании ряда последовательных или одновременных площадок по первичному расщеплению кремня и/или производству орудий, иногда сопряжённых с кострищем (Бутово 1). В скоплении 9 не выявлено чётких участков с различным набором артефактов. Состав его в целом сопоставим с составом других скоплений, однако, по цвету сырья выделяется несколько отдельных участков. Подковообразные скопления ранее отмечались мною на четырёх мезолитических памятниках и, вероятно, являются не случайными образованиями, а результатом наложения следов нескольких индивидуальных мест, связанных с первичным расщеплением камня и производством орудий.

Подавляющее большинство орудий залегает в плане вне скоплений и образует три группы: северную, центральную и южную (рис. 12).

Первая группа расположена в северной части раскопа между скоплениями 1-4, причём орудия не входили в состав какого-либо из скоплений, а залежали на участках с небольшим количеством находок. В этой группе: 10 резцов (рис. 8: 1-4, 7, 9, 11, 13); 4 (возможно, 6) скребка (рис. 7: 2, 4, 5, 6-?); 2 заготовки рубящих орудий (рис. 10: 2), одна высокая трапеция (рис. 9: 7). Здесь также зафиксировано 3 краевых отщепов резцов, 9 отбойников, две наковальни (?), 23 нуклеуса (рис. 4: 1, 4; 5: 2; 6: 2) и 19 нуклевидных кусков.

Вторая, центральная, группа связана со скоплениями 5-9, которые в плане образуют кольцо. В её составе три резца (рис. 8: 12) и 1 краевой отщеп резца; 2 асимметричных наконечника стрел (рис. 9: 11, 12); 4 трапеции и 1 обломок трапеции (рис. 9: 3-5, 9, 15) (ещё две трапеции переотложены); отщеп с обрубкой ретушью по краю (рис. 9: 13); 3 скребка (рис. 7: 1, 3). Кроме этого найдены 5 отбойников, 15 нуклеусов (рис. 4: 2, 3-?; 5: 1, 3; 7: 9; 6: 1) и 17 нуклевидных кусков.

Последняя, южная, группа связана со скоплениями 12-14 и, возможно, 10. Как уже отмечалось выше, отщепы из скоплений не имеют нивелировочных отметок, есть только отметки верха и низа скопления. Изначально скопления 12-14 были зафиксированы на планах третьего горизонта – горизонта эпохи бронзы, однако позднее находки были перенесены на планы 4 горизонта. Но часть находок имеет достаточно глубокие нивелировочные отметки, поэтому эта группа выделяется условно. В составе группы 4 скошенных острия (1 точно переотложено) (рис. 9: 6, 14, 17); 5 трапеций и обломков (рис. 9: 1, 2, 8, 10), 2-3 скребка, резцов нет, один переотложенный асимметричный наконечник стрелы, 10 нуклеусов (рис. 4: 5; 7: 9), 4 отбойника.

Состав орудий в трёх группах несколько отличается друг от друга. В северной группе преобладают резцы, там же зафиксированы несколько краевых отщепов резцов, скребки, обе заготовки рубящих орудий. В составе центральной группы – два из трёх асимметричных наконечника стрел, четыре трапеции, три из которых очень близки друг другу по пропорциям и форме. В третьей группе сосредоточены все скошенные острия, найденные на стоянке, а также значительное число трапеций. Несмотря на явные различия в составе орудий, группы объединяют наличие во всех них трапеций, в том числе высокой формы, а также техника вторичной обработки, применявшаяся для изготовления орудий.

В заключение следует отметить, что материалы мезолитического слоя памятника Авсерьгово 2 можно с уверенностью отнести к иеневской мезолитической культуре. Специфика структуры каменного инвентаря Авсерьгово 2 – огромная доля изделий, связанных циклом первичной обработки камня, – может быть объяснена спецификой вскрытого участка памятника, а также тем, что памятник расположен на террасе московско-валдайского времени, в основании которой залегают две морены. Обилие не очень качественного сырья влияет на структуру каменного комплекса: значительно увеличивается доля группы нуклевидных и сколов за счёт брака при расщеплении легко доступного, но низкокачественного сырья.

В коллекции мезолитического слоя представлены почти все категории орудий, характерные для иеневских памятников; соотношение орудий весьма примечательно: наиболее представительные группы орудий – трапеции и резцы, скребков – в два раза меньше. Возможно, всё это отражает специфику лишь вскрытого участка, а не мезолитического памятника в целом. Проблема синхронности материалов мезолитического слоя сегодня не может быть решена однозначно, но можно заключить, что если рассматриваемые выше три группы скоплений и разновременны, то, судя по технико-морфологическим характеристикам каменного инвентаря, временной разрыв между ними незначителен. Возможно, они являются следами одного или нескольких посещений рассматриваемого места одной группой населения.

Стратиграфическое положение мезолитических находок, довольно жёстко привязанных к кровле погребённой почвы, позволяет обратиться к данным палинологического анализа образцов, отобранных А.Е. Кравцовым [4; 5]. По заключению Е.А. Спиридоновой, «**формирование отложений, содержащих мезолитический инвентарь** (образцы 5-8 – рис. 2⁵), отнесено к одной из начальных фаз пребореального периода, который соответствует интервал 9800-9600 лет назад в радиоуглеродном исчислении» [5]. Таким образом, мезолитический слой оказывается запечатанным отложениями пребореального времени.

Коллекция нижнего слоя памятника Авсергово 2 является одним из наиболее ранних известных иеневских комплексов, которому присущи следующие черты: основными заготовками для орудий служили отщепы и пластины в равной мере, но техника получения пластинчатого скола не была развита; во вторичной обработке доминирует кругая и вертикальная ретушь в сочетании с техникой резцового скола и оббивки при полном отсутствии пологой и приостраивающей ретуши; сочетание высоких трапеций с асимметричными наконечниками стрел с боковой выемкой.

⁵ Устное сообщение А.Е. Кравцова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: Тез. пленарных докладов Всесоюзной конференции. Л., 1979.
2. Кольцов Л.В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
3. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).
4. Кравцов А.Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
5. Кравцов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990-х годов) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103).
6. Кольцов Л.В. Отчет Верхневолжской экспедиции о работах в Калининской области в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9964.
7. Кравцов А.Е. Отчет о работе мезолитической экспедиции ГИМ в Ярославской и Тверской областях в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 19533.
8. Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки родового общества. Участок Скнятино – Молога // Известия ГАИМК. Вып. 109. М., 1935.
9. Обедиенцова Г.В. Эрозийные циклы и формирование долины Волги. М., 1977.
10. Леонова Е.В. К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Оки // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
11. Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Труды ГИМ. Вып. 96. М., 1998.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E.V. Leonova

AVSERGOVO 2 SITE (the Mesolithic Layer)

Summary

The article is devoted to the materials found on the multi-layer site Avsergovo 2. The materials of the Mesolithic were identified on the basis of the data gained during consideration of the collection of finds as well as in stratigraphic analysis. The structure of stone inventory as well as the stratigraphic and planographic analysis made the author come to the conclusion on cultural and chronological unity of the materials considered, and on their belonging to the Mesolithic Ienevo culture. The Mesolithic cultural layer is connected with ancient buried soil. According to the data gained from the palynologic analysis of the buried soil it was formed in the beginning of the Preboreal period, and so did the deposits which lie over and under the Mesolithic layer. The Mesolithic site Avsergovo 2 is one of the most ancient dated monuments of Ienevo culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Н.Б. Васильева, Н.В. Косорукова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ЛИСТВЕНКА 8 В БАССЕЙНЕ ШЕКСНЫ

Исследование археологических памятников с песчаным культурным слоем предполагает изучение ограниченного набора артефактов: это каменный инвентарь, а также некоторое количество кальцинированных костей и мелких угольков. Памятники эпохи мезолита различаются насыщенностью культурного слоя, занимаемой площадью, но, как правило, состоят из одного или нескольких скоплений инвентаря. Учитывая, что удобные места для поселений использовались неоднократно, при исследовании таких памятников остро встаёт вопрос о необходимости расчленения разновременных комплексов. Стратиграфические наблюдения на дюнных мезолитических стоянках не всегда информативны, удачные примеры поглубинного залегания типологических "индикаторов" крайне редки. Но необходимость дать критическую оценку источнику побуждает вести изучение пространственной организации стоянок и решать проблему синхронности формирования комплекса. Одна из таких попыток представлена в данной работе.

Стоянка Лиственка 8 относится к числу наиболее интересных и своеобразных среди мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья. Памятник располагается в Бокситогорском районе Ленинградской области на левом берегу Колпи, в 8 км юго-юго-восточнее д. Лиственка и в 8 км ниже по течению от стоянки Лиственка 3Б. Памятник расположен на невысокой узкой (10-15 м) песчаной гряде, проходящей вдоль края первой надпойменной террасы, высота над уровнем воды – 6 м. В 1996 г. на памятнике были проведены аварийные раскопки на площади 240 кв. м [1]. Необычность стоянки определяется прежде всего нетипичной статистической картиной найденного здесь инвентаря. Состав полученной коллекции, где из 32901 экз. каменных изделий на пластины и изделия со вторичной обработкой приходится чуть более 1% (335 пластин и 192 предмета с ретушью), а остальной инвентарь – отщепы, осколки и обломки кремня, резко отличает её от других мезолитических стоянок [1, с. 168]. Практически все кремнёвые изделия изготовлены из местного галечного кремня "плохого качества", визуальное происхождение с выходов сырья, расположенных в 2 км ниже по течению. Под понятием "плохое качество" в данном случае подразумевается, что кремнёвое сырьё неоднородно по структуре, имеет участки большей и меньшей плотности, часто по внешнему виду ближе к кварциту, в нём присутствуют многочисленные каверны, кальцитовые шётки.

Типологическим методом в коллекции было выделено 192 предмета с ретушью. Среди них большинство составили отщепы и обломки кремня с ретушью – 88 экз., что необычно для мезолитических памятников Молого-Шекснинского междуречья, где большинство изделий со вторичной обработкой приходится, как правило, на скребки или пластины с ретушью. Здесь же найдено всего 20 скребков и 4 такие пластины. В типологический состав коллекции входят также 26 долотовидных изделий, 20 скобелей, 7 наконечников, 8 рубящих изделий и другие категории, представленные единично. Изделия из ножевидных пластин занимают 5,5% орудийного набора. Подробное описание орудий, выделенных типологически, уже приводилось в научной литературе [1]. В ходе дальнейших исследований были проведены трасологический, технологический и планиграфический анализы материала, которые позволили дать ему новую качественную оценку.

Трасологический анализ кремнёвых и сланцевых изделий производился при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2, при увеличении до 87,5 раза, по методике, разработанной С.А. Семёновым. Исследование показало наличие следов изношенности на части орудий, составляющей 140 экземпляров. Все изделия со следами утилизации были сгруппированы в функциональные типы в зависимости от вида обрабатываемого материала:

1. Орудия охоты и разделки добычи.
2. Орудия для обработки шкур.
3. Орудия для обработки твёрдых органических материалов (дерево, кость, рог).
4. Орудия для обработки камня и минеральной краски (охры).

В первую группу объединены наконечники стрел и ножи для разделки мяса. Наконечники стрел стоянки Лиственка 8 возможно разделить на две типологические группы: постсвидерского облика и кослезвийные, оформленные крутой ретушью на отщепе (рис. 1:21,29). На наиболее крупном экземпляре – наконечнике из тёмно-серой кремнёвой пластины – отмечено повреждение типа «язычкового слом» (рис. 1:21) – характерный признак метательного оружия. Остальные предметы, отнесённые к группе наконечников стрел, не имеют на своей поверхности заметных следов утилизации. К группе мясных ножей с достоверностью можно отнести 14 артефактов: 2 пластинчатых отщепы удлинённых пропорций, изготовленных из качественного

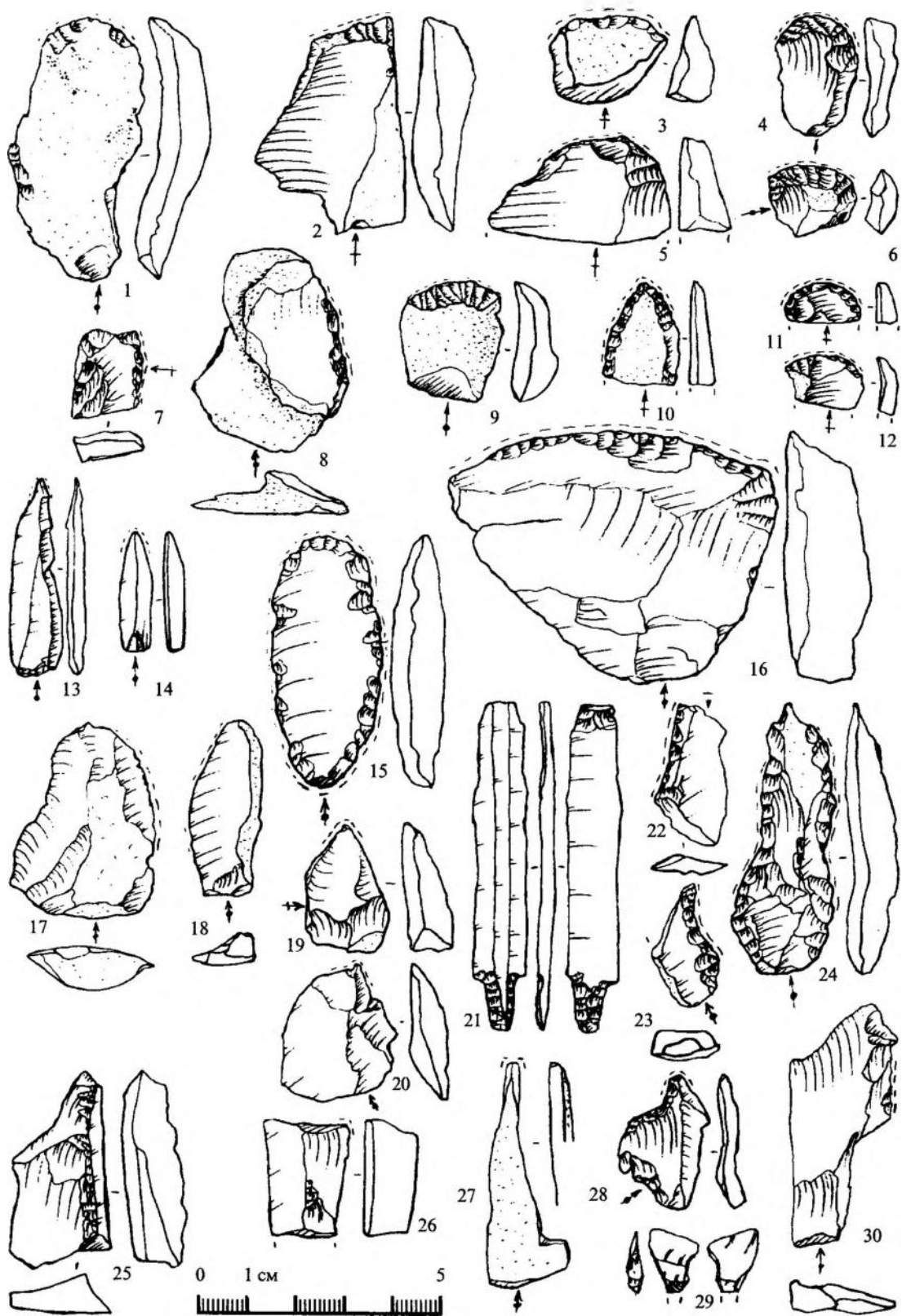

Рис. 1. Лиственка 8. Орудия, выделенные морфологическим и трасологическим методом

пластичного кремня (рис. 1: 17-18); 10 обломков пластин без ретуши и две микропластинки, определённые типологически как вкладыши составного орудия.

Орудия для обработки шкур – это 26 скребков различных типов и размеров, преимущественно изготовленных из отщепов (рис. 1: 1-12, 15, 16), а также 12 проколов, в качестве которых служили подработанные ретушью отщепы и пластины и остроконечные пластины без подработки (рис. 1: 13-14).

Группа изделий для обработки твёрдых материалов включает разнообразные функциональные типы.

Максимальное количество составляют скобели – 33 экз.; морфологически они представляют собой преимущественно аморфные отщепы с ретушью утилизации на рабочем участке (рис. 1: 22-24). Только 5 предметов намеренно оформлялись крутой ретушью для создания выпуклого лезвия. На втором месте по численности находятся свёрла – 12 экз., в качестве которых использовались отщепы с оформленным ретушью жальцем (рис. 1: 19-20, 28). Следы изношенности расположены на острие, они минимальны, не параллельны, часто находят друг на друга или пересекаются, следовательно, обитателями стоянки применялось ручное сверление. Резцы и резчики морфологически разнообразны – из 19 орудий только три типологически определены как изделия с резцовым сколом, остальные представляют собой отщепы и обломки изделий с естественными острыми участками (рис. 1: 26-27). Три пластины использовались как пилки по твёрдым материалам. Ещё три пластины и один отщеп (рис. 1: 30) имеют следы от строгания. С обработкой дерева связаны рубящие инструменты: три топора (два кремнёвых и один массивный сланцевый) и кремнёвое тесло. Самый массивный топор (?) имеет размеры 32×15×5 см и весит 2 кг. Помимо готовых изделий обнаружено 7 сланцевых отщепов со шлифованной спинкой, – вероятно, это отходы производства или следствие деформации лезвия при использовании сланцевых рубящих орудий. К этой же группе нужно отнести ещё 11 «долотовидных» изделий, которые использовались для обработки твёрдых материалов как маленькие долотца. Кремнёвые рубящие орудия изготовлены из крупных обломков породы, в одном случае – из целого куска, так как по всей поверхности сохраняется галечная корка.

Для обработки камня использовались отбойники. Обломок песчаниковой плитки с заглаженной поверхностью связан, вероятно, с операцией шлифования. Очень интересно изделие из сланцевого массивного отщепа: оно использовалось как пилка для охры. Таким образом, в коллекции выделено 140 изделий с достаточными для интерпретации следами изношенности, большинство из которых относится к 3 группе.

Технологический анализ материалов стоянки имел целью выделение технологического контекста производства и основывался на исследовании разнообразных кремнёвых изделий, включая отходы.

Ножевидные пластины составляют очень небольшой процент от общей массы инвентаря. Абсолютное большинство их является дистальными и медиальными частями сколов с одним ребром. Размеры этих фрагментов не дают представления о полном предмете. Целых и правильных пластин не более 10, и ни одна из них не превышает 5 см. Многие снятия имеют изгиб по всей длине или в дистальной части, причём не в профиле, а в плане снятия. Для исследования техники скальвания были отобраны пластины, сохранившие проксимальную часть. Таких снятий выделено 70 экземпляров. Только 5 из них имеют угол скальвания 80° и более; одна из ударных площадок ретуширована, другая имеет выпуклый участок зоны применения силового импульса в виде межфасеточного ребра. Преимущественный угол скальвания на остальных снятиях составляет 60-70°, есть показатели в 50°. Ударные площадки в большинстве широкие (до 8 мм), глубокие (до 5-6 мм), зачастую скошенные, 20 экземпляров – разбиты. Данные показатели явно свидетельствуют о применении удара для производства таких снятий. Измерение угла скальвания на нуклеусах показало, что на тех из них, на которых присутствуют негативы отщепов, соотношение между ударной площадкой и фронтом расщепления составляет около 70° (рис. 2: 1,3). Но на других образцах, сохраняющих негативы правильных пластин, угол скальвания составляет 80-90° (рис. 2: 7,9), как и на единственной в коллекции «таблетке», снятой с такого ядрища.

Нуклеусов, сохранивших на фронте расщепления негативы правильных пластин, очень мало. Из 34 предметов, которые могут быть охарактеризованы как ядрища, только 5 – типично торцовых нуклеусов – имеют на узком фронте расщепления следы правильных пластинчатых снятий (рис. 2: 7,9). Ещё один миниатюрный нуклеус – карандашевидный (рис. 2: 2). Остальные 28 ядрищ срабатывались по иной схеме. Общим для всех нуклеусов на стоянке является то, что для этой роли подбирались подходящие уплощённые отделимости сырья естественной формы. Большинство из них демонстрируют негативы снятых сколов-заготовок в широкой уплощённой части куска кремня. Границы таких негативов зачастую аморфны; вероятно, с таких ядрищ снимались пластинчатые отщепы (рис. 2). На большинстве ядрищ какая-либо подправка ударной площадки перед отделением сколов-заготовок отсутствует.

Просмотр отходов производства показал, что подавляющую часть обломков, осколков, отщепов и чешуек кремня составляют изделия, полученные с рыхлого, зернистого кремня "плохого качества", мало пригодного для производства ножевидных пластин. Среди данных изделий заметно преобладают отщепы уплощённых пропорций со следами однонаправленных и встречных негативов на спинке. Ударная площадка таких отщепов сформирована под углом 50-80° и имеет многочисленные негативы снятий. Из такого кремня изготовлены рубящие изделия. Создание нужной формы производилось путём оббивки краёв заготовки. При этом боковые стороны представляли собой ребро в 70°, а порой и широкую (до 2 см) плоскость, создающую с фасом угол в 90°. Заострение рабочего края имеет разные показатели: соответственно 60° в двух случаях и 40° – в одном. У двух изделий обухок приострён сколами до 60°.

На категориях нуклевидных обломков и кусков кремня со следами снятий необходимо остановиться подробнее. В данном случае обе категории объединены в одну группу благодаря похожим морфологическим показателям. Большинство изделий представляют собой аморфные куски кремня с негативами снятий, часто довольно хаотично расположенных, по 1-2 или нескольким сторонам (рис. 2: 5). Судить о назначении этих изделий затруднительно. Однако вряд ли древний мастер преследовал цель просто нанести несколько ударов, да ещё на такое большое количество кремнёвых кусков. Среди них выделяются несколько предметов, чья форма в плане приближается к подтреугольной (рис. 2: 4,6). Предметы довольно крупные, их размеры соответствуют представлениям о кремнёвых рубящих инструментах, выделенных в коллекции. Обра-

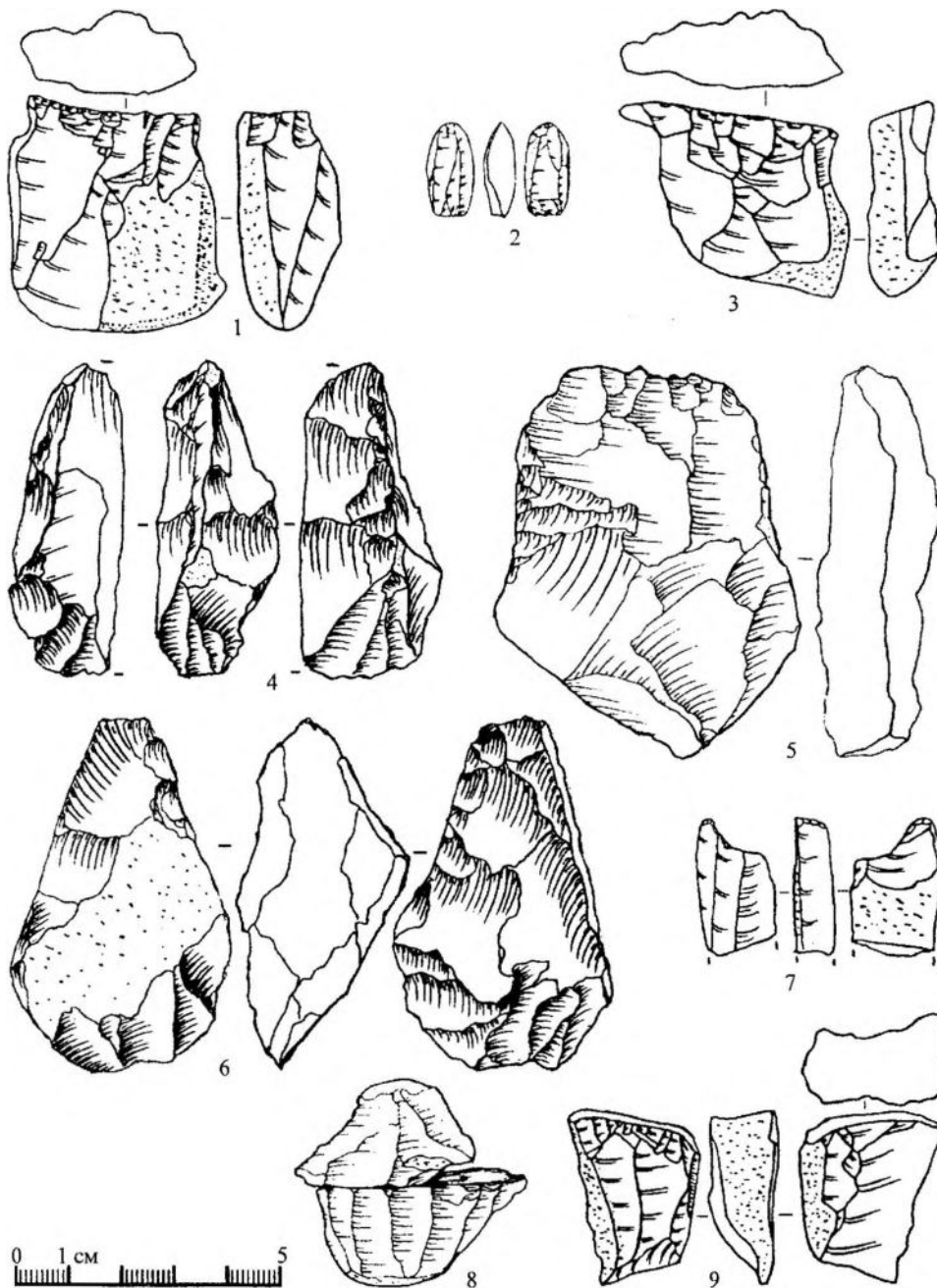

Рис. 2. Лиственка 8. Нуклеусы и куски кремня со следами снятий

ботка изделий заключается в скалывании отщепов, преимущественно с одной стороны куска кремня, но с пескольных рёбер, так что получается формирование односторонних рёбер, как на нуклеусах. Вероятнее всего, данные отходы связаны с производством двусторонних рубящих орудий. Выбор сырья в данном случае полностью согласуется с целью производства: именно такой малокачественный кремь наиболее оптимально подходит для производства рубящих изделий, т.к. плохо проводит удар и, следовательно, дольше сохраняет рабочие качества лезвия. Угол скалывания на таких предметах находится в пределах от 50° до 70° , что соответствует выделенному углу скалывания большинства "пластин". Стаповятся понятными и отсутствие подработки зоны расщепления, и широкие и глубокие площадки, и укороченные и массивные пропорции пластин. Обработка рубящих изделий была основана на том же принципе параллельного расщепления, что и утилизация нуклеусов. Это и послужило причиной "упадочной техники получения ножевидных пластин" из "кременя плохого качества". На самом деле технологическая характеристика индустрии должна исходить из тезиса о существовании на стоянке двух технологических линий: производства рубящих орудий, для чего как нельзя лучше подходило местное сырьё, и, в меньшей степени, производства ножевидных пластин. О последнем свидетельствуют и небольшое количество правильных пластин и немногочисленность правильных нуклеусов и характерных технологически определяемых сколов (рис. 1:25).

Планиграфическое исследование стоянки производилось в несколько этапов. Для анализа пространствен-

ной структуры исследуемого объекта составлялись чертежи поквadratного распределения различных групп инвентаря (рис. 3, 4):

- 1) функционально определимых изделий,
- 2) типологических групп изделий,
- 3) отходов кремнёвого производства,
- 4) кальцинированных костей (размещение по площади раскопа).

Затем производилось установление взаимосвязи между скоплениями инвентаря и возможными объектами культурного слоя.

Стоянка Лиственка 8.

Распределение изделий со следами утилизации по площади раскопа.

- / - мясной нож
- с - скребок
- п - проколка
- ▲ - накопчик
- ↓ - сверло
- с - скобель для дерева
- ∠ - наконечник косолезвийный
- ≈ - пила
- Λ - долото
- (- строгальный нож
- р - резец
- α - отбойник
- с - скобель для кости

Стоянка Лиственка 8.

Распределение различных типологических групп орудий по площади раскопа

- ▭ - ножевидная пластина, обломок
- - нуклеидный обломок, кусок кремня
- - отщепы с ретушью
- ш - предметы со шлифовкой
- с - скребок
- р - резец
- Δ - долотовидное орудие
- ⊕ - обломок орудия
- ▼ - нуклеус
- Л - технологический скол
- - орудие
- ⊙ - обломок орудия
- - рубящее орудие
- н - нож
- ♦ - остриё
- Σ - скобель

Рис. 3. Стоянка Лиственка 8. Распределение по площади раскопа: 1 - изделий со следами утилизации; 2 - различных типологических групп изделий

Средняя плотность распределения находок по площади раскопа составляет около 137 артефактов на кв. м. Этот показатель довольно высок для мезолитических стоянок. Недавние планиграфические исследования "дюнных" стоянок Волго-Окского междуречья дали возможность сопоставить некоторые статистические показатели. Оказывается, на большинстве памятников плотность распределения находок в скоплениях, т.е. в местах наибольшей их концентрации, не превышает 100 предметов на кв. м. Для примера: скопление Иенево – 108, Иенево II – 72, и только в Красново 1 – 627 экз. на кв. м [2, с. 50, табл. 1]. На стоянке Васильево, которая характеризуется как стоянка-мастерская, участки с плотностью находок 150 экз. уже оцениваются как места – индивидуальные мастерские [3, с. 114]. При обработке статистических данных Лиственки 8 показатель от 100 до 200 предметов на 1 кв. м был принят за средний по стоянке, т.е. определялся как нормальная или случайная плотность распределения. Поквадратный подсчёт артефактов показал, что на территории памятника выделяются участки с большей и меньшей концентрацией находок. Западная часть раскопанной территории насыщена находками в гораздо большей степени, чем восточная. В западных квадратах раскопа выделяется 3 участка максимальной концентрации артефактов, где плотность отходов производства превышает 900 предметов на 1 кв. м (рис. 4: 1). Практически рядом с ними располагаются участки с несколько меньшей плотностью (от 500 до 800 единиц). Необходимо отметить неравномерность в плотности поквадратного распределения находок, т.к. участки максимальной и высокой концентрации вплотную соседствуют с участками с нормальной и минимальной плотностью распределения находок. Так что по поквадратным подсчётам невозможно определить границы скоплений. При рассмотрении поквадратных выборок отходов производства по горизонтам залегания было выявлено, что бесспорные связи по ремонту внутри скоплений единичны, а цветность кремня очень разнообразна. Следовательно, места скоплений связаны с обработкой не одного-двух кусков кремня, а гораздо большего – скорее всего десятков. В восточной части памятника выделяется одно крупное скопление, ограниченное кв. Р-6 – У-7,8. Плотность распределения кремнёвых изделий в нём колеблется от 400 до 600 единиц на 1 кв. м, максимально насыщен компактный юго-восточный участок (рис. 4:1).

Среди находок с Лиственки 8 присутствует небольшое количество кальцинированных костей. Они распределяются в плане двумя небольшими скоплениями, вероятно, пространственно соответствующими определённым хозяйственным объектам. При наложении чертежей с распределением по площади раскопа кальцинированных костей и поквадратным распределением отходов кремнёвого производства заметно, что в западной части памятника наибольшая плотность костных остатков соответствует участкам с минимальной (А-2) или разреженной (Г-5,6) плотностью кремнёвых отходов (рис. 4:2).

Нанесение на чертёж раскопа условных обозначений использованных в различных производственных операциях инструментов не выявило чётких разнофункциональных участков обитаемой территории. Орудия со следами сработанности распределяются по изучаемой площади достаточно равномерно, не превышая, как правило, трёх предметов на 1 кв. м. Наибольшая плотность распространения артефактов отмечена на участке, который примыкает с востока к северному скоплению, не перекрывая его (рис. 3:1).

Технологические определимые изделия и орудия без следов сработанности распределяются по раскопанной площади неравномерно. Выделяются два скопления в западной части раскопа и одно – в восточной. Они практически совпадают с наиболее насыщенными отходами производства участками. Недалеко от них располагаются пятна и ямы, зафиксированные в материке (рис. 3:2). В процессе разборки культурного слоя – жёлтого песка – было зафиксировано большое количество серо-коричневых и тёмно-жёлтых пятен. Они, как правило, небольшие по размерам, по цвету выделяются крайне слабо, только в пасмурную погоду или при вечернем освещении. От уровня 0,35 м от современной дневной поверхности, когда находки в основном на большей части раскапывавшейся площади уже закончились, эти пятна были выбраны ямами. Глубина ям редко превышает 0,1-0,2 м от уровня материка. На приведённом чертеже (рис. 3:2) указаны не все пятна и ямы, а только те из них, которые по наличию находок (нередко в большом количестве) можно связать с деятельностью древних обитателей стоянки.

На исследованной площади располагались, по крайней мере, три крупных скопления каменных изделий. В западной части памятника данные участки соседствуют с местами скопления кальцинированных костей, но не перекрывают их. Изделия со следами утилизации распределяются по площади раскопа достаточно равномерно, но два участка наибольшей плотности располагаются также рядом со скоплениями костей и одновременно – с производственными площадками по изготовлению каменных орудий. В восточной части раскопа прослежено одно скопление с несколько меньшей плотностью кремнёвых отходов, которое отделяет от западного участка площадь с нормальной и минимальной насыщенностью слоя. Вопросы о синхронности или асинхронности скоплений, уточнении границ возможно решить на основе составления аппликаций, но в данном случае особенности кремнёвого сырья не позволяют применить данный метод. Типологических различий в наборе инвентаря западной и восточной частей раскопа не прослеживается. Таким образом, планиграфический анализ стоянки Лиственка 8 показал наличие следующих структурных элементов: а) производственных скоплений, связанных с изготовлением каменных орудий, главным образом, рубящих; б) скоплений кальцинированных костей в местах приготовления пищи. Места же производственной деятельности, связанной с применением разнообразных каменных инструментов, не локализируются.

Основанием для постановки вопроса о смешанности комплекса Лиственки 8 служит, прежде всего, типологическое разнообразие метательного вооружения: наконечники стрел постсвидерской традиции соседствуют здесь с наконечниками иеневского облика. Планиграфически наконечники залегают совместно, большая часть их найдена в центре раскопа. Стратиграфически также не наблюдается разницы в глубине залегания

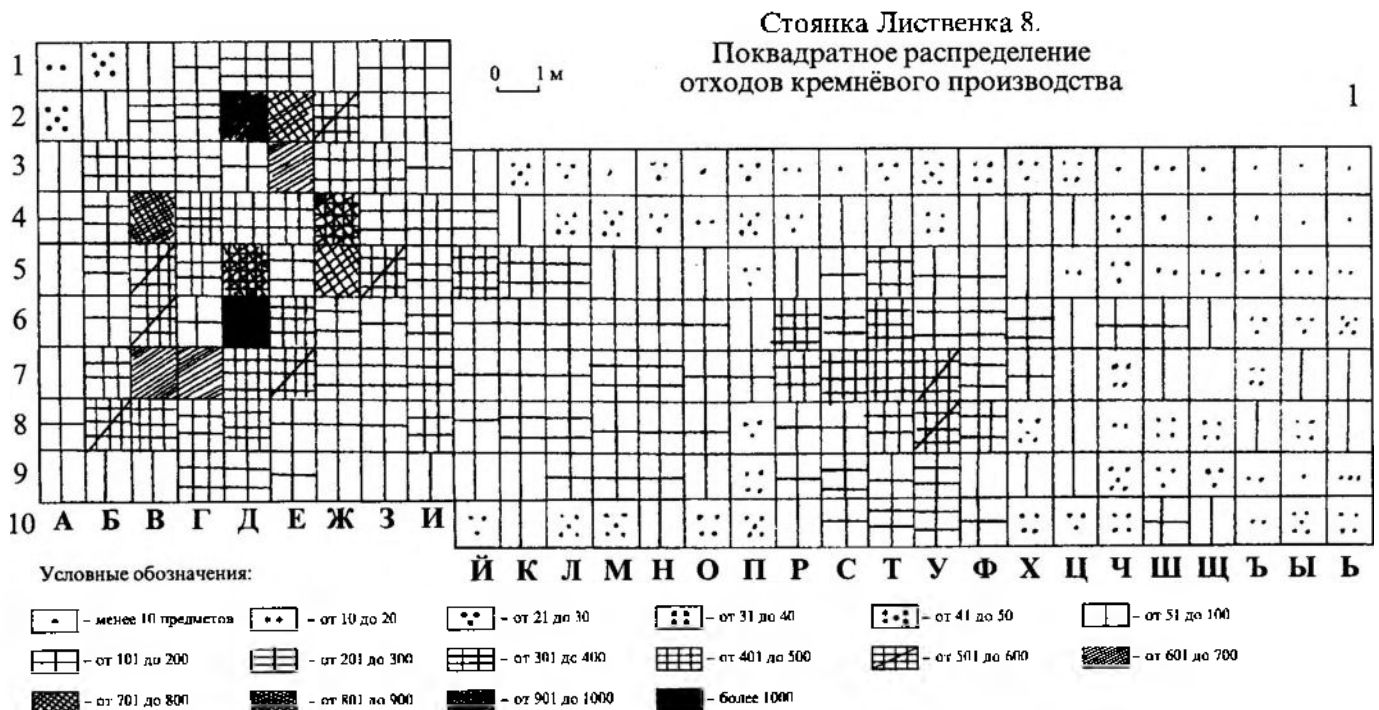

Рис. 4. Стоянка Лиственка 8.
Поквадратное распределение: 1 – отходов кремнёвого производства;
2 – кальцинированных костей

ния; и те и другие найдены преимущественно в верхней части второго горизонта, но два из косолезвийных наконечников располагаются в первом горизонте.

Памятники со столь многочисленным инвентарём интерпретируются либо как места длительного обитания, либо как приуроченные к выходам сырья мастерские. О том, что на стоянке не было продолжительных периодов бытования, свидетельствуют скудный орудийный набор и, прежде всего, немногочисленность орудий, связанных с жизнеобеспечивающей отраслью – охотой и разделкой добычи. Огромная насыщенность отдельных участков раскопанной территории отходами производства и слабая выраженность границ скоплений, на наш взгляд, объясняются поэтапным формированием комплекса стоянки, при котором происходило наложение одного производственного скопления на другое. Суммируя все приведённые ранее факты, наиболее логично определить Лиственку 8 не просто как стоянку-мастерскую, а как периодически посещаемое место производственной деятельности, связанной с эксплуатацией выходов кремнёвого сырья. Исходя из данного утверждения, логичнее объяснять поликультурность комплекса результатом смешения разнородных материалов. Памятник Лиственка 8 является уникальным для мезолита Молого-Шекснинского междуречья. Стоянок-мастерских с преобладающим непластинчатым производством больше пока не выявлено. Поэтому Лиственка 8 стоит особняком, не вписываясь в круг памятников типа Лотовой Горы или типа Андозеро М.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косорукова Н.В.* Мезолитическая стоянка Лиственка 8 в бассейне Шексны // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
2. *Леопова Е.В.* Некоторые результаты планиграфического анализа волго-окских стоянок на песке // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
3. *Сидоров В.В.* Васильево I – мезолитическая стоянка-мастерская // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

*Вологодский областной центр
детского и юношеского туризма и экскурсий,
Вологда*

*Череповецкий государственный университет,
Музей археологии Череповецкого музейного объединения,
Череповец, Вологодская область*

N.B. Vasilyeva, N.V. Kosorukova

NEW DATA ON THE MESOLITHIC SITE LISTVENKA 8 IN THE SHEKSNA RIVER BASIN

Summary

The article considers new data on the Mesolithic site Listvenka 8 situated in Boksitogorsk Area of Leningrad Region on the bank of the Kolp River. They were obtained in the course of trace, technological and planigraphic analysis. The trace analysis shows that only 140 artifacts with marks of deterioration were found in the collection of artifacts which contains over 30000 objects.

Most of the revealed functional artifacts are tools for working up hard organic materials as bone, horn and wood. Many of the tools revealed by the trace method have no typological marks of instruments (retouch). The results of technological analysis led the authors to the conclusion that the main characteristics of the site industry are the special accent on chopping tools' production and the usage of flattened pieces of flint unprepared for knapping as nucleuses.

Planigraphic analysis shows the presence of such structural elements as accumulations connected with stone tools' production and concentrations of calcium bones.

As a whole the site was formed progressively as a result of production accumulations' overlaying one another.

*The Regional Centre for Children and Youthful Tourism and Excursions
1, Putejskaya St., Vologda,
160009, Russia*

*The Cherepovets State University,
The Archaeological Museum of Cherepovets Museum Association
1B, Krasnaya St., Cherepovets,
Vologda Region, 162612, Russia*

М.В. Иванищева

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА БЕРЁЗОВАЯ СЛОБОДКА X НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ

Стоянка Берёзовая Слободка X обнаружена и исследовалась М.В. Иванищевой в 1989 году в ходе аварийно-спасательных работ в зоне строительства моста через реку Сухону. Расположена в 2 км к северу от одноимённой деревни в Нюксенском районе Вологодской области и занимала прирусловый участок надпойменной террасы левого берега р. Сухоны высотой 7 м, вытянутого по линии север – юг. В древности стоянка была приурочена к небольшому ручью, овраг которого ограничивал выявленный памятник с юга, и занимала площадь 70×35 м. Ко времени исследования южная часть стоянки была уничтожена выравниванием площадки под свалку металлолома, сохранился незначительный участок культурного слоя, наиболее мощного в прибрежной части, также имеющий следы нарушений. Раскопом 60 кв. м была исследована наиболее сохранившаяся часть стоянки. В настоящее время памятник полностью уничтожен строительством моста.

Поверхность участка раскопа неровная, имела уклон в восточном направлении (к реке) с понижением до 30-70 см.

Стратиграфия:

1. Дёрн – 3-5 см;
2. Светло-серая супесь (почвенный слой) – 0-50 см – выклинивалась в napольной части раскопа;
3. Жёлтая супесь – 10-20 см – прослеживалась по всей площади раскопа, западая в углубления естественного происхождения до 30 см;
4. Материк – коричневый суглинок.

Отдельные находки встречались в дёрне, более плотно залегая в светло-серой и жёлтой супеси до глубины 0,2-0,4 м в napольной и до 0,6 м – в приречной части раскопа, где отмечено их скопление. Наибольшая концентрация орудий на площади 4×2 м с плотностью 13-15 предметов на кв. м связана с выявленным на контакте светло-серой и жёлтой супеси тёмно-серым пятном, подстилавшимся зольным, диаметром 2,6 м, на краю которого на глубине 30-40 см от дневной поверхности расчищена компактная группа камней: два объёмных и один плоский. Возможно, камни связаны с рабочим местом для изготовления орудий. Здесь зафиксировано большое количество пластин, есть нуклеусы, отбойник, правда, значительна доля и бытовых орудий. Поквадратный подсчёт орудий 1) фиксирует убывание количества находок радиально во все стороны от места их наибольшей концентрации; 2) выявляет ещё три небольших скопления радиусом 0,9-1 м на расстоянии 40-60 см от центрального с аналогичной плотностью залегания орудий. Сравнение по цветности, составу сырья и морфологии орудий даёт основание рассматривать полученный материал как единый комплекс (табл. 1, 2, 4). Общая площадь наибольшей насыщенности находками – 8×5 м – могла, вероятно, соответствовать небольшому лёгкому жилищу с кострищем.

В дёрне и верхнем уровне светло-серой супеси обнаружено 8 фрагментов позднесредневековой гончарной керамики.

Всего найдено 677 предметов каменного инвентаря, из которых 650 – из кремня. В их числе отходы производства (435), заготовки нуклеусов, нуклеусы и части нуклеусов (11); пластины и орудия из них (132), соответственно 89 и 43; орудия на отщепах (37) и других видах заготовок (31), включая обломки и рубящие орудия; отщепы с ретушью (4). Сланцевые изделия (22 экз.) представлены отходами, рубящими орудиями (2) и абразивными инструментами (2). Единичны отходы (6) и орудия (5) из кварца и кварцита (соответственно 1 и 2).

Отходы каменного производства (табл. 1) составляют более половины (67%) всех находок, причём группа “А”, характеризующая первичную обработку сырья (первичные отщепы и сколы + аморфные куски, осколки, обломки), составляет 24%, группа “Б”, характеризующая эксплуатацию готовых нуклеусов (нуклеусы + сколы), – 10% (без чешуек) [1, с. 22]. С учётом небольшой площади, показателей кремнеобработки и относительно большого числа орудий памятник может быть интерпретирован как неспециализированное недолговременное стойбище с полным циклом кремнеобработки.

Орудия (123 изделия) составляют 20% всего каменного инвентаря. Для изготовления орудий использовался, в основном, кремень: в равной степени красно-коричневый и серый; последний – преимущественно

Таблица 1. Берёзовая Слободка X. Отходы каменного производства

Отходы обработки кремня	Светло-серая супесь	Жёлтая супесь	Итого:
Первичные отщепы	7	4	11
Первичные сколы	7	1	8
Отщепы средние	97+4	20+4	117+8
Отщепы крупные	7+2	9+3	16+5
Чешуйки	70	30	100
Куски аморфные	19	4	23
Обломки, осколки	69	33	102
Сколы	16+1	14	30+1
Сколы технологические	11	3	14
Итого из кремня:	303+7=310	118+7=125	421 + 14=435
Сланца отщепы	9	6	15
Сланца обломки	-	1	1
Кварца обломки	1	5	6
Кварцита обломки	-	1	1
Итого из камня:	320	138	444+14=458

+ со следами использования

Таблица 2. Распределение пластинчатых заготовок и орудий по цветности по слоям

Цвет кремня	Светло-серая супесь		Тёмно-серая супесь		Жёлтая супесь		Итого 132	
	Без подработки	Со вторичной обработкой	Без подработки	Со вторичной обработкой	Без подработки	Со вторичной обработкой		
Красно-коричневый	16	12	1	-	21	8	59	45%
Оранжево-красчатый	4	4	1	-	1	-	10	8%
Светло-тёмно-серый	20	8	10	2	12	8	60	45%
Другие		1	-	-	2	-	3	2%

Таблица 3. Пластинчатый инвентарь стоянки Берёзовая Слободка X

а

Пластинчатые сколы	0,4-0,5 см	0,6-0,8 см	0,9-1,0 см	1,1-1,5 см	1,6-2,0 см	2,1 см и более	Всего
	2	6	11	13	2	1	35
Пластины	2	3	5	4	1	-	13
Обломки пластин		3	5	9	1	1	19
Сечения		-	1	-	-	-	1

б

Со следами использования в качестве:	0,4-0,5 см 5			0,6-0,8 см 13			0,9-1,0 см 12			1,1-1,5 см 17			1,6-2,0 см 7			2,1 см и более -			Всего 54										
	Нож	Вкладыш	Пилок	Скобелей	Нож	Вкладыш	Пилок	Скобелей	Нож	Вкладыш	Пилок	Скобелей	Нож	Вкладыш	Пилок	Скобелей	Нож	Вкладыш	Пилок	Скобелей	Нож	Вкладыш	Пилок	Скобелей					
Пластины									1	-	1	4	-	2		2										7	-	2	1
Обломки пластин	2				3	1			1	3		2	4	1	1	1	1	1								6	9	2	4
Сечения удлинённые	3				9				-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	-
Сечения прямоугольные									2	1		-	1	3	-	2	-									5	4	-	-

в

Пластины и сечения со вторичной обработкой	0,4-0,5 см	0,6-0,8 см	0,9-1,0 см	1,1-1,5 см	1,6-2,0 см	2,1 см и более	Всего
	-	8	3	16	12	4	43
С резцовым сколом	-	6	1	1	2	-	10
С ретулью	-	2	2	12	6	2	24
С выемкой	-	-	-	3	2	-	5
Намеренно фрагментированные	-	-	-	-	2	1	3
Залощенная	-	-	-	-	-	1	1

светлых оттенков, редко тёмный; в небольшом количестве – орашжево-кранчатый (табл. 2). Расщепление кремня направлено на получение пластин и отщепов в качестве заготовок для орудий. Соотношение пластин и орудий из них с соответствующим отщеповым комплексом – 132 и 188, в то время как в орудия превращено 33% пластинчатых заготовок и 25% отщеповых. В процентном отношении ко всему кремнёвому инвентарю количество орудий на пластинах и отщепах равное (соответственно 8% и 7%).

Пластины и орудия из них составляют 24% всего каменного инвентаря, примерно 40% из них имеет видимые следы использования в качестве разнообразных орудий (табл. 3:б; рис. 1), треть имеет вторичную обработку, ведущее место в которой занимала разнообразная ретушь, в значительно меньшей степени – резцовый скол и намеренное фрагментирование (табл. 3:в). Правильные пластины редки. Статистические показатели по ширине пластинчатых заготовок (включая орудия) отражают незначительное использование микропластин (до 5 мм шириной – 5%), равное количество узких (6-8 мм – 20%) и средних (9-10 мм – 20%); более половины составляют крупные (11-15 мм – 35%) и массивные (16-20 мм – 16%; 21 мм и более – 5%) пластины (табл. 3:а-в).

Пластины с резцовым сколом представлены 10 экземплярами. Резцы (7 экз.) – угловые и угловые двойные – оформлялись, в основном, коротким резцовым сколом на узких и средних пластинах и сечениях (рис. 2: 32-38). Резцовый скол носил аккомодивный характер, оформляя черешки ножей на широких пластинах с характерной сработанностью по боковым граням (рис. 2: 39-40). В одном случае резцовый скол подправлен ретушью, оформляющей край прямоугольного вкладыша (рис. 2:9).

Пластины с ретушью (23 экз.). Разнообразная ретушь оформляет более половины пластин, превращённых в орудия. Среди них удлинённые вкладыши составных орудий, оформленные на узких пластинах краевой частичной и зубчатой ретушью (рис. 2: 1,2,3), сечения – прямоугольные с краевой ретушью и смятостью на углах (рис. 2: 8, 22) и среднес с концевой усекающей дистальный конец заготовки ретушью (рис. 2: 4) – также, вероятно, вкладыши.

Ножи оформлены, как правило, на широких и средних пластинах (8 экз.). Представлены изделиями с ретушью: плоской вентральной (рис. 2: 16,21), полукрутой дорсальной (рис. 2: 20) и двусторонней крутой и полукрутой вентральной (рис. 2: 15). Частичная крутая и полукрутая дорсальная ретушь выделяет, по-видимому, черешки режущих орудий (рис. 2: 18, 19). Скорее всего ножом являлась изогнутая пластина, на проксимальной части которой двусторонней крутой дорсальной ретушью выделен небольшой паз (рис. 2: 12). Интересны два орудия, происходящие из разных пластов выборки, но сходные по характеру обработки и выполненные из заготовок, снятых с одного нуклеуса красно-коричневого кремня. Судя по характеру сработанности боковых граней, изделия использовались в качестве ножей. Одно из орудий имеет конец, скошенный крутой ретушью, оформлявшей острый перфоратора (?) (рис. 2: 13). Конец другого, исполненного на массивной ребристой пластине, также срезан крутой ретушью и, возможно, использовался в качестве скребка (рис. 2: 14). Оба орудия могут быть отнесены к комбинированным.

Единично представлены: пластина со скошенным мелкой ретушью концом, -- вероятно, микроскобель (рис. 2: 6); обломок долотца (?), оформленного на утоньшенной проксимальной части пластины частичной краевой полукрутой дорсальной ретушью, со следами выщербленности на конце (рис. 2:7); резчик, оформленный на углу сломанной пластины несколькими фасетками со стороны брюшка (рис. 2: 5), и перфоратор-сверло (?), рабочий край которого выделен на углу пластины ступенчатой концевой ретушью и несколькими фасетками, папесёнными по краю заготовки со стороны брюшка (рис. 2: 17). Одна из двух изогнутых коротких пластин имеет частичную краевую вентральную ретушь, оформляющую обух орудия со следами использования в качестве резчика (?) (рис. 2: 11). Другая имеет краевую дорсальную ретушь – это, вероятно, скобель (рис. 2: 10).

Выделяются три изделия с приёмом намеренного усеечения, функциональное назначение которых не совсем ясно. Два предмета имеют выделенный по центру заготовки выступ и мелкую краевую ретушь (рис. 2: 24, 25). Один край третьего изделия усечён по всей длине, а другой оформлен выемками (рис. 2: 23). Возможно, это резец и вкладыши.

Пластины с выемками на широких и средних заготовках имеют одну (4 экз.) и две (1экз.) ретушные выемки. Одно изделие являлось скобелем (рис. 2: 31). Два помимо выемок имеют ретушь на конце заготовки и представляют собой комбинированные орудия -- скобели-проколки (рис. 2:27,30). Два изделия имеют ретушные выемки на углу обломанной заготовки и напоминают псевдомикрорезцы (рис. 2: 28,29), являющиеся отходами при получении ретушированных вкладышей и наконечников [2, с. 24], серийно представленные в ранних памятниках бутовской культуры и единично на позднем этапе последней.

Индивидуально орудие, представляющее собой залощённую пластину (рис. 2: 26). Края изделия скруглены, лишены естественной остроты, вероятно, от использования в качестве лопцила (?). После слома орудие переоформлено частичной ретушью по одному краю и использовалось, по-видимому, в качестве резца, о чём можно судить по характерной смятости на углу сломанного изделия.

На пластинчатых заготовках выполнены два из пяти изделий, которые могли использоваться в качестве наконечников стрел. Это равнобедренная средневысокая трапеция (рис. 3: 1) и острокопечное орудие, оформленное на дистальном конце широкой пластины крутой поперечной и мелкой краевой ретушью с подтёской брюшка (рис. 3: 2). В аналогичной манере с использованием крутой усекающей и краевой выделяющей ретуши выполнены три острокопечника на отщепах (рис. 3: 4,5), один из которых имеет микрорезцовый скол (рис. 3: 3).

Из орудий, выполненных не на пластинах, морфологически выраженными являются группы скребков, перфораторов, представлены резцы, выемчатые и выемчато-зубчатые орудия и рубящие орудия.

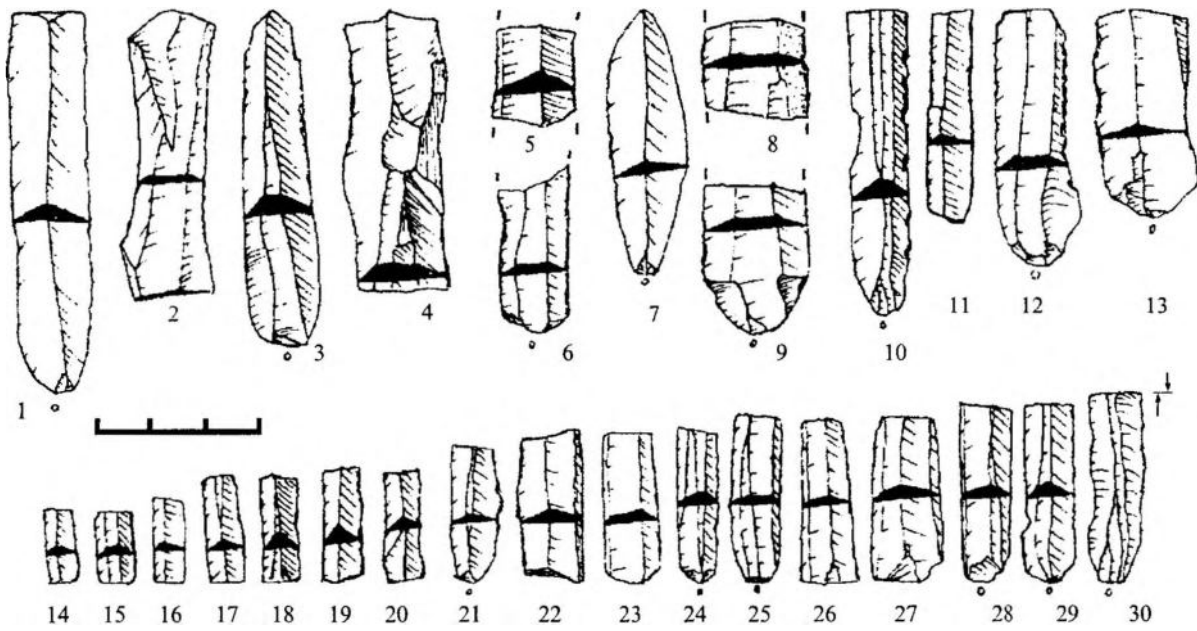

Рис. 1. Стоянка Берёзовая Слободка X. Кремнёвый инвентарь.
 Пластины со следами использования: 1-9 – ножи; 10-13 – пилки, 14-30 – вкладыши

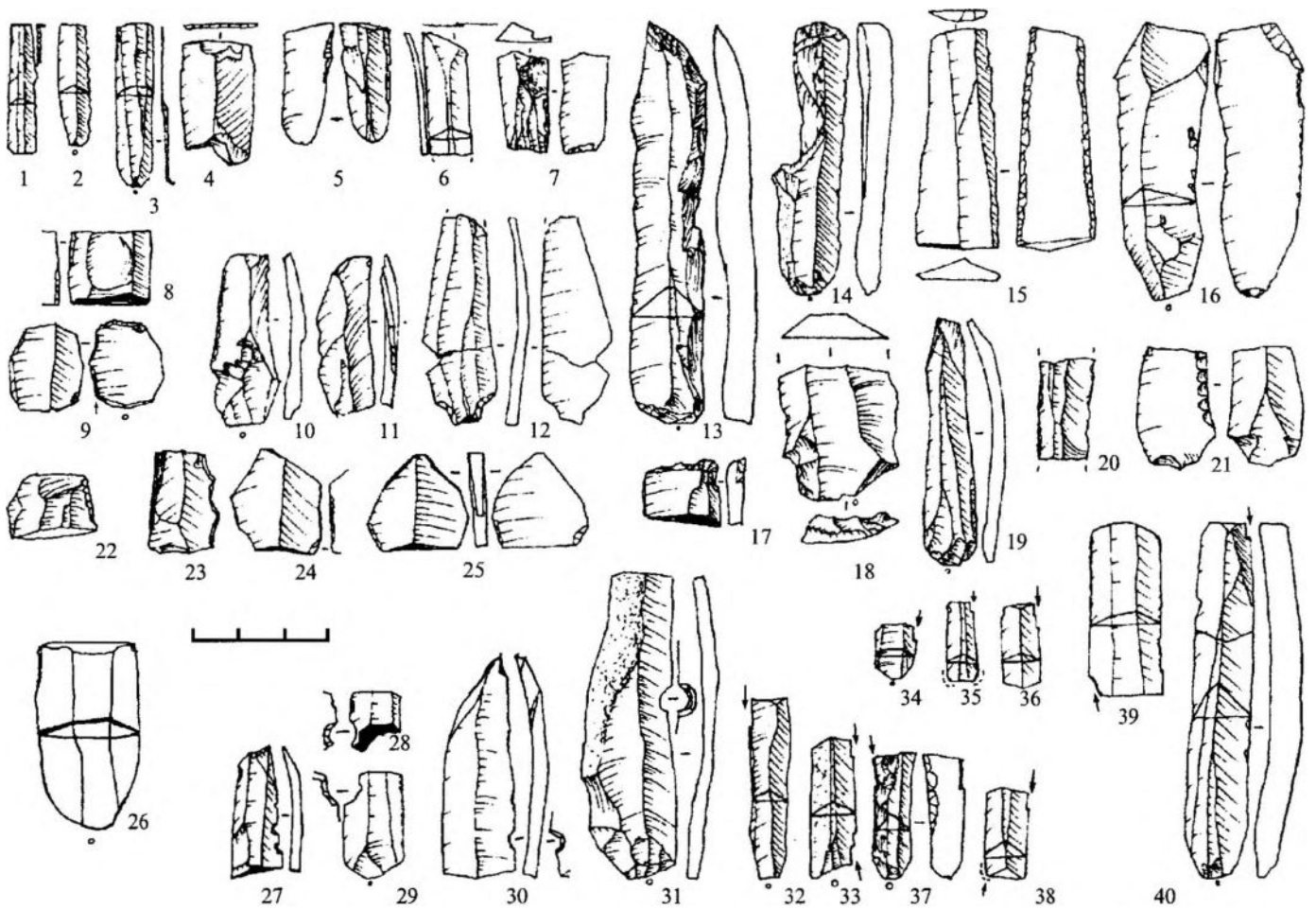

Рис. 2. Стоянка Берёзовая Слободка X. Кремнёвый инвентарь:
 1-22 – пластины с ретушью; 23-25 – пластины с намеренным усечением; 26 – пластина заложённая;
 27-31 – пластины с выемками; 32-40 – пластины с резцовым сколом

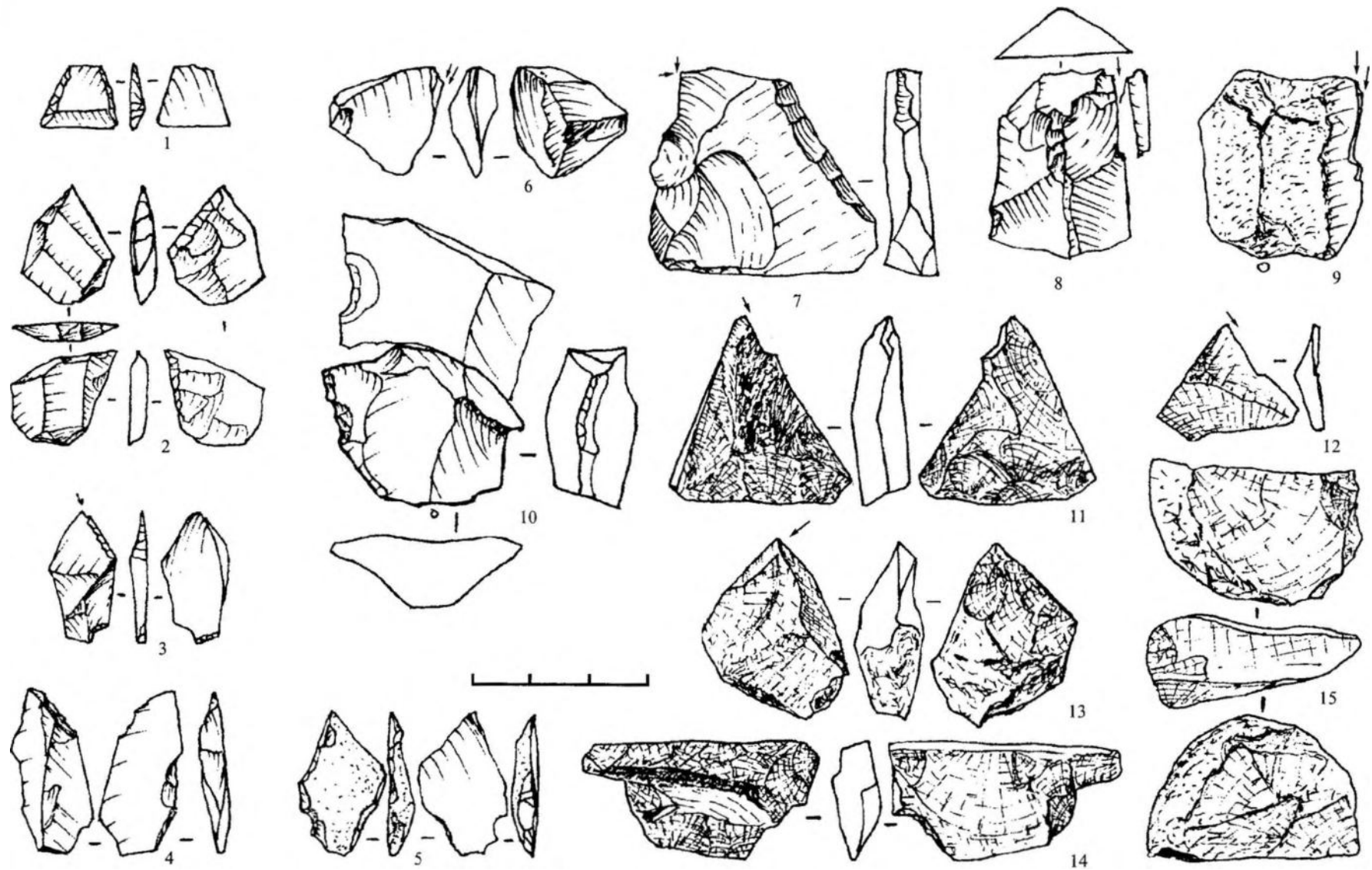

Рис. 3. Стоянка Берёзовая Слободка X. Каменный инвентарь:
 1 – трапеция; 2-5 – остроконечные орудия (наконечники); 6-9, 11-13 – резцы; 10, 15 – резчики; 14 – нож. 1-9 – кремень; 11-15 – кварц

Резцы разноплановы по изготовлению и материалу. Из 4 кремнёвых орудий два – угловые, оформленные длинным резцовым сколом на отщепе и массивном сколе (рис. 3: 8, 9). Один резец многофасеточный на отщепе (рис. 3: 6) и один – двугранный угловой на массивном отщепе с подработанной полукрутой ретушью противоположащей рабочему краю стороной (рис. 3: 7). Два последних орудия имеют характерный маслянистый блеск, что предполагает предварительную термоподготовку сырья [3]. Эти изделия происходят из верхнего уровня слоя. Резцы из кварца сосредоточены в нижнем уровне культурного слоя и представлены четырьмя изделиями, три из которых оформлены на треугольных заготовках (рис. 3: 11-13), а на последнем рабочий край выделен несколькими направленными от угла сколами (рис. 3: 15). Возможно, орудие имело иное функциональное назначение.

Перфораторы представлены изделиями на сколах (8 экз.) с выделенным ретушью жалом на конце заготовки. Сечение таких орудий, как правило, трёхгранное, часть имеет аккомодивную ретушь на основании (рис. 4: 2,3). Два изделия имеют жало, выделенные ретушью на углах заготовок (рис. 4: 6). Орудия на отщепках (7 экз.) также имеют жало, выделенное ретушью на конце (рис. 4: 5), по центру (рис. 4: 4, 7, 9) и на углу заготовки (рис. 4: 8). Выделяются два массивных изделия. Оба имеют подтреугольную форму, острый край обработан ретушью по одному краю, второй край сформирован сколом. Одно изделие, возможно, получено намеренным рассечением более крупного орудия (рис. 4: 16) и являлось проколкой. Тыльная часть другого подправлена сколом, придавшим острию клювовидную форму. Изделие, вероятно, являлось макросверлом (рис. 4: 1).

Выемчатые орудия (7 экз.) изготовлены на отщепках (3) и сколах (4) и одно – на патинированной гальке. Одиночные выемки по краю заготовки оформляют рабочий край пяти скобелей (рис. 4: 10,11,15). В двух случаях ретушные выемки оформляют жало перфоратора (?) на углу заготовки (рис. 4: 12) и рабочий край тесловидного орудия, выполненного на патинированной гальке (рис. 4: 13).

Таблица 4. *Распределение орудий по пластам выборки культурного слоя*

Наименование	Дёрн	Светло-серая супесь	Тёмно-серая супесь	Жёлтая супесь	Бровка	Всего:	
1	2	3	4	5	6	7	
Пластины со вторичной обработкой	Ножи с ретушью и резцовым сколом		5 1	2 -	- 1		7 2 9
	Комбинированные: Нож-перфоратор Нож-скребок		1 -		- 1		1 1 2
	Вкладыши: -удлинённые 1: 4 -средние 1:2 -прямоугольные 1:1		2 - 3		1 - -	- 1 -	3 1 7 3
	Усечённые и с ретушью		1 1		- 1		1 2
	Резцы		4	1	2	-	7
	Со скошенным концом (микроскобель)			1			1
	С выемкой на конце (долотце?)				1		1
	Резчики				1	1	2
	С крутой дорсальной ретушью (скобель)		1				1
	Перфоратор				1		1
	С краевыми выемками: -скобели -скобели-проколки -псевдомикрорезцы		1		1 1 2		1 2 5 2
	Залощённая			1			1
	Остроконечники Трапезия		1 1				1 1 2
	Скребок концевой		1				1
	ВСЕГО:		23	5	13	2	43

Таблица 4 (окончание)

1		2	3	4	5	6	7
На сколах и отщеплах	Остроконечные орудия		3				3
	Резцы кремнёвые	1	3				4
	Резцы кварцевые					4	4
	Ножи кремнёвые		7			-	7
	Ножи кварцевые		-			1	1 8
	Перфораторы	4	12			-	16
	Макросверло	-	-			1	1
	Выемчатые орудия: - скобели - перфораторы (?) - тесловидное орудие	1	4 1 1				7
	Выемчато-зубчатые орудия: - пилка - фигурный кремль (?)		1			1	2
	Скрёпки: - концевые - двуконцевой - угловые - стрельчатые - аморфные		11 5 1 2 1 2	1 - - 1 - -	6 6 - - - -		18 11 1 3 1 2
	Скрёбла		1			1	2
	Резчик					1	1
	Обломки орудий		2	1			3
	Рубящие из кремня		1	1	1		3
	Рубящие из сланца	1	1				2
Бруски сланцевые		2				2	
Отбойники кварцитовые		1	1			2	
Ретушёр из кремня		1				1	
ВСЕГО из кремня	6	48	3	11		68	
ВСЕГО из сланца	1	3				4	
ВСЕГО из кварца				5		5	
ВСЕГО из кварцита		1	1			2	

Нуклеусы						11
- заготовки нуклеусов		3				3
- конусовидные нуклеусы		1			1	2
- обломки конусовидных нуклеусов			1	1		2
- карандашевидный нуклеус				1		1
- подпризматический нуклеус		1				1
- нуклеовидные обломки		2				2

Выделяются два **выемчато-зубчатых орудия**. Рабочий край, по-видимому, пилки, оформлен выемчато-зубчатой, а обушок – крутой ретушью (рис. 4: 21). Характер использования другого не совсем ясен (рис. 4: 14). Возможно, это многовыемчатый скобель или фигурный кремль.

Режущие орудия представляют собой отщепы с ретушью, функциональной и аккомодивной (рис. 4: 17,18,20). Два изделия оформлены сколами и ретушью, имеют клиновидное сечение и следы использования в качестве ножей (рис. 4: 19,22). Ножом, по-видимому, являлось кварцевое изделие с обушком и выделенным приострающей ретушью рабочим краем (рис. 3: 14).

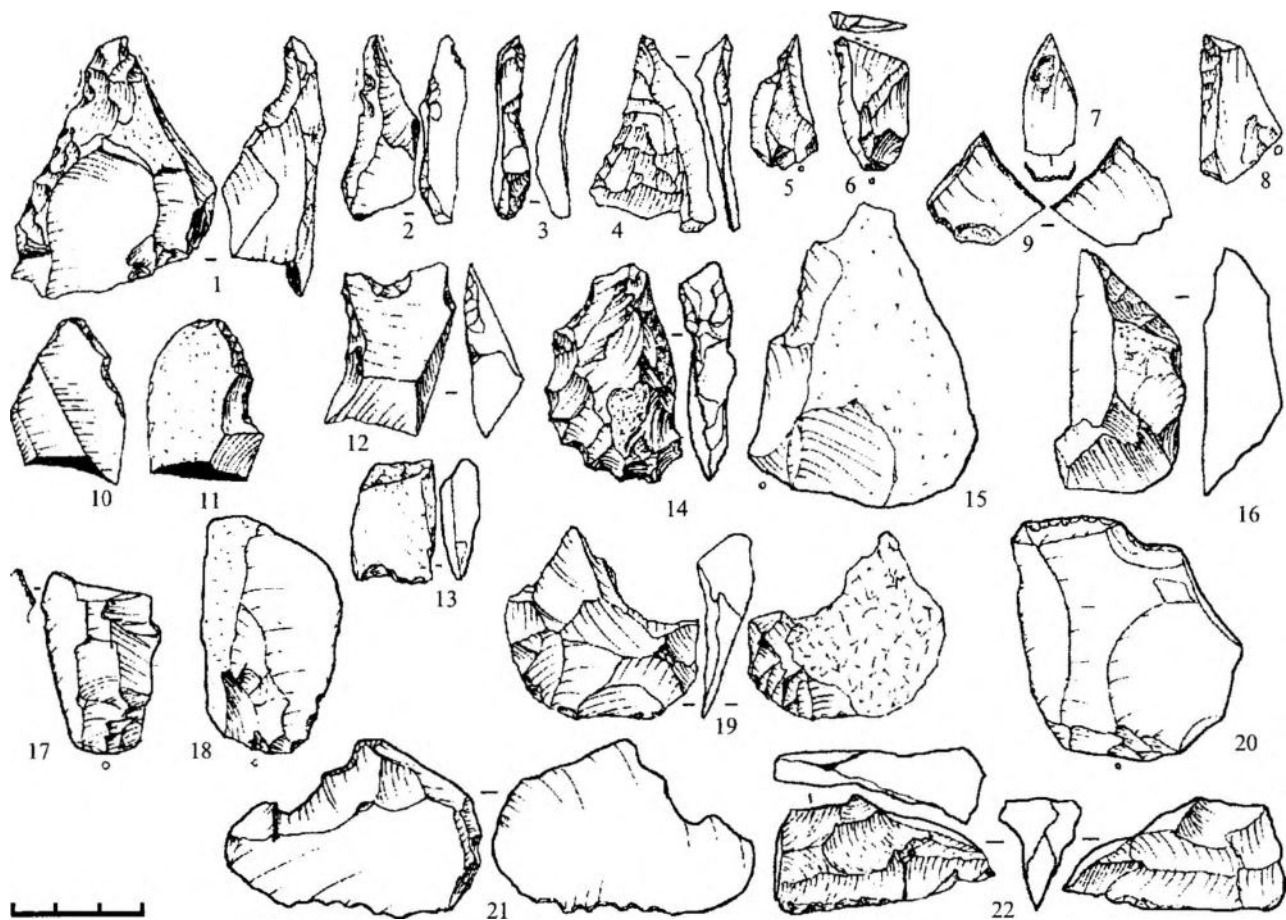

Рис. 4. Стоянка Берёзовая Слободка X. Кремнёвый инвентарь:
 1 – макросверло; 2-9, 16 – проколки; 10-13, 15 – выемчатые орудия;
 14, 21 – выемчато-зубчатые орудия; 17-20, 22 – ножи

Скребки представлены 19 экз.: один – на пластине, 14 – на отщепе, два – на сколах и два представляют собой аморфные куски, подработанные ретушью. Более половины из них составляют концевые. Представлены концевой на пластине (рис. 5: 1), концевые на отщепе подтреугольной формы (рис. 5: 12, 17), один скомбинирован с угловым резчиком (рис. 5: 13), а другому треугольная форма придана сколами (рис. 5: 16). Более половины изделий изготовлены на первичных отщепе и сколах с сохранением галечной корки на теле орудия, в их числе и кощевые с округлым лезвием (рис. 5: 3, 5, 6, 11). К этому же типу, вероятно, следует отнести изделие с сильновыпуклым слегка изогнутым массивным лезвием (рис. 5: 10). Следы сильной изношенности по левому краю дуги лезвия позволяют предполагать использование орудия для работы по твёрдой вогнутой поверхности в качестве ложкаря (?). В двух случаях в концевые скребки превращены отщеп, снятый с площадки нуклеуса (рис. 5: 2), и ребристый скол (рис. 5: 7). Один скребок – двуконцевой с выступом на одном из сильноисношенных рабочих лезвий (рис. 5: 4). Скорее всего, орудие использовалось для работы по твёрдым материалам – дереву, кости. В меньшей степени, чем концевые, представлены угловые скребки (3 экз.) (рис. 5: 9, 15), единичны стрелчатый (рис. 5: 8) и боковой (рис. 5: 14).

Среди **скребуще-скоблящих** инструментов выделяются два массивных изделия, происходящие из разных пластов культурного слоя. Из нижнего уровня слоя происходит боковое скребло на массивном отщепе округлой формы с массивным обушком (рис. 5: 20). Другое изготовлено на плитке патицированного кремня, фас которой уплощён сколами, а с торца имеется мелкая ретушь, оформляющая рабочий край скребла или скобеля (рис. 5: 18).

При рассмотрении вопроса о соотношении материала из различных пластов культурного слоя отметим группу находок из серовато-фиолетового кремня с характерным маслянистым блеском, свидетельствующим о предварительной термоподготовке сырья¹. Из нижней его части происходят два изделия, одно из которых представляет собой обломок орудия с крутой ступенчатой ретушью (рис. 5: 19), другое – угловой резчик, выделенный на краю заготовки ретушью (рис. 3: 10). Сопряжённую с ними группу находок из верхних напластований составляют выемчатое орудие, изготовленное из верхней части заготовки для резчика (рис. 4: 12), и ещё 7 предметов, от этой же заготовки или другой – похожей, с предварительной термоподготовкой.

¹ Доклад Н.Б. Васильевой и А.В. Суворова на конференции «Традиции в контексте русской культуры». Череповец, 2000 г.

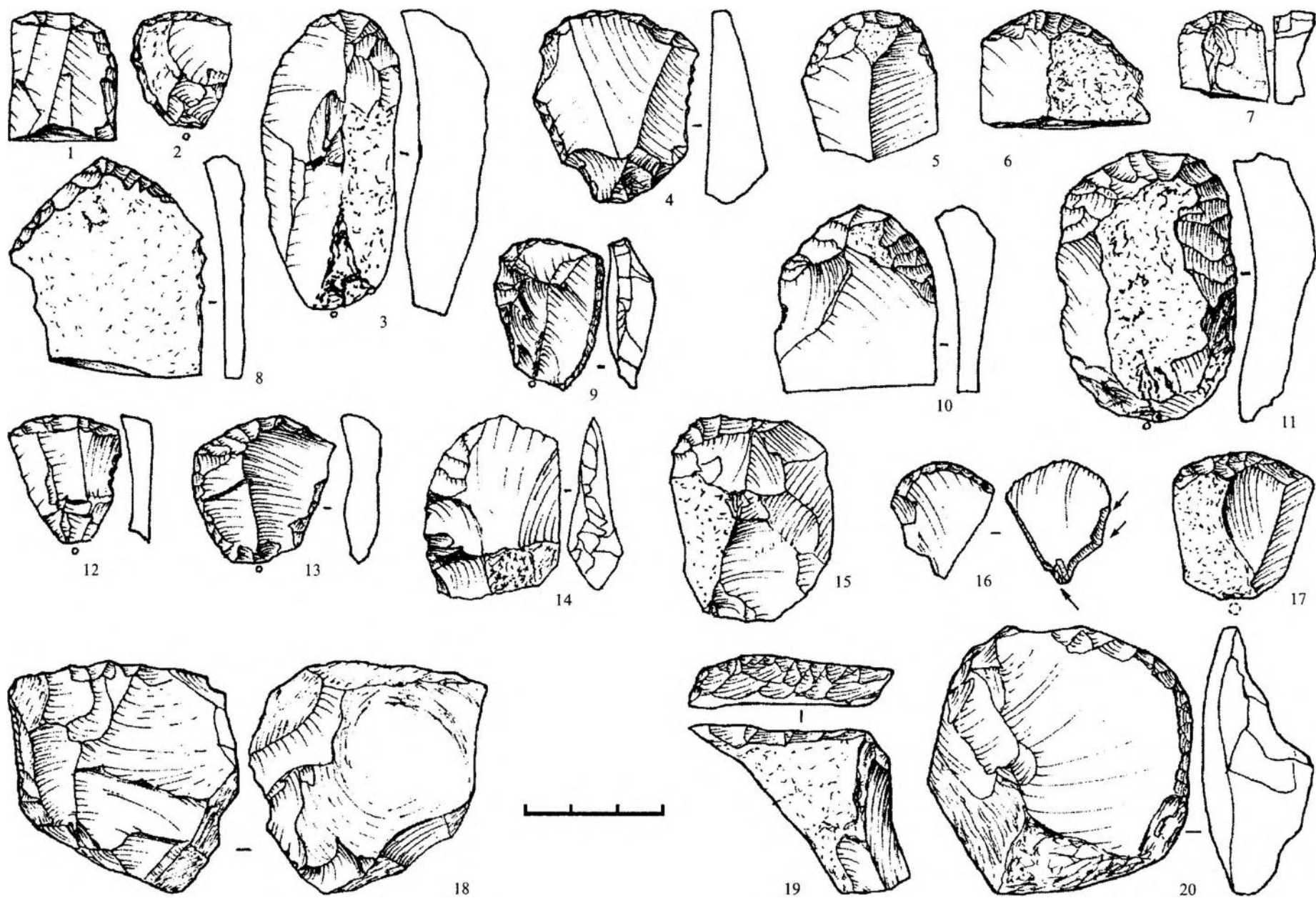

Рис. 5. Стоянка Берёзовая Слободка X. Кремнёвый инвентарь:
 1-17 – скребки; 18, 20 – скрёбла; 19 – обломок орудия

Цвет последних менее насыщен, хотя тональность та же. Это 4 аморфных куска, 2 резца (рис. 3: 6,7) и нож (рис. 4: 22). Установление связей подтверждает единовременность комплекса находок верхнего и нижнего уровней выборки культурного слоя.

Кремнёвые рубящие орудия найдены как в верхней, так и в нижней частях слоя. Два кремнёвых топорика с двусторонней обработкой происходят из нижних напластований. Одно небольшое подовальной формы изделие имеет приподнятую спинку (рис. 6: 3). Другое – из тёмно-серой супеси (заполнение жилища) – подпрямоугольной формы, изготовлено из плитки кремня, на одной поверхности которой сохранилась галечная корка, на другой – патинированный участок (рис. 6: 2). Из верхней части слоя происходят кремнёвый топор, изготовленный на массивном отщепе и обработанный по одной плоскости (рис. 6: 1), и обломанная заготовка из мелового крапчатого кремня с двусторонней обработкой, а также два обломка обушковых частей сланцевых орудий (рис. 6: 4,5). Сланцевые отщепы и обломок сланца найдены также и в нижнем уровне выборки культурного слоя (табл. 1).

Разнообразна группа абразивных инструментов. Найдены также два кварцитовых отбойника, представляющие собой овально-округлые гальки со следами выщербленности на одном или двух концах (рис. 6: 7, 8). Орудие с массивным обухом и выделенным на противоположном конце остриём, возможно, являлось ретушёром (рис. 6: 6). Характерное оформление плоскостей орудия сколами – одной выпуклой, другой приплюснённой, – возможно, указывает на первоначальное оформление рубящего орудия, после слома превращённого в ретушёр. Два сланцевых бруска, на одном из которых имеются неглубокие пазы, использовались как точильные.

Нуклеидная группа представлена пренуклеусами (3 экз.), нуклеусами (4 экз.) и частями нуклеусов (2 экз.), нуклеидными обломками (2 экз.). Технологические сколы немногочисленны, представлены ребристыми (7 экз.), сколами подправок площадок нуклеусов (2), сколами с нырнувшим окончанием (2), снятыми с коротких (длиной 3-3,5 см) конусовидных нуклеусов. В то же время среди продольных сколов с нуклеусов имеется один экземпляр длиной 9,5 см, что указывает на значительную величину первоначальных заготовок пластинчатых нуклеусов. Из трёх найденных пренуклеусов два представляют собой конусовидные в плане заготовки с плоским тылом и выпуклым фронтом, имеющие три ребра. В сечении заготовки подтреугольно-трапецевидной формы (рис. 7: 1,2). По мнению исследователей, утилизация данных подтреугольных заготовок могла производиться двумя способами [3, с. 109]. В первом случае пренуклеус срабатывался с одной стороны, в результате чего получались заготовки стандартной ширины. В другом – происходил постепенный переход к круговой огранке, пластины становились всё меньшей ширины, а нуклеусы – карандашевид-

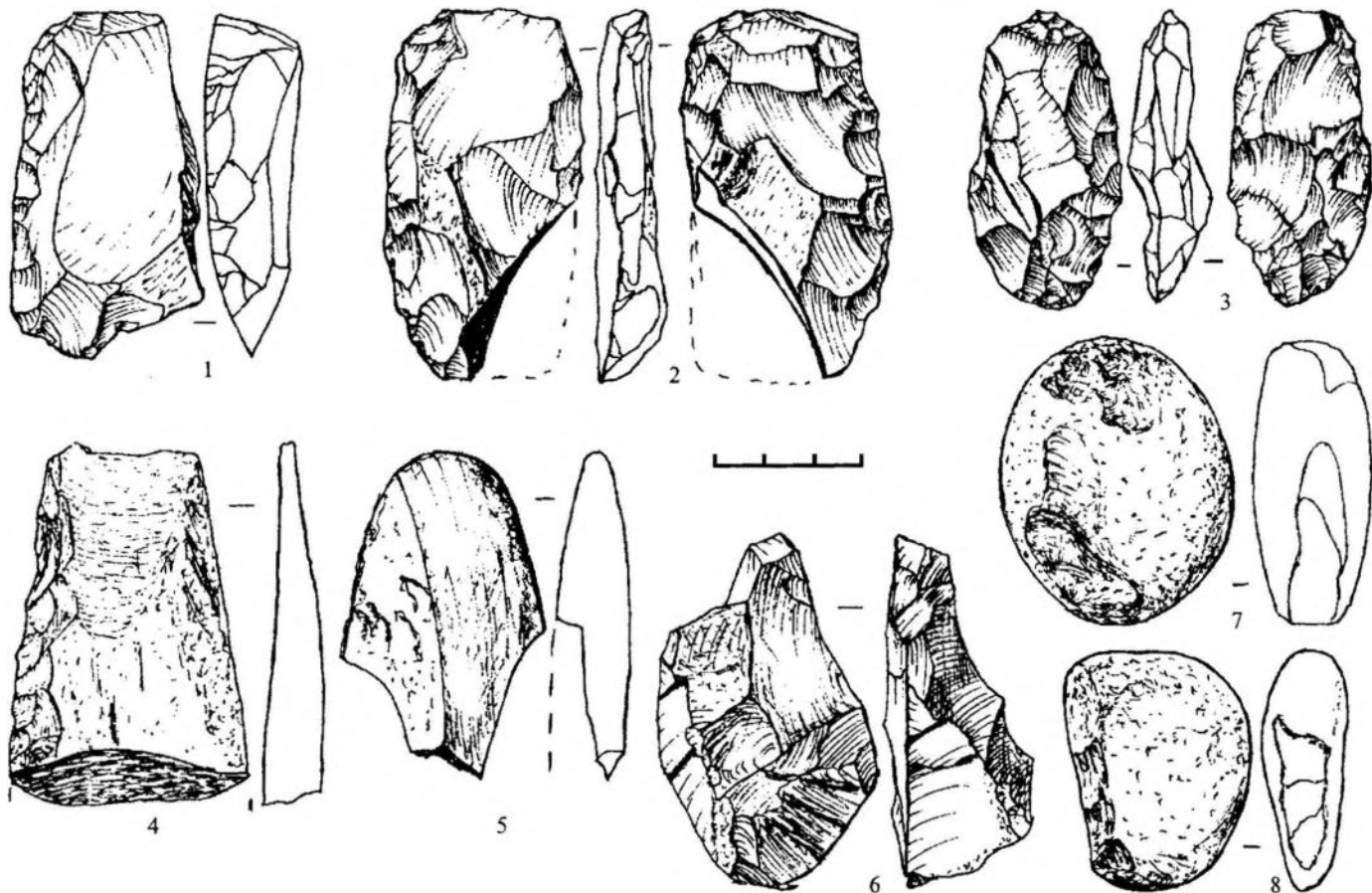

Рис. 6. Стоянка Берёзовая Слободка X. Каменный инвентарь:

1-5 – рубящие орудия; 6 – ретушёр; 7-8 – отбойники. 1-3, 6 – кремень; 4, 5 – сланец; 7, 8 – кварцит

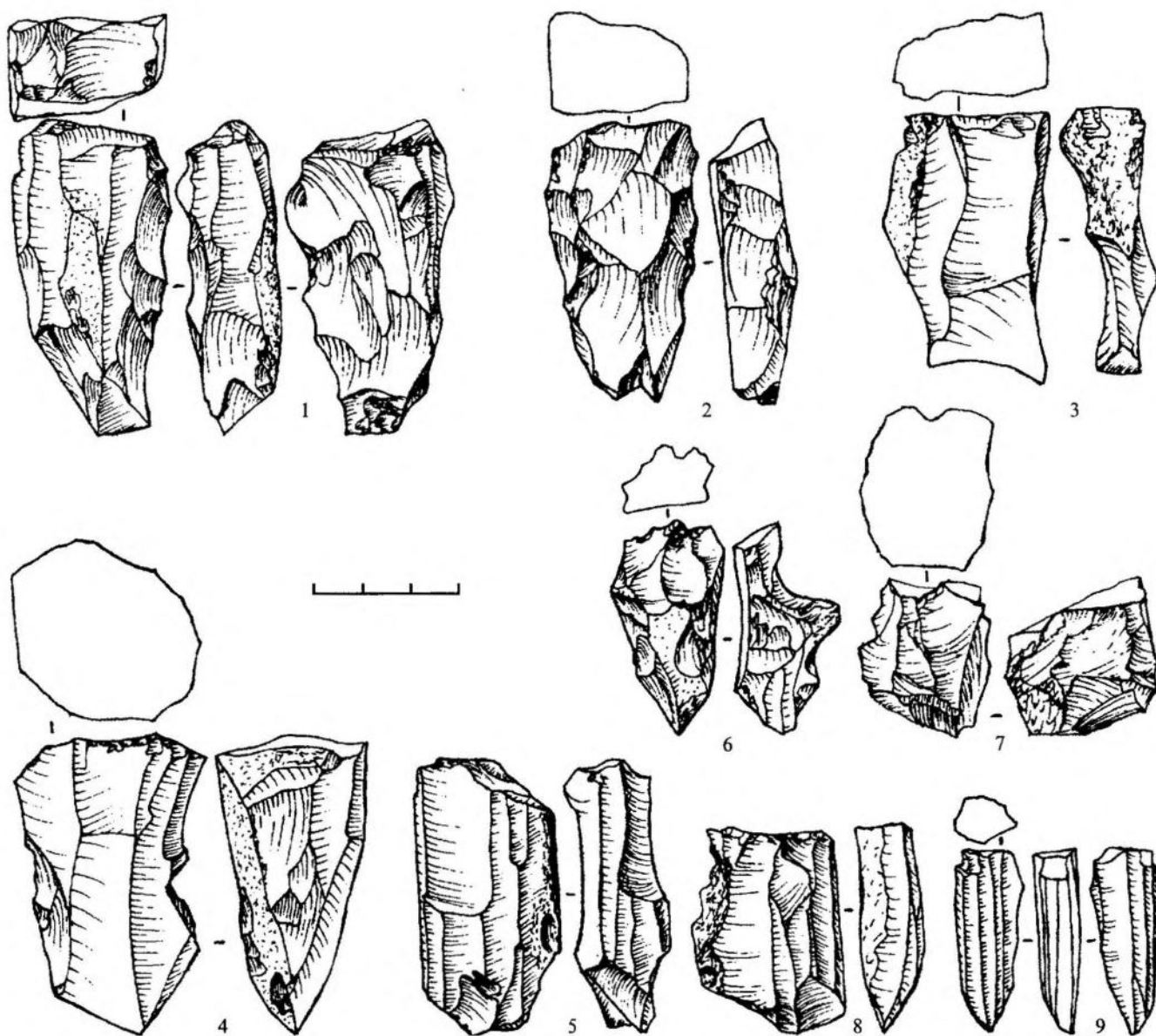

Рис. 7. Стоянка Берёзовая Слободка X. Нуклеусы. Кремь

ными. Имеющиеся в коллекции нуклеусы конусовидной формы (рис. 7: 4,8) и их части (рис. 7: 5,6), а также единственный карандашевидный нуклеус (рис. 7: 9) свидетельствуют о применении обоих способов получения пластинчатых заготовок. Кроме перечисленных имеются заготовка торцевого уплощённого нуклеуса (рис. 7: 3), кубовидный подпризматический (рис. 7: 7) и два нуклеидных обломка.

В целом комплекс инвентаря Берёзовой Слободки X характеризуется пластинчато-отщеповой индустрией, разнообразием морфологически выраженных групп орудий, в числе которых ножи, перфораторы, скребки, резцы, выемчатые и выемчато-зубчатые орудия, исполненных как на пластинах, так и на отщепках. Найдены трапеция и острокопечные орудия, вероятно, выполнявшие функции наконечников. Немногочисленны вкладыши, оформленные краевой, концевой и (в одном случае) зубчатой ретулью исключительно на пластинчатых заготовках (табл. 4). В большинстве случаев в качестве вкладышей использовались пластинки и сечения без подработки, среди которых преобладают удлинённые формы (табл. 3: б; рис. 1).

В сравнении с памятниками европейского Северо-Востока каменный инвентарь стоянки Берёзовая Слободка X имеет общее сходство с материалами парчевской группы, связываемой исследователями с западной культурной традицией. Сходство проявляется в малом числе микропластинок и значительной роли широких пластин, в преобладании конусовидных нуклеусов, в разнообразии морфологически выраженных групп орудий, использовании различных пород камня. Отличают комплекс отсутствие наконечников стрел на пластинах и использование в качестве последних геометрических микролитов. На европейском Северо-Востоке геометрические микролиты единичны и связаны с комплексами памятников приуральской традиции. Памятники, сочетающие в себе элементы парчевской (западной) и приуральской (местной) традиций, отно-

ются исследователями ко второй половине бореала [4, с. 118], что даёт основание датировать и комплекс Берёзовой Слободки X в этих же рамках. В заключение следует отметить, что выявление памятников со смешанным комплексом подтверждает существование как минимум двух культурных традиций в мезолите Нижней Сухоны, связанных с различными областями, откуда происходило заселение данной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косинская Л.Л., Волокитин А.В. Типология мезолитических памятников Европейского Северо-Востока // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 12. Сыктывкар, 1993.
2. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
3. Андрианова Л.С., Васильева И.Б. Мезолитическая стоянка Побойшное на Нижней Сухоне // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
4. Волокитин А.В. Каменный век. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.

*Детско-юношеский центр «Лидер»,
Вологда*

M.V. Ivanischeva

THE STONE INVENTORY OF THE MESOLITHIC SITE BERJOZOVAYA SLOBODKA X ON THE LOWER SUKHONA RIVER

Summary

The article deals with a publication of materials obtained from the excavations of the Mesolithic site Berjozovaya Slobodka X, which has been studied by the author in the basin of the Lower Sukhona River in Nuksensky area of the Vologda Region. The scholar presents the characteristic of the site stone inventory and considers the peculiarities of its stone industry. The site is preliminary dated to the 2nd half – the end of the Preboreal.

*The Infant and Adolescent Centre «Leader»,
10, 10a, Vologodskaya St.,
Vologda, 160010, Russia*

А.М. Иванищев

ПОГРЕБЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТУДОЗЕРЕ (по материалам раскопок 1995, 1998 и 2000 гг.).

Археологический комплекс на оз. Тудозеро (Вытегорский район Вологодской области) представлен стоянками, поселениями, отдельными местонахождениями, могильником Тудозеро VI середины-конца III тыс. до н.э. и отдельными погребениями. Наиболее исследованными являются многослойное поселение Тудозеро V (вскрыто 1188 кв. м) [1-3] и могильник Тудозеро VI (рис. 1), где исследовано 10 погребений с янтарными украшениями [4]. Ряд памятников исследован небольшими раскопами (до 20 кв. м – Пустошь I, III, Тудозеро VII) и шурфами (Тудозеро I) [5; 6], остальные памятники представлены подъемным материалом.

В 1995 г. небольшой раскоп (21 кв. м) был заложен на поселении Тудозеро VII, где в слое рыже-жёлтого песка (культурный слой эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой) зафиксировано пятно с иптепсивной охристой засыпкой, нарушенное в северной части ямой, верхний уровень которой был выявлен в вышележащем слое розового песка эпохи энеолита (рис. 1). Охристое пятно размерами 1,7×0,7 м ориентировано по линии С – Ю с небольшим отклонением к западу. Мощность охристой засыпки наибольшая в западной части, где достигает 0,13 м, в восточной – 0,05 м. В засыпке найдена сланцевая подвеска с просверленным отверстием (рис. 1: 4). Окончательные размеры ямы (после выборки засыпки) – 1,8×0,75 м. Она была наиболее заглублена в южной части – до 0,22 м. Датировать данное погребение или могильную яму можно лишь на основании стратиграфических данных, по находкам из вышележащего слоя и слоя, в котором была устроена яма. Наиболее вероятно – поздненеолитическим временем.

В 1998 г. в ходе раскопок поселения Тудозеро V (раскоп XI), при исследовании слоя раннего неолита было выявлено пятно погребения, ориентированное по линии С-Ю с небольшим отклонением к западу. Его размеры по линии С-Ю – 1,6 м, по линии З-В – 0,9 м. При расчистке по периметру и внутри ямы выявлен ряд круглых от 5 до 10 см в диаметре ямок с углистым и коричневатым заполнением; вероятно, это детали внешней конструкции могильной ямы (рис. 2). Яма погребения глубиной 0,65 м, шириной до 0,85 м начиналась с уровня прослойки жёлтого песка после нижнего серого слоя 1 и прорезала нижний серый слой 2, прослойку 2 и нижний чёрный слой эпохи мезолита. В нижнем уровне заполнения ямы были обнаружены мелкие угольки, следы охристых затёков. Рядом с ямой погребения № 1 зафиксированы следы ещё одной, возможно, также могильной ямы, ориентированной по линии З-В, но проследить её не удалось из-за обвала бровки, хотя в стратиграфии северной стенки раскопа она фиксируется достаточно чётко. При зачистке по нижнему чёрному слою (мезолитическому) было выявлено ещё одно пятно погребения (№ 2) (рис. 3). Размеры этой могильной ямы 1,8×0,9 м. Она ориентирована по линии С-Ю с отклонением к западу, слегка расширялась в северной части. Яма была заглублена в чёрный мезолитический слой на 0,3-0,4 м. При её расчистке в северной, наиболее расширенной, части найдена нижняя челюсть человека плохой сохранности. В отличие от ямы погребения № 1, яма погребения № 2 идёт из нижнего серого слоя 2, что было прослежено при её выборке. В заполнении ямы погребения № 2 найдены кремнёвые скребок и скобель, но связь их с погребением достоверно не устанавливается.

Слои нижний серый 1 и нижний серый 2, из которых идут ямы погребений, датируются ранненеолитическим временем (в рамках конца VI – начала V тыс. до н.э.). Судя по стратиграфии, более ранним является погребение № 2, хотя в целом временной разрыв между ними, вероятно, незначителен. По-нашему мнению, погребения могут быть датированы ранненеолитическим временем (концом VI – началом V тыс. до н.э.).

В 2000 г. на поселении Тудозеро V (Раскоп XII) под ранненеолитическим слоем была выявлена яма размерами 1,8×0,9 м, вытянутая по линии ЮВ – СЗ (рис. 2, 3). В заполнении ямы – серый песок – находки связаны с вышележащим слоем (фрагменты керамики с позвонковым орнаментом), что позволяет отнести её к эпохе раннего неолита. С могильными ямами раскопа XI её сближает наличие небольших круглых ямок с органическим(?) заполнением, прослеженных по периметру ямы. Возможно, это погребение № 1. Яма имела (после выборки) подпрямоугольную форму со слегка закруглёнными углами. Также была выявлена ещё одна яма, нарушенная, вероятно, ямой хозяйственного назначения, размерами 1,4×1,1 м. Дно ямы, условно, погребения № 2 читалось как углистое пятно в юго-восточной, ненарушенной части. Ямы погребений № 1 и 2 нарушены ямами, связанными со столбовой конструкцией. Если принять данные ямы за могильные, их можно датировать ранненеолитическим временем, то есть они одновременны погребениям № 1 и 2 раскопа XI 1998 г.

Конечно, интерпретировать данные объекты как достоверно погребения человека с полной уверен-

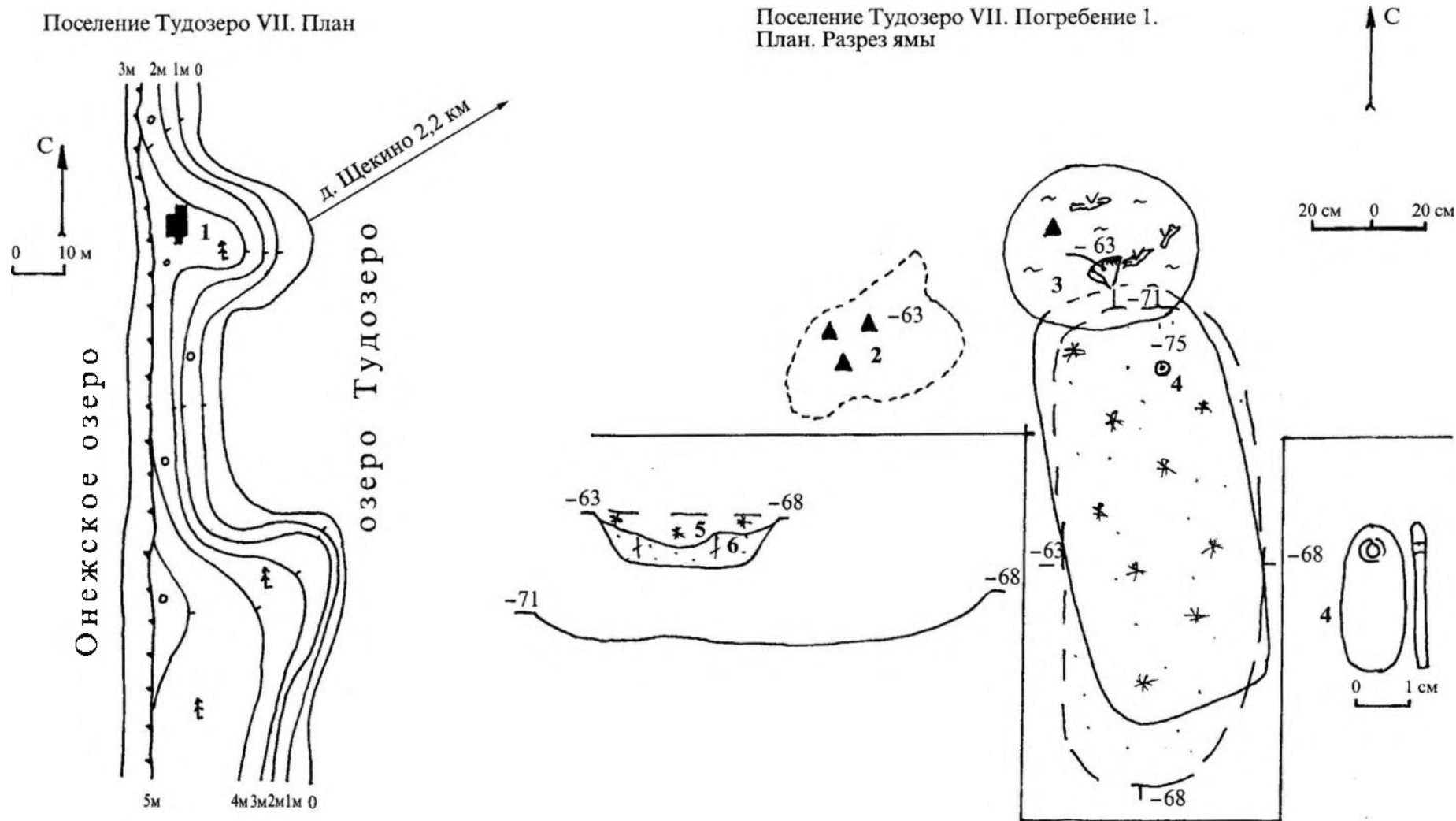

Рис. 1. Поселение Тудозеро VII. Погребение 1.

1 – место расположения шурфа; 2 – развал гребенчато-ямочного сосуда; 3 – кострище; 4 – подвеска сланцевая;
5 – охристая засыпка; 6 – рыже-жёлтый песок

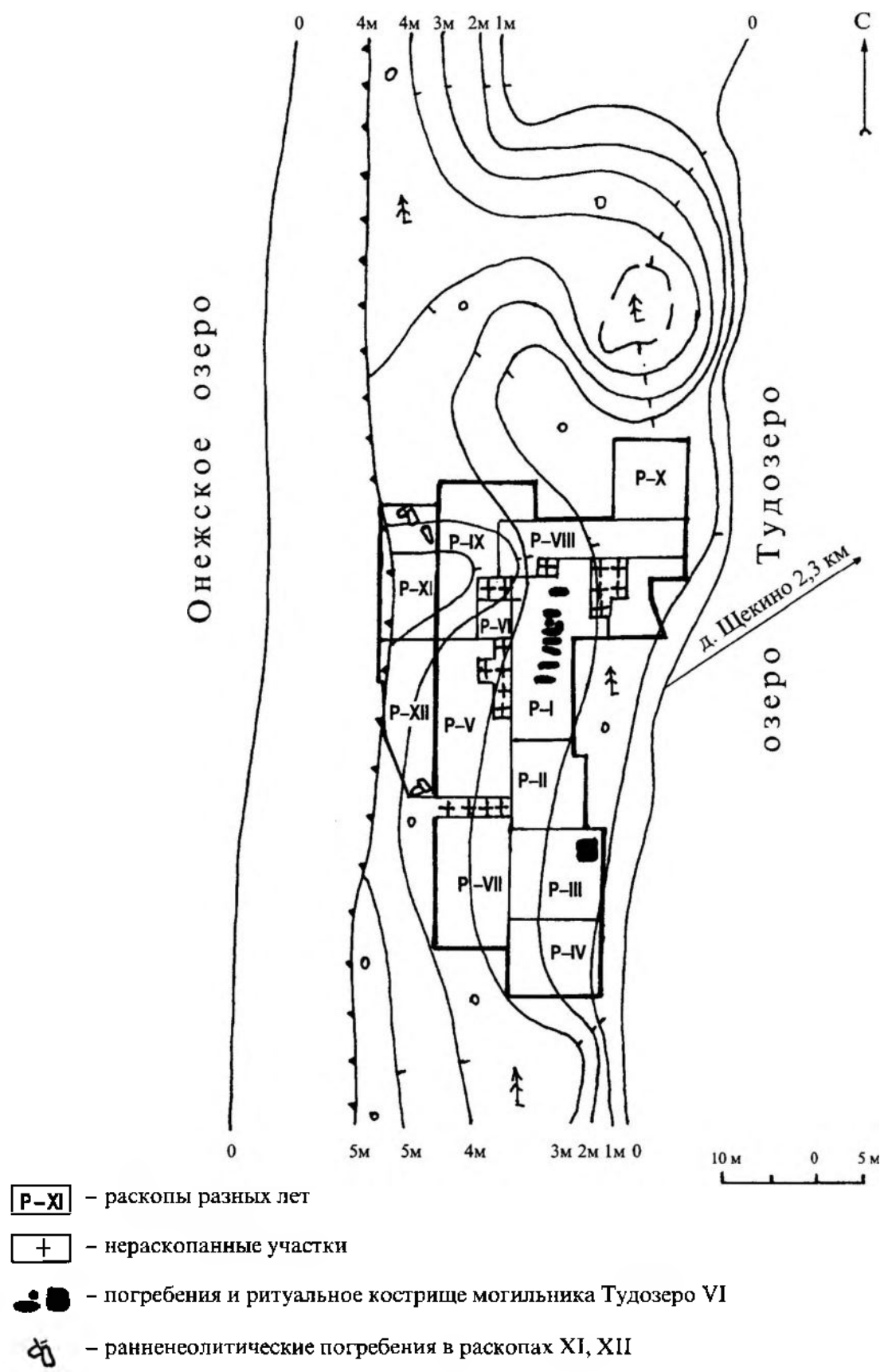
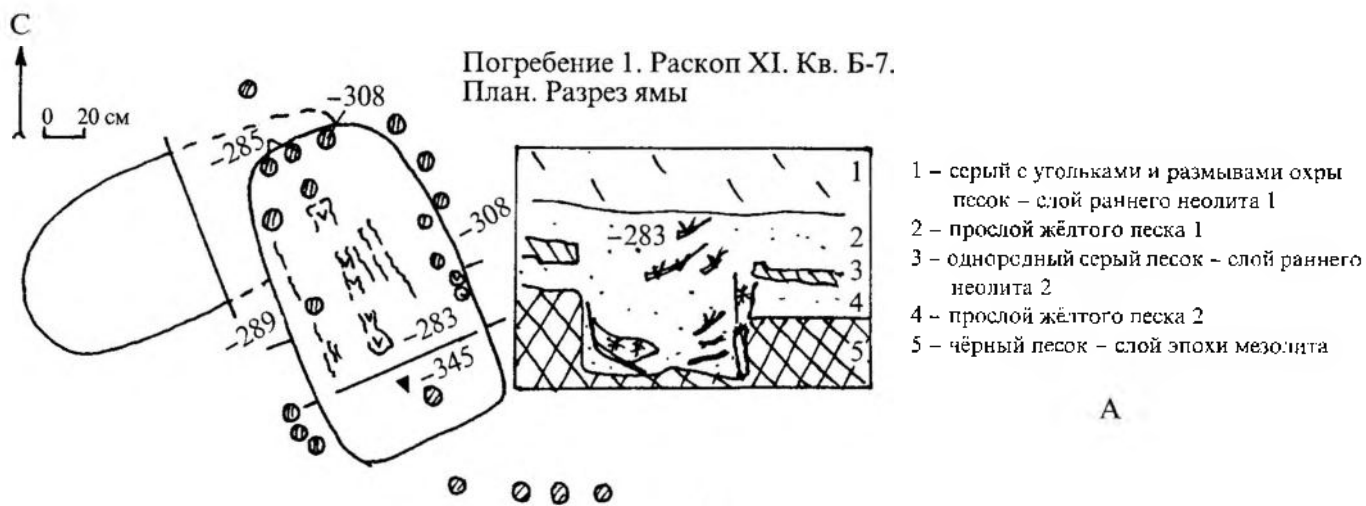
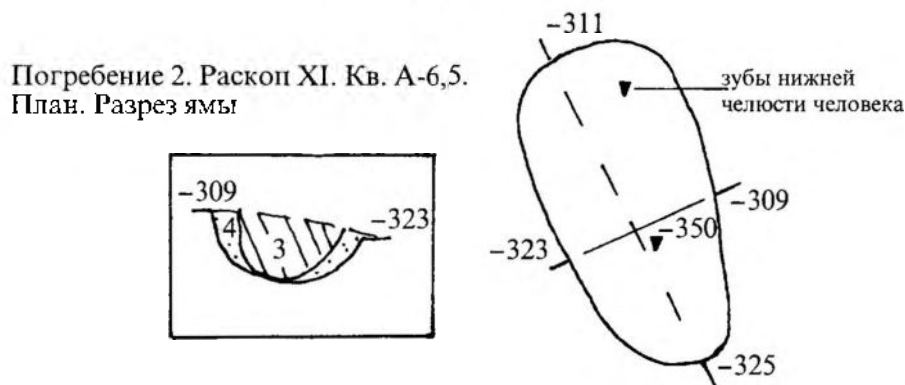

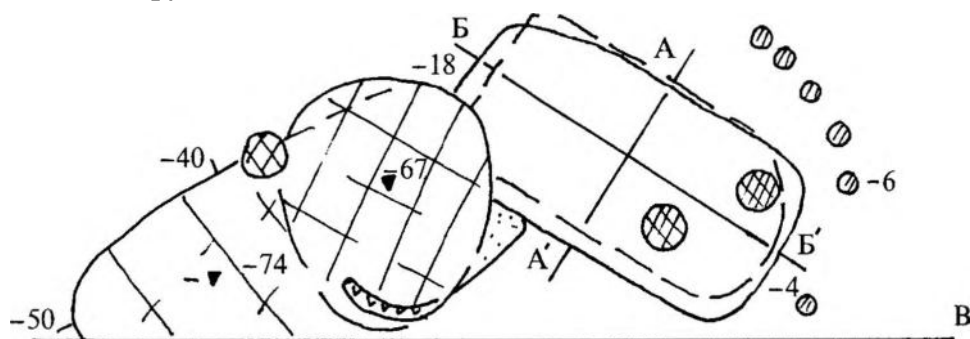
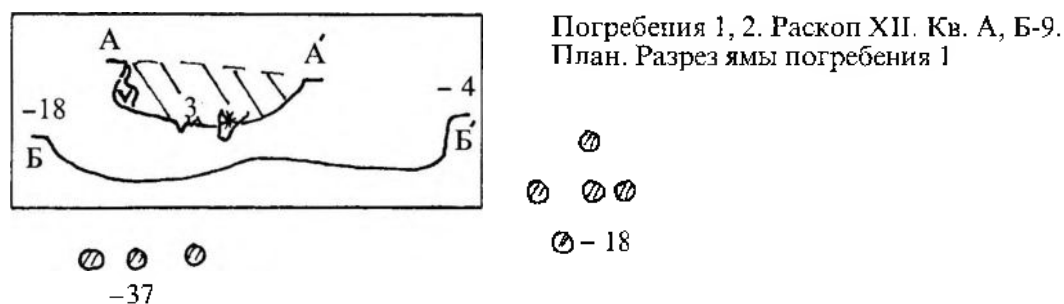
Рис. 2. Поселение и могильник Тудозеро V, могильник Тудозеро VI. План

А

Б

VV включения угля
 * включения охры
 ~ древесный тлен
 ● ямки с органическим и углистым заполнением

Рис. 3. Тудозеро V. Ранненеолитические погребения

постью пельзя. Отметим, что данная проблема характерна для всех территорий, где из-за почвенных условий не сохраняется органика. Так, например, до сих пор остаётся открытым вопрос о могильниках культуры сперрингс на территории Карелии. Материалы Тудозера, по нашему мнению, подкрепляют версию об отнесении подобных сооружений к погребальным, что подтверждается находками человеческих останков в одной из ям. Общим для ранне-неолитических погребений является совершение захоронений на краю жилого пространства поселений, наличие внешних конструкций, помечающих место погребения, незначительное использование охры при совершении ритуала погребения. Отсутствие единой ориентировки погребённых, скорее всего, связано со временем совершения захоронений (сезоном) или невыработанностью устойчивой традиции в ориентировке погребённых, более тяготеющей всё-таки к широтной (С-Ю). Скорее всего, ранний обряд погребения характеризуется отсутствием или незначительным количеством вещей (возможно, они были из органических материалов и также не сохранились). Малое количество ранних погребений может указывать на существование в другом месте общего могильника (типа Оленеостровского), а совершение погребений “на месте”, вероятно, указывает на время смерти погребённых, отдалённое от времени совершения в определённые дни захоронений на общем родоплеменном кладбище. В какой-то мере это можно подтвердить наличием отдельных (одиночных) погребений на стоянках эпохи неолита (Андозеро, Кубенино и др.). А. Я. Брюсов предполагал, что население эпохи неолита лесной зоны европейской части России довольно редко хоронило своих сородичей около своих поселений, так как большая их часть погребалась на родовых кладбищах [7, с. 154]. В погребении с поселения Тудозеро VII позднэнеолитического времени значительную роль в ритуале стала играть засыпка охрой, появились элементы ритуальных конструкций в виде кострища. С ранне-неолитическими погребениями его объединяют широтная ориентировка и наличие единственной достоверно связанной вещи, относящейся к украшениям, тип которых использовался на Тудозере до мезолита до раннего железного века. По характеру погребального обряда это захоронение более близко погребениям могильника Тудозеро VI, датированного серединой – концом III тыс. до н.э. Могильник Тудозеро VI оставлен пришлым населением, посетителем другой погребальной традиции, проявившейся в стабильной меридиональной ориентировке погребённых, довольно мощной охристой засыпке, наличии в каждом погребении значительного числа янтарных украшений, присутствии изделий из кремня и камня и следов ритуальных действий (погребальной тризны?), что свидетельствует о развитых представлениях о загробном мире, культе предков и сложившейся погребальной традиции. Всё это позволяет говорить о развитии местной погребальной традиции, возможно, не без влияния и пришлого населения.

По-видимому, окончательно решить вопрос о подобных погребальных сооружениях и погребениях можно лишь при помощи естественно-научных методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванцев А. М.* Древности Вытегории // Вытегра: Красноведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
2. *Иванцев А. М., Иванцева М. В.* Хронология памятников раннего неолита южного Прионежья // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб., 2000.
3. *Иванцев А. М., Иванцева М. В.* Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в Южном Прионежье // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
4. *Иванцев А. М.* Работы в Южном Прионежье // АО – 1996. М., 1997.
5. *Иванцев А. М.* Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V. Вологда, 1996.
6. *Иванцев А. М.* Работы на озере Тудозеро // АО – 1995. М., 1996.
7. *Брюсов А. Я.* Караваяевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

*Государственная дирекция по использованию
и реставрации памятников истории и культуры
в Вологодской области,
Вологда*

A.M. Ivanischev

THE BURIALS OF THE STONE AGE ON THE TUDOZERO LAKE (on the Materials of the Excavations of 1995, 1998, 2000)

Summary

The author considers the Stone Age burials which have been revealed in the course of excavations made on the multi-layer site Tudoszero VII situated in the southern Onega Lake basin in Vytegra area of Vologda Region. On the basis of the stratigraphic data the scholar dates the burials found on Tudoszero V site back to the Early Neolithic. The burial revealed on Tudoszero VII site has been related to the Late Neolithic.

*The State Direction of Usage and Restoration
of the Monuments of History and Culture in Vologda Region
6, Sovetsky Av., Vologda,
160035, Russia*

Т.М. Гусенцова

СТРУКТУРА МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ КОШКИНСКОЙ СТОЯНКИ (правобережье р. Вятки)

Кошкинская стоянка открыта в 1993 г. Она находится на первой надпойменной террасе р. Масловки высотой 3-5 м, в 0,5 км от современного русла р. Вятки и в 2 км к северу от д. Кошкино Арбажского района Кировской области [1; 2]. Стоянка относится к немногим памятникам, расположенным вблизи современного русла р. Вятки, с хорошо сохранившимся культурным слоем, занимающим ок. 5000 кв. м (рис. 1). Благодаря вскрытию слоя широкими площадями (более 700 кв. м) определена последовательность заселения участка, занятого памятниками эпохи камня и бронзы.

Большинство объектов мезолитического времени найдено на мысу, образованном р. Масловкой и старицей р. Вятки (рис. 2). Поверхность мыса нарушена небольшим песчаным карьером. Стратиграфия памятника следующая (рис. 3): дёрн – 8-10 см (1); светло-серый песок (нанос) – 6-30 см (2); под ним слой гумусированной супеси мощностью 10-15 см с включениями угля, образовавшегося от пожара (3), с редкими находками изделий из камня; ниже – слой красновато-коричневой супеси мощностью 10-45 см (4), также с находками кремнёвых предметов; под слоем 4 прослеживается тёмная супесь – заполнение ям и жилищ (5) с многочисленными изделиями из кремня и кальцинированными косточками, угольками, мощностью 60-100 см; подстилающий слой – жёлтый песок (6). В северной части мыса культурный слой нарушен ямами от корней деревьев (7); на юго-западных участках под красноватой супесью прослеживается слой суглинка (8) или серой плотной супеси (9).

В процессе раскопок были обнаружены остатки 11 жилищ и 4 сооружений, которые, возможно, были жилищами. В межжилищном пространстве находилось более 20 ям различного назначения. Открытые объекты имеют различную ориентировку, позволяющую объединить их в три условные группы (рис. 2).

К первой относятся жилище I, примыкающее к краю террасы, и сооружение XI, частично разрушенное карьером. Они ориентированы по линии С – Ю, с небольшим отклонением к западу.

Котлован жилища I зафиксирован на глубине –70 см (здесь и далее – от условного нуля – ЮЗ угла участка 4/5), заполнен тёмной супесью с кальцинированными косточками и углистыми включениями. Сохранившаяся часть – подпрямоугольной формы, размерами 320×220 см, дно неровное, углублено в подстилающий песок на 25-35 см. Очажная яма расположена напротив выхода. Размеры её 120×150 см, в центре – пятно прокала диаметром 80 см и мощностью 32 см. Выход, очевидно, находился в юго-западном углу и был направлен в сторону р. Масловки. У северо-восточной стенки на глубине –70 и –100 см отмечены две столбовые ямки диаметром 28-35 см и глубиной соответственно 11 и 36 см. В заполнении жилища найдено более 200 каменных предметов. В составе сырья преобладает серый с оттенками кремней, однако заметна группа орудий, изготовленных из красно-коричневого и чёрного кремня. Подавляющее большинство находок относится к отходам производства – отщепам и чешуйкам, найдено несколько предельно сработанных нуклеусов и сколов с них, 46 пластинок без ретуши, 3 скребка, угловой резец, 3 ножа на отщепах и обломки орудий.

Сооружение XI находилось в 4 м к востоку от вышеописанного. Первые очертания выявлены на уровне –80 см, размеры его 340×320 см. На уровне –110 см размеры уменьшились до 320×260 см, дно неровное, глубина котлована 54 см. Углублённый выход размерами 80×120 см находился в юго-западном углу жилища. Напротив выхода была столбовая ямка. Находки – свыше 40 отщепов и 50 пластинок, сколы с нуклеусов, скребки – сосредоточены в углублённой части котлована, возле южной стенки. Состав сырья аналогичен материалу жилища I.

Возможно, к этой группе сооружений относится «жилая площадка», обнаруженная за жилищем I. Площадка выделена по скоплению находок и гумусированным пятнам слоя размерами 280×360 см. В центре её находились две крупные ямы с углисто-сажистым заполнением. В одной из них (XXIV) обнаружено более 150 кремнёвых изделий – отщепы, 4 технологических скола с нуклеуса, 33 пластины, пож на отщепе. Яма зафиксирована на глубине –60 см, размеры её 145×110 см, глубина 55 см, дно уплощённое. В соседней яме (XXV) находилось 40 изделий из кремня: более 10 пластин, скребков, остальные находки – отщепы и чешуйки.

Вторая группа сооружений, сосредоточенных в юго-западной части мыса, выделяется особенно отчётливо. К ней относятся объекты, ориентированные по линии ВСВ-ЗЮЗ, – IX, VIII, X, VI, XVIII, XIX. Выходы

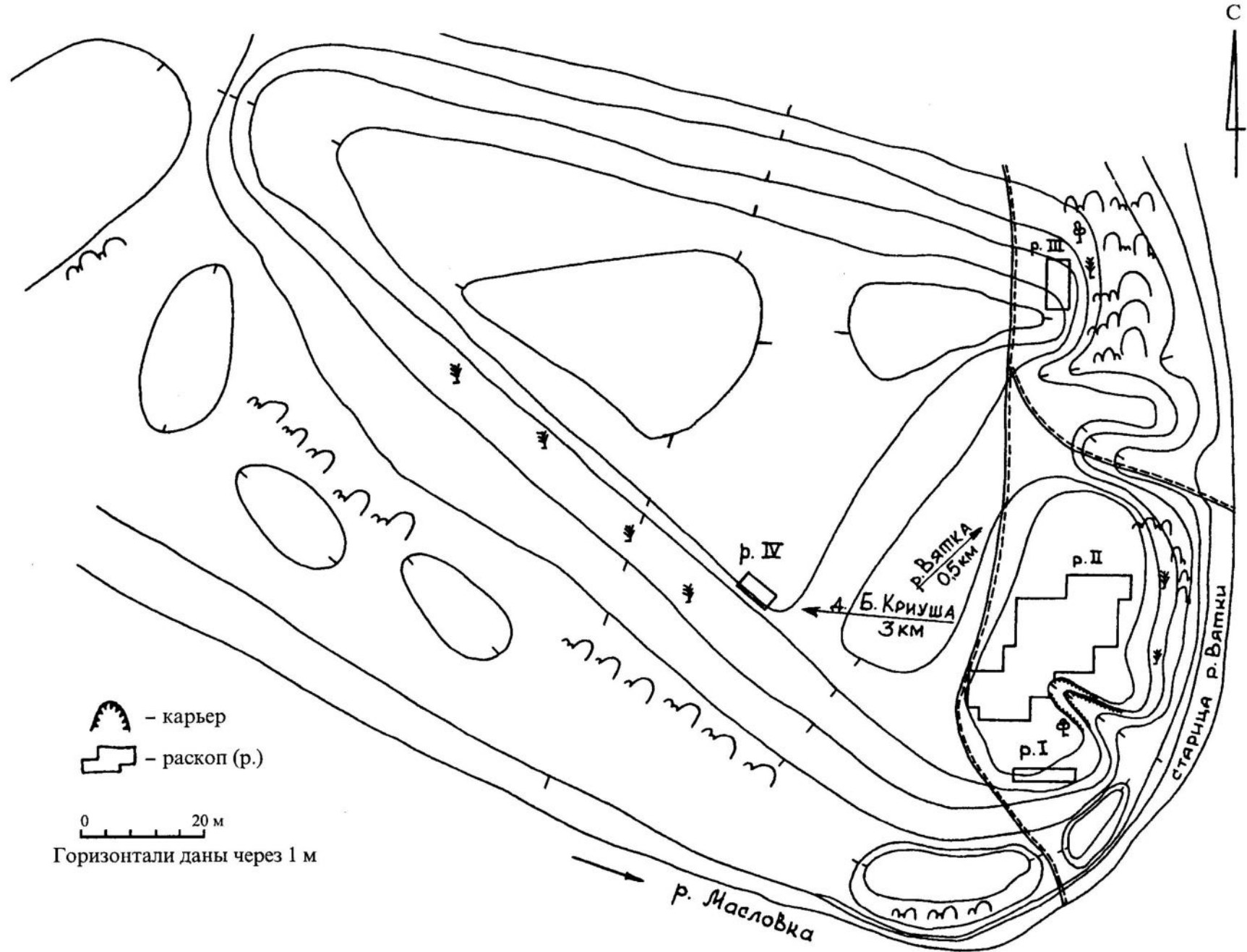

Рис. 1. Кошкинская стоянка. План

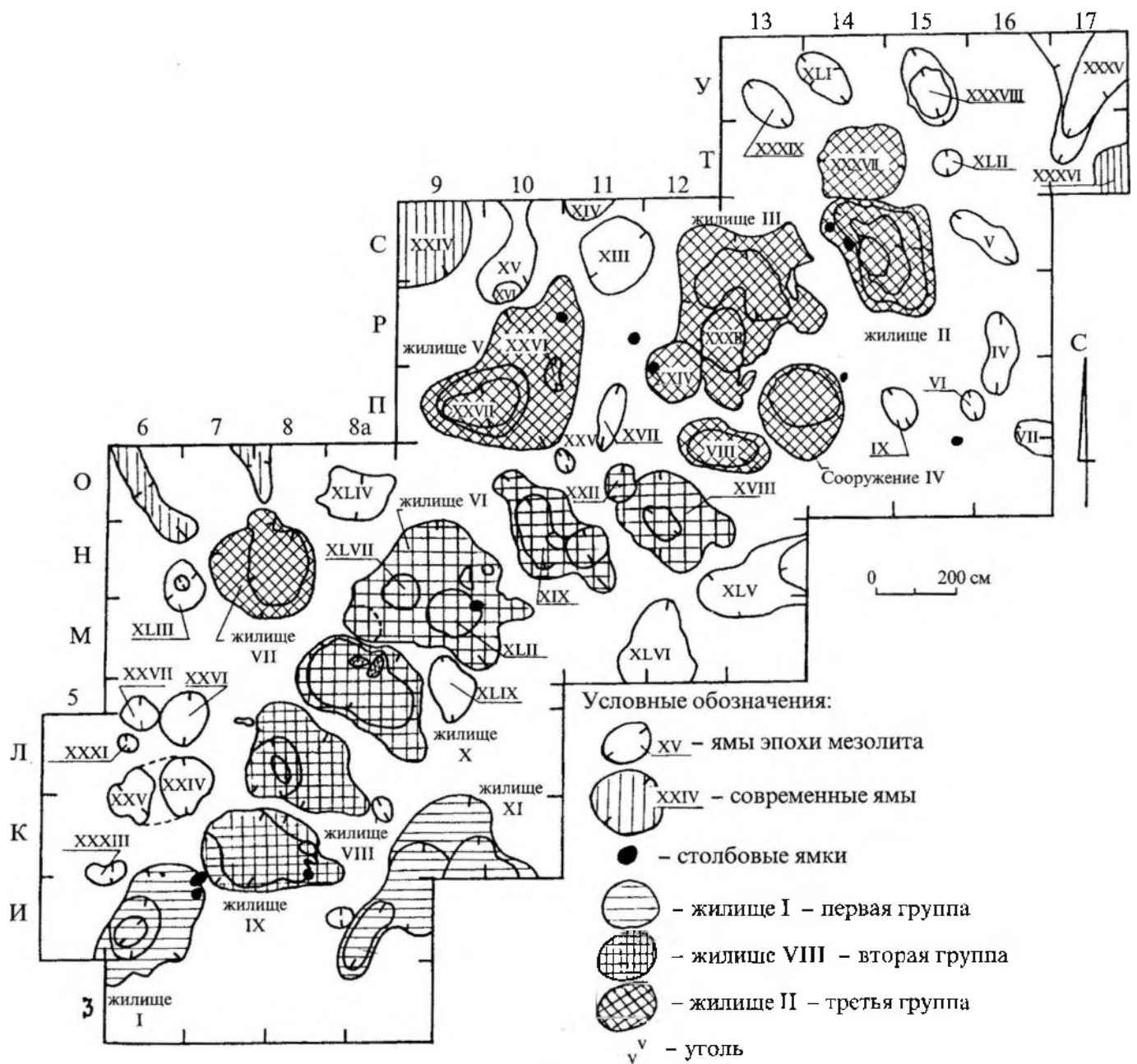

Рис. 2. Кошкинская стоянка. План мезолитических и других объектов

из них направлены преимущественно в сторону р. Масловки. Объекты образуют плотный ряд, разделённый промежутками в 0,8-1,2-2,0 м. Очертания их чётко фиксировались по тёмному "сажистому" слою с включением мелких кальципированных косточек. Северо-западные границы пяти из них размещены на одной линии (рис. 2). Разница в уровне фиксации сооружений - 10 см (-70, -80). Практически нет нарушений границ котлованов. Только на одном из объектов (VIII) выявлено его вторичное использование в эпоху неолита. В верхнем слое котлована была найдена яма, заполненная серой супесью, с развалом сосуда. Кроме того, юго-западный угол жилища VI был нарушен ямой средневекового погребения.

В устройстве сооружений присутствуют единые конструктивные элементы: четырёхугольная форма котлована площадью не более 6-9 кв. м (280×220; 320×260; 360×320 см и т.д.). Стенки котлованов оплыли и заметно сужаются ко дну, глубина в подстилающем песке - 50-80 см. Очажные ямы диаметром 80-120 см с мощными линзами прокалов расположены напротив коротких выступов-выходов. Редкие столбовые ямки находятся также напротив выходов. В трёх объектах (XI, VIII, X) вместо ям с прокалами зафиксированы только золынки. Пол сооружений забит находками (слой просеивался и промывался), количество их насчитывает от 200 до 350 экз. Состав изделий: мелкие отщепы, чешуйки, ядрища, пластинки и сечения, небольшое количество скребков на отщепах или площадках с нуклеусов, единичные орудия - угловые резцы, проколки, свёрла. Сырьём служил преимущественно серый с отщепками и чёрный кремль.

Особый интерес представляет небольшая яма, примыкающая к северо-западной границе сооружения XVIII. Яма XXII открыта на уровне -60 см, её диаметр 80 см, глубина 38 см, дно приострѐнное. В тѐмном сажистом заполнении ямы найдено 4 отщепа, 2 продольных скола с нуклеуса и крупная галька с рисунком, нанесѐнным охрой.

Третья группа сооружений находится преимущественно в северо-восточной части мыса. К ней относятся объекты II-V, возможно, VII, ориентированные по линии С-Ю (рис. 2). Межжилищное пространство их заполнено крупными ямами с кремнёвыми изделиями и кальцинированными косточками. В центре группы находилось жилище III, обнаруженное на уровне -70 см. Котлован - квадратной формы размерами 320×360 см, углублѐн в подстилающий песок на 53 см. Стенки котлована покатые, дно ровное. В центре его находилась крупная очажная яма канавообразной формы размерами 240×95 см, с пятном прокала, глубиной 45 см. Выход размерами 80×70 см, глубиной 65 см направлен в сторону старицы р. Вятки. Две столбовые ямки находились у восточной стенки возле выхода. Южные границы жилища нарушены ямой от корневища дерева. В заполнении котлована найдено свыше 400 каменных изделий, половину которых составляют отщепы и чешуйки; многочисленны пластинки и сечения (165), нуклеусов и нуклевидных сколов - 25, скребков на отщепах и площадках с нуклеусов - 3, есть угловой резец, сверло на отщепах, проколка на пластине, нож на отщепах, 2 обломка орудий и небольшое рубящее орудие. К юго-западному углу жилища примыкала яма (XXIX), на дне которой находилась столбовая ямка. В яме собрано 50 отщепов и чешуек, 20 пластин.

К югу от жилища III находилась яма VIII, ориентированная по линии З-В. Она обнаружена на уровне 70 см, была овальной формы, размерами 125×140 см, глубиной 60 см; дно ямы приострѐнное. В заполнении встречено более 50 предметов: отщепы и чешуйки, угловой резец и несколько пластин.

К юго-востоку от жилища III было исследовано сооружение IV, зафиксированное на уровне -40 см, овальной формы, размерами 250×190 см, глубиной 80 см. В нём находилась очажная яма, заполненная прокалѐнным песком, золой и углистыми включениями, размерами 180×160 см, мощностью 40 см. За пределами котлована сооружения, возле северной его границы на уровне -70 см обнаружена столбовая ямка. В заполнении котлована сооружения найдено свыше 150 кремнёвых предметов: чешуйки и отщепы, 15 пластинок без вторичной обработки, 2 скребка и угловой резец.

Жилище II находится к северо-востоку от жилища III, обнаружено на уровне -70 см, неправильно-прямоугольной формы с выступом-выходом в северо-западном углу, направленным в сторону от реки. Размеры котлована 280×220 см, в расширенной части - 280×250 см, максимальная глубина котлована 65 см, выхода - 35-40 см. Стенки котлована опускались к полу тремя уступами. В наиболее углублѐнной части была очажная яма размерами 180×120 см. У выхода находились две столбовые ямки диаметром 20 см и глубиной соответственно 19 и 12 см. Заполнение котлована - тѐмная гумусированная супесь с включениями кальцинированных косточек. Находки из жилища насчитывают 450 экз., среди них 229 чешуек и отщепов, 82 пластинки и сечения без ретуши, 2 сечения с ретушью, 6 скребков, угловой резец, нож, обломки орудий и 2 отбойника - гальки со следами забитости на концах. К северной границе котлована вплотную примыкала яма XXXVII, обнаруженная на глубине -80 см, размерами 200×160 см, глубиной 50 см, с неровным дном. В заполнении ямы - в тѐмной гумусированной супеси - найдены отщепы. На глубине -90 см у восточной стенки ямы зафиксирована столбовая ямка с тѐмным углистым заполнением и прокалом, диаметр её 32 см, глубина 12 см.

Жилище V обнаружено на глубине -70 см, его размеры 240×360 см, глубина котлована 60 см, стенки покатые. Выход размерами 80×80 см, глубиной 40 см полого опускался в сторону котлована от северной стенки. В центре котлована и у выхода находились две столбовые ямки. В юго-западном углу котлована на уровне -80 см обнаружена яма размерами 220×160 см, глубиной 40 см; дно приострѐнное. В заполнении ямы - кальцинированные косточки, угольки, обожжѐнные кремнёвые изделия. Возможно, это очажная яма. Другая яма, с сажисто-углистым заполнением, выявлена напротив выхода на глубине -100 см. Её размеры 90×50 см, глубина 24 см, дно приострѐнное. В яме найдено 3 отщепа и 2 пластины.

В котловане жилища V собрано более 250 кремнёвых предметов: половина из них - отщепы и чешуйки, есть 14 сколов с нуклеусов, около 90 пластин и сечений, единичные угловые резцы и скребки.

Сооружение VII расположено в северо-западной части мыса, ориентировано по линии С-Ю. Сооружение открыто на уровне -70 см, его размеры 240×200 см, глубина котлована 85 см. Оно имеет небольшой выступ в северной стенке. Стенки котлована оплыли, что было хорошо заметно при его расчистке. Котлован был заполнен тѐмной гумусированной супесью, насыщенной кальцинированными косточками и кремнёвыми изделиями, - 60 индивидуальных предметов и более 100 отщепов. Рядом с сооружением на уровне -90 см обнаружена очажная яма (XLII) размерами 120×100 см, глубиной 68 см, с чапевидным дном. В центре ямы было пятно прокала диаметром 40 см. В заполнении очажной ямы найдено 10 пластин и 3 отщепа.

Следует отметить скопление находок размерами 180×200 см, находившееся рядом с очажной ямой XLII и сооружением VII. Обнаружено свыше 20 пластин, 6 нуклевидных сколов, 2 скребка, 2 ножа, колотая галька и более 40 отщепов, а также 2 мелких кусочка охры. Здесь же зафиксирована уплотнѐнность культурного слоя. Возможно, это также остатки «жилой площадки».

Таким образом, площадка мыса неоднократно заселялась мезолитическим населением. Установить последовательность постройки каждой группы объектов достаточно сложно, поскольку состав инвентаря и типы орудий, как отмечалось выше, очень близки. Предварительный анализ вещевого комплекса выявил некоторые различия в каменном сырье разных групп объектов. В первой и второй группах наряду с серым с оттеп-

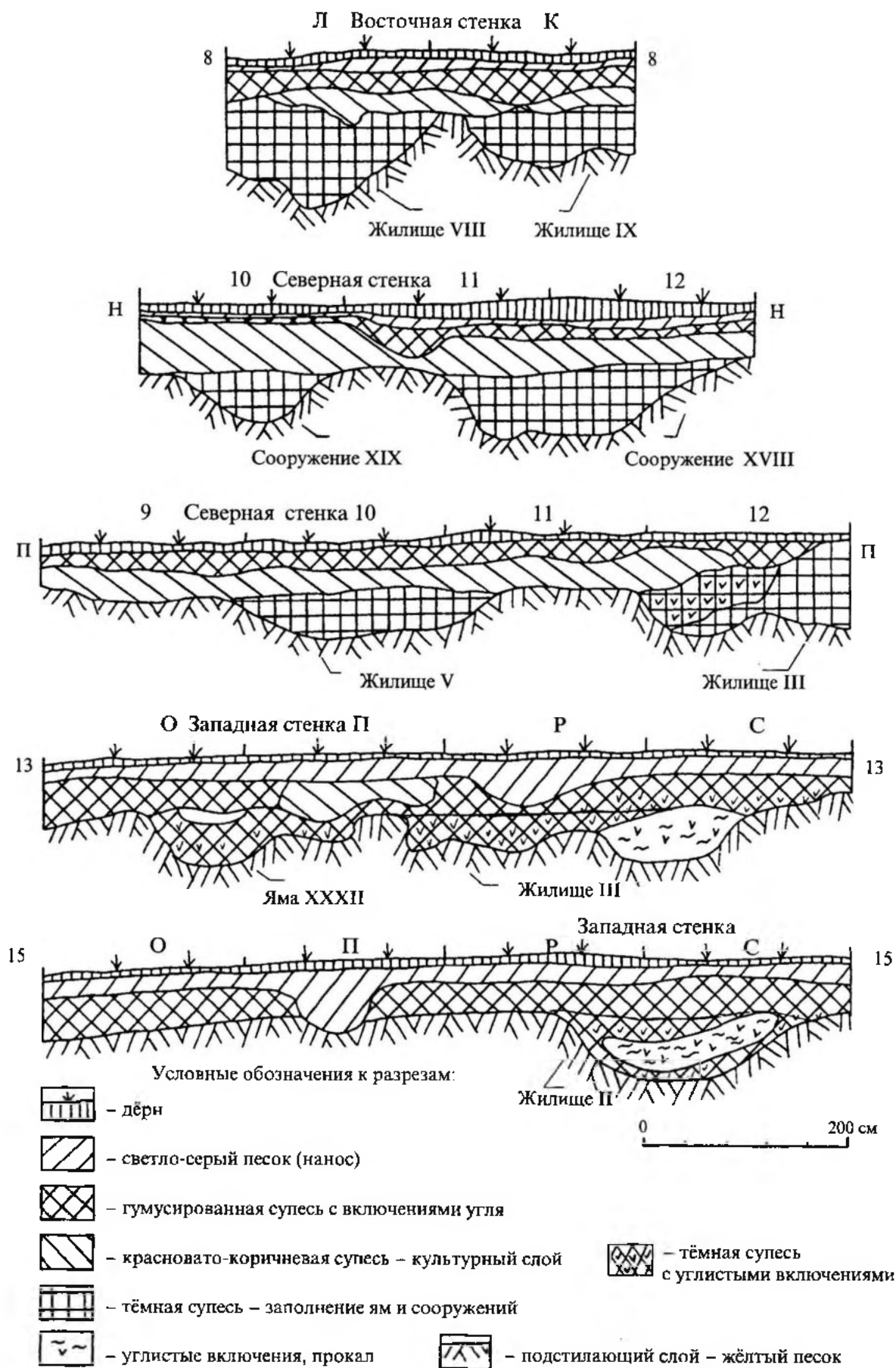

Рис. 3. Кошкинская стоянка. Разрезы мезолитических объектов

ками кремнем использовался красно-коричневый и чёрный кремень, тогда как в жилищах третьей группы он употреблялся редко. На стоянке производилось первичное расщепление сырья – желвачного и плитчатого кремня. Большую часть изделий в объектах составляют отщепы и чешуйки кремня (50-70%). Ядрища преимущественно одноплощадочные, конические или торцовые. Значительной группой представлены технологические сколы с ядрищ, часть которых использовалась для изготовления скребков. Второе место после отщепов во всех объектах занимают пластинки и короткие сечения без вторичной обработки шириной 0,3-1,2 см, с преобладанием микропластин шириной 0,3-0,5 см – 30-34,3%. Большинство из них служили вкладышами составных орудий. Скребки – кощевые на отщепах или округлые с ретушью на 1/3 окружности отщепа либо скола с нуклеуса. Крайне мало других категорий орудий: проколок, свёрл, угловых резцов; единичны ножи на отщепах и рубящие орудия; отсутствуют наконечники стрел. Инвентарь имеет аналогии с позднемезолитическими материалами памятников правобережья р. Вятки – Мари-Кугалки II, III [3].

Из нескольких объектов были отобраны образцы угля, что, возможно, позволит уточнить их возраст. Вместе с тем, по наблюдениям за расположением жилищ на левобережных притоках р. Вятки можно предположить, что более “древними” являются сооружения третьей группы памятников, приуроченные к внутренней части террасы.

Обращают на себя внимание небольшие размеры сооружений. Представляется, что реальная площадь их была более значительной – за счёт устройства перекрытия и обкладки стен. Возможно, они использовались небольшой группой населения в качестве промысловых жилищ, преимущественно в холодное время года. В целом размеры жилищ близки постройкам лесной зоны Восточной Европы. Этнографические исследования по угорским народам (наиболее близким по условиям среды обитания) дают некоторое представление об углублённых в землю постройках, служивших жильными домами. Для них выкапывали четырёхугольный котлован глубиной до 60 см, стены которого обкладывались брёвнами. Перед входом сооружали навес или сени, дверь была дощатой, окно помещали в крыше или в боковой стене напротив чувала, последний находился в каком-либо из углов рядом с дверью; пол жилища был земляной, потолка не было [4]. Крыша делалась из жердей, крылась дёрном и землёй. Она была не сплошная, а имела сбоку или в середине довольно большое отверстие для выхода дыма и для света. Подобные жилища окон не имели. С одной из сторон землянки был устроен вход, к которому вёл ряд ступенек или просто спуск. Выход был защищён небольшой дощатой дверью [5]. О внутреннем устройстве жилищ свидетельств мало. Большинство исследователей указывает, что очаг располагался в центре помещения и представлял собой ящик с землёй, служащий для разведения огня; по стенам жилища были сделаны полки, на которых расставлена берестяная посуда, вдоль стен устроены лавки для сна или нары, часто засыпанные песком, поверх которого настилались маты из берёзовой коры, циновки из трав [5].

Стоянка расположена на удобном месте для охоты и рыбной ловли, о чём свидетельствует обилие мелких кальцинированных костей в котлованах сооружений. Результаты анализа костных остатков находятся в стадии обработки. Однако известна фауна из аналогичных мезолитических жилищ левобережных стоянок бассейна р. Вятки (Баринка 1, 2). Основными объектами охоты являлись лось и северный олень, который до сих пор встречается в северных районах Кировской области, охотились также на медведя и бобра.

На стоянке, возле жилища I, найдена кремнёвая скульптурка, изображающая, вероятно, медведя [2, рис. 1: 1]. В межжилищном пространстве был найден зуб собаки (?), служивший, по-видимому, украшением [2, рис. 1: 51].

Как и на других памятниках бассейна р. Вятки, для охоты использовались поперечно-лезвийные наконечники, изготовленные из пластин или их сечений. Проведённые исследования охотничьего оружия показали значительную эффективность поперечно-лезвийных (режущих) наконечников стрел на охоте при стрельбе с коротких расстояний. Поражающие способности поперечно-лезвийного наконечника при удачном выстреле с близкого расстояния были значительно выше, чем у колющего [6]. Таким оружием вполне могли пользоваться при поклёке оленей во время миграций или охоте на крупного зверя (лося), загнанного на лёд в холодное время года. Охота на боровую дичь велась в основном осенью на песчаных берегах рек и озёр, куда они прилетали собирать гальку, необходимую им для перетирания пищи [5]. Возможно, найденные на стоянке скопления мелкой гальки являются остатками содержимого желудков этих птиц.

Обработка материалов памятника продолжается, и в предлагаемую реконструкцию структуры мезолитических объектов могут быть внесены изменения. Исходя из анализа кремнёвого инвентаря и радиоуглеродных дат, полученных для ранне-неолитических жилищ, мезолитическая стоянка может быть датирована VI тыс. до н.э. [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусенцова Т.М. Мезолит и ранний неолит правобережья р. Вятки // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.
2. Гусенцова Т.М. Комплекс с накольчато-процеченной керамикой Кошкинской стоянки на правобережье р. Вятки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
3. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
4. Соколова З.П. К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Труды Тюменского областного краеведческого музея. № 4. Тюмень, 1959.

5. *Алексаиенко Н.А., Кернер В.Ф.* Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья. Свердловск, 1990.

6. *Истомин К.Э.* Модель морфологической типологии кремнёвых наконечников стрел // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань, 1998.

*Дворец детского и юношеского творчества
Выборгского района г. Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург*

T.M. Gusentsova

**THE STRUCTURE OF THE MESOLITHIC CONSTRUCTIONS OF KOSHKINO SITE
(the Right Bank of the Vyatka River)**

Summary

The article models structures of more than 15 Mesolithic constructions found on Koshkino site in the basin of the Vyatka River. The author has made an attempt to single out groups of objects on the assumption of similarity in their constructions and artifacts' compositions. The author gives ethnographic parallels as a base for reconstruction of dwellings and labour activities of the inhabitants of the site. Materials from the site are analogous to the Late Mesolithic sites of the Kama and the Vyatka Rivers watershed and are dated to the 6th millenium BC.

*The Palace of Infant and Adolescent Arts
of Vyborg District of St. Petersburg,
4, b.2, Santjago de Cuba St.,
St. Petersburg, 194291, Russia*

А.В. Волокитин

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ СТОЯНКИ ПАРЧ 2 НА ВЫЧЕГДЕ¹

В 1984 г. в верхнем течении р. Вычегды в окрестностях с. Парч был открыт мезолитический памятник Парч 1 (рис. 1). Он располагается на правом берегу реки на 5-метровой пойменной террасе. Исследования здесь с небольшими перерывами продолжают до настоящего времени. В 1986 г. открыта стоянка Парч 2. Она находится в непосредственной близости к первому памятнику, расстояние между ними около 50-60 м, но по стратиграфии и глубине залегания культурных остатков сильно отличается от него. Это объясняется тем, что Парч 1 связан с отложениями одной из гривок, представленных на данном сегменте аллювиальных отложений целой серией, а Парч 2 находится уже в межгривном пространстве. Гривки идут под углом около 45° к линии современного берега, разрушающегося в результате боковой эрозии реки. Именно вследствие абразии отложений раскопочные работы привязаны в основном к линии обнажения (рис. 2), изменяющейся в каждом полевом сезоне. Тем не менее, с 1985 по 1999 гг. на стоянке Парч 1 исследовано 168 кв. м, на стоянке Парч 2 – 132 кв. м, на памятнике Парч 3² – 13,5 кв. м. Археологические коллекции всех памятников имеют несомненные черты сходства, и можно предполагать, что они оставлены одним и тем же населением. Итогом исследования данного материала явилось выделение парчевской культуры, механизм сложения которой, как представляется, аналогичен таковому у бутовской культуры [1; 2]. Именно этим обстоятельством объясняется сходство основных технико-типологических показателей двух культур – парчевской и бутовской.

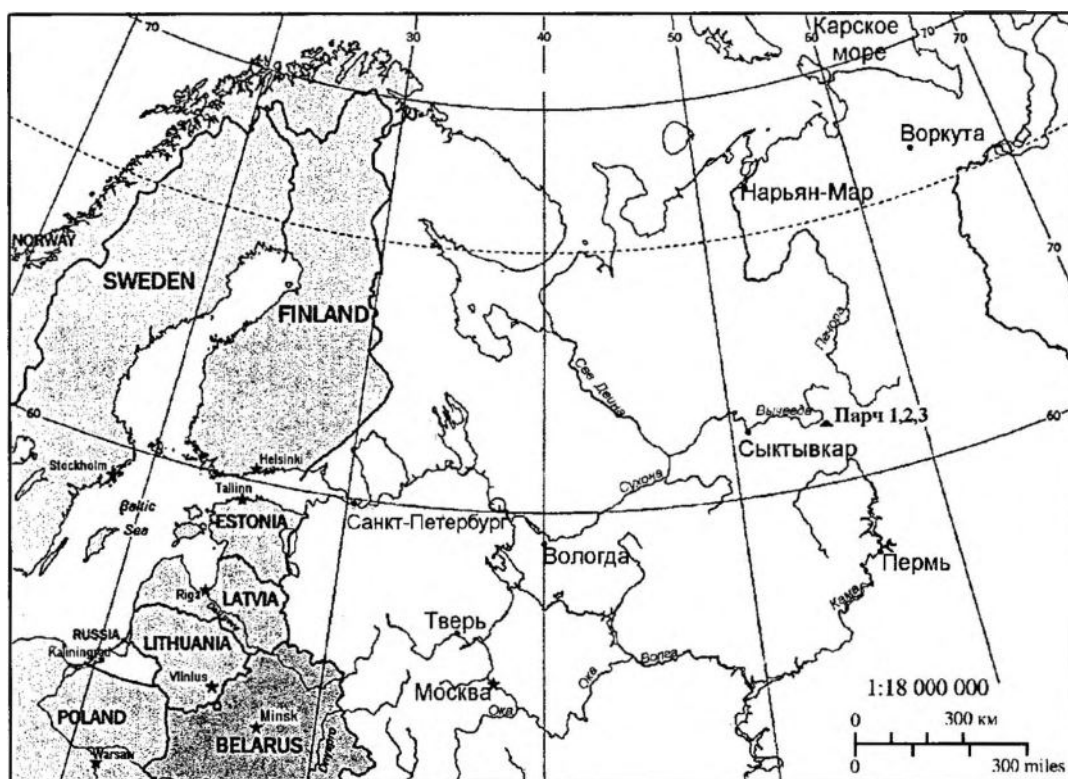

Рис. 1. Место расположения мезолитических памятников Парч 1, 2, 3

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 01-01-00449а.

² Памятник Парч 3 открыт, как и Парч 2, в 1986 г.; согласно сегодняшним представлениям его следует рассматривать как часть стоянки Парч 2.

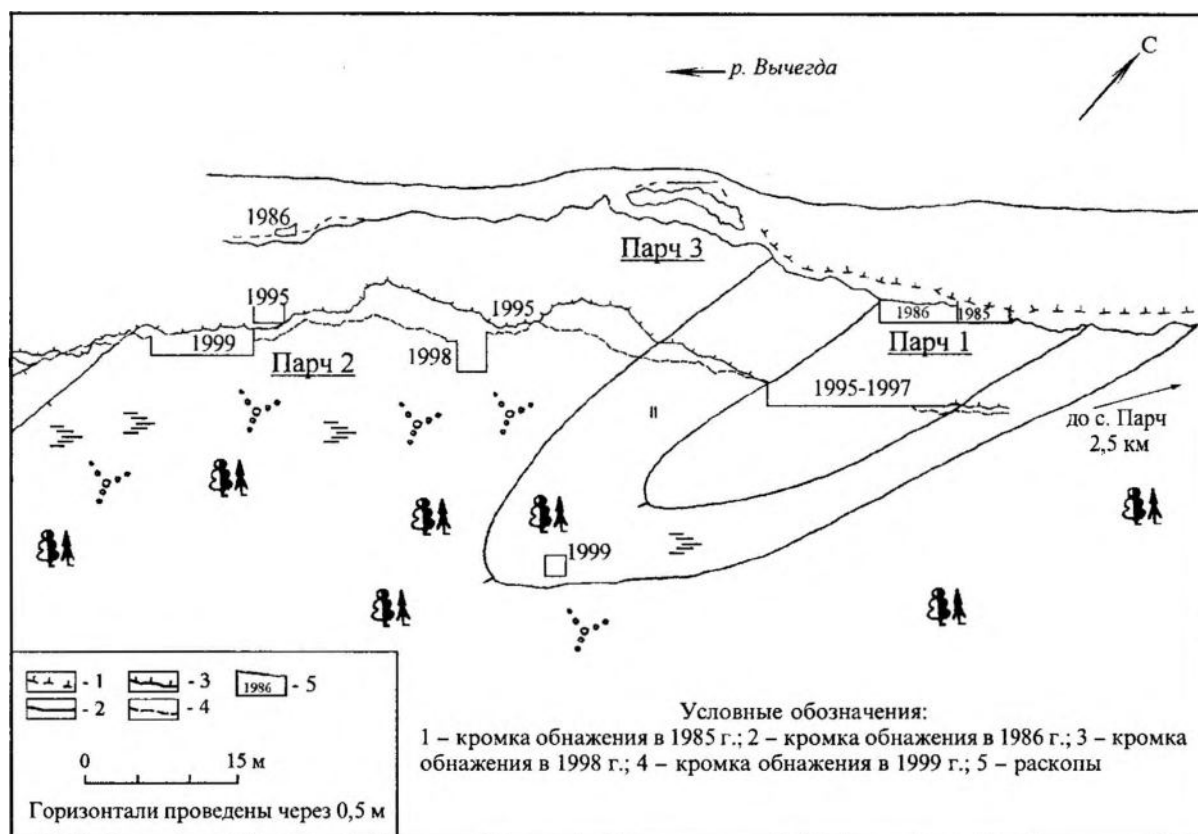

Рис. 2. Парч 1, 2, 3. План памятников

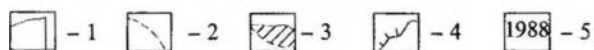
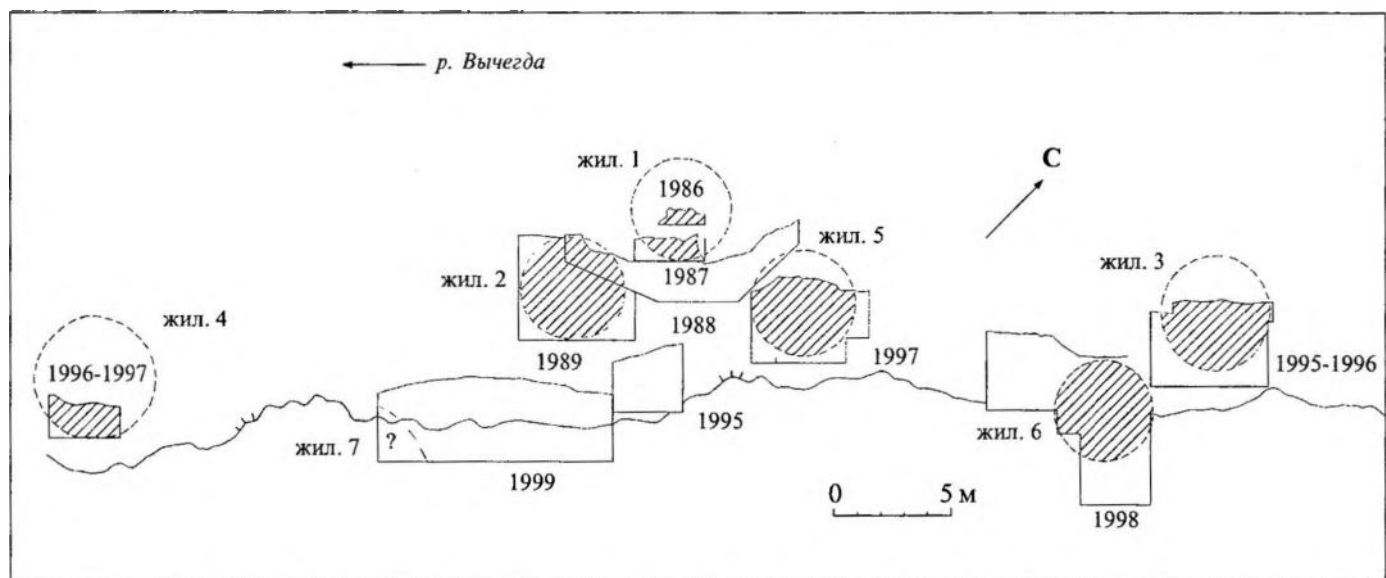
Наибольший интерес из данной группы памятников представляет стоянка Парч 2 – в связи с исследованными на ней остатками жилищ [3]. Всего их раскопано шесть. Как правило, наличие этих объектов фиксировалось по следам кострищ в обнажении или наличию костей в промоинах осыпи обнажения. Таким образом, у большинства жилищ исследована лишь та часть, которая сохранилась в отложениях, не подвергшихся абразии (рис. 3) Однако два из них раскопаны практически полностью. Это жилище 2, которое было обнаружено в непосредственной близости от жилища 1 при завершении его раскопок, и жилище 6, выявленное при попытке изучения пространства между жилищами 3 и 5. Наименьшую сохранность имело жилище 4. При его исследовании первоначально в осыпи были обнаружены блоки грунта с заключёнными в них линзами прокала и углистых прослоек, а также крупные куски кремня. В неразрушенных отложениях было выявлено скопление отходов первичного расщепления кремня. Также очень сильно пострадало жилище 1, с которого началось исследование памятника. В 1986 г. выявленные в обнажении террасы остатки жилища исследовать сразу не удалось. Вследствие интенсивных дождей июля 1986 г. и последовавшего за ними паводка обнажение было затоплено. Когда уровень воды понизился, выяснилось, что произошли дополнительные разрушения, и остатки жилища сильно пострадали. Были разобраны осыпь и частично сохранившиеся культуросодержащие отложения, произведена зачистка обнажения. В результате удалось выяснить стратиграфию памятника и отчасти планиграфию объекта. Раскопки жилища 1 были продолжены в 1987 г., после того как ещё часть его была утрачена в осенней и весенней паводки.

Межжилищное пространство удалось исследовать лишь в 1999 г. Раскоп этого года стал продолжением раскопа на месте жилищ 1, 2, 5 в юго-западном направлении. Находки на большей части изученной площади единичны, а отмеченные тонкие углистые линзы слабо окрашены. Однако в южном углу раскопа обнаружены скопление находок и углистые линзы, насыщенные фрагментами костей. Вероятно, в данном месте вскрыта небольшая часть ещё одного жилища (жилище 7) или же пространство, непосредственно примыкающее к нему.

Видимо, жилищ было ещё больше. Часть их не зафиксирована и погибла в результате абразии отложений.

Как уже отмечалось, группой расположены жилища 1, 2 и 5, вторую группу составляют жилища 3 и 6. Лишь жилище 4 находится поодаль от других. Однако в данном случае следует учитывать упомянутое обстоятельство, связанное с утратой части памятника. Очень же близкое друг от друга расположение остатков жилищ (1–2 м между их границами) в группах может свидетельствовать о одновременном существовании жилищ в древности.

Культурные остатки жилищ стоянки Парч 2 залегают в слоях, переходных от руслового к пойменному аллювию. Мощность перекрывающих отложений свыше 1,5 м (рис. 4). Культуровмещающие отложения

Условные обозначения:

- 1 – раскоп с кромкой обнажения террасы на уровне находок;
- 2 – граница предполагаемого жилища; 3 – сохранившаяся и раскопанная часть жилища; 4 – бровка обнажения террасы в 1999 г.;
- 5 – годы исследований

Рис. 3. Стоянка Парч 2. План расположения жилищ

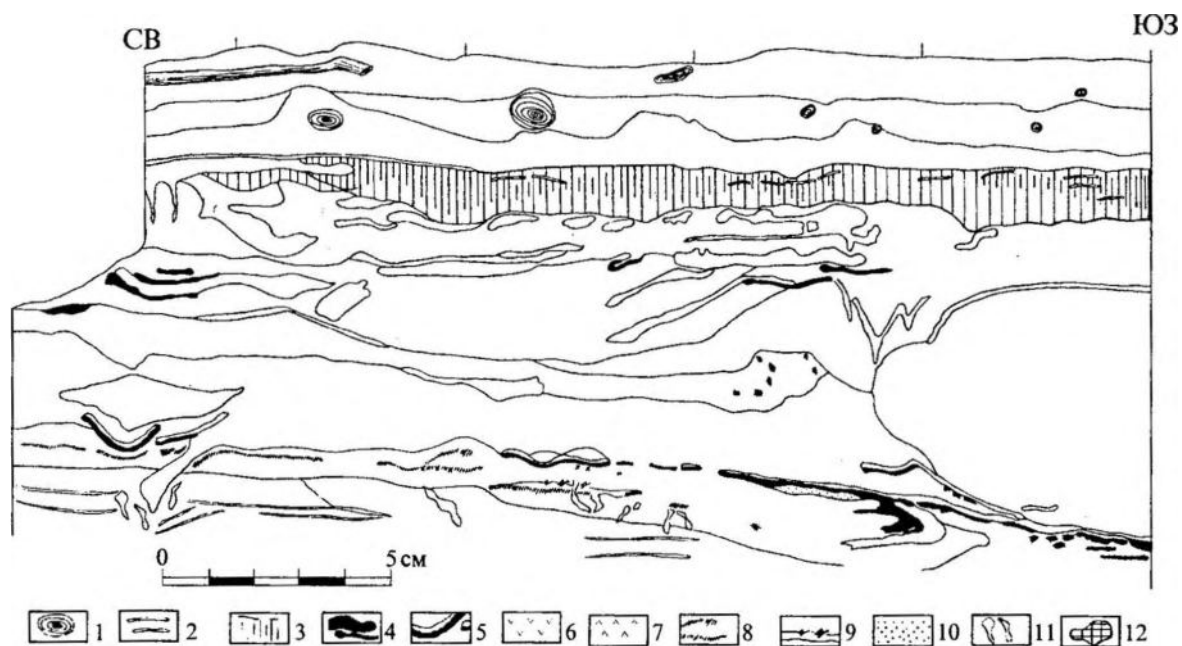

Рис. 4. Стоянка Парч 2. Жилище 6. Разрез по юго-восточной стенке раскопа.

- 1 – дерево; 2 – береста; 3 – оторфованная и сильнооторфованная глина; 4 – омарганцованные прослойки;
- 5 – корка ожелезнения-омарганцевания; 6 – ржавые прослойки; 7 – бурые прослойки; 8 – углистые прослойки с кремнёвыми находками; 9 – прокал с костями; 10 – песок; 11 – корневоды; 12 – кротовины

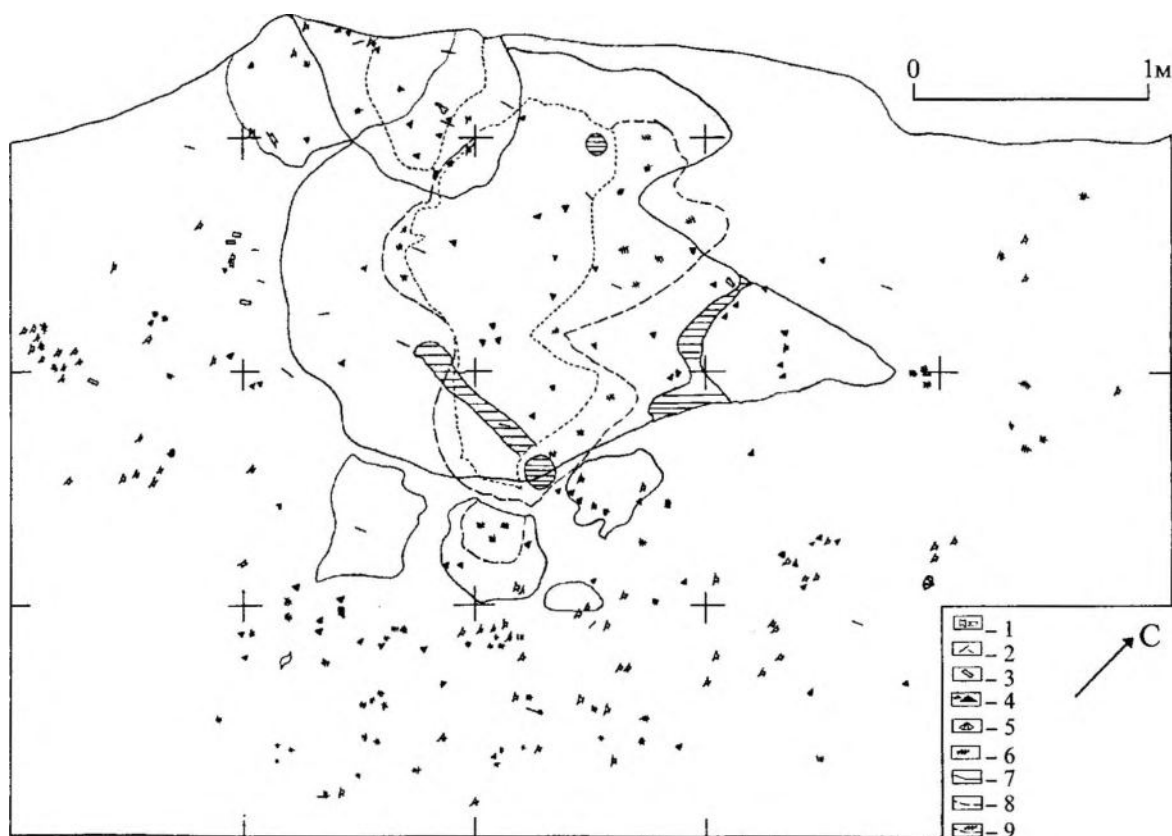

Рис. 5. Стоянка Парч 2. План жилища 5.

1 – фрагменты костей; 2 – пластины; 3 – пластины с ретушью; 4 – отщепы, чешуйки; 5 – нуклеус; 6 – угольки, 7 – углистые линзы; 8 – проквал; 9 – проквал с отдельными угольками

представлены супесью, а в случае с жилищем 5 – суглинком. Таким образом, на поверхности поймы в древности существовали участки, сформированные разными отложениями, что естественно для поверхностей, затапливаемых рекой.

Суммируя все полученные при раскопках сохранившихся и частично разрушенных объектов (рис. 5) планиграфические данные, можно утверждать следующее.

Остатки жилищ представляют собой пятна находок округлой формы диаметром 4 - 5 м. Количество находок возрастает к центру, где фиксируются остатки очагов (кострищ) в виде углистого деформированного пятна максимальным диаметром 2,5 м, в пределах которого находятся линзы прокала и линзы, насыщенные фрагментами обожжённых костей. В разрезе, при отсутствии деформации, линза прокала подстилается углистой прослойкой и перекрыта отдельными углистыми линзами и линзами или прослойкой, насыщенными мелкими фрагментами обожжённых костей. Более всего оправданно предположение, что данные объекты являются остатками лёгких наземных жилищ типа чумов.

В жилище 2 с западной стороны к очагу примыкало скопление крупных артефактов (31 экз.; морфологически это скребки, резцы, пластины), включающее специфичный набор орудий для резания, скобления и пиления кости и рога, – рабочее место мастера [4]. В западном же секторе жилища 6 выявлена мастерская по первичному расщеплению кремня, где помимо отходов производства найдены 2 крупных нуклеуса и отбойники. Такие мастерские, возможно, существовали в жилищах 3 и 4. Причём в жилище 3 сохранившаяся часть скопления отщепов и осколков кремня располагалась именно в западном секторе.

Конечно, жилища разнятся по объёму коллекций. Если брать почти полностью раскопанные жилища 2 и 6, то в первом случае коллекция составляет 350 экз., во втором – 12500 экз. Причём в коллекции из жилища 6, где выявлена домашняя мастерская, более 10000 экз. составляют чешуйки³. Лишь в коллекциях из жилищ 1 и 2 присутствуют наконечники стрел (по одному экз.)⁴. Вероятно, будут выявлены и другие отличия в составе коллекций (рис. 6-9). Следует отметить, что до сих пор случаи ремонта артефактов из разных жилищ не установлены.

³ При исследовании жилищ применялась промывка культуровмещающих отложений.

⁴ Однако стоит отметить обломок изделия из жилища 5, которое могло быть заготовкой наконечника (рис. 7: 5).

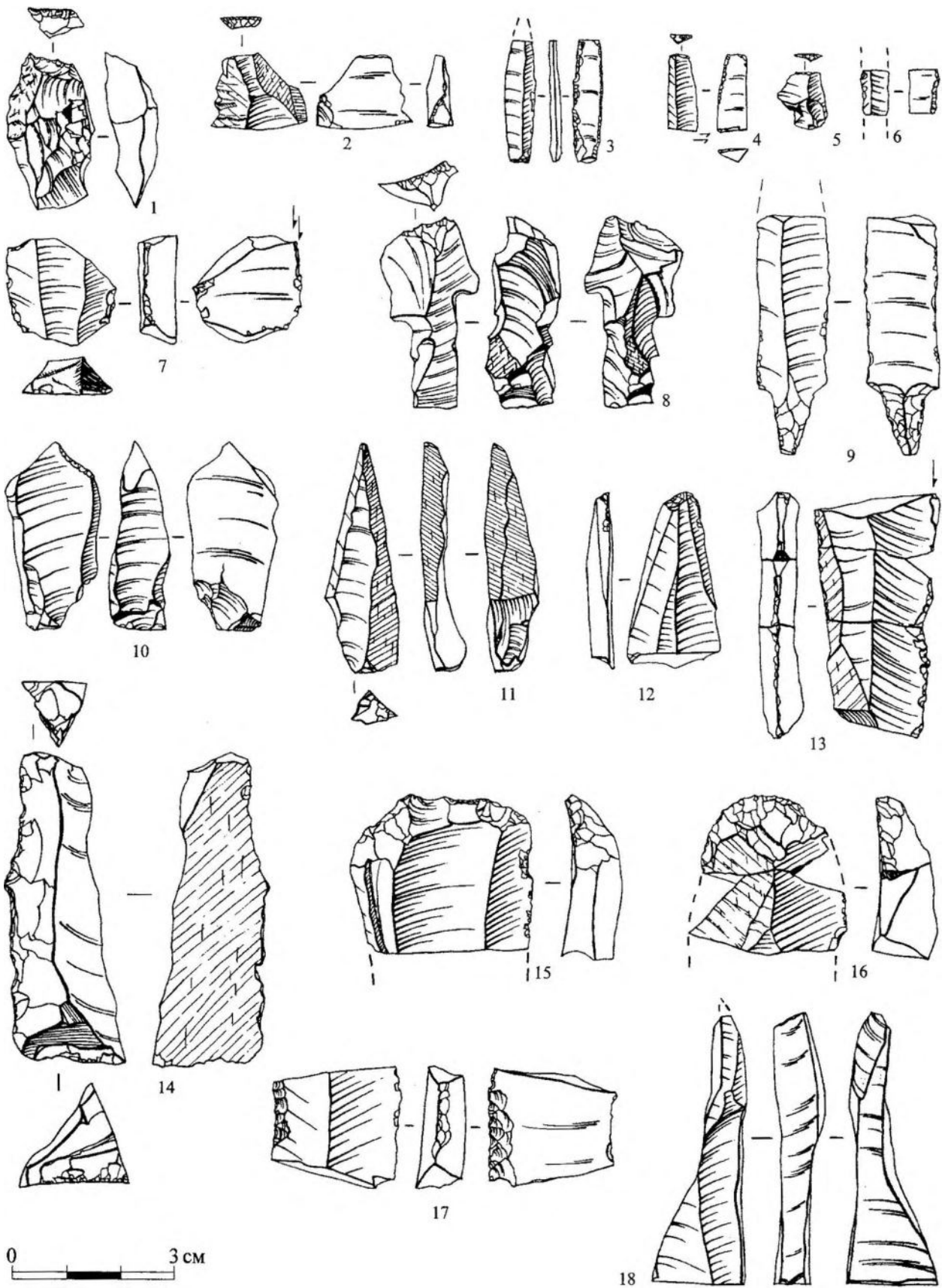

Рис. 6. Стоянка Парч 2. Кремнёвые изделия из жилища 1

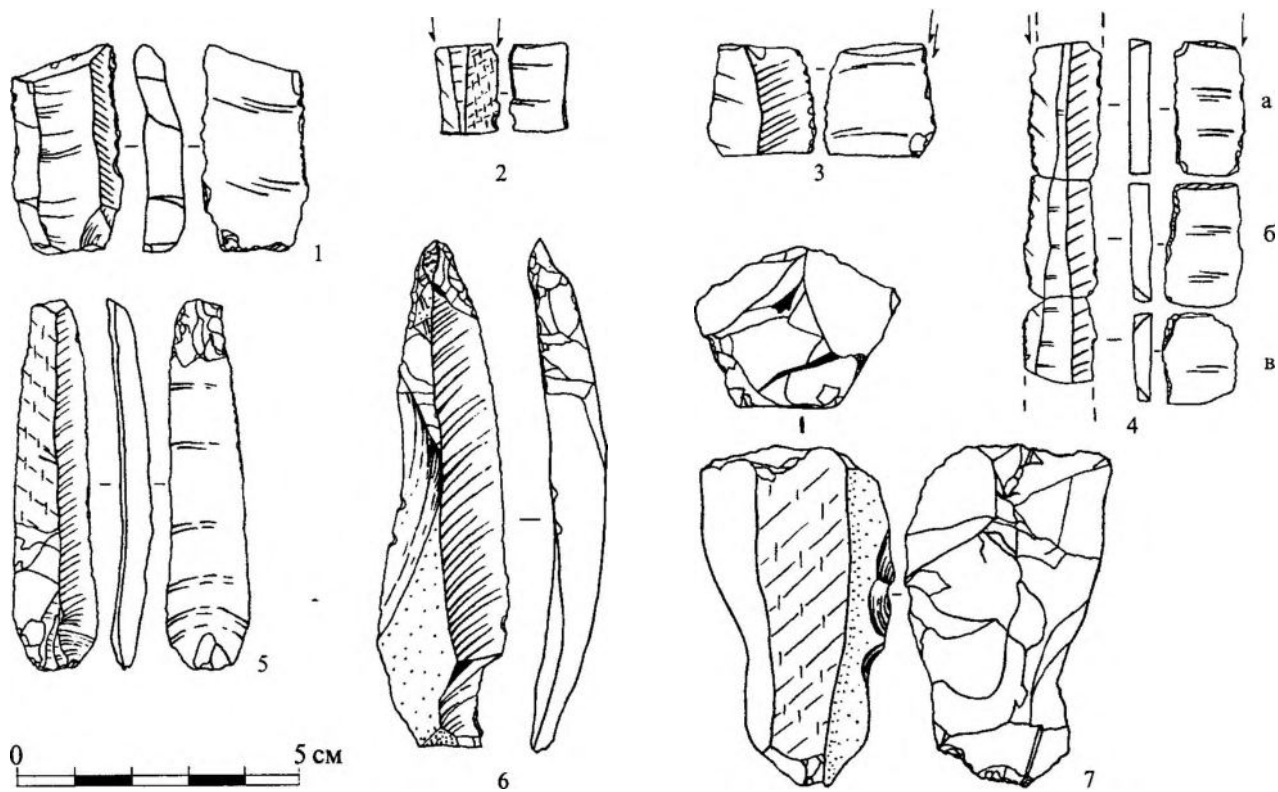

Рис. 7. Стоянка Парч 2. Кремнёвые изделия из жилища 5

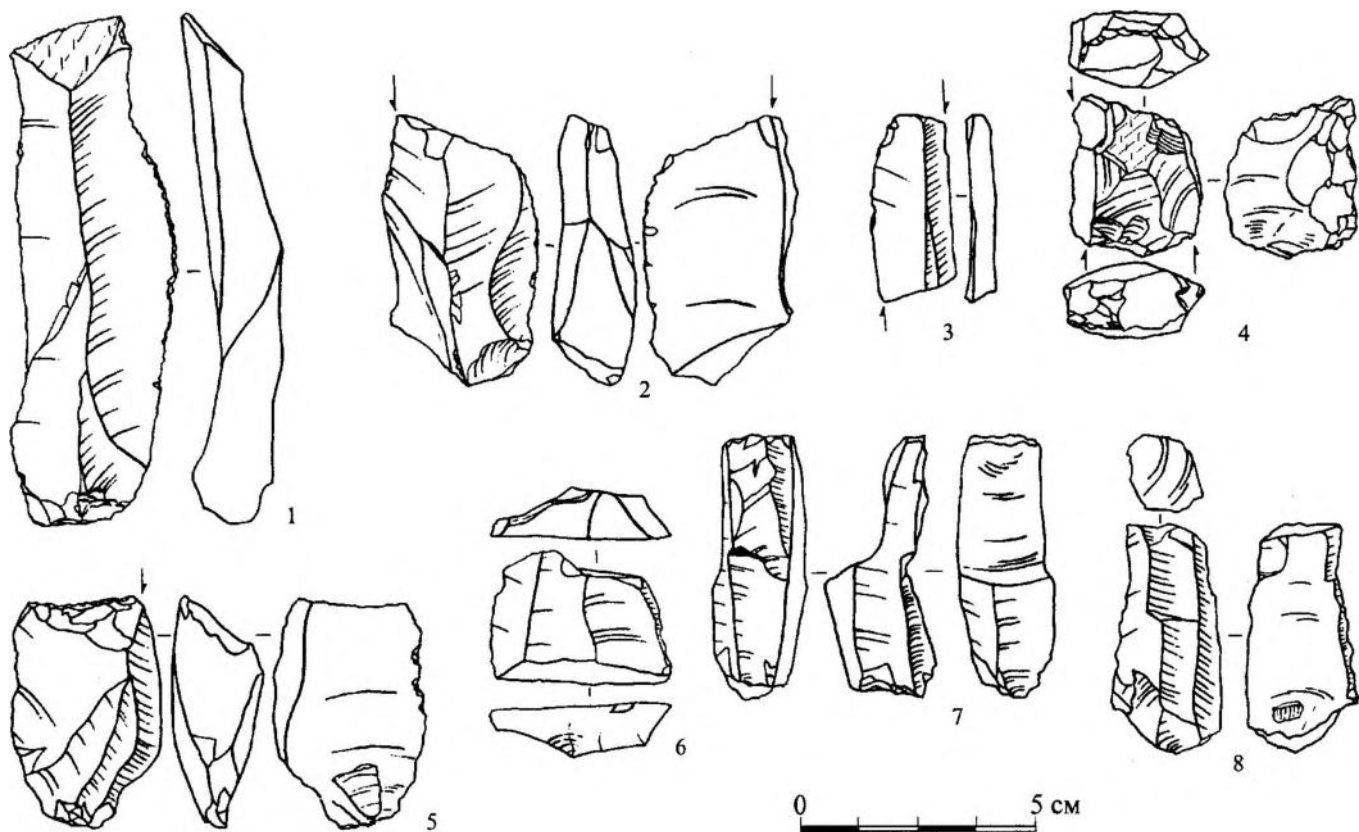

Рис. 8. Стоянка Парч 2. Кремнёвые изделия из жилища (?) 7

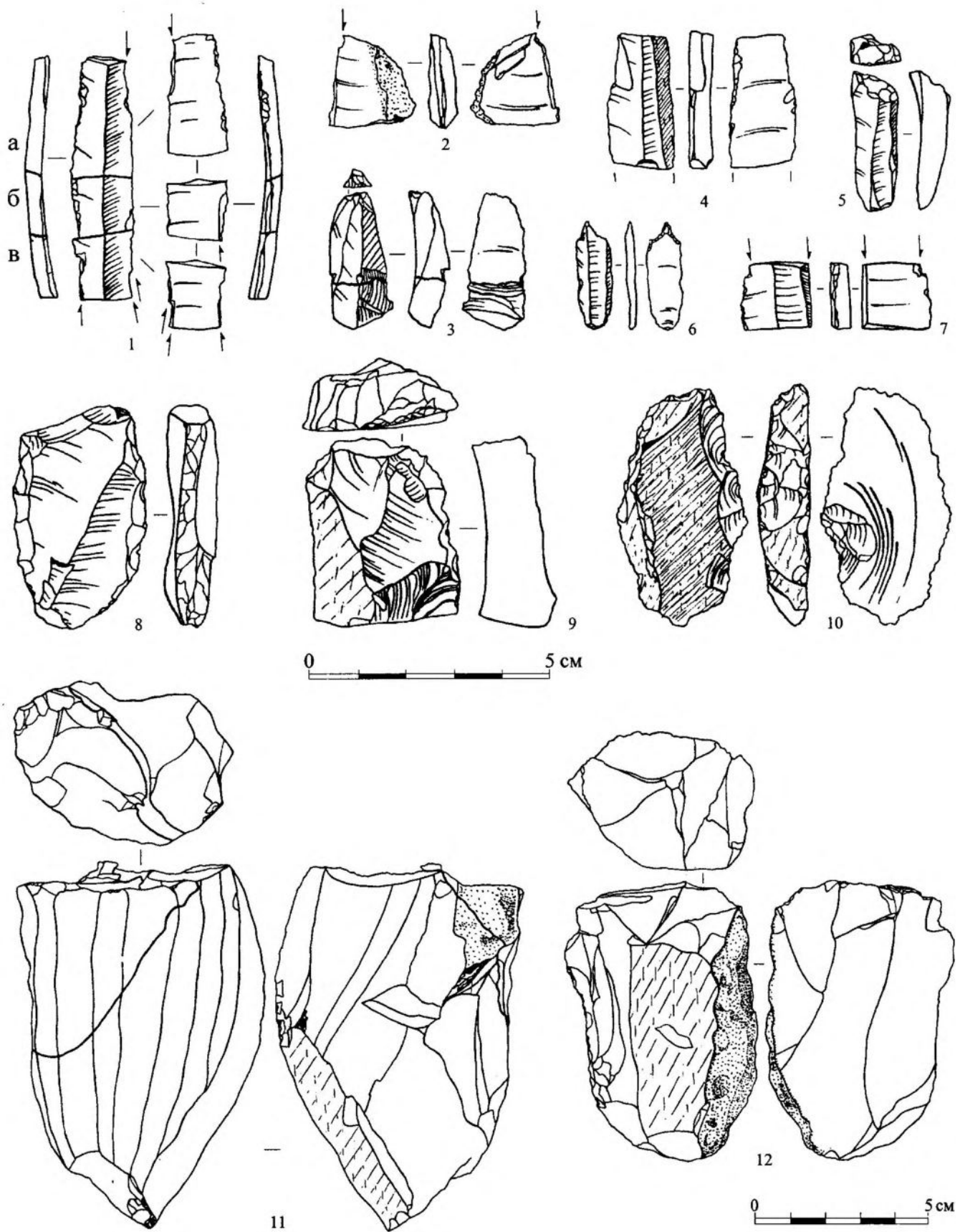

Рис. 9. Стоянка Парч 2. Кремнёвые изделия из жилища 6

Полученный фаунистический материал ещё не до конца идентифицирован. Тем не менее, очень важно, что это первое массовое определение мезолитической фауны в регионе (табл. 1).

Таблица 1. Фауна мезолитической стоянки Парч 2, жилища 1-7⁵

Представители фауны	Fauna	Жилища						
		1	2	3	4	5	6	(?)7
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ	Mammalia indet.	-	-	139	9	33	7	20
Бобр	Castor fiber	1/1	2/1	53/4	-	30/4	4/1	2•/1**
Лось	Alces alces	-	4/1	-	-	-	-	-
Волк	Canis lupus	-	-	1/1	-	-	1/1	-
Бурый медведь	Ursus arctos	-	-	-	-	-	4/1	-
Соболь или куница	Martes sp.	-	-	1/1	-	-	-	-
Северный олень	Rangifer tarandus	-	-	-	-	1/1	-	-
Собака	Canis familiaris	-	-	1/1	-	-	-	-
ПТИЦЫ	Aves indet.	-	-	-	-	много*	5	-
Утиные	Anatinae	-	-	3	-	1	+	-
Глухарь	Tetrao urogallus L.	-	-	2	-	-	-	-
Рябчик	Tetrastes bonasia L.	-	-	-	-	-	+	-
Куриные	Galliformes	-	-	1	-	-	-	-
Вороновые	Corvidae	-	-	1	-	-	-	-
РЫБЫ	Pisces indet.	-	-	4	-	много*	много*	много*
Щука	Esox lucius	-	-	24	2	-	+	5
Окунь	Perca fluviatilis	-	-	4	-	-	-	-
Карповые	Cyprinidae	-	-	4	-	-	+	39
Осетровые	Acipenseriformes	-	-	-	-	-	+?	-

- Количество идентифицированных костей.
- Число особей.
- * Кости находятся в процессе определения.
- + Кости присутствуют согласно предварительному определению.

Отметим, что в жилище 3 обнаружены фрагменты изделия с насечками из трубчатой кости глухаря.

Очень важным обстоятельством является присутствие костей собаки. Наличие уток позволяет установить сезон существования жилищ – тёплое время года. Это также подтверждается следами интенсивной кремнеобработки. Обилие мелкой рыбы – ещё одно дополнительное свидетельство тому. В некотором противоречии с вышесказанным находится присутствие костей волка, медведя и куных. Бобры же, хоть и считаются пушными животными, но пики их добычи приходятся на осенний и весенний периоды [5]. Возможно, именно в эти сезоны и устанавливались на пойме Вычегды исследованные нами жилища.

В жилищах 1 и 2 кости рыб не выявлены. Однако нет полной уверенности в том, что их не было вообще. Вполне вероятно, что худшая сохранность костей рыб здесь помешала их обнаружить. Хотя стоит отметить, что первыми находками, позволившими обнаружить жилище 3, были рыбы позвонки.

В полевые сезоны 2000 и 2001 гг. раскопочные работы на памятнике не производились, но были исследованы источники минерального сырья в его окрестностях и геоморфологическая ситуация микрорегиона и сделано детальное описание стратиграфии памятника Парч 2.

⁵ Определение П.А. Косинцева (млекопитающие) и А.Ф. Некрасова (птицы и рыбы). Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Волокитин А.В. Мезолитический памятник Парч 1 на Вычегде: каменная индустрия (по материалам 1985-1989 гг.) // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 15).
3. Волокитин А.В., Косинская Л.Л. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. Препринт. Научные доклады Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 414. Сыктывкар, 1999.
4. Волокитин А.В., Погосин А.А. Специализированный набор орудий мезолитической стоянки Парч 2 // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья: Тезисы регионального совещания. Саратов, 1992.

*Институт языка, литературы и истории
Кomi научного центра
Уральского отделения РАН,
Сыктывкар*

A.V. Volokitin

**THE STUDY OF THE MESOLITHIC DWELLINGS OF THE CAMP-SITE PARCH 2
ON THE VYCHEGDA RIVER***

Summary

On the camp-site Parch 2, with its cultural objects situated in deposits of flood land terrace of the Vychegda River about 1,5 m below the present surface, there were found and investigated the remains of six light surface dwellings of the chum type. These remains are round constellations of artifacts about five meters in diameter, their centre having hearths represented by mottled oxidized earth and lenses full of carbon and fragments of burned bones. The set of the faunal remains proves that the dwellings were populated in warm seasons, most probably in spring and autumn. The stone toolkit shows similarities between Parch and Butovo archaeological cultures.

---

* The research is done under support of Russian Humanitarian Scientific Foundation, project 01-01-00449a.

*Department of Archaeology,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Centre, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya St.,
Syktyvkar, 167982, Russia*

Л.В. Королькова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ЭПОХ МЕЗОЛИТА–НЕОЛИТА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

На протяжении последних пятнадцати лет XX столетия в восточных районах Ленинградской области проводились целенаправленные работы по выявлению и изучению памятников эпохи камня. В результате археологических разведок в бассейнах Сяси, Ояти, Паши и в верховьях рек Волжского бассейна было обнаружено большое количество новых древних стоянок. Благодаря археологическим раскопкам, проведённым Т.М. Гусенцовой, Н.В. Косоруковой, О.М. Тихомировой, сформирована значительная источниковая база по этой территории. Накопленный к настоящему времени материал отражает разные исторические срезы древнейших эпох. Однако неравномерность исследования этого региона и наличие хронологических лакун не дают целостного представления об истории заселения края. Для решения этой проблемы необходимы новые полевые материалы и осмысление их в контексте исторических процессов, происходивших на территории лесной зоны Восточной Европы в эпоху камня. Полагаем, что информация, представленная в данной статье, будет полезна для специалистов, занимающихся изучением древнейшей истории.

В период 1995-2000 гг. в ходе работы этноархеологической экспедиции Российского этнографического музея (ЭЭ РЭМ) на территории Вепсовской возвышенности и в сопредельных районах было выявлено несколько новых археологических памятников, относящихся к позднемезолитическому и неолитическому времени, а также проведены наблюдения над разрушающимися стоянками эпохи камня. Собранный вещевой материал передан на хранение в МАЭ (Кунсткамера) РАН.

Стоянка **Шидрозери 1** расположена на восточном берегу озера, в 2 км к югу от устья р. Шаймерки, в урочище «Белые пески» (высота над уровнем Ладожского озера 210 м). Значительная часть памятника находится под водой. В 1997 г. в результате засушливого лета часть стоянки вышла из-под воды. Подъёмный материал микролитического облика был собран по краю берега на отрезке в 50 м среди размытого гравия и мелкой цветной гальки. Общее количество находок составило 239 единиц (большая часть – отщепы, чешуйки, обломки, осколки и куски кремня).

Зачистка края берега и пробные отмычки показали, что все находки происходят из тонкой прослойки, состоящей из гравия и гальки (до 0,05 м), залегающей под слоем светлого озёрного песка (0,20 м) – современной поверхности песчаного пляжа. Слой с находками подстилается тонкой песчаной прослойкой, ниже которой лежит мощный пласт коричневого сапропеля.

Кремнёвый инвентарь стоянки представлен скребком с концевым рабочим краем, изготовленным на сечении пластины (использовался для обработки шкур), микроскребок (отщеп), резчиком для шкур (на сечении пластины), резцом (отщеп), сверлом (отщеп), микропластиной с ретушью утилизации (микроскобель), вкладышами для орудий, обломками орудий и отходами производства (рис. 1). Для изготовления орудий использовался местный кремень тёмно-красного, коричневого, жёлтого, серого цветов и полосчатые кремни.

Указанное кремнёвое сырьё в большом количестве встречается как на самом Шидрозере, так и в ближайших окрестностях. Наиболее значительные выходы цветного и полосчатого кремня разных оттенков и полутонов находятся в 15 км северо-восточнее стоянки, на берегу Святозера (у посёлка Красноборский). Здесь

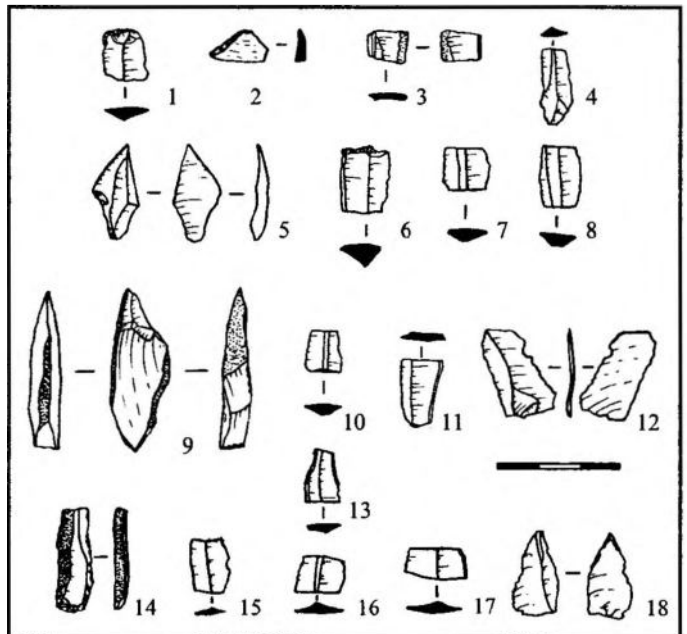

Рис. 1. Стоянка Шидрозери 1. Поздний мезолит. Кремнёвый инвентарь

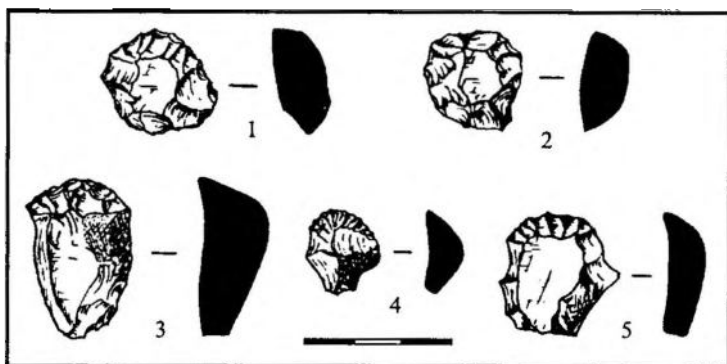

Рис. 2. Стоянка Усть-Капша. Орудия из кремня

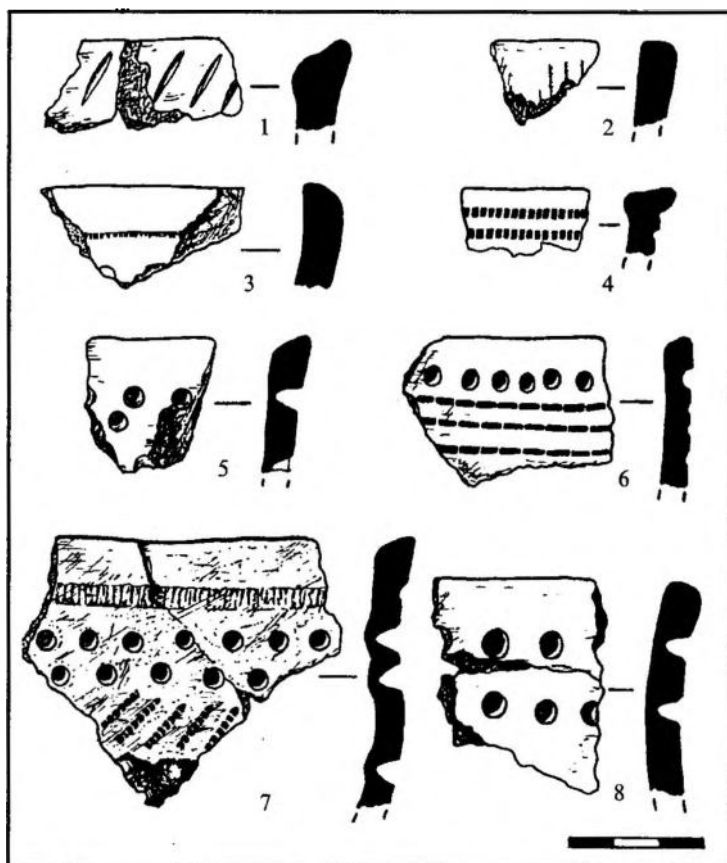

Рис. 3. Стоянка Усть-Капша. Гребенчато-ямочная керамика

зафиксированы выходы коренных пород на поверхность, в которых имеются окремнённые известняки и желваки кремня. Окраска хорошего пластичного кремня варьирует от охристой до тёмно-коричневой; преобладает тёмно-красный и жёлтый кремь. Такого же качества сырьё, но в мелких конкрециях и гальках встречается в холмах по верхнему течению р. Лидь (до д. Боброзера). Ниже по реке есть серый непластичный кремь (Лидское озеро).

Ещё один аналогичный памятник был обнаружен на северном берегу Шидрозера (Шидрозеро 2), в 1,3 км к юго-западу от устья р. Шаймерки. Топография стоянки аналогична предыдущей. Подъёмный материал был собран по краю озера среди размытого гравийно-галечникового слоя на протяжении сорокаметрового участка берега. Большая часть стоянки находится под водой. Среди кремнёвого инвентаря микролитического облика есть миниатюрный скребок на обломке отщепла, сечения пластин, микропластины, обломки орудий, отходы производства. Кремь местный коричневого, красноватого, сиреневого, серого и жёлтого цветов.

В 1999 г. в похожих стратиграфических условиях залегания была найдена ещё одна стоянка эпохи камня, не содержащая керамики. Она находится в 140 км севернее Шидрозера, на северном берегу Оренженского озера (бассейн Ояти), в урочище «Пески». Первоначально на краю озера среди прибрежной мелкой гальки и гравия был обнаружен концевой скребок из жёлтого кремня, изготовленный на средней пластине с высокой спинкой, неправильного трапециевидного сечения (рабочее лезвие скошено).

Отмывка гравийно-галечникового слоя дала ещё ряд изделий из кремня: маленькие обломки кремня со следами корки, на которых имелась ретушь со стороны спинки, сечения пластин, в том числе с мелкой ретушью по краю. Весь кремнёвый инвентарь сильно окатан. Ни кремнёвого сырья, ни отходов производства на стоянке не обнаружено. Наряду с этим среди гальки было найдено много изделий из расщеплённых галек из чёрной кремнистой породы. Поскольку все изделия сильно окатаны, визуально трудно определить их типологическую принадлежность. Можно лишь констатировать, что большая часть находок использовалась

в работе либо являлась заготовками орудий. По протяжённости вдоль берега озера памятник аналогичен Шидрозёрским стоянкам.

Разведками 1995-2000 гг. были обнаружены новые памятники, относящиеся к эпохе неолита. Так, в 1995 г. на южном берегу Капшозера (Тихвинский район), в 0,5 км от истока Капши была найдена полуразрушенная стоянка эпохи развитого неолита (Усть-Капша). Её высота над уровнем Ладожского озера составляет 190 м. Памятник расположен на первой и второй озёрных террасах (1-6 м над уровнем воды). Культурный слой стоянки – светлый песок с фрагментами бурого железняка и гумусированными включениями – лежит на тонком слое белого песка, ниже залегают мощные пласты бурого железняка.

Памятник интенсивно разрушается во время паводков. Чтобы сохранить материал стоянки, ЭЭ РЭМ ежегодно проводит осмотр объекта и сбор подъёмного материала. В настоящее время коллекция кремнёвого инвентаря и керамики насчитывает свыше 300 ед. Причём керамика составляет половину находок. В разрушенном слое стоянки обнаружены скребки различных типов, многоплощадочные нуклеусы, отбойники, крупные выгнутые пластины, обработанные ретушью, скрёбла на массивных отщеплах (местный серый непластичный кремь), шлифованные орудия из сланца. Цветной кремь, вероятно, приносили с р. Канжи – притока Урьи, впадающей в Пашозеро (40 км южнее Капшозера) (рис. 2).

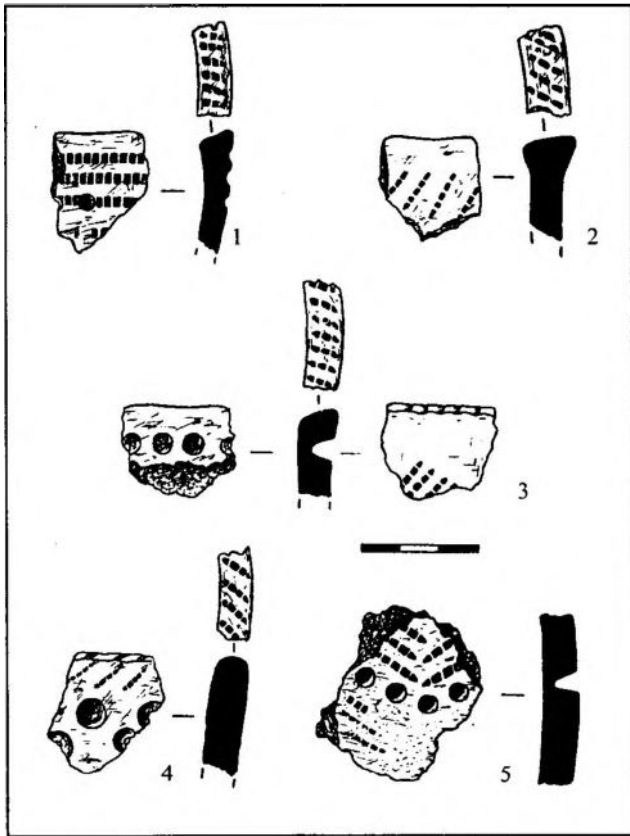

Рис. 4. Стоянка Усть-Капша.
Гребенчато-ямочная керамика

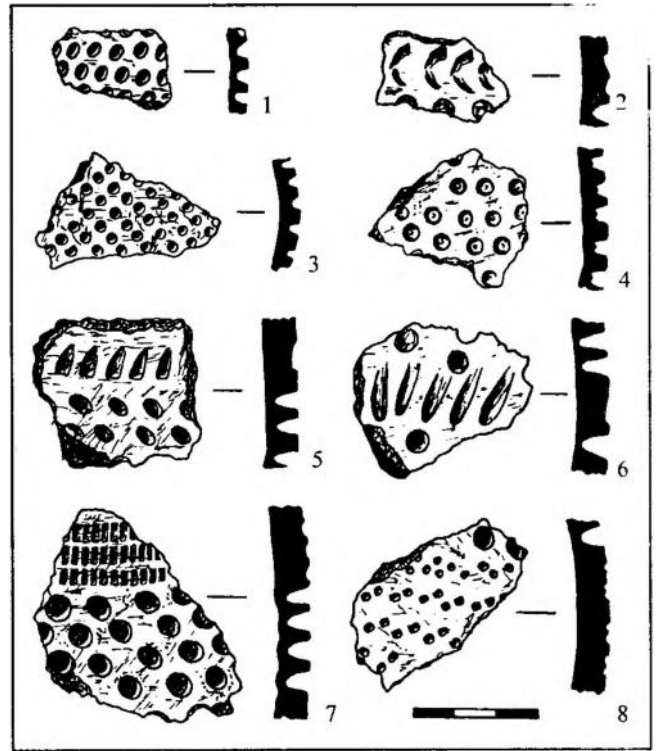

Рис. 5. Стоянка Усть-Капша.
Гребенчато-ямочная керамика

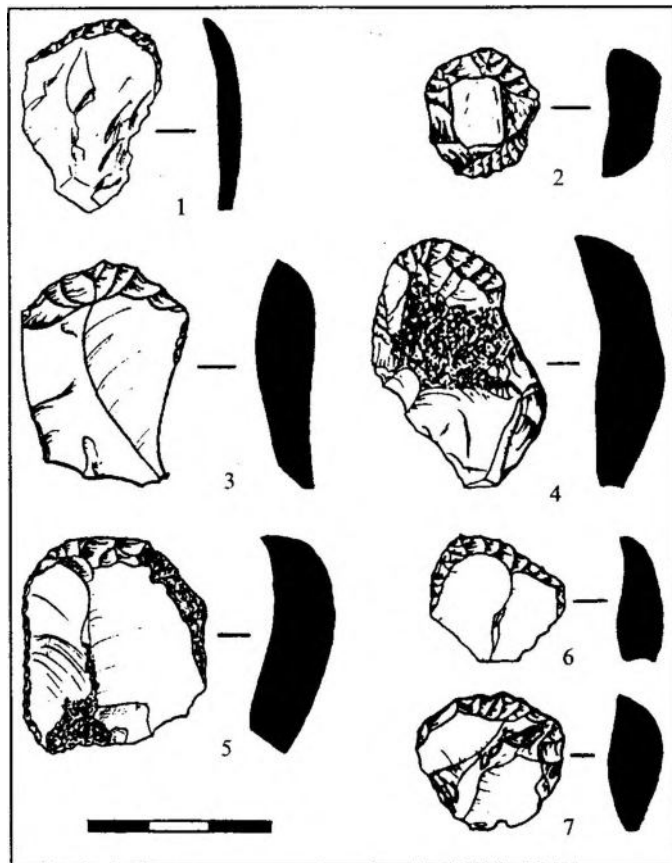

Рис. 6. Стоянка Пашозеро 2. Орудия из кремня

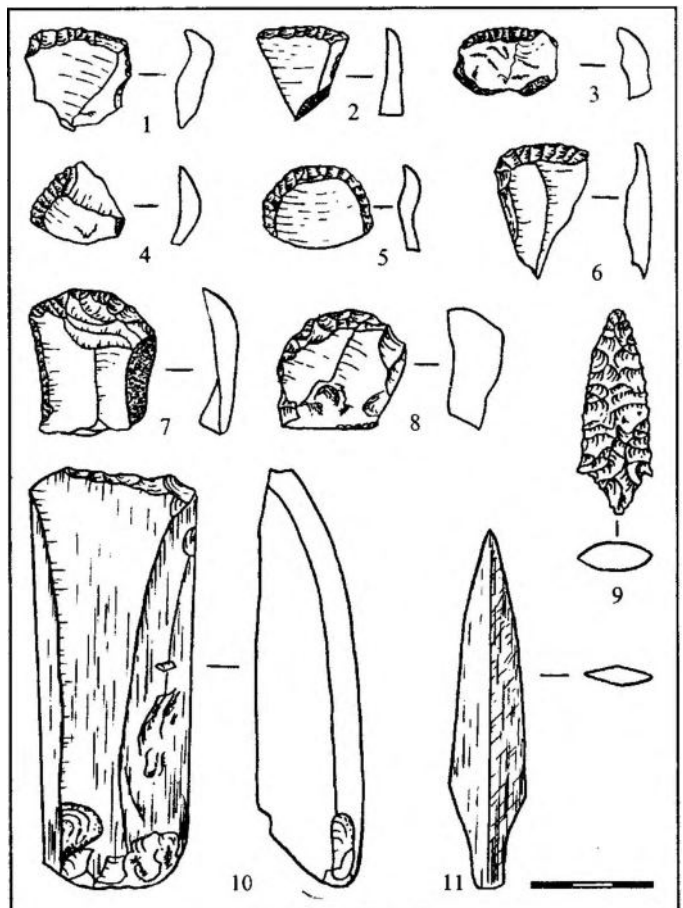

Рис. 7. Стоянка Пашозеро 2. Орудия из кремня и
сланца. 1-9 – кремь; 10-11 – сланец

Керамика, происходящая со стоянки, орнаментирована округлыми коническими ямками, оттисками различных гребенчатых штампов, наколами и оттисками шнура (рис. 3-5). Тесто сосудов хорошего обжига; с примесью дресвы либо песка. По ряду признаков – составу глиняного теста, типу венчиков, орнаментации – весь комплекс посуды Усть-Капши находит точные аналоги среди наиболее многочисленных групп сосудов эпохи развитого неолита стоянки Усть-Рыбежна [1, с. 354-366].

Наблюдения над группой стоянок, открытых на восточном берегу Пашозера, которые также интенсивно размываются, проводятся с 1997 г. Памятники расположены на высоте 1 м над уровнем воды. Осмотр разрушающихся участков позволил установить, что все находки имеют непосредственную связь с галечниками, залегающими на зелёной глине. Слой стоянки перекрыт озёрным песком (до 0,2 м). Задернованность памятников незначительна.

За время наблюдения на стоянках Пашозеро 2, 3 (по Ю.Н. Урбану) было собрано 266 ед. кремнёвого инвентаря (рис. 6, 7) и керамики. Наиболее многочисленную группу изделий составляют скребки разных типов. Они изготовлены на отщепях и сколах. Сырьё местное, светло-коричневого, светло-серого, розоватого и красноватого цветов. Как и на Капшозере, население в большом количестве использовало непластичный серый кремнь. По краю стоянки, в воде, встречаются крупные желваки этой породы и массивные отщепы. Этот кремнь происходит из осыпей холмов с галечниками.

На пашозёрских стоянках обнаружено большое количество шлифованных изделий из сланца, в том числе со вторичной обработкой. В 2000 г. на северной окраине стоянки Пашозеро 2 были найдены шлифованное тесло и шлифованный наконечник стрелы иволистной формы из тёмно-серого сланца. К числу редких находок относятся скребок из чёрной кремнистой породы (лидит?) и кремнёвый двусторонне обработанный наконечник стрелы листовидной формы (найден южнее стоянки Пашозеро). Керамика из слоя стоянок орнаментирована округлыми коническими ямками и оттисками гребенчатого штампа. Примесь к глине – дресва, песок. Памятники датируются эпохой развитого неолита.

Археологические разведки, проведённые в долине р. Воложбы, вблизи одного из крупных источников кремнёвого сырья (р. Рагуша), позволили обнаружить местонахождение эпохи камня – первое в данном районе. Оно находится на восточной окраине д. Дрочиловка, на левом берегу одноимённой реки, недалеко от впадения её в Воложбу. Кремнёвый инвентарь обнаружен на огородах в слое супеси, насыщенной крупной галькой (высота над уровнем реки 3 м). При осмотре почвенного слоя было обращено внимание на концентрацию кусков цветного кремня на сравнительно небольшой площадке. Позже здесь были найдены нуклеус с двумя ударными площадками, имеющий негативы сколов мелких пластин и мелких отщепов, концевой скребок на подчетырёхугольном отщепе с высоким рабочим краем и галька серо-чёрного цвета со сколами и следами использования.

Обследование долин Воложбы и Пярдомли на предмет поиска источников кремнёвого сырья показало, что на этих территориях встречается цветной и светло-серый кремнь в виде небольших конкреций. Значительные запасы кремня зафиксированы только в низовьях Рагуши. Вероятно, именно отсюда происходит кремнь розовато-сиреневого цвета со сколами и следами использования, который в больших количествах (желваки, куски) встречается на неолитических памятниках, расположенных в среднем течении р. Сясь, по Тихвинке и Капше (стоянки у деревень Устье, Чемихино, Горелуха, Орехово).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурин Н.Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.

*Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург*

L.V. Korol'kova

NEW DATA ON THE MONUMENTS OF THE MESOLITHIC – THE NEOLITHIC AT THE SOUTH-EASTERN AREA OF THE LADOGA LAKE

Summary

The Neolithic site Ust'-Kapsha was discovered by the author in 1995. It is situated at the south bank of the Kapshozero Lake. The finds are represented by flint artifacts and pit-comb pottery. The Late Mesolithic sites Shidrozero 1, 2 were discovered in 1997. They are situated at the north and the east banks of the Shidrozero Lake. The finds of microlith type were revealed within the gravel layer at the lake level.

*The Russian Ethnographical Museum
4/1, Injenernaya St., St. Petersburg,
191011, Russia*

Г.В. Сеницына, Н.Е. Зарецкая

О НОВОЙ ДАТЕ ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Представления о хронологии культур мезолита–неолита центра Русской равнины в последние годы претерпели существенные изменения. Серия новых радиоуглеродных дат, полученных по материалам многослойных стоянок, позволила выстроить периодизационную схему с точностью до 100 лет. Хронологические рамки культур, выделенных на основании типологического анализа материала, при отсутствии абсолютных дат становятся малодостоверными и трудносопоставимыми с датированными материалами. Одной из таких культур является валдайская.

Валдайская культура позднего мезолита–неолита, выделенная Н.Н. Гуриной [1; 2; 3; 4] в центре Русской равнины (озеро Селигер, Волговерховье) сравнительно-типологическим методом, занимает пограничное положение между западным – балтийским и восточным – волжским блоками культур, хронология которых определена значительными сериями радиоуглеродных дат.

Абсолютная хронология валдайской культуры до недавнего времени определялась двумя датами: для стоянок Залесье I – 6530 ± 50 (ЛЕ-1144) и Нижние Котицы – 6860 ± 100 (ЛЕ-1333) л.н. При этом оба памятника являются местами многократного заселения. Поскольку их культурные слои приурочены к песчаниковым отложениям, использование этих дат для определения возраста и длительности существования стоянок не является достаточно надёжным. Сложность создания абсолютной хронологической шкалы определяется ещё и тем, что среди памятников валдайской культуры нет многослойных поселений, слои которых залегают бы в торфе. Неизвестны и погребальные комплексы, опираясь на материалы и датировки которых можно было бы выделять хронологические этапы и периоды бытования отдельных типов инвентаря, что было сделано С.В. Ошибкиной [5] по материалам Оленеостровского могильника. Создание региональных хронологических схем подобного рода имеет большую практическую ценность, как основа анализа коллекций стоянок с переотложенным и/или смешанным слоем.

На стоянках валдайской культуры есть замкнутые комплексы – “клады”. “Клады”, или, как их иногда называют, «ранцевые наборы» различаются по своему составу. Используя факт совместного нахождения в них различных типов инвентаря, при наличии датировки одного из “кладов” можно определить хронологические рамки бытования отдельных типов орудий и изменения в технике расщепления кремня.

Из нескольких известных “кладов” валдайской культуры в настоящее время датирован только один, зафиксированный на многослойной стоянке Баранова гора, расположенной на северном берегу оз. Волго в Селижаровском районе Тверской области, близ д. Лавино (рис. 1 : А, Б). Дата 7050 ± 110 (ГИН-10543) л.н. получена по древесному углю из заполнения кострища, которое представляет собой единую структурную единицу с “кладом”, о чём свидетельствуют как стратиграфия, так и планиграфия объектов стоянки (рис. 2, 4, 5).

Первые сведения о многослойной стоянке Баранова гора, открытой автором, и её стратиграфии опубликованы [6]. В раскопе было выделено 6 литологических слоёв. В слое 6 – современной почве (слои 8, 7–перекрывающие отложения, связанные с Верхневолжским водохранилищем) были найдены фрагменты гончарной средневековой керамики из беложгущейся глины, кованые гвозди, прямоугольные в сечении (рис. 3: 1, 2). Их возраст может быть определён XVI в. по аналогии с предметами из современной почвы раскопа II многослойной стоянки Подол III/2 [7]. Находки в этом слое были редки, в 5 и 4 слоях их не было.

В слое 3 (гумусированный тёмно-серый песок, который сосочками проникает на значительную глубину в отложения рыжего песка – слои 2, 1) были встречены кремни неолитического облика. Особенно выразительным орудием оказалось тесло длиной 26 см, обработанное с двух сторон (рис. 3: 5). Из этого же слоя происходят немногочисленные орудия: скребок, пластинки, отщепы (рис. 3: 3, 4).

Значительное количество орудий было найдено в слоях 2 и 1. В основном это предметы, связанные с расщеплением кремня серо-жёлтого цвета. Часть находок из этого слоя опубликована [8], отмечено использование различного сырья на разных этапах существования памятников начиная с раннего мезолита. “Клад”, который был найден на уровне первого условного горизонта рыжего песка, отличается по составу сырья от массовых находок в этом слое. Линза чёрного песка с древесными углями и рядом крупных камней, не встречавшихся выше, была зафиксирована в толще рыжего песка (рис. 2, 4, 5) после выборки первого условного горизонта взятия находок в рыжем песке на уровне –200 - –210 см (здесь и далее от репера) в квадратах Ж-И-1-2. В дальнейшем здесь локализовалось три объекта:

– пятно интенсивной зольности линзовидного сечения, вытянутое в меридиональном направлении вдоль

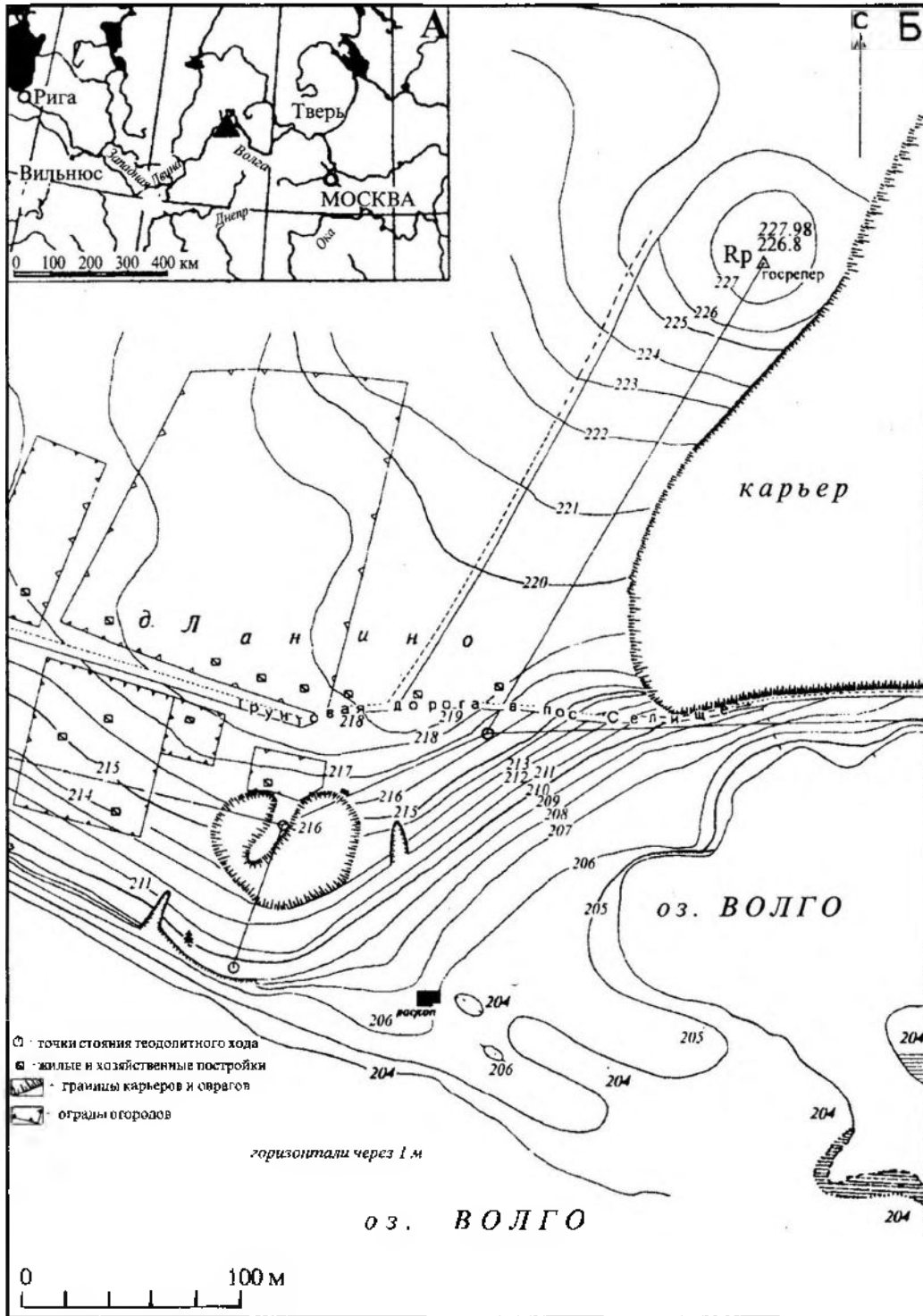

Рис. 1. Местоположение стоянки Баранова гора:
 А – в центре Русской равнины; Б – на северном берегу оз. Волго

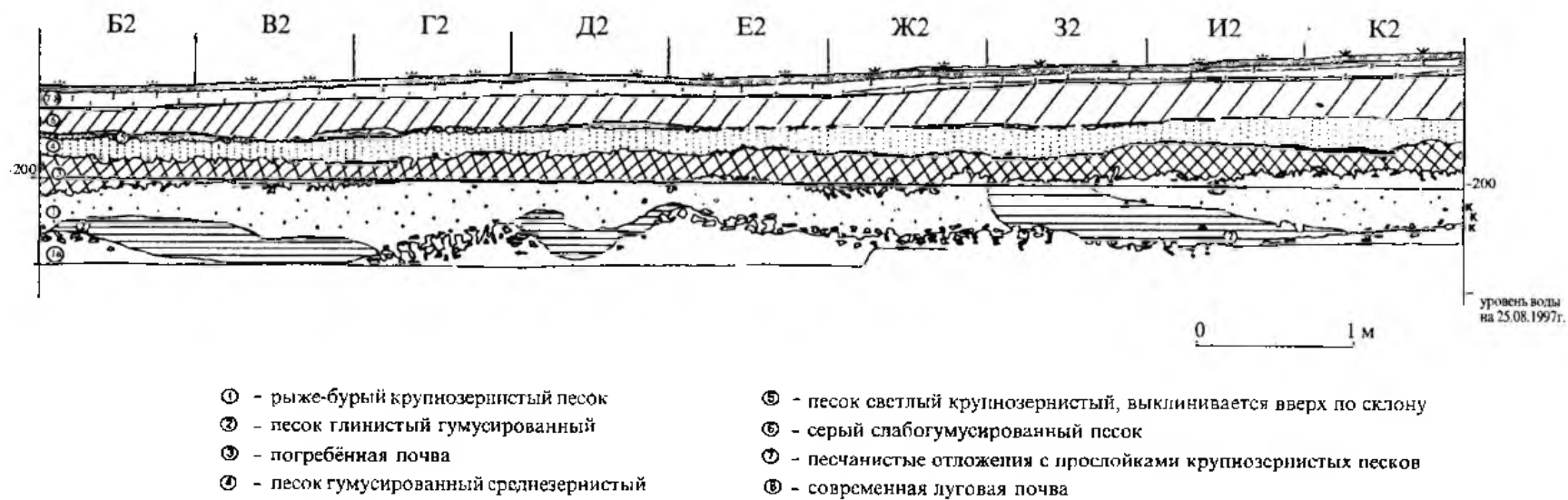

Рис. 2. Баранова гора. Разрез южной стенки раскопа 1997 г.

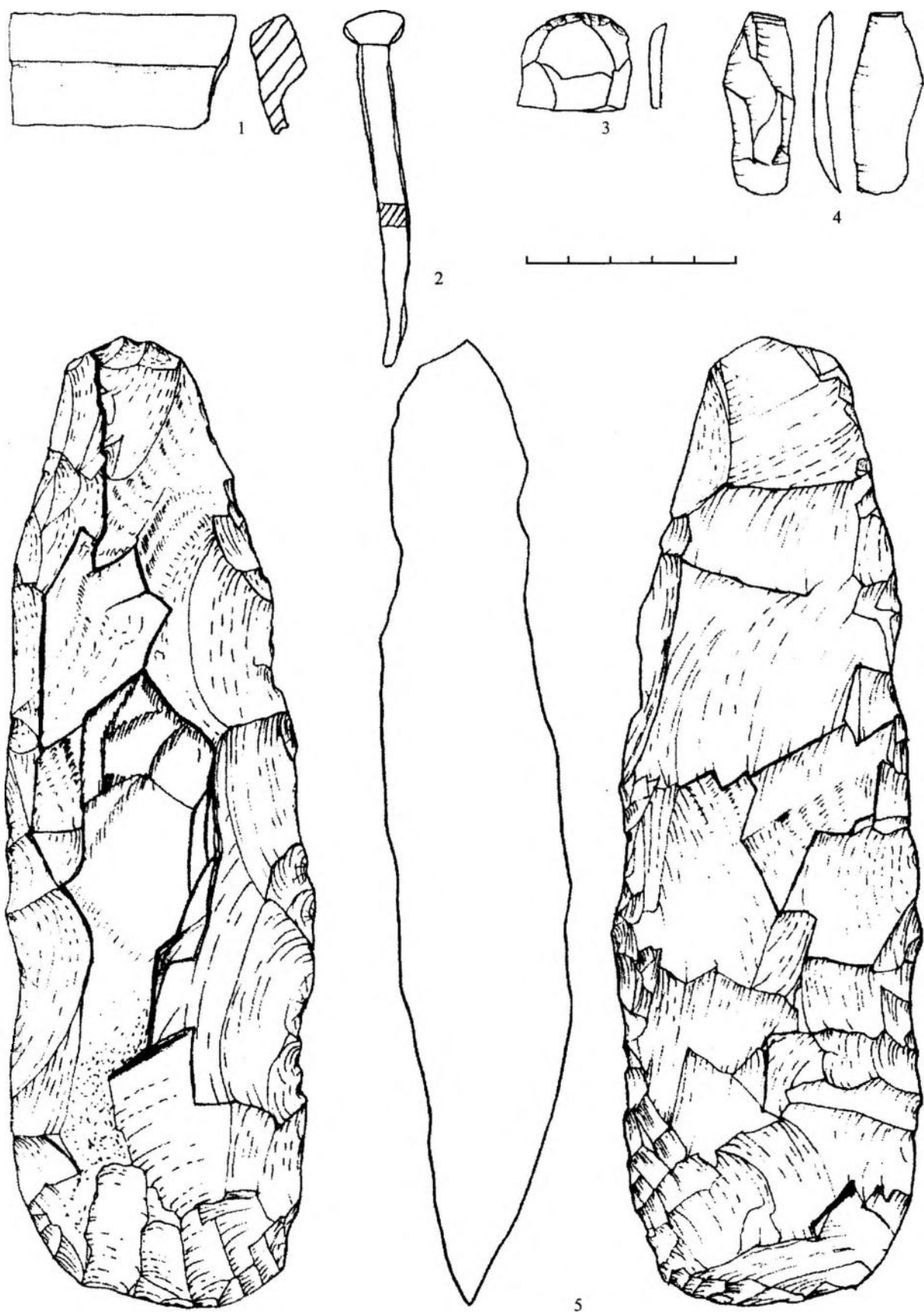

Рис. 3. Баранова гора. Инвентарь верхних слоёв раскопа 1997 г.:
 1 – фрагмент средневековой керамики; 2 – кованый гвоздь; 3, 4, 5 – неолитический инвентарь из слоя 3

границы кв. Ж-3, северным концом уходившее под крупный камень, расположенный в квадрате Ж-1 (отметка по верху -213 - -215 см). Максимальная мощность (до 20 см) связанной с ним линзы приходится на среднюю её часть (рис. 4, разрез В – В₁);

– такое же зольное скопление с отдельными крупными угольками находилось на границе кв. З-И-1-2. Северный край чечевицеобразной линзы максимальной мощности (до 20 см) в средней части – более крутой, южная стенка – более пологая, с плавным наклоном ко дну (рис. 4: разрез Б – Б₁);

– скопление кремня – “клад”. Пятно гумусированного чёрного песка (отличное от зольных пятен) было округлой формы, диаметром около 25 см. Стенки линзы пологие, максимальная мощность – около 10 см – в средней части (рис. 4: разрез А – А₁).

“Клад” обнаружен в квадрате З-2 в слое кострища; рядом лежала большая наковальня. Аналог такому структурному образованию зафиксирован при раскопках стоянки Веретье I, где наковальня находилась рядом с туесом из бересты, заполненным кремнем [9, с. 33, рис. 18]. При зачистке поверхности “клада” были найдены тесло с желобчатым лезвием (№ 1 – рис. 6: 4) и крупный отщеп (№ 2), смещённые относительно своего первоначального положения. Под ними прослеживалось плотное скопление крупных кремней. Зачистка скопления показала его узкую локализацию на округлом участке диаметром около 30 см.

Скопление с полным основанием можно считать «замкнутым комплексом» находок, одновременное попадание которых в слой сомнений не вызывает.

Оно наносилось на план в масштабе 1:1 с фиксацией, насколько это было возможно, направления наклона вещей относительно нулевой линии. С учётом смещённых во время зачистки его поверхности двух предметов (№ 1 и 2) состав скопления следующий.

№ 3. Массивный осколок кремня с сохранившейся галечной коркой, без обработки. Он расположен наиболее высоко в южной части скопления.

№ 4. Крупный отщеп удлиненных пропорций с ровными параллельными краями. Залегал в южном конце скопления брюшком вверх со слабым наклоном в западном направлении.

№ 5. Скол оживления площадки нуклеуса. Находился сверху в восточной части скопления. Залегание наклонное в южную сторону.

№ 6. Отщеп с широким ровным дистальным концом, параллельным ударной площадке. Лежал наклонно к центру скопления дорсальной поверхностью вверх.

№ 7. Осколок окремнённого известняка. Находился частично под отщепом № 6 и имел тот же угол наклона.

№ 8. Отщеп пластинчатых пропорций. Один продольный толстый край образует естественный обушок. По морфологии отщеп близок массивному осколку № 3, но ось скола расположена поперечно продольной оси. Он залегал горизонтально вентральной плоскостью вверх.

№ 9. Отщеп трапециевидной формы с расширением в сторону дистального конца. По морфологии он близок отщепу № 4. Лежал горизонтально под отщепом № 8 дорсальной поверхностью вверх.

№ 10. Нуклеус торцового скалывания (рис. 6: 1) с оформленным нижним ребром. Залегал под большим наклоном от центра скопления в восточном направлении.

№ 11. Обломок отщепы пластинчатых пропорций. Лежал у юго-западного края скопления вентральной поверхностью вверх со слабым наклоном к центру скопления.

№ 12. Массивный осколок. Залегал со слабым наклоном от центра скопления.

№ 13. Массивный отщеп. Лежал вентральной плоскостью вверх.

№ 15. Отщеп. Положение горизонтальное вентральной плоскостью вверх.

№ 16. Абразив. Залегал почти вертикально, на ребре, со слабым наклоном к центру скопления.

№ 17. Торцовый нуклеус (рис. 6: 9). Лежал со слабым наклоном от центра скопления.

№ 18. Отщеп. Залегал дорсальной поверхностью вверх со слабым наклоном к центру скопления и к южному его краю, ударной площадкой на запад.

№ 19. Отщеп. Находился частично под № 18 параллельно ему, с тем же наклоном, вентральной плоскостью вверх, ударной площадкой на запад.

№ 20. Пластина. Лежала наклонно на ребре, так же, как № 18, 19.

№ 21. Плоский осколок. Положение то же, что и у № 18, 19, 20.

№ 22. Крупный поперечный отщеп. Залегал почти вертикально, дорсальной плоскостью вверх, с наклоном к югу.

№ 23. Пластина. Лежала вертикально на ребре.

№ 24. Двугранный нуклеус-резец. Положение горизонтальное.

№ 25. Отщеп с острым поперечным концом. Залегал дорсальной плоскостью вверх наклонно к центру скопления.

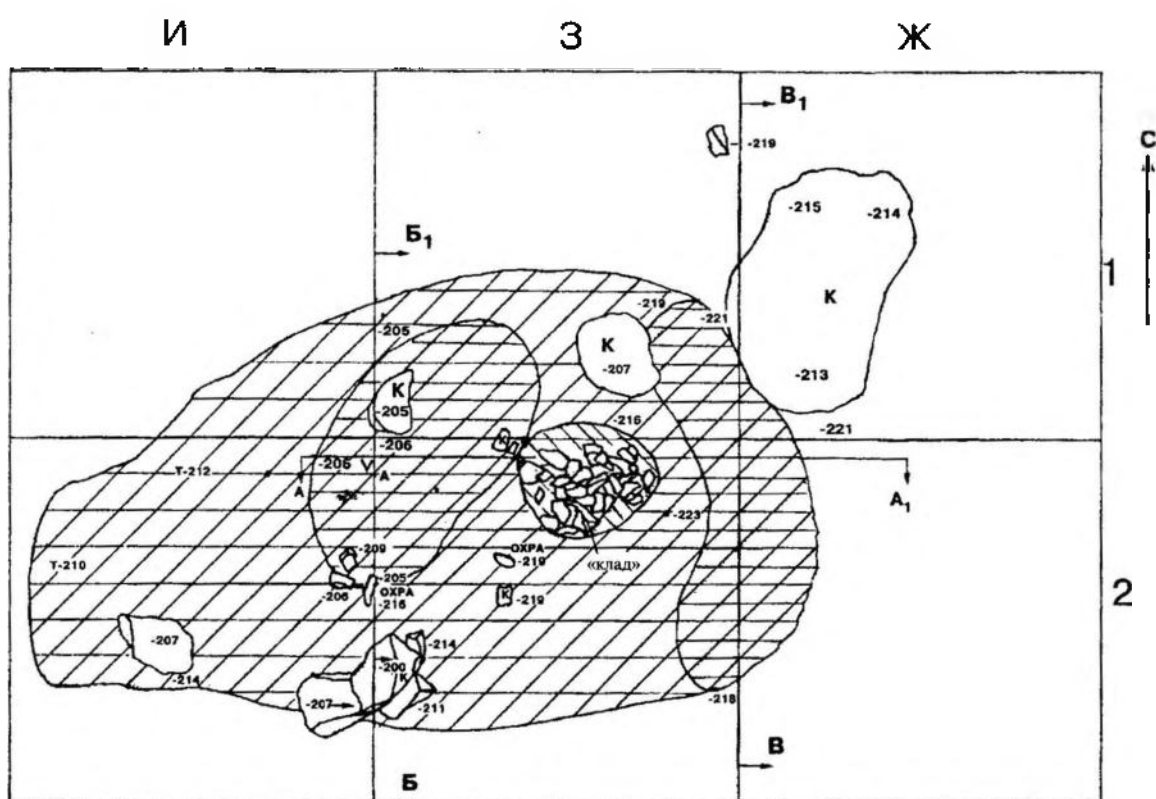
№ 26. Отщеп. Лежал вентральной плоскостью вверх параллельно № 25.

№ 27. Плоский осколок с острым концом. Залегал дорсальной плоскостью вверх с таким же наклоном, как № 25 и 26.

№ 28. Пластина. Лежала дорсальной плоскостью вверх с наклоном к центру скопления.

№ 29. Поперечный отщеп. Залегал наклонно от центра к краю дорсальной плоскостью вверх, ударной площадкой на запад.

№ 30. Поперечный отщеп подтреугольной формы с расширением в сторону острого дистального конца. Лежал дорсальной плоскостью вверх в сильно наклонённом положении относительно середины скопления, ударной площадкой сверху.

Баранова гора – 1997. 2-й горизонт находок. Гумусированный чёрный песок внутри толщи рыжего песка

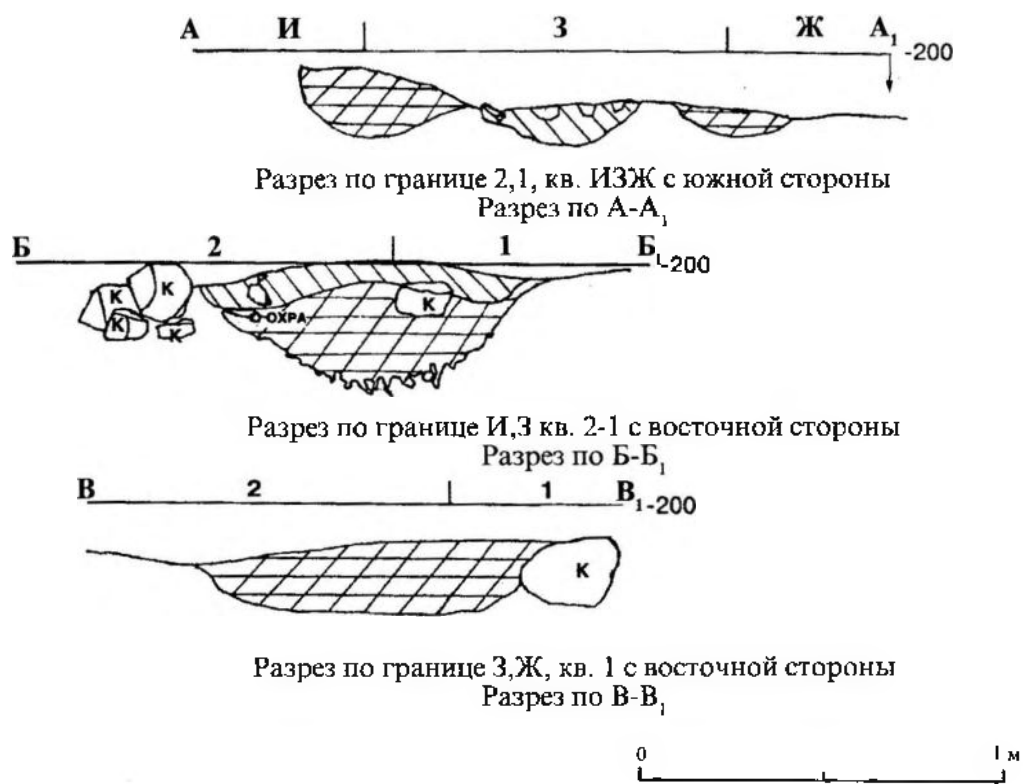

Рис. 4. Баранова гора. Раскоп 1997 г. Очажное пятно.
Разрезы линзы гумусированного песка по линиям А – А₁; Б – Б₁; В – В₁

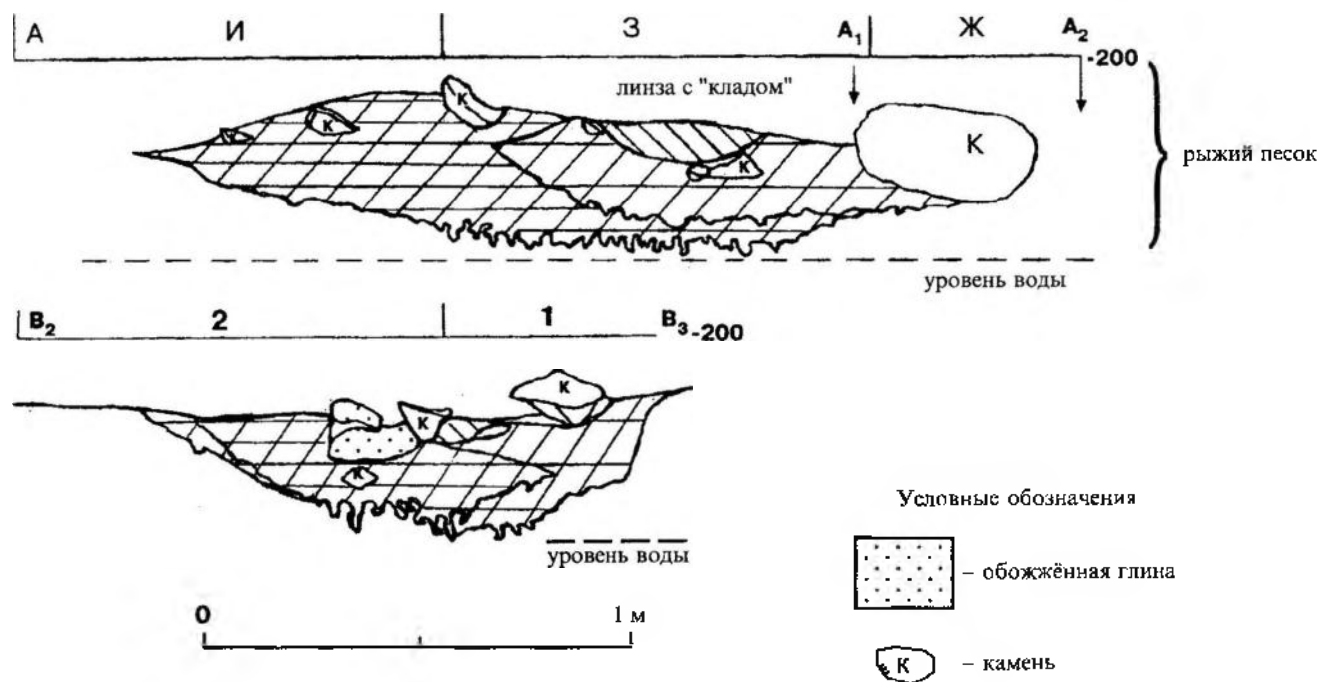
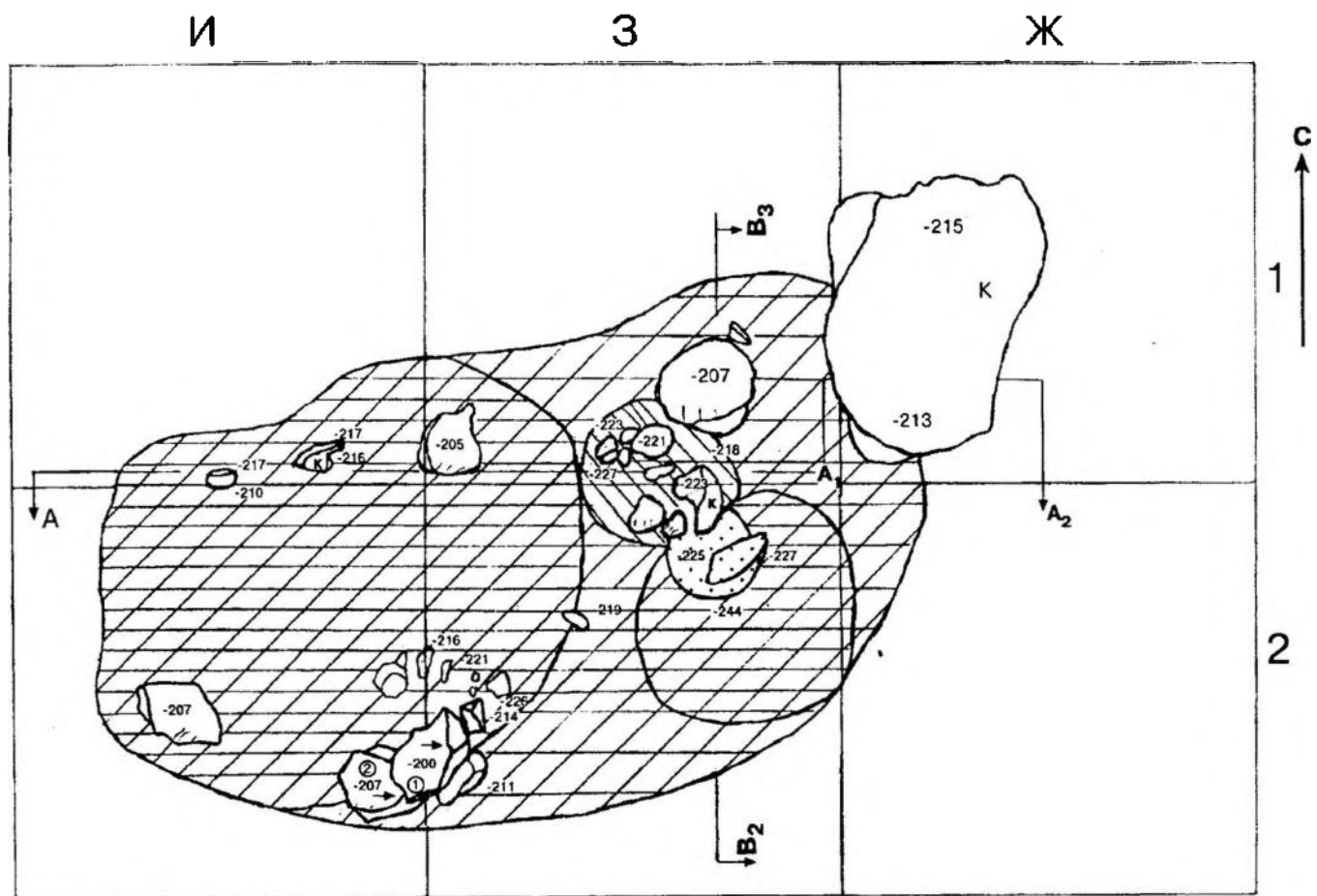

Рис. 5. Баранова гора. Раскоп 1997 г. Очажное пятно на уровне 2-го горизонта. План. Разрезы по линиям А - А₁ - А₂; В₂ - В₃

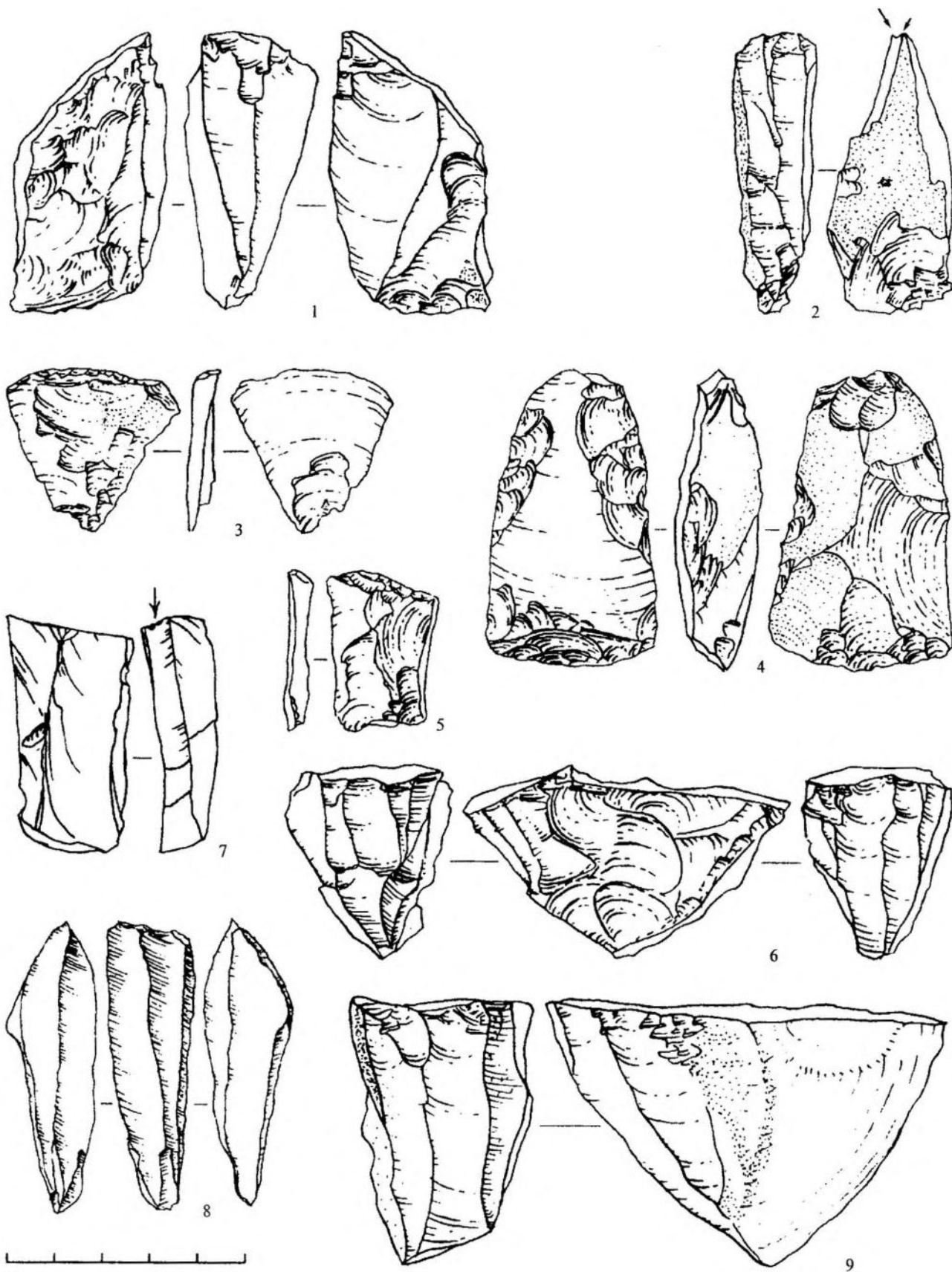

Рис. 6. Баранова гора. Раскоп 1997 г. Инвентарь "клада":
 1, 2, 6, 8, 9 – нуклеусы; 3, 5 – скребки; 4 - тесло; 7 – угловой резец

№ 31. Угловой резец на сломе толстой пластины (рис. 6: 7). Залегал у западного края скопления вентральной плоскостью вверх с наклоном на север.

№ 32. Древесный уголь.

№ 33. Плоский отщеп пластинчатых пропорций. Находился в горизонтальном положении дорсальной плоскостью вниз, ударной площадкой на запад.

№ 34. Килевидный нуклеус (рис. 6: 6) двойной торцовый с конвергентным расположением плоскостей скалывания. Залегал ударной площадкой вверх с наклоном от центра скопления.

№ 35. Отщеп. Лежал горизонтально дорсальной поверхностью вверх, ударной площадкой к востоку.

№ 36. Отщеп с широким острым дистальным концом. Залегал наклонно вниз от центра скопления дорсальной плоскостью вверх, ударной площадкой к югу.

№ 37. Нуклеидный двугранный резец (рис. 6: 2). Находился в горизонтальном положении у юго-восточного края скопления дорсальной плоскостью вверх, ударной площадкой к востоку.

№ 38. Фрагмент пластины с ретушью. Залегал наклонно к центру скопления дорсальной поверхностью вверх, дистальным концом к северу.

№ 39. Отщеп. Лежал наклонно, частично уходя под № 38, вентральной поверхностью кверху.

№ 40. Концевой скребок со скошенным лезвием на обломке пластины (рис. 6: 5). Залегал горизонтально вентральной поверхностью кверху, лезвием к югу.

№ 41. Отщеп. Лежал горизонтально вентральной плоскостью вверх, ударной площадкой к югу.

№ 42. Фрагмент крупной пластины с ретушью по обоим краям. Находился в наклонном положении к центру скопления изломом и вентральной поверхностью вверх.

№ 43. Отщеп. Располагался в “торчащем” положении с наклоном от краёв к центру скопления, ударной площадкой и дорсальной плоскостью вверх.

№ 44. Осколок. Залегал наклонно к центру скопления, дорсальной плоскостью вверх.

№ 45. Отщеп. Находился в “торчащем”, сильно наклонённом положении, дорсальной плоскостью и ударной площадкой вверх.

№ 46. Скребок (рис. 6: 3). Залегал вертикально дорсальной плоскостью к западу.

№ 47. Крупный поперечный отщеп. Лежал горизонтально дорсальной плоскостью вверх, ударной площадкой к востоку.

Материалы скопления представлены тремя разновидностями кремня:

– тёмно-серым непрозрачным с плотной меловой коркой (ближе к корке – светло-серый): нуклеус (№ 17, рис. 6: 9), отщепы (№ 15, 19, 26, 28, 39, 44, 45);

– чёрным с многочисленными точечными вкраплениями и грубой коркой. Из него изготовлены: двугранный нуклеус (№ 24, рис. 6: 8) с негативами снятий тонких удлинённых пластинок, массивный нуклеидный осколок (№ 3) и крупные продольные (№ 13, 25) и поперечные (№ 18, 30, 47, 35, 6, 43) отщепы. Три последних собраны в единый блок с общей ударной площадкой. Почти все отщепы имеют галечную корку, т.е. относятся к подготовительному циклу радиального расщепления;

– бурым (рыжим) различных оттенков (от серого до красноватого) и с различной интенсивностью точечных включений. К нему относятся три нуклеуса, находившихся на различных стадиях расщепления. Все они отражают торцовый принцип скалывания. Один – двойной, килевидной формы, со сходящимися на конус торцовыми плоскостями скалывания (№ 34, рис. 6: 6); второй – с одной торцовой плоскостью скалывания – имеет односторонне подработанное нижнее ребро (№ 10, рис. 6: 1); третий (№ 37, рис. 6: 2) – также с грубой подработкой нижнего ребра — представляет собой нуклеидный двугранный резец на плитке, отражая завершающую стадию утилизации нуклеуса, близкого по морфологии первому из описанных. Есть два скребка (№ 46 и 40, рис. 6: 3,5) и тесло (№ 1, рис. 6: 4), изготовленные из рыжего кремня.

Отдельно следует отметить паличие абразива из ожелезнённого песчаника (№ 16) и крупного куска древесного угля (№ 32), а также резца на сломе массивной пластины (№ 31, рис. 6: 7).

Характер скопления, компактное залегание вещей, в отдельных случаях примыкающих друг к другу практически без заполнителя, свидетельствуют об его искусственном характере. Это – пример замкнутого комплекса. Предположение о том, что нами выявлена ямка для хранения материала, предназначенного для дальнейшего использования (нуклеусы, крупные отщепы) в качестве заготовок, не убедительно, так как

– во-первых, следов именно ямки, искусственного или естественного углубления, зафиксировано не было. Заполнение скопления идегиптично окружающему чёрному песку. Ряд особенностей скопления позволяет считать, что первоначально предметы хранились в мягкой ёмкости. Прежде всего, это компактное положение вещей вплотную друг к другу без заполнителя между ними, что обычно, если их переносят в мягкой ёмкости, и невозможно при намеренном захоронении;

– во-вторых, даже при наличии углубления, в песчаных отложениях, на склоне, скопление оказалось бы растащенным по нему. Этого также не наблюдается;

– в-третьих, хотя ряд вещей имеет наклон от краёв скопления к центру (№ 6, 7, 11, 16, 38, 44, 45), большинство предметов (№ 5, 12, 13, 25, 26, 27, 34, 36) всё же наклонено от центра к краям, что характерно для бугорка, а не для ямы. Если теоретически можно предположить, что скопление вещей в ямке могло сохраниться ненарушенным, то оставленное в куче без ёмкости оно было бы сразу же разрушено.

В “кладе” преобладали предметы, связанные с первичным расщеплением кремня. Они представлены в основном отщепами двух видов: поперечными широкими, снятыми с дисковидных нуклеусов (№ 4, 9, 18, 19 и др.), и продольными – с торцовых нуклеусов (№ 3, 8). В целом состав “клады” характеризует набор мате-

риалов, необходимый для обеспечения жизнедеятельности охотника и/или рыболова, скорее всего на переходе от одного места к другому.

При дальнейшей разборке линзы интенсивно гумусированного чёрного песка, выделяемого как 2-й условный горизонт с находками, оказалось, что она имеет достаточно сложное строение.

Зафиксированные на верхнем уровне (-206, -220 см) два углистых пятна овальной и вытянутой форм ниже (-210 - -230 см) превратились в пятна более правильных округлых очертаний (рис. 5). Вытянутое ранее в широтном направлении удлиненное пятно на границе кв. Ж-3-1-2 локализовалось в кв. 3-2 как линза почти правильной округлой формы диаметром 50 см и мощностью до 20 см (рис. 5: разрез $V_2 - V_3$). "Очажная масса" залегала внутри отложений чёрного гумусированного песка с меняющимися на разной глубине границами, причём границы пятна и линзы определяются достаточно чётко.

"Очажное пятно" представляло собой однородную чёрную массу с включением угольков, по которым получена радиоуглеродная дата; окружающий песок содержал точечные вкрапления рыжего песка.

Второе пятно (на границе кв. 3-И-1-2) из относительно небольшого по площади на верхнем уровне превратилось ниже в обширную линзу диаметром 1,0 - 1,3 м близкой к округлой формы, максимальной мощностью до 25 см (рис. 5, разрез $A - A_1 - A_2$). К линзе его площадь ещё более увеличивалась. Таким образом, на разных уровнях был зафиксирован единый объект, состоящий из плотной однородной очажной массы.

В основании линза имела вид корытообразного вытянутого в широтном направлении углубления с более крутой юго-восточной и более пологой (выклинивающейся) северо-западной стенками (рис. 5, разрез $V_2 - V_3$). Расщеплённый кремень в очажной линзе (без учёта "клада") был малочислен. Внутри "очажных" пятен встречалось довольно много отдельных крупных угольков, частью с окатанными краями. Однако для типичного очажного заполнения их немного. При том, что связь с "очажным" заполнением реально существовавших кострищ кажется несомненной. Столь небольшое количество углей объясняется повышенной влажностью вмещающего их слоя, размоканием углей до полного их растворения.

Важен характер нижнего контакта линзы чёрного песка с подстилающим рыжим песком. По разрезам фиксируется крайне неровная граница: сосочками чёрный песок проникает в отложения рыжего на значительную глубину, что идентично контакту рыжего песка и перекрывающей его почвы, прослеженному по всем стенкам раскопа.

Кроме кремня, угольков, мелких осколков кальцинированных костей с заполнением чёрной линзы связаны крупные камни и комки обожжённой глины красного и серо-голубого цветов.

Крупные камни располагались преимущественно у границ чёрной линзы, как внутри, так и за пределами "очажных" пятен. Связь камней с линзой чёрного песка доказывается их отсутствием в вышележащих отложениях, а также не очень чётким, но определённым порядком в их расположении. Отдельные камни несут следы воздействия огня в виде чёрной (сажистой) поверхности на отдельных участках и характерных трещин.

Самый крупный камень – валун со следами мерзлотного воздействия в виде каннелюр – находился в восточном конце линзы, определяя её границу: линза чёрного песка уходит под камень, выклиниваясь под ним.

С очажным пятном кроме валуна связаны два крупных осколка крупнозернистого песчаника со следами воздействия огня в виде мелких трещин на них. Возможно, само их расщепление обусловлено воздействием огня.

С очажным пятном в кв. 3-И-1-2 связаны камни, залегающие разрозненно на границе кв. И-3. Сильно растрескавшиеся камни в кв. И-1 (-207, -210 см) залегали вертикально и образовывали с крупными камнями в кв. 3-1 практически прямую линию, на 10-20 см отстоящую от северной границы линзы (рис. 5).

В скоплении на границе кв. 3-И зафиксирован единственный здесь случай залегания камней один над другим. Три крупных осколка и пять мелких залегают в таком положении: крупные – с уклоном в восточном направлении; мелкие – хаотично.

Со скоплением камней связаны комки глинистой, несомненно, обожжённой массы красно-коричневого цвета. По крайней мере, один из них, залегавший наиболее высоко (-216 см), почти вертикально ("стоящий" на ребре), имеет полировку поверхности ("затёртость" торцовых граней). Аналогичная моделировка была у единственного комка овальной формы, находившегося почти в центре кв. 3-2 (-219 см). По виду они напоминают современные портновские мелки.

Рядом со скоплением камней у южной границы чёрной линзы были найдены три комка и несколько мелких комочков такой же глины, залегавшие ступенчато (-216, -221, -226 см) в соответствии с падением от центра к краям куполообразной поверхности "очажных линз".

Наиболее интересный объект из кирпично-красной глины был обнаружен в северо-восточной четверти кв. 3-2 (-220, -225, -227 см). "Блин" неправильной округлой формы в плане диаметром 20 - 25 см находился на поверхности округлого "очажного" пятна, частично выходя за его пределы, примерно на половину своей толщины (3-4 см) углубляясь в него. Непосредственно на "блине" залегал крупный осколок камня почти правильной шаровидной формы с гладкой поверхностью (-219, -223 см). "Блин" имеет следы формовки на половине своего контура с южной и юго-восточной сторон. Верхняя плоскость "блина" – неровная, бугристая, так же, как западный и северный его края, в отличие от южного и восточного – заглаженных. Выступающая часть "блина" (-227 см), возможно, представляет отдельный от него комок такой же обожжённой глины. Восточная часть этого комка имеет светло-серый цвет, приближаясь по цвету к серо-голубоватым комкам глины, зафиксированным в кв. 3-1 и 3-2.

Куски такой же глины располагались компактно в кв. 3-2 (-224 см) у северо-западной границы “блина” из красно-кирпичной глины и “очажного” пятна.

Скопление комков серо-голубоватой глины расположено в южной части кв. 3-1 (-221, -223 см).

Все комки серо-голубоватой глины находились за пределами “очажных” пятен. Возможно, поверхность некоторых из них была обработана.

Обращает на себя внимание повышенная концентрация обожжённой красной и голубой глины, обладающей окрашивающим свойством, отдельные куски которой имеют специально приданную форму. Относительно слабая насыщенность слоя кремнем доказывает функциональную специфику объекта. Близкое взаиморасположение очагов и красящей обожжённой глины представляется неслучайным и требует дальнейшего специального исследования.

Подобные объекты ранее известны не были.

Стратиграфическая позиция линзы является основанием для выделения на памятнике отдельного культурного слоя. В качестве гипотезы это было высказано в 1996 г. по материалам шурфа I. В 1997 г. было достаточно чётко установлено существование здесь второй погребённой почвы, с которой связываются находки мезолитического инвентаря.

Итак, выявленный «ранцевый набор» и его абсолютное датирование чрезвычайно важны, поскольку сравнительно-типологический анализ инвентаря даёт возможность уточнить, с каким именно материалом возможно сопоставлять радиоуглеродные даты стоянок Залесье I и Нижние Котицы, являющихся местами многоразового заселения.

Хронологические аспекты являются основополагающей частью реконструкции в археологии. При этом применении радиоуглеродного датирования важен критический подход к источнику. Другими словами, необходимо установить, что мы датировем.

В настоящее время для стоянок валдайской культуры существуют следующие радиоуглеродные даты (табл. 1), определяющие хронологические рамки неолитического этапа её развития.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты валдайской культуры

Индекс	Стоянки	Дата, л. н.	Материал
ЛЕ-1144	Залесье I	6530±50	Древесный уголь
ЛЕ-1333	Нижние Котицы	6860±100	Древесный уголь
ЛЕ-4347	Ланино I, раскоп VI, 1987 г. Очаг в кв. E-29	6440±370	Древесный уголь
ЛЕ-5172	Подол III, раскоп I, кв. Д9, ст. 3, 1996 г.	6010±50	Древесный уголь
ЛЕ-3485	Ланино II, 1988-1989 гг.; скопление инвентаря в кв. X-Ц 18	5570±80	Древесный уголь
ЛЕ-3490	Ланино II, 1988-1989 гг.; скопление в кв. T 14	5440±140	Древесный уголь
ЛЕ-3299	Ланино II, 1988-1989 гг.; кв. П 12, скопление, ямка	5910±170 (±680)	Древесный уголь
ЛЕ-3298	Ланино II, 1988-1989 гг.; кв. P 20, скопление, ямка	6296±260	Древесный уголь
ГИН -10543	Баранова гора, 1997 г., “клад”	7050±110	Древесный уголь

Другой важный вопрос, который может быть рассмотрен на основании “клада”, – это состав кремнёвой сырьевой базы валдайской культуры [10; 11]. Здесь чётко прослеживается преобладающее использование рыжего кремня, который наряду с серым являлся основным видом сырья. Для этой культуры характерны нуклеусы крупных размеров, с которых скальывали пластинчатые отщепы, и дисковидные нуклеусы, с которых снимались поперечно ориентированные отщепы. Нуклеусы торцового скальвания и двутранные нуклеусы-резцы, представленные на стоянках валдайской культуры, также выполнены из рыжего кремня. Среди орудий наиболее выразительны крупные изделия, такие как поперечные и угловые резцы, массивные скребки «валдайского типа», ножи на пластинчатых заготовках, топоры и тёсла, характерные для её неолитического этапа. Индивидуальными формами являются черепковые наконечники стрел на пластинках с вентральной подработкой пера и черепка, где также чётко прослеживается взаимозависимость использованного сырья и формы орудия.

Опираясь на типологический анализ мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности, проведённый Т.Б. Крыловой [12], и новые радиоуглеродные даты, в настоящее время можно наметить развитие их форм в следующей хронологической последовательности (рис. 7). Раннемезолитические наконечники продолжают финальнопалеолитические традиции. При этом выделяются две основные линии развития: поствидерская (бутовская) и постлингбийская (подольская). Изменения проявляются прежде всего в уменьшении размеров орудий. Для черешковых наконечников стрел характерно уменьшение размера черешка. В технике расщепления кремня важно отметить развитие в неолите торцового скальвания с крупных клиновидных форм нуклеусов с двусторонне обработанным ребром. “Клад” из 16 предметов с ранне-неолитической стоянки Котчище II, опубликованный Н.Н. Гуриной [13], включал в себя кроме прочих предметов 7 крупных клиновидных нуклеусов. Отнесение его к раннему – развитому неолиту подтверждается в настоящее время аналогичным инвентарём со стоянки Ланино II, где имеются даты C¹⁴.

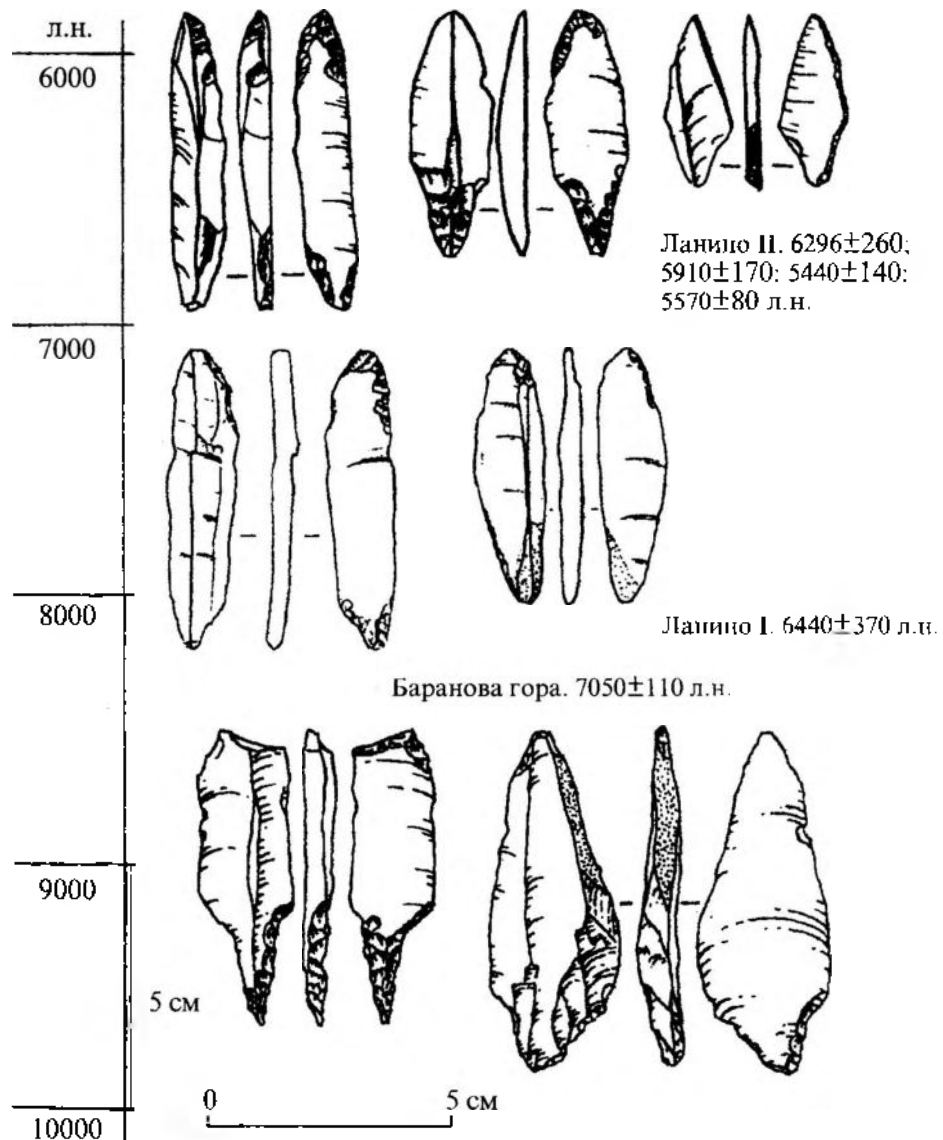

Рис. 7. Хронологическая схема наконечников стрел

Схема развития инвентаря валдайской культуры, предложенная Н.Н. Гурилой [14], сохранила своё значение до сих пор. Две первые радиоуглеродные даты для валдайской культуры были получены по углю из очагов только двух стоянок: Залесье I и Нижние Котицы. В настоящее время уже девять радиоуглеродных дат для стоянок валдайской культуры подтверждают её хронологическое положение, определённое изначально типологическим методом.

Состояние источниковой базы затрудняет сопоставление валдайской культуры на её мезолитическом этапе развития с синхронными ей культурами на западе и на востоке. Мезолит междуречья Западной Двины и Ловати ещё слабо изучен. На этапе раннего неолита прослежено много сходных черт у валдайской и верхневолжской культур, прежде всего в керамике. Но в среднем и позднем неолите развитие культур шло в разных направлениях [15, с. 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н.Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3.
2. Гурина Н.Н. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
3. Гурина Н.Н. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).
4. Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР).
5. Oshibkina S.V. Tanged Points Industries in the North-West of Russia // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 1993. Lublin, 1999.
6. Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996. (Археологические изыскания. Вып. 39).
7. Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И. Хронологические комплексы археологического памятника Подол III // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

8. *Синицына Г.В.* Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
9. *Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
10. *Синицына Г.В.* “Клады” валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
11. *Синицына Г.В.* Лаяно I – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997.
12. *Крылова Т.Б.* Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // Палеолит и неолит. Л., 1986.
13. *Гурина Н.Н.* Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn, 1970.
14. *Гурина Н.Н.* Неолитические племена Валдайской возвышенности // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. 1973.
15. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

*Институт геологии РАН,
Москва*

G.V. Sinitsyna, N.E. Zaretskaya

ON THE NEW DATE OF VALDAY CULTURE

Summary

Today chronological limits of the Neolithic stage in the evolution of Valday culture can be determined in much more exactly than they were earlier, on the base of new radiocarbon dates. A new date gained for the site of Baranova Gora – 7050±110 (G1N-10543) years ago – is the earliest within the series of 9 definitions of age for 5 sites. Taking into account that it is obtained for a specific type of archaeological objects – a “treasure” of stone tools – this date is the base for dating typologically similar tools sets of Valday culture on the whole.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

*Geological Institute,
Russian Academy of Sciences
7, Pyzhevsky Lane, Moscow,
109017, Russia*

В.И. Тимофеев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Как известно, термин «неолит» ввёл впервые Дж. Лаббок (1834 – 1913) в 1860-е гг. [1], отметив как характерные для нового каменного века признаки находки костей домашних животных, керамики и шлифованных орудий. Затем выяснилось, что определение неолита, данное Дж. Лаббоком, не является универсальным.

Многочисленные материалы Северной и Восточной Евразии, где производящее хозяйство появилось намного позже, чем первая керамика, а шлифованные каменные орудия, в ряде случаев, – значительно раньше, не укладывались в предложенное Лаббоком определение. В наши дни это вызвало появление, прежде всего в центрально-европейской и западно-европейской литературе таких терминов, как «субнеолит», «паранеолит», «керамический мезолит». В отечественной литературе интересное подразделение предложил Л.П. Хлобыстин [2], обосновавший не вошедшие широко в обиход исследователей термины «агронеолит» и «аго-неолит». Разумеется, проблема не сводится к усовершенствованию терминологии. Речь идёт о реально существовавших глубинных различиях в экономике, структуре, образе жизни древних обществ, нашедших отражение в археологическом материале.

Каким образом сложились отличия, в определённой мере разделившие Европейский континент на две части, в некотором смысле на два мира? Эти различия отнюдь не изначальны, возникновение их относится к первой половине голоцена. В конце плейстоцена – самом начале голоцена на обширных пространствах континента существовало редкое население, относящееся к общностям конца финального палеолита – начала мезолита и находящееся на сопоставимых уровнях развития материальной культуры и присваивающей экономики. Имеющиеся в разных частях ойкумены особенности были обусловлены как различиями традиций, особенностями происхождения культур, так и, прежде всего, локальными отличиями, прямо связанными с особенностями природных условий, влиявшими на облик материальной культуры и хозяйственный уклад древнего населения. Так, одна из малоизученных до настоящего времени проблем связана с адаптационными возможностями носителей культур каменного века к морфологически резко различным видам каменного сырья. Например, на севере Европы, где месторождения кремнёвого сырья отсутствуют (в Финляндии, большей части Карелии, на Кольском полуострове, в Норвегии, на севере Швеции), известен ряд появившихся в мезолите кварцевых (а также кварцево-сланцевых) индустрий. Особенности кварцевого сырья обусловили специфику типологического облика комплексов. Носители древнейших кварцевых индустрий, несомненно, были связаны генетически с населением более южных территорий, имевшим индустрии, базирующиеся на традиционном кремнёвом сырье. Однако проблему происхождения кварцевых индустрий до настоящего времени нельзя считать разработанной, а сходство форм некоторых отчасти сопоставимых типов орудий, выполненных из различного каменного сырья (в частности, наконечников метательного вооружения), имеет достаточно общий характер. Различия в каменном сырье в целом ряде случаев оставляют немного возможностей для конкретного типологического анализа. Показательна в этом плане ситуация со знаменитым Оленеостровским могильником на Онежском озере. Проблема культурной атрибуции памятника, давшего необычайно богатый для территории Карелии кремнёвый (и костяной) инвентарь, остаётся в течение очень длительного времени открытой. В последние годы были намечены определённые связи его с позднебутовской культурой [3, с. 37]. Подобное положение не уникально для широких территорий Северной Евразии. Ещё более сложная ситуация существует, например, в мезолите – неолите Среднеазиатского региона, где для равнинных памятников мезолита и неолита характерен кремнёвый пластинчатый инвентарь, а для горных – галечная индустрия. В то же время во многих комплексах “горного мезолита” и гиссарских неолитических встречено и определённое количество пластинчатых изделий, микропластин, торцовых нуклеусов для микропластин, геометрических микролитов, а в некоторых равнинных прослеживаются и элементы галечной техники [см., напр., 4, с. 27], что указывает на сосуществование в пределах одного комплекса различных технологий или различных традиций. Проблематика возможностей трансформации индустрий, зависящих от характера используемого сырья, очень нуждается в специальной разработке. В определённой мере мезолитическую ойкумену можно представить не только в виде дискретных ареалов культур, но и как своего рода цепочку, состоящую из взаимно стыкующихся элементов [для территории Балтийского региона – см., напр., 5].

¹ Данная статья подготовлена при поддержке гранта INTAS, проект 00 – 00016.

Можно сказать, что в начале голоцена на обширных пространствах Европейского континента существовал единый мезолитический мир, состоящий из общностей, имевших сходные социальную структуру, идеологические представления, менталитет. Реально культурного разделения на Запад и Восток ещё не существовало. Разделение единого культурного пространства произошло после появления первых признаков производящего хозяйства, вначале на Ближнем Востоке (одомашнивание ряда растений – таких как пшеница, ячмень, горох – и животных, прежде всего мелкого рогатого скота). Здесь же появляются впервые строения из камня и глинобитные. Впервые возникает новый, сельский, образ жизни. Очень рано здесь появляется и керамика. Именно для этого региона, на наш взгляд, продолжает сохранять своё значение определение «неолитическая революция» для обозначения сравнительно быстрого перехода к новым формам экономики, повлекшим за собой кардинальную перестройку жизни древних обществ. Иной характер имела неолитизация прилегающих регионов собственно Европы (Греция, Балканский полуостров). Сходные элементы нового, неолитического, образа жизни, несомненно, прошикают сюда с Ближнего Востока вследствие, скорее всего, диффузионных процессов. Для более северных регионов Центральной Европы неолитизация начинается с приходом на лёссовые равнины нового населения – носителей культуры линейно-ленточной керамики, что произошло около 7000 - 6800 лет тому назад по данным радиоуглеродной (некалиброванной) хронологии [6]. С последующим формированием круга «пост-линейно-ленточных» культур связывается формирование общностей (таких как наиболее ранние фазы культуры воронковидных кубков), принесших неолитический образ жизни на Северо-Запад Европы, в Скандинавию.

Начало ранне-неолитического периода в лесной полосе Восточной Европы связывается с появлением одного из компонентов неолитической «триады» – древнейшей керамики.

Каким образом мы можем объяснить процесс распространения первой керамики на обширных пространствах Восточной Европы? Очевидно, речь не может идти о многочисленных миграционных процессах, подобных, например, продвижению культуры линейно-ленточной керамики на лёссовые равнины Центральной Европы. Скорее всего, имела место диффузия, распространение навыков керамического производства в среде поздне-мезолитического населения. Как это происходило реально? На наш взгляд, продуктивна палеолингвистическая модель, предложенная Эндрю и Сюзан Шеррат [7]. По этим авторам, лингвистическая ситуация позднего каменного века, скорее всего, может быть представлена в виде взаимосвязанной цепочки культур с двуязычием в контактных зонах. Ранее близкие идеи были высказаны в нашей литературе (гипотеза «лингвистической непрерывности» была высказана С. П. Толстовым в работе весьма своеобразной, но характерной для своего времени направленности [8]; см. также [9]; критика этой гипотезы позже высказывалась, напр., Герценбергом [10], а на материалах позднего каменного века лесной полосы опыт реконструкции «археологической непрерывности» был предложен В. П. Третьяковым [11]).

Для раннего неолита лесной зоны очень характерно явление «цепочек культур» (аналогичное тому, о котором говорилось выше), трансформирующихся как бы постепенно, без резко очерченных территориальных границ. Одна из таких цепочек – ранне-неолитические валдайская, верхневолжская, волго-камская культуры, ближе всего типологически к этой линии культура сперрингс, Черноборская ранне-неолитическая группа на европейском Северо - Востоке. Другая цепочка ранне-керамических культур – ранне-неолитические неманская, нарвская, выделенная А. М. Микляевым руднянская [12].

Для ранне-неолитического периода в лесной полосе характерны стабильность населения, чётко прослеживаемые явления диффузионного проникновения новых технических навыков (прежде всего керамического производства), сложение развитого присваивающего хозяйства, отсутствие крупных миграций при прослеживаемых инфильтрациях небольших групп населения на слабообжитые территории (в частности, Севера и Северо-Востока).

Разумеется, процесс неолитизации в лесной полосе нельзя свести к простому «наложению» заимствованного керамического производства на местную мезолитическую индустрию и дальнейшему развитию приёмов присваивающего хозяйства. Наряду с преемственностью индустрий от поздне-мезолитических в течение неолита происходит ряд инноваций, так сказать, второго порядка – распространяются некоторые новые типы орудий, неизвестные или лишь появляющиеся в поздне-мезолитических индустриях, возникают новые технические приёмы (например, техника распила кости в нарвской культуре Восточной Прибалтики, см. [13]), техника двустороннего ретуширования кремнёвых наконечников, значительно более широкое, чем раньше, распространение получила шлифовка каменных рубящих орудий. В целом орудия, связанные с обработкой дерева, более многочисленны и разнообразны, чем в предшествующее время, что, видимо, связано и с более оседлым образом жизни и с повышением роли рыболовства в хозяйственном укладе. Постепенно практически во всей лесной зоне происходит переход от индустрии пластины к индустрии отщела, усиливается специализированность орудий.

Необходимо отметить, что при сопоставлении материалов, относящихся к сфере духовной культуры неолита лесной полосы Восточной Европы, с материалами каменного века Центральной Европы и Скандинавии, искусство «лесного» неолита значительно ближе мезолитическому этих территорий, чем связанному с общностями последующего земледельческого неолита. Видимо, это объясняется тем, что в неолите лесной зоны имело место длительное переживание и развитие не только присваивающей экономики, но и древних культов, на значительной части территории Европы к этому времени сменившихся иным кругом идеологических представлений, свойственных раннеземледельческим обществам.

При сохранении ориентации на присваивающую экономику хозяйственная деятельность охотников-рыболовов-собирателей неолитического периода в лесной зоне всё же заметно отличалась от характерной

для мезолита. Мезолитические фаунистические комплексы свидетельствуют о специализированной охоте на лося, а также на бобра, остальные виды животных на памятниках представлены единичными костями. В неолитическое время набор охотничьей фауны шире, отчётливо видны локальные различия. В западной части лесной зоны преобладают три вида промысловых животных – кабан, тур, благородный олень, далее к востоку характерно преобладание лося и кабана при значительном количестве на поселениях костей бобра и куницы (см., напр., материалы по Восточной Прибалтике [14], обзор данных [15]).

На ряде неолитических памятников, особенно второй половины периода, отмечено большое количество костей пушных зверей, прежде всего куницы. О специализированной охоте можно говорить на примере некоторых памятников прибрежной Прибалтики, где резко преобладают кости тюленя. На севере огромное количество костей ластоногих дала замечательная стоянка Маяк 2 [16]. Следует отметить, что и на этом памятнике морской промысел закономерно сочетался с охотой.

В целом для неолитического времени в лесной полосе, по сравнению с мезолитическим, характерно расширение состава добывавшихся животных, что хорошо коррелирует с изменением типологического состава охотничьего вооружения, в частности, набор наконечников метательного оружия становится намного разнообразнее.

Значительное увеличение количества остатков рыб в культурных слоях неолитических памятников отмечено для ряда регионов, где условия залегания позволяют сделать подобные наблюдения [17]. Соотношение роли рыболовства и охоты на неолитических памятниках, несомненно, зависело от окружающей среды, от природных условий. Можно согласиться с выводом Н.Н. Гуриной о превращении рыболовства в лесной полосе в «ведущую отрасль хозяйства, способную обеспечить население всем необходимым в течение круглого года, став высокопродуктивным, оно приобрело всеопределяющее значение, вызвав ряд серьезных взаимосвязанных изменений» [18, с. 11]. Вместе с тем, имеющиеся данные показывают и комплексный характер хозяйства охотников - рыболовов - собирателей (см. напр., [19]), а на некоторых территориях охотничий промысел, видимо, имел доминирующее значение [2, с. 29 и сл.].

В опубликованных материалах содержится, как правило, очень мало фактических данных, позволяющих судить о реальном вкладе собирательства в экономику неолитического населения лесной полосы. Роль эта была, видимо, очень значительной. Интересны данные этнографического порядка, приведённые финляндским исследователем М. Нуньезом [20] для территории этой северной страны. Судя по этим материалам (опирающимся на современные статистические данные), в десятилетия 1970 - 80-х гг. в лесах Финляндии было собрано 438 тысяч тонн съедобных ягод и 256 тысяч тонн съедобных грибов [20, р. 48, 49]. Вряд ли в неолитическое время эти ресурсы использовались менее эффективно (разумеется, с поправкой на демографический фактор). Некоторые данные на этот счёт имеются в работе Г.М. Левковской [21]. Интереснейшие материалы опубликованы сейчас А.В. Энговатовой [22]. По следам пищевого нагара на внутренней поверхности сосудов верхневолжской и льяловской культур, по её исследованиям, в частности, установлено специальное использование в пищу ягод калины, которые варили в исследованных сосудах вместе с мясом, костями и кровью животных.

Постоянное накопление данных радиоуглеродной хронологии всё более уточняет динамику процесса неолитизации Восточной Европы. Обзоры радиоуглеродных данных (см. 23; 24; 25, р. 227), статьи в сборнике "Radiocarbon and Archaeology" [26] фиксируют, в частности, всё большее удревнение нижней границы неолита. В настоящее время самые ранние радиоуглеродные даты связаны с елшанской ранненеолитической культурой, наиболее исследованной в последнее десятилетие в лесостепи левобережья Волги [27; 28]. Неожиданно ранний (около 8000 лет тому назад, по образцам раковин и кости) радиоуглеродный возраст (табл. 1) елшанских памятников соответствует данным спорово-пыльцевого анализа (исследования Е.А. Спиридоновой и Ю.А. Лаврушина), относящего время формирования культурных слоёв с эталонными елшанскими комплексами к бореальному климатическому периоду [27, с. 23], и наличию архаичных, мезолитических, элементов в кремнёвой индустрии памятников.

Таблица 1. Наиболее ранние радиоуглеродные датировки неолитических памятников регионов Юга Восточной Европы (лет тому назад, без введения калибровочных данных)

Юго-Запад	Южнорусские степи	Юго-Восток
Буго-днестровская культура	Неолит Нижнего Подонья и Приазовья	Елшанская культура
Сокольцы II 7470±60, Ки-6697 7405±55, Ки-6698	Ракушечный Яр Слой 20 7930±140, Ки-6476 7860±130, Ки-6477 7690±110, Ки-6475	Чекалино 4 8990±100, Ле-4781 8000±120, Ле-4782 8050±120, Ле-4783 7940±140, Ле-4784
Печера 7305±50, Ки-6693 7260±65, Ки-6692	Слой 15 7040±100, Ки-6480 6930±100, Ки-6478	8680±120, ГИН-7085 7950±130, ГИН-7088
Базьков остров 7235±60, Ки-6651 7215±55, Ки-6696 7160±55, Ки-6652	Матвеев Курган 1 7505±210, GrN-7193 7180±70, Ле-1217	Лебяжинка 4 8470±140, ГИН-7088 Ивановская 8020±90, Ле-2343

К весьма раннему времени, очевидно, относится ещё одна раннеолитическая культура лесостепи – среднедонская [29], возможно, по крайней мере частично, синхронная елшанской [30, с. 71]. На ранний возраст среднедонской культуры указывают как типологические данные, позволяющие искать в среднедонских материалах истоки древнейшей неолитической культуры лесной полосы Европейской России – верхневолжской, так и данные стратиграфии многослойных памятников и результаты спорово-пыльцевого анализа [31, с. 132-144].

В самое последнее время были опубликованы серийные радиоуглеродные данные для ряда неолитических культур Украины [32; 33]. Особое значение имеют даты наиболее ранних раннеолитических комплексов буго-днестровской культуры, отражающей в своих материалах, в частности, определённые ранние влияния из круга раннекерамических культур собственно Юго-Восточной Европы, Балкан и прилегающих территорий [34]. Даты, связанные в том числе с ранними фазами буго-днестровской культуры [34, с. 64], относят эти комплексы к несколько более позднему времени, чем елшанские памятники Поволжья (табл. 1). К более позднему времени, чем период существования наиболее ранних елшанских памятников, относится и архаичная раннеолитическая культура Поднепровья и Северного Причерноморья – сурская [34, с. 64]. Судя по данным радиоуглеродной хронологии, с учётом отчётливых типологических различий древнейших типов керамики, можно говорить по крайней мере [35] о двух независимых центрах керамического производства в Восточной Европе, локализующихся на юго-востоке и на юго-западе этой обширной части континента, а также и о более раннем хронологическом положении юго-восточного центра. Очень интересны и данные по неолиту Приазовья – Нижнего Подонья, где типологически не самый ранний неолитический комплекс одного из нижних слоёв стратифицированного поселения Ракушечный Яр [36] был датирован временем около 7800 - 7600 л.н. [37].

Время появления первой керамики в собственно лесной полосе Восточной Европы фиксируется радиоуглеродными датами памятников раннеолитической верхневолжской культуры, среди которых к настоящему времени уже довольно многочисленны относящиеся ко времени около 7100 - 7000 лет тому назад, хорошо коррелирующие с датами наиболее поздних мезолитических бугровских памятников [38-44]. Наиболее ранние даты С-14 раннего неолита Восточной Прибалтики относятся ко времени примерно на 500 радиоуглеродных лет более позднему (см. табл. 2). Ранее это время фиксировали датировки типологически наиболее раннего [45], южного, варианта нарвской культуры [46; 47]. Очень важны в этом плане впервые полученные даты раннеолитических памятников неманской культуры, хорошо соответствующие ранненарвским [48; 49]. Эти данные показывают также, что ранее полученные даты С-14 для некоторых ранненеманских памятников Северо-Восточной Польши следует связывать именно с неолитическими, а не с позднемезолитическими комплексами культурных слоёв, залегающих в песчаных отложениях. Ко времени около 6500 лет тому назад относятся и наиболее ранние датировки памятников раннеолитической культуры сперринге Карелии (табл. 2). В целом радиоуглеродные даты раннекерамических памятников лесной полосы показывают постепенное, в течение 500 - 700 лет, распространение керамического производства в лесной полосе, чётко фиксируя направление этого движения с Юго - Востока и Юга на Северо - Запад и Север [50]. Вместе с тем, некоторые данные могут указывать и на очень быстрое пропикновение керамики в южную часть Северо-Запада России (первые даты С-14 сертейской раннеолитической культуры, памятники которой известны в Псковской и Смоленской областях, – 7300±180, 7300±400 л.н. (Ле-5260, Ле-5261) [51]).

Таблица 2. Наиболее ранние радиоуглеродные датировки памятников некоторых раннеолитических культур лесной полосы Восточной Европы

Верхневолжская культура	Культура сперринге	Нарвская культура	Неманская культура
Беливо II 7180±60	Пегрема IX 6510±90	Оса 6533±120	Катра 1 6550±70
Ивановское VII 7100±110	Шеттима 6400±150	Звидзе 6450±70	Катра 2 6080±70
Становое 4 7080±40	Ерпин Пудас 6510±120	Замсе 5 4860±260	
Замостье 2 7050±40			

Скорее всего, действительность была сложнее, чем просто набор имеющихся достаточно прямолинейных объяснений (миграция, эволюционное развитие, диффузия). Видимо, мы нуждаемся в разработке более дробной системы понятий, более адекватно соответствующих многообразию фактического материала, отражающему сложность реально происходивших процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lubbock D. Prehistoric Times. London, 1865.
2. Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
3. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.
4. Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.
5. Тимофеев В.И. Некоторые вопросы взаимодействия культур мезолита – начала неолита в Балтийском регионе // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

6. Breunig P. C-14 Chronologie des vorderasiatischen, südost - mitteleuropäischen Neolithikums // Fundamenta. Bd. 13. Köln, 1987.
7. Sherrat A. and S. The Archaeology Indo-European: on Alternative View // Antiquity. Vol. 62. № 236. 1988.
8. Толстая С.П. Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии // СЭ. 1950. № 4.
9. Бутинюв Н.А. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии // СЭ. 1951. № 2.
10. Герценберг Л.Г. К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
11. Третьяков В.П. К вопросу об "археологической непрерывности" (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита) // СА. 1982. № 2.
12. Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб., 1995.
13. Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. № 144. 1967.
14. Пааяер К.Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин, 1965.
15. Timofeev V.I. On Regional Differences in the Neolithic Economy of the East Baltic Area // Fenno-Ugri et Slavi. 1992. Prehistoric Economy and Means of Livelihood. Helsinki, 1994.
16. Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
17. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
18. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. 1973.
19. Верещагин Н.К., Долуханов П.М., Микляев А.М. Хозяйство и экология свайного поселения Наумово в Псковской области // Известия Всероссийского Географического общества. Т. 111. Вып. 4. Л., 1979.
20. Nunez M. On the Food Resources Available to Man in Stone Age Finland // Finskt Museum. Helsinki, 1990.
21. Левковская Г.М. Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины. Рига, 1987.
22. Энговатова А.В. О характере использования керамических сосудов населением Волго-Окского междуречья в неолите // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
23. Долуханов П.М., Тимофеев В.И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного датирования) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
24. Тимофеев В.И. Проблемы абсолютной хронологии // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР).
25. Timofeev V.I. The Beginning of the Neolithic in the Eastern Baltic // Harvesting the Sea, Farming the Forest. Sheffield, 1998.
26. Radiocarbon and Archaeology. Ed. G.I. Zaitseva. Vol. 1. № 1. Saint-Petersburg, 2000.
27. Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры Лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
28. Мамонов А.Е. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
29. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
30. Синюк А.Т. Проблемы хронологии неолита Среднего Дона // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
31. Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М., 1991.
32. Chronology of Mariupol Type Cemeteries and Subdivision of the Neolithic – Copper Age Cultures into Periods for Ukraine / D. Ya. Telegin, N.N. Kovaliukh, I.D. Potekhina, M. Lillie // Radiocarbon and Archaeology. Vol. 1. № 1. S-Petersburg, 2000.
33. Телегин Д.Я. Об основных линиях этнокультурного развития неолитического времени Юго - Запада Восточной Европы и их хронологии // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
34. Дашченко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
35. Тимофеев В.И. К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997.
36. Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995.
37. Новые радиоуглеродные даты неолитических слоев многослойного поселения Ракушечный Яр / Т.Д. Белановская, В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // В печати.
38. Крайцов А.Е. О хронологии мезолитических и ранне-неолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
39. Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
40. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Некоторые аспекты радиоуглеродной хронологии неолитических культур лесной зоны Европейской России // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб., 1996.
41. Timofeev V.I., Zaitseva G.I. Some Aspects of the Radiocarbon Chronology of the Neolithic Cultures in the Forest Zone of the European Part of Russia // ISKOS. Vol. 11. Helsinki, 1997.
42. Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской ранне-неолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. 1998. № 2.
43. Лозовский В.М., Лозовская О.В. Хронология перехода от мезолита к неолиту в Волго - Окском междуречье // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
44. Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродные исследования торфяников и хронология событий голоцена Южной Камчатки и Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. М., 2001.
45. Тимофеев В.И. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // КСИА. Вып. 141. 1975.
46. Оса – многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) / Ф.А. Загорскис, Г.Я. Эберхарде, В.Я. Стелле, И.И. Якубовская // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
47. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
48. Antanaitis I., Girininkas A. Neolithic Chronology and Periodization in Lithuania // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
49. Римаитене Р.К. Хронология неолита в Литве // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.

50. *Timofeev V.I., Zaitseva G.I.* On the Problem of the Neolithization of Eastern Europe and the Position of the South Russian Area in this Process // Proceedings of the 5-th International Symposium " Radiocarbon and Archaeology ". Lyon, 1999.

51. *Мазуркевич А.Н.* Памятники раннего и среднего неолита Двинско-Ловатского междуречья и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

V.I. Timofeev

SOME PROBLEMS OF THE EASTERN EUROPE NEOLITHIZATION*

Summary

The problems connected with the peculiarities of the forest zone Early Neolithic Structure and the chronology of pottery appearance in different parts of Eastern Europe are discussed in the article. Radiocarbon dating fixes the very first ware of the easternmost part of southeastern Europe as the earliest one. The first vessels appeared in the southwest of the area in question several centuries later, and so the movement of the pottery production to the north and northwest can be retraced. The earliest radiocarbon dates for the Early Neolithic assemblages in different parts of Eastern Europe (uncalibrated) are presented in Tables 1, 2.

---

* This article is done under support of INTAS grant, project 00-00016.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

Л.Л. Косинская

НЕОЛИТ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ГЕНЕЗИС И СВЯЗИ

Из истории вопроса

Итогом интенсивных полевых исследований 1980-90-х гг. стала ревизия классической схемы развития уральского (урало-западносибирского) неолита, разработанной в своё время В.Н. Чернецовым [1; 2] и О.Н. Бадером [3; 4] преимущественно на материалах Среднего Зауралья и Тюменского Притоболья. В окончательном виде концепция сводилась к тому, что урало-западносибирская этнокультурная общность (протоуральский этнокультурный ареал) в раннем неолите состояла из двух локальных вариантов: приуральского (волго-камская археологическая культура {АК}) и зауральского (восточноуральская АК). Последний включал все известные тогда материалы Северного, Среднего и Южного Зауралья. Основные положения концепции исследователи распространяли и на северную часть Западной Сибири, где было выявлено несколько памятников со сходным инвентарём. В среднем и позднем неолите общность, по их мнению, сохранялась и включала несколько родственных культур, занимавших территорию вплоть до Нижней Оби и Енисея.

Пересмотр указанной схемы происходил по нескольким направлениям. Новые материалы опровергли представления о культурном единстве раннего неолита Урало-Западносибирского региона. Выяснилось, что территория восточноуральской АК была ограничена лишь Средним Зауральем. Предложена новая, двучленная её периодизация (козловская культура раннего неолита и полуденская – позднего), а памятники сосновоостровского типа (чэстыйягский этап по В.Н. Чернецову) рассматриваются как финальнонеолитические или даже энеолитические. Наряду с автохтонной выделена пришлая линия развития, представленная кошкинкой и боборыкинской археологическими культурами [5]. Особенностью обеих является кругло- и плоскодонная посуда, в том числе профилированная, и неполная её орнаментация, выполненная в прочерченно-накольчатой технике. Каменный инвентарь кошкинских и боборыкинских комплексов характеризуется значительной ролью пластинчатых приёмов расщепления и, что особенно важно, единичными геометрическими формами. К настоящему времени выявились существенные расхождения во взглядах исследователей на вопросы абсолютной и относительной хронологии и генезиса перечисленных культур. По мнению В.Т. Ковалёвой [6], боборыкинская культура относится к позднему неолиту и сложилась на базе раннеолитической кошкинкой. В.А. Зах [7] датирует боборыкинскую АК ранним этапом неолита, а кошкинскую рассматривает как результат более позднего смешения боборыкинских и местных традиций. Радиоуглеродные даты кошкинских (три даты, 6620-6380 ВР) и боборыкинских (четыре даты с трёх поселений, 7700-5490 ВР) комплексов не дают оснований для однозначного решения проблемы. На мой взгляд, позиция В.А. Заха выглядит более обоснованной и к тому же позволяет раскрыть генезис северных памятников амнинского и близких ему типов с ранней плоскодонной керамикой.

Пересмотру не подверглись лишь два положения классической схемы: наличие неолитической урало-западносибирской общности и заметное культурное влияние на неё с юга, хотя интерпретация этих явлений также не однозначна.

Современные данные

По мере накопления материала всё отчетливее выявляется специфика северного (таёжного) неолита, хотя обширная территория севера Западной Сибири (далее – СЗС) остаётся недостаточно и неравномерно изученной. Более или менее полно обследован лишь бассейн р. Конды, а также правобережье Средней Оби в окрестностях г. Сургута, где выявлены десятки неолитических памятников и на ряде поселений проводились раскопки. В других районах Среднего и Нижнего Приобья неолитические памятники пока единичны (рис. 1). Погребальные комплексы до сих пор не известны. Последующий обзор будет основан преимущественно на материалах исследованных поселений, поскольку культурная атрибуция разведочных сборов часто вызывает сомнения.

К раннему неолиту СЗС относятся сумпаньинская археологическая культура (рис. 2) в бассейне Конды [8], памятники типа Чэстыйяг в бассейне Северной Сосьвы [9], памятники быстринского типа (рис. 4,5) в Среднем Приобье [10]. Все они характеризуются керамикой полуэллиптической формы, орнаментированной как в прочерченно-накольчатой, так и в гребенчатой технике (шагающая, отступающая, протраченная, пе-

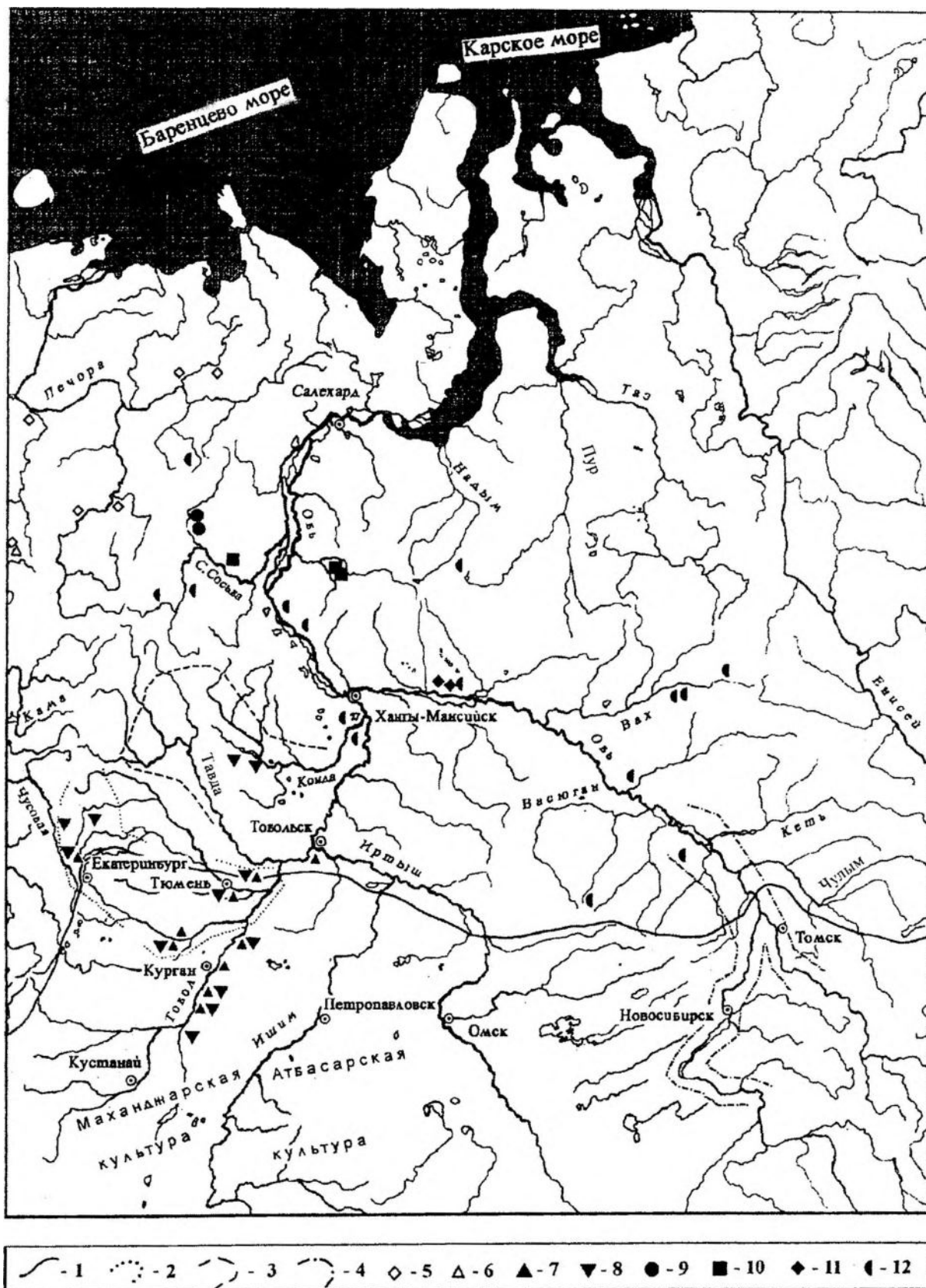

Рис. 1. Неолитические культуры и культурные типы Урала и Западной Сибири.
 1 – современная южная граница таёжной зоны; ареалы культур: 2 – восточноруральской;
 3 – сумпаньинской; 4 – верхнеобской; памятники: 5 – черноборской АК; 6 – камского типа;
 7 – кошкинской АК; 8 – боборькинской АК; 9 – типа Чэстыйяг; 10 – амнинского типа;
 11 – быстринского типа; 12 – прочие неолитические памятники

чатная гребёнка). Узоры обоих типов часто наносились естественными орнаментами: костями, зубами и челюстями мелких млекопитающих – бобра, куницы, зайца и др. [11]. Орнамент состоит в основном из волнистых, зигзагообразных и прямых линий, образующих горизонтальные и вертикальные зоны по всей внешней поверхности сосудов; встречаются ёмкости с неполной орнаментацией и без орнамента. Под венчиком часто нанесён ряд ямок или сквозных проколов, на венчике нередко полукруглые или треугольные выступы-“ушки”, как и на посуде восточноуральской, среднеиртышской и некоторых других культур. Комплекс поселения Чэстыйяг содержит также ладьевидные сосуды. Каменный инвентарь перечисленных таёжных культур отличается от инвентаря восточноуральской: почти полностью отсутствует пластинчатая техника расщепления твёрдых пород камня (кварц, кварцит, халцедон и т.п.); орудия из небольших отщепов и обломков характеризуются минимальной вторичной обработкой и редкостью типологически устойчивых форм. Широко применялась абразивная обработка мягких пород (сланцы, алевролиты, брекчии), из которых изготовлены многочисленные и разнообразные шлифованные орудия (тёсла, долота, ножи, наконечники стрел) и абразивные плитки.

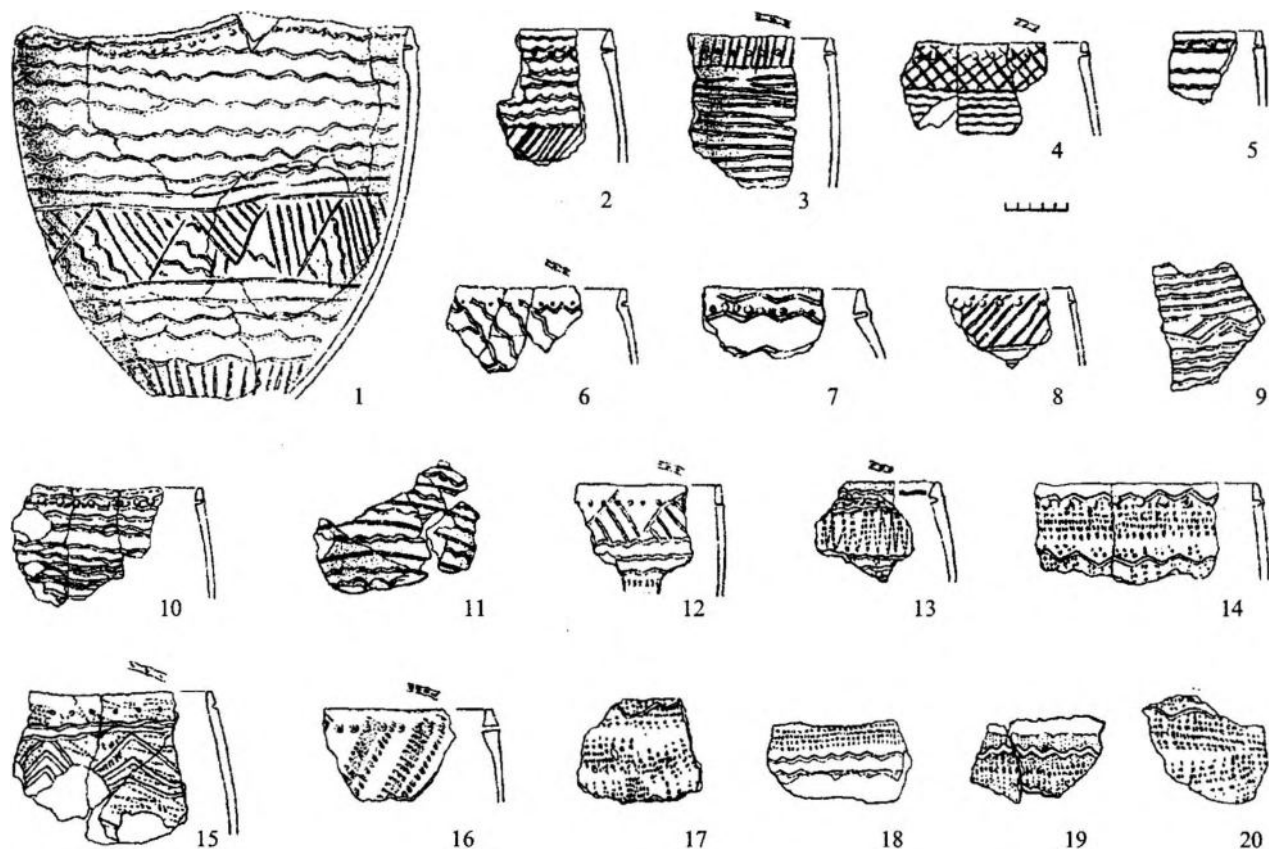

Рис. 2. Керамика сумпаньинского типа.
Поселение Сумпанья IV (по В.Т. Ковалёвой, Е.А. Устиновой, Л.П. Хлобыстину)

К раннему неолиту, видимо, относятся и памятники амнинского типа Нижнего Приобья: городище Амня I и поселение Кирип-вис-юган 2 в бассейне Казыма [12], а также поселение Сартынья I на Северной Сосьве [13]. Керамика амнинского типа (рис. 3) по орнаменту сходна с вышеописанной, но содержит как круглодонную, так и непрофилированную плоскодонную посуду. Каменный инвентарь наряду с обычным “таёжным” набором включает группу изделий из пластин, что отличает его от остальных культурных групп севера Западной Сибири. Памятники амнинского типа исследователи отнесли к позднему неолиту [12, с. 168] и энеолиту [13], но радиоуглерод дал неожиданно ранние даты.

На поселениях всех перечисленных типов раскопками исследованы квадратные и прямоугольные жилища-полужемлянки площадью от 30-40 до 120-200 кв. м и глубиной котлована от 0,5 до 1,5 м. Некоторые памятники уникальны в архитектурном плане: мысовое городище Амня I с тремя оборонительными линиями, возникшими в результате неоднократной перестройки поселения [12] и “укреплённое” жилище Быстрый Кулёган 66 (две полужемлянки, соединённые переходом и окружённые рвом шириной в верхней части до одного метра и глубиной до 1-1,3 м от древней поверхности). Аналогов этим комплексам нет ни в таёжном неолите Евразии, ни в более южных, лесостепных и степных районах. Радиоуглеродные даты ранне-неолитических культур и культурных типов севера Западной Сибири укладываются в период 6900-5750 ВР, что в целом соответствует среднему этапу атлантика по палеоклиматической шкале [14]. Единичные более ранние даты требуют проверки и подтверждения.

Определённую типологическую близость к амнинской имеют ещё две группы керамики – северного варианта кошжинского типа [15] и сатыгинского типа, которую Л.П. Хлобыстин отнёс к эпохе бронзы [16]. Оба типа встречены в смешанных культурных слоях неолитических поселений Конды и представлены непрофилированными кругло- и плоскодонными сосудами с волнисто-прочерченной и гребенчатой, часто неполной орнаментацией. Типологически они “ложатся” в ранне-неолитический пласт СЗС, но надёжные данные для их абсолютной датировки пока отсутствуют. Есть некоторые основания предполагать ранне-неолитический возраст керамики сатыгинского типа [10].

Культурные образования таёжных районов составляют северную часть ареала урало-западносибирской культурной общности (УЗС КО) раннего неолита, в которую также входят культуры юга лесной (в том числе восточноуральская и хutorская в Прикамье) и лесостепной зон. К сожалению, для памятников верхнеобского, среднеиртышского, екатерининского и других лесостепных типов до сих пор слабо разработана периодизация и даже культурная атрибуция, почти нет независимых дат, что не позволяет разрешить спорные вопросы их хронологии и чётко установить характерные черты раннего этапа неолита.

Итак, новейшие материалы, с одной стороны, подтверждают существование ранне-неолитической урало-западносибирской культурной общности, с другой – позволяют более отчётливо представить её структуру и соотношение составляющих её локальных культур между собой и со смежными регионами. Западная граница УЗС КО достаточно хорошо прослеживается в Приуралье по распространению памятников с керамикой камского (хutorского) типа от бассейна р. Белой на юге [17] до европейского Северо-Востока [18], где они граничат с областью культур с ямочно-гребенчатой керамикой. В позднем неолите в этой контактной зоне повсеместно складываются культуры синкретического облика, на базе которых в энеолите формируется общность изготовителей пористой керамики: волосовская, гаринская, новоильинская, чойновтинская и пр. культуры. Восточная граница УЗС КО, вероятно, проходит на левобережье Енисея и в предгорьях Алтая, южная располагается в лесостепной зоне и выглядит очень размытой.

Поздний неолит на севере Западной Сибири представлен барсоногорской группой памятников Сургутского Приобья [19], а также, возможно, северососьвинским культурным типом и памятниками типа унига в Нижнем Приобье [13], материалами поселения Большой Ларьяк II на Вахе [20] и некоторыми другими. В этот период культурные различия в рамках УЗС КО проявляются более отчётливо: на севере Западной Сибири, как и в Среднем Зауралье, преобладающей становится керамика с гребенчатыми узорами; в восточной части региона, в Приобье, прочерченно-накольчатая техника орнаментации играет значительно большую роль, а в лесостепном Прииртышье развивается керамика с гребенчато- и накольчато-ямочной орнаментальной схемой.

О связях с югом и проблеме генезиса таёжного неолита

Для решения вопроса о происхождении ранне-неолитических культур севера Западной Сибири необходимо учесть все доступные категории артефактов: керамику, каменный инвентарь и пр., а также характер построек.

Отчётливые южные черты керамики ранне-неолитических лесных культур вызвали к жизни гипотезу о миграциях степного населения в лесную зону. Ещё В.Н. Чернецов связывал генезис УЗС КО с кельтеминарской археологической культурой Приаралья, сходство с которой проявлялось, по его мнению, не только в орнаментации керамики, но и в каменном инвентаре (наличие орудий из пластин, в том числе наконечников стрел кельтеминарского типа с боковой выемкой). Тогда же эта гипотеза была подвергнута критике рядом специалистов, считавших, что складывание уральского неолита происходило преимущественно на местной основе, а особенности керамики объясняются её заимствованием с юга [21; 22]. В настоящее время установлено, что наконечники кельтеминарского типа характерны для памятников энеолитической шапкульской археологической культуры [23], но ни разу не встречены в стратифицированных комплексах неолитического возраста. Миграционной гипотезы придерживаются и некоторые современные исследователи.

Южные аналоги северной посуды неоспоримы. Однако их детализация по каждой из лесных культур выявляет разные источники южных “керамических” влияний: для кошжинской и боборыкинской археологических культур В.Т. Ковалёва считает таковыми памятники типа джангарских, сероглазовских и Бекбеке Северного и Северо-Восточного Прикаспия [6], а В.А. Зах – кельтеминарские Приаралья [7]; посуду поселения Чэстыыйт Е.А. Васильев также выводит из кельтеминарской традиции [9]; керамика быстринского типа сходна с завьяловской Верхнего Приобья [19] и посудой V горизонта поселения Тылтескенъ 2 предгорий Алтая [24].

Перечисленные северные и южные культурные образования разделены зоной урало-казахстанских степей. Работы последних десятилетий показали, что в неолите на этой территории развивались культуры, принципиально отличавшиеся от лесных характером каменного инвентаря (пластинчатые микролитические индустрии с обилием специальных форм, в том числе геометрических микролитов) и отсутствием стационарных углублённых жилищ, но сходные с ними по керамике: памятники джангарского и елшанского типов в Нижнем Поволжье [25], махаиджарская [26] и атбасарская [27] культуры в Северном Казахстане. По каменному инвентарю они относятся к южной «микролитической» культурной зоне, являют следы тесного взаимодействия с культурами Приазовья, Приаралья и Восточного Прикаспия, а по керамике представляют собой переходное звено между последними и лесным неолитом. Следует отметить, что керамика появля-

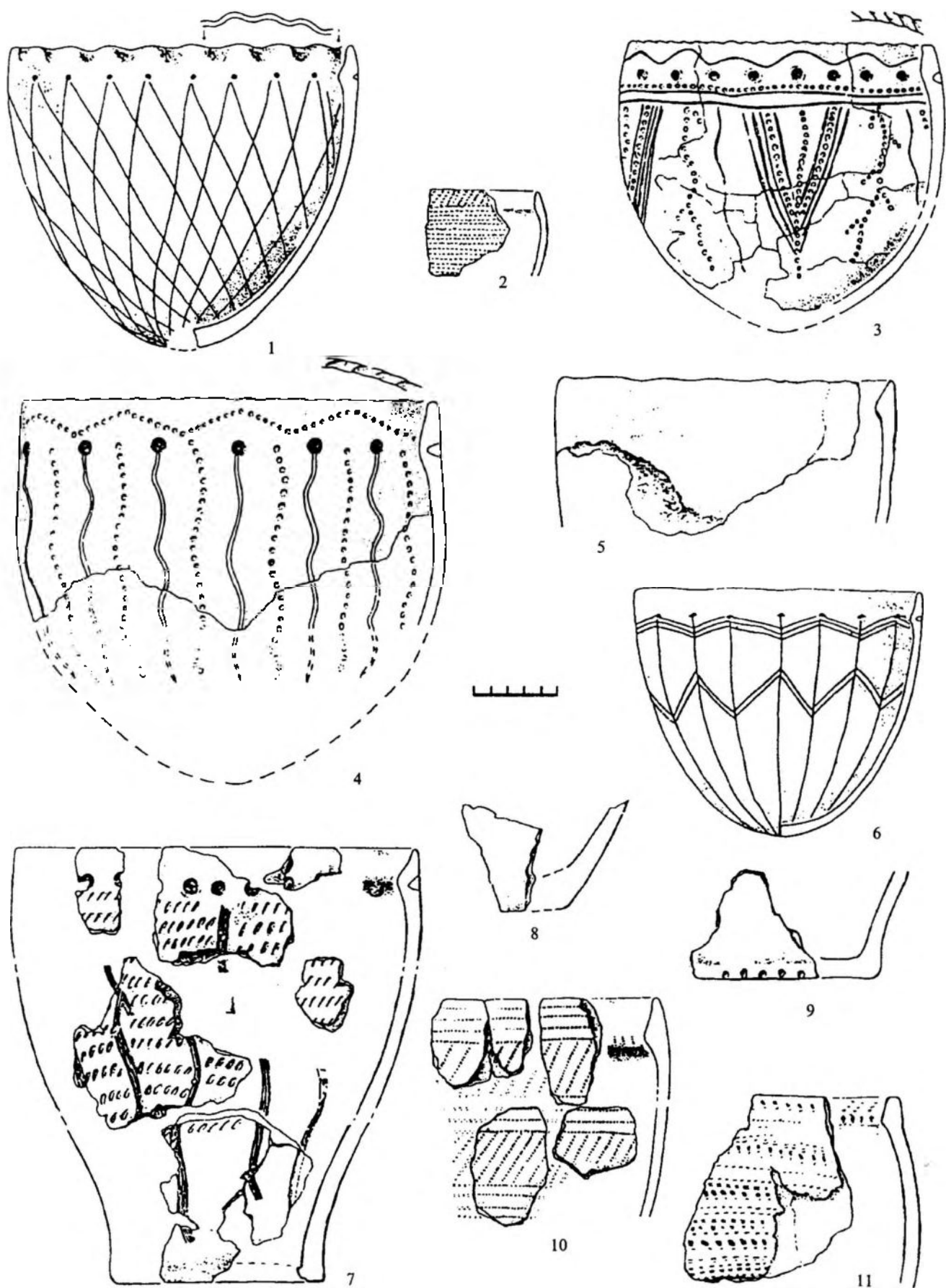

Рис. 3. Керамика амнинского типа. Городище Амня I (по В.М. Морозову, В.И. Стефанову)

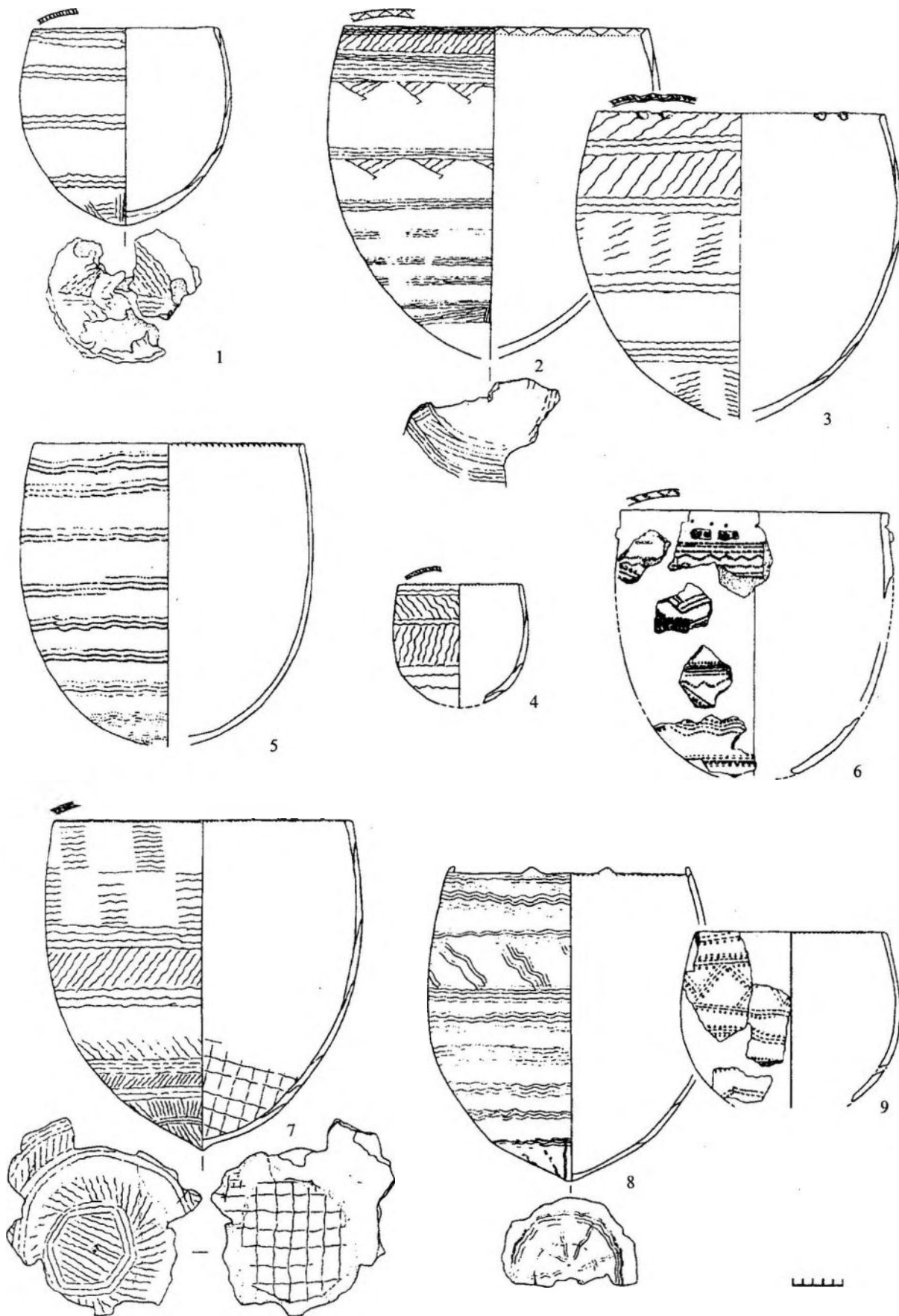

Рис. 4. Керамика быстринского типа. Поселение Быстрый Кульёган 66

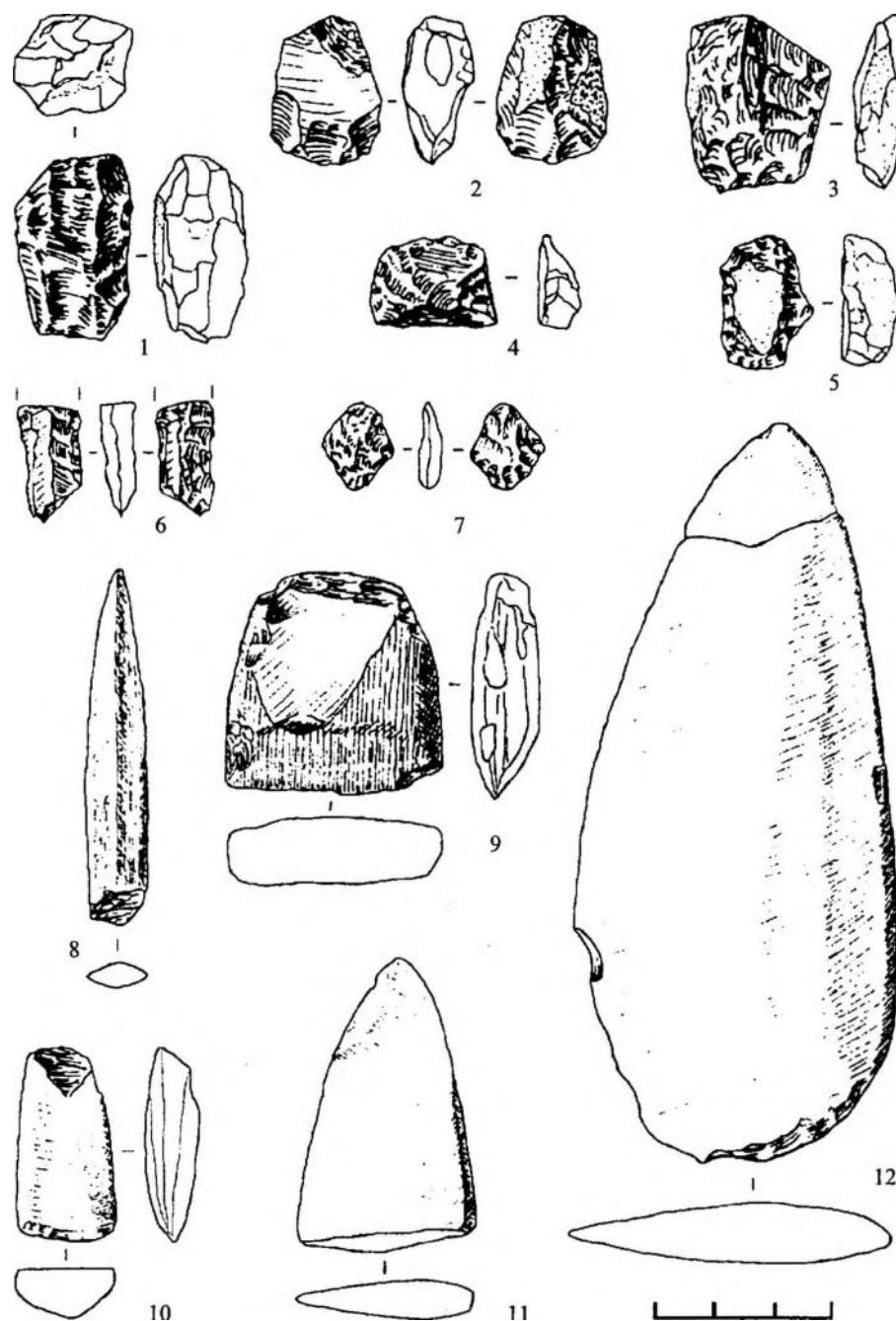

Рис. 5. Каменный инвентарь поселения Быстрый Кульёган бб:
 1 – нуклеус; 2, 3, 9, 10 – долотовидные орудия; 4, 5 – скребки; 6-8 – наконечники стрел; 11, 12 – ножи.
 1, 4, 6, 7 – кварц; 2 – алевродит; 3, 5 – кремнистая порода; 8-12 – сланцы

ется в степной зоне уже с рубежа VII - VI тыс., то есть значительно раньше, чем в лесной. Таким образом, рассматривая южные связи северного неолита, нельзя игнорировать промежуточную зону степных и отчасти лесостепных культур. Всю проблему, видимо, необходимо решать в контексте взаимодействий двух крупных культурных областей: северной – лесной и южной – степной.

Керамика культур урало-западносибирской культурной общности не повторяет полностью предполагаемые исходные образцы, обладая целым рядом своеобразных признаков. Именно этим обстоятельством можно объяснить расхождения между В.Т. Ковалёвой и В.А. Захом в поисках генетических истоков боборыкинской археологической культуры (см. выше). Следовательно, южные гончарные традиции выступают уже в изменённом и переработанном виде. Кроме того, культуры южного круга – возможные источники миграционных импульсов (например, джангарские и кельтеминарские памятники) – в хронологическом отношении зачастую оказываются синхронными северным.

Большинство таёжных культур раннего неолита занимает территории, заселение которых началось ещё в позднем мезолите. В настоящее время мезолитические поселения исследованы в бассейне р. Конды, на

территории, которую в раннем неолите занимала сумпаньинская археологическая культура [28]. Отдельные памятники открыты на левобережье Нижней Оби вплоть до Салехарда [29; 30] и в истоках Пякупура [31]. Следы мезолита выявлены и в Среднем Приобье – под Сургутом и в бассейне р. Васюган. Все они характеризуются микропластинчатой индустрией без геометрических форм, что позволяет включить их в состав мезолитической урало-западносибирской культурной общности наряду с памятниками Северного и Среднего Приуралья, Среднего Зауралья, Среднего Прииртышья и предгорий Алтая [32]. В мезолитических комплексах зафиксированы использование кварцевого сырья и характерные для него приёмы контрударного расщепления, появление техники пикетажа и шлифования. Примечательно, что границы этой общности и последующей раннеолитической практически совпадают. На раскопанных мезолитических поселениях Конды исследованы жилища-полуземлянки, типологически близкие раннеолитическим, в том числе и жилища, частично окружённые канавками [28].

Таким образом, традиции таёжного мезолита являются либо генетическим истоком раннеолитических каменных индустрий и домостроительства, либо субстратом для вновь пришедшего населения. Первый вариант кажется предпочтительным, поскольку камнеобработка раннего неолита полностью адаптирована к особенностям местного сырья и не проявляет каких-либо явных следов привнесённых, хотя бы лесостепных, инноваций. Исключением является лишь амнинский культурный тип с плоскодонной керамикой, в котором "северный" набор инвентаря сопровождается микропластинчатой группой. Повторяют ли эту особенность кошкинский и сатыгинский типы, неизвестно, т.к. их чистые комплексы не выявлены.

Сторонники гипотезы дальних сквозных и быстрых миграций степных групп в лесную зону совершенно не рассматривают характер и масштабы таких переселений. Предполагается, что причиной могли послужить неблагоприятные экологические изменения в степной зоне. В отношении Приуралья и южного Казахстана это, по меньшей мере, спорно. Напротив, неолитическое время на данной территории совпадает с периодом длительного пювиала, характеризовавшимся более прохладным и влажным климатом, чем современный [33]. Наконец, предполагаемое достаточно быстрое перемещение из районов южных степей в тайгу представляется едва ли возможным для неолитической эпохи, поскольку такая смена ландшафтных зон требует длительной социально-экономической и психологической адаптации переселенцев.

Полагаю, что механизм взаимодействия Севера и Юга был сложен, а характер связей многообразен и включал не только миграции. Миграционную гипотезу сегодня можно принять лишь для боборыкинской археологической культуры, с влиянием которой связывают формирование амнинского, кошкинского и сатыгинского культурных типов. Южные черты проявляются не только в боборыкинской керамике, но и в каменном инвентаре; период существования традиции достаточно длителен, удаётся проследить её видоизменение в процессе продвижения на север; чётко обозначен путь этой миграции – по восточным склонам Урала (левобережье Тоболо-Иртышско-Обской речной системы). Однако исходный район – место формирования боборыкинской археологической культуры – лежит скорее всего в лесостепном Притоболье, поскольку южнее, в степных районах, локализируются махацджарская и атбасарская культуры южного круга.

В остальных случаях, видимо, следует рассматривать продвижение керамики на север как результат культурной диффузии, т.е. как поэтапное заимствование готовой технологии всё более северными группами населения УЗС КО – последнюю стадию процесса, начавшегося ещё в период неолитической революции на Ближнем Востоке. Передающими звеньями этой культурной инновации из степей должны были служить культуры южной (лесостепной) части её ареала. Признаки тесного взаимодействия лесостепных культур с соседними степными отмечают все исследователи.

Предлагаемая модель позволяет допускать, что миграции в раннем северном неолите имели характер медленного расселения лесных и, видимо, лесостепных групп в процессе освоения новых промысловых территорий.

В заключение стоит обратить внимание на явные параллели в характере раннеолитической керамики урало-западносибирской культурной общности и некоторых культур центра и северо-востока Европейской России – волго-камской накольчатой керамики Среднего Поволжья [17], верхневолжской [34], чернорборской европейского Северо-Востока [18] и др. Вряд ли в данном случае можно предполагать генетические связи европейских и урало-западносибирских традиций; скорее, мы имеем дело с результатом сходного в своей основе процесса неолитизации лесных культур Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. 1953.
2. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
3. Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
4. Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
5. Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
6. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1991.
7. Зах В. А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень, 1995.
8. Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

9. *Васильев Е. А.* К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докладов. Барнаул, 1991.
10. *Косинская Л. Л.* Связи в неолите Европейского Северо-Востока и Западной Сибири // Коренные этносы Севера европейской России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сборник статей. Сыктывкар, 2000.
11. *Калинина И. В., Гаджиева Е. А.* Архаические орнаменты для керамики // Ad Polus. Памяти Л. П. Хлобыстина. СПб., 1993. (Археологические изыскания. Вып. 10).
12. *Морозов В. М., Стефанов В. И.* Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
13. *Васильев Е. А.* Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
14. *Хотинский Н. А.* Голоцен северной Евразии. М., 1977.
15. *Гаджиева Е. А.* Неолит бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
16. *Хлобыстин Л. П.* Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Polus. Памяти Л. П. Хлобыстина. СПб., 1993. (Археологические изыскания. Вып. 10).
17. *Выборнов А. А.* Неолит Прикамья. Самара, 1992.
18. *Косинская Л. Л.* Неолит // Археология республики Коми. М., 1997.
19. *Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
20. *Посредников В. А.* Большепеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.
21. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Л., 1966.
22. *Формозов А. А.* О роли Закаспийского и Приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1.
23. *Старков В. Ф.* Стоянка Шалкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
24. *Косинская Л. Л.* Памятники быстринского культурного типа в Сургутском Приобье // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сборник научных трудов. Сургут, 2001.
25. *Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
26. *Логвин В. И.* Каменный век Казахского Приобья. Алма-Ата, 1991.
27. *Зайберт В. Ф.* Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.
28. *Беспозванный Ф. М.* Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.
29. *Погодин А. А.* Новые данные по мезолиту таежной зоны Западной Сибири // Развитие культуры в каменном веке. СПб., 1997.
30. *Хлобыстин Л. П.* Находки близ г. Салехард // КСИА. Вып. 189. 1987.
31. *Погодин А. А.* О времени заселения человеком северо-востока западной Сибири // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1987.
32. *Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.* Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).
33. *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Изменения климата и ландшафтов междуречья Амударьи и Сырдарьи (по археологическим и палеогеографическим материалам) // Аральский кризис. М., 1991.
34. *Костылева Е. Л.* Раннеэнеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.

*Уральский государственный университет,
Екатеринбург*

L.L. Kosinskaya

THE NEOLITHIC OF NORTHWESTERN SIBERIA: GENESIS AND CONNECTIONS

Summary

The Early Neolithic of North-Western Siberia gives evidence of several cultures and cultural types dated to about 6900-5750 BP, which were a part of the Ural-West Siberian cultural community. Types of northern semi-pit dwellings and stone industries with a lot of polished tools and flake knapping seem to have inherited native Mesolithic traditions. On the contrary, the ceramics bear southern features such as flat-bottomed vessels, some ornamental patterns and analogies laying as far as the North-Caspian and the Aral Sea areas. Hypothesis of the long-way migrations from the far South into taiga regions seems to be not quite convincing so far. Interaction between forest and steppe cultural worlds could have taken place most likely through the intermediate forest-steppe cultures, such as Boborykino one. Its migration rout can be traced downwards to the Tobol, the Irtysh and the Ob' Rivers, and its influence is rather distinctly observed within some of the Neolithic cultural types.

*The Ural State University
51, Lenin Av., Ekaterinburg,
620083, Russia*

Л.Л. Косинская

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ЧЕРНОБОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам поселения Чёрная Вадья на Нижней Вычегде)

Черноборская археологическая культура (далее АК) охватывает обширную территорию европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) от правобережья Северной Двины до Печоры и от поречья Вычегды до Тимана и Большеземельской тундры. По особенностям керамики и каменного инвентаря она представляется своего рода северо-восточным аналогом ранне-неолитической верхневолжской культуры и, подобно последней, в среднем неолите сменяется культурой с ямочно-гребенчатой керамикой [1, с. 146-211].

Поселение Чёрная Вадья (ранний комплекс) атрибутировано как один из древнейших памятников черноборской АК. Оно расположено на левобережье Вычегды в Усть-Вымском районе Республики Коми, на границе с Архангельской областью. Открыто в 1987 г. археологической экспедицией Национального музея Республики Коми под руководством автора, исследовалось в 1988-89 гг. Памятник неординарен во многих отношениях. В первую очередь привлекает внимание его топография. Он находится в глубине заболоченной надпойменной террасы, в 1,5-2 км от современного русла Вычегды. Обширный болотный массив расчленён редкими суходольными гривами широтной ориентации, поросшими сосновым лесом. На одной из них и расположено поселение. Ширина гривки не превышает 20 м, высота – 1,5-2 м от уровня окружающего торфяного сфагнового болота с угнетённым сосняком (рис. 1).

Памятник заселялся неоднократно. Раскопом в 138 кв. м выявлены остатки трёх жилищ: раннего (черноборская АК) и двух более поздних, вероятно, среднего или позднего неолита¹. Примечательно, что культурный слой распространяется за пределы жилищ, указывая на обитаемость поселения в тёплые сезоны или круглый год. Памятник хорошо стратифицирован, а находки в северных участках раскопа у подножия суходола позволяют надеяться на выявление шлейфа культурного слоя и в болотных отложениях.

Подзолистая почва суходола залегает на слоистом глинисто-песчаном материке. Под маломощным (до 10 см) супесчаным подзолом прослеживаются два литологически выраженных иллювиальных подгоризонта: тёмно-жёлтый суглинистый (мощность 4-20 см) и жёлтый супесчаный (5-15 см) с редкими включениями мелкой гальки. Последний отделён от материка переходным горизонтом жёлтой супеси (5-20 см) с прослойками и линзочками красноватой глины. У подошвы суходольной части гривы почвенный профиль имеет выраженные признаки оторфованности и оглеенности. Культурный слой в межжилищном пространстве тяготеет к верхней части иллювиального горизонта (10-20 см от поверхности); отдельные находки залегают в подзоле и нижней части иллювия вплоть до материка. Заполнение раннего жилища I отличается сероватым оттенком за счёт углистых включений, меньшей плотностью по сравнению с межжилищным пространством, содержит пятна и мелкие кусочки охры.

Жилище I, площадью около 60 кв. м, имело слабоуглублённый (до 0,3 м от верха погребённого подзола) котлован подчетырёхугольной формы с обширным выступом с восточной стороны (рис. 2). Планиграфия столбовых ямок и неровные очертания стенок котлована указывают на каркасно-столбовую конструкцию сооружения. В западной половине жилища прослежено подпрямоугольное углубление размерами 3,4×3,0 м, с широким коридорчиком, направленным на север. Последний, вероятно, маркирует выход. В углублении располагались очажная яма I с отходящей от неё неглубокой канавкой и крупный останец материкового песка. В восточной части к очажной яме II примыкала глубокая хозяйственная яма 35, пол вокруг них был также слегка углублён. Обе очажные ямы подпрямоугольные, 0,6-0,7 м в поперечнике, слегка впущены в пол котлована. Яма I заполнена буро-коричневым углистым суглинком и серо-коричневой золистой супесью; на дне – линза угля, перекрытая мощным слоем яркого, возможно, с примесью охры, прокала. Заполнение ямы II – красновато-бурый углистый суглинок с большим количеством обожжённых очажных камней. Отметим попутно, что керамика залегала только в очаге I и вокруг него, а в очаге II и рядом с ним обнаружены мелкие фрагменты кальцинированных костей². Большая часть орудий залегала в западной камере. Эти наблюдения позволяют предполагать некоторую специализацию западной и восточной частей жилища.

¹ Из-за ограниченного объёма статья материал позднего комплекса не рассматривается.

² П.А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН) определены позвонок лося, тазовая и лучевая кости двух особей бобра.

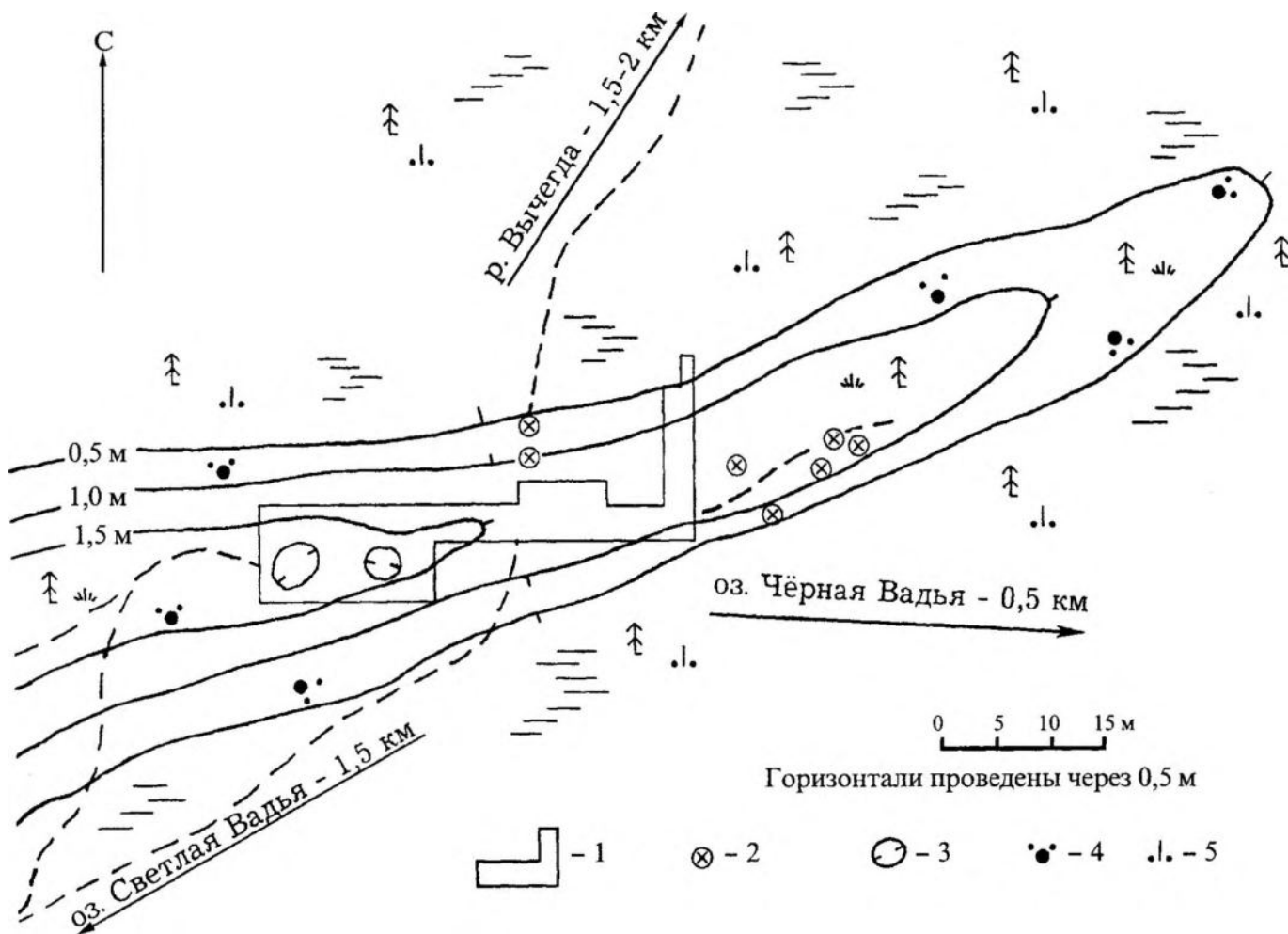

Рис. 1. Поселение Чёрная Вадья. План.

1 – раскоп 1988-89 гг.; 2 – подъемный материал; 3 – западины; 4 – кустарнички; 5 – мхи (гипновые, сфагновые)

Особый интерес вызывает яма 30, примыкающая к пему с севера: овальная, корытообразная в разрезе, длиной 2,1 м. Плоское дно ямы, опущенное до верхней прослойки материковой глины, покрыто слоем малиново-красной охры; в верхней части заполнения найдено несколько кремнёвых пластинок.

К комплексу жилища 1 относится большинство находок, залегающих в самом жилище и рядом с ним, а также часть инвентаря с восточных участков раскопа.

Керамика (17 фр.) принадлежит двум-трем непрофилированным сосудам, изготовленным из плотного теста с примесью шамота и мелкого песка; формовка производилась методом ленточного налёпа встык. Поверхность красноватого цвета, гладкая и подтощённая, толщина стенок 6-9 мм. Разреженный орнамент состоит из горизонтальных и наклонных рядов каплевидных наколов, нанесённых в манере, близкой технике отступающей палочки (рис. 3: 1, 2) и ложного шнура, а также неглубоких ямчатых вдавлений (рис. 3: 3). Под венчиком одного сосуда имеется ряд глубоких овальных ямок.

Каменный инвентарь раннего комплекса достаточно уверенно вычленяется по характеру сырья, в качестве которого использовались небольшие гальки цветного кремня: белого и серого, розового, красного, жёлтого, а также кварцит. Состав коллекции (без чешуек) приводится в таблице 1.

Технику расщепления можно охарактеризовать как пластинчато-отщеповую. Нуклеусы – конусовидные и подпризматические с одной и двумя противоположными площадками – отличаются укороченными пропорциями и неправильным ограничением. Большинство – сработанные экземпляры. Ударные площадки обычно фасетированы (рис. 3: 4-7). Отщепы по большей части мелкие (до 30 мм в поперечнике). Около половины пластин – неправильного ограничения. Ширина пластин варьирует от 4 до 30 мм, преобладают узкие (5-10 мм) и средней ширины (10-15 мм). За редким исключением все они фрагментированы, причём среди сечений 58% – короткие и только 18% – длинные.

Орудийный набор раннего комплекса весьма разнообразен. Орудий на пластинах и отщепах примерно поровну – 40,4% и 39,6% соответственно, 7% изготовлены из пластинчатых отщепов и 13% приходится на прочие типы заготовок: главным образом, обломки нуклеусов и технические сколы. Основной приём вторичной обработки – краевое ретуширование, чаще дорсальное. Пологая, заходящая на грани ретушь изредка применялась при изготовлении скребков и наконечников. Использовалась и техника резцового скола.

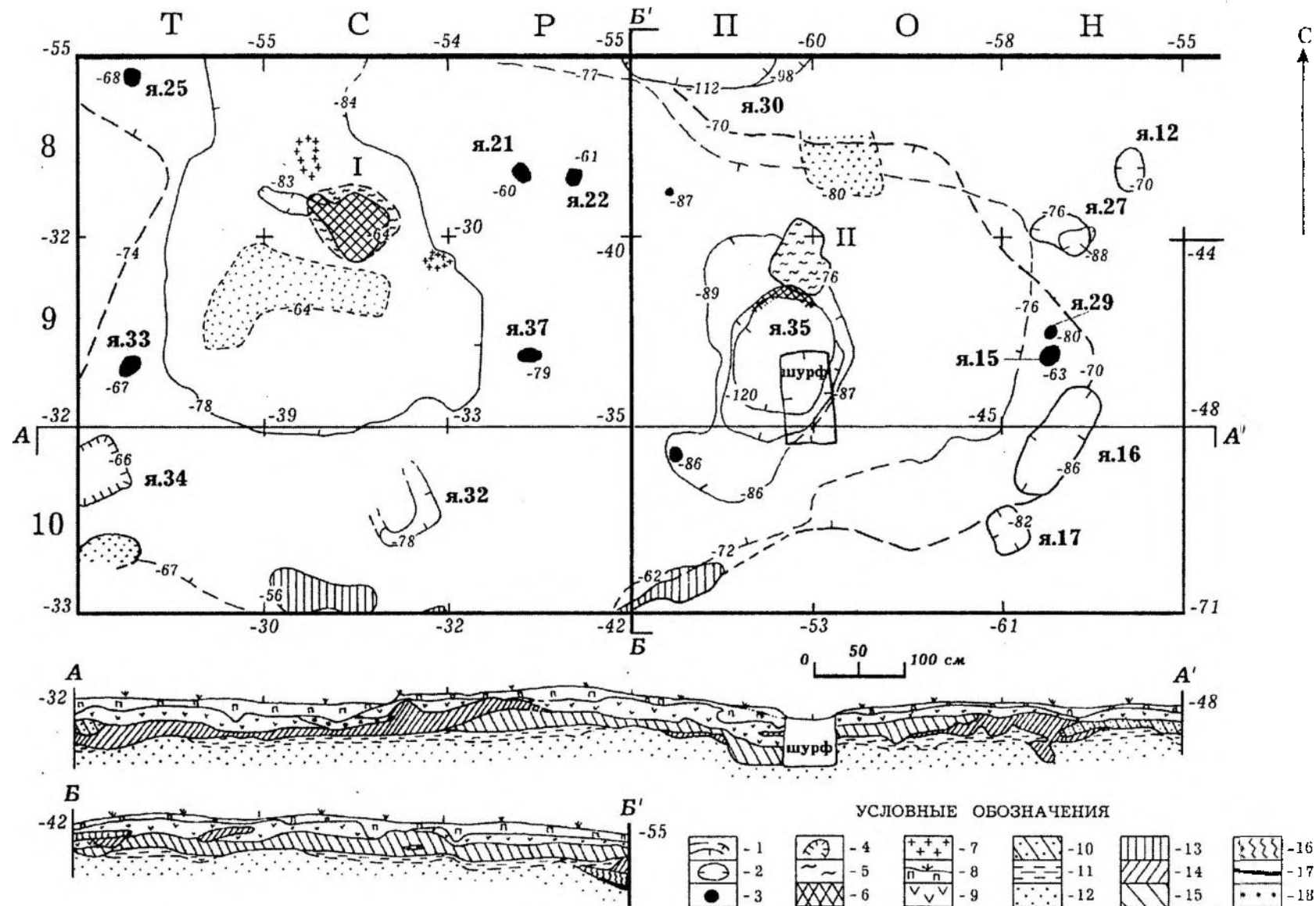

Рис. 2. Поселение Чёрная Вадья. План и разрезы жилища I в западной части раскопа.
 1 – контуры жилища I; 2 – ямы; 3 – столбовые ямки; 4 – яма позднего комплекса; 5 – очажный слой; 6 – прокол; 7 – угольки; 8 – белёная супесь (подзол); 9 – темно-жёлтый иллювиальный суглинок; 10 – жёлтая иллювиальная супесь; 11 – жёлтая супесь с прослойками красноватой глины – переходный горизонт; 12 – светло-жёлтый материковый песок с прослойками красноватой глины; 13 – жёлто-белая пестроцветная супесь (погребённый подзол); 14 – желтовато-серая супесь/суглинок; 15 – жёлтая супесь с уголками; 16 – коричнево-жёлтая супесь; 17 – малиново-красная охра; 18 – темно-коричневый суглинок

Таблица 1. Поселение Чёрная Вадья. Каменный инвентарь раннего комплекса

Группы	Категории		Неути- лизо- ванные	Со срабо- тanno- стью	Со вторичной обра- боткой	Всего
А Сырьё и продукты первичного расщепления	1	гальки, желваки	3	-	5	113
	2-3	гальки, желваки и их обломки с негативами сколов	22	-	-	
	4	аморфные куски	12	-	-	
	5	первичные отщепы	60	1	4	
	6	первичные пластины	4	1	1	
Б Нуклеусы и технические сколы	7	нуклеусы	46	-	2	181
	8	обломки нуклеусов	42	-	-	
	9	продольные сколы с нуклеусов	35	4	4	
	10	поперечные сколы с нуклеусов (сколы с площадок)	14	2	2	
	11	сколы с частью ударной площадки нуклеуса (краевые сколы)	9	1	-	
	12	ребристые пластины и сколы	14	2	4	
В Прочие продукты расщепления	ПЛАСТИНЫ ПРАВИЛЬНЫЕ					340
	13	целые	8	4	2	
	14	проксимальные и дистальные части	41	20	35	
	15	сечения	13	25	48	
	ПЛАСТИНЫ НЕПРАВИЛЬНОГО ОГРАНЕНИЯ					
	16	целые	32	7	3	1001
	17	проксимальные и дистальные части	52	10	15	
	18	сечения	4	8	10	
	19	обломки пластин	-	1	2	
	20	пластинчатые отщепы	80	8	20	
	21	отщепы	452	47	51	
	22	осколки	243	23	71	
	23	прочие	-	-	6	
ВСЕГО:			1186	164	285	1635

Наиболее многочисленная типологическая категория орудий – ножи и вкладыши (87 экз.), изготовленные, главным образом, из пластин. Более трети – проксимальные (редко – дистальные) части, длинные и средние сечения довольно крупных пластин с некрутой ретушью по краю – могли использоваться как цельные ножи (рис. 4: 26-30; 5: 1, 2). Остальные – сечения узких и средней ширины пластин, преимущественно короткие, – вероятно, служили вкладышами (рис. 4: 16-20, 22, 23). Четыре сечения обработаны пильчатой краевой ретушью, у двух из них на конце оформлено скошенное остриё (рис. 4: 23-25). Основным типом заготовок для скребков (58 экз.), напротив, служили отщепы. Из них изготовлены однолезвийные концевые и округлые скребки (рис. 3: 8, 9), подпрямоугольные двух- и трёхлезвийные (рис. 3: 11, 12), стрельчатые (рис. 3: 10, 13), боковые; встречаются комбинированные ножи-скребки, ножи-скобели. На пластинах изготовлено несколько концевых скребков (рис. 4: 1-4). Значительно число обломков рабочих частей скребков – 16 экз. Найдено также два скребла с продольными лезвиями, изготовленные из крупного кремнёвого отщепа и обломка кварцита. Правда, их принадлежность к раннему комплексу вызывает некоторые сомнения. Небольшую серию составляют микроскребки (13 экз.) с узкими дуговидными лезвиями на массивном конце заготовки (рис. 5: 4-6, 8). Резцы (34 экз.) – одинарные и двойные на углу слома заготовки (рис. 4: 5-11); большинство изготовлено из фрагментов пластин, 6 экз. – из осколков и отщепов. Резцовые сколы обычно миниатюрные, часто дополнены краевой ретушью по тому же или противоположному боковому краю (рис. 4: 12, 14, 15). Изделия с выемками – чаще отщепы (рис. 4: 13) – немногочисленны (11 экз.) и не образуют устойчивой типологической серии. Среди них примечательна пластинка «с выделенной головкой», парные выемки которой оформлены противоположной краевой ретушью (рис. 5: 12). Острия (8 экз.) разнообразны: скошенное остриё на длинном сечении пластины (рис. 5: 17); проколки – на пластине с длинным симметричным остриём и на отщепах, с короткими жалынами на углу заготовки (рис. 5: 18, 19); свёрла на отщепах с короткой массивной рабочей частью, выделенной дорсальной и противоположной краевой ретушью (рис. 5: 13, 20). У резчиков (5 экз.) рабочий край оформлен крутой притупляющей ретушью на узком конце массивной заготовки (рис. 5: 21, 22). Наконечники стрел – небольших размеров, представлены обломками насадов (2 экз.). Один имел, вероятно, ромбическую форму, второй – листовидную. Обработаны неполной двусторонней

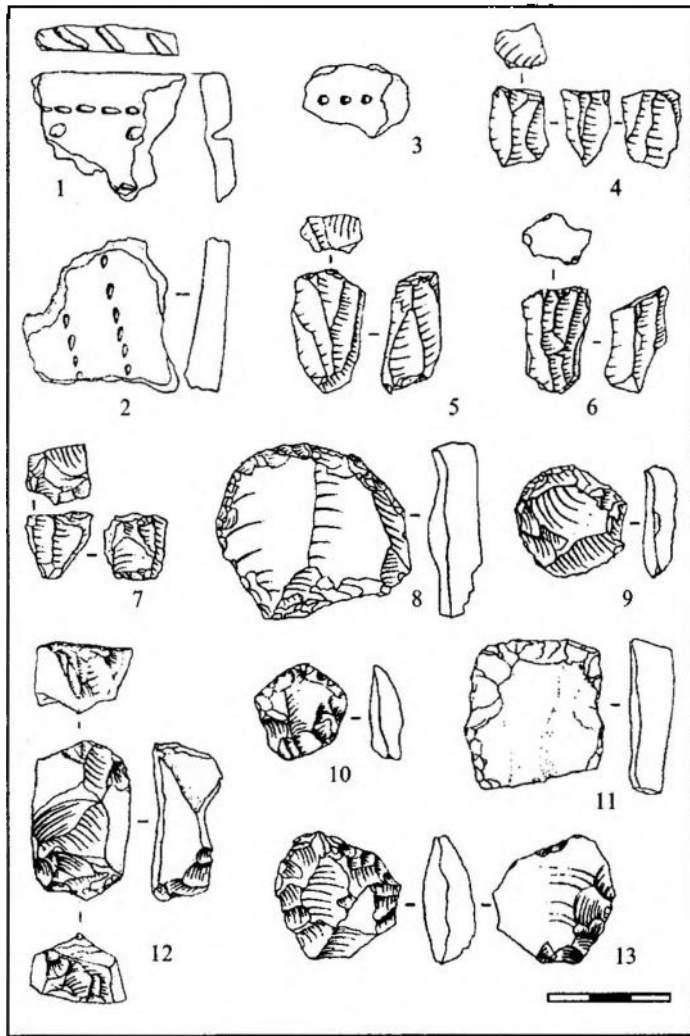

Рис. 3. Поселение Чёрная Вадья.
Керамика и кремнёвый инвентарь:
1-3 – керамика; 4-7 – пуклеусы; 8-13 – скребки

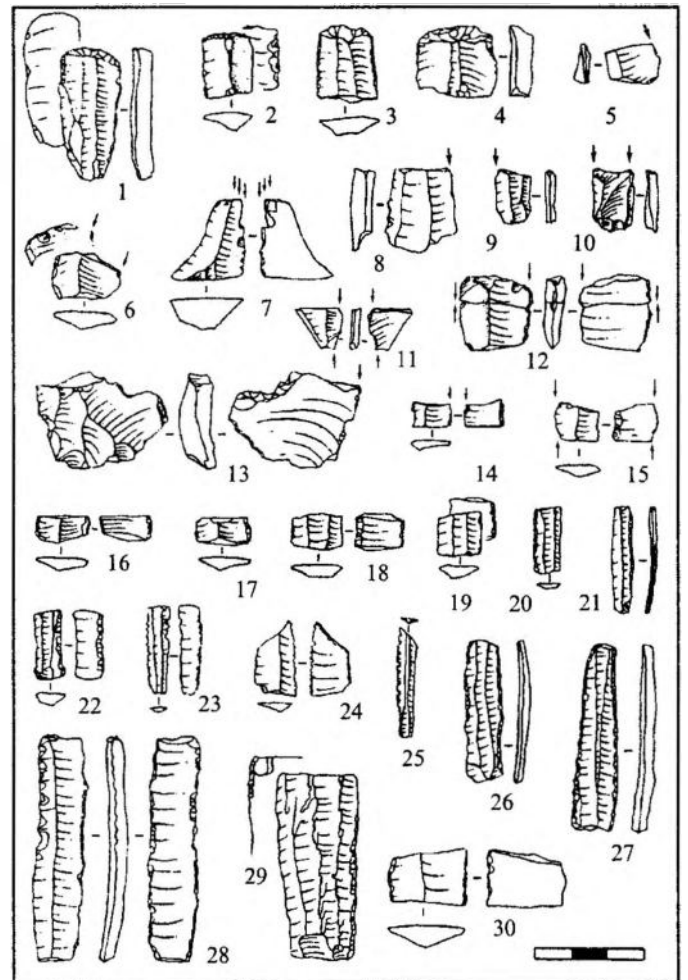

Рис. 4. Поселение Чёрная Вадья.
Керамика и кремнёвый инвентарь: 1-4 – скребки;
5-11 – резцы; 12, 14, 15 – сечения с ретушью и
резцовыми сколами; 13 – комбинированный резец-
скребель; 16-20, 22, 23 – сечения с ретушью; 21 –
пластинка с ретушью; 24-25 – скошенные острия
с пильчатой ретушью; 26-30 – ножи на пластинах

заходящей ретушью (рис. 5: 9, 10). Технику изготовления наконечников иллюстрируют две заготовки из плоских кремнёвых галек с крупной двусторонней ретушью (рис. 5: 11). Коллекцию изделий дополняют невыразительное долотовидное орудие на обломке нуклеуса (рис. 5: 23), ретушёр на отщепе, а также обломки и осколки орудий на отщепах (43 экз.). Значительная часть пластин, отщепов и прочих видов сколов без вторичной обработки несёт следы сработанности в виде выкрошенности и замятости кромок, но их трасологическое исследование не проводилось. Небольшую серию составляют отбойники из округло-уплощённых кварцевых галек. Кроме того, в жилище найдена расколотая пополам плитка сланца.

Малочисленность керамики раннего комплекса Чёрной Вадьи, как и большинства остальных чернорборских памятников, делает её малоинформативной и не даёт представления о степени её вариабельности. По основным технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам керамика раннего комплекса проявляет большее сходство с посудой стоянок Прилукская [2, с. 19] и Чернорборская III [3, с. 97-98], но отличается присутствием ложношнурового и близкого отступающему орнамента. По этому и остальным признакам она сопоставима с верхневолжской керамикой раннего и, возможно, среднего этапов [4, с. 53; 5, с. 123].

Гораздо более полные выводы даёт анализ каменного инвентаря. Характерные особенности кремнёвой индустрии раннего комплекса поселения Чёрная Вадья, определяющие его специфику, заключаются, на наш взгляд, в следующем:

1. Характер сырья – низкокачественный галечный кремль, небольшие размеры галек.
2. Техника расщепления направлена на получение как пластин, так, видимо, и отщепов. Поскольку доля орудий из отщепов, пластинчатых отщепов, осколков с остатками галечной корки на спинке гораздо выше, чем орудий из пластин с коркой (21-25% и 6% соответственно), можно полагать, что значительная часть непластинчатых сколов-заготовок была получена на стадии изготовления нуклеусов и начального их использования. Специфическими типами нуклеусов под пластины являются укороченные подпризматические

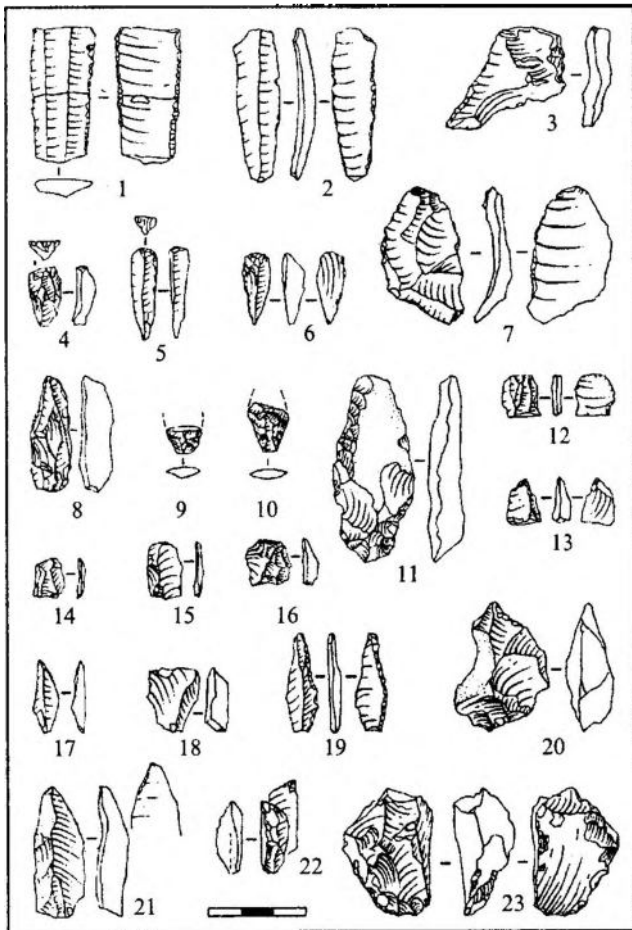

Рис. 5. Поселение Чёрная Вадья.

Кремнёвый инвентарь:

- 1-3, 7 – ножи; 4-6, 8 – микроскребки;
 9, 10 – наконечники стрел; 11 – заготовка
 наконечника; 12 – пластина с «выделенной
 головкой»; 13, 20 – свёрла; 14-16 – пластинки с
 усечённым ретушью концом; 17 – скошенное
 остриё; 18, 19 – проколки; 21, 22 – резчики;
 23 – долотовидное орудие

пильчатым краем, наконечников стрел и даже способ их изготовления из неболших галек (тонкие бифасы). Благодаря успехам последнего десятилетия в изучении многослойных стратифицированных памятников бассейна Верхней Волги, эти аналогии более точны и хронологически сужены и касаются, скорее, памятников раннего этапа верхневолжской культуры, таких как Замостье 2 [9, с. 86-103], Озерки 5 (III культурный слой) [10, с. 123], Окаёмово 18 (нижний культурный слой) [11, с. 167], Шадрино IV [12, с. 56-60], а не среднего [5, с. 76-95]. Отличие Чёрной Вадьи от верхневолжских стоянок проявляется в отсутствии рубящих орудий, большей доле пластинчатой техники и в некотором различии типологии каменных изделий.

Учитывая и сходство керамики, естественно задаться вопросом: какова роль верхневолжских традиций в формировании черноторской археологической культуры? При обсуждении этого вопроса следует рассмотреть два взаимосвязанных аспекта: позднемезолитическую основу, на которой могла сформироваться кремнёвая индустрия раннего комплекса Чёрной Вадьи, и истоки её керамического производства.

Мезолитические памятники европейского Северо-Востока относятся к двум культурным традициям – приуральской (средневыгодская культура) и западной (парчевская культура) [13, с. 91-145]. Последняя, по мнению А.В. Волокитина [13, с. 116], как и бутовская, генетически связана с ранней кундской культурой. Позднемезолитические выгодские памятники типа Ветью II сочетают черты обеих традиций. Именно с поздними памятниками парчевской культуры (топыднюрская хронологическая группа) и памятниками типа Ветью II сопоставимы в наибольшей степени материалы поселения Чёрная Вадья. Жилища топыднюрской группы – наземные, с центральным очагом, насыщенным камнями [14]. Отметим сходство в технике расщепления, метрических характеристиках пластин и сечений, в типологическом составе инвентаря и такой специфической особенности, как фрагментация орудий. Таким образом, кремнёвую индустрию Чёрной Вадьи вполне можно рассматривать как следующий, раннеэнеолитический, этап в развитии поздних парчевс-

и конусовидные. Их неправильная огранка соответствует значительной доле неправильных пластин в комплексе. Пластины имеют тенденцию к некоторому укрупнению по сравнению с большинством мезолитических выборок европейского Северо-Востока [6, с. 40], что проявляется в соотношении числа микропластин (3,5%), узких (37,7%), средних (35,0%) и широких (23,8%) пластин.

3. Избирательность типов заготовок для некоторых категорий орудий: отщепы и мелкие гальки – для скребков и накопечников стрел, пластины – для ножей, вкладышей и резцов. Судить о приоритетах для остальных категорий сложно из-за их малочисленности. Кроме того, в качестве заготовок широко использовались обломки нуклеусов и технические сколы.

4. Развитая вкладышевая техника с преобладанием коротких сечений; наличие некоторых мезолитических типов орудий – резцов на углу слома заготовки, скошенных острий, микроскребков.

5. Появление приёма плоского, в т.ч. двустороннего ретуширования, который применяется к накопечникам стрел и, изредка, – к скребкам.

6. Большое число обломков и осколков скребков и других орудий заставляет предполагать намеренную их фрагментацию (рис. 4: 7, 11, 12; 5:1).

Перечисленный набор признаков полностью повторяется на стоянке Кочмас А [7, с. 4-20], расположенной выше по течению Вычегды. Сходство проявляется не только в качественном составе, но и в количественном соотношении категорий инвентаря: парные коэффициенты сходства обеих выборок колеблются от 85% (распределение пластин по ширине) до 97% (соотношение орудий на пластинах и отщепках). Значительно сходство инвентаря Чёрной Вадьи со стоянками Дутово I [8, с. 4-16] и Прилукская. Однако заметны отличия в типологии наконечников стрел, индексе пластинчатости орудий и размерах пластин. В ряду перечисленных памятников инвентарь поселения Чёрная Вадья выглядит наиболее архаичным, мезолитоидным. Именно поэтому памятник был отнесён к началу раннего этапа черноторской культуры [1, с. 161].

Не меньше аналогий рассматриваемому комплексу обнаруживается в ранних памятниках верхневолжской культуры: сочетание пластинчатой и отщеповой техники, типы нуклеусов, скребков, скошенных острий, вкладышей с

ких и, возможно, смешанных (группа Ветью II) традиций. Их отдалённое генетическое родство с бутовской культурой объясняет сходство раннеолитического кремнёвого инвентаря обоих районов, развивавшихся в сходных направлениях. В отличие от Верхнего Поволжья дальнейшая эволюция черноборской камнеобработки привела к сохранению крупнопластинчатой техники [1, с. 163-164].

Некоторую проблему представляют характерные черноборские наконечники стрел, развившиеся из типов, близких оленеостровским [8]. На памятниках топыднюрской группы, в отличие от ранних парчевских, наконечники стрел отсутствуют, на Чёрной Вадье они единичны и отличаются по типологии. Правда, эта черта может быть и случайной (в силу хозяйственных особенностей исследованных комплексов). Однако не исключено, что в складывании черноборской культуры участвовал ещё какой-то компонент западного происхождения, отличный от бутовского.

Что касается керамики Чёрной Вадьи, то её сходство с тычково-накольчатой посудой верхневолжской культуры неудивительно и даже закономерно. Автор придерживается концепции единого культурного пространства, сформировавшегося в отдалённо-родственной среде позднемезолитического и раннеолитического населения лесной зоны Восточной Европы. Разнообразные формы культурных связей в этой среде должны были обеспечивать достаточно быстрое распространение инноваций, одной из которых явилась раннеолитическая керамика.

Если изложенная концепция формирования черноборской археологической культуры близка к истине, то поселение Чёрная Вадья можно в целом синхронизировать с ранними комплексами верхневолжской культуры и датировать рубежом VI-V -- началом V тыс. до н.э. (около 7000 л.н.). Дальнейшие исследования памятника должны дать ответ на этот и многие другие вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Верещагина И.В. Ранний неолит на Северной Двине // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 6).
3. Лузгин В.Е. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы // МИА. № 172. 1973.
4. Костылева Е.Л. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
5. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1. М., 1997.
6. Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 13).
7. Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка Кочмас на Нижней Вычегде // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
8. Дутово 1 – памятник раннего неолита на Средней Печоре / А.В. Волокитин, В.Н. Карманов, Л.Л. Косинская, И.В. Сажин // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1999. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16).
9. Гиря Е.Ю., Лозовский В.М., Лозовская О.В. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
10. Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг. // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
11. Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
12. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. Раннеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. 1988.
13. Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
14. Волокитин А.В., Косинская Л.Л. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. Препринт. / Научные доклады Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 414. Сыктывкар, 1999.

*Уральский государственный университет,
Екатеринбург*

L.L. Kosinskaya

ON THE PROBLEM OF GENESIS OF CHERNOBORSKAYA CULTURE (on the materials of the Chornaya Vadya site at the Lower Vycheгда)

Summary

The article deals with the Early Neolithic site of Chornaya Vadya which is one of the most ancient settlements of Chernoborskaya culture in North-Eastern Europe. A surface dwelling with two fire-places, 17 fragments of pottery and above 1600 flint artifacts have been found in the Early Neolithic layer within a 138 sq. m dig. The pottery and the stone tools made of flakes as well as blades find their equivalents in the Early Neolithic sites of Verkhnevolskaya culture. Yet the genesis of Chernoborskaya culture seems to have been a transition from the local Parch culture which existed in the Early and the Late Mesolithic in the Vycheгда and the Pechora Rivers' basins and was relative to Butovo culture (the Mesolithic) of the Upper Volga region.

*The Ural State University
51, Lenin Av., Ekaterinburg,
620083, Russia*

Ю.Б. Цетлин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ДЕКОРИРОВАНИЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ (постановка проблемы)

Общий подход к проблеме

Вопрос о происхождении орнаментов неоднократно ставился в научной литературе. Однако он касался проблемы происхождения орнамента вообще, а не специально орнамента на глиняной посуде. Исследователями были предложены три основные теории происхождения орнамента: "магическая", "биологическая" и "плектогенная".

"Магическая" теория происхождения орнамента впервые, вероятно, была предложена русским исследователем культуры Л.К. Поповым [1]. Позднее её придерживались Э. Гроссе [2], Л.Я. Штернберг [3], М.В. Воеводский [4] и ряд других исследователей. Они считали, что орнамент представляет собой материализованное выражение существовавших в древнем обществе "магических" представлений, т.е. символическую форму отражения древним человеком окружающей его действительности [5, с. 96]. Таким образом, эти исследователи во главу угла ставили, если можно так выразиться, "мировоззренческие" стороны орнамента.

"Биологическая" теория происхождения орнамента берёт своё начало от великих философов античной Греции – Платона и Аристотеля [6, с. 18-25]. Позднее эту точку зрения развивали Г. Осборн [7], Г. Шуриц [8] и другие исследователи, которые считали, что человеку, как биологическому виду, изначально свойственно врождённое чувство прекрасного, которое, соответственно, имеет биологическую, а не социальную природу. И именно это инстинктивное чувство прекрасного и стремление к "прекрасному" явилось тем объективным фундаментом, на котором у древнего человека сформировалось желание украшать себя и свои изделия, т.е. сформировался орнамент как особое направление изобразительного искусства. К этой же группе следует отнести и тех исследователей, которые рассматривали орнамент как материализованное выражение так же внутренне присущего древнему человеку чувства "ритма", которое было многократно развито необходимой ритмичностью практически любых осуществляемых человеком трудовых операций [9; 10].

Родоначальником "плектогенной" теории происхождения орнамента был немецкий архитектор Г. Земпер, который предложил её в 1860-1863 гг. [11]. Позднее она получила очень широкое распространение среди исследователей, полагающих, что древний орнамент явился результатом "подражания" ("копирования") такому внешнему облику изделий, который первоначально возникал от использования особых технических средств в процессе создания изделия или при обработке его поверхности [12, р. 376-412], т.е., если можно так выразиться, на "технической" основе. В частности, сторонники этой теории полагают, что орнамент на глиняной посуде мог появиться в результате копирования облика плетёных ёмкостей.

Для всех этих теорий общей является одна характерная черта, а именно то, что проблема происхождения орнаментов во всех случаях рассматривается ими как нечто целое, без анализа её внутренней структуры.

Рассмотреть проблему происхождения орнамента с учётом внутренней структуры самого объекта исследования стало возможным сегодня с позиций историко-культурного подхода к изучению керамики.

Историко-культурный подход к происхождению орнаментов состоит в изучении того, как шёл процесс формирования отдельных компонентов структуры орнаментальных традиций. Напомню, что орнаментальная традиция включает три основных структурных компонента: **технико-технологический, стилистический и семантический**. Соответственно, вопрос о происхождении технико-технологического компонента предполагает выяснение того, как возникли разные приёмы и способы декорирования глиняной посуды; вопрос о происхождении стилистического компонента связан с выяснением того, как формировался внешний облик орнамента, и, наконец, вопрос о происхождении семантического компонента состоит в выяснении процесса формирования представлений о смысле конкретных видов орнамента на глиняной посуде.

Только выяснение всего этого комплекса проблем может дать полный ответ на вопрос о происхождении орнаментов на глиняной посуде. Однако достижение этой цели в обозримом будущем не представляется возможным. Поэтому здесь будет предпринята попытка рассмотрения вопроса о происхождении первого структурного компонента орнаментальных традиций, т.е. происхождения разных способов создания орнамента на глиняной посуде. Таких способов сейчас выделено около полутора десятков, и они объединены в пять основных направлений развития орнамента [13, с. 251-252]. Сегодня речь пойдет только о графическом орнаменте, который включает шесть основных способов его создания, возникших в результате:

1. Использования формы-модели для лепки сосуда.
2. Выбивания поверхности сосуда рельефной колотушкой.
3. Прокатывания поверхности сосуда широким штампом.
4. Бороздчатого заглаживания поверхности сосуда.
5. Оттискивания на поверхности сосуда одиночных штампов.
6. Вырезания декора на поверхности сосуда одно- или многозубчатым остриём.

Теперь рассмотрим источники и пути возникновения этих способов декорирования глиняной посуды.

Пути происхождения графических способов декорирования глиняной посуды

1. Происхождение отпечатков формы-модели на поверхности сосуда

В настоящее время по археологическим материалам и этнографическим данным известны случаи применения при изготовлении глиняных сосудов специальных форм-моделей. Когда древние гончары использовали в качестве таких моделей формы-ёмкости, глина налепливалась на их внутренние стенки, а на внешних стенках сосудов отпечатывались следы модели, передающие структуру материала, из которого она была сделана.

В одних случаях эти следы на внешней поверхности сосудов уничтожались мастером при дальнейшей обработке, в других – целиком сохранялись на поверхности готового сосуда. Формы-ёмкости, имевшие чёткую и рельефную собственную структуру, соответственно, придавали рельефность и поверхности сосуда. Судя по высокой устойчивости, с какой эта рельефность воспроизводилась носителями некоторых археологических культур, она представляла собой **необходимый элемент внешнего оформления сосудов**, т.е. выполняла роль особого декора.

Что же за материалы использовались для изготовления форм-ёмкостей древними гончарами? Вероятно, они могли быть различными, но сегодня, по археологическим данным, достоверно фиксируются два вида таких материалов – **кожа и ткань**. Кожаные формы с чёткой рельефной поверхностью изготавливались из очищенной от волоса шкуры животного или из рубцовой кожи желудка (рис. 1: 1), а тканевые – из грубой материи типа мешковины [14, с. 193-209]. Кроме того, судя по некоторым археологическим и этнографическим материалам, в качестве форм-ёмкостей для лепки глиняных сосудов использовались **плетёные ёмкости** из различных растительных материалов (рис. 1: 2) [15, с. 101; 16, с. 140-141; 17, р. 449].

В этой связи уместно вспомнить, что кожаные и плетёные ёмкости были широко распространены у древних народов, как знакомых с глиняной посудой, так и не знавших её. Например, – кожаные сосуды у кочевников Центральной Азии; плетёные сосуды у индейцев Северной Америки, не знавших гончарства.

Все эти факты делают допустимым предположение, что глиняные сосуды, на поверхности которых сохранялись такие рельефные отпечатки, представляли собой подражания внешнему облику сосудов, изготовленных из этих материалов.

Использовавшиеся формы-ёмкости в данном случае выполняли двойную функцию: с одной стороны, играли роль приспособления для лепки сосуда, с другой – полутно выступали как особое средство придания определённого облика его поверхности. Поэтому такие сосуды представляют собой изделия с технологически декорированной поверхностью и демонстрируют частично сформированное состояние орнамента.

Однако похожий облик поверхности сосуда мог достигаться и другими способами.

2. Происхождение следов выбивания рельефной колотушкой внешней поверхности сосуда

Далеко не все сосуды с чёткими отпечатками кожи или ткани на внешней поверхности изготавливались в формах-ёмкостях. Часто они делались путём скульптурной лепки на плоскости, а такие отпечатки возникали в результате специального выбивания поверхности сосуда рельефными колотушками. Судя по следам на керамике, такая рельефность могла достигаться двумя способами: во-первых, обёртыванием рабочей части колотушки рельефной кожей (рис. 1: 3) [14, с. 206, рис. 86:4], тканью или верёвкой и, во-вторых, специальным вырезанием рельефа на самой этой рабочей части (рис. 1: 4) [14, с. 208, рис. 88:2].

С технологической точки зрения, целью выбивания поверхности глиняных сосудов является уплотнение его стенок, что ведёт к лучшему соединению друг с другом тех конструктивных элементов (лоскутов, жгутов, лент), из которых лепился сосуд, и, соответственно, к повышению его прочности. Вполне очевидно, что такой эффект мог достигаться и успешно достигался и в древности и в недавнем прошлом применением гладких колотушек, которые почти не оставляют рельефных следов на поверхности сосуда.

Таким образом, использование для выбивания стенок глиняных сосудов колотушек с рельефной поверхностью следует рассматривать как стремление древнего мастера одновременно решить две задачи: и технологическую, и декоративную. Важно подчеркнуть, что в этом случае декоративный эффект часто достигался путём обёртывания колотушки теми же самыми видами кожи животного, какие прежде использовались для изготовления форм-ёмкостей.

Это со всей очевидностью свидетельствует, что появление такого способа декорирования поверхности связано со стремлением мастеров сделать свои сосуды похожими на те, которые изготавливались в формах-ёмкостях с рельефной структурой. Сосуды, выбитые рельефной колотушкой, также относятся к изделиям с технологически декорированной поверхностью, что отражает частично сформированное состояние их орнамента.

Наряду с этим приёмом в гончарстве практиковались и другие способы создания рельефной поверхности глиняных сосудов. Одним из них является *прокатывание* их поверхности широким штампом.

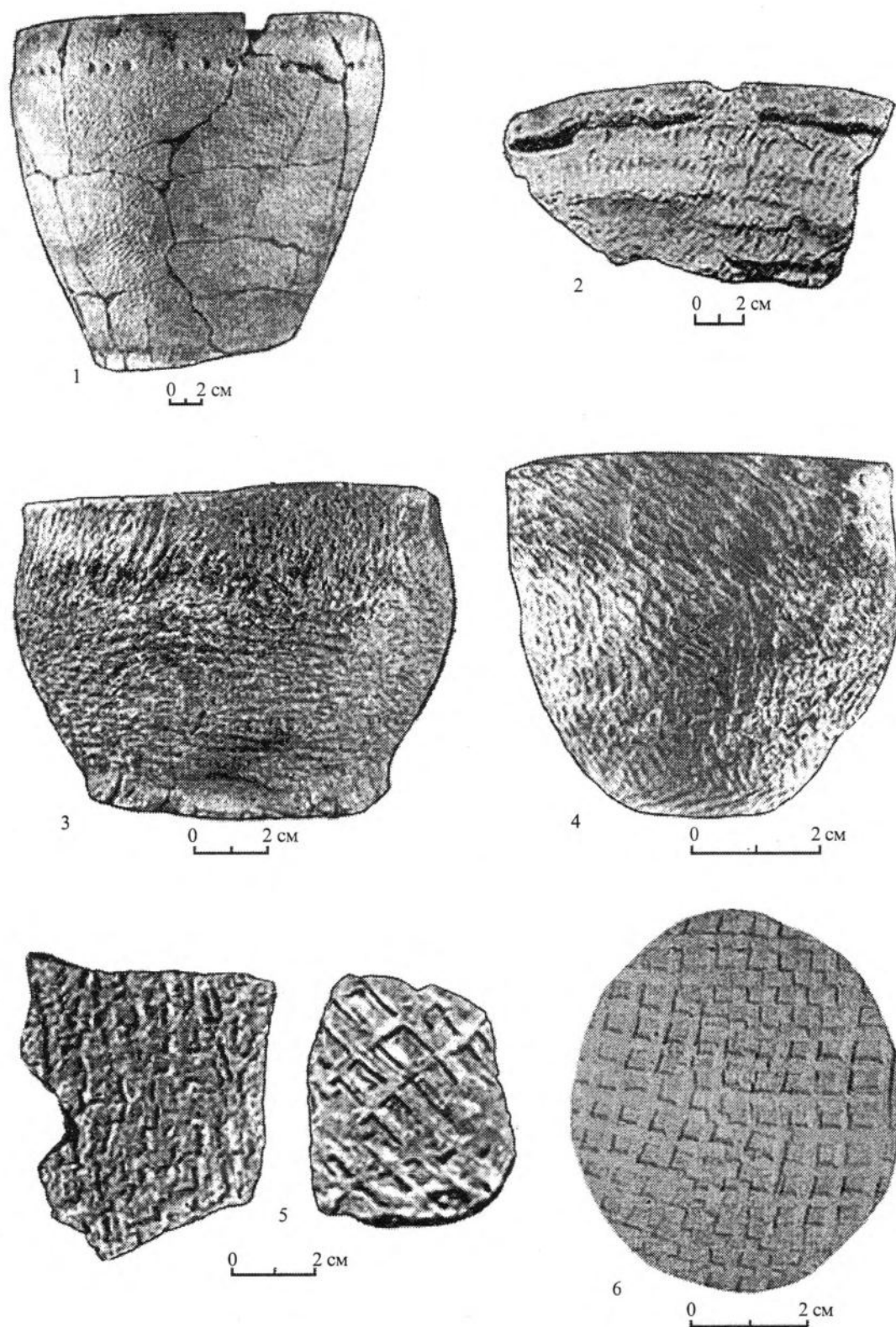

Рис. 1. Образцы керамики:

1 – сосуд, изготовленный в кожаной форме-ёмкости (городище Дьяков Лоб) [14, с. 196, рис. 77: 6];
 2 – отпечатки плетёной формы-ёмкости на внешней поверхности гипсового сосуда (поселение Тель Магзалия) [15, с. 101, табл. 37: 1]; 3 – сосуд, выбитый колотушкой, обёрнутой рубцовой кожей (городище Графская гора) [14, с. 206, рис. 86: 4]; 4 – экспериментальный сосуд, выбитый резной колотушкой [14, с. 208, рис. 88: 2]; 5 – фрагменты городецкой керамики с «рогожным» орнаментом (Троице-Пелешинское поселение) [18, табл. 6: 11, 12]; 6 – экспериментальный отпечаток широкого резного штампа на глине

3. Происхождение прокатывания широким штампом внешней поверхности сосуда

Прокатывание поверхности сосуда широким резным штампом хорошо известно по данным археологии и этнографии [14, с. 231-234]. Такой орнамент характерен, например, для посуды городецкой культуры – т.н. «рогожная» керамика (рис. 1: 5) [18, табл. 6: 11, 12]. Применение этого приёма было, вероятно, также нацелено на решение двух задач: более плотное соединение конструктивных элементов сосуда и придание ему особого внешнего облика. Так, А.А. Бобринский пишет, что «Способ этот вряд ли можно считать чисто декоративным. Скорее он возник как подражание... приему обработки поверхностей путем выбивания через бугорчатую по строению кожу желудка животных.» [14, с. 231].

Чтобы попытаться ответить на вопрос о происхождении этого способа обработки поверхности, следует обратить внимание на ряд моментов: 1) получаемые отпечатки имеют прямоугольную форму; 2) ложе некоторых отпечатков является уплощённым; 3) ширина ячеек составляет примерно 0,5 см.

Теперь сравним изображение следов на поверхности городецкой посуды (рис. 1: 5), во-первых, с отпечатками на глине широкого резного штампа (рис. 1: 6), во-вторых, с образцами плетения из лыка (рис. 2: 1) [19, с. 116, табл. 1: 8, 9] и, в-третьих, с отпечатками лыкового плетения на глине (рис. 2: 2). Замечу также, что для плетения лаптей использовались полоски лыка шириной от 3 мм до 1 см [20, с. 202-204].

Судя по приведённым данным, можно заключить, что следы на поверхности городецкой керамики и экспериментальном образце, обработанном резным валиком, по своей структуре и размеру более сходны не с отпечатками кожи, а со структурой плетения из лыка.

Все эти факты позволяют предположить, что в данном случае использование широкого резного штампа для обработки поверхности глиняных сосудов возникло в связи со стремлением придать поверхности сосудов из глины внешний облик сосудов, сплетённых из растительных материалов типа лыка (или облик сосудов, изготовленных в "лыковой" форме).

Однако прокатывание поверхности глиняных сосудов могло осуществляться не только резными штампами типа "городецких", но и лопатками или валиками, обёрнутыми тканью (рис. 2: 3), кожей (рис. 2: 4) или обмотанными кручёной верёвкой (рис. 2: 5). Последнее имело место при обработке поверхности некоторых сосудов дяковской культуры (рис. 2: 6).

Вероятно, в этом случае вполне оправдано мнение о том, что древние мастера стремились подражать своими изделиями сосудам, изготовленным в кожаных формах-ёмкостях.

Поскольку применение широкого штампа имело двойственную функцию – и технологическую и декоративную, – поверхность таких сосудов во всех случаях следует квалифицировать как технологически декорированную, т.е. характеризующую частично сформированное состояние орнамента.

Однако похожие следы могли возникать в результате заглаживания поверхности особым инструментом.

4. Происхождение бороздчатого заглаживания внешней поверхности сосуда

По археологическим материалам известны несколько способов бороздчатого заглаживания поверхности глиняных сосудов: заглаживание рубцовой кожей желудка животных (рис. 3: 1) [14, с. 232-233, рис. 97: 4], заглаживание пучком травы или соломы и, вероятно, заглаживание гребенчатым штампом. Приём бороздчатого заглаживания, как массовый, использовался носителями культуры штрихованной керамики, распространённой в раннем железном веке на территории Литвы и Белоруссии [14, с. 218]. Однако в принципе керамика с таким заглаживанием поверхности известна с эпохи неолита (рис. 3: 2) [21, табл. XLIX, рис. 12, 15].

Поскольку бороздчатое заглаживание не имеет какого-либо особого технологического смысла по сравнению с простым заглаживанием, глиняные сосуды с такой поверхностью следует рассматривать как специально декорированные, т.е. характеризующие уже полностью сформированное состояние в развитии орнамента.

В своё время А.А. Бобринским была высказана мысль, что «заглаживание травой или соломой, вероятно, возникло в подражание более старому приему выполнения этой работы при помощи рубцовой кожи» [14, с. 218]. Вероятно, эту мысль можно продолжить и рассматривать бороздчатое заглаживание как заключительный этап эволюции в навыках создания определённого облика поверхности глиняных сосудов, идущей от использования кожаных ёмкостей.

Обобщая приведённые данные, можно наметить эволюцию навыков сплошного декорирования глиняных сосудов (при этом внедрение новых способов решения "старых" – технологических и орнаментальных – задач знаменовало собой наступление следующего этапа в эволюции этих навыков):

1 этап – использование для лепки глиняных сосудов форм-ёмкостей из рельефных материалов, отпечатки которых сохранялись на внешней поверхности изделия;

2 этап – выбивание поверхности сосуда специальной колотушкой или прокатывание широким штампом, обёрнутыми кожей или тканью;

3 этап – выбивание поверхности сосуда резной колотушкой или прокатывание её широким резным штампом;

4 этап – бороздчатое заглаживание поверхности сосуда рубцовой кожей желудка животного;

5 этап – бороздчатое заглаживание поверхности сосуда пучком травы или соломы или гребенчатым штампом.

Следует, однако, подчеркнуть, что эти этапы отражают только общую последовательность возникновения новых навыков декорирования посуды, но в реальной истории разные навыки обычно сосуществовали друг с другом.

На протяжении 1, 2 и 3 этапов у глиняных сосудов создавалась технологически декорированная поверх-

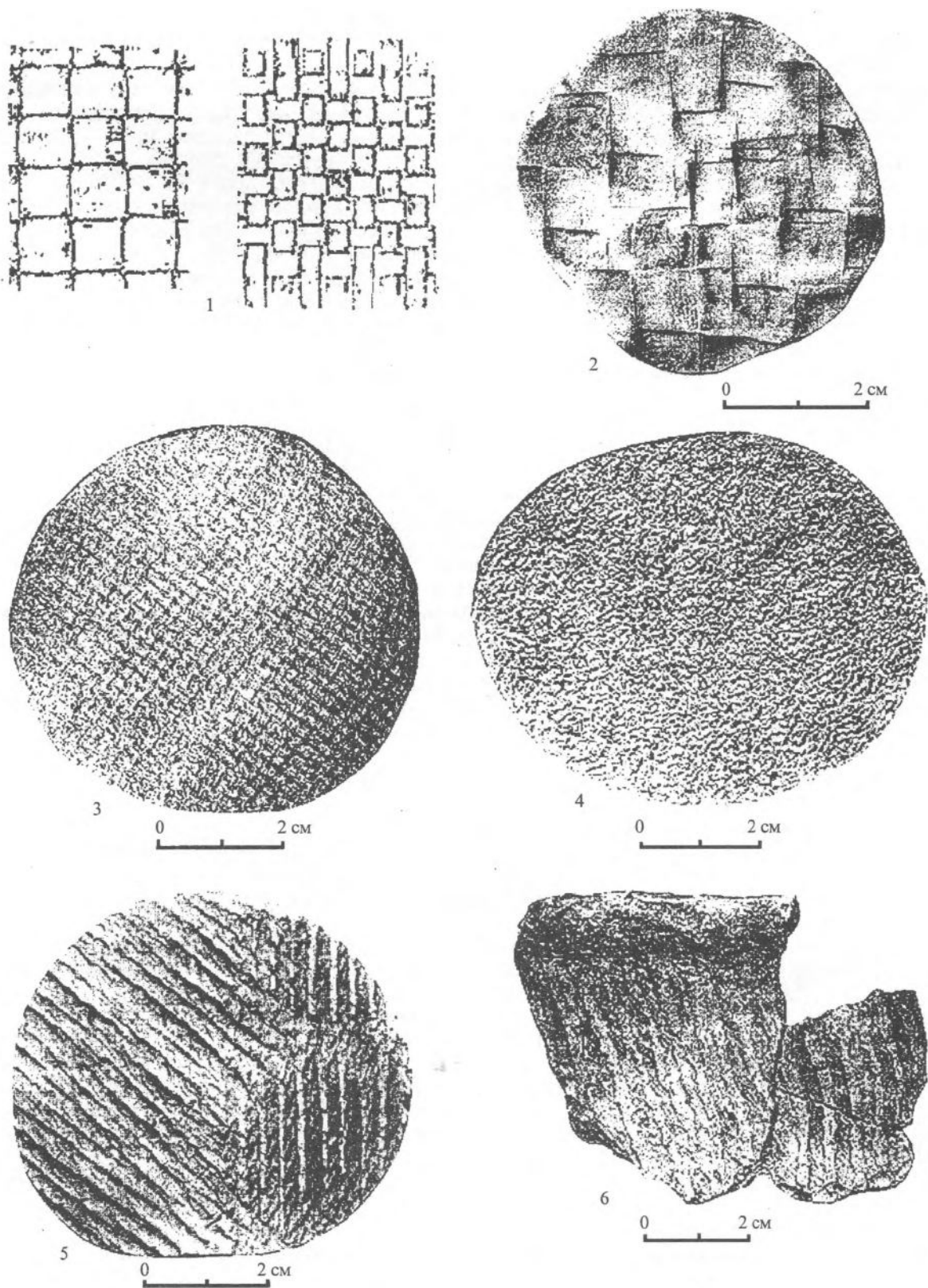

Рис. 2. Образцы плетения и керамики:

1 – образцы плетения из лыка [19, с. 116, табл. I:8,9]; 2 – экспериментальный отпечаток лыкового плетения на глине; 3 – экспериментальный отпечаток на глине валика, обёрнутого грубой тканью типа мешковины; 4 – экспериментальный отпечаток на глине валика, обёрнутого рубцовой кожей желудка животного; 5 – экспериментальный отпечаток на глине специальной "лопатки", обмотанной кручёной верёвкой; 6 – фрагмент дзяковского сосуда с отпечатком "лопатки", обмотанной кручёной верёвкой (городище Настасьино)

ность, характеризовавшая частично сформированное состояние в развитии орнамента, а на 4 и 5 этапах у посуды создавалась подлинно декорированная поверхность, характеризовавшая полностью сформированное состояние в развитии орнамента.

Таким образом, общей закономерностью в развитии этих навыков является то, что первоначально сплошной рельеф поверхности глиняного сосуда возникал как бы самопроизвольно, ненамеренно, в результате применения мастером определённых приёмов изготовления посуды, и только позднее такой облик поверхности стал создаваться гончаром в процессе её целенаправленного декорирования.

5. Происхождение декорирования глиняных сосудов одиночными штампами

Использование одиночных штампов во всех без исключения случаях следует рассматривать как способ нанесения особого декора на поверхность сосудов. Этот способ орнаментирования глиняной посуды является наиболее распространённым в гончарстве, начиная с эпохи неолита, по крайней мере, у населения современной Европейской России. Более того, в раннем неолите выделяется обширный круг культур, посуда которых была покрыта сплошным штампованным орнаментом. Это позволяет предполагать, что такой способ декорирования мог быть привнесён в гончарство уже в готовом виде. Сложность реконструкции его предыстории обусловлена тем, что среди археологических материалов почти не сохранилось иных изделий, кроме керамики, которые были бы украшены таким штампованным орнаментом. Поэтому для прояснения вопроса о происхождении этого способа декорирования приходится обращаться к материалам этнографии.

Судя по сибирским этнографическим данным, собранным и изученным С.В. Ивановым [22, с. 369-429], при создании орнамента в 80% случаев штамповка используется для обработки мягких материалов – бересты (40%), кожи (20%) и глины (20%), – и только в 20% случаев – для обработки металла. При этом правильнее было бы говорить не о штамповке, которая предполагает статическое воздействие на материал, а о чеканке, при нанесении которой используется ударное воздействие. Отсюда следует, что штамповка как приём декорирования, вероятно, во всех случаях была связана с обработкой именно мягких материалов, основными из которых являлись береста, кожа и глина.

Имеются и некоторые дополнительные факты, которые указывают на связь этих материалов друг с другом. Например, ёмкости, сплетённые из различных растительных волокон, часто имеют оплётку и утолщение по краю венчика для придания ему большей прочности (рис. 3: 3) [23, с. 67, рис. 58]. Хорошо известно, что аналогичные следы имеют и многие глиняные сосуды. Речь идёт, во-первых, об отпечатках гладкого или гребенчатого штампа или отпечатках верёвки, идущих по краю венчика сосудов (рис. 3: 4) [24, с. 124, рис. 8], во-вторых – о широко распространённых утолщениях края венчика (рис. 3: 5) [25, рис. 25: 2 (вклейка)]. Последнее, судя по этнографическим данным, делалось также с целью придания краю сосуда большей прочности.

В данном случае мы, скорее всего, имеем дело с имитацией в глине приёма укрепления края плетёного сосуда путём специальной оплётки его по всему периметру.

О связи навыков использования одиночных штампов с кожаными ёмкостями могут свидетельствовать многочисленные следы сплошных горизонтальных верёвочных отпечатков на горле некоторых глиняных сосудов эпохи бронзы (рис. 3: 6) [26, с. 173, рис. 17: 12]. Выше уже указывалось, что одной из характерных черт изготовления глиняных сосудов в кожаных формах-ёмкостях является применение верёвки как вспомогательного элемента.

Все эти данные позволяют предполагать, что первоначально использование одиночных штампов в гончарстве, скорее всего, было заимствовано из сферы навыков изготовления и декорирования плетёных, берестяных и кожаных изделий.

6. Происхождение декорирования глиняных сосудов путем вырезания орнамента

Отличие резного орнамента от штампованного состоит в том, что он характеризуется не статическим и не ударным, а динамическим воздействием на глину. Резной орнамент, как и штампованный, появился практически сразу с возникновением керамики (он широко представлен на сосудах культур сотто, хассунской, Джармо, Иерихона В, в неолите Крита и т.д., которые относятся к VII-V тыс. до н.э.), но он был распространён в раннем неолите значительно скромнее, чем штампованный орнамент. В это же и в более раннее время (в IX-VII тыс. до н.э.) резной орнамент был широко представлен на каменных сосудах, которые известны на памятниках натуфийской культуры, среди материалов Тель Шимшара, Чайоню Тепеси, на Крите, в Уруке и других местах (рис. 3: 7) [15, с. 201-233; 27, с. 89; 28, фото 80: 1, 2; 81: 1, 2; 82]. На каменных сосудах резной орнамент был почти единственным.

Теперь посмотрим, для каких вообще материалов наиболее характерно применение резного орнамента. Для этого вновь обратимся к данным этнографии по орнаментам народов Сибири [22, с. 369-429]. Резной орнамент был зафиксирован исследователем на изделиях из кости (48%), дерева (33%), бересты (15%) и металла (4%). Следовательно, в 85% случаев резной орнамент встречен на изделиях из твёрдых материалов и только в 15% случаев – на изделиях из мягкого материала (бересты).

Таким образом, обобщая данные археологии и этнографии, можно заключить, что резьба была наиболее характерна для украшения таких материалов, как камень, кость и дерево. Все изложенные факты склоняют к заключению о том, что, во-первых, резьба как способ декорирования не была изначально присуща орнаментации глиняных сосудов, и, во-вторых – этот способ, скорее всего, был заимствован древними гончарами из сферы декорирования изделий из твёрдых пеглинистых материалов.

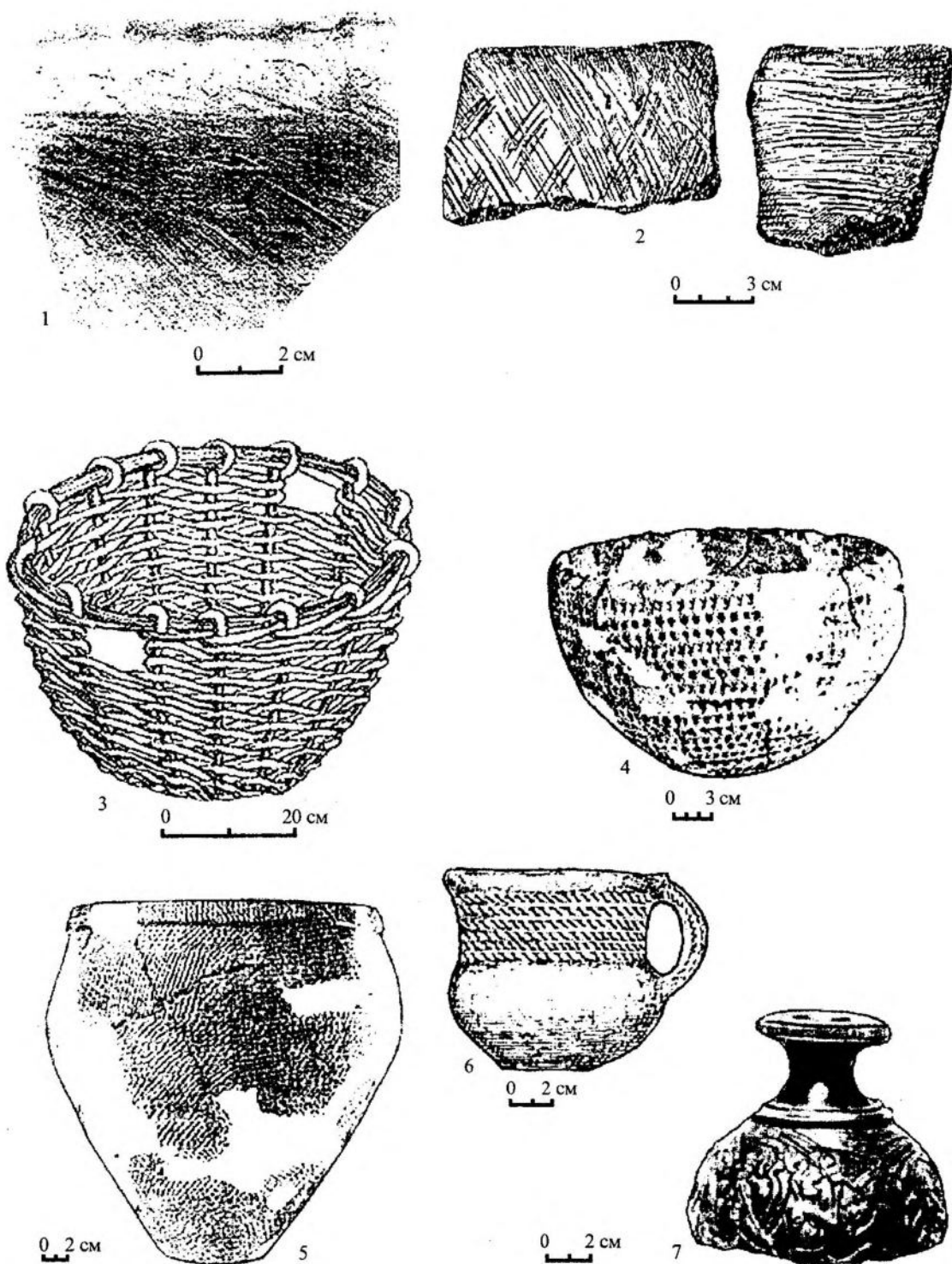

Рис. 3. Образцы керамики и плетения:

1 – фрагмент сосуда, заглаженного рубцовой кожей желудка животного (селище Горопиков) [14, с. 232-233, рис. 97: 4]; 2 – фрагменты раннеолитической керамики со следами бороздчатого заглаживания (поселение Звидзе) [21, табл. XLIX, рис. 12, 15]; 3 – плетёный сосуд с утолщением и оплёткой по краю венчика [23, с. 67, рис. 58]; 4 – неолитический сосуд с насечками по краю венчика (поселение Пегрема 1) [24, с. 124, рис. 8]; 5 – сосуд мариупольского типа с утолщённым венчиком, украшенным насечками (Никольский могильник) [25, рис. 25:2 (вклейка)]; 6 – сосуд почанского типа с отпечатками верёвки на шее (город Львов) [26, с. 173, рис. 17:12]; 7 – верхняя часть каменного сосуда с резным орнаментом (т.н. «сосуд со жнецами») [28, фото 81:1]

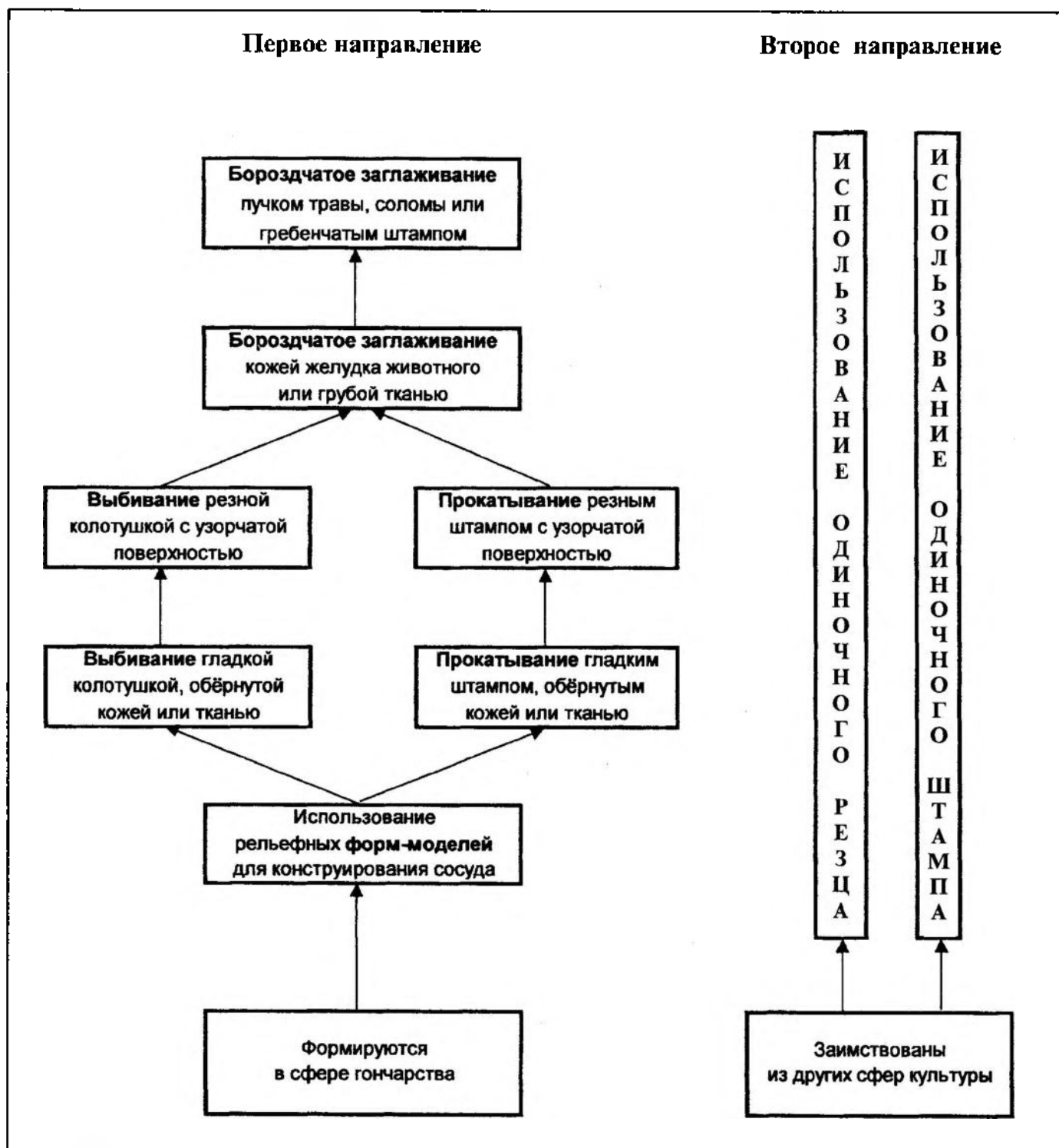

Рис. 4. Основные направления и этапы формирования и развития способов создания графического орнамента на глиняной посуде

Основные выводы

Прежде всего, следует подчеркнуть, что формирование способов графического декорирования глиняной посуды представляло собой длительный процесс, развитие которого шло по двум основным направлениям – создание сосудов с **технологически декорированной** и **собственно декорированной** поверхностью.

Первое направление характеризовалось применением таких способов обработки поверхности глиняных сосудов, которые имели **двойственную** природу. С одной стороны, эти способы были составной частью процесса конструирования сосуда, а с другой – создавали определённый устойчивый внешний облик сосуда, позволявший потребителям этой посуды уверенно отличать "свою" посуду от "чужой".

В рамках этого направления происходило формирование следующих способов создания графического орнамента:

1. Использование для лепки сосудов особых *форм-моделей*, отпечатки которых сохранялись на видимой поверхности изделий.

2. *Выбивание рельефной колотушкой* видимой поверхности сосуда.

3. *Прокатывание широким рельефным штампом* видимой поверхности сосуда.

Применение этих способов отражало частично сформированное состояние в развитии орнамента.

Второе направление характеризовалось формированием способов целенаправленного графического декорирования поверхности глиняных сосудов. В этом случае на первый план выдвигалась задача придания сосуду совершенно нового внешнего облика путём покрытия его специальным орнаментом. К таким способам относятся:

1 (4). *Бороздчатое заглаживание* видимой поверхности сосуда.

2 (5). Создание *штампованного орнамента* с помощью одиночных штампов.

3 (6). Создание *резного орнамента* с помощью одно- или многозубчатого остря.

Применение гончарами этих способов отражало уже полностью сформированное состояние в развитии орнамента. При этом следует отметить, что три способа декорирования, сформировавшиеся в рамках первого направления, позднее продолжали использоваться и для создания подлинно декорированной поверхности сосуда.

В связи с этими выводами у читателя может возникнуть закономерный вопрос: почему все способы создания технологически декорированной поверхности (первое направление), судя по археологическим материалам, относятся к более позднему времени, чем способы создания собственно орнамента (второе направление)? Действительно, и отпечатки форм-ёмкостей, и выбивание рельефными колотушками, и прокатывание широкими рельефными штампами поверхности сосудов зафиксированы по керамике из памятников эпох бронзы и раннего железа, в то время как посуда со штампованным и резным орнаментом была широко распространена ещё в раннем неолите.

Причиной этого кажущегося противоречия служит тот факт, что, как уже неоднократно подчёркивалось, **все способы создания графической технологически декорированной поверхности сформировались в рамках истории самого гончарного производства, а основные способы создания собственно графического орнамента были привнесены в сферу гончарного производства уже в готовом виде из других областей человеческой культуры** (рис. 4).

* * *

Обобщая всё изложенное, можно заключить, **во-первых**, что графический орнамент на глиняной посуде первоначально возникает на объективной технико-технологической основе и только потом, с течением времени, получает субъективную трактовку, обусловленную конкретным контекстом общественной жизни человека; **во-вторых**, что механизмом, обеспечивающим возникновение новых способов декорирования, является стремление мастера подражать внешнему облику уже существовавших и использовавшихся неглиняных или глиняных сосудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов Л.К. Из первобытной жизни человека. СПб., 1880.
2. Гроссе Э. Происхождение искусства. М., 1899.
3. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
4. Воеводский М.В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР // СА. № 1. 1936.
5. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1991.
6. Пауль Г. Философские теории прекрасного и научное исследование мозга // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1995.
7. Осборн Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
8. Шуц Г. История первобытной культуры. СПб., 1910.
9. Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923.
10. Филитов А.В. Построение орнамента с большим числом вариантов. М., 1937.
11. Землер Г. Практическая эстетика. М., 1970.
12. A History of Technology. V. 1. London, 1958.
13. Цетлин Ю.Б. Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
14. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
15. Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
16. Кожин П.М. Керамика индейцев пуэбло // Культура и быт народов Америки. Л., 1967. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXIV).
17. Hulmes W.H. Origin and Development of Form and Ornament in Ceramic Art // Smithsonian Institution. Bureau of Ethnology. Washington, 1883.
18. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. (САИ. Д1-14).
19. Разумовская Р.С. Плетеные изделия северо-западных индейцев // Культура и быт народов Америки. Л., 1967. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXIV).
20. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
21. Лозе И.А. Население каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.

22. Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
23. Донец Е., Рачков П. Плетение из лозы и лыка. М., 1994.
24. Журавлев А.П. Датировка поселений неолита – раннего металла в Уницкой губе Онежского озера // СА. 1984. № 4.
25. Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.
26. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
27. Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
28. Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Yu.B. Tsetlin

THE ORIGIN OF GRAPHIC POTTERY DECORATION TECHNIQUES (the Problem Setting)

Summary

In this paper the author tries to consider the problem of the origin of the main techniques of graphic pottery decoration. He comes to the conclusion that this was a very long-time process developing in two directions: the making of clay vessels with technologically- decorated and with really decorated surfaces.

The first direction included the kinds of techniques with a dual nature. On the one hand, these techniques were a part of the pottery-making process, and, on the other hand, they made a stable and specific image of vessels to distinguish the producer's pottery from a foreign one. Within the frame of this direction were formed such techniques of graphic decoration as 1) using of special relief moulds for pottery making, which left imprints on vessel's surface; 2) using of special relief paddle for beating the vessel's surface, and 3) rolling out of visible vessel's surface by a wide relief plate. Such techniques marked a partly-formed state in the development of pottery decoration.

The second direction was characterized by forming of techniques for making a real graphic decoration on clay vessels. In this case the main task of a potter was to give a new image to the vessel's surface by covering it with special decoration. There were such techniques as 4) a striated smoothing of the visible vessel's surface; 5) making of impressed decoration by a single punch; 6) making of carved decoration by a single-toothed or multi-toothed tools. Using of these techniques marked a fully-formed state in the development of pottery decoration.

The techniques of partly-formed graphic decoration of clay vessels were formed within the pottery production process, and the techniques of fully-formed graphic decoration were introduced to pottery production in a ready form from other fields of human culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

И.В. Калинина

МОРФОЛОГИЯ ДЕКОРА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СОСУДОВ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕРЕВЯННОЙ ЗОО-АНТРОПОМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Орнаментация технологически взаимосвязана с обработкой поверхностей сосудов. В культурных традициях тому или иному способу орнаментации соответствовали разные приёмы предварительной обработки поверхностей сосудов. Для неолитической керамики нами было предложено разделять способы обработки поверхностей сосудов на первичные, которые непосредственно связаны с конструированием, и вторичные – используемые для придания им прочности [1, с. 7].

При изучении технологии орнаментации неолитических сосудов лесной зоны Евразии выяснилось, что орнаментирование в ряде случаев выполняло функции обработки поверхностей. В ходе экспериментально-моделирования орнаментов было установлено, что способы орнаментации, применяемые в неолите, служили уплотнению стенок сосудов, препятствовали растрескиванию их при сушке; «струйчатые» орнаменты, наносимые гребенчатыми штампами, способствовали перераспределению глины на поверхности сосудов. То есть орнаменты можно рассматривать и как вторичные способы обработки поверхностей сосудов. С другой стороны, такие приёмы, как лошение или бороздчатое заглаживание, использовались для декорирования сосудов. В 1979 г. В.И. Сагайдак писал об абашевских сосудах: «Чрезвычайно однообразен прием обработки поверхностей сосудов. Это глубокие линии, прочерченные крупнозубчатым штампом. Обычно этот способ обработки поверхностей сосудов называют грубым “заглаживанием”. Нам же представляется, что это своеобразный прием орнаментации, так как на массовом материале удалось проследить, что такие “заглаживания” всегда упорядочены. Как правило, верхняя внешняя часть тулова сосуда имеет горизонтальные бороздки, а нижняя косые или вертикальные» [2, с. 62]. Такого рода обработка поверхностей сосудов штампом широко представлена в эпоху металла на керамике, в том числе и в Уральском регионе (рис. 1:1).

«Струйчатые» орнаменты в Зауралье формально близки бороздчатому заглаживанию (рис. 2:1). От бороздчатого заглаживания их отличает лишь волнообразное движение гребенчатого штампа. На фрагменте керамики из Шигирского торфяника, тем не менее, – это орнамент, подобный ему встречен на бересте из Горбуновского торфяника (рис. 2:1, 2).

Своеобразная обработка поверхностей сосудов характеризует неолитическую керамику с поселения Чэ-стый-Яг (Нижнее Приобье). Тонкий прочерченный орнамент дополняет декор (рис. 1:5)¹. В этой связи внимания заслуживают так называемые «дважды орнаментированные сосуды», у которых орнаменты из гребенчатых оттисков или прочерченных линий перекрывают отпечатки «шагающей гребёнки», в этом усматривается смена или сосуществование разных культурных традиций. Но не исключено, что «шагающая гребёнка», как и на сосуде из Горбуновского торфяника (рис. 1: 2-4), выполняла роль обработки поверхностей сосудов [3, с. 213-214].

Ю.Б. Цетлин в работе, посвящённой поиску критериев отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде, выделяет стадию несформированного состояния представлений об орнаменте [4, с. 251-259]. Наблюдаемые факты, однако, возможно интерпретировать иначе. Орнаменты, сплошь, единообразно покрывающие стенки сосудов, и обработка поверхностей обнаруживают, с нашей точки зрения, единство в смысловом содержании, в генезисе связываются с изобразительными приёмами передачи фактуры шерсти, волос. Предположение это находит косвенное подтверждение в сопоставлении морфологии декора неолитической керамики и стилистических особенностей деревянных зоо-антропоморфных изображений в данном регионе.

Следы моделирования объёмов и декорирования поверхностей на деревянной скульптуре, в отличие от керамики, легко различимы. Особый интерес представляют деревянные сосуды в виде фигур лосей. У одного из них из Горбуновского торфяника поверхность тщательно заглажена (рис. 3: 2), у другого – на задней ноге, тулове и холке лося можно заметить «шагающую гребёнку» (рис. 3: 1), последняя Д.Н. Эдингом описа-

¹ Моя глубокая благодарность – Е.А. Васильеву за предоставленную мне возможность ознакомиться и использовать в работе неопубликованные материалы из его раскопок.

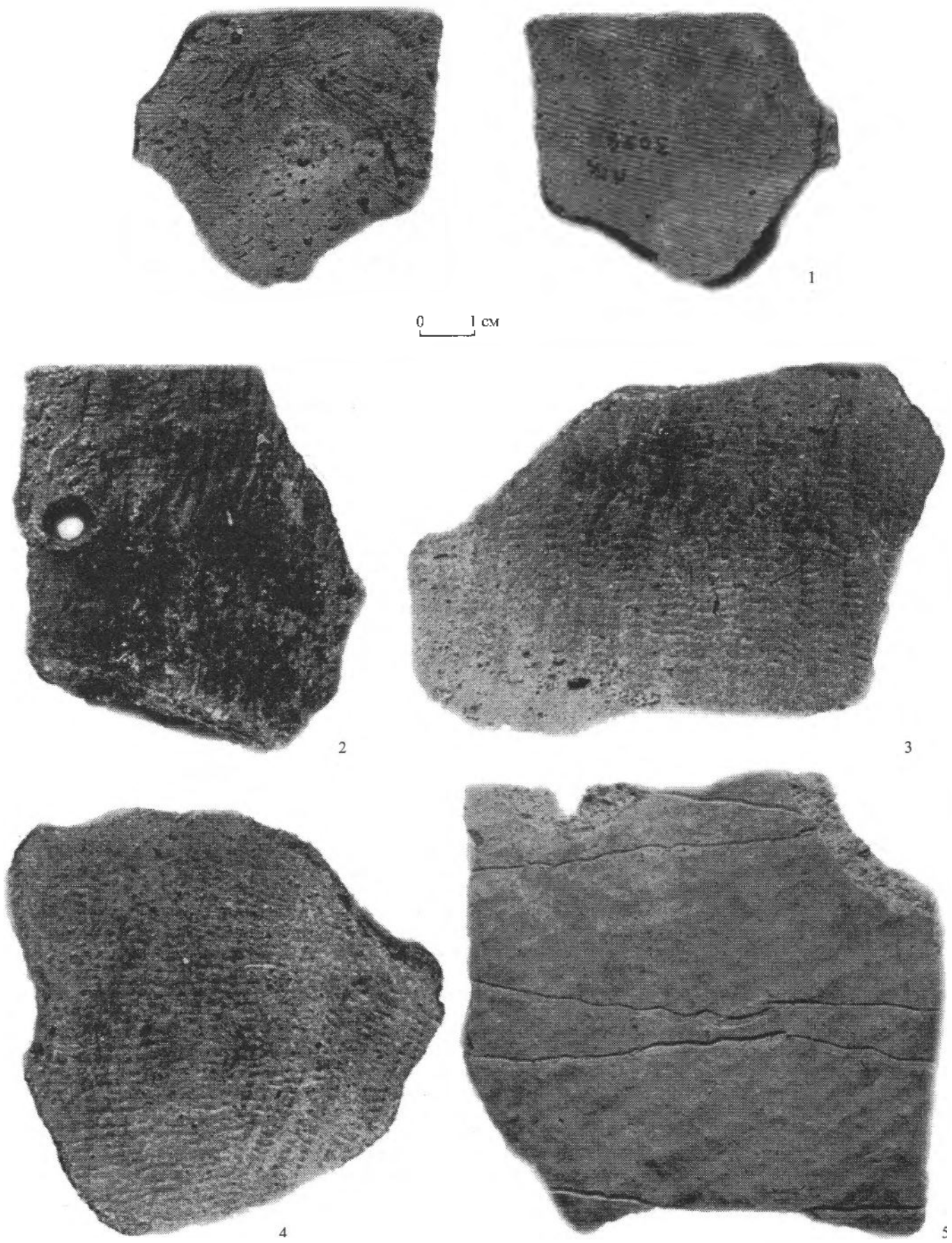

Рис. 1. Обработка поверхностей сосудов:
1- оз. Грязное - хутор Астраханцева; 2-4 - Горбуновский торфяник; 5 - Чэстый-Яг

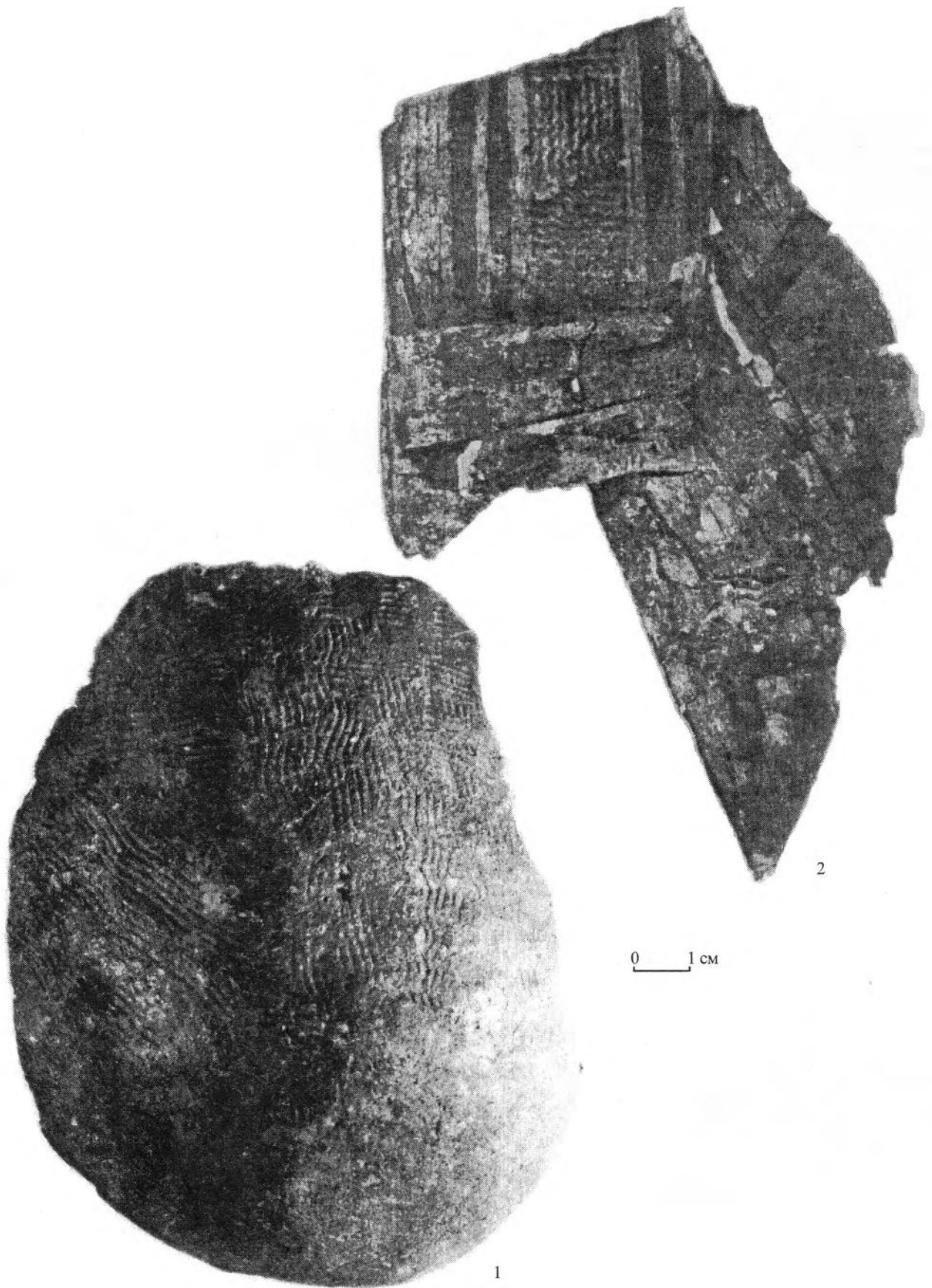

Рис. 2. Волнистый орнамент на глиняном сосуде и бересте:
1 – Шигирский торфяник; 2 – Горбуновский торфяник (по Д.Н. Эдингу)

Рис. 3. Деревянные сосуды в виде фигурок лошадей:
1 – Горбуновский торфяник по (Д.Н. Эдингу); 2 – Горбуновский торфяник (фото В.Ф. Старкова);
3 – Шигирский торфяник (фото Ю.Б. Серикова)

на как параллельные зарубки, идущие поперёк срезов, передающие, видимо, шерсть [5, с. 45]. На деревянном сосуде из Шигирского торфяника, изображающем лося или лосиху, по заглаженной поверхности нанесена штриховка — «расчёсы» (рис. 3: 3). Согласно Ю.Б. Серикову, «по всей вероятности, данные расчёсы передают шерсть животного» [6, с. 216]. «Шагающая гребёнка» — один из способов нанесения орнаментов гребенчатыми штампами — и «расчёсы» — следы бороздчатого заглаживания стенок сосудов — характерны для керамики.

Головки водоплавающих птиц, служащие ручками деревянных ковшиков, как правило, тщательно полированы, но на головке уточки с Кокшаровско-Юрьинской стоянки «мелкими срезами передано оперение» [7, с. 137]. На деревянной головке медведя из Шигирского торфяника, возможно, также ручке сосуда, по Д.Н. Эдингу, «резьба выполнена небольшим желобчатым орудием, и поверхность не сглажена, видимо, для передачи волосяного покрова» [5, с. 55]. Заметим, что подобно оформлено лицо зоо-антропоморфного «идола с ушками» из Шигирского торфяника (рис. 4: 1), что напоминает несколько орнаменты на керамике, выполняемые способом «отступания» (рис. 4: 3, 7). Ещё большее сходство между показанными глубокими параллельными неравномерно углублёнными бороздами волосами идола (рис. 4: 4-6) с орнаментами, наносимыми гребенчатыми штампами способами «протаскивания», «отступания с протаскиванием», «шагания с протаскиванием» (рис. 4: 2).

Таким образом, прослеживаются аналогии в стилистических приёмах изображения шкуры, волос на деревянной скульптуре и в орнаментах на сосудах. По семантике, не исключено, вторичные способы обработки поверхностей неолитических сосудов и орнаментация являются «покрытием, шкурой», но при этом декорирование уже не выполняет изобразительную функцию в передаче «шкуры зверя», а служит лишь знаком «шкуры». Ранее такое предположение высказывалось относительно одной группы орнаментов, так называемых «плетёнок», морфология которых обусловлена технологическими приёмами плетения [8, с. 116-123].

Рассматриваемые способы декорирования сосудов характеризуют конкретный, ограниченный рамками развитого неолита, эпизод в развитии орнаментации керамики. В позднем неолите наблюдается тенденция к разреженности орнаментальных композиций, «старый» орнамент уступает место новым в первую очередь в зоне венчика, затем — тулова, но при этом он ещё присутствует на нижней части сосуда.

* * *

Изложенный сюжет вызвал дискуссию на докладе, что побуждает несколько расширить вопросы, затронутые в нём.

Представленные материалы имеют отношение к проблеме генезиса керамического производства. Лошецию и окраску охрой неолитических сосудов предшествуют полировка и окрашивание охрой костяных предметов в мезолите (к примеру, наконечники стрел из пещеры «Камень Дыроватый»). Замечание М.Г. Жилина (пользуюсь случаем выразить ему признательность за внимание к докладу) сводилось к следующему: «По Вашему мнению сосуды “одевали в шкуры”, суть же в том, что “варили в шкурах”». В своей монографии М.Г. Жилин писал: «Возможно, в позднем мезолите процесс варки был уже известен. Скорее всего, для этого применялись кожаные ёмкости. <...> Нужный эффект, скорее всего, достигался при помощи бросания в кожаный сосуд раскалённых камней. Такие обожжённые камни часто встречаются в культурном слое мезолитических стоянок. Особенно интересна находка большого количества этих камней в торфяниковом поселении Озерки 5, где все камни, найденные в культурном слое, были принесены на стоянку ... Очагов, обожжённых камнями, ... не обнаружено ... Вероятно, эти обожжённые камни, найденные в разных частях поселения, могли служить для приготовления пищи указанным способом» [9, с. 177]. По мнению исследователя, «в настоящий момент можно уверенно говорить о сложении верхневолжской (неолитической — И.К.) культуры на основе финальной бутовской» [10, с. 28].

Верхневолжская культура, как известно, входит в круг «накольчатых» культур, включающий лесостепные. Елшанская накольчатая керамика лесостепной зоны, действительно, обнаруживает связь с кожаными прототипами. Напротив, гребенчатая керамика камского неолита не связана в генезисе с кожаными ёмкостями, в лесной зоне Приуралья для приготовления пищи в мезолите скорее использовали деревянную и берестяную посуду. По сообщению Л.П. Потапова, «совсем недавно, во всяком случае еще на памяти ныне здравствующих стариков, у тубаларов, челканцев и кумандинцев многие охотники ... кипятили воду и даже варили похлебку в берестяных сосудах, при помощи раскалённых камней. <...> Кызыки Пустагачев из селения Курмач-Байгол (челканцы) рассказывал нам о том, как он сам варил в берестяном котле мясо косули, и уверял, что сваренное таким образом мясо отличается особенно приятным вкусом» [11, с. 78]. С эпох неолита-энеолита в Зауралье прослеживается параллельность развития орнамента на керамике и берестяных изделиях (рис. 2: 1, 2). Орнаментация керамики фигурными штампами (1-я пол. I тыс. до н.э.) существует «в почти неизменных формах у манси и хантов по сей день на берестяной посуде» [12, с. 137]. Декорирование керамики в неолите челюстями животных находит продолжение в сохранный манси традиции выдавливания зубами на бересте орнаментов, трактуемых как зооморфные [13, с. 53-63].

Деревянная посуда использовалась и в Волго-Окском междуречье: на мезолитических поселениях Замостье 2 и Окаёмово 18а «встречены обломки широких деревянных блюдец» [9, с. 177]. Но речь идёт о генезисе керамического производства. Другими словами, на территории Волго-Окского междуречья ранне-неолитическая, орнаментированная разреженными наколами керамика воспроизводит в новом материале традиции мезолитических кожанных сосудов, то есть «варят в шкуре». В Приуралье и Зауралье система орнаментации неолитической керамики складывается на основе декора деревянных и берестяных ёмкостей, «одеваемых в шкуру».

Многообразие традиций орнаментации неолитической керамики отражает конкретно-исторические варианты перехода к гончарству в разных регионах. Вопрос о возможных путях заселения освобождаемых от

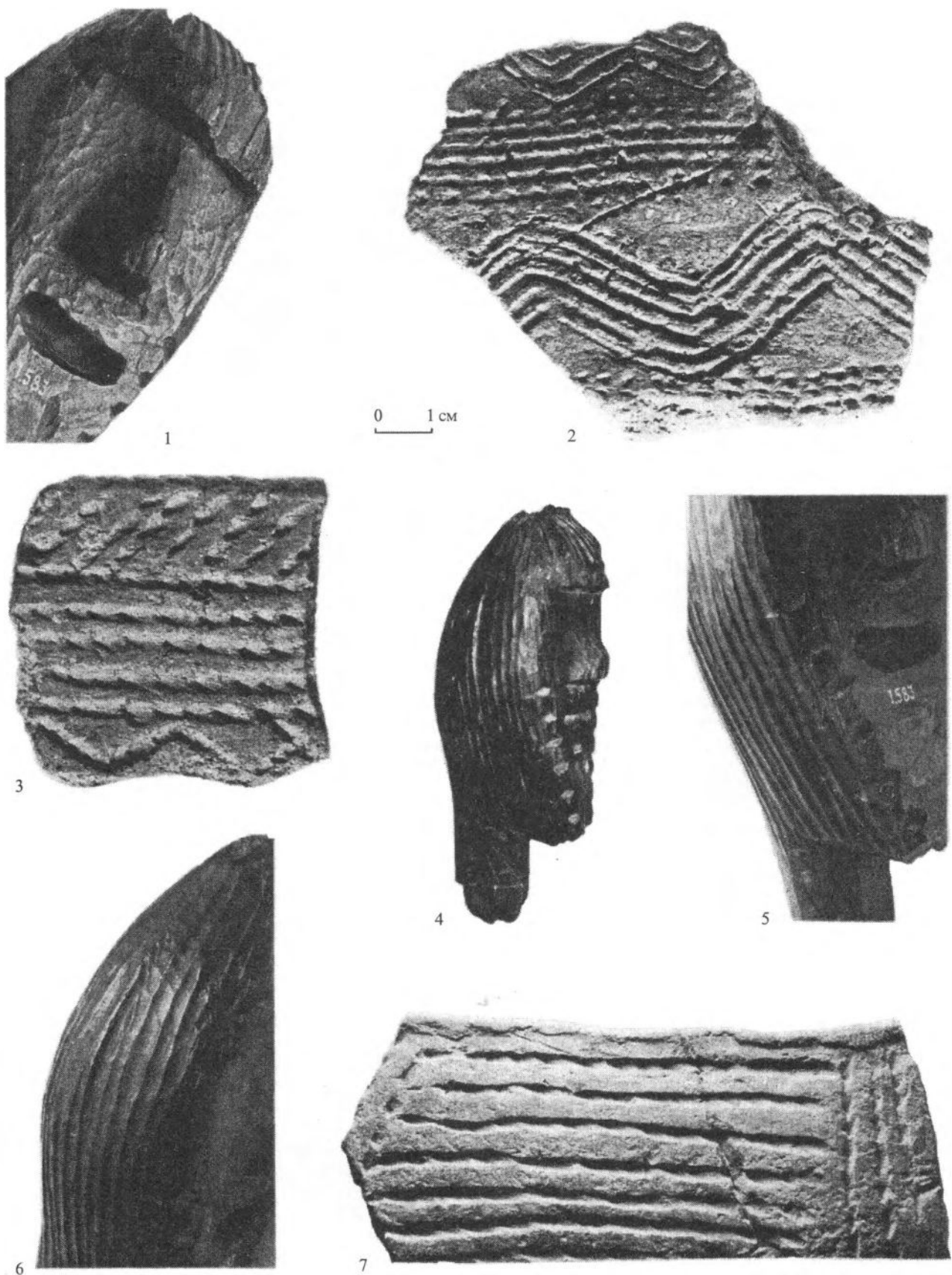

Рис. 4. Изображение волосяного покрова на голове деревяшного идола из Шигирского торфяника (1, 4-6) и образцы орнаментов на фрагментах керамики с поселения Полуденка I (2, 3, 7)

ледника территорий – решать исследователям мезолита. Типологическая разнородность неолитической керамики не исключает проникновения в раннем неолите в Верхнее Поволжье отдельных групп лесостепного населения с накольчатой керамикой. В Приуралье ассимиляция отдельных групп лесостепного населения фиксируется в керамическом материале как смешение технологических традиций только в позднем неолите [14, с. 24-30].

Технология декорирования неолитической керамики свидетельствует, что при всех локальных различиях в лесной зоне складывается единое мировоззрение, в основе своей зооморфное (тотемическое), отражающее древние связи населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калинина И.В., Устинова Е.А.* Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полуденка-1 и Хуторская стоянка) // АСГЭ. Вып. 29. 1988.
2. *Сагайдак В.И.* О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья: Научные труды. Т. 230. Куйбышев, 1979.
3. *Калинина И.В.* Технологический навык и семантика // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999.
4. *Цетлин Ю.Б.* Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
5. *Эдинг Д.Н.* Резная скульптура Урала // Труды ГИМ. Вып. X. М., 1940.
6. *Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б.* Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
7. *Сериков Ю.Б.* Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // СА. 1992. № 4.
8. *Калинина И.В.* Семантика и технология древних орнаментов // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
9. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
10. *Жилин М.Г.* Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
11. *Потапов Л.П.* Охотничий промысел алтайцев. СПб., 2001.
12. *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. № 58. 1957.
13. *Чернецов В.Н.* Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // СЭ. 1964. № 3.
14. *Калинина И.В.* Поздненеолитическая керамика 1 Саузовского поселения // К вопросу о трансформации культур камского неолита при переходе к эпохе металла // АСГЭ. Вып. 25. 1984.

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

I.V. Kalinina

THE MORPHOLOGY OF THE NEOLITHIC VESSELS' DECORATION AND STYLISTIC SPECIFICATIONS OF WOODEN ZOO- AND ANTHROPOMORPHIC SCULPTURE

Summary

The hypothesis that ornaments covering uniformly the sides of the Neolithic vessels, as well as the development of pottery surface are connected genetically with pictorial skills of implementing the texture of wool or hair, finds oblique corroboration in comparison of the decoration morphology of ceramics, and stylistic specifications of wooden zoo- and anthropomorphic sculptures found in the Ural region.

*The State Hermitage
34, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg,
191186, Russia*

Е.Л. Костылёва, И.В. Калинина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ ДЛЯ ОРНАМЕНТАЦИИ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ

Обычно при рассмотрении орнаментации ямочно-гребенчатой керамики исследователи ведущими элементами признавали круглую ямку и оттиски гребенчатого штампа. Для большинства прочих элементов констатировалась лишь форма отпечатка («в виде полумесяца», «нечёткие ромбические вдавления», «ряды сдвоенных отпечатков в форме сегмента или полукруга», «овальные ямки с перегородкой» и т.д.) без определения орнаментира, с помощью которого выполнялся тот или иной элемент орнамента [1, с. 62; 2, с. 70; 3, с. 32-33].

Вместе с тем, в орнаментации ямочно-гребенчатой керамики наряду с орнаментами, выполненными различными штампами, в том числе и естественного происхождения (белемниты, аммониты), встречаются, на что обращалось внимание в литературе, узоры, нанесённые костями животных. По мнению В.В. Сидорова, такие орнаменты характерны для гребенчато-ямочной керамики северо-западных регионов России [4, с. 140; 5, с. 134; 6, с. 314]. Однако вопрос о применении костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики детально не разработан.

В.В. Сидоров объясняет появление отпечатков костей лап животных на сосудах как «воздействие на сосуд амулетов-оберегов, среди которых чаще всего лапы животных (метаподии мелких млекопитающих и птиц)» [7, с. 106]. Охранительная функция лап животных в представлении древних подтверждается материалами этнографии [8, с. 26].

На основании данных, полученных при экспериментальном изучении орнаментации неолитической керамики Уральского региона, одним из авторов данной статьи было высказано предположение, что в качестве орнаментов и так называемых «украшений», «подвесок-оберегов»,¹ известных с палеолита, использовались одни и те же естественные и имитирующие их искусственные формы [9]. Не исключено, что сами «подвески», возможно, в составе ожерелий, выполняли роль орнаментов для керамики. Как известно из этнографии, ожерелья и браслеты использовались для обработки поверхности сосудов [10].

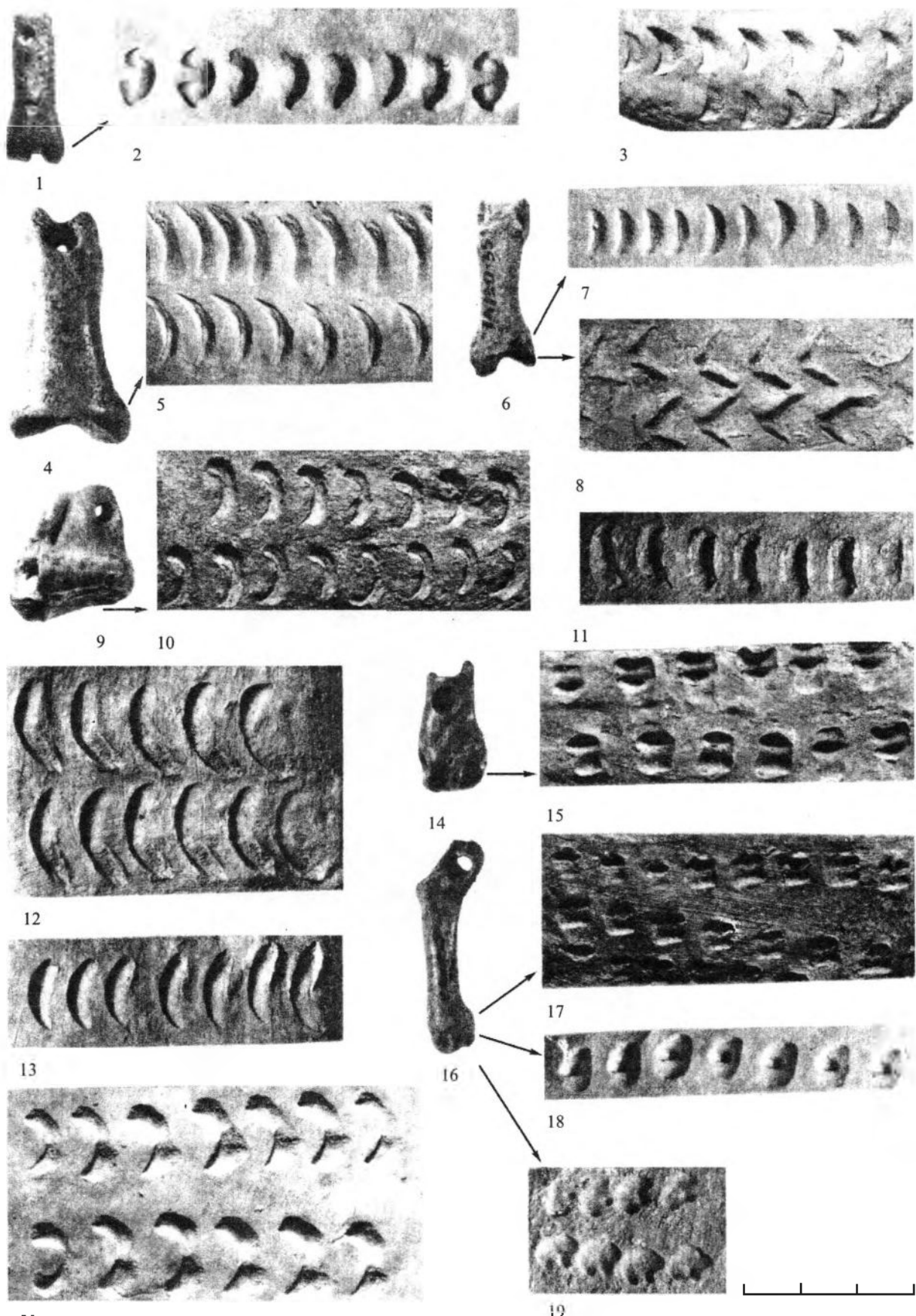
В этой связи внимание привлекли костяные украшения широко известных сахтышских стоянок (Ивановская область). Костяные украшения со стоянки Сахтыш II были частично опубликованы О.С. Гадзяцкой [11]. На сахтышских стоянках наряду с подвесками из зубов животных (лось, медведь, куница, бобр и др.) со сверлинами или – у наиболее ранних (льяловских) – с нарезками на конце для подвешивания были найдены подвески из костей животных: фаланг бобра и медведя, метаподий бобра, волка, заплюсневой кости бобра (определения Г.Ф. Барышникова, И.Е. Кузьминой, С.А. Кузьминой, И.В. Кирилловой) (рис. 1: 1, 4, 14, 16). Преобладают подвески из фаланг бобра, имеющие, как правило, сверлины на дистальном конце. Некоторые подвески сильно залощены, особенно чётко залощённость выражена у метаподия волка со стоянки Сахтыш I. Подвеска несколько раз ломалась, но у края слома просверливалось новое отверстие (рис. 1: 14).

В экспериментах по моделированию орнаментов использовались, за исключением контрольных эталонов, кости животных из коллекций Зоологического института РАН (авторы выражают признательность доктору биологических наук Г.Ф. Барышникову за предоставленную возможность работы с коллекциями института). В результате проделанной работы удалось установить следующее.

1. Метаподии (волка, бобра) оставляют характерные двузубые оттиски с подпрямоугольными мягко очерченными вмятинами (рис. 1: 15, 17), иногда прослеживается отпечаток третьего зубца (рис. 1: 19). Орнамент, аналогичный сахтышскому (рис. 3: 4), имеется на керамике с оз. Пирос (рис. 3: 5). Трёхзубые отпечатки представлены на фрагменте керамики с поселения Сяберское I (Ленинградская область) (рис. 3: 9).² Иной формы отпечатки получаются при наклонном положении метаподия (рис. 1: 19) – подобные отпечатки обнаружены на керамике с оз. Пирос (рис. 3: 7).

¹ Условность термина «украшения» по отношению к древнейшим эпохам очевидна, что же касается термина «подвески», то в настоящее время возможно использование этого термина как в узком значении наряду с «бусами», «пронизками», «нашивками» и т.п., так и в широком – для обозначения разного рода естественных и искусственных предметов, которые привязывались, нанизывались на скрученные волокна животного и растительного происхождения, нашивались на одежду, подвешивались к головному убору, поясу и т.д.

² Приносим благодарность автору раскопок поселения В.И. Тимофееву за любезное разрешение использовать в работе его материалы.

20 Рис. 1. Экспериментальные образцы орнаментов, выполненные костями животных: фалангами бобра (2, 20), собаки (3), медведя (5), волка (7, 8); коренным зубом медведя (10, 11); таранной костью бобра (12, 13); метаподиями волка (15), бобра (17-19). Подвески: фаланги бобра (1), медведя (4), волка (6); коренной зуб медведя (9); метаподии волка (14) и бобра (16)

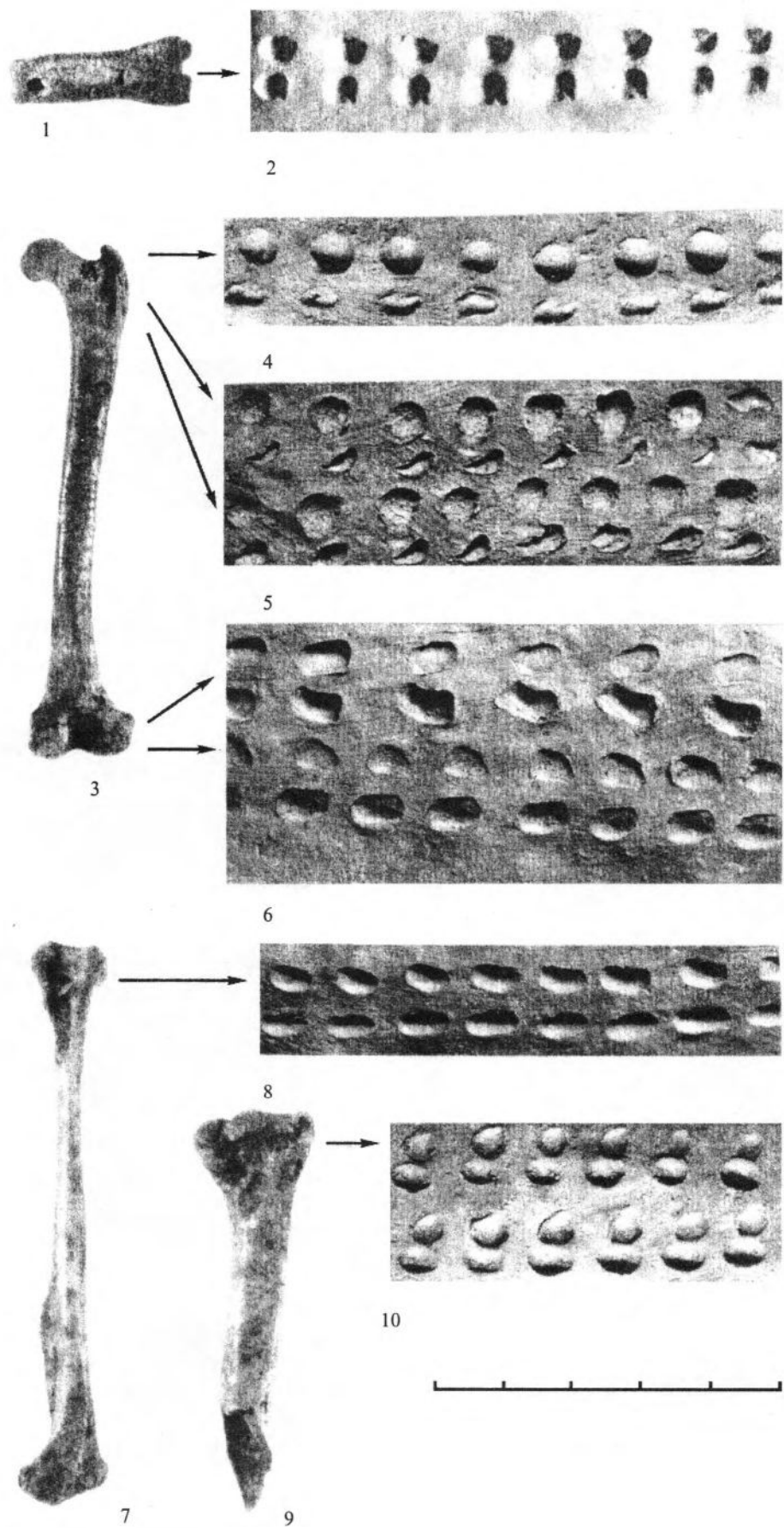

Рис. 2. Экспериментальные образцы парных ямчатых вдавлений, выполненные фалангой бобра (1); бедренной костью куницы (3); бедренной (7) и плечевой (9) костями птицы

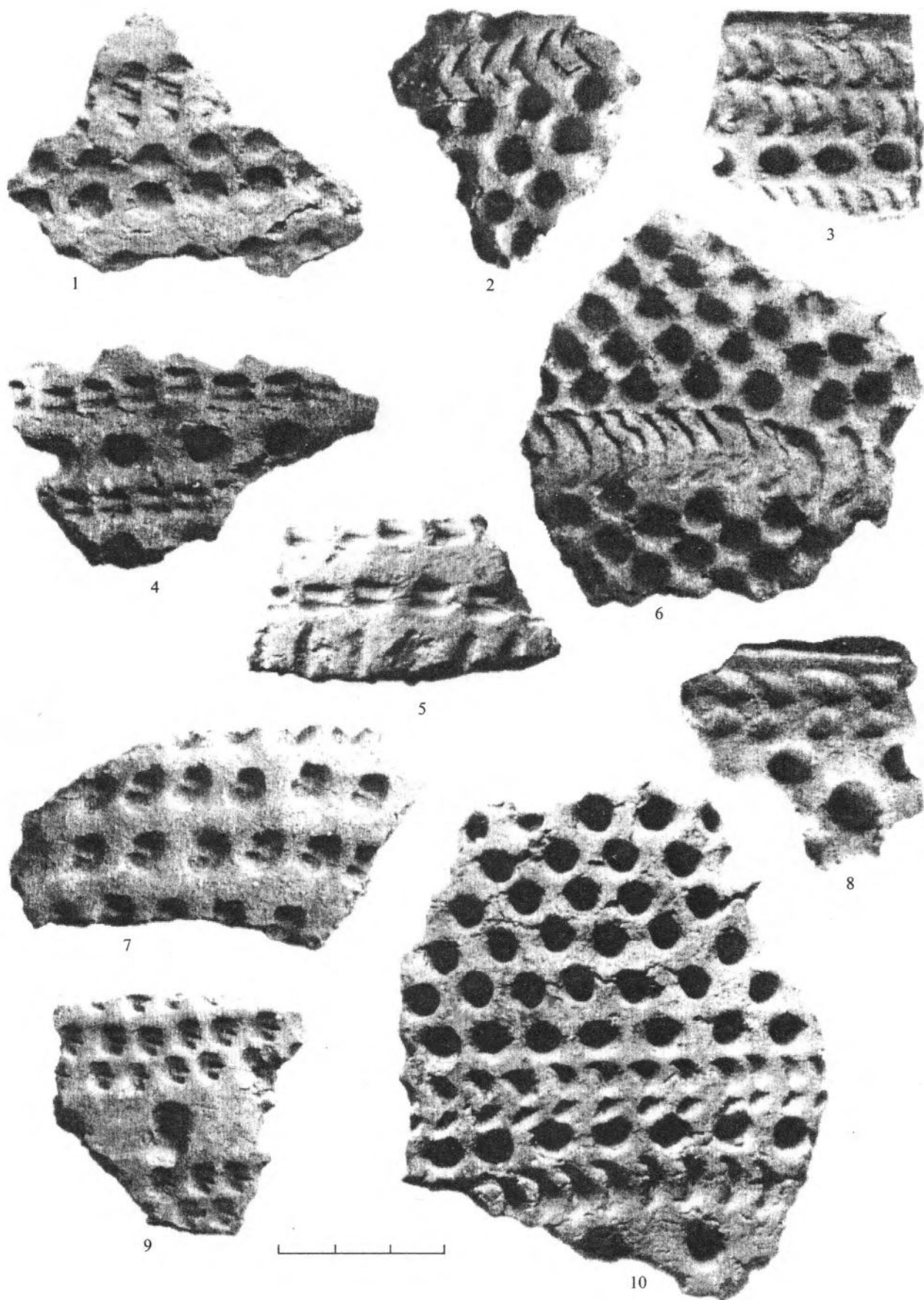

Рис. 3. Фрагменты керамики с "костными" орнаментами:
 1, 5, 7 - оз. Пирос; 2, 3, 6, 8, 10 - Сахтыш II; 4 - Сахтыш III; 9 - Сяберское I

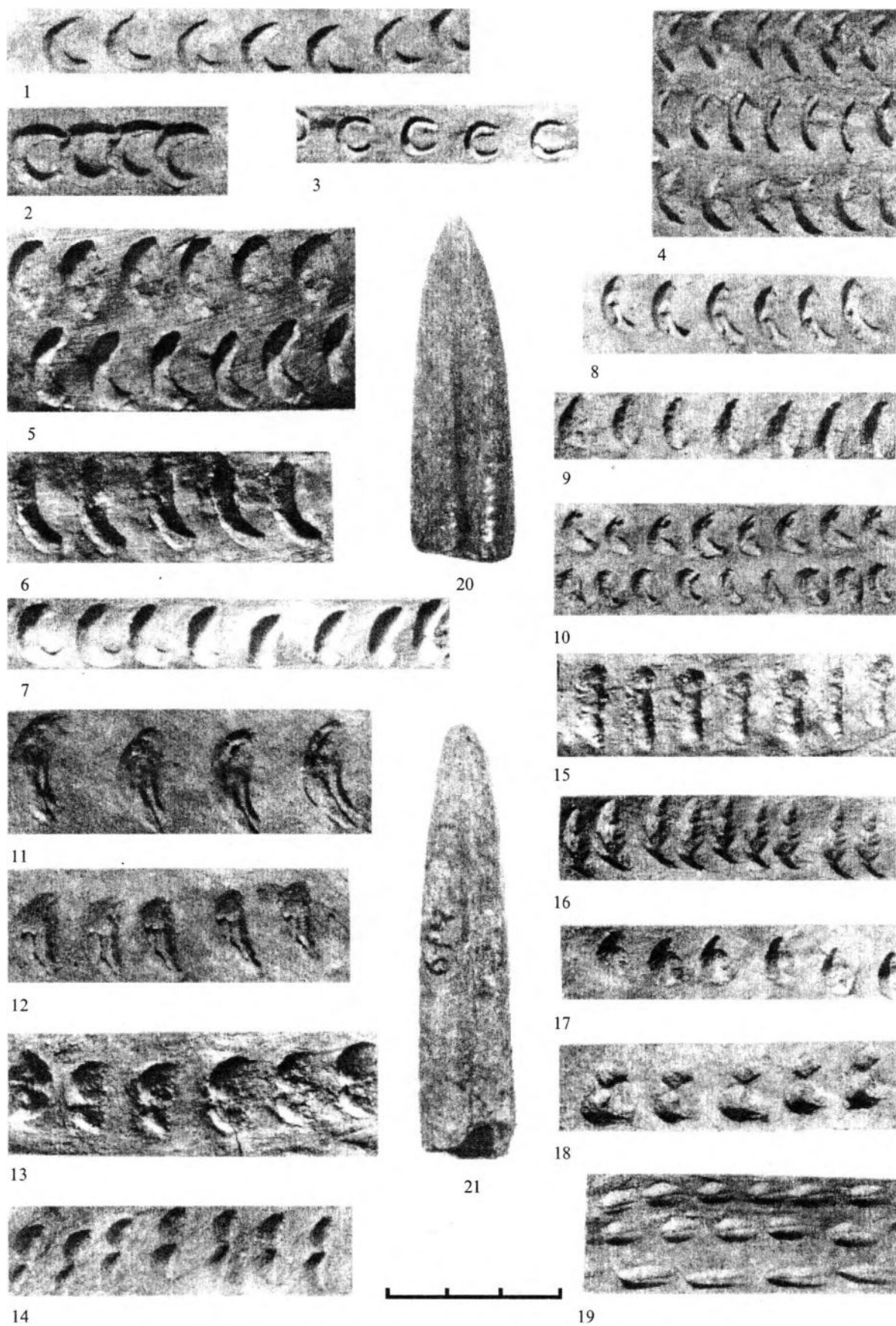

Рис. 4. Экспериментальные образцы орнаментов, выполненные белемнитами (1-19); белемниты из культурного слоя поселения Сахгыш I (20, 21)

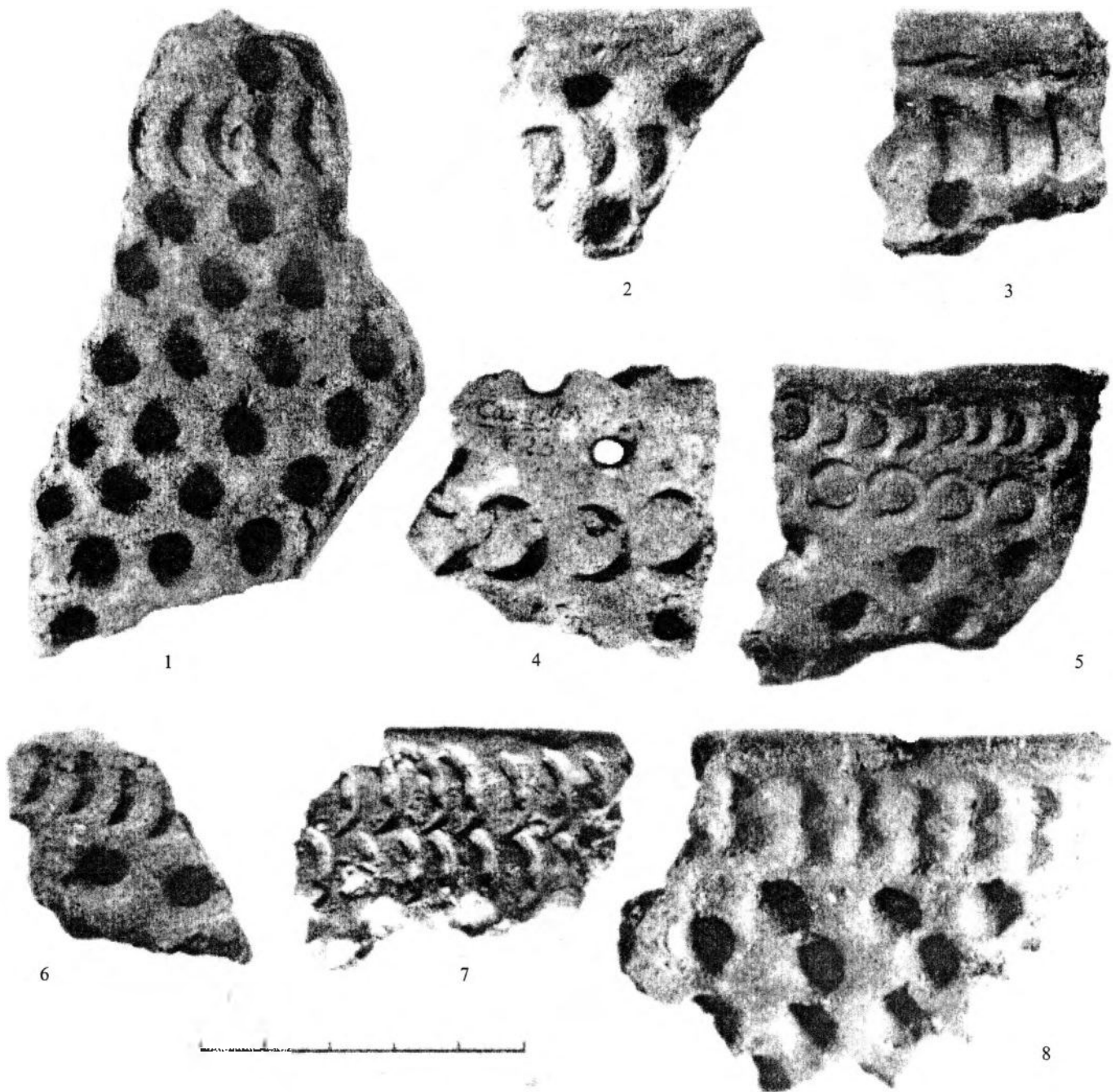

Рис. 5. Фрагменты керамики с "белемнитными" орнаментами: 1, 5 – Сахтыш I; 2-4, 6-8 – Сахтыш II

2. При работе проксимальным концом фаланг бобра, волка, медведя с нажимом на мышелки получается орнамент в виде парных ямчатых вдавлений с характерными выступами-носиками, различающийся размерами вдавлений и расстояниями между ними (рис. 2: 2). Такие орнаменты встречаются на керамике с оз. Пирос (Тверская область) (рис. 3: 1). Парные ямчатые вдавления могут быть отпечатками и других костей животных, птиц, однако форма вмятин у них иная (рис. 2: 4-6, 8, 10).

3. При работе проксимальными концами наклонно поставленных фаланг бобра, собаки, волка с нажимом на внешнюю поверхность (валярная сторона) имеем серповидные вдавления — "лунницы" (рис. 1: 2, 3, 7). Аналогичные, но крупных размеров "лунницы" получают при работе фалангой медведя (рис. 1: 5). "Лунницы" с более закруглёнными концами можно выполнить моляром медведя (рис. 1: 10, 11), таранной костью бобра (рис. 1: 12, 13). "Серповидные лунницы" характерны для льяловской керамики (рис. 3: 3, 6).

4. При поочерёдном надавливании на латеральный и медиальный мышелки фаланг (волка и бобра) получаем "двузубые лунницы" (рис. 1: 8, 20). Этот вариант "лунниц" также известен на льяловской керамике (рис. 3: 2, 8, 10).

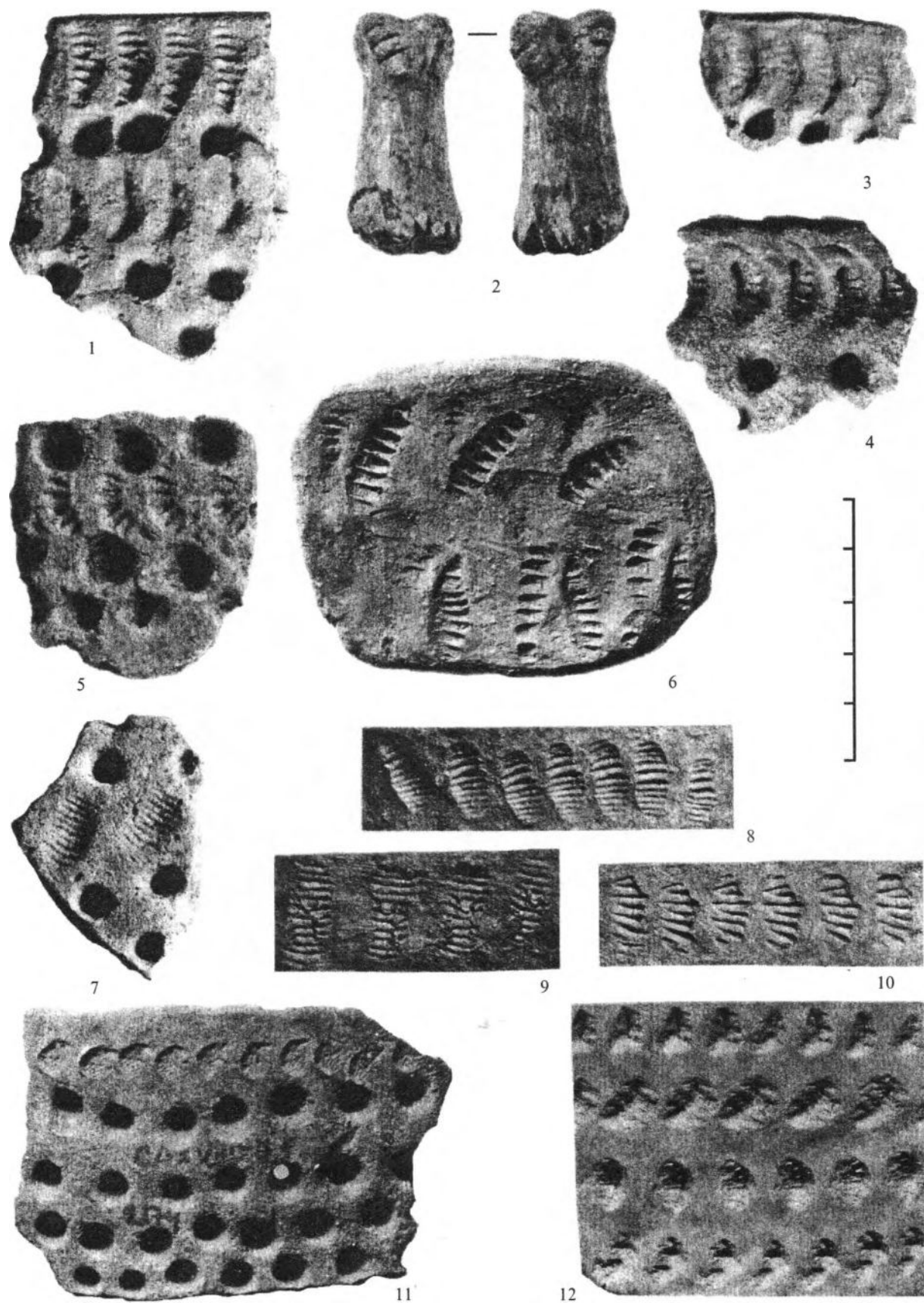

Рис. 6. Экспериментальные образцы и фрагменты керамики с "зубчатыми костными" и "аммонитными" орнаментами. Фрагменты керамики: 1, 3 – Сахтыш I; 4 – Сахтыш IIa; 5 – Сахтыш II; 7, 11 – Сахтыш VIII. Фаланга северного оленя с нарезками (2). Экспериментальные образцы, выполненные фалангой оленя (6); аммонитами и другими окаменелостями (8-10, 12)

5. “Зубчатые лунницы” могли наноситься костными орнаментирами с нарезками (рис. 6: 3, 4, 6). В качестве такого зубчатого штампа, возможно, использовалась фаланга северного оленя, найденная на стоянке Сахтыш II (рис. 6: 2). Экспериментальным образцам (рис. 6: 6) близки отпечатки на фрагменте керамики со стоянки Сахтыш I (рис. 6: 1).

6. На сахтышской керамике более широко по сравнению с “лунницами”, выполняемыми костными орнаментирами, представлены белемнитные “лунницы”. Для моделирования орнаментов нами использовались белемниты (10 экземпляров) из коллекции со стоянки Сахтыш I (рис. 4: 20, 21). Формы “лунниц” зависели от размеров белемнитов, наличия у них желобка и полости (рис. 5: 1-8).

Нанесённые костью “двузубые лунницы” порой трудно отличить от подобных им, выполненных тыльным концом наклонно поставленного белемнита с продольным желобком (рис. 4: 13, 14, 18). Отпечатки, оставленные костями (зубами), отличает сглаженность контуров вмятин.

Зубчатость (рис. 4: 8, 16) либо наличие в отпечатке валика (рис. 4: 11) обусловлены неровностью края торца белемнита (рис. 4: 21). У фаланговых отпечатков также в отдельных случаях вдоль дуги виден тонкий валик, отражающий особенности строения проксимального конца фаланг (рис. 1: 5).

У белемнитных отпечатков иногда прослеживается кристаллическая микроструктура сломы (рис. 4: 9, 10, 15).

Вариант белемнитных орнаментов представляют собой “серповидные лунницы”, наносимые полыми торцами белемнитов (рис. 4: 2, 3).

7. На льяловской керамике кроме отпечатков белемнитов встречаются отпечатки аммонитов (рис. 6: 7) и разного рода окаменелостей (рис. 6: 11), которые неоднократно находили в культурном слое сахтышских стоянок. Отпечатки некоторых из них представлены на экспериментальных образцах (рис. 6: 8-10, 12).

Вышеописанные элементы не исчерпывают всего многообразия орнаментации ямочно-гребенчатой керамики. Для Волго-Окского междуречья пет данных о количественном соотношении “костных” орнаментов и орнаментов, выполненных штампами. В уральском регионе сосуды, орнаментированные челюстями животных, составляют небольшой процент по отношению к сосудам, орнаментированным штампами. Сосуды с “костными” отпечатками, возможно, выполняли особые ритуальные функции, использовались в обрядовых действиях.

Преобладание среди “костных” амулетов подвесок из костей лап бобра и использование их в качестве орнаментов ямочно-гребенчатой керамики свидетельствуют о распространении в IV тыс. до н.э. культа этого зверя, обусловленного большой ролью бобрового промысла в экономике древнего населения. На сахтышских стоянках кости бобра наряду с костями лося занимают первое место среди разнообразных костных остатков (определения выполнены В.П. Данильченко). Отмечается также использование костей бобра в хозяйственной деятельности сахтышского населения: лучевых костей в качестве разбивальников, нижних челюстей – как резцов и скобелей. Культ бобра, возникший у населения Волго-Окского междуречья в эпоху неолита, сохранился здесь вплоть до средневековья [12; 13; 14].

В постльяловское (волосовское) время широкое распространение в данном регионе получает культ медведя, что находит отражение в предметах искусства и ритуале [15-20]. На ямочно-гребенчатой керамике преобладают орнаменты из отпечатков костей лап бобра. Напротив, на фрагментах волосовского сосуда с поселения Скрабы III (р. Западная Двина, Тверская область) встречен орнамент из отпечатков кости os penis'a медведя [21].

В эпохи неолита и раннего металла в ритуале использовались натуральные части зверя (голова, лапы, челюсти, кости). Медвежьи лапы (кости сохранились в анатомическом порядке) обнаружены, к примеру, над двумя “кладами” погребально-святилищных комплексов могильника Сахтыш II [17, с. 4]. В средневековых же (X в.) курганных погребениях Верхнего Поволжья и Аландских островов обнаружены уже глиняные модели лап медведя или бобра [12; 13].³

Дальнейшее изучение особенностей отдельных элементов орнамента, выявление орнаментов, которыми они наносились, позволит не только более глубоко и аргументированно раскрыть содержание древних культов, но также проследить разнообразные культурные, а возможно, и генетические взаимосвязи древнего населения.

³ Для позднего неолита известна одна глиняная находка, интерпретируемая как шестипалая лапа медведя [22, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы европейской части СССР. Л., 1972.
2. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
3. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
4. Сидоров В.В., Трусов А.В. Луково озеро I – стоянка льяловской культуры // СА. 1980. № 2.
5. Сидоров В.В. Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // СА. 1986. № 4.
6. Сидоров В.В. Стан I – стоянка и ритуальный комплекс // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
7. Сидоров В.В. Орнаментация керамики как магическое действие // Тезисы докладов конференции “Религиозные представления в первобытном обществе”. М., 1987.
8. Золотарев В.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.
9. Калитина И.В., Гаджиева Е.А. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина. СПб., 1993. (Археологические изыскания. Вып. 10).

10. *Drost D.* Töpferei in Afrika. Technologie // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin: 1967. Н. 15.
11. *Гадляцкая О.С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. 1966.
12. *Фехнер М.В.* Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М., 1963.
13. *Фехнер М.В.* Бобрый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. № 3.
14. *Дубов И.В.* "И поклоняешься идолу камени ..." Л., 1995.
15. *Крайнов Д.А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
16. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
17. *Крайнов Д.А.* О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М., 1988.
18. *Студзицкая С.В.* Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М., 1994. (Труды ГИМ. Вып. 85).
19. *Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
20. *Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Волосовские скульптурные модели фаллоса // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
21. *Калинина И.В.* Орнаментация сосуда с поселения Скрабы III // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
22. *Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П.* Искусство каменного века. М., 1992.

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

E.L. Kostyleva, I.V. Kalinina

THE USAGE OF ANIMALS' BONES FOR PIT-COMB POTTERY ORNAMENTATION

Summary

V.V. Sidorov repeatedly expressed his opinion that animal and bird bones were used to ornament pit-comb pottery. According to a hypothesis put forward in our article by one of authors, the artifacts, similar to those that had been used as amulets-guardians since the Palaeolithic, were the tools for the Neolithic pottery ornamenting. In this connection bone adornments – "pendants-guardians" from the Sahtysh sites (Ivanovo Region) attracted the authors' attention.

In the course of experimental series of modeling ornaments it has been revealed that metapodiams and phalangs mainly of beaver were used for pottery ornamentation, and were predominant among the "pendants" from Sahtysh sites. The distinctive specifications of "bone" ornaments in comparison with "belemnite" and "ammonite" ones are considered in the article.

*The State University of Ivanovo
126, 6, Zharova St., Ivanovo,
153000, Russia*

*The State Hermitage
34, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg,
191186, Russia*

К.Э. Герман

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ КУЛЬТУРЫ СПЕРРИНГС (по данным керамики)

Впервые вопрос о выделении локальных вариантов в культуре сперрингс был поставлен Ю.В. Титовым [1]. Он выделил на территории Карелии три локальных района: Сямозерский, Медвежьегорский и Соломенский [1, с. 43-48]. Г.А. Панкрушев увеличил их количество до восьми, из которых, по его мнению, хорошо изучены только пять: западное побережье Онежского озера и низовья рек Суны и Шуи (I район), северное и северо-восточное побережья Онежского озера (II район), Водлозеро и течение реки Водлы (III район), Сямозеро (IV район), верховья реки Суны (V район) [2, с. 69-70]. И.Ф. Витенкова подвергла критике выделенные этими авторами локальные районы, обращая внимание на то, что различия в керамике и каменном инвентаре могут объясняться хронологией поселений, степенью изученности района, близостью источников сырья, погребностями при вычленении комплексов на многослойных памятниках [3, с. 80]. К этому надо добавить, что процент того или иного элемента орнамента, той или иной орнаментальной композиции считался по общему количеству фрагментов керамики, а не по сосудам.

Для характеристики керамического материала автором взяты 1477 сосудов с 38 поселений, которые для удобства были разделены по четырём географическим районам: Водлозеро (I район), северное побережье Онежского озера (II район), юго-западное побережье Онежского озера (III район) и Сямозеро (IV район). Для статистической обработки керамического материала были использованы следующие признаки:

- 1) толщина стенок;
- 2) форма венчика;
- 3) орнаментация среза венчика;
- 4) наличие органической примеси в тесте (пористость);
- 5) техника нанесения орнамента;
- 6) элементы орнамента;
- 7) орнаментальные мотивы и композиции;
- 8) наличие выпуклин («жемчужин») на внутренней поверхности сосудов.

Наиболее значимые результаты обработки этих данных изложены в виде диаграмм на четырёх картах (рис. 1-4).

1. Большинство сосудов имели стенки толщиной 0,6 - 0,9 см (945 экз., или 63,9%), горшков со стенками толщиной 1,0 см и более всего 108 экз., или 7,3% (рис. 1). Это показывает, что признаком керамики сперрингс не является толстостенность, как считалось ранее, и отличает её от финской посуды группы Ка I:1, которая характеризуется толстостенностью (к примеру, на поселении Эсбо Сперрингс зафиксировано более 50% такой посуды, причём толщина стенок некоторых сосудов достигает 1,5-1,6 см). Большая часть горшков, толщина стенок которых составляет 1-1,2 см, найдена на поселениях II и IV районов (172 экз., или 11,6%), то есть на северо-западе, меньшая (115 экз., или 7,8%) – на юго-востоке, что показывает определённую тенденцию к увеличению толщины стенок сосудов в сторону территории современной Финляндии.

2. Большинство венчиков составляет прямой плоскосрезанный (683 экз., или 46,2%), который преобладает на северо-западе Карелии, увеличиваясь в количестве к западу и в IV районе достигая 60%. Подобная форма венчиков характерна и для керамики группы Ка I:1 на территории Финляндии. Количество прямых плоскосрезанных с напылом на внутренней части венчиков уменьшается к западу (10,3%), но увеличивается к востоку от Онежского озера (17,7%) (рис. 2).

3. Из 1477 сосудов с орнаментированными срезами венчиков насчитывается всего 51, или 3,5%. Большой процент орнаментированных венчиков в I районе (7,8%), наименьший – в III (2,1%). Оттиски позвонка доминируют на всех типах венчиков, далее идут отступающие и прочерченные линии. Каких-либо различий по районам по этому показателю проследить не удалось.

4. «Пористых» сосудов насчитывается всего 10 экз., или 0,7% от всей посуды, что является резким отличием от финской керамики, где подобные сосуды составляют более 50% [2, с. 30].

5. По своему типу керамика сперрингс относится к «отступающе-накольчатой». Это подтверждается тем, что 71,4% посуды орнаментировано в этой технике (рис. 3). Орнаментация в технике штампования составляет лишь 18%, и количество посуды, орнаментированной в ней, резко возрастает к югу, достигая 41,5% в III районе. На территории Финляндии керамика, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике, составляет от 96 до 100% [2, с. 30]. Надо отметить, что позвонком орнаментация наносилась в

различной технике. В основном доминирует отступление (26,2%), далее идут накальвание с отступанием (4,9%), штампование (4%) и прочерчивание (протаскивание) (1,4%).

6. Первое место в орнаментации занимают оттиски позвонка – 36,4%, затем встречаются отступающие и прочерченные линии – 36%, оттиски гребенчатого штампа – 16,5%, верёвочные отпечатки – 6,7%, оттиски “фигурного” штампа – 2,6% и ямочные вдавления – 0,8% (рис. 4). Посуда, орнаментированная оттисками позвонка, концентрируется на северном побережье Онежского озера (50,6%), её количество уменьшается к западу (34,4%), востоку (26,6%) и югу (24,7%), что позволяет выдвинуть предположение о её возникновении на поселениях II района. Керамика, орнаментированная гребенчатыми и “фигурными” штампами, преобладает на востоке и юго-востоке Карелии (13,9%) и резко уменьшается к северо-западу (2,7%). Процент посуды с верёвочной орнаментацией плавно уменьшается с востока на запад (I и III районы – 3,9%, II и IV районы – 2,8%, Финляндия – 1%) [2, с. 30].

7. Наибольшее количество посуды, украшенной круглоконическими ямками, отмечено на востоке – в I районе (85,4%), к западу её процент резко уменьшается (IV район – 59,5%). Керамика, орнаментированная остроовальными (подромбическими) ямками, отсутствует на востоке и слабо представлена на юго-востоке (0,9%), но её количество резко возрастает к западу (II район – 7%, IV район – 9,7%). На территории Финляндии керамика с остроовальными (подромбическими) вдавлениями тоже представлена.

8. Мотивы орнамента, близкие керамике Сярайсьнеми I (сяр I), – горизонтальная зигзагообразная линия с ямками в углах и горизонтальная линия из двух соединённых ямок характерны для украшения посуды в I (13,5% и 7,3%) и II (13,5% и 0,9%) районах; к югу и западу количество посуды с этими мотивами уменьшается (III район – 1,1% и 0%, IV район – 6,4% и 2,6%).

9. В орнаментации керамики сперрингс, занимавшей всё тулово сосуда, кроме подвенчикового пояса и дна, ведущую роль играют простые композиции, которые в большей степени строятся на оттисках позвонков (80-100%), гребенчатого и “фигурного” штампов (95-100%) и отпечатках верёвочки (98-100%); сложные композиции более характерны при орнаментировании сосудов отступающими и прочерченными линиями (4-20%).

10. Для керамики сперрингс не характерно наличие выпуклин («жемчужин») на внутренней части сосудов (70 экз., или 4,7%); наибольший процент такая посуда составляет в I районе (9,9%), к западу от Онежского озера её количество уменьшается (2,6%).

11. Влияние керамики сперрингс на ямочно-гребенчатую было более сильным на западе и северо-западе, судя по количеству последней, имеющей “сперрингсовидные” черты (от 14% до 21% сосудов), обратный процесс был менее интенсивным (не более 5-7% сосудов). На востоке и юго-востоке, наоборот, доминировало влияние ямочно-гребенчатой посуды (Кладовец II – до 20% сосудов).

Таким образом, на территории Карелии можно выделить два больших локальных района:

I – восточнее (Водлозеро) и юго-восточнее (юго-восточное побережье Онеги) Онежского озера;

II – северо-западнее (северное побережье Онеги) и западнее (Сямозеро) Онежского озера.

Отличия в керамике этих районов носят, в основном, количественный характер, что выражается в процентном соотношении тех или иных признаков. Без статистической обработки большого количества сосудов эти различия не улавливаются, в первую очередь, из-за выраженного однообразия керамики сперрингс. Такие признаки, как толщина стенок, форма и орнаментация среза венчиков, техника нанесения орнамента практически не претерпевают сколько-нибудь значительных изменений на всём протяжении существования керамики сперрингс.

Основные отличия двух локальных районов характеризуют следующие показатели.

1. В I локальном районе количество глиняной посуды, орнаментированной оттисками позвонка, составляет 20-25% всех сосудов, во II локальном районе – 35-50%; прочерченно-отступающими линиями в I районе – 24-50%, во II – 35-50%; отпечатками верёвочки в I районе – 7-12%, во II – 4-5%; оттисками гребенчатого штампа в I районе – 20-35%, во II – не более 5%; “фигурным” штампом в I районе – 1-6%, во II районе – 0-0,5% (рис. 4).

2. В I районе отсутствует керамика, украшенная остроовальными (подромбическими) ямками, которая широко представлена во II локальном районе и на территории Финляндии; в I районе почти на 20% больше посуды, украшенной круглоконическими ямками, а также в три раза больше сосудов с выпуклинами («жемчужинами») на внутренней стороне, чем во II районе.

3. Количество сосудов с орнаментированными венчиками в I районе в два раза больше, чем во II.

Можно отметить определённые локальные отличия керамики сперрингс с поселений Карельского перешейка и с севера Ленинградской области. Они связаны, видимо, с расположением памятников с этой посудой в контактной зоне с другими раннеолитическими культурами, например, нарвской.

В орнаментации керамики сперрингс с Карельского перешейка до 90% занимают отступающие и прочерченные линии, оттиски позвонка составляют около 5%, нет оттисков гребенчатого штампа. Всё это сближает глиняную посуду этих поселений с финской керамикой группы Ка I:1 (например, аналоги есть в материалах поселения Эсбо Сперрингс). Кроме того, в тесте одного сосуда с прочерченной орнаментацией, найденного на поселении Березье, зафиксирована примесь раковины, что указывает на определённые контакты с изготовителями нарвской керамики, которая также была собрана на этом памятнике [4, с. 24].

Для орнаментации керамики сперрингс с поселений севера Ленинградской области характерен большой процент использования гребенчатого штампа (Пададь I – 26%) и тонкостенность сосудов (0,5-0,8 см), что сближает её с посудой I локального района [5, с. 226; 6, с. 62, табл.1].

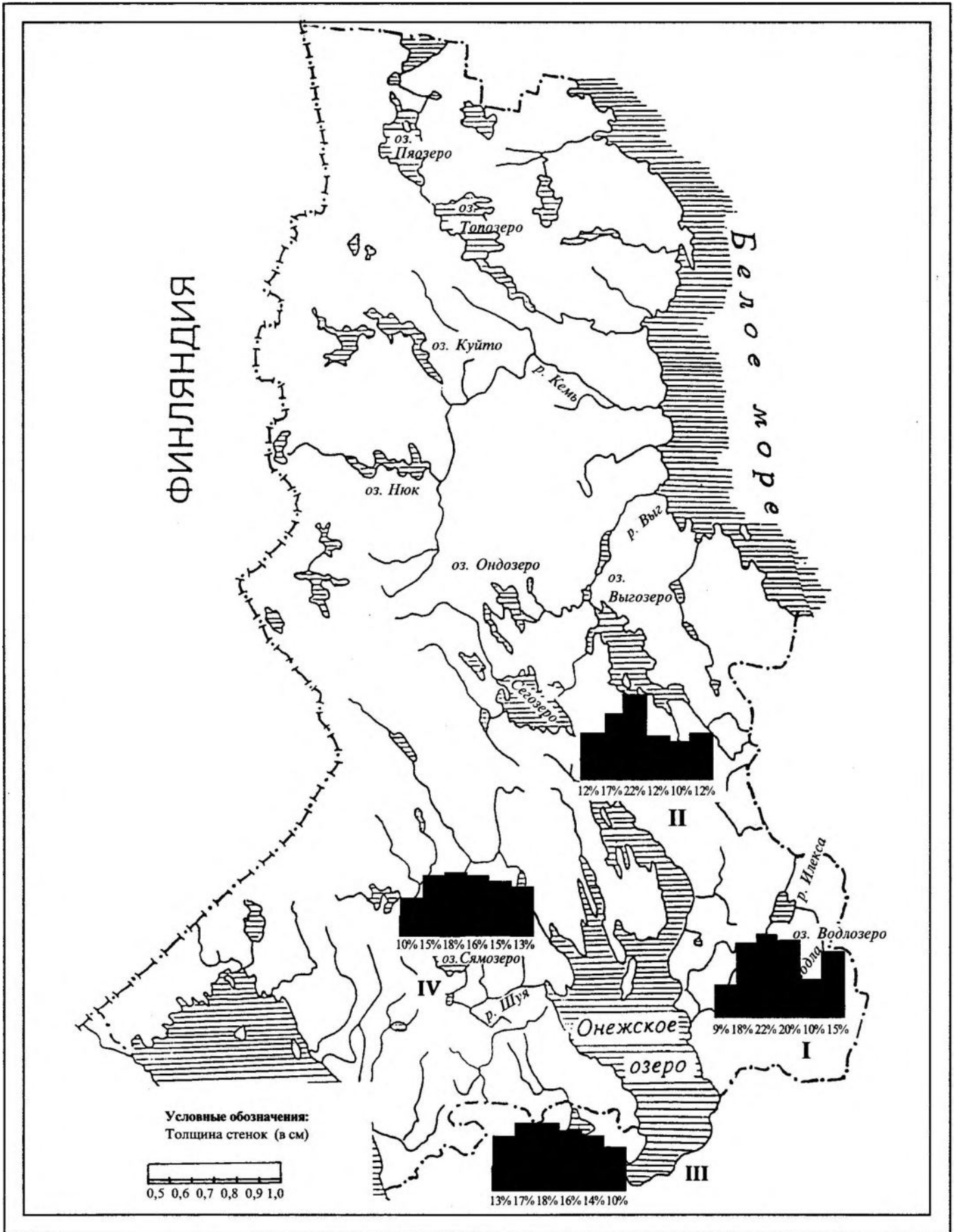

Рис. 1. Распределение сосудов культуры сперрингс на территории Карелии по толщине стенок

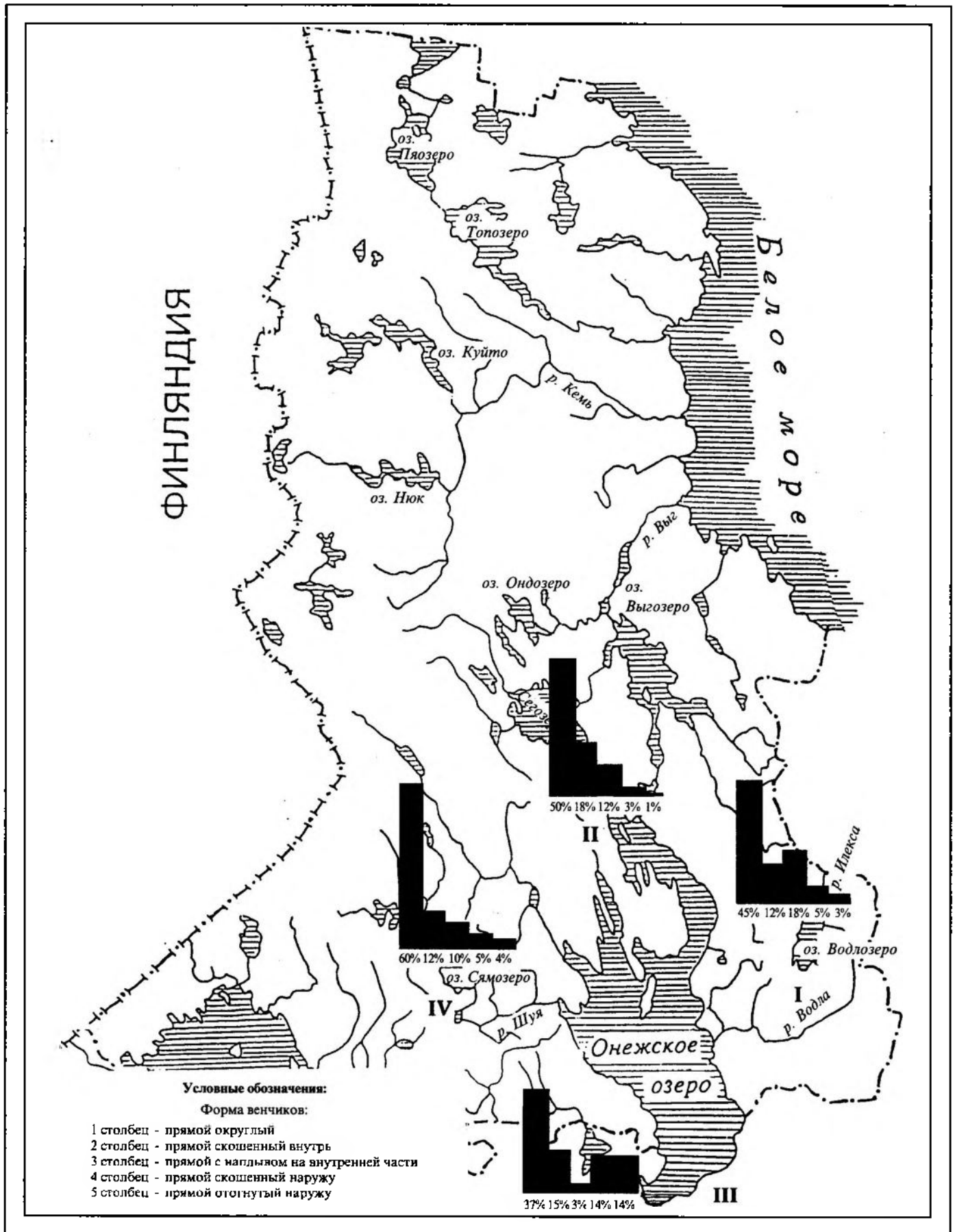

Рис. 2. Распределение сосудов культуры сперрингс на территории Карелии по форме венчиков

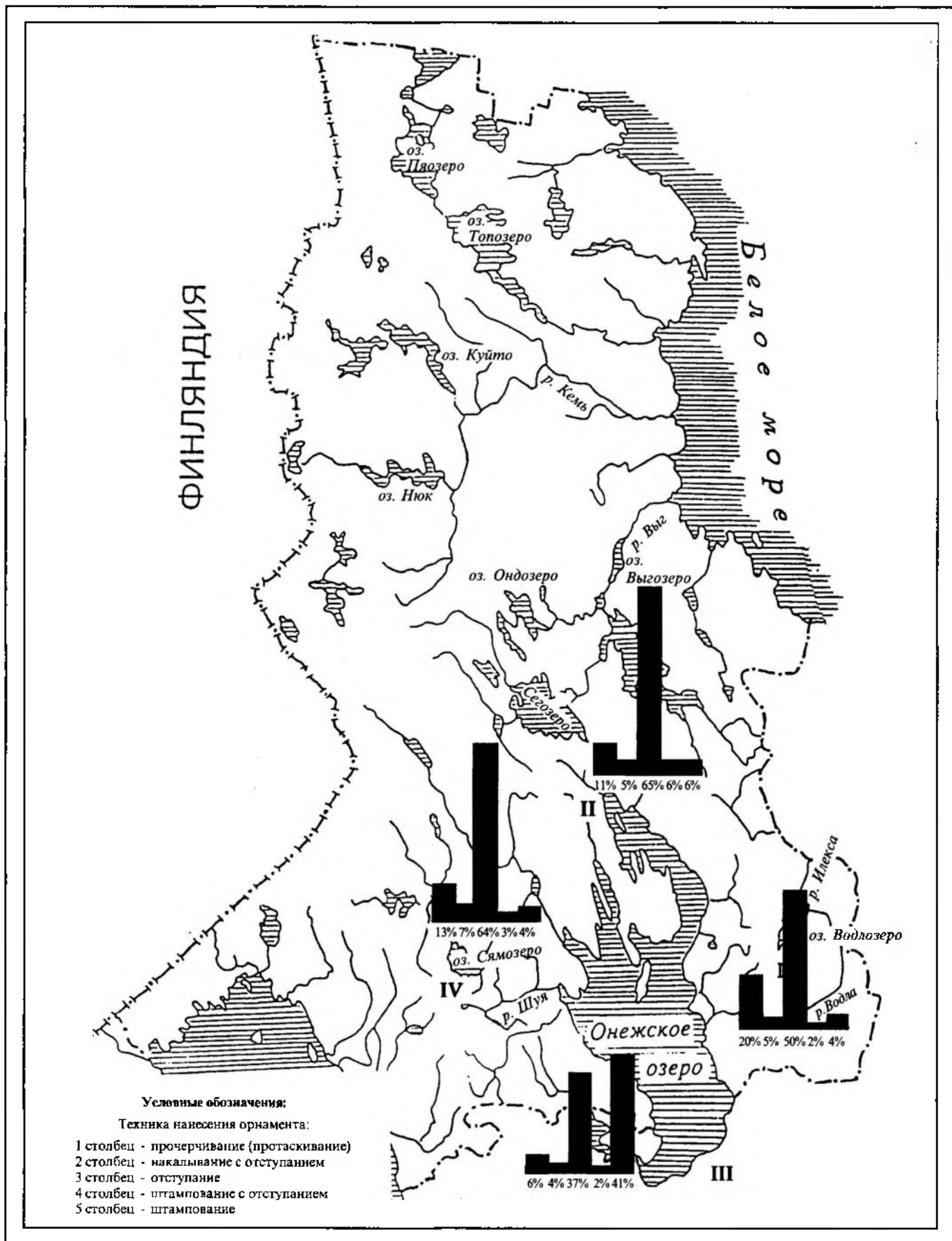

Рис. 3. Распределение сосудов культуры сперрингс на территории Карелии по технике нанесения орнамента

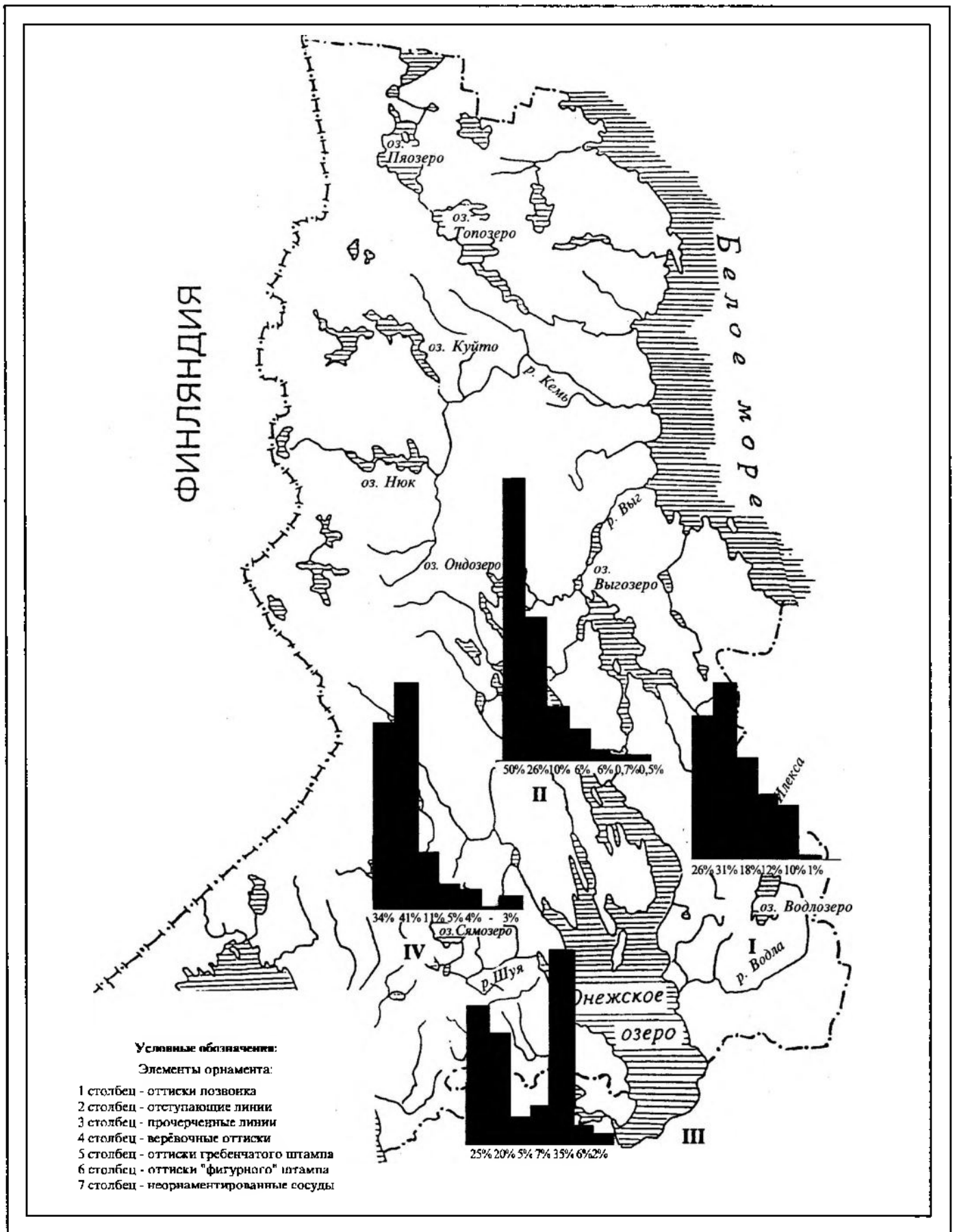

Рис. 4. Распределение сосудов культуры сперрингс на территории Карелии по элементам орнамента

Из вышеизложенного видно, что керамика II локального района имеет общие черты: форма венчика, небольшое количество верёвочных оттисков, наличие подовальных (подромбических) ямок – с посудой группы Ка I:1, известной на территории Финляндии, хотя есть и значительные отличия (практически полное отсутствие «пористых» сосудов). Изготовители керамики I локального района, с одной стороны, подверглись сильному влиянию носителей ямочно-гребенчатой посуды (большой процент круглоконических ямок, напыль с внутренней стороны венчика, выпуклины («жемчужины») на внутренней стороне сосудов), с другой стороны, вступали в контакты с группами раннеолитического населения Южного и Юго-Восточного Прионежья, что выразилось в резком увеличении в орнаментации керамики оттисков гребенчатого и «фигурного» штампов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Титов Ю.А.* О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
2. *Пашкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
3. *Витенкова И.Ф.* Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
4. *Тимофеев В.И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993.
5. *Гусеницова Т.М., Андреева Н.А.* Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Межозерья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
6. *Гусеницова Т.М., Андреева Н.А.* Памятники с керамикой сперрингс в северо-восточных районах Ленинградской области // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.

*Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник "Кижский",
Петрозаводск*

K.E. German

THE LOCAL VARIANTS OF SPERRINGS CULTURE (According to Ceramics Data)

Summary

The author of the article managed to single out local regions of Sperrings culture upon comparison of 1477 pots from 38 settlements on the basis of such significant features as the shape of rim and the width of the wall, the ornamental elements and compositions. The first of the regions is situated to the west and the second – to the east of the Onego Lake. The total percentage of the fish vertebra printed ornaments on ceramics amounts to about 35-50% in the first region, and to 25% in the second one. Ornaments with rhomb pits are absent in the first region, while the number of pots with ornamental rims by 2 times exceeds the corresponding find in the second one.

*The Historical-Architectural and Ethnographical
Museum – Reserve "Kizhi"
23, Neglinskaya Emb., Petrozavodsk,
185035, Republic of Karelia,
The Russian Federation*

К.Э. Герман

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ СПЕРРИНГС В КАРЕЛИИ

Определение хронологии памятников с керамикой сперрингс в Карелии, хронологических рамок культуры на современном этапе её изучения затруднено вследствие немногочисленности керамики и каменного инвентаря, недостаточности изученных памятников, в том числе и “чистых” комплексов, а также небольшого количества полученных с них радиоуглеродных определений.

Предлагаемая схема хронологии и периодизации культуры опирается на три основных источника:

- 1) радиоуглеродные определения;
- 2) данные высотного расположения памятников и геоморфологических исследований;
- 3) данные сравнительно-типологического анализа керамики и каменного инвентаря.

Радиоуглеродные определения

До начала 1990-х гг. с поселений с керамикой сперрингс было получено 7 датировок по углю (табл. 1). Первая, с поселения со смешанным комплексом керамики сперрингс и ямочно-гребенчатой Ерпин Пудас I, относилась к сер. V тыс. до н.э. (6510 ± 120 л.н.). Однако Ю.А. Савватеев не связал эту дату с культурным слоем, предположив, что линза углей, откуда был взят образец на анализ, является следом от лесного пожара. К комплексу керамики сперрингс он отнёс дату 5240 ± 50 л.н. и определил появление первой посуды на поселении кон. IV – нач. III тыс. до н.э. [1, с. 291].

П.Э. Песонен отнесла керамику сперрингс поселения Ерпин Пудас I к развитому этапу существования культуры и предположила её одновременность с комплексом ямочно-гребенчатой посуды [2, с. 66].

В настоящее время с комплексом ямочно-гребенчатой керамики поселения Ерпин Пудас I Н.В. Лобанова связывает более ранние радиоуглеродные определения, полученные из очагов, в пределах 5990 ± 100 - 5460 ± 80 л.н. [3, с. 103]. Учитывая совместное залегание с ямочно-гребенчатой посудой в самой высокой части поселения, керамику сперрингс можно связать с датами нижнего предела.

Ещё одна ранняя датировка была получена из очага с поселения Пегрема IX – 6510 ± 90 л.н., А.П. Журавлёв связывает её с керамикой сперрингс, найденной на памятнике (4, с.122). По мнению Э.И. Девятовой, с этим определением сопрягаются данные геоморфологии и палинологии, с чем согласны и другие исследователи [5, с. 55; 2, с. 66; 6, с. 77-78].

С поселением Шелтозеро XI связаны ещё два радиоуглеродных определения, но они слишком разнятся между собой (промежуток составляет почти 500 лет), а образцы собраны по всей поверхности памятника, поэтому нет оснований брать их за основу для датировки керамики сперрингс (табл. 1). Кроме того, памятник представляет собой смешанный комплекс, в котором помимо сперрингс был выделен каменный инвентарь мезолитического облика и найдены фрагменты ямочно-гребенчатой и асбестовой посуды.

К комплексу сперрингс, по мнению М.Г. Косменко, может относиться датировка по углю из очага на поселении со смешанным комплексом Шеттима I, что подтверждается также ранним обликом глиняной посуды, собранной на памятнике [7, с. 52-54].

Два радиоуглеродных определения имеются по поселению Хепоярви, находящемуся на Карельском перешейке, со смешанными комплексами керамики сперрингс и гребенчато-ямочной (табл. 1). На основании этих определений существование керамики сперрингс датируется интервалом 6480 ± 60 - 6380 ± 60 л.н., что подтверждается ранним обликом глиняной посуды и наличием в каменном инвентаре семи кремнёвых ножевидных пластинок [8].

С начала 1990-х годов для памятников с керамикой сперрингс были получены новые радиоуглеродные даты. Для поселения Оровнаволок V было сделано два определения (по углю из очагов), которые датируют комплекс керамики сперрингс интервалом 5850 ± 80 - 5720 ± 60 л.н. [9, с. 99]. Эти даты хорошо согласуются с керамическим материалом, а также с двумя радиоуглеродными определениями, связанными с фрагментами керамики, орнаментация которой близка, с финского поселения Юли-Ии Пахканкоски – 5615 ± 95 (№ 14984:183) и 5745 ± 130 (№ 14984:199) л.н. Этот памятник финские исследователи относят к концу существования посуды группы Ка I:1 (устное сообщение М. Торвинена, ноябрь 1998 г.).

Для нижнего слоя поселения Уя III была получена радиоуглеродная дата 6770 ± 80 л.н. (ТА-2352), однако она определяет возраст леплового горизонта и не относится непосредственно к культурному слою с керамикой сперрингс, который располагается выше.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки памятников культуры сперрингс

Наименование памятника	Радиоуглеродная датировка, л.н.	Местонахождение образца	Калиброванная датировка, до н.э.
1. Ерпин Пудас I	5990±100 (ТА-779)	уголь из кострища, глубина залегания 0,65 м	4990±330
	5860±100 (ТА-472)	уголь из кострища, глубина залегания 0,6 м	4810±270
	5825±80 (ТА-413)	уголь из кострища, глубина залегания 0,6 м	4740±300
	5460±80 (ТА-800)	уголь из кострища, глубина залегания 0,4 м	4230±300
2. Оровनावолок V	5850±80 (ТА-2265)	уголь из кострища	
	5720±60 (ТА-2266)	уголь из кострища	
3. Пегрема IX	6510±90 (ТА-1161)	уголь из кострища, глубина залегания 0,6 м	5460±250
4. Тудозеро V	6110±100 (ГИН-7662)	уголь из очага	5030±220
	6230±120 (ГИН-7663)	уголь из очага	5150±280
	6250±50 (ГИН-8050)	уголь из очага	5170±100
5. Хспоярви	6380±60 (ЛЕ-1411)	уголь из очага, глубина залегания 0,4-0,45 м	5330±230
	6480±60 (ЛЕ-1412)	уголь из очага, глубина залегания 0,4-0,45 м	5440±220
6. Шелтозеро XI	6480±70 (ТА-1312)	уголь со стоянки, глубина залегания 0,75-0,93 м и 0,75-0,8 м	5435±225
	5960±70 (ТА-1313)	уголь со стоянки, глубина залегания 0,75-0,93 м и 0,75-0,8 м	4960±240
7. Шеттима I	6400±150 (ТА-1552)	уголь из очага, глубина залегания 0,3-0,4 м	5340±300

С поселения Тудозеро V в последние годы было получено три радиоуглеродных определения, датирующие комплекс керамики сперрингс, выделенный на памятнике, интервалом 6250±50 - 6110±100 л.н. [10, с. 27]. Этим датировкам не противоречат ранний облик глиняной посуды и данные стратиграфии памятника.

Таким образом, исходя из имеющихся на сегодняшний день радиоуглеродных дат, рамки культуры сперрингс определяются сер. V – сер. IV тыс. до н.э.

Данные высотного расположения памятников и геоморфологических исследований

В результате работ Б.Ф. Землякова, Н.Н. Гуриной и Г.А. Панкрусцева было установлено, что существует связь возраста поселений и их высотного расположения, особенно чётко фиксируемая на северном побережье Онежского озера. Как правило, самые древние памятники имели наиболее высокие гипсометрические отметки, и, наоборот, самые молодые занимали низкие гипсометрические отметки. Также было отмечено, что поселения, относящиеся к разным хронологическим периодам, располагаются на древних береговых террасах в определённом диапазоне высот. Поселения культуры сперрингс, расположенные на северном берегу Онежского озера, занимали высоты от 14 до 9,7 м, а на северном берегу Сямозера – от 6,3 до 3 м. Эти выводы верны только для памятников, расположенных на северных берегах озёр Сямозеро и Онежское, где подьём береговой линии шёл особенно интенсивно.

Большую роль в установлении хронологии поселений с керамикой сперрингс сыграли работы Э.И. Девятовой [11; 5; 12]. По её мнению, хотя небольшая часть острова Ерпин Пудас и могла выходить из-под воды около 6,5 тысячи л.н., она не была пригодна для заселения древними людьми. О постоянном заселении острова можно говорить только с нач. IV тыс. до н.э., что подтверждают радиоуглеродные определения и данные археологии [11, с. 38].

Исходя из исследований Э.И. Девятовой, Большой Гурий остров впервые вышел из-под воды около 6,5-6,3 тысячи л.н. [5, с. 21]. Учитывая, что поселение с керамикой сперрингс было временным, а также близость керамики посуде поселения Тудозеро V, можно определить время первого заселения острова концом V тыс. до н.э.

Древний возраст поселения Пегрема IX подтверждается расположением его на среднем уровне третьей (атлантической) террасы, в то время как все остальные памятники с керамикой сперрингс находятся на нижнем уровне этой террасы [5, с. 55].

Наиболее древними памятниками культуры сперрингс на северном побережье Онежского озера, на основании высотных данных и расположения первой нижней ступени третьей (атлантической) террасы, являются поселения Пиндуши III и Оровनावолок VI. В материалах последнего выделяется финально-мезолитический комплекс, что также свидетельствует о его раннем возрасте [5, с. 80]. По высотным данным, к ранним относятся также стоянки Кочनावолок I, Пушсовхоз II и Оровनावолок IVa. Все памятники представляют собой “чистые” комплексы (исключая Оровनावолок VI) и относятся к раннему этапу культуры сперрингс.

К развитому этапу культуры сперрингс можно отнести поселения, расположенные на северном побережье Онежского озера: Сандермоха IV, Войнаволок XXVIII, – занимающие древние озёрные террасы высотой 11-12 м. На тех же высотах располагаются и поселения с ранней ямочно-гребенчатой керамикой.

С финальным этапом культуры сперрингс можно связать керамику из смешанных комплексов поселений, расположенных на северном побережье Онежского озера: Сандермоха II и Войнаволок XX, – занимающих террасы высотой 9-10 м. Вместе с керамикой сперрингс на этих памятниках найдена ямочно-гребенчатая керамика развитого облика и посуда с примесью асбеста.

На Сямозере на основании высотного расположения наиболее ранним можно считать поселение Сулгу II – 6,3 м над уровнем озера. К развитому этапу относятся поселения Сулгу III – 5,17 м, Сулгу I – 4,75 м. Поселение Сулгу Va (3,02 м) можно связать с финальным этапом культуры сперрингс.

Таким образом, данные высотного расположения памятников культуры сперрингс и данные геоморфологии подтверждают время существования культуры сперрингс с сер. V до сер. IV тыс. до н.э.

Данные сравнительно-типологического анализа керамики и каменного инвентаря

В разработке периодизации раннеолитических культур ведущее место занимает сравнительно-типологический анализ керамики. Не является исключением и культура сперрингс. Её керамический материал в силу особенностей орнаментации легко вычлняется из смешанных комплексов, которых большинство. Этого нельзя сказать о каменном инвентаре, так как многие типы орудий культуры сперрингс (например, топоры, стамески, тѣсла, долота) находят аналоги в финальномезолитических комплексах и на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой. В силу этого практически нет информации о каменных орудиях культуры сперрингс смешанных комплексов с Водлозера, а также с восточного берега Онежского озера. С керамикой сперрингс с уверенностью можно связать каменный инвентарь лишь с трёх поселений Сямозера (Сулгу II, IIIг, XI). Поэтому основные каменные материалы были получены только с памятников, расположенных по берегам Онежского озера.

Сложность разделения каменного инвентаря, сопровождающего керамику сперрингс, по хронологическим комплексам заключается:

- 1) в его небольшом количестве и отсутствии значительных выразительных серий;
- 2) в больших различиях материала, из которого изготовлены орудия в зависимости от близости к тому или иному месторождению каменного сырья. К примеру, на южном побережье Онежского озера преобладают орудия из кремня и сланца (Тудозеро V), а на Сямозере – из сланца и кварца (Сулгу II);
- 3) в слабой изменчивости каменных орудий во времени. Например, форма и размеры стамесок, долот, скребков, свѣрл, проколов из комплексов культуры сперрингс не претерпевают серьёзных изменений в течение всего её существования. Подобные формы найдены и на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой.

Сама керамика сперрингс также специфична. Речь идёт о несхожести путей развития глиняной посуды на востоке и на западе от Онежского озера, что позволило по орнаментации глиняной посуды выделить два больших локальных района:

- I. Сямозеро и северное и западное побережья Онежского озера;
- II. Водлозеро и южное и восточное побережья Онежского озера (рис. 1).

На основании сравнительно-типологического анализа керамики и каменного инвентаря в развитии культуры сперрингс, существовавшей на территории Карелии в сер. V – сер. IV тыс. до н.э., можно выделить три этапа.

1. Ранний этап представлен поселениями Сулгу II (I район, Сямозеро), Шеттима I (II район, Водлозеро), Пиндуши III, Оровнаволок IVa, Пущсовхоз II, Кочнаволок I, Пегрема II, IX (I район, северное и западное побережья Онежского озера), Большой Гурий остров, Тудозеро V (II район, юго-восточное побережье Онежского озера).

2. Развитый этап представлен большим количеством поселений, основные из которых – Курмойла I, Малая Суна I, IX, Сулгу I, III, IIIг (I район, Сямозеро), Илекса V, Пога I, Сомбома I, Охтома III, Водла V (озеро Водлозеро), Сандермоха IV, Войнаволок XXVIII, Оровнаволок V, VIa, VIII, Челмужская I, Медвежья Гора II, Шелтозеро VIII, Уя III, VII, IX (I район, северное и западное побережья Онежского озера), Кладовец II, Муромское III (II район, юго-восточное побережье Онежского озера).

3. Финальный этап представлен поселениями Сулгу Va (I район, Сямозеро), Сандермоха II, Войнаволок XX (I район, северное и западное побережья Онежского озера).

Хронологические границы каждого этапа могут быть установлены очень условно, так как нет определяющих их радиоуглеродных датировок.

Для раннего этапа в I локальном районе характерны поселения с небольшим количеством глиняной посуды, что объясняется недавним её появлением. Количество каменных изделий значительно превышает количество сосудов (например, на поселении Сулгу II в 7,5 раза). Преобладают сосуды средних размеров с диаметром горла до 30 см, но есть и небольшие – диаметром 10-12 см. Толщина стенок, как правило, 0,6-0,7 см – 50-60% сосудов. Венчики I (прямые плоскосрезанные) и II (прямые округлые) типов составляют абсолютное большинство: от 75 до 100% сосудов.

Ведущими техническими приѣмами орнаментации посуды являются отступление и прочерчивание – 70-80% сосудов, штампование и накалывание отмечено на 20-30% сосудов.

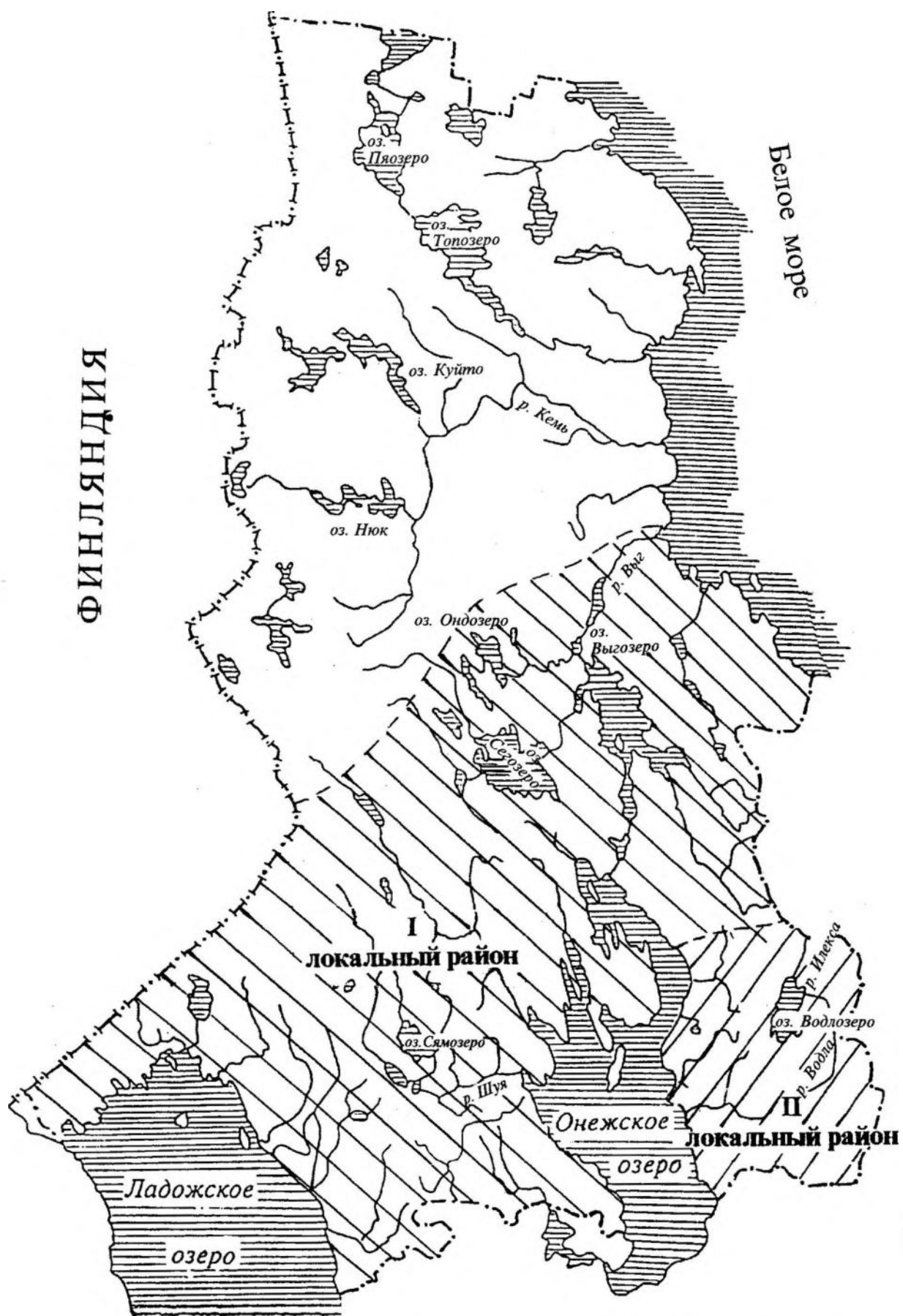

Рис. 1. Локальные районы культуры сперрингс на территории Карелии

Ведущими элементами орнамента являются оттиски позвонка – 60-80% сосудов, отступающие линии зафиксированы на 20-30% сосудов, прочерченные – на 10% сосудов, верёвочные линии – на 5-6%, оттиски гребенчатого штампа – на 2-4% сосудов. Ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента орнамента встречаются на 60-70% сосудов, а заменяющие их вдавления одной или двумя гранями позвонка – на 1-5% сосудов.

Появляется мотив орнамента, характерный для керамики типа Сярайсьеми I, – горизонтальная зигзагообразная линия с ямками в углах (7% сосудов).

В орнаментации доминируют простые композиции трёх типов: горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленных оттисков позвонка (75-85% сосудов с орнаментальными композициями, выполненными оттисками позвонка), гребенчатого штампа (95-100% сосудов) и горизонтальные отступающие (5-15% сосудов), прочерченные (5-10% сосудов) и верёвочные (80-90% сосудов) линии – I тип; “ёлочный”, состоящий из чередующихся поясов наклонно вправо и влево поставленных оттисков позвонка (1-5% сосудов), гребенчатого штампа (1-5% сосудов) – II тип; чередующиеся пояса, состоящие из вертикальных линий оттисков позвонка (15-20% сосудов), отступающих (85-95% сосудов), прочерченных (90-95% сосудов) и верёвочных (10-15% сосудов) линий – III тип (рис. 2).

Керамика раннего этапа II локального района представлена сосудами в основном средних размеров, но зафиксировано также достаточно большое количество небольших сосудов (до 15,6%). Толщина стенок у 30-40% сосудов – 0,6-0,7 см и у 30-40% сосудов – 0,8-0,9 см. Наблюдается тенденция к увеличению толщины стенок сосудов к северо-востоку (Шеттима I имеет 50% сосудов с толщиной стенок 0,8-1,0 см). Преобладают венчики I (прямые плоскосрезанные) и II (прямые округлые) типов, есть венчики VII (прямые отогнутые наружу) типа.

Ведущей техникой орнаментации посуды является штампование – 65-75% сосудов, отступление и прочерчивание есть или встречаются на 25-30% сосудов и накальвание – на 4-5% сосудов. К северо-востоку резко возрастает процент орнаментации посуды в отступающе-прочерченной технике (Шеттима I – 100% сосудов).

Ведущим элементом орнамента является оттиск гребенчатого штампа – 45-55% сосудов, отступающие линии встречаются на 7-15% сосудов, прочерченные – на 5-7% сосудов, оттиски позвонка – на 15-20% сосудов, верёвочные отпечатки – на 8-15% сосудов и оттиск “фигурного” штампа – на 10-15% сосудов. К северо-востоку возрастает процент отступающего и прочерченного орнамента (Шеттима I – 70%). Ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента орнамента имеются на 20-30% сосудов, а заменяющие их вдавления одной или двумя гранями позвонка – на 2-3% сосудов.

В северо-восточной части района (Водлозеро) на сосудах появляется мотив орнамента, характерный для керамики типа Сярайсьеми I, – горизонтальная зигзагообразная линия с ямками в углах (30% сосудов).

Ведущую роль в орнаментации играют простые композиции первого типа – 85-90% сосудов; композиции второго типа встречены на 5% сосудов; третьего типа – на 5% сосудов. В северо-восточной части района ведущую роль играют орнаментальные композиции второго типа – 80% сосудов, композиции первого и третьего типов встречены на 20% сосудов каждая (рис. 3).

Каменный инвентарь раннего этапа имеет неолитический облик. Увеличивается количество изделий из сланца, расширяется их ассортимент. Появляются изделия, которых не было в мезолите: наконечники копий из кварцита, сланцевые кольца, стержни, подвески, оббитые гальки. И наоборот, исчезают такие характерные орудия, как мотыги, резко сокращается число ножевидных пластинок и орудий из них.

В технике обработки сланцевых изделий широко распространяется такой характерный для раннего неолита приём, как шлифование, что подтверждает почти четырёхкратное увеличение находок шлифовальных плит. Наоборот, обычные для мезолита техника резцового скола и пикетаж редки, но не получают развития техника пиления, о чём свидетельствует равное с финальным мезолитом количество пил и небольшое количество обломков с надпилами. Однако надо иметь в виду, что пилы могли использоваться не только для изготовления сланцевых орудий, но и для обработки дерева, кости и рога, которые не сохраняются в кислых почвах Карелии.

На первичном этапе изготовления сланцевых орудий вновь начинает применяться техника двусторонней оббивки, характерная для эпохи мезолита, о чём свидетельствует большое количество заготовок и обломков.

В составе сланцевых макроформ распространяется такая категория орудий, как кирка. Для раннего этапа характерны все типы этого орудия, но наиболее часто встречаются подпрямоугольные в поперечном сечении с прямым широким или средним основанием, с плавно закруглённой или образующей слабо выраженное ребро спинкой. Они имеют лишь отдалённое сходство по форме и поперечному сечению с финально-мезолитическими и совершенно различаются с последними по функциональному назначению. Кирки применялись, как определил трасологический анализ, для работы по рыхлой почве.

Особенностью II локального района является отсутствие кирок и киркообразных орудий на всех памятниках.

В незначительном количестве в комплексах раннего этапа присутствуют сланцевые топоры, имеющие определённое сходство с финально-мезолитическими по форме и размерам.

Тёсла на раннем этапе встречаются обоих типов, часть из них имеет значительные размеры, сравнимые с аналогичными финально-мезолитическими изделиями.

Стамески и прямые долота известны обоих типов, но стамесок больше узкообушных.

Почти в два раза по сравнению с финальным мезолитом увеличивается количество типов наконечников

стрел. Их форма и техника изготовления не позволяют говорить о какой-либо преемственности с финально-мезолитическими орудиями.

подавляющее большинство мелких изделий для обработки кости, кожи и дерева (скребуще-режущие-колющих) изготавливалось на отщепах, в отличие от финального мезолита, где господствовала пластинчатая техника. Ведущей техникой изготовления этих изделий в ранних комплексах с керамикой сперрингс становится двустороннее плоское ретуширование. Техника резцового скола практически не использовалась, что подтверждает небольшое количество резцов. Среди скребков преобладают полукруглые и округлые, мало микроформ вследствие увеличения размеров орудий.

В целом количество мелких производственно-бытовых изделий, по сравнению с финальным мезолитом, заметно снижается. Возможно, это связано с использованием для их изготовления органических материалов.

Для развитого этапа I локального района характерны поселения с большим количеством глиняной посуды, что объясняется становлением навыков в её изготовлении и применении. Количество сосудов превышает количество каменных изделий (например, на поселении Сандермоха IV в 1,2 раза). Сосуды – разных размеров, больше средних, с диаметром горла до 30 см, но есть и небольшие – диаметром 9-12 см. Толщина стенок, – как правило, 0,6-0,8 см (50-60% сосудов). Венчики I (прямой плоскосрезанный) и II (прямой округлый) типов составляют по-прежнему большинство – 60-70% сосудов, но начинают встречаться и венчики IV (прямой с наплывом на внутренней части) типа – на 10-12% сосудов.

Появляются сосуды с пористой структурой теста (в основном на северном побережье Онежского озера), составляющие 1,6% от всей посуды.

Ведущими в технике ornamentации посуды являются отступление и прочерчивание – 70-80% сосудов, штампование и накальвание встречено на 20-30% сосудов.

Основным элементом орнамента становятся отступающие и прочерченные линии – 40-100% (нет оттисков позвонка на поселениях Пески II и Деревянное Ia) сосудов, имеются оттиски позвонка – 30-40% сосудов, верёвочные линии – 4-5% сосудов, оттиски гребенчатого штампа – 2-3% сосудов. Появляется “фигурный” штамп (1-2% сосудов). Ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента орнамента встречены на 70-80% сосудов, а заменяющие их вдавления одной или двумя гранями позвонка – на 10-12% сосудов. Появляются подовальные (подромбические) – на 4,3% сосудов и подквадратные – на 1,4% сосудов – ямки. Подовальные (подромбические) ямки характерны для ornamentации сосудов только I локального района.

Начинает использоваться приём ornamentации, оставляющий выпуклины («жемчужины») на внутренних поверхностях горшков (на 4-5% всей посуды).

Распространяется мотив орнамента, характерный для керамики типа Сярийсьнеми I, – горизонтальная зигзагообразная линия с ямками в углах – 17% сосудов.

В ornamentации по-прежнему ведущую роль играют простые композиции трёх типов: горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленных оттисков позвонка – 80-85% сосудов, гребенчатого штампа – 95-100% сосудов и горизонтальные отступающие (5-15% сосудов), прочерченные (5-10% сосудов) и верёвочные (80% сосудов) линии; “ёлочный”, состоящий из чередующихся поясов наклонно вправо и влево поставленных оттисков позвонка – 1-5% сосудов, гребенчатого штампа – 1-5% сосудов, верёвочных линий – 10% сосудов, прямоугольных и подовальных ямочных вдавлений – 1-3% сосудов; чередующиеся пояса, состоящие из вертикальных линий оттисков позвонка – 15-20% сосудов, отступающих (65-70% сосудов), прочерченных (80-85% сосудов) и верёвочных (10% сосудов) линий.

Появляются сложные орнаментальные композиции: чередующиеся зоны горизонтальных и вертикальных прямых и наклонных линий из оттисков позвонка, гребенчатого штампа, прочерченных, отступающих и верёвочных линий (I тип). В ornamentации, выполненной оттисками позвонка, эти композиции встречены на 4% - 20% сосудов, гребенчатым штампом – на 1% сосудов, прочерченными линиями – от 0,5% до 4% сосудов, отступающими линиями – от 5 до 20% сосудов, верёвочными линиями – до 2% сосудов; чередующиеся зоны из смежных четырёхугольников и прямоугольников, создающие иллюзию “корзиночной плетёнки”, смежных треугольников из оттисков позвонка, прочерченных, отступающих линий и подквадратных вдавлений (II тип). В ornamentации, выполненной оттисками позвонка, эти композиции занимают до 1% сосудов, прочерченными линиями – до 2% сосудов, отступающими линиями – до 4% сосудов, подквадратными вдавлениями – до 1% сосудов.

Кроме названных имеется небольшое количество орнаментальных композиций, отражающих влияние ямочно-гребенчатой керамики. Оно выражается:

а) в чередовании горизонтальных поясов из оттисков позвонка, горизонтальных и вертикальных отступающих и прочерченных линий и остроовальных вдавлений с горизонтальными рядами круглоконических ямок – 3-4% сосудов;

б) в появлении вертикальных наклонных линий из одинарных или двойных ямочных вдавлений, начинающихся от подвенчикового ряда ямок и доходящих до придонной части – 1,2% сосудов (рис. 2).

Керамика развитого этапа II локального района представлена сосудами в основном средних размеров, но зафиксировано также небольшое количество миниатюрных сосудов (до 4%). Толщина стенок у 40-50% сосудов 0,6-0,7 см и у 20-25% сосудов – 0,8-0,9 см. Преобладают венчики I (прямой плоскосрезанный) и II (прямой округлый) типов – 50-60% сосудов, появляются венчики IV (прямой с наплывом на внутренней части) типа – 20-25% сосудов.

Ведущие в технике ornamentации посуды – отступление и прочерчивание – 75-80% сосудов, накальвание встречается на 5% сосудов и штампование – на 15-20% сосудов.

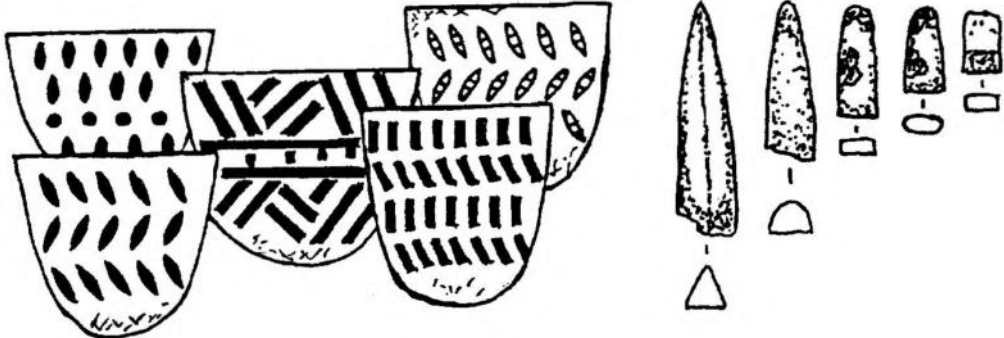
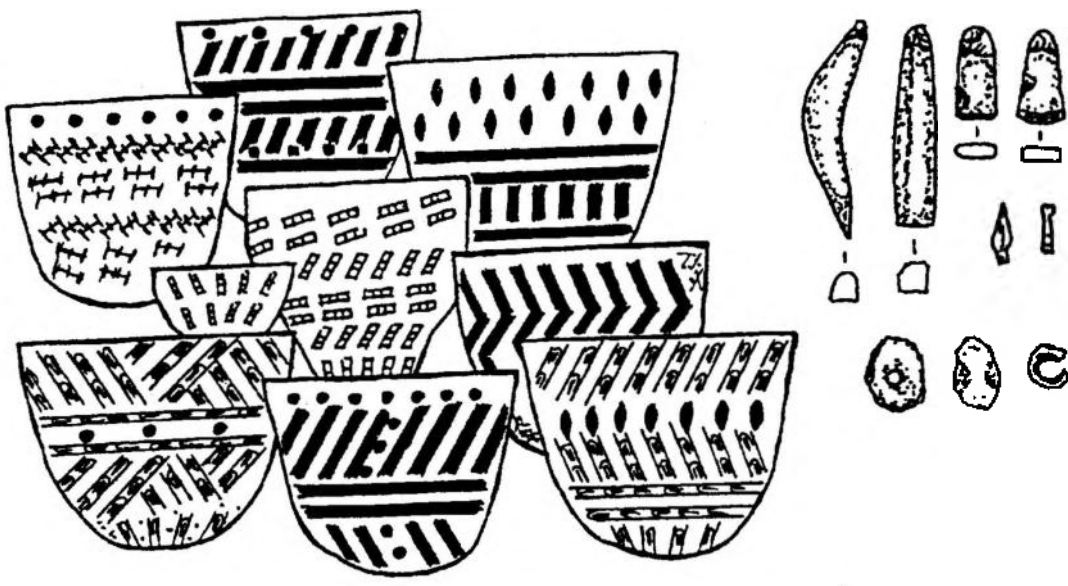
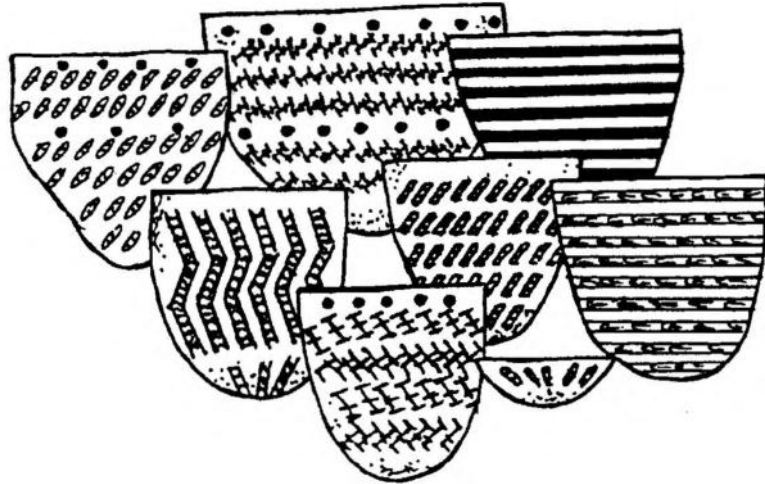
ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП	<p style="text-align: center;">ПЕРВЫЙ ЛОКАЛЬНЫЙ РАЙОН</p>
РАЗВИТЫЙ ЭТАП	
РАННИЙ ЭТАП	

Рис. 2. Керамика и каменный инвентарь I локального района культуры сперрингс на территории Карелии

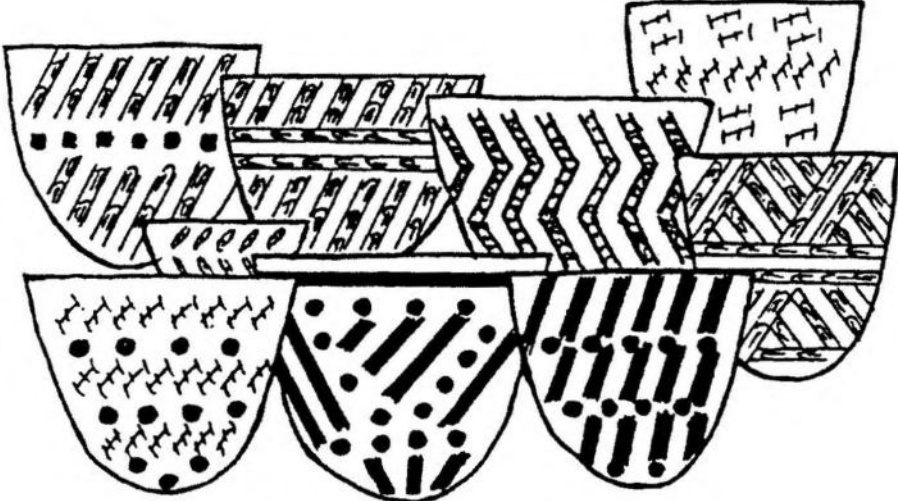
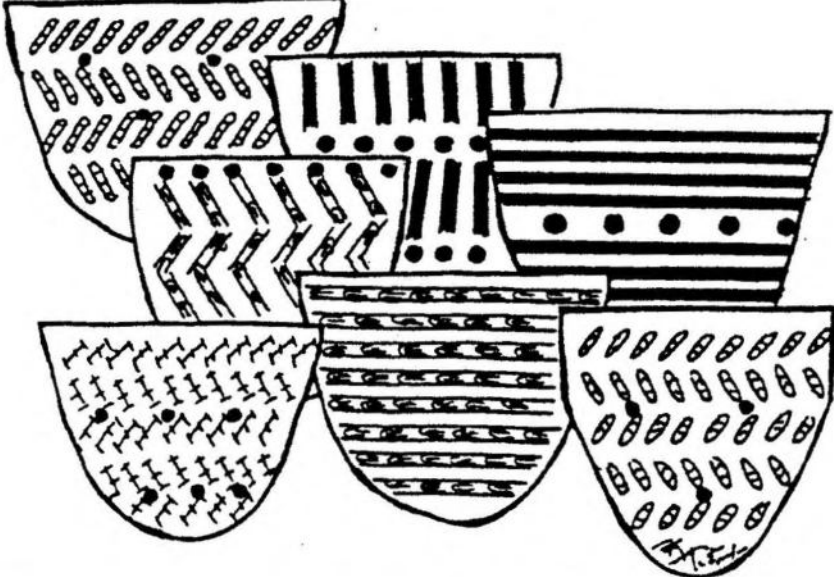
ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП	ВТОРОЙ ЛОКАЛЬНЫЙ РАЙОН	
РАЗВИТЫЙ ЭТАП		
РАННИЙ ЭТАП		

Рис. 3. Керамика II локального района культуры сперрингс на территории Карелии

Главными элементами орнамента являются отступающие и прочерченные линии – 40-70% сосудов, встречены оттиски позвонка – 10-35% сосудов, верёвочные отпечатки – 5-10% сосудов и оттиски “фигурного” штампа – 1-1,5% сосудов. Ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента орнамента имеются на 75-100% сосудов, а заменяющие их вдавления одной или двумя гранями позвонка – на 2% сосудов.

Уменьшается количество сосудов с мотивом орнамента, характерным для керамики типа Сярайсьиemi I: горизонтальной зигзагообразной линией с ямками в углах (12% сосудов).

Наиболее распространены в орнаментации по-прежнему простые композиции первого типа – 45-50% сосудов, композиции второго типа встречены на 5-10% сосудов и третьего типа – на 15-20% сосудов.

Появляются сложные орнаментальные композиции первого типа – 10-15% сосудов и второго типа – 4-5% сосудов.

Кроме названных имеется небольшое количество орнаментальных композиций, отражающих влияние ямочно-гребенчатой керамики. Оно выражается:

а) в чередовании горизонтальных поясов из оттисков позвонка, горизонтальных и вертикальных отступающих и прочерченных линий с горизонтальными рядами круглоконических ямок – 4-5% сосудов;

б) в появлении вертикальных наклонных линий из одинарных или двойных ямочных вдавлений, начинающихся от подвенчикового ряда ямок и доходящих до придонной части сосуда, – 1% сосудов;

в) в появлении треугольников из ямочных вдавлений, заполненных вертикальными наклонными прочерченными линиями, – 1% сосудов (рис. 3).

Инвентарь этого этапа продолжает линию развития каменной индустрии раннего. Практически исчезают орудия с мезолитическими чертами, продолжает сокращаться число ножевидных пластинок, практически нет и изделий из них. Происходит уменьшение размеров сланцевых орудий: кирок, топоров, тёсел.

Среди кирок получают развитие подпрямоугольные в поперечном сечении с прямым и средним основанием и отчётливо выраженным ребром на спинке, прекрасно шлифованные. Вместе с тем продолжают своё существование и два остальных типа.

Видимо, как следствие контактов с носителями ямочно-гребенчатой керамики и керамики сяр I кирки начинают встречаться на поселениях с чистыми комплексами этих типов раннеолитической посуды (Пегрема V, Пиндулли I, Берёзово IX, Тунгуда XXXVI). Кирки попадают туда, вероятно, в виде готовых изделий, так как их заготовок на поселениях нет.

Появляется новый тип изделия – киркообразное орудие, выполняющее, по данным трасологического анализа, функцию ложила-заглаживателя по мягкому материалу. В этой связи интересно отметить, что обломки кирок во второй функции тоже служили ложилами-заглаживателями.

Особенностью II локального района является отсутствие кирок и киркообразных орудий на всех памятниках.

В незначительном количестве присутствуют сланцевые топоры второго типа, которые не имеют черт сходства с финально-мезолитическими. По-прежнему широко распространены тёсла, долота и стамески, также имеющие полностью неолитический облик.

Шлифование достигает большого совершенства, поверхность многих изделий из сланца полностью отполирована. Небольшого размера изделия, такие как стамески и долота, изготавливаются из сланцевых галек подходящей формы только с помощью шлифовки.

Увеличивается количество кремнёвых наконечников стрел и копий. В качестве материала для изготовления наконечников копий шире стал использоваться кварцит.

В целом в категории производственно-бытовых орудий не произошло заметных изменений. Практически исчезли изделия на ножевидных пластинах.

Финальный этап в I локальном районе представлен поселениями со смешанными комплексами с небольшим количеством глиняной посуды (8-27 сосудов). Сосуды – средних размеров с диаметром горла до 30 см, но есть и небольшие. Толщина стенок 0,9-1 см. Венчики I (прямой плоскосрезанный) и II (прямой округлый) типов составляют по-прежнему большинство – 50-55% сосудов, венчики IV типа (прямой с наплывом на внутренней части) встречены у 20-40% сосудов.

Выходят из употребления сосуды с пористой структурой теста.

Ведущими в технике орнаментации посуды являются отступление и прочерчивание – 80-85% сосудов, штампование и накальвание встречены на 15-20% сосудов.

Ведущими элементами орнамента становятся отступающие и прочерченные линии, встреченные на 70-100% сосудов (нет оттисков позвонка на поселении Войнаволоок XX), оттиски позвонка имеются на до 14% сосудов, верёвочные линии на 4-5%, оттиски гребенчатого штампа – на 2-3% сосудов. Пропадает “фигурный” штамп. Ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента орнамента зафиксированы на 15% сосудов, заменяющих их вдавления одной или двумя гранями позвонка нет. Подовальные (подромбические) ямки в орнаменте имеют до 15% сосудов, подквадратные – 7,4% сосудов.

Выпуклины («жемчужины») на внутренних поверхностях горшков присутствуют на 11% всей посуды.

Уменьшается количество сосудов с мотивом орнамента, характерным для керамики типа Сярайсьиemi I: горизонтальная зигзагообразная линия с ямками в углах встречена на 7% сосудов.

В орнаментации ведущую роль стали играть простые композиции третьего типа – 40-45% сосудов. Орнаментальные композиции первого типа теперь стали встречаться у 20-25% сосудов, а второго типа – у 10% сосудов.

Уменьшается количество сосудов, украшенных сложными орнаментальными композициями. Композиции первого типа имеют лишь 4-5% сосудов, второго типа – 5-6% сосудов.

Уменьшилось также количество сосудов (4-5%), украшенных орнаментальными композициями, отражающими влияние ямочно-гребенчатой керамики (рис. 2).

Поселения с керамикой финального этапа во II локальном районе пока не выявлены.

Каменный инвентарь финального этапа практически не известен, за исключением кирок и киркообразных орудий. Кирки представлены в основном типом III – небольшого размера, подпрямоугольные, почти квадратные в поперечном сечении, с прямым широким основанием и не имеющие ребра на спинке. Вероятно, как переходную форму между кирками и более поздними формами киркообразных орудий можно рассматривать орудие с поселения Сандермоха II, относящееся к финальному этапу культуры сперрингс (13, прил. V, рис. 6:3; 6, рис. 20:4,5,7). Вместе с ним на памятнике представлен комплекс поздней ямочно-гребенчатой посуды. Аналогичные изделия найдены также на поселениях Ерпин Пудас I и Малая Суна IV.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савватеев Ю.А. Залавруга. Ч. 2. Л., 1977.
2. Песonen П.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
3. Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
4. Журавлев А.П. Датировка поселений мезолита – раннего металла в Уницкой губе Онежского озера // СА. 1984. № 4.
5. Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене (по побережью севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986.
6. Витенкова И.Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
7. Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
8. Верецагина И.В. Отчет об археологических исследованиях в Ленинградской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7138.
9. Лобанова Н.В. Культурно-территориальное членение и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
10. Иванищев А.М. Древности Вытегории // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
11. Девятова Э.И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л., 1976.
12. Девятова Э.И., Лобанова Н.В., Филатова В.Ф. Палеогеография археологических памятников Пиндуши и Муромское. Петрозаводск, 1987.
13. Папкрусhev Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.

*Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник “Кижский”,
Петрозаводск*

K.E. German

THE CHRONOLOGY AND STAGES OF SPERRINGS CULTURE IN KARELIA

Summary

In this article the author offers the scheme of the chronology and periods of Sperrings culture based on three sources: radiocarbon dates, data on high latitude sites as well as geomorphological researches and data of the comparative typological analysis of ceramics and stone inventory. The period of its existence is determined by the middle 5000 BC – the middle 4000 BC. At the early stages the sperrings ceramics has a high percentage of fish vertebra stamps forming simple compositions in its ornamentation. A shale axe as a culturally significant type of instrument appearing in stone inventory, has a highly developed appearance of the Neolithic. At a highly developed stage the quantity of dishes decorated with vertebra stamps is falling down noticeably, but on the other hand, the share of pull and push lines is increasing. Ornamental compositions become more and more complicated and geometric, some of them showing the influence of the pit-comb ceramics. At final stage vertebra ornamentation has gone out of use. Patterns done by pull and push lines are spreading, while ornamental compositions become simpler.

*The Historical-Architectural and Ethnographical
Museum – Reserve “Kizhi”
23, Neglinskaya Emb., Petrozavodsk,
185035, Republic of Karelia,
The Russian Federation*

А.В. Вискалин

ПУТИ НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОЛГО-КАМЬЯ (к постановке вопроса)

Под неолитизацией понимается процесс глобальной трансформации архаических сообществ с присваивающей экономикой, сопровождающийся приобретением ими целого комплекса взаимосвязанных между собой внутренних и внешних качеств. Но если внутренние изменения (социальная структура и отношения, религиозные представления и др.) археологически диагностируются с большим трудом, то внешние заимствования новых технологий изготовления орудий из камня и керамической посуды с успехом изучаются археологической наукой. Исследуя культурные связи раннеолитических сообществ, можно наметить направление и каналы поступления новаций в среду финальномезолитического населения, периодичность и глубину проникновения культурных импульсов.

Поставив перед собой задачу выявить основные пути распространения технических новшеств неолитической эпохи, среди которых видное место занимают шлифованные деревообрабатывающие орудия и керамика, в среде позднемезолитического населения Волго-Камья, сделаем попытку проанализировать систему связей наиболее ранних неолитических групп региона по данным керамики и кремня, являющихся наиболее массовым и информативным источником.

Одна из таких групп – елшанская, выделяемая самарскими археологами в самостоятельную культуру [1], – на сегодняшний день представлена материалами примерно двух десятков пойменных и дюнных стоянок, локализованных в южных районах современной волго-уральской лесостепи. Северная и западная границы проходят в районе Ульяновска, южная и восточная совпадают с границами бассейна р. Самара.

Керамика елшанских комплексов, неоднократно освещавшаяся в печати [1;2;3], обладает ярким своеобразием, выделяющим её на фоне гребенчато-накольчатых древностей. Она довольно тонкостенна, изготовлена из плотной глины с минимальным количеством искусственных добавок [4, с. 96]. Сосуды имеют закрытую и профилированную формы. Некоторые из них отчётливо биконичны со сглаженным, но довольно чётко читаемым ребром. Венчик уплощён, скруглён, скошен внутрь, часто изнутри горловина усилена налепом, образующим пологий наплыв (рис. 1). Во многих коллекциях несомненно преобладает плоскодонная посуда. Плоские днища лишены краин-выступов. Их толщина заметно меньше толщины стенок, что указывает на применение особого приёма уплощения посуды за счёт уменьшения толщины дна. Наряду с плоскими на ряде стоянок встречаются в небольшом количестве приострѐнные донца: Старо-Елшанская – 1, Ильинская – 1, Ивановка – 1, Нижняя Орлянка II – 3, Большая Раковка II – 1, Красный Городок – 3, Чекалино IV – 1.

Ещё один характерный признак – слабая орнаментированность. В коллекциях большинство сосудов лишены орнамента кроме зонального лощения. Наиболее качественное лощение наблюдается в нижней половине сосуда. Узоры нанесены наколами, тычками или прочерченными линиями. Использование зубчатого штампа нехарактерно. Композиции состоят из строчек наколов, заштрихованных полей, прочерченных ломаных лент и треугольников с точечным заполнением. Завершает оформление сосуда одинарный или двойной поясok цилиндрических ямок, оставляющих с обратной стороны выпуклины-жемчужины. Но данный признак, так же, как и манера нанесения насечек по срезу венчика, не является обязательным, практически отсутствуя на некоторых стоянках. Так, на Елшанской X стоянке (Усть-Ташёлка) под Ульяновском, раскапываемой в последнее время автором статьи, из 20 с небольшим сосудов елшанского типа только на одном отмечен ямочно-жемчужный поясok (рис. 1: 1).

Кремнёвый инвентарь сохраняет многие черты мезолитической эпохи (рис. 2). Нуклеусы конические, торцовые, призматические, часто встречаются аморфные многоплощадочные. Карандашевидные, напротив, редки. Пластины имеют правильную огранку, среди них преобладают шириной от 1 до 1,5 см. Основная категория изделий – вкладыши, они изготовлены из сечений пластин и не имеют дополнительной обработки. На Елшанской X стоянке обнаружено несколько вкладышей из широких пластин шириной порядка 20 мм с подтѐской брѐшка. Использование пластин наблюдается и при изготовлении скребков, ножей, перфораторов, наконечников стрел, скобелей, резцов. Но ни в одной из этих категорий орудий пластиначатая заготовка заметно не преобладает над отщеповой, органично сочетаясь с ней. Среди же такой категории орудий, как скребки, отщеп преобладает, занимая исключительное положение. На стоянке Луговое III 90% скребков изготовлены на отщепах, Чекалино IV и Елшанке X – 93%, Нижней Орлянке II – 100%. Формы скребков многообразны. Среди них часто встречаются массивные изделия с остатками галечной

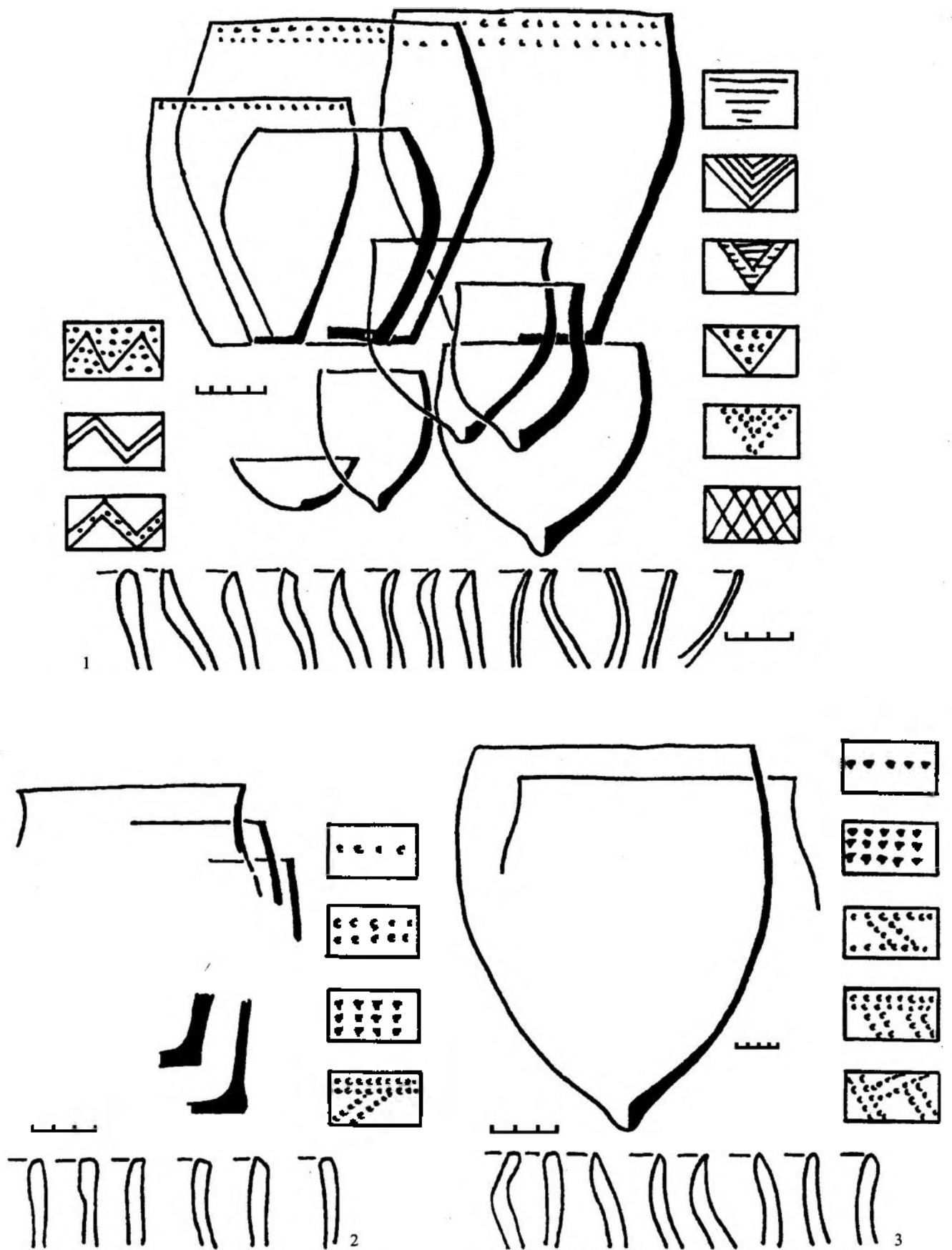

Рис. 1. Ранние группы слабоорнаментированной керамики Волго-Камья:
 1 – елшанская; 2 – камско-вятская (кошкинская); 3 – примокшанская

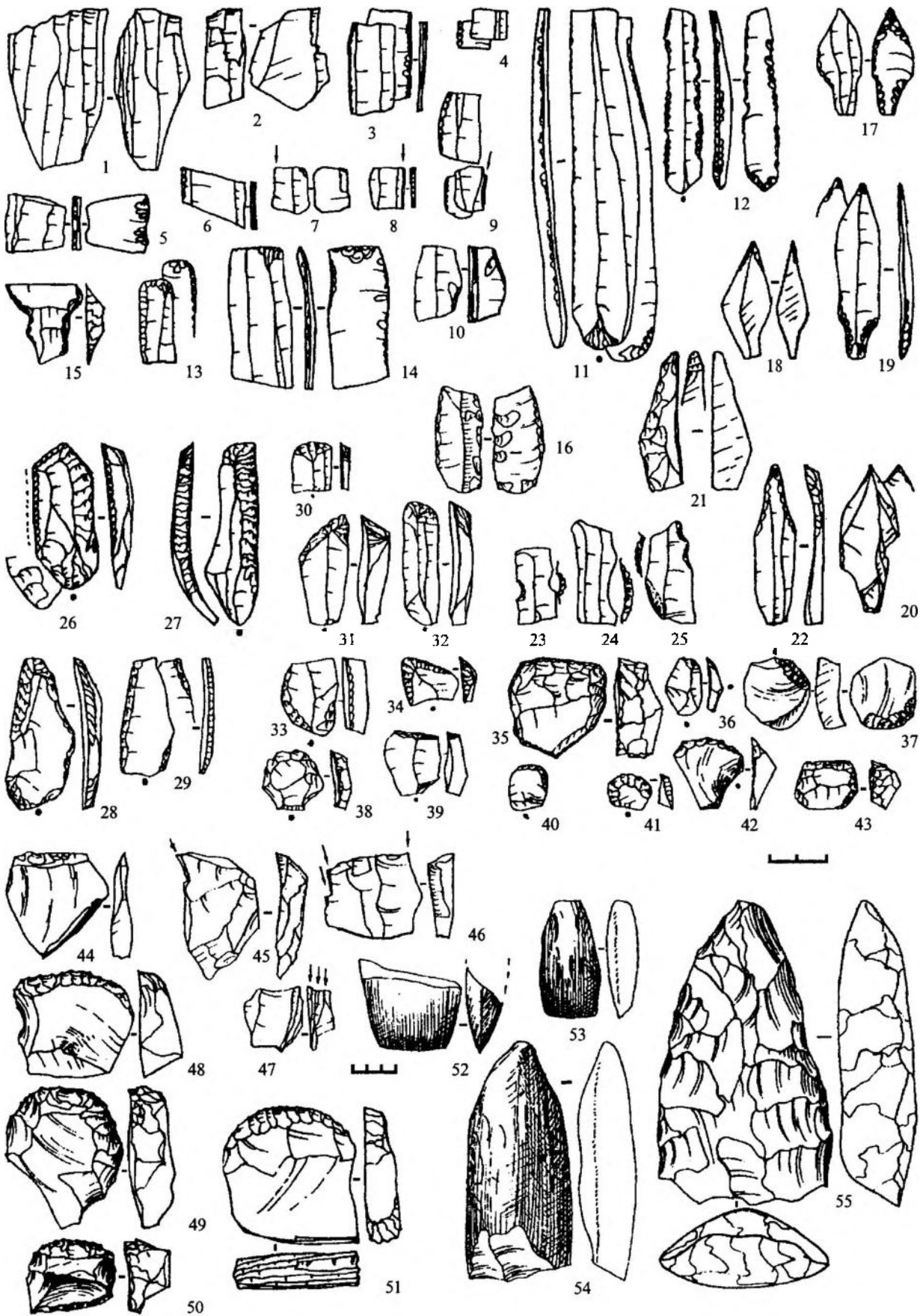

Рис. 2. Кремь елшанского типа со стоянки Елшанка X (Усть-Ташёлка).
 1, 2 – нуклеусы; 3-17, 19, 22-27, 30-32 – изделия на пластинах; 18, 20, 21, 28, 29,
 33-51 – изделия на отщепах; 52-55 – рубящие орудия

корки. Резцы изготовлены на сломе отщепа или осколках, и реже – на сломе пластины. Безраздельно господствуют краевые формы, а ретушные, срединные и др. являются скорее исключением, чем правилом. Количество резцов, по данным чистых комплексов, значительно колеблется. На Луговом III их выделено всего 0,5%, Елшанке X – 2,4%, Нижней Орлянке II – 18%, Красном Городоке – 20% от всех орудий. Количественные данные по резцам отсутствуют по Чекалино IV, хотя, судя по иллюстрациям, резцы в коллекции имеются. Высокие резцовые показатели по стоянкам Нижняя Орлянка II и Красный Городок представляются завышенными за счёт включения в эту группу неорудийных и случайных форм (микрорезцы на пластинах и др.). Наконечники стрел, хотя и немногочисленны, но встречаются устойчиво во всех основных комплексах. Среди них отмечаются пластинчатые постсвидерские с черешками, иволистные и атипичные на случайной заготовке. Единичны находки геометрических микролитов: трапеций, сегментов.

Выбор отщеповой заготовки обусловлен не только особенностями сырьевой базы, построенной на широком использовании плохого по качеству галечного сырья, но и культурными традициями. Так, нередки случаи расточительного использования хорошего сырья для изготовления скребков крупных размеров. Известны и примеры переоформления массивных скребков в нуклеусы.

Характерной чертой елшанской индустрии является необыкновенно развитое производство рубящих орудий: тесел, долот, топоров. Преобладают изделия трапециевидной формы с частичной пришлифовкой, хотя известны и прекрасно отшлифованные изделия. В среднем количество рубящих орудий достигает 4%, но на некоторых памятниках их доля возрастает до 15% от общего количества орудий. Особый интерес вызывает наличие "кладов" с прошедшими первичную оббивку, но не доведёнными до готовности изделиями [1, с. 34], возможно, предназначавшимися для межплеменного обмена.

Вопрос о происхождении елшанских комплексов – дискуссионный и находится в стадии разработки. Первоначальная, возникшая под влиянием идей В.Н. Даниленко, версия о складывании елшанского типа памятников под воздействием исходящего из Приаралья и Восточного Прикаспия восточного импульса [5] в настоящее время не находит фактических подтверждений [1, с. 37]. Керамика и особенно кремь елшанских комплексов, за исключением нескольких "рогатых" трапеций, найденных в неоднозначных для интерпретации стратиграфических условиях [2, с. 26, 27], не имеют аналогов к востоку и юго-востоку от Урала. Нет близких форм керамики и кремня и в хорошо изученной за последние годы области Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья. В эпоху неолита здесь развивается самобытная традиция изготовления микролитических орудий с многочисленными геометрическими формами и керамики с обильной раковинной примесью [3].

При отсутствии точных аналогий елшанским древностям к югу и юго-востоку от Средней Волги особого внимания заслуживает тезис об автохтонности последних. Основанием для такого заключения считается наличие некоторого типологического сходства елшанского и позднемезолитического кремня романовско-ильмурзинской и усть-камской культур [2, с. 24, 25; 6, с. 43, 44, 60, 61].

Однако сходство елшанского и мезолитического кремня не столь велико, чтобы на этой основе устанавливать между ними генетическую связь. Заметно более рельефным выглядит отличие индустрий (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение основных категорий кремнёвых орудий в некоторых мезолитических культурах Восточной Европы и памятниках елшанского типа

Доля некоторых категорий изделий от общего числа орудий и пластин (%)	Елш.	МК	Микролитич.	Усть-камская	Ром.-ильм.	Кам.	Кук.
Скребки	7-25	15	11	16	7	4	55
Резцы	3-4	0,6	7	33	13	20	7
Геометрические микролиты	единич.	до 1	–	4	–	–	0,3-1,5
Пластины и орудия на пластинах	49	84	79	90	92	99,5	49
Скребки на отщепах	41-100	98	70	20	50	14	95
Рубящие орудия	4	1	единич.	единич.	единич.	единич.	–

Елш. (елшанские памятники) – Елшанка X (Усть-Талпёлка); МК – Матвеев Курган I, II; Микролитич. (памятники с микролитическим инвентарём) – Русско-Луговская II (нижний слой); Усть-камская (усть-камская культура) – Тетюшская III; Ром.-ильм. (романовско-ильмурзинская культура) – Романовка II; Кам. (камская культура) – Баринка II; Кук. (кукрекская культура) – северопричерноморский вариант

Романовско-ильмурзинская и близкая ей камская мезолитические культуры представляют собой образец микролитических индустрий с господством пластинчатой заготовки. Здесь часто встречаются конические и карандашевидные нуклеусы, изготовленные, как правило, из качественного кремнёвого сырья. Ведущими категориями изделий являются вкладыши из сечений пластин, резцы, острия, концевые скребки на пластинах. Геометрические микролиты, наконечники стрел, рубящие орудия являются скорее исключением, чем правилом [7-9].

Индустрия усть-камской мезолитической культуры основана на палеолитической технике утилизации грубопризматических нуклеусов и использовании широкой пластины и массивного скола. Возникновению таких традиций способствовало обилие крупных конкреций белого кремня хорошего качества в нижнем течении Камы. Использование отщепов не характерно. Ведущими категориями орудий являются разнообразные по форме резцы (ретушный, срединный, краевой и др.), изготовленные на пластинчатых заготовках, усечённые пластинки, острия, концевые скребки, трапеции с вогнутыми краями. Наконечники стрел и рубящие орудия малочисленны и встречаются далеко не на всех памятниках [10].

Не удаётся связать происхождение елшанского кремня с комплексами типа Яндашевская, Русско-Луговская II (нижний слой), Старомазиковская, Тат.-Азибейская IV и другие стоянки, содержащими микролитический инвентарь, постсвидерские наконечники стрел и тяготеющими, по мнению Л.В. Кольцова, к бутовским памятникам Волго-Окского междуречья [11]. Кремень носит микролитический характер. Часто встречаются хорошо огранённые карандашевидные нуклеусы. Преобладают изделия на пластинах с правильной огранкой. Среди находок встречаются наконечники стрел постсвидерского типа на микропластинках с приострешенными остриём и черешком, резцы, концевые скребки на пластинах. Доля орудий на отщепов достаточно заметна, особенно среди скребков и резцов. Рубящие орудия малочисленны и имеют лишь частичную шлифовку лезвия.

Из сказанного отчетливо видна инородность елшанского кремня на фоне основных местных мезолитических культур. Отличия проявляются в выборе сырья и заготовки, соотношении основных категорий и типов изделий. Различия в сырье особенно бросаются в глаза при сопоставлении расположенных по соседству мезолитических и елшанских комплексов [2, с. 25]. Если местные мезолитические культуры хорошо знают и эксплуатируют источники качественного сырья, позволяющего получать пластинчатую заготовку, то елшанское население широко утилизирует галечное сырьё плохого качества, встречающееся в открытых осыпях в южных районах волго-уральской лесостепи. Последнее обстоятельство представляется важным, поскольку указывает на возникший с приходом елшанского населения разрыв существовавшей ранее системы культурных связей и обмена сырьём. Следовательно, различия в сырье подчёркивает инородность этой группы, не имеющей прямой генетической связи с местным населением.

С выбором сырьевой базы тесно связана и традиция широкого использования отщеповой заготовки при производстве орудий. Особенно показательны в этом отношении категории скребков и резцов. Не вписывается в рамки местных традиций и типологическая обеднённость и малочисленность острий и геометрических микролитов. Трудно подобрать в местном мезолите параллели вкладышам на широких пластинах с частичной подработкой краёв и подтёской брюшка. И уже совсем невозможно связать с ним развитую технологию изготовления трапециевидных шлифованных деревообрабатывающих орудий.

Таким образом, отличием елшанских кремнёвых комплексов от местных мезолитических являются широкая утилизация плохого по качеству сырья, преобладание отщепов над пластиной, господство пластин средней ширины и скребков высокой формы, малочисленность и типологическая бедность острий, резцов, геометрических микролитов, встречаемость постсвидерских наконечников стрел на микропластинках и их имитаций, развитое производство шлифованных орудий.

Отмечая существование типологического различия кремня елшанских и местных мезолитических памятников, нельзя не заметить появление на самом заключительном этапе развития последних заметной тенденции их взаимного сближения. При сохранении многих традиционных черт финально-мезолитические комплексы Волго-Камья, локализующиеся в основном в северной части региона, выше устья Камы, приобретают целый ряд новых качеств, не находящих истока в местных культурах. На них фиксируются появление в массовом количестве изделий на отщепов и скребков округлой формы, уменьшение доли резцов и острий, распространение крупных пластин и шлифованных тёсел трапециевидной формы [7, с. 158, 159; 12, с. 64; 13, с. 65; 14, с. 15]. Все эти новшества появляются единым комплексом, свидетельствуя о начале серьёзной трансформации культуры местного мезолита.

Истоки этой трансформации нельзя обнаружить к западу от Волго-Камья, где отсутствует традиция изготовления шлифованных трапециевидных топоров и куда она приходит с позднебутовским населением, видимо, с территории Среднего Поволжья [15, с. 75, 76]. Одним из наиболее вероятных источников культурного влияния может рассматриваться елшанская культурная группа, занимающая южные районы Среднего Поволжья и контактирующая в районе Приустьевой Камы с поздне-мезолитическими племенами. Предположение о сосуществовании елшанского и поздне-мезолитического населения в пределах Волго-Камья не противоречит общепринятой на сегодня хронологии. Наиболее поздние из мезолитических памятников датируются VI тыс. до н.э., елшанские – VII - VI тыс. до н.э. Косвенно возможность синхронности двух культурных массивов подтверждает зональность их размещения. Неолитические племена занимают южные районы Среднего Поволжья, финально-мезолитические – северные. О наличии прямых контактов между группами говорят и следы культурного обмена. Поздне-мезолитическое население заимствует традицию изготовления шлифованных трапециевидных топоров и тёсел, скребков на отщепе, елшанское – наконечники стрел, некоторых типов острий и резцов, качественное кремнёвое сырьё.

Разумеется, данные наблюдения не являются окончательными и нуждаются в дополнительной проверке. Потому нельзя исключать и другой вариант развития событий: возникновение средневожских позднемезолитических памятников с отщепово-пластинчатой индустрией явилось результатом притока на Среднюю Волгу новых финальномезолитических групп, связанных своим происхождением с населением степей Северного Причерноморья [16, с. 33, 37].

Наличие интенсивных юго-западных контактов, приведших к формированию елшанских комплексов, признаёт и Н.Л. Моргунова. Исследователь отмечает сходство керамики наиболее ранних этапов ракушечной и сурско-днепровской культур и елшанской посуды по встречаемости шиподонных и остродонных сосудов, характеру орнаментации прочерченными линиями и разреженными наколами, обилию неорнаментированной посуды, разреженности орнамента и т.д. [2, с. 30-32].

Отчётливые юго-западные параллели имеет и кремь елшанских стоянок. С эпохи позднего мезолита Северное Причерноморье и Восточное Приазовье являлись областью распространения индустрий с преобладанием конических нуклеусов над карандашевидными, отщеповой заготовки над пластинчатой. Сближает елшанский кремь с материалами гребениковской и особенно кукрекской культур близкое соотношение скребков и резцов, преимущественное использование пластины средних размеров, обилие не получивших специальной обработки вкладышей из сечений пластин, встречаемость крупных пластин-вкладышей с подтёской брюшка (кукрекский тип), малочисленность резцов, изготовленных на сломе отщепа, и острий (табл. 1). Отличием является отсутствие в позднемезолитических индустриях степной зоны Восточного Приазовья поствидерских наконечников стрел и шлифованных рубящих орудий трапецевидной формы [17, с. 92-112].

Сходство кремья елшанских и приазовских индустрий усиливается в эпоху раннего неолита. Примером могут служить материалы раннеолитических стоянок Матвеев Курган I, II [18]. Конические нуклеусы преобладают над карандашевидными, широко используются пластина средних размеров и отщеп, скребки на отщепах составляют 98%, малочисленны резцы на отщепах – 0,6 %, ограниченные только двумя типами: угловым и срединным, острия и трапеции, распространена высокоразвитая техника изготовления шлифованных орудий трапецевидной формы. Отличием является отсутствие поствидерских наконечников стрел и несколько более низкий процент резцов.

Если юго-западные истоки многих черт елшанского кремья и керамики не вызывают особых возражений, то время их возникновения нуждается в уточнении. Сложившаяся система датировки елшанских памятников, основанная на радиоуглеродных определениях, не учитывает их типологические особенности и культурные параллели. Архаичные черты в елшанских древностях никогда не доминируют над более развитыми, органично сочетаясь с ними (табл. 2). Шиподонная и остродонная посуда сосуществует с плоскодонной, количественно явно проигрывая последней; не выделяется ни стратиграфически, ни планиграфически [6, с. 42]. Она не обладает полным набором черт, свойственных наиболее ранней керамике Восточной Европы и Казахстана: прямостенностью, толстостенностью, примесью органики и т.д. Развитые черты на елшанской посуде как количественно, так и качественно более выражены. Это и плотная опесчаненная глина, тщательное лощение поверхности, биконичность и профилированность, наплывы-утолщения на венчиках, узоры из прочерченных зигзагов и треугольников с точечным заполнением и др.

Таблица 2. Взаимовстречаемость некоторых технико-типологических характеристик на керамике елшанского типа

Памятники			
Виловатое	-	+	+
Ивановка	+	+	+
Чекалино VI	+	+	+
Нижняя Орлянка II	-	+	+
Красный Городок	-	-	+
Захар-Калма	-	+	-
Большая Раковка II	-	+	+
Лебяжинка IV	-	+	+
Елшанка X (Усть-Ташёлка)	+	-	+
Луговое III	+	-	+
Ильинка	+	-	+

Появление лощёной биконической посуды, украшенной прочерченными зигзагами и треугольниками с точечным заполнением, на неолитических памятниках Балкан происходит не ранее кон. VI – нач. V тыс. до н.э. Изготавливавшаяся до этого посуда имела бомбовидные очертания и обильную примесь полове в тесте [19, с. 253, 254]. Однако массовое распространение лощёной биконической посуды происходит несколько позднее – в 1-й пол. V тыс. – и сопровождается массовой культурной перестройкой в Балкано-Дунайском регионе, в результате чего здесь прекращают своё развитие такие раннеолитические культуры, как Старчево, Криш, Кёрёш, Сатмар и др. На их месте складываются культуры среднего неолита: Винча, Старшая линейно-ленточной керамики, Альфельд, Дудешть, Златарски. Посуда этих культур имеет ряд общих черт, сближающих её с елшанской: биконичность, лощёная поверхность, профилированность, венчики с наплывами-утолщениями, плотное тесто, орнамент на основе прочерченных ломанных лент и меандров с точечным заполнением [19; 20] (рис. 3).

Не противоречат сказанному и аналогии елшанским древностям среди ряда южнорусских культур: буго-днестровской, сурско-днепровской, днепро-донецкой.

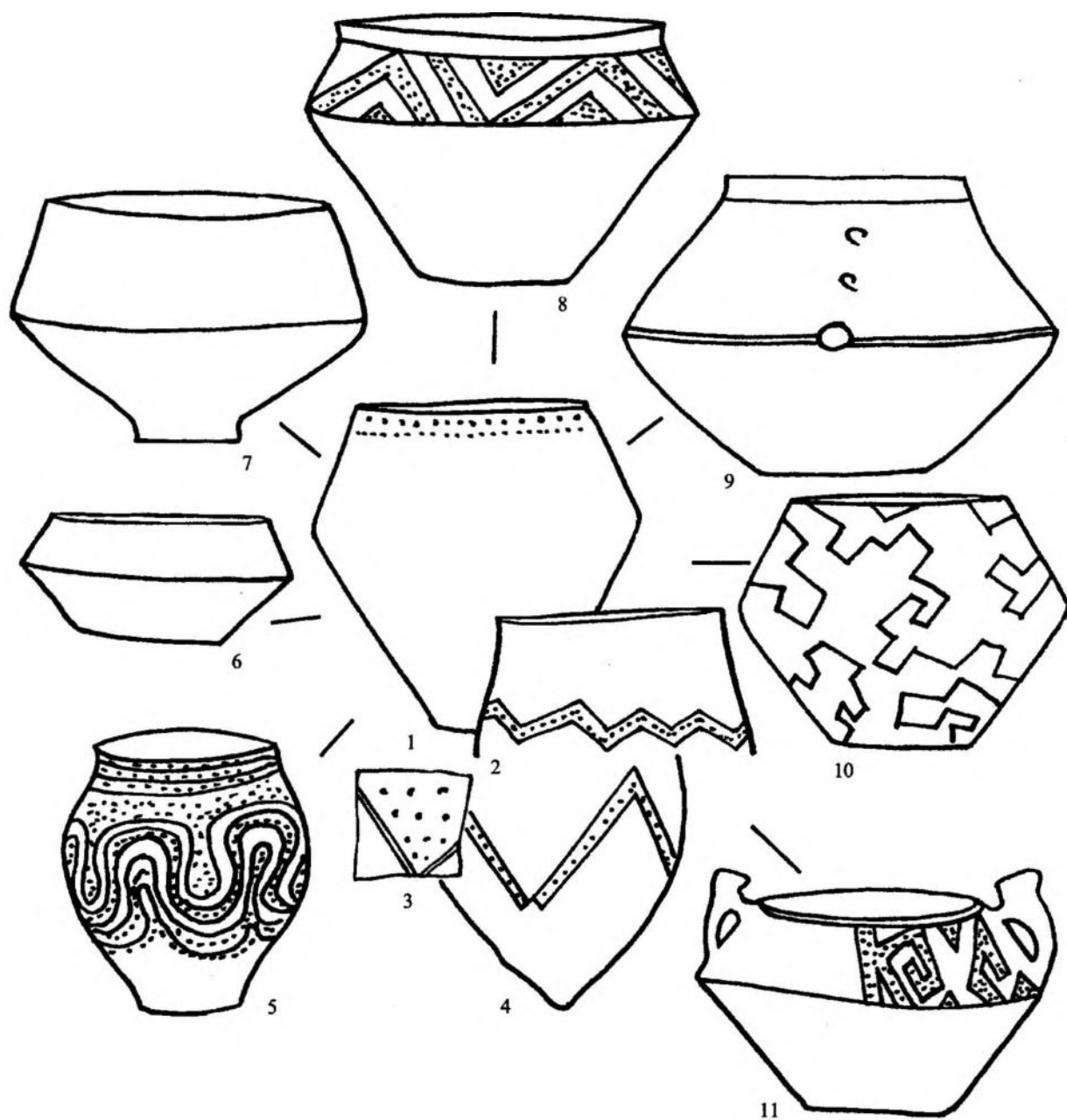

Рис. 3. Общие формы сосудов и виды орнаментации керамики памятников елшанского типа (1-4), культур буго-днестровской (5-7), Винчи (8), Старшей линейно-ленточной керамики (9), Альфельд (10), Златарски (11)

В буго-днепровской культуре, по данным В.Н. Даниленко, появление и распространение плоскодонной посуды серых и красноватых оттенков из хорошо отмученной глины закрытой и S-видной формы, с лощением, орнаментом из прочерченных фигур с точечным заполнением, сетки, зигзагов из ямок наблюдается на 2-й и 3-й фазах. Определённые параллели с елшанским имеет и кремьн соколецкой и, особенно, печерской фаз. Для него характерны утилизация крупных грубых призматических и карандашевидных нуклеусов, направленная на получение средней пластины, обилие вкладышей без обработки, встречаемость среди них крупных с подтёской брюшка [21, рис. 81: 11, 15, 16], распространение скребков и резцов на массивных отщепках, рубящих шлифованных орудий [21, с. 109, 110, 112]. Интересно, что среди инвентаря печерской фазы встречаются наконечники стрел с черешком [21, с. 112, рис. 81: 23]. Сходные тенденции отмечает В.Н. Даниленко и в развитии сурско-днепровской и днепро-донецкой культур [21, с. 187, 190, 191]. Определённое сходство имеет и инвентарь нижних слоёв многослойного поселения Ракушечный Яр [2, с. 30]. Здесь встречается плоскодонная неорнаментированная посуда закрытой формы, одна из групп которой изготовлена из плотного опесчаненного теста [22, с. 97, 98].

Наличие балканских черт на елшанской посуде оказывается необыкновенно значимым не только для уточнения хронологического положения данной культурной группы, датируемой по радиоуглероду не только ранним ранним временем (9–8 тыс. л.н.), что создаёт не находящийся типологического оправдания эффект отрыва её от других раннеолитических культур лесной полосы Восточной Европы [23], но и как ещё одно важное свидетельство приазовско-причерноморского происхождения этой группы, вбирающей традиции местного и балканского неолита.

Несмотря на отсутствие точных аналогий елшанским древностям в степном Причерноморье и Приазовье, выявление которых – дело будущих исследований, присутствие в этом регионе многих из черт, слагающих своеобразие елшанского типа памятников, достаточно ощутимо. Последнее обстоятельство и отсутствие местных средневожских истоков у многих из елшанских черт является решающим аргументом в пользу существования в начале V тыс. до н.э. активных контактов и перемещений населения по линии Восточное Приазовье – Среднее Поволжье, приведших к возникновению елшанского культурного феномена.

Маршрут продвижения на Среднюю Волгу степного неолитического населения в настоящее время восстанавливается гипотетически (рис. 4). Можно лишь отметить отсутствие следов елшанских традиций на Нижней Волге, в Северном Прикаспии и Среднем Подонье, что заставляет исключать из вероятных направлений эти пути. Единственно возможным в этом случае становится движение по левым донским притокам – Хопру и Медведице, выводящее почти непосредственно к району Среднего Поволжья. В пределах этого маршрута А.А. Хрековым выявлена слабоорнаментированная керамика елшанского типа [24, с. 60].

Юго-западный путь поступления на Среднюю Волгу культурных новаций неолитической эпохи в области кремнеобработки и керамического производства был, вероятно, наиболее ранним, но далеко не единственным. Появившиеся в самое последнее время в поле научного зрения материалы позволяют поставить вопрос о существовании ещё одного, несколько более позднего, широтного пути распространения неолитических традиций, ориентированного из Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья в сторону лесных районов Волго-Камья. Основание для подобных предположений даёт группа неолитических памятников на Вятке, выделенных относительно недавно Т.М. Гусенцовой. Они заметно отличаются на фоне шербебьских накольчатых и хуторских гребенчатых древностей своим архаизмом в керамике и кремне. Наиболее яркие материалы даёт раскопанная на широкой площади и представившая чистую коллекцию кремня и керамики Кошкинская стоянка [25, с. 306-310].

Керамика Кошкинской стоянки, на первый взгляд, напоминает елшанскую (рис. 1: 2). Это плоскодонные слабоорнаментированные горшки закрытой формы, украшенные поясами цилиндрических вдавлений под венчиком и простыми узорами из разреженных накольчато-тычковых вдавлений на тулове. Но при детальном сопоставлении становятся заметными серьёзные отличия обоих типов. Посуда Кошкинской стоянки вылеплена из глины с примесью органики и раковины, что нехарактерно для елшанской. Горловины слабо прикрыты, профилированные и биконические формы не известны. Поверхность покрыта "рябинками" от выгоревших органических примесей, а качественное лощение отсутствует. Совершенно по иной технологии изготовлены днища кошкинской посуды. Они заметно толще стенок и имеют характерную закраину-выступ, отсутствующую на елшанской посуде. Не отмечены среди вятских материалов и встречающиеся на елшанской посуде подцилиндрические горловины. Значительные различия удаётся выявить и в орнаментации. На вятской слабоорнаментированной керамике нет прочерченных лент и треугольников с точечным заполнением. Отсутствуют здесь и выразительные утолщения-наплывы на краю горловин.

Заметные отличия имеются и по кремню Кошкинской стоянки. При определённом сходстве с елшанским, выражающемся в сочетании изделий на пластинах и отщепках, обилии неретушированных вкладышей из сечений, встречаемости трапеций, он выглядит заметно более микролитичным. Пик распространения пластинок по ширине приходится на интервал от 0,5 до 1,2 см. Более миниатюрны, по сравнению с елшанскими, скребки, вкладыши, наконечники стрел. Заметны и типологические отличия: резцы изготовлены на пластинчатой заготовке, наконечники стрел имеют треугольную и иволжистую форму. Обращает внимание и малочисленность рубящих орудий. Типологический архаизм кошкинских материалов подтверждает и радиоуглеродная дата – конец V тыс. до н.э., – полученная по углю из жилищной ямы.

Наиболее близкие аналогии вятским комплексам слабоорнаментированной керамики Т.М. Гусенцова находит в области Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья [25, с. 310], где в последнее десятилетие выделен целый пласт памятников подобного типа [26; 27, рис. 4]. Слабоорнаментированная посуда волго-

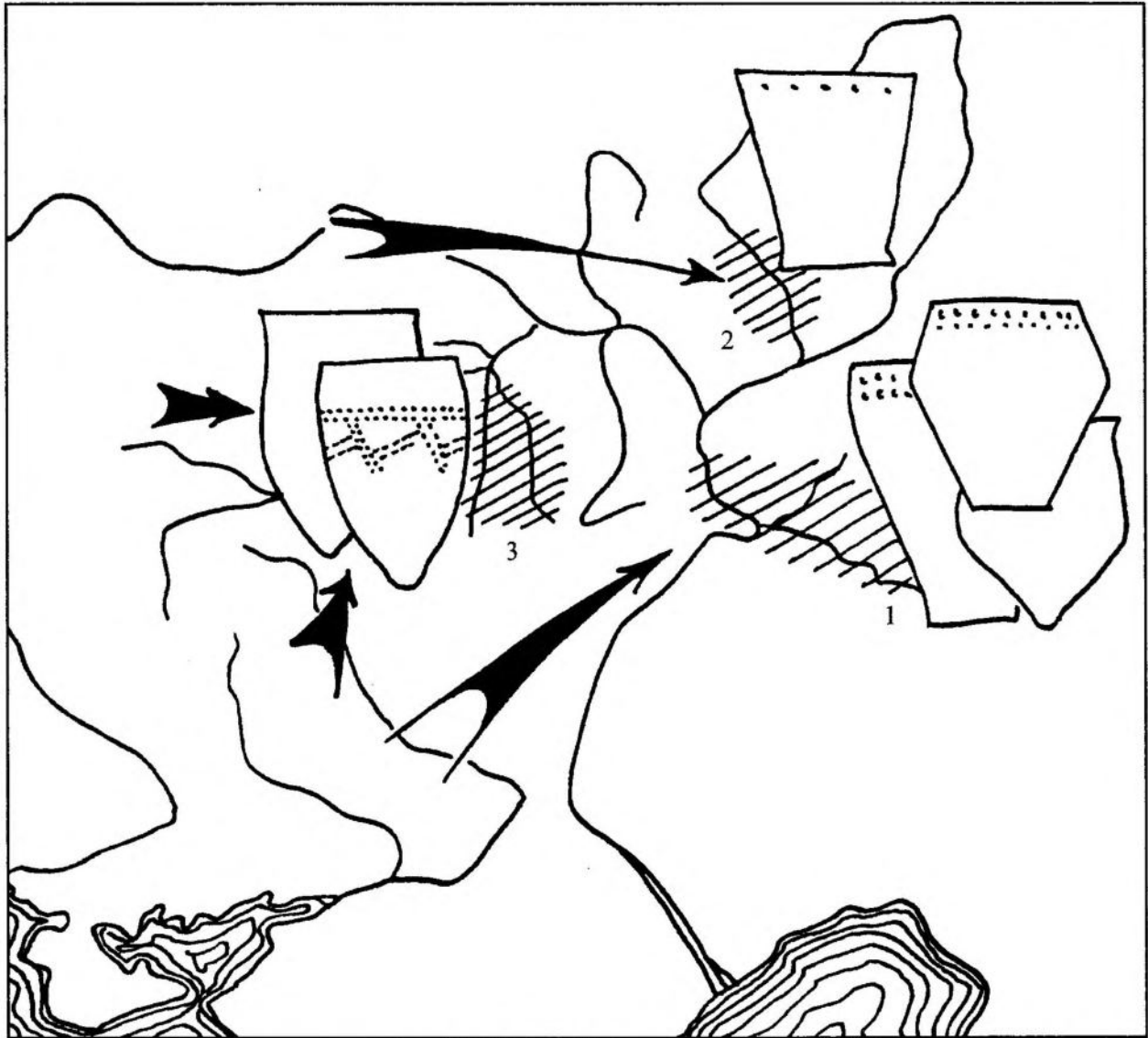

Рис. 4. Вероятные пути проникновения на Среднюю Волгу ранних групп керамики: 1 – елшанской; 2 – камско-вятской (кошкинской); 3 – примокшанской

окских стоянок содержит примесь органики и раковины в тесте, плоскодонна, лишена в своей массе утолщения-напльва по срезу горловины, на краю днищ встречается выступ, близка система орнаментации из строчек разреженных тычков-наколов и прочерченных линий. Слои с подобной керамикой залегают ниже слоёв с накольчатой и гребенчатой керамикой и датируются, по радиоуглеродным и палинологическим данным, 1-й пол. - сер. V тыс. до н.э. [28, с. 245]. Их подстилают позднебутовские слои, датированные, в свою очередь, по радиоуглероду концом VI тыс. до н.э. [29].

Направление широтного пути совпадает с направлением волжской долины, нижние террасы которой в настоящее время практически полностью затоплены водами Куйбышевского и Чебоксарского водохранилищ. Видимо именно поэтому на широтном отрезке Средней Волги до сих пор не найдены аналоги архаичной вятской посуды.

Движение верхневолжского населения на восток обошло область Примокшанья и Посурья. Здесь в последние годы выявлена стадиально близкая, но типологически своеобразная группа архаичной керамики и пластинчато-отщепового кремнёвого инвентаря [30]. Посуда почти исключительно остродонная, профилированная с тонкими стенками и плотным тестом (рис. 1: 3). Она орнаментирована рядами тычков-наколов и, иногда, зубчатым штампом [30, с. 40]. Отличием от других групп архаичной средневолжской керамики является отсутствие прочерченных узоров, ямочно-жемчужных поясков, выразительных напльвов на венчиках, биконических форм, плоских днищ с закраинами. Не находят параллелей в елшанских древностях и шевронно-диагональная система орнаментации, отдельные рецидивы техники отступающего накола.

Вопрос происхождения примокшанской группы ранней неолитической керамики сегодня не может быть однозначно решён. Однако можно отметить наличие определённых параллелей подобной керамике среди наиболее ранней посуды Среднего Дона и Прихопёрья [30, с. 43, 46].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мамонов А.Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
2. *Моргунова Н.Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
3. *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
4. *Васильева И.Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
5. *Моргунова Н.Л.* Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепей Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.
6. *Кузьмина О.В., Ластовский А.А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
7. *Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
8. *Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).
9. *Ластовский А.А., Матвеева Г.И.* Мезолитический комплекс поселения Романовка II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
10. *Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань, 2001.
11. *Кольцов Л.В.* Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
12. *Никитин В.В.* Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Марийского Поволжья (по материалам Удельно-Шумецкого XII поселения) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1989.
13. *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
14. *Косменко М.Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье. // СА. 1972. № 3.
15. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР).
16. *Ластовский А.А.* Проблемы изучения средневожского мезолита // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.
17. *Телегин Д.Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ, 1982.
18. *Крижевская Л.Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб., 1992.
19. *Титов В.С.* Неолит карпатского бассейна. М., 1996.
20. *Тодорова Х.* Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии // СА. 1973. № 4.
21. *Даниленко В.Н.* Неолит Украины. Киев, 1969.
22. *Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995.
23. *Мамонов А.Е.* Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
24. *Хреков А.А., Ставицкий В.В.* Неолитические миграции на территории Сурско-Холеро-Мокшанского водораздела // XV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001.
25. *Гусенцова Т.М.* Комплекс с неолитической накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.
26. *Костылева Е.Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
27. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
28. *Энгватова А.В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
29. *Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е.* Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
30. *Ставицкий В.В.* Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.

*Государственный историко-мемориальный
заповедник "Родина В.И. Ленина",
Ульяновск*

A.V. Viskalin

THE WAYS OF THE NEOLITHIC SPREADING IN THE VOLGA – THE KAMA RIVERS' BASIN (to the Question Setting)

Summary

The spreading of the Neolithic technologies of stone tools and pottery production into the territory of the Volga – the Kama Rivers' basin which led to the transformation of the local Late Mesolithic population, as well as to the first Neolithic societies' formation there had two basic directions. The Elshanskaya culture population penetrated into the basin of the Middle Volga from the Black Sea and the Asov Sea regions, using the south-western way. Its culture combined the features of the Balkans and the Black Sea region cultures of the early 5th millennium BC. Closely to the middle and the end of the same millennium people from the Volga – the Oka Rivers' watershed inhabited the northern areas of the Volga – the Kama Rivers' basin using the latitude river way of the Volga. They left the monuments of the Koshkino site type of the Vyatka River. At the same time the migrants from the Don basin as well as from the Khopyr River's basin settled in the basin of the Moksha River.

*The State Historical-Memorial Reservation
"The Motherland of V.I. Lenin"
98, Lenin St., Ulyanovsk,
432063, Russia*

А.В. Вискалин

РАННИЕ ГРУППЫ НАКОЛЬЧАТОЙ И ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ ВОЛГО-КАМЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Послевоенные десятилетия XX в. знаменуются заметным прорывом археологической науки в области изучения финального каменного века на территории Волго-Камья. За это время исследователями выявлены сотни поселений неолита и мезолита, проведены крупномасштабные раскопки десятков из них, выделены основные неолитические культуры и построена их периодизация, намечены пути и подходы к решению целого ряда других сложных проблем, одной из которых является проблема генезиса волго-камского неолита.

Данный вопрос привлекает внимание исследователей не одно десятилетие. Во многом он оказывается связанным с проблемой выделения из общего массива неолитической керамики с гребенчатой и накольчатой орнаментацией наиболее ранних групп. Трудность решения данной проблемы упирается в специфичность и, по большому счёту, недостаточность источников по неолиту Волго-Камья. Основой источниковедческой базы являются материалы дюнных поселений с песчанистым культурным слоем, не имеющих чёткой стратиграфии. Культурные остатки различных эпох перемешаны, что затрудняет их идентификацию. Построению надёжной периодизации препятствует почти полное отсутствие естественно-научных данных по хронологии. Речь идёт о радиоуглеродных датировках и палеоэкологических реконструкциях. Имеющиеся в распоряжении исследователей немногочисленные сведения отличаются противоречивостью и могут быть использованы лишь с крайней осторожностью. В этих условиях основным становится типологический метод, основанный на синхронизации волго-камских древностей с материалами неолитических культур сопредельных регионов. В первую очередь линии аналогий выстраиваются с регионами, имеющими разработанную на основе использования разнообразных данных и прошедшую проверку временем систему хронологии и периодизации.

Попытки выделения ранних групп накольчато-гребенчатой керамики Волго-Камья предпринимались неоднократно. Приоритет в этом вопросе принадлежит В.П. Третьякову [1]. Он высказал предположение об одновременности бытования накольчатой и гребенчатой орнаментальных традиций и выделил из круга накольчато-гребенчатых древностей наиболее ранние. Интенсивные изыскания 1970-80-х гг. дали возможность А.А. Выборнову расширить число ранних накольчато-гребенчатых комплексов, наметить территорию их распространения, включая приустьевую часть Камы, Сурско-Мокшанское междуречье, Нижнюю Каму, Камско-Вятское междуречье [2]. В эти же годы усилиями многих исследователей в южных лесостепных районах Среднего Поволжья выявлен целый пласт накольчато-гребенчатых материалов, стадийно близких к наиболее ранним накольчато-гребенчатым древностям лесных районов Волго-Камья [3-7]. Всё это значительно расширило возможности источниковедческой базы и этнокультурных реконструкций.

Возвращение к вопросу о ранней накольчато-гребенчатой керамике Волго-Камья продиктовано необходимостью обобщения накопленных данных и идей, уточнения культурно-хронологического положения этой группы в связи с появлением изменений в хронологических схемах развития неолита Поднепровья и Волго-Окского междуречья.

Используя наработанные критерии и подходы по выделению ранних накольчато-гребенчатых комплексов, синхронизацию с обладающими устоявшейся периодизацией соседними культурами и отдельные стратиграфические данные внутри региона, сегодня среди накольчато-гребенчатых материалов Волго-Камья удаётся выделить около 60 объектов, чьё хронологическое положение является более ранним по отношению к древностям щербетьского и хutorского типов. Особенности технологии изготовления ранней накольчато-гребенчатой посуды и размещения памятников на местности позволяют разделить их на 2 основные группы.

Северная группа насчитывает около 40 объектов, большая часть из которых открыта в лесных районах Сурско-Мокшанского междуречья (Имерка 1-А, 2, 3, 4, 7, 8, Потодеево, Машкино 1, 3, Ковыляй, Скачки, Широмазово 3, Подлесное 3, 5, Пензенские и др. стоянки). К востоку от Посурья памятники сходного типа отмечены в небольшом количестве в приустьевой части Камы (Кабы-Копрынская), Камско-Вятском междуречье (Усть-Шижма 1), на Нижней Каме (Знарат).

В их размещении отмечаются общие закономерности. Они тяготеют к лесным районам Волго-Камья и занимают дюнные возвышения в пойме или площадки по краю низких надпойменных террас. Культурные

слои отличаются малой мощностью и слабо насыщены находками. Количество керамики не превышает нескольких сот обломков, по которым удаётся выделить максимально 2-3 десятка сосудов. На многих памятниках ранняя керамика смешана с культурными остатками более поздних эпох, хотя имеются и относительно чистые комплексы.

Посуда изготовлена из глины с примесью песка и охристых включений (рис. 1). Сосуды имеют шлемовидную и котловидную формы с прикрытой горловиной. Характерно сочетание приострённо-округлых и плоских днищ при явном преобладании первых. Толщина стенок колеблется от 5 до 11 мм, составляя в среднем 6-7 мм. Венчики по толщине не отличаются от стенок и снабжены округлыми или утонченными краями. При просмотре некоторых коллекций по краю горловины удаётся обнаружить появление в единичных случаях не всегда привлекающего внимание исследователей слабого утолщения-напльва изнутри (Имерка 1-А, 3, 4, 8, Потодеёво, Усть-Шижма 1, Зиарат, Кабы-Копрынская), на некоторых сосудах венчики плавно отогнуты наружу, придавая посуде профилировку (Потодеёво, Машкино 3, Ковыляй 1). Примерно у половины всей посуды под венчиком оформлен одинарный или двойной ямочно-жемчужный пояс. Гофрировка среза венчика насечками или иными видами вдавлений не развита и встречается лишь эпизодически. Снаружи сосуды хорошо заглажены, а изнутри несут следы штриховки. По технике орнаментации выделяется гребенчатая, накольчатая и прочерченная посуда.

Гребенчатая керамика украшена оттисками короткого изогнутого и спрямлённого, а также длинного прокатанного штампов. Композиции из оттисков короткого штампа носят более разреженный характер, чем длинного. Широко используются мотивы горизонтальной ленты, вертикального и горизонтального зигзага, шеврона, реже – заштрихованных треугольников, плетёнки, косой решётки, шагающей гребёнки. Последний приём в небольшом количестве присутствует практически во всех основных комплексах.

Накольчатая керамика орнаментирована наколами треугольной, овальной, каплевидной, подквадратной форм. На некоторых памятниках отмечается присутствие скобковидных оттисков кремнёвой пластинки (Широмасово 3) и спаренных наколов (Ковыляй 1, Широмасово 3, Имерка 8). От гребенчатой она отличается несколько более выраженной плоскодонностью и разреженностью узоров. В орнаментации ведущее положение занимают горизонтальные пояса из строчек наколов в разреженной и скорописной манере, шевроны, горизонтальные зигзаги. Реже встречаются мотивы плетёнки, заштрихованных треугольников, горизонтальной «ёлочки со стеблем».

Керамика с прочерченными узорами встречается значительно реже. Ни технологически, ни композиционно она серьёзно не отличается от других типов керамики.

Культурно-хронологическое единство гребенчато-накольчато-прочерченной керамики определяется единством её технико-типологических характеристик, встречаемостью на большинстве памятников в небольшом количестве синкретичной орнаментации с использованием одновременно оттисков зубчатого штампа, наколов или прочерков (Ковыляй 1 – 3 фрагмента, Машкино 1 – 2, Машкино 3 – 3, Широмасово 3 – 3, Имерка 4 – 2, Имерка 7 – 3 и т.д.), стратиграфической неразделённостью всех названных типов керамики, отмеченными случаями их совместного залегания в закрытых жилищных комплексах (Имерка 7) [8, с. 48].

При решении вопросов происхождения этой керамики учтены её культурные параллели, намечающие возможные направления связей и контактов. Наиболее близкие аналогии такой посуде обнаруживаются на стоянках верхневолжской неолитической культуры конца развитого – начала позднего этапов [9, с. 286; 10, с. 17, 18]. На это указывают общие формы посуды, сочетание накольчатой, гребенчатой и прочерченной техник орнаментации, использование короткого и длинного зубчатых штампов, появление мотива шагающей гребёнки, слабого напльва на венчиках, а также отсутствие примеси дресвы, появляющейся на заключительном этапе данной культуры. Встречаемость на накольчатой керамике Посурья скобковидных и спаренных наколов, сплошной орнаментации, остродонности и прямостенности допускает возможность участия в её формировании отдельных групп донского населения, влияние которого, впрочем, едва ли следует переоценивать [11, с. 12]. Его усиление наблюдается в южных районах Посурья, а ослабление – в северных. По линии синхронизации с верхневолжской культурой такую керамику можно датировать серединой V тыс. до н.э., по линии днепро-донецкой – первой половиной IV тыс. до н.э.

Среди основной массы достаточно однородных и стадияльно близких накольчато-гребенчатых комплексов Посурья удаётся типологически выделить хоть и ограниченные по объёму, но выразительные коллекции более архаичной керамики, для которой свойственны разреженность узоров, господство короткой изогнутой гребёнки и разреженных наколов, остродонность, простота орнаментации, тонкостенность (Имерка 7, Ковыляй 1, Стародевичье 1, 2). В.В. Ставицкий отмечает её близость с елшанскими древностями Среднего Поволжья и не исключает ранненеолитическую атрибуцию данной культурной группы [11, с. 4, 10]. Однако наличие у этой керамики профилированных горловин сближает её не столько с ранненеолитическими, сколько с более развитыми днепро-донецкими древностями 2 периода, датируемыми рубежом V - IV тыс. до н.э. [12, с. 8, 15]

Южная группа насчитывает более 20 комплексов, многие из которых исследованы раскопками на широких площадях. Её эпицентр располагается в пределах бассейна рр. Самара, Сок и их притоков (Лебяжинка 1 и 4, Виловатовская, Ивановка, Чесноковская, Гуцдоровская, Большераковская 2, Елшанская 2, Максимовская, Солонцовка, Ильинская и др.). Сходные памятники известны западнее и севернее: в бассейне Верхней Свияги (Елшанская 11), Южном Посурье (Скачки, Подлесное 7, Бессоновка 2, 3), на Черемшане (Лебяжье 1, 2, Мелекес 3-5).

Стоянки приурочены к дюнным возвышениям или участкам высокой поймы. Их культурные слои отли-

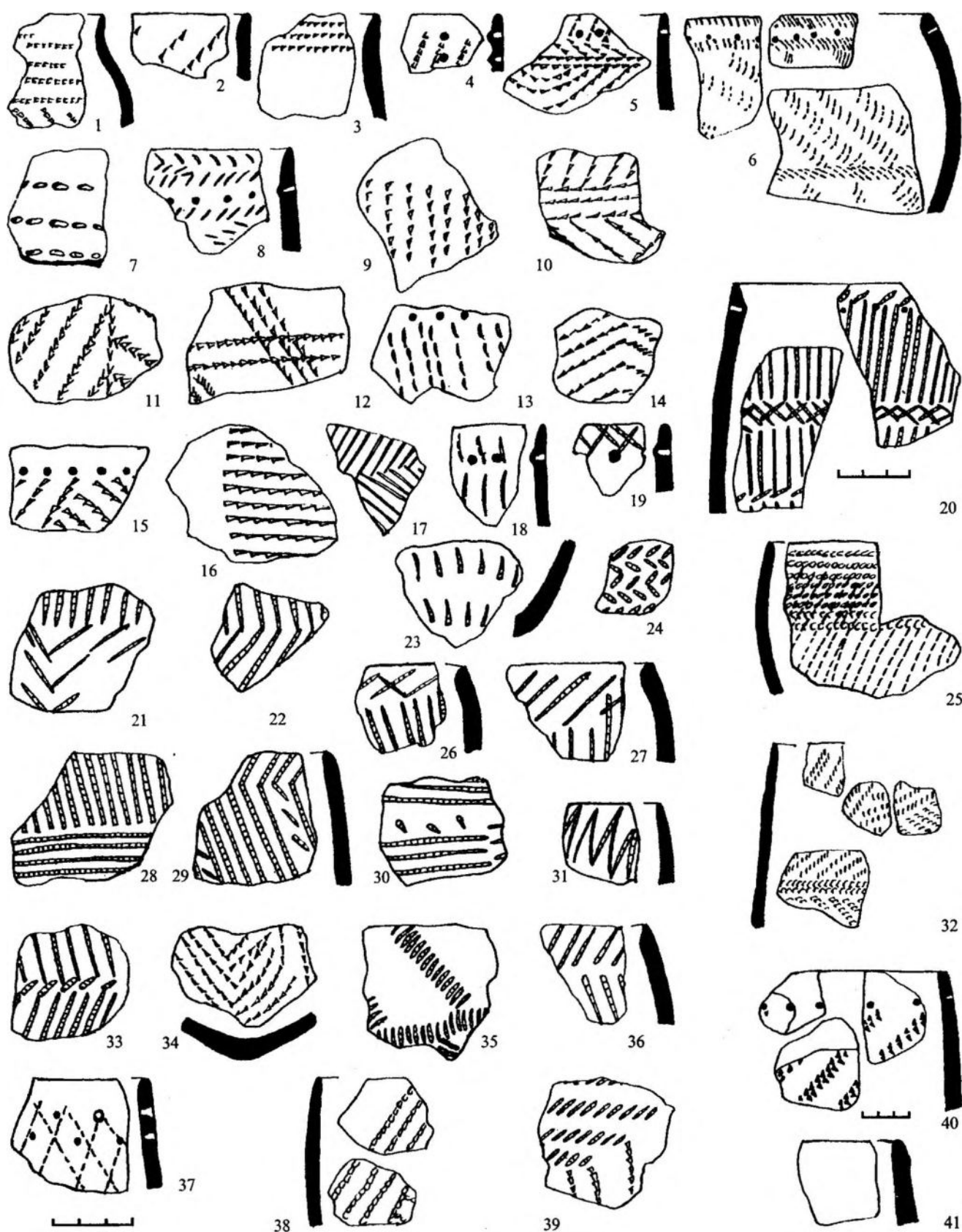

Рис. 1. Ранняя гребенчато-накольчатая керамика северной группы памятников Волго-Камья: Потодеево (1-4); Имерка 1-А (5, 7, 10, 13, 31, 35, 36); Имерка 2 (26-28, 30); Имерка 3 (8, 9, 14, 29); Имерка 4 (39); Имерка 7 (11, 12, 17-19, 21-24); Имерка 8 (37); Имерка 10 (15, 16); Подлесное 3 (33); Ковыляй 1 (34); Машкино 1 (6, 41); Машкино 3 (20); Широмазово 3 (25, 32, 38, 40)

Рис. 2. Ранняя гребенчато-накольчато-ямчатая керамика южной группы памятников Волго-Камья: Вилловатое (1-5, 7-9); Лебяжинка 4 (6, 10-17, 19, 21-41); Ивановка (18, 20)

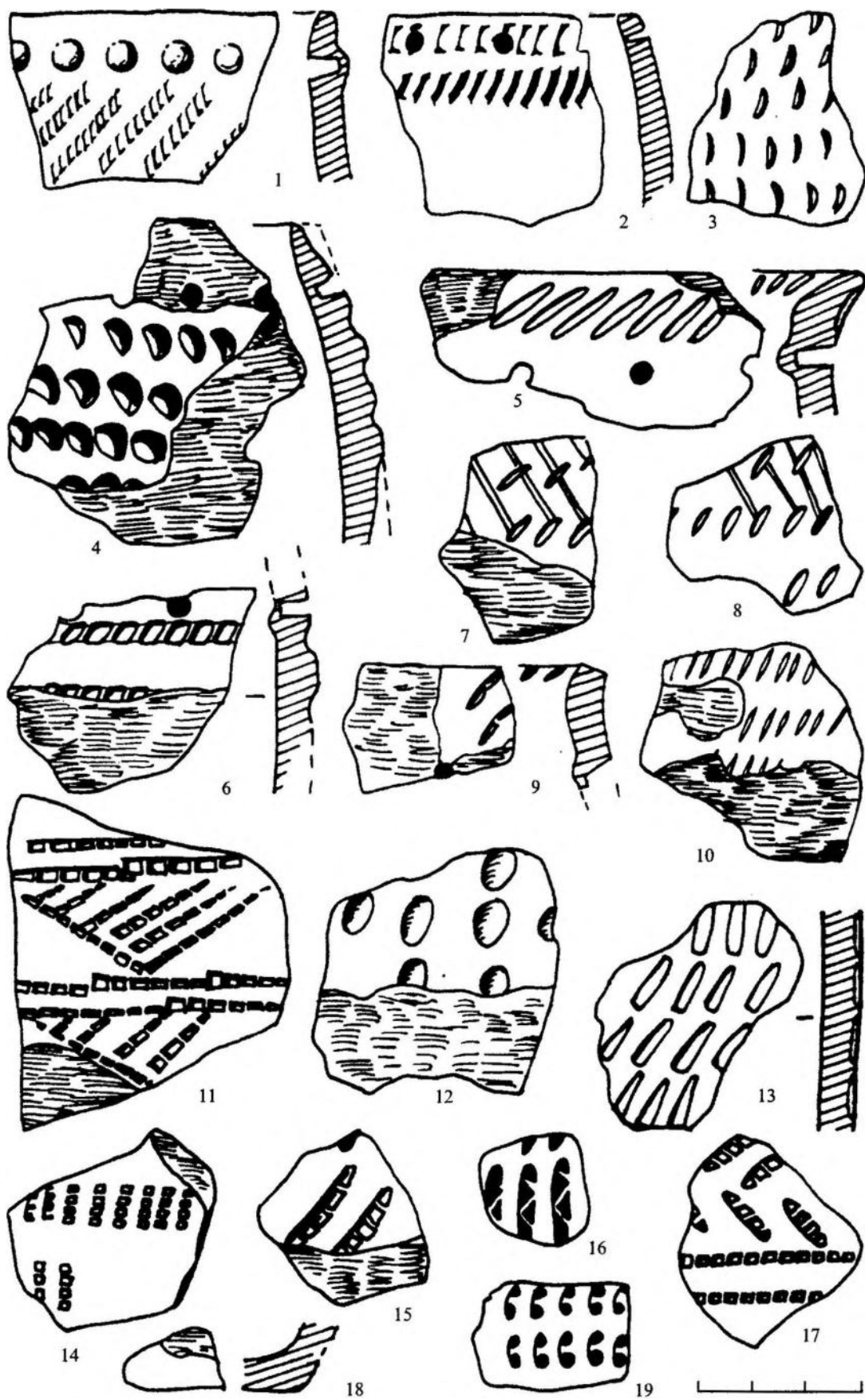

Рис. 3. Керамика стоянки Елшанская 11 на Верхней Святе

чаются заметно большей мощностью и насыщенностью находками, чем у северной группы. Эталонные комплексы содержат тысячи фрагментов керамики, по которым выделяются сотни сосудов (Виловатое – 405, Ивановка – 250, Лебяжинка 4 – 153, Лебяжинка 1 – 140, Лебяжье 2 – 94). На многих памятниках неолитические материалы смешаны с культурными остатками других эпох, но имеются и относительно чистые комплексы (стоянка Елшанская 11 на Свяге).

Посуда изготовлена из глины с примесью песка и охристых включений, хотя на основных памятниках в ограниченном количестве отмечается присутствие в керамике органической и раковинной примеси (Виловатое, Ивановка, Лебяжинка 4 и др.) (рис. 2). Её отличают качественный обжиг и красноватый оттенок. Толщина стенок колеблется от 5 до 11 мм, составляя в среднем 6-8 мм. Господствуют округлобокие или прямостенные плоскодонные горшки с прикрытой, реже – открытой горловиной. Как вариант – сосуды с зауженной подцилиндрической горловиной, плавно переходящей в покатые плечики. Наряду с плоскодонными горшками в коллекциях представлены плоскодонные или округлодонные мисочки. Остродонные сосуды встречаются на многих памятниках, но численно уступают плоскодонным. Венчики по толщине не отличаются от стенок и имеют плоский, округлый, скошенный, приотсёрнённый срез. На многих памятниках в небольшом количестве отмечены венчики со слабым утолщением-напылом или воронковидной формы. Снаружи сосуды хорошо заглажены, а изнутри – покрыты штриховкой. По технике орнаментации выделяется штампованная и накольчатая посуда.

Штампованная посуда численно преобладает над накольчатой-ямчатой. Она орнаментирована зубчатой и гладкими штампами разнообразных форм: коротким и изогнутым, длинным прокатанным. Оттиски нанесены как в плотном, так разреженном, а также в "шагающем" исполнении. Основной орнаментацией являются горизонтальные ленты из оттисков штампа с разделительными поясами или без них. Значительно реже можно встретить употребление диагональных, шевронных, зигзаговых, треугольных, плетёчных мотивов.

Накольчатая-ямчатая посуда орнаментирована наколами овальной, треугольной, каплевидной формы, мелкими насечками, широкими округлыми и неглубокими ямками. Эпизодически встречается нанесённая торцом кремнёвой пластинки скобка. Ведущими являются горизонтально-ленточные композиции, состоящие из строчек и рядов наколов или ямок, реже отмечается присутствие более сложных геометризovaných мотивов: шевронов, горизонтальных зигзагов, треугольников, плетёнки, косой решётки, заштрихованных полей с бахромой, солярных знаков, восьмёркообразных фигур.

Посуда с ямчатой орнаментацией выглядит более скромно, чем накольчатая. Помимо горизонтальных лент её украшают горизонтальные зигзаги, треугольники, шевронные композиции.

Одновременность бытования штампованной и накольчатой-ямчатой керамики подтверждается их типологическим единством, близостью орнаментации, устойчивой встречаемостью во всех основных комплексах синкретичной гребенчато-накольчатой традиции (Виловатое – 10 фрагментов, Ивановка – 3, Лебяжинка 4 – 2), совместным залеганием всех типов посуды в единых нерасчленённых слоях. Показательный пример в этом отношении дают материалы Елшанской 11 стоянки, выявленной недавно автором на Верхней Свяге. Стоянка располагается в пределах пойменной террасы, и её культурный слой со стратиграфически нерасчленённой гребенчато-накольчатой-ямчатой керамикой оказывается "вложенным" в пачку слоистых пойменных отложений и перекрывается горизонтами с позднеолитической пористой и энеолитической с раковинной примесью керамикой. Типологически гребенчато-накольчатая-ямчатая керамика тяготеет к аналогичным средневожским комплексам. Для неё также характерна плоскодонная посуда, сочетание простых венчиков с округлым, плоским, косым срезом и усложнённых с подтреугольным напылом, напоминающим архаичные воротнички сосудов ранней азово-днепровской культуры, широкое распространение традиции ямочно-жемчужных поясков и гофрировки среза насечками, геометризм в орнаментации в сочетании с примитивными ленточными узорами (рис. 3).

Типологическое единство и одностадиальность, компактность размещения в пределах единой лесостепной ландшафтной зоны – всё это, несомненно, является веским основанием в пользу выделения южной группы ранних гребенчато-накольчатых комплексов Волго-Камья в качестве самостоятельной культуры: средневожской (по И.Б. Васильеву и А.А. Выборнову) [3, с. 35, 36], либо волго-уральской (по Н.Л. Моргуновой) [4, с. 17].

При выяснении происхождения средневожской (волго-уральской) культуры необходимо учитывать её соотношение с распространёнными на той же территории древностями елшанского типа, выделяемыми некоторыми авторами в самостоятельную культуру, датируемую, по радиоуглеродным данным, раннеолитическим временем [13]. Принимая во внимание типологическую неоднородность елшанских древностей и характерность для некоторых из них заведомо более развитых черт в виде напылов-утолщений на венчиках, профилированности горловин, биконичности и ребристости некоторых сосудов, а также несомненную преемственность со средневожской керамикой в формах посуды и орнаментации, нельзя исключать возможности доживания части елшанского населения до более позднего времени и участия его в процессе формирования средневожской культуры [13, с. 40, 41].

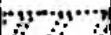

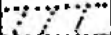
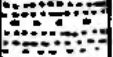

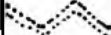
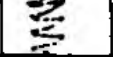
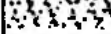

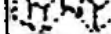
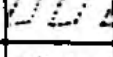
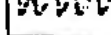
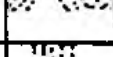

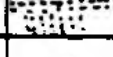

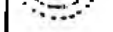
Однако только елшанской подосновой без привлечения дополнительного импульса со стороны едва ли можно объяснить появление в средневожской культуре гребенчатой орнаментации, отступающего накола, сложного геометризованного узора, органической добавки в глине, усложнение венчиков и т.д.

В качестве исходной области формирования характерных признаков средневожских древностей нельзя рассматривать нижневожский и североприкаспийский неолит. Для последнего не характерны гребенчато-

ямчатая орнаментация, ямочно-жемчужные пояски и насечки по срезу горловины, ленточные орнаментальные композиции и многие виды наколов. В степных районах Поволжья находит распространение керамика с органическо-раковинной примесью в тесте и более сложной геометризированной орнаментацией [3, с. 8-18].

Не представляется возможным связать генезис средневожских древностей, как это иногда делают [14, с. 12], и с импульсами из более северных, лесных районов Волго-Камья. При несомненном сходстве северной и южной ранней гребенчато-накольчатой керамики, носящем скорее общестадийный, чем однокультурный характер, и заключающемся в сочетании гребенчато-накольчатой орнаментации, остро-плоскодонности, закрытых и прямостенных форм посуды, преобладании простых форм венчиков при эпизодической встречаемости слабых наплывов-утолщений или иных форм усложнённых горловин, господстве слабогеометризированной ленточной орнаментации, присутствию расчёсов на внутренней поверхности сосудов, наличию ямочно-жемчужных поясков и гофрированных венчиков, в облике керамики обеих групп отчётливо проступают и черты культурного различия. Так, для керамики южной группы в большей мере, чем для северной, характерны использование органического остоителя, плоскодонность, ямочно-жемчужные пояски, гофрировка среза венчика насечками (на юге приём гофрировки встречается на 50-90% посуды, а на севере – 5-10%), более сложные геометризированные композиции, ямчатая орнаментация, скошенные венчики (табл. 1, рис. 4).

Таблица 1. Орнаментальные мотивы ранней гребенчатой, накольчатой и ямчатой керамики северной и южной групп памятников Волго-Камья

Мотив	Северная		Южная			Мотив	Северная		Южная		
	ГК	НК	ГК	НК	ЯК		ГК	НК	ГК	НК	ЯК
	-	+	-	+	+		-	+	-	+	-
	+	+	+	+	+		-	-	-	+	-
	+	+	+	+	+		+	+	+	+	-
	+	+	+	+	-		-	-	+	+	-
	-	+	+	+	-		+	-	+	-	-
	-	+	+	+	+		-	-	+	-	-
	+	-	+	+	-		+	-	+	-	-
	+	+	+	+	-		-	+	-	-	-
	-	-	+	+	-		+	-	+	-	-
	-	-	+	-	-		-	-	-	+	-
	+	-	+	-	-		-	-	+	+	-
	-	-	-	+	-		+	-	+	-	-
	-	+	-	-	-		-	+	-	+	-

ГК - гребенчатая керамика;
 НК - накольчатая керамика;
 ЯК - ямчатая керамика

Рис. 4. Венчики ранней гребенчато-накольчатой керамики Волго-Камья:
А – южная группа; Б – северная группа

Поиски “культурных” аналогий гребенчато-накольчатым комплексам лесостепного Волго-Камья уводят нас далеко за пределы Поволжья в среду предмариупольских культур лесостепного Подонья и Поднепровья. На керамике донецкой и надпорожской культур днепро-донецкой этнокультурной общности отмечается присутствие многих характерных для средневожской керамики черт [15, с. 22, 23, 35]. Это совместное бытование гребенчато-накольчато-ямчатой орнаментации, плоскодонной и остродонной посуды, неорганических и органических отошителей, ленточной и более сложной геометризованной орнаментации, расчёсов на поверхности, простых, скошенных и усложнённых форм венчиков с наплывами и архаичными воротничками, ямочно-жемчужных поясков и гофрированных насечками венчиков. Близкие параллели средневожской керамике можно обнаружить и на Среднем Дону, где на ряде памятников встречаются плоскодонная гребенчатая и ямчатая посуда с раковинно-органической примесью, ямочно-жемчужными поясками и гофрировкой среза [16, с. 100-108], а также такой редкий для Средней Волги и распространённый на Дону элемент орнамента, как скобковидный накол [16, с. 118]. Однако малочисленность типичных среднедонских черт на средневожской керамике свидетельствует о том, что основным импульсом при формировании средневожских памятников явился поднепровский, а не донской. Донское население, видимо, было вовлечено в этот процесс лишь частично.

При датировании средневожских гребенчато-накольчато-ямчатых комплексов приходится исходить из их синхронности с наиболее поздними предмариупольскими или раннемариупольскими древностями Поднепровья периода 2 а, чьё хронологическое положение определяется началом IV тыс. до н.э. [15, с. 20].

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что широтная дифференциация ранних гребенчато-накольчатых древностей Волго-Камья и система их культурных связей показывают, что складывание северной группы происходило под интенсивным воздействием и, возможно, в результате прямого проникновения в соседние районы Посурья и Волго-Камья населения из восточных районов Волго-Окского междуречья и Верхней Волги. Южная группа формируется при участии сохраняющих керамические традиции населения северо-восточных районов Поднепровья при участии выходцев из Подонья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяков В.П. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 131. 1972.
2. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара, 1992.
3. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
4. Моргунова Н.Л. Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепного Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.
5. Буров Г.М. Неолитическая стоянка Лебяжье 11 близ Дмитровграда // Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея. Вып. VIII. Ульяновск, 1989.
6. Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980.
7. Мамонова А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесистой полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
8. Выборнов А.А., Третьяков В.П. Стоянка Имерка VII в Примокшанье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.
9. Ставицкий В.В. О культурной принадлежности примокшанских памятников с гребенчато-накольчатой керамикой // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
10. Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.

11. *Ставицкий В.В.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.
12. *Тимова Е.Н.* Неолит Среднего Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985.
13. *Мамонов А.Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
14. *Моргунова Н.Л.* Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита – энеолита – ранней бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997.
15. *Телегин Д.Я., Тимова Е.Н.* Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита. Киев, 1998.
16. *Синюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

*Государственный историко-мемориальный
заповедник "Родина В.И. Ленина",
Ульяновск*

A.V. Viskalin

**EARLY GROUPS OF PRICKED AND COMB POTTERY
OF THE VOLGA – THE KAMA RIVERS WATERSHED:
THE PROBLEMS OF DETERMINATION AND ORIGIN**

Summary

The author states that the usage of typological method and the comparison analysis of the groups of neighbouring cultures allow us to synchronize early pricked and comb pottery complexes of the Volga – the Kama Rivers watershed with pre- or early Mariupol cultures of the Dnieper River basin and to date them back to the early 4th millenium BC (according to the Upper Volga culture – to the middle of the 5th millenium BC). Their latitude differentiation evidences that northern group of monuments was formed under the influence of the Volga – the Oka Rivers watershed population while the southern one – due to the Dnieper River basin and partly the Don River basin population affected upon.

*The State Historical-Memorial Reservation
"The Motherland of V.I. Lenin"
98, Lenin St., Ulyanovsk,
432063, Russia*

В.В. Никитин

КУЛЬТУРА НОСИТЕЛЕЙ ПОСУДЫ С НАКОЛЬЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (к проблеме происхождения)

Памятники с посудой накольчатого типа в Среднем Поволжье изучались А.Х. Халиковым, им же были отнесены к волго-камской культуре. В эту культуру А.Х. Халиков включал памятники собственно камской (по О.Н. Бадеру) культуры гребенчатого неолита бассейна Камы. На основе топографии памятников и стратиграфических наблюдений А.Х. Халиков построил дробную периодизацию: наиболее ранними комплексами он считал слои т.н. докерамического неолита и датировал их V–нач. IV тыс. до н.э. [1, с. 49]. Непосредственно за ними следует раннекерамический этап. Появляется глиняная посуда с орнаментом из мелких клиновидных или ячеистых оттисков, коротких прочерков или ногтевидных вдавлений. По краю венчиков – ряд наколов. Форма сосудов – котловидная с прикрытым горлом, с небольшим плоским донцем. Орнаментальные мотивы простые и состоят в основном из горизонтальных рядов, редко – горизонтального зигзага и ёлочки. Гребенчатых штампов практически нет. В фактуре формовочной массы отмечаются два рецепта: 1 – песок+шамот+глина, 2 – органика+глина.

На следующем (третьем) этапе раннего периода не встречается посуда со вторым рецептом формовочной массы. Форма сосудов прежняя – котловидная, дно становится коническим, на отдельных стоянках встречаются сосуды с плоским дном. Техника орнаментации остаётся прежней, но в то же время распространяется применение мелкозубого штампа. Усложняется орнаментация. Проявляется тенденция к геометризации рисунка.

Территория распространения памятников раннего этапа – от устья Оки на северо-западе до Самарской Луки на юге и устья Белой на севере.

Поздний период относится к III тыс. до н.э. В начале этого периода посуда сохраняет форму горшка с прикрытым горлом. Характерным признаком становится внутренняя наплыв с утолщением венчика. Такие сосуды преобладают в бассейне Камы. В приустьевой части их меньше и соседствуют они с сосудами со слегка отогнутым краем горла. В орнаментации посуды уменьшается доля оттисков мелкозубых штампов, преобладают отпечатки среднезубых и плоских штампов, прочерченные и резные линии, ногтевидные вдавления. Распространяется мотив «шагающая гребёнка». К концу этапа некоторые характеристики керамики сохраняются (форма, технология изготовления). Появляются сосуды более вытянутых пропорций, на керамике волжских и вятских памятников усиливается профилировка горла, распространяются сосуды с округлыми днищами, проявляется тенденция к разреженности орнамента, появляются слабоорнаментированные и вообще без орнамента сосуды. Основной орнамент – из оттисков гребенчатых штампов, для разделения зон применяются разного рода ямки: круглая белемнитная – для посуды со стоянок на Волге и Вятке, овальная, квадратная и других форм с плоским дном – для посуды с поселений на Каме.

Таким образом, на рассмотренной территории в неолите (по схеме А.Х. Халикова) существовала волго-камская культура с гребенчато-ямочно-накольчатой орнаментацией посуды. Типологические признаки позволяют расчленить эту керамику на две группы: 1) полуяйцевидные сосуды с коническим или округлым дном, с внутренним наплывом на венчике, украшенные оттисками гребенчатых штампов и резными линиями, с формовочной массой глина+шамот; 2) баночные сосуды с открытым горлом, украшенные различного рода наколами (тычками), с формовочной массой глина + песок (иногда мелкая органика). Среди этих групп можно вычленить сосуды с гребенчато-ямочным рисунком.

Итогом многолетних дискуссий явилось то, что большинство специалистов пришло к выводу о культурной разнородности этих групп посуды, объединённых понятием «керамика волго-камской культуры». Комплекс полуяйцевидных округлодонных (конических) гребенчатых сосудов принадлежит камской (по О.Н. Бадеру) или хutorской по Л.А. Наговицину [2] культуре, а баночные плоскодонные (редко конические) с накольчато-прочерченным рисунком генетически не связаны с камскими [3; 4; 5].

Анализ данного типа средневожской посуды проделан в работах В.В. Никитина [6; 7]. Основываясь на материалах широко раскопанных памятников с представительной коллекцией посуды, я отметил наиболее характерные её черты. В формовочной массе преобладает рецепт: глина + мелкий просеянный песок; глина

+ мелкий просеянный песок + очень измельчённая органика (раковина). Иногда встречаются вкрапления кровавика. Отличает посуду тонкостенность и заглаженность почти до лоска поверхности снаружи и внутри. Обжиг равномерный. Форма – баночная, с прямыми или выпуклыми боками, плоским или плосковыпуклым дном. Край горла не превышает толщины стенок, округлый, плоско срезан или приотрёт. Редко отмечаются конические днища (на толстостенных сосудах с примесью дресвы или шамота, полуяйцевидных форм, орнаментированных наколами в сочетании с оттисками гребенчатых штампов, отражающими, по-видимому, процесс взаимовлияния гребенчатой и накольчатой традиций).

По орнаментации можно выделить несколько групп посуды:

1) без орнамента, но обязательно с пояском округлых наколов под венчиком, иногда сквозных (хотя такие могли получиться при отслаивании внутренней поверхности стенки);

2) орнаментированные в верхней и нижней третях сосуда, часто вместе с плоским днищем;

3) орнаментированные по всей поверхности (редки) (рис. 1-5).

Ни в одном случае не отмечено захождение орнамента на внутреннюю сторону сосуда. Иногда отмечается орнаментальная нарезка по плоскому срезу горловины.

Кроме указанных форм посуды можно выделить плоскодонные неглубокие чаши, в единичных экземплярах – сосуды с прикрытым устьем и выраженным ребром в месте начала тулова.

Техника нанесения орнамента небогата и сводится к треугольному, каплевидному, овальному, четырёхугольному, круглому наколу; ногтевидной или прямой насечке, прочерченной линии. Абсолютное большинство составляют треугольные наколы, резные элементы применяются на единичных сосудах. Большинство композиций состоит из отдельных треугольных наколов, составляющих горизонтальные пояса. Сложные геометризованные рисунки (зигзаги, треугольники, ромбы и т.п.) выполнены мелкими треугольными или овально-округлыми наколами в плотной отступающей манере. Мотивы «ёлочки со стеблем», ромбической сетки выполняются округлым или овальным тычком. Ногтевидные насечки образуют в основном горизонтальные пояски или диагональные линии; короткие резные линии составляют только горизонтальный зигзаг и ёлочку, прочерченные линии – только длинные диагонали, но в сочетании с наколами могут иметь и более сложные начертания.

В качестве единичных (редко встречающихся) элементов орнамента можно упомянуть оттиски тонких изогнутых зубчатых штампов (створки моллюсков) и тонкие пунктирные линии.

Рисунки на плоских донцах разнообразны. На хорошо изученных памятниках данного типа (Дубовское III – вскрыто 1064 кв. м, Отарское VI – 1220 кв. м, Дубовское VIII – 1140 кв. м) собрана керамика от нескольких сотен сосудов, часть которых реконструирована и позволяет считать её однородной и относить к одному культурному типу, не разделяющемуся пока на территориальные (мелкие) группы. Весь её облик (не считая комплексов II и III Старомазиковских стоянок, где вместе с ней находятся остродонные сосуды с дресвой и шамотом, украшенные в гребенчато-накольчатой технике) предполагает довольно узкий хронологический диапазон существования. Из стратиграфических наблюдений известно, что слои с данной посудой перекрыты комплексами протоволосовской (Дубовское VIII) или ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной (Отарское VI) посуды или же взаимоперекрываются с гребенчато-ямочной (Дубовское III).

Из этих наблюдений следует, что средневожская группа накольчатой посуды появилась здесь в доволосовское время и не позже гребенчато-ямочной. Приняв это время за отправную точку поисков, необходимо выяснить, какие культурные образования окружали эту культуру. Известно, что с севера и востока находилась камская культура, с запада – балахнинская и верхневолжская, с юга – лесостепные донская и самарская. Установлено также, что с гребенчато-ямочной или ямочно-гребенчатой (льяловской и балахнинской) накольчатая посуда не имеет ничего общего, как и с камской. Остаются направления в среду самарской, донской и верхневолжской культур. Нашими предыдущими работами была сделана попытка определения степени родства накольчатых комплексов посуды Средней Волги с подобными смежных территорий [7]. Было выделено 76 признаков, характеризующих накольчатую посуду. По совокупности этих признаков (по схеме «есть-нет») установлено, что данная группа памятников распространяется на устье Камы и Вятку (не заходя на Каму) на востоке, размещается отдельными кустами в Посурье и Примокшанье на юго-западе и смыкается с собственно верхневолжской культурой на западе.

Из наших же исследований следует, что средневожская группа памятников наиболее близка сурско-мокшанской (85%), затем вятской (80%) и нижнекамской (75%). В последнее десятилетие появились публикации верхневолжских материалов, позволяющие сопоставить их с материалами средневожских стоянок [8; 9; 10]. По той же методике, что была применена к остальным территориальным группам накольчатой посуды, был проведён сравнительный анализ. Не останавливаясь на подробном описании всех элементов, характерных для посуды с накольчатой традицией, укажем, что по основным показателям керамика средневожской и верхневолжской групп практически идентична (табл. 1).

Формовочные массы совпадают на 86%, обработка поверхности, формы сосуда, венчика и днища – на 100%, расположение орнамента на сосуде – на 75%, техника орнаментирования, как и орнаментальные композиции, – также на 100%. По совокупности признаков эти две группы посуды показывают сходство почти на 96%, что свидетельствует не только об их типологической, но и генетической общности.

Ранее мне уже приходилось заниматься вопросами генезиса средневожской накольчатой традиции в керамике. Была сделана попытка увязать культуру накольчатой посуды в Среднем Поволжье с подобной верховий Дона, но в данном направлении кроме общего типологического сходства и южного импульса элемента орнаментации (накола) убедительной связи найдено не было.

Таблица 1. Характеристика накольчатой посуды Верхнего и Среднего Поволжья и Поочья

	I		II		III		IV			V						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
А	+	+	+	+	+	+	+	+	/	+	+	+	/	/	+	+
Б	+	+	+	+	+	+	+	+	/	+	+	+	/	/	+	+

	VI				VII							
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
А	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Б	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

	VIII										
	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
А	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Б	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

А – Марийское Поволжье; Б – Верхняя Волга и Ока.

I – примесь; II – обработка поверхности; III – форма сосуда; IV – форма дна; V – форма венчика;

VI – орнаментация; VII – техника орнаментации; VIII – композиции орнамента.

1 – песок; 2 – органика; 3 – заглажена; 4 – подлощена; 5 – полуяйцевидное; 6 – плоскодонная банка; 7 – плоское или плосковогнутое; 8 – округлое; 9 – коническое; 10 – плоский; 11 – округлый; 12 – кососрезанный; 13 – орнамент по срезу венчика; 14 – утолщённый; 15 – приострёрный; 16 – отогнутый; 17 – густая сплошная; 18 – в верхней и нижней третях сосуда; 19 – отсутствует; 20 – только ямка у горла; 21 – разреженная; 22 – накол треугольный; 23 – тычки квадратные; 24 – тычки овальные; 25 – наколы каплевидные; 26 – косая бороздка; 27 – резная с наколом; 28 – отступающая проташенная палочка; 29 – горизонтальные ряды; 30 – диагональные ряды; 31 – вертикальные ряды; 32 – диагональные заштрихованные зоны; 33 – вертикальные заштрихованные зоны; 34 – зигзаг; 35 – волна; 36 – сетка; 37 – ёлочка; 38 – заштрихованные геометрические фигуры; 39 – бессистемный. + – наличие; / – единичны

Современное состояние источников даёт возможность поставить вопрос о генетическом родстве средневожской и верхневожской, а также волго-окской групп посуды накольчатого типа. Я сознательно не включаю в это понятие группу посуды с гребенчатой орнаментацией, которую все исследователи выделяют как отличную от накольчатой не только по способу нанесения орнамента, но и по технологии изготовления и формам. Не касаясь здесь культурной атрибуции и соотношения этих групп посуды (это в достаточной степени проделали Д.А. Крайнов и Е.Л. Костылёва [4; 11]), укажу лишь на тот факт, что в настоящее время выявлены чистые накольчатые комплексы и за пределами Марийского Поволжья (Велетьминская 2 – рис. 6), что свидетельствует о бытовании накольчатой посуды на каком-то хронологическом отрезке времени без видимых связей её с носителями гребенчатой традиции орнаментации керамики. Это не означает отрицания мною факта существования верхневожской культуры в том понимании, которое вложил в него Д.А. Крайнов. Появилась возможность более детально проработать проблему взаимоотношений и взаимовлияний двух гончарных традиций: северной (лесной) гребенчатой и южной (степной и лесостепной) – накольчатой. Решение этой проблемы поможет увязать кремнёвые комплексы с определёнными мезолитическими культурами.

Выяснив идентичность средневожской группы накольчатой посуды и верхневожской (т.е. фактически признав её принадлежность верхневожской культуре), необходимо определить её хронологические позиции в системе волго-окского неолита. Если взять в целом время существования верхневожской культуры как V – сер. IV тыс. до н.э. [4, с. 166], то в эти же пределы надо поместить и средневожские древности с посудой накольчатого типа.

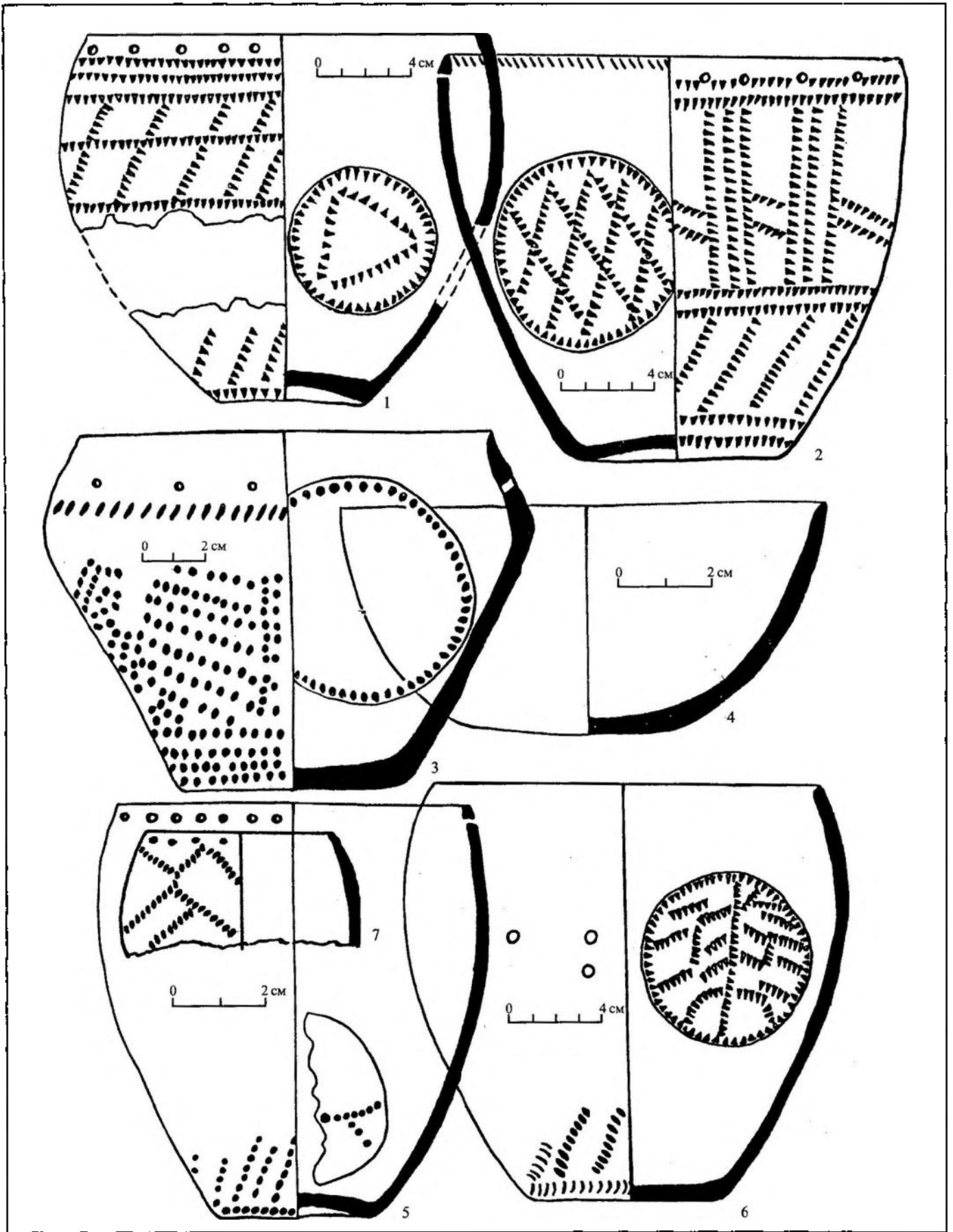

Рис. 1. Сосуды Отарского VI поселения

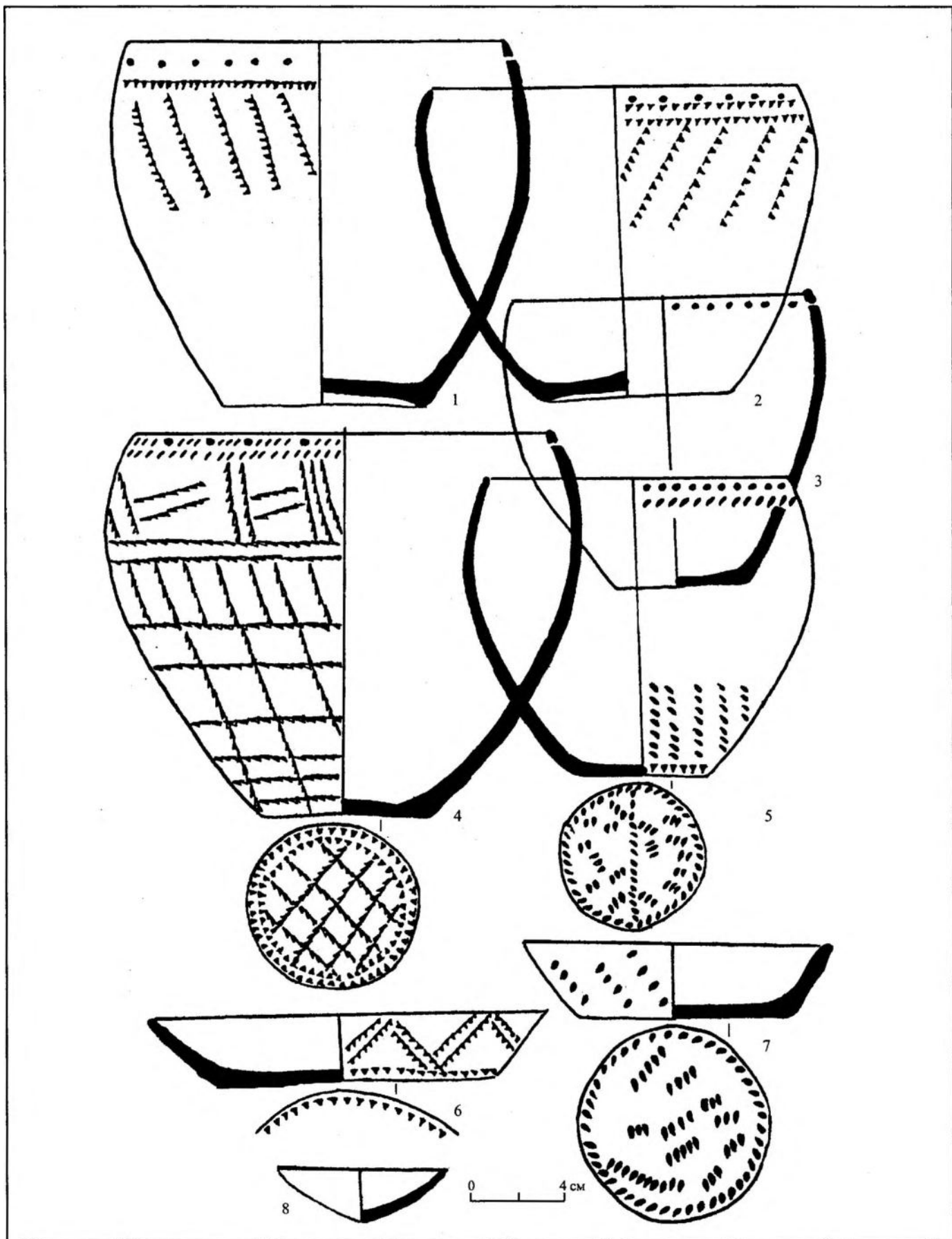

Рис. 2. Сосуды Отарского VI поселения

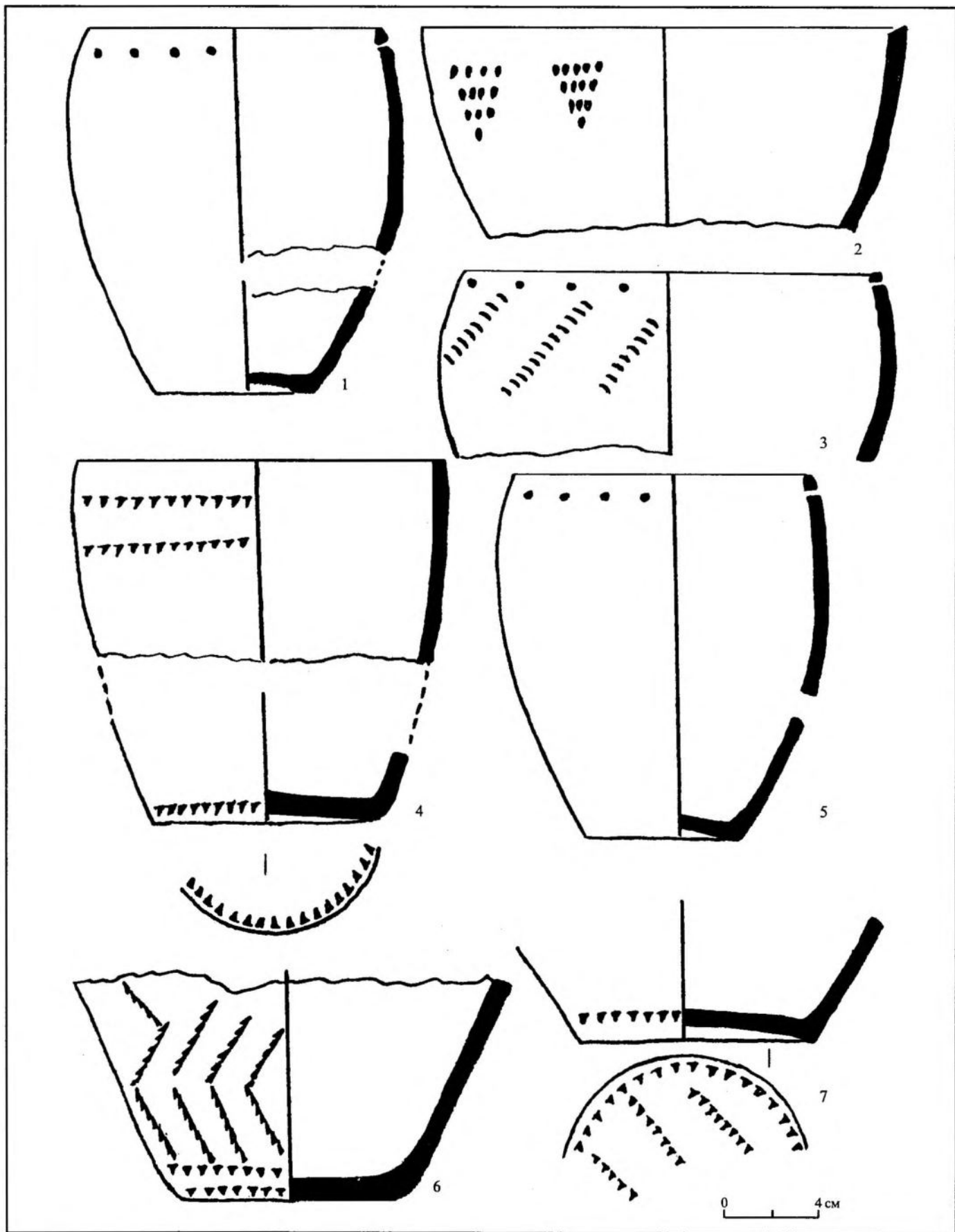

Рис. 3. Сосуды Дубовского III поселения

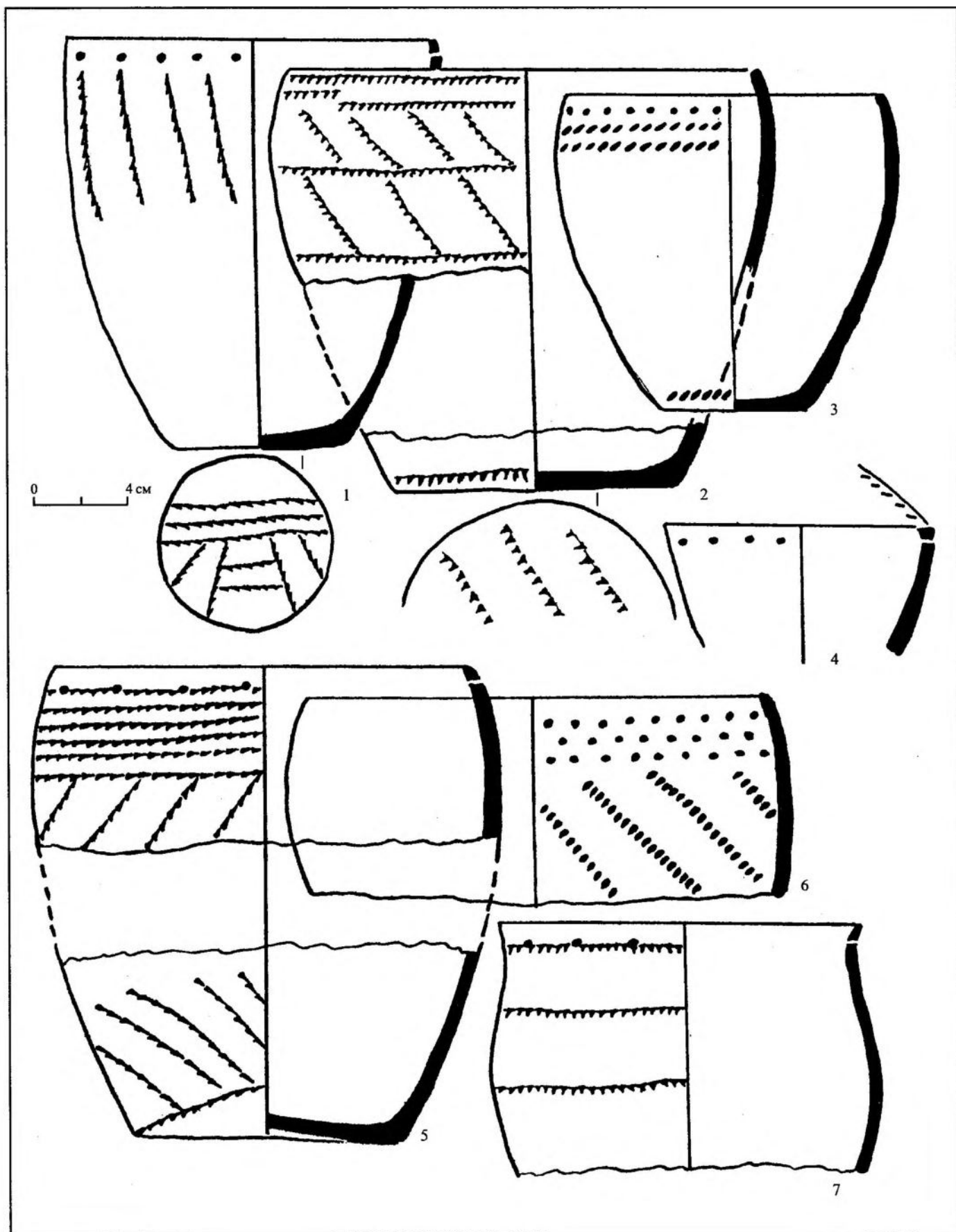

Рис. 4. Сосуды Дубовского III поселения

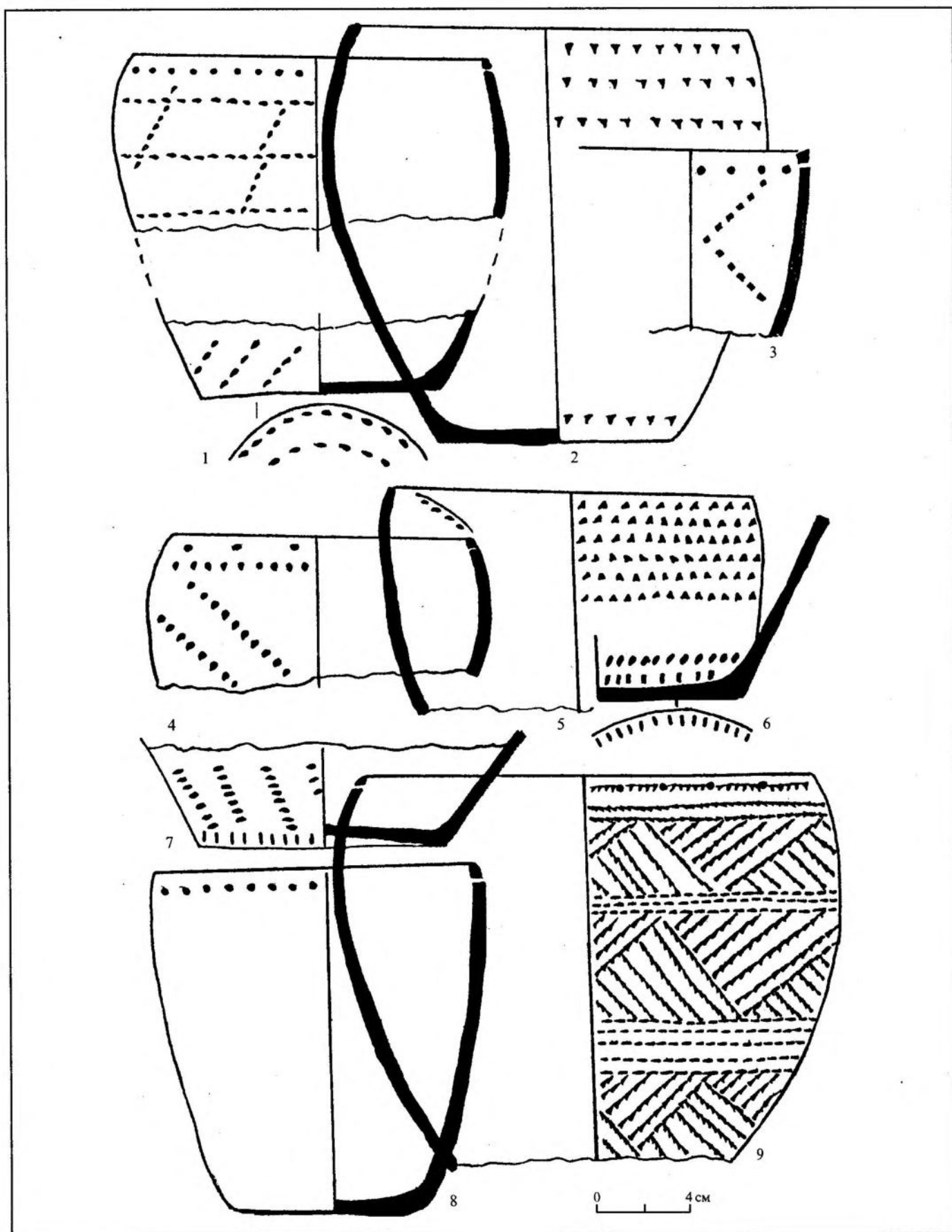

Рис. 5. Керамика. Дубовского VIII (1-7); Сутырского V (8); Владимирского (9) поселений

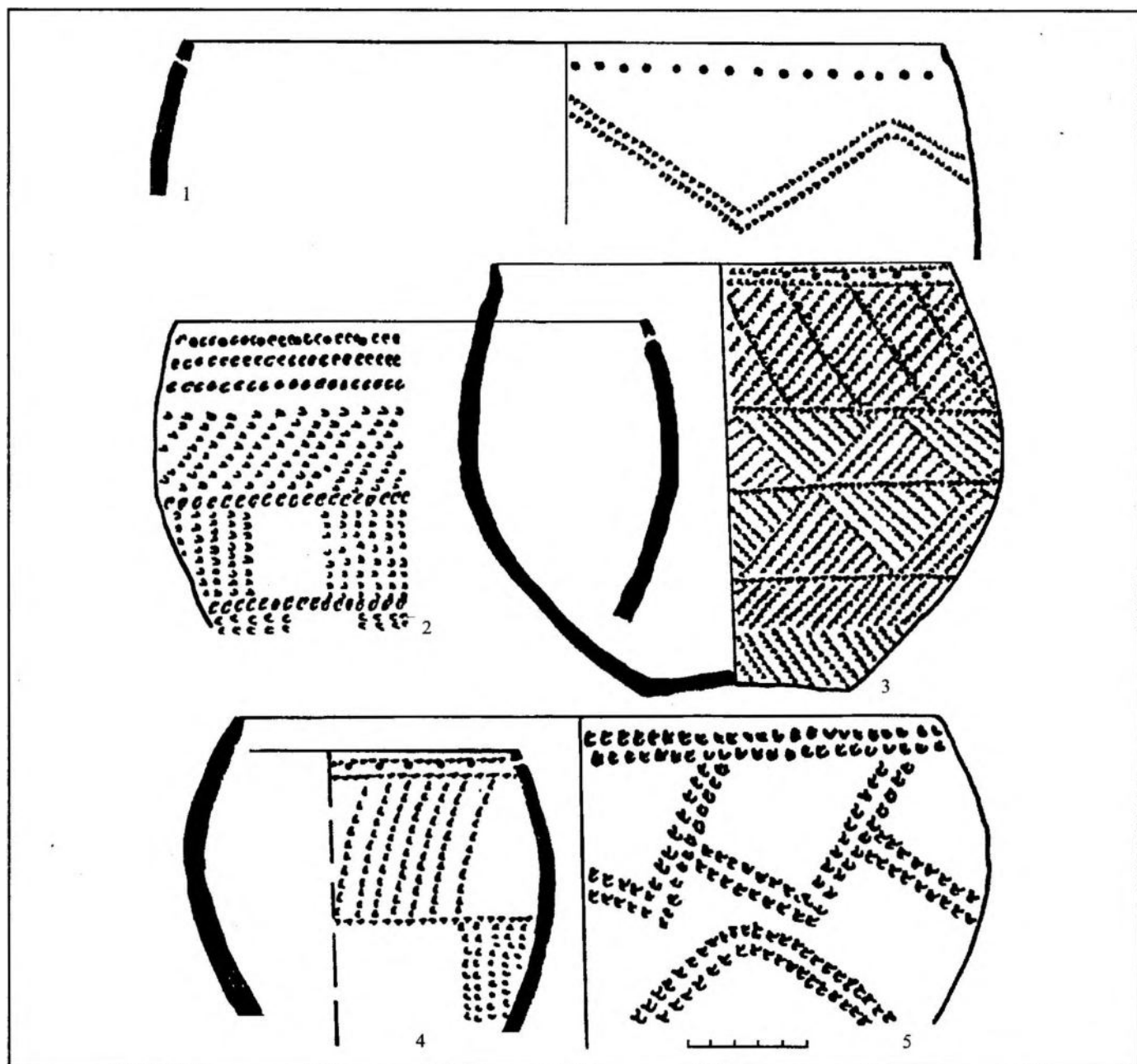

Рис. 6. Посуда Вельяминовской 2 стоянки (по М.Г. Жилину и А.В. Энгатовой)

Стратиграфические наблюдения на Дубовском III поселении свидетельствуют о сосуществовании накольчатой и гребенчато-ямочной традиций орнаментации керамики. Это подтверждается и материалами Отарского VI поселения, где "гребенчато-ямочный" слой перекрывает жилища с накольчатой посудой, что также даёт основание считать накольчатые традиции не моложе гребенчато-ямочных.

Средневожская гребенчато-ямочная посуда А.Х. Халиковым и мной отнесена к балахнинской культуре. Некоторое отличие её от балахнинской и своеобразные черты позволили В.П. Третьякову [12] выделить особый средневожский вариант ямочно-гребенчатой посуды.

Действительно, в гребенчато-ямочных комплексах Средней Волги отсутствуют некоторые элементы, характерные для "балахны" (нет узоров из полулунных и ногтевидных вдавлений, ямок, расположенных в шахматном порядке, редко применение оттисков перевитой верёвочки). На средневожской посуде практически не встречаются мотивы геометрических фигур из округлой ямки, крайне редки узоры только из круглой ямки и т.п.

В то же время на средневожской посуде можно встретить множество признаков, характерных для керамики льяловской культуры (примесь, прямостенные открытые или параболические и вытянуто-полуяйцевидные сосуды, оформление края горла). Льяловские черты присутствуют и в орнаментальных узорах (характерный для льяловской посуды горизонтальный зигзаг с ямками в вершинах, ромбическая сетка с ямкой в перекрестии или в ячейке, "лучистый" рисунок на дне, парные наклонные полосы). Следует отметить, что на средневожской посуде не фиксируются черты, характерные для второй группы ("извилистый" венчик,

деформированная ямка, полудупный штамп), и совершенно отсутствует посуда третьей группы (редкочашечная льяловской культуры). Не отмечено на средневожской посуде и пальцевых защипов по венчику.

Таким образом, мы можем заключить, что гребенчато-ямочные комплексы Среднего Поволжья несут определённые черты льяловской культуры архаичного этапа, не выходящего за пределы рубежа V - IV тыс. до н.э. [8, с. 115]. Не отрицают льяловскую принадлежность части средневожской керамики и другие исследователи: В.В. Сидоров, А.В. Энгватова.

По хронологической шкале в верхневожской культуре накольчатый орнамент на плоскодонной посуде (ранний этап) распространён до последней трети V тыс. до н.э. и сосуществует с гребенчато-прочерченным (на втором этапе) до нач. IV тыс. до н.э. [11, с. 19-20]. Отсюда следует вывод, что средневожская посуда с накольчатым орнаментом должна была бытовать не позднее нач. IV тыс. до н.э. и сосуществовать с посудой раннельяловского (или архаичного) типа. Такая же ситуация наблюдается и в верхневожской культуре, где Ю.Б. Цетлиным выявлен ряд фактов сосуществования верхневожской и льяловской культур на определённом этапе. Исследователь установил, что традиция формовочной массы с дресвой заимствована верхневожским населением у племён льяловской культуры в результате их смешения. Он же отмечает и смешение орнаментальных традиций в керамике верхневожской и ямочно-гребенчатой культур, подчёркивая процесс смешения самих носителей этих традиций [13, с. 111]. Это – время, по мнению Ю.Б. Цетлина, сосуществования носителей верхневожской и ямочно-гребенчатой культур, когда в результате смешения сложились "компромиссные" традиции составления формовочных масс и сочетания навыков труда, характерных для носителей обеих культур.

В заключение нужно признать, что вышеприведённые размышления по поводу атрибуции средневожских накольчатых комплексов носят предварительный характер и нуждаются в более тщательной проработке. Тем не менее, эти наблюдения позволяют отметить процесс рассредоточения племён верхневожской культуры на восток, за пределы устья Оки, крайним пунктом которого на карте [4, с. 167] указана стоянка Чёрная Маза. Нашими работами выявлены подобные поселения на всём протяжении левого берега р. Волги (в т.ч. и чувашского, о чём было сказано выше), растянувшиеся цепочкой от устья Дорогучи (недалеко от Чёрной Мазы) вплоть до устья Камы (Щербетская II стоянка), отразившие сложный процесс освоения пойменных пространств Поволжья. Отсутствие для этой территории разработок по природной ситуации в эпоху камня затрудняет объяснение этого продвижения.

В данной работе не рассматриваются кремнёвые комплексы с памятников и характер сооружений. Относительно последних можно отметить одинаковые домостроительные традиции (наземные и с углублённым полом постройки, небольшой и значительной площади, столбовой конструкции и т.д.).

Кремнёвый инвентарь в общих чертах характеризуется пластинчато-отщеповой техникой. В наборе орудий преобладают изделия на пластинах, велика доля резцов, сохраняются мезолитические приёмы вторичной обработки (крутая и мелкая частичная ретушь), бытуют изделия мезолитического облика («постсвидерские») наконечники стрел, скошенные острия, ланцетовидные изделия, концевые скребки на пластинах и т.п.), придающие кремнёвым коллекциям архаичный облик, позволивший А.Х. Халикову на позднемезолитических материалах Среднего Поволжья выделить ранний и докерамический периоды волго-камской культуры.

Подтверждением сосуществования на определённом этапе этих двух культурных образований является и топографическое расположение поселений и стоянок. Низкие надпойменные террасы занимают посёлки населения, изготовлявшего накольчатую посуду (Дубовское III и VII, Отарское VI, Старое Мазиково II-IV). Эти же высотные отметки характерны для поселений носителей гребенчато-ямочных традиций орнаментации керамики, которой на раннем этапе существования свойственны формовочная масса с добавлением дресвы и элементы орнамента льяловской культуры (Шеженер, Удельный Шумец XIV, Волоконное, Дубовское XXII, Пир Гора, Отарское XVII и др.). Часть из них, так же как и стоянок с накольчатой посудой, оказалась под водами Чебоксарского водохранилища.

Процесс смешения западных и восточных гончарных традиций в дальнейшем хорошо просматривается в материалах II и III Старомазиковских стоянок в верховьях р. Илети. Здесь в керамическом материале наряду с чисто камскими, балахнинскими и накольчатыми сосудами присутствуют формы с примесью дресвы, накольчатые и гребенчато-ямочные с примесью крупного шмота, а волго-камские формы – с гребенчато-ямочным орнаментом. Существуют сосуды, совмещающие орнаментальные технологии камского, накольчатого и льяловского типов. Такое сочетание ещё раз подтверждает предположение о непосредственном контакте их носителей.

В последнее десятилетие появились материалы, свидетельствующие о слиянии гончарных традиций накольчатого и гребенчато-ямочного неолита. Сосуды украшены в ямочно-накольчатой технике, в формовочной массе присутствует крупная дресва (Отарское XVII – разведки В.В. Никитина, Мукшум – разведки Н.С. Березиной). Такая посуда встречается в Пусурье наряду с обычными балахнинскими (льяловскими) сосудами [14, с. 6].

Материальная культура (особенно керамические комплексы с гребенчато-накольчато-нарезными традициями) верхневожского и волго-камского (в трактовке Д.А. Крайнова и А.Х. Халикова) неолита крайне близка. Если сравнить карту распространения той и другой культуры, то становится очевидным их искусственное расчленение в приустьевой части Оки, т.к. накольчато-гребенчатые или гребенчато-накольчатые традиции занимают ведущее положение в характеристике посуды от Прикамья до верховий Волги. Сложившаяся ситуация требует чёткого определения феномена верхневожской культуры (как и волго-камской). В настоящее время вырисовываются определённые контуры культурной общности в границах верхне-

волжских и волго-камских, исключая камскую культуру, древностей. Камская культура локализуется в таёжной зоне и в пограничье тайги и леса, а верхневолжская и волго-камская – в широколиственной зоне. Если таёжное население в силу экологических обстоятельств вынуждено было вести подвижный образ жизни, ориентированный в большей степени на мигрирующие популяции животного мира, то население зоны широколиственных лесов, имея более широкий спектр биоресурсов, раньше приходит к оседлому образу жизни, используя в качестве основного вида деятельности преимущества расселения в приозёрно-речных долинах, позволяющих заниматься рыбным промыслом круглогодично. Такое разделение сферы жизнедеятельности создало условия для бесконфликтного сосуществования коллективов охотников и рыболовов, для установления разного рода связей (вплоть до брачных) в пограничных таёжно-лесных формациях. Это движение должно было быть не только по границе тайги и лиственного леса, но и встречным – по Волжскому водоразделу: с востока на запад – камского, а с запада на восток – верхневолжского населения. Учитывая сходство хозяйственно-экономического уклада и материальной культуры носителей верхневолжских и волго-камских древностей, представляется целесообразным объединить их в одну культурную общность, к примеру, волжскую, что отражало бы её географическую нишу.

Вышеизложенные наблюдения убеждают в том, что вопросы генезиса и связей рассмотренных культурных образований в лесной полосе Восточной Европы эпохи неолита нуждаются в дальнейших разработках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
2. Наговицин Л.А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
3. Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Исследования по археологии Евразии. Л., 1979. (АСГЭ. Вып. 20).
4. Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1976. (Археология СССР).
5. Третьяков В.П. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 131. 1972.
6. Никитин В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1986. (АЭМК. Вып. 9.).
7. Никитин В.В. Каменный век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.
8. Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы - Воймежное 1. М., 1997.
9. Жилин М.Г., Энговатова А.В. Стоянка Велетьминская 2 – памятник с напольчатой керамикой на Нижней Оке // РА. 1992. № 1.
10. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
11. Костылева Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранненеолитической культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
12. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.
13. Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
14. Ставицкий В.В. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории,
Йошкар-Ола*

V.V. Nikitin

THE CULTURE OF THE BEARERS OF THE POTTERY WITH PRICKED ORNAMENT IN WOODEN ZONE OF THE MIDDLE VOLGA RIVER BASIN (to the Problem of Origin)

Summary

The Volgokamskaya culture, which has been determined by A.H. Halikov on the base of the Neolithic data of the Volga – the Kama Rivers' basin, includes two groups of ware.

The first group is presented by half-egg shaped vessels with partly closed mouths, with a dash of fire-clay, which is ornamented with impressions of comb stamp (according to O.N. Bader – Kamskaya culture). The second group consists of flat-bottom pots and cans, as well as of rarely met vessels with sharpened bottom. As a dash sand and tiny vegetable additions were used. The ware is ornamented in pricked technique.

All typological marks show that these two groups of pottery are different, and are not connected with each other genetically. The comb pottery complexes relate to Kamskaya culture (as O.N. Bader interpreted it), while the pricked pottery ones find close analogies in Verkhnevolzhskaya culture.

Scientific and Research Institute of Language, Literature and History
of the Republic of Mariy El
44, Krasnoarmeyskaya St., Yoshkar-Ola,
424036, The Republic of Mariy El, Russian Federation

В.В. Ставицкий

САКОНОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА И ПРОБЛЕМА ТАКСОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА БАЛАХНИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Саконовская стоянка является одним из опорных памятников, материалы которого неоднократно привлекались различными исследователями при решении проблем, связанных с культурой ямочно-гребенчатой керамики [1-5]. Однако до сих пор полностью опубликовано только жилищное сооружение этой стоянки [1], тогда как каменные орудия и особенно керамика представлены в литературе весьма фрагментарно [2]. Публикации данных материалов посвящается эта статья.

Саконовская стоянка расположена на краю первой надпойменной террасы р. Тешы (левый приток Оки) в Мухтоловском районе Нижегородской области. В 1956 г. совместной экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики было вскрыто 546 кв. м, в результате чего было раскопано большое прямоугольное жилище, площадь которого составила более 200 кв. м. В его заполнении была собрана коллекция ямочно-гребенчатой керамики и кремнёвых орудий.

Ямочно-гребенчатая керамика содержит в тесте примесь дресвы. Толщина стенок в среднем составляет 0,6-0,7 см. По верхним фрагментам выделяется 101 сосуд, часть которых представлена венчиками малого размера, не дающими развёрнутого представления о форме и орнаментации сосуда, поэтому в последующих подсчётах не учитываемых. Характерной чертой керамики является однородность имеющихся типов венчиков, что можно расценивать как хронологическое единство материалов. Подобным единообразием отличается и орнаментация сосудов.

Почти 90% венчиков имеет прямостенную форму. Верхний срез, как правило, уплощён и лишь изредка закруглён. Около 10% венчиков слабо отогнуты в верхней части наружу. Профилированные венчики вдвое чаще, чем обычно, украшены горизонтальными поясками отпечатков зубчатого штампа и верёвочными оттисками. Основным элементом орнамента выступает крупная округлая ямка конической формы, образующая горизонтальные ряды вдавлений. К особенностям керамики отнесём наличие специальной бордюрной зоны под венчиком. Она имеется на 41 сосуде. Чаще всего эта зона состоит из наклонных оттисков зубчатого штампа (на 20 сосудах, рис. 2: 1-3,6,9-13; 3: 2,14), реже – из изогнутых оттисков штампа (11 сосудов, рис. 1: 1-6,8), остальные элементы используются на 1-3 сосудах. Причём на 14 сосудах бордюр из наклонных оттисков штампа сочетается с орнаментом из горизонтальных поясков отпечатков зубчатого штампа, а на 5 сосудах изогнутые оттиски штампа сочетаются с оттисками верёвочки и ещё на 5 – только с ямочным орнаментом. То есть налицо устойчивые взаимосочетания.

12% сосудов орнаментированы только ямками (рис. 1: 9,17), ещё на 17% сосудов кроме ямок имеется бордюр, украшенный другими элементами (рис. 1: 4,7,8,14). На 42% сосудов ямки доминируют над другими элементами орнамента, на 12% – доминируют, но слабо, на 38% сосудов наблюдается их примерное равенство, и только на 8% посуды преобладают другие элементы. На 18-23% сосудов (разница в 5% объясняется тем, что орнамент обрывается) ямки образуют горизонтальные одиночные ряды, на 11% одиночные ряды сочетаются с двойными, на 16% ямки образуют двойные ряды, на 18% – тройные, на 17% – четверные, на 6% – пять и более рядов. На 9% сосудов ямки горизонтальных рядов не образуют.

На 21% сосудов ямки сочетаются с горизонтальными поясками зубчатого штампа (рис. 1: 1-7,9,11), на 12% – с наклонными оттисками зубчатого штампа (рис. 1: 5,12-16), на 8% – с оттисками изогнутого штампа (рис. 1: 2,3,5), на 3% – с отпечатками короткого зубчатого штампа, на 8% – с оттисками перевитой верёвочки (рис. 1: 2,6,13), на 3% – с ногтевидными насечками, на 3% – с оттисками плюсневого штампа (рис. 1: 10; 2: 9), на 1% – с наклонными оттисками зубчатого штампа и вертикальными вдавлениями палочки (рис. 3: 7). На 6% сосудов ямки разделены наклонными оттисками зубчатого штампа (рис. 2: 15,17,18), на 2% ямки образуют геометрические фигуры в виде треугольников (рис. 3: 6), на 2% оттиски штампа образуют косую решётку (рис. 2: 8).

Днища сосудов округлые. Центральная часть днища обычно украшена ямочными вдавлениями, окружёнными рядами оттисков длинного зубчатого штампа (рис. 3: 11,16,20-24).

Каменный инвентарь представлен 75 аморфными нуклеусами и нуклеидными кусками кремня, 2140 отщепами без следов вторичной обработки, 16 отщепами и 1 пожевидной пластиной с ретушью, 244 орудиями.

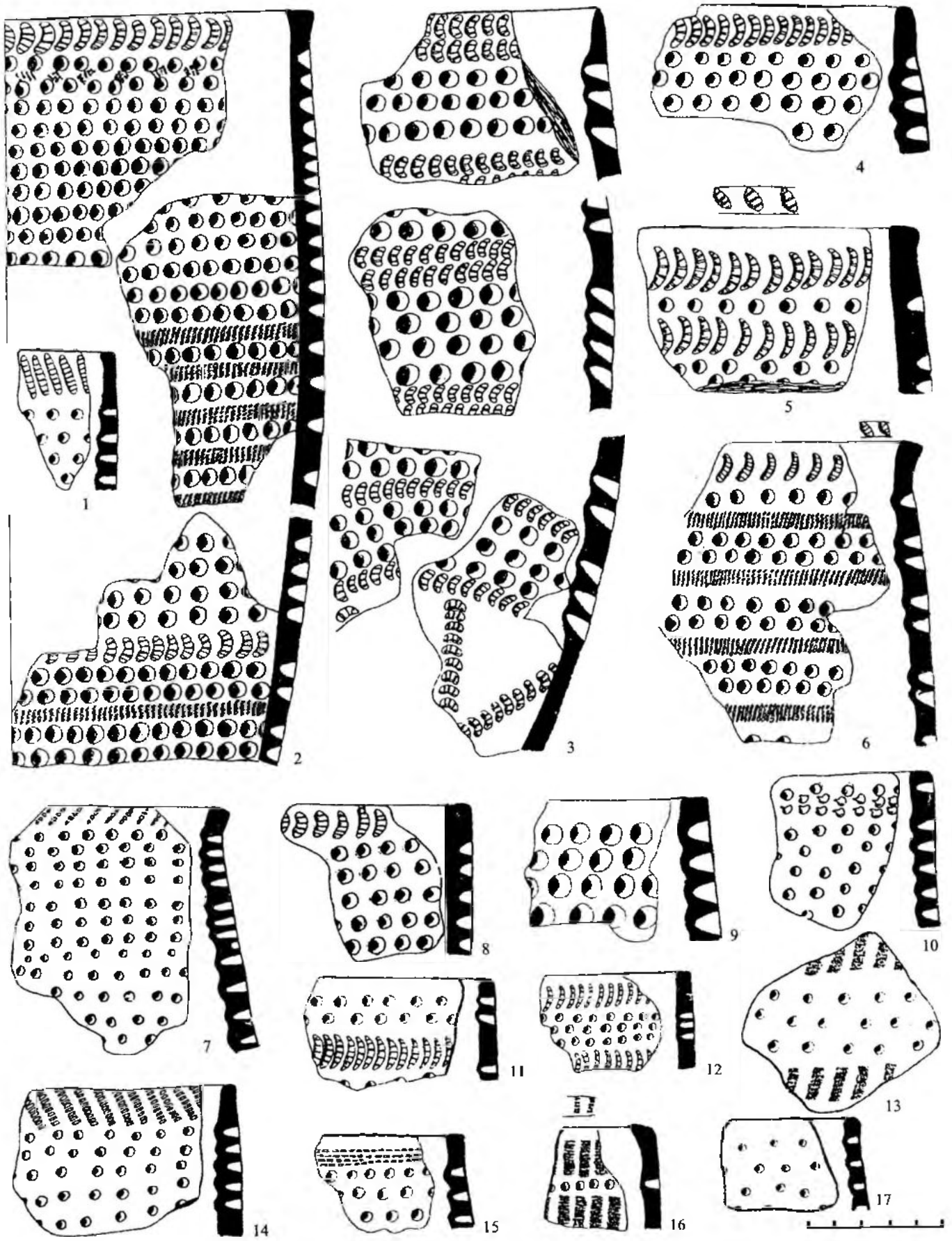

Рис. 1. Саконовская стоянка. Ямочно-гребенчатая керамика

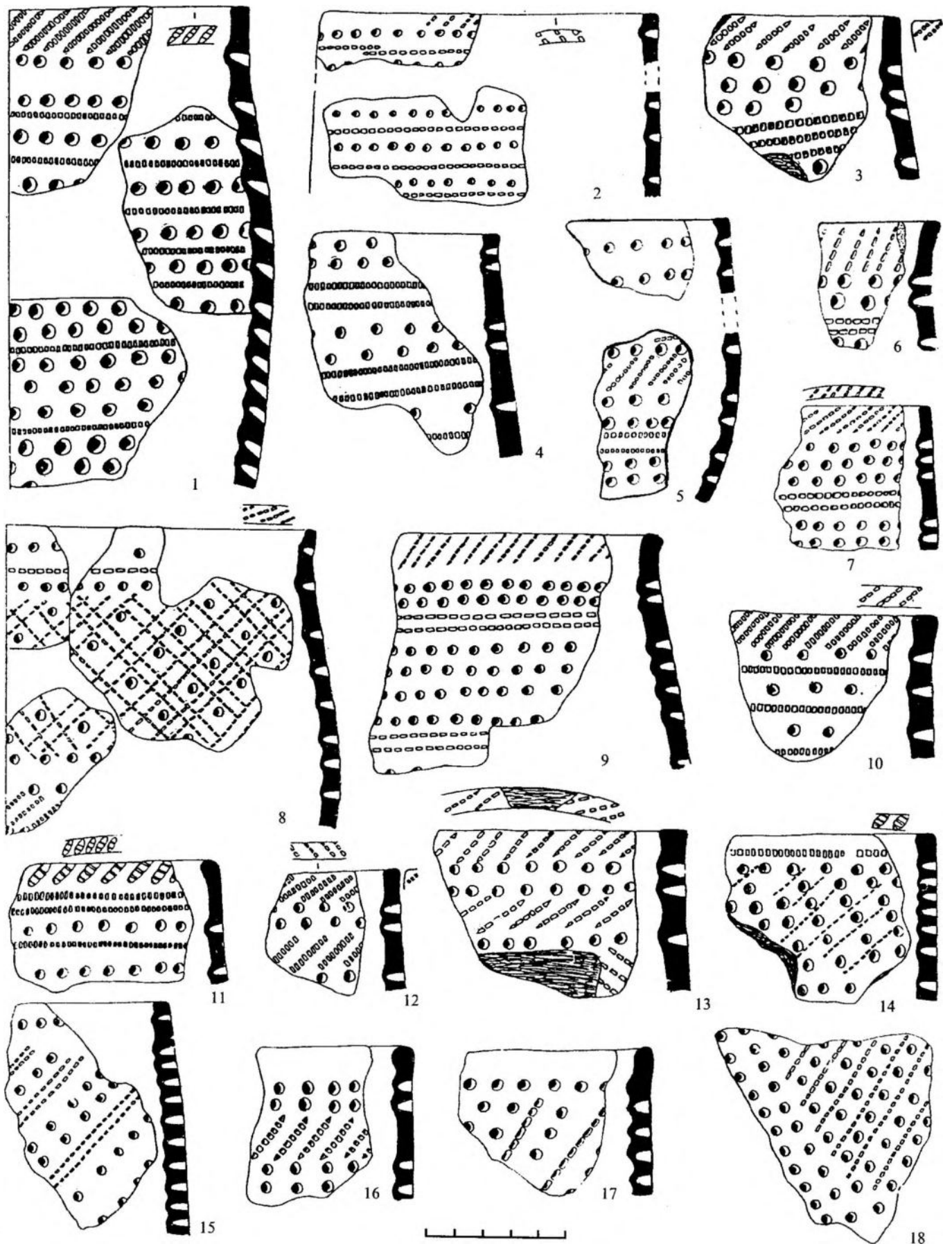

Рис. 2. Саконовская стоянка. Ямочно-гребенчатая керамика

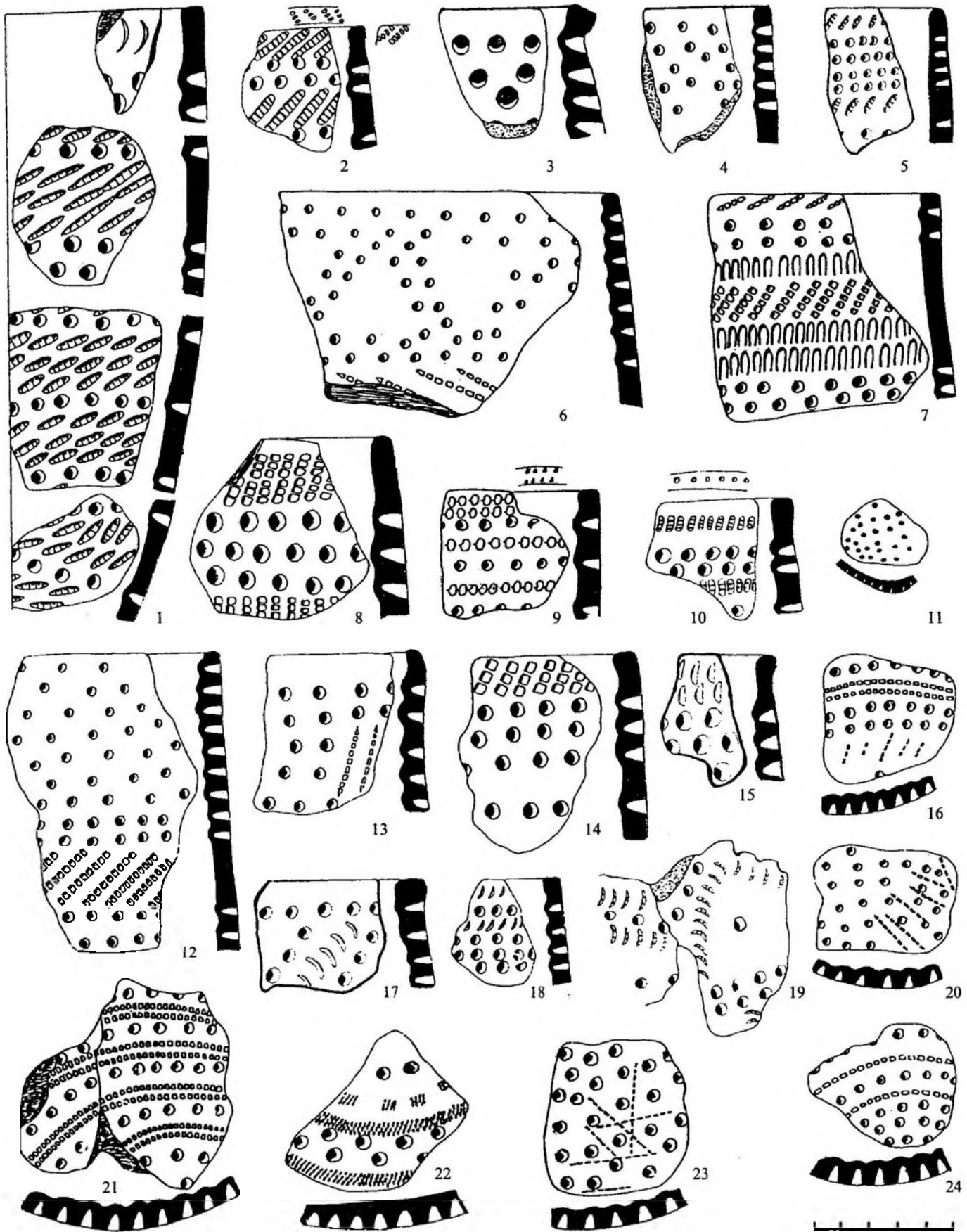

Рис. 3. Саконовская стоянка. Ямочно-гребенчатая керамика

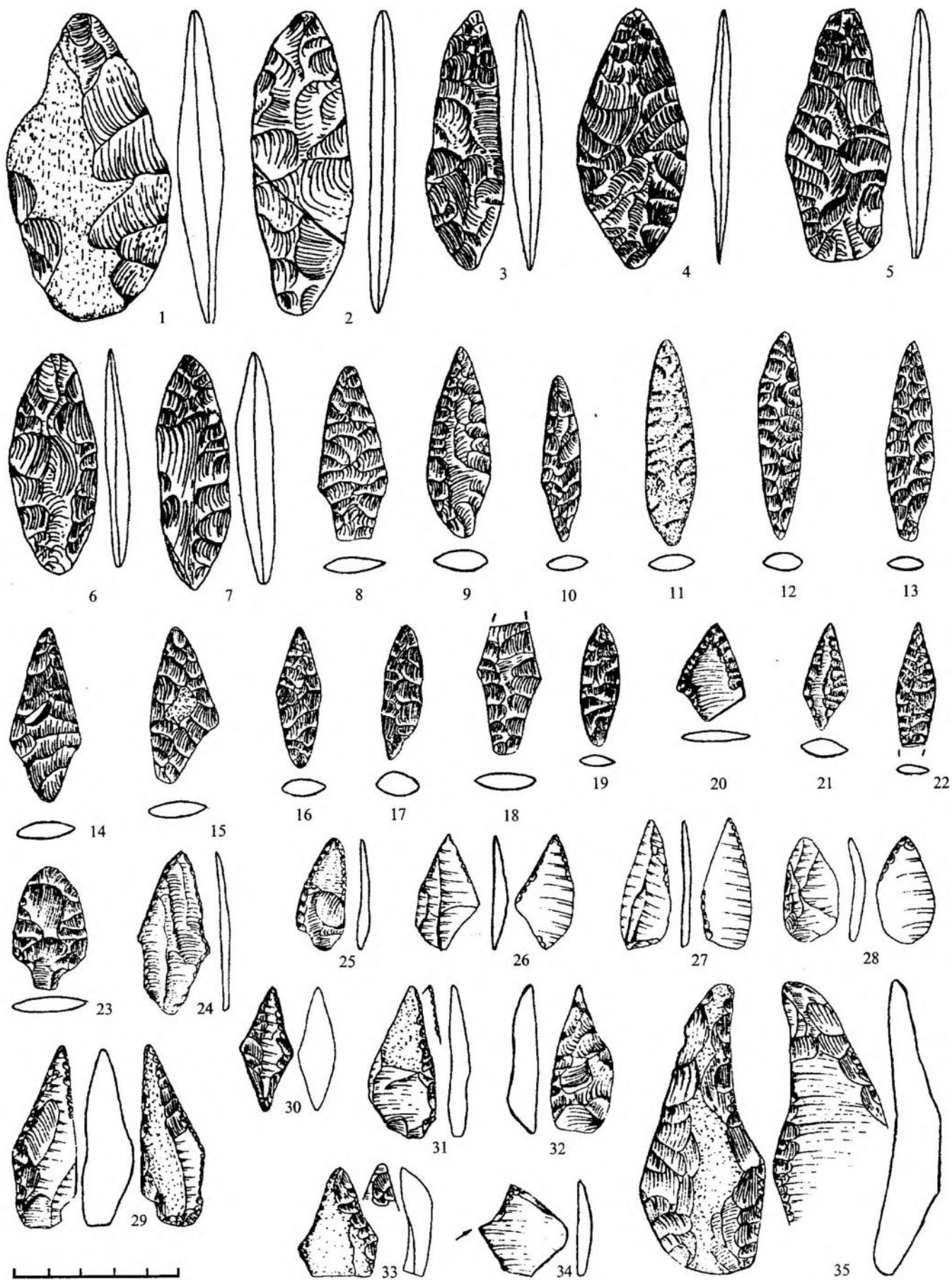

Рис. 4. Саконовская стоянка. Изделия из камня

ями и 93 обломками орудий неясного назначения. Большинство орудий изготовлено из валунного кремня, а шлифованные изделия – из мелкозернистого песчаника и сланца. Кроме двух наконечников стрел все остальные орудия сделаны из отщепов. Отсутствуют на поселении и нуклеусы для скалывания пластин.

Наконечники стрел (52 экз.). Часть их представлена небольшими обломками неясной формы (11 экз.). У большинства наконечников сплошной двусторонней ретушью обработаны все грани. Два наконечника отделаны ретушью только на спинке (рис. 4: 23, 24), ещё два – только на брюшке (рис. 4: 27, 28). Преобладают наконечники листовидной формы, длина которых колеблется от 4 до 6,5 см (рис. 4: 9, 11-13, 16, 19, 26-28). Менее представительна серия наконечников треугольно-черешковой формы, которые по своим очертаниям близки к ромбическим (рис. 4: 8, 14, 18, 20, 21). К оригинальным типам относится черешковый наконечник овальной формы (рис. 4: 23) и асимметричный наконечник с выступающим шилом (рис. 4: 15).

Наконечники копий и дротиков (37 экз.). Представлены в основном небольшими обломками. Целых экземпляров только 9. Их длина составляет от 6,5 до 9 см, а ширина – от 2 до 5 см. Большинство наконечников – листовидных очертаний (рис. 4: 1-4, 6, 7). Два экземпляра имеют треугольное перо и трапециевидное основание черешка (рис. 4: 5).

Скребки (49 экз.). Преобладающими являются концевые скребки с овальным лезвием (рис. 5: 20, 25, 27-29, 36). Скребки с прямым рабочим краем сравнительно немногочисленны. У них ретушь обычно заходит на боковые стороны (рис. 5: 15, 24, 26, 30, 33). Единичны орудия со скошенными лезвиями (рис. 5: 22) и скребки, обработанные ретушью по всему периметру (рис. 5: 30), а также скребки-ложкари (рис. 5: 18). У трёх скребков черешковая часть подработана резцовыми сколами (рис. 5: 34). Пятая часть скребков имеет удлинённые пропорции. Их длина в 2 раза больше ширины (рис. 5: 15-21, 24, 25). Представительную серию образуют орудия с высокой спинкой (рис. 5: 16, 20, 21, 33).

Ножи (50 экз.). Большинство ножей изготовлено на уплощённых удлинённых отщепах, одна из боковых сторон которых обработана краевой приотряхивающей ретушью. К выразительным формам относятся два серповидных ножа с двусторонней ретушью (рис. 5: 9, 11), а также подтреугольное орудие (рис. 5: 13).

Резцы (29 экз.) изготовлены на отщепах и сколах с нуклеуса. Три экземпляра относятся к категории средних (рис. 5: 7), остальные – угловые (рис. 5: 2-5, 8).

Проколки (8 экз.). Грани, обработанные сплошной ретушью, имеет только одно орудие крестовидной формы (рис. 4: 30). У пяти орудий треугольное остриё плавно переходит в расширяющуюся рукоятку (рис. 4: 29, 31-35), у двух – имеются слабо выраженные плечики (рис. 4: 33, 34). У четырёх проколов ретушью обработано только остриё, у двух – ретушь заходит на черешковую часть орудия.

Скобели (8 экз.) имеют широкие, но не очень глубокие, слабо выраженные выемки. Заслуживает внимания скобель восьмёркообразной формы, имеющий два рабочих лезвия (рис. 5: 6).

Рубящие орудия представлены четырьмя обломками плоских сланцевых топоров, шлифованным долотом, изготовленным из мелкозернистого песчаника, тремя овальными теслами, обработанными крупнофасеточной ретушью.

Исследователем Саконовской стоянки А.Е. Алиховой ближайшие аналоги полуволочной при раскопках керамике были найдены в посуде Мало-Окуловской стоянки [1]. А.Х. Халиков отнёс материалы Саконовской стоянки к раннему этапу балахнинской культуры [3]. В.М. Раушенбах, включая бассейн реки Течи в ареал распространения льяловских древностей, отнесла саконовскую керамику ко второму этапу развития льяловской культуры [5, с. 51]. На льяловской принадлежности Саконовской стоянки настаивал и В.П. Третьяков [4, с. 28]. Однако в томе “Неолит Северной Евразии” эта стоянка снова отнесена к балахнинской культуре.

Чтобы разобраться в культурной принадлежности Саконовской стоянки, необходимо обратиться к истокам дискуссии о соотношении льяловского и балахнинского типов керамики.

Первоначально керамика балахнинских памятников рассматривалась в контексте единой волго-окской культуры ямочно-гребенчатой керамики. Но после раскопок 1922 г. Льяловской стоянки, где была собрана керамика, преимущественно украшенная ямочными вдавлениями, из этой культуры были вычленены памятники льяловского типа [7]. Малоизученность территории Волго-Окского междуречья и отсутствие переходных памятников позволили О.Н. Бадеру и М.В. Воеводскому в середине 1930-х гг. выделить памятники Балахнинской низины в отдельную культуру [8]. Кроме ямочно-гребенчатой керамики к балахнинской культуре была отнесена и посуда с неямочным орнаментом (комплекс «Б»), что могло служить дополнительным аргументом в пользу самостоятельного статуса этих памятников. Но позднее О.Н. Бадер находит близкие аналоги керамике комплекса «Б» в Прикамье, а В.П. Третьяков приводит развёрнутую аргументацию в пользу иной культурной принадлежности этой керамики [4]. В 1950-х гг. “автономная” позиция балахнинской культуры укрепилась после того, как возобладала точка зрения В.М. Раушенбаха и А.Я. Брюсова о сугубо локальном характере льяловской культуры, ограниченной областью среднего и верхнего течений р. Клязьмы [9]. Однако по мере стирания белых пятен с неолитической карты Волго-Окского междуречья данная точка зрения претерпевает существенные изменения. При этом становится ясно, что керамика ряда балахнинских памятников практически ничем не отличается от льяловской посуды. В.П. Третьяков [4, с. 27-28] и В.М. Раушенбах [5, с. 51] включают некоторые из них в льяловскую культуру. Наличие близких аналогий керамике балахнинских памятников в льяловской посуде не отрицается и И.К. Цветковой, но причину данного сходства она видит в общей (раннеल्याловской – В.С.) подоснове памятников ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского междуречья, продолжая настаивать на балахнинской принадлежности нижнеокских стоянок [10, с. 57].

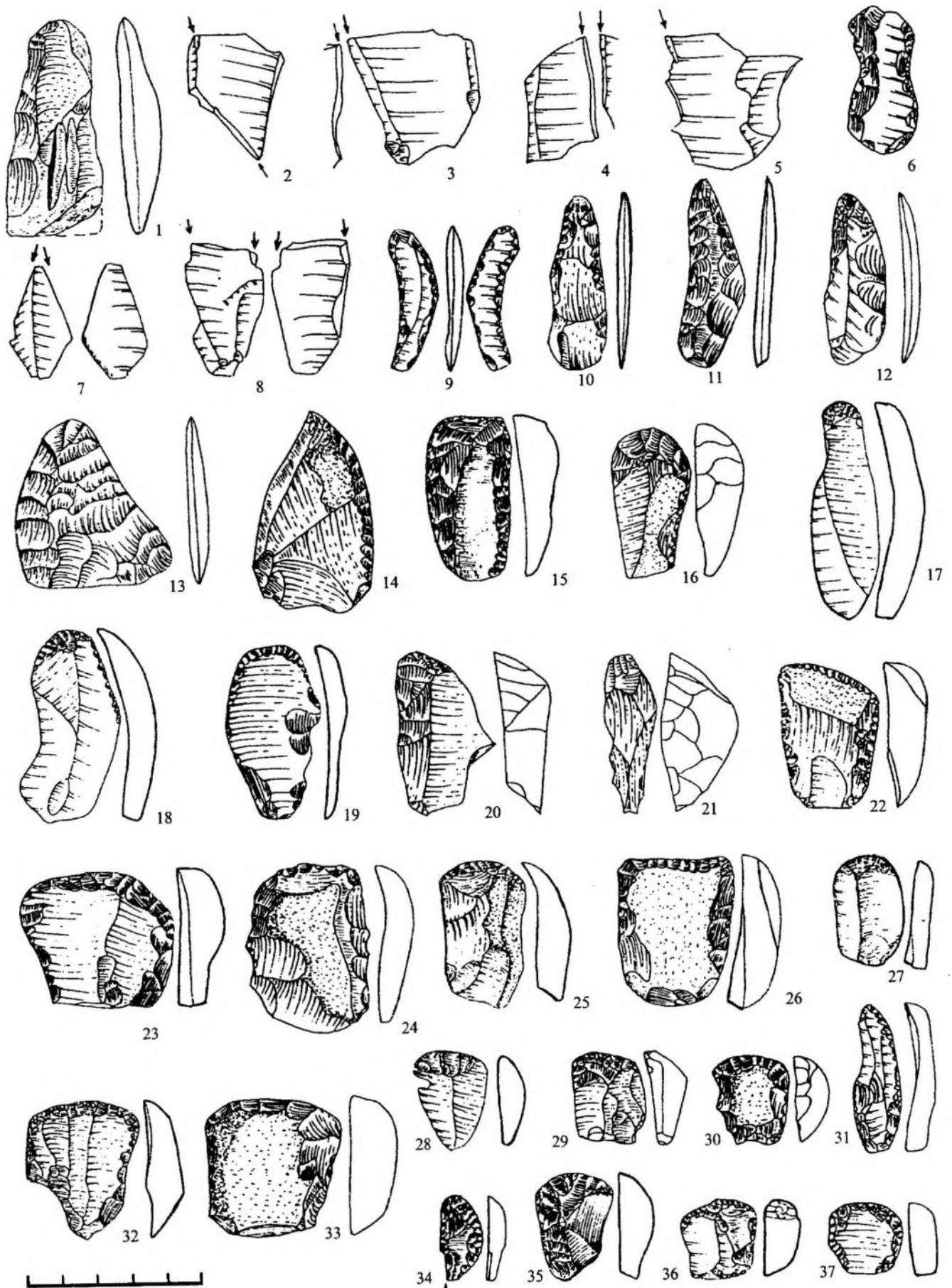

Рис. 5. Саконовская стоянка. Изделия из камня

Оригинальное разрешение назревшего противоречия нашёл В.П. Третьяков, пописив таксономический статус балахнинских древностей до локального варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики [4, с. 61-67]. Но его предложение не получило должной поддержки, и в обобщающих работах по неолиту Русской равнины по-прежнему фигурируют не локальные варианты, а культуры: льяловская, балахнинская, рязанская [6, с. 173-193].

Между тем, различия в облике ямочно-гребенчатой керамики смежных территорий весьма невелики. По мнению В.М. Раушенбах, балахнинская керамика отличается от льяловской наличием в орнаменте ямок с плоским, а не коническим дном, частым применением гребенчатых штампов овальной формы и раковин [5, с. 35]. Но раковинные отпечатки занимают заметное место только на керамике Сокольской стоянки, а оттиски овального штампа не являются обязательным элементом орнамента на керамике всех балахнинских памятников. В частности, подобные оттиски отсутствуют на посуде Плехановской стоянки [11]. Следовательно, различия между льяловской и балахнинской керамикой минимальны и их явно недостаточно для разграничения льяловской и балахнинской культур (вариантов).

Сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, очень точно отражает высказывание Л.С. Клейна о том, что попытки разделения культуры на локальные варианты являются неправомерными упрощениями. Первое по времени деление обычно утверждается как рамка для последующих и подавляет их [12, с. 238]. Обязательными признаками локального варианта являются не только его типологическое своеобразие (отличие от других), но и почти полное отсутствие взаимоналожений с другими синхронными вариантами [13, с. 92]. Следовательно, нельзя ставить знак равенства между наличием локальных особенностей и локальным вариантом. Накопление подобных отличий могло происходить постепенно по мере территориальной удалённости от условного центра культуры, не образуя чётко очерченных границ. Подобная плавная утрата ряда льяловских черт и постепенное накопление балахнинских признаков имеет место в реальности.

Кроме того, исследования последних лет показали, что на балахнинских стоянках имеются аналоги не только ранней льяловской посуде, но и керамике развитого периода данной культуры [14]. Следовательно, на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени наблюдается единообразное изменение облика ямочно-гребенчатой керамики на всей территории, занятой льяловскими и балахнинскими памятниками, что могло осуществляться только в рамках единой культуры.

Более перспективной нам представляется методика выделения локальных вариантов, разработанная В.В. Сидоровым, который полагает, что территории локальных вариантов обычно совпадают с участками ландшафтов, наиболее благоприятных для ведения рыболовецкого хозяйства. Подобные участки отделены друг от друга слабозаселёнными территориями, менее богатыми рыбными ресурсами [15]. Видимо, главной причиной появления локальных отличий в неолитическую эпоху служило наличие естественно-географических границ, которые, однако, не были особенно труднопреодолимыми и оставляли возможность для достаточно регулярных контактов внутри единой археологической культуры.

По мнению В.В. Сидорова, деление культуры на локальные варианты происходит именно в льяловское время и их появление следует расценивать как складывание племенной организации. При этом В.В. Сидоров считает, что внутри неолитического племени замыкалась большая часть брачных связей, входящих в него общин [16, с. 257]. Однако с данных позиций трудно объяснить те «согласованные» изменения материальной культуры, которые происходили на весьма значительном пространстве, занимаемом археологической культурой. Кроме того, как свидетельствуют исследования жизни австралийских аборигенов, отдельная община не замыкалась внутри племени, а имела свою самостоятельную систему брачных связей, в центре которых она находилась. Подобные брачные сети пересекались друг с другом, и это обеспечивало территориальную непрерывность культуры.

На наш взгляд, образование локальных вариантов может объясняться не только появлением иной социальной организации, но и переходом к более оседлому образу жизни. Меньшая мобильность населения снижала число контактов и увеличивала относительную изоляцию, что в конечном итоге должно было способствовать усилению различий между отдалёнными друг от друга группами населения.

На примере изучения примокшанских памятников с ямочно-гребенчатой керамикой видно, что в ранне-льяловское время стоянки различных районов бассейна р. Мокши не имели каких-либо существенных отличий в орнаментации керамики. Подобные отличия в посуде памятников Имерского озера и поселений среднего течения р. Мокши появляются только на развитом этапе. В это время происходит сокращение числа стоянок, видимо, за счёт увеличения продолжительности их существования.

Достаточно спорно выглядит и тезис Н.Н. Гуриной об обязательном соответствии археологической культуры группе родственных племён [17, с. 16]. По мнению ряда исследователей, племенная организация появляется только на завершающей стадии существования первобытнообщинного строя, в эпоху «военной демократии» [18]. В более раннее время основной этнической единицей выступает локально-родовая группа, тогда как все более крупные объединения крайне аморфны и нестабильны. При этом наблюдается так называемая этнолингвистическая непрерывность первобытной культуры. Следовательно, неолитическая культура не может представлять собой устойчивое объединение родственных племён, а является всего лишь своеобразным сгустком первобытной непрерывности материальной культуры, не имеющей чётко очерченных границ. Как показывают исследования протометаэтнических общностей австралийских аборигенов, границы подобных образований обычно проходили по водоразделам, а их ареалы совпадали с определёнными ландшафтными зонами. Следовательно, вся территория Волго-Окского бассейна, относящаяся к лесной зоне, имела все необходимые предпосылки для того, чтобы стать единой ареной взаимодействия локально-родо-

вых групп, в результате которого была выработана сходная материальная культура – вначале верхневолжская, затем – культура ямочно-гребенчатой керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихова А.Е. Жилище на Саконовской неолитической стоянке // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
2. Алихова А.Е. Саконовская неолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
3. Халиков А.Х. Древнейшая история Среднего Поволжья. М., 1969.
4. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.
5. Раушенбах В.М. Племена льяловской культуры // Труды ГИМ. Вып. 44. М., 1970.
6. Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР).
7. Жуков Б.С. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Приложение к тому XIV Русского антропологического журнала. Вып. 1-2. М., 1925.
8. Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки Балахнинской низины // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 106. М., 1935.
9. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
10. Цветкова И.К. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки // МИА. № 110. 1963.
11. Федоров В.В. Плехановская неолитическая стоянка // МИА. № 39. 1953.
12. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
13. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
14. Энговатова А.В. Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I. М., 1997.
15. Сидоров В.В. География неолита Подмосковья // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.
16. Сидоров В.В. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
17. Гурини Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. № 172. 1973.
18. Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.

*Пензенский государственный объединённый краеведческий музей,
Пенза*

V.V. Stavitsky

THE SAKONOVSKAYA NEOLITHIC SITE AND THE PROBLEM OF TAXONOMIC STATUS OF THE MONUMENTS OF BALAKHNA TYPE

Summary

The Sakonovskaya site is one of the model monuments of the Pit-Comb Ware culture. Some scholars consider it belongs to Lyalovo type monuments, others – to Balakhna ones. But the differences between the pottery of these types of monuments are small so they can not be the base for disintegration of the Pit-Comb Ware culture into local variants. These variants appeared in the Neolithic due not to the changing in social structure of ancient units but to the reasons of natural and geographical character. The Neolithic culture is not a stable union of related tribes but only a distinctive clot of prehistoric continuity of material culture, which doesn't have concrete borders.

*Penza State United Regional Museum
73, Krasnaya St., Penza,
440026, Russia*

В.В. Никитин, А.В. Вискалин, В.В. Ставицкий

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ СТОЯНКИ СУТЫРСКАЯ 1

В 2000 г. совместной экспедицией Марийского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Самарского государственного педагогического университета были предприняты небольшие раскопки (вскрыто около 50 кв. м) на интенсивно разрушающейся Чебоксарским водохранилищем Первой Сутырской стоянке. Стоянка расположена в 600 м к ЮВ от бывшей д. Сутыри, на дюнном всхолмлении надлуговой террасы, образованной правым берегом р. Ветлуги и левым берегом р. Волги.

Сутырская стоянка была открыта в 1958 г. А.Х. Халиковым, который вскрыл на памятнике часть поздневолосовского жилища [1, с. 72]. В 1995 г. С.В. Большовым были раскопаны остатки ещё двух жилищ, материалы которых были отнесены к развитому этапу волосовской культуры [2]. В 2000 г. раскоп был заложён на юго-восточном краю мысовидного выступа, который был подвержен наибольшему разрушению. *Стратиграфия:* 1) серый балластный песок – 10-40 см; 2) погребённый дёрн – 5-8 см; 3) подзолистый песок – 10-15 см; 4) бурый песок – 10-20 см; 5) жёлтый материковый песок.

В результате исследований на поселении выявлено три хронологических комплекса. Керамика эпохи неолита содержит в тесте примесь шамота. Толщина фрагментов составляет 0,7-0,9 см. Собрано два развала сосудов, один из которых удалось полностью реконструировать. Диаметр его горла равен 13 см, наибольшее расширение тулова – 14,5 см, высота – 13 см. Он имеет шлемовидную форму. Верхний край венчика закруглён и плавно скошен вовнутрь. Сосуд украшен вертикальными рядами отпечатков зубчатого штампа, ограниченными поясками треугольных наколов и диагональными рядами луновидных наколов (рис. 1: 1). Реконструированный сосуд, по всей вероятности, отражает процесс слияния двух традиций украшения посуды – гребенчатой и накольчатой, что характерно для эпохи развитого неолита лесной полосы Восточной Европы. Орнаментация и форма венчика этого сосуда весьма характерны для керамики камской культуры [3, рис. 20, 21]. Однако сосуды, реконструируемые исследователями камской керамики, обычно имеют более вытянутые пропорции и более закруглённое дно, хотя и отмечаются отдельные сосуды низких пропорций, у которых диаметр горла не превышает высоту тулова [3, рис. 20; 4, рис. 13; 5, рис. 21]. Более близкие аналоги форма этого сосуда находит в керамике верхневолжской культуры поселения Воймежное 1 [6, рис. 40-43, 46], однако существенно отличаясь от неё своей орнаментацией.

Второй сосуд имел прямостенный венчик и был украшен оттисками длинного зубчатого штампа в сочетании с рядами треугольных наколов (рис. 1: 2). Отпечатками длинного штампа украшены венчики ещё двух сосудов (рис. 2: 5,6). Пара сосудов орнаментирована рядами тонких вдавлений ногтевидной формы (рис. 1: 3,7). Фрагменты не менее чем двух сосудов, украшенных перекрещивающимися оттисками зубчатого штампа и рядами «шагающей гребёнки», были собраны при раскопках С.В. Большова [2, рис. 3: 1-4]. Вся эта керамика весьма характерна для древностей камской культуры.

Семь фрагментов были украшены рядами треугольных и один фрагмент – рядами овальных наколов, нанесённых в технике отступающей лопаточки (рис. 1: 8-10). С накольчатой керамикой, вероятно, связаны и 3 неорнаментированных фрагмента. Эта группа керамики находит полные аналоги в накольчатой посуде Марийского Поволжья [5, с. 76-101]. Следует отметить, что большинство неолитической керамики было найдено в слое бурого песка.

К энеолитическому времени относятся 43 фрагмента сосудов, содержащие в тесте примесь органических остатков. Толщина стенок составляет 0,9-1 см. Фрагменты украшены отпечатками овального штампа (рис. 2: 1,3), рядами наколов различной формы (рис. 2: 2,4), ногтевидными вдавлениями (рис. 2: 5). Заслуживают внимания фрагмент прямостенного, утолщённого в верхней части венчика и фрагмент придонной части круглодонного сосуда (рис. 2: 1,3). Данная керамика находит близкие аналоги в посуде волосовской культуры достаточно раннего облика. Стратиграфически волосовская керамика тяготеет к верхней части слоя бурого песка.

Эпохой бронзы датируются находки трёх венчиков, два из которых характеризуют цилиндрическое, один – S-видное горло сосудов. Венчик последнего утоньшен. Два других сосуда имеют на венчике характерное утолщение в виде небольшого бортика. Все три венчика украшены оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 1: 6-8). Подобная форма и орнаментация сосудов характерны для балановского и атликасинского этапов балановской культуры [7, табл. 7-10, 13-14].

Изделия из камня. Представлены 1 нуклеусом, 5 орудиями на ножевидных пластинах и 20 орудиями на отщеплах и продольных сколах. На ножевидной пластине изготовлено 1 остриё (рис. 1: 4), и ещё 3 обломка пластин обработаны по боковым сторонам приостряющей ретушью (рис. 1: 12-14). Наиболее многочислен-

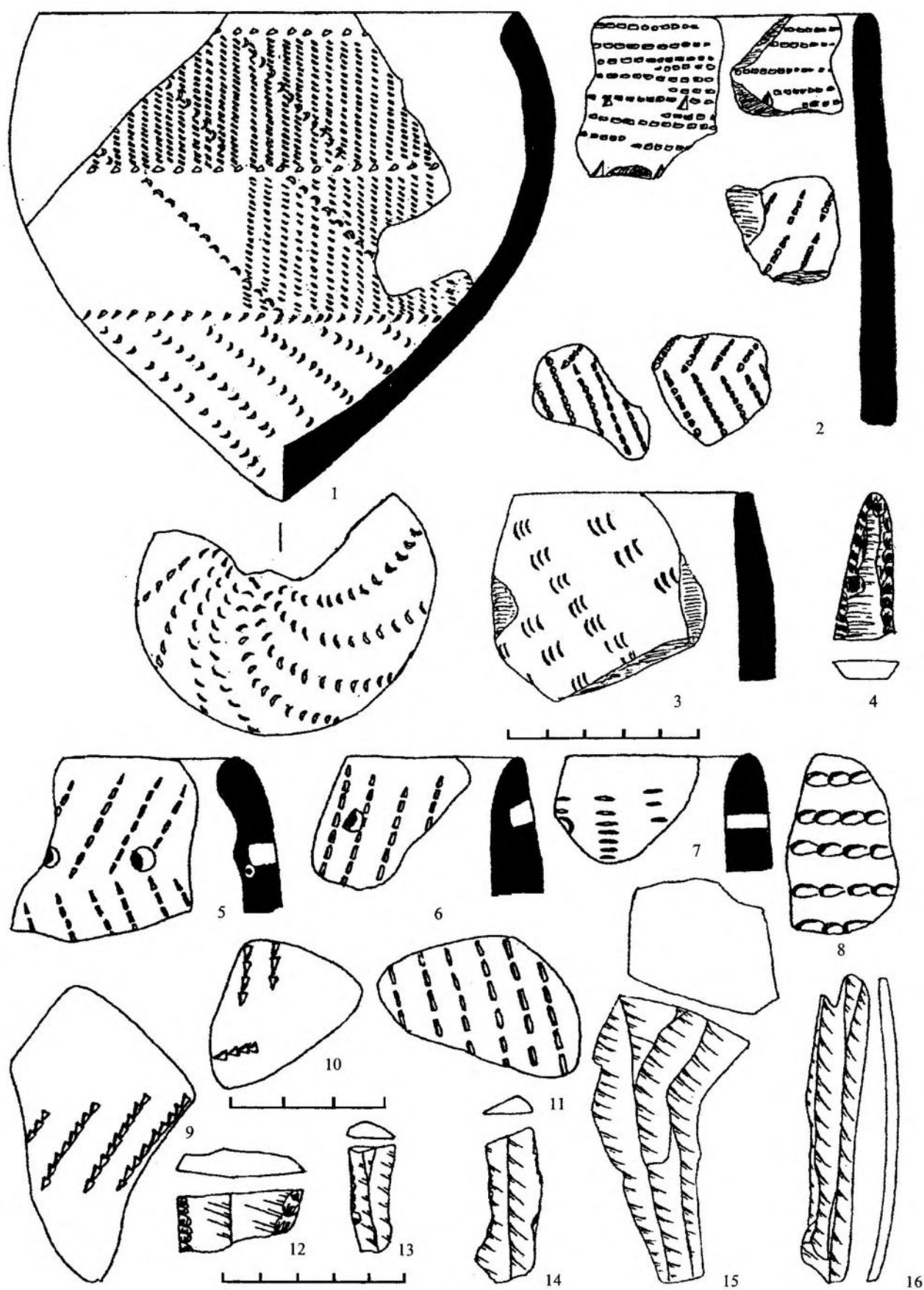

Рис. 1. Сутырская стоянка. Неолитическая керамика, изделия из кремня

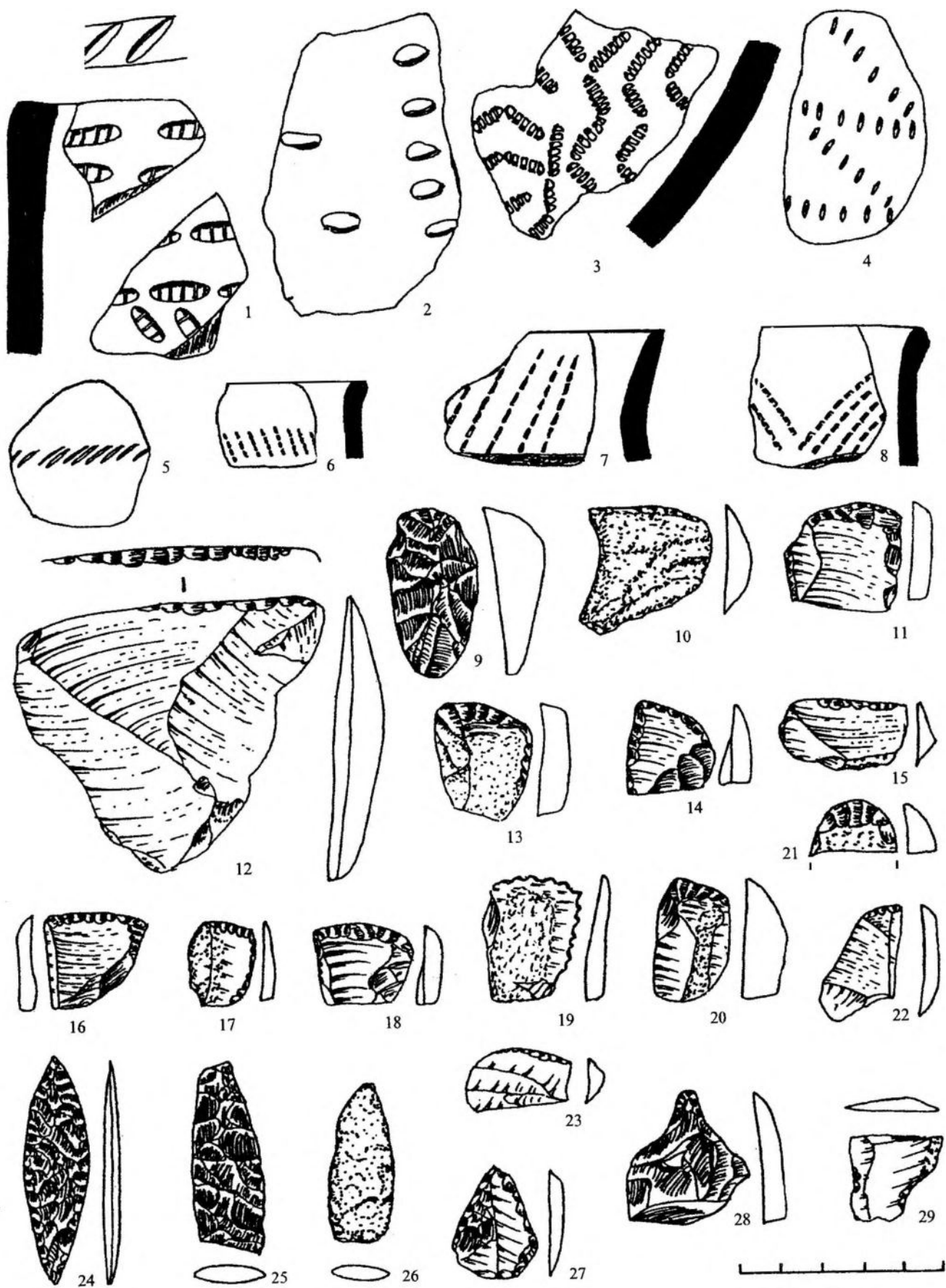

Рис. 2. Сутырская стоянка. Керамика эпохи энеолита (1-5) и бронзы (6-8), изделия из кремня (9-29)

ны скребки, большинство которых относится к концевым формам (рис. 2: 10-16, 18, 20-22). Два скребка имеют боковые рабочие края (рис. 2: 15, 23), у 5 орудий – смежные лезвия (рис. 2: 11, 13, 14, 17, 19). Один скребок обработан ретушью по всему периметру (рис. 2: 9). Наиболее выразителен скребок-штамп, имеющий зубчатые края (рис. 2: 19). Серия подобных орудий собрана на волосовском поселении Баркужерское III [8, рис. 1: 42-44] и на многослойной стоянке Машкило 3 [9, рис. 10: 25-27]. Двусторонне обработанное лезвие имеет массивное скребло (рис. 2: 12). Среди наконечников стрел три изготовлены из кремня (рис. 2: 24, 25, 27), 1 – из кварцита (рис. 2: 26). Кремнёвый наконечник листовидной формы обработан краевой ретушью на спинке (рис. 2: 27), остальные – сплошной двусторонней ретушью. Только на спинке отретуширована проколка, имеющая симметричные плечики (рис. 2: 28). На продольном сколе выполнен скобель (рис. 2: 29).

С неолитической керамикой, вероятно, связаны изделия на ножевидных пластинах и листовидный наконечник стрелы (рис. 2: 27). Скребок-штамп, наконечник лавролистной формы и орудия, обработанные сплошной ретушью (рис. 2: 9, 25, 26), более характерны для волосовских древностей. Остальные типы орудий имеют достаточно широкое распространение как в неолитическое, так и в энеолитическое время.

В южной части раскопа зафиксированы две небольшие ямы округлой формы, опущенные в материк из слоя подзолистого песка. В одной из ям собраны мелкие фрагменты костей. Данные ямы, вероятно, связаны с древнемарийским селищем, существовавшим на месте стоянки в I тыс. н.э. [10, с. 38].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.
2. Большов С.В. Суьтская стоянка I // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000.
3. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
4. Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологии Марийской АССР. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1990.
5. Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996. /
6. Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I. М., 1997.
7. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. 1-25. 1976.
8. Никитин В.В. Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волги // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. (АЭМК. Вып. 13).
9. Ставицкий В.В. Машкино 3 – поселение эпохи неолита–энеолита на Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
10. Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников республики Марий Эл. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1993.

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Йошкар-Ола
Государственный историко-мемориальный заповедник
«Родина В.И. Ленина»,
Ульяновск
Пензенский государственный объединённый краеведческий музей,
Пенза*

V.V. Nikitin, A.V. Viskalin, V.V. Stavitsky

PROTECTIVE EXCAVATIONS OF SOOTYRSKAYA I SITE

Summary

The result of protective excavations of Sootyrskaya I site performed in 2000 is the discovery of three chronological complexes of materials. The first complex consists of the Neolithic ceramics with comb ornament similar to the crockery of the Kama culture, as well as of rare fragments of vessels with pricked patterns analogous to the pottery of Dubovo sites. The second complex contains vessels of the early period of Volosovo culture. The third one is connected with the ceramics of Atlikasin type of Balanovo culture.

*Scientific and Research Institute of Language, Literature and History
of the Republic of Mariy El
44, Krasnoarmeyskaya St., Yoshkar-Ola,
424036, The Republic of Mariy El, Russian Federation
The State Historical-Memorial Reservation
"The Motherland of V.I. Lenin"
98, Lenin St., Ulyanovsk
432063, Russia
Penza State United Regional Museum
73, Krasnaya St., Penza,
440026, Russia*

В.В. Никитин

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ

В истории человечества одним из наиболее важных периодов была эпоха перехода от присваивающих к производящим формам хозяйства, т.е. к земледелию, скотоводству и освоению металлов. В лесной и лесостепной полосе Восточной Европы это происходит с середины III – начала II тыс. до н.э., когда получают развитие культуры позднего неолита с пористой посудой, освоившие территорию от Прибалтики на западе (типа Тамула и Валма, исследованные Л.Ю. Янитсом [1]) до Урала на востоке (гарипско-борского типа, исследованные О.Н. Бадером) [2-5].

Волосовские памятники в настоящее время открыты и изучены в верховьях самарского течения р. Волги, в бассейнах рек Оки и Клязьмы, в Костромской низине, на Валдайской возвышенности, в Каргополье и на Новгородчине, на Ветлуге, в междуречье Суры и Мокши.

Стоянки волосовской культуры исследуются с начала 80-х гг. XIX в., с выходом в свет монографии А.С. Уварова "Археология России" (1881 г.) с материалами Волосовской стоянки [6].

Двумя годами позже появилась книга П.П. Кудрявцева "К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки", где дано дополнительное описание волосовского материала [7].

После этих работ волосовские стоянки не изучались около 20 лет, лишь в 1900 и 1903 гг. В.М. Иверсеном были опубликованы дополнительные материалы. В 1910 г. П.С. Уваровой был открыт "Волосовский клад", а В.А. Городцовым раскопаны две полуземлянки на Волосовской стоянке. В 1920-е гг. Волосовские стоянки исследовали В.Я. Селезнёв, О.Н. Бадер, В.А. Городцов, Б.С. Жуков. В Костромском Поволжье в это же время волосовские памятники изучает В.М. Смирнов. Ещё в 1901 г. была опубликована работа В.А. Городцова "Русская доисторическая керамика", где он рассматривал своеобразие волосовской посуды, как древнейшей в Волго-Окском междуречье, сменившейся балахнинской [8]. На основании стратиграфии и условий залегания материалов Б.С. Жуков доказал, что волосовская культура не является древнейшей, а следует за культурами с ямочно-гребенчатой посудой [9]. Это заключение Б.С. Жукова сохранило значение до настоящего времени.

Уже в 1920-е гг. В.А. Городцов вводит термин «волосовская культура» и определяет её хронологическое место среди неолитических общностей Волго-Окского междуречья, что создало основу для постановки, разработки и решения целого ряда вопросов, связанных с историей населения волосовской культуры: происхождение, этапы развития, финал, хозяйство, взаимоотношения с соседями и т.п.

В послевоенные годы продолжают работы на волосовских поселениях в Верхнем Поволжье, в Подмоскowie, на Оке (Е.И. Горюнова, И.К. Цветкова, В.М. Раупенбах). Особый размах исследования волосовских стоянок приобрели в 1950-е – 1970-е гг. на Верхней Волге, в Горьковской и Рязанской областях (И.К. Цветкова, В.М. Раупенбах, Д.А. Крайнов, В.В. Сидоров, С.В. Ошибкина, М.П. Зиминая, А.Я. Брюсов, Н.Н. Гурина, И.В. Гаврилова, А.Х. Халиков, В.П. Третьяков, В.В. Никитин и другие).

К концу 1950-х годов был накоплен обширный фактический материал по культуре волосовских племён. Стало очевидным, что само понятие «волосовская культура» уже не соответствует содержанию полученного материала, которое оказалось значительно шире понятия «археологическая культура». В различных работах по волосовской проблематике появляются определения её как этнокультурная общность (или область), историко-культурная общность, культурно-хозяйственная область и т.п. Высказывалась мысль о более широкой волосовско-турбинской общности (О.Н. Бадер [10]), поддержанная А.Х. Халиковым [11, с. 10] и В.П. Третьяковым [12, с. 22-24]. Но большинство исследователей справедливо полагают, что волосовская и турбинская (гаринская) культуры, хотя и близки по некоторым элементам, но не представляют бесспорного единства.

Обширные стационарные работы на волосовских поселениях в 1970-е гг. позволили археологам приблизиться к пониманию конкретной истории волосовского населения. Раскопки многочисленных памятников в отдельных регионах (Верхняя Волга, Волго-Окское междуречье, Средняя Волга, Сура и Мокша, Нижняя Кама) дали возможность говорить об отдельных вариантах волосовской общности, обозначенных в работе Д.А. Крайнова [3]. Материалы средневожских памятников широко опубликованы в монографиях А.Х. Халикова [13] и В.В. Никитина [5], бассейна р. Мсты – в работе М.П. Зиминой [14], Суры и Мокши – В.П. Третьякова [15]. Проблемам происхождения, развития и хозяйства волосовского населения уделяется внимание в трудах А.Я. Брюсова, П.Н. Третьякова, Н.Н. Гуриной, О.Н. Бадера.

На базе Марийской археологической экспедиции в 1977 г. проводится полевой симпозиум "Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время", на котором обсуждались проблемы происхождения, этапов развития, датировок, территории распространения, рода занятий, дальнейших судеб носителей волосовской культуры [16]. В работе полевого симпозиума приняли участие учёные Москвы, Ленинграда, Казани, Уфы, Самары, Йошкар-Олы, Ижевска.

В 1980-е гг. были в основном проработаны концепции происхождения, этапов развития и хронологии, хозяйственной деятельности носителей волосовской культуры. Разрабатывались вопросы социального устройства, духовной культуры и дальнейших судеб волосовского населения.

Основные итоги столетнего изучения волосовских древностей сводятся к следующему.

Территория. По отношению к 50-60-м годам XX века в несколько раз увеличилось число волосовских памятников. Можно говорить о конкретных границах этого огромного образования, включая сюда Новгородскую область, Каргополье, Валдайскую возвышенность, Костромскую низину, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Ивановскую, Московскую области, Волго-Окский бассейн, Среднее Поволжье, Суру, Мокшу и Свиягу, Ветлугу и Вятку, низовья Камы, Самарскую Луку, входившие в древности в обширную зону широколиственных лесов и частично в пограничье с тайгой и лесостепью

Происхождение. До сих пор нет единого мнения по поводу предков и территории первичного расселения волосовцев. Одни исследователи (О.Н. Бадер, А.Х. Халиков) говорили о волго-камской основе, другие (А.Я. Брюсов, И.К. Цветкова) считали субстратным население с ямочно-гребенчатой посудой, прибалтийское происхождение отстаивал А.Л. Никитин, верхневолжское предполагал Д.А. Крайнов. Каждая точка зрения имела своих сторонников. Кроме того, было высказано мнение компромиссного характера о смешанной волго-камской и "гребенчато-ямочной" основе (В.П. Третьяков, В.В. Никитин) или верхневолжской и "ямочно-гребенчатой" (Д.А. Крайнов).

В настоящее время установлено (по крайней мере, для памятников Верхней Волги, Оки, Суры и Мокши, Средней Волги), что основу волосовского населения составили носители ямочно-гребенчатой (гребенчато-ямочной) и гребенчатой посуды (на востоке камского, на западе – верхневолжского типов). Это положение доказано на «протоволосовских» материалах стоянок Верхнего Поволжья (Варос, Языково, Сахтыш, Воймежное и др.) и особенно Среднего Поволжья, где не только выявлены слои с «протоволосовской» посудой, но и изучены поселения с комплексом посуды, кремнёвых орудий и жилищ (Красный Мост II, III, Дубовское VIII – жилища 7 и 8, Сосновая Грива III).

Этапы развития. Для волосовских древностей разработано несколько схем развития. А.Я. Брюсов считал, что памятники бассейна р. Оки можно членить на 4 этапа и датировать III – посл. четв. II тыс. до н.э. И.К. Цветкова выделяет здесь 3 этапа и датирует культуру 1-й пол. – нач. 4-й четв. II тыс. до н.э. О.Н. Бадер выделил 4 этапа и датировал культуру от кон. III тыс. до н.э. до XIII в. до н.э. А.Х. Халиков для волосовских древностей выделил три этапа, определив время их существования посл. четв. III – 2-й четв. II тыс. до н.э. Близка этой схеме периодизация В.П. Третьякова. Для средневолжского варианта волосовских древностей предложена схема В.В. Никитина из 4 этапов в рамках посл. четв. III – 2-й четв. II тыс. до н.э. С учётом выявления протоволосовского этапа начальная дата может быть отодвинута к сер. III тыс. до н.э.

Для верхневолжского варианта Д.А. Крайнов предложил 4 этапа в рамках начала 2-й четв. III (не исключено его удревнение до IV) – нач. II тыс. до н.э. Данная периодизация основана на серии радиоуглеродных дат и является наиболее точной.

Таким образом, волосовская культурно-историческая общность существовала в пределах III – начала II тыс. до н.э.

Дальнейшие судьбы. Существуют две основные точки зрения по этой проблеме. 1. О.Н. Бадер связывал финал истории волосовских племён с продвижением на территорию их распространения балановцев и срубников с последующей ассимиляцией местного населения кочевниками. Близка позиция и В.П. Третьякова, который пришёл к выводу о смене населения на Оке и Волге ввиду продвижения скотоводческих племён, прервавших финно-угорское развитие местного населения. 2. Большинство археологов рассматривают финал волосовских древностей как начало формирования культур эпохи бронзы: чирковской, приказанской, поздняяковской, основу которых составляют волосовцы (Д.А. Крайнов, А.Х. Халиков, П.Н. Третьяков, В.В. Никитин). Часть исследователей согласна с тезисом о формировании чирковской культуры на основе волосовской при непосредственном участии балановцев и фатьяновцев (Б.С. Соловьёв). В.П. Третьяков оспаривал родство приказанских и поздняяковских племён с волосовским населением, а в чирковской культуре усматривал победившую балановскую традицию.

В результате в настоящее время бесспорным является тезис о формировании чирковской культуры на базе волосовской при сильном воздействии балановско-фатьяновского населения (Б.С. Соловьёв) [17].

Проблематичным остаётся тезис о родстве волосовских племён с населением поздняяковской и приказанской культур, поскольку в материальной и духовной сферах этих образований преобладает срубный компонент. Если автохтонное развитие чирковской культуры подтверждается материалами, то для поздняяковских и приказанских древностей данная проблема требует дополнительной разработки.

Хозяйство. Для волосовского населения с начала формирования культуры и до её финала установлены основные виды хозяйственной деятельности. На всей обширной территории это ещё присваивающие формы: охота, рыболовство, собирательство (с доминантой рыболовства). Начиная с развитого этапа, примерно с кон. III – нач. II тыс. до н.э. в культуре появляются предметы, свидетельствующие о новых явлениях в хозяйственной жизни, связанных с примитивным земледелием (куранты, песты, мотыги, тёрочки, тёроч-

ные плиты) и освоением металла (тигли, наковальни, молоты, медные изделия). Несмотря на это, вплоть до эпохи бронзы основой хозяйства волосовского населения остаются рыболовство, охота и собирательство.

Хорошо изучены топография и устройство посёлков. Выявлено их компактное расположение вблизи развитой гидросистемы. Площади посёлков большие – от 2000 до 5000 кв. м, заняты несколькими полуземлянками (от 2 до 20). Раскопками изучено около 100 построек, что создало базу для решения вопросов социального устройства общества.

Духовная культура. По данной теме собран значительный фактический материал, позволяющий рассматривать отдельные аспекты духовной культуры. Не до конца ясен характер погребального обряда. Могильники и отдельные погребения выявлены на территории Верхней Волги и на Оке, но нет их на Средней Волге. Погребальным комплексам волосовского населения посвящено немало работ (Д.А. Крайнов, О.С. Гадзьяцкая, И.К. Цветкова, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, М.П. Зими́на, Ю.Н. Урбан, Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин и др.). Отсутствие обряда трупоположения в землю у средневожских волосовцев ставит ряд вопросов, требующих специального изучения: 1 – если средневожский вариант культуры имел иной погребальный обряд (археологически неуловимый), то возможно ли включать эту территорию в волосовскую общность?; 2 – не является ли обряд трупоположения в землю заимствованным у прибалтийского населения, тем более что волосовские погребения сопровождаются обилием балтийского янтаря?; 3 – чем объясняется антропологическая близость неолитического населения Прибалтики и Верхней Волги?

В последнее время в отечественной археологии стало уделяться внимание проблематике, связанной с мировоззрением древнего населения. По волосовской культуре можно указать работы О.С. Гадзьяцкой, Д.А. Крайнова, С.В. Ошибкиной, М.П. Зиминной, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина, В.В. Никитина и др., продолживших начатое ещё в 1940-е гг. С.Н. Замятниным изучение искусства и мировоззрения племён каменного века.

Не касаюсь вопросов материальной культуры: посуда, каменные орудия, украшения – всё это хорошо изучено вышеупомянутыми исследователями, к которым можно добавить И.Б. Васильева, А.А. Выборнова, Н.В. Овчинникову, А.И. Королёва, В.В. Ставицкого, Р.С. Габышева, А.В. Энгватову и многих других, в разной степени и в разное время внёсших вклад в дело изучения волосовских древностей.

Подводя итог этого краткого обзора, следует отметить, что рассмотренные выше вопросы нуждаются в дальнейшей разработке, а главное, назрела необходимость в обобщающей работе, хотя уже имеется несколько монографических исследований, посвящённых анализу волосовских древностей по всей занятой ими территории (А.Х. Халиков, Д.А. Крайнов, В.П. Третьяков) или же по отдельным регионам (И.К. Цветкова [18], В.В. Никитин).

Кроме того, следует более основательно проработать проблему волосовско-гаринских отношений, чтобы ответить на вопросы – была ли такая общность и что она собой представляла.

При видимой близости волосовских и гаринско-борских древностей с появлением новых источников всё более отчётливо просматривается их этнокультурная разнородность. Если в волосовском массиве выявлена культурная подоснова носителей ямочно-гребенчатых традиций орнамента керамики (при участии гребенчатых), то в среде гаринско-борских племён "ямочно-гребенчатый" субстрат отсутствует.

Дискуссионной остаётся проблема новоильинской культуры, которую О.Н. Бадер определил как позднэнеолитическую, связанную с "ямочно-гребенчатыми" традициями. В настоящее время существует мнение о раннеэнеолитическом возрасте данной культуры, сформировавшейся на базе камского неолита [19], с довольно широкой территорией распространения по р. Каме, включая Среднее Поволжье с памятниками красноостовского типа.

Выделенный мною как «протоволосовский» красноостовский тип керамики имеет достаточно обоснованную схему генезиса и перерастания в ранневожские образования.

В комплексах с этой керамикой ярко выражено сочетание двух гончарных традиций: ямочно-гребенчатой и гребенчатой. Характерной чертой «протоволосовской» посуды является сочетание их не только в орнаменте, но и в формах, технологии изготовления посуды и пр. Сохраняются культуроразличительные признаки: характерный (ещё льяловский) горизонтальный зигзаг с ямкой в вершине, сетка с ямками в перекрестии и т.п., свидетельствующие о древних корнях носителей этих орнаментальных традиций.

Вероятно, прав был О.Н. Бадер и некоторые другие исследователи, считавшие новоильинские комплексы не более ранними, чем гаринско-борские, а «флажковую» новоильинскую керамику близкой поздним гаринским материалам.

Одной из предстоящих задач является разработка проблемы соотношения культур пористой керамики лесной полосы Восточной Европы (чужьяельской, юртиковской, среднекарельской, асбестовой и др.).

В последнее время такая работа проделана для Сурско-Мокшапского энеолита А.И. Королёвым, который обосновал культурный статус имерских памятников и выявил их положение в среде синхронных культур [20].

Дискуссионной остаётся проблема выделения юртиковской культуры, сформировавшейся на основе вятского варианта новоильинской без активных внешних воздействий со стороны соседей. Из данного тезиса вытекают некоторые несоответствия в формальных показателях посуды. В частности, неясно, почему на юртиковской посуде нет характерных новоильинских черт – гофрированного венчика, мотива «шагающая гребёнка»; почему исчезает плоское дно у сосудов и многое другое. Материалы поселения Юртик согласуются с подобными с волосовского поселения Барские Кужеры III: в плане жилищ, в формах сосудов, технологии их изготовления, а главное – в орнаментации керамики. Кроме всего прочего близок и кремнёвый

инвентарь с его неолитическими традициями. В юртиковской культуре имеются и характерные для волосовских племён фигурные кремни. Представляется, что выделение юртиковской культуры требует более веской аргументации.

В последние годы получены добротные материалы о волосовском влиянии на энеолитические культуры Карелии [21].

Немаловажной является проблема выделения и обоснования отдельных вариантов волосовской общности. Пока нет чётких критериев для определения их границ. На ранней стадии развития материальная культура во всех вариантах практически не отличается. Некоторые инновации и различия проявляются лишь в развитый период культуры и снова нивелируются в позднее время её существования.

Для решения вышеуказанных проблем необходима прежде всего публикация материалов, хотя бы опорных, хорошо раскопанных памятников. Сейчас же результаты исследований, особенно в Верхневолжском и Волго-Камском регионах, проведённых в последние два десятилетия, малодоступны. Отдельные публикации и статьи не дают количественных характеристик керамического и пр. материала, в лучшем случае, – процентные соотношения (но от чего – от 10 или от 1000?); приведённые выборки зачастую несопоставимы. Кроме того, нет и единого подхода в методике качественных характеристик материальной культуры (за исключением технологического производства). Без решения этих проблем волосовская тематика ещё долгое время будет дискуссионной. Существует ещё одна важная задача – объяснение феномена повсеместной смены в конце неолита лесной полосы Восточной Европы добавок в формовочную керамическую массу, одновременного появления на этой территории культур «пористой керамики». Всё это предстоит осмыслить и дорабатывать уже в новом веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
2. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
3. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
4. Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III-II тысячелетиях до н.э. Л., 1990.
5. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
6. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. 1, 2. М., 1881.
7. Кудрявцев П.П. К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. XIV. Вып. 1. СПб., 1883.
8. Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда. Т. 1. М., 1901.
9. Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1.
10. Бадер О.Н. Очерк пятилетних работ Камской археологической экспедиции // Уч. записки Пермского государственного университета. Т. IX. Вып. 3. Пермь, 1953.
11. Халиков А.Х. Волосовская проблема // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3).
12. Третьяков В.П. О волосовско-турбинской общности // Тезисы VI Уральского археологического совещания. М., 1977.
13. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.
14. Зимица М.П. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. Вып. 16. М., 1993.
15. Третьяков В.П. Финал волосовских древностей на Оке и Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3).
16. Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3).
17. Саломеев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. (АЭМК. Вып. 19).
18. Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Тр. ГИМ. Вып. XXII. М., 1953.
19. Поговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
20. Королев А.И. Энеолит Примокшанья и Верхнего Посурья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.
21. Жульников А.М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории,
Йошкар-Ола*

V.V. Nikitin

BASIC RESULTS OF VOLOSOVO CULTURE STUDIES IN THE 20th CENTURY

Summary

Over a hundred years of Volosovo culture studies gives an opportunity to plan basic tendencies in gaining answers to the questions on its territorial dispersion, origin and chronology, as well as on its bearers' further destiny.

The territory occupied by Volosovo cultural community is located within the limits of the wooden zone, from the Upper to the Middle Volga River (Kazan). Its chronology ranges from the second quarter of the 3rd (may be 4-3) m. BC till the early 2nd m. BC.

At the end of Volosovo culture development its population contacted with the Battleaxe cultures (Fatyanovo and Balanovo cultures) which led to the appearance of new formations (of Shagar, Chirkovo and other culture types).

It's also stated that for the Volosovo bearers of the Volga – the Oka Rivers watershed the burial grounds are typical, but there are no such burials on the middle Volga River.

There is no single opinion on the problem of the origin of Volosovo culture. While the mid-Volga variant of Volosovo culture was rooted in Lyalovo (Balakhna) population influenced to a great extent by the Kama people, the Upper Volga variant together with the one of the Volga – the Oka Rivers watershed, generates, as it is assumed, from the Upper Volga, Lyalovo and Valday cultures of the Neolithic.

The problems of Volosovo - Garino community, as well as the status of Novoilyinskaya and Yurtikovskaya cultures are still disputable.

The question of correlation between the Porous ceramics cultures of the wooden zone of Eastern Europe (Chuzhyajelskaya, Novoilyinskaya, Jurtikovskaya, Srednekarelskaya, Asbestos ceramics cultures) and Volosovo tribes needs to be investigated.

The work on identification of the variants of Volosovo cultural community upon clear criteria of their borders determination is in prospect.

*Scientific and Research Institute
of Language, Literature and History
of the Republic of Mariy El
44, Krasnoarmeyskaya St., Yoshkar-Ola,
424036, The Republic of Mariy El,
The Russian Federation*

В.В. Сидоров

ВОЛОСОВСКАЯ КУЛЬТУРА ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Волосовская общность, охватывавшая во 2-й пол. III тыс. до н.э. всю лесную зону Восточной Европы, исчезает в первой половине следующего тысячелетия. Проблемы её финала, характера сосуществования с пришлыми группами населения, её наследия – роли в формировании культур эпохи бронзы ставились О.Н. Бадером [1], А.Х. Халиковым [2], В.П. Третьяковым [3], Б.С. Соловьёвым [4]. Во всех случаях они решались на материале только части общности без общей картины этнических процессов или проекцией наблюдаемых на данной территории событий на остальную часть общности. Накопленный к настоящему времени материал позволяет вновь вернуться к этой теме. Изменились представления о времени существования волосовской культуры, её происхождении, структуре.

Волосовская общность есть результат культурной интеграции племён лесной зоны, объединённых влиянием групп мигрантов с Валдая [5]. Относительная лёгкость ассимиляции объясняется языковым родством, близостью хозяйственно-культурного типа всего населения лесной зоны. Локальные различия, восходящие к наследию местных неолитических культур, сохранялись, особенно на периферии общности [6].

Во 2-й пол. III тыс. до н.э. начинается экспансия на север культур шнуровой керамики, уже освоивших производящие формы хозяйства. Они появляются в Юго-Восточной Прибалтике, на Верхнем Днепре – эти территории также входили в пределы волосовской общности. Древнейшие могильники фатьяновской культуры (Ханёвский [7], Новлянский [8], Ивановогорский, Новинковский [9]) обладают ярко выраженными признаками, роднящими их со среднеднепровской культурой. Они могут датироваться около 4300 л.н. – по времени появления культур шнуровой керамики в Южной Прибалтике. Периодизация же фатьяновской культуры, предложенная Д.А. Крайновым [10], не учитывала специфики этой группы могильников. Они остаются ярким эпизодом, но характер их взаимодействия с волосовской культурой не проявляется.

Ряд локальных культур в последнее время также оказывается датирован 2-й пол. III тыс. до н.э. и должен бы сосуществовать и взаимодействовать с волосовской – имеркская, шагарская, дубровичская. Элементы волосовской культуры, присутствующие в них, рассматриваются исследователями как показатель контактов [11; 12]. Происхождение же этих культур остаётся загадочным. Найти их подлинное место в этногенетических процессах, охватывавших лесную зону, можно лишь с учётом целостной картины, а не по единичным и ненадёжным датировкам. Археологическая культура выделяется как след традиции, а следовательно – это не только группа сходных комплексов, но и результат достаточно длительного развития.

Среди волосовских памятников есть отлично стратифицированные, которые позволяют увидеть культурно-хронологическую шкалу как данность, а не как реконструкцию. Один из лучших памятников – Воймежная 1 [13]. Здесь волосовские слои перекрыты слоем с дубровичской керамикой, представляющей собой гибрид верхнеднепровской лапчатой и волосовской. Та же картина наблюдается в Языково 1 [14] (рис. 1). Дубровичская керамика орнаментирована перевитым шнуром и т.п. лапчатыми ямками, имеет приотрённое или параболическое дно, минеральную примесь в тесте, но при этом нередко также примесь органики, утолщённый венчик, тождественные поздневолосовским. Часть лапчатых сосудов Воймежной волосовских признаков не имеет. Особешностью каменной техники являются серповидные ножи с двусторонней ретушью, треугольно-черешковые дротики из крупных отщепов с неполной обработкой поверхности.

Лапчатая керамика в Центральной Мещёре была отнесена И.К. Цветковой к III этапу рязанской культуры, который был отделён от второго всей толщиной волосовских слоёв. Её также отмечались днепровские аналоги этой керамики (определялись как днепро-донецкие [15]).

Но есть памятники, где лапчатая керамика встречается в типично верхнеднепровском виде – без волосовской примеси (верхний слой Маслово Болото 4, Богдарня 2). В других случаях чистота комплекса не гарантирована (Полецкая 1, Никольская 2 на Тростенском озере, Дубровичи и Большой Лес на Оке). Б.А. Фоломеев [16] включил в дубровичский комплекс керамику, не имеющую лапчатых ямок, орнаментированную по всей поверхности сосудов поясками разнонаклонных оттисков вертикальным зигзагом (штампы – створка раковины, узкий зубчатый или гладкий). Поверхность сосудов нередко полирована (подложена по сухому тесту). Но такая керамика широко распространена во всей волосовской общности (рис. 1) и не обязательно сопровождается лапчатой (Прибалтика, Валдай). Её можно рассматривать как собственно волосовский компонент в составе дубровичских комплексов.

Лапчатая керамика хорошо известна также на Десне. Здесь она рассматривается А.С. Смирновым как

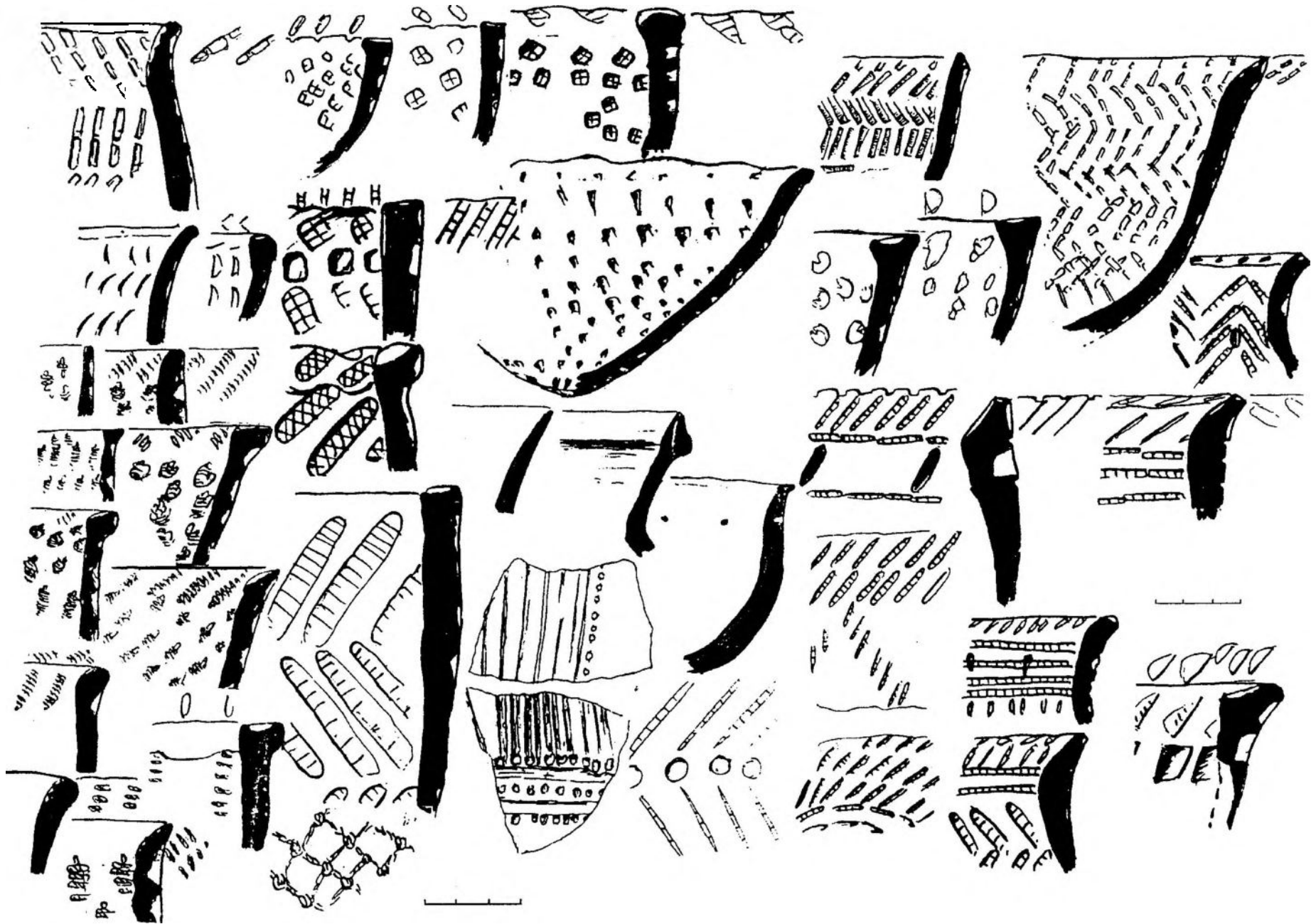

Рис. 1. Языково 1. Керамика верхнего слоя

часть комплекса позднего этапа деснинской культуры [17]. Но ромбоямочная керамика (в том числе с «рубчатым ромбом») сосуществует на стоянках Западного Подмосковья с льяловской, а лапчатая – с волосовской, сменившей льяловскую. Лапчатая керамика здесь впервые появляется с протоволосовской и перекрывает льяловские слои. Яркий пример чистого комплекса, где лапчатая керамика сочетается с протоволосовской, – нижний слой Маслово Болото 4. Здесь можно заметить, что ранняя лапчатая керамика не тождественна той, которая появляется на этом же памятнике поверх поздневолосовской (рис. 2). Это наблюдение может быть использовано для хронологического расчленения комплексов лапчатой керамики бассейна Днепра – её исходной территории. В бассейне Днепра отсутствуют стратифицированные памятники, и культурно-хронологическая шкала для этого района может быть предложена на основании аналогий в Волго-Окском междуречье. Видимо, и на Десне, как и в бассейне р. Москвы, происходила смена населения.

Вторичное появление лапчатой керамики в Волго-Окском бассейне относится к позднему этапу волосовской культуры. Оно может быть следствием вытеснения части верхнеднепровских групп экспансией культуры шнуровой керамики. Стратиграфически этот момент датируется рубежом III-II тыс. до н.э. Такую же дату Б.А. Фоломеев предлагает для дубровичского комплекса стоянки Большой Лес. Она появляется только в некоторых локальных группах. Обильно представлена в Языково, ещё более – в Центральной Мещёре, на Нижней и Средней Оке. Единичны её находки в бассейне Дубны, она отсутствует в Нерско-Нерльском районе (единственное исключение – Ивановская 4), на р. Костроме, единичны лапчатые черепки в бассейне р. Съежи. Распространение групп верхнеднепровской культуры по волосовской территории ещё не обозначает конца культуры: значительная часть волосовских локальных вариантов осталась незатронутой этой миграционной волной. В тех же группах, где осели пришельцы, облик волосовской культуры сильно изменился (Языково, Центральная и Восточная Мещёра).

Миграций могло быть больше, и тогда речь должна идти о регулярных переселениях в течение длительного времени. Лапчатая керамика входит в комплекс “волосоидного” слоя Ивановской 4. Слой надёжно датирован серединой III тыс. до н.э. (все три даты около 4500 л.н.)¹. Второй компонент в этом слое – сосуды параболической формы с утолщёнными венчиками, со слабой примесью органики (но не раковины!) в тесте, орнаментированные крупными наколами, выполненными палочкой, щепкой. Мотивы – крупный вертикальный зигзаг и наклонные полосы с разделительными поясками. Под венчиком обычно глубокие крупные ямки, выполненные тем же штампом. Все эти мотивы, щепочные наколы, а также форма сосудов и технология характерны для восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры [18].

Это же сочетание лапчатой и крупнонакольчатой керамики (крайне неудобный термин, вызывающий ассоциацию с раннеолитической накольчатой керамикой, что уже давно создало искусственную проблему для археологии Среднего Поволжья) есть в материале поселения Ибердус 1 на Средней Оке (исследовалось Б.А. Куфтиным, коллекция находится в Московском областном краеведческом музее-заповеднике (г. Истра), и затем И.К. Цветковой [19]). Здесь, кроме того, имеется и дубровичская керамика (без поздневолосовского компонента). Значительную часть комплекса составляет керамика имеркской культуры и типа Дрониха – с прочерченным орнаментом (рис. 3). При этом все эти типы керамики перетекают друг в друга – лапчатые ямки служат разделительными поясками на сосудах с прочерченным орнаментом, Г-образные венчики сочетаются с наколом и лапчатой ямкой, общие, в том числе сложные геометрические мотивы орнамента, одинаковый состав теста – с примесью пуха и песка, но не дресвы и раковины. Характерно полное отсутствие оттисков зубчатого штампа у сосудов этих типов. Равно встречается параболическое, нередко массивное и плоское дно. У большинства сосудов с лапчатой ямкой оказался характерный имеркский венчик. По всем признакам здесь наблюдается теснейшее взаимодействие традиций изготовления крупнонакольчатой (днепро-донецкой) и лапчатой керамики. Ярким показателем западного происхождения этого комплекса является крупный серповидный нож с двусторонней обработкой.

Присутствующая на памятнике волосовская керамика легко отличима – для неё характерны зубчатый штамп и раковина в тесте, не встречающиеся у сосудов с признаками днепро-донецкого и верхнеднепровского происхождения. Волосовская керамика здесь довольно архаична: плотное тесто, густые полосы оттисков гребчатого штампа, непрофилированный венчик. Она или синхронна основному комплексу, или предшествует ему, но гибридизации волосовской керамики с описанными выше керамическими группами здесь не происходит.

А.И. Королёвым установлено, что появлению имеркских комплексов в Сурско-Мокшанском регионе предшествует существование здесь волосовской культуры. Волосовские жилища перекрыты имеркскими. В то же время допустимо говорить и об их сосуществовании. Поздние элементы в комплексе волосовского жилища Имерки 1Б – это трансформация верхнеднепровского (дубровичского) влияния; проявляется волосовское влияние и в довольно позднем имеркском комплексе стоянки Волгапино [20].

Можно сделать вывод, что группы, включавшие представителей верхнеднепровской и днепро-донецкой культур (сосуществовавшие на исходных территориях), участвуют вместе с валдайскими мигрантами в вытеснении льяловцев из западных регионов их обитания, позднее – уже без валдайского компонента – просачиваются вглубь волосовской территории (Ивановская 4, Ибердус 1). Обосновались они на юго-востоке арсала волосовской общности, частью вытеснив отсюда волосовские общины. Имеркские группы поддерживали связи с днепро-донецкой и верхнеднепровской прародиной, видимо, по течению Оки. Не исклю-

¹ Доклад А.В. Энгватовой (ИА РАН) на II Тверской археологической конференции (Тверь, 1999 г.).

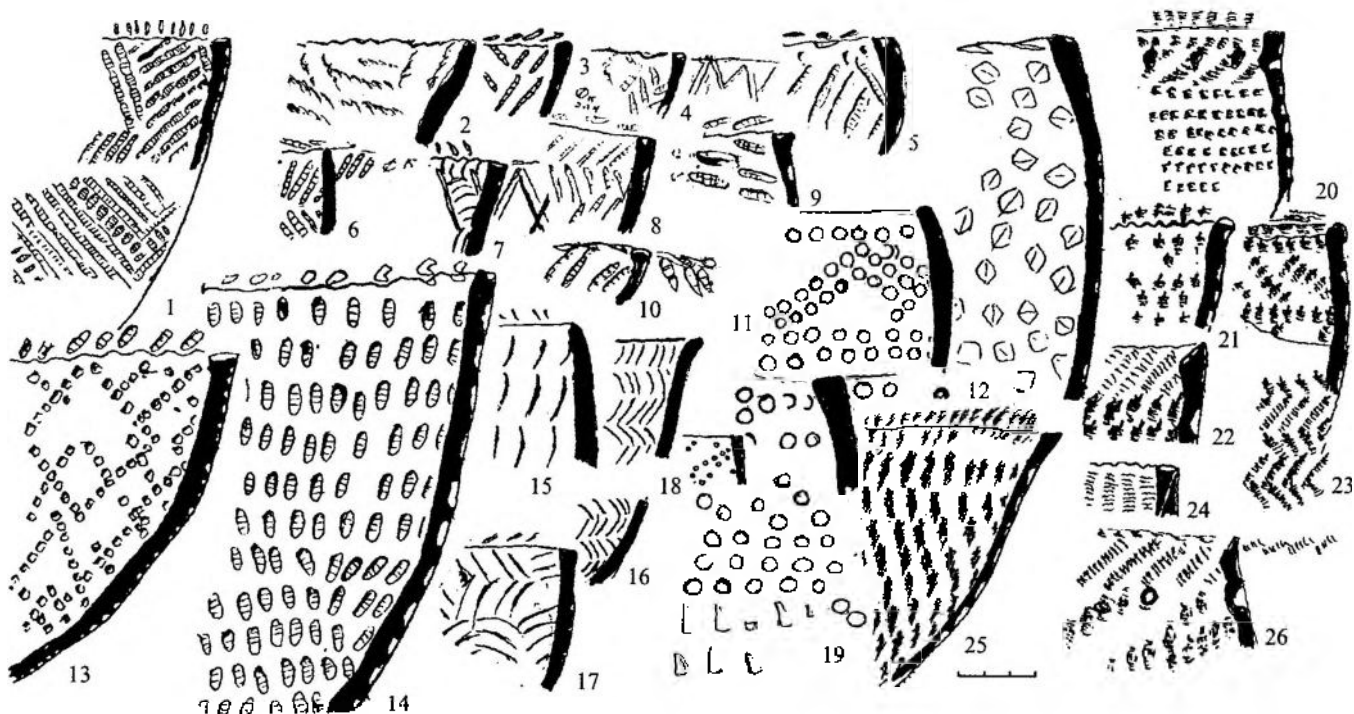

Рис. 2. Маслово Болото 4. Поздневоловская (1-19) и лапчатая (20-26) керамика верхнего слоя

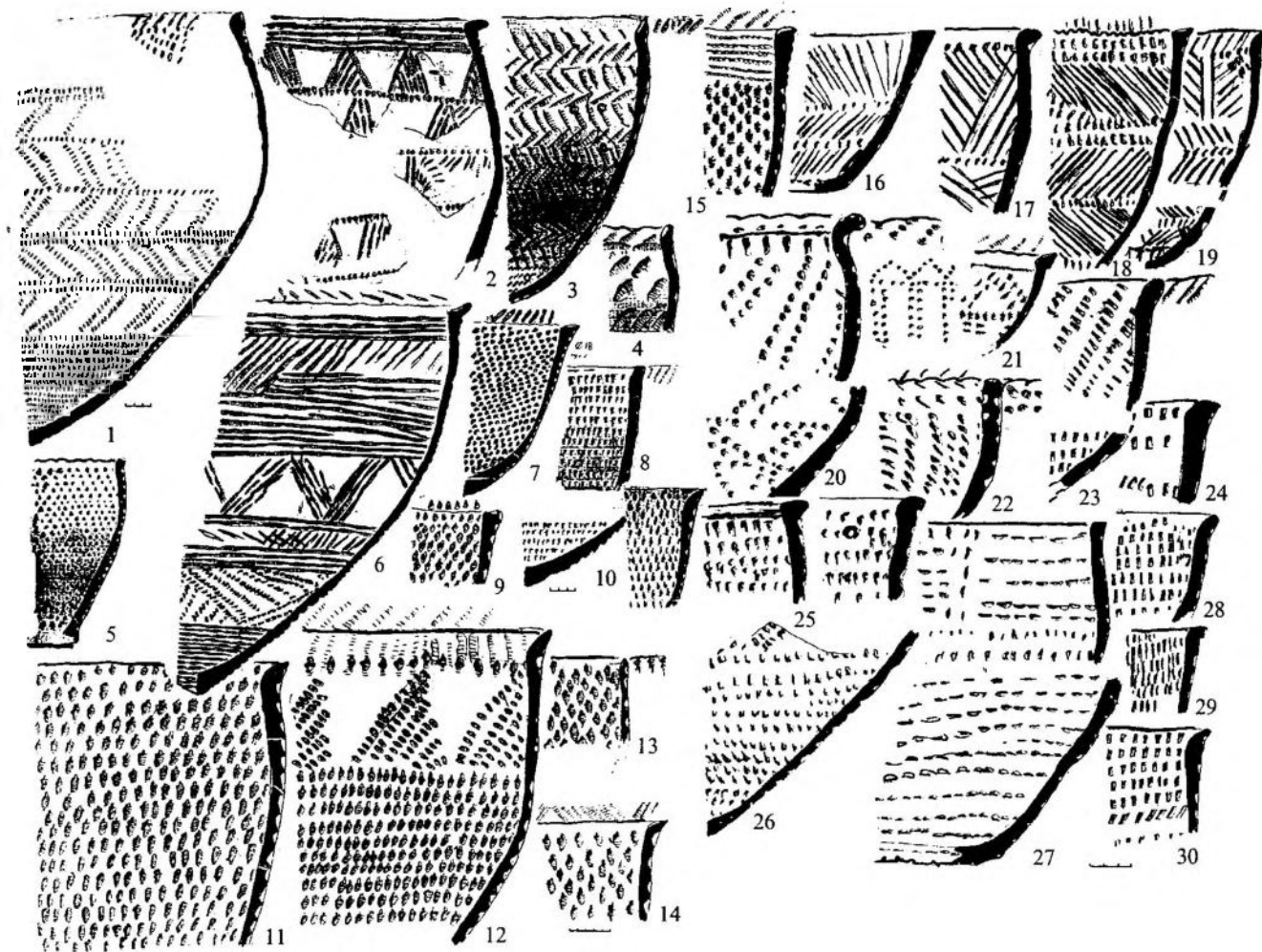

Рис. 3. Ибердус 1. Керамика лапчатая (1-15), типа Дронихи (16-19) имеркская накольчато-тычковая (20-30)

чаются и связи через водораздел – этим можно объяснить общее у имеркской и воронежской культур, а также возрастание количества элементов катакомбной культуры. Имеркская культура отличается от волосовской также обилием следов металлургии.

Влияние имеркской культуры на позднюю волосовскую можно заметить по таким ярким элементам, как специфический утолщённый напыльвом венчик. С этим же влиянием можно связывать и появление плоского дна. Немногочисленные следы металлургии на волосовских стоянках фиксируются по чашеобразным тиглям, массово встречающимся именно в имеркских комплексах.

В Центральной Мещёре волосовская культура сменяется шагарской, которую выделявшая её Е.Д. Каверзнева [21] датирует от середины III до 2-й четв. II тыс. до н.э., – то есть она должна быть синхронна волосовской, хотя всюду её материалы залегают поверх волосовских слоёв. Е.Д. Каверзневой в число шагарских включены мепианые комплексы, поэтому полученные даты могут относиться к любому их компоненту. Приводимые ею иллюстрации включают поздневолосовскую и лапчатую керамику [21, рис. 2: 1; 3; 1,3; 4; 6: 1, 2, 11]. Необходимо разобраться в происхождении составивших культуру компонентов, но это возможно сделать только на широком фоне, далеко выходя за пределы Центральной Мещёры. При этом вполне допустимо сосуществование этих компонентов в одном комплексе. Поздневолосовский компонент – сосуды с примесью органики (обязательно – пух, изредка – раковина), котловидные, иногда плоскодонные, частью с Г-образным венчиком и сплошной, хотя уже и разреженной орнаментацией. Такая керамика обычна для верхних волосовских слоёв по всей территории общины. При этом наблюдается постепенное огрубление её, возрастание небрежности и разреженности орнамента. Второй компонент – сосуды с вертикальным зигзагом, отмеченные ранее в составе дубровичских комплексов. Они заметно отличаются от грубых – характерно плотное заполнение орнаментом поля, правильность поясков, полировка поверхности. Штампы преимущественно топкие. Размеры сосудов обычно малые и средние, в то время как грубые – в основном крупные. Но эти же элементы начинают появляться на малых сосудах в волосовских комплексах ещё на среднем этапе развития культуры и тоже характерны для мелких форм, что наблюдается на прекрасно стратифицированном волосовском поселении Маслово Болото 4 (рис. 2). Видимо, различие этих сосудов прежде всего функциональное.

Специфику шагарским комплексам придают профилированные сосуды, с хорошо выраженной шейкой, более плотным тестом, орнаментированные не на всю высоту – обычно до половины. В основном орнаментальная зона состоит из плотных поясков разнонаклонных оттисков, таких же, как у описанной выше керамической группы финального этапа волосовской культуры (вертикальный зигзаг). Применяются также шнуровой оттиск, «защип» (он делался встречным движением ногтей мизинцев), вдавления короткого и довольно широкого зубчатого штампа, гладкого штампа; пояски орнамента нередко оконтуриваются неглубокими ямками. Форма тулова сосудов обычно яйцевидная, параболоидная, дно чаще округлое, изредка плоское или уплощённое. В тесте присутствуют шамот (?), органика, раковина, характерны плоские, чешуйчатые поры. Предположительно – это след примеси скорлупы яиц. Обычны следы шерсти. С керамикой волосовской культуры эту керамику сближает только яйцевидная форма тулова сосудов и орнамент в виде зон зигзага, который вовсе не является специфически волосовским.

Стратиграфическое положение шагарского компонента на стоянке Воймежная I совершенно определено – выше дубровичского и вместе с поздним фатьяновским. Это исключает его формирование в III тыс. до н.э. Взаимодействием с фатьяновской культурой можно объяснить появление в керамике профилировки, частичной орнаментации (формирование орнамента как зоны, а не сплошного покрытия, что специфично для лесного неолита – энеолита). Кроме того, плотное тесто, тонкостенность, лепка впахлёт из тонких лент могли заимствоваться из фатьяновской керамической традиции – в шагарской посуде более фатьяновских, чем волосовских черт.

Может быть и иной источник шагарского компонента – абашевская культура. Раковинная примесь в тесте попадает в шагарскую не через волосовскую (в это время она уже практически забыта в этой культуре), а через абашевскую, но абашевская и фатьяновская культуры не чужды друг другу. Имеются случаи совместного нахождения фатьяновской и абашевской посуды в одной могиле [22]. Ещё один компонент, который мог проявиться в формировании шагарского типа, – катакомбная культура. Она могла быть источником шнуровой орнаментации, «защипа» и некоторых других элементов.

Но может быть и четвёртый компонент – это уже интегрировавшая их общность – чирковско-сейминская культура. Не касаясь её происхождения, отметим присутствие в ней ярко выраженных абашевских признаков, которые находим также и в шагарской керамике: технология формовки сосуда, особенно его венчика (желобчатый, или блюдцеобразный), состав теста с раковиной и чешуйчатыми порами (почти все), использование шнура и мелкого зубчатого штампа, орнаментальные мотивы в виде чередования полос горизонтальных оттисков, разделённых зигзагом, наклонными оттисками, точками. Не все формы абашевской посуды проявились в чирковской, но все чирковские встречаются среди абашевских, катакомбных, фатьяновских форм. Меньше всего в них волосовского.

Чирковские комплексы на волосовской территории проявляются как чрезвычайно контрастные, чётко обособленные. Это – комплекс стоянки Вёкса на р. Вологде [23], Сулать I на Дубне (рис. 4), Еськи на оз. Верестово в верховьях Мологи (раскопки А.Е. Леонтьева), они есть на Тростенском озере, Ловецком, Неро. Чирковская керамика как фатьяноидная фигурирует в работах Н.Н. Гуриной [24], как поздняя – у Т.Б. Поповой [25]. Как долго они сохраняют свою чистоту? Шагарская культура, а точнее компонент, тип внутри культуры в процессе интеграции – это одно из проявлений ассимиляции пришлых групп волосов-

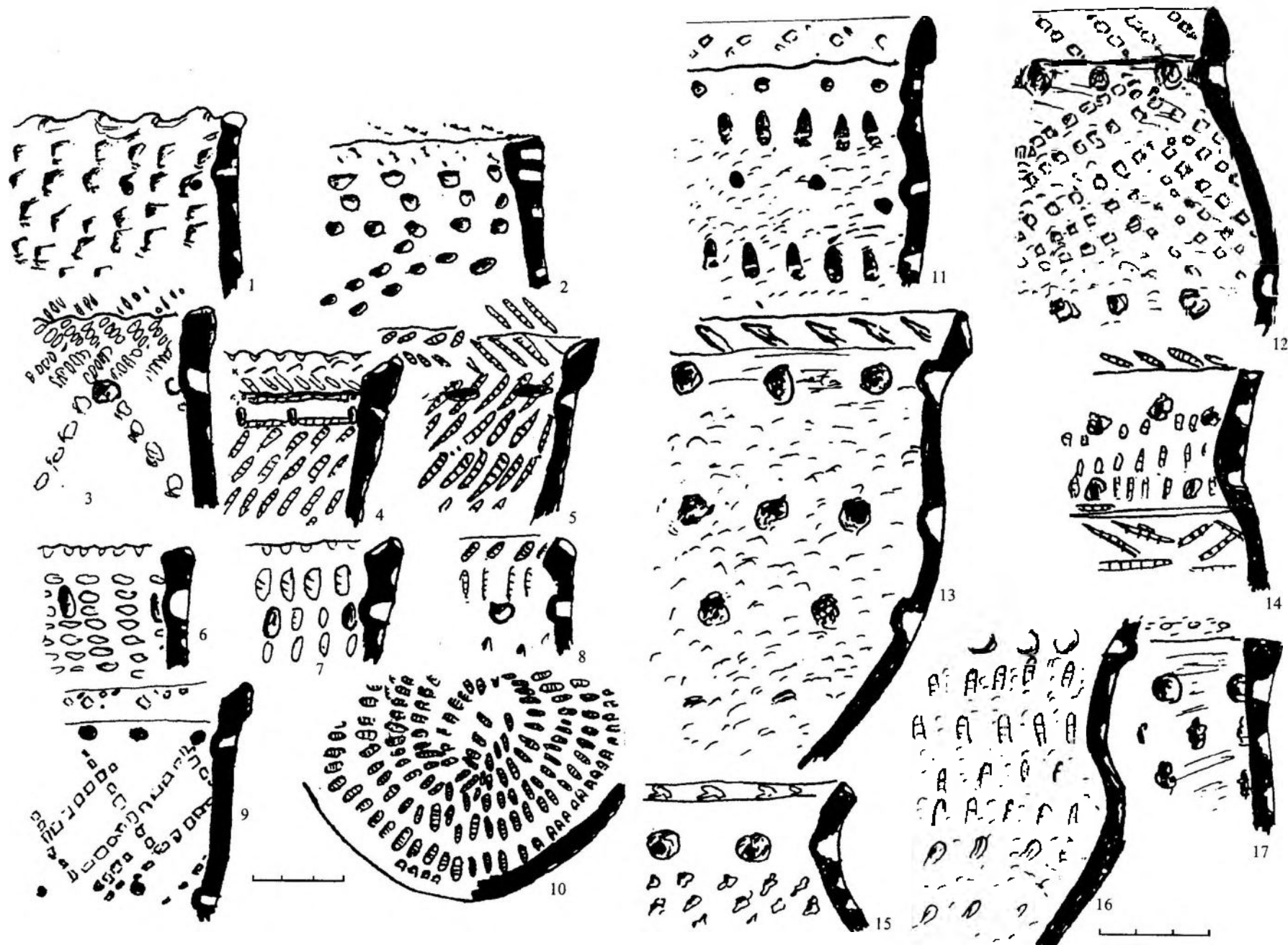

Рис. 4. Сулать 1. Постволозовская (1-10) и сетчатая с волосовскими элементами (11-17) керамика

кой культурой. Если поздневолосовские формы действительно входят в состав шагарских комплексов, то их надо рассматривать не как новую культуру, а как непосредственное продолжение волосовской, обогащённой включением заимствованных элементов. Но на Воймежной 1 в слое, содержащем шагарскую керамику, встречается фатьяновская, чирковская, поздняяковская; волосовской же там нет.

В Марийском Поволжье складывается несколько иная картина. Б.С. Соловьёв [4] показывает, что на памятниках типа Галанкиной Горы сосуществуют и смешиваются поздневолосовские и балановские традиции (с заметным добавлением зауральского компонента – валиковой керамики). Он предполагает, что взаимодействие с абашевской культурой было враждебным и не оказало существенного влияния на формирующуюся культуру. Результатом же смешения культур стала чирковско-сейминская, которую он датирует не ранее XVI в. до н.э. Тем не менее ряд специфических деталей чирковской керамики здесь скорее всего имеет абашевское происхождение: желобчатый венчик, раковинная примесь в тесте, ряд орнаментальных мотивов, например, узкие треугольные фестоны с кисточкой. Волосовские элементы в чирковской керамике не улавливаются. Раковинная примесь – не доказательство: состав теста, технология керамики не имеют ничего общего именно с волосовской, но совпадают с абашевской.

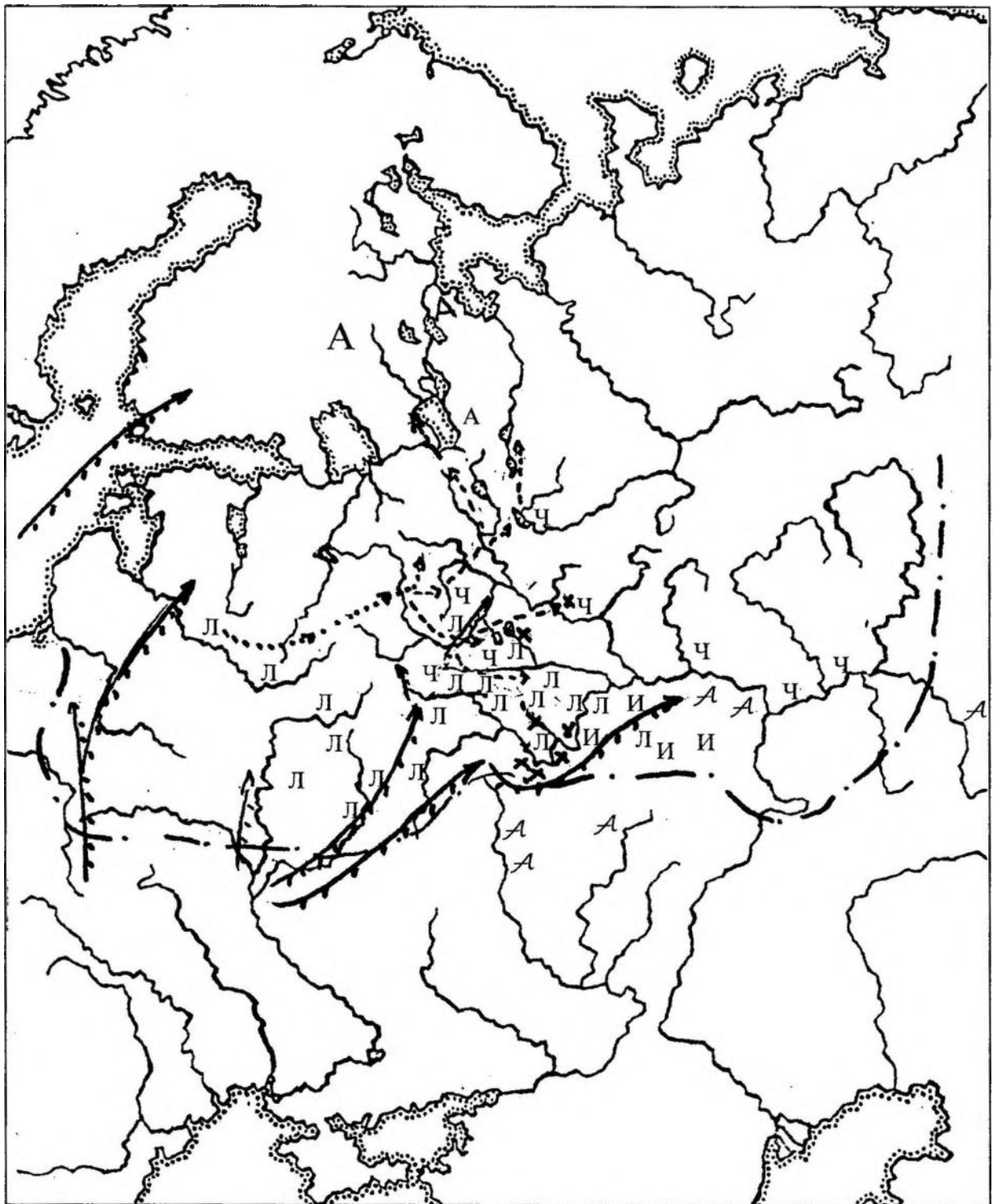
Другую ситуацию ассимиляции мы обнаруживаем в Языково. Здесь в верхнем слое появляются сосуды с туловом, характерным для волосовских форм, со слабо намеченной профилировкой, с минеральным отощением теста (но присутствуют и чешуйчатые поры), орнаментальная схема которых повторяет чирковскую, но выполнена гораздо более грубым зубчатым штампом. Подобная постволосовская керамика есть и в Мещёре (Воймежная 1, Совка 1). Элементы этой традиции можно видеть в керамике типа Абора – то же минеральное отощение теста, короткий, но грубый зубчатый штамп, горизонтальные пояски. По времени – это тоже начало II тыс. до н.э.

В качестве культуры, прервавшей существование волосовской, В.П. Третьяков рассматривал поздняяковскую, которая является дериватом срубной и генетически чужда волосовской [3]. Но поздняяковская культура массово проявляется только в бассейне Средней Оки. Севернее же распространяются лишь её отдельные элементы, проникая во всю лесную зону.

Таким образом, складывается следующая схема культурогенеза в конце III – начале II тыс. до н.э. (рис. 5). На территорию волосовской общности из бассейна Днепра приходят родственные и близкие по типу культуры (но более знакомые с металлом, чем волосовские) группы населения с лапчатой и крупнолапчатой керамикой. Они занимают юго-восточный регион ареала, частью вытесняя, частью ассимилируя местное волосовское племя. Эта группа сохраняет контакты с населением бассейна Днепра, а также с неолитическими группами лесостепи. Достоверно такие контакты фиксируются с воронежской культурой. Характер взаимоотношений с ямной культурой не исследован. Так формируется имеркская культура. В это время продолжается интеграционное развитие волосовской общности, уже включившей в свой состав остатки льяловских племён, которые ещё сохранялись в восточной половине Волго-Окского междуречья. Продолжается интеграция в волосовскую общность культуры асбестовой керамики Карелии, что особенно заметно по материалам типа Оров-Наволок XVI [6]. Менее включены в общность культуры Северо-Востока Русской равнины (чойновтинская) и Приуралья.

Более инородные включения представляли собой фатьяновская и абашевская культуры. Они имели совершенно иные корни, входя в круг культур боевых топоров и шнуровой керамики и были связаны со степным и лесостепным миром. Носители этих культур уже были знакомы с производящим хозяйством, резко отличался их быт. Именно от этих групп произошло усвоение производящего хозяйства лесными племенами. Формирование нового быта происходило при заимствовании элементов культуры этнически чуждых групп населения, при этом этнографический облик и тех и других трансформировался. Посуда с сетчатой фактурой возникает там, где местные племена переходят к производящему хозяйству. При этом в оформлении поверхности сосуда остаётся главным принципом, характеризующий неолитическую керамику лесной зоны, – сплошное заполнение поверхности орнаментом.

Сетчатая керамика впервые "появляется" в Восточной Прибалтике [26]. Она характеризуется пористым тестом, тонкостенностью, использованием зубчатого штампа для имитации сетки. Встречается в единых комплексах со шнуровой и пористой волосовской керамикой. В такой же смеси она распространяется на Валдае, затем в Верхневолжской низменности и далее – в Волго-Окском междуречье [26]. Не приходится говорить об экспансии культуры сетчатой керамики – её появление результат связей, существовавших и до её распространения, новация. Сетчатая керамика обнаруживается там, где ей предшествовала волосовская (табл. 1). В формировании культуры сетчатой керамики другие компоненты, кроме волосовской культуры, не являются обязательными. Д.А. Крайнов предполагал, что в её основе лежит наследие культуры ямочно-гребенчатой керамики. Но она формируется и там, где никаких следов культур ямочно-гребенчатой керамики не осталось, – в Прибалтике, на Валдае, в Верхневолжской низменности, Западной Мещёре, и там, где в состав волосовцев вошли ассимилированные льяловцы, – Центральная и Восточная Мещёра, Балахнинская низменность. Не является обязательным и присутствие среди компонентов культуры шнуровой керамики – её нет на Валдае, на Севере (Вологда, Карелия). Ещё более локальны влияния чирковской и поздняяковской культур, хотя их элементы распространяются по всей территории сетчатой керамики. И только волосовский компонент лежит в основе всех локальных групп, где проявилась сетчатая керамика.

— · — · — 1; Л - 2; И - 3; А - 4; Ч - 5; —————> 6; ✕ - 7; ····> 8; А - 9

Рис. 5. Этнокультурная ситуация в лесной зоне Восточной Европы в конце III – начале II тыс. до н.э.
 1 – южная граница волосовской общности; 2 – комплексы с лапчатой верхнеднепровской керамикой;
 3 – памятники имеркской культуры; 4 – абашевская культура; 5 – чирковско-сейминская культура;
 6 – экспансия культур шнуровой керамики; 7 – памятники поздняковской культуры;
 8 – распространение сетчатой керамики; 9 – культура асбестовой керамики

Таблица 1. Компоненты, составившие локальные варианты культуры сетчатой керамики

Территория распространения Локальные варианты культур, культуры	Лубанас	Усвяты	Мста	Карелия	Каргополь	Кострома	Молога	Языково	Дубна	Неро-Нерль	Москва	Зап. Мещёра	Рязань	Нижняя Ока	Средняя Волга	Кама	Сура-Мокша	Десна	Северо-Восток
Льяловская			+	++	+?	+?	++	+?	+?	+?	+?	+?	++	++	+		++	+?	+
Сперрингс				++	+	::	::	::	::	::	::	::	::						
Нарвская	++	+	++																
Валдайская	++	++	++	+		+	+	+	+	+	+	+							
Волго-Камская														::	+	++	+		+
Верхнеднепровская	+	+	::					+	::	::	+	+	++	++	+		+	++	
Днепро-донская	::																::	+	
Деснинская				+	+			::			+	::							+?
Волосовская	++	++	++	+	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	+	++	+	+
Чужьяёльская					::	::										+			++
Асбестовой керамики				++	::														
Турбинская					::											++	+		+
Шнуровой керамики	+	::						+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	
Абашевская								::			+		+	::	+		+	+	
Чирковская				::	+	+	+	::	+	::	+		+	+	+	+	+		
Поздняковская, срубная			::	::	::	+	::	::	+	+	+	::	+	+	+	+	+		
Иванобугорская									::				+		+		+	::	
Сетчатой керамики	++	+	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++		+		

:: – следы влияния; + – единичные комплексы; +? – вытеснены; ++ – основа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
2. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
3. Третьяков В. П. Волосовские племена в европейской части СССР в III-II тысячелетиях до н.э. Л., 1990.
4. Соловьев Б. С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. (АЭМК. Вып. 19).
5. Сидоров В. В., Энговатова А. В. Протоволосовский этап или культура? // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
6. Жульникова А. М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
7. Сидоров В. В. Ханевский могильник фатьяновской культуры // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 7. Иваново, 1993.
8. Розенфельдт Р. И. Новлянский могильник // СА. 1974. № 3.
9. Волкова Е. В. Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
10. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М., 1972.
11. Каверзиева Е. Д. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3.
12. Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
13. Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I. М., 1998.
14. Сидоров В. В. Многослойные поселения Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
15. Цветкова И. К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970. (Тр. ГИМ. Вып. 44).
16. Фоломеев Б. А. К вопросу о памятниках «дубровничского типа» в бассейне Средней Оки // КСИА. Вып. 141. 1975.
17. Смирнов А. С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
18. Телегин Д. Я. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии // МИА. № 173. 1972.
19. Цветкова И. К. Отчёты за 1960-1964, 1970, 1971 гг. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 2094, 2282, 2517, 2803, 2991, 4219, 4499.
20. Королев А. И. Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре // ТАС. Вып. 3. 1998.
21. Каверзиева Е. Д. Керамика Озерной Мещеры эпохи энеолита-ранней бронзы // Древности Оки. М., 1994. (Тр. ГИМ. Вып. 85).
22. Ситюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
23. Васильев С. Ю. Стратиграфия поселения Векса 1 (участки 1-5) // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
24. Гурина Н. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. № 110. 1963.
25. Попова Т. Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на Средней Оке // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985. (Тр. ГИМ. Вып. 60).
26. Воронин К. В. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. Вып. 3. 1998.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V. V. Sidorov

VOLOSOVO CULTURE IN THE 2ND MILLENIUM BC

Summary

The Volosovo culture unity was spread along the entire wood zone of Eastern Europe. Groups of migrants belonged to relative (the Upper Dnieper River) and non-relative cultures penetrated on its territory from the end of the 3rd millennium BC till the middle of the 2nd millennium BC and settled in various areas. These groups were assimilated by local population, thus the culture of these regions received some special features. Just these mixed groups are taken for Dubrovichi, Shagara and Imerka cultures. Pozdnyakovo culture is the latest there. The elements of invading cultures were spread over all the territory of Volosovo culture, which thus transformed into the culture of the Net Pottery. The cultures of the Rope Pottery as well as others gave to aborigines the skills of production economy, so it caused the change of economical and cultural type of the culture and the ethnographical image of population.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.И. Королёв

ВОЛОСОВСКАЯ КЕРАМИКА СУРСКО-МОКШАНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Последние обобщающие работы (В.П. Третьяков), посвящённые энеолитическим древностям региона, вышли в свет в 1990 году и отразили результаты исследований, проведённых до 1985 года [1-3]. Ряд поселений был известен тогда по результатам разведок (Волгапино, Каргашино I, Лепченское). Другие были изучены небольшими площадями или содержали незначительные серии волосовской керамики (Имерка IA, Имерка V, Новый Усад IV, Подлесное V, Ширингуши, Пензенская стоянка близ озера Ерня). Принадлежность керамики поселения Старая Яксарка к волосовской культуре вызывала сомнения. Как правило, волосовские материалы происходили с многослойных поселений без чёткой стратиграфии (Имерка IA, II, III и др.). Наиболее ценным памятником, содержащим "чистый" волосовский комплекс, связанный с жилищами, стало поселение Имерка IB. Орнаментация керамики изучалась В.П. Третьяковым с помощью статистических методов. На основании результатов сравнительного анализа орнаментации сурско-мокшанской керамики и посуды волосовских поселений сопредельных регионов исследователь пришёл к выделению сурско-мокшанского варианта волосовской культуры.

За истекшее время состояние источников существенно изменилось. Были изучены раскопками поселения Имерка VIII [4], Волгапино [5], Широмазово II [6], Машкино III [7]. Появилась возможность на более основательном материале приступить к решению задачи хронологического определения волосовских памятников региона с учётом данных стратиграфии и C^{14} . Более полноценной стала характеристика волосовской керамики региона, разработанная на основе достаточно представительных коллекций, реконструированных форм сосудов. Поскольку серии волосовской керамики получены, как правило, с многослойных поселений, представлены неравнозначными выборками и отражают различные хронологические позиции памятников, была осуществлена «внутренняя критика» материалов. Это позволило отделить часть керамики поселения Ширингуши и керамику поселения Старая Яксарка от волосовского массива. Вместе с тем при осуществлении сравнительного анализа определилась ограниченность информативности малых выборок керамики поселений Имерка IA, V, Ширингуши. В изучении волосовской керамики региона особое значение приобрело поселение Имерка VIII. Здесь зафиксирована чёткая стратиграфия, связанная с тремя волосовскими строительными горизонтами, и получена самая многочисленная коллекция волосовской посуды. Наиболее полно изучены жилища самого древнего уровня строительства (№№ 3, 4, 7, 8) и два жилища (№№ 1, 2) второго уровня, которые прорезают предыдущие. Керамика, извлечённая с уровня дна жилищных котлованов первого (рис. 1) и второго (рис. 2) строительных горизонтов, имела существенные технико-типологические отличия, которые стали основанием для выделения двух групп: Имерка VIII/1 (ранняя) и Имерка VIII/2 (поздняя). Определения "ранняя" и "поздняя" здесь использованы прежде всего для обозначения их хронологической привязки в рамках поселения. Наиболее позднее жилище № 5, прорезавшее жилище № 2, большей частью осталось за пределами раскопа, и мы не располагаем достаточной керамической коллекцией для её полноценной характеристики. Кроме того, для поселения Имерка VIII были получены даты C^{14} . Таким образом, появились основания для построения периодизации волосовских материалов региона [8]. В качестве существенных признаков, характеризующих керамику, рассматривались примеси в тесте, формы венчиков, днищ, элементы и мотивы орнамента. Задача статистической обработки керамических коллекций и дальнейшего сопоставления полученных результатов потребовала определённой «формализации» выделенных признаков керамики.

На поселениях Имерка IA, IB, II, VIII, Широмазово II, Волгапино, Новый Усад IV, Ерня в составе глиняного теста сосудов зафиксирована примесь раковины различной степени сохранности. На поселении Имерка VIII отмечены сосуды с подбирающимися фрагментами, с обильной раковинной примесью и без неё, но с характерными плоскими полостями, оставшимися после выщелачивания дроблёной ракушки. Эти наблюдения позволяют считать, что применение раковинной примеси было распространённым явлением и визуально определённое её отсутствие не всегда достоверно. Раковинная примесь часто сопровождается добавками пуха и перьев птиц, например, на поселениях Имерка IB, II, III, VIII/2, Волгапино, Новый Усад IV, Широмазово II. Пустоты от выгоревшего пуха и пера обычно хорошо различимы невооружённым глазом. Ряд сосудов раннего комплекса Имерки VIII с примесью раковин не содержит визуально определимых следов птичьего пуха. Возможно, этот компонент на раннем этапе не использовался здесь волосовскими гончарами. Не исключено применение и других добавок органического происхождения. Исследователи предпо-

лагают практику использования птичьего помёта [9, с. 70-72; 10, с. 93-96]. Начавшееся в последнее время изучение под бинокулярным микроскопом состава формовочных масс волосовской керамики Сурско-Мокшанского междуречья подтверждает наличие толчёной раковины, пуха и пера птиц в тесте сосудов. В частности, определены утиные перья [11, с. 66]. Керамика изготавливалась с применением ленточной и лоскутной техники. Отпечатки сетей на внутренней стороне посуды могут свидетельствовать о лепке её на формоснове (рис. 3:4; 4:12). Сосуды имели различные размеры: от миниатюрных до очень крупных – с диаметром венчика более 40 см. Преобладает толщина фрагментов в пределах 0,7 – 1 см, иногда она достигает 2,5 см.

Венчики весьма разнообразны и для статистического анализа распределены на закрытые, прямые, открытые (от котловидных сосудов). Отогнутые наружу венчики условно сгруппированы по степени отгиба на слабоотогнутые (до 30°), среднеотогнутые (30°-60°), сильноотогнутые и Г-образные (60°-90°). Кроме того, выделены Т-образные венчики. Днища включают следующие разновидности: округлые, уплощённые, уплощённо-вогнутые, плоские. Сосудам горшковидных пропорций в большей степени соответствуют уплощённые и плоские днища, котловидным сосудам – округлые, бабкам – округлые, уплощённые, уплощённо-вогнутые, плоские. Эти наблюдения основываются на немногочисленных реконструированных сосудах. На поселении Волгапино был найден небольшой овальный сосуд (рис. 3:14).

Различным образом оформлены верхние края венчиков: приострѐнные, равные по толщине стенкам, утолщённые. Последние в материалах поселений преобладают. Принимая во внимание не всегда равнозначные выборки керамики, отметим, что различные формы венчиков встречаются на поселениях далеко не в равной степени. На поселении Имерка IА венчики прямые и открытые. В керамике Имерки IБ, Имерки II, Имерки V, Волгапино, Широмазово II, Машкино III преобладают прямые, слабо- и среднеотогнутые. В комплексе ранней посуды с поселения Имерка VIII представлены прикрытые, прямые, открытые и нет резко отогнутых наружу венчиков. В керамике других поселений сокращается доля прикрытых, прямых, открытых форм и увеличивается число средне- и сильнопрофилированных. Так, в группе керамики Имерки VIII/2 профилированные венчики, включая слабоотогнутые, составляют 88% от общего числа. На Подлесном V аналогичные формы составили 81,5%. Для посуды поселения Ерия более характерны средне- и сильноотогнутые венчики.

Днища сосудов являются более редкими находками и имеются не во всех коллекциях. Тем не менее, учёт их форм дополняет полученные результаты. На поселении Имерка Б, где представлены все формы венчиков, отмечены округлое, уплощённое и плоское днища. На поселении Имерка III выявлено уплощённое дно. С поселения Широмазово II получено округлое дно. На поселении Машкино III найдены два округлых и одно плоское дно сосудов. С керамикой I группы поселения Имерка VIII связаны 7 округлых, 2 уплощённых, одно уплощённо-вогнутое днища. В материалах Волгапино имеются 3 округлых, уплощённое и плоское днища. Со второй группой волосовской посуды Имерки VIII связаны 3 округлых, 2 уплощённых и 2 плоских дна. На Подлесном V реконструируются 2 округлых и одно уплощённое. На Новом Усаде IV найдены плоское и уплощённое днища сосудов.

Обнаруженная тенденция не является типичной лишь для Сурско-Мокшанского региона. Аналогичная ситуация отслежена в Поочье на Волосовской стоянке, посуда которой характеризуется простыми формами венчиков и округлыми днищами [12, с. 95]; на Верхней Волге – в керамике стоянок Сахтыш II, III. Языково I [13, с. 14]. В материалах Среднего Поволжья на поселениях раннего этапа Удельно-Шумецком VI [14, с. 8], Майданских II, III, IV [15, с. 27-28, с. 34-35; 16] господствуют непрофилированные сосуды с округлыми днищами. Для развитого этапа отмечается частичное сохранение ранних признаков и появление горшковидных сосудов с уплощённым и плоским дном. Эти явления отмечены на Оке и Верхней Волге в материалах стоянок Сахтыш I, II, VII, VIII, Володары [13, с. 14], на Средней Волге в керамике поселений Баркужерского III [17], Руткинского [18] и др. На позднем этапе на Оке и Верхней Волге доминируют горшковидные сосуды с Г- и Т-образными венчиками и плоскими днищами. Эти признаки отмечены в керамике поселений Холломониха, Панфилово, Подборица-Щербининская, Сахтышских I, II, VIII стоянок и др. [13, с. 15]. На Средней Волге – это Ахмыловское II поселение [19], Уржумкинское [20] и др. Таким образом, зафиксированные в Примокшанье и Посурье изменения форм сосудов тесно увязываются с выявленной на сопредельных территориях общей линией развития керамики волосовской культуры и, следовательно, отражают различные хронологические позиции волосовских древностей. Данное предположение было проверено наблюдениями над орнаментацией посуды интересующих нас памятников (рис. 1-4).

Среди элементов узора наиболее употребительны крупные и мелкие ямчатые вдавления – 30-62,5% в керамике разных поселений. Нередко орнамент наносился эпифизами костей птиц и мелких животных, спилом трубчатой кости. Широко представлены вдавления форм, близких прямоугольной (скобковидной), квадратной, треугольной, округлой, овальной, полукруглой (полулуной). Распространены оттиски инструментов с неровной рабочей частью, оставляющих небрежные отпечатки (сломанная щепка); узкие изогнутые серповидные насечки, маленькие глубокие ямки с острым и плоским дном, оттиски гладкого штампа. Крупные вдавления широко представлены на керамике поселения Имерка VIII, особенно его раннего комплекса, не столь многочисленны на керамике других поселений и не встречаются на посуде поселения Новый Усад IV. Видимо, с течением времени они замещаются узкими насечками и мелкими ямками.

Часто применялись зубчатые штампы – 21-57%, которые различаются по форме, размерам, количеству зубцов. В заполнении жилища на поселении Имерка VIII были обнаружены два зубчатых орнамента, сделанных на створках раковин *Unio*. Доля зубчатых штампов, по нашим наблюдениям, от ранних к поздним комплексам постепенно уменьшается, особенно за счёт крупных, при некотором увеличении коротких изогнутых.

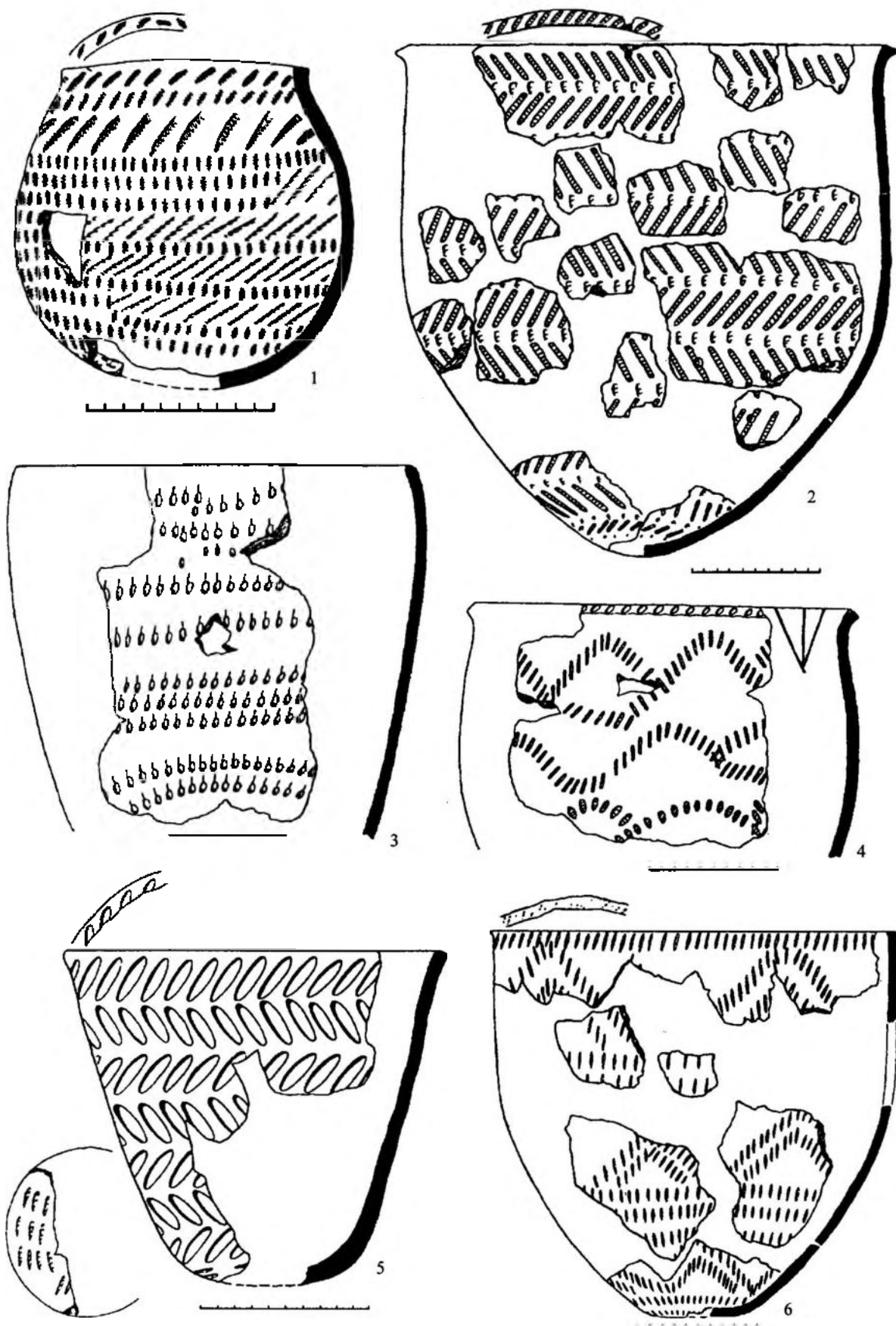

Рис. 1. Поселение Имерка VIII. Керамика из жилищ 3 (1-5) и 4 (6)

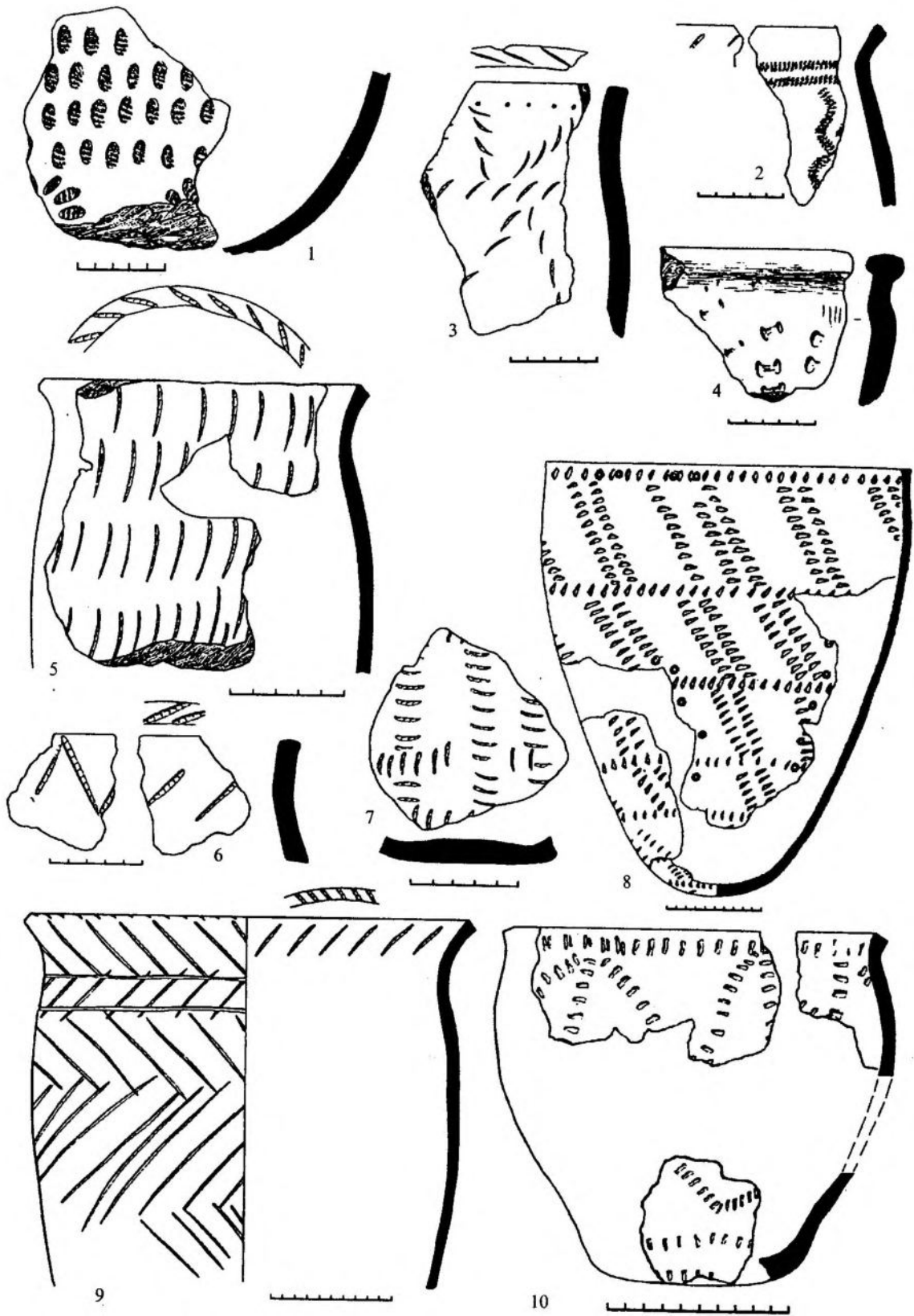

Рис. 2. Поселение Имерка VIII. Керамика из жилищ 1 (1-3) и 2 (4-10)

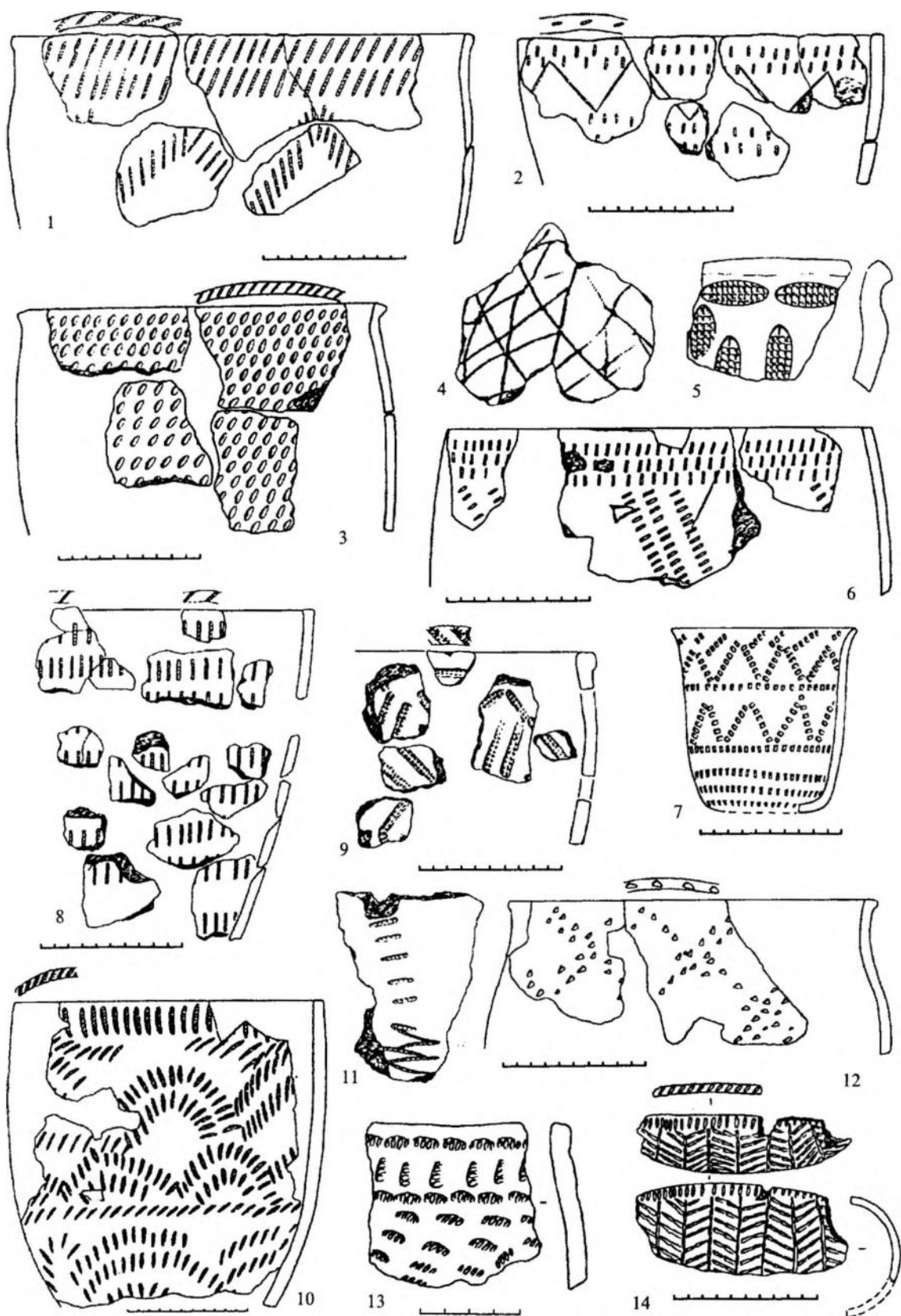

Рис. 3. Волосовская керамика с поселений Имерка III (1-3, 13), Имерка VII (4-5, 10-11), Волгаино (6-7, 14), Имерка IB (8, 9, 12)

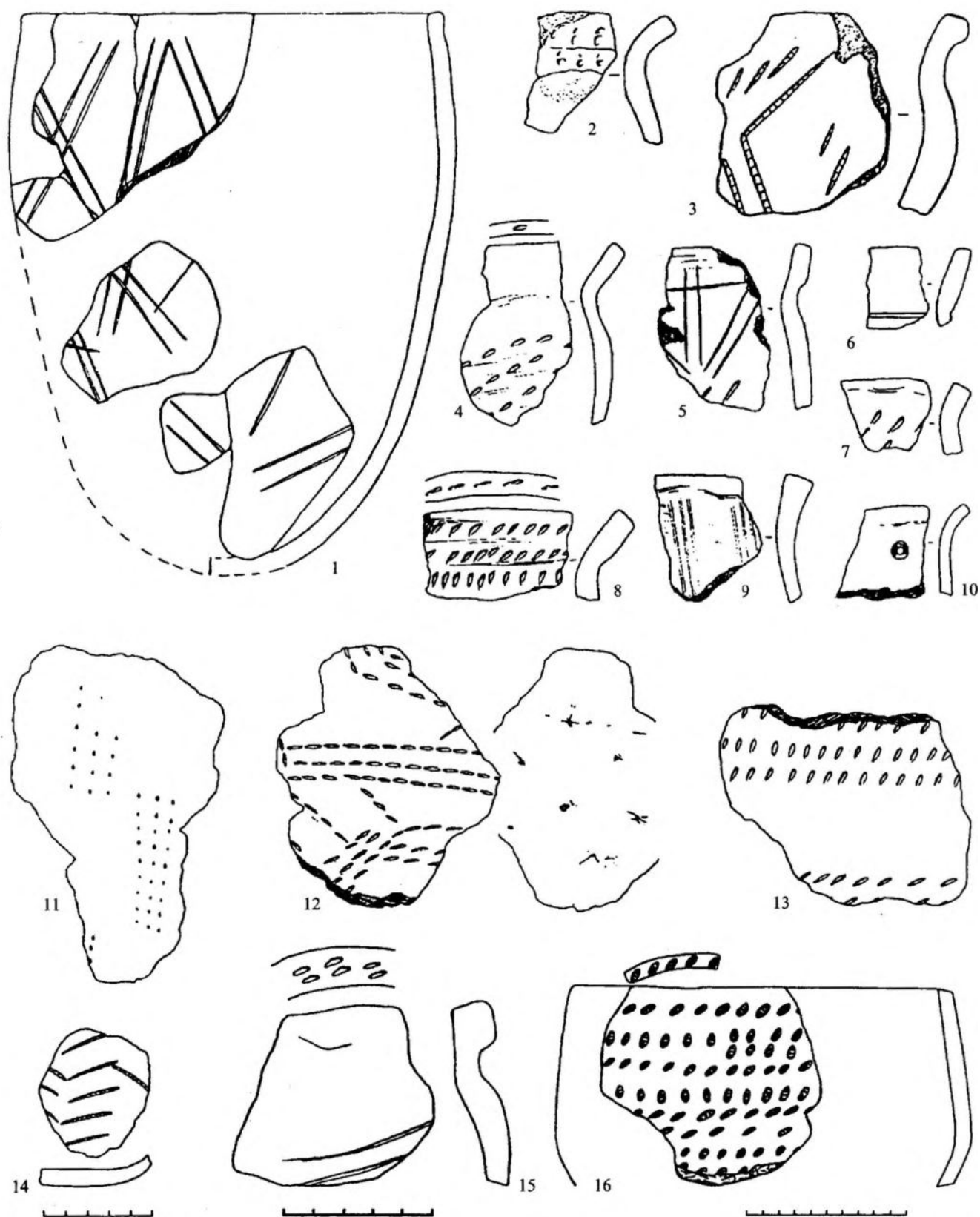

Рис. 4. Волосовская керамика с поселений Подлесное V (1 – по В.В. Ставицкому; 2-3),
 Новый Усад IV (4-14), Имерка VIII (15-16)

К числу распространённых элементов орнамента относятся оттиски верёвки – 5-33%. Они различаются по ширине, длине, плотности плетения, глубине оттисков, сделанных краем сложенной вдвое верёвочки. Второй распространённый приём нанесения подобного орнамента – использование тонкой бечёвки, накрученной на жёсткую основу. Доля верёвочных оттисков в орнаментации керамики разных памятников неодинакова. Ими украшено более одной пятой всей посуды Имерки IБ и VIII/1 и лишь 1,5% керамики Нового Усада IV.

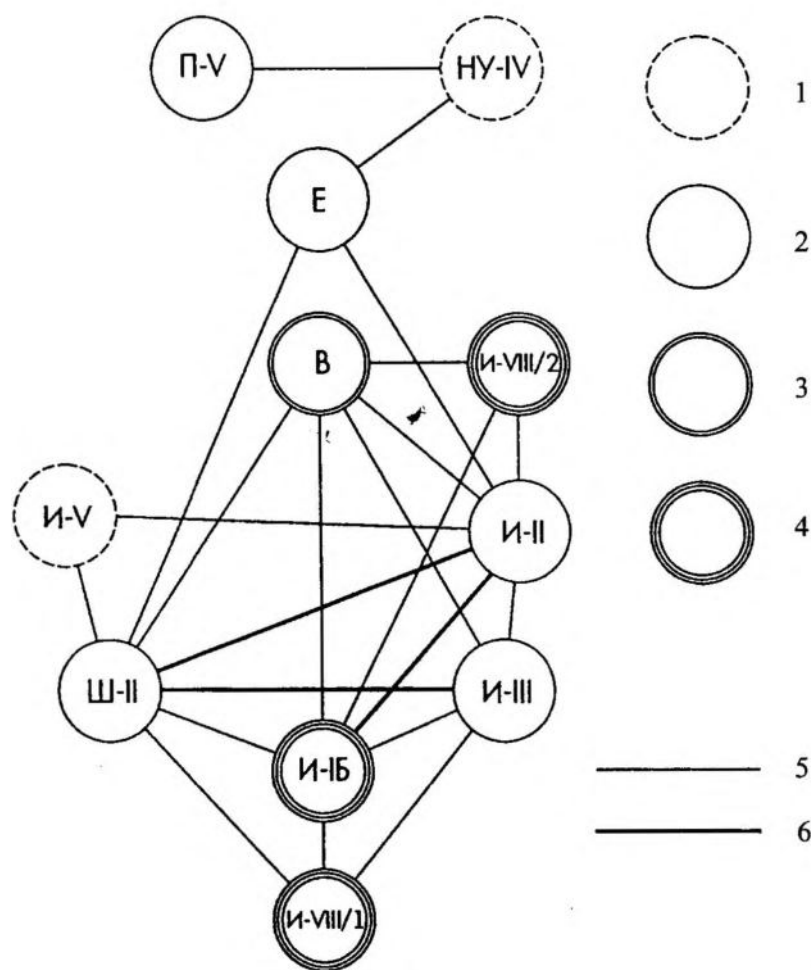
Прочерченный орнамент на волосовской керамике выполнен небрежно и встречается нечасто – 0,5-7,5%, (12,5% на поселении Подлесное V). Нанесённые линии могут быть как очень широкими – до 0,5 см, так и очень узкими. Их число остаётся примерно одинаковым на всём протяжении существования волосовской культуры.

Редкими элементами являются оттиски рамчатых штампов – до 9,8% (15,5% на поселении Имерка V – видимо, результат критически малой выборки керамики). На посуде Нового Усада IV, Подлесного V этот элемент не встречен. Рамчатые штампы чаще представлены некрупными парными оттисками. Отпечатки сложных штампов встречаются единично, что можно считать одним из отличительных признаков волосовской керамики Примокшанья и Посурья (рис. 3:5).

Весьма распространённым является орнамент по срезу венчика – 20,5 - 68%. В силу ограниченного орнаментального поля рисунки здесь самые простые: ряд наклонных оттисков штампа, парезок, ямчатых вдавлений. Часто орнамент по срезу и тулову сосуда выполнялся разными штампами. Довольно распространённой практикой было нанесение рисунка и на внутреннюю поверхность венчика, и даже тулова сосуда – до 33%. Такой орнамент зафиксирован не только на профилированной керамике, но и на прямостенных банках и сосудах закрытых форм. Можно полагать, что основной задачей подобного орнамента было не столько декорирование (в ряде случаев он просто не виден), сколько выполнение другой (сакральной) функции. Такой орнамент представлен рядными мотивами, зигзагами, косыми крестами, прочерченной сеткой. Наиболее интересны рисунки в форме трёхпалого следа (птичьей лапки), выполненные зубчатыми штампами, верёвкой, прочерченными линиями (рис. 1:4).

Количество орнаментальных мотивов, представленных на керамике волосовских поселений, различно. Для Нового Усада IV отмечено 22, Волгапино – 34, Имерки III – 26, Подлесного V – 12, Имерки VIII/1 – 36, Имерки VIII/2 – 42, Имерки IБ – 37, Имерки II – 24, Ерни – 15, Широмазово II – 22, Имерки V – 11. Наибольшим числом представлены узоры на керамике значительных коллекций. Для выявления степени сходства серий керамики Примокшанья и Верхнего Посурья были отобраны повторяющиеся мотивы, украшающие основную массу посуды. Для Имерки VIII/1 отмечено 18 мотивов (93% керамики), Имерки VIII/2 – 22 (93%), Имерки IБ – 16 (95%), Имерки II – 16 (94%), Имерки III – 16 (90%), Волгапино – 18 (98%), Широмазово II – 15 (99%), Новый Усад IV – 14 мотивов (91%). На их основе была составлена таблица, включающая 52 мотива. Чтобы учесть незначительные выборки, к ним были добавлены и единичные узоры керамики Подлесного V, Ерни, Имерки V. Каждая керамическая серия для удобства расчётов была принята за 100%. Наиболее употребительными мотивами оказались горизонтальные разреженные и частые пояски прямо или наклонно нанесённых отпечатков штампа, чередование поясков из наклонных вправо и влево оттисков, диагональные ряды, комбинации горизонтальных и диагональных рядов, горизонтальный зигзаг, диагональные, вертикальные и горизонтальные отпечатки длинных штампов. Довольно распространёнными были и крупная сетка, косые кресты, вертикальные и горизонтальные зигзаги. Редкими являются: «ёлочка со стеблем» в вертикальном и горизонтальном исполнении, паркетный орнамент, заполненные треугольники, многолучевые узоры, лесенка. «Шагающая гребёнка» выявлена на отдельных фрагментах Имерки VIII/2 (рис. 3:11) и Широмазово II. Для определения индекса родства (ИР) была использована формула $C2 = a + d/L$. [21, с. 144], где a – количество признаков, присутствующих в обеих коллекциях, d – количество признаков, одновременно отсутствующих в них, L – общее число альтернативных признаков. Для проверки полученных результатов применялся метод подсчёта процентного содержания мотивов орнамента в сравниваемых парах коллекций [22, с. 59-64]. Наиболее высокое сходство ($ИР \geq 0,60$), выявленное между сравниваемыми парами коллекций при помощи формулы $C2 = a + d/L$, получило подтверждение и в результате проверочной процедуры (сходство $\geq 60\%$). Орнаментация лишь нескольких сравниваемых пар продемонстрировала ИР около 0,50, что свидетельствует о нарушении культурного единства. Связано это прежде всего с керамикой поселений Новый Усад IV и Подлесное V. Вместе с тем, эта пара характеризуется весьма высоким ИР – 0,71. Уточнение культурно-хронологического положения памятников было сделано с привлечением таких параметров керамики, как формы днищ, венчиков, состав элементов орнамента. Последние два признака легко поддаются статистической обработке. Сопоставление элементов орнамента: ямчатого, зубчатого, верёвочного, прочерченного и рамчатого – показало, что их процентное содержание на керамике коллекций неодинаково. Анализируя полученные данные, трудно убедиться, что наибольшее сходство по элементам орнамента показали пары коллекций, объединённые высоким ИР по орнаментальным мотивам. Некоторое снижение степени сходства зафиксировано прежде всего в парах с участием керамики поселений Новый Усад IV и Подлесное V.

Ещё один весомый показатель – венчики – рассчитывался методом сложения процентного содержания общих форм в сравниваемых парах коллекций. Проведённые расчёты позволили выявить определённую закономерность: наибольшее сходство отмечено в формах венчиков сосудов тех коллекций, которые продемонстрировали значительную близость элементов и мотивов орнамента на керамике. В то же время наиболее сильное расхождение по венчикам наблюдается между довольно монолитной группой волосовских ке-

Условные обозначения:

1 – менее 100 фрагментов керамики; 2 – более 100; 3 – более 500; 4 – более 1000 фрагментов керамики;
5 – индекс родственности 0,70-0,80; 6 – индекс родственности 0,80-0,90

Рис. 5. Граф связей волосовских комплексов керамики поселений Примокшанья и Посурья.
П-V – Подлесное V; НУ-IV – Новый Усад IV; Е – Ерня; В – Волгапино; И-IB – Имерка IB;
И-II – Имерка II; И-III – Имерка III; И-V – Имерка V; И-VIII/1 – Имерка VIII (ранний комплекс);
И-VIII/2 – Имерка VIII (поздний комплекс); Ш-II – Широмазово II

рамических серий и коллекциями с Нового Усада IV и Подлесного V. Наиболее низкий ИР при этом зафиксирован между указанными двумя поселениями и серией ранней керамики Имерки VIII. Выявились ещё одно немаловажное обстоятельство. Для волосовских сосудов изучаемого региона оказались нехарактерными открытые венчики, соответствующие котловидной посуде. Незначительным числом представлены и Т-образные. При этом часть таких венчиков форму, близкую Т-образной, получила в результате орнаментации среза венчика. Нельзя считать характерной чертой и Г-образную форму края сосудов. Облик керамики определяют утолщённые прямые, слабо- и среднеотогнутые венчики. Учёт форм днищ ввиду недостаточности исходного материала пока не может быть использован для статистики. Данные, полученные в результате подсчётов ИР по отдельным параметрам, были объединены в пучок признаков, и все керамические серии ещё раз пересчитывались методом сложения процентного содержания всех трёх признаков. В связи с необходимостью определения места каждого памятника среди волосовских древностей региона в графе "мотивы орнамента" были проставлены не результаты подсчёта процентного содержания, а близкие им значения, полученные по формуле $S = a + d/L$. Ноль для удобства расчётов опущен (табл. 1).

Таким образом, в регионе выделяется группа волосовских поселений, обладающая признаками, соответствующими керамике развитого этапа волосовской культуры, объединённая высоким индексом родственности керамического инвентаря: 0,63-0,85 (рис. 5). Эти данные подтверждаются и стратиграфическим расположением поздней группы Имерки VIII и её S^{14} возрастом. Некоторые различия с основным массивом коллекций показывает керамическая группа Имерки VIII/1, которая может быть отнесена к раннему этапу волосовской культуры. Несколько меньшую степень близости с основной группой поселений демонстрирует Ерня. Наиболее отчётливо обособились серии керамики Подлесного V и Нового Усада IV, которые объединяет высокая степень сходства (0,79). Эти памятники, видимо, занимают наиболее позднюю позицию

Таблица 1. Расчёт индекса родственности (ИР) для волосовской керамики Примокшанья и Посурья

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Имерка IB											
2. Имерка II	69 88,5 89,2 82,2		ИР, рассчитанный по мотивам орнамента ИР, рассчитанный по элементам орнамента ИР, рассчитанный по формам венчиков ИР, рассчитанный по пучку признаков								
3. Имерка III	73 82 73 76	78 74,5 78,3 76,9									
4. Имерка V	55 65 79,4 66,4	71 57,5 83,4 70,6	65 79,5 82,4 75,6								
5. Имерка VIII/1	67 87 58,8 70,9	65 75,5 71,7 70,7	71 68 71,7 70,2	55 64,5 59,5 59,6							
6. Имерка VIII/2	71 76,5 68,1 71,8	59 84 71,3 71,4	69 68 71,3 69,4	50 51 83 61,3	73 66,5 51,6 63,7						
7. Волгапино	69 73 78,9 73,6	59 80,5 83,9 74,4	69 65 86,5 73,5	53 48 75,5 58,8	51 63 77,5 63,8	55 96,5 66,5 72,6					
8. Широмазово II	65 84,8 79,3 76,3	80 92 85 85,6	78 75,8 86,4 80	75 57,6 85,9 72,8	65 75,1 72 70,7	65 77,1 67,2 69,7	65 73,6 85,9 75,5				
9. Новый Усад IV	55 75,5 32,1 54,2	61 76 35,3 57,4	63 60,5 39,3 54,2	53 44 52 49,6	50 79 26,2 51,7	44 68 64 58,6	55 67,5 30,5 51	53 75,8 33,6 54,1			
10. Еря	67 74 68,6 69,8	67 74 76,1 72,3	73 58,5 69,3 66,9	69 47,5 82 66,1	59 83 48,5 63,5	57 67,5 81 68,5	69 67,5 68,5 68,3	78 73,8 67,5 73,1	71 75 50 65,3		
11. Подлесное V	57 81,5 33,8 57,4	65 89 37 63,6	69 66 41 58,6	71 49 53,7 57,9	33 71,5 29 44,5	46 86,5 61 64,5	48 86,5 32,2 55,5	73 82,1 35,3 63,4	71 75 90,4 78,8	71 75 50 65,3	

среди волосовских древностей региона. Наиболее сбалансированные результаты получены с привлечением именно крупных коллекций керамики, которые и должны считаться опорными при осуществлении подобных процедур. Думается, что высокая степень сходства большинства коллекций объясняется не только культурным единством, но и близким по времени функционированием соответствующих поселений, и, следовательно, является основанием для их синхронизации. Таким образом, сопоставление керамических коллекций позволило проследить основную линию развития волосовской керамики региона и наметить этапы этого процесса. Представленные выводы не могут считаться окончательными. Они отражают современное состояние источников и по мере их накопления, несомненно, будут корректироваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяков В.П. Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши // СА. 1990. № 4.
2. Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III - II тысячелетиях до н.э. Л., 1990.
3. Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.
4. Королева А.И. Многослойное поселение Имерка VIII на р. Вад // Историко-археологические изыскания. Вып. 1. Самара, 1996.
5. Королева А.И., Ставицкий В.В. Поселение Волгаино на реке Мокше // Исторические исследования. Вып. 2. Самара, 1998.
6. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Широмазово II на Нижней Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
7. Ставицкий В.В. Машкино III - поселение эпохи неолита - энеолита на Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
8. Королева А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
9. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
10. Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
11. Петряшова Д.В., Павлов С.И. К вопросу о примеси птичьего помета в древней керамике Примокшанья // Историко-археологические изыскания. Вып. 4. Самара, 2001.
12. Цветкова И.К. Волосовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Тр. ГИМ. Вып. 68).
13. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
14. Никитин В.В. Материалы к изучению волосовской культуры Среднего Поволжья // Древности Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. (АЭМК. Вып. 17).
15. Архипов Г.А., Никитин В.В. Майданские II и III поселения волосовской культуры // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола, 1987. (АЭМК. Вып. 12).
16. Архипов Г.А., Никитин В.В. Майданское IV поселение // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. (АЭМК. Вып. 8).
17. Никитин В.В. Баркужерское III поселение // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола, 1982. (АЭМК. Вып. 6).
18. Архипов Г.А., Никитин В.В. Руткинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3).
19. Никитин В.В. Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (АЭМК. Вып. 2).
20. Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (АЭМК. Вып. 3).
21. Федорова-Давыдова Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.
22. Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических памятников по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

*Самарский государственный педагогический университет,
Самара*

A.I. Koroljev

THE POTTERY OF VOLOSOVO CULTURE OF THE MOKSHA AND THE SURRA RIVERS' WATERSHED

Summary

The article deals with specific features of Volosovo culture pottery found on the sites situated in the region between the Sura and the Moksha Rivers. The data of the basic sources is given here. A number of ceramics collections were used to make statistic analysis. Morphology of vessels, some elements and compositions of ornaments were analyzed as well. According to the results of the comparative analysis we can conclude that the change in vessels' shape is evidently connected with their ornamentation. This conclusion is supported with stratigraphic and radiocarbon dates of Imerka VIII settlement. The revealed tendency in development of Volosovo culture pottery corresponds with the data concerning the evolution of Volosovo antiquities of neighbouring territories. The bulk of Volosovo culture settlements corresponds to a developed stage of it. The settlement Imerka VIII refers to the early stage of the culture. The complex of monuments Novy Usad IV and Podlesnoje V can be dated to a later stage.

*Samara State Pedagogical University
47, L. Tolstoy St., Samara,
443010, Russia*

А.В. Уткин, Е.Л. Костылёва

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ "СВЯТИЛИЩА" ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ЛЕСАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Одной из самых ярких и хорошо изученных археологических культур центра Русской равнины является волосовская. В настоящее время большинство исследователей относят её к лесному энеолиту [1]. Основу экономики волосовцев составляло высокоэффективное присваивающее хозяйство – охота, рыболовство и собирательство, т.е. вся их материальная культура отражала дальнейшее развитие хозяйственного уклада, сложившегося в предшествующую неолитическую эпоху.

Наоборот, духовная культура волосовцев качественно отличалась от духовной культуры неолитического населения. В культурных слоях волосовских поселений найдены самые древние для лесной зоны Восточной Европы духовые музыкальные инструменты – флейты – и игральные фишки; последние по внешнему виду напоминают современные шашки. Только для волосовской и синхронных ей культур с пористой керамикой характерны миниатюрные кремнёвые скульптуры, изображающие человека, человека-медведя, животных, птиц и т.д., которые мы рассматриваем как каменные иллюстрации к тотемическим мифам [2].

Наиболее полно вся сложность и многогранность духовной культуры волосовцев отразилась в погребальном обряде. Он, судя по многолетним исследованиям Сахтышских и других могильников, включал в себя как собственно захоронение трупа, так и связанную с этим актом целую систему действий ритуального характера, материально засвидетельствованных в остатках кострищ и "кладов" сломанных орудий близ могил, в разбросанных вещах и костях животных на особых поминальных площадках и в своеобразных "святилищах" [3].

Последние исследованы Д.А. Крайновым и авторами данной статьи на трёх Сахтышских памятниках (Тейковский район Ивановской области) [4]. Первое "святилище" обнаружено на стоянке Сахтыш VIII в 1977 году. Это была слегка углублённая в землю постройка прямоугольной формы площадью не менее 45-50 кв. м. Внутри её, по центру находилась овальная яма длиной около 3 м, шириной 1,2 м и глубиной 1 м, вытянутая с запада-северо-запада на восток-юго-восток. В древности яма была перекрыта деревянным настилом, на котором к моменту его обрушения располагались кучка жжёных птичьих костей и остатки сильно истлевшего черепа медведя. На дне ямы в специальном углублении лежало скопление мелких отщепов и чешуек из жёлтого кремня. Аналогичный "клад" прослежен и у края ямы в пределах постройки.

Второе "святилище" раскопано в 1979 г. на стоянке Сахтыш II [5-6]. Его, в целом, можно реконструировать следующим образом. Наземная часть представляла собой углублённую в грунт на полметра узкую прямоугольную постройку типа шалаша, сгоревшую в древности, а подземная – глубокую (до 1 м) яму, ориентированную по длинной оси с юго-востока на северо-запад и перекрытую деревянным настилом (рис. 1). Максимальная длина ямы равнялась 3,55 м, ширина – не более 1,15 м. На дне, на специальной подушке из песка и глины располагалась своеобразная деревянная конструкция из плоских реек, скреплённых лучиной. Длина конструкции составляла около 2 м, ширина – 0,5 м¹. У северо-восточного края ямы на уровне древней дневной поверхности обнаружено овальное пятно охры, в котором расчищен раздавленный волосовский сосуд с органической примесью. В нём лежали обломок скульптурной модели фаллоса из рога и нож из лопатки лося. Рядом с сосудом в основании охристого пятна находились часть скелета бобра и "клад" орудий. Кроме того, недалеко от ямы найдена антропоморфная кремнёвая фигурка.

Третье "святилище" исследовано в 1990 г. на стоянке Сахтыш ПА [7]. Оно так же, как и два предыдущих, состояло из двух частей. Наземная постройка, как нам представлялось по первым впечатлениям, имитировала обычное прямоугольное волосовское жилище столбовой конструкции с двускатной крышей. Однако детальное изучение полевой документации дало неожиданные результаты. Строение, оказывается, имело в плане правильный пятиугольник со стороной 5 м и выходом на восток в вершине. Его площадь не превышала 45-50 кв. м (рис. 2). Внутри постройки располагалась яма, углублённая в материк на 0,8 м и ориентированная по длинной оси с юго-юго-запада на северо-северо-восток. На глубине 50 см от современной поверхности её контуры были подовальными, а размеры составляли 1,8×1,4 м. С отметки 0,95 м яма приобрела почти правильные прямоугольные очертания (1,7×0,4 м), прослеживавшиеся до самого дна. В углах ямы

¹ Не исключено, что эта конструкция, названная Д.А. Крайновым [6] "гробовищем", всего лишь остатки рухнувших в яму продольных брёвен настила, которые под воздействием колебания грунтовых вод расслоились в лучину.

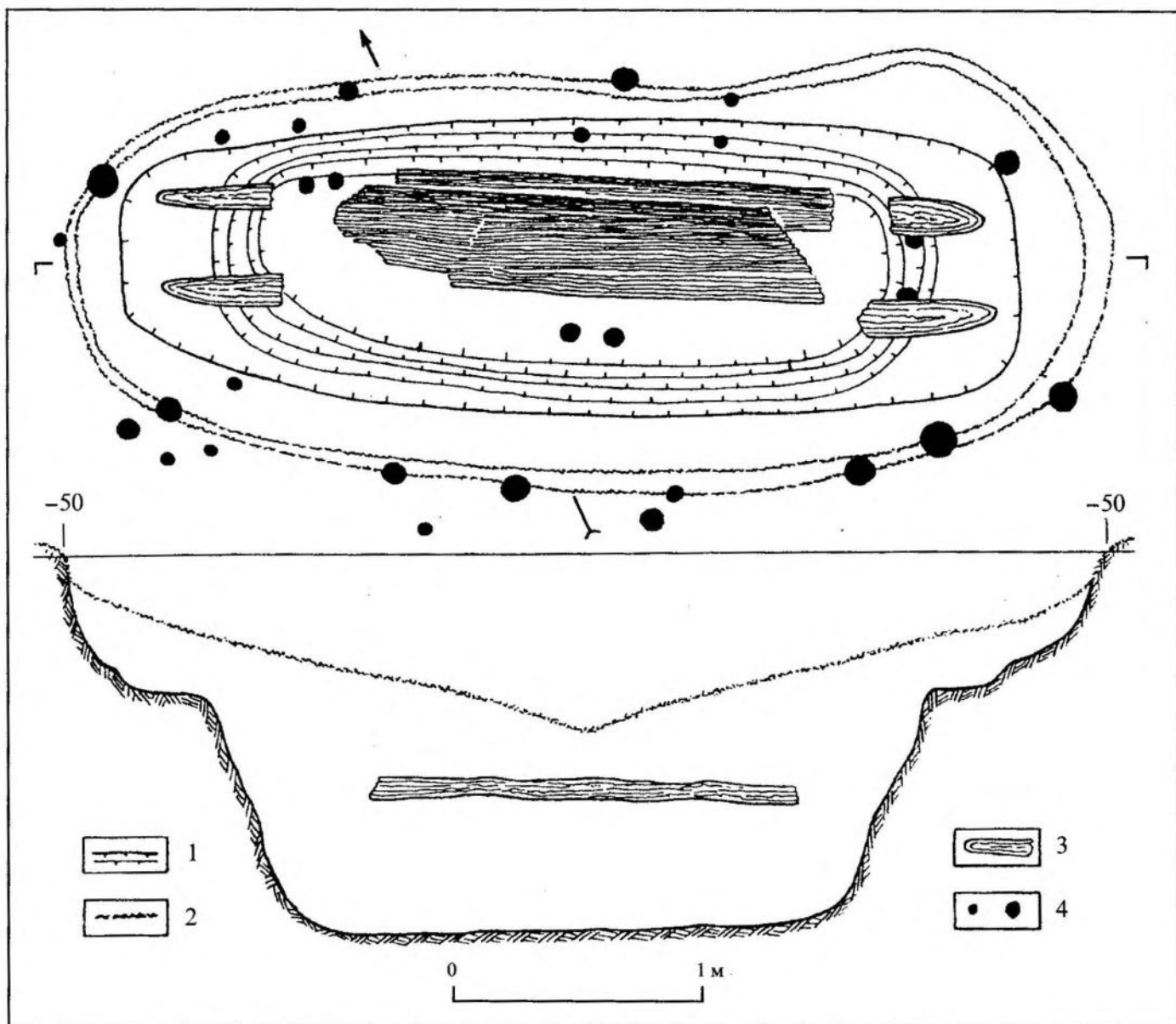

Рис. 1. Стоянка Сахтыш II. План "святилища".
1 – границы ямы; 2 – границы кострища; 3 – остатки древесины; 4 – столбовые ямки

сохранились чёткие пятна двух пар мощных столбов, нижние концы которых были заострены. Остатки ещё двух аналогичных, но меньшего диаметра столбов отмечены и внутри ямы. Все эти столбы, по-видимому, являлись деталями конструкции внутреннего крепления стен ямы и, возможно, её перекрытия. В центральной части ямы, в её заполнении расчищено небольшое компактное скопление костей медведя, лося, бобра и куницы. Под ними находился неполный развал воловского сосуда с густым гребенчатым орнаментом и с примесью дровя в тесте. И кости и сосуд первоначально располагались на перекрытии ямы. Под развалом сосуда обнаружена уникальная находка – маска. Она изготовлена из цельного куска рога лося и представляет собой неполное изображение лица взрослого человека в натуральную величину. На её внешней поверхности тщательно проработаны основные детали анатомии лица – лобные бугры, брови и объёмные очертания носа. Внутренняя поверхность маски обработана более грубо, но этого оказалось достаточно, чтобы её можно было безболезненно надевать на лицо. Маска крепилась на голове простыми шнурами, которые продевались в четыре просверленных по краям налобника отверстия и завязывались на затылке [8-9]. Непосредственно под маской находились куски углей и древесный тлеп, – очевидно, остатки подноса или коробка для её хранения, а возможно, это были остатки шаманского бубна, обшитого по периметру створками раковин *Unio*, обломки которых встречены здесь в большом количестве.

Четвёртое "святилище" обнаружено также на стоянке Сахтыш ПА, но в 1991 г. [7]. От него сохранилась только яма глубиной около 1 м (рис. 3). Каких-либо чётких следов наземной постройки над ней не прослежено, но о её существовании в древности косвенно свидетельствует крупный валун, специально положен-

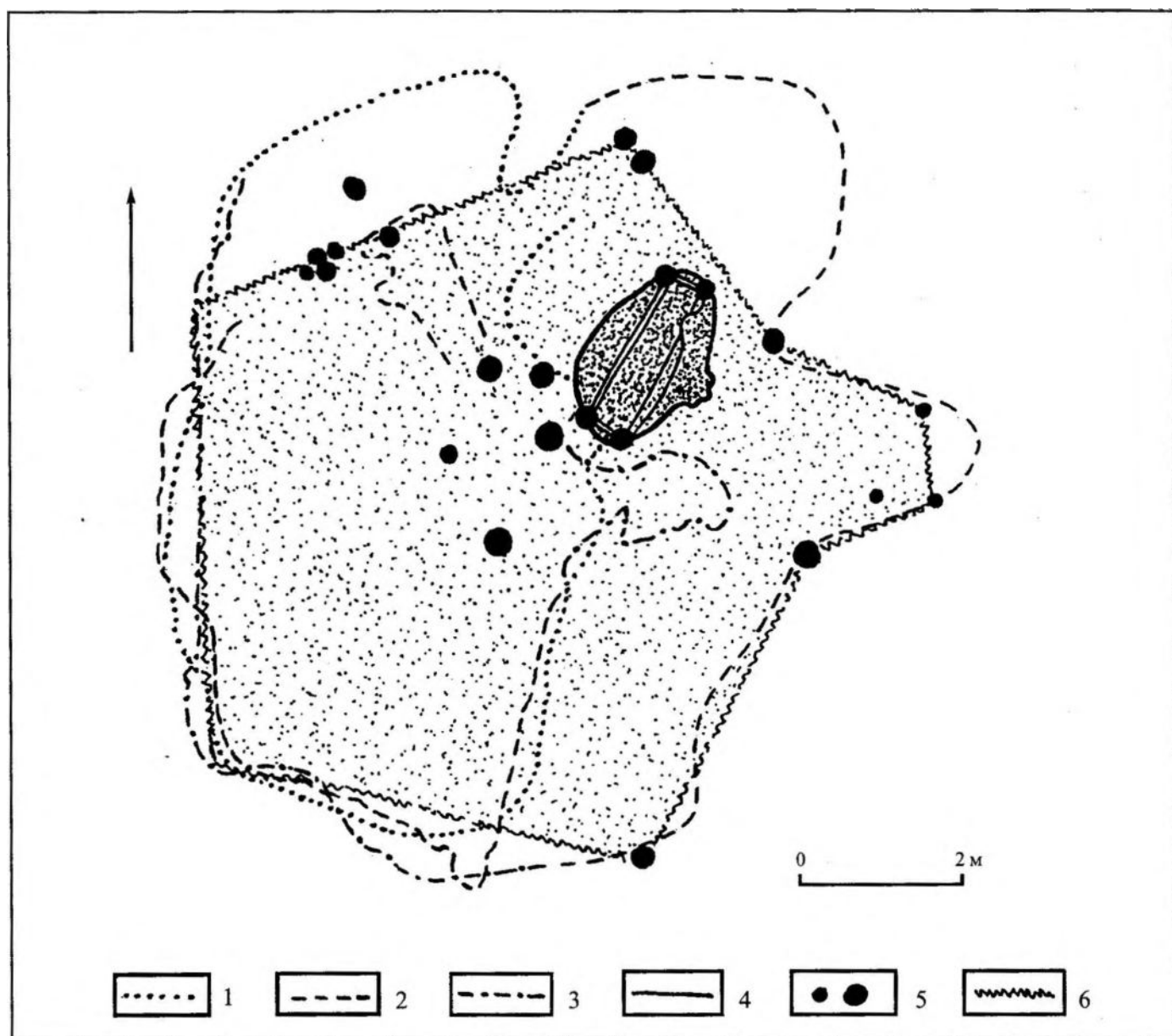

Рис. 2. Стоянка Сахтыш ПА. План первого "святилища".

- 1 – границы пятна наземной постройки на глубине 20-30 см; 2 – то же на глубине 30-40 см;
 3 – то же на глубине 40-50 см; 4 – границы ямы на глубине 50-60 см; 5 – столбовые ямки;
 6 – предполагаемые границы наземной постройки в плане

ный у южного края ямы в качестве крепёжной подпорки. Яма имела почти квадратную в плане форму (1,75×1,48 м), с юго-западной стороны к ней примыкал коридорообразный вход с полого спускающимся полом длиной 0,9 м и шириной 0,5-0,65 м. По углам ямы и на торце входа обнаружены остатки вертикальных столбов, на которых, очевидно, держалось крепление стенок ямы и её перекрытие. Находки, которые предположительно можно связать с ритуальным использованием ямы, представлены крупными обломками сводов двух черепов – взрослого человека и ребёнка, а также скульптурной подвеской из кости в виде головки птицы. К ним следует отнести и антропоморфную кремнёвую фигурку, обнаруженную поблизости от края ямы.

Вне Сахтышских поселений "святилища" известны нам ещё на двух памятниках. Одно из них раскопано И.К. Цветковой на стоянке Володары в 1946 г. (Дзержинский район Нижегородской области) [10]. От него сохранилась только яма. Она имела подпрямоугольную форму размерами 260×70-80 см, глубина составляла 1,1 м от современной поверхности. По длинной оси яма была ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. На дне её компактными кучками лежали кремнёвые отщепы и осколки, множество чешуек, сработанные нуклеусы и орудия.

Первоначально яма была определена И.К. Цветковой как производственный объект по изготовлению кремнёвых орудий. Позднее эту трактовку исследовательница поставила под сомнение, но какой-либо но-

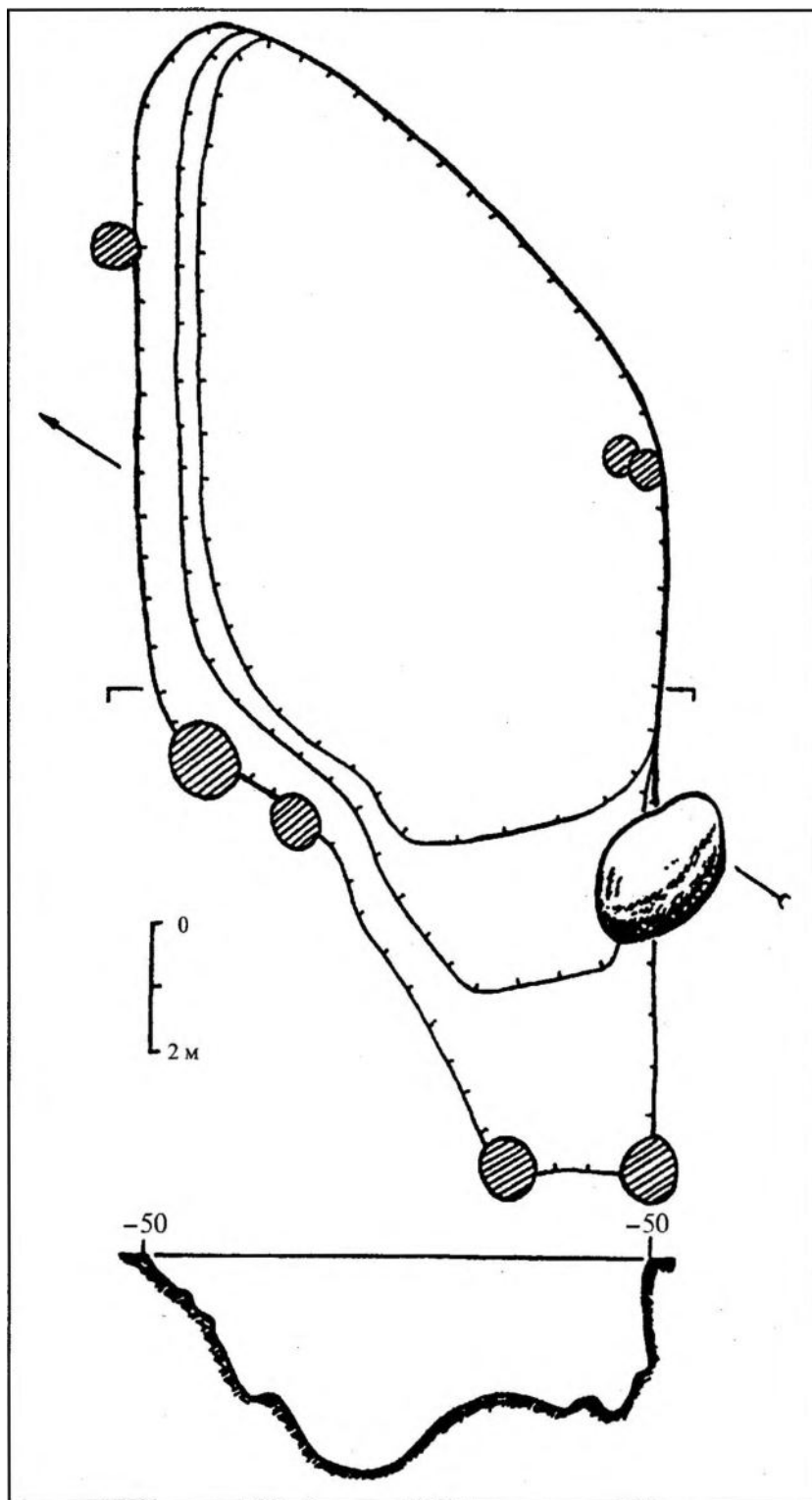

Рис. 3. Стоянка Сахтыш ПА. План второго "святилища"

Размеры её составляли $2,1 \times 1$ м, глубина равнялась 0,5 м от уровня материка. По длинной оси она была ориентирована с юго-юго-востока на северо-северо-запад, её края по периметру были обложены мелкими камнями. Заполнение состояло из рыхлой тёмной земли, в которой встречены разрозненные мелкие кости животных, рыбы позвонки и кремнёвый нож.

Неординарность этой ямы и её планиграфическое расположение возле основной массы могил позволили Ф. Загорскому прийти к совершенно правильному заключению: она не являлась обычным бытовым очагом, заглублённым в грунт, а была связана с погребальным обрядом. Однако каких-либо версий по конкретному использованию ямы в этом качестве автор раскопок не рискнул предложить, т.к. информация, полученная о ней археологически, оказалась крайне скудной.

вой вразумительной интерпретации функционального назначения ямы не дала, отметив лишь сходство находок из ямы с вещами из кладов.

Действительно, узость ямы и глубина (приблизительно 60-70 см от дневной волосовской поверхности) не позволяют видеть в ней мастерскую. Наоборот, прямые аналогии её "святилищным" ямам Сахтышских поселений свидетельствуют, что володарская яма также имела ритуальное назначение и представляла собой подземную часть погребального "святилища". Остатки перекрытия и наземной части, к сожалению, не сохранились (или, скорее всего, не были прослежены в процессе раскопок). Сейчас можно лишь предполагать, что постройка была простой шалашеобразной формы. Это предположение в определённой мере подтверждается расположением ямы на близком расстоянии от синхронных ей могил, которые невозможно было бы выкопать, если бы строение имело форму и размеры волосовского жилища.

Вторым памятником, где с определённой долей уверенности можно говорить о существовавшем "святилище", является стоянка Кончанское IV с могильником (Новгородская область). Здесь в 1970-е гг. М.П. Зиминной исследованы остатки небольшого строения, принятого ею за жилище [11]. Строение прослеживалось по слабому пятну тёмно-серого песка овальной формы ($4,5 \times 2,1$ м), вытянутому с запада на восток. Внутри него обнаружена линза чёрного песка размерами $1,6 \times 1,2$ м и мощностью 25-30 см. По нашему мнению, линза являлась не очагом, как предполагала М.П. Зимина, а сгоревшим перекрытием-настилом "святилищной" ямы, истинная глубина которой в силу сильно опесчаненного грунта не была установлена. Наземная же часть кончанского "святилища", предположительно, может быть восстановлена в виде шалаша, о чём как будто бы свидетельствуют размеры "жилищного" пятна и отсутствие каких-либо следов столбовой конструкции.

Наконец, в качестве "святилища" мы интерпретируем яму № I, раскопанную Ф. Загорским на стоянке и могильнике Крейчи (Латвия) в 1956 г. [12]. Яма в плане имела правильную овальную форму.

Если внимательно проанализировать её характерные особенности, то в основном они совпадают с характеристиками ям волосовских “святилищ”: приблизительно одинаковые размеры, наличие в заполнении костей жертвенных (?) животных, сходство ориентировки с близлежащими погребениями и т.д. Есть между ними и различия, но они фиксируют всего лишь местные особенности. Так, крейчинская яма по периметру была обложена камнями, и рядом с ней находилась вторая яма, меньшая в диаметре, которую Ф. Загорский также связывал с отправлением погребального обряда. Скорее всего она представляла собой остатки ритуального костра, который периодически разводили в специально выкопанном углублении. Подобные костры горели и на волосовских могильниках, но, как правило, они были “одноразовыми” и разжигались непосредственно возле могил.

Отсутствие следов наземной постройки над ямой № I и её перекрытия мы склонны объяснять тем, что они в недавнем прошлом были уничтожены распашкой холма, о которой упоминает Ф. Загорский при описании стратиграфии могильника. Если же принять во внимание достаточно близкое соседство ямы и могил, то наземное сооружение над ней следует реконструировать как шалашевидное.

Другими словами, мы склонны признать, что крейчинская яма № I – это остатки погребального “святилища”, которое являлось структурной частью поздненеолитического могильника. Этот частный вывод как нельзя лучше свидетельствует о синхронности и об общих закономерностях в формировании и функционировании Крейчинского и ряда волосовских некрополей кон. III – I-й четв. II тыс. до н.э., относящихся к единой культурно-исторической общности охотников-собирателей лесной зоны Восточной Европы с пористой керамикой.

Из всех рассмотренных “святилищ” радиоуглеродным методом датированы только два – на Сахтыше ПА. Первое функционировало в ранневолосовское время: угли, взятые непосредственно из-под маски, имели возраст 4790 ± 180 л.н. (ГИН-6556), а из заполнения ямы, т.е. когда она была уже заброшена, – 4430 ± 250 л.н. (ГИН-6555). Второе “святилище”, судя по углю со дна ямы, было сооружено в конце развитого периода – 4240 ± 160 л.н. (ГИН-6787)². “Святилище” на Сахтыше VIII синхронно ранним волосовским погребениям с янтарём, о чём убедительно свидетельствует его стратиграфия и, особенно, планиграфия. Наконец, поздневолосовским временем следует датировать “святилищные” ямы Сахтыша II, Володар и, возможно, Кончацкого IV.

Таким образом, все известные на сегодняшний день “святилища” имеют достаточно однообразную конструкцию: наземная постройка с ямой внутри, перекрытой деревянным накатом. Хронологически они четко распадаются на два типа. Наземная часть ранних имела вид капитального строения, а у поздних она была шалашевидной.

“Святилища” располагались непосредственно на территории волосовских кладбищ и составляли с ними единое целое. Какие-либо признаки или даже слабые намёки на использование их в хозяйственных целях отсутствуют полностью, что доказывает их ритуальное назначение. Скорее всего они были связаны с культом предков и с проведением каких-то погребальных ритуалов, а сами ямы могли имитировать могилы предков. Обобщённый образ одного из таких предков, по нашему мнению, олицетворяла роговая маска.

² Авторы выражают искреннюю благодарность Л.Д. Сулержицкому (Геологический институт РАН) за выполненные радиоуглеродные анализы образцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
2. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. Вып. 2. 1996.
3. Крайнов Д.А. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М., 1988.
4. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские погребальные “святилища” Сахтышских стоянок // Каменный век Европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Тез. докладов международной конференции. Сергиев Посад, 1997.
5. Крайнов Д.А. Ритуальный памятник Сахтышских стоянок // Природа. 1980. № 8.
6. Крайнов Д.А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
7. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш ПА // Археологические Вести. Вып. 2. СПб., 1993.
8. Крайнов Д.А. Уникальная маска из рога лося // Природа. 1994. № 8.
9. Kostyleva E., Outkin A., Ramsever D. Fiche masque sur bois d'élan // Objets méconnus: Industrie de l'os préhistorique. Paris: Société Préhistorique Française, 2001. Cahier IX.
10. Цветкова И.К. Стоянка Володары: По материалам раскопок 1946 года // КСИИМК. Вып. XX. 1948.
11. Зимица М.П. Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981.
12. Zagorskis F. Kreice neolita kapulauksis // Arheologija un Etnografija. Riga, 1961. № 3.

*Научно-производственный центр по охране
памятников истории и культуры
Управления по культуре и искусству
администрации Ивановской области*

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

A.V. Utkin, E.L. Kostyleva

**FUNERAL “SANCTUARIES” OF THE AENEOLITHIC
IN THE FORESTS OF EASTERN EUROPE**

Summary

Spiritual culture of the Aeneolithic of the Central Russia is studied well enough. It is most fully reflected in the burial rites of Volosovo population. They included both the body proper, and the whole system of rituals connected with it, which is materially testified in the remains of hearths and “stores” of implements located next to burials, and in special burial feast areas, as well as characteristic “sanctuaries”. The latter are investigated in detail by D.A. Krainov at three sites – Sakhtysh II, IIA and VIII in Ivanovo Region.

All of them are of a similar construction (a surface with a deep pit inside, covered with a wooden lid) situated immediately within the area of Volosovo cemeteries, making one entity with them. Most probably, these “sanctuaries” were connected with ancestors’ cult and were meant for some rites at the moment of a burial proper, while the pits imitated ancestors’ graves. In our opinion, a generalized image of such ancestors is personified in an antler found in a pit of the first “sanctuary” at Sakhtysh IIA site.

*The Scientific and Industrial Centre
for Protection of Monuments of History and Culture
of the Department of Culture and Arts
of Administration of Ivanovo Region*

*The State University of Ivanovo
126, 6, Zharov St., Ivanovo,
153000, Russia*

В.В. Сидоров

ВОЛОСОВСКИЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЙ МАСЛОВА БОЛОТА

Ограничения в выбор вариантов конструкций жилища вносят само его назначение – защита от осадков и сохранение тепла, а также технические возможности строителей. В археологическом материале содержатся источники, позволяющие в общих чертах восстановить некоторые элементы конструкций жилищ. К таким источникам относятся: след пола – пятно культурного слоя, которое бывает чётким в случае ограниченности стенками котлована, сама форма котлована, разрезы, показывающие структуру заполнения котлована, столбовые ямы, следы обвязки стен. Дополнительная информация касается деления внутреннего пространства, конструкции и положения очагов, хозяйственных ям, уступов нар, ниш, входа. Жилище должно рассматриваться вместе с комплексом хозяйственных ям, очагов вне его. Существенно также положение жилища на поселении, ориентировка относительно берега, солнца, других домов. Менее всего данных о вертикальном сечении постройки, мало – об использованных строительных материалах, а ведь именно материалы определяют конструктивные особенности жилища.

Большая часть источников описывает зимнее жилище, данные о летних крайне скудны. Сезонность определяется по наличию котлована, по связи с берегом, по характеру слоя вне дома, по фаунистическим остаткам, а также некоторым категориям орудий – вряд ли на летнем поселении окажутся пещни. Наличие очага в доме не доказывает ещё его зимнего назначения.

К материалам относятся также грунт котлована: как материковый, так и перемещенный – отвал. Важны сыпучесть грунта, его влажность, уровень грунтовых вод, что при расположении на низких берегах очень сказывается, но не предопределяет конструкцию дома.

Далее – несущие конструкции – столбы. Важны вид древесины, размеры, наличие коры, способы установки и замены конструктивных элементов. Данные о высоте столбов могут быть получены лишь в модели, как графической, так и экспериментальной. Конструкция должна отвечать нескольким условиям. Для отвода воды пространство перекрытия должно охватывать не только котлован целиком, но и внутренний откос отвала, перекрытое пространство оказывается значительно больше площади котлована: при площади в 50 кв. м и глубине котлована в 0,5 м необходимо перекрывать около 80 кв. м. Она должна быть достаточно жёсткой, иначе покрытие не будет держаться. Она должна выдерживать существенную нагрузку: порывы ветра, но ещё более – тяжесть снега, которая составит при такой площади около 12 т. Это задаёт ограничения угла наклона, а значит – существует минимум допустимой высоты при заданной ширине. Максимум определяется допустимой толщиной несущих опор и рациональными соображениями в отношении отопления. Увеличение высоты перекрытия уменьшает задымлённость, но ведёт к большой потере тепла и уменьшает устойчивость и жёсткость конструкции. Затем необходимо определить материал стен и кровли, исходя из возможностей первобытной техники, способы крепления каркаса, стен, крыши, изредка – по их реальным остаткам.

Волосовских жилищ, а также жилищ родственных и синхронных культур известно уже сотни [1]. Получаемая при их исследовании информация ограничена и редко содержит данные, пригодные для реконструкции, а ряд описываемых при этом деталей технически невыполним или нерационален. И.К. Цветковой [2] по материалам раскопок котлованов землянок стоянки Володары выполнена их реконструкция. При этом она игнорирует длительность существования построек, следы многочисленных ремонтов. Реконструкции основываются на интерпретации ям как остатков столбов. Большинство ям имеет диаметр 25-35 см. И.К. Цветкова исходила из близкого соответствия диаметров столбов и ям, получив при этом мощное капитальное сооружение. Но диаметры ям, как оказалось, имеют мало общего с реальным диаметром столбов. Полосы у основания стенок котлована истолковываются как след сруба, опущенного в котлован. Но сруб – это весьма сложное сооружение, требующее достаточно толстых и прямых брёвен. Бывали ли срубы в неолите? Доказательств этому нет. К тому же сруб, помещённый в котлован, – крайне нерациональное сооружение: происходит напрасная потеря строительных материалов и не обеспечивается защита от осадков – котлован будет заливаться дождевыми и тальными водами, стекающими по внутреннему скосу отвала. Крыша в таком случае должна перекрывать этот скос.

На Масловом болоте (далее МБ) в Ногинском районе в 1972-1983 гг. мной исследована группа стоянок разных стадий неолита. Волосовские слои выявлены на стоянках МБ 1,2,4,6,8, 22. Поселения 1,22 были разрушены карьером, МБ 6 представляло собой кратковременную стоянку, МБ 4 располагалось на низком

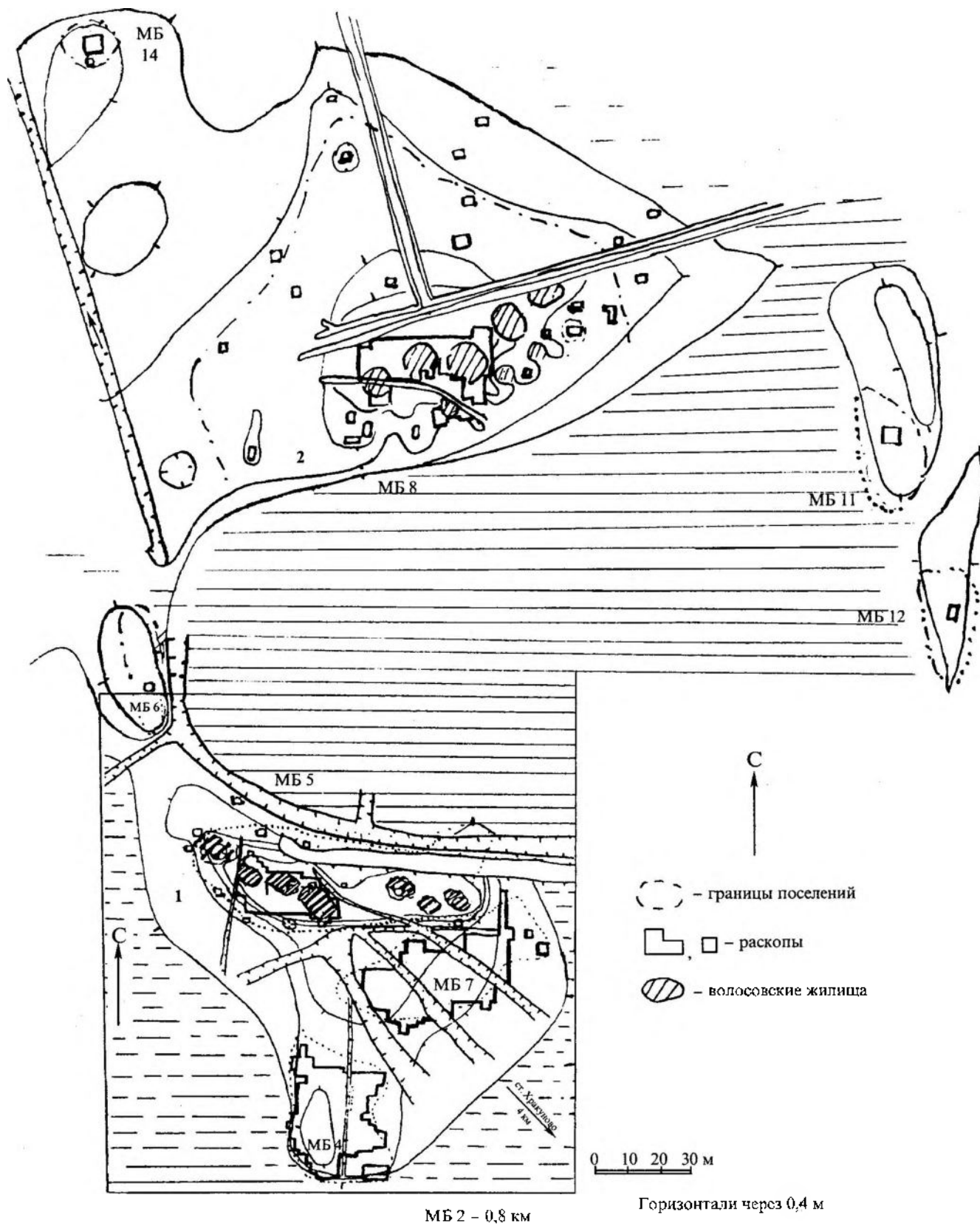

Рис. 1. Планы волосовских поселений Маслово болота. 1 — МБ 5; 2 — МБ 8

торфяном мысу и представляло собой великолепно стратифицированное летнее поселение. На стоянках МБ 5 и 8 волосовские жилища были заметны как западины, что обычно для многих районов, но не для Волго-Окского междуречья. Поселения располагались на гривах шириной до 20 м, сложенных плотными суглинками, края их подмыты волнами озера. Раскопано на памятниках Маслова болота с волосовским слоем около 2 тыс. кв. м (рис. 1). Все поселения приурочены к центральной части обширного торфяника, который в волосовское время представлял собой быстро заболачивающееся озеро. Периферийные плёсы не дали ни одной волосовской находки.

Несущие столбы, выявленные во многих ямах поселения Маслово Болото 5, имели диаметр 6-10 см. Только один столб, и тот из дуплистой ольхи, имел диаметр 18 см (диаметр ям при этом 23-25 см). При высоте столбов 3-5 м диаметр их вверху составит всего 4-5 см. Столбы толщиной более 12 см вообще не применялись. На стоянке Замостье 5 при использовании более толстых брёвен они были продольно расколоты (эти сооружения относятся к мезолиту). Такая опора не может нести тяжёлую крышу. Использование дёрна для перекрытия приходится исключить. Он мог применяться только для обкладки нижних частей стен. Столбы такого качества не обеспечивают жёсткости конструкции. Следовательно, она должна быть достигнута использованием укосин. Материал для каркаса использовался недолговечный: 80-90% – берёза, изредка – осина, ольха. Такие опоры скоро начинают гнить. Никаких мер против подгнивания опор – смоления, обжига – не принималось.

Столбы устанавливались в копаных ямках, дно которых иногда ступенчатое. Концы их не смяты. Вбить столб в суглинок на глубину более 10 см вообще не реально. Забивали их только в торфяниках, здесь смятость их концов встречается (Маслово Болото 4, Воймежное). Отёска столбов велась желобчатым теслом, была в основном асимметрично-коническая, у толстых столбов (9-10 см) встречается двугранная. Кора не удалялась. Значительная часть столбовых ям заполнена очажным мусором, и нередко их принимают за очажные ямы. Проклада стенок ям не бывает. Такой характер заполнения свидетельствует об установке столбов от уровня уже сложившегося пола с действующим очагом. Эти ямы – следы ремонта и относятся не к начальной стадии существования дома.

Материал стен и крыш тоже оказался представлен на памятниках – это горбыль шириной 9-18 см при толщине 1,5-3 см. Длина – до 2,2 м. Такие доски представлены в настилах, которые сооружались под волосовскими очагами Маслова Болота 4 (рис. 2), располагавшихся на торфянике. Подобные настилы делались и в углублённых зимних жилищах. На Масловом Болоте 5 сохранились отпечатки концов стен, составленных из такого горбыля. Для покрытия могла использоваться также береста. Но для доказательства существования берестяных плетков (полотнищ) требуется обнаружить следы традиции обработки крупных листов бересты. Это может быть сделано по находкам фрагментов таких листов на торфяниковых участках стоянок и выявлению комплекса орудий для обработки бересты. На 21 настил приходится только 6 случаев нахождения берестяной прокладки вместе с горбылём и 3 случая обнаружения листов бересты в слое. В льяловских очагах берестяные прокладки в песчаных подушках встречаются чаще: во всех очагах Лукова Озера 1, в мощных многослойных очагах Воймежной 1, Языково 1. При этом берестяных поплавок на Масловом Болоте 4 сотни. По-видимому, этого недостаточно для заключения о наличии традиции обработки бересты. Пригодна для покрытия лёгкого жилища кора хвойных сухостойных деревьев. Листов коры много встречалось в мезолитических слоях Замостья 5, 2. На волосовских поселениях она редка. К тому же берёзовые леса в озёрных котловинах бедны примесью хвойных деревьев. Одним из самых доступных видов кровельного материала могли быть лосиные шкуры (в первый год они годились на постели, но очень скоро линяли). Покрытием крыши такая шкура могла служить несколько лет. Копсервирующее воздействие оказывал дым очагов. Менее вероятны камышовые крыши, хотя камыша на тихих зарастающих речках и озёрах было много. Они становятся эффективными только при большой толщине слоя камыша или в смеси с глиной. Глины же в конструкции не встречено ни разу. Скорее всего использовалось комбинированное покрытие разным строительным материалом различных частей стен и крыши.

Зимние жилища ставились на суглинистых останках-суходолах с плотным грунтом. Высота островов над уровнем воды во время функционирования поселения – от 0,3 до 2 м, линия приплёска чётко фиксируется. Глубины котлованов разные. Если для устройства жилища № 2 на Масловом Болоте 8 был снят только дёрн, жилища Маслова Болота 5 углублены на 15-25 см (снят неолитический слой, и котлованы немного врезаны в материк), минимально углубление жилищ поселения Ловцы 1 в бассейне оз. Неро – врезаны в склон только дальние от берега концы, то у жилищ № 1, 3, 4 Маслова Болота 8 и Маслова Болота 2 глубина котлованов достигает 75 см в верхних по склону частях, но в прибрежных она всего 20 см.

Самое простое жилище (№ 2) Маслова Болота 8 (рис. 3: а) относится к позднему этапу. Оно находилось в центре прибрежной полосы на выположенном участке, который временами затапливало – керамика здесь сильно окатана, слой имеет луговой характер. Жилище выделялось как бурое пятно диаметром ок. 4,5 м на фоне однородного тёмно-серого суглинка неолитического слоя. Восточный край пятна очерчивался линзой материкового выброса из ямы под стенкой жилища. Повышенная концентрация неолитической керамики оконтуривает жилище с севера и запада – это след перемещённого за пределы жилища льяловского слоя (остатки верхневолжского слоя под полом сохранились). Следовательно, пол дома был углублён на 12-15 см, т.е. дёрн был снят и уложен под стенками. Конструкция дома читается по столбовым ямам. Четыре ямы образуют прямоугольник (считая по центрам ям) со сторонами 2,4 - 2,6 м (одна яма двойная – результат замены столба). Диаметры столбовых ям 30 см, дно плоское, глубина от подошвы пола 25 см, только у юго-восточной, двойной диаметры 35 и 55 см. Северо-восточная яма – квадратная, по стенкам её остались кам-

А

Б

Рис. 2. Маслово Болото 4. Настилы под очагами

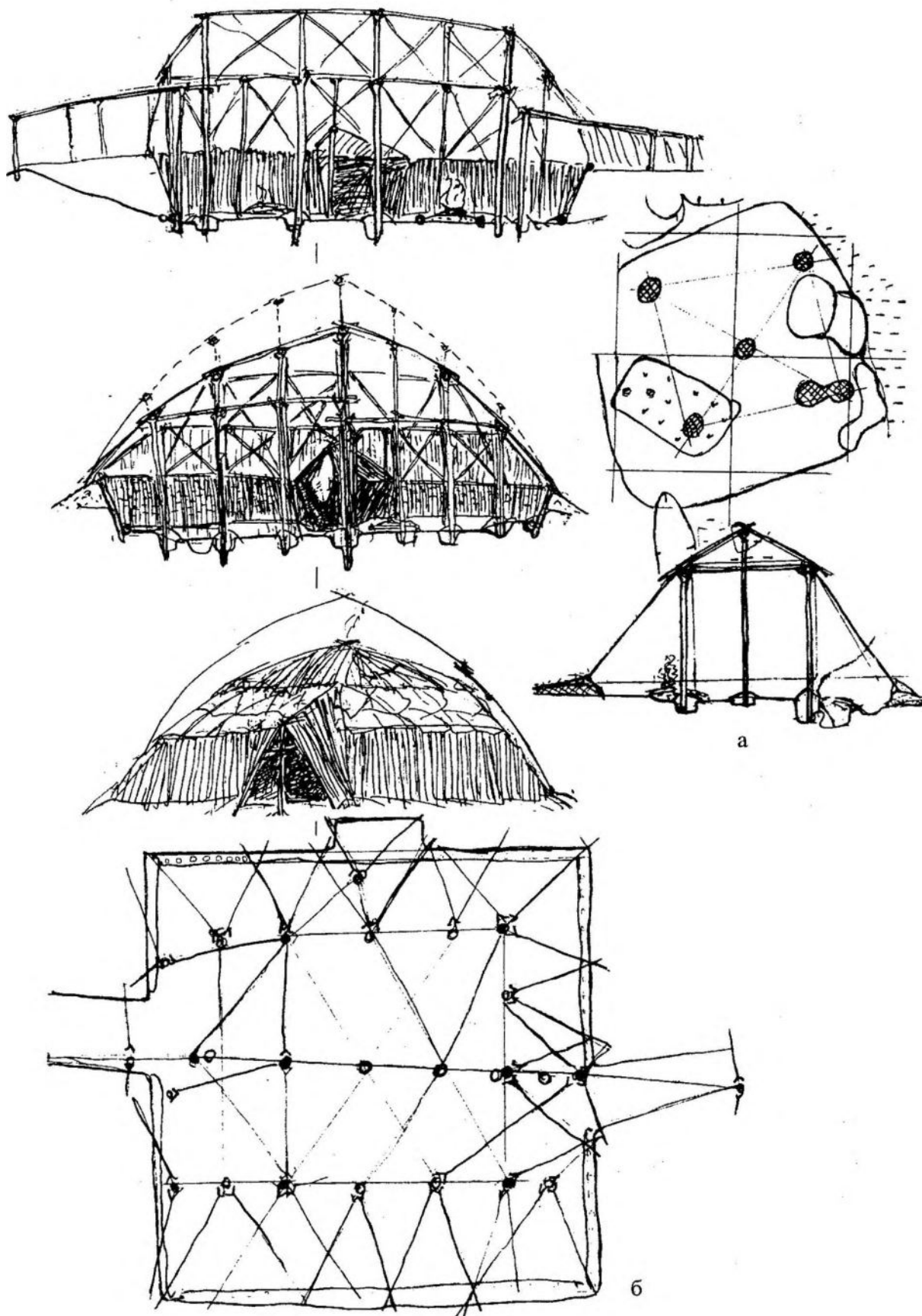

Рис. 3. Маслово Болото 8. Жилища 2 (а) и 3 (б).
Планы. Реконструкции

ни, которыми был забутован столб – редкий случай в волосовской строительной практике. В центре дома находилась пятая яма, тоже неглубокая и плоскодонная. Пятно пола, как видим, больше столбового каркаса – стены должны быть наклонными: их основания на 0,6-1,4 м отстоят от линии столбов. Оптимальный наклон стен – 60 градусов, при этом высота угловых столбов должна быть 2-2,5 м (при большем наклоне стенки прогибаются, при меньшем – сильно возрастает высота, конструкция становится неустойчивой). Центральный столб мог быть высотой 3-3,5 м. У восточной стенки дома находилась хозяйственная яма 1,5×1 м с отвесными стенками при глубине от подошвы пола 25 см, дно плоское, форма неправильная, получившаяся в результате расширения ямы к северу. В заполнении – в основном льяловская керамика, волосовская встречена в 15 см от дна. Под западной стенкой прослеживалось углубление подпрямоугольных очертаний 1,9×1,15 м, дно ровное, не более 5 см ниже уровня пола, заполнение более тёмное; в пределах пятна зафиксированы следы двух колышков, а у восточного его края лежала шлифовальная плита. Это пятно, скорее всего, – след очага. Прокал и подсыпка песка не отмечены. Пятно охватывает юго-западную столбовую яму. Промоина, идущая к югу, к берегу, от юго-западного угла, возникла на месте коридорообразного углублённого входа в жилище шириной 0,6 м: в промоину западает материковый выброс, лежащий вдоль неё.

Исследованная постройка отличается от остальных волосовских конструктивной простотой – это минимальный жилой модуль, какие мы вправе ожидать на летних стоянках. О тёплом сезоне говорит расположение постройки на минимальной высоте, у самого берега, и рыбы кости и чешуя в хозяйственной яме рядом с домом. Таких построек в пределах стоянки, судя по рельефу, можно было бы ожидать ещё до 6, но вскрыта треть береговой полосы, а она была в раскопе единственной. К комплексу жилища относится хозяйственная яма, примыкающая к его северной стенке, первоначальные её размеры 0,6×0,9 м при глубине 0,3 м, повторно здесь была устроена яма диаметром 0,5 м при меньшей глубине, заполненная очажным мусором и рыбьей чешуей. Отдельные ямы из волосовского слоя, в том числе столбовые, разбросаны на площадке к западу.

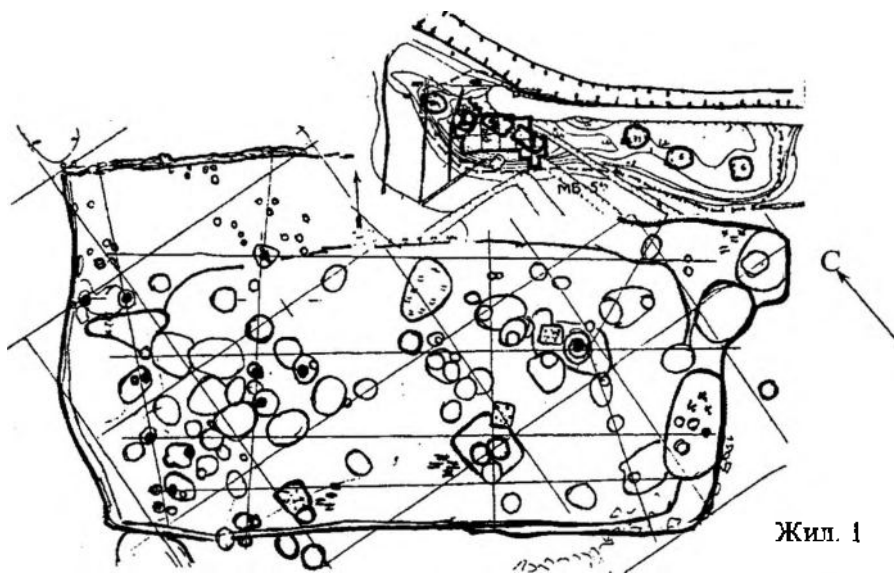
Жилища Маслово Болота 5 (рис. 1, 4) возникли на раннем этапе. Жилище 1 находится в центре жилой площадки. Южный его угол врезается в галечную вымостку, северный приходится на начало склона. Размеры его 12×7-5,6 м (включая нишу к востоку от угла), площадь 70 кв. м. Высота стенок котлована – 15-25 см. Линз выброса вокруг жилища не наблюдалось. Не найден и входной коридор. Пол жилища ровный, если не считать многочисленных ям. Толща пола (плотного тёмно-серого суглинка с включением очажного мусора) – не более 10 см. На полу и в ямах кость неплохо сохраняется. На полу была найдена роговая скульптура – головка кряквы. Развалы сосудов очень плохой сохранности.

Очаг – песчаная подушка с прослойкой бересты и горбыля, размерами в основании 2×1,5 м – находился в центре жилища. Он представлял собой овальную песчаную насыпь до 10 см мощностью. В основании его на суглинистый материк положены лист бересты и плашки, как на летнем поселении. Прослежены доски с широтной ориентировкой. Ширина их по 10 см. Пятна прокала вне этого очага не достоверны. Очажный мусор использовался для заполнения многих ям, в том числе несомненно столбовых. Если здесь были другие очаги, то их насыпи многократно использовались при укреплении столбов.

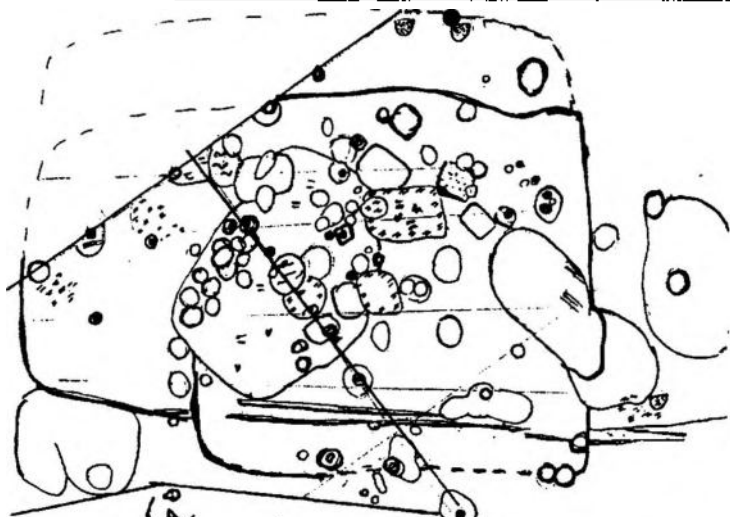
Не всегда возможно различить хозяйственные и столбовые ямы, часть столбовых содержит также кухонные остатки, видимо, попавшие туда в момент установки столба. К хозяйственным ямам следует относить те, у которых выражена линия пола и видно постепенное их заполнение. К сожалению, большинство исследователей не обращает внимания на стратиграфию заполнения ям, фиксируя только их абрис. Нависающие края ям – результат уплотнения слоя пола. Многочисленные котлообразные ямы с плоским и уплощённым дном выкапывались также для установки столба, дно ямы дополнительно углублялось. Но порой и в яме без углублённого дна видны остатки сгнившего столба. Концы извлечённых столбов не имеют смятости – они устанавливались в выкопанную ямку, даже если диаметр её близок к диаметру столба. Техника выборки таких ям связана с размачиванием почвы под торцом вращающегося бревна (предположение этнографа Я.В.Чеснова). Под юго-восточной стенкой во всю её длину была корытообразная хозяйственная яма (3,5×1 м при глубине до 20 см от уровня пола), в заполнении которой обнаружено множество костей плохой сохранности. Яма не вся функционировала одновременно. Первоначально она располагалась в южном углу, наиболее поздняя её часть примыкает к нише площадью 3 кв. м, в которой тоже была хозяйственная яма. Пол рядом с ямой слегка прокалён – здесь временами был дополнительный очаг.

Пол сильно изрыт многочисленными ямами, заполненными в основном очажным мусором. Большинство ям довольно стандартны – диаметр ок. 40 см, дно плоское. Глубина большинства ям от подошвы пола 40 см. В некоторых ямах дополнительно углублено дно для столба, в 12 – прекрасно сохранилась древесина. То есть большие ямы тоже были столбовыми, как и ямы в 25 см диаметром. При этом диаметр столба был обычно 9 см. Под кол на дне ямы № 33 была подложена тёсаная дощечка 35×14 см. В заполнении всех ям изобилен очажный мусор, много угля.

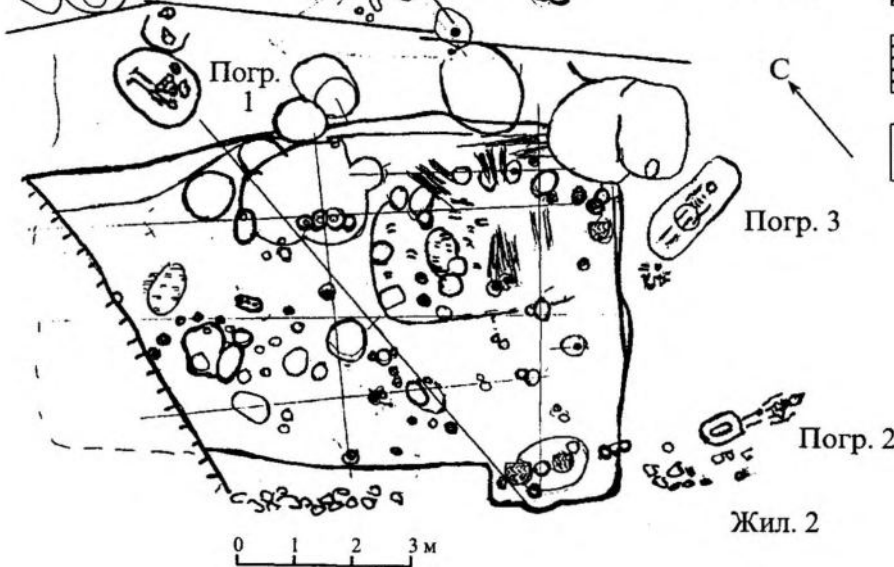
Конструкция дома читается по расположению ям. Столбы многократно заменялись, при этом выкапывалась новая яма рядом с предыдущей, ямы нередко перекрывают друг друга. Очень немногие ямы близки к диаметру столбов, группы таких ям от небольших колышков были только при северном углу и у северо-восточной стенки. Для этого жилища характерна асимметрия в расположении ям. Вдоль северо-восточной стенки котлована на расстоянии 1,5 м от неё и соответственно в 3 и 3,5 м от торцов были прослежены 2 столба. В этом же ряду находились ещё одна плоскодонная яма и скопление мелких ям у северо-западной стенки.

Жил. 1

Жил. 3

Жил. 2

Условные обозначения к рис. 4, 5:

	торф		волосовский слой
	чёрная супесь		зола
	серая супесь		прокол
	суглинок		уголь
	ожелезнение		перекоп
	чёрный суглинок (лялово)		камень
	песок		керамика Волосовская Льяловская

Рис. 4. Маслово Болото 5. Жилища 1, 2, 3

Центральная ось несколько смещена к северо-восточной стенке. Она читается по группам ям, которых было не менее 6, включая большую плоскодонную яму на юго-восточном конце. В составе центрального ряда имеется квадратная яма. Эта деталь повторяется и в других волосовских жилищах. Ряд заканчивается у северо-западной стенки, где имеется группа столбовых ям, расположенных вплотную к краю котлована. Следующий ряд состоит из 5-6 групп ям в 1,5-2 м от центрального ряда. В этом ряду тоже есть сохранившиеся столбы. В 1 м от стенки проходит четвёртый ряд столбов, включавший 6 групп.

Таким образом, несущий каркас ставился на четырёх рядах столбов. При этом основными рядами были два средних, ряды вдоль стен служили скорее как подпорки. Очаг оказывался смещённым к крайнему северо-восточному ряду (он был на линии этих столбов). При этом отсутствует согласованность между группами столбов параллельных рядов.

Конструкция стен может быть прочитана по отпечаткам концов их в материковом суглинке. Здесь тёмные полосы, оконтуривающие жилище, были тщательно выбраны. Получились ямки в виде дужек (в плане), обращённых выпуклой стороной то внутрь дома, то наружу, а также небольшие округлые ямки диаметром не более 5 см. Дужки могут соответствовать торцам горбыля, из которого была набрана стена, горбыль чередуется с жердями, образующими каркас самих стен.

Жилище 3 непосредственно продолжает первое – линии их продольных стен совпадают. Размеры его 10,5×7 м. Суммарная их длина 25 м. Позднее на этом же месте был поставлен дом другой ориентировки, 8×6,5 м, нарушивший юго-западную стенку первоначального дома. Место постройки приходится на северный край площадки. Здесь не сохранился неолитический культурный слой (он был полностью переотложен на склон). Западный конец дома был углублён на 20-28 см от подошвы выброса на прилегающем участке. Размеры углублённой части постройки 6×4 м. Возможно, это – первоначальная постройка; с её функционированием связано отложение тонкого углистого слоя на северном склоне площадки. В дальнейшем он был перекрыт более мощным слоем выброса – мешанного грунта, который сформировал северо-западную стенку жилища второго строительного периода. При этом была также заполнена западина первоначального котлована и выровнен пол на уровне остальной площади постройки.

Первоначальные очаги – прямоугольный 1,05×0,9 м и овальный таких же размеров – находились в северо-западном конце дома. К первому строительному периоду относится столбовая яма с сохранившимся до глубины 95 см от древней дневной поверхности колом. Столб устанавливался в ямку, выкопанную в обширной котлообразной яме (диаметр 60 см). В пределах углублённой части были и другие столбы раннего периода. Таков столб в южном углу. Как и в северном, дно широкой ямы, в которой он установлен, перекрывают натёк серого суглинка и углистая прослойка. Такие же перекрытые столбы были в восточном углу углубления и в центре. Есть столбовые ямы, которые позволяют заполнить слишком большой разрыв между южной и северо-западной ямами. То есть в пределах первоначального дома 6×4,5 м существовала каркасная конструкция 4,5×2,5 м со столбом в центре и очагами в северной половине постройки.

Во втором строительном периоде на месте маленького дома строится длинный, как продолжение жилища 1. Пол выравнивается выбросом из котлована жилища 1 и хозяйственных ям. Очаги этого дома – тоже округлый диаметром 0,9 м и прямоугольный 1,25×0,9 м с песчаными подушками – были в его центре. Под северо-восточной и юго-восточной стенками прослеживались уступы нар высотой от пола 20 см, совпадающие с уровнем дневной поверхности вне дома. Наружные контуры постройки очерчиваются по кучам материкового выброса, по которому и проходили её стены. На нарах были найдены развалы трёх волосовских котлов. Хозяйственная яма размещалась у юго-восточной стенки, сначала на межжилищном участке, её размеры 2,8×1,6 м, глубина 55 см (возможно, она связана с первым жилищем). Затем возникает яма размерами 3,6×1,2-1,5 м, неоднократно вычищавшаяся. Со вторым строительным периодом связаны ямы под северной стенкой постройки.

Столбовые ямы второго строительного периода представлены тремя рядами. Центральный продолжает ряд жилища 1, ямы столбов пробивают заполнение первой из хозяйственных ям. Северо-восточный ряд проходит у подножия уступа нар. Юго-западный расположен в 1 м от стенки, которая обозначена, как и у первого дома, тонкими канавками клиновидного сечения – заглублёнными концами наклонных стен, насыпанных выбросом из котлована.

Комплексы третьего строительного периода недостаточно ясны для того, чтобы делать реконструкцию. К нему относятся три ямы (включая сдвоенную) в линии юго-западной стены.

Жилище 2 вскрыто на западном конце раскопа. Ориентировка его такая же, как у первого. Размеры несколько меньше: ширина 5,5 м длина более 9 м (конец срезан канавой). Близ южного угла постройки (юго-западная стена) находилась прямоугольная ниша шириной 2,4 м, выступающая на 1 м. Контуры жилища, однако, не вполне достоверны – его план читался как линза пола, насыщенная очажным мусором; углублено оно было не более чем на толщину дёрна – менее 10 см и только с северной стороны (юго-западная стенка выходила на склон). При этом на площади жилища был срезан льяловский культурный слой, контраст же между льяловским и волосовским слоями существенный.

Слегка углублены (скорее утопаны) были центральная часть и восточный сектор дома, где находился главный очаг. Он был устроен в овальной яме 0,9×0,75 м, заполненной песком с прокалом. Затем здесь же была насыпана песчаная подушка диаметром 1,5 м. Второй очаг – пятно прокала – был на западном конце дома. Пол по всей площади насыщен углём с гравием и песком. В восточном углу видны сгоревшие жерди длиной до 2,3 м. Четыре из них лежат перпендикулярно северо-восточной стенке, три – под углом к ней и одна – под самой стенкой. По-видимому, это – сгоревшие конструкции. Углистый пласт поверх песчаного

Рис. 5. Маслово Болото 8. Волосовские жилища 3 и 1.

затёка прослеживается вдоль юго-восточной стенки. Развалы больших котлов лежали на полу под юго-восточной стенкой и в нише, сохранность их очень плохая. Хозяйственные ямы располагались в нише. Сначала здесь был столб, яма которого оплыла. Развалы фиксируют здесь уже ровную поверхность. Вторичная яма находилась в 1 м восточнее. При очаге в восточном секторе дома было, по крайней мере, 3 котловидных ямы диаметром по 0,5 м, заполненных очажным мусором. Тут же 8 ям диаметром по 30-35 и 40 см. По заполнению они не отличаются от хозяйственных, но наиболее вероятно, что они столбовые. В одной из них найдены остатки столба. Одна из ям – прямоугольная, находилась на центральной оси дома.

Вторая группа ям занимает западный сектор дома. Здесь много столбовых диаметром 10-25 см. Четыре ямы несомненно хозяйственные. При этом они до трёх раз возобновлялись. Под серединой северо-восточной стенки зафиксирована группа слившихся друг с другом хозяйственных ям диаметром по 0,5-0,7 м с плоским дном, находящимся на глубине 40 см от подошвы пола. На дне – суглинистый затёк, наполовину заполнивший ямы. Столбы образуют ряды. Близ восточного угла вдоль северо-восточной стенки на протяжении 3 м было 8 столбовых ям (при этом сам угол срезан более поздней ямой). Вторая группа столбовых ям этого ряда читается на фоне хозяйственных ям у середины стенки. Глубина столбовых ям от подошвы пола достигает 70 см, котловидные ямы имеют глубину 25-30 см.

Второй ряд несколько смещён к югу от средней линии (но если включать в пространство жилища и нишу, то он оказывается как раз на середине). Первый из колов отстоит от стенки на 75 см (сохранился столб диаметром 9 см). Далее столбы идут с интервалами 1,2 м, 2,05 м (группа), 1,9 м, 1,8-2 м. Ряд пересекает скопление ям западного сектора, ям здесь гораздо больше, чем необходимо для несущих конструкций. Вспомогательный ряд оказывается в линии юго-западной стены, а также по линии стенки ниши. Вне рядов группа столбовых ям окружает очаг в восточном секторе дома. Здесь также имеется прямоугольная яма.

Каменная вымостка естественного происхождения на участке, примыкающем к нише, была разобрана, зато очень хорошо она сохранилась вдоль остальной части стенки. Разрыв вымостки может быть связан с наличием здесь коридора входа, хотя более вероятным представляется не вход, а больших размеров ниша, точнее – пристройка: об этом говорит ряд колышков в 1 м южнее края углублённой части ниши. К тому же, если в других волососких домах вход был по торцовой стенке, что конструктивно оправдано, то здесь он оказывается по боковой, наклонной стенке. Северо-западная часть пристройки уничтожена дренажной канавой при торфоразработках.

На площадке к югу от жилища 2 выявлены столбовые и хозяйственные ямы, опущенные из волосоского слоя, но контуры жилища здесь не читаются; участок с ямами имеет размеры 5×8 м. Видимо, сооружение не было углублено. Ямы оказались перекрыты погребениями, связанными с жилищем 2. Следовательно, это наиболее ранняя волосоская постройка. Помимо этих сооружений на площадке располагались хозяйственные ямы, но их было немного и размеры их невелики. Группа округлых ям, опущенных из волосоского слоя, диаметром 50-70 см и глубиной 40 см располагалась на склоне к северу от жилища 2. Неглубокая плоскодонная прямоугольная в плане яма с углистым заполнением – на южном склоне. Округлая яма размерами 1,8×1,4 м примыкала к северному углу дома 1.

Пятно жирного гумуса у южного угла дома 2 размерами 2,2×1,8 м не было ямой. По его контуру лежали 7 камней диаметром ок. 12-15 см. Точно по центру пятна находилась челюсть медведя. Через пятно к углу дома проходит цепочка из восьми ямок от колышков, длиной 1,8 м. На краю пятна была ямка диаметром 40 см, заполненная костями нескольких куниц.

Волосоские жилища исследованного участка Маслово Болота 5 возникли не одновременно. Сначала поставлен был дом без углубления на самой широкой части гривы. Затем жилище 2 (претерпевшее 3 перестройки) и углублённая часть жилища 3 (перестроен не было). Вокруг жилища 2 возникает могильник: одна могила, сопровождаемая жертвенной ямой с черепами медведей, – у северо-восточной стенки, и две могилы – у восточного торца дома. Гумусное пятно у южного угла – вероятно, жертвенное место. Обе постройки сгорели. Позднее появляется жилище 1, и к нему пристраивается жилище 3. В дальнейшем на месте котлована жилища 3 возникает ещё одна постройка (рис. 6).

На поселении Маслово Болото 2 исследовано одно углублённое жилище, возникшее на раннем этапе и просуществовавшее на этом месте до поздневолосоского времени. Других жилищ здесь не было. Коридорообразный вход обращён к юго-западу, к берегу. В раскопе 1975 г. (В.В. Сидоров) прослежено по крайней мере 5 строительных периодов с линиями полов и очагами на разных уровнях. При этом происходила перепланировка котлована – плотно утрамбованным перекопанным грунтом перекрыты линзы ранних полов. Большая часть жилища раскопана И.К. Цветковой и Е.Д. Каверзневой [3] как единое заполнение, без фиксации изменений его планировки и без изучения ям.

Жилища позднего этапа волосоской культуры исследованы на поселении Маслово Болото 8 (рис. 5, 6). Жилище № 1 читалось как западина размерами 8×11 м, глубиной до 0,5 м. Коридорообразный вход направлен к берегу. Внешние контуры жилища определены по неглубоким канавкам, заполненным ожелезненным суглинком, отстоящим от краёв котлована на 1-0,5 м. Глубина канавок 10-15 см при ширине ок. 10 см. Таких параллельных канавок было по 3-4 вдоль юго-восточной, северо-восточной и северо-западной стен, ширина полос канавок – до 50 см. Это след заглублённых в материк и присыпанных отвалом концов наклонных стен, а наличие нескольких параллельных канавок говорит о возобновлении стен постройки. Они образовывали чёткий прямоугольник шириной по внешнему контуру 8,5-9 м. Размеры котлована по основанию стенок гораздо меньше – 6×7 м. Пространство вдоль трёх стен между углублённой частью котлована и канавками их оснований можно рассматривать как нары. Самые широкие нары – до 2 м – были на стороне, противоположной входу.

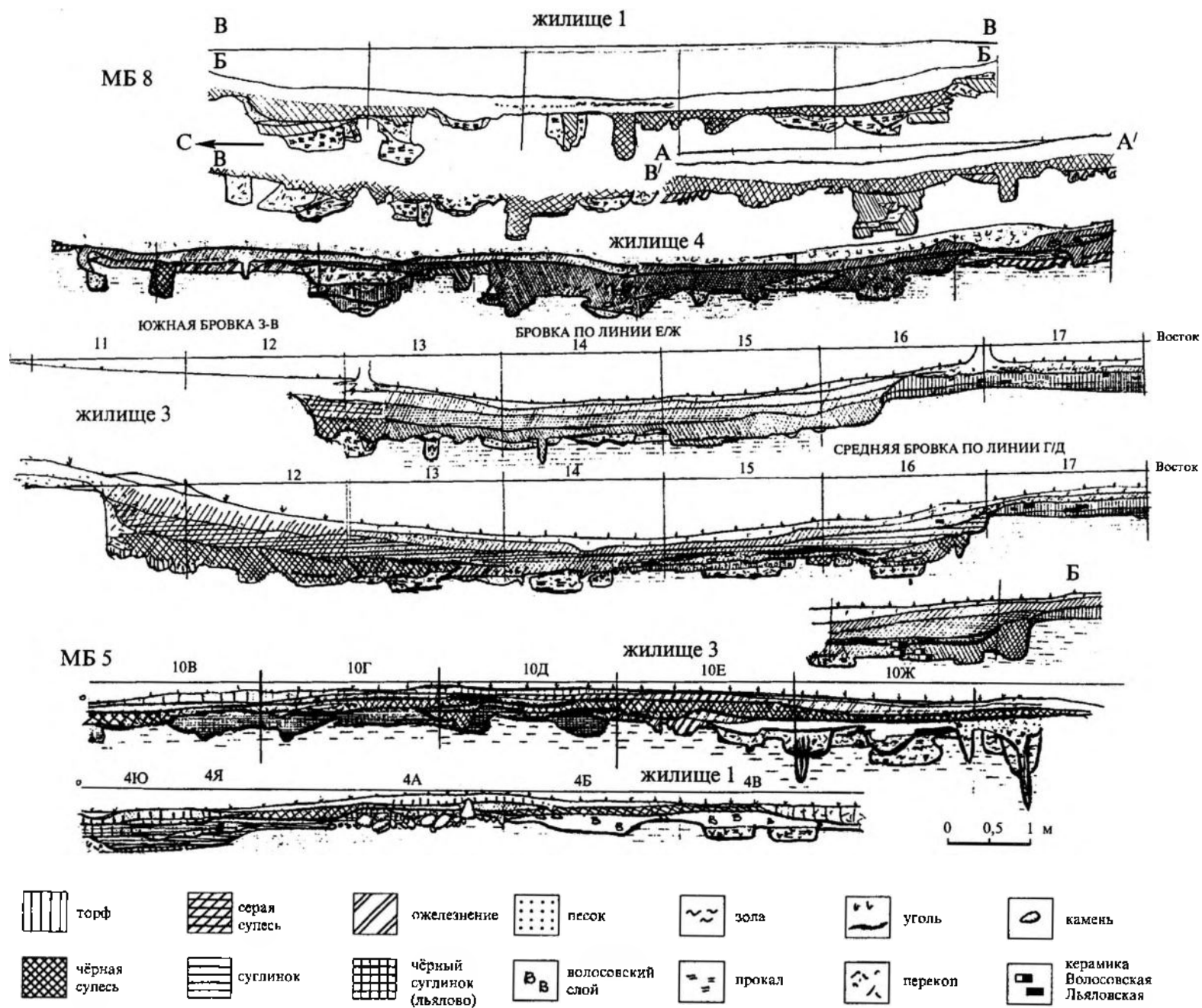

Рис. 6. Разрезы волосовских жилищ поселений Маслово Болото 8 (№ 1, 3, 4) и 5 (№ 3, 1)

Очагов было два: один напротив входа, другой – против середины северо-восточной стенки. Многочисленные ямы не дают возможности определить их размеры. Очажный мусор заполняет всё пространство у подножия широких нар и западный сектор дома. При восточном очаге был крупный валун. Хозяйственные ямы располагались как по периферии, под стенками, так и при очагах. Ямы при западном очаге оказались заполнены костями, яма на юго-восточном краю котлована отличалась гумусированностью заполнения, большинство ям в полу заполнены очажным мусором.

Столбовые конструкции в этом жилище читаются достоверно. Через коридор входа идёт осевая линия столбов. Она смещена к северо-западу, как и сам вход: от одной боковой стены она проходит в 3 м, от другой – в 5 м. Два других несущих ряда отстоят от стен на 1,5 и 2,8 м. При этом, если в линии северо-западной стены имеются дополнительные столбы, расположенные уже на нарах, то на пространстве между стеной и юго-восточным рядом нет ни одного достоверного кола (из-за стоявших здесь деревьев не вся эта стенка раскопана). Ряды столбов начинаются от юго-западной стенки котлована, где нары отсутствуют. Столбы у северо-восточной стенки тоже находятся близ линии концов каркаса стен – в 50-70 см от неё, а в одном из строительных периодов функционировали столбы в пределах линии стены. Это значит, что торцовые стенки были близки к вертикальным. Несущий каркас образовывали три ряда столбов. Разная их удалённость от продольных стен говорит о разном наклоне перекрытия. Если перекрыть пространство между каркасом и юго-западной стеной несложно, то почти трёхметровый пролёт требует для перекрытия жердей 5-метровой длины, которые без подпорок будут прогибаться и не выдержат тяжести снега. Скорее всего, на нераскопанной части нар были и подпирющие столбы. Часть их мы могли не заметить на фоне мешанного слоя, заполняющего ямы у подножия нар под этой стенкой. Но в любом случае в использовании внутреннего пространства жилища заметна большая разница между северным и южным секторами. Такая же асимметрия наблюдалась и в жилищах Маслова Болота 5.

Межижилищное пространство могло быть занято лёгкими сооружениями: перед юго-западной, фасадной стенкой довольно много столбовых ям, опущенных из волосовского слоя. Хозяйственные ямы при этом жилище были у середины северо-западной стенки и рядом со входом. Пространство к западу от дома было основательно изрыто ямами льяловского жилища. По характеру заполнения и связи с верхним слоем как волосовская выделяется только группа ям у северного края раскопа, но она может относиться к другому дому, котлован которого был перекрыт насыпью узкоколейки.

Жилище 4 повреждено канавой. Северный конец его был врезан в склон и определялся достоверно, южный выходил на выположенный участок, площадка перед входом утоптана, восточнее входа выявлена неглубокая, но обширная хозяйственная яма. В южной части дома следов столбов не встречено, только один был зафиксирован уже вне пределов котлована. Находок в доме очень мало. Заполнение в основном торфянистое. Размеры постройки – 5,5×7,4 м. Северную и восточную стенки фиксировали линзы материкового выброса. Разрыв северной стенки связан с нишей, для входа он слишком короток и широк. Середина котлована заполнена мешанным слоем, вдоль стен видны широкие гумусные полосы, которые могли возникнуть из тлена конструкций обвязки стен котлована. Столбовые ямы прослежены в северной нише по средней линии. Боковой ряд может быть намечен только вдоль западной стенки. Под восточной стенкой столбов не найдено. Это пространство шириной 2,5 м перекрывалось без использования углублённых опор, хотя крыша должна быть здесь более пологой.

Жилище № 3 – самое большое на поселении. Оно сооружено на краю гривы, врезано в склон. Южная стенка выходит на пологий участок берега. Следы подтопления, окатанность археологического материала показывают, что берег озера не доходил до жилища всего на 5-6 м. На возвышенной части площадки жилище прорезает неолитический слой – серый ожелезненный суглинок мощностью до 20 см. Присутствие отвала определяется по более светлому рыхлому суглинку, линз материкового суглинка нет. В этой части слоя льяловский и ранний верхневолжский материалы обильны и представлены крупными фрагментами керамики. В неолитическом непотревоженном слое, особенно в прибрежной части, она окатана и сильно измельчена. Волосовского материала на примыкающих к котловану участках нет. Но гребенчатая валдайская (протоволосовская) керамика встречается неполными развалами, один из которых обрезан котлованом жилища. К югу от постройки прослежены две большие хозяйственные ямы. В их заполнении видны следы подтопления. Ещё две ямы примыкали к западному и восточному углам дома.

Котлован заполнен оползшим в него суглинком с большим количеством неолитического материала. Мощность заполнения у восточной и северной стенок 60 см. В центральной части слой более мягкий и бурый – здесь накапливался растительный гумус, но и сюда доходили затёки мешанного суглинка. Пол дома имеет обычную структуру волосовского культурного слоя: пёстрый суглинок с вкраплениями мергеля, золы, угольков, керамической крошки, слабоожелезненный. Очаги читаются по песчано-углистым пятнам с прокломом. Углистые прослойки западают в котлован, – видимо, поздний строительный период завершился пожаром. Развалы двух сосудов маркируют уровень пола. Они лежали при очаге, а крупные фрагменты – под стенками. Очаги второго строительного периода разные – округлый и прямоугольный.

Диаметр котлована 9 м, он врезан в склон, где глубина у западного и северного углов достигает 75 см, у южного угла глубина не более 25 см. Таким образом, в раскопе выявлен котлован землянки со следами перестройки. Первоначальные стены имели длину 8,8-8,4 м. Во втором строительном периоде они оказались на 0,5 м короче. У основания стен прослежены канавки, заполненные однородной серой супесью без очажного мусора, с редкими находками (встречается здесь и волосовская керамика). Прямоугольная ширина канавок позволяют видеть в них след бревенчатой обкладки основания стен. Однако в разрезе

они имеют клиновидную форму и разную глубину. Это возможно лишь в случае, если канавки – копаные и в них вертикально установлена обвязка стен, возможно, в сочетании с горизонтальными жердями. Материальные стенки котлована нависают над пристенными канавками до 15 см. Это можно объяснить оседанием грунта при его уплотнении, как это видно по грушевидному разрезу многих ям. Надо заметить, однако, что такое проседание стенок характерно было для льяловских ям западной части раскопа и частично – для жилища I и Маслова Болота 5, но не характерно для данной постройки. Канавки под юго-западной и северо-западной стенками раздваиваются: при этом более поздняя отстоит от края котлована на 20-70 см. Канавка отсекает также нишу в северо-западной стене землянки.

Жилище имеет два коридорообразных входа, обращённых на северо-восток и юго-запад. При этом канавка против первого входа прерывается, но перегородивает второй вход. Коридоры узкие – 70 см. Через восточный вход в котлован нанесло песка, который покрыл половину пола, разделив этим наносом материал жилища на два периода. В северо-западную стенку котлована врезана ниша шириной 1,8 и глубиной 1,2 м.

Пол жилища оказался основательно изрыт хозяйственными и столбовыми ямами, прорезающими друг друга. Для реконструкции нужно выделить синхронно существовавшие ямы или, по крайней мере, уловить закономерность их возобновления, группировки. Такой вид пола волосовских жилищ наблюдался многократно. Так же изрыт пол жилища на стоянке Стрелка, раскопанной Д.А. Крайновым [4]. Полы волосовских жилищ стоянки Володары, фрагментов жилищ на стоянках Владычинская-Береговая [5], Чёрная Гора [6] в раскопках И.К. Цветковой точно так же изрыты, но она считала ямы естественными затёками и не фиксировала их. Эту же картину видим на стоянках Шагара 1,2 [7], Совка [8], Имерка IБ [9]. Очень часто такие ямы заполнены очажным мусором, что давало основание истолковывать их как очажные ямы – и это при их глубине и диаметре в 40 см. Некоторые группы столбовых ям, слившись, становятся неотличимы от хозяйственных, иногда они перекрывают друг друга, или какое-то время столбовая яма используется как хозяйственная. Некоторые обширные ямы с явно кухонным заполнением включают и следы столбов. Попробуем, однако, уловить закономерности использования внутреннего пространства дома и назначение примерно 150 ям.

Прямо напротив восточного входа в 2 м от него был очаг – округлая песчаная подушка диаметром 1,1 м с настилом из горбыля в основании.

Скопление ям в восточном углу дома – это не менее семи раз возобновлявшаяся одна хозяйственная яма, заполнявшаяся очажным мусором, содержащим фрагменты волосовской керамики. Диаметры этих ям 0,5 м. Вторая группа ям располагалась чуть севернее. Здесь помимо хозяйственной есть до 8 столбовых ям диаметром 25-30 см. Между очагом и входом – три группы столбовых ям и, возможно, расплывшиеся бывшие столбовые ямки. Расстояния между, вероятно, синхронными столбами 0,8 м. Центральный из них был забутован камнями. Далее к северу находилась группа ям, аналогичная второй группе у восточного угла, – плоскодонные ямы с очажным заполнением диаметром в среднем 0,5 м в окружении столбовых ям. При диаметре столбовой ямы 30 см диаметр столба был 8-10 см (сохранилась древесина). Северный угол дома занят единственной неглубокой корытообразной ямкой с очажным заполнением.

Второй поперечный ряд столбов проходит в 1,1-1,5 м западнее, пересекая очаг. Для него характерно устройство столбовой ямки диаметром 30 см в пределах широкой расплывшейся ямы. Третий ряд столбов проходит через середину жилища. Под юго-восточной стенкой расположена хозяйственная яма первого строительного периода, вскоре засыпанная. Длина её 1,7 м при ширине до 0,9 м. Три столбовых ямы (№ 9, 7, 8) выкапывались последовательно, со смещением от стенки в глубину дома. Диаметры ям 40 см, глубина от подошвы пола 30 см. Вторая группа ям наиболее сложная, они примыкали к очагу с ЮЗ, и в целом их пятно имеет диаметр 2 м. Здесь не менее 8 столбовых ям диаметром 25-40 см наслаиваются на хозяйственные. К западу от очага сгруппированы ямки, диаметры которых близки к реальной толщине столбов: 10-15 см. Северный конец ряда – след 4-5 перестановок столба. Ямы № 42, 103-105 – неглубокие западины с плоским дном, диаметром 50-70 см.

Четвёртый ряд столбов включает в себя в т.ч. плотную группу, столбы чётко читаются по контрастному заполнению. Наиболее поздняя здесь южная ямка диаметром 15 см. Более ранняя (№ 13) перекрыта кухонными остатками, содержащими рыбы кости. Назначение ям № 23, 42-46 неясно. Это крупные котлообразные ямы диаметром 50-60 см, последовательно сменявшие друг друга, вряд ли столбовые, хотя стенки их отвесные, а глубина – 35-40 см от подошвы пола; заполнение – очажный мусор разного состава. На северном конце ряда ямки расположены некомпактно, образуя две группы глубоких почти цилиндрических ям диаметром 20-25 см (№ 99-102 и 125-126). В яме 99 в качестве забутовки использован диоритовый валяковый клин, полностью обработанный пикетажем, но ещё не шлифованный. Тут же, против середины северо-западной стены, группируются хозяйственные ямы, прорезающие друг друга (№ 95, 96, 124, 127). Чёткая столбовая яма № 97 находится в линии обшивки стен котлована возле угла ниши. Других столбов, связанных с нишей, нет.

Пятый ряд ям более определённый. Начинается он также группой, столбы в которой при ремонтах постепенно смещались. Вторая группа состоит из плотно расположенных больших ям с разнообразным очажным заполнением. По характеру дна и заполнению они повторяют ямы предыдущего ряда. Компактная группа ям диаметром 2 м находится прямо против юго-западного входа. Центр её – в 3,5 м от него. Здесь в яме № 57 диаметром 40 см сохранился кол диаметром 10 см, уходящий на глубину 70 см от подошвы пола. Древесина кола такого же диаметра есть и в яме № 33 диаметром 55 см. Всего в этой группе не менее 12 ям. В следующей группе – цепочка из 6 котлообразных ям диаметром 40-60 см. Эта группа примыкает к компак-

тной группе шестого ряда, аналогичной второй группе пятого, включает как большую неглубокую западину, так и котлообразные ямы и копанные столбовые ямы, в т.ч. со следом небольшого столба. Под северо-западной стенкой столб № 94 пробивает хозяйственную яму.

Западный угол постройки заполнен хозяйственными ямами, которые тянутся до угла входа. На их фоне читаются столбы шестого и седьмого рядов. В последнем ряду столбы ближе всего подходят к краю котлована – до 40-50 см. Они образуют группы в углу, у угла входа (один из столбов находится прямо под стенкой котлована), напротив входа и у его южного угла, две группы – на южном отрезке стены и в углу. Здесь тоже имеется столб в линии стены, в качестве забутовки использованы волосовские черепки. В шестом ряду оказываются хозяйственные ямы, на фоне которых видны столбы и плотная группа котловидных плоскодонных ям с очажным заполнением.

Особенностью поперечных рядов можно признать то, что крайние идут близко к стенкам котлована, а по юго-западной стенке есть столбы в линии борта котлована и в его углах. Северо-восточный фасад не имел столбов в углах и в линии стены.

Семь рядов ям могут быть прослежены вдоль дома – от входа до выхода. При этом центральный ряд включает самые глубокие ямы (№ 130, 57, 80). Боковые ряды отстоят от стенок котлована на 1-1,3 м. Эти столбы поддерживали стропила крыши, которые служили и для опоры верхних концов наклонных стен. Пролёт в 3,5 м от конька до бокового ряда слишком велик. Для того, чтобы стропила из тонких жердей не прогибались, их и поддерживали два ряда столбов. Всего на площади в 70 кв. м должно быть максимум 49 столбов, хотя некоторые могли быть пропущены. Однако крайние ряды столбов оставили относительно неглубокие ямы. Более основательны ямы второго ряда, отстоящие от бортов котлована на 2-2,5 м. Создаётся впечатление, что столбы первого ряда были только подпорками, а каркас несли столбы второго ряда. Точно так же ямы третьего ряда – это следы подпорок, а не опор каркаса. Расстояние от несущих столбов до гребня отвала из котлована (а только в таком случае крыша будет отводить воду от землянки) около 3 м. Но тогда высота столба не может быть меньше 4 м от уровня плечика котлована (оптимально угол наклона стен должен быть не меньше 60° – при малом наклоне течь будет через все щели). Длина жердей, образующих каркас стен, должна быть не менее 5 м.

Для того, чтобы покрытие двух центральных нефов (ширина их 2,5 м) сопрягалось с покрытием стен, угол крыши должен быть меньше, чем угол стен, но всё же не горизонтальным. Если принять его в 30°, то длина стропил будет 4,2 м (это необходимый минимум длины без учёта перекрывания верха стен, свеса крыши). Высота же столбов центрального ряда должна быть на 0,8 м больше, чем боковых несущих, то есть около 5 м.

Но при диаметре комлевой части столба в 10 см на высоте 5,5 м (учтём глубину ям) толщина столба будет не более 5 см. Такая лёгкая конструкция не может нести сколько-нибудь тяжёлую крышу. Исключается использование дёрна, плах (расколотых вдоль стволов). Допустимо использование берестяных и кожаных нюков, а также коры, опадающей с сухостоя. Кроме того, конструкция из тонких жердей не будет обладать достаточной жёсткостью. Боковая нагрузка от наклонных стен должна быть компенсирована – для этого годится передача нагрузки от противоположной стены, что может быть достигнуто прямым соединением столбов боковых рядов, минуя коньковую балку. Но и такая прямоугольная рама не обладает достаточной жёсткостью, если не сделаны связи по диагонали. Эксперимент показал, что боковые ряды нетрудно укрепить подпорками, установленными в плоскости наклонных стен. К тому же они придадут дополнительную жёсткость и стенам (если стены недостаточно жёстки, они не удержат покрытие).

Необходимо решить проблему крепления связей. Скрепление верёвками ненадежно. На тонких жердях не имеет смысла вырубать чашки, как на срубах – вес жердей недостаточен для того, чтобы они могли удержаться. Единственный и при этом совершенно надёжный способ крепления – использование развилки и сучков. Основной недостаток такого крепления – трудно найти стандартные детали, приходится подгонять конструкцию к имеющимся материалам.

Конструкция волосовских жилищ поселений Маслово болота претерпела мало изменений за время существования волосовской культуры. Увеличились глубина котлована, ширина дома, усложнилась система перекрытия. Общая же схема устойчива. Она включает использование столбового каркаса, на который опираются наклонные стенки, поддерживаемые дополнительными опорами, а также балку-матицу на центральном ряду столбов. Оптимальный наклон стен – 60°, но в этом случае получается слишком большая высота, видимо, такой угол имел наклон стен от гребня отвала до опорной балки; при расстоянии от края котлована 1-1,5 м высота получается не менее 4 м (не считая глубины ямы и глубины котлована), а длина жердей каркаса стен составит 6 м – это предельно допустимая длина жердей диаметром 6-7 см. Перекрытие центральных нефов могло иметь угол меньший – порядка 30°, но и в таком случае общая высота конька составит не менее 5 м. Торцовые стенки близки к вертикальным, коридорообразный вход сделан в центре такой стенки и сочленяется с центральным рядом столбов. Строительные материалы – тонкомерный неоскуренный лес (в основном берёза) – предопределяли недолговечность таких жилищ, необходимость частой замены столбов. Перекрытие могло быть только лёгким, также требующим частого возобновления.

Предложенная здесь реконструкция не исчерпывает все варианты. Так, волосовские жилища Языково I, Ивановского торфяника, Ловецкого озера никогда не имеют пола, сплошь изрытого ямами. Они длиннее и уже жилищ Маслово болота, иногда имеют углублённую центральную часть с обшивкой этого углубления

жердями. Иной тип – волосовские жилища Средней Волги – подквадратные, соединённые переходами. В западных вариантах соединение переходами не прослежено ни разу. Различия в типах конструкций жилищ – один из признаков разных локальных вариантов волосовской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трефиц М.И. Изучение жилищ эпохи неолита – энеолита в лесной полосе Европейской части СССР // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
2. Цветкова И.К. Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2.
3. Цветкова И.К. Отчет о работе Московской экспедиции Гос. Исторического музея в Ногинском районе Московской области. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8844.
4. Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской археологической экспедиции за 1974 г. (Стрелка) // Архив ИА РАН. Р-1.
5. Цветкова И.К. Отчет о работе Рязанской экспедиции Гос. Исторического музея. 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5723.
6. Она же. Отчет о работе Рязанской экспедиции Гос. Исторического музея. 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6688.
7. Цветкова И.К. Отчет о раскопках стоянки Ибердус в Касимовском районе Рязанской области. 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1538.
8. Каверзнева Е.Д. Отчет о раскопках поселения Шагара II в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15225.
9. Она же. Отчет о работах Мещерской экспедиции. 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19001.
10. Трусов А.В. Отчет о разведках в Рязанской Мещере. 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6025.
11. Королев А.И. Поселение волосовской культуры Имерка I-б на реке Вад // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

DWELLINGS OF THE SITES OF VOLOSOVO CULTURE ON MASLOVO BOLOTO (MASLOVO MARSH)

Summary

The reconstruction of dwellings upon archaeological sources must be done with taking into account real construction materials, which were used in ancient times. Details of the houses were fixed in the course of excavations of 8 dwellings found on the sites of Volosovo culture situated on Maslovo Marsh. It turned out that wooden poles of 6-9 cm in diameter were used in construction of excavated dwellings. They were placed in rows parallel to the side walls of the houses. They kept a frame of wooden stakes which was a bearing for sloping walls and a roof. Roof materials were chopped boards and skins. The height of a dwelling depended upon its width. A house of 4 m width could be of 3 m height. A ditch of 8 m width needed a roof of 5 m height. Dwellings of the early stage were about 6 m wide, those of the later period were wider. Construction materials were rather short-lived, thus houses needed to be repaired regularly.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.В. Никитин

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЛИЩ ЭПОХ КАМНЯ И РАННЕГО МЕТАЛЛА В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В настоящее время в регионе раскопками изучено 143 постройки. По времени они относятся к мезолиту – 24, неолиту – 51 (из них 1 – камское, 8 – носителей гребенчато-ямочной посуды, 42 – изготовителей накольчатой посуды) и к волосовской культуре, существующей на стыке двух эпох – неолита и энеолита, – 68.

Основная масса жилищ, изученных раскопками, имеет углублённый в землю (от 0,4 до 1 м) котлован. На дне котлована расположены ямы от опорных столбов, в котловане и за его пределами фиксируются отдельные детали крепления стен и выходов, остатки перекрытия, позволяющие восстановить конструкцию древнего жилища. Ориентировка построек, как и расположение входа, варьирует в зависимости от местных условий: местоположение дюны, планировка посёлка, направления реки и розы ветров, количество построек в посёлке и сам характер сооружения, его функциональное назначение, площадь и т.п. Наблюдения над размещением столбовых ям внутри котлована показывают, что часть столбов имели наклон в ту или иную сторону, предполагавший какие-то особенности в деталях конструкции, направленные на усиление несущих опор перекрытия. Этой же цели способствовали и нередко встречаемые спаренные столбы. Почти во всех случаях предусматривается наличие углублённого котлована. Возникает вопрос о его назначении. Возможно, преследовались цели, во-первых, соблюдения приемлемого температурного режима: чем глубже в землю, тем легче сохранить тепло; во-вторых – увеличения расстояния между полом и потолком. Наличие за пределами некоторых котлованов жилищных слоёв толщиной 1,5-2 м свидетельствует о большей площади жилища, чем сам котлован. Здесь мы наблюдаем возвышенную над котлованом часть помещения внутри наземного перекрытия, находящуюся между краем углубления и перекрытием. В принципе, эта часть могла служить спальным местом, т.к. в некоторых сооружениях плотность расположения различных ям исключает использование площади пола для спальных мест. Спальные места могли быть устроены в виде полатей или гамаков. Необходимо учитывать факт наличия очагов в непосредственной близости от стен, что при отсутствии котлована создавало бы угрозу возгорания перекрытия. Наземная часть жилищ может иметь несколько вариантов реконструкции.

По нашим материалам, наиболее вероятная реконструкция жилищ каменного и медно-каменного веков представляется следующей. Для устройства посёлка выбиралось возвышенное место (песчаное), где вырывались нужных размеров котлован. Вдоль длинных стен котлована, на некотором расстоянии от них вкапывались два ряда столбов высотой примерно около 2 м. На столбы укладывались продольные балки, поддерживающие наклонные жерди перекрытия. Нижние концы жердей перекрытия закреплялись в канавке, вырытой вдоль края котлована, середина жердей покоилась на несущих балках. Этот деревянный каркас могли сплошь застилать жердями и ветками с последующим покрытием дёрном; устраивать поперечные жерди под снопы из веников или камыша; закрывать лубом, корой, или берестой и т.п. Учитывая большие площади самого перекрытия, вариант кровли, сплошь укрытой дёрном, должен быть исключён, поскольку в этом случае получается очень большая нагрузка на 1 квадратный метр кровли. Наиболее возможным представляется покрытие в виде скатов из камышовых снопов, уложенных снизу вверх так, что нижний конец верхнего ряда перекрывает верхний край нижнего. Этим достигается хороший сток воды и исключается возможность попадания её внутрь помещения. Нижняя часть кровли примерно на одну треть высоты засыпалась грунтом и сверху покрывалась дёрном или берестой. Верхняя граница насыпи перекрывалась концами снопов.

В пользу камышового перекрытия свидетельствует и тот факт, что все без исключения поселения расположены вблизи низких пойм, где это растение довольно распространено. Возможно, использовали и лиственные снопы, а также дранку. Наши расчёты показывают, что при ширине котлована 7 м длина жердей перекрытия должна быть в пределах 4 м. При длине котлована в 10 м площадь одной стороны перекрытия должна составлять 40 кв. м. С учётом покрытия камышовыми снопами размером 1,5 м в длину при диаметре 25-30 см на 1 кв. м приходится 3-4 снопа. В среднем такой сноп (из сухого камыша) весит около 3 кг. Одна сторона перекрытия из снопов будет иметь вес не более 400 кг, а вес всего двухскатного перекрытия – около 800 кг, т.е. эта форма устройства крыши вполне приемлема, а нагрузки на несущие части каркаса крыши – минимальные.

От глубины котлована зависела площадь передвижения внутри помещения. Чем глубже котлован, тем больше эта площадь. Если допустить угол козырька перекрытия в 90° при ширине котлована в 3 м, то при глубине его в 40 см площадь передвижения в рост будет составлять 120 см, углубление его до 60 см увеличит

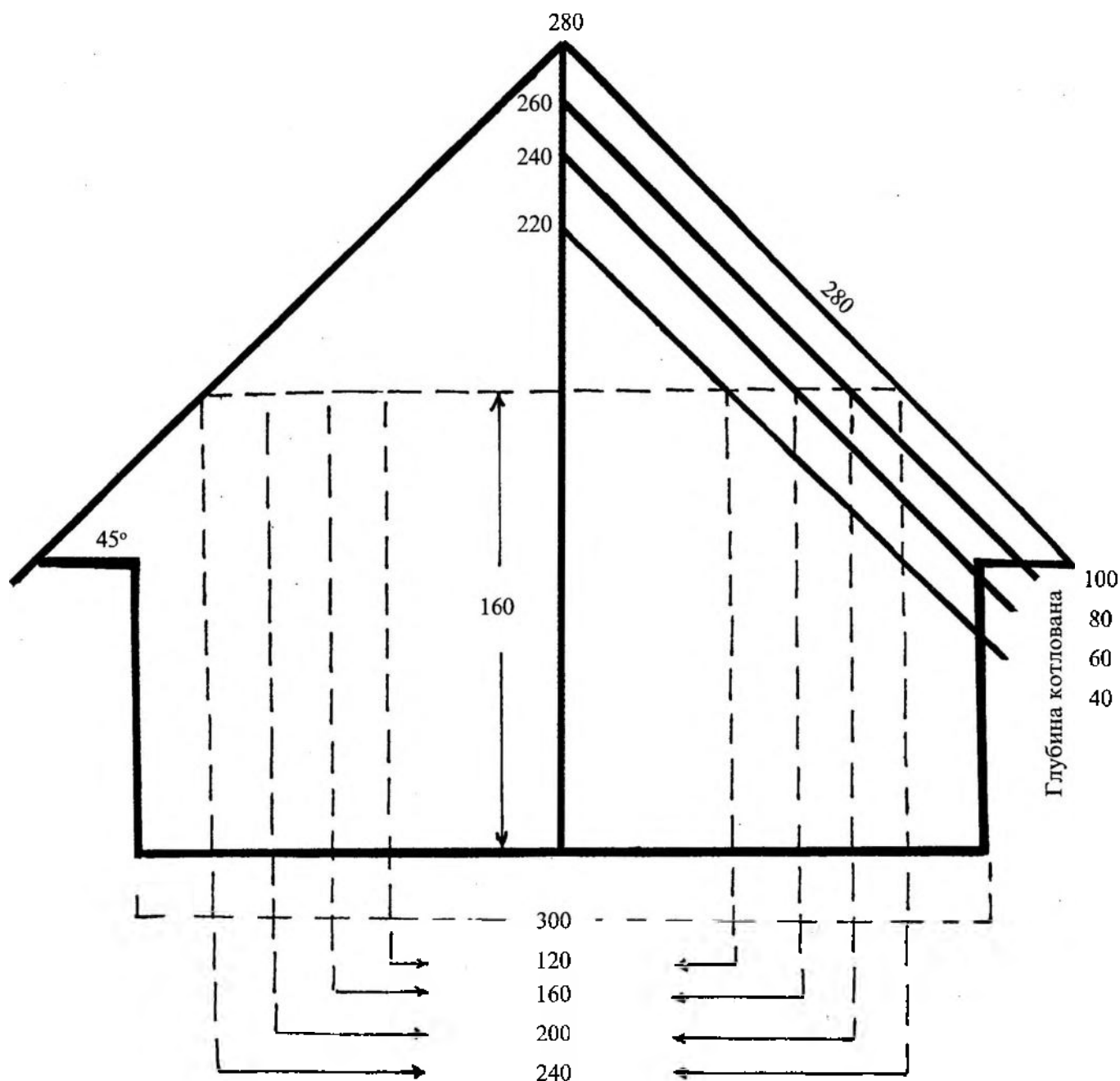

Рис. 1. Зависимость площади передвижения внутри постройки от глубины котлована (в см)

площадь передвижения до 160 см, а при глубине котлована в 100 см станет возможным передвигаться почти по всей площади постройки (рис. 1).

Изученные постройки каменного века имеют некоторые особенности, выраженные в частом устройстве так называемых ниш-пристроек. Такие пристройки фиксируются с внешней стороны угла, иногда между выходом и стенкой. Размеры ниш колеблются от 1 до 4-5 кв. м. В большинстве таких пристроек находятся хозяйственные ямы.

Выход-вход в постройки с углублённым котлованом устраивался в торцовых или продольных стенах, реже – в углу. Как правило, он начинался с углублённой площадки в пределах внутренней части, постепенно повышаясь в наружную сторону. В случае резкого повышения делались 2-3 ступеньки высотой 20-40 см, укрепленные деревянными столбиками, пнями и плахами. Иногда проходы устраивались в длинной стенке, у края котлована. В этом случае по дну котлована прокопана канава, увеличивающая расстояние между полом и скатом крыши [1, с. 38, рис. 2]. Единично фиксируется соединение канавой противоположных выходов [2, с. 34, рис. 8].

Углублённая часть выхода имела наклонные стенки, укрепленные деревянной конструкцией типа плетня или зажатых кольями жердей, и двухскатное перекрытие. В единичных случаях встречаются отвесные лазы,

предполагающие дополнительные устройства типа лесенки. Не совсем понятны функции отдельных ям, устроенных на границе котлована, большей частью выходящих за его пределы. Вряд ли данное устройство могло использоваться в качестве дополнительного выхода (типа лаза), т.к. часть таких ям имеет диаметр не более 60 см. Вероятнее всего, такое устройство служило вентиляционной отдушиной, которую открывали по мере надобности. Из редких конструктивных деталей можно отметить наличие по краю котлована продольных канавок, забутованных глиной, устроенных с целью изоляции внутренней части постройки от сточных вод, проникающих с её крыши.

Материалы по поселениям и жилищам показывают, что основной тип жилища с углублённым полом с эпохи мезолита вплоть до эпохи ранней бронзы не претерпевает существенных изменений и является традиционным в домостроительстве в лесной полосе Евразии.

Исследование поселений на большой площади даёт возможность проследить внутриселенческие хозяйственные зоны, маркируемые наличием хозяйственных ям, отдельных навесов или погребков и очагов.

Устройство поселений у водных бассейнов, их количество и обширная селенческая хозяйственная зона указывают на значительную степень осёдлости местного населения, обусловленную благоприятными условиями для высокоразвитого и эффективного рыболовства как основы экономической базы при продуктивной собирательской и охотничьей деятельности.

Анализ жилищ с учётом их площади показывает, что в мезолите преобладают небольшие постройки – от 10 до 32 кв. м (52%), жилища средних размеров площадью до 50 кв. м составляют 24%, крупные сооружения – до 90 кв. м – 12% и столько же жилищ с площадью 100 кв. м и более.

В неолите у племён, изготавливавших керамику с гребенчато-ямочным орнаментом (ляловского типа), наблюдается тенденция к увеличению построек большой площади. Сооружения площадью от 60 кв. м до 100 и более составляют 75%. Небольших жилищ (площадью до 30 кв. м) – одна четверть (25%). Средние (до 60 кв. м) и крупные (свыше 70 кв. м) распределяются поровну – по 37,5%.

Несколько иная ситуация наблюдается у носителей посуды с накольчатый орнаментом. Здесь основную массу (64%) составляют небольшие постройки площадью до 30 кв. м. Сооружений средних размеров (от 35 кв. м до 70 кв. м) – 29%, крупных (до 90 кв. м) – всего 7%.

В позднем неолите (раннеполосовское время) у волосовского населения основными становятся постройки площадью от 35 до 80 кв. м (68%), жилища площадью до 30 кв. м составляют 20%, 12% приходится на крупные постройки площадью более 80 кв. м.

С появлением первых признаков освоения металла (в развитый период культуры) у волосовских племён наблюдается тенденция к расширению площади проживания за счёт увеличения размеров жилищ или же путём устройства крупных поселений. В это время преобладают крупные жилища (площадью от 45 до 80 кв. м), занимающие 54%, возрастает роль построек свыше 80 кв. м (26%) по сравнению с ранним периодом, где они составляли 12%, при одинаковом количестве жилищ площадью в 30-40 кв. м (по 20%).

Наблюдения над размещением очагов в пределах жилищ показывают: 1) тенденцию к уменьшению числа жилищ с очагом в центре от эпохи мезолита к концу неолита; 2) увеличение числа очагов по углам или по другим частям постройки в эпоху неолита; 3) устойчивое размещение очагов в выходах. Динамика постепенного изменения положения очага, устройство его у стен, по углам и т.п. предполагают возможность существования дополнительной внутренней конструкции с целью изоляции части помещения перегородками.

Устойчивое размещение очагов в выходах и переходах указывает на традиционную систему обустройства этой части жилого помещения, выполнявшую функцию не только подогрева поступающего снаружи холодного воздуха, но и дымаря для отпугивания гнуса.

Данные картографирования поселений с системой построек каменного века на исследуемой территории свидетельствуют о достаточной осёдлости местного населения уже в эпоху мезолита, а отдельных стоянок и местонахождений – об определённой его подвижности в границах территории жизнеобеспечения конкретных коллективов.

Попытки реконструкции социальной структуры древних коллективов Среднего Поволжья предпринимались А.Х. Халиковым [3, с. 344-347], В.В. Никитиным [4, с. 74-76; 5, с. 153-155], в работах которых затрагивались вопросы общего характера без анализа данных о функциональном назначении построек, без достаточного учёта места и функции очагов, хозяйственных ям и т.п., без необходимой проработки назначения отдельных деталей внутреннего интерьера жилых построек. Немаловажным фактором для реконструкции должно быть и определение жилой площади конкретных построек. Некоторые сооружения в силу перенасыщенности пола различного рода объектами (очаги, хозяйственные ямы, ниши и т.п.) предполагают неоднозначные их функции. Обилие таких объектов не оставляет свободного пространства на полу для устройства спальных мест. В этом случае есть два варианта организации ночлега в жилище: 1 – подвесные гамаки или полаты; 2 – устройство их вдоль стенок или в пространстве между внешней границей котлована и стеной наклонного перекрытия.

В первом случае спальная площадь может приближаться к половине площади пола. Во втором случае она будет равняться околостенному пространству, исходя из двойного периметра стен, прилегающих к наклонному перекрытию, за вычетом пространства для выходов-переходов, там, где они представлены. Кроме того, на некоторых поселениях имеются постройки явно не жилого характера – производственные или общественные помещения. Учёт этих обстоятельств позволит более приближенно реконструировать численность населения, проживающего в отдельном жилище или же в посёлке в целом.

Исходя из предполагаемого объёма жилых сооружений и из подсчётов требуемой на 1 человека площа-

ди, вариация численности коллектива в жилище или системе жилищ будет примерно одинаковой, если использовать методику подсчёта площади по контурам пола или по околостенной площади. Рассмотрим это на примере раскопанных полностью поселений Ясачное I и Удельношумецкое X.

На Ясачном I исследовано 4 жилища. Площадь пола жилища 1 составляет 28 кв. м, возможная площадь спальных мест – 15 кв. м (далее эта цифра в скобках), жилище 2 – 30 (15), жилище 3 – 20 (12), жилище 4 – 28 (15). Приняв за необходимую площадь спального места 2 кв. м, можно установить количество жильцов в постройке. На Ясачном поселении в жилище 1 могло обитать не более 7 человек, в жилище 2 – 7-9, в жилище 3 – 5-6, в жилище 4 – 5-7 человек. Данные постройки вмещали в среднем не более 6 человек, а весь посёлок (при условии одновременного существования всех жилищ) – от 20 до 30 человек. Учитывая количество очагов в помещении (по 1 на жилище), можно предполагать принадлежность постройки одной семье (родители, дети), а посёлка – семейной общине.

Из 10 исследованных построек на Удельношумецком X поселении два сооружения – нежилые (постройка 1 – хозяйственная, постройка 10 – лёгкий навес). Остальные восемь жилищ имели площадь 40 кв. м (18 кв. м – спальная площадь), 45 (16), 30 (20), 111 (50), 25 (20), 45 (30), 76 (36), 44 (24) кв. м, в которых могли проживать: 9, 8, 10, 25, 10, 15, 18, 12 человек. Если предположить одновременное существование всех сооружений, то население данного посёлка будет представлено коллективом численностью в пределах 100 человек. Учитывая то, что отдельные жилища данного посёлка имеют различия в технологии изготовления кремнёвых орудий, их нельзя признать одновременными (хотя существуют они в одном хронологическом отрезке, равном жизни 2-3 поколений). Таким образом, население, оставившее этот посёлок, могло быть по численности в пределах коллектива Ясачного I поселения – 30-40 человек, объединённых в отдельные ячейки из 1 или 2 больших семей. Это наблюдение подтверждается расположением очагов: по одному в центре или же двух в разных частях помещения.

У населения, изготавливавшего посуду с гребенчато-ямочным орнаментом, видимых изменений в параметрах построек, по сравнению с предшествующим периодом, не наблюдается. Так, из трёх изученных на Дубовском VIII поселении сооружений два не являлись жилыми, т.к. не имели очагов. Третья постройка с площадью пола 70 кв. м имела свободное (пригодное для ночлега) пространство в 32 кв. м и один очаг в центре помещения, т.е. могло вместить не более 15 человек. О возможном пристенном варианте расположения спальных мест в жилище свидетельствует и сильная насыщенность гумусом края котлована. Примерно такая же ситуация наблюдается и в жилище Дубовского XII поселения. Котлован постройки с одним очагом имел площадь в 64 кв. м. Площадь для ночлега не превышала 30 кв. м, на ней могли обитать не более 15 человек, а с учётом 4 визуально фиксируемых на поселении сооружений, община состояла из 50-60 человек. Жилище Дубовского IX поселения имело площадь по границам пола в 87 кв. м. Для ночлега могло использоваться около 40 кв. м. На полу фиксируются три очага, а жильцы могли составлять две небольшие семьи общей численностью около 20 человек.

Постройка на поселении Галанкина Гора II была площадью в 48 кв. м, место для ночлега не превышало 28 кв. м. На этой площади могли проживать чуть более 10 человек, т.е. одна большая семья. Подтверждением этого является и единственный очаг в центре жилища.

Этот обзор свидетельствует о том, что тенденция проживания первобытных коллективов семьями (1-2) из 8-10 человек, наметившаяся в мезолите, продолжает сохраняться и в среде носителей гребенчато-ямочной посуды в неолитическую пору.

По жилищам камской культуры на Средней Волге данных нет. Одна полуразрушенная постройка, изученная на поселении Нижняя Стрелка V, имела общую площадь примерно около 40 кв. м и площадь ночлега не более 20-25 кв. м, на которой могла проживать семья из 10-12 человек.

Ещё одна группа населения – носители посуды с накольчатым орнаментом – оставила на этом поселении значительный пласт своей культуры. Изучено 36 построек, часть из них являлись жилыми. Большинство сооружений небольшой площади (от 8 до 45 кв. м) при наличии более крупных домов площадью от 60 до 90 кв. м.

На Отарском VI поселении большинство жилых сооружений площадью свыше 30 кв. м имели по одному или по два очага, часть построек соединены переходами, что свидетельствует об их одновременности. Трудно определить общее количество построек здесь. Установлено лишь, что их могло быть несколько десятков. Применив к определению численности проживающих в жилище ту же методику, что и для местного населения, мы получим для Отарского VI число обитателей отдельных построек от 4 до 15 человек. На этом поселении более половины построек не имеют углублённого котлована, и, по-видимому, использовались лишь в тёплое время года. Община Отарского VI поселения (раскопанной его части) могла насчитывать примерно 100-120 человек.

На Дубовском III поселении постройки небольшие, площадь их составляет от 8 до 35 кв. м. В таких жилищах проживало от 4 до 12 человек. По исследованным 11 постройкам восстанавливается численность общины в пределах 50-60 человек. Судя по характеру интерьера, расположению очагов и спальной площади, каждое жилище занимала семья численностью от 2 до 10 человек.

На Дубовском VIII поселении этой же культуры из 6 исследованных построек одна носила производственный характер, 4 имели площадь пола от 35 до 45 кв. м и одно – более 80 кв. м. Расчёты численности населения этого посёлка приводят к тем же результатам. Постройки Дубовского VII поселения площадью от 12 до 35 кв. м вписываются в эту же схему.

В позднем неолите в среде протоволосовского населения социальная структура общества, видимо, не

меняется. Судя по жилищам поселения Сосновая Грива III, имеющим площадь пола 30 и 40 кв. м и по одному очагу, семья состояла из 7-10 человек и занимала отдельное жилище.

Незначительно увеличивается число обитателей жилищ в ранневолосовское время. Уже практически нет построек площадью менее 50 кв. м. Постройки Удельношумецкого VI поселения площадью 6 и 8 кв. м имели хозяйственное назначение, многие сооружения (как на Майданском IV) разрушены и могли иметь площадь, значительно большую, чем зафиксированная.

Площадь каждого из раскопанных на Майданской стоянке 6 жилищ составляет от 52 до 74 кв. м. Внутренний интерьер также отражает появившиеся изменения. Положение очагов неустойчивое, их становится значительно больше, иногда фиксируются остатки перегородок, предполагающих изоляцию какого-то коллектива. Если посмотреть на план пола некоторых сооружений, то становится очевидным, что на площади, свободной от различных объектов, практически невозможно устроить место для ночлега. Такие сооружения предполагают оборудование спальных мест выше пола, в отдельных постройках – по углам или вдоль стен.

Для большинства жилищ волосовского времени характерны соединительные переходы между ними. С одной стороны, это указывает на близкородственные отношения обитателей посёлка, а с другой – предполагает постепенное (по мере разрастания семьи) расширение жилой площади путём строительства нового сооружения, которое могла занимать определённая часть разросшейся семейной общины. Данное предположение не исключает возможности того, что такого рода постройки, быстро приходя в негодность, приспособлялись под хозяйственные нужды, а новые использовались под жилые помещения. Старая постройка со временем обрастала большим количеством хозяйственных ям, занимающих иногда более двух третей всего пола. Возможность различной интерпретации функционального назначения построек не даёт веских оснований делать твёрдые демографические выводы на материалах такого рода посёлков, хотя приближённые (усреднённые) величины могут быть определены. При установленной усреднённой общей площади каждого из 12 жилищ Майданской стоянки в 60 кв. м (спальная площадь нами принимается в два раза меньше – 30 кв. м), на все приходится примерно 360 кв. м. Если принять необходимыми для ночлега одного человека 2 кв. м, то на этой площади возможно разместить 180 человек. Учитывая то обстоятельство, что не менее половины сооружений постепенно подстраивались и не использовались в качестве спальных, коллектив посёлка насчитывал примерно 100 человек. В каждом жилище, в принципе, могла обитать семья из трёх поколений: мать, отец, дети, внуки. При большой детской смертности можно предположить, что вместе со старшими членами (дед, бабка) проживали 2-3 пары взрослых детей, у которых могло быть и своё потомство. Раннее создание семьи (судя по этнографическим материалам первобытных общин, – не позднее 14-15 лет) предполагало проживание в семье 4-го поколения (прадедов). В таком случае опять же все расчёты по количеству членов семьи приводят к коллективу численностью от 12 до 15 и более человек.

Общину развитого периода волосовской культуры можно рассмотреть на материалах Баркужерского III поселения. Здесь фиксировалось более 12 сооружений. Раскопками исследованы остатки 9 построек. Из них 1 постройка большей частью разрушена береговой линией, 2 центральные, имевшие слабые контуры при отсутствии подпола, видимо, выполняли функции либо хозяйственных построек, либо использовались в тёплое время года. Остальные имели общую площадь около 40, более 40, 63, 68, 37 кв. м. Учитывая возможности размещения для ночлега, здесь могли присутствовать одновременно соответственно 8-10, 10-15 и 7-8 человек, т.е. и на данном поселении структура семьи не изменяется. Здесь так же отмечаются использование в отдельных жилищах перегородок и значительный разброс местоположения очагов, что возможно связывать с размещением отдельной семьи.

Полностью изученное Руткинское поселение этого же периода имело 5 жилищ, изолированных друг от друга. Жилая площадь составляла 72 кв. м (спальная около 30), 42 (20), 108 (50), 49 (20), около 90 (40) кв. м. Здесь в более крупных сооружениях могли обитать несколько семей, а община этого посёлка составляла коллектив в 60-80 человек.

На всём протяжении позднеолитического и раннеметаллического времени семейная ячейка, как и структура поселковой общины, вероятно, не претерпевает особых изменений. Численность общины регулируется способностью контролируемой территории создавать необходимый ресурс жизнеобеспечения. Устройство посёлков и размещение в них отдельных семей могло зависеть от домостроительной традиции, а также от половозрастного состава общины. В одном случае община численностью примерно в 100 человек могла строить 10-12 сооружений, но небольшой площади, в другом – 5-6, но крупных. Эти выводы подтверждаются наблюдениями над жилищами поздневолосовской поры. Так, постройки Уржумкинского поселения имели каждая общую площадь 108, 100, 120 и 50 кв. м.

Судя по интерьеру построек, в жилище 1 спальная площадь могла составлять от 26 до 34 кв. м, в жилище 2 – около 24 кв. м, в жилище 3 – не более 20 кв. м, в жилище 4 – в пределах 20 кв. м, т.е. в среднем около 20-25 кв. м на жилище. В этом случае посёлок из 7 построек мог насчитывать 70-90 человек. Хорошо изученное Ахмыловское II поселение (раскопано 8 из 16 построек) даёт следующую картину: одна постройка имела хозяйственное назначение, на семи остальных установлена примерная спальная площадь: 30, 40, 24, 40, 32, 48 и 40 кв. м. Спальная площадь половины посёлка составляет приблизительно 200-220 кв. м, что соответствует коллективу численностью в пределах 100 человек, а вся община Ахмыловского поселения могла достигать 200 человек (при условии одновременного существования всех 16 сооружений, что маловероятно).

В зоне широколиственных лесов уже в мезолите складывается и в дальнейшем получает развитие основная ячейка общины – малая семья. В зависимости от конкретных климатических, хозяйственно-экономичес-

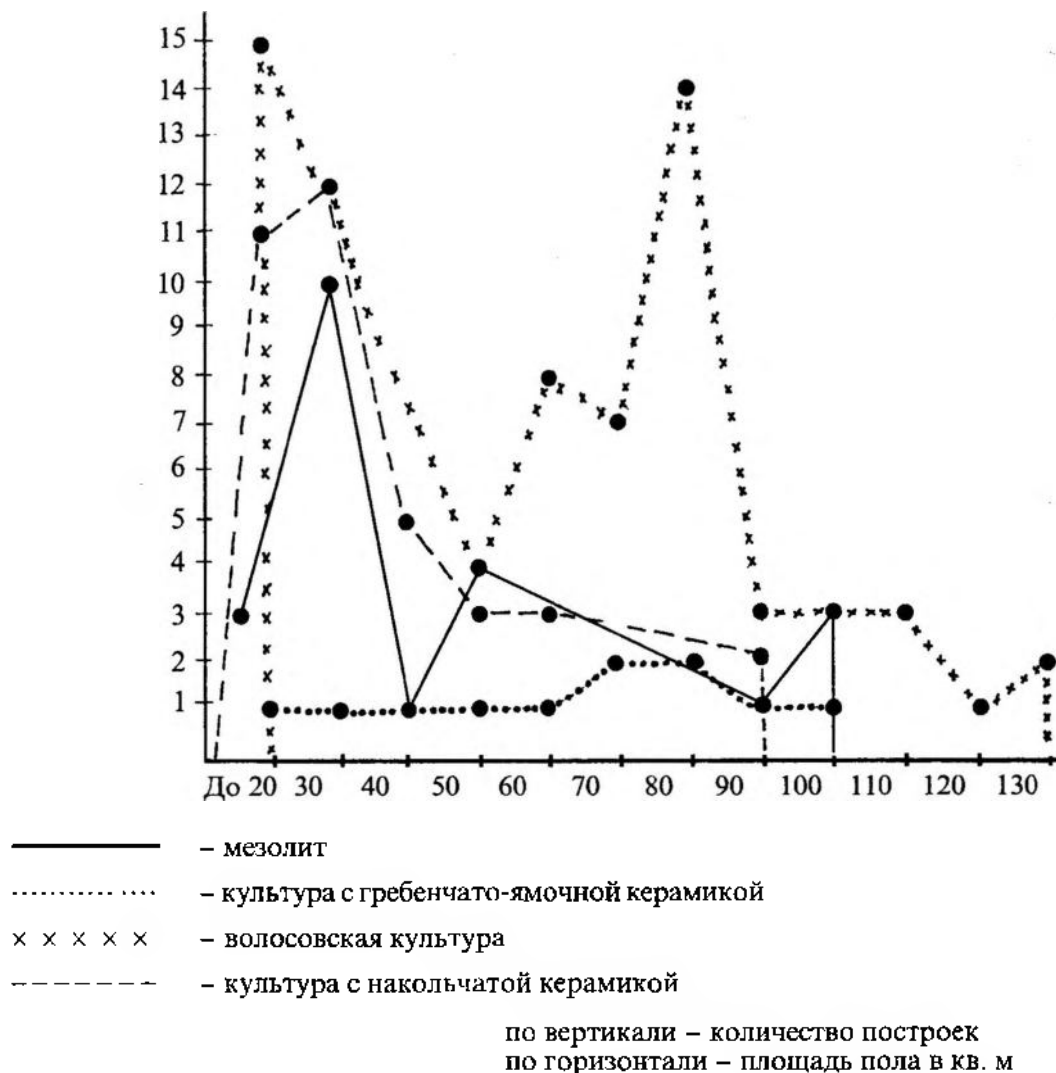

Рис. 2. График распределения жилищ по площади в мезолите-неолите

ких и экологических условий территории жизнеобеспечения община может выглядеть как совокупность отдельных малосемейных или большесемейных образований, размещённых в одном посёлке, состоящем из нескольких сооружений.

Определение характера стадийного развития общины в лесной полосе Восточной Европы, её социальный статус и внутриобщинные связи требуют специального исследования. Такая работа была предпринята В.С. Бузиным в диссертации и небольших статьях, посвящённых социальному устройству общины волосовского населения [6, с. 154-156; 7; 8, с. 32-43].

Попытки связать количество очагов в отдельных жилищах с определённой семейной ячейкой не всегда корректны. Обзор материалов эпохи камня Среднего Поволжья указывает, что часть построек имеет несколько очажных пятен, бессистемно разбросанных по всей площади пола. Сыпучесть грунта, в котором устраивались очажные ямы, не позволяла долго пользоваться одним и тем же очагом. Мы наблюдаем устройство очагов вплотную друг к другу (целая система слившихся ям), свидетельствующее в таких случаях о едином месте устройства очага. Кроме таких общин для коллектива очагов отмечаются всякого рода остатки кострищ и систем обогрева в виде ям, заполненных горящими углями и присыпаемых песком. Такие обогреватели не представляли опасности и нередко размещались вблизи деревянных конструкций. Нет убедительных свидетельств о делении построек на мужскую и женскую половины. Остатки мужской и женской производственной деятельности внутри жилищ не выражены и встречаются равномерно по всему полу. В некоторых случаях можно выделить женскую половину (а точнее, хозяйственную). На Уржумкинском поселении в жилищах 2 и 3 выявлены компактные места скопления глиняных сосудов [9, с. 8]. Примерно такую же картину можно видеть и по материалам Ахмыловского II поселения [10, с. 72].

Сравнение жилищ по площади показывает, что в эпоху мезолита вполне вероятной ячейкой общества могла быть малая семья (5-6 человек). Пик приходится на жилища площадью до 30 кв. м (55%), 20% составляют жилища площадью до 90 кв. м и 25% — постройки более 100 кв. м (рис. 2).

В неолитическую пору устойчивая тенденция сохраняется в среде населения, изготовлявшего посуду с

накольчатым орнаментом. Здесь господствуют небольшие постройки (площадью до 30 кв. м), которые составляют 63,5%, ещё 14% приходится на жилища площадью до 40 кв. м. Более крупных построек (50 и более кв. м) – 22,5%. Среди них жилища площадью более 80 кв. м составляют 5,5%.

Для населения с ямочно-гребенчатой орнаментацией посуды график развития жилищ ровный. Здесь в одинаковой степени представлены жилища площадью от 20 кв. м до 100 кв. м, что можно объяснить незначительной выборкой.

Для жилищ волосовского населения график многовершинный, и наиболее распространёнными являются жилища площадью 30-40 (25%) и 70-80 (23%) кв. м, ещё 32% – это постройки площадью от 40 до 70 кв. м. 20% жилищ – крупные постройки площадью от 80 до 130 кв. м.

Анализ развития поселений и жилищ каменного века лесной полосы Марийского Поволжья показывает, что основу поселенческой общины составляла небольшая семья из 2-3 поколений кровных родственников. Объединённая община в то же время являлась достаточно гибким социально-экономическим организмом, способным мгновенно реагировать на меняющиеся условия жизни (климатические, экономические, катастрофы и т.п.), распадаясь на отдельные производственные группировки (охотники, собиратели, рыболовы, строители), рассредотачиваясь на значительной территории и вновь соединяясь в холодное время года. Таким способом обеспечивалась система постоянного и стабильного жизнеобеспечения первобытных коллективов [11, с. 52-54; 12, с. 42-44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Майданские II и III поселения волосовской культуры // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола, 1987. (АЭМК. Вып. 12).
2. *Архипов Г.А., Никитин В.В., Шикаева Т.Б.* Выжумские памятники на Ветлуге // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. (АЭМК. Вып. 7).
3. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
4. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
5. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996.
6. *Бузин В.С.* К вопросу о социальном строе носителей волосовской культуры // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. (АЭМК. Вып. 13).
7. *Бузин В.С.* Поселения и жилища раннего металла лесной зоны европейской части СССР (социологический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
8. *Бузин В.С.* Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // РА. 1990. № 3.
9. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Уржумкинское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (АЭМК. Вып. 2).
10. *Никитин В.В.* Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. (АЭМК. Вып. 2).
11. *Никитин В.В.* Природная среда и социальная организация первобытного общества (опыт реконструкции по материалам Среднего Поволжья) // Историко-культурное наследие. Памятники археологии центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994.
12. *Никитин В.В.* Социальная организация первобытных коллективов как основной элемент баланса во взаимодействии человека и природы в каменном веке (по материалам МАЭ) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996.

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории,
Йошкар-Ола*

V.V. Nikitin

EVOLUTION OF HOUSES OF THE STONE AND EARLY METAL EPOCHS IN THE MARI VOLGA BASIN

Summary

A survey of the sources on the sites and dwellings of the stone and early metal epochs in the Mari Volga basin shows that the population of the wooden zone of Eastern Europe used a construction with a deepened trench as a house. The migrants from southern steppe and wood-and-steppe regions (the early Neolithic bearers of the pricked pottery) used ground houses as well.

For thousands of years most of the dwellings had belonged to small separate families.

A community was a collective which could be disintegrated into separate economic groups depending on changing circumstances. Then the groups could unite (in winter) thus creating an adaptable system of life security.

*Scientific and Research Institute
of Language, Literature and History
of the Republic of Mariy El
44, Krasnoarmeyskaya St., Yoshkar-Ola,
424036, The Republic of Mariy El, Russian Federation*

А.В. Вискалин

ПОСЕЛЕНИЕ РАННИХ МЕТАЛЛУРГОВ И КОНЕВОДОВ НА БАРЫШЕ

Ховринское поселение находится в Вешкаймском районе Ульяновской области на правом берегу реки Барыш, в 2 км к юго-востоку от села Ховрино. Оно располагается на дюнной гряде, развитой на восточном берегу пойменного озера, питаемого родниками. В настоящее время площадь озера невелика, оно сильно заросло камышом и осокой. Судя по заболоченной низине вокруг озера, в прошлом его размеры были значительно больше (рис. 1).

Памятник был обнаружен в начале 1990-х гг. Р.З. Губайдулловым и на протяжении нескольких последующих лет обследовался А.В. Вискалиным. За это время на его территории было выявлено свыше 2 десятков жилищных западин, намечены границы посёлка и проведены разведочные раскопки. Семнадцать из западин протянулись цепочкой по гребню центральной дюны на 260 м с запада на восток. Остальные располагаются без видимого порядка на вершинах окружающих дюн. В общей сложности поселение занимает свыше 100000 кв. м. В 1994 и 1999 гг. на памятнике совместной экспедицией Ульяновского и Самарского педагогических университетов проведены стационарные охранные раскопки, в ходе которых на разных участках поселения вскрыто свыше 866 кв. м площади [1]. Раскопы 1, 2, 4, 5 заложены в центральной части поселения, где исследовано 5 углублённых жилищ и множество хозяйственных комплексов энеолитической поры, мезолитическое жилище [2], а также сделаны единичные находки, представляющие эпохи неолита, бронзы и железа. В раскопе 3 вскрыта частично пострадавшая от грунтовой просёлочной дороги мастерская, в которой проходила выделка кварцитовых наконечников копий, дротиков и ножей. Основным комплексом поселения является энеолитический. Он залегает под маломощным дёрном – 0,1 м, в верхней толще буроватого песка на глубине 0,1-0,2 м. Буроватый песок ложится на белый материковый. На их контакте пятнами фиксируется мезолитический горизонт.

Все 5 раскопанных энеолитических жилищ относятся к числу полуземляночных конструкций, углублённых в грунт на 0,5-0,9 м (рис. 2). Они имеют изолированные выходы, обращённые в сторону реки, и хорошо заметные на уровне пола чёткие прямоугольные очертания. Размеры жилищ колеблются от 4 × 5 до 6 × 7 м. Длинной осью они ориентированы по линии С-Ю (жилище 1), З-В (жилище 3), СЗ-ЮВ (жилища 2, 4, 5). Внутреннее устройство сооружений однотипно. Полы жилищ 1, 2, 4, 5 имеют два уровня. Нижний тяготеет к привходовой части. Здесь расположены отопительные очаги и наиболее крупные хозяйственные ямки. Большинство из них – небольших размеров, с округлым дном и пологими краями. Исключение составляет хозяйственная яма-хранилище в жилище 4. Она грушевидной формы, образовавшейся из-за вкопанной в песок корзины. Верхний уровень пола возвышается над нижним на 0,1-0,15 м. Здесь находились спальные лежанки, охватывающие очаг полукольцом. В жилище 4 удалось проследить остатки брёвен в виде углестых полос шириной 0,1-0,2 м, фиксирующих песчанистые края лежанок и стенок котлована.

Из общего ряда выбивается жилище 3. Его пол имеет лишь 1 уровень, а в основе лежанок находится деревянная конструкция. На это указывают ряды столбовых ямок, расположенных на некотором расстоянии от стен (0,9 м) и, следовательно, не связанных с крепежом облицовки стенок котлована.

Отопительные очаги жилищ 1 и 2 зафиксированы у входа, жилищ 3-5 – на противоположной от входа стороне. Но практически везде они располагаются не по центру жилища, а вблизи одной из его сторон: северной – у жилища 3, южной – у жилищ 1, 2, восточной – у жилища 5.

Кровля не поддаётся однопозначной реконструкции. Выявленные столбовые ямки располагаются в жилищах бессистемно как вдоль стен, так и по центру. Однако в жилищах 2 и 5 примерно в центре обнаружены крупные и глубокие ямы, перекрытые очажными слоями. Обе ямы имеют слабогумусированное заполнение. Количество находок невелико, что резко контрастирует с их концентрацией на окружающих участках пола. Это указывает на то, что ямы использовались для крепления центрального опорного столба и были засыпаны в самый начальный период существования жилища.

Малочисленность и невыразительность хозяйственных сооружений внутри жилищ хорошо согласуется с данными об активном освоении обитателями посёлка околожилищного пространства. Здесь выявлено свыше 30 сооружений, связанных с энеолитическим посёлком. На это указывают характер заполнения, состоящего из светло-серого или буроватого песка и заметно отличающегося от более тёмного заполнения сооружений эпохи бронзы, а также находки из них. Наряду с небольшими встречаются достаточно крупные ямы. Среди последних можно выделить 2 погребя. Один связан с выходом жилища 4, его глубина 1 м, диаметр – 1,5 м.

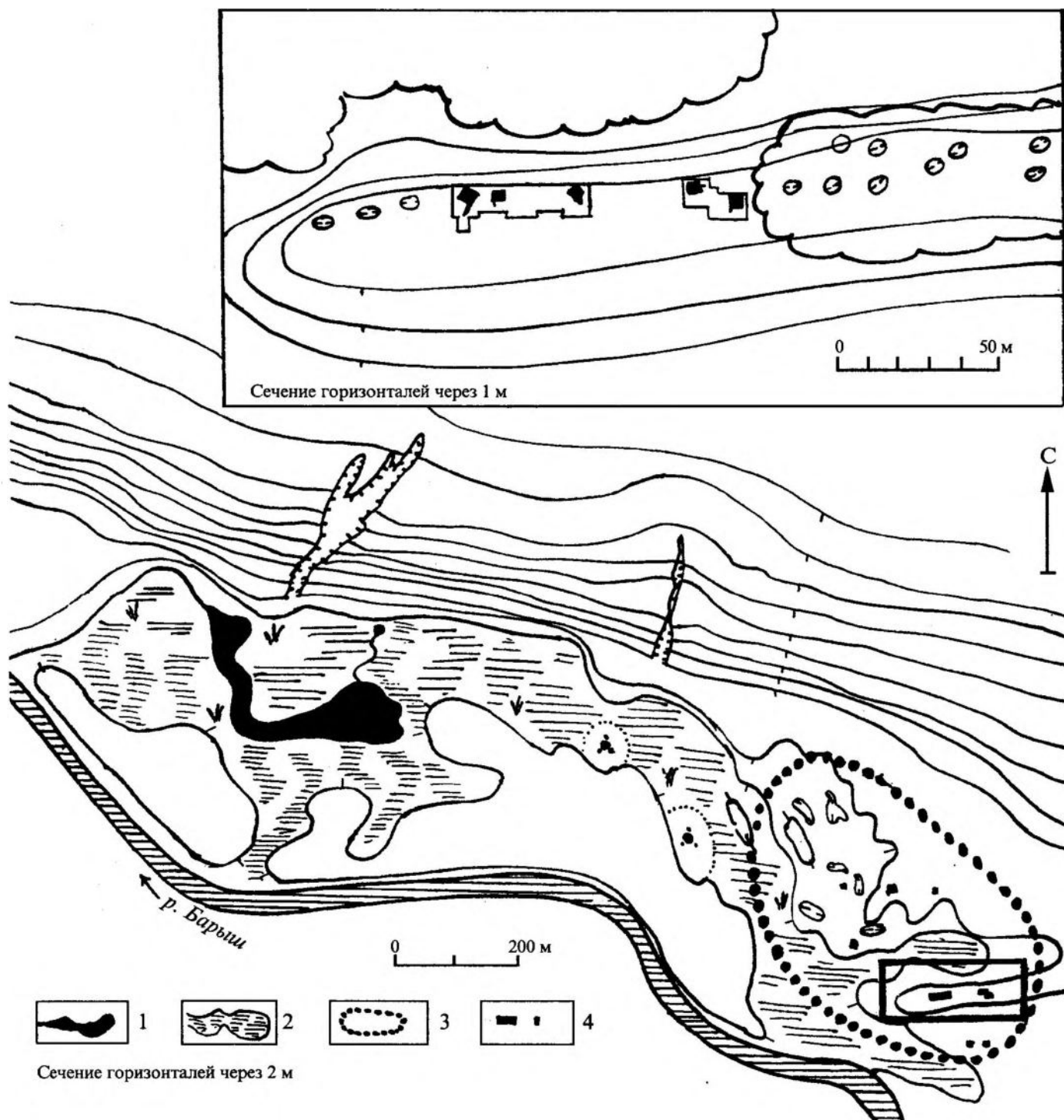

Рис. 1. План Ховринского поселения ранних металлургов:

- 1 – современное озеро; 2 – озёрная котловина и границы древнего водоёма; 3 – границы поселения; 4 – раскопы и шурфы

Другой располагается между жилищами 3 и 5 и имеет плоское дно, подбой и ступеньки. Его глубина от современной поверхности составляет 2,1 м, а ширина в основании – 1,5 м.

К числу хозяйственных объектов относится скопление кусков песчаника и плохого кварцита. Оно занимает площадь 15 кв. м при мощности в центральной части 0,1 м. Характер обработки песчаника свидетельствует о том, что здесь производилась его предварительная оббивка.

Скорее ритуальную, чем хозяйственную функцию имеет комплекс неглубокой прямоугольной ямы длиной 2 и шириной 1,2 м, сориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В заполнении ямы найдены медный (рис. 5:10) и кремнёвый ножи, скребок и несколько мелких обломков керамики. Вокруг ямы обнаружено 3 крупных открытых очага, насыщенных жжёными костями. В очагах и вокруг них практически нет

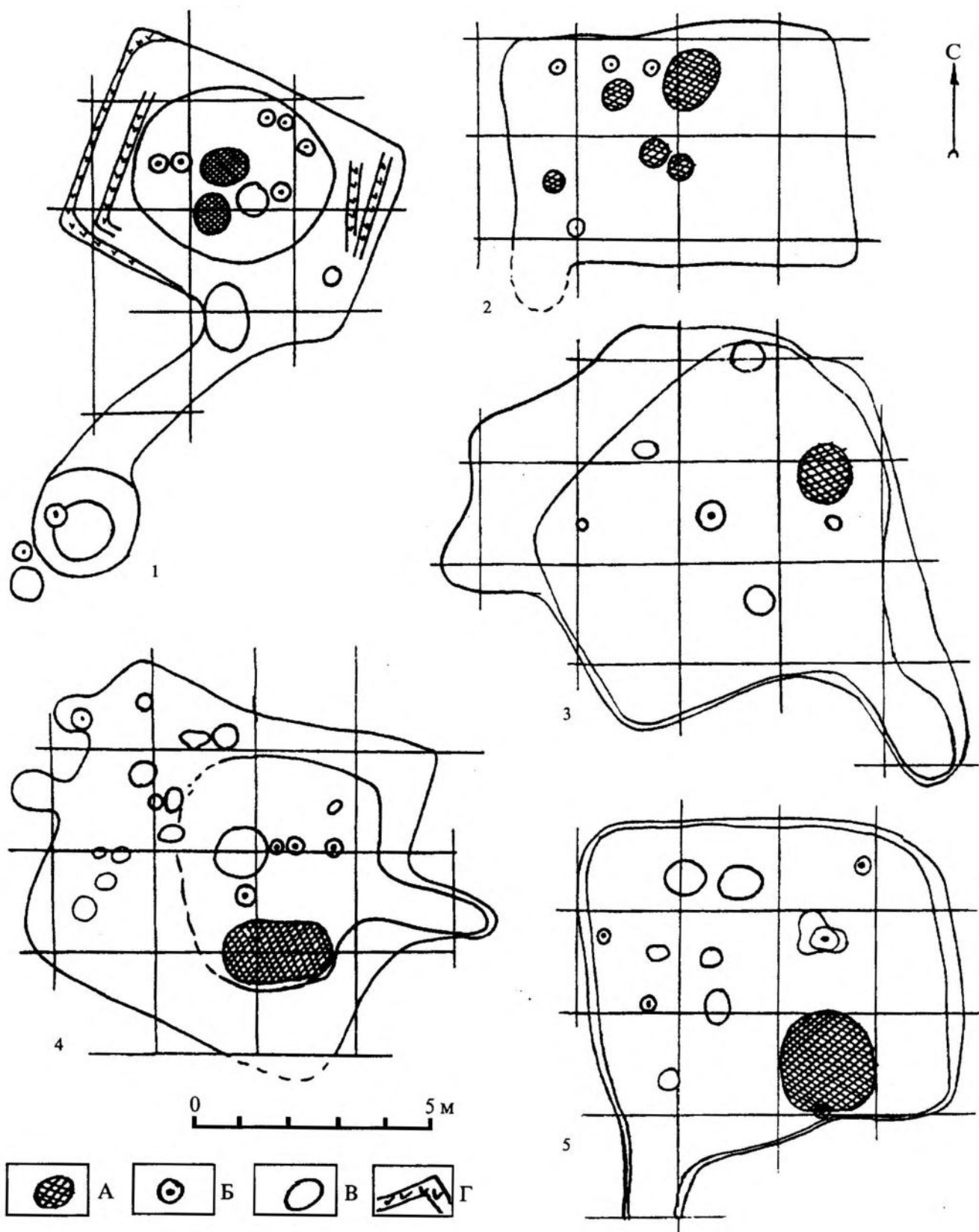

Рис. 2. Ховринское поселение. Планы жилищ: 1 - № 4; 2 - № 3; 3 - № 5; 4 - № 2; 5 - № 1.
 А - очаги; Б - столбовые ямы; В - хозяйственные ямы; Г - углистые полосы

находок керамики. На этом основании можно предположить, что очаги носят неутилитарный характер и составляют с ямой единый комплекс. Его возможное назначение – захоронение с несохранившимся скелетом.

На площади раскопов 1,2,4,5 собрано более 5 тысяч предметов. Обломки глиняной посуды (2078 экз.) залегали рассеянно и в виде скоплений в непосредственной близости от жилищ, в их заполнении и на полу. Анализ размещения обломков показывает, что большинство сосудов первоначально располагалось по краям котлована, использовавшимся, видимо, в качестве своеобразной земляной полочки. При обрушении деревянного перекрытия посуда разбилась и часть обломков упала на пол. Другая осталась на прежнем месте, постепенно попадая в заполнение жилища по мере разрушения его бортов.

По венчикам и орнаментации удаётся выделить около 45 – 50 сосудов. Большинство из них реконструировано графически полностью или частично. В техническом отношении керамика представляет несомненное единство. Она вылеплена по сходной технологии из старичной или озёрной глины с обильными добавками органической трухи, песка, охристых шаровидных включений, птичьего пуха. От выгоревших примесей керамика приобретает пористую фактуру. Её прочность не велика, она легко крошится и “мажется” от прикосновения. Цвет керамики охристо-жёлтый. Встречаются тонкие небольшие сосуды с толщиной стенок 4-5 мм и толстые – свыше 10 мм. Поверхность посуды хорошо заглажена и выровнена. На ней сохраняются следы штриховки зубчатым предметом и лощения.

По форме выделено 4 группы посуды (рис. 3). Первая представляет собой горшки полуяйцевидных удлинённых пропорций с закрытым или слабоотогнутым наружу краем, округлым или плоским дном. Венчики имеют округлые или плоские срезы и по толщине не отличаются от стенок – 11 сосудов, утолщение снаружи – 4, изнутри – 6, оформлены в виде воротничка – 2 сосуда. Вторая группа численно не уступает первой. Для неё характерна плоскодонная посуда с намеченной шейкой и плечиками. Горловина оформлена в виде стоячего подцилиндрического воротничка – 5 сосудов, плавно отогнута наружу – 4 сосуда, отогнута под резким углом, придающим венчику Г-образные очертания, – 4 сосуда. Третья – образована баночными и котловидными прямостенными горшками с округлым либо плоским дном. Среди венчиков выделяются прямые с округлым срезом – 4 сосуда, с Т-образным завершением – 8 сосудов. Большинство сосудов покрыто углублённым орнаментом. Отсутствие орнамента с определённой точностью можно отметить лишь на 3-4 сосудах. Для орнаментации характерна разреженность узоров и использование различных форм зубчатого штампа – 15 сосудов, наколов – 9, ногтевидных насечек – 2, прочерков – 1, верёвочки – 4, оттисков аммонита – 1 и метаподиев – 1 сосуд.

Система орнаментации включает горизонтальные, вертикальные, косовертикальные полосы, шевроны, свисающие треугольники, вертикальный и горизонтальный зигзаги, сетку, неясные композиции.

Каменный инвентарь насчитывает более 3 тысяч предметов из кремня, кварцита, песчаника, сланца. Из общего числа сделанных на раскопах 1, 2, 4, 5 находок выделяются орудия – 465, нуклеидные куски – 45, отбойники – 3. Остальные являются отщепами без обработки, бесформенными кусками, осколками.

Орудия (рис. 4) изготовлены на крупных отщепах из коричневого и белого, реже – чёрного и красного кремня, а также кварцита. Крупные пластины в качестве заготовок использованы в 2 случаях.

Самая многочисленная группа орудий – скребки и скрёбла (65 экз.) из кремня и кварцита. Среди них преобладают концевые со спрямлённым лезвием подпрямоугольной и подтреугольной форм. Более редкими являются боковые с дугообразным лезвием. На многих скребках тщательно обработаны боковые стороны, ретуль с которых заходит глубоко на спинку. У двух изделий выделена рукояточная часть (рис. 4: 24).

Вторая по численности категория орудий – ножи и резчики (54 экз.). Они изготовлены на крупных листовидных и подтреугольных отщепах, ребристых сколах, пластинах. Ножи на отщепах имеют 1-2 обработанных двусторонней ретушью и образующих остриё лезвия (рис. 4: 30). Бифациальные ножи получались из крупных кусков кварцита. Единственный сохранившийся экземпляр такого ножа имеет листовидную форму (рис. 4: 21).

Наконечники стрел, дротиков и копий (50 экз.) изготовлены из кремня, кварцита и кремнистого известняка. Наконечники копий и дротиков имеют листовидную форму – 4 (рис. 4: 22, 23). Среди наконечников стрел выделяются листовидные – 3 (рис. 4: 13, 14), треугольные с вогнутым основанием – 4 (рис. 4: 1-3, 5), подтреугольно-черешковые – 4 (рис. 4: 4, 6, 7), ромбические – 6 (рис. 4: 8, 9, 11), есть также аморфные и обломки.

К перфораторам относятся проколки – 6 и свёрла – 4. В качестве заготовок использованы вытянутые отщепы и сколы подтреугольного сечения (рис. 4: 15-20). У двух проколов оформлены массивная рукоятка и тонкое жало. Для свёрл характерна листовидная форма, утонченное основание и следы утилизации в виде затёртости рабочего конца.

Небольшой серией в коллекции представлены скобели на отщепах – 10, абразивные и шлифовальные плитки – 14, выпрямители древков – 5 (рис. 5: 12), одним экземпляром – мотыжка, изготовленная из крупного кварцитового отщепа, шлифованное тесло с желобчатым лезвием, молоток из розового кварцита (рис. 5: 17), грузики для сетей – 3 (рис. 5: 18-20), сланцевые подвески – 4 (рис. 5: 13-15). Остальные орудия являются отщепами с бессистемной обработкой и трудноопределимыми обломками – 247.

Наиболее примечательную категорию находок образуют изделия из меди (11 экз.), капли металла (3 экз.) и следы металлоплавки в виде окислов меди и оплаковки на стенках 3 сосудов, обнаруженные во всех 5 неолитических жилищах. Уникальным является массивное тесло с желобчатым лезвием и раскованным бойком, сходное по своей форме с каменными орудиями (рис. 5: 1). Его длина равна 87, ширина – 29, а толщина – 17 мм. Группа ножей включает 3 предмета. Наиболее крупный из них имеет саблевидную форму с изогнутым лезвием и массивным черешком (рис. 5: 11). Размеры этого изделия: длина – 125, ширина – 19,

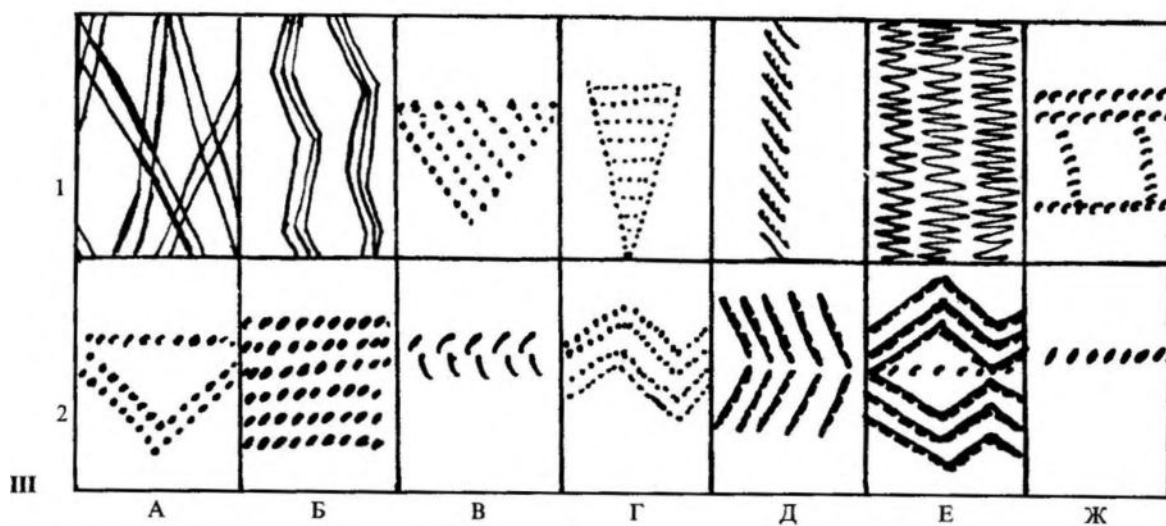
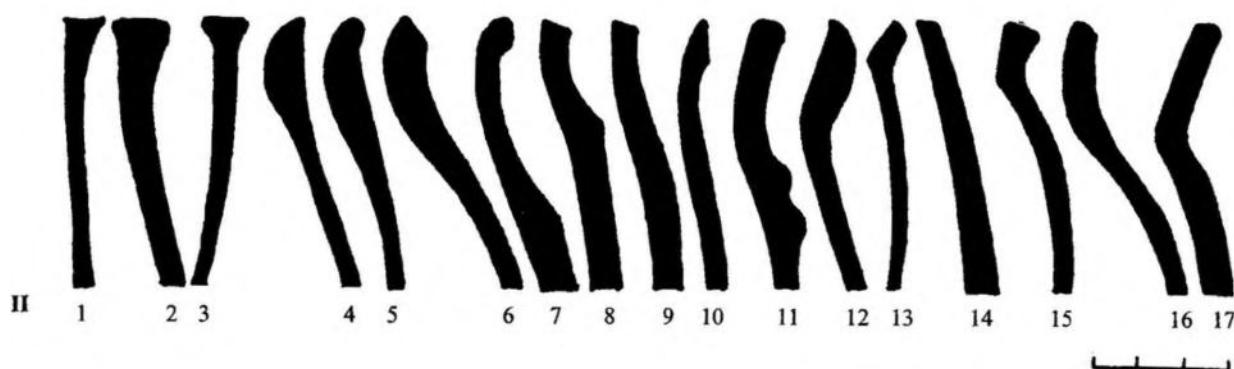
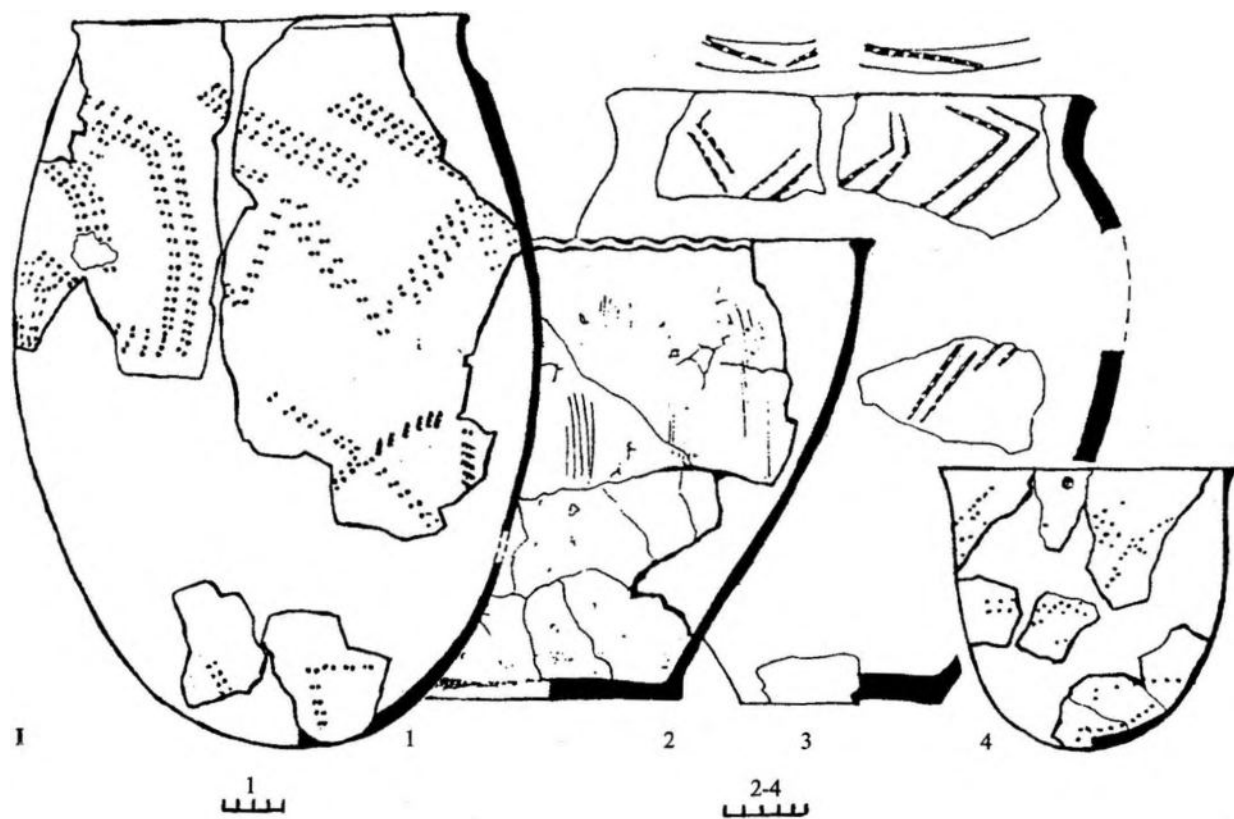

Рис. 3. Ховринское поселение. Керамика: I – сосуды; II – формы венчиков сосудов; III – орнаментальные композиции

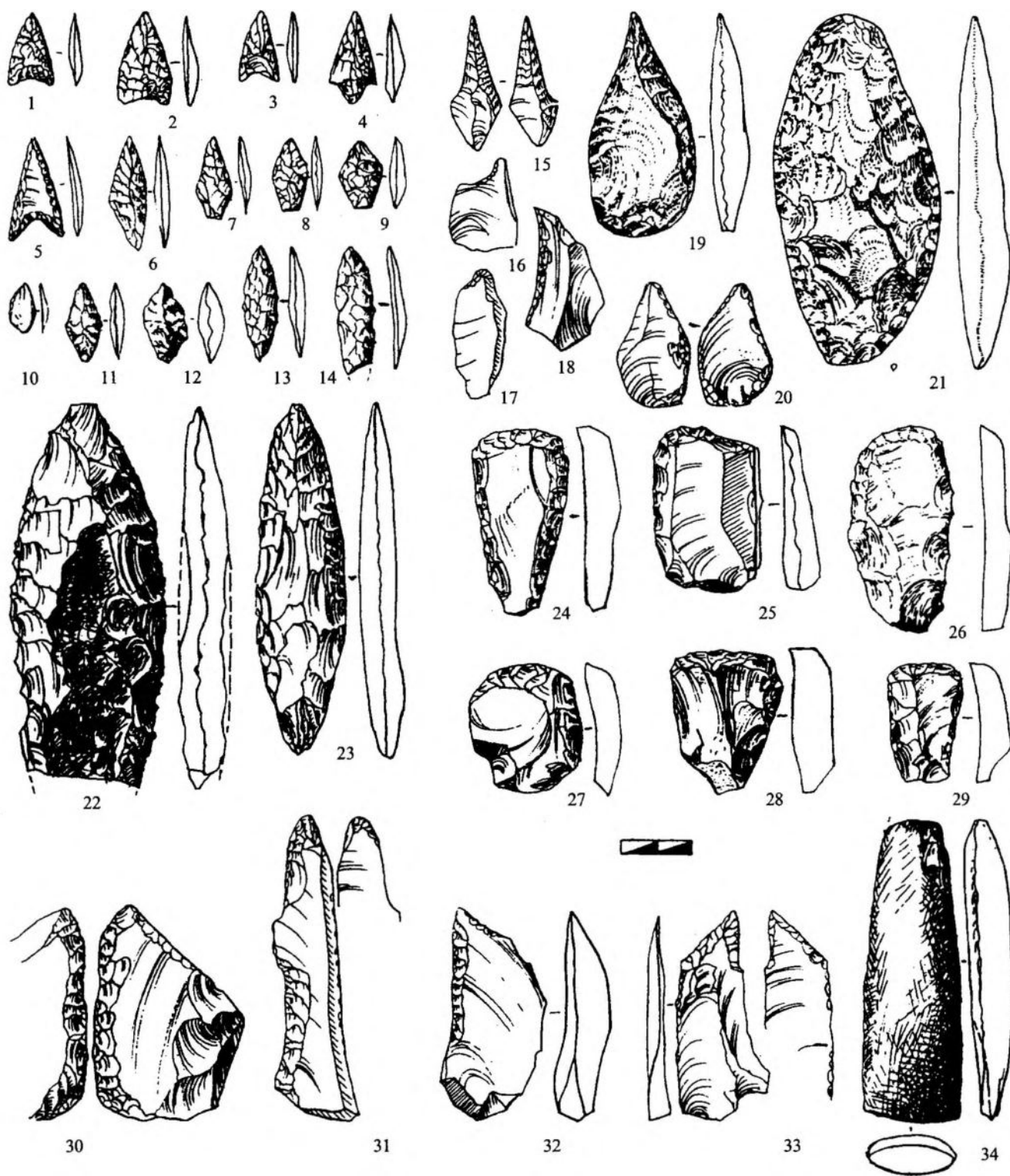

Рис. 4. Ховринское поселение. Каменный инвентарь.
1-11, 13-18, 20, 22-25, 27-34 – кремний; 12, 19, 21, 26 – кварцит

толщина – 4 мм. Второй нож изготовлен из тонкой пластинки 100×11 мм. У него прямое лезвие, острый кончик и слабо выделенный насад (рис. 5: 10). Третий является небольшой пластинкой, выгнутый край которой имеет лезвийную заточку (рис. 5: 6). Размеры данного орудия составляют 37×9 мм. Дополняют коллекцию металлических изделий 2 шила и крючок из четырёхугольного дрота (рис. 5: 3-5), бляшка-нашивка с пуансонным орнаментом диаметром 38 мм (рис. 5: 2), скрученная по концам пластинка неясного назначения (рис. 5: 9), несколько мелких обломков трубчатых пронизок или окантовки берестяных сосудов (рис. 5: 7, 8).

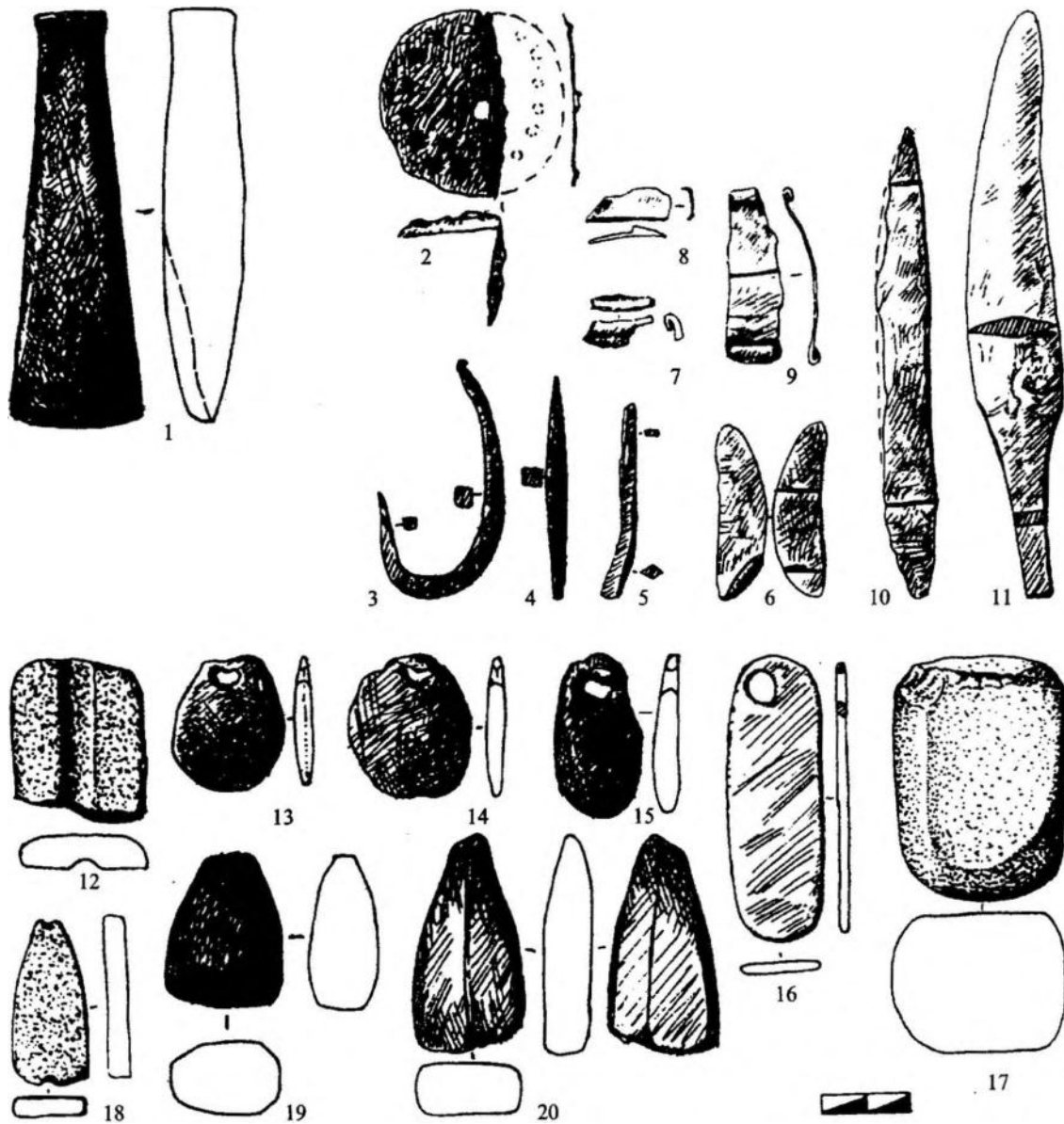

Рис. 5. Ховринское поселение. Орудия и украшения из меди (1-11), песчаника (12, 18), сланца (13-16), кварцита (17), мергеля (19, 20)

В завершение остановимся на проблеме культурно-хронологического положения и соотношения вещевого и жилищного комплексов находок. В ходе первоначальной интерпретации ограниченного по объёму и информативности материала было отмечено наличие развитых и более поздних форм волосовской посуды [1]. Однако новые находки дают убедительные свидетельства одновременности всех жилищных комплексов энеолитического поселения. Об этом говорит единая планировка центральной части посёлка с вытянутыми по одной линии пятью жилищами, сходная конструкция полужемлянок, типологическая и сырьевая однородность кремнёвой и кварцитовых индустрий, единство керамического комплекса, отмеченные факты залегания обломков одного сосуда одновременно на полу и в заполнении соседних жилищ, следы металлообработки и медные изделия, связь которых со всеми жилищами надёжно документирована.

Давая оценку культурной позиции Ховринского поселения, следует отметить наличие в его материалах двух компонентов. С одной стороны, отщеповая кремнёвая индустрия, основные формы плоскодонной и круглодонной посуды, состав примесей к глине и орнаментация керамики находят многочисленные параллели в поздневолосовских [3, с. 63, 64, 69] и имеркских [4, с. 12] древностях Среднего Поволжья, датирующихся кон. III – нач. II тыс. до н.э.

С другой стороны, в керамике, кремне и домостроительстве отмечаются следы влияния ряда позднеэнеолитических и раннебронзовых культур лесостепного Подонья. В материалах раннего (павловского) этапа среднедонской катакомбной культуры находят аналоги плоскодонные горшки с отогнутыми венчиками, наме-

ченными плечиками и уступчиками, подцилиндрической горловиной, налепными валиками на шейках, валиковым утолщением с внешней стороны венчика, орнаментацией тулова сплошными рядами оттисков зубчатого штампа, треугольные с вогнутым основанием и приострѣнными шипами наконечники стрел [5, с. 27–69; 6, с. 40–43]. С иванобугорской и ранней абашевской культурами Ховринское поселение сближают паличие у сосудов воронковидных горловин с Г-образными и желобчатыми венчиками со следами косовертикальных расчѣсов на шейках [6, рис. 11], насечек зубчатым и гладким штампами по срезу горловины, мотивов свисающих вниз заштрихованных треугольников, а также однокамерные изолированные жилища [6, с. 36–39, 41, 42; 7, рис. 59, 60a]. Параллели ховринской керамике отмечаютя и в комплексах ранней воронежской культуры в виде пережиточных воротничковых, а также массивных Г-образных венчиков с утолщенным наплывом. Время бытования всех перечисленных черт культуры может быть определено рамками руб. III-II – нач. II тыс. до н.э., что согласуется с волосовской линией синхронизации [8, с. 19–20; 9, с. 37–46].

Все перечисленные компоненты образуют органически единое и синкретичное в своей основе явление, однозначная интерпретация которого на данном этапе исследования едва ли возможна. В качестве гипотезы можно выдвинуть 2 версии механизма формирования отмеченного культурного синкретизма. Согласно одной – Ховринское поселение оставлено группой эмигрантов из донской лесостепи, смешавшихся в Посурье с местным поздневолосовским населением. С собой эмигранты принесли ямно-катакомбный тип наконечников стрел, конструкцию жилищ с центральным столбом-опорой, коневодство, металлообработку и некоторые из упомянутых выше типов посуды. По другой версии, в Посурье продвинулась поздневолосовская группа населения, имевшая контакты с обитателями лесостепного Подонья и преобретшая упомянутые выше южные черты. Как в том, так и в другом случае с достаточной степенью уверенности можно констатировать существование в предбалановское время активных контактов поздневолосовского населения лесной зоны Посурья с обитателями южнорусских лесостепей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вискалин А.В., Обвинникова Н.В. Новые памятники эпохи раннего металла в лесостепном Поволжье // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской конференции по финно-угроведению: Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1995.
2. Вискалин А.В., Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Мезолитический комплекс Ховринского поселения на реке Барыш // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000.
3. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
4. Королев А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
5. Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
6. Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита – бронзового века Верхнего Придонья (по результатам раскопок поселения Курино 1) // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996.
7. Прякин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
8. Бессуднов В.И. Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1988.
9. Синюк А.Т. Нижнепорожеская стоянка и некоторые спорные вопросы изучения воронжской культуры // Археология доновожского бассейна. Воронеж, 1993.

*Государственный историко-мемориальный
заповедник «Родина В.И. Ленина»,
Ульяновск*

A.V. Viskalin

A SETTLEMENT OF EARLY METALLURGISTS AND HORSE BREEDERS ON THE BARYSH RIVER

Summary

The settlement of early metallurgists and horse-breeders on the Middle Barysh River, which has been studied with wide spread excavations, demonstrated natural combination of the late Volosovo population's traditions together with ones of several cultures of wood and steppe zone of the Don basin (Katakombnaya, Ivanobugorskaya, Early Abashevo, Srednestogovskaya, Voronezhskaya cultures) in aspects of its material culture's shape. The revealed cultural syncretism is the evidence firstly of the strengthening contacts between the inhabitants of the wood and steppe Don's basin and the Volosovo population of the northerner wood areas of the Sura River basin on the boundary of the 3rd and 2nd millenium BC, and secondly – of a depth of penetration of southern impulses into the wooden tribes' cultures in pre-Balanovo time.

*The State Historical-Memorial Reservation
“The Motherland of V.I. Lenin”
98, Lenin St., Ulyanovsk,
432063, Russia*

В.П. Челябинов

ПАМЯТНИКИ ПРИМОКШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ

В понимании этнокультурных процессов в эпоху бронзы на территории Среднего Поочья одно из важных мест занимает изучение примокшанской культуры.

Примокшанская культура была выделена П.Д. Степановым в 1955 г. на основании материалов, полученных при раскопках и сборах на поверхности нескольких городищ раннего железного века и поселений в бассейне р. Мокши [1, с. 66-73]. П.Д. Степанов отметил оригинальность пайденой керамики, резко отличающейся как от неолитической посуды, так и от известных в то время материалов эпохи бронзы данного района. В дальнейшем исследователем были отмечены слои, содержавшие примокшанскую керамику, ещё на ряде памятников [2].

В последующие годы в результате расширения исследований в сопредельных районах были обнаружены памятники с примокшанской керамикой в бассейне р. Цны и в верховьях р. Воронеж в Тамбовской области [3, с. 137-151]. Т.Б. Попова обратила внимание на присутствие керамики примокшанского типа на поселении Подзорново, расположенном в бассейне р. Воронеж и обследованном М.Е. Фосс [4, с. 17-25]. При проведении раскопок на поселениях Перикса и Шлихтинское она выделила комплекс с так называемой вафельной керамикой, а фактически – керамикой примокшанской культуры [3, с. 147, рис. 6].

На поселении Перикса, расположенном на песчаной дуне левого берега р. Цны в 2 км к югу от г. Тамбова, Т.Б. Поповой была получена коллекция керамики, украшенной ромбовидными оттисками, как покрывающими внешнюю поверхность сосудов, так и переходящими на внутреннюю поверхность резко отогнутых наружу венчиков. Венчики украшены валиками и зашипами. Сосуды сделаны из тщательно отмученной глины и хорошо обожжены. Фрагменты керамики данного типа стратиграфически находились в нижней части культурного слоя стоянки, где они залегали совместно с ранней срубной керамикой. Здесь же было найдено бронзовое клиновидное тесло, аналогу которому находятся в памятниках ранней бронзы Северного Причерноморья и Северного Кавказа [3, с. 141, рис. 3: 3].

В 1965 году близ с. Журавкино Zubово-Полянского района Республики Мордовия на р. Вад было обследовано поселение срубной культуры. Здесь сделаны интересные стратиграфические наблюдения – керамика примокшанского типа, орнаментированная ромбами и подтреугольными вдавлениями, залежала в нижней части культурного слоя [5, с. 177, рис. 3: 1, 5, 7].

В настоящее время круг памятников, содержащих керамику примокшанской культуры, значительно расширился территориально, их количество увеличилось. Изучение коллекций керамики из ранее открытых и вновь выявленных памятников позволяет включить в ареал распространения примокшанской культуры и рязанские течения рек Мокши и Оки.

В 1960-х гг. в бассейне р. Цны Н.И. Паниным были проведены разведки, в результате которых обнаружены памятники, содержащие примокшанскую керамику. При обследовании городища раннего железного века Весёлый 1 (рис. 1: 61) в нижних горизонтах культурного слоя найдено большое количество керамики, украшенной валиками, зашипами, оттисками ромба, с хорошо профилированными венчиками [6]. Аналогичная керамика в небольших количествах была найдена и на ряде других памятников (Бирюковка, Борки, Каширино, Борковская ГЭС).

В 1970-1990-х гг. при проведении археологических разведок памятники с примокшанской керамикой найдены как в бассейне р. Мокши, так и в среднем течении р. Оки (рис. 2: 1-10; 3: 1-17; 4: 1-11; 5: 1-11; 6: 1-8; 7: 1-11; 8: 3-5). На некоторых из них были сделаны ограниченные раскопки, например, на поселении Сумбулово IV, расположенном на высоком левом берегу р. Оки (рис. 1: 10). В результате работ получена коллекция керамики примокшанского облика [7]. Сосуды сделаны из хорошо промытой глины. Внешняя поверхность коричнево-красная, часто с переходом в красный и жёлто-красный цвет. Венчики сосудов хорошо профилированы. Орнаментированы как внешняя поверхность венчиков, так и внутренняя. Существенным элементом орнамента является наличие пальцевых зашипов по краю венчика. Распространены отпечатки ромба (рис. 2: 1).

Интересные наблюдения получены при раскопках поселения Мыс Доброй Надежды 1 в Нижнем Примокшанье [8, с. 17-28]. Основной материал поселения относится к поздняяковской культуре, но в нижней части культурного слоя найдены фрагменты примокшанской керамики (рис. 3: 1-17). Значительная коллекция примокшанской керамики была получена и при раскопках Шокшинского поселения [9, с. 19-28].

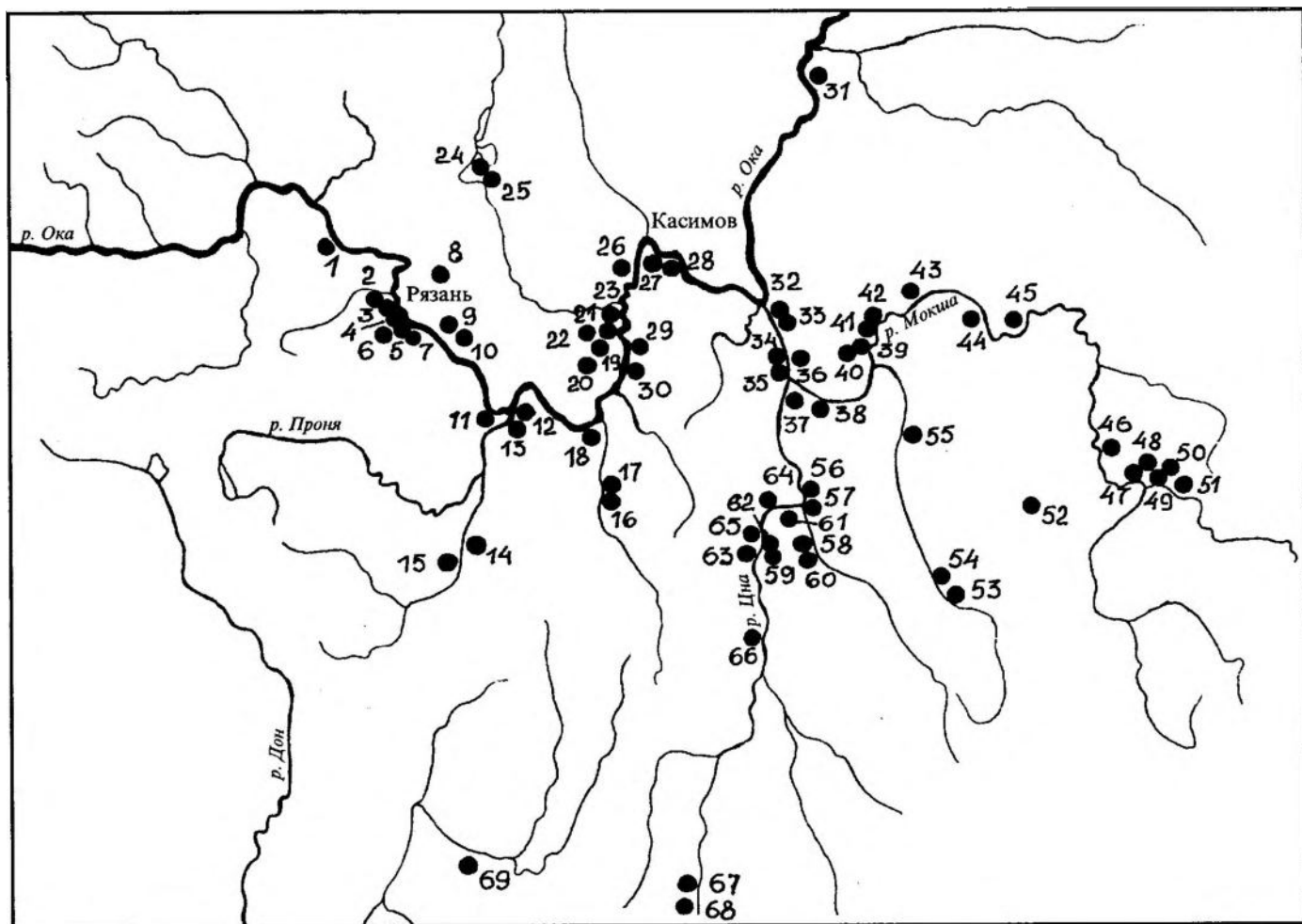

Рис. 1. Памятники примокшанской культуры на Средней Оке

1 – Большой Лес II, поселение;	36 – Мыс Доброй Надежды 1, поселение;
2 – Перекаль, поселение;	37 – Кошибеево, стоянка;
3 – Логинов Хутор, поселение;	38 – Ласицы, городище;
4 – Фефёлов Бор, могильник;	39 – Кокуй 4, поселение;
5 – Фефёловская придорожная, стоянка;	40 – Вознесенское, городище;
6 – г. Рязань;	41 – Широмазово 2, поселение;
7 – Борковская 2, стоянка;	42 – Шокшинское, поселение;
8 – Лысая гора, поселение;	43 – Теньгушевское, городище;
9 – Мурмино 1, поселение;	44 – Старый Город, городище;
10 – Сумбулово IV, поселение;	45 – Итяково, городище;
11 – Красный Маяк, поселение;	46 – Волгапинское, поселение;
12 – Засечье 3, поселение;	47 – Паево, городище;
13 – Засечье 2, поселение;	48 – Ратъезд Новый, селище;
14 – Пехлец 1, поселение;	49 – Старо-Пшенево, городище;
15 – Поллевино XI, поселение;	50 – Казна-Пандо, городище;
16 – Красный Угол, городище;	51 – Паево, селище;
17 – Кривель II, городище;	52 – Журавкинское, поселение;
18 – Шилово 8, поселение;	53 – Ширингуши, поселение;
19 – Одоевская Ферма (Белая гора), поселение;	54 – Жукское, городище;
20 – Одоевская Ферма 1, могильник;	55 – Имерка I-Б, поселение;
21 – Гришинский исток 3, поселение;	56 – Ваша 6, стоянка;
22 – Городковичи 11, поселение;	57 – Бирюковка 1, поселение;
23 – Берёзовый Рог, могильник;	58 – Важное 3, поселение;
24 – Шагарский могильник;	59 – Шаморга 9, поселение;
25 – Чёрная Гора, поселение;	60 – Каширино 2, поселение;
26 – Ибердус 3, поселение;	61 – Весёлый 1, городище;
27 – Курманское 4, поселение;	62 – Борковская ГЭС, поселение;
28 – Подборновское 1, поселение;	63 – Борки 8, поселение;
29 – Святое 1, поселение;	64 – Аксельмеево, поселение;
30 – Свинчус 1, поселение;	65 – Польное Ялтуново 1, поселение;
31 – Мало-Окуловские курганы;	66 – Давыдовское, поселение;
32 – Лебяжий Бор 6, поселение;	67 – Перикса, поселение;
33 – Лебяжий Бор, могильник;	68 – Плихтинское, поселение;
34 – Наши, городище;	69 – Подзорово, поселение;
35 – Наши 2, стоянка;	

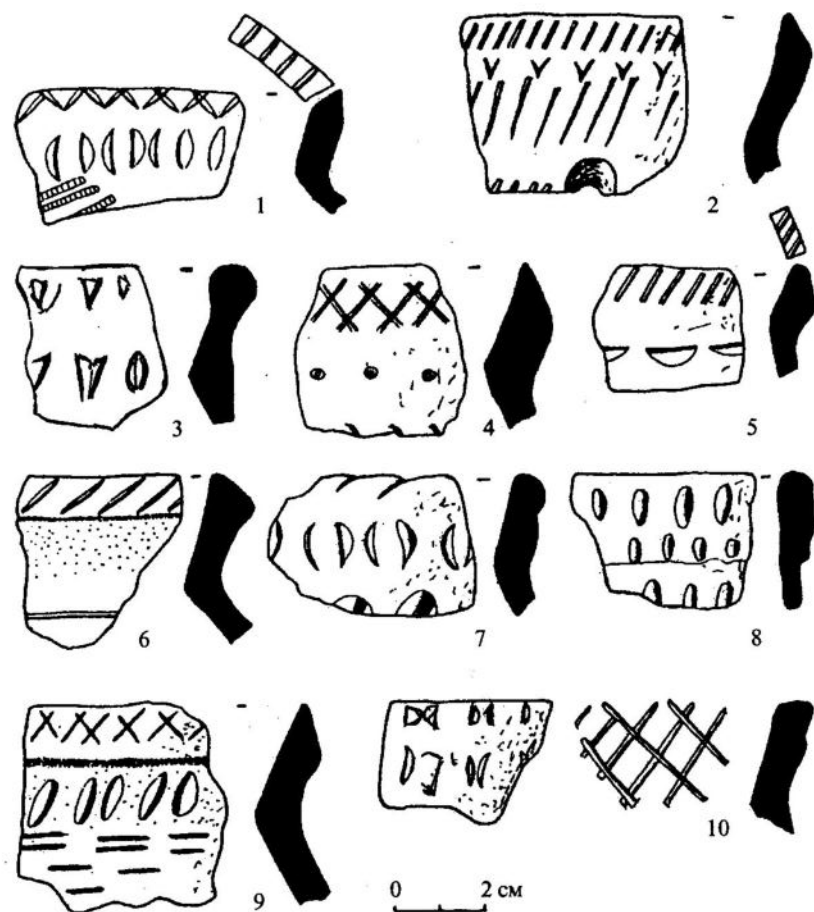

Рис. 2. Керамика примокшанской культуры.
 1 – Сумбуловское IV, поселение; 2, 9 – Гришинский исток 3, поселение;
 3, 7, 8 – Одоевская Ферма (Белая гора), поселение;
 4, 6 – Мурмино 1, поселение; 5 – Берёзовый Рог, могильник;
 10 – Поплевино XI, поселение

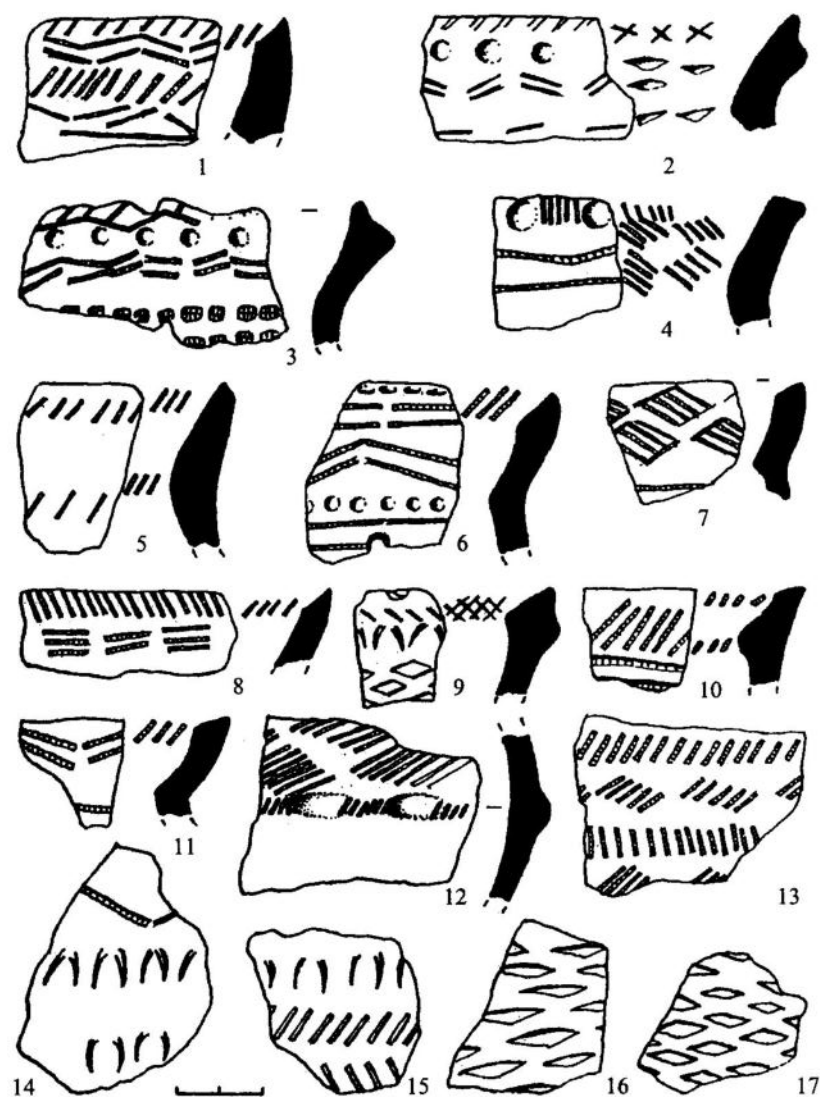

Рис. 3. Керамика примокшанской культуры.
 Поселение Мыс Доброй Надежды 1

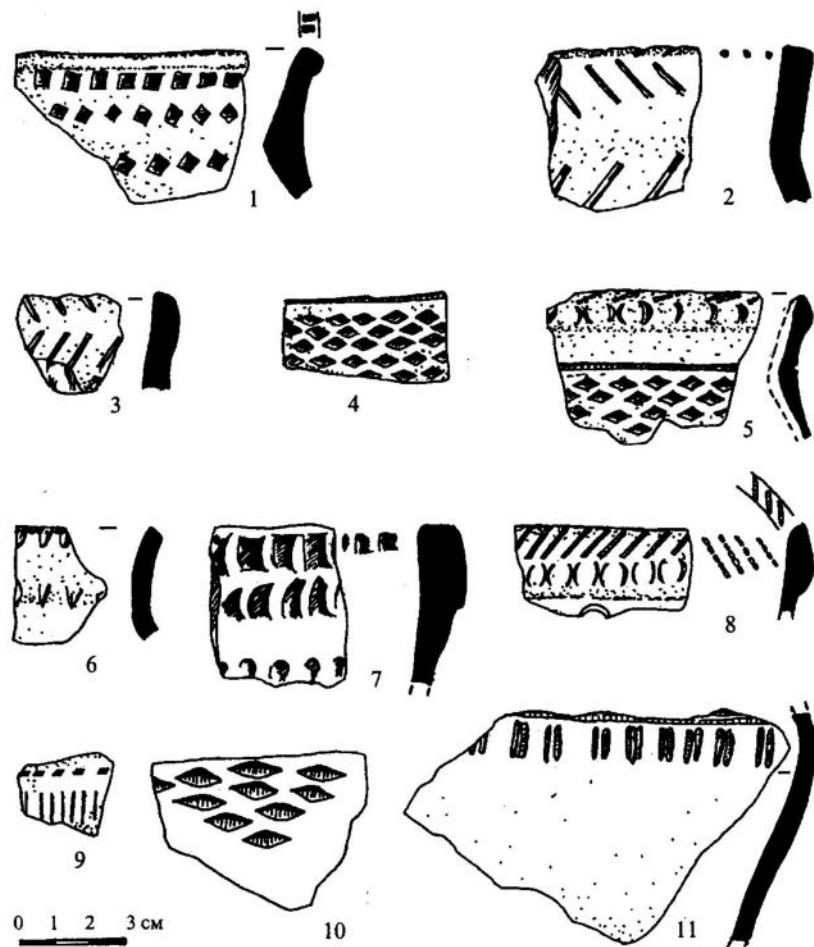

Рис. 4. Керамика примокшанской культуры. Вознесенское городище

Рис. 5. Керамика примокшанской культуры.
Вознесенское городище

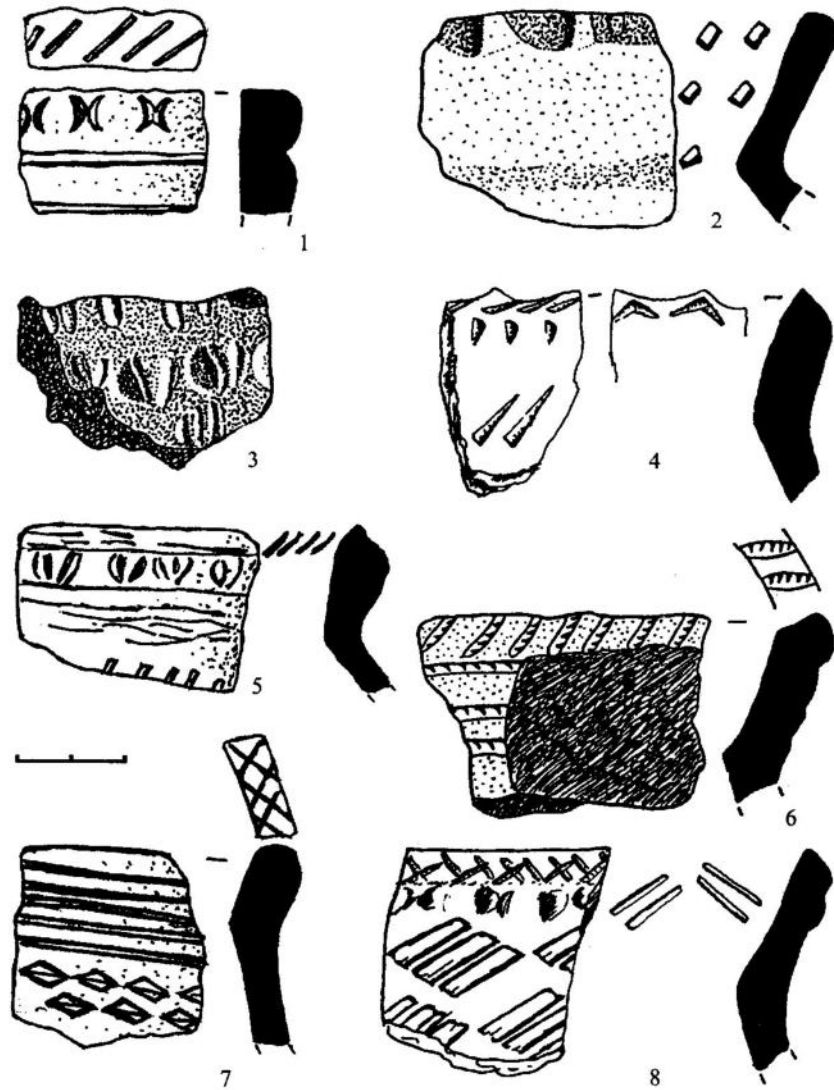

Рис. 6. Керамика примокшанской культуры. 1 – Красный Угол, городище; 2, 3, 6 – г. Рязань; 4 – Каширино I, поселение; 5 – Одоевская Ферма (Белая гора), поселение; 7 – Курманское IV, поселение; 8 – Лысая гора, поселение

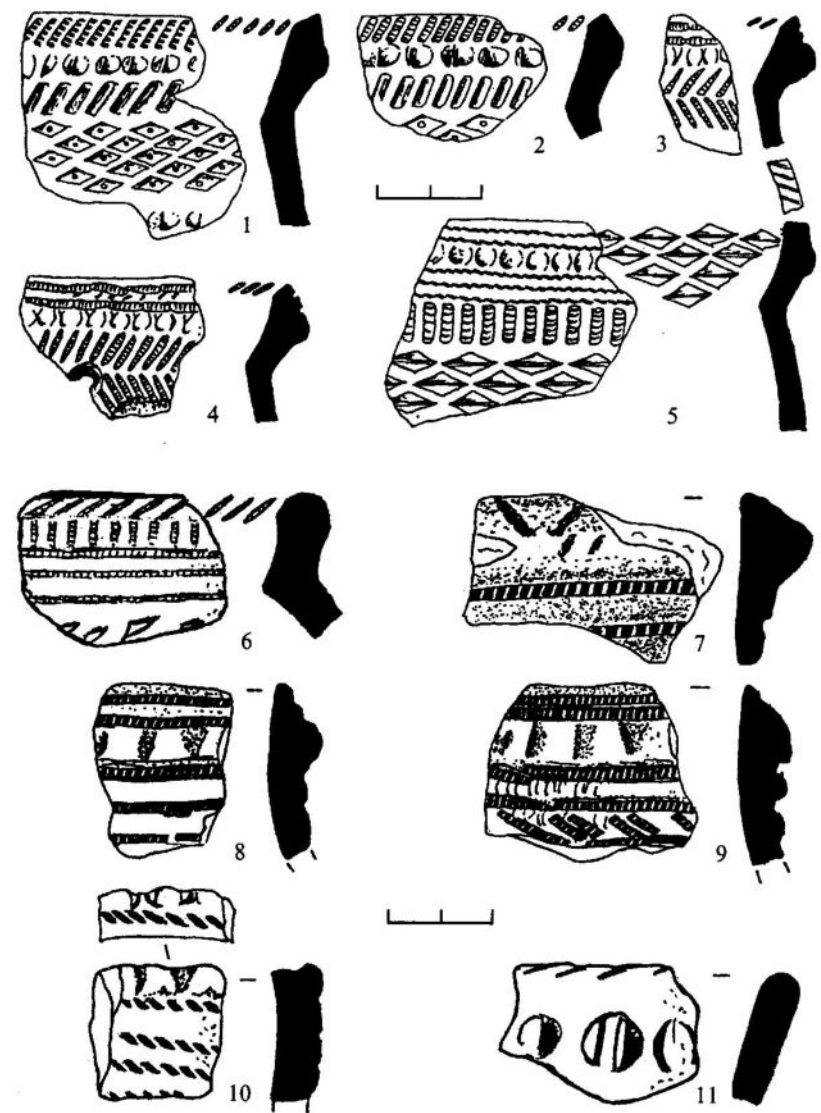

Рис. 7. Керамика примокшанской культуры. 1-5 – Лебяжий Бор, могильник; 6 – Свинчус I, поселение; 7 – Кривель II, городище; 8-10 – Красный Угол, городище; 11 – Одоевская Ферма (Белая гора), поселение

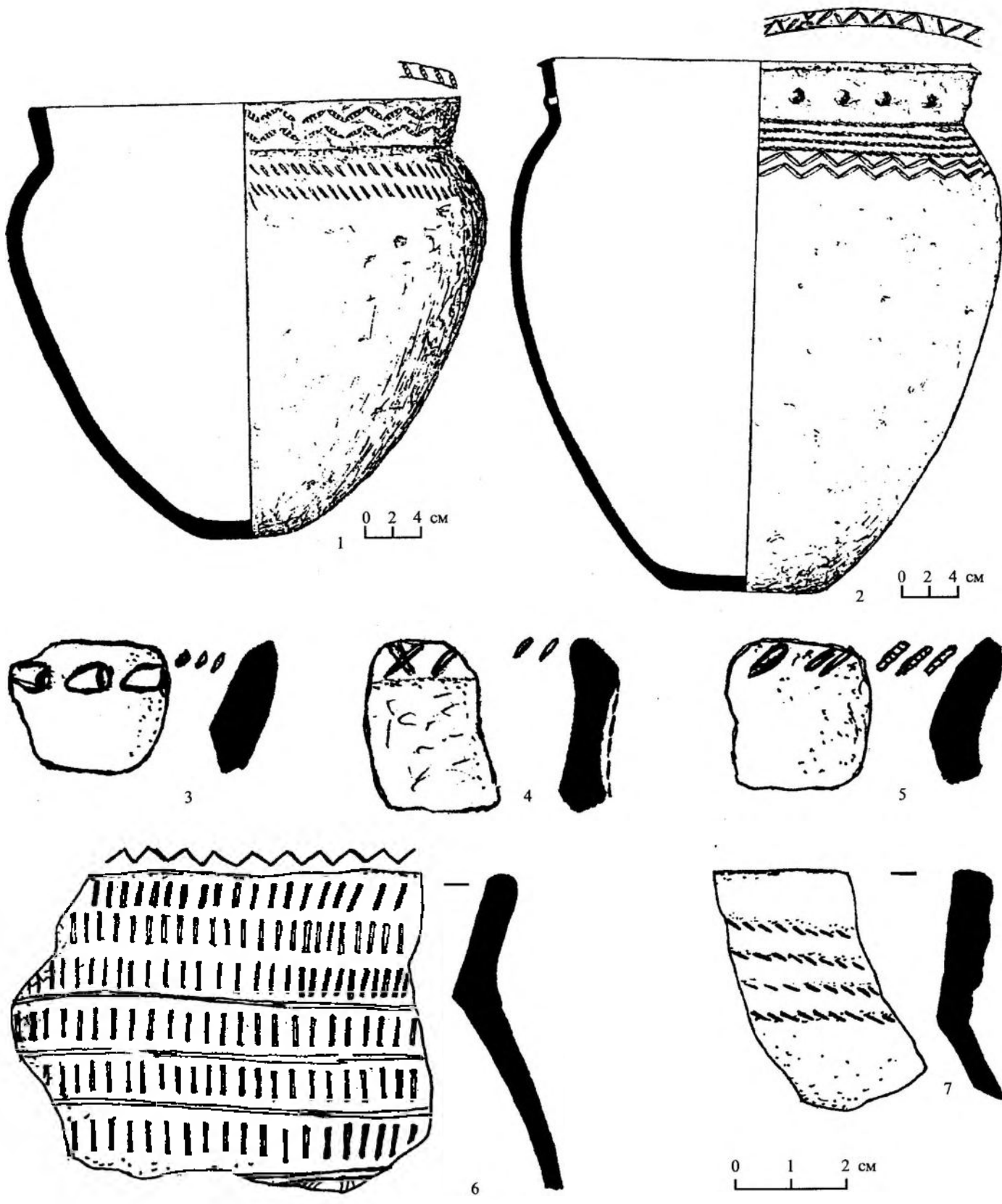

Рис. 8. Керамика поздняяковской (1-2) и примокшанской (3-7) культур.
 1, 2 – Лебяжий Бор 6, поселение; 3-5 – Святое 1, поселение; 6-7 – Мало-Окуловские курганы

В настоящее время существенно расширилась источниковая база примокшанской культуры. Сейчас в бассейне Средней Оки нами учтено 69 памятников, содержащих керамику примокшанского типа, в том числе 47 памятников на территории Рязанской области (рис. 1).

Новые исследования подтвердили наблюдения П.Д. Степанова о различном топографическом местонахождении памятников примокшанской культуры. На Средней Оке, так же как и в Мордовии, памятники с примокшанской керамикой располагаются на высоких берегах рек и на низких песчаных дюнах в пойме. Это могло быть связано с хозяйственной деятельностью и сезонными перемещениями населения, а возможно, и с хронологическими периодами в развитии культуры.

Вопрос о происхождении и датировке примокшанской культуры в настоящее время не разработан. Отмечая своеобразие керамического материала примокшанских поселений, исследователи, вслед за П.Д. Степановым, единодушно указывают на то, что истоки этой культуры следует искать в более южных районах.

На Среднем Дону изучено значительное число памятников репинской культуры, датированной кон. IV – руб. III-II тыс. до н.э. На Оку с территории Среднего Дона, по мнению А.Т. Синюка, часть репинцев вынуждена была уйти под давлением ямников [10, с. 18]. Следует отметить, что на памятниках, расположенных на Средней Оке, найдена керамика близкая ранним репинским сосудам (Перекаль, Семион, Пехлец, Лебязий Бор).

Продолжение существования репинского населения А.Т. Синюку представляется в виде памятников прежиточного энеолита иванобугорского типа (иванобугорская культура), которые характеризуются наличием сосудов, орнаментированных оттисками ромбического штампа, подпрямоугольными ямками с рубчатыми основаниями, вдавлениями рамчатого штампа. Изнутри венчики имеют резкий переход к тулову. Внутренняя сторона венчиков часто также украшалась. Сосуды имеют в тесте примесь песка и тщательно заглаженную поверхность. При орнаментировании иванобугорской керамики часто использовались защипы [11, с. 111-121]. По этим признакам иванобугорская керамика очень близка примокшанской. Характерно, что памятники иванобугорской культуры также располагаются как в пойме и на первых надпойменных террасах, так и на высоких берегах рек [12, с. 68-69; 13, с. 66].

Долгое время не было известно погребальных памятников примокшанской культуры. Положение изменилось после открытия и исследования Шагарского могильника в Озёрной Мещёре [14, с. 147-159]. В погребениях второй группы могильника найдены сосуды с округлыми, приострѣнными и уплощенными днищами, с округлыми или раздутыми боками, орнаментированные мелкозубчатого штампа, пальцевыми защипами, ромбами с ребристым дном. Венчики сосудов имеют характерное ребро на внутренней стороне. Иногда внутренняя сторона венчика и его срез орнаментированы [14, с. 153]. В материалах второй группы погребений Шагарского могильника видны несомненные черты, присущие керамике иванобугорской культуры, что и отметила Е.Д. Каверзнева [14, с. 156-167], но появляются и новые, характерные для примокшанской культуры. Впоследствии Е.Д. Каверзнева включила вторую группу погребений Шагарского могильника в круг памятников шагарской культуры позднего этапа её развития [15, с. 147-159]. Хотя, по её мнению, наблюдается большое различие в керамическом материале могильника и поселений, отнесённых к шагарской культуре. Индекс родственности керамики могильника и поселений шагарского типа по элементам орнамента не превышает 17-25. В то же время между керамическими комплексами из жилищ шагарских поселений Шагара I, Тюрвищи 3, Шагара V (слои оборонительного вала и слой под ним) индекс родственности по элементам орнамента очень высокий – 65-70, между ними также велик индекс родственности по мотивам орнамента [15, с. 40-41, 47-49]. По мнению автора раскопок, это свидетельствует либо «о существовании большого хронологического разрыва между комплексами, либо появлению в Озёрной Мещере новой группы населения» [15, с. 47-49]. Несмотря на это же приведённые убедительные аргументы о значительном различии керамики поселений и могильника, Е.Д. Каверзнева всё же считает, что это различие связано с особенностями ритуальной посуды [15, с. 50]. В пользу мнения о разнокультурности материалов шагарских поселений и второй группы погребений Шагарского могильника говорит и тот факт, что погребения Шагарского могильника были обнаружены на территории многослойного поселения Шагара I и, как считает Е.Д. Каверзнева, некоторые из них прорезают жилища на заброшенном ранищем шагарском поселении. Не убедителен поиск Е.Д. Каверзневой аналогий им в погребальном обряде поздняяковцев с якобы характерным для них обычаем устройства могильников на культурном слое своих поселений [15, с. 56]. Так, культурный слой, обнаруженный под насыпями курганов Мало-Окуловского могильника, оставлен не поздняяковским поселением, а, как правильно считает Т.Б. Попова, – допоздняяковским [16, с. 64-73], имеющим, как ныне представляется, убедительные аналогии в материалах примокшанской культуры (рис. 8: 6, 7). К тому же сама Е.Д. Каверзнева находит безусловным сходство керамического материала Шагарского могильника и Иванобугорского на Среднем Дону [15, с. 55].

Ещё один могильник был обследован в Мещёре И.В. Климовой [17, с. 33-53]. Памятник находится на песчаном всхолмлении левого берега р. Ушна (левый приток р. Оки) у пос. Одоевская Ферма Спасского района Рязанской области. Здесь было выявлено 15 погребений, разделённых автором раскопок на три группы. Четыре захоронения (№ 7, 10, 11, 12), включённые в третью группу погребений, находят, по мнению И.В. Климовой, аналогии во второй группе погребений Шагарского могильника и датируются 2-й пол. III-1-й пол. II тыс. до н.э. Погребения 11 и 12 сопровождалась глиняными сосудами баночной формы [17, с. 48, рис. 11: 6; с. 50, рис. 12: 6]. Особенно интересен острорѣберный сосуд из погребения 7 [17, с. 46, рис. 9: г]. Венчик отогнут наружу, дно округлое. Внешняя поверхность сосуда слегка залощена. Сосуд орнаментирован оттисками короткого зубчатого штампа, образующими, кроме всего прочего, горизонтальную линию ромбов. Аналоги орнамента данного сосуда мы находим в керамике примокшанской культуры.

Для рассматриваемой нами темы интересно погребение, исследованное Б.А. Фоломеевым на поселении Большой Лес II на р. Оке [18, с. 191]. Автор раскопок предполагает здесь наличие сильно разрушенного могильника эпохи бронзы. Обнаружено 3 погребения, одно из которых сопровождалось типичным поздняяковским сосудом. Второе – безынвентарное, но в заполнении могильной ямы найдены обломки поздняяковской керамики. Третье погребение было частично нарушено вторым, что говорит о его более ранней дате. В погребении находился сосуд баночной формы, украшенный наклонными оттисками гребенчатого штампа [18, с. 194, рис. 2: 1]. Данный сосуд близок керамике иванобугорского типа.

На примере могильников Шагарского и Одоевская Ферма I прослеживается инфильтрация небольших групп иванобугорского населения вглубь Мещеры, которая, вероятно, произошла на позднем этапе его существования (А.Т. Синюк датирует иванобугорскую культуру сер. III – нач. II тыс. до н.э. [13, с. 68]), сохранивших своё культурное своеобразие и принявших участие в складывании примокшанской культуры на Средней Оке.

Ближайшие аналоги материалам с памятников примокшанской культуры находим и в воронежской культуре [19, с. 128-136; 20, с. 21-36]. Керамика этой культуры по своим особенностям – горизонтальные и вертикальные ряды ногтевых зацепов по внешней поверхности, утолщённый венчик, украшение венчика рядами насечек – имеет прямые аналогии в памятниках примокшанской культуры [21, с. 75, рис. 2: 5, 6, 10; 22, с. 63, рис. 3]. А.Д. Пряхин и В.И. Беседин датируют воронежскую культуру кон. 2-й – нач. 3-й четверти II тыс. до н.э. [23, с. 93]. А.Т. Синюк считает, что иванобугорская и воронежская культуры являются последовательными этапами единого этнокультурного образования [24, с. 45]. Он относит время существования воронежской культуры к XVII-XVI вв. до н.э. [13, с. 178]. Нахождение керамики, близкой материалам воронежской культуры, на памятниках Средней Оки совместно с примокшанской говорит о синхронности (в какой-то период) их существования, об определённых контактах, а вероятно, и о генетической близости этих культур.

В настоящее время трудно разделить примокшанскую культуру на периоды, для этого требуется значительное увеличение исходного материала. Пока можно говорить лишь о начальном и конечном её этапах.

П.Д. Степанов первым попытался определить хронологические рамки существования примокшанской культуры, датировав её временем, близким к кон. II тыс. до н.э. [1, с. 73]. Эту точку зрения поддержал А.В. Циркин, считавший, что памятники примокшанского типа оказали определённое влияние на формирование городецкой культуры. Именно ромбический орнамент стал прототипом возникновения на городецкой керамике рогожного [25, с. 88, 90].

Т.Б. Попова на основании результатов раскопок памятников эпохи бронзы в бассейне р. Цны и в частности – исследований стоянки Перикса считает, что существование памятников примокшанской культуры следует удревнить и отнести ко времени, близкому к сер. II тыс. до н.э. [3, с. 147].

Сейчас получены многочисленные свидетельства о существовании примокшанской культуры в 1-й пол. II тыс. до н.э. Об этом говорят и результаты исследований последних лет на территории Рязанской области. На всех памятниках, где проводились работы, материал примокшанской культуры стратиграфически находится ниже керамики поздняяковской культуры. В настоящее время довольно подробно разработана хронология поздняяковской культуры, ранний этап которой датируется рубежом XVI-XV вв. н.э. [26, с. 185].

Появление своеобразной культуры в бассейне Средней Оки можно связать с продвижением позднерепинского населения (иванобугорская культура) из бассейна Среднего Дона. Процесс образования новой культуры проходил в тесном контакте пришлого населения с местными позднеэнеолитическими племенами и племенами эпохи бронзы. Следует обратить внимание на наблюдение В.Н. Шитова, отмечающего в керамике примокшанской культуры балановские черты [9, с. 23]. Ранее на это обстоятельство указывала Т.Б. Попова [16, с. 72]. В результате взаимовлияния образовалась новая культура эпохи бронзы, в дальнейшем оказавшая значительное воздействие на формирование племён поздняяковской культуры.

В этом плане интересны результаты раскопок Т.Б. Поповой могильника Фёфёлов Бор и поселения Логинов Хутор в окрестностях г. Рязани. Здесь были выявлены погребения, относящиеся к раннему периоду существования поздняяковской культуры. Если основная масса погребений могильника датируется временем от середины до конца 3-й четв. II тыс. до н.э., то погребения 35, 44, 47 Т.Б. Попова относит к XVIII-XVI вв. до н.э. [27, с. 136]. Посуда из этих погребений очень близка иванобугорской керамике [27, с. 120, рис. 5: 7, с. 124, рис. 7: 3-5]. Сосуды, несущие черты примокшанской керамики, обнаружены и на поселении Логинов Хутор [28, с. 226, рис. 2: 4-9, с. 229, рис. 4: 2]. Здесь мы наблюдаем процесс включения примокшанского населения в состав образующейся поздняяковской культуры. Эти материалы маркируют верхнюю границу существования примокшанской культуры.

При определении времени возникновения примокшанской культуры важны данные радиоуглеродного датирования, полученные для погребений второй группы Шагарского могильника. Е.Д. Каверзнева и Б.А. Фоломеев относят их к интервалу с конца XIX в. до н.э. до рубежа XVIII-XVII вв. до н.э. [29, с. 16]. Таким образом, начало примокшанской культуры можно связать с концом иванобугорских древностей на Средней Оке, а завершение – с началом формирования поздняяковской культуры (руб. XVI-XV вв. до н.э.). В целом примокшанскую культуру предвительно можно датировать концом 1-й – 2-й четв. II тыс. до н.э.

Существование примокшанской культуры было, вероятно, непродолжительным. На такой характер пребывания носителей примокшанской культуры на Средней Оке косвенно указывает отсутствие долговременных поселений. Возможно, это связано с хозяйственной деятельностью примокшанцев, у которых не было традиций прочной оседлости. Следует отметить, что у репинцев и иванобугорцев основой хозяйства было коневодство, которое требует значительной подвижности населения [30, с. 89]. По наблюдению А.Т. Синюка, местонахождения иванобугорских материалов довольно многочисленны, но в большинстве случаев

они связаны с кратковременными остановками на маршрутах передвижения или с промысловыми стойбищами [13, с. 66]

Таким образом, примокшанская культура представляет собой археологическое отражение жизнедеятельности немногочисленной группы населения, на короткий период занявшей бассейн Средней Оки, а в дальнейшем растворившейся в среде продвинувшихся сюда срубных племён и ставшей одним из субстратов складывающейся поздняяковской культуры [14, с. 158; 15, с. 57; 16, с. 64-73; 31, с. 76-78]. В этом плане интересны материалы, полученные при раскопках поздняяковского поселения Лебяжий Бор 6 в Нижнем Примокшанье [32, с. 6-26]. Здесь в керамическом материале кроме обычных характеристик, которые можно отнести к примокшанской культуре, прослеживаются явные черты, присущие сосудам иванобугорской культуры (рис. 8: 1, 2).

Детальное датирование и интерпретация материалов примокшанской культуры станут возможными после проведения целенаправленных работ по выявлению и широкому исследованию памятников данного типа на Средней Оке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши // КСИИМК. Вып. 59. 1955.
2. Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск, 1969.
3. Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // СА. 1961. № 3.
4. Фосс М.Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
5. Федорова-Давыдов Г.А., Циркин А.В. Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии // СА. 1968. № 4.
6. Панин Н.И. Отчет обследования городища у пос. Веселый Шацкого р-на Рязанской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3089.
7. Челянов В.П. Охранные раскопки Сумбуловской IV стоянки. 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6796.
8. Челянов В.П. Стоянка Мыс Доброй Надежды 1 на р. Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 2. Рязань, 1992.
9. Шитов В.Н. Примокшанский комплекс Шокшинского поселения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.
10. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи неолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.
11. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. № 3.
12. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
13. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
14. Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III - начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 2.
15. Каверзнева Е.Д. Керамика Озерной Мещеры эпохи неолита - ранней бронзы // Древности Оки. М., 1994. (Тр. ГИМ. Вып. 85).
16. Попова Т.Б. Допоздняяковские памятники в Окском бассейне // Экспедиции Государственного Исторического музея: Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5-7 февраля 1969 г. М., 1969.
17. Климова И.В. Одолевские фермы 1 (материалы погребений) // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
18. Фоломеев Б.А., Гласко М.П., Валуева М.Н. Опыт реконструкции природного ландшафта территории древнего поселения // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985. (Тр. ГИМ. Вып. 60).
19. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
20. Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.
21. Беседин В.И. Погребения воронежской культуры эпохи бронзы // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.
22. Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.
23. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.
24. Синюк А.Т. Нижнесторожневская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.
25. Циркин А.В. К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии // СА. 1979. № 3.
26. Попова Т.Б. Племена поздняяковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970. (Тр. ГИМ. Вып. 44).
27. Попова Т.Б. Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. (Тр. ГИМ. Вып. 68).
28. Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли. М., 1974.
29. Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи неолита - ранней бронзы Озерной Мещеры // Археологический сборник. М., 1998. (Тр. ГИМ. Вып. 96).
30. Синюк А.Т. О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.
31. Челянов В.П. Роль примокшанских племен в формировании поздняяковской культуры // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке: Тезисы докладов научной конференции. Тула, 1993.
32. Челянов В.П., Станицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.

**Центр по охране объектов
историко-культурного наследия
при Управлении культуры
Администрации Рязанской области,
Рязань**

V.P. Chelyapov

THE MONUMENTS OF PRIMOKSHANSKAYA CULTURE ON THE MIDDLE OKA RIVER

Summary

The article is devoted to the monuments of Primokshanskaya culture, which was revealed way back in the middle of the 20th century on the territory of Mordovia. Archaeological studies showed the presence of the monuments of this culture not only in the basin of the Moksha River but on the Middle Oka River as well. The author considers the problem of the origin of the culture. The source of it the scholar sees in the invasion of the bearers of Ivanoburgskaya culture into the basin of the Oka River. The author gives a preliminary dating of the monuments of the considered culture as the end of the 1st – to the second quarter of the 2nd millenium BC. He thinks that the bearers of the Late Primokshanskaya culture took part in the formation of Pozdnyakovskaya culture.

*The Centre for Protection the Objects of Historical and Cultural Heritage
of Department of Culture of Administration of Ryazan' Region
31, Lenin St., Ryazan',
390000, Russia*

А.Ю. Тарасов

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ОБРАБОТКИ КРЕМНЯ НА ПОСЕЛЕНИЯХ БРОНЗОВОГО ВЕКА В КАРЕЛИИ

Различными исследователями уже отмечалось, что период бронзового века в Северо-Западном регионе европейской части России характеризуется не только использованием отдельных бронзовых орудий, но и заметным совершенствованием технологии обработки кремнистых пород, и особенно двусторонней обработки [1, с. 130; 2, с. 87]. По мнению М.Е. Фосс, бронзовый век – это особый, наивысший этап в её развитии [1, с. 130]. Сказанное в полной мере относится к индустрии двусторонне обработанных орудий – наконечников дротиков и стрел, происходящих с территории Карелии.

Прежде всего, для местных наконечников бронзового века характерна наиболее качественная ретушь, и степень декоративной отделки их поверхности можно оценить как наиболее высокую. В частности, об этом позволяет говорить то, что на большинстве изделий хорошо заметны «дельты», состоящие из ряда коротких сколов, снимающих карниз на проксимальной части межфасеточного ребра (рис. 1: 1, 5, 10).

Ещё одним показателем может служить усложнение форм двусторонне обработанных изделий. Для этого периода зафиксировано наибольшее количество их морфологических вариантов. Кроме того, необходимо отметить ряд сложных морфологических элементов: насады наконечников, оформленные в виде рыбьего хвоста, глубокие узкие боковые выемки, широкое использование предметов с вогнутой базой (рис. 1). Важно, что усложнение формы здесь не сопровождается ухудшением качества ретуши, как это нередко имело место на энеолитической кремнёвой скульптуре [3, с. 212, 221; 4, с. 56; 5, с. 273-277, 282-290; 6, с. 226-229].

Наконец, особо следует подчеркнуть появление наконечников с пильчатой ретушью (рис. 1: 2-4). Возможно, они наделялись некоей особой функцией. Серия таких изделий происходит с поселений в низовье реки Выг, причём на них обнаружены и заготовки первой стадии, обработка которых началась именно со снятия пильчатых фасеток. Одно изделие обнаружено на поселении Сумозеро XV в Беломорском районе Карелии. По одному наконечнику с пильчатой ретушью найдено на поселениях Суна VI, Охтома I, Келка III в южной части Карелии. Почти все они относятся к типу иволистных.

Отмеченные черты индустрии могут быть тесно связаны с изменениями в типе инструмента, использовавшегося для нанесения двусторонней отжимной ретуши. В более ранние периоды для этого могли применяться роговые или, возможно, каменные ретушеры. В бронзовом веке можно предполагать появление отжимников с медным наконечником.

Большинство современных ремесленников¹, изготавливающих художественные изделия с помощью сложного расщепления, предпочитает именно медь для своих отжимных инструментов. Этот материал сочетает присущую металлам высокую плотность и большой удельный вес, необходимые для концентрации усилия в строго определённой точке, с очень небольшой твёрдостью. Соприкасающийся с площадкой кончик мягкого медного инструмента сминается и охватывает проксимальный участок будущего скола, благодаря чему надёжно укрепляется и не соскакивает в критический момент. Медный инструмент значительно облегчает работу мастера и предоставляет ему новые, лучшие возможности при создании формы предмета и декоративном оформлении его поверхности.

В литературе мне удалось отыскать всего два документированных свидетельства использования таких инструментов древним населением. Так, имеется сообщение, что следы меди были обнаружены на кремнёвых кинжалах, происходящих с территории Дании [7, р. 60]. Кроме того, известно, что некоторые североамериканские индейцы изготавливали медные наконечники для составных отжимников способом холоднойковки [7, р. 60; 8].

Знакомство древнего населения Карелии с этой прогрессивной техникой можно предполагать уже начиная с энеолита. Тем не менее, отмеченные выше косвенные признаки, делающие такое предположение более-менее обоснованным, отмечаются только для бронзового века, который в Карелии представлен памятниками культуры сетчатой керамики.

Ниже предлагается ряд доказательств данного предположения.

¹ Мне довелось лично познакомиться с одним из них. Его зовут Дан Черсфорш, он датчанин, постоянно проживающий в Швеции.

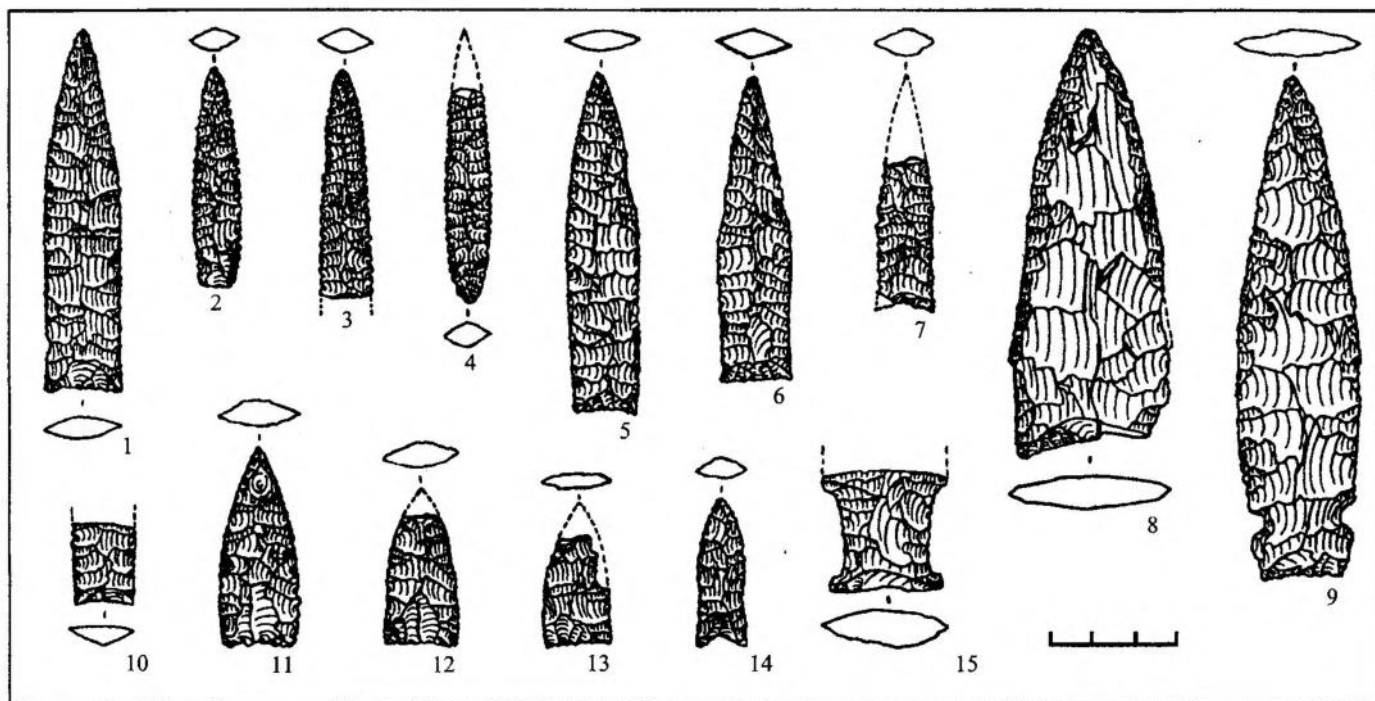

Рис. 1. Наконечники стрел (1-7, 10-14) и дротиков (8, 9, 15) с поселений с сетчатой керамикой. Кремль.
 1,3 – Суна VI; 2, 4 – Горелый мост III; 5, 9, 10, 13 – Горелый мост VIII; 6 – Горелый мост V;
 7, 12 – Келка III; 8 – Горелый мост VI; 11 – Усть-Водла II; 14 – Келка I; 15 – Охтома I

Во-первых, визуальный осмотр заготовок наконечников стрел и некоторых дротиков показывает, что многие негативы соответствуют тем, которые приходилось наблюдать на собственных экспериментальных образцах. Они отличаются более выраженным ударным бугорком, т.е. обладающим большой высотой при небольшой площади. На ранних стадиях сильно выраженный ударный бугорок сочетается со значительной для отжимного скола площадью негатива. Впрочем, эти заключения основаны на индивидуальном опыте и пока интуитивны. Возможно, в будущем следует произвести серию точных измерений отдельных параметров. Иногда на артефактах можно наблюдать негативы явно отжимных сколов, снятых при тупых углах скалывания, что тоже свидетельствует в пользу “медной” гипотезы.

Одним из показателей качества изготовления двусторонне обработанных изделий и уровня мастерства изготовителя принято считать отношение их ширины к толщине. Сделать одновременно широкое и тонкое изделие очень сложно, поэтому чем выше значение данного показателя, тем с большей степенью виртуозности изготовлен данный предмет. Логично было ожидать, что использование меди приведёт к увеличению среднего отношения ширины к толщине изделия, поскольку медный инструмент облегчает утоньшение заготовки, и потому изделия того периода, в течение которого могли употребляться медные отжимники, должны быть более тонкими.

Для того чтобы выяснить, так ли это на самом деле, было проведено сравнение этого показателя для наконечников стрел эпохи неолита (15 памятников) и бронзового века (10 памятников; учтены также отдельные предметы с 6 памятников со смешанными комплексами, которые типологически связываются с комплексом бронзового века). Следует оговориться, что в неолите, особенно в позднем, использование меди тоже не исключено, хотя и менее вероятно, чем в период бронзы. Сравнение с наконечниками неолита пока невозможно ввиду того, что с чистых комплексов этого периода происходит пока слишком ограниченное их количество.

Анализ проведён отдельно для законченных форм и для заготовок основных стадий обработки. Разделение заготовок на стадии (рис. 2) проводилось в соответствии со схемой срабатывания бифасов, предложенной Э. Кэллэхэном [9], согласно которой имеются три такие стадии: оформления бифасиального ребра (первая), первичного утоньшения (вторая) и вторичного утоньшения (третья).

В первую выборку включались законченные формы из кремня (41 предмет для неолита и 44 – для бронзового века); предметы из других материалов могли дать иные показатели в связи с некоторым отличием их свойств. Из выборки исключены сломанные наконечники, представленные только острой частью, наконечники с краевой ретушью, а также наконечники с пильчатой ретушью. Пильчатая ретушь всегда наносилась на очень узкие и толстые наконечники, что должно быть связано с их особой функцией, и для них заключение об использовании меди строится только на внушительной глубине негатива ударного бугорка очень узких фасеток ретуши. Именно глубина негатива бугорка ответственна за возникновение пильчатого края.

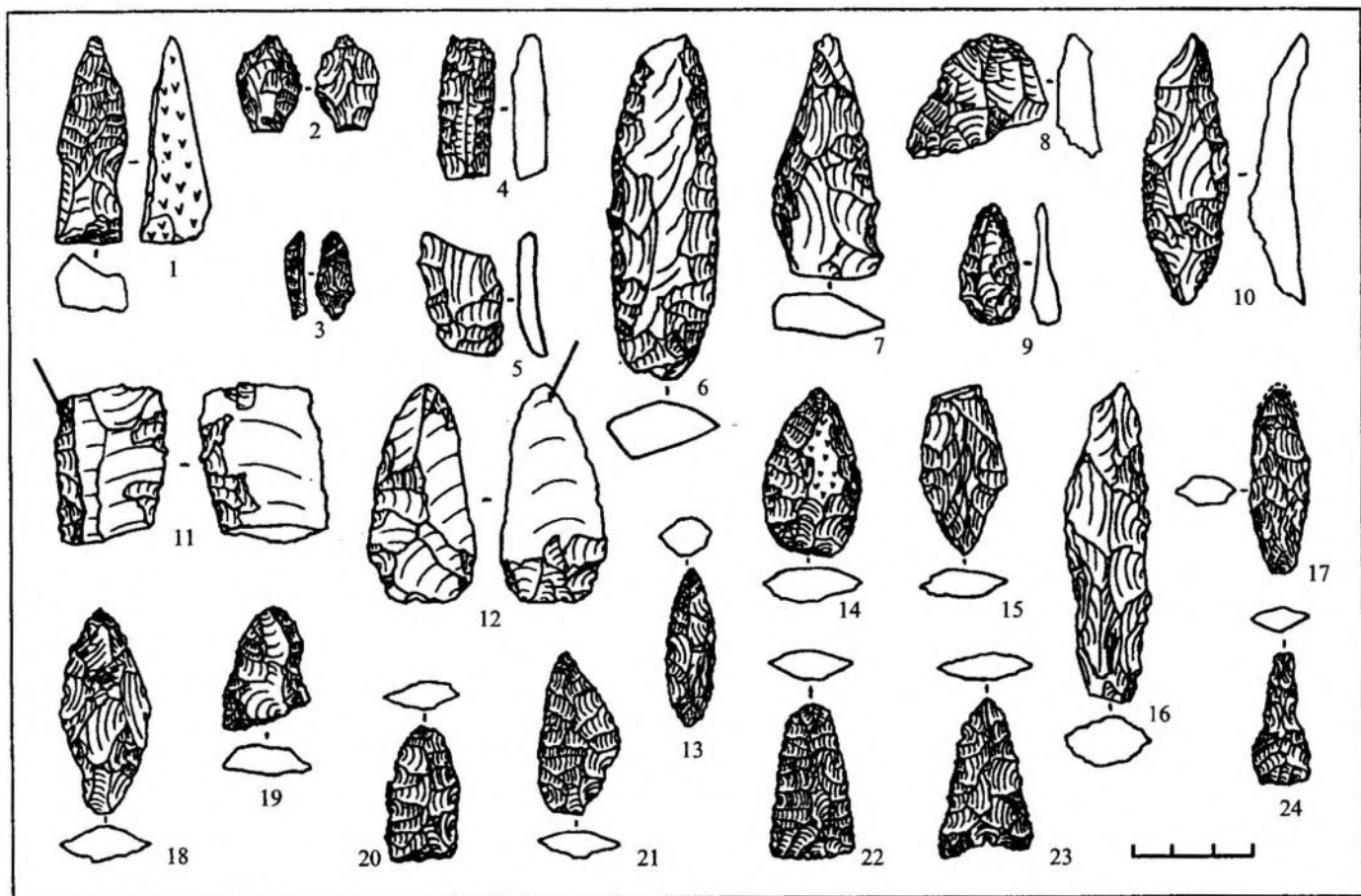

Рис. 2. Заготовки наконечников стрел.

1, 4-12 – первой стадии; 2, 3, 13-19, 24 – второй стадии; 20-23 – третьей стадии (17 использован в качестве сверла).

1-3 – культура сперринге (1 – Пиндуши III; 2 – Сулгу III г; 3 – Шелтозеро VIII); 4-7 – культура ямочно-гребенчатой керамики (4 – Оровनावолок IV; 5-7 – Пиндуши II); 8, 9, 13, 14, 19 – памятники с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой (8, 13, 14, 19 – Вигайनावолок I; 9 – Чёрная Губа IX); 10-12, 20, 22-24 – культура сетчатой керамики (10 – Горелый мост VI; 11, 22 – Горелый мост V; 12, 20, 23, 24 – Горелый мост VIII); 15-18, 21 – памятники с асбестовой керамикой (15, 17 – Войनावолок XXVII; 16 – Оровनावолок XVI; 18, 21 – Войनावолок XXIV).

1, 4-7, 9, 15-18, 21 – лидит; 2, 3, 8, 10-14, 19-20, 22, 23 – кремь; 24 – кварц.

Стрелками на изображениях 11 и 12 показаны участки, на которых был обнаружен медный натир

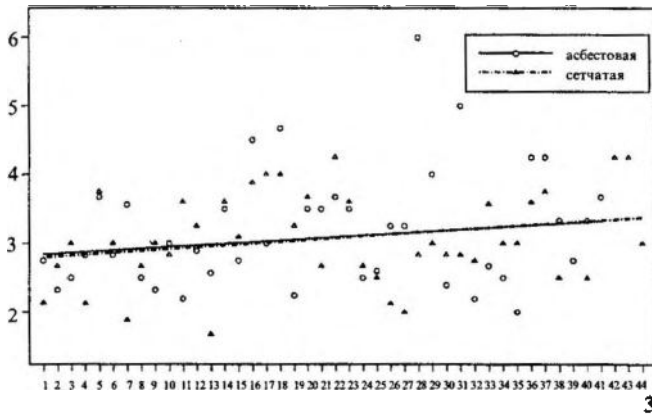
Результат теста оказался обескураживающим: никаких различий между выборками энеолита и эпохи бронзы не обнаружилось, линии на графике рассеяния почти слились (рис. 3)². Подобная картина наблюдается и на графике для заготовок второй-третьей стадий (в выборки также включены только изделия из кремня: 27 предметов для энеолита и 105 – для бронзового века) (рис. 4). Заметно выше данный показатель у наконечников эпохи бронзы оказался только в выборке для заготовок первой стадии (43 и 57 предметов) (рис. 5).

Последний результат может быть привлечён для подтверждения гипотезы. Дело в том, что начало отжимного расщепления слишком широкого отщеп увеличивает риск снятия неудачных сколов, т.е. сколов, не достигающих центральной оси заготовки. Следовательно, если обработка широких первичных заготовок всё-таки начиналась, люди, это делавшие, могли располагать более совершенным инструментом.

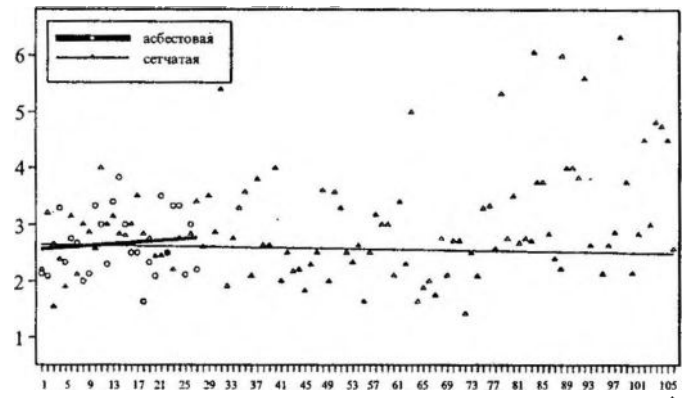
Таким образом, сравнительный анализ поперечной массивности не отвергает гипотезу о применении более эффективной техники.

Но все представленные выше свидетельства являются не более чем косвенными. Прямым указанием на использование медного ретушёра может быть только обнаружение следов меди на артефактах. Появление этих следов можно ожидать в двух местах: на площадках и на проксимальной части негативов. В обоих местах медный натир возникает только при неудавшейся попытке снятия скола: соскользнувший инструмент “царапает” проксимальную поверхность заготовки, а возобновляющиеся попытки отжима с неудач-

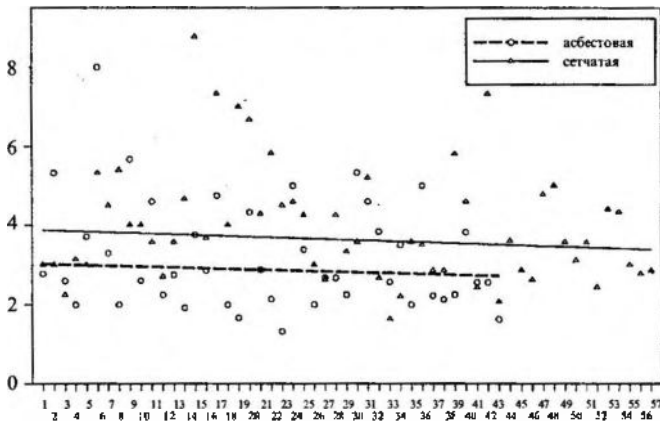
² На рис. 3-5 по вертикали графиков дан коэффициент отношения ширины изделий к их толщине, по горизонтали – порядковый номер изделия.

3

4

5

Рис. 3. График рассеяния. Отношение ширины к толщине у наконечников стрел из комплексов с асбестовой и сетчатой керамикой

Рис. 4. График рассеяния. Отношение ширины к толщине у заготовок наконечников стрел 2-й и 3-й стадий изготовления из комплексов с асбестовой и сетчатой керамикой

Рис. 5. График рассеяния. Отношение ширины к толщине у заготовок наконечников стрел 1-й стадии изготовления из комплексов с асбестовой и сетчатой керамикой

ной площадки приводят к тому, что на площадке остаётся некоторое количество вещества этого инструмента. Свежие натирывы хорошо видны невооружённым глазом. Однако сохранению их на артефактах препятствуют процессы окисления, которым подвергаются остатки меди на погребённых предметах. В частности, их обнаружение исключено, если предмет находился в очень кислой почве [А. Романо, устное сообщение]¹.

При поиске таких следов использовалась бинокулярная лупа МБС-2. Анализировались все бифасы с отжимной ретушью с поселений Горелый мост II-VIII, законченные предметы и заготовки. Необходимо оговориться, что это – поселения со смешанным комплексом сетчатой керамики бронзового века и поздне-беломорской керамики раннего железного века, однако двусторонне обработанные орудия, по крайней мере основная их часть, относятся к комплексу бронзового века. В итоге на 17 изделиях были обнаружены участки, окраска которых позволила предполагать, что это остатки меди. Они заметны уже при двадцатикратном увеличении и чаще всего являются очень небольшими точками купоросного (голубоватого) или зеленоватого цвета. Окрашенные участки – прерывистые, красящее вещество вкраплено в поры вмещающей породы в её поверхностном слое. Только в одном случае можно было наблюдать отчётливую линию голубоватого цвета длиной около 2 мм.

Два образца, интерпретированные как заготовки наконечников стрел первой стадии, окрашенные участки на которых имели наиболее значительную площадь, были отобраны для более точного анализа. Один из них происходит с поселения Горелый мост V (образец с отчётливо различимой линией), другой – с поселения Горелый мост VIII.

Электронно-зондовый микроанализ был проведён в Аналитической лаборатории Института геологии Карельского научного центра РАН аналитиком А.Н. Терновым, главным физиком института. Тесты проводились на микроанализаторе MAP-4, который был настроен на поиск чистой меди (Cu) на поверхности предметов. Результат обоих тестов оказался положительным. Окрашенные участки состоят из множества мелких включений меди диаметром 5-20 мкм. При очень большом увеличении встроенного в микроанализатор микроскопа (400X) заметно, что вкрапления меди на образце с поселения Горелый мост VIII образуют линейное скопление, вытянутое от края заготовки по направлению к её центру, т.е. являются остатками линейного натирыва.

Для окончательного подтверждения нашей гипотезы потребуется более значительная серия положительных анализов такого рода. Однако уже сейчас по сумме имеющихся данных её следует скорее принять, чем

¹ Информация получена через дискуссионный лист «Archaeological lithic analysis discussion list» (lithics - 1@LISTSERV.ACSU.BUFFALO.EDU).

отвергнуть. Если же высказанное в работе предположение справедливо, то оно должно быть таковым не только для территории Карелии, но и для гораздо более обширного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. М., 1952.
2. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
3. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
4. Жульников А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993.
5. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
6. Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
7. Callahan E. Ishi Sticks, Ice-man Picks and Good-for-Nothing Things: A Search for Authenticity in Pressure Flaking Tools // Bulletin of Primitive Technology. № 18. 1999.
8. Whittaker J.C., Romano A.D. Some Prehistoric Copper Flaking Tools in Minnesota // Wisconsin Archaeologist. 1966. 77(1).
9. Callahan E. The Basics of Biface Knapping in the Eastern Fluted Point Tradition: A Manual for Flintknappers and Lithic Analysts. Reprinted from Archaeology of Eastern North America. 7. 1979. Eastern States Archaeological Federation, 1979.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск*

A. Yu. Tarasov

ABOUT THE USE OF COPPER TOOLS FOR FLINT DEVELOPMENT ON THE BRONZE AGE SITES IN KARELIA

Summary

The electron microprobe analysis of copper marks discovered on arrowhead preforms from Karelian sites Gorely Most V and VIII, located in the lower part of the Vyg River close to the White Sea coast and dated to the Bronze Age, suggests that these artifacts were made by copper-tipped flaking tools. The use of copper pressure flakers is supposed to be one of the main technological traits of the industry of bifacial implements on the territory of Russian Karelia in the Bronze Age.

*Institute of Language, Literature and History
of Karelian Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk,
185610, The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

Е.В. Волкова

МОГИЛЬНИКИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОВИНКИ 1 И 2

(по результатам археологических исследований в 1999 и 2000 гг.)

Материалы фатьяновских грунтовых могильников Новинки 1 и 2, расположенных в Калининском районе Тверской области, регулярно публикуются в сборниках Тверского музея. Эта статья преследует две цели: во-первых, ознакомить читателей с результатами раскопок последних двух лет, во-вторых, обсудить некоторые планиграфические особенности отдельных могильных групп Новинок 1 и 2.

После пятилетнего перерыва в 1999 и 2000 годах археологическая экспедиция Тверского государственного объединённого музея (ТГОМ) продолжила раскопки могильников Новинки 1 и 2. Напомню, что территория, на которой расположены могильники, протянулась достаточно узкой полосой почти на километр (940 м) и ограничена с южной стороны рыбозаводными прудами, а с северной – грунтовой дорогой (рис. 1). Ранее мы предполагали, что могильники в древности были расположены на первой надпойменной террасе бывшего левого берега (или притока) р. Шоппи, ныне отрезанного от русла дамбой и превращённого в рыбо-разводный пруд [1, с. 75]. В результате совместной работы с доктором геолого-минералогических наук Ю.А. Лаврушиным в 2000 г. появилась возможность исправить это ошибочное представление. Исследование геолого-геоморфологической ситуации местоположения могильников, осуществлённое Ю.А. Лаврушиным, показало, что фатьяновское население Новинок хоронило своих умерших не на речной террасе, а на плоской возвышенности, которая представляла собой берега озера [2, с. 45-50, 267-268].

Предыдущие раскопки могильников, проведённые экспедицией ТГОМ с 1990 по 1994 гг., выявили четыре отдельно расположенные группы погребений (4 участка). Каждый из этих участков в отдельных местах был повреждён настолько, что вещи из погребений (фрагменты глиняных сосудов, кремнёвый инвентарь) оказались на поверхности и тем самым определили места будущих раскопок. Из-за значительной удалённости одной пары участков от другой они были отнесены к разным могильникам. Могильник Новинки 1 включал в себя участки 1 и 2-4 (считавшиеся первоначально отдельными участками 2, 3 и 4 в результате многолетних работ, в том числе и 1999 г., были объединены в один раскоп, а исследование погребений этих участков показало, что они составляют единую культурную группу). Могильник Новинки 2 состоял из участков 1 и 2. Расстояние между участками внутри могильников было около 200 м, а между самими могильниками – 400 м (рис. 1).

Всесторонний анализ материалов этих участков позволил предположить, что каждый из них представляет собой отдельный могильный комплекс и что в данном случае точнее будет говорить не о двух разных фатьяновских могильниках, а о единой территории, которую использовали в качестве кладбища четыре различные микрогруппы фатьяновского населения. Выделенные микрогруппы населения оставили погребения, соответствующие следующим участкам: первая – участку 1 Новинок 1 (3 погребения), вторая – участку 2-4 Новинок 1 (20 погребений), третья – участку 1 Новинок 2 (4 погребения) и четвёртая – участку 2 Новинок 2 (2 погребения). Кроме того, на основе анализа керамики и погребального обряда в целом я предположила, что первая фатьяновская микрогруппа была наиболее ранней. Возможно, наиболее поздними являлись вторая и четвёртая микрогруппы, сходство между которыми позволяет предположить их одновременность, а выявленные различия в традициях погребального обряда указывают на особый социальный статус погребённых четвёртой микрогруппы [3, с. 345]. В целом могильники относятся к калининской локальной группе фатьяновской культуры и датируются примерно XVIII-XVI вв. до н.э. [1, стр. 91].

Итак, после долгого перерыва в 1999 г. были продолжены работы на могильниках Новинки 1 и 2. Археологические раскопки этого и следующего, 2000-го, годов имели свою специфику. В 1999 г. они финансировались с помощью Государственного комплекса “Завидово”, а в 2000 г. – Региональным благотворительным общественным фондом поддержки и пропаганды отечественного наследия “Гелиос”¹, поэтому, в отличие от предыдущих лет, раскопки имели не только охранный характер, но и более широкие задачи.

¹ Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность от своего имени и от Тверского государственного объединённого музея за оказанную помощь в работе Начальнику Гос. комплекса “Завидово” В.И. Фертикову и Председателю Фонда “Гелиос” Л.В. Голованову.

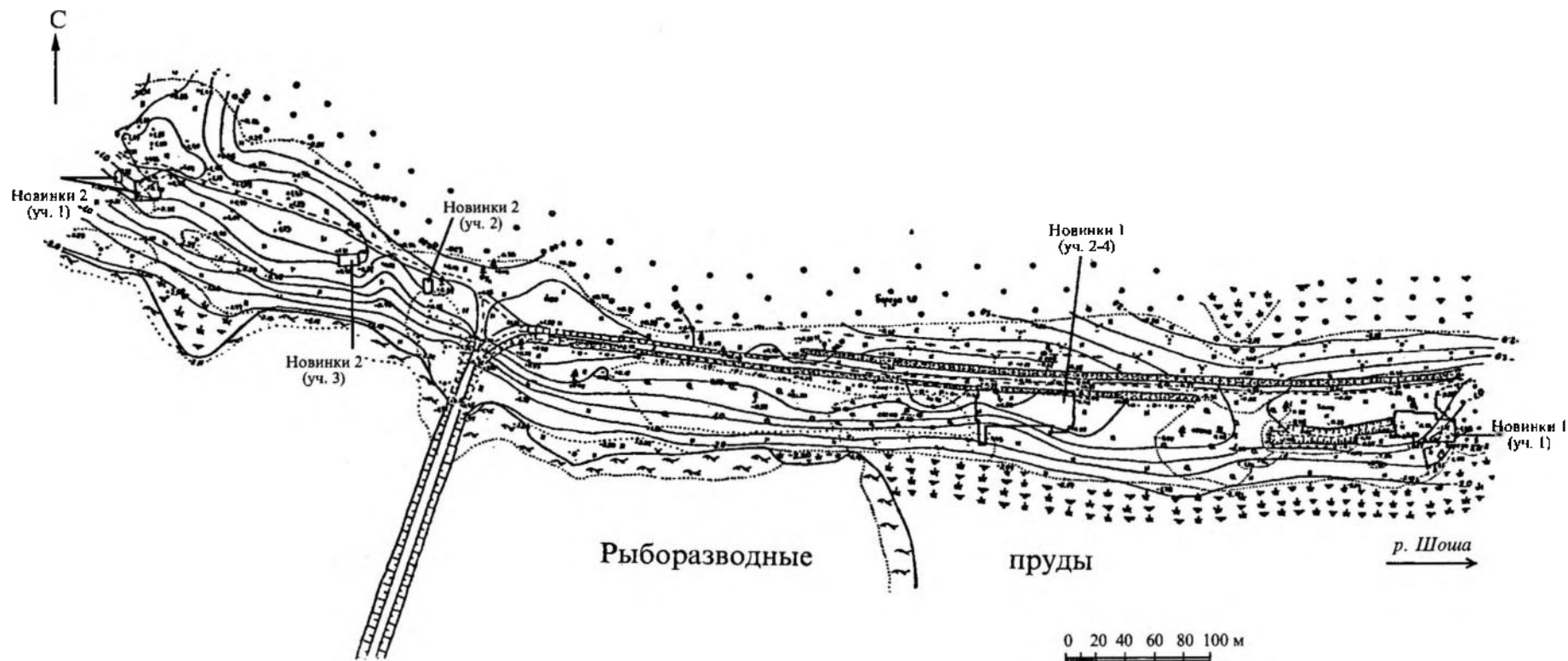

Рис. 1. Могильники Новинки 1 и 2. Месторасположение всех участков.
 Топографический план местности и инструментальная съёмка выполнены Н.В. Лавровым и Г.А. Лавровой в 2000 г.

Первой задачей этих полевых работ было определение границ могильных групп на участках 1 и 2-4 могильника Новинки 1, второй – проверка существования погребений на территории между могильными группами участков 1 и 2 могильника Новинки 2.

Для решения первой задачи на участках могильника Новинки 1 было заложено несколько раскопов. Во-первых, на участке 1 был разбит раскоп, примыкавший к западной границе предыдущих раскопов и продолжавшийся вплоть до современного карьера. Во-вторых, на участке 2-4 новым раскопом были соединены участки 3-4 и 2, а затем в 2000 г. с восточной и юго-восточной сторон прирезан ещё один раскоп для определения восточной и юго-восточной границ этой могильной группы. В-третьих, был заложен раскоп, примыкающий к западной границе предыдущих раскопов участка 3-4, для выявления западной границы данной могильной группы. Напомню, что северная и южная границы могильника нарушены соответственно грунтовой дорогой и карьером. Для решения второй задачи раскоп разбили на могильнике Новинки 2 между старыми участками 1 и 2, на расстоянии 120 м от участка 1 и 55 м от участка 2. Расположенный на наиболее высокой, хорошо задернованной площадке, он так же, как и предыдущие раскопы, находился между грунтовой дорогой и рыбообразным прудом (рис. 1).

В результате на участке 1 могильника Новинки 1 было обнаружено ещё одно погребение (№ 4), частично нарушенное карьером (рис. 3). Могильная яма его была ориентирована по линии С-Ю, так же, как и у погребений 2 и 3 (рис. 2). Скорее всего, могила имела такие же размеры, как и могила погребения 3, но здесь не прослеживались остатки внутренней погребальной конструкции. Из погребального инвентаря сохранился только кремнёвый топор-клин (рис. 4: 1)², но, возможно, его первоначальное местоположение было нарушено, так как он лежал прямо на границе карьера, срезавшего погребение. Кроме того, в заполнении могильной ямы был найден фрагмент стенки сосуда бронзового века, орнаментированной своеобразным инструментом (рис. 4: 2). Анализ особенностей исходного сырья, формовочной массы и орнаментальных отпечатков показал, что этот фрагмент принадлежал тому же сосуду, что и фрагмент из заполнения ямы погребения 3, раскопанного в 1991 г. Ещё один фрагмент от этого же сосуда был найден в 1991 году в слое, нарушенном фатьяновским могильником [4, с. 91, рис. 69].

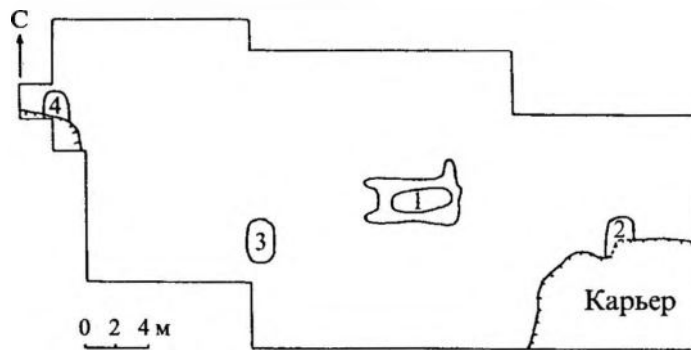

Рис. 2. План расположения могильных ям на участке 1 могильника Новинки 1

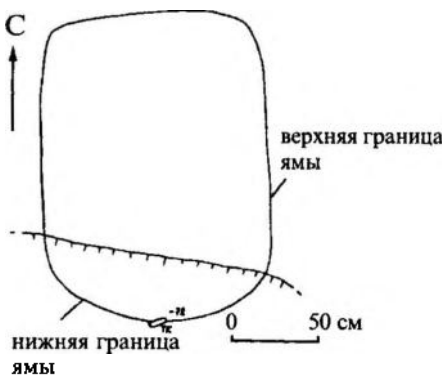

Рис. 3. Новинки 1, участок 1. Погребение 4. План (тк – кремнёвый топор-клин)

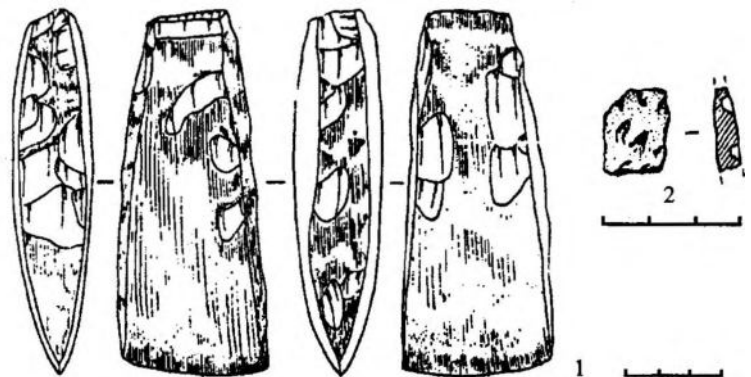

Рис. 4. Новинки 1, участок 1. Погребение 4. Вещи из погребения: 1 – кремнёвый топор-клин; 2 – фрагмент стенки сосуда бронзового (?) века из заполнения ямы

Таким образом, в результате археологических раскопок (за все годы: 1990-1994 и 1999) на участке 1 могильника Новинки 1 были выявлены все границы этой могильной группы. Причём, только северная её граница соответствует древней, а остальные – результат деятельности современного человека: с западной, восточной и южной сторон могильник разрушен карьерами.

² Автор благодарит И.В. Заботину и А.В. Мирещкого за выполненные ими рисунки находок.

На раскопе, соединяющем участки 3-4 и участок 2 (раскопки 1999 г.), было обнаружено и расчищено 5 погребений, а также доследована часть могильной ямы погребения 19, которое было в основном раскопано в 1994 г. [5, с. 20-24, рис. 81-84] (рис. 5). Судя по размерам могильных ям, два из пяти погребений принадлежат взрослым и три – детям. Большая яма погребения № 21 (рис. 6) располагалась параллельно погребению № 19 и была частично перекрыта с восточной стороны небольшой ямой погребения № 22. Верхние части обеих ям были срезаны при строительстве современного сарая-весовой (ныне не существующего) практически до уровня погребальной инвентаря. В погребении взрослого (№ 21) прослеживаются остатки от внутренней погребальной конструкции, в детском (№ 22) – нет.

К погребальному инвентарю взрослого захоронения относятся: 3 глиняных сосуда, найденные в развалах (рис. 7: 1-3), кремнёвый топор-клин (рис. 7: 8), кремнёвый нож (рис. 7: 5) и два камня, один из которых – ретушёр (рис. 7: 7), а другой – точильный (рис. 7: 6). Кроме того, в заполнении ямы найдено пять фрагментов ещё двух разных сосудов и кремнёвый отщеп с ретушью (рис. 7: 4). В детском погребении № 22 найден развал одного сосуда (рис. 8: 1), кремнёвые пожевидная пластина (рис. 8: 2) и проколка (рис. 8: 3), а также камень (рис. 8: 4). В заполнении его могильной ямы была обнаружена ещё одна кремнёвая пластина со скошенным ретушью концом (рис. 8: 5).

Могильная яма погребения № 23 (рис. 9) сохранилась на большую глубину (63 см). Она имела значительные размеры (315×163 см) и была ориентирована так же, как и яма погребения № 21, по линии ЗЮЗ-ВССВ. Здесь чётко прослеживалась внутренняя погребальная конструкция, имевшая прямоугольную форму с отворотами по углам. Конструкция сужалась книзу. В средней части ямы фиксировалось прямоугольное кострище, которое шло сверху до дна могильной ямы. В кострище на разной глубине были найдены мелкие фрагменты как минимум пяти фатьяновских сосудов (рис. 10: 2), кремнёвые миниатюрный топорик (рис. 10: 5), обломок двусторонне ретушированного орудия (наконечника стрелы? – рис. 10: 3) и отщеп (рис. 10: 4). Непосредственно к погребальному инвентарю можно отнести только небольшой камень (рис. 10: 1). Но это спорный момент, так как камень лежал на дне погребения в остатках чёрного слоя кострища. Из-за того, что кости в данном грунте не сохраняются, сложно определить, было ли это безынвентарное погребение или кенотаф. Кроме того, вдоль южной стенки могильной ямы прослежены три круглых ямы диаметром от 40 до 60 см. По их конфигурации в плане и профиле можно предположить, что это ямы от столбов. В двух из них были найдены небольшие фрагменты фатьяновских сосудов. Четвертая аналогичная яма (диаметром 55 см) находилась с противоположной стороны могильной ямы, в 30 см от её северной стенки (рис. 11).

Рядом с погребением № 23, перпендикулярно ему, располагалась небольшая яма погребения № 24 (судя по размеру, детского). Погребальной конструкции в ней не зафиксировано (рис. 11-12). Погребальный инвентарь был представлен только одним глиняным сосудом (рис. 13: 1) и кремнёвой пластиной (рис. 13: 2). Около сосуда находился какой-то глиняный предмет несохранившейся формы. По результатам анализа можно предположить, что это остатки второго, но необожжённого сосуда.

Погребение № 25 было найдено на самом краю дорожного кювета. Его яма по форме и заполнению напоминала яму от древесных корней. Однако при её расчистке оказалось, что это – могильная яма небольшого (детского) погребения, которая сильно нарушена корнями деревьев (рис. 14). В погребении находился развал сосуда (рис. 15: 1), фрагменты которого встречались и за пределами ямы, а также кремнёвые нож (рис. 15: 2) и отщеп (рис. 15: 3).

На раскопе, заложенном в 1999 г. для определения западной границы могильной группы, обнаружено только одно, сильно разрушенное, погребение (№ 26). Оно, скорее всего, сползло по краю дорожного кювета, так как представляло собой скопление мелких фрагментов одного сосуда (рис. 16: 3), спускающееся по стенке кювета до его дна. В нижней части скопления, на дне кювета лежали кремнёвые топор-клин (рис. 16: 1) и нож (рис. 16: 2). Причём все эти находки залегали в перекопанном грунте непосредственно под слоем дёрна.

На раскопе 2000 года, примыкавшем с восточной и юго-восточной сторон к предыдущим раскопам этого участка и имевшем общую площадь в 508 кв. м, не было обнаружено ни одного погребения.

Таким образом, в результате работ 1999 и 2000 гг. были выявлены западная, восточная и южная границы могильной группы участка 2-4. Напомню, что северная часть этой могильной группы повреждена грунтово-вой дорогой.

Работы на раскопе, заложенном в 2000 г. на могильнике Новики 2 (участок 3), показали, что возвышенность, выбранная для раскопа, образовалась в результате рекультивации старого карьера. На всей площади раскопа (112 кв. м) до глубины 160 см фиксировался бульдозерный перекоп. В нём на разных глубинах были найдены: скопление фрагментов одного фатьяновского сосуда (рис. 17: 1), фатьяновские каменный сверлёный топор (рис. 17: 3) и кремнёвый наконечник стрелы (рис. 17: 2). Фрагменты сосуда лежали на глубине от 35 до 60 см от уровня современной дневной поверхности. Наконечник стрелы – на глубине 70 см, а каменный топор – на глубине 110 см. Расстояние между наконечником стрелы и топором около 60 см, а между ними и скоплением керамики – около 2,5 м. Тем не менее, по следам от ножа бульдозера и по расположению этих находок, вытянутых в одну линию, ориентированную с СЗ на ЮВ, можно предположить, что они являлись инвентарём одного погребения, которое, скорее всего, изначально находилось юго-восточнее топора и наконечника стрелы. На этой же условной линии, на расстоянии примерно 4 м на юго-восток от наконечника стрелы и на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности находился фрагмент шлифованного каменного изделия (вероятно, топора). Если это действительно обломок сверлёного топора, то, возможно, было разрушено ещё одно погребение, так как в одном погребении крайне редко встречаются два сверлёных топора (во всех известных памятниках фатьяновской культуры имеется только один такой случай).

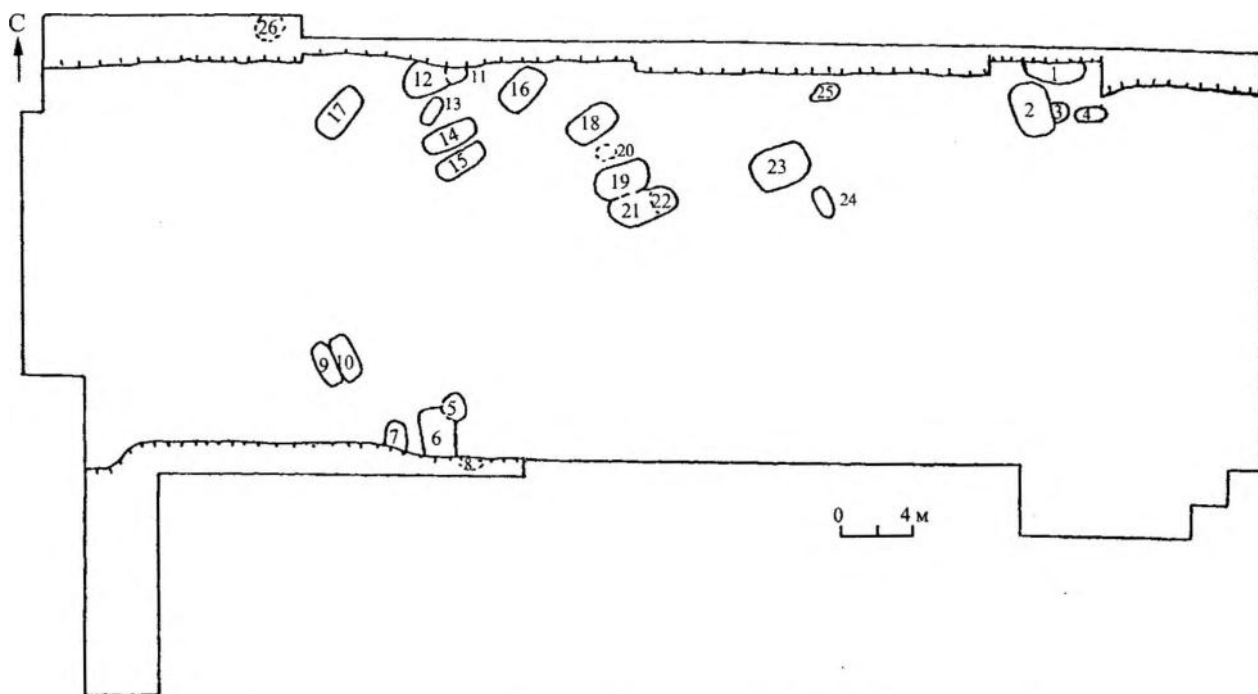

Рис. 5. План расположения могильных ям на участке 2-4 могильника Новинки 1

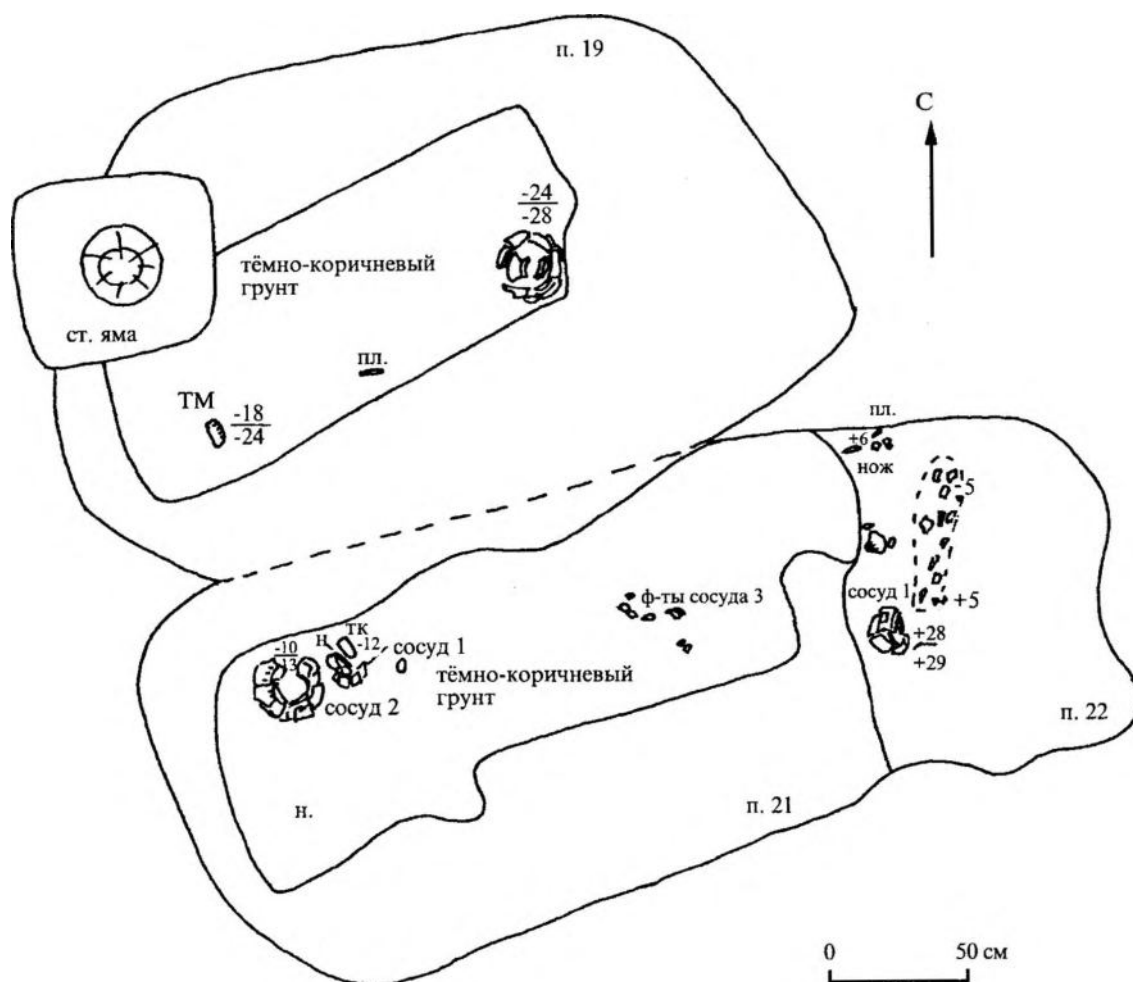

Рис. 6. Новинки 1, участок 2-4. Планы могильных ям погребений №№ 19, 21 и 22 (тм – каменный сверлёный топор; пл. – кремнёвая пластина; тк – кремнёвый топор-клин; н. – кремнёвый нож; ст. яма – столбовая яма современного сарая)

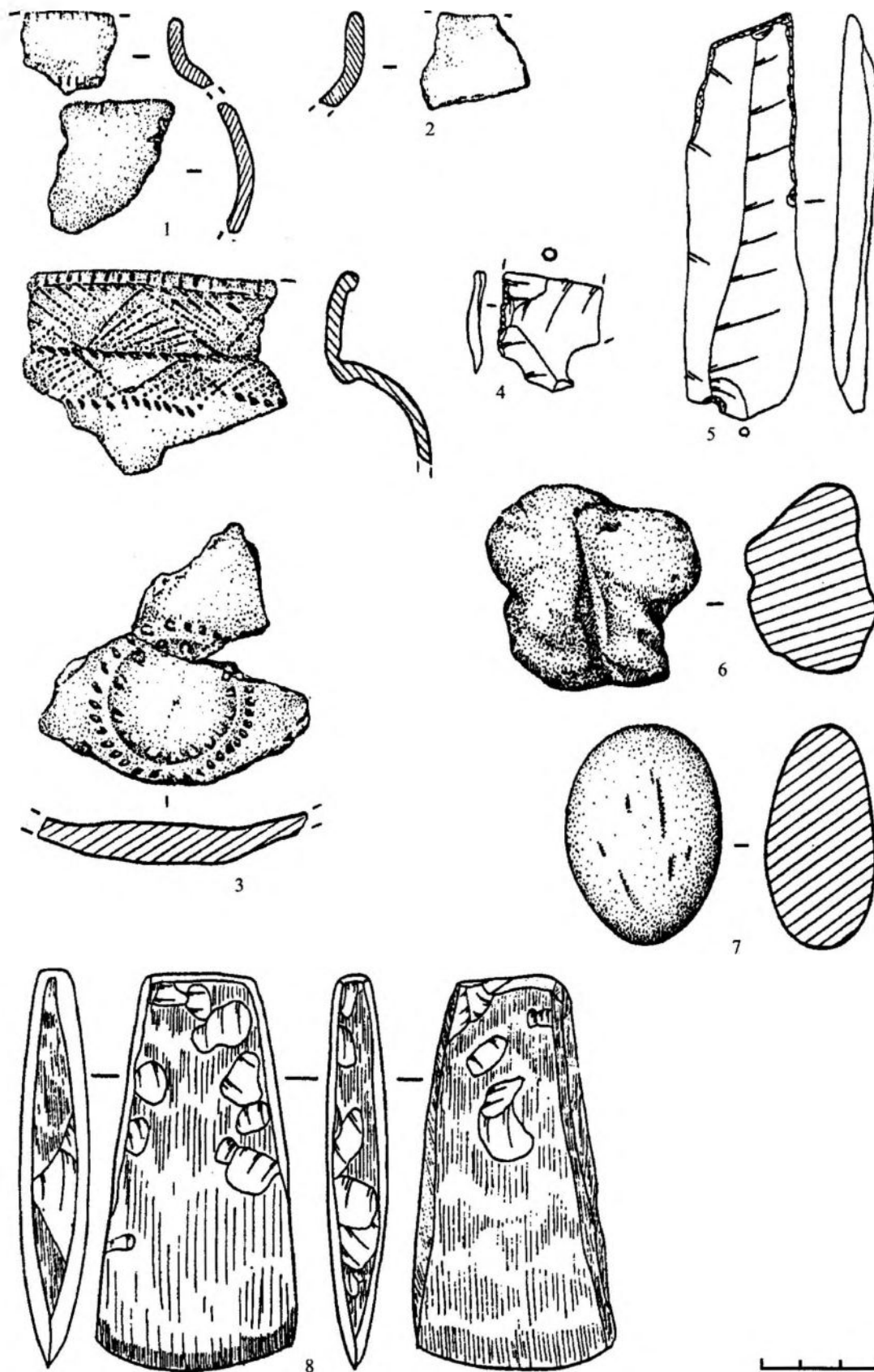

Рис. 7. Новинки 1, участок 2-4. Вещи из погребения № 21 (1-3 и 5-8 – погребальный инвентарь; 4 – из заполнения ямы): 1 – фрагмент сосуда № 1; 2 – горло сосуда № 3; 3 – фрагменты горла, плеча и донной части сосуда № 2; 4 – кремнёвый отщеп с ретушью; 5 – кремнёвый нож; 6 – точильный камень; 7 – ретушёр; 8 – кремнёвый топор-клин

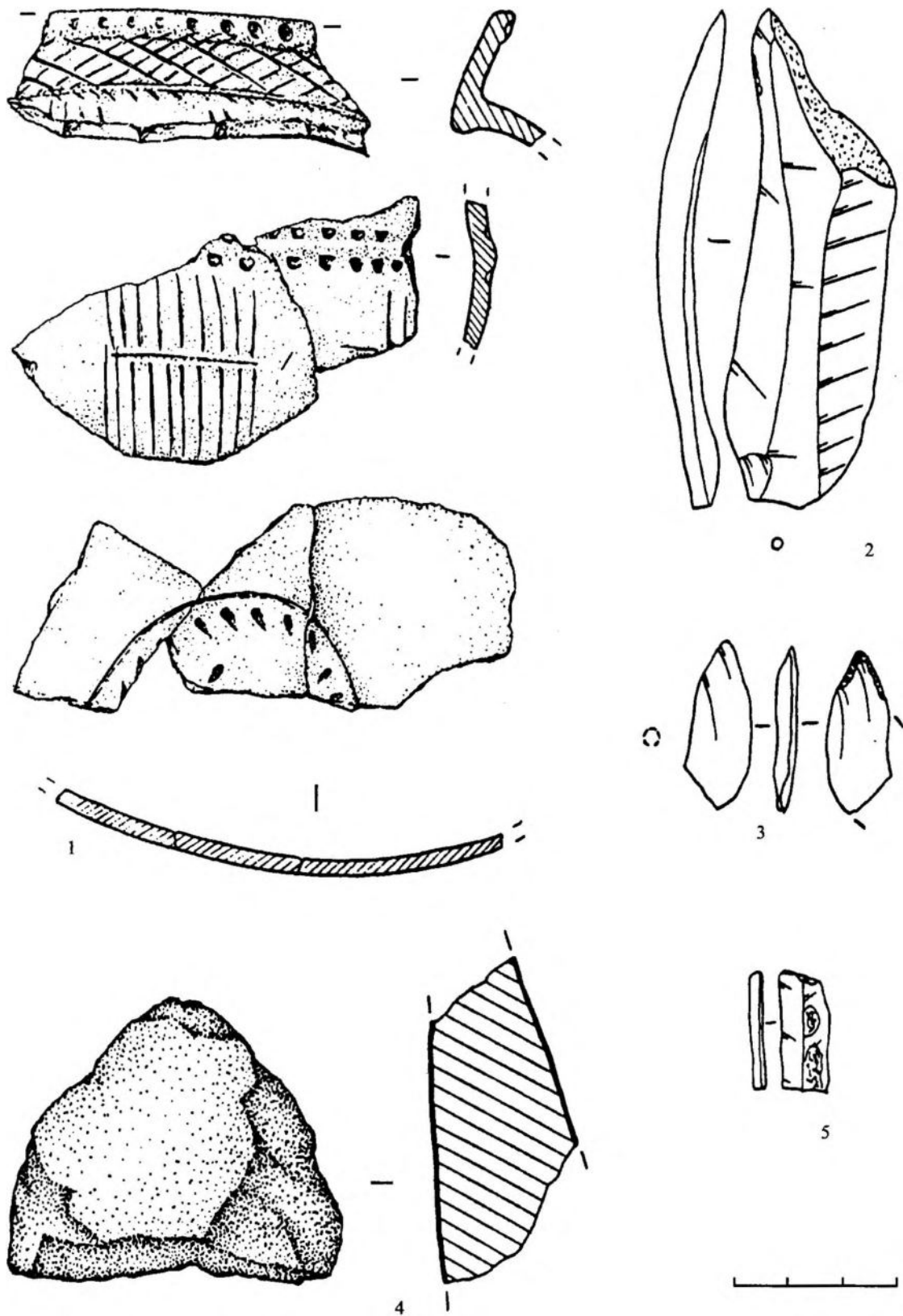

Рис. 8. Новинки 1, участок 2-4. Вещи из погребения № 22 (1-4 – погребальный инвентарь; 5 – из заполнения ямы): 1 – фрагменты сосуда № 1; 2 – кремнёвая ножевидная пластина; 3 – кремнёвая проколка; 4 – камень; 5 – кремнёвая пластина

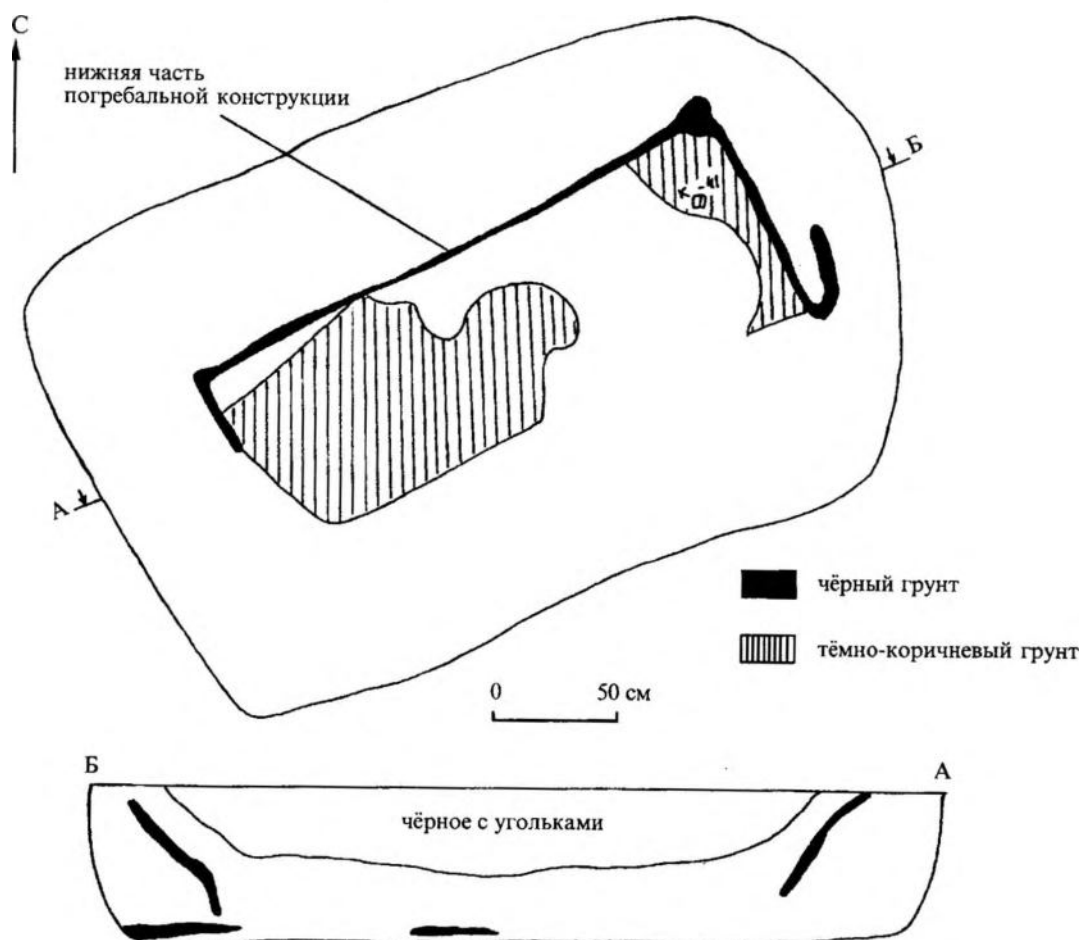

Рис. 9. Новинки 1, участок 2-4. Могильная яма погребения № 23. План и разрез (к – камень)

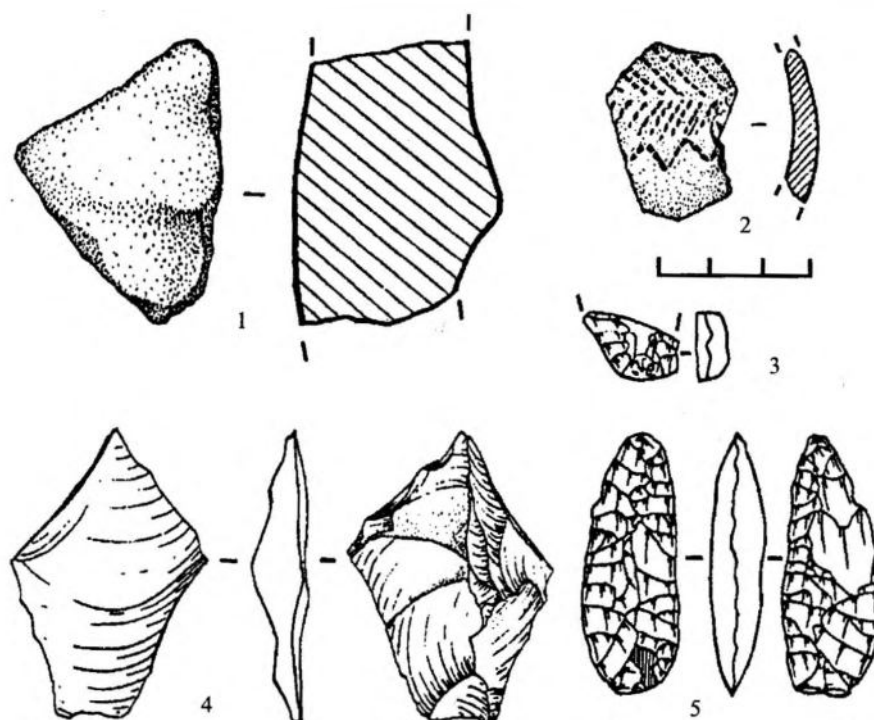

Рис. 10. Новинки 1, участок 2-4. Вещи из погребения № 23: 1 – камень; 2 – фрагмент плеча фатьяновского сосуда; 3 – обломок кремнёвого орудия; 4 – кремнёвый отщеп; 5 – кремнёвый миниатюрный топорик

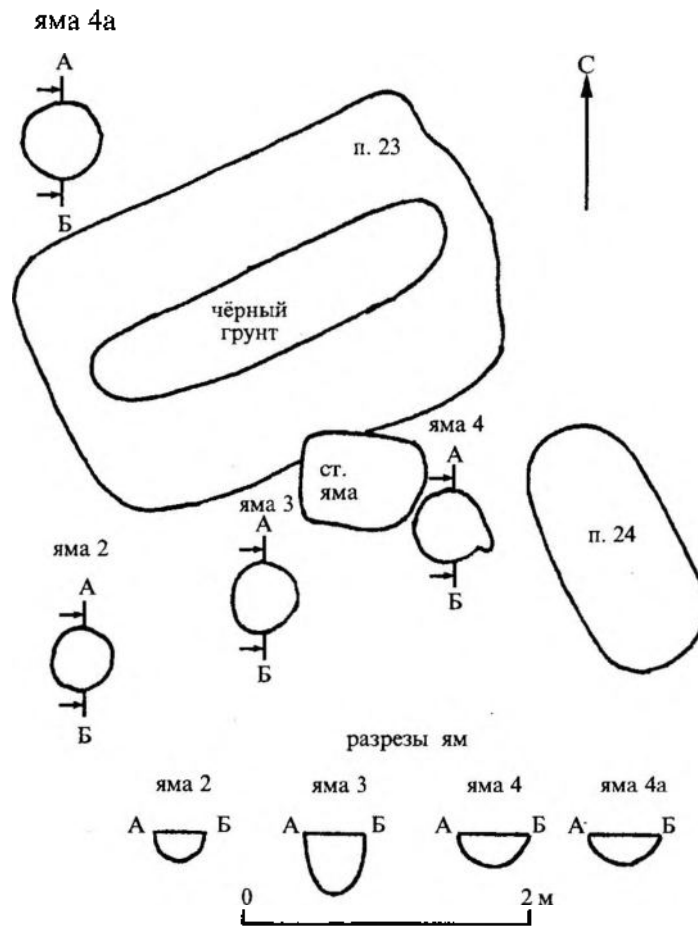

Рис. 11. Новинки 1, участок 2-4. Погребальный комплекс погребения № 23. Общий план и разрезы круглых ям (ст. яма – яма от столба современного сарая)

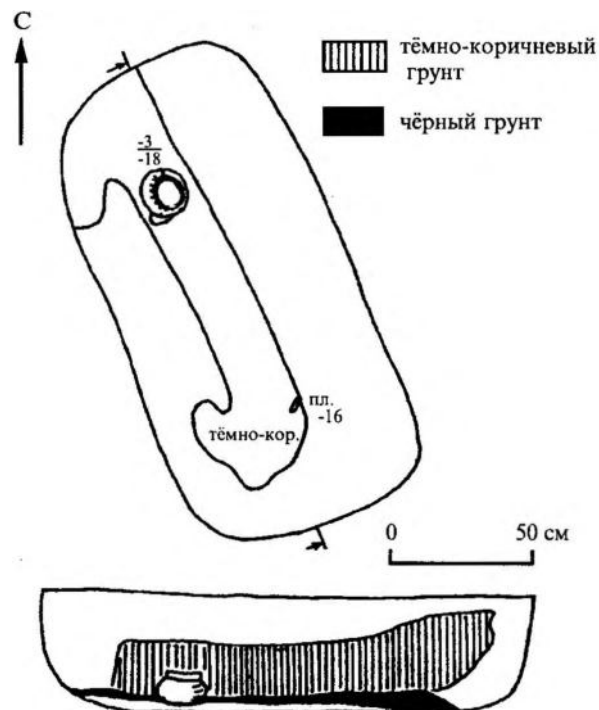

Рис. 12. Новинки 1, участок 2-4. Могильная яма погребения № 24. План и разрез (пл. – кремнёвая пластина)

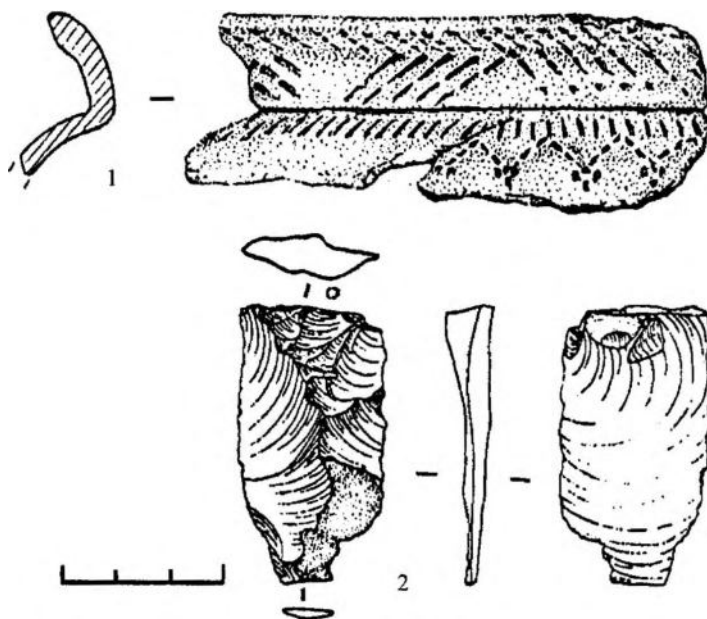

Рис. 13. Новинки 1, участок 2-4.
 Погребальный инвентарь погребения № 24.
 1 – фрагмент глиняного сосуда № 1; 2 – кремнёвая пластина

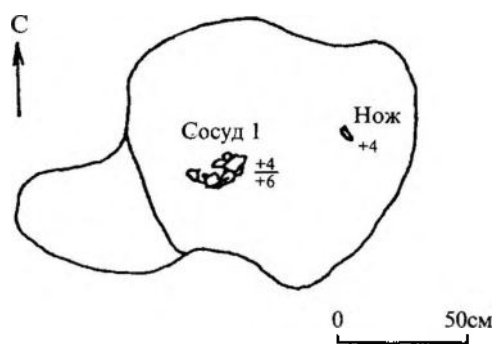

Рис. 14. Новинки 1, участок 2-4.
 Могильная яма погребения № 25. План

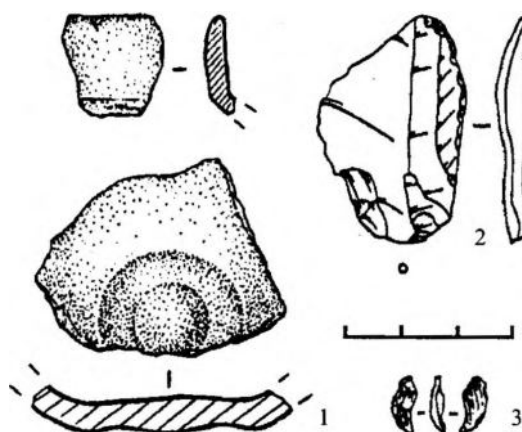

Рис. 15. Новинки 1, участок 2-4. Погребальный инвентарь погребения № 25.
 1 – фрагменты сосуда № 1; 2 – кремнёвый нож; 3 – отщеп

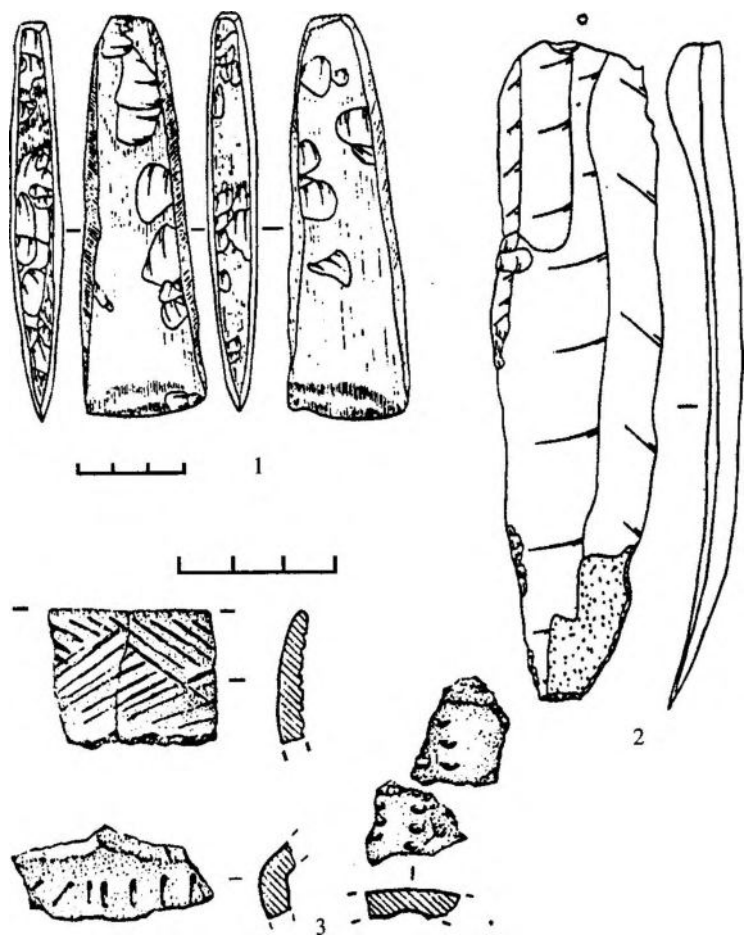

Рис. 16. Новинки 1, участок 2-4.
 Вещи из погребения № 26.
 1 – кремнёвый топор-клин;
 2 – кремнёвый нож;
 3 – фрагменты горла, плеча
 и донной части сосуда № 1

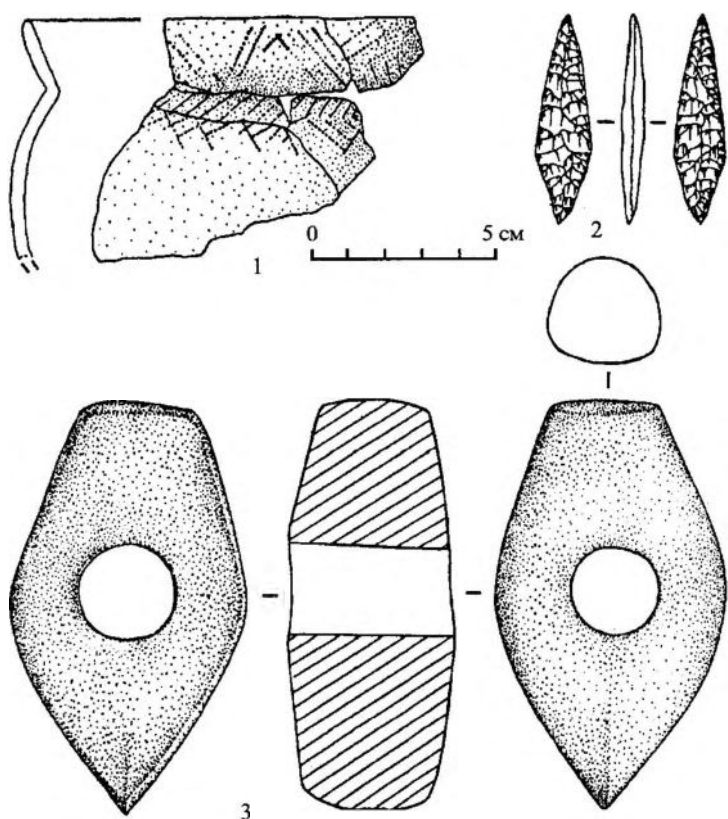

Рис. 17. Новинки 2, участок 3.
 Фатьяновские вещи из раскопа.
 1 – фрагменты сосуда № 1;
 2 – кремнёвый наконечник стрелы;
 3 – каменный сверлёный топор

Таким образом, результаты семилетних раскопок могильников Новинки 1 и 2 следующие.

Во-первых, на участке 1 могильника Новинки 1 были полностью выявлены границы могильной группы. Здесь возможно продолжение раскопок на участке, примыкающем к южной стороне раскопа 1999 года. Однако обнаружение на нём новых погребений маловероятно, так как, судя по соседним раскопам, там находится старый рекультивированный карьер, который, скорее всего, разрушил погребения, если таковые и имелись. Новые данные, полученные в 1999 году (погребение № 4), подтверждают сделанный ранее вывод о специфике фатьяновского населения этой микрогруппы.

Во-вторых, найдены все границы могильной группы на участке 2-4 могильника Новинки 1. Материалы раскопа, соединившего 3-4 и 2 участки, а также западного раскопа показали правомерность выделения участка 2-4 в единую микрогруппу и справедливость сделанных ранее выводов о хронологической близости фатьяновского населения микрогруппы уч. 2-4 Новинки 1 и микрогруппы уч. 2 Новинки 2.

Как предполагалось ранее, различия между традициями населения этих микрогрупп проявились только в особом, усложнённом, погребальном обряде, зафиксированном на участке 2 Новинки 2, что навело меня тогда на мысль об особом социальном статусе погребённых здесь людей [6, с. 196]. Напомню, что на этом небольшом участке (52 кв. м) в 1994 г. был открыт уникальный для фатьяновской культуры могильный комплекс [6, рис. 3: 14-15]. Он состоял из двух больших перпендикулярно расположенных могильных ям, окружённых семью ямами меньшего размера. Шесть из них были округлые, а седьмая имела в плане форму восьмёрки, то есть по существу представляла собой частично перекрывающиеся друг друга две округлые ямы. Судя по форме и заполнению этих круглых ям, здесь зафиксированы нижние части ям, оставшихся от столбов. При реконструкции этого могильного комплекса мною были высказаны два предположения: либо это остатки какой-то наземной столбовой конструкции, либо это ямы от столбов-“идолов”, одной из функций которых было служить “маркёрами”, обозначавшими и ограничивавшими площадку с данными погребениями [6, с. 194]. Кроме того, этот могильный комплекс отличался от всех остальных наличием кострищ, скорее всего, поминальных, на самих могилах, что также не характерно для фатьяновской культуры.

Теперь обратим внимание на погребение № 23, раскопанное в 1999 г. на участке 2-4 могильника Новинки 1 (рис. 11). Во-первых, по своим грандиозным размерам оно сопоставимо только с могилами участка 2 Новинки 2. Во-вторых, на нём фиксируются остатки кострища, судя по находкам, именно поминального характера. И, наконец, в-третьих, сама могильная яма сопровождалась четырьмя округлыми ямами, три из которых располагались вдоль южной стенки могилы, а четвёртая находилась недалеко от северо-западного угла могильной ямы. В двух южных ямах были найдены небольшие фрагменты фатьяновской посуды. Можно предположить, что большая могильная яма и круглые ямы, расположенные около неё, составляют единый погребальный комплекс, в котором круглые ямы являются либо следами от внешней столбовой конструкции, либо ямами от столбов-“идолов”. Трудно ответить на вопрос, почему в столь “богатом” погребальном сооружении (большая яма, внутренняя погребальная конструкция, мощное кострище с остатками фатьяновских вещей, а также столбовые ямы, маркирующие погребение) отсутствует погребальный инвентарь. Но находка данного погребения на участке 2-4 могильника Новинки 1 не только подтверждает гипотезу об одновременности бытования населения обеих микрогрупп, но и позволяет предположить, что это было одно и то же население.

И, наконец, раскоп на участке 3 могильника Новинки 2 показал, во-первых, что древняя поверхность, на которой располагалось фатьяновское кладбище, нарушена сильнее, чем мы предполагали вначале, и, во-вторых, что между могильными группами участков 1 и 2 были и другие погребения или группа погребений (последнее в данный момент уточнить не представляется возможным).

Таким образом, в результате раскопок двух последних лет на могильниках Новинки 1 и 2 археологические работы на выявленных четырёх участках могут считаться в целом завершёнными.

Теперь перейдем ко второй цели данной статьи. Постановка вопроса о выявлении структуры могильных групп стала возможной только после того, как участки оказались полностью раскопанными. Определение границ отдельных могильных групп позволило с большей уверенностью говорить об особенностях планировки погребений в этих группах.

Итак, могильная группа 1 (участок 1, Новинки 1) включает в себя 4 погребения (рис. 2). Одно из них (№ 1), раскопанное в 1990 г. [1, с. 81, рис. 1: 2 и 2: 1], на мой взгляд, является остатками двух сильно нарушенных погребений. Все погребения (кроме погребения № 1, яма которого не сохранилась, и ориентировка её спорна) были ориентированы по линии С-Ю. Судя по сохранившимся частям ям, размеры ямы погребения № 4 были близки размерам единственной полностью сохранившейся могильной ямы погребения № 3, т.е. 240×170 см, а могильная яма погребения № 2 была немного больше. По размерам могильных ям можно предположить, что в них похоронены взрослые люди. Могилы располагались узкой (10 м шириной) полосой, ориентированной с небольшим отклонением по линии В-З, длиной около 40 м. Могильные ямы находились друг от друга на расстоянии от 6 до 13 м, поэтому площадь, занимаемая этой небольшой могильной группой, была довольно значительной – около 400 кв. м (общая площадь раскопа составляет 636 кв. м). Естественно, необходимо помнить о том, что восточная, южная и западная границы могильной группы нарушены карьерами, которые не только частично повредили выявленные нами погребения, но и, возможно, какие-то погребения разрушили полностью. Тем не менее, сохранившиеся погребения организованы именно указанным образом.

Могильная группа 2 (участок 2-4, Новинки 1) состоит из 26 погребений, занимающих площадку около 1200 кв. м (общая площадь раскопа – 1660 кв. м). Здесь погребения располагались отдельными небольшими группами (рис. 5). Выделяются 6 таких микрогрупп, внутри которых расстояние между могильными ямами

не превышает одного метра. Кроме того, явно обособляются центральная часть всей могильной группы, т.е. её “ядро”, и периферия. В центральной части расстояние между микрогруппами погребений не более четырёх метров. Периферийные микрогруппы удалены от центральной части кладбища на 8-10 метров.

Центральная часть включает в себя три микрогруппы (в одной – два погребения, во второй – пять и в третьей – шесть погребений) и два отдельно расположенных погребения. Периферия представлена тремя микрогруппами и одним отдельным погребением. Периферийные микрогруппы фиксируются с западной, южной и восточной сторон от центральной части, маркируя собой границы всей могильной группы. Восточная периферия представлена одной микрогруппой, в которую входят четыре погребения. Южная периферия включает две микрогруппы, одна из которых состоит из четырёх погребений, а другая – из двух. Западную границу кладбища маркирует только одно, сильно разрушенное дорожным кюветом, погребение.

К сожалению, при строительстве дороги были разрушены не только это погребение, но и северная часть “ядра” могильной группы и часть восточной микрогруппы. Кроме того, можно предположить, что ранее существовала и северная периферийная микрогруппа, полностью уничтоженная дорогой.

Судя по размерам могильных ям, каждая из микрогрупп включала в себя погребения взрослых и детей. Средний размер ямы с погребением взрослого был 268×150 см, детского – 154×95 см. Некоторые могильные ямы в микрогруппах образуют пары погребений, они расположены параллельно и вплотную друг к другу. Можно предположить, что эти пары были выкопаны либо одновременно, либо с небольшим временным интервалом. Такие пары составляют погребения 14 и 15, 19 и 21, входящие в “ядро”, и погребения 9 и 10, расположенные на южной периферии. Во всех случаях это погребения взрослых людей. Некоторые небольшие могильные ямы (предположительно, детских погребений) частично перекрывают большие ямы (погребения взрослых). Фиксируются четыре таких случая: погребения 3 и 2, 5 и 6, 11 и 12 и 22 и 21 (первым в каждой паре указано детское погребение). Один – на восточной периферии, один – на южной и два – в “ядре”. Причём в трёх случаях из четырёх, судя по планам и стратиграфии, яма детского погребения делалась несколько позже ямы взрослого. Исключение составляет пара погребений №№ 11 и 12, где ситуация не столь однозначна.

Кроме того, различаются традиции ориентировки погребений в “ядре” и в периферийных микрогруппах. В “ядре” фиксируются три таких традиции: первая – ЗЮЗ-ВСВ (64%), вторая – ЮЗ-СВ (27%) и третья – СЗ-ЮВ (9%), причём, первая явно доминирует. В восточной периферийной микрогруппе прослеживаются две традиции ориентировки погребений: первая, преобладающая, – В-З (75%) и вторая – ССЗ-ЮЮВ (25%). В южных пограничных микрогруппах также выделяются две традиции, представленные одинаково: первая – С-Ю (50%) и вторая – СЗ-ЮВ (50%). Крайнее западное погребение разрушено настолько, что его могильная яма не сохранилась, поэтому определить её ориентировку невозможно.

Допустимо предполагать, что различие в данных традициях погребального обряда отражает некие особенности и в составе населения, хоронившего умерших на разных частях этого кладбища.

Теперь рассмотрим планиграфию погребений могильных групп могильника Новинки 2. Здесь в силу большой повреждённости древней площадки могильника мы имеем дело с незначительными остатками двух могильных групп. Тем не менее, даже на этом материале выделяются особенности в расположении могильных ям.

В могильной группе 3 (участок 1, Новинки 2) раскопано 4 погребения. Два из них (№№ 1 и 2) разрушены настолько, что границы их ям фиксируются только у дна. Все четыре погребения ориентированы по линии С-Ю. Три погребения из четырёх расположены параллельно в один ряд на расстоянии 4 и 2 м друг от друга. Этот ряд тянется с запада на восток [6, с. 187, рис. 2]. Четвёртое погребение (№ 1) найдено в 24 метрах к СЗ от этой группы. Площадь, занимаемая всей могильной группой, составляла 232 кв. м (общая площадь раскопа такая же). Судя по размерам сохранившихся двух могильных ям (в среднем – 250×135 см), в них были захоронены взрослые люди.

Четвёртая могильная группа (участок 2, Новинки 2) состоит только из двух могильных ям, в одной из которых (№ 1), предположительно, было два погребённых: взрослый и ребёнок [7, с. 203]. Могила имели разную ориентировку (ЗЮЗ-ВСВ и ССЗ-ЮЮВ) и почти вплотную примыкали друг к другу [6, с. 187, рис. 3]. Обе ямы очень большие, их средние размеры составляет 345×204 см. Во второй могильной яме также был похоронен взрослый человек. Эти две могилы были окружены столбовыми ямами.

В целом данный комплекс сходен с аналогичным комплексом погребения № 23 второй могильной группы, поэтому можно предположить, что раскопанные нами погребения на участке 2 могильника Новинки 2 изначально не представляли собой отдельный комплекс, а являлись частью большой группы погребений, типа могильной группы 2.

Таким образом, планиграфическое исследование четырёх могильных групп позволяет сделать следующие наблюдения:

1. В четырёх могильных группах зафиксированы две совершенно разные традиции в организации могил. Первая – расположение могил на большом расстоянии друг от друга, в один ряд, тянущийся с запада на восток или с некоторым отклонением от этого направления. С этой традицией неразрывно связана традиция ориентирования могильных ям по линии С-Ю. Данная традиция выявлена в первой и третьей могильных группах. Вторая традиция в организации могильных ям – это расположение могил отдельными микрогруппами, в которых расстояние между могилами не превышает одного метра. Для микрогрупп характерно размещение могил вплотную друг к другу, а также их частичное взаимное перекрывание. Можно предположить, что для второй традиции свойственна такая организация кладбища, при которой выделяются его центральная часть – “ядро” – и окружающая это “ядро” периферия. При данной системе ориентировка

погребений, возможно, зависит от их взаимного расположения и места, занимаемого ими на кладбище. Остатки кладбища с подобной организацией мы фиксируем во второй могильной группе. Вторая традиция прослежена также в четвёртой могильной группе.

2. Расположение могил в третьей могильной группе, по сравнению с размещением их в первой группе, имеет свои особенности. Во-первых, здесь могильные ямы находятся в 2-3 раза ближе друг к другу, чем в первой группе. Во-вторых, в третьей группе одно из погребений сильно удалено от остальных (на 24 м) и не составляет с ними один ряд.

3. Вторая традиция, прослеженная во второй и четвёртой могильных группах, позволяет предположить, что, во-первых, в микрогруппах похоронены близкие родственники, во-вторых, население, хоронившее покойных в центральной части кладбища, должно было несколько отличаться по составу от населения, хоронившего своих умерших на периферии. Для проверки этого предположения необходимо проанализировать все полученные материалы заново, под другим углом зрения.

4. Имеются основания предполагать, что четвёртая могильная группа представляет собой лишь небольшую часть, сохранившуюся от некогда достаточно значительного кладбища.

Таким образом, в рамках двух выделенных традиций организации могил на кладбище каждая могильная группа имеет свою специфику. Особенности первой традиции организации кладбища, выявленные в третьей могильной группе, скорее всего, объясняются тем, что эти погребения были сделаны позднее погребений первой могильной группы. Особенности же четвёртой могильной группы (обособленность в качестве отдельного погребального комплекса), вероятно всего, объясняются неполной её сохранностью.

Итак, новые исследования позволяют конкретизировать высказанные ранее предположения [6, с. 196] относительно фатьяновского населения, оставившего данные могильные группы. Во-первых, можно с большей уверенностью говорить о существовании не четырёх, а трёх разновременных групп новинковского населения. Первая оставила после себя могильную группу 1 (участок 1, могильник Новинки 1). Вторая хоронила своих родственников в могильных группах 2 и 4 (участок 2-4 могильника Новинки 1 и участок 2 могильника Новинки 2). И, наконец, третья связана с могильной группой 3 (участок 1 могильника Новинки 2). Во-вторых, относительная хронология пребывания этих трёх групп фатьяновского населения в Новинках представляется теперь в следующем виде. Первая группа населения, как и предполагалось раньше, была наиболее ранней. Ей на смену пришла третья группа населения. И самой поздней в этом ряду была вторая группа фатьяновского населения.

В заключение хотелось бы отметить возможные направления дальнейших исследований самих могильных групп и территории, на которой они расположены. Во-первых, это касается археологических раскопок. Представляется достаточно перспективным продолжить раскопки на территории могильника Новинки 2, на возвышенности, прилегающей к грунтовой дороге с северной стороны, напротив участка 1. Можно предположить, что этот участок не повреждён дорогой или карьерами, и расположение здесь фатьяновских погребений весьма вероятно. Возможно также продолжение археологических работ на участке 2-4 могильника Новинки 1, с восточной стороны предыдущего раскопа. Здесь, вероятно, можно обнаружить продолжение мезолитической стоянки, открытой нами в 2000 г. [2, с. 41-44]. Материалы этой стоянки, по определению А.В. Мирецкого, близки иненевской мезолитической культуре [2, с. 43-44]. Важные научные открытия могут принести полевые археологические исследования (разведки и раскопки) в местах, указанных Ю.А. Лаврушиным, связанные с поисками стоянок и поселений древних людей, в том числе и фатьяновского населения, приуроченных к выходам кремня [2, с. 45-50, рис. 290-291].

Во-вторых, представляется достаточно интересным продолжить камеральные исследования накопленных материалов из могильников Новинки 1 и 2 для определения особенностей выделенных трёх групп фатьяновского населения. В значительной степени это касается самого позднего населения – второй группы, которое оставило после себя родовые кладбища. В данном случае, используя результаты всех проведённых исследований, в том числе и реконструированные половозрастные данные, возможно выйти на решение вопроса о составе и структуре населения этой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е.В., Ланцев А.И., Черных И.Н. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
2. Волкова Е.В. Отчет о раскопках могильников Новинки 1 и 2 в Калининском районе Тверской области в 2000 г. Москва – Тверь, 2001. // Архив ИА РАН. Р-1.
3. Волкова Е.В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1-2) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
4. Волкова Е.В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки 1 в Калининском районе Тверской области в 1991 г. Москва – Тверь, 1992. // Архив ИА РАН. Р-1.
5. Волкова Е.В. Отчет об охранных раскопках могильников Новинки 1 и 2 в Калининском районе Тверской области в 1994 г. Москва – Тверь, 1995. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18801.
6. Волкова Е.В. Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
7. Волкова Е.В. Опыт реконструкции пола и возраста погребенных из фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.

*Институт археологии РАН,
Москва
Тверской государственный объединённый музей,
Тверь*

E.V. Volkova

**THE CEMETERIES OF FATJANOVO CULTURE NOVINKI 1, 2
(the Results of Excavations in 1999-2000)**

Summary

The author presents the results of the excavations carried out in 1999-2000 on the cemeteries of Fatjanovo culture Novinki 1, 2, which are situated in Tver Region together with the description of planographic peculiarities of separate groups of burials. The article contains also the data on 6 newly investigated burials. Besides that the author sums up the results of seven years of research work on the cemeteries.

The most important conclusion is the discovery of the burial groups' borders. It means that all the four previously revealed burial groups have been studied completely.

Though the burial groups have been greatly destroyed, the author discusses the question of planographic peculiarities of them on the basis of the analysis of the preserved burials' location as well as the revealed on some parts of the groups their original borders. The author determines two absolutely different traditions in burials' organization. According to the first of them the burials were situated at a large distance from each other in a single row from west to east. The burials were oriented from north to south. The described tradition is a characteristic feature of the groups 1 and 3. Another tradition means the placement of burials in separate micro-groups, where the distance between the pits is less than 1 m. The main feature of this tradition is the organization of the cemetery so that it has a nuclear and a periphery around it. Such a tradition is fixed for the burial groups 2 and 4.

All in all inside the limits of every tradition each of the four burial groups has its own specification. Taking it into account as well as the results of previous investigations the author concretizes her early made suggestions in relation to Fatjanovo culture population who left these cemeteries. Firstly the revealed four groups of burials belonged to three non-simultaneous units of Fatjanovo people. The first unit left burials on part 1 of Novinki 1 cemetery, the second one – on parts 2-4 of the same monument, as well as on part 2 of Novinki 2. The third unit buried its dead on part 1 of Novinki 2. Secondly the relative chronology of these inhabitants' groups was the following: the first group was the earliest, then the third one came, later the second one replaced it.

In conclusion the author presents a plan of prospective investigations.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia.*

Г.В. Григорьева

ОРНАМЕНТ НА ИЗДЕЛИЯХ ИЗ БИВНЯ И КОСТИ С ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОДНЕПРОВЬЯ

Орнамент – «...узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов, для украшения предметов или архитектурных сооружений» [1, с. 939].

Источниками первобытного орнамента служили схематизированные реальные формы, например, животные, растения и др. Первобытные охотники выражали через орнамент своё отношение к окружающему их миру. Для орнамента характерны два основных признака: ритмичность и упорядоченность элементов.

О таком орнаменте может идти речь при изучении изделий из бивня и кости с верхнепалеолитических памятников Поднепровья – одного из центров развития палеолита Восточной Европы.

Особенностью и достопримечательностью приднепровских стоянок является геометрический орнамент. Он представлен простыми элементами: линиями, штрихами, насечками – и сложными: ромбами, зигзагами, шевронами, меандрами, шестигранниками. Основной и наиболее широко распространённой фигурой был ромб.

Ромбы украшают изделия многих памятников рассматриваемого региона, начиная с наиболее раннего Хотылёво II, в котором ромбы прорезали на меловой корке кремнёвых изделий, и далее – Мезина, Елисеевичей, Супонево, Юдиново, Тимоновки и других.

Ромбический орнамент появился в верхнем палеолите, вероятно, в граветте, для которого характерны 2 типа абстрактного декора: прямолинейные параллельные штрихи и сетка из штрихов крестообразного облика, по существу это сетка из ромбов. Шашечно-ромбический орнамент отмечен на 5 пластинах из бивня в Моазьер (Бельгия), на фрагментах костей и рогах северного оленя из Ложери Басс, Мас д'Азиль, Плакар, Истюриц (Франция) и других [2, р. 33]. В Восточной Европе ромбический орнамент характерен для памятников Поднепровья, имеется он на кости из Борщево II.

Изображения ромбов, судя по найденным предметам, получали разными способами. Например, пересечением ряда параллельно расположенных линий другим таким рядом. Но при этом необходимо было соблюдать следующее условие: чтобы оба ряда линий находились под углом к оси предмета, на который наносился орнамент. Или чтобы короткие линии располагались под углом к длинной прямой линии. При этом образовывались углы и треугольники. Ритмичное сочетание углов создавало косые клетки. А косая клетка и есть ромб. Цепочка из ромбов получалась путём пересечения двух коротких линий, расположенных под углом друг к другу, двумя другими короткими линиями. При размещении линий на разном расстоянии получали разновеликие ромбы. Сочетания и расположения ромбов отличались разнообразием, это хорошо прослеживается на изделиях из Юдиново и Тимоновки.

Ромбы занимают значительную часть поверхности предметов. Поперечные и продольные, одинарные и двойные цепочки из ромбов украшали изделия; отдельные ромбы и небольшие участки с прорезанными ромбами отмечены на бивнях, рёбрах, трубчатых костях животных из Юдиново. Сетки из ромбов нанесены на наконечниках, стержнях, фибуле, кусках бивня и рёбрах (рис. 1: 1-5). Они занимают основную, центральную часть изделий, неорнаментированными оставались участки у концов. Цепочки из ромбов вписывались в специально выделенные зоны или располагались по длине изделия. Удивляет и поражает точность, совершенство и одинаковость размеров фигур на отдельных наконечниках и стержнях из Юдиново.

Кроме ритмично упорядоченных ромбов имеются отдельные изолированные фигуры, вырезанные на стрелах, молотках из рога, кусках и пластинах бивня, рёбрах (рис. 2: 1, 2). Создаётся впечатление, что мастера по резанию бивня и кости стремились оставлять свою метку на отдельных предметах и заготовках, и прежде всего это относится к ромбу.

Различна и техника нанесения орнамента. Он может быть выполнен глубокими и широкими, иногда даже сдвоенными линиями (например, Мезин, Юдиново, Тимоновка). В других случаях фигуры прорезаны тонкими, едва заметными линиями, возможно, здесь имеет место намётка орнамента или отдельных фигур, которые остались неоформленными до конца.

На памятниках Поднепровья кроме ромбического орнамента представлены и сложные композиции, состоящие из разных элементов. Подобные изделия имеются в Мезине, Межиричах, Елисеевичах, Юдиново, Тимоновке и других. Каждый из элементов имеет своё определение. Сложные композиции включают ром-

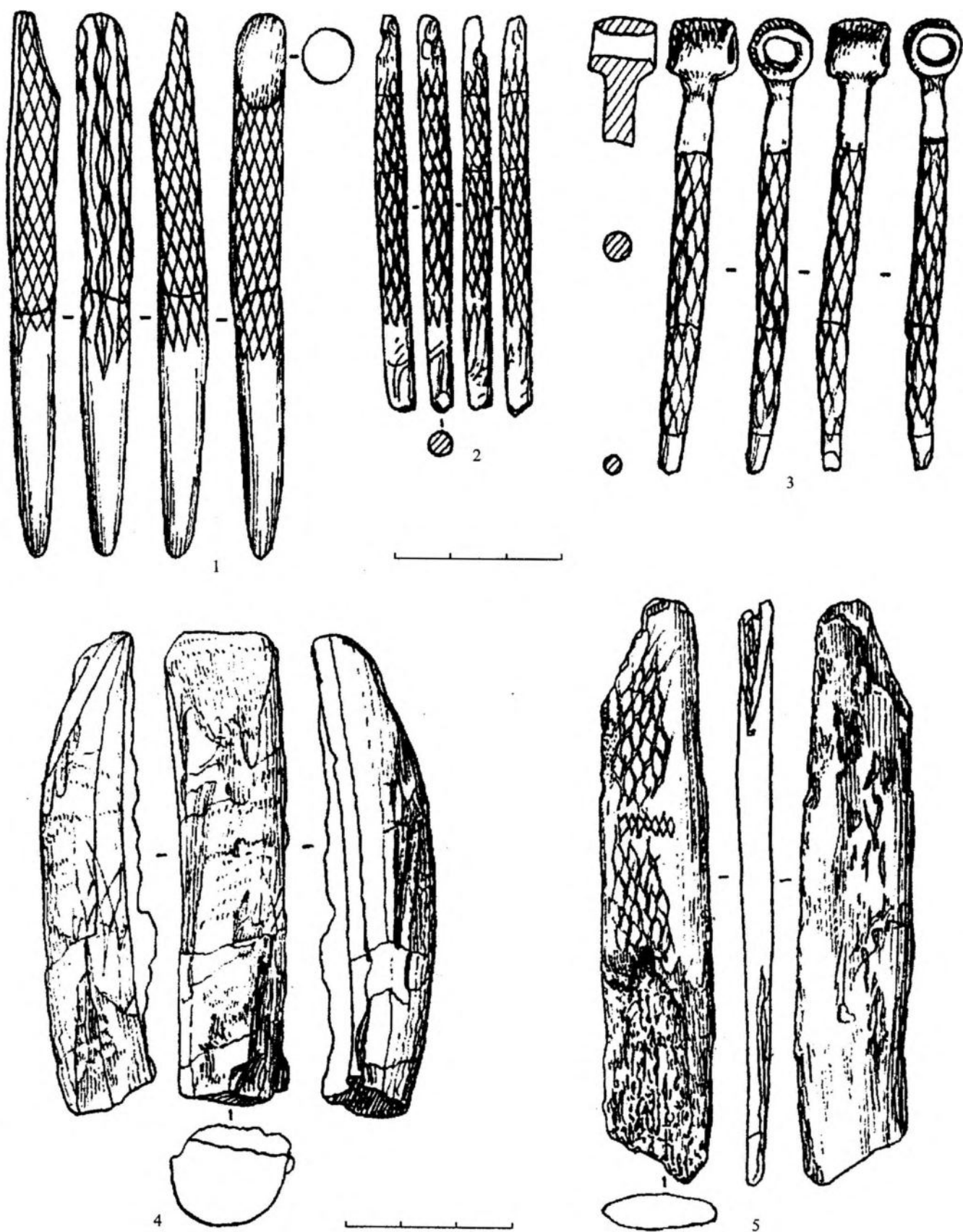

Рис. 1. Юдиново. Орнаментированные изделия из бивня и кости:
 1 - фрагмент наконечника; 2 - стержень; 3 - фибула; 4 - кусок бивня; 5 - обломок ребра

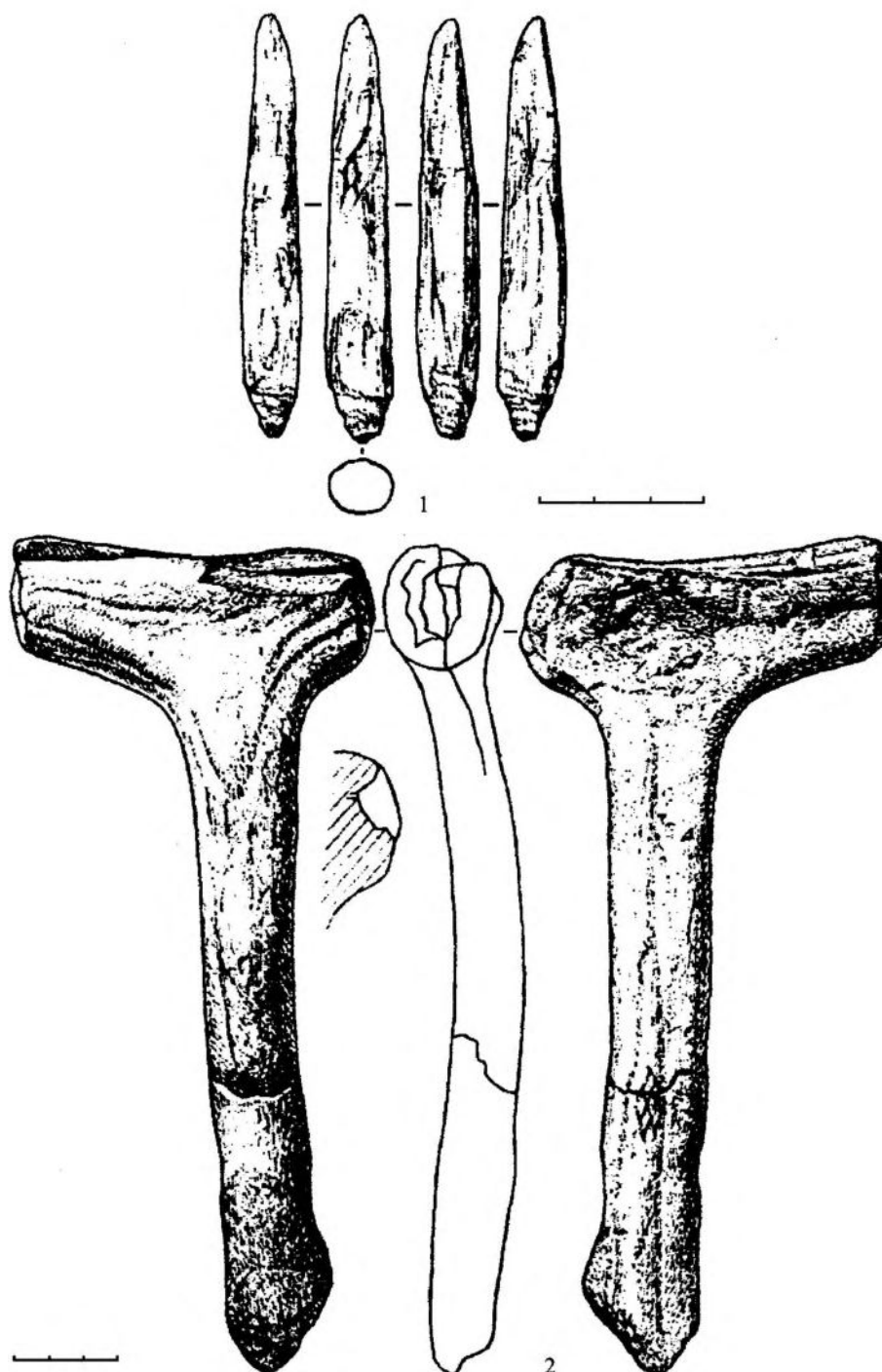

Рис. 2. Юдиново. Костяные изделия с прорезанными ромбами:
1 – стрела; 2 – молоток из рога

бы, зигзаги, шевроны. Под зигзагами следует понимать непрерывную ломаную линию, образованную соединением углов. В Юдиново, например, зигзаги имели поперечное, а не продольное расположение, в виде параллельных рядов, ограниченных зонами. Шевроны – это ряды из углов, ориентированные по одной оси и обращённые углами в одну сторону [3]. Этот вид орнамента хорошо представлен на мезинских браслетах, некоторых наконечниках и пластинах из бивня в Юдиново. Особо следует выделить такой вид орнамента, как меандр. Меандр – это узор из непрерывной кривой или ломаной под прямым углом линии, образующий рисунок в виде спиралей. Меандровый орнамент распространён значительно меньше, чем зигзаги или шевроны, не говоря уже о ромбах. Меандр пока встречен только в Мезине и Супопево. В Елисеевичах представлен такой геометрический орнамент, как шестигранники. Высказано предположение о том, что, возможно, ромбический орнамент является более поздним вариантом, возникшим из шестигранников [4]. Но в Елисеевичах ромбы и шестигранники сосуществуют. Геометрический орнамент нашёл отражение и в живописи Мезина.

Итак, ритмичность и упорядоченность элементов на ряде изделий с памятников Поднепровья налицо, что является необходимым условием орнамента. Наряду с орнаментом имеются отдельные тщательно прорезанные или только едва намеченные фигуры, неупорядоченные изображения, иногда перекрывающие друг друга. Гравированный орнамент нанесён на наконечниках, стержнях, фибуле, пластинах из бивня, молотках из рога, рёбрах, землекопных орудиях, кусках бивня, трубчатых костях. Орнаментальное поле на изделиях занимает основную, центральную, часть и не распространяется на концы. Насечки по краю есть у единичных предметов.

Несколько слов о семантике ромбического орнамента. Относительно ромба существует несколько точек зрения. Бытует представление, что ромбический орнамент связан с водной стихией. Ромбы – это изображения рыб, раковин, воды [5; 6; 7, с. 15; 8, с. 140-142]. Но существуют и иные мнения. А.К. Амброз отмечал, что ромбический орнамент – один из древнейших, он присутствует во многих культурах на протяжении человеческой истории [9]. Он полагал, что ромб – символ женского начала в природе и что в этом значении он известен от палеолита до наших дней. В неолите, например, основой многовариантного ямочного орнамента был «древний ромбический». На керамике почепской культуры «ромб с крючком» – знак плодородия. В зависимости от места в композиции ромб мог означать землю, растение, женщину. Просто ромб – символ женского начала в природе. «Цепочка из ромбов» – дерево жизни. Шашечный ромб – знак земли, обработанной под посев.

Интересна и точка зрения, высказанная Б.А. Рыбаковым, который считал, что ромб у древних охотников имеет два понятия: мамонт – источник жизни, питания, благополучия; женщина – символ плодовитости, продления жизни, счёт родства [10]. Таким образом, ромбический орнамент означает, по Б.А. Рыбакову, «жизненность и благоденствие», являясь «идеограммой Жизни и Блага».

Итак, ромб – сложный символ, существующий на протяжении почти всей истории человечества. Ромбический орнамент является одним из видов геометрического орнамента. Но для памятников Поднепровья характерны и иные разновидности геометрического орнамента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
2. *Lejeune M. L'Art mobilier Paléolithique et Mésolithique en Belgique. Artefacts 4. Treignes – Viroinvil, 1987.*
3. *Гвоздовец М.Д. Орнамент на поделках костяноковской культуры // СА. 1985. № 3.*
4. *Сорокина Г.Г. Новые находки орнаментированных поделок в Юдиново I // РА. 1993. № 2.*
5. *Гордицов В.А. Социально-экономический строй обитателей Тимоновской палеолитической стоянки // СЭ. 1935. № 3.*
6. *Marshak A. Upper Palaeolithic Symbol Systems of the Russian Plain. Cognitive and Comparative Analysis // Current Anthropology. V. 20. 1979.*
7. *Абрамова З.А. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // СА. 1960. № 3.*
8. *Федоров В.В. Новые изображения рыб в палеолитических стоянках европейской части СССР // КСИА. Вып. 82. 1961.*
9. *Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючком") // СА. 1965. № 3.*
10. *Рыбаков Б.А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сборник трудов НИИ художественной промышленности. Т. XII. Вып. 5. М., 1972.*

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

G. V. Grigorjeva

ORNAMENT ON TUSK AND BONE ARTIFACTS FROM THE LATE PALAEOOLITHIC MONUMENTS OF THE DNIEPER RIVER BASIN

Summary

The geometrical ornament is the peculiarity of the Late Palaeolithic monuments of the Dnieper River basin. There are different opinions on the symbolic of the rhombic ornament. Rhomb is a very complicated symbol which exists through the whole history of the Mankind.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

Н.Г. Недомолкина

СЛАНЦЕВАЯ ПЛИТКА С ОРНАМЕНТОМ С ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА

Многослойное поселение Вёкса находится на левом берегу реки Вологды (бассейн Верхней Сухоны). Поселение было открыто Вологодской археологической экспедицией под руководством Н.В. Гуслистова в 1980 году. С 1981 года на памятнике проводятся планомерные охранные работы. В 1998 году автором сообщения исследовался второй участок поселения, где выявлены три культурных слоя.

Стратиграфия участка:

- гумус – 6-15 см;
- слой коричневой супеси – 14-24 см – пахотный слой;
- слой тёмного с углём суглинка – 20-90 (в ямах) см – культурный слой № 1 – I-я пол. I тыс. н.э.;
- слой светло-серого суглинка – 10-40 см – культурный слой № 2 – VII-VI вв. до н.э.;
- слой тёмно-серого суглинка – 8-10 см – культурный слой № 3 – кон. II тыс. до н.э.

По предложенной для Вёксы схеме, это комплексы «Вёкса – Г, Д, Е» [1].

Плитка найдена в слое светло-коричневого суглинка, материал из которого сопоставим с чирковскими памятниками юринского этала. На плитке из тёмно-серого сланца в форме параллелограмма размерами 7,4×2,9×0,8 см нанесён сложный сюжетный рисунок. Уникальный характер этого предмета и послужил темой данной работы.

Очевидно, знаки наносились на плитку неоднократно с двух сторон (рис. 1, 2). В качестве инструмента использовали кремнёвую пластину или резец. Рисунки выполнены тонкой резьбой, без соблюдения равной толщины линий. В целом орнамент неглубокий, поверхностный.

Первоначальные композиции читаются довольно плохо. Возможно, перед нанесением второго орнамента плитка подправлялась и заглаживалась. Второй раз орнамент был нанесён только с одной стороны. Её назовём лицевой (рис. 1, 3). Орнамент с тыльной стороны плитки наносился один раз (рис. 2, 4). Он представлен различными пересекающимися прямыми длинными и короткими линиями. По центру плитки идёт довольно глубокая изогнутая линия, с обеих сторон от которой нанесены сложные знаки. В верхней левой части просматриваются несколько крестов, образующих круг. Рядом с ними зигзагообразный знак. С лицевой стороны первоначальный орнамент представлен, предположительно, антропоморфной фигурой (рис. 5). На месте головы визуально просматривается некоторое заглубление, но резцовые линии заметны только с нижней стороны углубления в виде трёх коротких прямых. Возможно, контуры головы были тщательно стёрты, из-за чего осталось заглубление. Линии, передающие контур тела, не были стёрты. Как известно из этнографии, первобытному человеку, соответственно его мышлению, достаточно было убрать изображение головы,местилища души, и остальной образ уже терял свой смысл. Хотя хаотичные прямые линии как бы зачёркивают первоначальный образ, возможно, они не связаны с попыткой убрать первичный рисунок, а сопутствуют ему. Короткие линии под головой предполагают использование какого-то трёхзубчатого орудия. Но эта строенность не выдерживается в остальной композиции.

Орнамент, нанесённый второй раз, выполнен в геометрическом стиле более чётко (рис. 6). Среди мотивов выделяются пять зигзагообразных линий: две длинные и три короткие. Между первой и второй линиями чётко просматриваются крестообразный и зигзагообразный символы. По нижней линии один из зигзагов перечёркнут дополнительной линией, что создает символ, подобный свастике (?). Зигзагообразные линии пересекаются, образуя дополнительные крестообразные знаки и ромбы. Только в одном случае плитка перечёркнута слабой вертикальной чертой. Остальной орнамент выполнен горизонтально. Рисунок можно рассматривать в двух проекциях. Вышесказанное дополняет вертикальная проекция, где зигзагообразные линии образуют цепочки из несмыкающихся ромбов и неправильного ромба в центральной части композиции.

Геометрический орнамент – это особая область первобытного искусства. Во всех случаях исходный для орнамента сюжет определяется легко, но, как правило, разгадать его смысл практически невозможно. Не зная всех стадий эволюции того или иного орнамента, мы рискуем истолковать его неправильно. Как считают специалисты в этой области, первобытный орнамент подчинён не только требованиям культа, но и законам искусства. Мы можем отметить, что в данном случае это не узор, а сюжетный рисунок.

Прямых аналогов композициям на сланцевой плитке с поселения Вёкса автору не известно. Вторичному

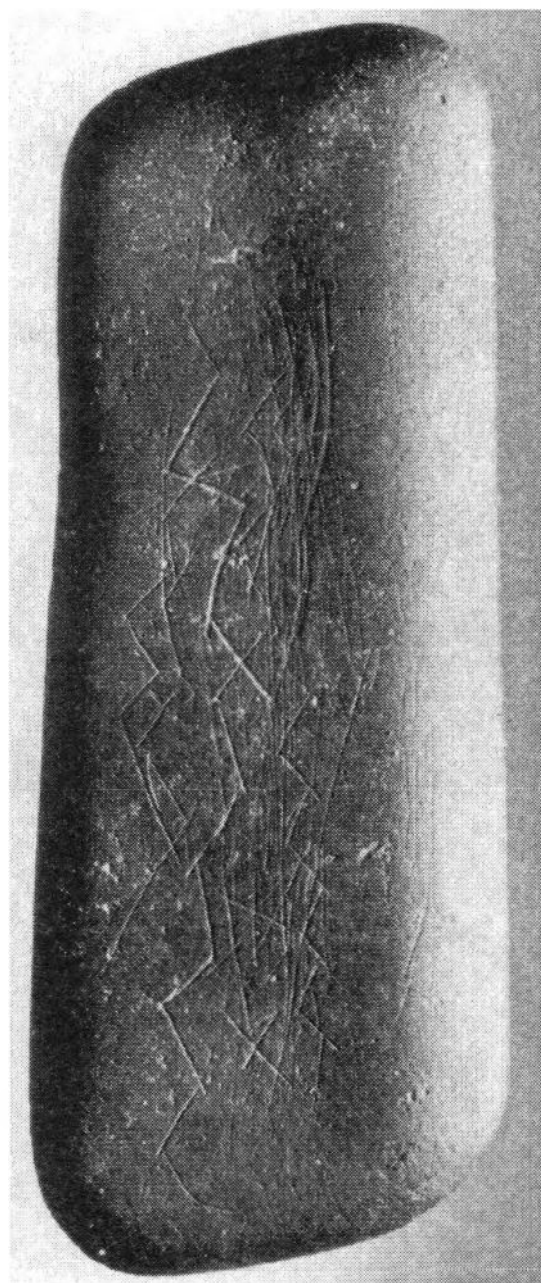

Рис. 1. Поселение Вёкса. Плитка с орнаментом.
Сланец. Лицевая сторона. Фото

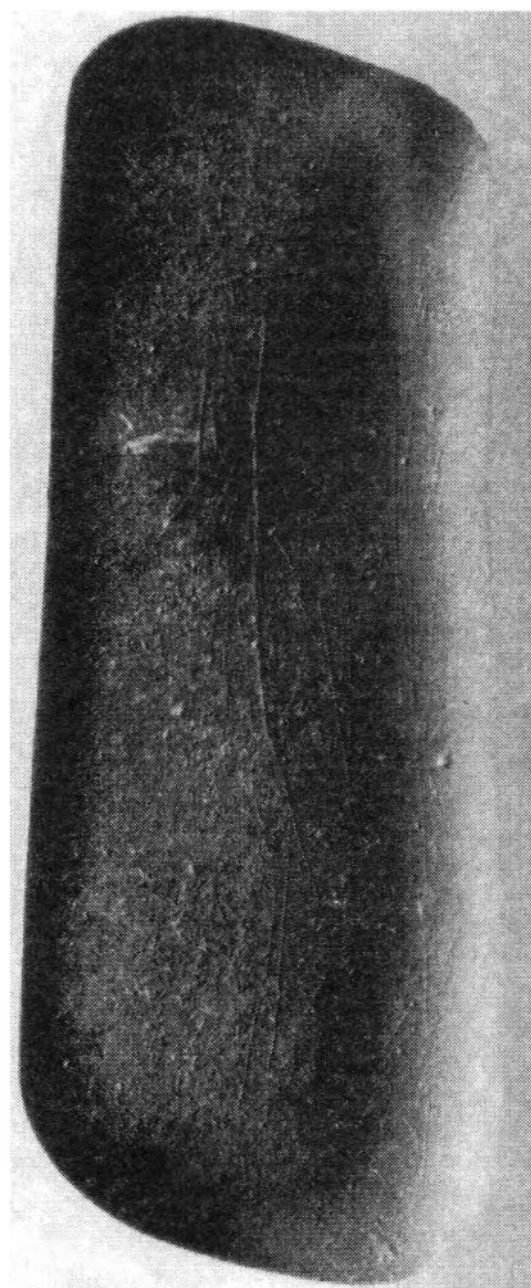

Рис. 2. Поселение Вёкса. Плитка с орнаментом.
Сланец. Тыльная сторона. Фото

орнаменту близким аналогом является орнамент на мыльном камне эпохи раннего металла с Дроздовки [2, рис. 53:3]. Подобные элементы орнамента есть на различных керамических сосудах, а также на предметах из кости и глины. Так, косые кресты изображали на керамике дьяковской культуры [3, с. 149], памятников Верхней Оки [4, с. 23], городища Мощины [5]. Свастикообразные и косые кресты, несмотря на их широкое распространение на различных памятниках, в сочетании известны лишь у носителей культуры рязано-окских могильников (сосуд из погребения 17 могильника Кораблино) [6]. Круг аналогий свидетельствует о достаточно широком ареале и хронологическом диапазоне рассматриваемых знаков. Однако основная масса находок определяется рамками 1-й пол. I тыс. н.э. Свастикообразные знаки имеют большую область распространения и больший хронологический разброс – от сер. II тыс. до н.э. до I в. н.э. Большинство элементов орнамента, подобных вёксинским, присутствует в изображении на сосуде из погребения 2 кургана 2 могильника у села Кайбелы, датированного II тыс. до н.э. [7, с. 98]. На самом поселении Вёкса найден сланцевый штамп с орнаментом в виде цепочки ромбов [8, с. 120]. Не удалось найти в археологических материалах аналогий зет-образному символу. В этнографических материалах это символ солнца [9].

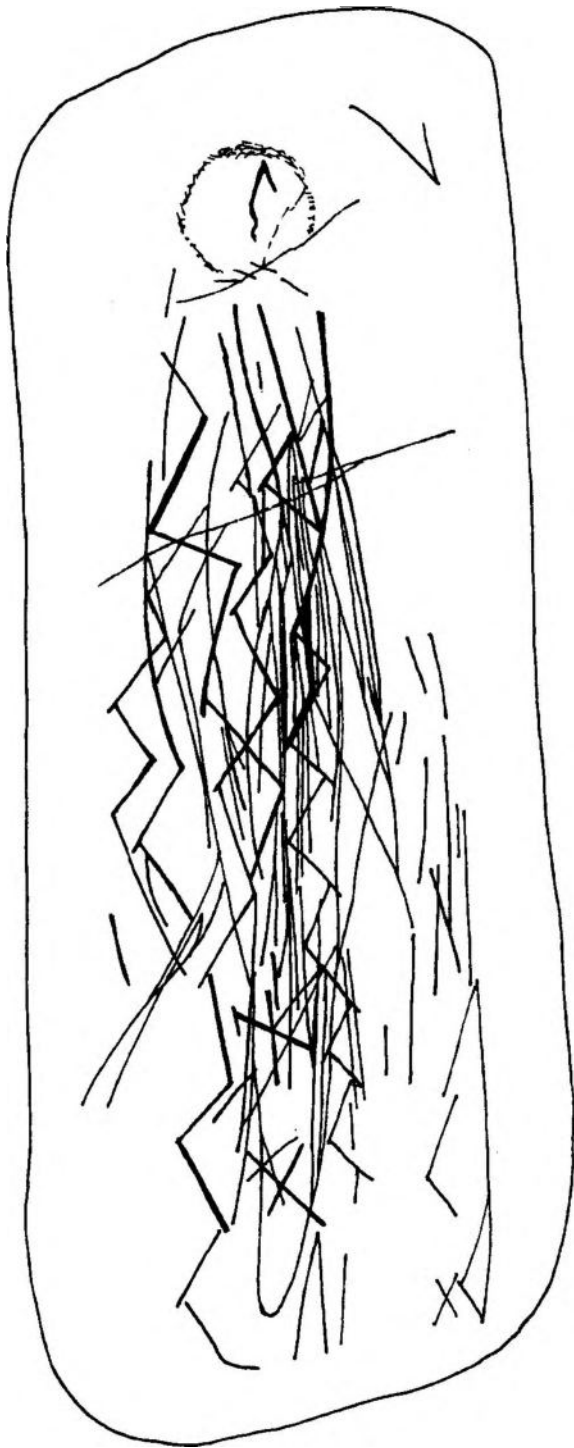

Рис. 3. Поселение Вёкса.
Плитка с орнаментом. Сланец. Лицевая сторона.
Прорисовка

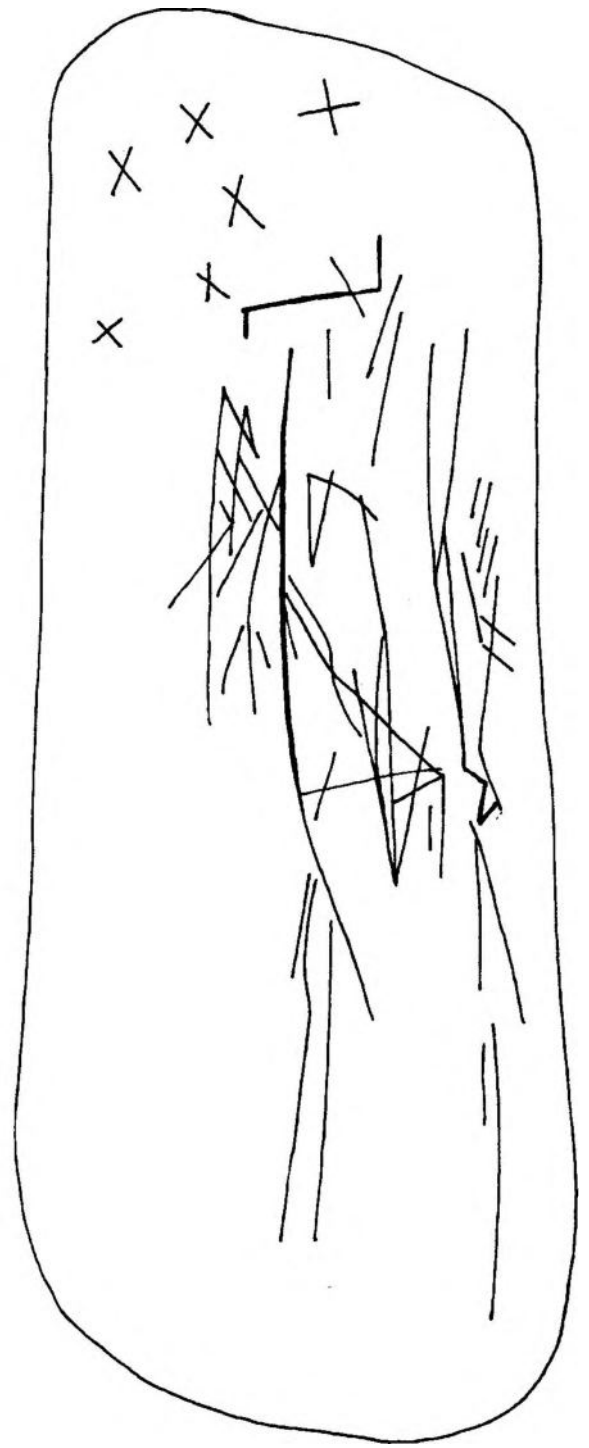

Рис. 4. Поселение Вёкса. Плитка с орнаментом.
Сланец. Тыльная сторона.
Прорисовка

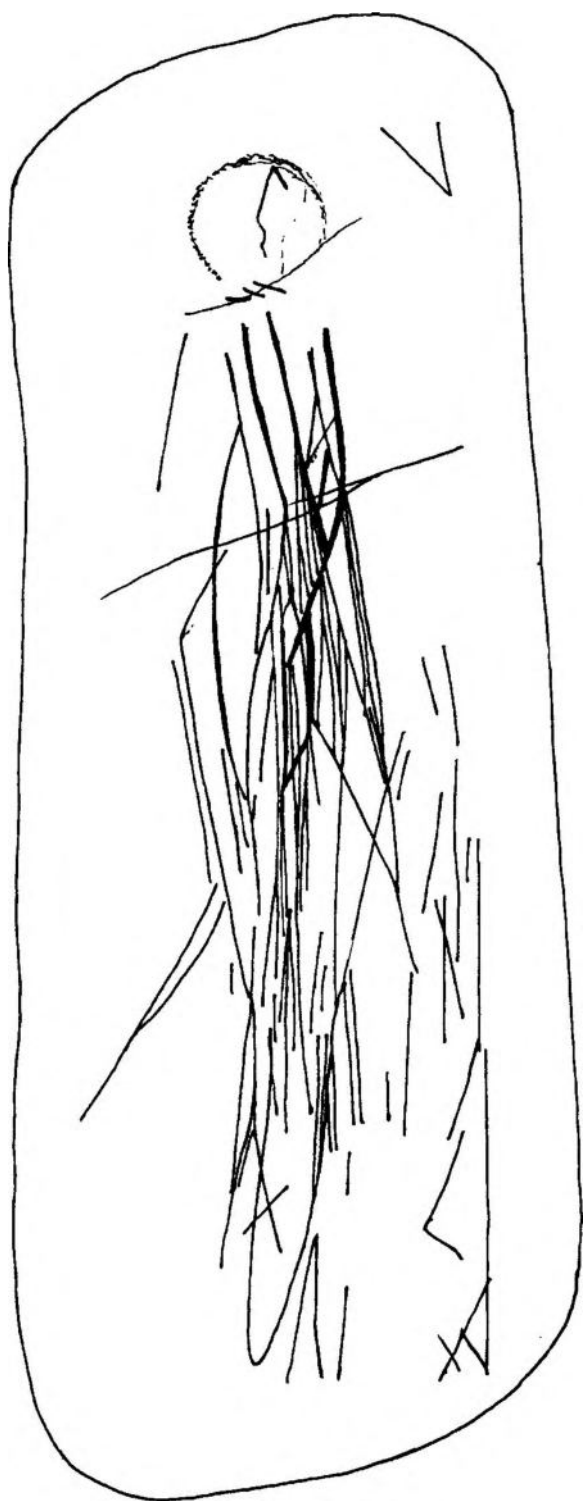

Рис. 5. Поселение Вёкса. Плитка с орнаментом.
Сланец. Лицевая сторона. Начальный рисунок.
Прорисовка

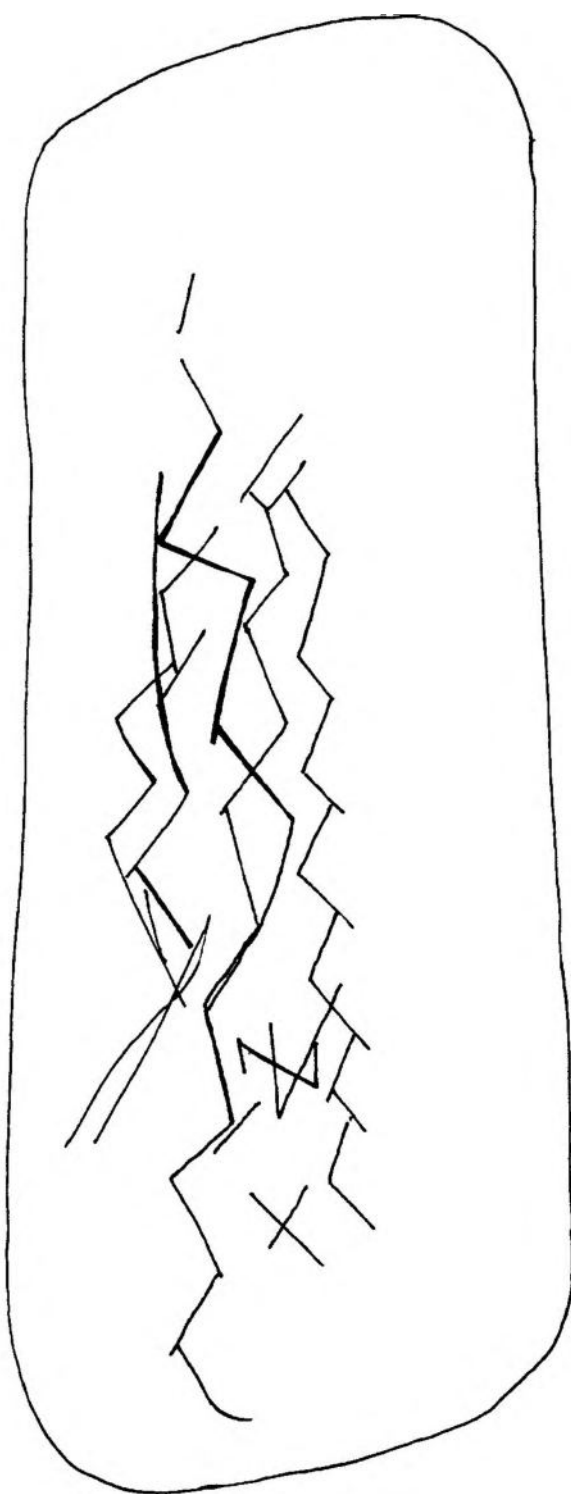

Рис. 6. Поселение Вёкса. Плитка с орнаментом.
Сланец. Лицевая сторона. Вторичный рисунок.
Прорисовка

В рамках данной работы не планируется углубляться в семантическое значение знаков. Так же трудно определить функциональное назначение предмета. Что это: календарь, карта, культовый предмет? Подобная находка на поселении в сочетании с другими культовыми предметами позволяет считать Вёксу своеобразным духовным центром на Верхней Сухоне.

Таким образом, плитка с поселения Вёкса со сложным сюжетным орнаментом датируется II тыс. до н.э. Происходит из комплекса, сопоставимого с сейминско-чирковскими памятниками юринского этапа, не типичного для Сухоны [10]. Первоначальное антропоморфное изображение имеет более ранние традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Недомолкина И.Г. Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
2. Гуркина П.И. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
3. Розенфельдт И.Г. Керамика Шербинского городища // Дьяковская культура. М., 1974.
4. Никольская Т.И. Культура племен бассейна Верхней Оки // МИА. № 72. 1959.
5. Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып. 208. 1993.
6. Ахмедов И.Р. Сосуд со знаками из могильника Кораблино // Древности Оки. М., 1994.
7. Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. № 61. 1958.
8. Недомолкина И.Г. Гребенчатые штампы поселения Вёкса // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995.
9. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1984.
10. Васильев С.Ю. Стратиграфия поселения Вёкса // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.

*Вологодский государственный
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник,
Вологда*

N.G. Nedomolkina

SCHISTOSE SLAB WITH ORNAMENT FROM VJEKSA SITE

Summary

The author presents the unique schistose slab with a subject ornament. The artifact was found on the multi-layer site Vjeksa (the Upper Sukhona River basin) in a deposit of light brown loam. Other finds made in it are comparable with materials from Chirkovskaya culture monuments of the Yurinsky stage. The artifact is dated to the 2nd millennium BC.

*Vologda State Historical, Architectural and Art Museum-Reservation
15, S. Orlova St., Vologda,
160035, Russia*

И.Ф. Витенкова

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ И ПТИЦ В НЕОЛИТЕ – ЭНЕОЛИТЕ КАРЕЛИИ

Из изделий художественного творчества древнего человека в неолите и энеолите встречаются мелкая пластика из глины, плоские фигурки из ретушированного кремня, фигурные налепы на глиняной посуде, изображения на сосудах, нанесённые гребенчатым штампом или другими орнаментами. К этому же периоду относится и наскальное искусство.

Глиняные скульптурки на территории современной Карелии впервые появляются в раннем неолите, возможно, в связи с освоением нового материала – глины. Эти фигурки изображают уток и связаны с керамикой сперрингс [1, с. 178]. На поселении Уя III (западный берег Онежского озера), дата которого 6770 ± 80 (ТА - 2352) л. н., найдены фрагменты 5 уток (рис. 1:3), кроме них – глиняный шарик и бесформенные кусочки глины. С поселения Сандермоха IV (северное побережье Онежского озера) происходят две утки, фигурки обнаружены в культурном слое вне связи с какими-либо сооружениями [2, с. 20]. Туловища птичек овальные, слегка вогнутые, шеи обозначены выступами, головы не выделены. Скульптурки орнаментированы линиями оттисков гребенчатого штампа или мелкими наколами, видимо, изображающими оперение. Две аналогичные фигурки найдены на поселении Чёрная Речка III с комплексом ромбо- и круглоямочной керамики, относящейся к позднему неолиту или раннему энеолиту (раскопки Н.В. Лобановой). У одной из них овальное туловище орнаментировано узором из ромбов, нанесённым прочерченными линиями, у другой – рядами наколов; головы обломаны. На поселении Вигайнаволоок I [3, с. 176] в слое раннего энеолита найдены две головки водоплавающих птиц, видимо, от более крупных скульптурок. Одна из них орнаментирована оттисками сломанной палочки, другая – рядами ямчатых вдавлений (рис. 1:1). Фигурка водоплавающей птицы, похожей на птичек с поселения Уя III, обнаружена на Илексе I [4, с. 216].

Пока на территории Карелии с керамикой сперрингс уверенно можно связывать лишь скульптурки водоплавающих птиц. Трудно сказать, являются ли специально изготовленными изделиями шарики из глины, но ещё один такой шарик был обнаружен на поселении Кудомгуба VII с разновременным материалом, включающим также и керамику сперрингс. На посуде сперрингс в Карелии неизвестны также какие-либо изобразительные мотивы: нет ни фигурных налепов, ни изображений, нанесённых штампами.

Эмбрионовидные скульптурки (антропоморфные фигурки с нерасчлнённым согнутым туловищем, невыделенными или слабооформленными чертами лица и зацепами на спине) найдены на поселениях Соломенное VII (рис. 1:2), Вигайнаволоок I (рис. 1:4), Чёрная Речка III, Пегрема VII, расположенных в бассейне Онежского озера; Кудома VIII и Лахта III – в бассейне Сямозера. Все памятники содержат разновременные материалы, однако скульптурки связаны с комплексами позднего неолита или раннего энеолита с гребенчато-ямочной и ромбоямочной посудой. Эмбрионовидные скульптурки на разных памятниках и даже в разных районах сходны по форме, можно сказать, что в данном случае сложился определённый стандарт или канон. Кроме Карелии такие скульптурки встречаются в Финляндии, Эстонии, Латвии, Вологодской области – в ареале гребенчато-ямочной посуды; видимо, с этим керамическим комплексом они и связаны. Хотя в Карелии гребенчато-ямочная посуда нередко сосуществует с ромбоямочной, в области деснинской культуры таких скульптурок нет. Каковы семантика и назначение этих изделий? Эмбрионовидные фигурки встречаются в культурном слое поселений или в жилищах, по форме напоминают эмбрион или младенца. Можно предположить, что они служили амулетами для женщин, возможно, символами плодородия.

В период позднего неолита в комплексах с гребенчато-ямочной посудой появляются также налепы на сосудах в виде более или менее редуцированных головок и изображения водоплавающих птиц и людей, нанесённые оттисками штампов. Наиболее ранние изображения обнаружены на поселении Чёрная Губа IX. В двух соседних жилищах у очагов были расчищены развалы очень крупных сосудов. На обоих – следы починки в виде просверленных дырочек и чёрной смолистой массы, а также следы красной краски на стенках. Один из них украшен по краю венчика четырьмя выступами в виде человеческих лиц, обращённых внутрь сосуда (рис. 1:6), другой – схематическими изображениями лебедей, образованными оттисками гребенчатых штампов (рис. 2:2).

На том же памятнике обнаружены обломок цилиндрической глиняной скульптурки и кусочки обожжённой глины.

Две менее редуцированные скульптурки с частью торса и намеченными руками (рис. 1:5) были найдены на поселении Войнаволоок XXV с асбестовой керамикой [5, с. 55]. Обе фигурки обращены лицами внутрь сосуда, на поверхности – следы охры.

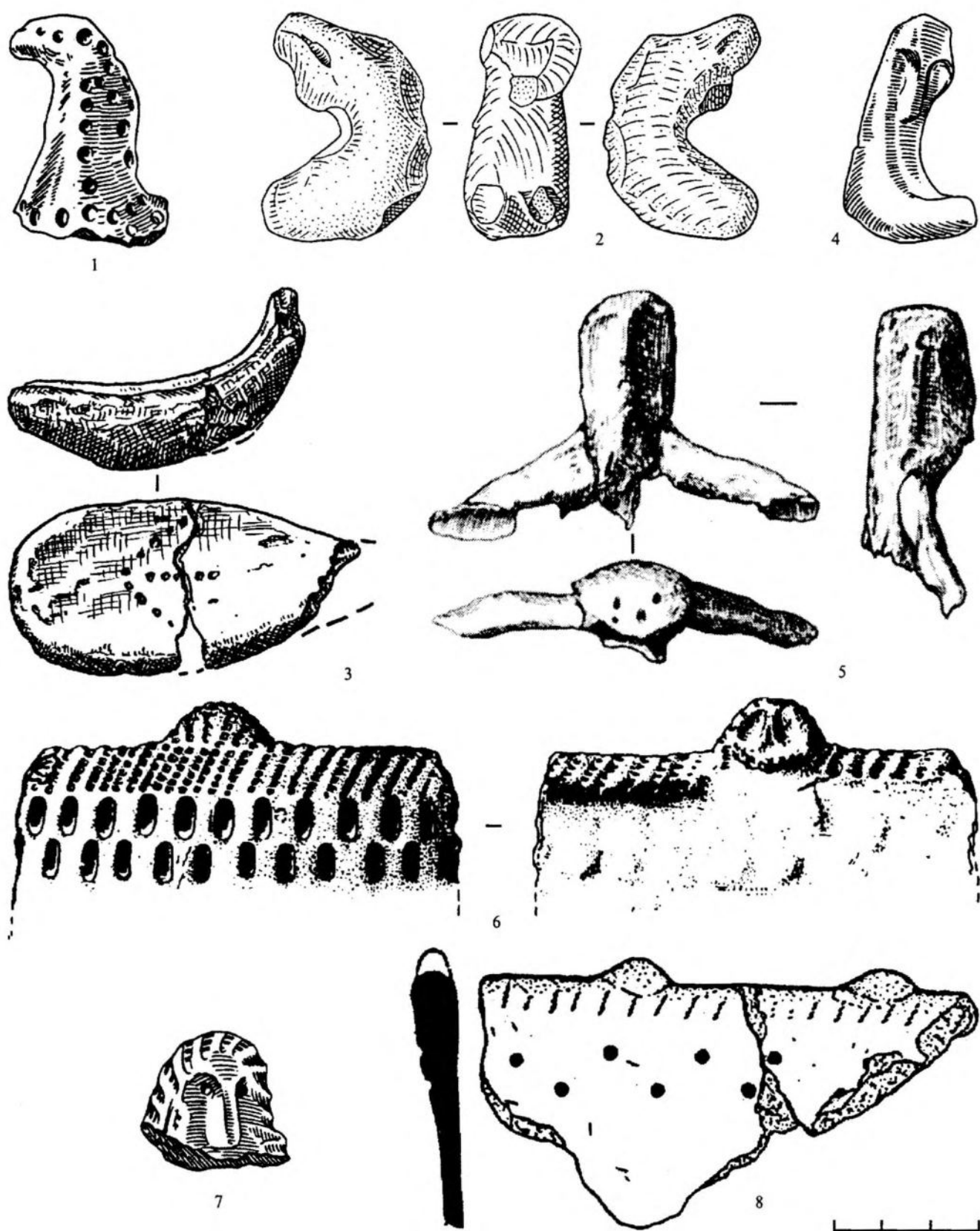

Рис. 1. Мелкая глиняная пластика и фигурные налпы на сосудах.
 1 – головка водоплавающей птицы; 2, 4 – эмбрионовидные фигурки; 3 – фигурка уточки;
 5-8 – фигурные налпы на краях сосудов. 1, 4, 7 – Вигайнаволок I; 2 – Соломенное VII, 3 – Уя III;
 5 – Войнаволок XXV; 6 – Чёрная Губа IX; 8 – Войнаволок XXVII

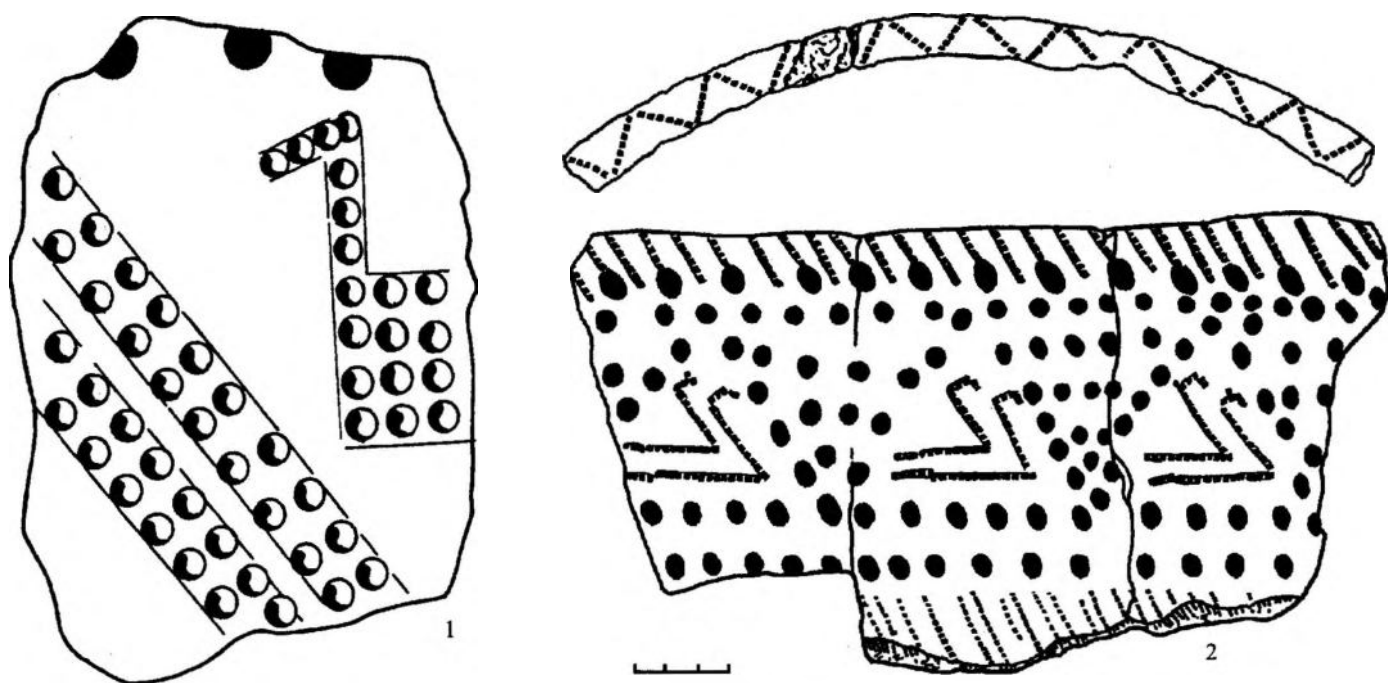

Рис. 2. Изображения водоплавающих птиц на сосудах. 1 – Войпаволок IX; 2 – Чёрная Губа IX

Интересно, что на керамике Карелии можно проследить большую или меньшую степень упрощения фигурных налепов. На гребенчато- и ромбоямочной посуде встречаются головки с выделенными глазами и носом (рис. 1:6,7). Головка в виде выступа, на которой черты лица обозначены рядами наколов, найдена на поселении Пегрема VII с ромбоямочной керамикой [6, с. 149]. С асбестовой посудой связаны не только выразительные малоредуцированные налепы, но и неорнаментированные выступы, лишь символически изображающие головки (рис. 1:8). Такой сосуд найден на поселении Войнаволок XXVII [7] с выразительным комплексом ранней асбестовой керамики (даты 4410 ± 50 и 4280 ± 80 л.н.). По имеющимся материалам, можно отметить, что, хоть степень редуцирования фигурных налепов прямо не связана с хронологией памятников, всё же в Карелии они встречаются преимущественно на поселениях позднего неолита и энеолита. Очень редко небольшие неорнаментированные выступы обнаруживаются на посуде раннего железного века [8, с. 34].

Смысл украшения сосудов фигурными налепами или изображениями птиц и людей, видимо, заключается в символическом оберегании содержимого сосудов [9; 10], поэтому сосуды с фигурками и рисунками можно определить как ритуальные. Лица во всех случаях обращены внутрь, как бы наблюдая за содержимым. Ту же роль, видимо, выполняло и изображение человечка на внутренней стенке горшка на поселении Пегрема II [6, с. 158].

На поселениях раннего металла распространены плоские ретушированные кремнёвые фигурки, изображающие людей, зверей, птиц и так называемые лунницы. На территории Карелии таких предметов немного, и они не слишком выразительны. На поселении с асбестовой керамикой Первомайская I найдена антропоморфная слегка повреждённая фигурка [10, рис. 6:2].

Безусловно наиболее массовыми и наиболее богатыми по содержанию древними изображениями являются рисунки на скалах, поэтому в этом кратком очерке можно лишь слегка затронуть вопрос о возможных параллелях между петроглифами и другими изображениями. Петроглифы в Карелии находятся в двух районах. На скальных мысах восточного побережья Онежского озера размещено более 1100 фигур, и ещё 150 фигур найдены севернее – в устье Водлы, на мысе Кочковнаволок [11, с. 125-148].

Сюжеты, связанные с людьми и птицами, на онежских петроглифах преобладают – 450 изображений гусей и лебедей (около 40%) и 90 изображений людей, не считая гребцов в лодках.

Беломорские петроглифы находятся на островах устья р. Выг. В изобразительных мотивах больше всего лодок, на втором месте – люди. На третьем – лесные звери, в основном лоси и олени, затем – морские звери и лишь потом – изображения водоплавающих птиц (107 фигур) [11, с. 138].

Время существования наскальных рисунков примерно совпадает с периодом от раннего неолита до энеолита (2-я пол. V – 1-я пол. III тыс. до н.э.). Стоянка Залавруга I, перекрывающая скалу с петроглифами, датируется сер. III тыс. до н.э. К наиболее ранним относится знаменитая триада с бесихой из онежских петроглифов, к наиболее поздним фигурам – Бес на Бесовых Следках. Но вообще, хронологические соотношения между онежскими и беломорскими петроглифами недостаточно ясны, поэтому разница в сюжетах или их исполнении может объясняться и не хронологическими причинами.

Предпочтение тех или иных сюжетов может быть вызвано разницей в хозяйстве: в приморских районах преобладала охота на морского зверя, во внутренних районах – таёжная охота и рыболовство. В остеологи-

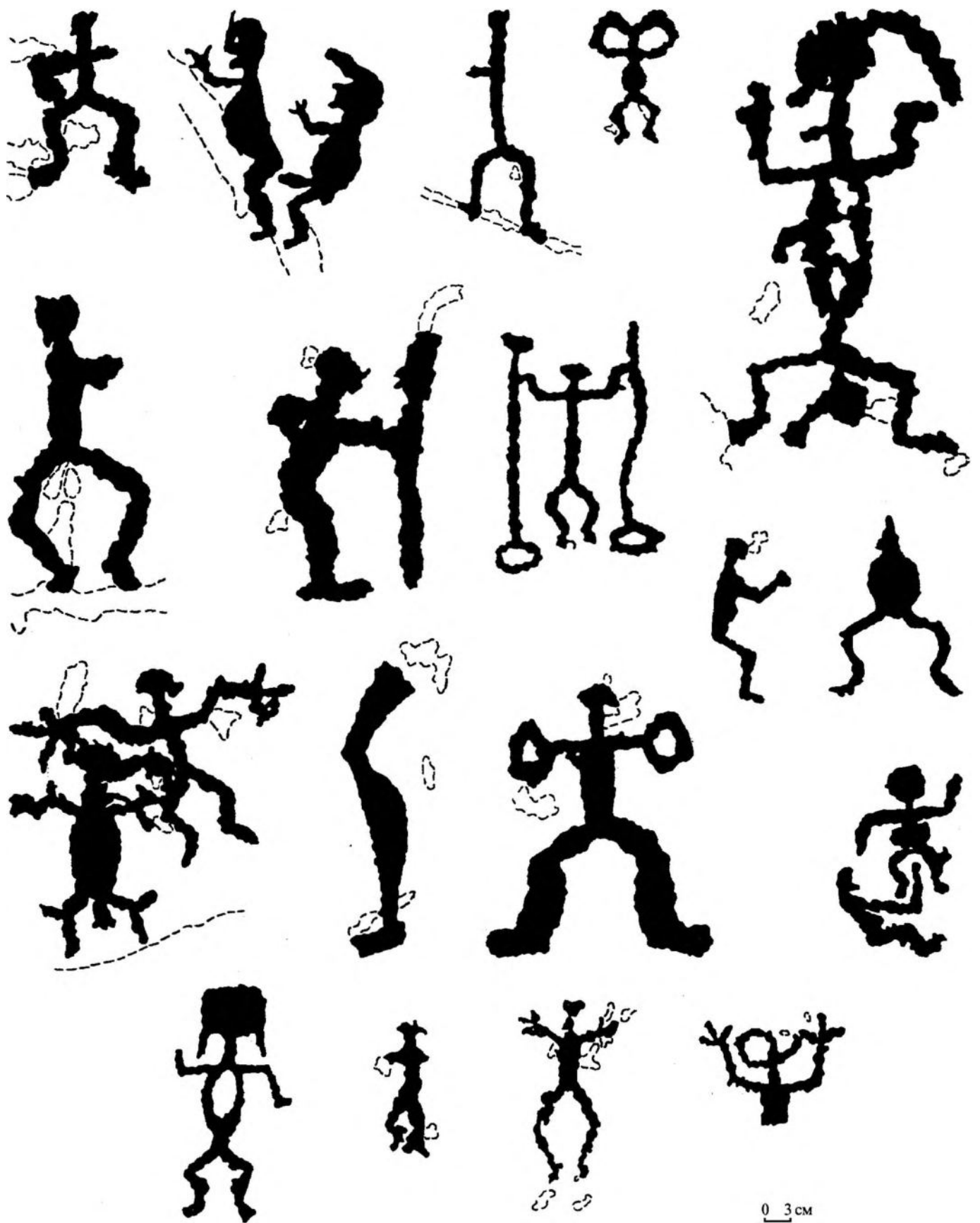

Рис. 3. Изображения людей на онежских петроглифах (по Ю.А. Савватееву)

Рис. 4. Изображения людей на беломорских петроглифах (по Ю.А. Савватееву)

Рис. 5. Изображения лебедей на онежских петроглифах (по Ю.А. Савватееву)

Рис. 6. Сцена охоты на гусей на петроглифах. Залавруга (по Ю.А. Савватееву)

Изображения водоплавающих птиц (рис. 5, 6) преобладают и на онежских и на беломорских петроглифах. Сюжеты с боровой дичью, сидящей на дереве (Залавруга), очень редки. Между изображением гусей и лебедей заметна разница. Гуси показаны как объект охоты, почти все гуси в группе перебиты. В очертаниях их фигур нет определённого стандарта. В изображении лебедей сложился определённый канон, фигуры статичны, у некоторых птиц подчеркнута искажены пропорции, причём во всех случаях – это удлинение шеи (рис. 5:1,2,4). Лебеди почти никогда не показаны как объект охоты, если же они ранены, то повреждения их странные: один пробит слишком широкой стрелой, другой придавлен следом ноги (рис. 5:5,7).

Вообще, в большинстве случаев гуси показаны подстреленными, лебеди плавают или стоят в статичных позах. И на беломорских и на онежских петроглифах лебеди изображались в нескольких вариантах: 1 – с красиво выгнутой шеей и сплошным туловищем; 2 – с шеей, находящейся под острым углом к туловищу, переданному прямой линией (этот вариант похож на изображения на сосудах); 3 – с контурным туловищем, иногда с несколькими дугами внутри; 4 – в виде фигур с искажёнными пропорциями. Последние два варианта встречаются только на онежских петроглифах.

Таким образом, водоплавающие птицы, несомненно, занимали особое место в мировоззрении людей. Причём отношение к гусям и лебедям было несколько разным. Вероятно, именно лебеди почитались как священные птицы.

Особое отношение к водоплавающим птицам сохранилось и в последующие эпохи. В средневековых карельских и вепских украшениях талисманами служили бронзовые изображения водоплавающих птиц, чаще уток, или их лапок [12, с. 284, 302]. Водоплавающие птицы в статичных позах, напоминающие лебедей на петроглифах, встречаются на карельских народных вышитых изделиях ещё в XIX в. [13, с. 103].

ческих материалах с поселений Прибеломорья неолита и энеолита есть кости нерпы, тюленя, морского зайца, белухи, в бассейне Онежского озера на памятниках нередко находки костей птиц (тетерева, гуся), рыб, выдры, косули. В обоих районах преобладают кости северного оленя и лося.

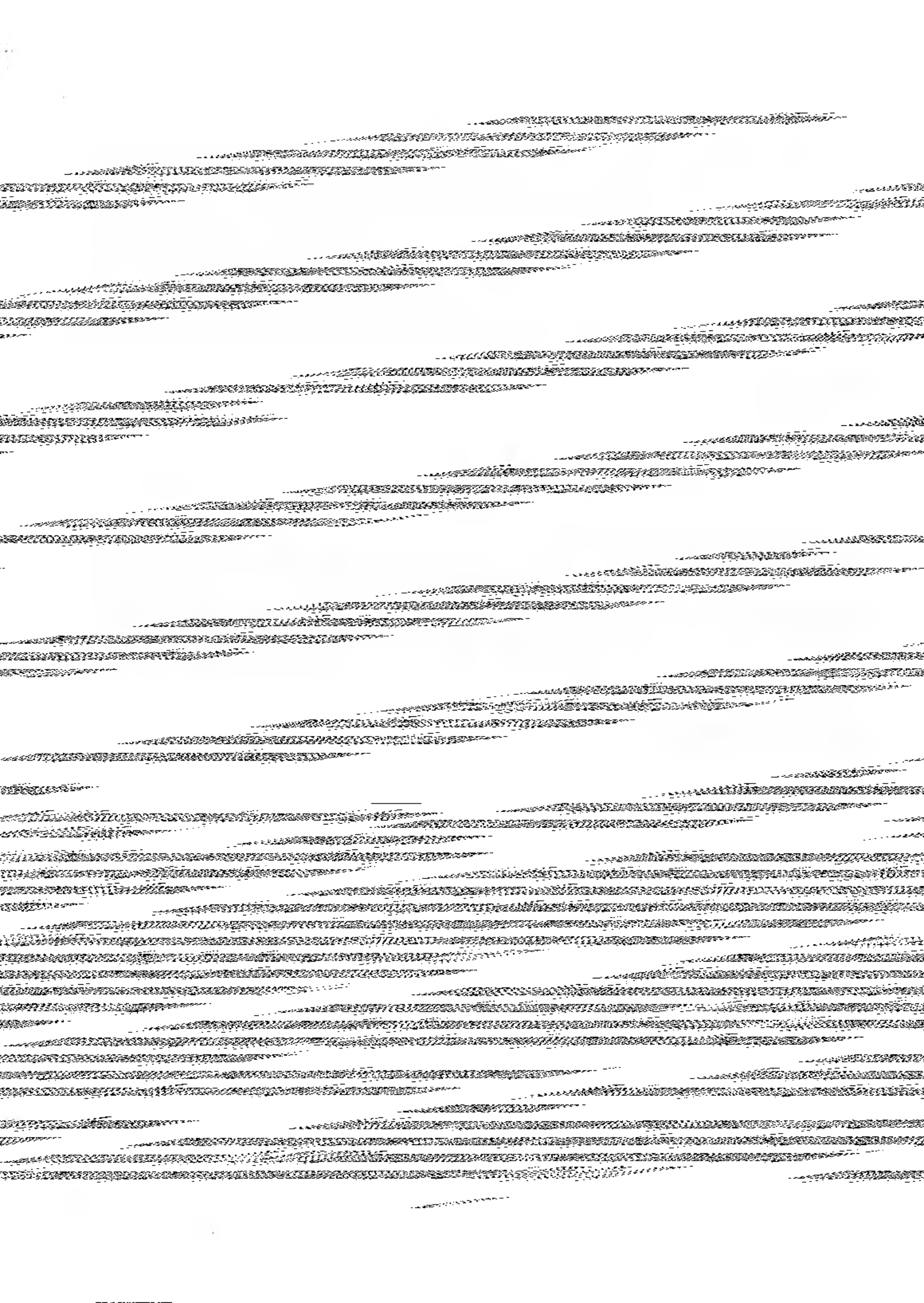
Между изображениями людей на онежских и беломорских петроглифах также есть существенная разница. На онежских петроглифах (рис. 3) люди изображены преимущественно анфас, видны обе ноги, обычно раздвинутые, руки нередко разведены в стороны, признаки пола обозначены редко. Возможно, потому, что здесь чаще изображались женщины. Кстати, и центральное изображение показывает женское божество. Черты лиц переданы только у профильных фигур.

На беломорских петроглифах (рис. 4) люди изображены в профиль, ноги слегка согнуты, часто видны только одна нога и одна рука. Как правило, люди что-нибудь делают и держат в руках различные предметы, чаще всего лук. Большинство фигур – изображения мужчин с подчеркнутыми признаками пола. На головах сложные головные уборы, показаны носы и бороды.

Но и на онежских и на беломорских петроглифах все фигуры разные, т.е. нет единого стандарта в изображении человека, канон не сложился. Создаётся впечатление, что для древнего художника были важны не столько сами персонажи, сколько их действия. Исключение сделано лишь в двух случаях: в центральной триаде на онежских петроглифах и в фигуре “беса” в группе Бесовы Следки в Беломорье. Скорее всего, только эти персонажи особенно важны сами по себе, т.е. здесь не просто люди или даже мифологические герои, а божества.

При сравнении изображений людей на скалах и на сосудах явные параллели не прослеживаются, есть лишь некоторые, может быть, случайные сходные черты.

А.В. Гонозов

КРЕМНЁВЫЕ ФИГУРКИ ИЗ ФОНДОВ ПАВЛОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Кремнёвые фигурки являются одним из интереснейших видов проявления изобразительного искусства, имеющего отношение к духовной стороне жизни первобытного человека [1; 2; 3]. В лесной зоне Восточной Европы они распространены среди неолитических–энеолитических культур 2-й пол. III – нач. II тыс. до н.э. [4, с. 260, рис.1]. Любые новые находки этой категории предметов неизменно привлекают внимание исследователей. Именно с целью введения в научный оборот новых кремнёвых скульптурок написана данная статья.¹

В ноябре 1999 года при работах по атрибутированию археологической коллекции из фондов Павловского краеведческого музея (г. Павлово – районный центр Нижегородской области) нами были обнаружены три кремнёвые фигурки. К сожалению, относятся они к разряду депортизированных. Известно, что поступили фигурки в музей, вероятнее всего, в конце 1960-х – в 1970-е годы. В то время Павловский краеведческий музей имел статус народного. Поступающие от населения находки принимались без составления полноценных легенд. В лучшем случае указывалось название близлежащего населённого пункта, где находки были обнаружены.

Большая часть предметов неолитическо-энеолитической коллекции музея происходит из района, записанного как «Щербинино». В соответствии с современным территориально-административным делением Павловского района Нижегородской области известны две деревни, с которыми можно связать название «Щербинино». Это д. Новое Щербинино, расположенная на левом берегу р. Подборицы (левобережный приток р. Оки), в 6 км к западу-северо-западу от понтонного моста через р. Оку в г. Павлово, и д. Старое Щербинино, расположенная на правом берегу р. Подборицы, в 1 км к западу от западной окраины д. Новое Щербинино.

В археологической литературе этот район известен по стоянке Подборица-Щербининская [5], с которой происходят две кремнёвые фигурки. Материалы археологических разведок, проводившихся М.Г. Жилиным в 1989, 1991, 1993 гг. [6], позволяют говорить, что район «Щербинино» является одним из самых насыщенных поселениями первобытной эпохи на территории Нижегородской области. Только к неолиту–энеолиту здесь предварительно отнесены 21 стоянка, привязка которых произведена к дд. Старое и Новое Щербинино, и 7 стоянок у д. Венец, расположенной в 500 м к северу от д. Новое Щербинино.

Вероятнее всего, именно с этим районом следует связывать как происхождение большей части неолитической коллекции из фондов музея, так и кремнёвые фигурки. Последние могли быть отложены, оставшись неподписанными, при неоднократных попытках сотрудников музея и местных краеведов сгруппировать находки по их функциональному назначению.

Первая кремнёвая фигурка (музейный шифр ПКМ № 8527-1), представляющая собой антропо-зооморфное изображение, вызывает наибольший интерес (рис. 1: 1). Изготовлена она или из осколка кремня, или из цельной кремнёвой гальки. Кремень – грязновато-жёлтого цвета, непрозрачный, среднего качества. Высота фигурки 38 мм (расстояние дано от окончания "ног" до выемки между "ушами" и "мордой"), ширина по тулову 27 мм, расстояние между крайними точками рук 60 мм.

Фигурка великолепно моделирована и необычайно динамична. Края фигурки практически по всему периметру обработаны двусторонней полукрутой ретушью. Ею выделены голова, шея, руки, тулово, межножное пространство. Голова выполнена в профиль. Шея, руки, тулово и ноги – анфас.

Помимо указанных деталей, на наш взгляд, древнему мастеру удалось передать фронтальный вид антропоморфного существа спереди и сзади. "Лицевая" поверхность фигурки (рис. 1: 1в) сформирована негативами от двух встречных спятий, образовавших округлое горизонтальное ребро. Ребро разделяет фигурку на верхнюю и нижнюю части (соответственно 17 и 21 мм). Вероятно, оно обозначает грудь существа.

В центре этой поверхности сохранился островок валунной корки, возможно, несущий определённую смысловую нагрузку (деталь одежды, украшение, амулет, пятно на шкуре животного). Хотя неслучайность её сохранения в целом слабодоказуема. За счёт вогнутости "лицевой" поверхности создаётся впечатление, что фигурка как бы двигается вперёд, пытаясь совершить обхват.

¹ Автор статьи выражает глубокую признательность директору Павловского краеведческого музея Е.В. Мартемьяновой за предоставленную возможность работы с фондовыми материалами.

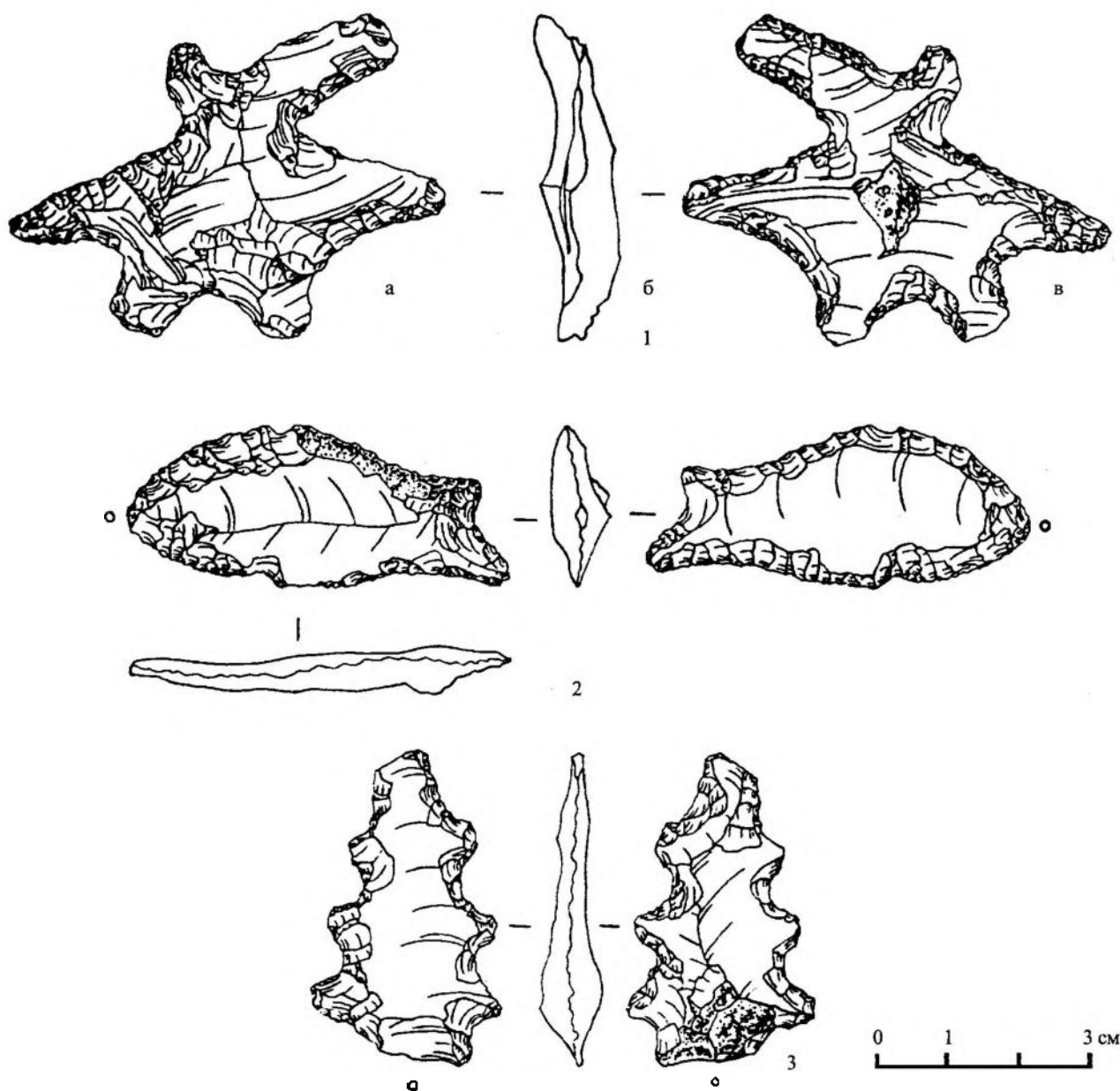

Рис. 1. Кремнёвые фигурки из фондов Павловского краеведческого музея

Обратная поверхность (рис. 1:1а) сформирована негативами от трёх основных снятий: двух – встречных по касательной и одного – к центру поверхности, – образующих вертикальное ребро с изломом ближе к верхней части фигурки. В совокупности с полукрутой ретушью по периметру в области рук, тулова и межножного пространства, а также уплощающей ретуши со стороны обратной части торцов ног, создана симметрично выгнутая относительно "лицевой" задняя часть фигурки.

Ноги фигурки обозначены несколько расходящимися прямыми выступами, разведёнными серповидной выемкой. Тулово подчёркнуто плавными переходами от ног к широко раскинутым рукам. Руки оформлены в виде подтреугольных выступов с округлыми концами. Шея слабо выделена выемками при переходе от плеч к голове.

Иконография ног, рук и тулова характерна для абсолютного большинства известных на данный момент антропоморфных кремнёвых скульптур, получивших наиболее широкое распространение у волосовских племён [4, с. 261-263, рис. 2-4].

Верхняя часть фигурки оформлена в виде профильного изображения головы лося. Чётко выделены уши и морда. На морде можно наблюдать такие характерные для лосей признаки, как лобный бугорок и кожный вырост при переходе к шее.

Приводя аналогии для этой части фигурки, можно указать на нахождение кремнёвых скульптур голов лосей на стоянках Холомониха (Владимирская область) и Сахтыш I (Ивановская область), упоминающихся

С.В. Студзицкой [3, с. 68]; на поселении «Синяя гора» 1 (Тверская область) – две фигурки [7, с. 274, рис. 2: 6; с. 275, рис. 3: 2а]. По мнению И.Н. Черных, первая не имеет ярко выраженного морфологического своеобразие, а вторая – морфологически не бесспорна [7, с. 279]. Три кремнёвых изделия со стоянок в Среднем Поволжье интерпретируются В.В. Никитиным как изображения жезлов с головой лося [8, с. 45, рис. 1: 1-3]. Определённое сходство в оформлении головы у павловской фигурки есть с фигуркой со стоянки Дуденево (Тверская область) [1, с. 94], рассматривающейся С.В. Студзицкой как полное профильное изображение лося [3, с. 68]. Однако и у средневожских фигурок, и у фигурки из Дуденева отсутствуют чётко выраженные видовые признаки лося (лобный бугорок, кожистый вырост и др.), что заставляет сомневаться в бесспорности их трактовки.

Более широко распространены изображения лосиных голов в мелкой костяной и деревянной скульптуре, а также в наскальной живописи [9, с. 146, 147, рис. 1: 3,4,5; 10, с. 182, рис. 2]. Географически они охватывают лесную зону Восточной Европы, Урала и Сибири, хронологически – появляются ещё в мезолите и доживают до эпохи раннего металла [11, с. 41].

В неолите–энеолите Волго-Окского междуречья известны пока только костяные изображения голов лося. Обнаружены они в волосовских слоях стоянок Сахтыш I [2, фото между сс. 80-81], Сахтыш II [12, с. 21, рис. 8: 21], Володары [13, рис. 5: 1]. Несмотря на некоторые различия в определении функционального места данных изображений в культовых обрядах и церемониях, всеми исследователями признаётся факт существования у волосовцев культа лося.

На наш взгляд, это обосновывает возможность появления на антропоморфной части фигурки из фондов Павловского музея завершения в виде головы лося и, вероятно, свидетельствует о значительной роли животного в мифологии волосовцев. Совмещение на одной фигурке черт минимум двух персонажей (лося и человека), выполненных в профиль и анфас, не имеет аналогий. Данное обстоятельство ставит павловскую фигурку в разряд уникальных.

В этой связи нам представляется интересным провести параллель между описанной фигуркой и двумя антропо-зооморфными фигурками: из окрестностей оз. Пено (Верхняя Волга) [3, с. 65, рис. 3: 1] и со стоянки Кубенино (Восточное Прионежье) [3, с. 65, рис. 3: 2]. Первая изготовлена из кремня, вторая – из кости. Несмотря на разницу материалов, из которых они сделаны, стилистические расхождения в оформлении головок, рук и окончаний ног, фигурки объединяет единая изобразительная схема и идентичная моделировка ног, заканчивающихся копытами. По мнению С.В. Студзицкой, это является бесспорным подтверждением тому, что в основу изображений положен один и тот же образ человека-лося. Встречаются на прионежских поселениях и отдельные скульптурные изображения копыт [3, с. 64]. В то время как на волосовских поселениях присутствуют отдельные изображения голов лося, о которых мы говорили выше. В данных явлениях прослеживается одна и та же традиция изображения части животного вместо целого. Локальная же специфика этой традиции находила выражение в выделении в одних культурах копыт лося, в других – голов лося.

По предположению С.В. Студзицкой, образ человека-лося появляется в искусстве волосовцев в результате их постоянных и тесных контактов с населением Каргополья [3, с. 64]. Вероятно, павловскую фигурку можно рассматривать как одно из дополнительных подтверждений высказанного предположения. В качестве одной из возможных трактовок её семантики следует признать образ именно человека-лося. При обращении к опыту интерпретации А.В. Уткиным и Е.Л. Костылёвой [4] кремнёвых антропоморфных изображений, рассматривающихся этими исследователями в качестве своеобразных иллюстраций мифов волосовцев о человеке-медведе, возможна и иная трактовка фигурки из Павловского музея. Это изображение служителя культа (шамана), обрядившегося в шкуру медведя (накидку) и надевшего маску лося.

На данный момент нам представляется более обоснованной первая трактовка изображения антропо-зооморфной фигурки из Павловского музея.

Вторая кремнёвая фигурка относится к разряду ихтиоморфных (музейный шифр ПКМ № 8527-3) (рис. 1: 2). Изготовлена она из пластины серо-зелёно-жёлтого полупрозрачного кремня хорошего качества. Её длина 54 мм, ширина – 23 мм.

По краям фигурка обработана двусторонней ретушью: в верхней части – полукрутой приостряющей, с сохранением участка необработанной поверхности со стороны спинки изделия, в нижней части – сплошной плоской приостряющей. Плавным сужением краёв на фигурке обозначена прихвостовая часть, расширением и выемкой на конце моделирован хвост. Наличие описанных признаков даёт основание утверждать, что скульптурка является изображением рыбы, выполненным в профиль. По боковым сторонам фигурки имеются симметрично расположенные выемки, что говорит об использовании её в качестве подвески.

Кремнёвые фигурки, трактуемые как изображения рыб, обнаружены на поселениях Вёкса [14, рис. 4: 8], «Синяя гора» 1 [7, с. 273, рис. 1: 2; с. 274, рис. 2: 2; с. 277, рис. 5: 6] и ряде других памятников неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы [1, с. 100, рис. 105: 20,22; 15, с. 72, рис. 1: 6]. Одна из них происходит со стоянки Подборица-Щербининская [5, с. 178, рис. 6: 1].

Наиболее вероятной археологической культурой, с которой следует связывать происхождение фигурки, является волосовская. Находки подобного фигурного кремня в материалах других культур неолита – бронзы в Волго-Окском регионе автору неизвестны.

Прототипом ихтиоморфного изображения могли послужить рыбы из семейства карповых (например, линь или карась). Об этом говорят широкое основание хвоста, плавные контуры и соотношение пропорций разных частей фигурки, характерные для этого семейства рыб.

Третью кремнёвую фигурку (музейный шифр ПКМ № 8527-2), вероятно, следует отнести к группе симво-

лических изображений (рис. 1: 3). Сделана она на отщепе серо-жёлтого непрозрачного кремня среднего качества. Представляет собой вытянутую основу ("тулово") высотой 45 мм, на боковых сторонах которой симметрично располагаются по три небольших выступа с округлыми окончаниями. Расстояние между крайними точками выступов в верхней части 17 мм, в нижней – 26 мм. Выступы разделены округлыми выемками. Описанные элементы фигурки (выступы, выемки) образованы двусторонней полукрутой приотстригающей ретушью, которая почти сплошь покрывает краевые участки фигурки. Следы заломов и выкропленности на краях изделия, образующиеся при использовании кремнёвых предметов в качестве скреблей, отсутствуют.

В кремнёвой пластике изображения, подобные описанной выше фигурке, известны по материалам стоянки Сухое (Восточное Прионежье) [16, с. 227, рис. 74: 5,6]. Вероятно, как и предыдущие скульптурки, она относится к волосовской культуре. Предмет изображения достаточно сложно определить. Возможно, это обозначение древа жизни.

В заключение хотелось бы вернуться к проблеме локализации места обнаружения вышеописанных фигурок. В августе 2000 года в районе дд. Старое и Новое Щербинино, Венец археологическим отрядом музея Нижегородского государственного университета под руководством автора статьи была проведена археологическая разведка. В ходе разведки были осмотрены все известные в указанном районе памятники археологии, а в контексте обозначенной проблемы особое внимание обращено на поселения, активно разрушающиеся на протяжении последних 40-50 лет.

Из всех осмотренных стоянок выделяются своим плохим, всё ухудшающимся, техническим состоянием памятники, расположенные у д. Новое Щербинино: стоянки Новое Щербинино 1 (упоминается как Сокорка у А.В. Давидовича), Новое Щербинино 4-14, 17, 18 (стоянка Новое Щербинино 13 у И.К. Цветковой в отчёте и при опубликовании материалов из раскопок упоминается как Подборица - Щербининская). Располагаются они вдоль края первой надпойменной террасы левого берега р. Подборицы, протекающей по старичному руслу р. Оки. Терраса с поверхности сложена донными песками и засажена соснами. Склон террасы и участки, примыкающие к её краю – до посадок сосен, обнажены на больших площадях. Они нарушены многочисленными котловинами выдувания, карьерчиками, разрушаются под воздействием ветровой эрозии, размыва тальми и дождевыми водами, разлива реки. Усугубили ситуацию сосновые посадки 1960-х годов. С 1930-х гг. (время возникновения д. Новое Щербинино) в этой зоне ведётся выпас скота, которым выбиты значительные участки как поверхности террасы, так и её склона.

На основании подъёмного материала (фрагментов керамики, каменных орудий, нуклеусов, отщепов и осколков кремня и других пород камня), собранного в осыпях склона террасы и в местах нарушений её дневной поверхности, большая часть поселений отнесена нами к типу многослойных и предварительно датирована эпохами неолита – бронзы. Концентрация находок при сборе подъёмного материала на отдельных памятниках (например, стоянка Новое Щербинино 10) достигала 30 предметов на 1 кв. м.

Судя по границам распространения подъёмного материала, территории поселений сливаются, образуя единую зону длительного проживания и неоднократных посещений древним человеком. Протяжённость этой зоны – около 2,5 км, ширина – от 50-60 м до 130 м.

Местные жители рассказывали нам, что в 1960-70-х гг. неоднократно собирали здесь каменные наконечники стрел, топоры, обломки керамической посуды, передавая часть находок в Павловский краеведческий музей.

Плохое техническое состояние памятников археологии, количество собранного на них в 2000 году подъёмного материала, рассказы местного населения о собственных сборах позволяют, на наш взгляд, сузить район происхождения павловских фигурок («Щербинино») до описанной зоны расположения стоянок у д. Новое Щербинино.

Надеемся, что публикация кремнёвых фигурок из фондов Павловского краеведческого музея будет способствовать дальнейшему изучению разных аспектов многогранной духовной жизни древнего человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № 10. 1948.
2. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).
3. Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.
4. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
5. Цветкова И.К. Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1961. № 2.
6. Жилин М.Г. Отчет Горьковского отряда за 1989 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 13462; Отчёты за 1991, 1993 гг. // Архив Департамента охраны историко-культурного наследия Н. Новгорода и Нижегородской области. Б/н.
7. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. Никитин В.В. Кремневая скульптура и мелкая глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
9. Столяр А.Д. «Жезль» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
10. Савватеев Ю.А., Верецагин Н.К. Охотничье-промысловые животные в мезолитических памятниках Карелии // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
11. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Скульптурное изображение головы лося с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново, 1995.
12. Гадзюцкая О.С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. 1966.
13. Цветкова И.К. Ритуальные клады стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

14. Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
15. Мирецкий А.В. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шоши // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
16. Ошибкина С.В. Каргопольская культура и памятники типа Модлона // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР).

*Департамент охраны историко-культурного
наследия Нижнего Новгорода и Нижегородской области,
Н. Новгород*

A.V. Gonozov

FLINT FIGURINES FROM THE STORAGE OF PAVLOVO MUSEUM

Summary

In the article the author introduces three flint figurines, which he has found in the course of attributing the artifacts from archaeological collection of Pavlovo museum. The supposed location of their finding is the group of the Neolithic and the Eneolithic settlements situated near Novoje Scherbinino village on the left bank of the Oka River. On the basis of the analysis of analogous depictions, which are typical for the Late Stone Age of east European forest zone in the second half of the 3rd millenium – the beginning of the 2nd millenium BC, the figurines are interpreted and attributed to a certain culture. The author suggests the interpretation of the first flint figurine as a representation of a man-elk or a shaman dressed in a bear's fell and wore an elk mask; the second image is a representation of a fish (carp); the last one is most likely a symbolic representation of an arbor mundi.

The figurines can belong to Volosovo culture.

*Department for Protection of Historical and Cultural Heritage
of Nizhny Novgorod and Its Region
Nizhny Novgorod,
Russia*

М.М. Шахнович

НОВЫЕ НАХОДКИ ФИГУРНЫХ МОЛОТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Каменные изделия с зооморфными изображениями с условным названием «фигурные молоты» считаются одной из характерных и в то же время непонятных категорий инвентаря эпохи камня на Европейском Севере.

Все, кто сталкивался с введённым более 150 лет назад понятием «фигурный молот», понимают, что это достаточно условный термин. Наиболее просто и понятно классифицировал данный вид орудий А.Я. Брюсов. К первой группе им были отнесены «молоты», представляющие собой целиком скульптурные изображения голов животных с просверленными отверстиями. Ко второй – «удлинённые, кирковидные, но с тупыми концами, со сверлиной посередине, со скульптурным изображением лося, реже медведя» [1, с. 84]. В сводке К. Мейнандера к 1954 году упоминаются восемь таких каменных предметов с головой зверя из Карелии. Кроме известных экземпляров из дд. Тулгуба, Вороново и Падозеро, а также «навершия», подробно описанного С.В. Студзицкой [2], отмечаются более неясные находки из д. Шуя, вторично из дд. Тулгуба, Немецкий Наволок и Ялгуба [3, с. 88-89], а также четыре орудия из Западного Приладожья [4, с. 84]. В данной статье приводятся сведения о ещё четырёх фигурных молотах, поступивших в 1960-70-е годы в фонды Карельского государственного краеведческого музея.

В г. Кондопоге в 1960 г. был найден небольшой, даже скорее миниатюрный (14,9×4,1×4,7 см) молот из диабазы (рис. 1). По всей его поверхности видны следы пикетажа. Вмятины от ударов достаточно глубокие, что, вероятно, может свидетельствовать об остроте пикетажного инструмента. Шлифование не применялось. Биконическое отверстие не завершено, возможно, вследствие того, что процесс высверливания был произведён неудачно – не произошло полного совмещения намеченных сверлин. В целом отверстие в топоре было рассчитано как скошенное относительно поперечной оси изделия. В отверстиях хорошо видны вмятины от ударов поверх концентрических следов от сверления. Форма отверстий подовальная (3,5×3 см и 3×2,5 см). Мастер, скорее всего, изобразил голову медведя. Пикетажем рельефно выделены уши, лобная часть головы, шея, глаза, ноздри. Между ушей фиксируется лёгкая затёртость поверх следов пикетажа. Лезвийная часть сформована в подражание боевым топорам – лопасть лезвия опущена, однако не заострена, и сечение имеет треугольную форму, что исключает использование изделия для рубки. Орудие производит впечатление практически законченного изготовления. Причиной «выбраковки» стало, наверное, неудачное сверление. Следует отметить, что во вмятинах от ударов сохранились частички охры.

В 1934 г. близ Немецкого Наволока Петрозаводской Губы был обнаружен другой фигурный молот из диабазы (рис. 2). Предварительное сообщение о нём и схематичный рисунок впервые дал А.Я. Брюсов [1, с. 248]. Он определил его как заготовку фигурного молота. Описать это изделие можно следующим образом: вытянутой формы (21,3×4,5×4,3 см), острый конец обломан, по всей поверхности наличествуют глубокие следы пикетажа, отверстие намечено с двух сторон овальными в плане углублениями (3,7×2,2 см и 3,5×1,6 см). Отверстия также выбивались пикетажем. Следы сверления отсутствуют. На обушковой части изделия фиксируются слабые следы воздействия абразива. Там же, на боковых сторонах, пикетажем намечены симметричные углубления. Визуально наблюдается слабая окраска охрой. По профилю орудие скорее нужно отнести к клевцам. Фигуру на обухе можно интерпретировать двояко: или как реалистичное изображение фаллоса, или как незавершённое – головы зверя. На наш взгляд, более правдоподобно первое предположение. Обломанный острый край вряд ли был причиной выбраковки заготовки, т.к. при незначительном переформлении орудие можно было закончить.

Целый фигурный молот из песчаника был найден в ближних окрестностях Петрозаводска у п. Соломенное. В плане он имеет ромбическую форму, размеры – 21,4×6,3×2,3 см (рис. 3). Овальное в плане, сквозное, биконическое отверстие в центральной части орудия (5×2,5 см) сделано пикетажем. Несмотря на то, что место соединения было расширено «расточкой», сужение в центре отверстия сохранено. Орудие было сформовано пикетажем, глубокие следы которого фиксируются по всей поверхности. Есть незначительная обработка абразивом одной из плоскостей. На одном из острых концов изделия пикетажем схематично намечена вытянутых очертаний «голова». Это могли быть или утка с широким клювом, или лось, или нерпа. Опять же отмечаются слабые следы охристой окраски. Уплощённые в сечении и подромбические в плане перфорированные сланцевые орудия встречаются в комплексах с ромбо-ямочной керамикой в Карелии. Типологически они (на наш взгляд, очень неудачно) определялись как «клевцы» [5, с. 176].

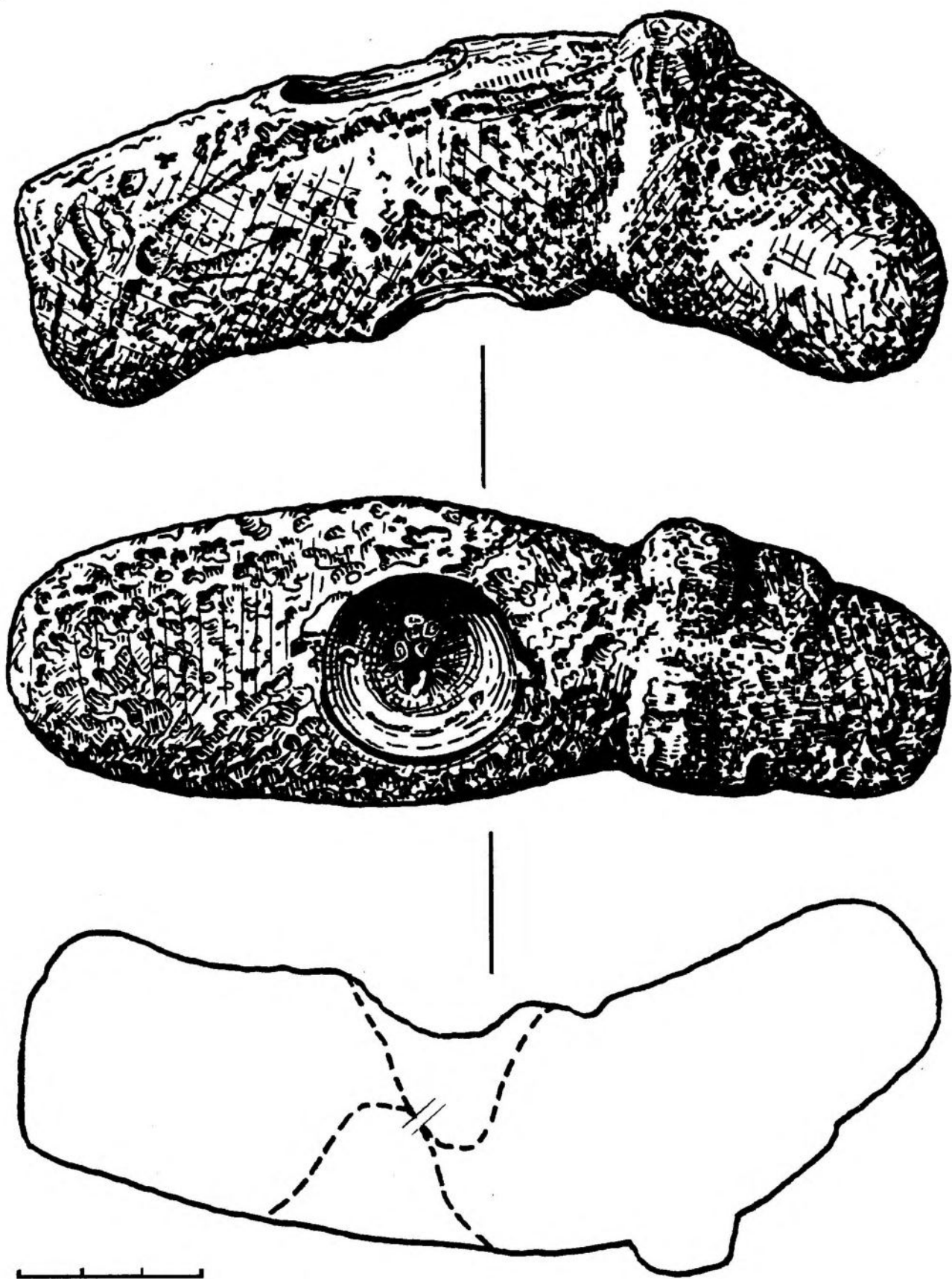

Рис. 1. Фигурный молот из г. Кондопоги

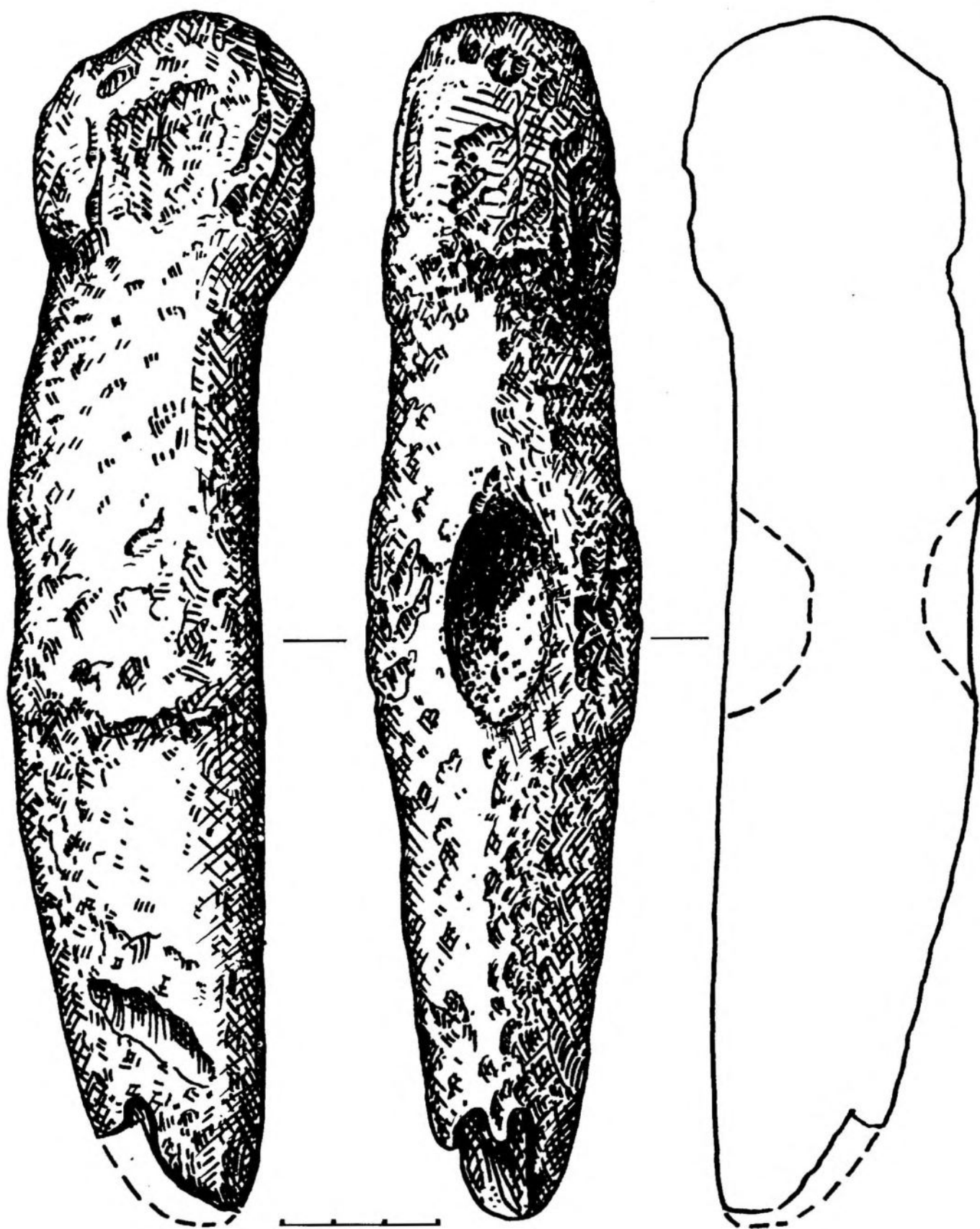

Рис. 2. Фигурный молот из д. Немецкий Наволок

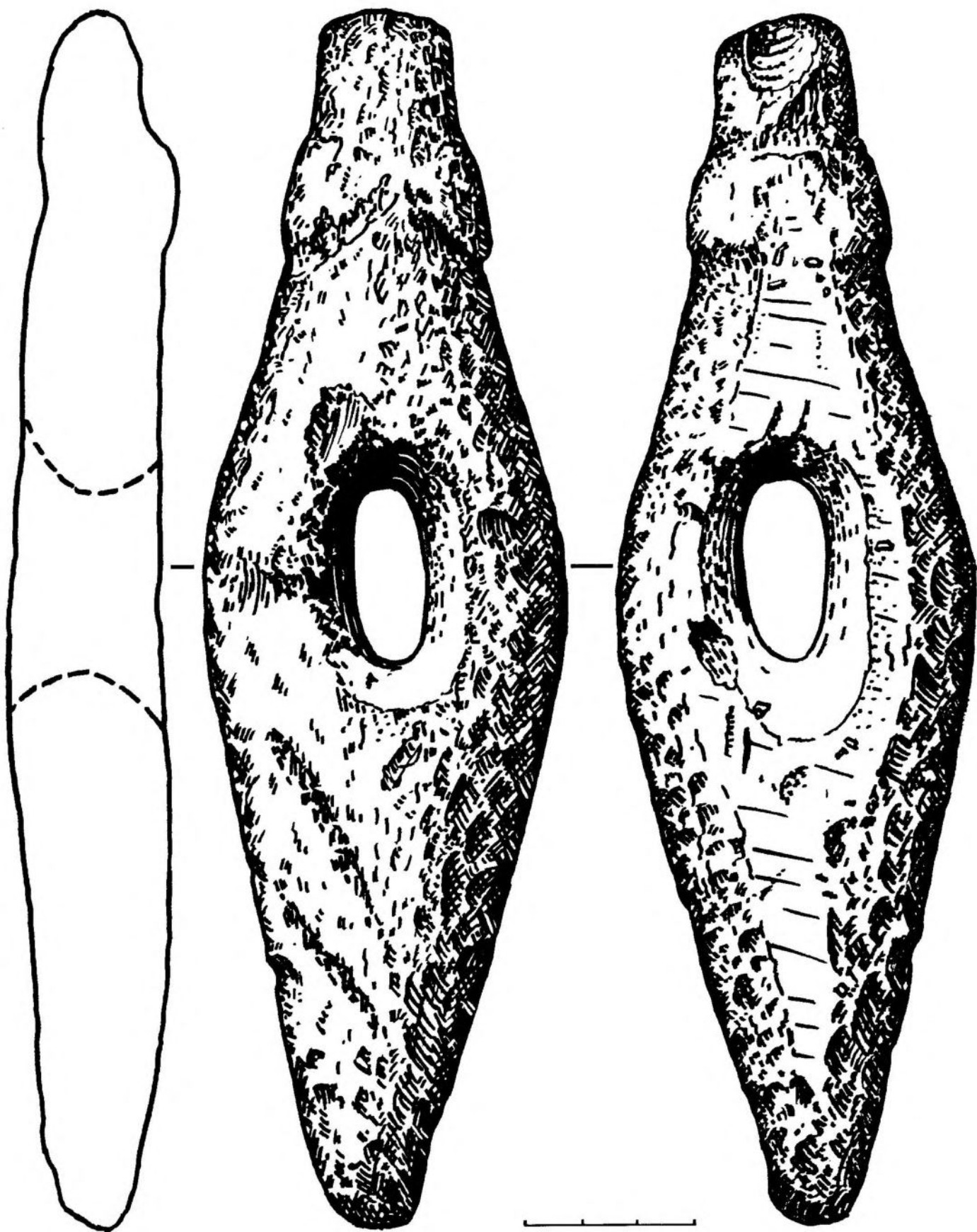

Рис. 3. Фигурный молот из пос. Соломенное

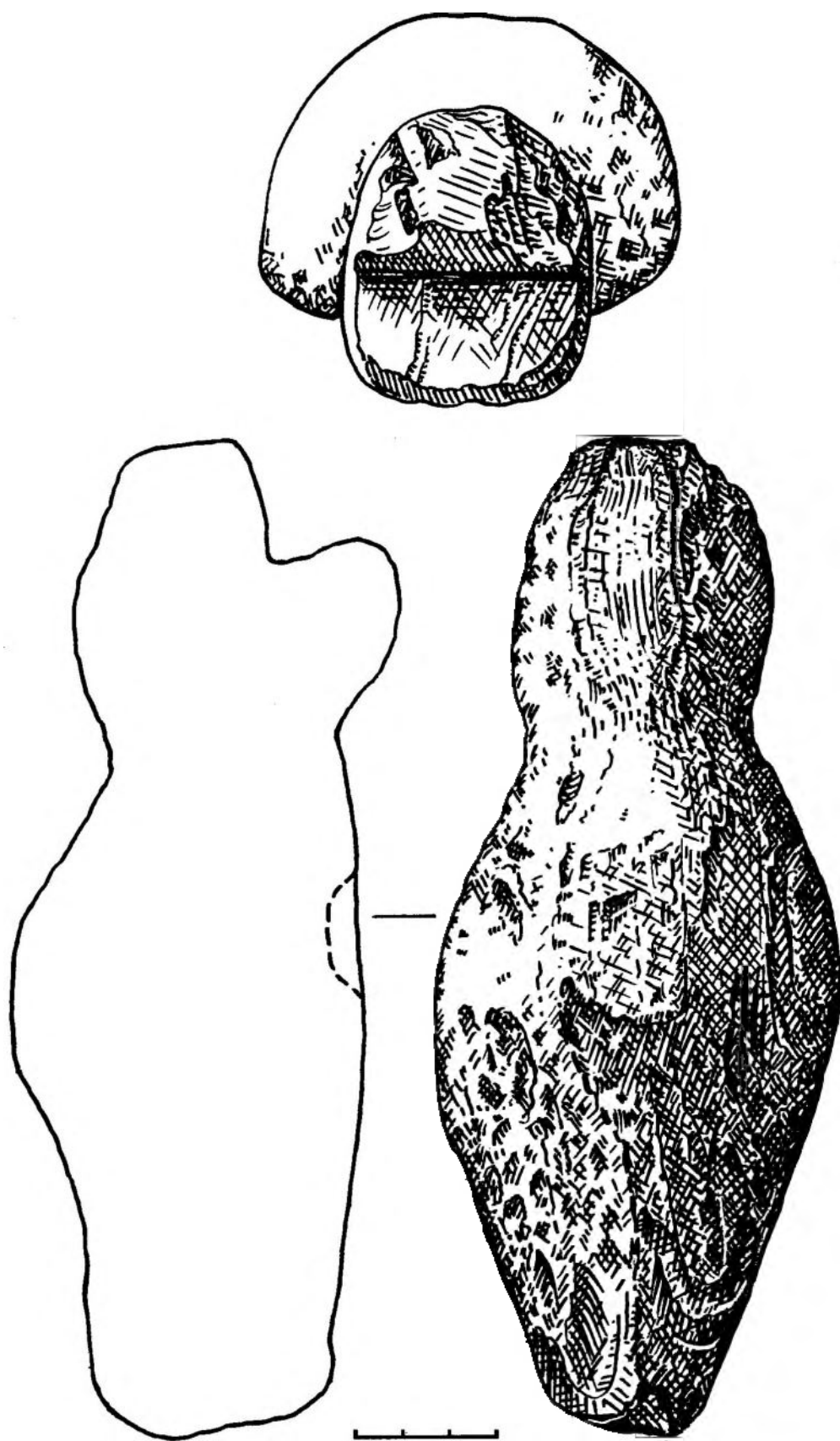

Рис. 4. Заготовка фигурного молота. д. Соддер

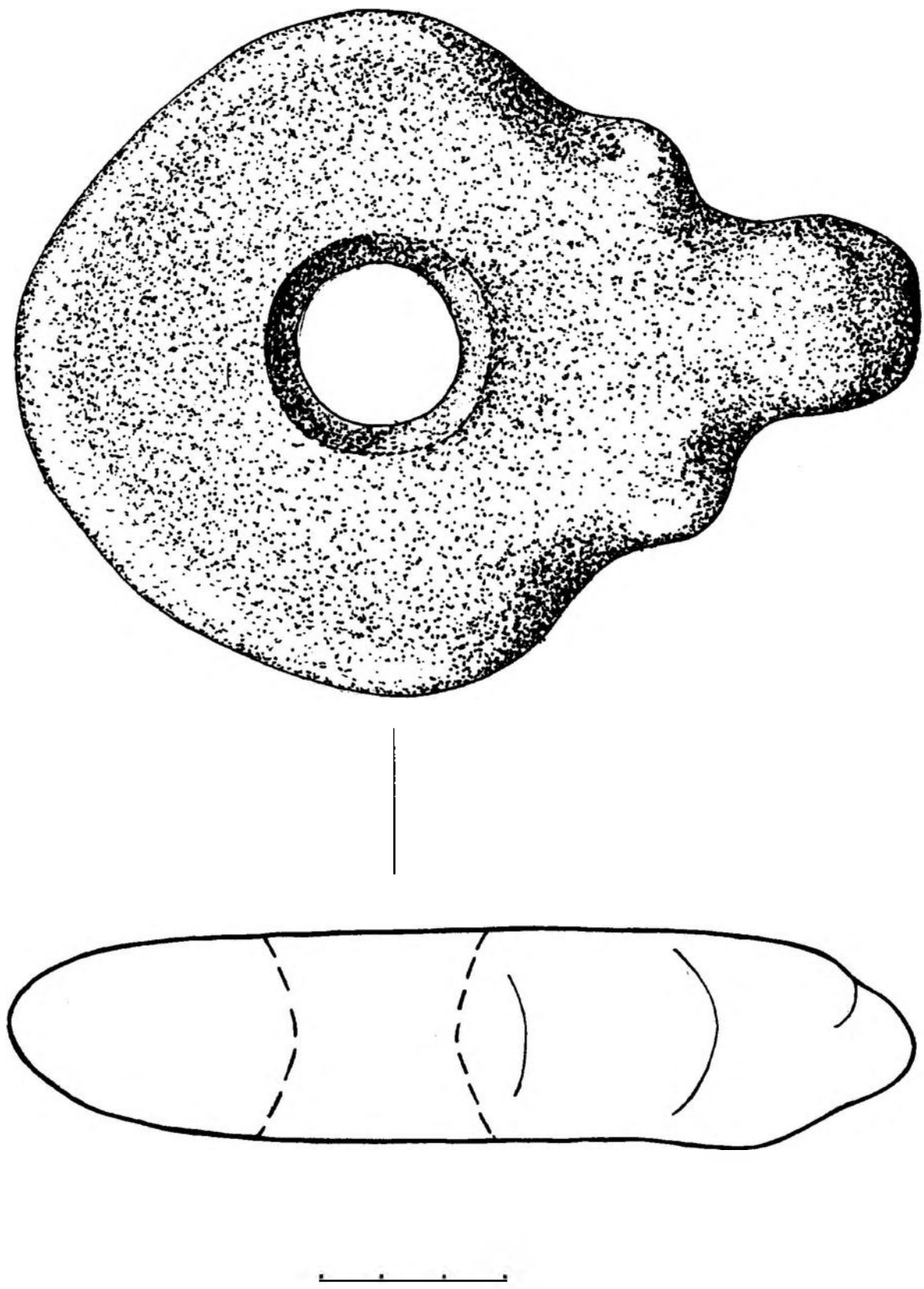

Рис. 5. Фигурный молот из д. Нелука

Для реконструкции технологического процесса изготовления «фигурных молотов» интересна находка, сделанная в 100 км к западу от Петрозаводска у д. Соддер, на берегу реки Шуя (рис. 4). Заготовка представляет собой камень подходящих пропорций и размеров. Порода камня была определена как гранатовый гнейс. Следы пикетажа фиксируются по всей поверхности изделия. Слабая подшлифовка поверх пикетажа отмечена с двух сторон на лезвии и в области "шеи". Достаточно хорошо предварительно сформованы характерные пропорции и очертания лезвийной и расширяющейся центральной частей орудия. Причём лезвие намечено как у первого описанного молота – треугольное в сечении. На обухе начато оконтуривание "головы зверя". Эта операция кроме пикетажа производилась или пилением или стачиванием – вышлифовыванием абразивным инструментом. В центральной части приступили к изготовлению отверстия – углубление диаметром 2,2 см намечено пикетажем, имеет следы лёгкой зашлифовки, связанной с началом сверления. С одной стороны, использованный материал достаточно мягок, но с другой, – присутствие в его структуре мелких зёрен граната очень затрудняет применение приёмов обработки, основанных на абразивной технике. Возможно, это обстоятельство послужило причиной отказа на начальной стадии от доведения изготовления фигурного молота до конца.

Отдельно от описанных фигурных молотов стоит экземпляр, найденный в 1969 г. у д. Нелукса, – практически там же, где и молот с изображением фаллоса – на восточном берегу Петрозаводской Губы. Его можно отнести к малочисленной первой группе фигурных молотов (по А.Я. Брюсову), представляющих «собой целиком скульптурные изображения голов животных с просверленными в них отверстиями для насаживания на рукоятку» [1, с. 84]. По морфологическим признакам такие орудия, скорее всего, можно считать навершиями, чем молотами. Небольшой кусок песчаника (14,7×10,4×3,2 см) имеет в центре сквозное биконическое отверстие диаметром 3,5 см (рис. 5). В узкой части диаметр отверстия – 2,3 см. На торце изделия видны слабые следы пикетажа. Верхняя плоскость зашлифована. В меньшей степени абразивом обработаны торец по окружности и нижняя плоскость предмета, так же сформована голова "животного". Изображение сильно стилизовано, однако можно распознать широко распространённое земноводное – лягушку или жабу. Сглаженно, но достаточно хорошо выделены характерные крупная, широкая и приплюснутая голова, отвисшее горло, высоко посаженные глаза. По бокам намечены небольшие короткие лапы. В целом в изделии сохранены все пропорции бесхвостой амфибии. По технике изготовления, стилистике скульптуры данное изделие идентично молоту-навершию «из окрестностей Петрозаводска», находящемуся в ГИМе [1, рис. 63; 2], а также находкам из Южной Финляндии (в Эсбо и Каскерти) [3, рис. 46, 47]. Они тоже изготовлены из крупнозернистых пород – гнейса и кварцита, но являются изображениями лоса и медведя.

На технике изготовления орудий следует остановиться особо. У двух экземпляров (с изображением фаллоса и "утки") отверстия имеют нетипичную для перфорированных изделий каменного века Карелии форму вытянутого овала. По данным В.Ф. Филатовой, в эпоху мезолита и в неолитических комплексах с керамической ямочно-гребенчатой или сперрингс артефакты с подобного рода пробивками отсутствуют. Обычные находки "грузил" с округлыми биконическими отверстиями, с двусторонним предварительным пикетажем и последующим "развёртыванием" полученного отверстия. Здесь же мы наблюдаем, что техника пикетажа использовалась до заключительной стадии соединения двух встречных углублений. Сверление, которое обычно являлось основной частью процесса перфорации, или полностью не применялось, или фиксируется только при расширении в средней части. Полученное отверстие овальной формы и биконическое в сечении было удобно для крепления орудия ремнём, но мало приспособлено для использования жёсткой рукояти. Интересно, что хранящийся в фондах Карельского государственного краеведческого музея массивный молот с папфами имеет подобное сквозное овальное отверстие с отчётливыми следами от крестообразного верёвочного крепления. Нужно также отметить, что даже "обычный" процесс сверления был достаточно трудоёмок. По данным С.А. Семёнова, изготовление отверстия различными способами в кристаллических горных породах занимало от 5 до 10 часов [6, с. 62-67].

Можно указать несколько вероятных причин создания данного типа отверстий. Удлиненная форма отверстия могла быть следствием зависимости от вытянутых пропорций орудия, хотя многочисленные сверлённые боевые топоры и молоты лесной зоны имеют исключительно округлое отверстие. Технологическая причина – подобная форма была необходима для создания более удобных условий работы специальным узким отбойником по мере углубления. "Культурная" – специфика использования орудия требовала создания отверстия конкретно такой формы. При этом семантическая нагрузка могла быть самой разноплановой: от имитации женских гениталий до ритуальности самого процесса выдалбливания.

Таким образом, можно отметить, что несмотря на то, что сверление разных пород камня известно в Карелии с эпохи мезолита, а первые сверлённые топоры, по данным А.М. Жульникова, относятся к III тыс. до н.э., для оригинальных, эксклюзивных вещей целенаправленно применяется более сложная и трудоёмкая операция выдалбливания.

Так или иначе, фигурные молоты традиционно связывают с каменными боевыми топорами-молотками фатьяновской культуры. Действительно, в Карелии наличествуют находки целых и фрагментированных сверлённых топоров. Они не исчисляются сотнями, как в более южных областях лесной зоны европейской части России, на территориях культур боевых топоров, но и единичные находки достаточно показательны. Хотя большинство карельских экземпляров с изображениями по характеру лезвия типологически следует отнести не к топорам, а, скорее, к клевцам, влияние фатьяновской традиции, пусть даже и опосредованное, несомненно, присутствует. Как наиболее яркие примеры можно представить фигурный молот из д. Тулгуба с характерными плечиками и продольной хордой на лобной плоскости или ладьевидный топор с головой

лося из д. Падозеро. Рассматривая все имеющиеся фигурные молоты, можно отметить, что многие из них по морфологическим параметрам: средние пропорции и диаметр сверлины, обязательное наличие плечиков, уплощённость в поперечном сечении и выделение лезвийной лопасти – укладываются в стандарты боевых топоров фатьяновской культуры [7]. Однако нужно подчеркнуть и многие специфические особенности находок из Карелии. Если в культурах боевых топоров к отверстию как к одной из важнейших функциональных составляющих орудия относились с особым вниманием – оно предварительно отцентровывалось, высверливалось под оптимальным наклоном к центральной оси, процесс производился полый цилиндрической костью, дающей ровное сечение, – то карельские экземпляры, как описывалось выше, имеют биконическое сечение отверстия, иногда нестандартной в плане овальной формы, произведённое пикетажем с заключительным сверлением.

Тщательное шлифование всей поверхности орудия с последующей заполировкой, придающей изделию "парадность", наличествует в Карелии и Финляндии только на экземплярах из сланца, остальные горные породы обрабатывались пикетажем с минимумом воздействия абразивом. Интересно, что хорошо освоенное и применяемое местное каменное сырьё (сланец) использовалось в производстве фигурных молотов незначительно. Предпочтение отдавалось таким более твёрдым кристаллическим породам как диабаз, песчаник, гранит, гнейс. В этом можно усмотреть близость к традициям сверлёных орудий в культурах боевых топоров. Д.А. Крайнов указывал на возникшую специализацию в производстве сверлёных топоров [8, с. 147]. Было ли что-то подобное в отношении фигурных молотов с последующим импортом за пределы Карелии – трудно сказать, несмотря на наличествующее у них технологическое, морфологическое и стилистическое сходство.

Наверное, всё же не следует однозначно считать, что фигурный молот в целом – это просто трансформировавшийся во времени и пространстве боевой топор. Хотя, как видим, значительная часть их соотносима с традициями фатьяновской культуры, в то же время существует местный тип специализированного орудия с неясной утилитарной функцией, по технологии изготовления и морфологии сильно отличающийся от "фатьяновской стилизации". Отличия эти, на наш взгляд, являются следствием временной нестыковки. Вторая группа характеризуется более ранними технологическими приёмами, чем первая, и потому может датироваться периодом неолита, в отличие от более поздней группы эпохи бронзы.

Вопросы назначения данного вида изделий и стилистика изображений являются наиболее дискуссионными. Хотя, по нашему мнению, данная проблема не принципиальна, а потому достаточно несущественна в характеристике этих "орудий", всё же следует на ней остановиться. А.Я. Брюсов, кратко характеризуя «скульптурные молоты», говорил, что они не имели практического назначения, т.е. не выполняли функций оружия или орудий труда (небрежно сделаны, слишком узкое отверстие, «туповатый» рабочий конец) [9, с. 25]. С этим соглашаются остальные авторы, относя их или к предметам религиозного культа, или к церемониальным атрибутам. Подобное предположение позволяет объяснить наличие остатков охры на представленных в данной работе изделиях. В том факте, что более четверти из известных молотов с изображениями имеют незаконченные отверстия. А.Я. Брюсов, а за ним и К. Мейнандер усматривают намеренное действие, позволяющее не считать их незавершёнными [1, с. 86; 10, с. 83]. Единственно, в отношении «наверший с головой зверя» (первая группа, по А.Я. Брюсову) хочется высказать предположение, что они могли иметь функцию камня-«подпятка» как составной части прибора для добывания огня трением. В этом случае находят объяснение и биконическое отверстие, и удобная для захвата рукой форма предмета, и специфические следы утилизации.

Относительно персонажа, выбранного для воспроизведения на обухе «молота». Первоначально исследователи отмечали «общий культ лося», затем «лося и медведя». Теперь мы видим, что к традиционным объектам монументального воспроизведения прибавились новые – лягушка, фаллос, неясная утка-нерпа. По списку К. Мейнандера 1954 года из 36 экземпляров каменных булав-топоров из Финляндии, Карелии и Норвегии 8 были с незаконченным отверстием, изображение лося имели также 8, медведя – 10, неопределённые зооморфные – 14 и антропоморфные – 2 изделия [3, с. 88-89].

Несмотря на то, что все находки фигурных молотов сделаны вне связи с культурным слоем, традиционно они относятся ко времени начала II тыс. до н.э. Финские археологи опираются при этом на типологический метод и хронологию, основанную на береговом поднятии. Ими были определены временные границы – 2-я-3-я четверти II тыс. до н.э. [4, с. 88]. Хочется упомянуть и другие, отличные от этих даты. Например, в 1904 г. в местечке Палойелта Хунгтистен было найдено, наверное, самое знаменитое в Финляндии каменное изображение головы лося. В 1983 г. по углю «с этого места» была получена дата 5170 ± 130 лет до н.э., что позволило датировать скульптуру эпохой мезолита [11, с. 60]. На наш взгляд, несмотря на то, что А.М. Жувильников считает, что пикетаж и пиление как технологические приёмы обработки камня не фиксируются в эпоху энеолита в Карелии [12, с. 59], т.н. «фигурные молоты» можно отнести ко времени позднего неолита-энеолита.

А.Я. Брюсов, а за ним и финские исследователи отмечали тот факт, что находки фигурных молотов в Карелии сделаны в радиусе максимально 50 км от г. Петрозаводска. Действительно, за исключением последнего молота с Тунгудского озера, остальные "карельские" экземпляры найдены на компактной территории западного побережья Онежского озера. Что это – определённая тенденция в распространении или просто следствие большей интенсивности освоения этого района за последние двести лет, приведшего к увеличению количества "случайных" находок? Каменные топоры с зооморфными изображениями обнаруживали в Северной и Южной Финляндии, а также на западном побережье Ладожского озера и на Карельском пере-

шейке. В любом случае, данных для окончательного утверждения о нахождении «центра производства» таких изделий именно близ современной столицы Республики Карелия пока всё же недостаточно.

Единичные топоры, украшенные тем или иным фигурным изображением, стали обнаруживаться и вне территории Карелии и Финляндии (Ростов-Ярославский, озеро Лача, стоянка Волго 1) [13]. Вероятней всего, в этом мы наблюдаем проявление двойного процесса. С одной стороны, распространение идеи или, точнее, "моды" на сверлёные топоры на север из центральных районов России, с другой – обратное заимствование "северной" традиции украшения боевого орудия зооморфным изображением.

В заключение хочется сказать, что потребность в самовыражении через создание предметов искусства из такого сложного для обработки материала, каким является камень, пока может говорить только об извечном стремлении человека к мопументализму, в частности, о воплощении идеи контаминации мужского и женского пачал. В этом ракурсе фигурные молоты можно поставить в один смысловой ряд с наскальной живописью и мегалитическими сооружениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов А.Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. Вып. 9. М., 1940.
2. Студзицкая С.В. Фигурный молот из Карелии // Тр. ГИМ. Вып. 40. 1966.
3. Meinander C.F. Die Kiukaiskultur // SMYA. Bd. 53. Helsinki, 1954.
4. Carpelan Ch. Elch und Barenkopfggegenstände von Skandinavien bis zum Ural // Suomen Museo. Bd. 81. 1974.
5. Панкрузиев Г.А., Журавлев А.П. Стоянка Вигаинаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. Л., 1966.
6. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
7. Брюсов А.Я., Зимица М.П. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. М., 1966. (Археология СССР. САИ. В. 4-4).
8. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М., 1972.
9. Брюсов А.Я. Археологические памятники III - I тысячелетий до н.э. в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
10. Meinander C.F. Die Bronzezeit in Finland // SMYA. Bd. 54. Helsinki, 1954.
11. Suomen Historia. Espoo, 1985.
12. Жульников А.М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
13. Студзицкая С.В. Фигурные топоры-молоты из новых поступлений Государственного Исторического музея // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

*Карельский государственный
краеведческий музей,
Петрозаводск*

M.M. Shakhnovitch

THE NEW FINDS OF FIGURED HAMMERS IN THE TERRITORY OF KARELIA

Summary

The information about four figured hammers received by the State Regional Museum of Karelia in 1960-1970 is presented in the paper. There are images of a bear, a frog, a seal and a phallus. All of these hammers have been found accidentally near Petrozavodsk. Every figured hammer has a very specifically made hole and some of them have traces of ochre. Undoubtedly, this type of instrument appeared in the Late Stone Age on the Karelian basis, but the influence of Fatjanovo culture on some instruments is obvious.

*The State Regional Museum of Karelia
1, Lenin Sq., Petrozavodsk,
185035, The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

А.М. Жульников

О НАХОДКЕ В ПРИБЕЛОМОРЬЕ ФИГУРНОГО ТОПОРА-МОЛОТА С ОБУХОМ В ВИДЕ ГОЛОВЫ МЕДВЕДЯ

Фигурные топоры-молоты давно привлекают внимание археологов. Этой категории находок посвящена довольно обширная литература. Общеизвестно, что территорией, где концентрируются фигурные топоры-молоты, являются Карелия и Финляндия [1]. Фигурные молоты обычно анализируются по двум основным направлениям: с одной стороны, как специфическая черта культуры древнего населения Карелии и Финляндии, с другой – как один из источников для реконструкции процесса развития художественного мышления в первобытности. Обычно фигурные молоты рассматриваются исследователями вне какого-либо культурного контекста, что связано в первую очередь с отсутствием их надежной хронологической привязки. Последнее во многом обусловлено случайностью находок этого типа. Следует заметить, что за этой всеобщей массовой случайностью явно прослеживается некая закономерность.

В настоящее время на территории Швеции, Финляндии и Севера европейской части России найдено не менее 35 изделий подобного рода. Примерно 85% из них имеют на обухе скульптурное изображение медведя, остальные – лося. Известен один молот с обушком в виде человеческой головы.

В 1999 году в Беломорском районе Карелии при сборах на размываемой стоянке на оз. Берёзово (бассейн р. Тунгуды) автором был поднят топор из красноватого сланца с обухом в виде головы медведя (рис. 1). Судя по ряду признаков, мы имеем дело не с готовым изделием, а с полуфабрикатом, на котором отчётливо видны следы обработки поверхности в технике пикетажа. Большая часть топора, за исключением обуха, зашлифована. На голове скульптуры надпилами намечен рот и частично выделены уши. Отверстие, обычно представленное на других фигурных топорах-молотах, здесь не намечено. Топор был найден на небольшом островке, на высоте около 1 м над естественным уровнем водоёма, рядом с фрагментами асбестовой неолитической керамики и сетчатой керамики эпохи бронзы. Важно, что на высоте ниже 1 м на этом озере, где известно уже более 100 древних стоянок, не встречается поздненеолитическая керамика. В качестве наиболее близких аналогов изделию с оз. Берёзово следует назвать фигурные молоты с головой медведя из окрестностей Петрозаводска [2], Ростова Ярославского, отчасти с Няшебошского Архангельской области [3].

На островке на оз. Берёзово, расположенном по соседству с тем, где был найден фигурный молот, при сборах на размываемой стоянке в том же году была сделана ещё одна любопытная находка – лезвие сверлёного топора из красноватого сланца (рис. 2). Поверхность его полностью не зашлифована, отчётливо видны следы пикетажа. Отверстие не доведено до конца. Толщина стенок вокруг отверстия местами не более 3 мм, что полностью исключает утилитарный характер этого предмета. Высота залегания находки – менее 1 м над естественным уровнем озера, что также даёт вполне определённые основания для её датировки – не ранее рубежа III-II тыс. до н.э.

Таким образом, с одного озера на Севере Карелии известны сразу два изделия, не имеющие признаков утилитарного предназначения. Оба они изготовлены из специфической породы – красного сланца. Эта разновидность сланца, по данным наших раскопок, не применялась в этих районах для изготовления рубящих орудий. Показательно, что оба предмета обработаны в сходной манере: пикетажем – техникой, весьма редко применявшейся древним населением края. Всё это позволяет полагать, что оба фигурных молота не только взаимосвязаны, но и, вполне возможно, изготовлены одной группой населения или, не исключено, даже одним мастером.

Обе находки в совокупности примечательны с разных точек зрения. Во-первых, фигурный молот найден в Прибеломорье, где их ранее никогда не находили. Во-вторых, мы имеем дело с полуфабрикатами, что позволяет проследить в деталях всю технологию производства этих изделий. Кроме того, получены надёжные доказательства местного производства фигурных молотов. В-третьих, впервые, как мне кажется, появляется возможность не только датировать фигурные молоты, но и отнести их к определённой культуре.

По мнению большинства исследователей, фигурные молоты с головами животных на обухе относятся к эпохе раннего металла. Финский исследователь К. Карпелан в своей обобщающей работе по изделиям с головами медведя и лося датирует фигурные молоты из камня II тыс. до н.э. [1]. Предполагается, что появление подобных изделий связано с трансформацией боевого топора, приспособленного, в частности, для передачи в культовых целях изображения медвежьей или лосиной головы. Фигурные молоты, найденные в

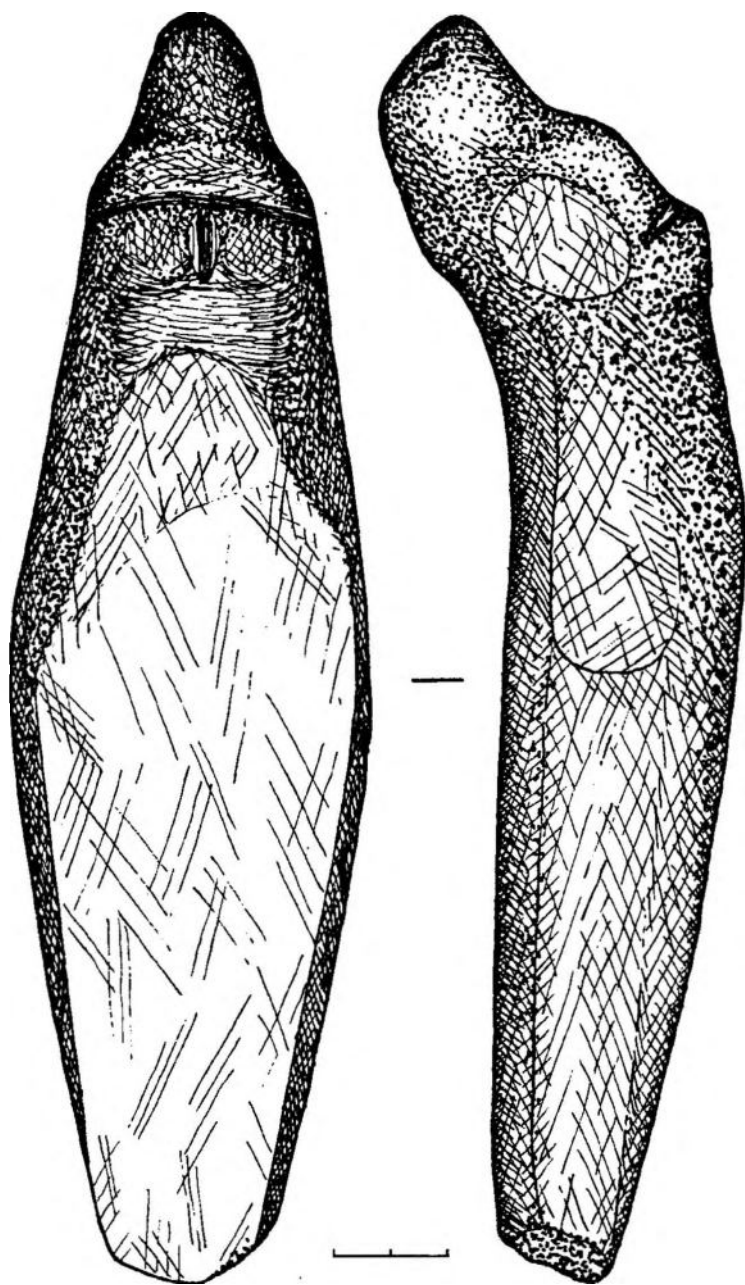

Рис. 1. Фигурный топор-молот из сланца с оз. Берёзово

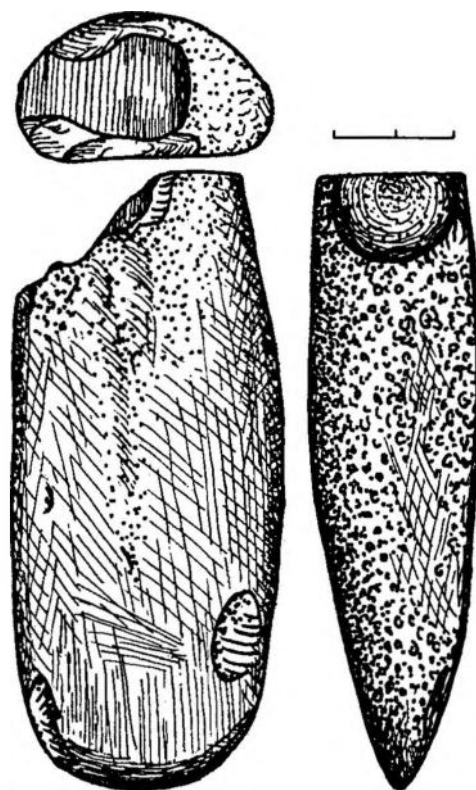

Рис. 2. Фрагмент сверлёного топора из сланца с оз. Берёзово

некоторых пунктах Северо-Запада России, обычно связывают с фатьяновским населением. Среди археологов достаточно распространено представление, что фигурные молоты отражают формирование в северных районах Европы определённой этнокультурной общности, под которой обычно понимаются племена культур с боевыми топорами, переселившиеся во 2-й половине III тыс. до н.э. на территорию Юго-Западной Финляндии и Верхнего Поволжья. В этой связи следует заметить, что на территории Карелии, где найдено значительное число фигурных молотов, следы пребывания населения культуры боевых топоров не фиксируются. Здесь нет ни могильников, ни керамики, характерных для культур боевых топоров. Единичные находки ладьевидных топоров на территории республики, изготовленных, как правило, из местных пород камня, указывают лишь на контакты местного населения с асбестовой керамикой и племён культур с боевыми топорами. Ладьевидный топор из глинистого сланца был найден на поселении Войнаволок XXXVIII в слое пола полуземляночного жилища с асбестовой керамикой, датированной концом III тыс. до н.э. [4]. В кон. III - 1-й пол. II тыс. до н.э. территория Карелии полностью остаётся занятой населением с асбестовой керамикой, наминающей поздневолосовскую. Если исходить из датировки фигурных молотов 1-й половиной II тыс. до н.э., получается, что изделия, имеющие явно ритуальное предназначение, выполненные в очень сходной стилистической манере, изготавливаются совершенно различными этнокультурными группами населения. Это представляется достаточно маловероятным, тем более, что из основной области расселения фатьяновских племён происходит всего три фигурных молота.

Топоры с оз. Берёзово, где помимо энеолитической асбестовой керамики была найдена сетчатая керамика эпохи бронзы, позволяют рассмотреть несколько иной вариант датировки фигурных молотов: 2-я пол. II - нач. I тыс. до н.э. На поселениях Карелии с сетчатой керамикой встречено три обломка сверлёных топоров, один из которых, со стоянки в окрестностях г. Беломорска, почти полностью тождественен обломку лезвия топора с оз. Берёзово [5, рис. 117]. Примечательно также, что ареал основного распространения древностей с сетчатой керамикой эпохи бронзы почти полностью совпадает с территорией распространения

фигурных молотов. Известно, что одним из компонентов, на основе которых сложилась общность культур с сетчатой керамикой, были культуры боевых топоров. Этим отчасти может быть объяснено некоторое сходство фигурных молотов с фатьяновскими боевыми топорами.

Почти абсолютное преобладание изображений головы медведя на фигурных молотах обычно рассматривается как проявление культа этого зверя у лесного населения Северо-Запада Европы. Однако, если сравнивать, например, кремнёвую волосовскую скульптуру, неолитические петроглифы Карелии, скандинавские сланцевые ножи эпохи бронзы и фигурные молоты, то обнаруживается чрезвычайно однообразное сюжета изображений, характерное для последнего вида изделий. Показательно, что в кремнёвой скульптуре, петроглифах, сланцевых ножах изображения медведя далеко не доминируют. Таким образом, особое отношение к медведю проявляется лишь в определённого вида изделиях – фигурных молотах, которые, видимо, не имели функции оружия. В то же время по своей форме и аналогам они явно, в отличие от петроглифов, кремнёвой и глиняной скульптуры, сланцевых ножей, как-то с оружием связаны.

Все фигурные топоры-молоты с обухом в виде головы медведя или лося вряд ли имели утилитарное значение. Скорее всего, перед нами проявления определённых ритуалов, причём не промыслового, а какого-то военного характера. Примерно в середине II тыс. до н.э. население культуры сетчатой керамики начинает продвигаться на север – на территорию Карелии и Финляндии. В это время на территории Карелии получил распространение новый тип асбестовой керамики – Палайгуба II [4]. Признаков взаимовлияния сетчатой керамики и поздней асбестовой керамики типа Палайгуба II мы не фиксируем. Косвенно это свидетельствует об отсутствии связей, прежде всего брачных, между двумя группами населения, представленными данными типами керамики. Вполне вероятно, что между этими двумя группами местного и пришлого населения сложились враждебные отношения. Это проявляется, в частности, в том, что керамика типа Палайгуба II быстро исчезает, не оставив следов в сетчатой керамике. Именно в обстановке постоянных враждебных столкновений мог быть так востребован образ медведя – крупного, сильного, опасного животного, не игравшего, впрочем, особой роли в рационе питания древних людей. Кроме того, здесь можно предполагать и влияние фатьяновской культуры, являющейся одним из компонентов, из которых складывается культура сетчатой керамики [6]. Культ медведя хорошо прослеживается у населения фатьяновской культуры в погребальном обряде [7, с. 198].

О конкретной функции фигурных топоров-молотов можно только догадываться. Исследователи дружно сходятся во мнении о ритуальном предназначении этих предметов, с чем, видимо, следует согласиться. Примечательно, что оба топора с оз. Берёзово изготовлены из очень редко встречающейся на поселениях Карелии красной породы сланца, напоминающей охру, что также указывает на ритуальный характер данных изделий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Carpelan S. Hirven- ja karhunpaesineita Skandinaviasta Uralille // Suomen Museo. Bd. 81. 1974.*
2. *Брюсов А.Я. История древней Карелии // Тр. ГИМ. Вып. 9. 1940.*
3. *Студзицкая С.В. Фигурные топоры-молоты из новых поступлений Государственного Исторического музея // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.*
4. *Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.*
5. *Савватеев Ю.А. Заландрага. Ч. 2. Л., 1977.*
6. *Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.*
7. *Крайнов Д.А. Древняя история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М., 1972.*

*Карельский государственный краеведческий музей,
Петрозаводск*

A.M. Zhulnikov

ABOUT THE FIND OF AN AXE WITH A BEAR HEAD-SHAPED BUTT IN THE WHITE SEA REGION

Summary

The article is devoted to the find of two red slate ritual axes on the shore of the Berezovo Lake in the White Sea region. The butt of one axe was made in the shape of a bear head. The height of the find location over the lake level and the pottery which was found nearby (the textile ceramics or the so called net pottery and asbestos ware) let the author date these axes to the 2nd millenium BC.

The scholar considers both axes as belonging to the Net Pottery culture. He remarks that figures of the bear do not dominate among the Neolithic petroglyphs of Karelia, flint figurines of the North and slate knives of Scandinavia, in contrast to axes with animal head butt. The author supposes that the bear image predominance among axes found in Karelia and Finland is related to some material rites.

*The State Regional Museum of Karelia
1, Lenin Sq., Petrozavodsk,
185035, The Republic of Karelia,
The Russian Federation*

В.В. СИДОРОВ

ТОПОР С ЯНУСОВИДНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИЗ РЕКИ ОСЕНЬ

Створ озёрной котловины оз. Верстово находится при слиянии рек Мологи и Осени. Реки очень разные: меандрирующая, мелкая Молога с песчано-гравийными перекатами и Осень с почти прямым полноводным руслом, которая на этом отрезке за весь голоцен не меняла своего течения. На пойменной стрелке находится городище Еськи, исследуемое А.Е. Леонтьевым [1]. Заложено 19 шурфов, производилось бурение. Выяснен характер расположения памятников. Стоянки по берегам Мологи в основном размыты и, видимо, невелики. Гораздо больше их по берегам Осени: культурные слои одновременных поселений (от мезолита до раннего железного века) тянутся по её берегам на 400 м. Они приурочены к прирусловому валу, ширина полосы распространения находок – до 60 м. Мезолитические материалы залегают в пойменных наносах, более поздние – в почвенных прослойках, формировавшихся в условиях высокой поймы. Часть стоянок, судя по характеру слоя, – кратковременны, но стоянки с волосовской и сетчатой керамикой имеют хорошо выраженные тёмно-гумусированные слои со значительной концентрацией материала.

На рубеже 1950-х гг. при строительстве ГЭС и её обводного канала на левом берегу был разрушен могильник, видимо, эпохи бронзы.

В русле Осени за время функционирования стоянок накопились богатые находками шлейфы культурного слоя. Находки встречаются по всей ширине русла, концентрируясь в омутах и у остатков плотины, но более – у левого берега, у городища. Ниже переката при слиянии рек находки не распространяются (рис. 1). Распределение находок в русле связано только с характером течения. Течение сортирует материал, как показали сборы в аналогичных условиях на р. Дубне: менее всего смещаются массивные камни и керамика, ниже по течению оказывается концентрация крупных костей и каменных орудий, далее всего “мигрируют” мелкие кости и кремнёвые чешуйки. Значительная глубина Осени не позволяет провести сплошное обследование русла – даже в маловодный август 1999 г. доступны оказались только отмели и побережье. Здесь есть каменные и костяные изделия, керамика разных стадий неолита, протоволосовская (валдайская) и волосовская; эпоха бронзы представлена керамикой чирковско-сейминской и сетчатой; встречается также лепная керамика 2-й пол. I тыс. н.э., обильна фауна.

В русле у правого берега, как раз против уничтоженного могильника, в 1999 г. был найден роговой топор с янусовидным изображением. В момент нахождения он представлял собой слиток ила и лягушачьей икры. Расчищался мной в течение двух дней. Нашедший топор отказался передать его экспедиции и местным органам охраны памятников. Мокрый рог требует специальных мер консервации и хранения, которые приняты не были. В результате изделие сильно разрушилось – осыпался наружный слой рога. В данной публикации оно описывается таким, каким было расчищено (рис. 2)¹.

Топор сделан из ствольной части крупного лосиного рога, фигуры – уже из лопасти. Общая длина изделия 21,5 см, толщина 5,5 см, у лезвия – 6 см. Ширина на месте фигур – 7 см, толщина здесь – не более 4 см. Сверлина приходится на самое основание лопасти, размеры её 2,7-3,2 см. Толщина на месте сверлины – 4,5 см. Стенки при сверлине – всего 1 см. Сечение овальное, с небольшим расширением в сторону лезвия, боковые стороны сверлины почти отвесны. Внутри видны кольцевые желобки. Насад расширяется в направлении рукояти, то есть крепился он без расклинивания топорика (рис. 2).

Форма асимметрична. Асимметрия в плоскости лезвия – нормальный признак топора, позволяющий определить положение его на топорике. Она подчеркнута тем, что один из торцов выпуклый, другой – прямой. Асимметрия в плане делает такой топор кривым, плохо управляемым в случае практического применения. Она определялась формой рога. Бока топора также выпуклы в разной мере. Несколько уменьшается кривизна, если за ось принимать точки: лезвие – центр сверлины – шов между фигурами, – что связано с различием фигур.

На обушковой части находится изображение двух мужских голов, смотрящих в противоположные стороны. Правая голова (при насаженном топоре) более высокая и более тщательно проработанная (рис. 2: а). Лицо – овальное, глаза переданы глубоким треугольным срезом, формирующим также нос, как это обычно делается на деревянных идолах, конец носа – округлый (следы резца идут по дуге ниже носа), слегка намече-

¹ В настоящее время топор находится в Государственном Эрмитаже (ред.).

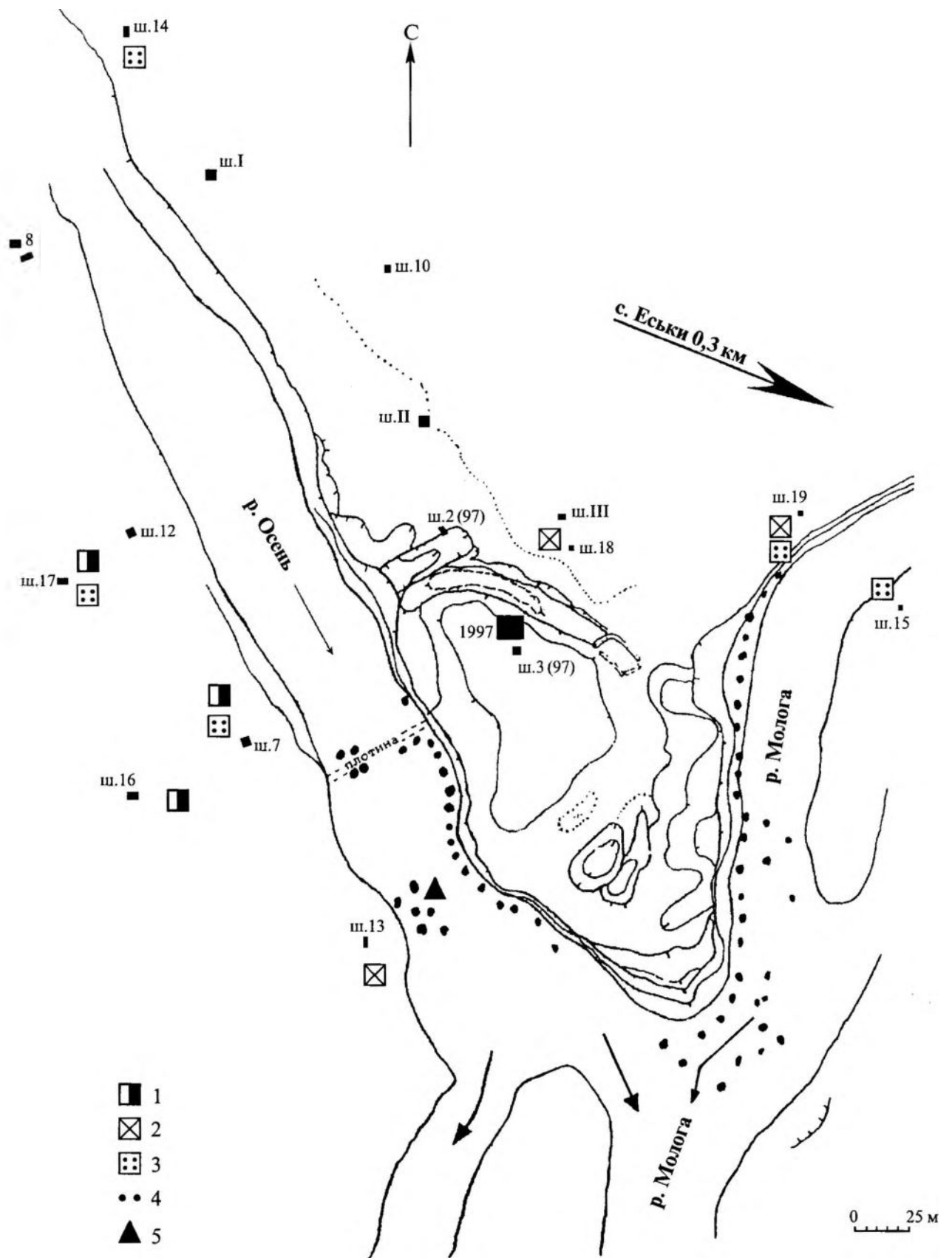

Рис. 1. Группа памятников при слиянии рек Мологи и Осени и место находки топора.
 Керамика в шурфах: 1 – поздневолосовская; 2 – чирковская; 3 – сетчатая.
 Распространение подъемного материала (4); место находки топора (5)

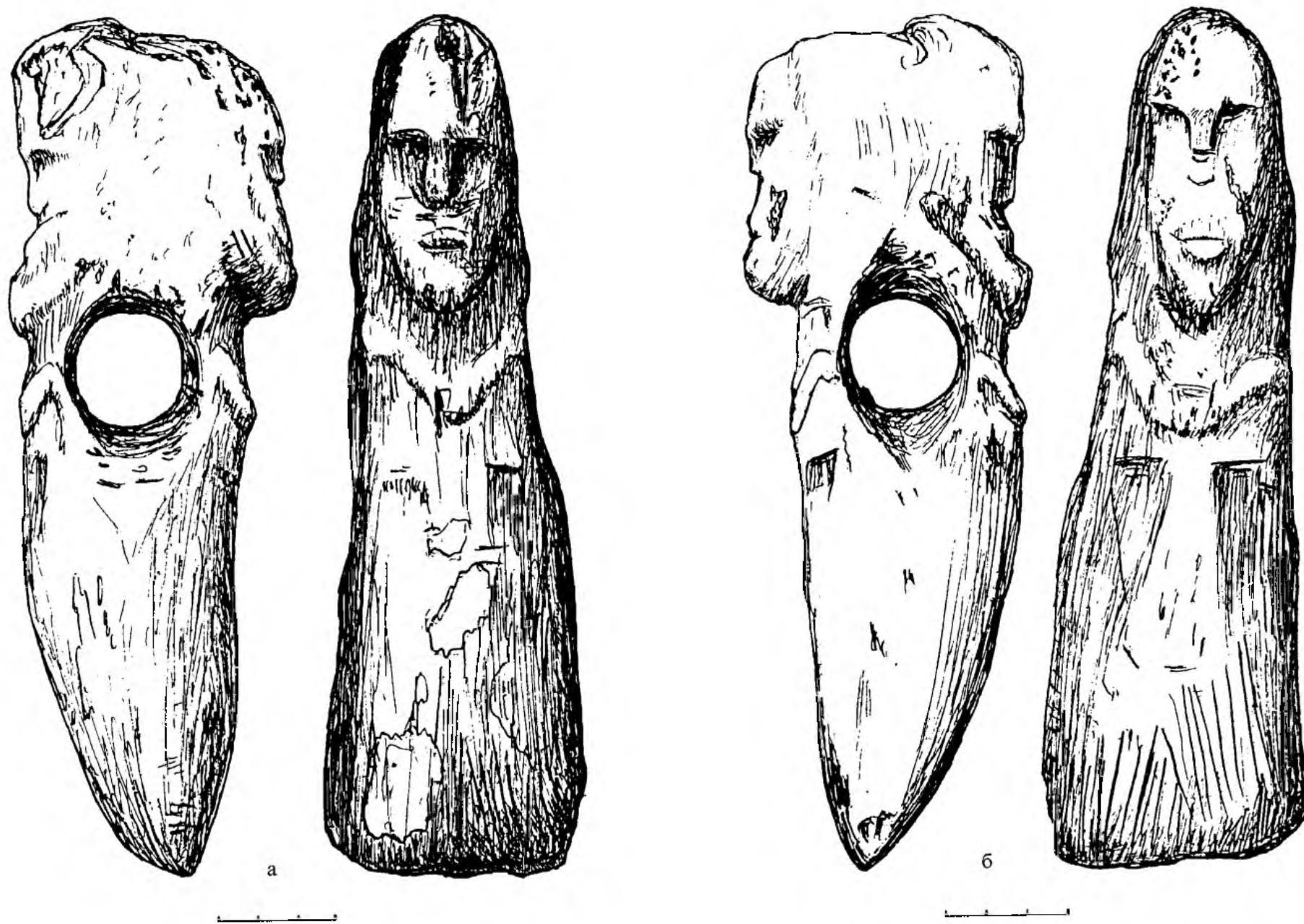

Рис. 2. Роговой топор из р. Осепь

на переносица, рельефно переданы губы с неглубоким надрезом рта. Правый глаз усилен сверлиной (степень сохранности не даёт уверенности в том, что это – не результат естественного разрушения рога). Завершается лицо выступающей овальной бородой. Ниже лица на уровне нижней половины сверлины изображён Y-образный валик, видимо, обозначающий ожерелье. Внешние его концы опускаются вдоль краёв сверлины, а средняя часть приходится на грудь. На лезвийной части топора намечены две фаски. Имеют ли они отношение к фигуре или к самому топору – неясно. Возможно, так передан облик оgranённого кельта меларского типа.

Левое изображение (рис. 2: б) несколько ниже и уже, особенно заметна меньшая высота лба. Техника изображения – та же. Нос значительно короче, но это – результат повреждения при изготовлении: под носом имеются дуговидные следы резца, так что исходная его форма была иной – на 5 мм длиннее. Губы также намечены валиком со слабым надрезом – изображением рта. Борода узкая и короткая. Ниже шеи здесь такой же, даже более чёткий валик, но опускающаяся к центру его часть более округлена. Как и на правой стороне, на плоскости топора имеются фаски, но менее глубокие.

Работа довольно грубая, следы инструмента легко читаются, полировка их не снимает. Глазницы, шея, нижняя губа несут следы работы кремнёвым скребком вдоль оси изделия – глубокие параллельные канелюры разной глубины. Ещё более резкие штрихи видны на боковых поверхностях у лезвия. Наиболее заполированы лбы.

Фигурный топор уникален. Аналоги ему следует искать не столько среди каменных, сколько бронзовых и деревянных изображений и изделий. Мелкие фигурки-амулеты из кости и янтаря не дают сколько-нибудь близких деталей. Несколько больше сходства с деревянными шигирскими идолами, с которыми сближают пропорции изображения головы. Отличие – чёткое оформление бороды.

Что касается формы сверлёного топора, то она далека от фатьяновских. Следует обратить внимание на бронзовые кельты, на что могут намекать фаски на плоскостях. Такие детали – признак меларских кельтов преимущественно начала железного века, но само наличие этого признака у нашего топора предположительно.

Сверлёные топоры – показатель раннего бронзового века, хотя встречаются и в мезолите, и в льяловской культуре. Шлифованный сланцевый клевец со сверлёным насадом был найден на стоянке Замостье 5 в непотревоженном слое, датируемом временем ок. 9 тыс. л.п. Роговые клевцы в виде голов лосей и фантастических животных из мезолитических и раннеолитических слоёв стоянок Замостье 2 и Ивановское 7 имеют сверлёные отверстия, как и наш топор. Но форма этих изделий иная – лезвие у них является частью изображения. К этому же типу относится каменный фигурный молот в виде головы лося, опубликованный С.В. Студзицкой [2], отнёсшей его к эпохе бронзы. В финале льяловской культуры широкое распространение получают сверлёные сланцевые “мотыги” – орудия с поперечным, как у тёсел, лезвием (но встречается и зауженное клиновидное, как у клевцов). Сверлина их односторонняя – коническая или цилиндрическая. Великолепное качество обработки большинства из них, орнаментированность, отсутствие забитости лезвий говорят о том, что это не рабочий инструмент, а оружие.

Более близки топору из Осени камешные топоры эпохи бронзы с фигурами на обушке: в них мы видим соединение обособленного топора и изображения. Серия их известна как «олонецкие кирки», но почти все они – случайные находки. Одна из них, явно не завершённая, происходит со стоянки на оз. Берёзово в Прибеломорье [3]. На стоянке имеются комплексы с сетчатой и асбестовой керамикой. А.М. Жульников отнёс этот предмет к комплексу с сетчатой, но ни в одном комплексе с такой керамикой сверлёные топоры не найдены – для них характерны в качестве боевых диоритовые валиковые топоры с черешком. Тем более сетчатая керамика в Карелии может датироваться не ранее 2-й пол. II тыс. до н.э. Культура же с асбестовой керамикой синхронна не только волосовской, но и фатьяновской культуре времени расцвета традиции изготовления сверлёных боевых топоров. Сами «олонецкие кирки» не тождественны боевым топорам культур шнуровой керамики: у них биконическая сверлина, клиновидное лезвие сильно заужено.

Топор с головой медведя из Ростовского музея отличается от обычных фатьяновских только формой обушки – здесь у него такая же голова медведя, как на «олонецких кирках», но существует не так уж много способов передать образ медведя. В группу фигурных топоров-молотов входит топор со стилизованной человеческой головой на обушке из Финляндии [4]. Стилистика этого изображения далека от реализма изображений нашего топора.

Расширение в сторону лезвия крайне редко у фатьяновских сверлёных топоров (свисающая бородка у них – это совершенно иная форма) – максимальная толщина их приходится на сверлину. Расширенное лезвие обязательно для кельтов (а также плоских клиновидных топоров), с которыми может сопоставляться топор из Есек.

Среди керамических комплексов стоянок группы Еськи к эпохе бронзы могут быть отнесены финально-волосовские, чирковско-сейминские, поздняяковские и сетчатые. Все они встречаются и в подвёмном материале в воде, но соотношение их на различных участках очень сильно отличается. Поздневолосовский материал найден в шурфах 7, 16, 17. Раннесетчатые сосуды с хорошо просматриваемыми признаками их генетической связи с волосовской культурой есть в шурфах 14 (снос к устью на 400 м маловероятен), 16 и 17, в меньшей мере – в шурфе 7 (рис. 1). Стоянка с сетчатой керамикой обращена скорее к луку, полого опускающемуся от приустьевому вала, чем к реке. Сосуды богато орнаментированы с использованием крупнозубчатого штампа (которым и выполнялась сетчатая фактура поверхности). Форма некоторых вполне волосовская – со слабой профилировкой. Поздняковские элементы – обычный компонент “сетчатых” комплексов.

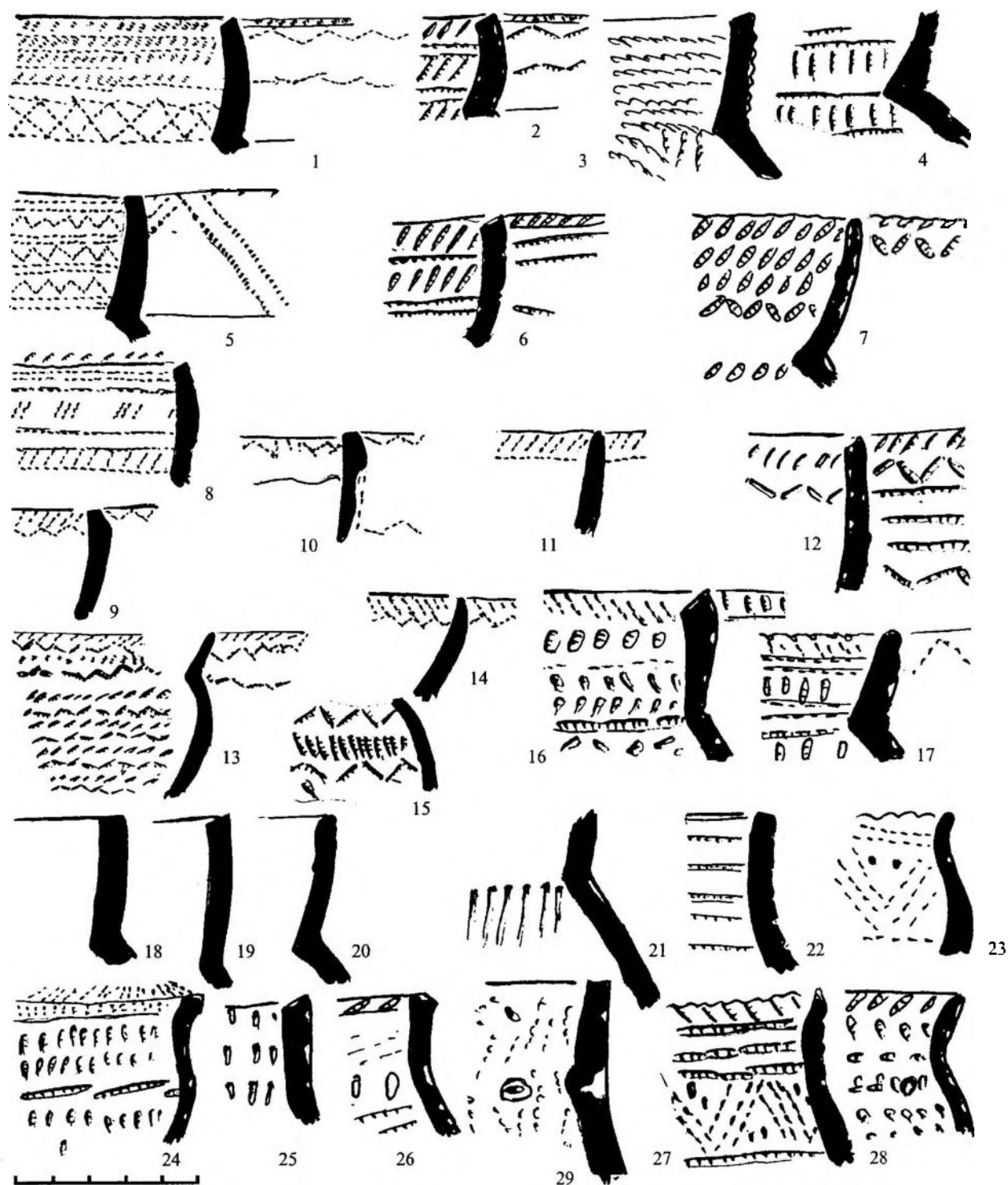

Рис. 3. Еськи. Чирковская (1-23) и сетчатая (24-29) керамика. Подъёмный материал

Они проявляются как орнаментальные пояски с использованием чередования зигзага и горизонтальных поясков оттисков зубчатого штампа, заполненных треугольником, строчек круглых ямок и жемчужин. Типичных поздняяковских сосудов нет. Большая часть плоскодонна, доньшки – с закраиной. Раннесетчатая посуда встречена также на Мологе у устья Шубина ручья. Стоянка здесь полностью размыта.

Наиболее вероятна связь топора с комплексом с чирковско-сейминской керамикой (рис. 3). Она встречается в шурфах 19, где вскрывались водные отложения, 18 – в тонком слое периферии памятника, 7 – как небольшая примесь и 13 (рис. 1). В то же время в подъёмном материале в русле реки она – самая массовая и хорошо сохранившаяся. Это может быть связано с использованием для насыпи плотины грунта со стоянки, где основной материал – именно чирковская керамика. Для подсыпки плотины брался грунт с западного края городища. Зачистки и шурф показали присутствие здесь такого материала, но в очень небольшом

количестве. Возможный источник грунта – из обводного канала. И в таком случае сама стоянка должна быть южнее обследованного участка. Другой вариант объяснения обилия чирковской керамики в русле – летний характер стоянки, при котором большая часть бытового мусора попадает в реку. Концентрация её на небольшом участке русла показывает, что перетолжение течением было невелико. Кремнёвые наконечники стрел сейминского типа, которые могут входить в этот комплекс, найдены в основном ниже по течению реки, на перекате (чирковская керамика, которая здесь встречается, сильно окатана и ожелезнена).

Керамика, объединяемая в группу чирковской, тонкостенна, с примесью органики, реже — мелкотолчёной раковины, пуха и дресвы. Поверхность хорошо заглажена, почти до лощения. Сосуды – с круглым туловом, резко отогнутым венчиком; по внутренней стороне стыка тулова и венчика идёт чёткое ребро. Дно округлое, по толщине равно стенкам. Венчик у большинства сосудов желобчатый (блюдецобразный), в 90% случаев орнаментированный с двух сторон, хотя есть и совершенно неорнаментированные. Верхний обрез – прямой или скошенный внутрь, орнаментирован. Орнамент распространяется на плечики, у некоторых сосудов, особенно малых, до 3/4 их высоты, но, как правило, полоса орнамента на плечике узкая, не более четверти высоты сосуда. Этим объясняется большое количество неорнаментированных фрагментов (специфика теста и обработки поверхности позволяет уверенно выделять чирковскую керамику по любым фрагментам).

В качестве орнамента используются короткие и узкие зубчатые штампы с очень мелкими зубчиками, но встречаются оттиски и длинного штампа. Мотивы – пояски зигзага, решёток, наклонных или вертикальных оттисков, разделённые горизонтальными строчками оттисков пунктирного (тонкозубого) штампа. Те же мотивы, но обеднённые, фиксируются на внутренней стороне венчиков.

С чирковским комплексом связаны наконечники стрел сейминского типа – с прямой базой и параллельными краями и с коротким треугольным черепком, найденные на отмели и в шурфе 15.

Генезис чирковско-сейминской культуры остаётся не ясен. В бассейне Верхней Волги она появляется в сложившемся виде и массово представлена на стоянках Вёкса 1 на р. Вологде [5], Сулять на Заболотском озере, на Тростенском озере. Именно с этими коллекциями обнаруживает наибольшую близость чирковский материал из р. Осень. Чирковская керамика фиксируется на стоянках Борань, Ивановское 7, Воймежная. Формы чирковской посуды наиболее близки балаповско-фатьяповским. Технология, в т.ч. примеси (тесто с мелкотолчёной раковинной и органикой) – керамике абашевской культуры, с которой её сближают и орнаментальные мотивы, и форма венчиков сосудов. Участие в формировании чирковской культуры волоховской сомнительно, но её влияние на позднюю волоховскую культуру вполне ощутимо. Датировка чирковского комплекса Есек, а с ним и топора, может быть определена временем распространения сейминско-турбинского металла [6, с. 260] – XVII в. до н.э., но меларские признаки формы лезвия оставляют сомнения в этой дате, тем более соответствующий им комплекс сетчатой керамики на памятнике присутствует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев А.Е., Купцов А.Г., Узянов А.А. Ески. «Археологический заповедник» (предварительное сообщение) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
2. Студяцкая С.В. Фигурный молот из Карелии // Тр. ГИМ. Вып. 40. М., 1966.
3. Жульников А.М. О находке в Прибеломорье фигурного топора-молота с обухом в виде головы медведя // В настоящем сборнике.
4. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. № 110. 1963.
5. Васильев С.Ю. Стратиграфия поселения Вёкса 1 (участки 1-5) // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
6. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

AN AXE WITH YANUS SHAPE IMAGE FROM THE OSEN RIVER

Summary

The axe with side images of two male heads with beards was found by chance in the Osen River near the multi-layer site Eski. Its link with a complex which can be characterized by pottery of Chirkovo-Seima type is most probable. Thus the axe can be dated to the 17th centuries BC, but we can't exclude the possibility of its later date as belonging to the textile pottery culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.В. Ильиных

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ В ПЕРМСКОМ ПРИУРАЛЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (по материалам ананьинской и гляденовской культур)

Идеологические представления дописьменного периода истории являются наименее изученными. Среди изобразительных мотивов у финно-угров значительное место занимают образы животных: медведя, лося, лошади, птиц; существовали культы, связанные с каждым из них. Выделение культов – один из наиболее употребляемых приёмов классификации явлений религии, основан на группировке по видам почитаемых явлений. В философии и религиоведении существует точка зрения, что культы животных относятся к нерелигиозному мировоззрению, но она недостаточно разработана. Согласно Фрезеру, культ животных (зоолатрия) – система ритуалов. Традиционно культы животных относят к тотемизму. Мы можем судить о наличии культа животных по археологическим материалам: жертвенным и погребальным комплексам (костные и тканевые остатки, атрибуты) и предметам искусства. На формирование каждого культа влияли разные факторы: экономический, социальный, географический. Роль каждого из них неодинакова. Это положение не относится к культам фантастических животных, образы которых являются результатом мифологического осмысления мира.

Культ медведя – наиболее архаичный среди остальных культов животных. В эпоху раннего железного века образ медведя играл важную роль в искусстве и религиозных представлениях народов Приуралья. Известно более 50 предметов в ананьинской и 30 в пъяноборской и гляденовской культурах с изображением медведя, значительное распространение этот образ получил на Средней Каме. Медведь изображается в профиль на костяных псалнях и ручках, анфас – на костяных пластинах и бронзовых бляшках, фигура зверя, стоящего с опущенной головой, – на бронзовых и железных крючках и костяных ручках [1, с. 132-135]. На костяном пряслице с Елабужского городища на одной стороне вырезаны противостоящие «по солнцу» фигуры медведя и лося. Вероятно, здесь отражена годовичная символика. Образ медведя символизировал весенне-летний период, а лося – осенне-зимний. Подобная символика отражена и на ряде ананьинских пряслиц [2, с. 40]. Русские лопари считали, что медведь возит солнце [3, с. 240].

К гляденовской культуре относятся 19 бляшек с изображением медведя в жертвенной позе, происходящих с Гляденовского костяка (рис. 1). Первый исследователь костяка – Н.Н. Новокрещённых – трактовал эти изображения как «медведь, лежащий и высматривающий врага» [4, с. 4]. Подобные бляшки известны с Юго-Камского костяка из раскопок Ю.А. Полякова. Мотив медведя в жертвенной позе был развит в ломатовской культуре. В этих изображениях отразился ритуал медвежьего праздника.

На Гляденовском костяке найдены черепа медведей [5, с. 9] и фрагменты нижних челюстей медведей (рис. 2) и лошадей со срезанной, вероятно, железным ножом скуловой частью. По мнению А.Н. Лепихина и А.Ф. Мельничука, они являлись частью идола и врезались в ствол дерева [6, с. 7]. Голове священного животного всегда придавалось особое значение. В этом проявляется сходство культа медведя с культами коня и лося.

Находки черепов лося можно отметить на всех жертвенных местах Прикамья, также бережно относились и к костям головы и конечностей. Подобные обычаи, по которым кости не бросают, а «хоронят» по особому ритуалу, засвидетельствованы этнографами.

На гляденовском костяке также найдены выпуклая бляшка с изображением трёх медведей в жертвенной позе, грубые полые пронизки, лишь отдалённо напоминающие фигуру медведя, и плоская фигурка медведя с обозначением мускулов в виде завитков [7, с. 23].

На костяках гляденовского времени костей медведя немного; по сведениям Р.Д. Голдиной, на Усть-Туйском и Гаревском костяках кости медведя составляют лишь 0,03% от всех костей. Первое место по количеству занимают кости лошади и крупного рогатого скота. На жертвенном месте Писаного камня найдены раздробленные кости медведя [8].

Подвески-амулеты из медвежьих клыков почти всегда присутствуют на памятниках гляденовской культуры [9, с. 165]. По этнографическим материалам, такие обереги носят мужчины-охотники.

Рис. 1. Бляшка с изображением медведя в жертвенной позе. Гляденовское костякище

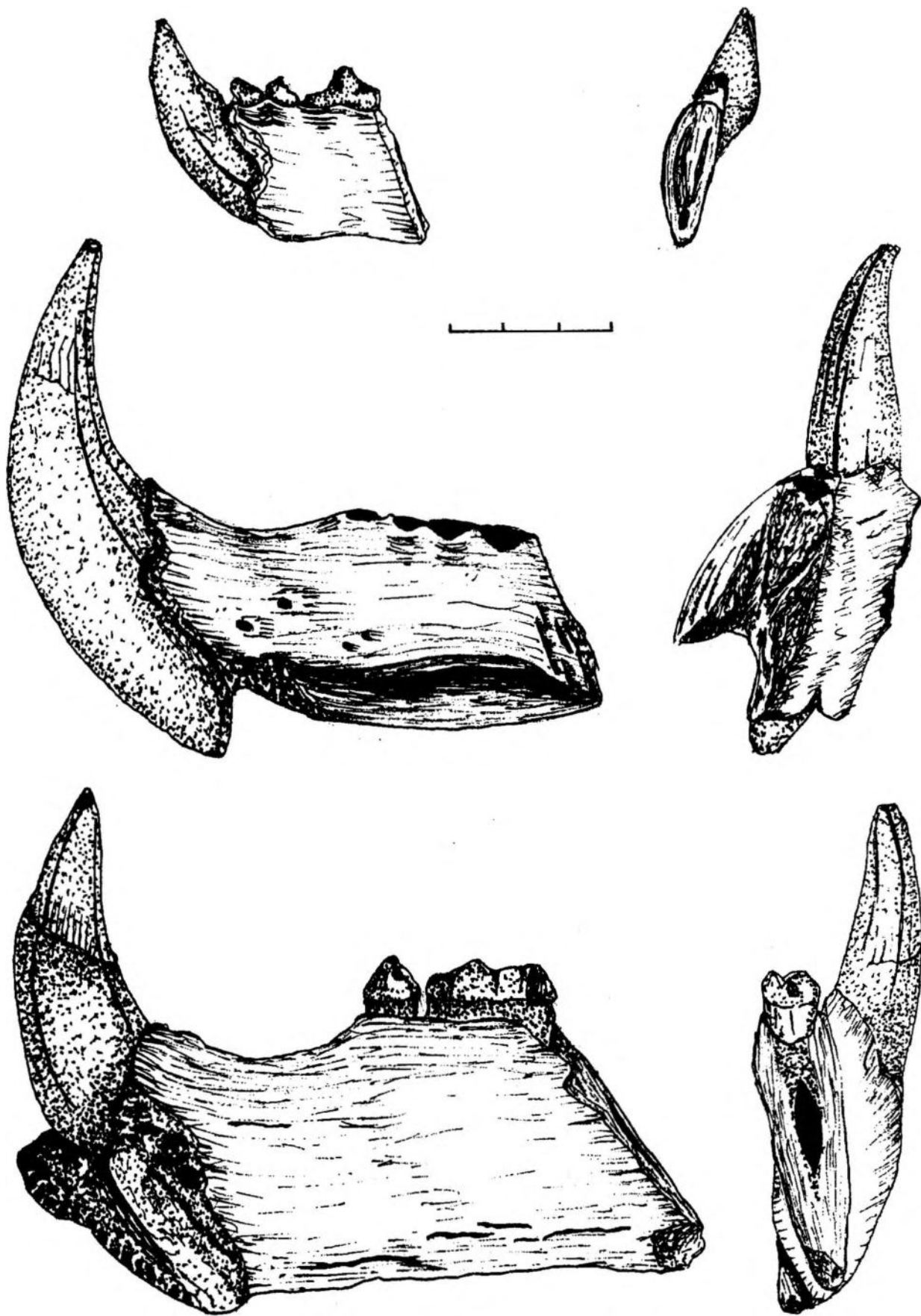

Рис. 2. Челюсти медведя с Гляденовского костища

В культе медведя тесно переплетаются черты тотемистического и промыслового культов. На тотемизм указывают многочисленные финно-угорские мифы о происхождении человека от медведя (легенда о Кудым-оше, о начале фратрии Пор); аналогичные по сюжету сказки сохранились в Пермской губернии до начала XX века – это сказки «Ивашка – медвежье ушко», «Кожа медвежья – лицо человежье», «Медведюк» [10, с. 67]. В Пермском Приуралье топонимика изобилует медвежьими названиями, это Очёр – медвежья река, Ош-важ – медвежий приток, Ошиб – медвежье поле. Об устойчивости культа можно судить по этнографическим материалам.

Культе медведя отчасти объясняется ритуалом медвежьего праздника [11, с. 85]. Вероятно, в древности в лесной полосе Северной Евразии мог существовать этот ритуал. В настоящее время он сохранился в Зауралье; его широкое распространение ещё раз доказывает его древность [12, с. 214]. Л. Я. Штернберг указывал, что в основе ритуала лежат два момента: опасение, что животное потеряет свою силу к старости, и желание приобщиться к его силе [13, с. 393]. Однако некоторые черты обрядов, связанные с медведем, свойственны только промысловому культу. Смысл промысловых обрядов – обеспечение рода природными ресурсами, сохранение его материального благополучия. Выступая в этой форме, промысловый культ имеет много общего с тотемизмом. С. А. Токарев относит тотемизм к древнейшим формам религии, а промысловый культ – к периоду разложения общинно-родового строя [14, с. 234].

В Прикамье в раннем железном веке культ медведя отесняется культурами домашних животных в связи с переходом к производящим формам хозяйства. В настоящее время медвежий культ продолжает существовать у народов с охотничьим типом хозяйства. Это доказывает, что экономический фактор играет не последнюю роль в формировании культов животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепанов К. И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск, 1981.
2. Корепанов К. И. Языческое культовое место поклонения ананьинской эпохи Елабужского городища // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь, 1996.
3. Харузин Н. Н. Русские лопари. СПб., 1890.
4. Новокрестьянских Н. Н. Гляденовское костыще // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 11. Пермь, 1914.
5. Шмидт А. В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК. Вып. 1-2. Т. 13. Л., 1932.
6. Летишин А. Н., Мельничук А. Ф. Каталог коллекций из собрания Пермского музея. Вып. 3. Гляденовское костыще. Пермь, 1997.
7. Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
8. Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. № 21. 1954.
9. Генинг В. Ф., Оборин В. А. К вопросу о гляденовской культуре // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1960. (Ученые записки Пермского государственного университета. Т. 12. Вып. 1.).
10. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пермь, 1991.
11. Васильев Б. А. Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4.
12. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - н. XX в. М., 1968.
13. Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936.
14. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1994.

*Пермский областной краеведческий музей,
Пермь*

V. V. Pjinykh

THE BEAR WORSHIP IN PERM REGION AT THE URALS IN THE EARLY IRON AGE (on the Materials of Ananjino and Glyadenovo Cultures)

Summary

The bear worship was of great importance in culture and religion of ancient inhabitants of the Urals. There are lots of artifacts with bear image in Ananjino (the 8th – 3rd centuries BC) and Glyadenovo (the 3rd century BC – the 4th century AD) cultures. Bear pads, bones and skulls found in the sacrifice places are an obvious evidence of the bear worship. In the Early Iron Age the bear worship was ousted by the domestic animals cult as the result of cattle breeding development.

*Perm Regional Museum,
9a, Thilisskaya St., Perm,
614000, Russia*

И.В. Исланова
О ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ
ДЪЯКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ¹

Примерно с VIII-VII вв. до н.э. на обширной территории распространения памятников с сетчатой керамикой исследователи выделяют отдельный регион, занятый т.н. дьяковской культурой, просуществовавшей по крайней мере до VI-VII вв. н.э. Термин «дьяковская культура» с 20-х гг. XX в. употреблял В.А. Городцов [1, с. 117-118; 2, с. 6]. Обоснованию существования собственно дьяковской археологической культуры посвящены разделы работ К.А. Смирнова и И.Г. Розенфельдт [3, с. 76-79, 96; 4, с. 189-197]. Ими же проанализированы два основных этапа её развития (разница лишь в датировке), что фактически совпадает с отмеченным П.Н. Третьяковым значительным изменением «облика культур» в определённый период существования древностей (табл. 1), предложившим выделять позднедьяковские памятники и позднедьяковскую культуру [5, с. 146, 236]. Н.А. Кренке использует термины «раннедьяковский и позднедьяковский этапы», «позднедьяковская культура» [6], но в дальнейшем подвергает сомнению правомерность выделения собственно дьяковской археологической культуры и предлагает вернуться к термину А.А. Спицына «городища дьякова типа» [7, с. 98-101].

Большинство исследователей опираются на карту дьяковской культуры К.А. Смирнова, где регион очерчен главным образом на основании находок сетчатой керамики и грузиков дьякова типа (рис. 1) [3, табл. X]. Новые исследования в Молого-Шекснинском междуречье [8] позволяют немного расширить ареал культуры на северо-запад. При этом надо исключить из её территории верхнее течение Западной Двины (по Б.С. Короткевичу, верхнедвинский вариант днепро-двинской культуры) [9, с. 69-71, рис. 1] и участок в восточной части ареала, где не встречены дьяковские грузики, что сделано на карте И.Г. Розенфельдт [4, с. 193, 194, рис. 48]. Однако очерченный ею дьяковский регион значительно меньше по размерам и, прежде всего, за счёт невключения в него памятников верховьев Волги и Верхнего Помостья. И.Г. Розенфельдт пишет, что об этих городищах «трудно судить ввиду ограниченности материала» [4, с. 191], хотя и А.А. Спицын и П.Н. Третьяков рассматривали их как дьяковские [10, с. 83-93; 5, с. 146].

На заре изучения древностей железного века лесной зоны Восточной Европы А.А. Спицыным предварительно было выделено три, фактически территориальных, группы городищ «Дьякова типа» [10, с. 91-93]. Городища смоленской и тверской групп (наиболее укрепленные и «наиболее поздние»), по А.А. Спицыну, расположены в Верхнем Поднепровье, Верхнем Поволжье, Верхнем Помостье, а также, возможно, на р. Ловати и в верховьях Западной Двины. К этой же группе отнесено два городища на Оке. Наименование второй группы – верхнеокской – соответствует её местоположению. Сюда отнесены памятники, где отсутствовали «пряслица с рубчатым краем» и керамика с «сетчатым орнаментом». Третья – владими́ро-московская – группа городищ расположена «между Угрой, Окой и костромским течением Волги». В процессе дальнейшего изучения смоленские и верхнеокские, а также расположенные в верховьях Двины и на Ловати памятники были отнесены исследователями к иным культурным образованиям.

П.Н. Третьяков «на основной территории дьяковской культуры, в области Верхнего Поволжья» наметил две локальные группы памятников, различающиеся по характеру материальной культуры: восточную и западную [11, с. 36, 37, 41]. К восточной отнесены городища Костромской, Ивановской, Горьковской, Владимирской и частично Ярославской областей. К западной – городища Московской, Калининской (ныне Тверской), западной части Ярославской и северо-восточной части Смоленской областей. П.Н. Третьяков предлагал именовать эти древности соответственно «восточнодьяковской» и «западнодьяковской» культурами.

На общих картах территория т.н. дьяковской культуры представлена, как правило, единым массивом [12, рис. 23]. В зависимости от задач исследования авторы наносили на карты конкретные памятники. Наиболее полная из опубликованных карт древностей I-й пол. I тыс. н.э. приведена Е.И. Горюновой при анализе памятников владими́ро-московской (по А.А. Спицыну) группы городищ [13, рис. 101]. Поэтому в неё не включена территория с поселениями, лежащими к западу от Волги и выше от впадения в неё р. Шоши (рис. 2). Серия карт, иллюстрирующих разные хронологические периоды дьяковской культуры, содержит лишь памятники, на которых проводились стационарные археологические работы (рис. 3-5). Поселения к западу и северо-западу от Волги и выше г. Старицы на них или не отмечены [4, рис. 44-47] или единичны [5, рис. 31;

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00091а.

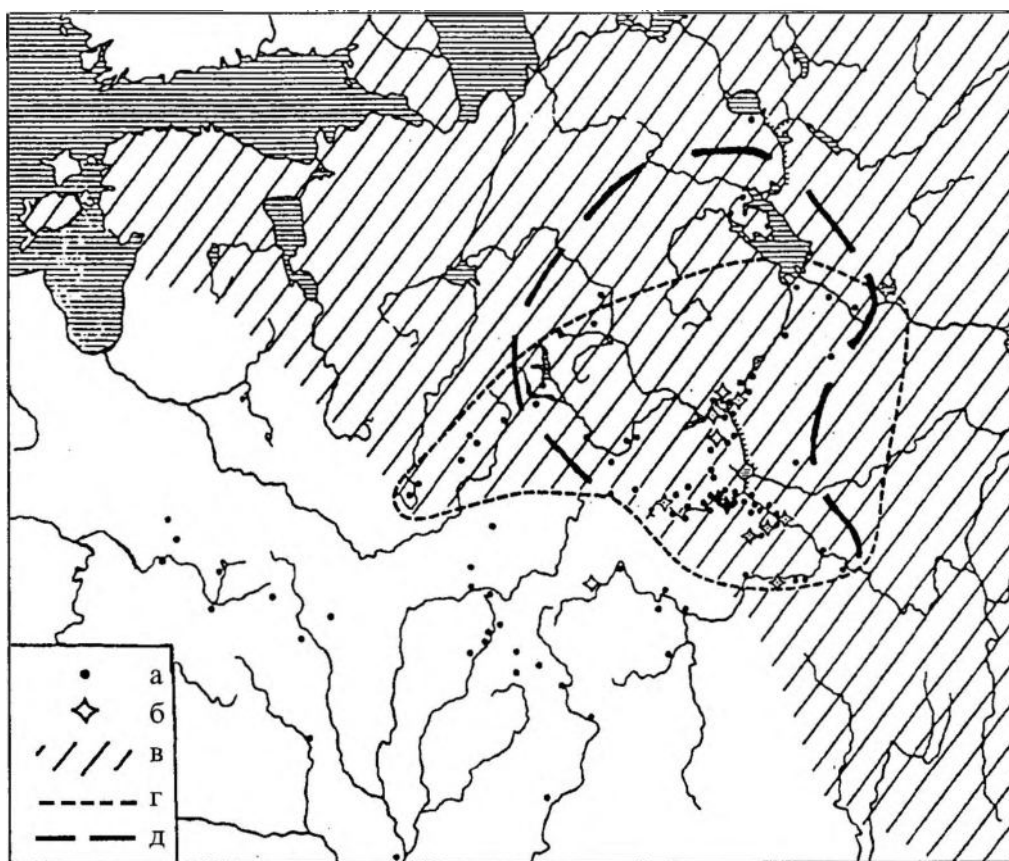

Рис. 1. Территория дяковской культуры (по К.А. Смирнову, с дополнениями):
 а – места нахождения грузиков дякова типа; б – места нахождения дяковских украшений;
 в – территория распространения посуды с сетчатой поверхностью; г – граница дяковской культуры
 по К.А. Смирнову; д – примерная граница дяковских древностей с дополнениями и изменениями

14, рис. 1-5]. Этот пробел заполняют карты памятников бассейнов рек Суды и Мологи [8, рис. 1] и памятников раннего железного века Тверской области [15, рис. 1].

В очерченном к началу 70-х гг. XX в. ареале т.н. дяковской культуры исследователи неоднократно пробовали выделить локальные группы. И.Г. Розенфельдт предполагала, что «в дальнейшем верхневолжские городища можно будет обособить» [4, с. 197]. Фактически по территориальному признаку В.И. Вишняевским, изучавшим памятники Верхнего Поволжья, выделены отдельные локальные варианты: Московско-Окский, Тверской, Ярославский, Моложский, Белозерско-Судский [16, с. 40]. Прослеженное им своеобразие в орнаментации раннедяковской керамики позволяет аргументированно говорить лишь о намечающихся культурных различиях верхневолжских и московецких памятников [17, с. 11, 21]. Известные поселения раннего железного века Тверской области А.Д. Максимовым подразделены первоначально на 5 «локальных групп» памятников (рис. 6) [15, с. 108-114], а затем количество групп уменьшено до 3 «микрорегионов», несколько отличающихся друг от друга характером домостроительства и по вещевым комплексам. Два микрорегиона: Юго-Восточный и Северный – отнесены к локальным вариантам дяковской культуры (до III в. н.э.). После III в. н.э. Северный микрорегион, по мнению исследователя, представляет собой отдельную археологическую культуру (конкретных обоснований в тексте не приводится), Юго-Восточный постепенно преобразуется «на самом юго-востоке области в раннемерянскую культуру», а южный участок этого микрорегиона «входит в ареал ... мощинской культуры» [18, с. 355-362].

В настоящее время представляется правомерным рассматривать как локальную группу т.н. дяковской культуры (или как особый тип памятников) только древности, расположенные в Молого-Шекснинском междуречье, где достоверно известны разнообразные погребальные объекты: грунтовые могильники, курганы с сожжением, наземные деревянные погребальные сооружения [8, с. 7-24], существенно отличающиеся от т.н. «домиков мёртвых» основного дяковского ареала.

Благодаря целенаправленным археологическим обследованиям участков ареала т.н. дяковской культуры (за исключением Новгородской области) в настоящее время стало возможным суммировать имеющиеся сведения и составить общую карту распространения памятников с учётом их предполагаемой хронологии (рис. 7). В основном по концентрации памятников выделяются 5 территориальных групп: Московецкая, Верхневолжская, Валдайская, Молого-Шекснинская и т.н. Водораздельная. Московецкая группа занимает течение Москвы-реки с притоками, участок по течению Оки вблизи впадения Москвы-реки и участки левых

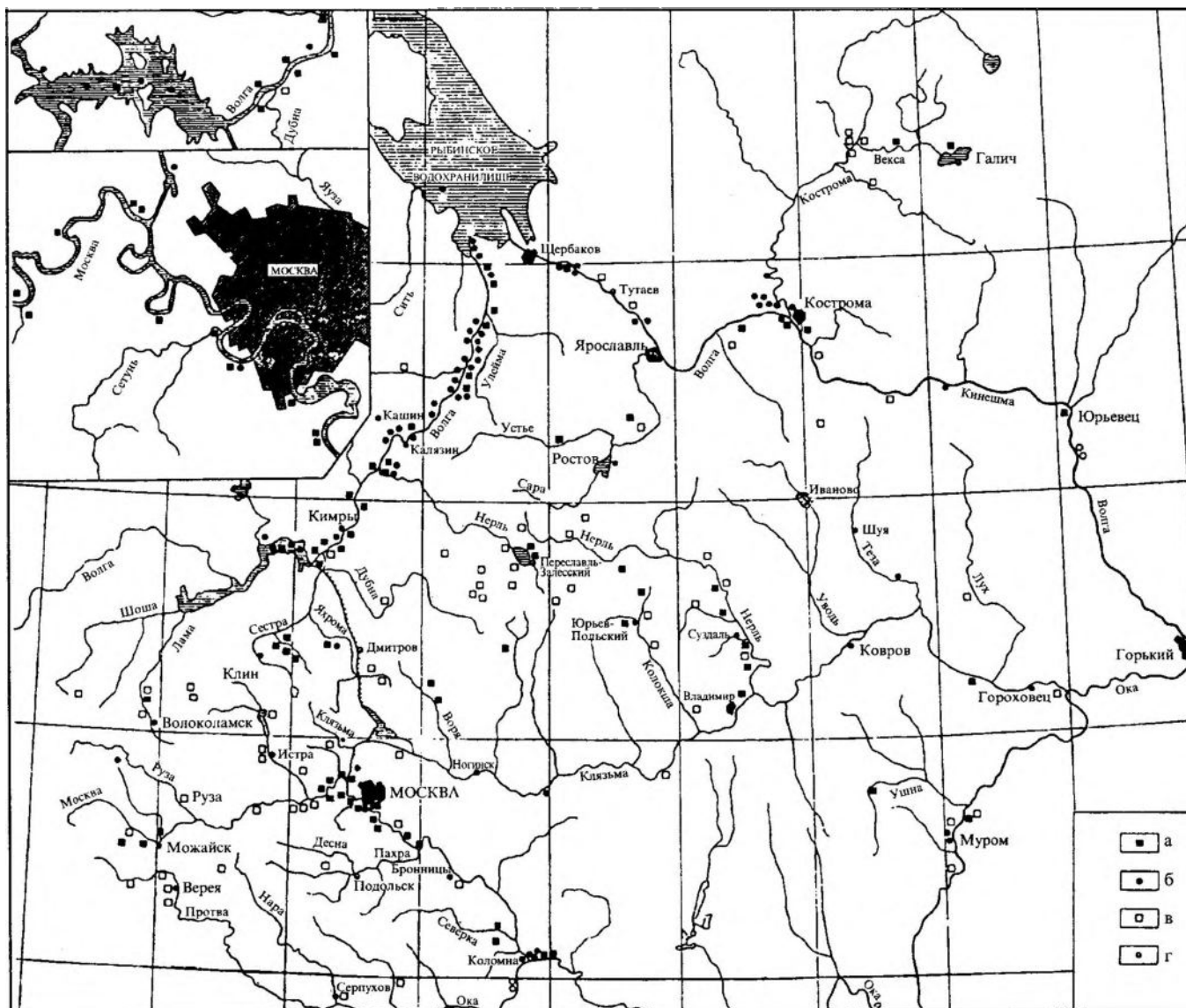

Рис. 2. Памятники Волго-Окского междуречья I - V вв. н.э. (по Е.И. Горюновой):
 а – городища; б – селища; в – памятники неисследованные;
 г – современные населённые пункты

притоков Оки. **Верхневолжская группа** охватывает течение р. Волги от участка при впадении в неё р. Тудовки до впадения р. Мологи. **Валдайская группа** включает территорию Верхневолжских озёр, течение р. Селижаровки, бассейны Верхней Мсты, Верхней и частично Средней Мологи. **Молого-Шекснинская группа** занимает бассейн Средней (ниже впадения р. Сарагожи) и частично Нижней Мологи, бассейн Суды. **Водораздельная группа** расположена на участке между Москворецкой и Верхневолжской группами и включает верховья правых притоков р. Волги от р. Шоши до бассейна Верхней Которосли.

Территории выделенных групп, за исключением Москворецкой, вытянуты с юго-запада на северо-восток и имеют протяжённость примерно в 320, 300, 200 и 250 км соответственно. Кратчайшие расстояния между ближайшими скоплениями памятников – 30 и более км. В двух случаях группы непосредственно связаны с крупными реками: Волгой и Москвой. Не прослеживается какой-либо чёткой зависимости в расположении массивов памятников от характерных особенностей рельефа – крупных возвышенностей и гряд. Исключением является Водораздельная группа, тяготеющая к северо-западным склонам Клиньско-Дмитровской гряды. Внутри групп фиксируется и более дробное деление. Например, Валдайская группа состоит из трёх обособленных участков: Верхневолжские озёра, включая Селигер; Верхнее Помостье и территория Мстинско-Моложского водораздела; бассейн Верхней Мологи.

При сопоставлении территорий выделенных скоплений памятников с территориями археологических культур соседних регионов (рис. 8) получается, что территория, занимаемая любой из рассмотренных групп памятников, вполне сопоставима с ареалом, например, такой культуры, как мошинская (по Г.А. Массалиной [19, табл. 1]).

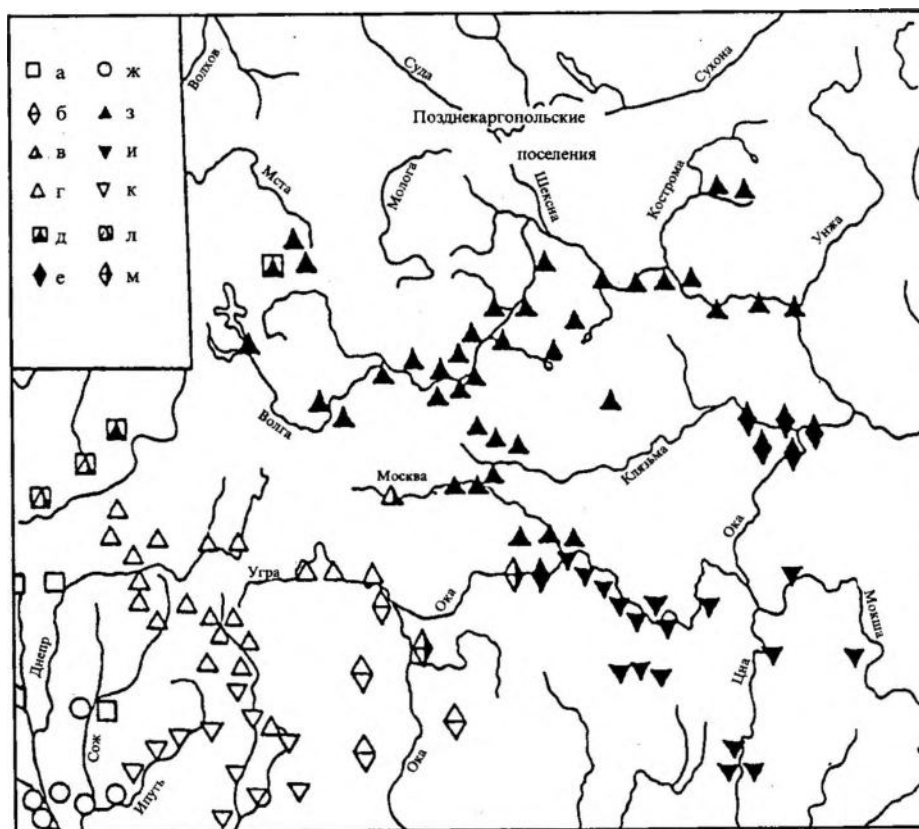

Рис. 3. Городища дьяковской культуры и памятники раннего железного века смежных территорий (по П.Н. Третьякову):

- а – городища со штрихованной керамикой; б – городища со смоленским и южновским слоями;
- в – городища со смешанным верхнеокско - дьяковским материалом; г – смоленские (верхнеднепровские) городища; д – городища со штрихованной и дьяковской (текстильной) керамикой;
- е – дьяковско - городецкие городища; ж – милоградские городища; з – дьяковские городища;
- и – городецкие городища; к – южновские городища; л – городища со штрихованной, текстильной и «смоленской» керамикой; м – городища дьяковско - городецкого характера с верхнеокскими элементами

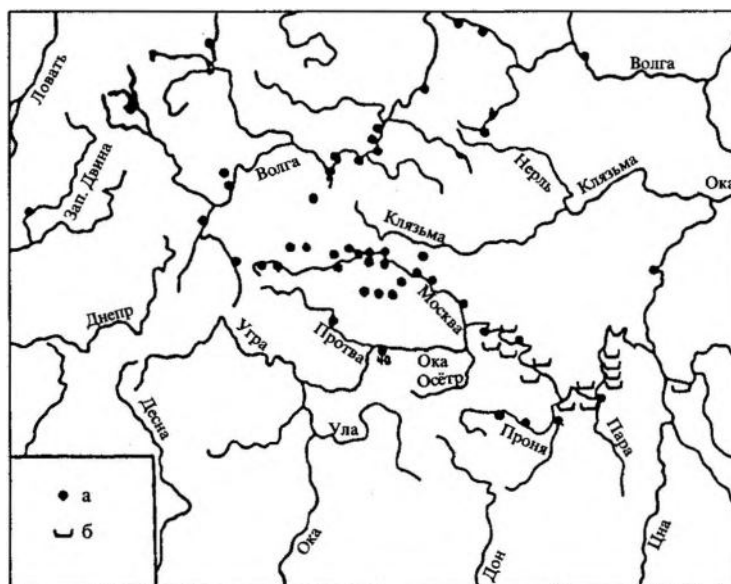

Рис. 4. Памятники дьяковской и городецкой культур позднего этапа (по К.А. Смирнову):
а – городища; б – грунтовые могильники

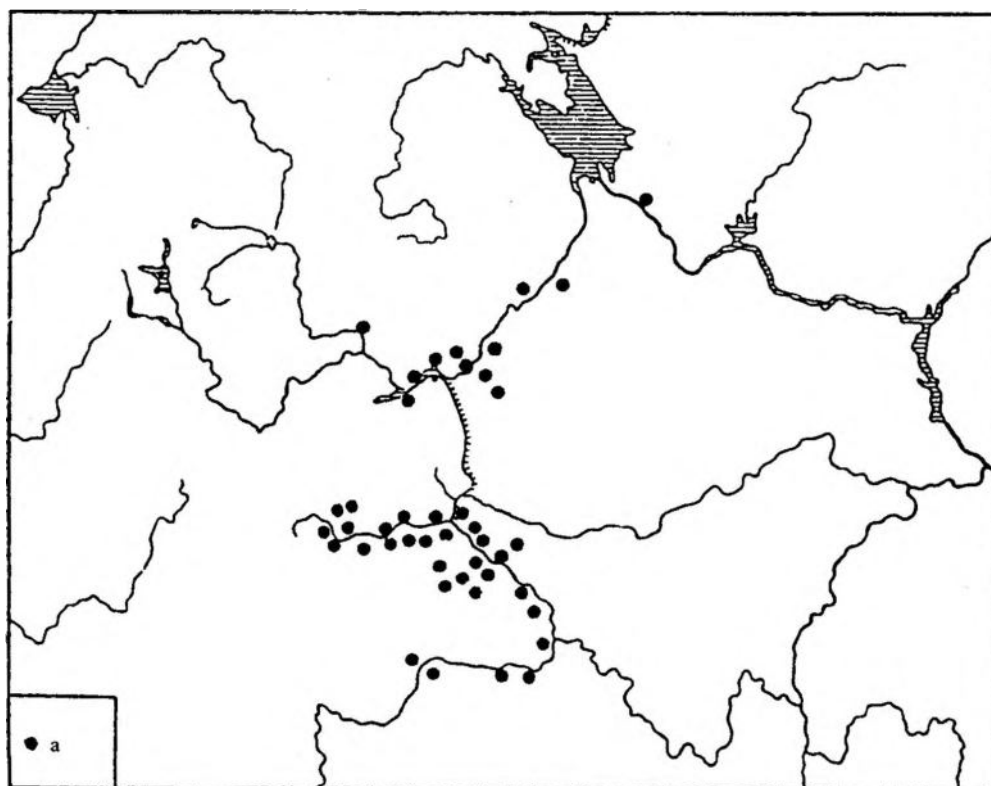

Рис. 5. Памятники дьяковской культуры третьего этапа (по И.Г. Розенфельдт):
а – дьяковские памятники

Слабая изученность основной массы поселений Валдая и Верхнего Поволжья позволяет лишь в самых общих чертах наметить периодизацию памятников (табл. 1). Все поселения можно отнести к двум этапам (основной маркер – наличие или отсутствие находок сетчатой керамики): раннедьяковскому и позднедьяковскому. Значительная серия памятников функционировала и на том, и на другом этапах; иногда материала недостаточно для отнесения памятника к какому-либо этапу. Вопрос о хронологии большинства памятников дьякова типа остаётся открытым до их стационарного изучения. На примере исследования московецких поселений выясняется, что сетчатая керамика в центральной части Московецкой группы выходит из массового употребления на несколько столетий раньше, чем на периферийных участках. Хронологическая граница между раннедьяковским и позднедьяковским этапами, по Н.А. Кренке, приходится на рубеж III и II вв. до н.э. [6, с. 9], тогда же, предположительно, происходит и приток нового населения [6, с. 21]. На окраинных поселениях, лежащих в нижнем течении Москвы-реки, сетчатая керамика бытует (правда, при изменении формы сосудов), по крайней мере, ещё в первые века н.э. [6, с. 14; 20, с. 17]. В дальнейшем здесь не происходит трансформации культуры в позднедьяковскую [20, с. 19-20]. До первых веков н.э. продолжает изготавливаться сетчатая посуда на другом окраинном участке дьяковского ареала – в Молого-Шекснинском междуречье [8, с. 9-11]. По всей видимости, массовое исчезновение сетчатой посуды (а вместе с этим – завершение раннедьяковского этапа) вряд ли хронологически разнится с процессами, протекавшими в центральной части Московечья, т.е. приходится примерно на рубеж зр. Отсутствует какой-либо фактический материал для установления дат культурно-хронологического рубежа на памятниках Валдайской группы.

Представленные сводная карта памятников дьякова типа и карта их скоплений-групп, не претендуя на полную завершённость, позволяют в самых общих чертах охарактеризовать систему размещения поселений. В основе дифференциации памятников, похоже, лежат культурные различия. Так на настоящем этапе изучения поселений Московецкой и Верхневолжской групп фиксируются определённые различия в массовом керамическом материале: на раннедьяковском этапе – в орнаментации керамики, на позднедьяковском – в степени присутствия лощёной керамики в наборах посуды. Как уже упоминалось, Молого-Шекснинская группа выделяется наличием разнообразных погребальных памятников. Размеры территориальных групп могли изменяться на протяжении разных этапов. На позднедьяковском этапе в Московецкую группу уже не входят участки в нижнем течении Москвы-реки, в Водораздельную группу – участки, прилегающие к озёрам Неро и Плещеево. В сер. I тыс. н.э. Валдайская и Молого-Шекснинская группы, по-видимому, резко сокращаются в размерах из-за изменения культурной ситуации на Верхневолжских озёрах, в Верхнем Помостье, в верховьях рек Кабожи и Чагодоши, связанной с возникновением здесь т.н. культуры псковских длинных курганов [21, с. 212, 213, рис. 60].

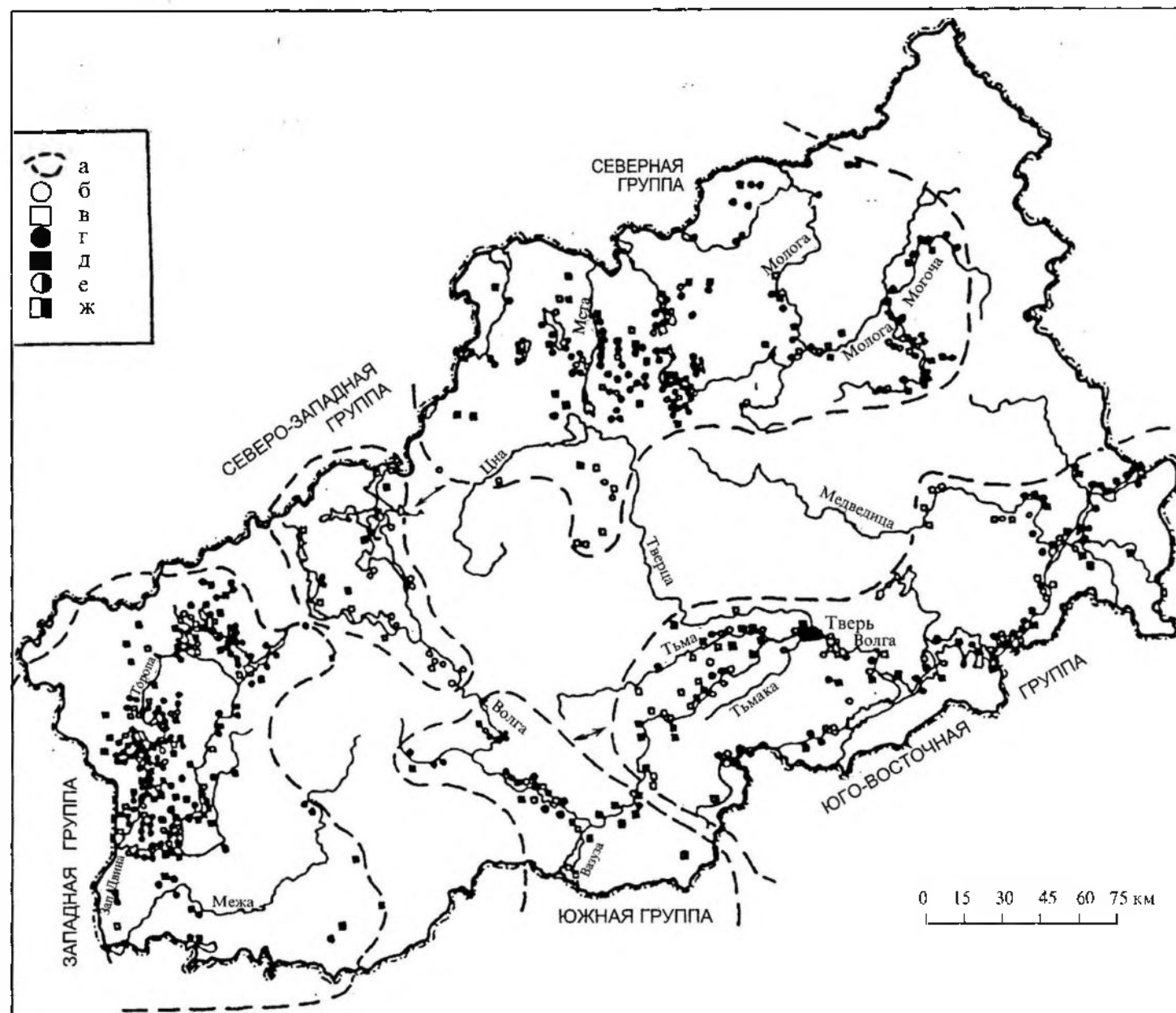

Рис. 6. Памятники раннего железного века Тверской области (по А.Д. Максимова):
 а – границы территориальных групп памятников; б – селище VIII-VII вв. до н.э. – II-III вв. н.э.; в – городище VIII-VII вв. до н.э. – II-III вв. н.э.;
 г – селище III-VII вв. н.э.; д – городище III-VII вв. н.э.; е – селище VIII-VII вв. до н.э. – VI-VII вв. н.э.;
 ж – городище VIII-VII вв. до н.э. – VI-VII вв. н.э.

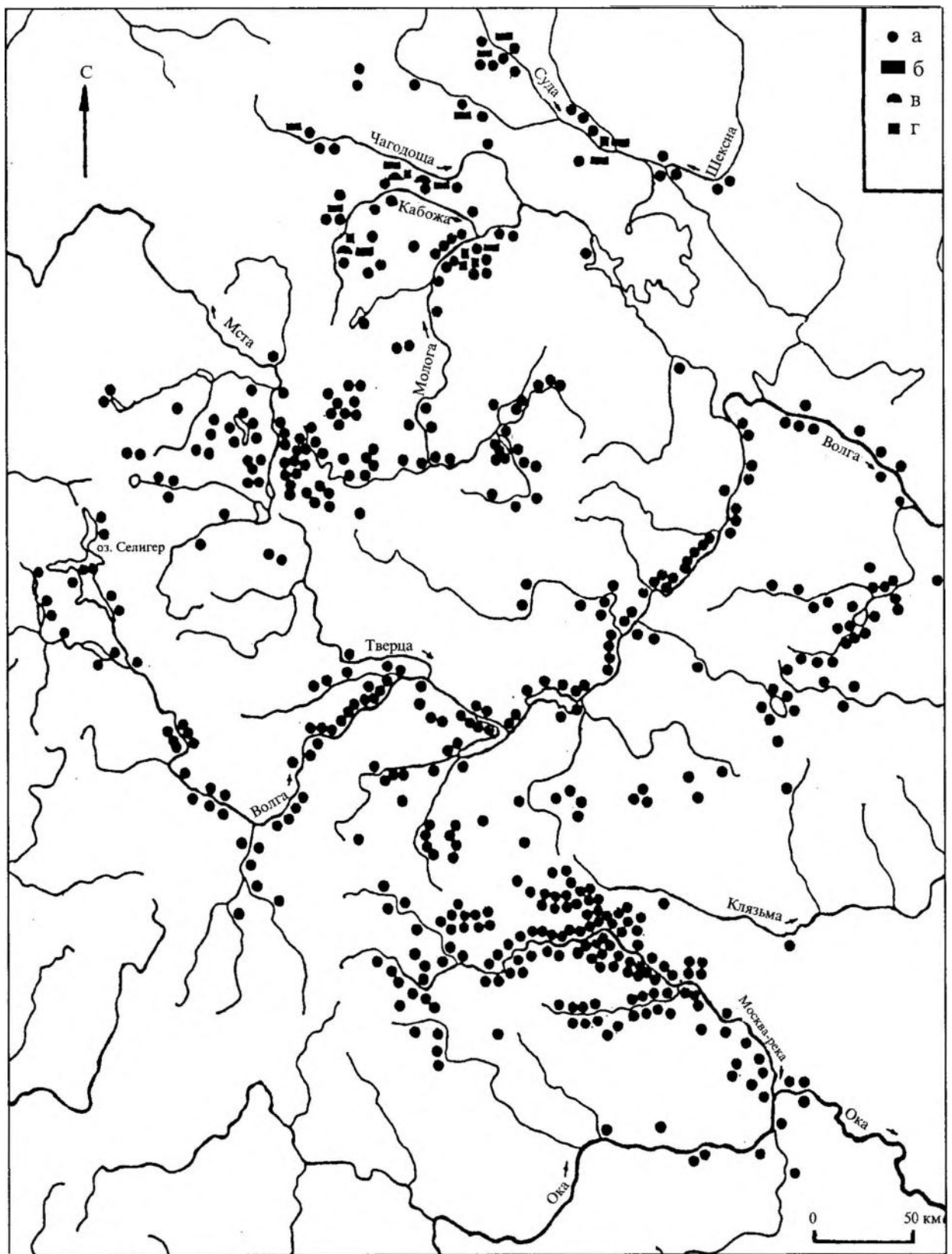

Рис. 7. Сводная карта дьяковских памятников (по материалам А.Н. Башенькина, В.И. Вишневого, Е.И. Горюновой, И.В. Ислановой, Н.А. Кренке, А.Д. Максимова, А.С. Сыроватко):
 а – поселения (городища или селища); б – грунтовые могильники; в – курганы;
 г – наземные деревянные погребальные сооружения

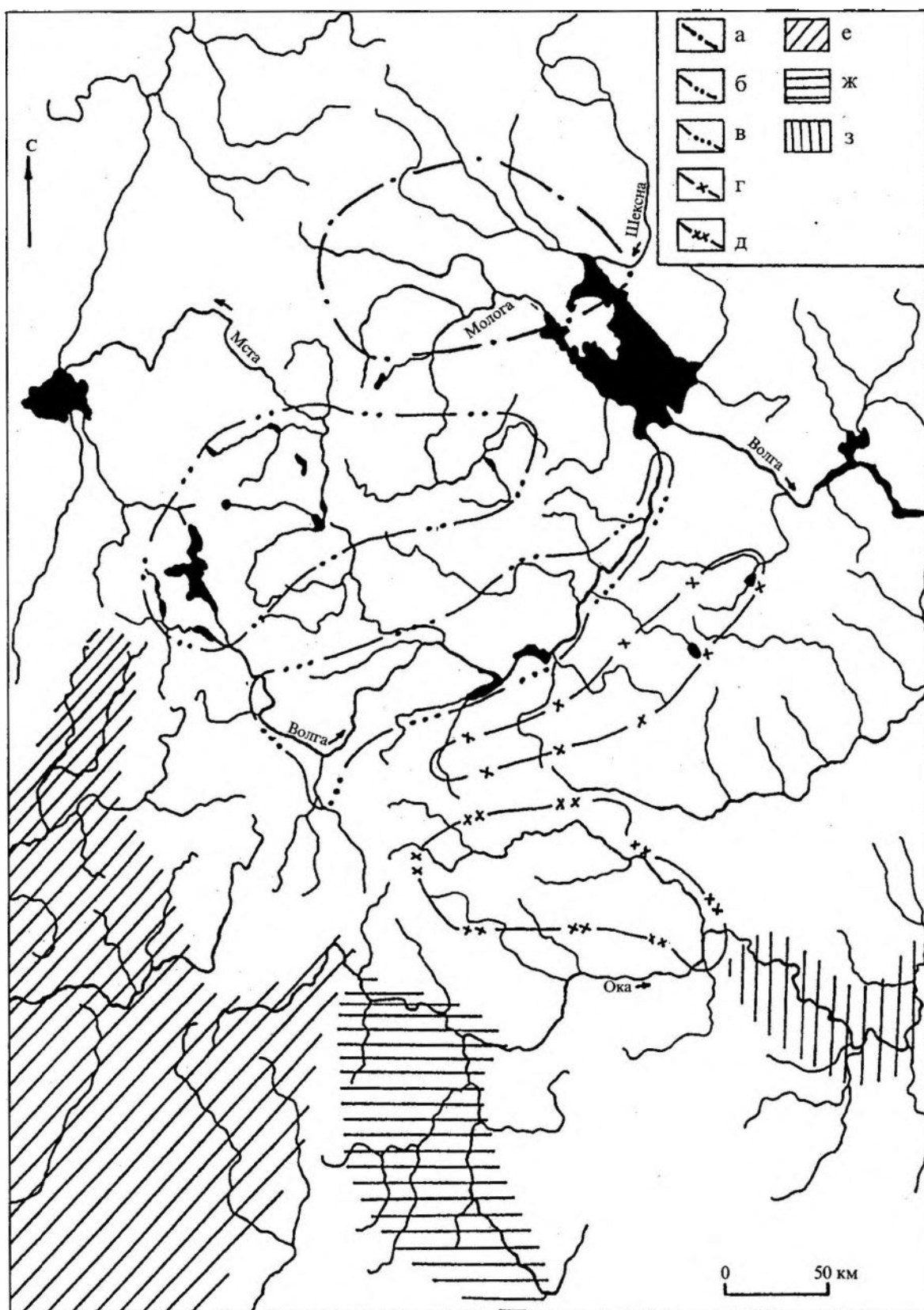

Рис. 8. Ареалы групп ранне - и позднедьяковских памятников и соседних археологических культур 1-й пол. I тыс. н.э.: а - Молого-Шекснинская группа; б - Валдайская группа; в - Верхневолжская группа; г - Водораздельная группа; д - Москворецкая группа; е - памятники типа среднего слоя Тушемли; ж - мощинская культура; з - рязано-окские могильники

Таблица 1. Хронологические шкалы дьяковских древностей разных исследователей

I тыс. н.э.	X	Четвёртая стадия	Поздняя дьяковская культура	Поздний этап	Поздний этап	Третий этап	Поздняя дьяковская культура	Без названия	5 период	Поздняя дьяковская культура	3 период	X	I тыс. н.э.										
	IX											Заключительный этап		Четвёртый этап	IX								
	VIII															VIII							
	VII																VII						
	VI																	VI					
	V																		V				
	IV																			IV			
	III																				III		
	II																					II	
	I																						I
I тыс. до н.э.	I	Вторая стадия	Третий период	Средний этап	Средний этап	Второй этап	Ранние этапы	3 период	Поздняя дьяковская культура	2 период	I		I тыс. до н.э.										
	II										II												
	III											III											
	IV													IV									
	V														V								
	VI															VI							
	VII																VII						
	VIII																	VIII					
века	века																						
		П.Н. Третьяков [14, с. 85-86]	Х.И. Крис [14, с. 86]	К.А. Смирнов 1974 г. [3, с. 78-79]	К.А. Смирнов 1994 г. [14, с. 88-95]	И.Г. Розенфельд 1974 г., 1982 г. [4, с. 189-191; 22, с. 173-176]	Ю.А. Краснов [23, с. 29-31]	Н.А. Кренке [6]	В.И. Вишневский [17]														
										Первая стадия	Второй период	Древний этап	Древний этап						Первый этап	1 период	Ранняя дьяковская культура	1 период	
														Первый период									Переходный этап

Не исключено, что причиной выявленных и выявляемых в будущем различий в материальной культуре отдельных групп населения могли являться не только внутренние культурные процессы, происходившие на обособленных друг от друга территориях, но и разнообразные культурные влияния, импульсы (вплоть до притока нового населения) в зависимости от их силы, направления и исходной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В.А.* Болотное огубское городище // Труды ГИМ. Вып. 1. М., 1926.
2. *Городцов В.А.* Старшее каширское городище // Известия ГАИМК. Вып. 85. М.; Л., 1933.
3. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
4. *Розенфельд И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
5. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
6. *Кренке Н.А.* Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
7. *Кренке Н.А.* Дьяковская культура. К характеристике одной научной абстракции // Макариевские чтения. Материалы III научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Вып. III. Ч. I. Можайск, 1995.
8. *Баишевский А.Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995.
9. *Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н.* Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. № 2. (Без указания года и места издания).
10. *Спицын А.А.* Новые сведения о городищах Дьякова типа // Записки Русского археологического общества. Т. VII. Вып. 1. СПб., 1905.
11. *Третьяков П.Н.* Бологовское городище // КСИА. Вып. 87. 1962.
12. *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999.
13. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. 1961.
14. *Смирнов К.А.* Проблемы периодизации памятников городищной и дьяковской культур // РА. 1994. № 4.
15. *Максимов А.Д.* Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
16. *Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII-VII вв. до н.э. – VII-VIII вв. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2486
17. *Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII-VII вв. до н.э. – VII-VIII вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
18. *Максимов А.Д.* О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
19. *Масалитина Г.А.* Мошинская культура: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2567.
20. *Сыроватко А.С.* Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
21. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
22. *Розенфельд И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
23. Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М., 1994.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I.V. Islanova

ON THE LOCAL GROUPS OF DYAKOVO MONUMENTS*

Summary

The author states that every scholar who studies the monuments of Dyakovo type (Dyakovo culture) suggests his own chronology of its artifacts. But all the scholars admit the existence of 2 large cultural and chronological stages (the absolute chronology of the stages is different); the stages are determined on the basis of either the presence (early Dyakovo type) or the absence (late Dyakovo type) of the textile pottery in the lays of the monuments. The published maps of Dyakovo monuments either contain excavated objects or show a separated part of the Dyakovo culture territory. The integrated map presented in the article gives an opportunity to make a preliminary determination of 5 local groups (accumulations) of the monuments. The settlements of these groups have either chronological or cultural (based on the pottery) varieties. The Mologa - the Sheksna Rivers group where the burials are known might be a special (non-Dyakovo) type of a monument.

* The research is done under support of Russian Humanitarian Scientific Foundation, grant № 00-01-00091a.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.С. Сыроватко, Е.А. Спиридонова

ПРИМЕНЕНИЕ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ СТРАТИФИКАЦИИ ПРОТОПОПОВСКОГО ГОРОДИЩА

Вопросы хронологии при исследовании памятников дьяковской культуры весьма актуальны. Одним из методов, способствующих разрешению этих вопросов, является спорово-пыльцевой (палинологический) анализ, позволяющий выделить хронологические горизонты в культурном слое. Применение этого метода при раскопках Протопоповского городища неожиданно дало ещё один результат – возможность существенно дополнить знания об укреплениях на памятнике. Публикации итогов этих исследований и посвящена данная работа¹.

Протопоповское городище расположено в черте современной Коломны, на левом берегу р. Оки, в 6,7 км выше устья р. Москвы. В настоящее время городище занято кладбищем, которое сделало площадку совершенно непригодной для исследований, – культурный слой городища переработан могильными перекопами на всю глубину [1].

Этот памятник был открыт М.В. Талицким в 1936 г., им же были проведены небольшие раскопки [2, с. 62]. Позднее городище осматривалось Р.Л. Розенфельдом [3]. Определённую известность результаты раскопок М.В. Талицкого получили почти сразу после их завершения [4, с. 62], а публикация материалов сделала памятник эталонным для всего юго-восточного Подмосковья на долгие годы [5]. Во время раскопок М.В. Талицким был получен выразительный керамический материал, который ему удалось разделить на несколько последовательно сменявшихся комплексов с созданием хронологической колонки. Для разработки хронологии керамики дьяковской культуры материалы по Протопоповскому городищу имели огромное значение, однако сами по себе они нуждались в некотором уточнении и, особенно, в хронологической увязке с результатами применения современных естественно-научных методов исследований.

До недавнего времени памятники железного века палинологическим методом были изучены слабо. Это явилось следствием господствовавших представлений о том, что природная обстановка в эпоху раннего железа мало изменялась или оставалась неизменной на протяжении всего периода. Однако детальные палинологические исследования на Дьяковом городище показали, что этот метод может не только широко использоваться для реконструкции природной среды прошлого, но и способствовать уточнению хозяйственного уклада древнего населения [6].

Повторное исследование Протопоповского городища было предпринято А.С. Сыроватко в 1996 г. Шурфовка городища выявила полную непригодность площадки для исследований, и только на склонах городища был обнаружен хорошо стратифицированный слой, являвшийся остатками вала (рис. 1). Несмотря на то, что из-за крутизны склонов и близости захоронений шурфовка оставалась единственным способом ведения раскопок, в результате работ из насыпи были получены серия последовательно отобранных на палинологический анализ образцов, образец для радиоуглеродного датирования одной из прослоек и небольшой по объёму, но чрезвычайно интересный керамический материал. Проведённые исследования позволили получить новые сведения относительно трёх сторон материальной культуры обитателей городища. Во-первых, палинологические анализы дали возможность судить о ландшафтах, окружавших городище, и позволили в значительной степени определить условия хозяйствования и его специфику на разных этапах существования дьяковского поселения. Во-вторых, результаты палинологических исследований позволили реконструировать последовательность, время и характер использования различного материала при формировании насыпи вала, т.е. палинологический метод был использован в стратиграфических целях. И в третьих, полученный из насыпи вала керамический материал был датирован, увязан с одним из строительных этапов, что позволило наметить подход к выработке хронологии сетчатых отпечатков на керамике юго-восточной части ареала дьяковской культуры.

Все приводимые в настоящей работе материалы получены из шурфа 5, заложенного на обрывистом северо-восточном склоне городища. Стратиграфия шурфа следующая (рис. 2).

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 01-01-00183а.

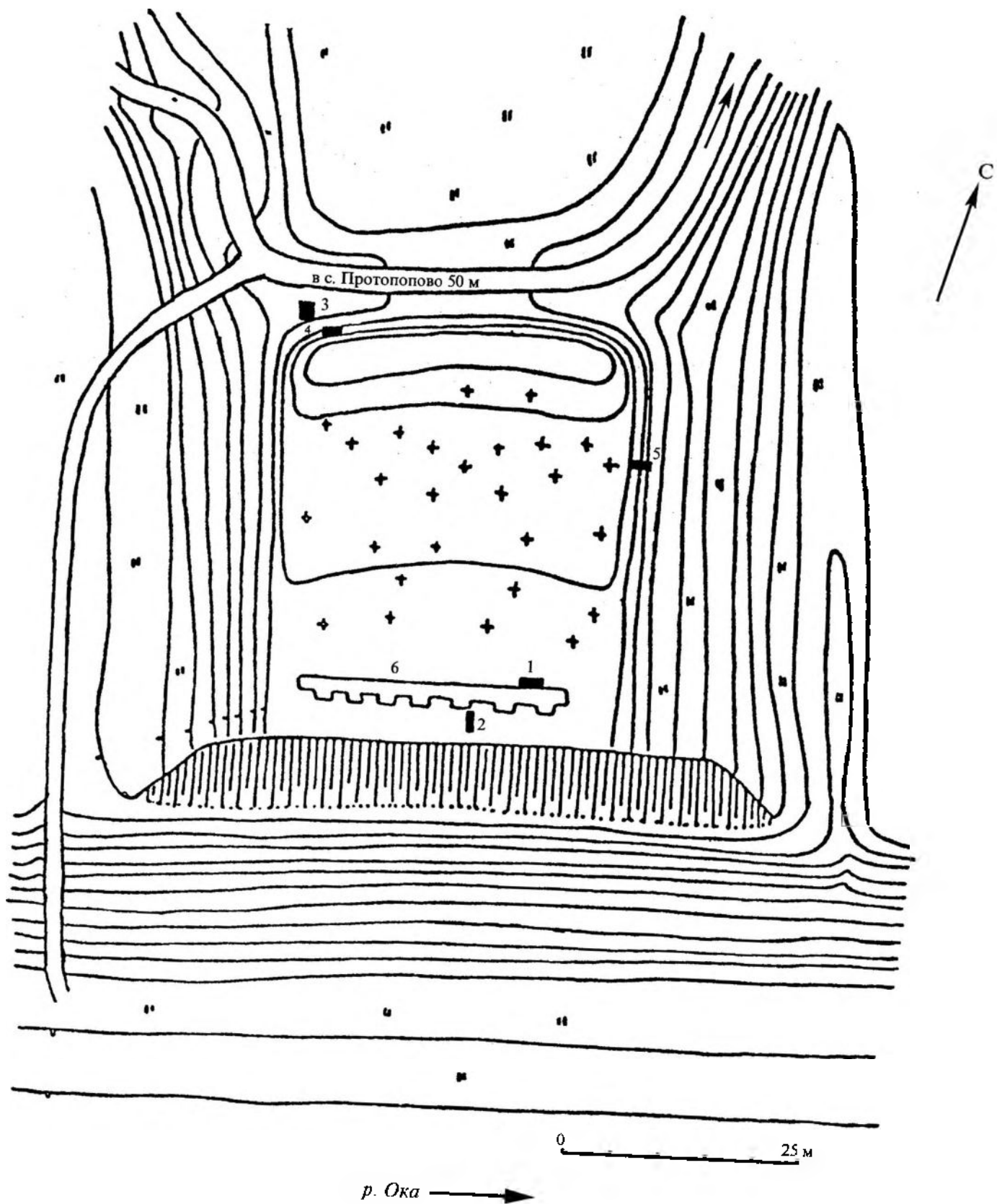

Рис. 1. Протопоповское городище (по Р.Л. Розенфельдту).
 1-5 – шурфы 1-5 1996 г.; 6 – остатки окопов времён Великой Отечественной войны

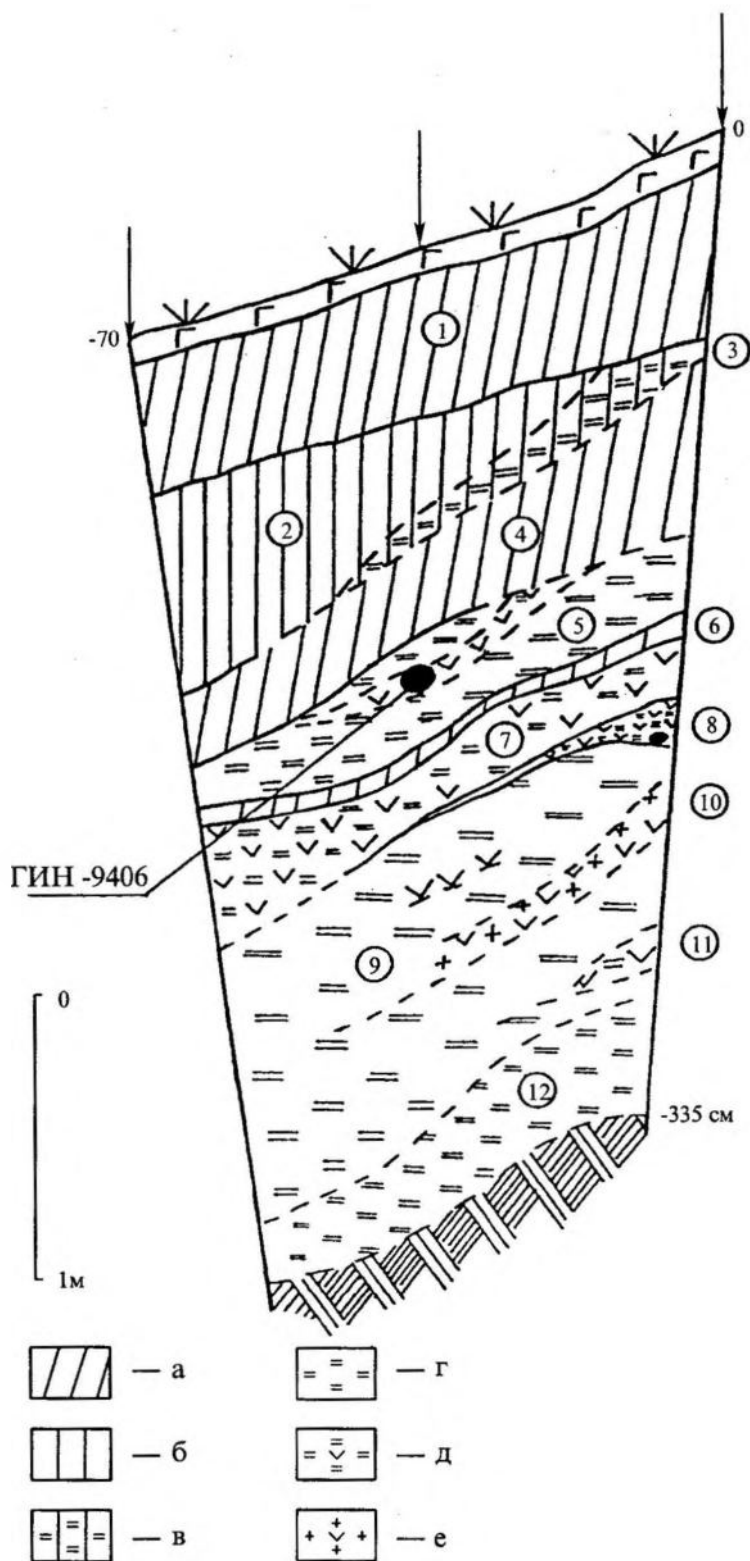

Рис. 2. Протопоповское городище. Юго-восточная стенка шурфа 5 1996 г.:

а – темно-серый гумусный слой; б – серый гумусный слой с примесью жёлтого суглинка; в, г – слои жёлтого суглинка; д – слой суглинка с включениями угля; е – включения прокалённой глины и угля в слое суглинка. Цифрами обозначены: 1 – чёрный гумусированный суглинок; 2 – серый гумусированный суглинок; 3 – серый суглинок с включениями жёлтого материкового суглинка; 4 – темно-серый гумусированный суглинок; 5 – жёлтый суглинок с включениями угля, керамики, прокалённой глины, тёмно-серой почвы; 6 – темно-серый гумусированный суглинок с включениями угля; 7,8 – жёлтый суглинок с включениями угольков; 9, 11 – жёлтый суглинок с редкими вкраплениями угля; 10 – жёлтый суглинок с включениями угля и прокалённой глины; 12 – жёлтый суглинок

Слой 1 представляет собой тёмно-серый, почти чёрный гумус, содержащий современный мусор, средневековую и дьяковскую керамику. Глубина залегания 0,7-0,85 м².

Слой 2 – серая почва с прослойкой 3 – жёлтым суглинком. Глубина 0,85-1,2 м.

Слой 4 – тёмно-серая почва, гумусированный суглинок. Глубина 1,2-1,55 м.

Слой 5 – в основе своей имеет жёлтый суглинок с включениями серой почвы, угля, керамики. Для этого слоя получена радиоуглеродная дата 2090 ± 70 л.н. (ГИН-9406) или 140 г. до н.э. (90, 67 гг. до н.э. – калиброванный возраст). Глубина 1,55-1,8 м.

Слой 6 – тёмно-серый гумусированный суглинок с включениями угля. Глубина 1,8-1,9 м.

Слой 7 – жёлтый суглинок с включениями угля и керамики. Глубина 1,9-2,1 м.

Прослойка 8 – более тёмного жёлтого цвета суглинок с углём. Глубина 2,1-2,26 м.

Слой 9 – жёлтый суглинок с включениями угольков. Глубина 2,26-3,15 м.

Прослойка 10 жёлтого суглинка содержит прокалённую глину кирпичного цвета и уголь.

Слой 11 – серо-жёлтый суглинок с редкими включениями угля.

Слой 12 – жёлтый суглинок с сероватым отливом, возможно, предматерик. Глубина залегания прослойки 10 и слоёв 11-12 – 3,15-3,35 м.

Таким образом, основу насыпи составляет жёлтый материковый покровный суглинок плейстоцена, прослойки её различаются содержанием угля, керамики, прокалённой глины кирпичного цвета, тёмной почвы – это слои 3, 5, 7-12. Слои 9, 11 содержат очень небольшое количество керамики, а слой 12 практически стерилен. Эти слои иногда разделяются прослойками тёмной или серой почвы с углём – слои 4, 6.

О конструкции вала нам пока судить трудно, поскольку шурфами был задет только его край на склоне. Однако на насыпи зафиксированы следы своеобразного приёма сооружения валов, который широко использовался на окских городищах в эпоху раннего железа. Это приём прокалывания пластов плотных суглинков, слагающих вал, после которого в разрезах обычно фиксируются чередующиеся прослойки угля и обожжённых до кирпичного состояния покровных суглинков, причём прослойка угля всегда расположена снизу. В.А. Городцов реконструировал технологию сооружения насыпей валов, при которой производился обжиг слагающей вал глины изнутри [7, с. 377]. Технология сооружения насыпей валов из обожжённой глины зафиксирована на ряде окских городищ: Львовском, Троице-Пеленицком, Шатрищенском, Казарском, Городецком, Шишкинском [8, с. 66, рис. 27; 9, рис. 1-2], – причём этот приём сооружения насыпей отнесётся, по мнению Б.А. Фоломеева, к IV - III вв. до н.э. Аналогичный состав насыпи встречается в валах дьяковских городищ – Савики [10, с. 88, рис. 1], Коробово, Троицкое, Луковня 2 [11, с. 337 и сл.], а из более близких, окских, памятников – на городищах Городище и Городна 1. Во всех случаях исследователи считали наличие прокалённой глины и угля в насыпи либо отражением технологии сооружения насыпи, либо результатом некоего религиозного обряда. Последнее маловероятно в отношении тех городецких памятников, чьи валы целиком сложены из прокалённой глины. Комки прокалённой глины и угля прослежены в слое 10 насыпи вала Протопоповского городища. Они не образуют единой толщи, как это обычно бывает, и, скорее всего, указывают на периферию насыпи.

После проходки шурфа были взяты образцы для спорово-пыльцевого анализа. Из каждого слоя бралось только по одному образцу. Тёмные прослойки, которые можно было бы рассматривать как автохтонный культурный слой, были незначительной мощности, и взять из них больше одного образца было невозможно. По существу, на данном памятнике впервые перед палинологом были поставлены столь необычные задачи.

Методом палинологического анализа всего было проанализировано 10 образцов в интервале глубин от 1,20 до 3,35 м (табл. 1).

Палинологическое изучение отложений, слагающих оборонительное сооружение, и естественно залегающих толщ культурных слоёв представляет значительные трудности. Это связано с тем, что отложения, использованные для создания самого вала, имеют различный возраст и генезис, а потому определение всех составляющих этой насыпной породы иногда очень затруднено. Однако некоторые присутствующие в разрезе разновозрастные толщи имеют столь специфические палинологические спектры, что идентификация их стратиграфической принадлежности не представляет значительной проблемы.

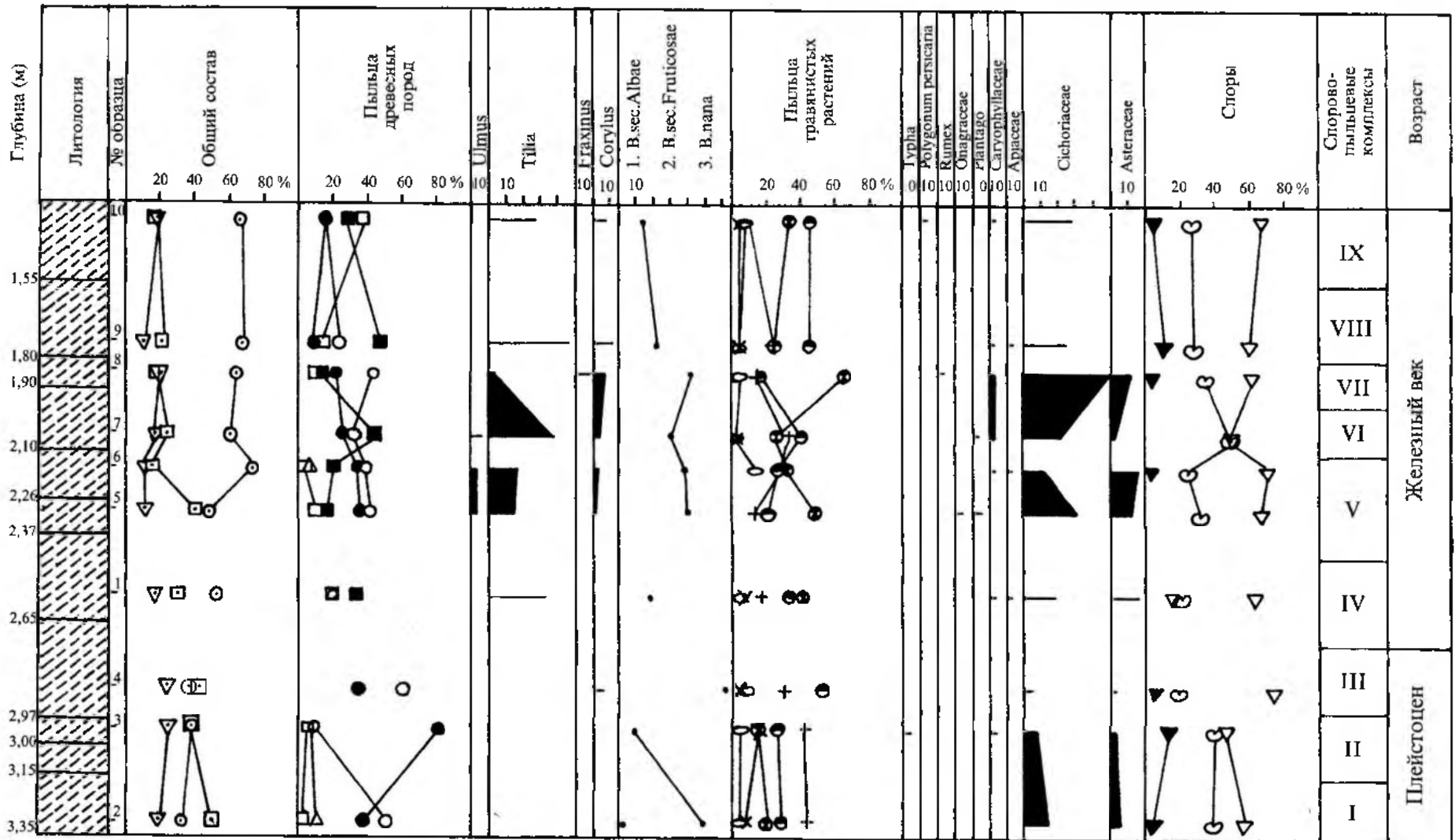
По данным палинологического анализа снизу вверх по разрезу удалось выделить 8 спорово-пыльцевых комплексов, каждый из которых характеризовался вполне определённым составом спектров (табл. 1). Между II и III, III и IV, VII и VIII комплексами резко менялся характер палинологических спектров, что определяет перерыв в осадконакоплении. В образцах из культурных слоёв (обр. 8 и 10) много органических остатков, в том числе истлевшей древесины, другой мелкой органики и угольков (рис. 2).

В результате проделанной работы удалось установить, что первоначально оборонительный вал сооружался из широко распространённых покровных суглинков плейстоцена (обр. 2, 3, 4) – комплексы I-III. Здесь в образцах присутствует небольшое количество пыльцы и спор, хотя их сохранность хорошая. Остатки древесины отсутствуют, редко встречается другая органика жёлтого цвета.

В общем составе этих трёх комплексов пыльца древесных и травянистых растений содержится почти в равном количестве. Здесь велика роль сосны, берёзы, присутствует пыльца ели и ольхи. Состав пыльцы травянистых растений разнообразен, но отчётливо преобладает полынь и есть маревые. В образце 4 возра-

² Все приводимые глубины указаны от 0, отмеченного на разрезе шурфа.

Таблица 1. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на Протопоповском городище

Общий состав:

- Сумма пыльцы древесных пород
- Сумма пыльцы травянистых растений
- ▽ Сумма спор высших споровых растений

Древесные породы:

- △ Picea (ель)
- Pinus (сосна)
- Betula (береза)
- Alnus (ольха)
- Сумма пыльцы широколиственных пород

Травянистые растения:

- } Роассеа (злаки)
- } Cyperaceae (осоки)
- × Chenopodiaceae (маревые)
- + Artemisia (полыни)
- ⊗ Сумма пыльцы разнотравья

Споры:

- ▽ Bryales (зеленые мхи)
- ▼ Sphagnum (сфагновые мхи)
- ⊂ Polypodiaceae (многоножки)

стает участие злаков. Среди споровых растений преобладают зелёные мхи, много папоротников и единичны сфагновые мхи.

Принимая во внимание весь состав палинологических спектров, в том числе участие пыльцы древесных пород и специфический состав трав, формирование осадков этого интервала можно связать с покровными суглинками межстадиалов валдайского оледенения.

Следующая досыпка грунта (обр. 7) осуществлялась за счёт покровных суглинков и, частично, культурного слоя, поэтому состав палинологического комплекса VI резко отличается от спектров первых напластований вала. Так, здесь много древесных остатков, есть угольки и мелкие включения золы. Сохранность пыльцы и спор очень разная, много минерализованных зёрен и иногда рваных форм, даже у пыльцы сосны. Здесь в общем составе преобладают уже травы, где наряду с полынями много злаков, среди которых присутствуют даже окультуренные виды. Изменился и состав древесных пород, в котором велико участие липы, берёзы и сосны.

И, наконец, последняя реставрация оборонительного вала шла в основном за счёт грунта, взятого из культурного слоя (слой 5, обр. 9). Здесь в палинологическом спектре также велика роль пыльцы травянистых растений, но в отличие от состава спектра предыдущих напластований вала меньше пыльцы полыней, но больше пыльцы злаков и особенно культурных видов. Состав древесных пород во многом повторяет предыдущий спектр вала, но появляется пыльца ольхи и меньше становится пыльцы сосны. По древесине был определён абсолютный возраст этого горизонта насыпи вала. Он равен 2090 ± 70 л.н. (ГИН-9406).

Характер палинологического спектра более древнего культурного слоя железного века, изученный по образцу 8 (слой 6, V спорово-пыльцевой комплекс), определяет почти открытый ландшафт. Возможно, в наиболее увлажнённых местах сохранились небольшие берёзовые колки, в состав которых входили также липа, ясень и лещина. Величина пахотного клина была ещё небольшой. Основными растительными группировками являлись мезофильные луга.

Состав палинологического спектра более молодого культурного слоя 4 (обр. 10, IX спорово-пыльцевой комплекс) также отражает преобладание открытых ландшафтов, но небольшие перелески были в основном образованы липой и сосной. Более влажные места обитания занимала ольха. По-видимому, климат этого периода стал более влажным. На это указывает не только преобладание чёрной ольхи среди пыльцы древесных пород, но и появление сфагновых мхов среди споровых растений. По сравнению с предыдущим культурным слоем здесь большую роль начинают играть посевы злаковых культур, а роль разнотравных лугов становится меньше, что бесспорно связано с изменившимся хозяйственным укладом населения.

Одним из основных результатов, полученных при анализе данных палинологии, является выделение строительных этапов в насыпи, причём, как оказалось, эти этапы не совпали с теми, которые мы определили предварительно, основываясь только на стратиграфии шурфа.

Первый строительный этап включает в себя слои 9-12 (образцы 1-5). Судя по пыльцевым спектрам, поверхность слоя 9 какое-то время была открытой. Слой 8 (обр. 6), скорее всего, откладывался на поверхности вала городища. Не исключено, на наш взгляд, что он являлся сбросом с площадки или каким-то оползнем – угли в его составе попали на склон в остывшем виде, что следует из отсутствия в пыльцевых спектрах растений и водорослей, сопутствующих пожарам. Гумусирован этот слой не сильно, что может являться косвенным указанием на то, что между сооружением первоначальной насыпи и её подсыпкой прошло короткое время.

Следующей досыпкой является слой 7 (обр. 7), на его поверхности откладывается культурный слой 6 (обр. 8). Слой 5 по составу аналогичен седьмому – это суглинок с включениями культурного слоя, последняя досыпка вала (обр. 9). Именно для этого образца и получена радиоуглеродная дата ГИН-9406.

Палинологические исследования, таким образом, могут дать весьма полезные сведения по этапам строительства насыпей валов городища. Именно благодаря этому методу оказалось возможным "развести" во времени различные прослойки в насыпи, часто состоящие из сходных по литологии отложений (в нашем случае – выделить границу между слоями 9 и 8). Без применения этого метода трудно было бы судить, являются ли гумусированные прослойки в насыпи автохтонными (естественными отложениями на поверхности вала) или они связаны с использованием в насыпи в качестве составляющей породы культурного слоя, взятого с площадки городища. В насыпи Протополовского вала таковых не оказалось – обитатели городища не использовали при сооружении вала культурный слой с площадки, все прослойки отложились последовательно и не содержали в себе материала предшествующего времени. Это наблюдение является исключительно важным, поскольку означает, что полученный из насыпи керамический материал: и из гумусированных слоёв, и из суглинков – относится ко времени её сооружения.

Керамика в насыпи происходит в основном из слоёв 5 - 8 и по типам отпечатков аналогична той, которую содержат в себе насыпи валов городищ Коробчеево 1 и Городищи [12]. В основном это «текстильные» отпечатки, иначе именуемые «ниточными» или «верёвочными». Поскольку такая керамика на памятнике в целом не составляет большинства, а преобладает только в насыпи вала, это означает, что использовалась она какое-то ограниченное время, и время это соответствует верхним прослойкам насыпи. Более подробно своё видение хронологии керамики с сетчатыми отпечатками в юго-восточном Подмосковье мы изложили в отдельной статье [12], в данном же случае нас интересует вопрос, каким образом можно избежать ошибки, столкнувшись с использованным в насыпи переотложенным с площадки культурным слоем. Нам кажется, что ответ на этот вопрос может дать только палинологический метод исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сыроватко А.С. Отчет о раскопках на городищах Городищи и Протопоповском в г. Коломне в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20520.
2. Талицкий М.В. Московская область. Коломенский район. 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-36 гг. Краткие отчеты и сведения. М.: Л., 1941.
3. Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области с целью выяснения их сохранности на лето 1960 года. 1961. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2042.
4. Третьяков П.Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // СА. № IX. 1947.
5. Талицкий М.В. Керамика Протопоповского городища // СА. № X. 1948.
6. Земледелие и система землепользования в долине Москвы - реки в железном веке / В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова // РА. 1996. № 4.
7. Городица В.А. Бытовая археология. М., 1910.
8. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
9. Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993.
10. Смирнов К.А. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. Вып. 186. 1986.
11. Изучение валов и погребенных под ними почв на городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье / А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, Е.А. Спиридонова, Б.Е. Ятшиевский // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
12. Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики в устье Москва-реки // РА. 2000. № 2.

*Археологическая служба г. Коломны,
Коломна, Московская область*

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.S. Syrovatko, E.A. Spiridonova

THE APPLICATION OF PALINOLOGICAL ANALYSIS FOR PROTOPOPOVO HILLFORT STRATIFICATION*

Summary

The work gives the results of the application of the palinological methods to studying a rampart of Protopopovo hillfort. The hillfort of Early Iron Age (Dyakovo culture) is situated on the left bank of the Oka River 6,7 km up from the mouth of the Moskva River. The excavation of the site was held by M.V. Talitsky in 1936 and by A.S. Syrovatko in 1996. The materials published here are taken from shaft № 5 (Fig. 1-2, Table 1).

The research held let the authors state the following: the palinological method gives an opportunity to determine with a high range of possibility whether the humus lays on the rampart's slopes were natural or they were used as a component to repair fortifications.

This method also gives an opportunity to reveal various stages of rampart's repairs even in cases when the period of time between them was short, and cultural deposits had no time to lay down.

Finally the palinological method helps to reconstruct the environment of the times of cultural lays' formation between the rampart's repairs.

*The research is done under support of Russian Humanitarian Scientific Foundation, grant № 01-01-00183a.

*Archaeological Service of Kolomna
24, App. 26, Sapozhkovykh St,
Kolomna, 140408, Moscow Region,
Russia
Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.Д. Максимов

ТИПОЛОГИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ НОЖЕЙ ГОРОДИЩА ОТМИЧИ

Настоящая статья является продолжением работы над общей большой темой «Типология железных ножей с памятников раннего железного века Тверской области». Первая часть исследования была посвящена типологии железных ножей с городища Орлов Городок Молоковского района Тверской области [1, с. 66-72]. В ней были подробно рассмотрены теоретические вопросы выделения групп, классов и типов, основанные на выявленной кафедрой археологии МГУ морфологии орудий и оружия проникающего действия. Авторами разработки убедительно показано и доказано, при сочетании каких конструктивных элементов ножа образуются их классы и что следует учитывать при выделении типов этих орудий. Кратко напомним эти особенности.

Уровни «категории» и «отдела» характеризуют функциональную принадлежность орудия и материал, из которого оно изготовлено. «Отделы», в свою очередь, делятся на группы, которые определяют территорию и время бытования той или иной категории вещей. Для выявления их специфики, а в данном случае для выявления специфики ножей необходим конструктивный анализ основы, которая для любой категории орудий и оружия проникающего действия складывается из двух элементов – рабочей части (клин, клинок, перо) и держателя (рукоять, древко). Рабочая часть делится на следующие конструктивные элементы: лезвие (режущая кромка); спинка (тупая кромка); вершина (завершение клинка); образующие (контурные линии и крепление – у топора); конец (часть клинка с момента резкого изменения контура); полотно (основа клинка без вершины, образующих, спинки). Держатель конструктивно прост и не раскладывается на элементы (рис. 1).

Сочетание полотна с прочими конструктивными элементами рабочей части образуют не только конструктивные классы клинка, как справедливо считают Ю.Г. Кокорина и Ю.А. Лихтер, но и представляют собой конструктивные классы для каждой категории орудий и оружия проникающего действия. Выделение же типов связано прежде всего с характером соединения крепления и рабочей части. Морфологически здесь отмечаются три главных аспекта: плоскость соединения клинка и крепления, угол соединения клинка и крепления, а также линия или линии соединения клинка и крепления [2, с. 11, 13, 51, 62].

Всего на городище Отмичи (Калининский район Тверской области) найдено 29 ножей и обломков [3–8]. Из них 1 фрагмент ножа к настоящему времени утерян, 14 ножей имеют выгнутую спинку (ножи группы I) и 14 ножей – прямую (ножи группы II).

Ножи группы I (табл. I и II, рис. 2: 1–14)

Четыре фрагмента ножей определены только до уровня группы (табл. I, № 1–4, рис. 2: 1–4, остальные 10 целых или почти целых экземпляров разделяются на 3 класса (табл. II, № 1–10, рис. 2: 5–14).

Так же как и на городище Орлов Городок, класс 1 представлен ножами с выгнутой спинкой, острой асимметричной вершиной, без акцентированного конца. Класс 1 в материалах городища Орлов Городок состоит из типов 1–3. Напомним, что тип 1 образуют ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две выгнутые дуги, являющиеся плавным продолжением выгнутых линий обушка и лезвия ножа. Черенок отделён от рабочей части только краем заточенного лезвия. К типу 3 отнесены ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две вогнутые дуги, акцентируя тем самым черенок по обушку и лезвию ножа. На городище Отмичи ножей типов 1 и 3 нет, а ножи типа 2 представлены 3 экземплярами, что составляет 30% от общего количества ножей с выгнутой спинкой, определённых до уровня типа.

Группа I, класс 1, тип 2

Ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две дуги. По обушку дуга выгнутая и является плавным продолжением выгнутой спинки рабочей части. Черенок отделён от лезвия или плавной вогнутой дугой, или неровной вогнутой линией (рис. 2: 5–7, табл. II).

Кроме того, на материалах городища Отмичи в классе 1 выделено ещё четыре новых типа ножей (типы 4–7), которых нет на городище Орлов Городок. Главное отличие ножей типов 1–3 от ножей типов 4–7 (серповидных) заключается в отношении длины дуги (AB), соединяющей вершину ножа с его черенковой частью, к её высоте (CD). У ножей типов 1–3 основание дуги АВ соединяет оконечность острия рабочей или лезвийной части ножа (вершину) с оконечностью черенка. Для ножей типов 4–7 характерно, что оконечность острия рабочей части (вершина) соединена дугой АВ не с оконечностью черенка, а с его началом

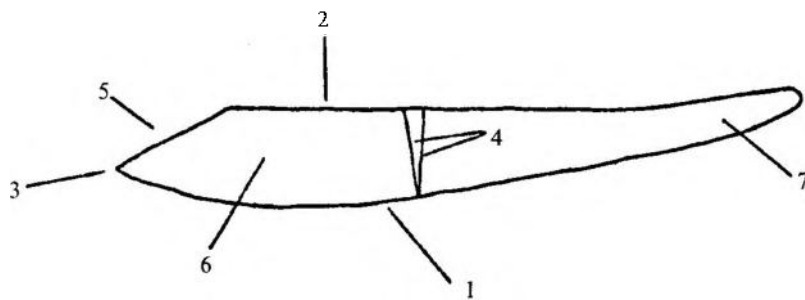

Рис. 1. Конструктивные элементы ножа: 1 - лезвие; 2 - спинка; 3 - вершина; 4 - образующие; 5 - конец; 6 - полотно; 7 - держатель

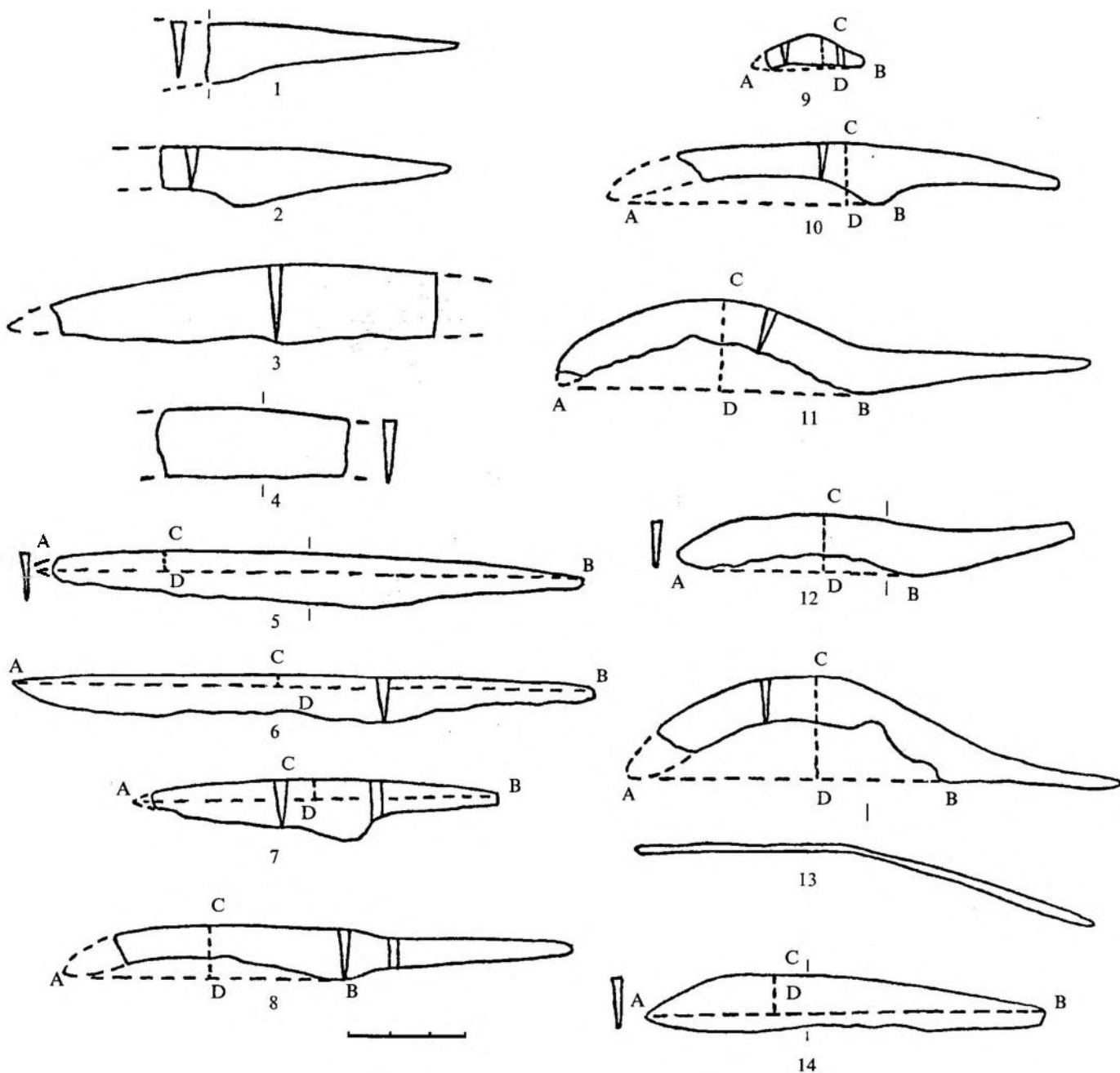

Рис. 2. Ножи группы I (с выгнутой спинкой) с городища Отмичи

Таблица I. Общие сведения о железных ножах городища Отмичи, определённых до уровня типа

Группа	№ п/п	Условия нахождения			Размеры ножа (см)			№ по описи	№ по рисунку	Примечание
		Квадрат	Глубина (м)	Год раскопок	Длина	Ширина	Толщина			
I	1	35	0,4	1968	6,55	1,6	0,35	1351	рис. 2:1	Класс 1 или 2 Тип 1 или 2
	2	68	0,6	1969	7,15	1,5	0,3	?	рис. 2:2	CD = 1/30 – 1/40 АВ Скорее всего класс 1, Тип 2
	3	91	0,3-0,5	1969	9,8	2,1	0,3	467	рис. 2:3	Класс 1, тип ?
	4	93	0,15	1970	4,8	1,8	0,35	1 (полевой № 2)	рис. 2:4	Класс ? Тип ?
II	5	10	0,2	1968	6,6	1,3	0,35	147	рис. 3:1	Класс ? Тип ?
	6	32	0,4	1968	4,3	0,7	0,15	1381	рис. 3:2	Класс ? Тип ?
	7	68	0,3	1969	10,4	2,4	0,7	362	рис. 3:3	Класс ? Тип новый
	8	69	0,4	1969	7,6	1,55	0,75-0,8	?	рис. 3:4	Класс ? Тип новый
	9	99	0,6	1970	8,5	2,1	0,25	831	рис. 3:5	Класс 1 ? Тип 1
	10	102	0,25	1970	5,3	1,2	0,25	83	рис. 3:6	Класс ? Тип ?
	11	113	0,25	1970	7	1,6	0,4	384 (полевой № 27)	рис. 3:7	Класс ? Тип ?

Примечание: ? – не установлен

Таблица II. Общие сведения о железных пожах городища Отмищи, определённых до уровня типа (группа I)

Группа	Класс	Тип	№ п/п	Условия нахождения			Размеры ножа (см)			№ по описи	№ по рисунку 2	Отношение CD к АВ
				Квадрат	Глубина (м)	Год раскопок	Длина	Ширина	Толщина			
I	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
		2	1	45	0,4	1968	14	1,3	0,2	1418	5	CD = 1/27,8 АВ
			2	2	0,3-0,5	1969	14,6	1,3	0,3	87	6	CD = 1/49 АВ
			3	40	0,28	1968	8,85	1,6	0,3	745	7	CD = 1/16,7 АВ
		3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
		4	4	60	0,3	1968	11,65	1,3	3	781	8	CD = 1/7,7 АВ
		5	5	10	0,18	1968	2,5	0,7	0,15	264	9	CD = 1/3,2 АВ
		6	6	41	0,48	1968	9,5	1,6	0,25	1357	10	CD = 1/5 АВ
	7	7	48	0,5	1968	13,35	1,2	0,25	1457	11	CD = 1/3,2 АВ	
	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		4	8	17	0,38	1968	9,9	1,25	0,2	1152	12	CD = 1/3,66 АВ
		5	9	117	0,7	1970	12,6	1,15	0,4	1140 (полевой № 34)	13	CD = ок. 1/3 АВ
	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2		10	15	0,32	1968	10	1,4	0,3	1088	14	CD = 1/9,18 АВ	

Примечание: -- отсутствует

Таблица III. Общие сведения о железных пожах городища Отмичи, определённых до уровня типа (группа II)

Группа	Класс	Тип	№ п/п	Условия нахождения			Размеры ножа (см)			№ по описи	№ по рисунку 3
				Квадрат	Глубина (м)	Год раскопок	Длина	Ширина	Толщина		
II	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
		2	-	-	-	-	-	-	-	-	
		3	-	-	-	-	-	-	-	-	
		4	1	96	0,4	1969	13,8	1,4	0,35	475	8
	2	1	2	38	0,36	1968	7,7	1,0	0,25	834	9
		2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		3	3	67	0,15	1969	9,9	1,7	0,45	7	10
		4	4	42	0,3	1968	7,6	1,15	0,25	772	11
	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		4	5	31	0,2	1968	11,25	1,7	0,35	600	12
		5	6	23	0,44	1968	7,2	1,6	0,2	1235	13
	4	1	7	111	0,27	1970	10,3	1,85	0,3	188 (полевой № 6)	14

Примечание: - - отсутствует

(рис.2: 8–12). Все эти особенности появляются у ножей из-за параметров изгиба лезвия, которые фиксируются определённым отношением длины АВ к высоте CD. Для ножей типов 1–3 высота дуги CD никогда не превышает 1/10 части длины дуги АВ. Для ножей типов 4–7 (серповидные), напротив, высота дуги всегда составляет более 1/10 части длины дуги (в среднем от 1/3 до 1/8 части). Здесь уместно сказать несколько слов о различиях между непосредственно серпами и серповидными ножами. Во-первых, в материалах городища Отмичи кроме серповидных ножей найдены и серпы в количестве 4 экземпляров, которые отличаются от ножей более крупными размерами (длина не менее 17 см). Длина 6 серповидных ножей городища Отмичи только в одном случае немного превышает 13 см (рис. 2: 8–13, табл. II). Длина же основания АВ серповидных ножей менее 8 см. По исследованиям Ю.А. Краснова, длина основания АВ железных серпов должна быть не менее 8–10 см. С другой стороны, серповидные ножи и серпы сближает высота дуги CD по лезвию, т.е. расстояние по перпендикуляру, опущенному из наиболее высокой точки дуги лезвия к линии основания орудия АВ. Во всех случаях и у серпов и у серповидных ножей высота дуги CD всегда не менее 1/10 АВ. Единственное, в чём трудно согласиться с Ю.А. Красновым, так это в том, что высоту CD следует измерять от кромки режущей части лезвия, которое часто бывает значительно сработано, а не от верхнего края обушки лезвия [9, с. 66–76, рис. 39–52].

Группа I, класс I, тип 4 (рис. 2: 8, табл. II)

Ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две вогнутые дуги, акцентируя тем самым черенок по обушку и лезвию ножа. Тип представлен 1 экземпляром, что составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до этого уровня.

Группа I, класс I, тип 5 (рис. 2: 9, табл. II)

Ножи, у которых линия соединения черенка и клинка по обушку представляет собой ломаную вогнутую линию, акцентируя рабочую часть, а линия, соединяющая край лезвия и черенок, – плавную вогнутую дугу. Тип представлен 1 экземпляром, что составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до этого уровня.

Группа I, класс I, тип 6 (рис. 2: 10, табл. II)

Ножи, у которых линия соединения черенка и клинка по обушку представляет собой плавную выгнутую дугу, а линия, соединяющая край лезвия и черенок, – вогнутую дугу. Тип представлен 1 экземпляром, что составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до этого уровня.

Группа I, класс I, тип 7 (рис. 2: 11, табл. II)

Ножи, у которых черенок слегка поднят вверх по отношению к лезвийной (рабочей) части. Линия, соединяющая обушок клинка с черенком, таким образом, вогнутая, а линия, соединяющая лезвие с черенком, – выгнутая. К типу отнесён 1 экземпляр, что составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до этого уровня.

Ножи **класса 2** представлены на городище Отмичи двумя новыми типами серповидных ножей (типы 4 и 5), а ножей типов 1–3, встреченных в материалах городища Орлов Городок, здесь нет. К классу 2 отнесены ножи с выгнутой спинкой, округлой или выпуклой асимметричной вершиной, без акцентированного конца. Тип 1 образуют ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две дуги. По обушку дуга выпуклая и является плавным продолжением выгнутой спинки рабочей части. Черенок отделён от лезвия или плавной вогнутой дугой, или неровной вогнутой линией. В тип 2 входят ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две слабовыраженные вогнутые дуги или почти прямые линии, акцентируя тем самым черенок по обушку и лезвию ножа. Тип 3 – это ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две ярко выраженные вогнутые дуги или ломаные линии, резко акцентируя тем самым черенок по обушку и лезвию ножа. Черенок у этого типа ножей составляет 2/3 общей длины орудия.

Группа I, класс 2, тип 4 (рис. 2: 12, табл. II)

Ножи, у которых черенок слегка поднят вверх по отношению к лезвийной (рабочей) части. Линия, соединяющая обушок клинка с черенком, таким образом, вогнутая, а линия, соединяющая лезвие с черенком, – выгнутая. Тип представлен 1 экземпляром, что составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до этого уровня.

Группа I, класс 2, тип 5 (рис. 2: 13, табл. II)

Ножи с выгнутой спинкой, черенок которых слегка опущен вниз, таким образом, что по обушку черенка при переходе в рабочую часть (лезвие) дуга плавно вогнутая, а по лезвию при переходе в черенок дуга выгнутая. Линия по черенку со стороны лезвия слегка вогнутая. Тип представлен 1 экземпляром, что составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до уровня типа.

Ножи **класса 3** найдены на городище Отмичи только в 1 экземпляре типа 2, а ножей типа 1, известных по материалам городища Орлов Городок, здесь нет. К классу 3 отнесены ножи с выгнутой спинкой, острой асимметричной вершиной и срезанным или прямым концом. Тип 1 – ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две вогнутые дуги или линии.

Группа I, класс 3, тип 2 (рис. 2: 14, табл. II)

Ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две дуги. По обушку дуга выгнутая и является плавным продолжением выгнутой спинки рабочей части (лезвия). Черенок по лезвию выделен плавной вогнутой дугой или неровной вогнутой линией. Тип составляет 10% ножей с выгнутой спинкой, определённых до этого уровня.

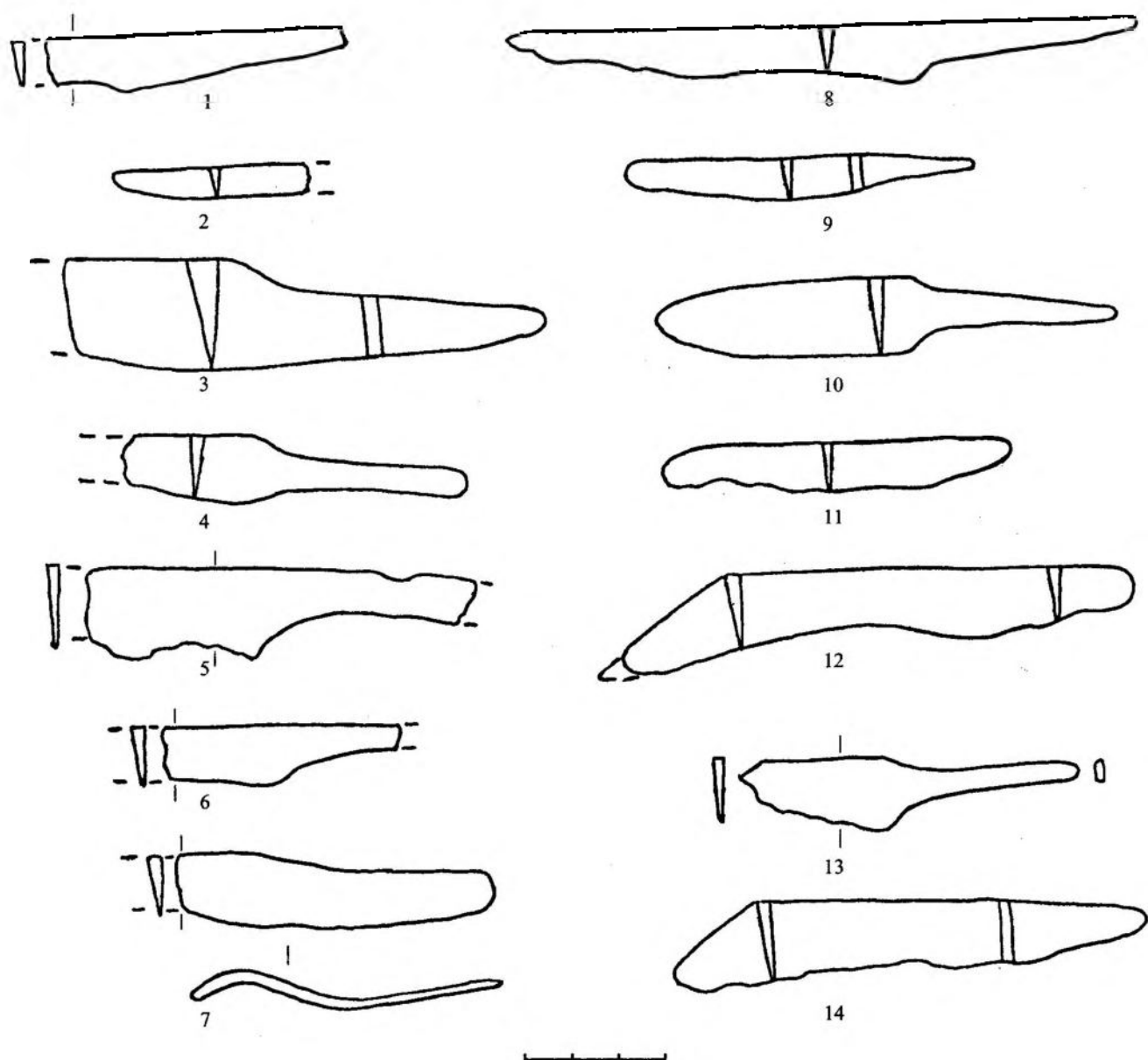

Рис. 3. Ножи группы II (с прямой спинкой) с городища Отмичи

Ножи группы II (табл. I и III, рис. 3: 1-14)

Семь фрагментов ножей определены только до уровня группы – ножи с прямой спинкой (табл. I, № 5–11, рис. 3: 1–7), остальные 7 целых экземпляров разделяются на 4 класса. **Класс 1**, так же как и на городище Орлов Городок, представлен ножами с прямой спинкой, острой асимметричной вершиной, без акцентированного конца. В материалах городища Орлов Городок ножи класса 1 образуют три типа (типы 1–3), которых нет на городище Отмичи. Тип 1 – это ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две дуги. По обушке дуга выгнутая и является плавным продолжением прямой спинки лезвия, постепенно опускаясь (черенок опущен вниз). По черенку со стороны лезвия дуга вогнутая. К типу 2 относятся ножи, у которых линия соединения клинка и крепления по обушке ломаная и не является плавным продолжением прямой линии спинки лезвия, а образует с ней тупой угол (черенок опущен вниз). Линия соединения клинка и крепления по лезвию представляет собой вогнутую дугу или вогнутую ломаную линию. Ножи типа 3 по обушке близки ножам типа 2, а линия по черенку со стороны лезвия представляет собой выгнутую дугу.

В материалах городища Отмичи, тем не менее, выявлены ножи нового типа класса 1 (тип 4), которых не было на городище Орлов Городок.

Группа II, класс 1, тип 4 (табл. III, № 1, рис. 3: 8)

Ножи, у которых черенок слегка поднят вверх и спинка его представляет слегка вогнутую дугу, дуга по нижней части черенка также вогнутая. Ножи типа 4 представлены 1 экземпляром, что составляет 14,28% от ножей группы II, определённых до уровня типа.

Ножи класса 2 (группа II) представлены на городище Отмичи тремя экземплярами, которые относятся к трём типам (1, 3, 4). Ножей типа 2 на городище Отмичи нет, а ножей типов 3 и 4 нет на городище Орлов Городок, они впервые выделены на материалах городища Отмичи. Ножи класса 2 составляют 42,84% от общего количества ножей группы II, определённых до уровня типа.

Группа II, класс 2, тип 1 (табл. III, № 2, рис. 3: 9)

Ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две дуги. По обушку дуга выпуклая и является плавным продолжением прямой спинки рабочей части (лезвия), постепенно опускаясь вниз (черенок опущен вниз). По черенку со стороны лезвия дуга вогнутая или линия соединения клинка и крепления почти прямая. К типу 2 относятся ножи, у которых линия соединения клинка и крепления по обушку ломаная и не является плавным продолжением прямой линии спинки лезвия, а образует с ней тупой угол (черенок опущен вниз). Линия соединения клинка и крепления по лезвию представляет собой вогнутую дугу.

Группа II, класс 2, тип 3 (табл. III, № 3, рис. 3: 10)

Ножи, у которых линии соединения клинка и крепления по обушку и по лезвию представляют собой две вогнутые дуги, акцентируя тем самым черенок по обушку и лезвию ножа.

Группа II, класс 2, тип 4 (табл. III, № 4, рис. 3: 11)

Ножи, у которых линия по обушку черенка прямая и продолжает прямую спинку рабочей части, а линия по лезвию и черенку – выгнутая.

Ножи класса 3 (группа II) представлены на городище Отмичи двумя новыми типами (тип 4 и 5), а ножей типов 1–3, выделенных на материалах городища Орлов Городок, здесь нет. Напомним, что к ножам класса 3 (группа II) относятся изделия с прямой спинкой, асимметричной острой вершиной и срезанным или прямым концом. Тип 1 таких ножей представляют орудия, у которых линия соединения клинка и крепления по обушку ломаная и не является плавным продолжением прямой линии спинки лезвия, а образует с ней тупой угол (черенок опущен вниз). Линия соединения клинка и крепления по лезвию представляет собой вогнутую дугу. Тип 2 образуют ножи, у которых линии соединения клинка и крепления представляют собой две дуги. По обушку дуга вогнутая, по черенку со стороны лезвия – выгнутая. Черенок слегка поднят вверх. К типу 3 относятся ножи, у которых линия соединения клинка и крепления по обушку представляет собой выгнутую дугу и является плавным продолжением прямой спинки лезвия, постепенно опускаясь вниз (черенок опущен вниз). Лезвие плавно переходит в черенок, который отмечен почти прямой или слегка вогнутой линией.

Группа II, класс 3, тип 4 (табл. III, № 5, рис. 3: 12)

К типу 4 отнесены ножи с прямой спинкой, постепенно переходящей по обушку в черенок, который не выражен. Лезвие заточено по всей длине. Дуга по черенку со стороны лезвия выгнутая. Такой тип ножей представлен 1 экземпляром, что составляет 14,28% ножей группы II, определённых до уровня типа. Такие ножи исследователи называют «горбатыми».

Группа II, класс 3, тип 5 (табл. III, № 6, рис. 3: 13)

Тип 5 представляют ножи с прямой спинкой, у которых черенок акцентирован двумя вогнутыми дугами. На городище Отмичи найден 1 экземпляр, что составляет 14,28% от общего количества ножей группы II, определённых до уровня типа.

Кроме того, в материалах городища Отмичи в группе II выявлен ещё один класс (класс 4) ножей, представленный одним типом, который не был обнаружен на городище Орлов Городок. К ножам класса 4 группы II отнесены ножи с прямой спинкой, с асимметричной округлой вершиной и срезанным или прямым концом. Такие ножи представлены 1 экземпляром, что составляет 14,28% от общего количества ножей группы II, определённых до уровня типа. Этот тип также можно отнести к «горбатым» ножам.

Группа II, класс 4, тип 1 (табл. III, № 7, рис. 3: 14)

Тип 1 представляют ножи с прямой спинкой, которая постепенно переходит по обушку в черенок. Дуга по черенку со стороны лезвия выгнутая.

В целом, на материалах городища Отмичи для ножей группы I (10 целых экземпляров) выделено 3 класса и 8 типов. Интересно отметить, что ножи этой группы типологически лишь на 40% совпадают с ножами группы I городища Орлов Городок. Ножи группы II (7 целых экземпляров) городища Отмичи представлены 4 классами и 7 типами. Ножи с прямой спинкой (группа II) типологически только на 14,28% совпадают с ножами группы II городища Орлов Городок. В основном материалы этих двух городищ представлены разным набором типов ножей, а общее совпадение типологии ножей двух групп составляет менее 30%. Существенные различия в материалах этих памятников частично связаны с хронологическими периодами, в которые протекала жизнь на городищах. Серповидные ножи и ножи с «горбатой» спинкой бытовали только до первых веков I тыс. н.э. Их нет в материалах городища Орлов Городок, существовавшего в III–VII вв. н.э., но они хорошо представлены на городище Отмичи, возникшем ещё в конце I тыс. до н.э. Тем не менее, в определённый период оба городища существовали одновременно, но если на городище Орлов Городок ножи I группы составляют 68,5%, а II – 29,7%, то на городище Отмичи обе группы включают по 50% общего количества таких орудий. Кроме того, на городище Орлов Городок найдена небольшая группа ножей (ножи группы III – обоюдоострые), которых нет на городище Отмичи. Таким образом, значительное разнообразие в данных вещевых комплексах свидетельствует, прежде всего, о разных культурных традициях, носителями которых являлись жители городища Отмичи, с одной стороны, и население городища Орлов Городок – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов А.Д. Типология железных ножей городища Орлов Городок // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
2. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие // Морфология древностей. Вып. 3. М., 1995.
3. Бухтеева М.А. Отчет об археологических раскопках городища Отмичи Калининского района Калининской области за 1968 год // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1968 год. Архив ИА РАН. Р-1. № 3706.
4. Бухтеева М.А. Раскопки городища Отмичи // АО – 1968. М., 1969.
5. Бухтеева М.А. Отчет о работе дьяковского отряда Верхневолжской археологической экспедиции в 1969 году // Отчет Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР за 1969 год. Архив ИА РАН. Р-1. № 4008.
6. Бухтеева М.А. Раскопки на городище Отмичи // АО – 1969. М., 1970.
7. Бухтеева М.А. Отчет о работе дьяковского отряда Верхневолжской археологической экспедиции в 1970 году // Отчет Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР за 1970 год. Архив ИА РАН. Р-1. № 4551.
8. Бухтеева М.А. Раскопки городища Отмичи // АО – 1970. М., 1971.
9. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. № 174. 1971.

*Комитет по охране историко-культурного наследия
Администрации Тверской области,
Тверь*

A.D. Maksimov

THE TYPOLOGY OF THE IRON KNIVES FROM OTMICH I HILLFORT

Summary

The article is the second part of a large research on the typology of iron knives found on the sites of the Early Iron Age situated on the territory of Tver Region. The collection of the knives from Otmichi hillfort consists of 29 objects found in the course of the site's excavations in 1968-1970 undertaken by M.A. Bukhteeva. The author bases his typology on the penetrating tools and weapons morphology developed by scholars of the Department of Archaeology in Moscow State University. Three classes and 8 types were singled out for the knives with arched back (group I). Four classes and 7 types are marked for the knives with straight back (group II). Otmichi and Orlov Gorodok hillforts had been functioning simultaneously for 500 years. But complexes of one and the other contain mainly different types of knives. Less than 30% of them coincide. The large variety in the artifacts' sets belonging to these two monuments gives evidence mainly on differences in cultural traditions. One of those traditions was immanent to the inhabitants of Otmichi hillfort, while the other – to those who lived in Orlov Gorodok settlement.

*The Committee for Protection of Historical and Cultural Heritage
of the Administration of Tver Region
10, Novotorzhskaya St., Tver,
170000, Russia*

И.А. Сапрыкина, А.В. Энговатова

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ДЪЯКОВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА НАСТАСЬИНО

Развитие цветной металлообработки в Волго-Окском междуречье в раннем железном веке пока остаётся мало изученным. Целью данной публикации является введение в научный оборот новых данных по химическому составу цветного металла, полученных в результате исследования материала из раскопок городища Настасьино (VII-VI вв. до н.э. - I-II вв. н.э.)¹ в Коломенском районе Московской области.

Исследование изделий из металла на современном уровне развития науки не может ограничиваться только их морфологическим и типологическим описанием [1, с. 8, 9]. Определение химического типа сплава, т.е. набора легирующих компонентов, искусственно введённых в медный сплав с целью придания ему необходимых свойств, позволяет извлечь полезную информацию для интерпретации исторических данных [2, с. 177].

Работа по определению химического состава цветного металла раннего железного века, проводимая различными исследователями, представляется перспективной [3; 4; 5; 6; 7, с. 138-144 и др.]. Последние исследования основываются на материалах культур, в определённый период испытывавших скифское воздействие [8, с. 78-100; 9 и др.], что даёт возможность проведения сравнительного анализа.

Городище Настасьино находится в 200 м к северу от д. Настасьино, на левом берегу речки Северки, впадающей в Москву-реку в 15 км от её устья. Городище расположено на первой террасе левого берега р. Северки (до которой 35 м), на естественном возвышении на первом от устья реки мысу. Площадка городища имеет протяжённость около 40 м при максимальной ширине 50 м, возвышается над уровнем р. Северки на 13 м. С напольной стороны городище укреплено двумя рвами разной глубины и одним валом.²

Впервые это городище было обнаружено в 1930-х гг. М.В. Талицким, который провёл первичное обследование памятника, отнеся его к разряду селищ раннего железного века.

Стратиграфия культурных напластований, мощность которых составляет 0,4-1,2 м в центре и на северо-восточной стороне городища, мало нарушена поздними перекопами, однако оно подвергалось многолетней распашке и потревожено деятельностью грызунов. Верхние слои (до 3-го пласта включительно) в основном содержат в себе материалы средневекового селища XIII-XV вв.

На городище исследованы остатки построек дьяковского времени, которые можно считать жилыми помещениями по наличию в них очагов. Постройки – наземные, каркасно-столбовой конструкции, прямоугольные в плане. Применяв метод радиоуглеродного датирования, удалось установить разновременность построек; в том числе чёткие даты были получены для двух жилых домов (раскоп (р.) VI-2000 г.), из которых происходит большинство вещевых находок, – одна постройка датируется IV - III вв. до н.э. (Б), другая – I в. до н.э. - I в. н.э. (А) (рис. 1).

Коллекция индивидуальных изделий из раскопок на городище, состоящая из более 3000 экземпляров, очень разнообразна; основными материалами являются кость и глина. Керамическая коллекция насчитывает более 60000 фрагментов сосудов, позволяющих реконструировать формы посуды, бытовавшей на городище в дьяковский период.

Раскопки 1999 - 2000 гг. на городище Настасьино дали обширную и разнообразную коллекцию ювелирных украшений из цветных металлов, относящихся к дьяковскому периоду (коллекция металла датируется IV-III вв. до н.э. - I-II вв. н.э.). Она состоит из 160 предметов, из которых 150 найдено в 2000 г. Практически все они происходят из раскопа VI, стратиграфия которого на основной площади не нарушена поздними перекопами [10].

Химический состав цветного металла дьяковской культуры изучен слабо. Исследователи располагают данными о типах сплавов только для коллекций изделий с Троицкого и Сатинского городищ. Эти работы были предприняты ещё в 1970-х гг. в Лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР. Коллекция цветного металла Троицкого городища (55 предметов) была исследована Е.Н. Черных и Т.Б. Барцевой [11], коллекция Сатинского городища (57 изделий) – Н.В. Рындиной и А.Н. Репиным [12].

¹ Выражаем искреннюю благодарность Н.В. Рындиной, Н.В. Енисовой, Р.А. Митояну (МГУ), А.Н. Егорькову (ИИМК РАН) за неоценимую помощь в работе.

² Результатам изучения материалов раскопок городища Настасьино посвящено издание Трудов Подмосквойной экспедиции ИА РАН: серия «Археологическое изучение Подмоскovie» (в печати).

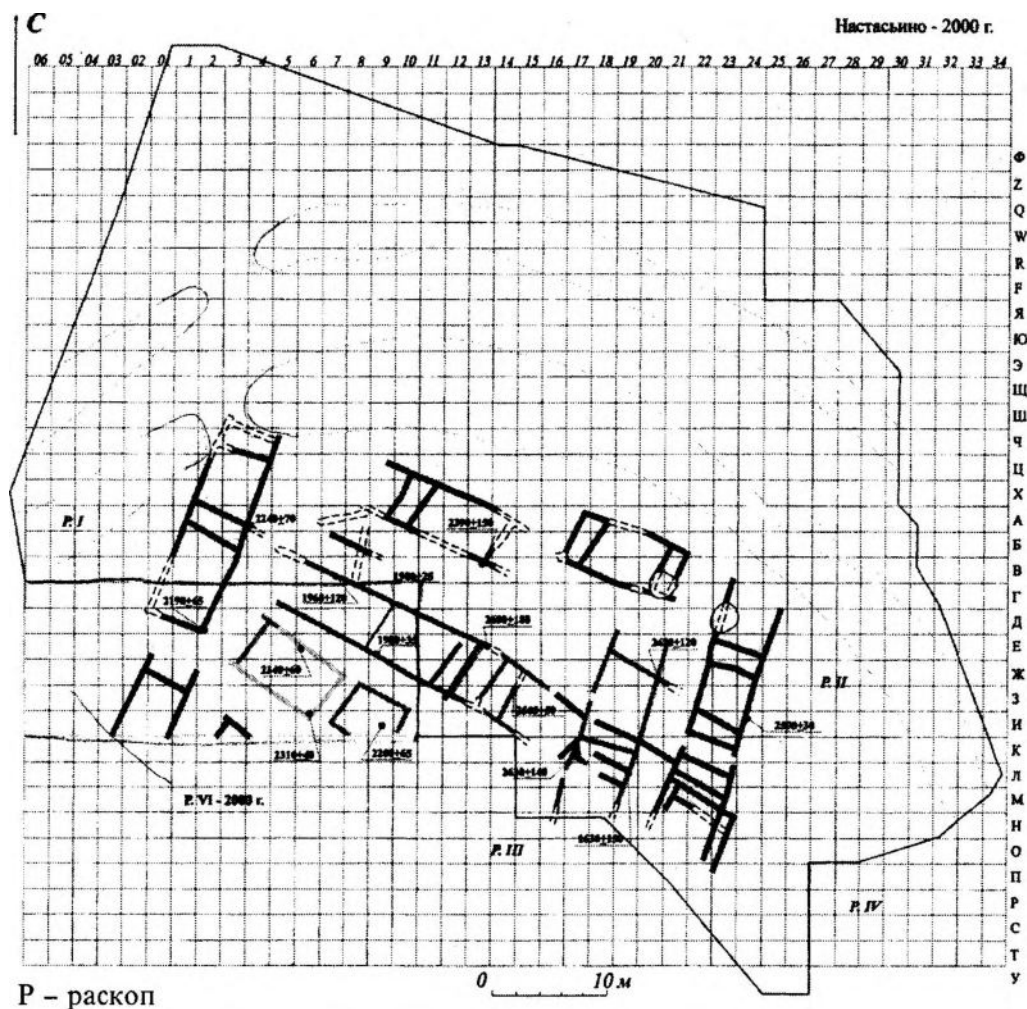

Рис. 1. Городище Настасьино. Жилые постройки дяковского периода с радиоуглеродными датами (п.н.). План

Из коллекции изделий из цветных металлов городища Настасьино было отобрано 138 образцов (все категории ювелирных украшений). Они исследовались в Лаборатории исторических технологий ИИМК РАН А.Н. Егорьковым. Статистический анализ полученных данных выполнен Р.А. Митояном на геологическом факультете МГУ с применением пакета программ SPSS (Statistica) для Windows.

Статистический анализ разделил массив данных на основе классификации, разработанной Й. Ридером. Согласно этой классификации порог легирования определяется в 1%, т.к. считается, что с добавлением к "чистой" меди 1% олова, свинца, цинка заметно изменяются свойства металла. Ощутимое преимущество состоит в более гибких границах для определения групп сплавов. В отличие от других методик разделения такой подход позволяет учитывать все легирующие элементы сплава, а не ограничиваться анализом двух компонентов в тройных сплавах (т.н. влияние «третьих составляющих») [13]. Этот порог носит в какой-то мере искусственный характер, т.к. разделение металлов на "чистые" и легированные по этому принципу на практике не происходило [14].

Эта методика была опробована многими исследователями [15; 14; 16; 17 и др.), её принципы были последовательно применены в различных работах, выработана корреляция вариабельности теоретически рассчитанных групп сплавов применительно к встречающимся в археологической практике [14].

В настоящее время в результате исследований, проведённых И.Г. Равич и Н.В. Рындиной, в отечественной практике эта комбинация была дополнена 20% интервалом для оловянных бронз и 5% интервалом для свинцовых бронз [18, с. 138-139]. Разработанная классификация позволила выделить основные группы сплавов на основе меди и соотнести их с технологическими свойствами сплавов цветных металлов, изменяющихся в зависимости от концентраций основных компонентов (табл. 1).

В итоге мы получили следующие группы и подгруппы металлов и сплавов.

1. Группа оловянной бронзы (Cu-Sn) (табл. 1, рис. 2).

Интервал концентраций олова в этой группе сплавов принят в 5%, 10% и 20%. При статистической обработке результатов разбивка на подгруппы производилась в соответствии с такими значениями: от 1,0 до 5,0%, от 5,1 до 10%, от 10,1 до 20% и т.д.

Таблица 1. Городище Настасьино. Группы сплавов и категории ювелирных изделий

Группа сплава	Подгруппа	Состав сплава	Наименование изделия	№ оп.
1	2	3	4	5
“Чистый” металлы		Cu=2,1 Sn=96,6 Pb=1,6	Дужка подвески умбоновидной	44
Cu<50%		Cu=2,58% Sn=75,1% Pb=22%	Бляшка-«скорлупка» круглая конусовидная	1664
		Cu=0,0001% Sn=53,17% Pb=45%	“Заклёпка” литая	176
Cu-Sn-Pb	Cu=80-98% Sn=1-10% Pb=1-10% + Cu=50-89% Sn=1-10% Pb=1-40%	Cu=93,28% Sn=5% Pb=1,2%	Пронизка	567
		Cu=93,13% Sn=4,5% Pb=1,8%	Пронизка	455
		Cu=92,03% Sn=6,1% Pb=1,7%	Пронизка	1203
		Cu=88% Sn=8,7% Pb=2,8%	Пронизка	181
		Cu=88,51% Sn=5,6% Pb=5,4%	Пронизка	777
		Cu=92,7% Sn=5,7% Pb=1,1%	Пронизка	1033
		Cu=84,57% Sn=9,2% Pb=5,8%	Пронизка	350
		Cu=93,93% Sn=4% Pb=1,7%	Пронизка	571-н
		Cu=88,87% Sn=9,2% Pb=1,6%	Пронизка	785
		Cu=87,94% Sn=8,7% Pb=2,8%	Пронизка	784
		Cu=86,75% Sn=7,8% Pb=4,7%	Пронизка	1062
		Cu=88,98% Sn=9,5% Pb=1%	Пронизка	1094
		Cu=89,51% Sn=7% Pb=3,2%	Пронизка	92
		Cu=90,27% Sn=5,3% Pb=4%	Пронизка	846

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Cu=90,27% Sn=5,2% Pb=4,5%	Пронизка	1780
		Cu=86,06% Sn=8,4% Pb=5,2%	Пронизка	763
		Cu=89,08% Sn=7,4% Pb=3,2%	Пронизка	147
		Cu=82,34% Sn=9,4% Pb=8%	Пронизка	454
		Cu=89,51% Sn=7% Pb=3,2%	Пронизка	92
		Cu=84,51% Sn=9,5% Pb=5,4%	Пронизка	453
		Cu=90,32% Sn=6,7% Pb=2,7%	Бляшка круглая	765
		Cu=86,64% Sn=9% Pb=3,9%	Подвеска умбоновидная	322
		Cu=88,74% Sn=9,1% Pb=1%	Дужка подвески умбоновидной	69
		Cu=87,33% Sn=9,4% Pb=2,9%	Бляшка круглая орнаментированная	1569
		Cu=95,03% Sn=3% Pb=1,1%	Бляшка-«скорлупка» круглая	743
		Cu=89,14% Sn=7,4% Pb=3,1%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1280
		Cu=94,23% Sn=4,2% Pb=1,1%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1031
		Cu=94,3% Sn=2,7% Pb=2,2%	Бляшка-«скорлупка» круглая	469
		Cu=84,66% Sn=8,7% Pb=6,5%	Бляшка-«скорлупка» круглая	173
		Cu=91,75% Sn=5,7% Pb=2,4%	Бляшка-«скорлупка» круглая	211
		Cu=88,53% Sn=8% Pb=3,2%	Бляшка орнаментированная	469
		Cu=89,56% Sn=8,8% Pb=1,5%	Бляшка бабочковидная	290

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Cu=89,26% Sn=8,2% Pb=1,4%	Накладка ременная зубчатая	241
		Cu=81,21% Sn=9,2% Pb=9%	Накладка ременная	1092
		Cu=76,8% Sn=5% Pb=18%	Пронизка	1070
		Cu=75,63% Sn=9,5% Pb=13%	Пронизка	1209
		Cu=73,96% Sn=8,7% Pb=17%	Пронизка	1091
		Cu=62,65% Sn=8,3% Pb=29%	Пронизка	456
		Cu=80,57% Sn=9% Pb=10%	Бляшка-«скорлупка» круглая	695
		Cu=79,15% Sn=7% Pb=13%	Бляшка-«скорлупка» круглая	252
		Cu=85,28% Sn=4,6% Pb=10%	Бляшка-«скорлупка» круглая	201
	Cu=70-89% Sn=10-20% Pb=1-10% + Cu=50-90% Sn=10-20% Pb=10-30%	Cu=81,28% Sn=12% Pb=6,5%	Пронизка	1064
		Cu=82,53% Sn=12% Pb=4,6%	Пронизка	220
		Cu=86,53% Sn=10% Pb=2,8%	Пронизка	764
		Cu=82,74% Sn=13% Pb=3,7%	Пронизка	713
		Cu=85,58% Sn=13% Pb=1,1%	Пронизка	1094
		Cu=88,6% Sn=10% Pb=1,1%	Пронизка	146
		Cu=87,25% Sn=10% Pb=2,4%	Пронизка	465
		Cu=86,36% Sn=12% Pb=1,1%	Пронизка	1584

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Cu=86,64% Sn=11% Pb=1,7%	Бляшка круглая	1791
		Cu=84,49% Sn=12% Pb=3,3%	Бляшка круглая	592
		Cu=80,25% Sn=17% Pb=2,1%	Бляшка круглая	606
		Cu=80,51% Sn=16% Pb=3,1%	Бляшка круглая	1040
		Cu=78,86% Sn=16% Pb=3,5%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1067
		Cu=82,19% Sn=13% Pb=4,3%	Бляшка-«скорлупка» круглая	145
		Cu=83,59% Sn=10% Pb=6,3%	Бляшка-«скорлупка» круглая	210
		Cu=83,17% Sn=10% Pb=6,3%	Бляшка-«скорлупка» круглая	685
		Cu=87,25% Sn=11% Pb=1,3%	Бляшка-«скорлупка» круглая	466
		Cu=88,07% Sn=10% Pb=1,4%	Бляшка орнаментированная	480
		Cu=78,55% Sn=14% Pb=6,7%	Подвеска умбоновидная	328
		Cu=78,07% Sn=12% Pb=9%	Подвеска умбоновидная	1685
		Cu=80,59% Sn=14% Pb=2,8%	Подвеска умбоновидная	182
		Cu=83,67% Sn=13% Pb=1,9%	Подвеска умбоновидная	333
		Cu=80,73% Sn=13% Pb=4,8%	Дужка подвески умбоновидной	333
		Cu=84,22% Sn=12% Pb=2,4%	Подвеска умбоновидная	1665
		Cu=79,41% Sn=14% Pb=5,2%	Дужка подвески умбоновидной	1665

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Cu=85,7% Sn=10% Pb=3,5%	Подвеска умбоновидная	323
		Cu=84,42% Sn=11% Pb=3,8%	Дужка подвески умбоновидной	323
		Cu=82,7% Sn=10% Pb=6,8%	Дужка подвески умбоновидной	322
		Cu=73,82% Sn=19% Pb=6,7%	Накладка ременная зубчатая	324
		Cu=72,07% Sn=19% Pb=3,8%	Накладка ременная зубчатая	53
		Cu=81,94% Sn=12% Pb=6%	Накладки фрагмент	711a
		Cu=86,25% Sn=10% Pb=3,7%	Накладки фрагмент	7116
		Cu=80,47% Sn=14% Pb=5,5%	Накладка ременная зубчатая	289
		Cu=80,31% Sn=12% Pb=7,5%	Застёжка-накладка	468
		Cu=85,52% Sn=12% Pb=2,2%	Выплеск металла	89
		Cu=74,55% Sn=12% Pb=13%	Пронизка	778
		Cu=73,57% Sn=13% Pb=13%	Пронизка	1116
		Cu=64,49% Sn=12% Pb=18%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1789
		Cu=67,72% Sn=13% Pb=19%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1289
		Cu=72,37% Sn=12% Pb=15%	Бляшка-«скорлупка» круглая	996
		Cu=68,97% Sn=15% Pb=16%	Дужка бляшки бабочковидной	1780
		Cu=67,13% Sn=15% Pb=16%	“Застёжка”-накладка	1359

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Cu=67,32% Sn=18% Pb=14%	“Застёжка”-накладка	113
		Cu=72,77% Sn=12% Pb=15%	“Застёжка”-накладка	358
		Cu=71,6% Sn=17% Pb=11%	Накладка ременная	1106
		Cu=67,48% Sn=15% Pb=16%	Подвеска умбоновидная	485
		Cu=51,89% Sn=16% Pb=30%	Дужка подвески умбоновидной	485
		Cu=72,1% Sn=17% Pb=10%	Подвеска умбоновидная	290
		Cu=59,68% Sn=15% Pb=24%	Подвеска умбоновидная	1685
	Cu=50-79% Sn=20-40% Pb=1-10% +	Cu=65,45% Sn=25% Pb=4,5%	“Застёжка”-накладка	349
	Cu=50-70% Sn=20-40% Pb=10-30%	Cu=73,92% Sn=21% Pb=4,5%	Бляшка орнаментированная	25
		Cu=52,78% Sn=20% Pb=9%	Бляшка-«скорлупка» круглая	81
		Cu=71,99% Sn=22% Pb=5,5%	Бляшка-«скорлупка» круглая	512
		Cu=66,41% Sn=21% Pb=10%	Бляшка-«скорлупка» круглая	742
Cu-Sn	Cu=95-99% Sn=1-5%	Cu=94,18% Sn=4,8%	Пронизка	452
		Cu=94,45% Sn=4,5%	Пронизка	148
		Cu=94,96% Sn=5%	Накладка ременная	336
		Cu=95,23% Sn=4,2%	Бляшка-«скорлупка» круглая	91
	Cu=90-95% Sn=5-10%	Cu=91,65% Sn=7%	Пронизка	571-м
		Cu=93,63% Sn=5,7%	Пронизка	781
		Cu=89,18% Sn=10%	Пронизка	812

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	
		Cu=90,17% Sn=8,8%	Пронизка	90	
		Cu=92,58% Sn=6,8%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1822	
		Cu=89,96% Sn=9,5%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1758	
		Cu=92,87% Sn=6,5%	Бляшка-«скорлупка» круглая	1290	
		Cu=90,46% Sn=8,8%	Бляшка-«скорлупка» круглая	88	
		Cu=90,56% Sn=8,8%	Бляшка-«скорлупка» круглая	618	
		Cu=89,76% Sn=9,4%	Накладка	1667	
		Cu=89,58% Sn=8,7%	Накладка ременная зубчатая	241	
		Cu=89,70% Sn=9%	Дужка бляшки	502	
		Cu=80-90% Sn=10-20%	Cu=82,04% Sn=17%	Пронизка	118
	Cu=87,28% Sn=11%		Пронизка	346-м	
	Cu=88,75% Sn=10%		Пронизка	805	
	Cu=88,95% Sn=10%		Бляшка-«скорлупка» круглая	560	
	Cu=86,09% Sn=13%		Бляшка-«скорлупка» круглая	280	
	Cu=80,51% Sn=18%		Бляшка-«скорлупка» круглая	1570	
	Cu=81,68% Sn=18%		Бляшка-«скорлупка» круглая	1679	
	Cu=83,38% Sn=16%		Бляшка-«скорлупка» круглая	759	
	Cu=87,68% Sn=11%		Бляшка-«скорлупка» круглая	709	
	Cu=86,6% Sn=13%		Бляшка-«скорлупка» круглая	686	
	Cu=87,7% Sn=12%		Бляшка-«скорлупка» круглая	710	
	Cu=87,38% Sn=11%		“Застёжка”	467	
	Cu-Sn-Zn-Pb		1 подгруппа	Cu=79,97% Sn=7% Pb=7,7% Zn=5%	Бляшка-«скорлупка» круглая
		Cu=77,18% Sn=5% Pb=8,7% Zn=9%		Бляшка-«скорлупка» круглая	49
2 подгруппа		Cu=90,26% Sn=6,8% Pb=1% Zn=1,6%	Пронизка	346-н	

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5
	2 подгруппа	Cu=84,85% Sn=8% Pb=2,1% Zn=1%	Бляшка круглая	47
		Cu=87,08% Sn=5,2% Pb=1% Zn=5%	Накладка	96
	3 подгруппа	Cu=61,7% Sn=17% Pb=7% Zn=13%	Бляшка круглая орнаментированная	286
		Cu=48,72% Sn=8% Pb=30% Zn=13%	Бляшка бабочковидная	285
	4 подгруппа	Cu=61,94% Sn=8% Pb=28% Zn=1,8%	Дужка бляшки бабочковидной	285

Из таблицы статистического описания значений (табл. 2) видно, что сплав не содержит других лигатур, кроме олова, минимальное значение которого (1.90000%) превышает установленный классификацией порог легирования в 1%.

Таблица 2. Статистическое описание значений

Основные параметры	Описание значений				
	Variable	Valid N	Mean	Minimum	Maximum
Cu	33	89.83273	80.51000	96.57000	4.018081
Sn	33	9.23636	1.90000	18.00000	4.001079
Pb	33	.40910	.00010	.90000	.254160
Zn	33	.02737	.00010	.90000	.156652

В результате статистического распределения результатов химического анализа цветного металла дьяковской культуры мы получили три подгруппы сплавов³ (рис. 2):

– **Cu=95-99%, Sn=1-5%**. К этой подгруппе относятся всего пять предметов из коллекции – две пронизки, ременная накладка, круглая бляшка и спиральное разомкнутое кольцо (16,6% изделий). Содержание олова довольно компактно – разброс от 4,2 до 5%;

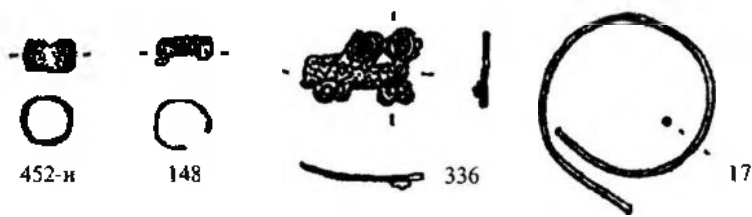
– **Cu=90-95%, Sn=5-10%**. В этой подгруппе, к которой относятся 43,4% изделий, также не наблюдается видового однообразия – представлены все категории мелких украшений, найденных на городище (пронизки, бляшки, накладки). Показатели содержания олова варьируют от 5,7 до 10%.

– **Cu=80-90%, Sn=10-20%**. Аналогично предыдущему типу сплава, эту подгруппу составляют пронизки, бляшки и “застёжка” (40% изделий). Содержание олова довольно компактно укладывается в рамки 11-13% и 16-18% (№ 118, 1570, 1679, 759).

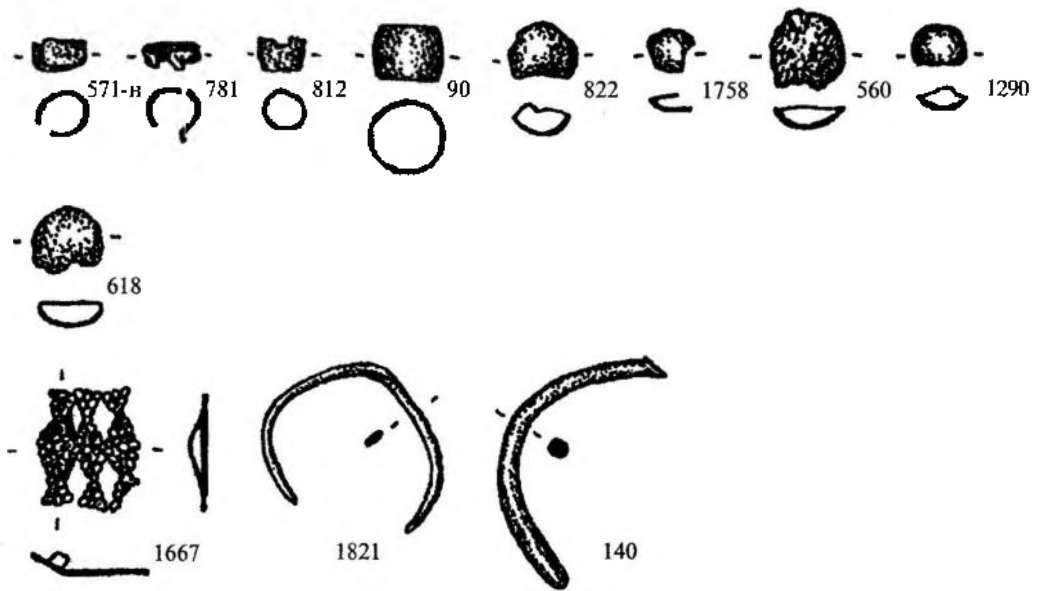
Соотношение этих подгрупп по количественным показателям выявило преобладание в выборке наиболее приемлемых по литейным характеристикам сплавов с содержанием олова от 5 до 20%. Показатели олова в химическом составе исследуемых украшений четко укладываются в рамки 4-13 и 16-18% интервалов, а наибольшая их концентрация приходится на 1-8% содержания олова в сплаве (50% изделий из коллекции украшений, изготовленных из этого сплава), что свидетельствует о соответствии состава изделий оптимальному режиму их получения способом литья [19, с. 23].

³ Номера изделий даны по полевой описи 2000 г.

I подгруппа:

II подгруппа:

III подгруппа:

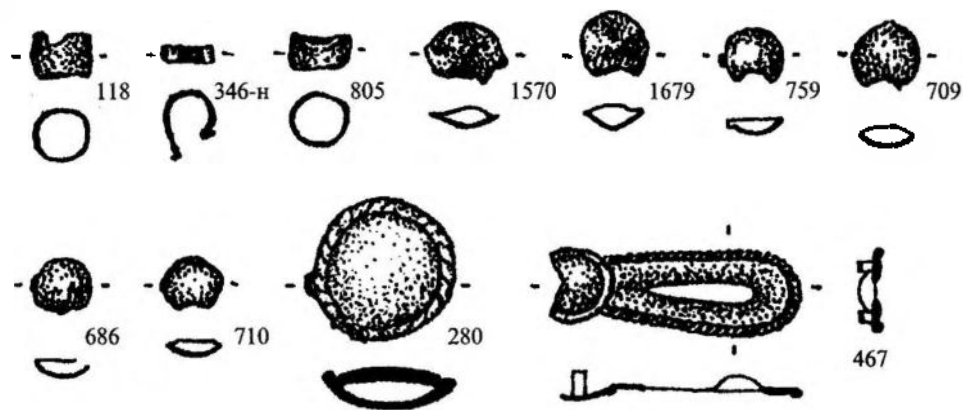

Рис. 2. Городище Настасьино. Соотношение типов сплавов и ювелирных украшений.
Группа оловянной бронзы (Cu-Sn)

2. Группа оловянно-свинцовой бронзы (Cu-Sn-Pb) (табл. 1, рис. 3).

В этой группе в зависимости от содержания олова выделяются три основные подгруппы с интервалами олова 10-20% и свинца – от 1 до 40% (табл. 3).

Таблица 3. Статистическое описание значений

Основные параметры	Описание значений				
	Variable	Valid N	Mean	Minimum	Maximum
Cu	97	81.56	51.89	95.03	9.10
Sn	97	10.95	2.70	25.00	4.42
Pb	97	6.55	1.00	30.00	6.05
Zn	97	0.01	0.00	0.70	0.07

По процентному соотношению Sn и Pb выделяются три основные подгруппы (рис. 3):

– $Sn=1-10\%$, $Pb=1-40\%$. К этому типу сплава относится 43,2% украшений. Основную массу изделий составляют пронизки разных диаметров (более 70%); к этой же группе относятся бляшки-«скорлупки», орнаментированные бляшки, бабочковидные бляшки, ременные накладки, а также две умбоновидные подвески (№ 322, 69). Содержание свинца в пронизках довольно низкое (2-4%), максимума в 7% оно достигает только в двух случаях (табл. 1).

– $Sn=10-20\%$, $Pb=1-30\%$. К этой подгруппе относится 50,5% изделий из оловянно-свинцовой бронзы. В неё вошли все умбоновидные подвески из коллекции украшений городища Настасьино (кроме двух экземпляров). Также довольно большое место занимают пронизки, бляшки-«скорлупки», разнообразные накладки. Умбоновидные подвески отличаются типологически и хронологически, но объединяются одним типом сплава, который применялся для их отливки. Содержание свинца в их металле не превышает 5-7%, и только в трёх случаях – № 485, 1359, 1780 – оно достигает 16%. Это может быть объяснено, во-первых, неоднородностью сплава (медь – свинец), во-вторых, загрязнённостью поверхности самих изделий, влияющей на качество получаемого результата анализа, т.к. свинец подвержен избирательному разрушению и может отложиться на поверхности предмета в виде серого налёта [20, с. 59]. Пример – умбоновидная подвеска под № 485, где результат анализа пробы, взятой с дужки, превышает на 14% результат пробы с «тела» подвески. Как и в предыдущей подгруппе, категория таких изделий, как пронизки и накладки, не является монолитной группой – представлены почти все типы этих изделий, выделенные для городища Настасьино.

– $Sn=20-40\%$, $Pb=1-10\%$. В этой группе всего 6,2% украшений – это бляшки-«скорлупки» и т.н. «застёжка с хвостиком». В этой подгруппе, с большим содержанием олова, содержание свинца не превышает 5%, кроме № 81 с концентрацией свинца в 9%.

Графики корреляционной зависимости для пар элементов Cu-Pb, Cu-Sn, построенные с учётом коэффициентов корреляции, позволяют предположить, что в составлении сплава использовали медь, предварительно легированную или загрязнённую свинцом, в которую добавляли либо легированную оловом медь (оловянную бронзу), либо чистое олово (табл. 4).

Таблица 4. Значения коэффициентов корреляции между элементами сплава Cu-Sn-Pb на уровне значимости $p < 0.05000$ при 95% доверительном интервале

Элементы	Cu	Sn	Pb	Zn
Cu	1.00	-0.73*	-0.81*	-0.08
Sn	-0.73*	1.00	0.24	0.17
Pb	-0.81*	0.24	1.00	-0.07
Zn	-0.08	0.17	-0.07	1.00

* – значимый коэффициент

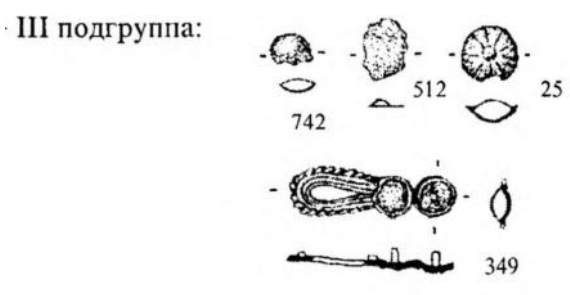
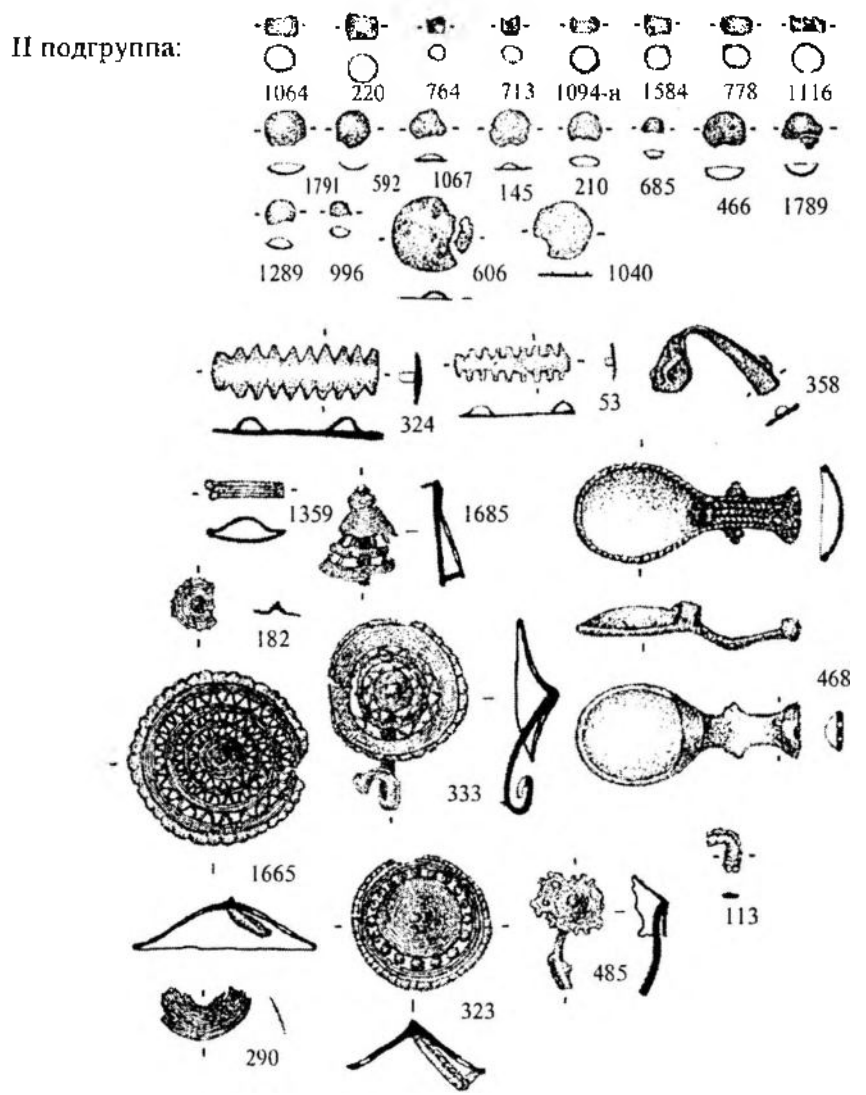
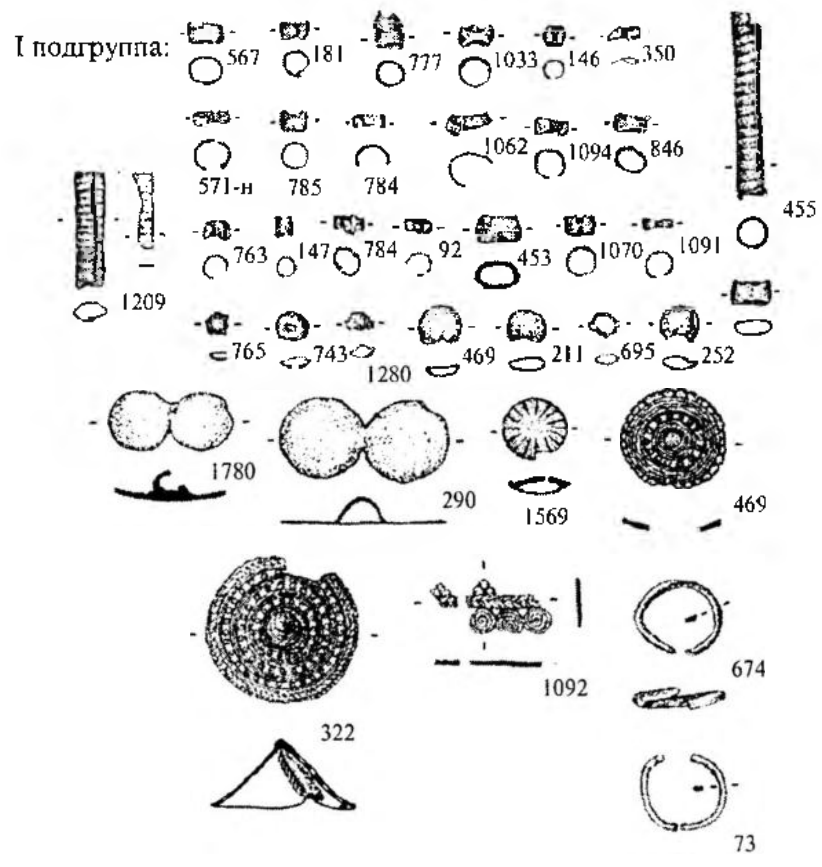

Рис. 3. Городище Настасьино. Соотношение типов сплавов и ювелирных украшений.
Группа оловянно-свинцовых бронз (Cu-Sn-Pb). I-III подгруппы

3. Многокомпонентный сплав (Cu-Zn-Sn-Pb) (табл. 1, рис. 4).

В коллекции цветного металла группа многокомпонентного сплава – самая малочисленная (7,1%). Она подразделяется на подгруппы по процентному количественному соотношению цинка, олова и свинца. Ранжирование в этой группе, к которой относятся всего 11 предметов, выявило разброс количественных показателей цинка от 1 до 13%; при этом в сплавах фиксируется большой процент олова и свинца (показатели олова – от 5 до 17%, свинца – от 1 до 30%). Совокупность этих показателей указывает на перемешанность сырья, из которого изготовлены такие украшения, как пронизки, накладки ременные, круглые и бабочковидная бляшки.

Анализ, проделанный для пар элементов: медь – олово, медь – свинец, олово – цинк, медь – цинк, – показал значимую связь между медью и свинцом и несколько слабее – между медью – оловом и оловом – цинком (положительная корреляция), при этом между оловом и свинцом она вообще отсутствует (табл. 5, 6). Отрицательная корреляция меди с оловом и цинком и положительная корреляция олова и цинка между собой, по всей видимости, означают, что составляющими многокомпонентного сплава были оловянная бронза и двойная латунь (Cu-Zn). Отрицательная корреляция между медью и свинцом и отсутствие связей в парах олово – свинец и цинк – свинец указывает на третий источник создания сплава – свинцовую бронзу. Таким образом, многокомпонентный сплав получился при смешивании лома, происходящего из различных источников.

Таблица 5. Статистическое описание значений

Основные параметры	Описание значений				
Variable	Valid N	Mean	Minimum	Maximum	Descriptive Std
Cu	8	80.98	61.70	94.61	12.54
Sn	8	7.78	1.90	17.00	4.28
Pb	8	6.67	1.00	28.00	9.03
Zn	8	4.06	1.00	13.00	3.98

Таблица 6. Значения коэффициентов корреляции между элементами сплава Cu-Sn-Zn-Pb на уровне значимости $p < 0.05000$ при 95% доверительном интервале

Элементы	Cu	Sn	Pb	Zn
Cu	1.00	-0.75*	-0.76*	-0.57
Sn	-0.75*	1.00	0.21	0.82*
Pb	-0.76*	0.21	1.00	-0.02
Zn	-0.57	0.82*	-0.02	1.00

* – значимый коэффициент

4. Легкоплавкий сплав (Sn-Pb) (табл. 1).

К этой группе сплавов по химическому составу металла относятся всего два изделия – основным металлом сплава является олово (№ 1664 – Sn=75%, № 176 – Sn=53%).

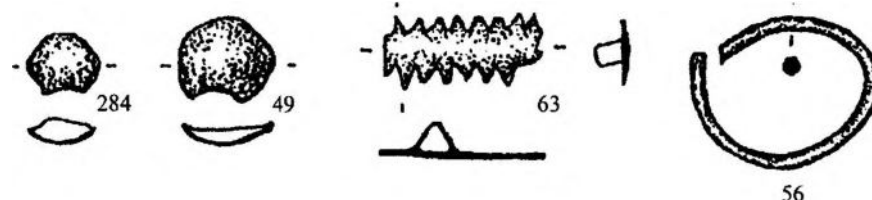
5. Чистый металл (Sn) (табл. 1, рис. 5).

Одно изделие – № 44 : Sn=96,6% , с небольшим содержанием Cu (2,1%) и Pb (1,6%).

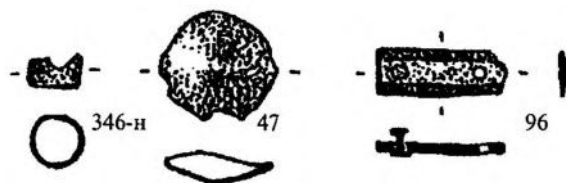
Соотношение выделенных групп металлов и сплавов с категориями ювелирных украшений

Результаты анализов этой группы материала демонстрируют преобладание свинцово-оловянной бронзы. Преобладание сплава Cu-Sn-Pb в коллекции нельзя объяснить сознательным выбором древних литейщиков, оценивавших преимущества того или иного сплава. Соотношение типов украшений с выделенными группами и подгруппами сплавов, применявшихся в дьяковское время на городище Настасьино, не даёт возможности чёткого выделения характерных категорий украшений с определённым типом сплава, за исключением умбоновидных подвесок. Они, кроме 2-х предметов, отливались исключительно из оловянно-свинцового сплава с содержанием олова 10-20% и свинца – до 5%.

I подгруппа:

II подгруппа:

III подгруппа:

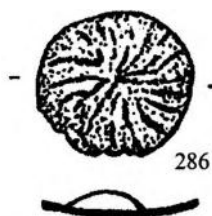

Рис. 4. Городище Настасьино.
Соотношение типов сплавов и ювелирных украшений.
Многокомпонентный сплав (Cu-Zn-Sn-Pb)

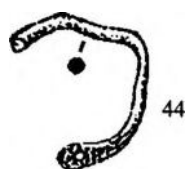

Рис. 5. Городище Настасьино.
Соотношение типов сплавов и ювелирных украшений.
Группа чистого металла (Sn)

С известной долей осторожности можно говорить о разных источниках сырья, поступавшего на городище. Вероятно, эти поступления могут быть соотнесены не только с разными металлургическими районами, но и с различными хронологическими периодами. В этом случае выделенная зависимость между типом сплава и умбоновидными подвесками на городище Настасьино может трактоваться во временном аспекте: эти изделия были изготовлены практически в одно время, или хронологический разрыв между ними не существен. Это наблюдение документируется стратиграфическим положением – почти все умбоновидные подвески относятся к пластам 4-5-А-Б (раскоп VI-2000 г.). Распространение изделий, изготовленных из бронзы с содержанием олова 10-20% и свинца до 10% (вторая подгруппа сплава: Sn=10-20%, Pb=1-30%), показывает, что они концентрируются в пластах 4-5-А-Б: 14 экз. из 20 бронзовых предметов, относящихся к оловянно-свинцовым бронзам.

Результаты сравнительного анализа цветного металла дьяковской культуры

Интересно сопоставить полученные данные с опубликованными результатами спектрального анализа цветного металла Сатинского и Троицкого городищ дьяковской культуры (табл. 7). Данные были пересчитаны автором по методике Й. Ридерера, что позволило проводить сравнение, используя заложенный формальный признак. В результате мы получили следующую картину.

Таблица 7. Процентное соотношение групп сплавов Сатинского и Троицкого городищ и городища Настасьино

Тип сплава	Коллекция Сатинского городища (VI-III вв. до н.э.)	Коллекция городища Настасьино (IV-III вв. до н.э. - I-II вв. н.э.)	Коллекция Троицкого городища (IV-V вв. н.э.)
	57 проанализированных изделий	140 проанализированных изделий	55 проанализированных изделий
Cu-Sn	80%	35%	10%
Cu-Sn-Pb	20%	60%	40%
Cu-Zn-Sn-Pb	-	5%	50%
Итого:	100%	100%	100%

Представленные результаты показывают тип сплава, наиболее характерный для каждого из исследуемых памятников. Сопоставление полученных данных указывает на изменение не только типов украшений, но и типов сплавов, бывших в употреблении. Интересно, что динамика использования групп сплавов на этих памятниках увязывается хронологически с составом коллекций [3; 21].

Аналогичные виды изделий на Троицком городище – умбоновидные подвески – по своему химическому составу полностью укладываются в группу оловянно-свинцовой бронзы. Содержание легирующих компонентов в сплаве не превышает 10% для олова и 8% – для свинца. Общая совокупность легирующих компонентов для Троицкого городища указывает на бронзу с очень низким содержанием свинца и олова, в то время как для умбоновидных подвесок исследуемого памятника характерен сплав с высоким содержанием олова и незначительным – свинца.

Типологический анализ также выявил различия и в стиле орнаментации подвесок, и в способе крепления дужки; существенны различия в способе их изготовления. Вероятно, различия в химическом составе сплавов двух памятников могут объясняться: 1) разными источниками поступления сырья; 2) возможностью легирования оловянно-свинцовой бронзы чистым оловом уже на самом городище (Настасьино).

Выводы

Обработка данных химического состава металла украшений дьяковского времени из коллекции с городища Настасьино позволила установить, что на городище присутствовали как чистый металл (олово), так и разнообразные сплавы: оловянные бронзы трёх разновидностей; оловянно-свинцовые бронзы нескольких подгрупп; многокомпонентный сплав; легкоплавкие сплавы. Примечательно, что в коллекции металла с городища Настасьино, датированной ранее II в. н.э., зафиксировано употребление многокомпонентного сплава, в составе которого имеется цинк.

Колебания содержания цинка в исследуемом сплаве и его невысокая концентрация указывают на неоднократные переплавки, т.к. при каждой из них утрачивается от 1 до 10% цинка из-за его летучести [22, с. 104]. Количественные показатели олова и свинца в исследуемом сплаве также нестабильны (от 1 до 28%), что, возможно, косвенно свидетельствует о поступлении на городище в качестве сырья латунного лома с территорий, оказавшихся в орбите влияния Римской империи и несущих на себе “индекс романизации”, выражающийся, в частности, и в знакомстве с образцами новых римских денег, поступавших не только по торговым, но и по военным путям (южные районы и территория Прибалтики) [23, р. 170; 24, с. 205-213; 14]. В этом случае получение многокомпонентного сплава могло происходить уже на самом городище.

На дьяковских памятниках известны находки римских медных монет I в. н.э. Это монета императора Домициана Флавия (81-96 гг. н.э.), найденная на территории с. Угодичи (бассейн оз. Неро) с зафиксированными разрушенными слоями дьяковского поселения [25, с. 34], и монета императора Константина II, чеканенная в Кизике, из дьяковского слоя Бушаринского городища (Звенигородский район Московской области) [26, с. 179]. Вероятно, для первых веков н.э. монеты (в качестве лома цветного металла) действительно могли служить источником сырья для культур, удалённых от центра производства этого сплава (монетное дело Поздней Республики) [5; 27].

Нельзя исключать также проникновения на территорию лесной зоны Восточной Европы изделий боспорских мастерских, которые практиковали применение многокомпонентного сплава с искусственными добавками цинка уже с конца III в. до н.э. [6, с. 91-92].

Волго-Окское междуречье, как известно, не имеет собственных залежей цветных металлов и удалено от основных центров их добычи: Урала, Кавказа, Малой Азии, Балкано-Дунайского региона. Вероятно, различные источники поступления металла на городище мы можем связывать с различными районами импорта изделий в дьяковское время. Очевидно, что украшения, поступавшие из различных регионов, служили также основным источником сырья для местного ювелирного производства, вместе с порциями чистого металла. Литейщики городища могли и сами составлять композиции, добавляя в уже готовый сплав чистый металл или другой сплав.

В результате мы можем с осторожностью утверждать, что источников сырья было несколько, они менялись и дополняли друг друга в течение всего существования металлообрабатывающего производства на городище Настасьино (IV-III вв. до н.э. – I-II вв. н.э.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Недопако Д.П. Некоторые вопросы методики исследования металла из археологических раскопок // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978.
2. Галибин В.А. Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
3. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
4. Барцева Т.Б. Спектроаналитическое изучение цветного металла скифского времени (Днепровская левобережная лесостепь) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.
5. Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. О наиболее раннем применении латуни и «чистой» меди в эллинистической чеканке государств Причерноморья и Малой Азии // Вестник древней истории. 2000. Вып. 1.
6. Трейстер М.Ю. Бронзолитейное мастерство Боспора // Археология и искусство Боспора. М., 1992. (Сообщения ГИМ. Вып. 10).
7. Косиков В.А. Алгоритм поиска рудных баз бронзолитейщиков Скифии // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1993.
8. Лощенко М.И., Барцева Т.Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // Гістарычна - археалагічны зборнік. № 6. Мінск, 1995.

9. Археология республики Коми с древнейших времен до средневековья. М., 1997.
10. *Энговатова А. В.* Отчёты об исследовании городища Настасыно Коломенского района Московской области в 1999 и 2000 гг. // Архив ИА РАН. Р-1.
11. *Черных Е. Н., Барцева Т. Б.* Химический состав цветного металла Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. (МИА. № 156).
12. *Изилова С. А.* Бронзолитейное производство Сатинского городища // СА. 1967. № 4. ✓
13. *Черных Е. Н., Барцева Т. Б.* Сплав цветных металлов // Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972.
14. *Dungworth* Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора. Адрес в Internet: <http://intarch.ac.uk/journal/issue2/dungworth/intro.html>. 1999.
15. *Bollnberg H. J.* Haupt- und Spurenelemente in Römischen Importfunden aus Skandinavien // Himlingoje - Seeland – Europa. Nordiske Fortidsminder. 1993. Serie B. Bind 13.
16. *Енисова Н. В.* Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
17. *Королева Э. В.* Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 13. Т. 1. Псков, 1996.
18. *Равич И. Г.* Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. М., 1983.
19. *Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С.* Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.
20. Реставрация металла. Методические рекомендации. М., 1989.
21. *Конькова Л. В.* Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Рубеж II-I тыс. до н.э. – XIII в. н.э. Владивосток, 1982.
22. *Енисова Н. В., Митоян Р. А., Саричева Т. Г.* Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000.
23. *Craddock P. T.* Metalworking Techniques // The Work of Angel's. Masterpieces of Celtic Metalwork, 6th – 9th centuries AD. Ed. Susan Young. London, 1989.
24. *Щукин М.* На рубеже эр. СПб., 1994. (Российская археологическая библиотека. № 2).
25. *Леонтьев А. Е.* Археология мери. М., 1996. (К предьстории Северо-Восточной Руси. Вып. 4).
26. Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970. (МИА. № 156).
27. *Treister M. J.* Spectroanalytical Study of the Kingdom of Bosphorus Bronze Coins // Bulletin of the Metals Museum. Vol. 13. 1988.

*Институт археологии РАН,
Москва*

I. A. Saprykina, A. V. Engovatova

CHEMICAL COMPOUND OF NON-FERROUS METALS OF DYAKOVO TIME FROM THE EXCAVATIONS OF NASTASYINO HILLFORT

Summary

The studied data on chemical compounds of metal ornaments let the authors state that in Dyakovo time the inhabitants of Nastasyino hillfort used “pure” metal – tin and various fusions: tin bronze of 3 varieties; tin-and-lead bronzes of some subgroups; multi-component alloy; easily fusible alloys.

Correlation analyses gives an opportunity to suggest that ancient casters of the hillfort made compositions by themselves adding into the ready alloy either pure metal or another fusion.

It is worth noting that the appearance of multi-component fusion with considerable content of zinc is fixed for Dyakovo time (before II c. BC) on the territory of the forest zone.

The Volga – the Oka Rivers watershed has no its own deposits of non-ferrous metals and is situated in the equal distance from main centres of their mining: the Ural, the Caucasus, the Near East, the Balkan-Danube Region.

The variety of sources of non-ferrous metals can be connected with different areas of ready-made ornaments' import. Obviously the artifacts brought from different regions were basic sources for local ornaments' production, together with portions of pure metal.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

О.А. Лопатина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСТАСЬИНО

Исследование керамики городища Настасьино проводилось в рамках историко-культурного подхода с помощью разработанных А.А. Бобринским [1; 2] методических приёмов, направленных, в частности, на выявление конкретных культурных традиций в гончарстве древнего населения. Изучались навыки труда древних гончаров, связанные с подготовительной стадией гончарного производства (отбор и подготовка исходного сырья, составление формовочной массы).

В ходе работы решались следующие задачи. Во-первых, выделение исходной информации о навыках труда по отбору исходного сырья, его подготовке и составлению формовочной массы. Во-вторых, реконструкция культурных традиций, связанных с подготовительной стадией гончарного производства. В-третьих, сравнительный анализ этих навыков труда по керамическому материалу из раннего и позднего слоёв памятника. Изучение проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 по свежим сколам с привлечением для сравнения эталонных образцов керамики, хранящихся в Лаборатории «История керамики» Института археологии РАН.

Раскопки городища были проведены в 1999-2000 гг. Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством А.В.Энговатовой.¹ Городище, расположенное в Коломенском районе Московской области, на р. Северке, предварительно датируется VII–VI вв. до н.э. – первыми веками н.э. [3].

В соответствии с поставленной задачей: определить особенности технологии керамического производства на раннем и более позднем этапах существования городища – была предпринята попытка выделить ранний керамический материал памятника.

Поскольку на площадке городища «точно разделить дяковские напластования на отдельные этапы не представляется возможным» [3, с.7], было решено рассмотреть материал, относящийся ко времени до возведения оборонительных сооружений и происходящий из остатков сооружений, перекрытых насыпью вала (далее – «нижний слой»). Эта керамика оказалась хоть и невыразительной и малочисленной, представленной в основном обломками стенок и небольшими фрагментами венчиков и днищ, тем не менее пригодной для технологического изучения. Целых форм нет. Ранняя керамика сравнивалась с керамикой, происходящей из основного слоя городища (далее – «верхний слой»).

Для изучения отбирались по возможности фрагменты целых сосудов, а также крупные фрагменты донных или верхних частей. При рассмотрении материала как нижнего, так и верхнего слоёв брались венчики и днища от разных сосудов, исходя из морфологии поверхности (гладкая или разные виды сетчатой), формы венчика и состава примесей в глине. Такой принцип отбора позволяет вести речь не о числе фрагментов, а о числе реальных сосудов. Всего исследован 121 сосуд (45 – из раннего слоя и 76 – из верхнего).

Отбор исходного сырья

При исследовании исходного сырья, использовавшегося для изготовления керамики нижнего и верхнего слоёв памятника, во-первых, определялась ожелезнёность использованной глины, во-вторых, изучался состав естественных примесей в глине.

Зафиксировано использование как ожелезнённой, так и нежелезнённой глины. Причём, как в верхнем, так и в нижнем слое изделия из ожелезнённой глины преобладают (табл. 1).

Таблица 1. Ожелезнённость глины по слоям (число сосудов, %)

Слой	Ожелезнённая	Нежелезнённая	Всего
Основной (верхний)	75 (98,7%)	1 (1,3%)	76 (100%)
Нижний	43 (95,5%)	2 (4,5%)	45 (100%)

¹ Выражаю свою признательность А.В. Энговатовой за предоставленные материалы.

Из естественных примесей в глине зафиксированы следующие: бурый железняк, песок и известняк.

Бурый железняк. Естественная примесь бурого железняка встречается, как правило, в виде редких включений обломочной или оолитовой формы. Кроме того, установлено, что в обоих слоях памятника имеется незначительное количество образцов, содержащих большое количество естественной примеси оолитового бурого железняка в глине. Его концентрация составляет 1:3, т.е. 1 часть примеси на 3 части глины. Частицы представляют собой зёрна размером от 0,1 до 1,5 мм с плотной корочкой снаружи.

Песок. Наиболее сложным оказался вопрос о том, являлся ли песок естественной примесью, характеризующей особенности залежи глины, или он введён искусственно для придания глиняной массе дополнительных полезных свойств. Установлено, что решающую роль в определении происхождения песка играют следующие признаки: размер и концентрация песка, распределение его в формовочной массе, а также качественный состав песка. Рассмотрим эти признаки.

Исследование размера зёрен песка в керамике верхнего и нижнего слоёв городища позволило выявить существенные различия в распределении керамики по размерным группам песка. Как видно из таблицы 2, в нижнем слое существенно преобладают образцы, содержащие пылевидный песок (67%), размер частиц которого, как правило, не превышает 0,1 мм. Иная картина наблюдается в поздней керамике. Здесь больше всего образцов, содержащих мелкий (41%) и средний (38%) песок.

Таблица 2. Размеры естественного песка в керамике по слоям (число сосудов, %)

Слой	Пылевидный менее 0,1 мм	Мелкий 0,1-1 мм	Средний 1-2 мм	Крупный 2-3 мм	Очень крупный 3-4 мм	Всего
Верхний	8 (10%)	31 (41%)	29 (38%)	6 (8%)	2 (3%)	76 (100%)
Нижний	30 (67%)	8 (18%)	5 (11%)	2 (4%)	–	45 (100%)

Концентрация песка определялась для керамики, в которой он представлен следующими размерными группами: мелкий, средний, крупный и очень крупный. Концентрация пылевидного песка не устанавливалась, поскольку пылевидный песок не мог специально вводиться в формовочную массу и его можно определённо связывать с особенностью залежи глины. Если исключить из рассмотрения для подсчёта концентрации группу керамики с пылевидным песком, остаётся 68 образцов из верхнего слоя и 14 – из нижнего, в которых размер песка превышает пылевидный. Как следует из таблиц 3 и 4, в обеих группах преобладает мелкий песок в концентрации 1:5. Кроме того, видна довольно жёсткая связь между мелким песком и концентрацией 1:5 и песком среднего размера и концентрацией 1:4.

Таблица 3. Размер и концентрация песка в керамике верхнего слоя (число сосудов, %)

Размер песка	Концентрация песка							Всего
	1:2	1:3	1:4	1:5	1:6	1:7	1:8-1:10	
Мелкий (0,1-1 мм)			2 (3%)	14 (21%)	7 (10%)	5 (7%)	3 (4%)	31 (45%)
Средний (1-2 мм)	1 (1%)	1 (1%)	14 (21%)	12 (19%)			1 (1%)	29 (43%)
Крупный (2-3 мм)			4 (6%)	2 (3%)				6 (9%)
Очень крупный (3-4 мм)				2 (3%)				2 (3%)
Итого:	1 (1%)	1 (1%)	20 (30%)	30 (46%)	7 (10%)	5 (7%)	4 (5%)	68 (100%)

Таблица 4. Концентрация песка в керамике нижнего слоя (число сосудов, %)

Размер песка	Концентрация песка						Всего
	1:3	1:4	1:5	1:6	1:7	1:8-1:10	
Мелкий (1 мм)		1 (7,1%)	4 (28,6%)	3 (21,4%)	1 (7,1%)	1 (7,1%)	10 (71,4%)
Средний (1-2 мм)		2 (14,3%)					2 (14,3%)
Крупный (2-3 мм)	1 (7,1%)	1 (7,1%)					2 (14,3%)
Итого:	1 (7,1%)	4 (28,5%)	4 (28,6%)	3 (21,4%)	1 (7,1%)	1 (7,1%)	14 (100%)

Мелкий песок в концентрации 1:5 является естественным и характеризует особенность залежи глины. На естественный характер мелкого песка указывают такие признаки, как равномерное его распределение в формовочной массе, плавное изменение размера песчинок от более мелких к крупным, стабильный мине-

ральный состав компонентов песка, а именно абсолютное преобладание кварцевых прозрачных окатанных частиц.

Песок среднего размера, а также большей крупности отнесён к искусственным примесям и будет рассмотрен ниже.

Таким образом, можно констатировать, что в ранний период существования городища для изготовления керамики отбиралась глина с пылевидным песком, а в поздний – использовался другой источник глиняного сырья со значительным содержанием мелкого песка.

Известняк. В формовочной массе ряда сосудов присутствует естественная примесь известняка, бурно взаимодействующего с раствором соляной кислоты. Известняк различен по своей форме, размерам и концентрации. По этим признакам керамику с известняком можно разделить на две группы.

В первую входят образцы с окатанными частицами известняка, размер которых не превышает 2,0 мм (в сводных таблицах 8 и 9 он условно отмечен как мелкий). Частицы известняка представлены, как правило, в виде единичных включений, их концентрация не определялась.

Вторая группа наряду с мелкими частицами содержит грубые обломочные включения известняка, размер которых достигает в отдельных образцах 10 мм. Концентрация известняка в этой группе керамики, как правило, составляет 1:4-1:5, также встречены образцы с более низкой концентрацией обломочного известняка.

Керамика с примесью мелкого известняка встречена как в нижнем, так и в верхнем слоях памятника, а с грубыми обломочными включениями – исключительно в верхнем, основном, слое городища (табл. 5). В целом количество керамики с известняком в верхнем слое выше по сравнению с нижним (соответственно 21% и 7%).

Таблица 5. Встречаемость керамики с известняком по слоям (число сосудов, %)

Слой	Мелкий известняк (менее 2 мм)	Крупные обломочные включения известняка	Без известняка	Всего
Верхний	9 (12%)	7 (9%)	60 (79%)	76 (100%)
Нижний	2 (4%)	–	43 (96%)	45 (100%)

Следовательно, можно утверждать, что в поздний период существования городища его население использовало залежь глины, содержащую крупные обломочные включения известняка, а в более раннее время глина с такой естественной примесью не применялась.

Подготовка сырья

Установлено, что при изготовлении посуды гончары городища отбирали следующие виды сырья: пластичное, минеральное и органическое. В роли пластичного сырья использовалась в основном ожелезненная глина во влажном состоянии, т.к. признаков её высушивания и дробления не обнаружено. Минеральным сырьём служили гранитные и гнейсовые породы камня, подвергавшиеся дроблению для получения дресвы, а также песок. Органическое сырьё в ряде случаев представлено навозом жвачных животных, использованным во влажном состоянии.

Наблюдения за размером дресвы позволили выявить следующие особенности в подготовке минерального сырья.

Анализ данных о максимальном размере дресвы (рис. 1) показывает, что в керамике из сооружений под валом в основном использовалась дресва не крупнее 4 мм. Причём самую многочисленную группу (56%) составляют образцы с максимальным размером дресвы от 3 до 4 мм. График демонстрирует резкое уменьшение количества образцов, в которых размер дресвы превышает 4 мм. Это говорит о том, что на раннем этапе существования городища дресва подвергалась специальному просеиванию, т.е. калибровке по размеру. Причём порог калибровки составлял примерно 4 мм.

Максимальный размер дресвы в поздней керамике существенно отличается (рис. 2). В большинстве образцов он превышает установленный для ранней керамики порог калибровки в 4 мм. Наиболее многочисленны группы образцов, в которых размер дресвы колеблется от 5 до 6 мм (28%) и от 4 до 5 мм (21%). Кроме того, отмечено значительное количество сосудов с крупными частицами дресвы, вплоть до 9 мм. В общей сложности максимальный размер дресвы превышает 4 мм в 76% случаев.

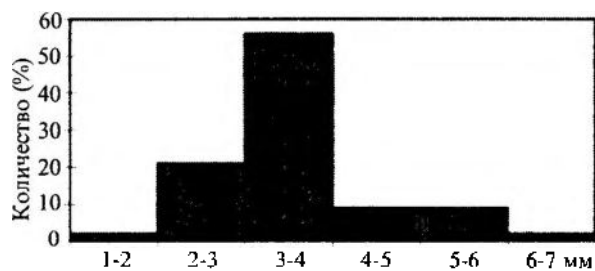

Рис. 1. Максимальный размер дресвы в керамике нижнего слоя

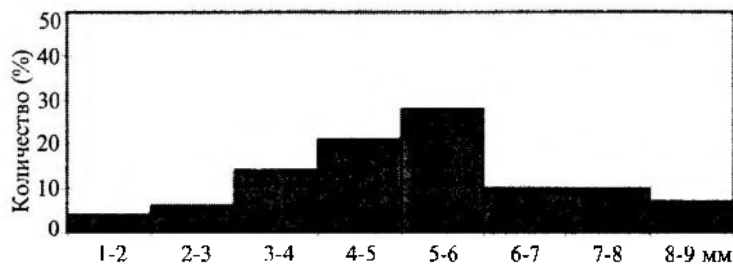

Рис. 2. Максимальный размер дресвы в керамике верхнего слоя

Составление формовочной массы

Как было отмечено выше, выделяется группа образцов, в которых фиксируется специальное введение песка в формовочную массу. Установлено, что песок в качестве примеси, увеличивающей огнестойкость изделий, мог вводиться в глину в концентрации не менее одной части на четыре или пять частей глины, причём размер зёрен песка был более 0,5 мм [1, с. 81, 82, 108].

Косвенным свидетельством добавления песка в формовочную массу являются зафиксированные случаи песчаной подсыпки на днищах сосудов. Качественный состав и размер зёрен песка в подсыпке полностью совпадает с теми же показателями песчаной примеси в формовочной массе образцов.

Однако, тот факт, что в поздний период существования городища доминировала традиция использования глины, содержащей мелкий песок в концентрации 1:5, затрудняет отделение естественного песка от искусственно введённого.

Тем не менее, в качестве искусственной примеси выделен песок средней и более крупной размерности в концентрации 1:4 и выше. Наличие песка такой крупности и концентрации, как правило, сочетается с такими признаками, как неравномерное распределение песка в формовочной массе (т.е. песчинки располагались в виде скоплений), более разнообразный минеральный состав песка. Наряду с кварцевыми прозрачными частицами он содержит розоватые песчинки, а также зёрна иного минерального состава (известняка и тёмных непрозрачных минералов).

Таким образом, для керамики городища в целом выявлены следующие рецепты формовочных масс (табл. 6): глина+дресва; глина+дресва+органика; глина+дресва+песок; глина+органика; глина+дресва+песок+органика; глина+дресва+шамот; глина+шамот+органика; глина+дресва+шамот+органика. По слоям они распределяются следующим образом.

Таблица 6. *Рецепты формовочных масс (число сосудов, %)*

Слой	Рецепты формовочных масс								Всего
	г+д	г+д+о	г+д+п	г+д+п+о	г+о	г+д+п	г+п+о	г+д+п+о	
Верхний	30 (39%)	16 (21%)	19 (25%)	5 (6,5%)	5 (6,5%)	–	–	1 (2%)	76 (100%)
Нижний	36 (81%)	3 (7%)	2 (4%)	–	1 (2%)	2 (4%)	1 (2%)	–	45 (100%)

Рецепты формовочных масс представлены как несмешанными (глина+дресва и глина+органика), так и смешанными составами (глина+дресва+органика; глина+дресва+песок; глина+дресва+песок+органика; глина+шамот+органика; глина+дресва+шамот+органика). Как видно из таблицы 6, доминирует традиция составления формовочной массы на основе дресвы. Дресва присутствует как в простых рецептах, так и в сложных. Традиции добавлять в формовочную массу наряду с дресвой песок или шамот – примесей, выполняющих ту же функцию, что и дресва: увеличение огнестойкости изделий, – указывает на смешанный характер этих традиций.

Преобладающая концентрация дресвы в керамике – 1:4 как в верхнем, так и в нижнем слоях (табл. 7). Вместе с тем, из таблицы следует, что для керамики нижнего слоя в целом характерна более высокая концентрация дресвы, чем для керамики верхнего.

Таблица 7. *Концентрация дресвы в керамике по слоям (число сосудов, %)*

Слой	Концентрация					Всего
	1:3	1:4	1:5	1:6	менее 1:6	
Верхний	3 (5%)	37 (67%)	11 (20%)	2 (4%)	2 (4%)	55 (100%)
Нижний	16 (39%)	19 (43%)	5 (12%)	1 (2%)	2 (4%)	43 (100%)

Наблюдаются существенные различия в характере шамота в керамике верхнего и нижнего слоёв. Так, единственный образец из основного, верхнего, слоя городища содержит наряду с примесью дресвы и органики крупный шамот (от 0,5 до 5,5 мм) остроугольной формы в концентрации 1:4, в самих шамотных включениях содержится примесь дресвы.

У шамота в керамике нижнего слоя отсутствует остроугольность, его размер не превышает 2,0 мм, концентрация – 1:7 и 1:6. Шамот не содержит грубых искусственных примесей.

Органическая примесь, которую можно связывать с искусственным введением в формовочную массу, разнообразна по своему происхождению и концентрации и требует специального исследования. Наиболее общие наблюдения заключаются в следующем. В образцах, в которых в качестве искусственной примеси использовалась только органика, её концентрация наиболее высока. Происхождение этой примеси, скорее

Таблица 8 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35		
36	36	+	+									+										+						1:4								
37	37	+	+									+								+		+						1:3								
38	38	+	+									+										+						1:3								
39	39	+	+									+										+						1:3								
40	40	+	+									+	+		1:5										+			1:4								
41	41	+	+									+										+						1:3								
42	42	+	+									+										+						1:3								
43	43	+	+									+										+						1:4								
44	44											+											+					1:4								
45	45	+	+									+	+		1:8-10													1:4			+		1:5	+		

Примечание к таблицам 8 и 9: ++ – оолитовый железняк в концентрации 1:3.

всего, различно. В одних случаях не вызывает сомнений факт специального добавления в формовочную массу навоза жвачных животных во влажном состоянии, в других – уверенно связывать органическую примесь с навозом не представляется возможным из-за отсутствия достаточных оснований. Её происхождение остаётся пока неясным.

В тех образцах, где органика добавлялась в формовочную массу наряду с минеральной примесью, её концентрация, как правило, незначительна. Происхождение следов органического вещества в формовочной массе этой группы образцов может быть связано с навозом, использованным во влажном состоянии, либо с выжимкой из навоза, содержащей крупные частиц растений, либо с растворами органического происхождения. Однако эти предположения нуждаются в дальнейшем уточнении.

***

В результате изучения культурных традиций населения городища Настасьино, связанных с подготовительной стадией гончарного производства, установлены, во-первых, состав этих традиций, во-вторых, их хронологические особенности.

На ступени отбора исходного сырья выявлены традиции использования разных залежей природных глин для изготовления посуды, которые отличаются по ожеженности и по качественному составу естественных примесей. Гончары использовали разные источники исходного сырья: нежеженную глину, ожеженную глину с большим количеством оолитового бурого железняка, ожеженную глину с включениями грубообломочного известняка, а также ожеженную глину с разным количественным и размерным составом песчаной примеси.

Традиции использования нежеженной глины и глины с большим количеством оолитового бурого железняка отмечены в единичных образцах керамики, происходящих как из нижнего, так и из верхнего слоёв. Никаких хронологических особенностей этих традиций выявить не удалось, можно лишь указать на их особый характер.

Использование источников сырья с примесью грубообломочного известняка, а также с разным количественным и размерным составом песка имеет следующие хронологические особенности.

Для раннего периода существования городища установлена устойчивая традиция использования пластичной глины, не содержащей крупной песчаной примеси. В поздний период доминирует традиция отбора менее пластичной глины с содержанием мелкого песка в концентрации 1:5.

Только в поздний период существования городища использовалась залежь глины с включениями крупного обломочного известняка.

Отмечены разные традиции подготовки дроблёной минеральной примеси в керамическое тесто в нижнем и верхнем слоях памятника. Так, в ранний период дресва подвергалась калибровке, т.е. просеивалась, причём порог калибровки составлял примерно 4,0 мм. В более позднее время дресву не просеивали.

Изучение состава формовочных масс позволило установить, что на всём протяжении существования городища доминировала традиция использования дресвы в роли основного компонента формовочной керамической массы. Дресву широко использовали как те гончары, которые отбирали пластичную глину, так и те, которые отбирали глину с примесью мелкого песка. Содержание в формовочной массе ряда сосудов песка и шамота (минеральной примеси, уменьшающей огнестойкость изделия, т.е. выполняющей ту же технологическую задачу, что и дресва) указывает на проявление культурного смешения носителей разных навыков приготовления формовочной массы. Иные культурные традиции, отмеченные сложным составом формовочных масс, одним из компонентов которых является дресва (такие, как глина+дресва+песок; глина+дресва+шамот), говорят об усложнении состава населения городища за счёт носителей традиции добавления в формовочную массу в одном случае песка, в другом – шамота.

Как было показано А.А. Бобринским, приспособительные навыки труда гончаров способны быстро изменяться и реагировать на начало

Таблица 9 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35		
33	40	+	+													+			1:4				+					1:6								
34	41	+	+										+		1:6								+						1:4							
35	42	+	+											+	1:5									+					1:4							
36	43	+	+										+		1:5							+							1:5							
37	44	+	+	+									+		1:5												+	1:4								
38	45	+	+													+			1:4					+				1:5								
39	46	+	++										+		1:7						+							1:4								
40	47	+	+	+								+										+	+					1:4							+	
41	48	+	+											+	1:5								+					1:5							+	
42	49	+	+										+		1:7							+						1:3							+	
43	50	+	+										+		1:5								+					1:4								
44	51	+	+														+		1:4					+			1:4									
45	52	+	+						+		1:8			+	1:5									+				1:5								
46	53	+	+													+			1:4				+				1:4									
47	54	+	+										+		1:4									+				1:4								
48	55	+	+										+		1:5								+				1:4									
49	56	+	+										+		1:6					+							1:8								+	
50	59	+	+									+									+		+				1:4								+	
51	60	+	+													+			1:4	+							1:5								+	
52	61	+	+	+												+			1:4				+				1:5								+	
53	62	+	+										+		1:6						+						1:7								+	
54	66	+	+													+			1:4						+		1:4								+	
55	67	+	+	+												+			1:4								+	1:3								
56	68	+	++										+		1:7								+				1:5									
57	69	+	+													+			1:4				+				1:4									
58	70	+	+										+		1:6												+	1:5								
59	71	+	+									+															+	1:5							+	
60	72	+	+													+			1:4					+			1:4									
61	73	+	+														+		1:4						+		1:4								+	
62	74	+	+										+		1:7									+			1:4								+	
63	75	+	+													+			1:2			+			+		1:5									
64	76	+	+															+	1:5					+		1:4										
65	77	+	+														+		1:5					+		1:4										
66	78	+	+	+													+		1:4								+	1:5								
67	79	+	+										+		1:5									+			1:5									
68	80	+	+										+		1:5									+			1:4									
69	81	+	+					+			1:4			+	1:8-10								+					1:5								
70	82	+	+									+																							+	
71	83	+	++															+	1:5				+			1:4										
72	84	+	+										+		1:5									+		1:5										
73	86	+	+							+	1:5	+															+	1:4								
74	100	+	+										+		1:5																				+	
75	101	+	+										+		1:5																				+	
76	103	+	+		+						1:6		+		1:6																				+	

процессов смешения в течение первых нескольких лет (2, с. 66). Наблюдения, полученные в результате изучения городища Настасьино, говорят о том, что состав гончаров городища был достаточно подвижным и менялся за счёт новых переселенцев с других поселений дяковской культуры, которые приносили с собой иные навыки отбора исходного сырья, его подготовки и составления формовочной массы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
2. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
3. Энговатова А. В. Отчет о раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 1999 г. М., 2000. // Архив ИА РАН. Р-1.

*Институт археологии РАН,
Москва*

О.А. Lopatina

SOME PECULIARITIES OF CERAMICS PRODUCTION TECHNOLOGY OF THE INHABITANTS OF NASTASYINO HILLFORT OF DYAKOVO CULTURE

Summary

The article is devoted to the studies of cultural traditions in pottery production connected with adoptive labour skills of Nastasyino hillfort population of Dyakovo culture. The fragments of 121 vessels have been investigated. The author compares pottery of various chronological periods from dwellings' remains covered by rampart body with the ceramics from the main cultural deposit of the hillfort. The chronological peculiarities of cultural traditions in choosing the raw material, its preparation and forming mass composition are revealed. The changes in adoptive labour skills were connected with complication of the hillfort population structure, which was caused by migration of potters within the population of Dyakovo culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.С. Сыроватко, А.Я. Елистратов

ОБ ОПЫТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ НА ДЪЯКОВСКИХ КЕРАМИКЕ И МЕЛКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКЕ

Отпечатки пальцев на керамике и мелкой пластике дьяковской культуры уже привлекали внимание исследователей. Е.И. Горюнова, а вслед за ней И.Г. Розенфельдт после осмотра отпечатков пальцев на миниатюрных сосудах пришли к выводу о том, что изготавливались они чаще детьми, что позволило исследователям сделать вывод об использовании большинства миниатюрных сосудов в качестве игрушек. Однако критерии определения возраста гончара по отпечаткам пальцев, которыми они руководствовались, неизвестны [1, с. 87; 2, с. 134].

Авторами проведено исследование небольшой серии отпечатков пальцев на предметах мелкой глиняной

Рис. 1. Отпечаток пальца (увелич.)
с нанесённым на него отрезком длиной 5 мм

пластики и фрагментах сосудов с применением методики определения возраста, принятой в криминалистической практике, и участием в работе профессионального криминалиста. В основе использованного метода определения возраста лежит установленная практикой зависимость количества папиллярных линий, уместающихся на единицу длины, от возраста человека. В криминалистических исследованиях возраст приблизительно определяется путём подсчёта количества папиллярных линий (с любого участка кожи) на отрезке длиной 5 мм, направленном перпендикулярно потоку папиллярных линий (например, так, как это показано на рис. 1). Не требуется специального оборудования – достаточно линейки, лупы и иголки. В таблице 1 приведены принятые в криминалистике показатели плотности папиллярных узоров [3].

Описанный метод в течение многих лет используется криминалистами [4; 5]. Поскольку в основе его лежат средние антропометрические показатели современного человека, он не учитывает отклонения внешнего физического строения отдельных индивидуумов. Так, у некоторых очень полных взрослых людей плотность линий может достигать 6-7 на 5 мм, а у некоторых взрослых худощавого телосложения – 10-11 линий, приближаясь по показателям к подростковым. Пол человека не оказывает влияния на плотность папиллярных линий кожных узоров. Не имеет значения и участок кожи – плотность папиллярных узоров одинакова на всех частях тела. Все эти обстоятельства предопределили и требования к образцам: для опре-

Таблица 1. Средние показатели соотношения плотности папиллярных узоров и возраста человека

Количество папиллярных линий на отрезке в 5 мм	Возрастные группы
12-13	Дети 8-12 лет
10-12	Подростки 13-17 лет
9-10	Взрослые – от 18 лет и старше

деления возраста достаточно сравнительно небольшого участка отпечатка, только ширина его должна быть не меньше 5 мм.

Мы целенаправленно вели поиск образцов для анализа на поверхностях керамических предметов из числа индивидуальных находок, полученных при раскопках одним из авторов группы дьяковских городищ в бассейне Средней Оки – Протопоповского, Городищи и Городна 1. Основная масса этих предметов являлась обычным набором дьяковских керамических поделок, в том числе неотрибутированных обломков погребушек, миниатюрных сосудиков и грузиков (рис. 2-5)¹. Только зооморфная фигурка послужила поводом для отдельной публикации [6]. Всего было подвергнуто анализу около сорока предметов, однако пригодных для определения образцов получено всего пять – даже с учётом того, что требования, предъявляемые к качеству отпечатков, просты, пригодных для определения всё равно остаётся очень немного. Отпечатки на стенках сосудов в нашей выборке, напротив, случайны – специального поиска таких отпечатков на фрагментах сосудов не велось. Видимо, чаще всего на сосудах их можно обнаружить с обратной стороны орнаментальных ямочных вдавлений: при выполнении накола по сырой глине стенку сосуда с обратной стороны придерживали пальцем (рис. 4-5). Однако и на сосудах, так же, как и на мелких предметах, пригодные для определения возраста отпечатки чрезвычайно редки. Особняком стоит предмет, найденный на Настасьинском городище в 2000 году (рис. 2). Это маленький комочек глины, который мяти пальцами, и обожжённый, видимо, случайно².

Результаты наших исследований сведены в таблице 2. Распределились они следующим образом: 3 оставлены взрослым человеком – на сосудах и грузике дьякова типа, 2 принадлежат детям и 6 – людям, по современным представлениям относимым к подросткам. Детские и подростковые отпечатки присутствуют при этом на всех категориях находок: сосудах, зооморфной фигурке, грузике дьякова типа – т.е. на предметах, обычно не относимых к игрушкам (хотя наблюдения И.Г. Розенфельдт и Е.И. Горюновой оказались при этом недалёкими от истины).

Преобладание в выборке отпечатков пальцев людей подросткового возраста в первую очередь навело нас на мысль о неучтённой усадке керамического теста при обжиге. И хотя в нашей серии образцов присутствуют отпечатки, оставленные взрослыми людьми (причём отпечаток на образце 2 имел разреженность линий выше обычного и принадлежал, вероятно, довольно крупному человеку), мы попытались экспериментально подтвердить используемый метод.

С этой целью мы произвели контрольное определение возраста по отпечатку, сделанному одним из авторов на куске сырой глины, впоследствии обожжённой. Мы в данном случае не стремились соблюсти чистоту эксперимента и не пытались воспроизвести рецептуру теста дьяковской керамики – для нас важнее было установление самого факта влияния обжига на изменения плотности линий отпечатков. Для опыта был взят обычный жёлтый покровный суглинок, в качестве отошающей добавки использован песок. Образец был обожжён до светло-розового цвета. В результате мы получили почти полное совпадение плотности линий в отпечатке на опытном образце (10-11 линий) и в контрольных отпечатках, снятых с различным усилием (9-11 линий). Такая плотность может соответствовать либо молодому человеку, почти подростку, либо человеку взрослому, но некрупного телосложения (что и было на самом деле). Усадкой теста, таким образом, можно пренебречь. Это подтверждает и наличие отпечатков взрослых людей в нашей выборке.

Общие результаты наших исследований оказались для нас самих довольно неожиданными, а их интерпретация не может быть однозначной. Кроме того, количество определённых образцов сравнительно невелико, и здесь может присутствовать некоторый элемент случайности. Однако, как мы уже отмечали, отпечатки пальцев встречаются довольно редко, и собрать крупную серию отпечатков сложно. Преобладание подростковых и детских отпечатков на керамике и мелкой глиняной пластике может быть связано с отражением социальной структуры общества (привлечение к определённым видам работ людей определённого возраста), назначением самих предметов (игрушки?) и, наконец, этническими особенностями дьяковского населения. Первый вариант, исходя из имеющихся данных, хотя и не отвергается нами вовсе, пока всё же не может быть принят, во-первых, потому, что до сих пор не выявлено зависимости между категориями предметов и возрастом людей, их изготовивших, а во-вторых, понятие "подросток" в данном случае означает только возраст, а не социальную зрелость. Говорить о назначении предметов, опираясь только на возраст изготовивших их людей, также, на наш взгляд, не следует, поскольку изготовить игрушку могли в любом возрасте. Поэтому авторы склоняются к принятию третьего варианта – объяснению наших результатов антропологическими особенностями населения. Полученные нами данные свидетельствуют о преобладании у дьяковцев людей грацильного телосложения – худощавых и невысокого роста.

Антропологический тип дьяковского населения остаётся неизвестным до настоящего времени из-за отсутствия соответствующего антропологического материала: реконструируемый исследователями погребальный обряд не предполагает сохранности скелетов [7; 8], а разрозненные кости и погребение на Троицком городище не могут быть достоверно связаны с его обитателями [9, с. 14, 51; устное сообщение К.А. Смирнова]. Поэтому мы не можем проверить собственные выводы, которые имеют предварительный характер.

Всё же применённая нами методика, видимо, способна дать новые сведения по истории древних обществ, и исследования в этой области необходимо продолжить.

¹ Подсчёт количества папиллярных линий по приводимым в статье фотографиям невозможен, поскольку отпечатки и масштабная линейка сняты в разных плоскостях.

² Авторы выражают признательность А.В. Энговатовой за возможность использования неопубликованного материала.

Таблица 2. Результаты анализа возраста гончара по отпечаткам пальцев на керамике

№	Предмет Местонахождение	Полевой шифр	Возраст
1	Донце миниатюрного сосуда Городищи	Гор-97-22 3-3	14 линий, ребёнок, 5-7 лет
2	Грузик дьякова типа, тип 14 (?) Городищи	Гор-98-22 р-2	6-7 линий, взрослый
3	Грузик дьякова типа, тип 1 Городищи	Гор-98-46 р-2	12 линий, подросток
4	Фрагмент погремушки или миниатюрного сосуда Городищи	Гор-98-23 р-2	13 линий, подросток
5	Фрагмент сосуда Городищи	п/м	11-12 линий, подросток
6	Фрагмент сосуда Городищи	п/м	9 линий, взрослый
7	Зооморфная фигурка Протопопово	КС-9 П-91	12 линий, 8-12 лет
8	Обожжённый комок глины Настасьино, 2000 г.	Р-V кв. Ц-13	15 линий, ребёнок младше 8 лет
9	Венчик сетчатого сосуда Настасьино, 1999 г.	Р-1 кв. Б-В-6 пл. IX	9 линий, взрослый
10	Венчик сосуда Настасьино, 1999 г.	Р-3 кв. Д-11 пл. VIIa	13 линий, подросток
11	Фрагмент гладкостенного сосуда Настасьино, 1999 г.	Р-4 кв. И-22 пл. III	12 линий, подросток

п/м – подъемный материал; кв. – квадрат; пл. – пласт; р – раскоп

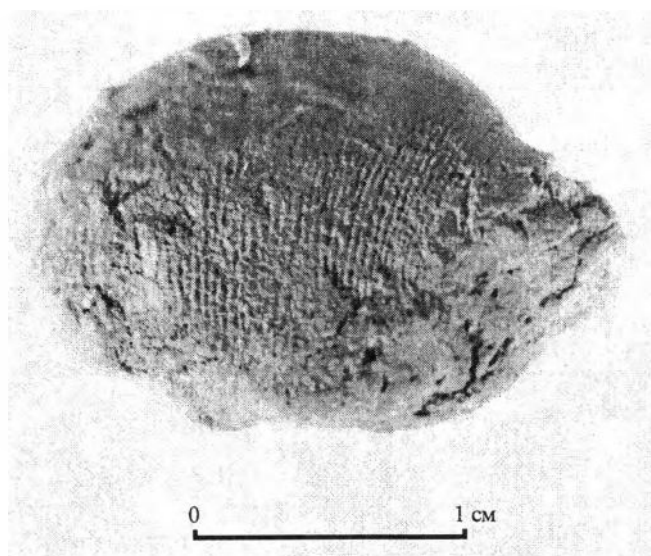

Рис. 2. Отпечатки пальцев на комке глины.
Настасьинское городище

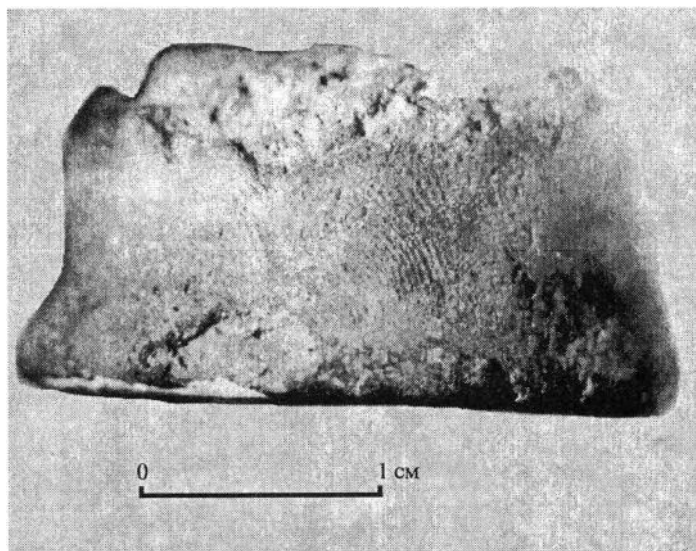

Рис. 3. Отпечатки пальцев на придонной части
миниатюрного сосудика. Городищи

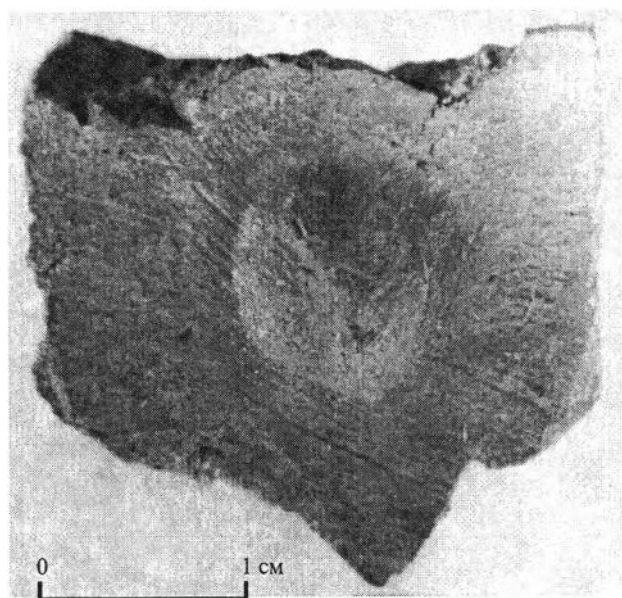

Рис. 4. Отпечатки пальцев на внутренней стороне
стенки сосуда. Городищи

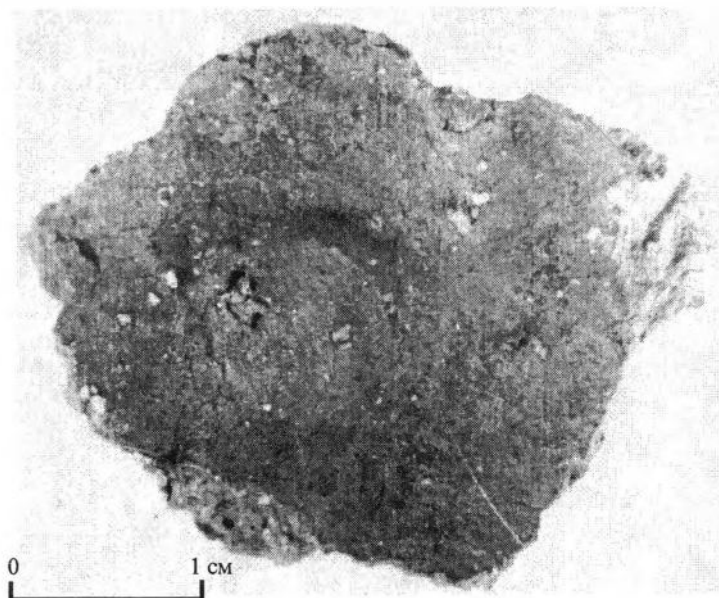

Рис. 5. Отпечатки пальцев на внутренней стороне
стенки сосуда. Городищи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. 1961.
2. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
3. Статкус В.Ф. Осмотр места происшествия. М., 1995.
4. Комаринец В.М., Шевченко Б.И. Руководство по осмотру места происшествия. М., 1938.
5. Алексеев А.А., Филиппов В.В. Предварительное исследование материальных следов на месте происшествия. М., 1987.
6. Сыроватко А.С. Зооморфная фигурка с Протопоповского городища // РА. 1998. № 2.
7. Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекнинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995.
8. Смирнов К.А. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА. 1990. № 2.
9. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. 1970.

*Институт археологии ИА РАН,
Москва
Межрайонный экспертно-криминалистический отдел
Управления внутренних дел,
Коломна, Московская область*

A.S. Syrovatko, A.Ya. Elistratov

ON THE ATTEMPT OF FINGERPRINTS DETERMINATION ON DYAKOVO CULTURE POTTERY AND MINOR CLAY PLASTIC ARTIFACTS

Summary

The authors analyze the traces of fingerprints on minor clay plastic artifacts and pottery of Dyakovo culture to determine approximate age of people, which made these objects. The methods employed in criminal investigation were used in this research work. The base of the method lies upon the correlation between the density of a papillary pattern and a person's age.

The results gained and given in Table 2 reveal the prevail of fingerprints belonging to teenagers of 8-17 years old on minor clay artifacts, though the excerpt contains the fingerprints of adults and children under 8 years old.

To the authors' opinion, at this primary stage of research these peculiarities can be explained by anthropological specifics of Dyakovo culture population.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
24, App. 26, Sapozhkovykh St., Kolomna,
140408, Moscow Region, Russia*

*Interregional Department of Criminal Experts
of Internal Affairs Authority
Kolomna, Moscow Region*

И.В. Исланова

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА ДУЛЁВО (КОЗЛОВО)¹

Городище расположено в 0,7 км к юго-западу от д. Козлово Старицкого района Тверской области на левом крутом берегу р. Волги (рис. 1). С запада и севера отделено естественными укреплениями – оврагом и ручьём. С западной стороны находятся два вала. Площадка по форме представляет собой неправильный треугольник площадью 400 кв. м. На площадке находилось 8 курганов.

Городище открыто краеведом П.В. Завьяловым. Обследовалось в 1965, 1967 и 1973 гг. Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР. К.И. Комаровым на городище были заложены шурфы и 4 рекогносцировочных раскопа [1]². Площади раскопов: 54, 16, 8 и 10 кв. м. При раскопках древнерусского кургана № 1 с труположением [2, с. 58] в насыпи, сооружённой частично из культурного слоя городища, была собрана керамика эпохи раннего железного века. Кроме этих находок в раскопах и шурфах был обнаружен материал (в том числе и керамика) эпох неолита и бронзы. Коллекции хранятся в Тверском государственном объединённом музее.

Культурный слой имел мощность от 20 до 70 см. Верхние напластования (25 см) представляли собой гумусированную супесь или лёгкий суглинок и относились к раннему железному веку. Нижние напластования на разных участках состояли или из светло-коричневого суглинка, или из плотного сероватого суглинка и относились к раннему железному веку и к эпохе бронзы. Материком являлся суглинок с известняком.

Керамическая коллекция раннего железного века, полученная при исследовании площадки городища, насчитывает 697 фрагментов, насыпи кургана – 89 фрагментов. При передаче коллекции в музей были изъяты только мелкие обломки сосудов, что отражено в сохранившейся описи. Большинство находок имеет точную привязку к пласту и квадрату раскопа или слою шурфа. В раскопах 1 и 4 находки фиксировались по пластикам толщиной 30 см (т.е. 0-30 см, 30-60 см); в раскопе 2 – по пластикам 20 см (0-20 см, 20-40 см). Далее они условно именуется: нижний и верхний пласты.

На городище встречена сетчатая (сетка мелкая, по всей видимости, сделана с помощью специального штампа), штрихованная (расчёсы) и гладкостенная керамика. Среди последней можно особо выделить фрагменты с затёртой внешней поверхностью и лощёные. Преобладает гладкостенная посуда. Лощёная и затёртая в основном представлена мелкими фрагментами. Скорее всего, это следствие распашки верхней части слоя. На городище также довольно много сетчатой керамики (табл. 1).

Таблица 1. Внешняя поверхность керамики из раскопов

Внешняя поверхность	Количество фрагментов	Процент от общего числа фрагментов
Сетчатая	217	27,6%
Штрихованная	23	2,9%
Гладкостенная	406	51,7%
Лощёная	35	4,5%
Затёртая	34	4,3%

Наибольшее число фрагментов происходит из раскопа 1 (проанализировано 343 экз.). Соотношение находок из этого раскопа несколько иное, чем во всей коллекции: сетчатой и гладкостенной керамики почти поровну (табл. 2). Это, видимо, объясняется преобладанием здесь относительно ранних напластований.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00091а.

² Пользуюсь случаем поблагодарить К.И. Комарова, предоставившего возможность опубликовать материалы его раскопок.

Таблица 2. Внешняя поверхность керамики из раскопа 1

Внешняя поверхность	Количество экз. / процент от 343 экз.	Количество экз. / процент от 130 экз. из верхнего пласта	Количество экз. / процент от 190 экз. из нижнего пласта
Сетчатая	140 / 40,8%	51 / 39,2%	87 / 45,8%
Штрихованная	19 / 5,5%	5 / 3,8%	14 / 7,4%
Гладкостенная	147 / 42,9%	55 / 42,3%	77 / 59,2%
Лощёная	10 / 2,9%	8 / 6,2%	4 / 2,1%
Затёртая	10 / 2,9%	4 / 3,1%	–

Примечание: при подсчётах по пластам учтены только фрагменты, привязанные к ним.

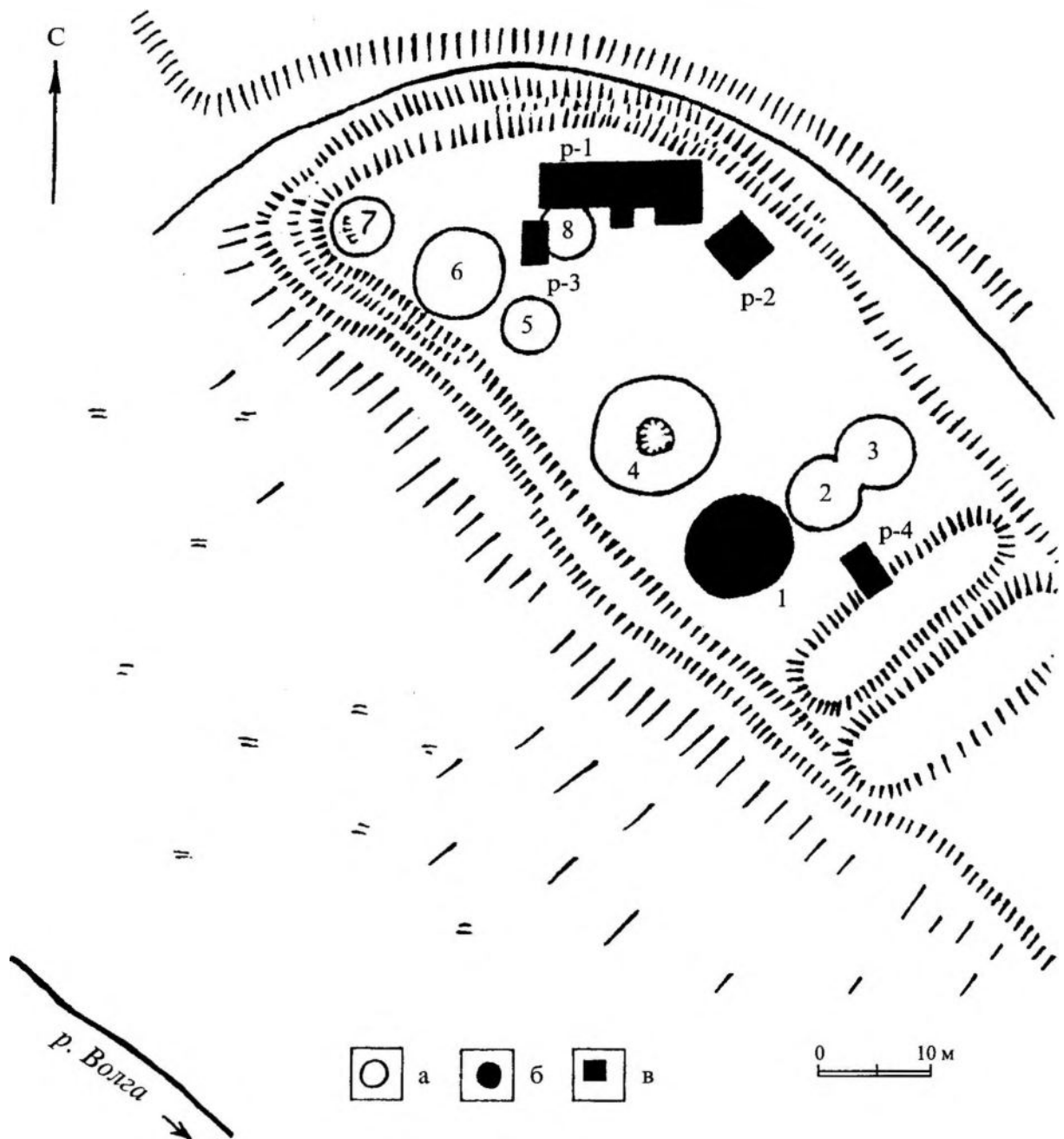

Рис. 1. План городища Дулёво (Козлово) по К.И. Комарову.
а – курган; б – раскопанный курган; в – раскоп: р-1 – раскоп 1 и т.д.

На раскопе 1 прослеживается некоторое уменьшение сетчатой и штрихованной керамики снизу вверх и, напротив, – увеличение числа лощёной; в верхнем пласте встречена затёртая посуда.

Интересно, что при раскопках кургана в насыпи было обнаружено относительно много лощёной и затёртой посуды (в количественном отношении больше, чем на раскопе 1). Можно предположить, что часть верхнего слоя городища, содержащая эту керамику, в основном пошла на сооружение насыпей курганов. С этим, по-видимому, и связан относительно малый процент находок лощёной посуды в раскопах и шурфах.

На днищах горшков прослежена подсыпка из золы или песка и мелкой дресвы, есть сосуды без подсыпки (в основном лощёные). На днищах сетчатых горшков встречены также сетчатые отпечатки.

Основные принципы предварительной классификации керамики поселений дьякова типа были изложены нами ранее [3, с. 61-65]. В процессе создания общей классификации керамики памятников Валдая и Верхнего Поволжья, которая могла бы охватить материалы как древностей железного века, так и раннего средневековья, была произведена следующая корректировка ранее опубликованной предварительной схемы: наименование «стиль» заменено на «группу», группы пронумерованы арабскими цифрами, уменьшено количество форм (рис. 2), они обозначены прописными буквами русского алфавита, сохранено наименование вариантов (оформление плеча) строчными буквами.

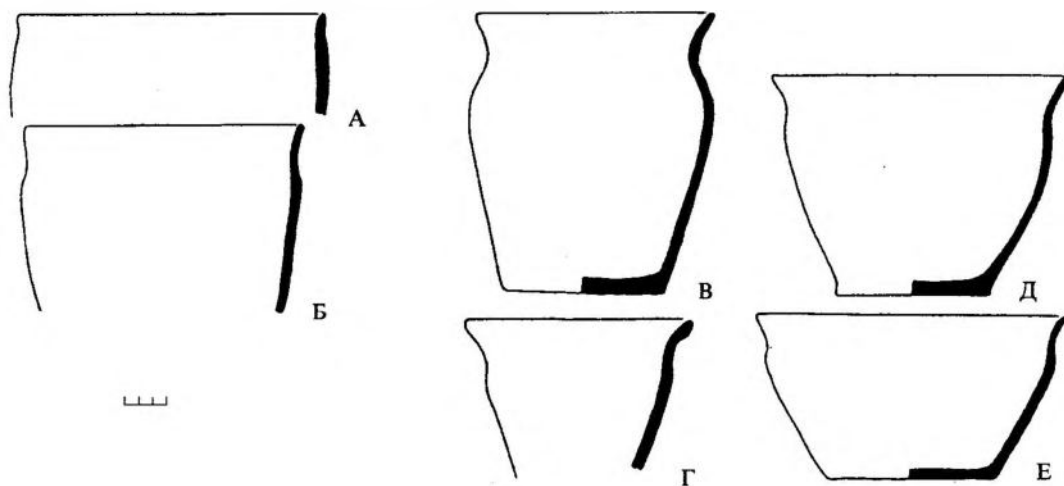

Рис. 2. Формы керамики по классификационной схеме

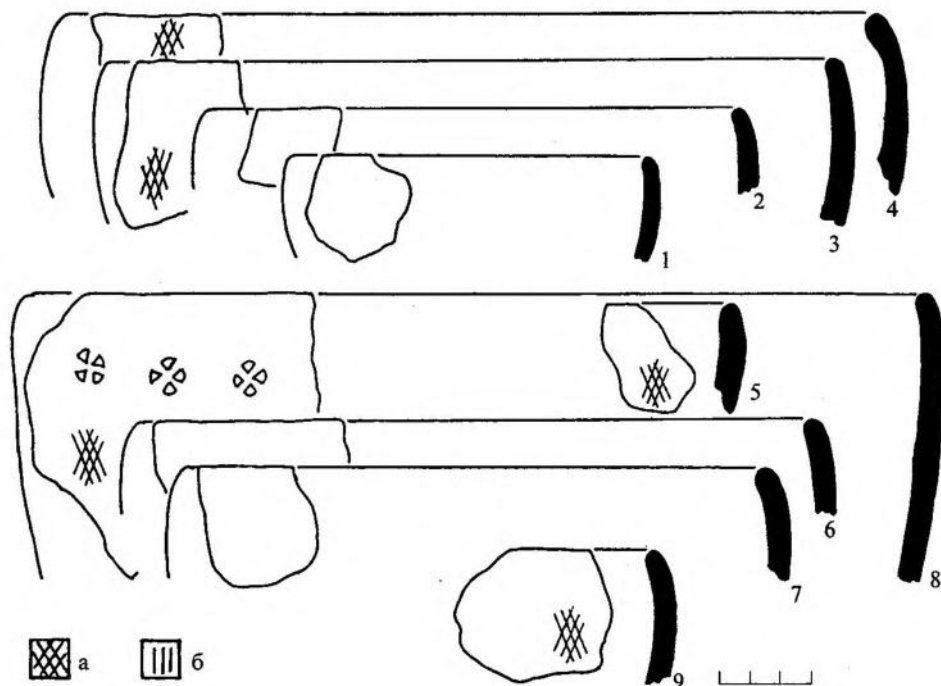

Рис. 3. Керамика группы 1, формы А, варианта а (1Аа). а – внешняя поверхность сетчатая; б – внешняя поверхность штрихованная (эти же условные обозначения используются на остальных рисунках керамики)

Профилированные верхние части сосудов городища Дулёво (проанализировано 72 фрагмента) распределены по общей классификационной схеме (табл. 3, рис. 3-10). Два сосуда отнесены к индивидуальным формам. Это сетчатый горшок с изогнутой длинной шейкой (рис. 10: 6). Возможно, он принадлежит к переходному типу от группы 3 к группе 4. Другой сосуд – миска с короткой шейкой, неровным уступом (?) в месте плечика (рис. 10: 5). Глиняное тесто без искусственных примесей. Миску можно отнести к миниатюрным сосудам. Она происходит из насыпи раскопанного кургана, и отношение этой находки к керамике железного века проблематично.

Таблица 3. Распределение керамики городища Дулёво по классификационной схеме

Группа	Форма	Вариант	Всего экз.	Керамика			
				сетчатая	штрихованная	лощёная	гладкостенная
1	А	а	9	5	-	-	4
		б	3	1	1	-	1
	Д	-	3	-	-	-	3
	Е	-	1	-	-	-	1
2	А	а	1	1	-	-	-
		в	1	-	-	-	1
	В	г	2	2	-	-	-
3	А	а	3	1	-	-	2
		в	1	1	-	-	-
	В	а	5	1	-	-	4
		б	9	3	-	-	6
		в	6	5	-	-	1
		г	2	2	-	-	-
		е	1	1	-	-	-
	Д	б	3	2	-	-	1
		в	1	1	-	-	-
	-	-	4	1	-	-	3
4	Б	а	1	-	-	-	1
		б	1	-	-	-	1
	В	б	1	-	-	-	1
	Г	б	1	-	-	-	1
	Неопредел.	Неопредел.	19	-	-	-	19
5	Неопредел.	Неопредел.	18	-	-	10	8
6	А	а	1	-	-	-	1
	В	в	2	-	-	-	2
	Д	б	1	1	-	-	-
	Е	е	1	1	-	-	-
7	Б	а	1	1	-	-	-
	В	б	1	-	-	-	1
8	В	е	1	1	-	-	-
10	Д	е	1	-	-	-	1

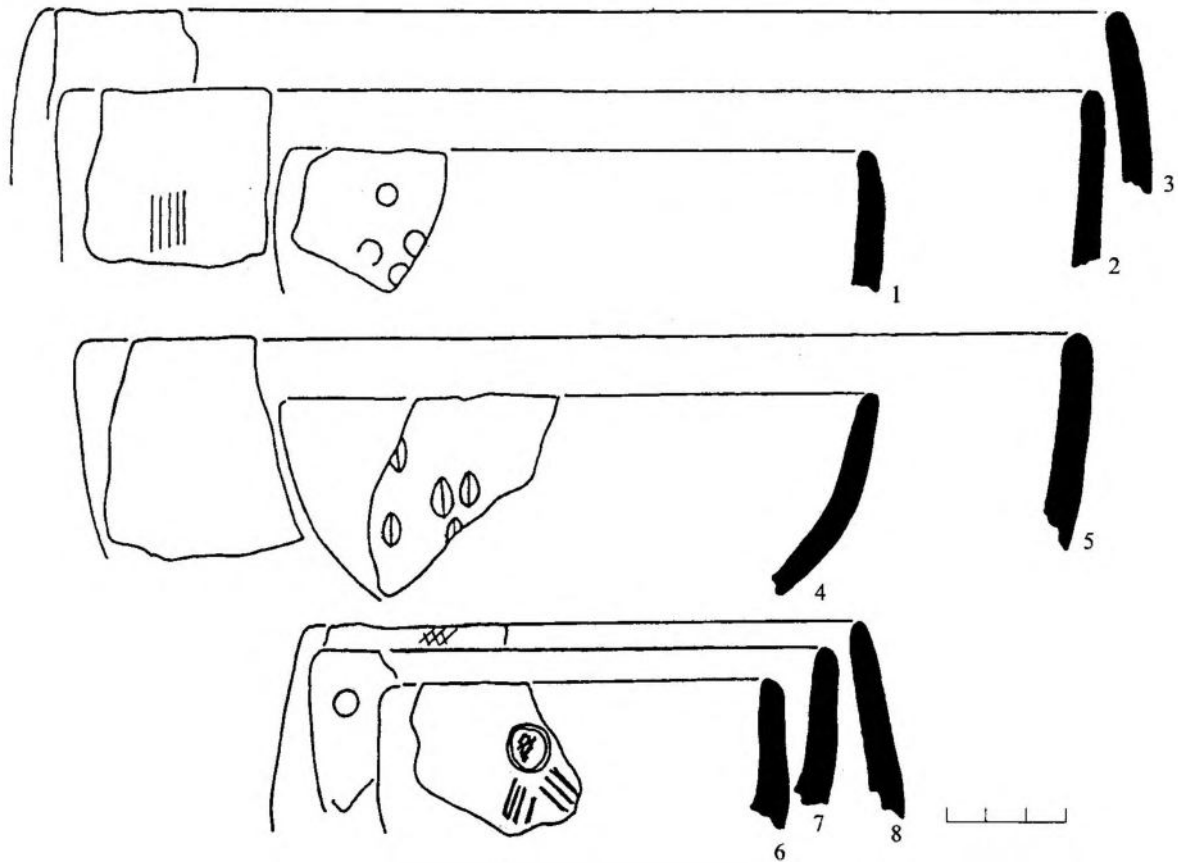

Рис. 4. Керамика группы 1.
1-3 – А6; 4 – Е; 5-7 – Д; 8 – форма неопределима

Орнаментированная керамика составляет 23,3%, а без учёта фрагментов из насыпи кургана – 22,7%. В раскопе 1 на орнаментированную посуду приходится 33,2%. В сравнении с другими исследовавшимися в Верхнем Поволжье городищами Дулёвское отличается значительным процентом орнаментированной посуды. Так, по наблюдениям В.И. Вишневого (анализ керамики серии памятников Верхнего Поволжья), наибольшее число орнаментированной посуды (20,7%) встречено на поселении Вельково 1, где имеются только раннедьяковские напластования [4, с. 119].

Чаще всего орнамент встречается на сетчатой и гладкостенной керамике городища Дулёво; среди лощёной орнаментированных фрагментов нет (табл. 4).

Таблица 4. Орнаментация керамики городища Дулёво

Внешняя поверхность	Количество экз.	Процент числа орнаментированных фрагментов от общего числа фрагментов керамики с данной внешней поверхностью
Сетчатая	60	28,3%
Штрихованная	1	4,3%
Гладкостенная	95	26,3%
Затёртая	3	13,6%

Примечание: керамика из насыпи кургана в таблице не учитывалась.

Встречена следующая орнаментация: оттиски гребенчатого штампа и отпечатки иных штампов (вдавления с неровным краем – костью?, треугольные, прямоугольные и иные), круглые и овальные ямки (в том числе овальные двудольные нарезные), защипы, нарезки, тычки (в том числе краем плоской палочки), отпечатки кручёного шнура. Единичны отпечатки «верёвочки на палочке» и прочерченный орнамент. В целом преобладают оттиски разнообразных штампов, включая гребенчатый (табл. 5).

Таблица 5. Распределение видов орнамента

Вид орнамента	Количество экз.	Процент от всей орнаментированной керамики	Количество экз. из раскопа 1	Процент от орнаментированной керамики раскопа 1
Гребенчатый	41	22,4%	24	21,1%
Ямочный, включая нарезные ямки	36	19,7%	16	14%
Нарезки	24	13,1%	15	13,2%
Тычки	11	6%	9	7,9%
Защипы	10	5,5%	5	4,4%
Оттиск фигурного штампа (кости?)	26	16,5%	18	15,8%
Кручёный шнур	13	8,2%	14	8,9%

Орнамент наносился на край венчика (господствует), на шейку, плечико и тулово сосудов. В 12 случаях встречен комбинированный орнамент, когда имеется два вида украшений на одном горшке (рис. 5: 6, 8; 8: 6-8; 10: 1). Встречены следующие сочетания: оттиски гребенчатого штампа или округлые вдавления и прочерченные линии, нарезки или двудольные ямки и защипы, отпечатки шнура или нарезки и оттиски фигурного штампа, нарезки или ямки и вдавления плоской палочкой.

Орнаментация преобладает в керамических группах 3 и 4. В последнем случае украшался в основном край венчика. Единичны находки орнаментированной посуды в группах 1 и 5 (табл. 6).

Таблица 6. Орнаментированная керамика в группах

Группа	Количество экз. с орнаментом	Процент от керамики группы
1	5	29,4%
3	20	58,8%
4	19	82,6%
5	6	33,3%

Примечание: остальные группы из-за малого числа керамики в таблицу не включены.

Существование исследуемых участков рассматриваемого городища дьякова типа укладывается в хронологический отрезок от сер. I тыс. до н.э. до сер. I тыс. н.э. и предварительно подразделяется на три этапа. По керамическому материалу, достаточно отчетливо выделяется первый этап – V-III вв. до н.э. (здесь и далее при датировке мы опираемся на хронологическую шкалу, предложенную Н.А. Кренке [5, с. 8-13]), но не исключено, что поселение возникает несколько раньше (керамические группы 3 и 7, преобладание в орнаментации керамики оттисков гребенчатого штампа). Судя по наличию в группе 2 в основном сетчатой керамики, эта посуда относится также к первому этапу функционирования городища, т.е. ко 2-й пол. I тыс. до н.э. Керамика группы 3 (преобладает сетчатая, встречена и штрихованная), по-видимому, бытует с V по III вв. до н.э., но нельзя исключать её появление в VIII-VI вв. до н.э. По наличию керамики группы 4 выделяется и второй этап существования городища: рубеж эр и первые века н.э. Третий этап жизни на городище по наличию керамики групп 5 и 10 относится ко 2-й четв. – сер. I тыс. н.э. Судя по рассмотренным керамическим находкам, наиболее интенсивно городище функционировало на первом этапе.

Вещевой материал, найденный при раскопках, малочислен (рис. 11). Это фрагменты изделий из кости (в том числе гарпуна, наконечника стрелы?, рукоятки), относящихся к кон. I тыс. до н.э., грузик и обломки грузиков дьякова типа (типы 5а, 5б по К.А. Смирнову, датируемые I в. до н.э. – III в. н.э. [6, с. 96]), фрагмент ножа с горбатой спинкой (2-я пол. I тыс. до н.э. – 1-я пол. I тыс. н.э.), нож со слабо изогнутой спинкой

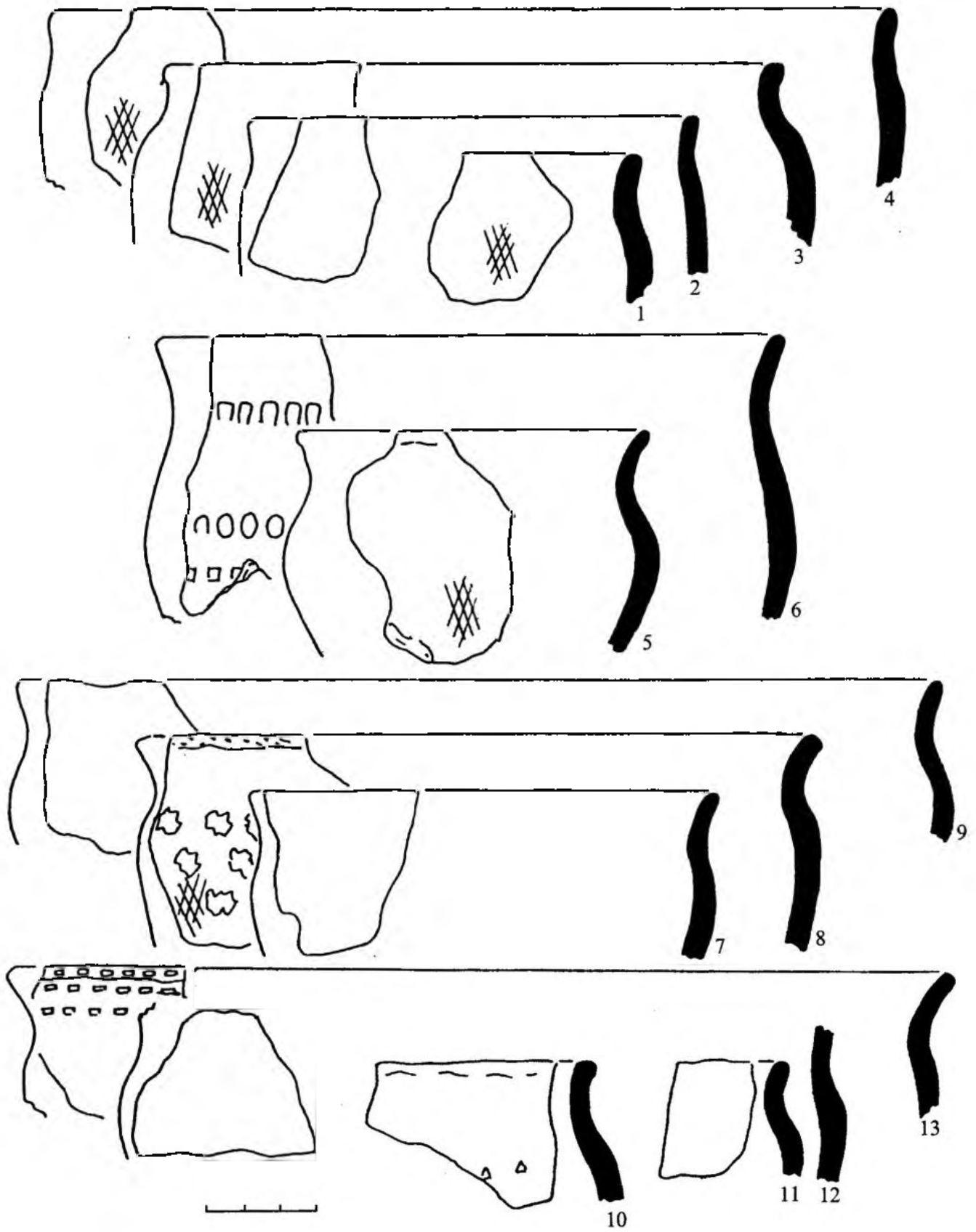

Рис. 5. Керамика группы 3.
 1 - Аб; 2, 4 - Аа; 3 - Вв; 5 - Вг; 6 - Вб; 7-13 - Ва

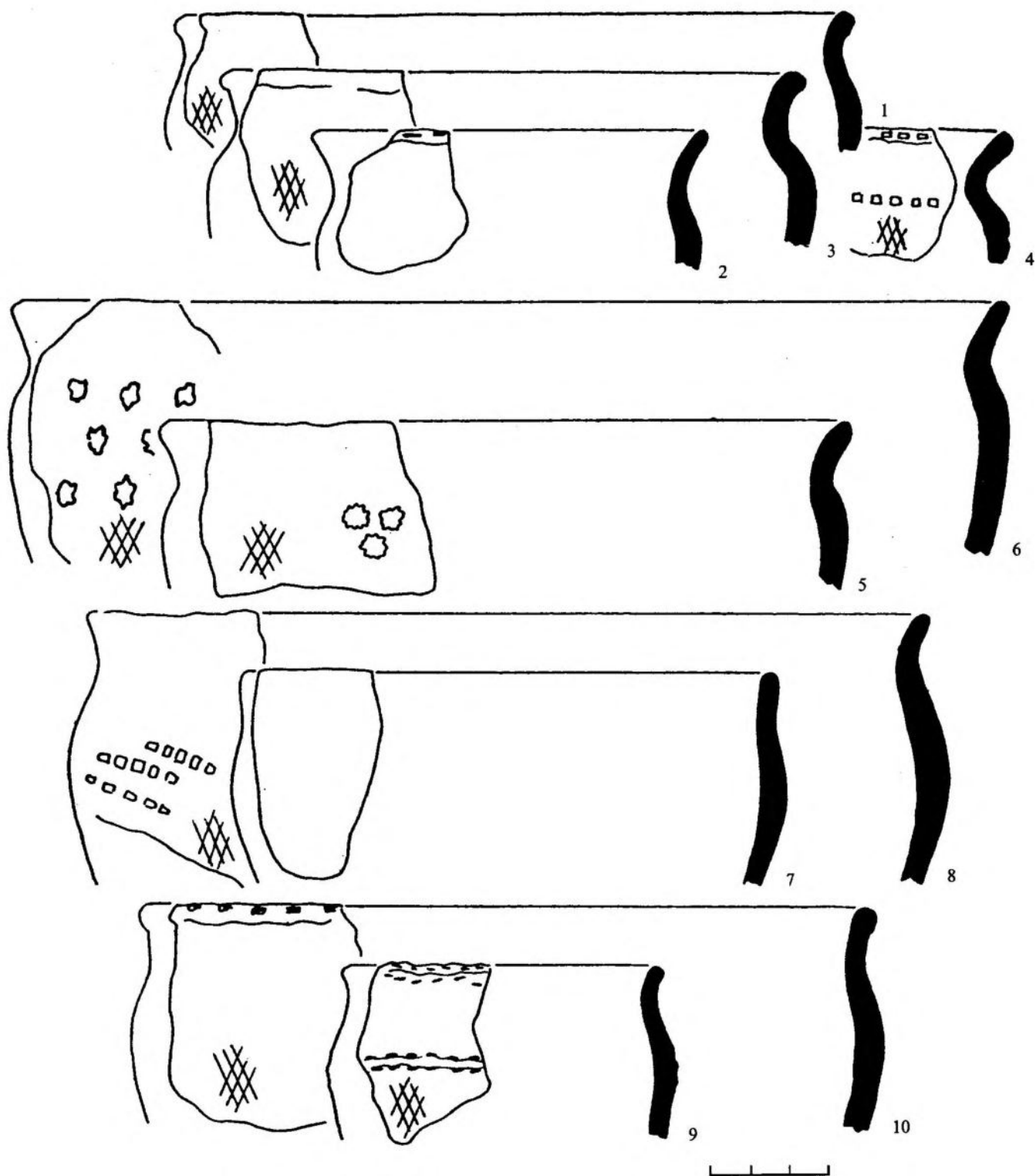

Рис. 6. Керамика группы 3.
 1, 2, 7-10 - Вб; 3, 4 - Вв; 5, 6 - Ва

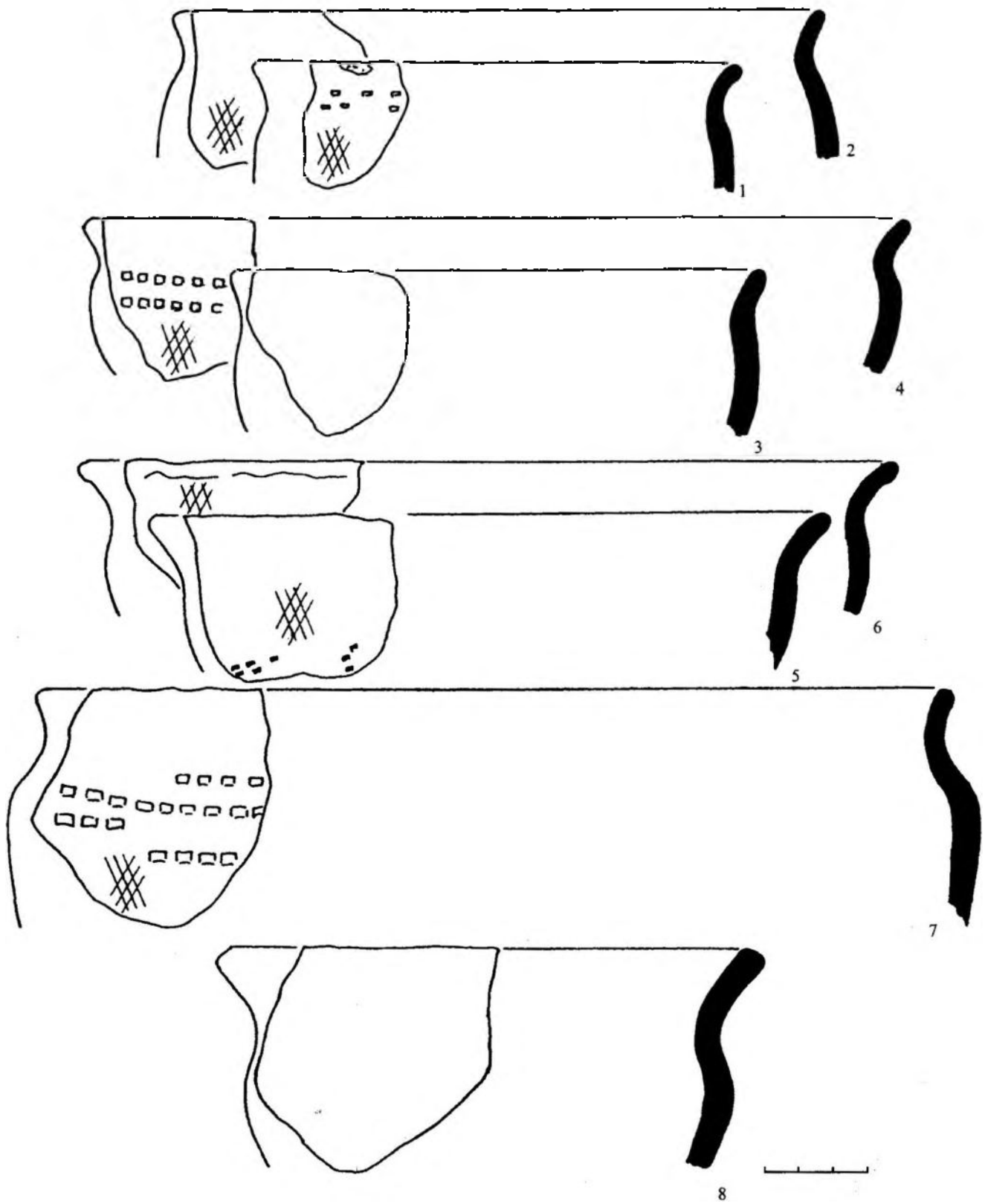

Рис. 7. Керамика групп 3 и 10.
 1 - 3Ва; 2 - 3Вг; 3, 5, 6 - 3Дб; 4 - 3Дв; 7 - 3Ве; 8 - 10 Де

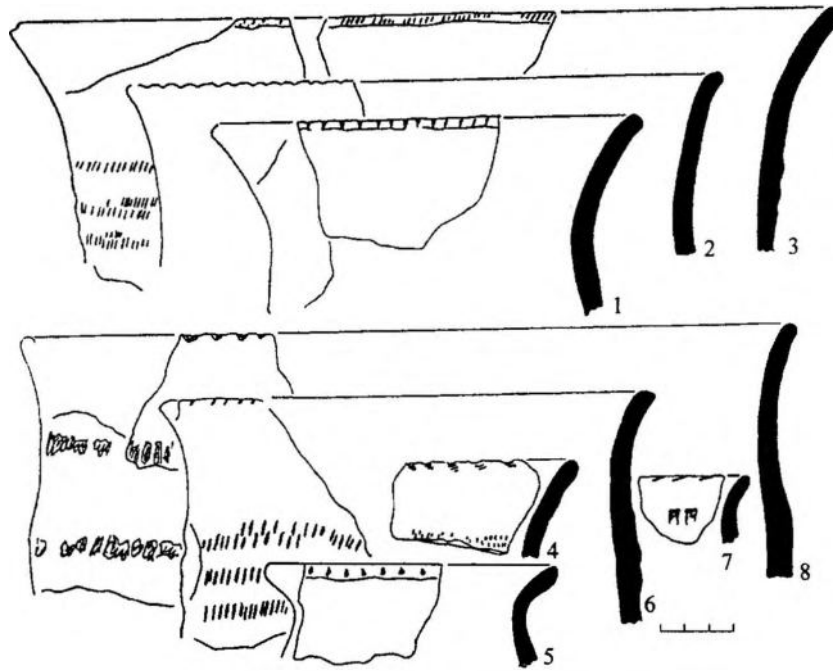

Рис. 8. Керамика группы 4.
1 – Вб; 2, 4, 5, 7 – форма и вариант неопределимы; 3 – Гб; 6 – Бв; 8 – Ба

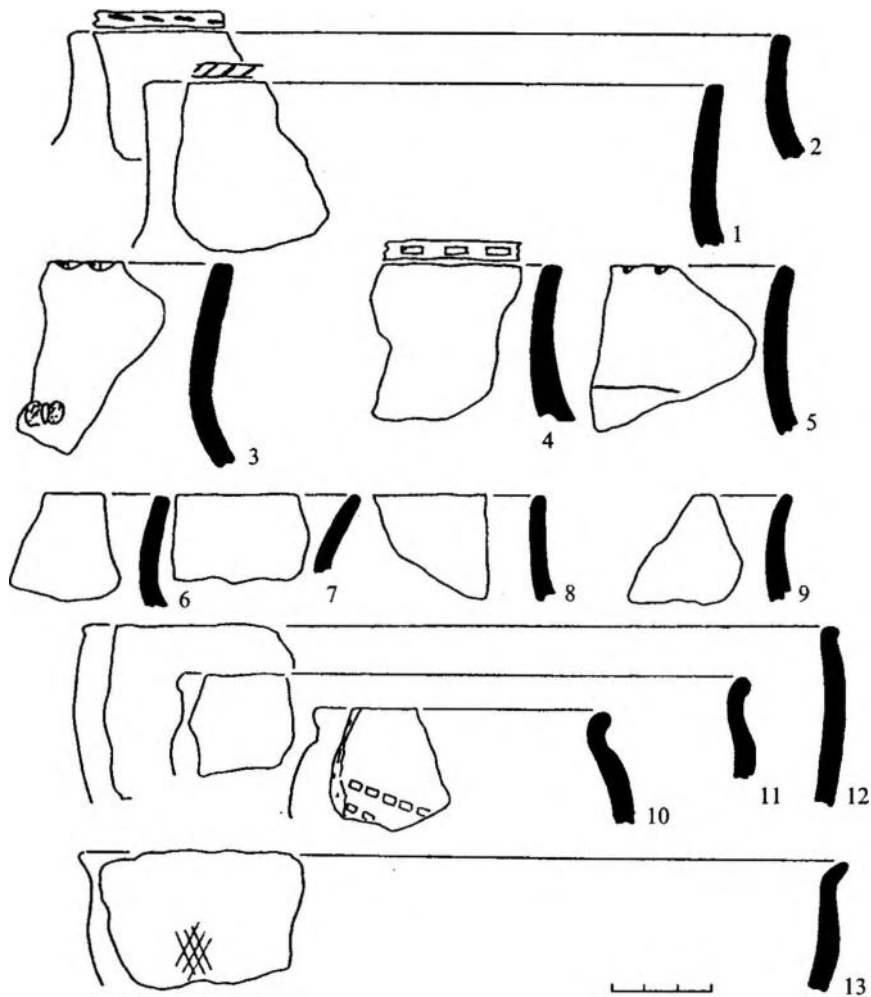

Рис. 9. Керамика групп 4 и 5.
1-9 – группа 4, форма и вариант неопределимы; 10, 11 – 5Вв; 12 – 5Аа; 13 – 5Дб

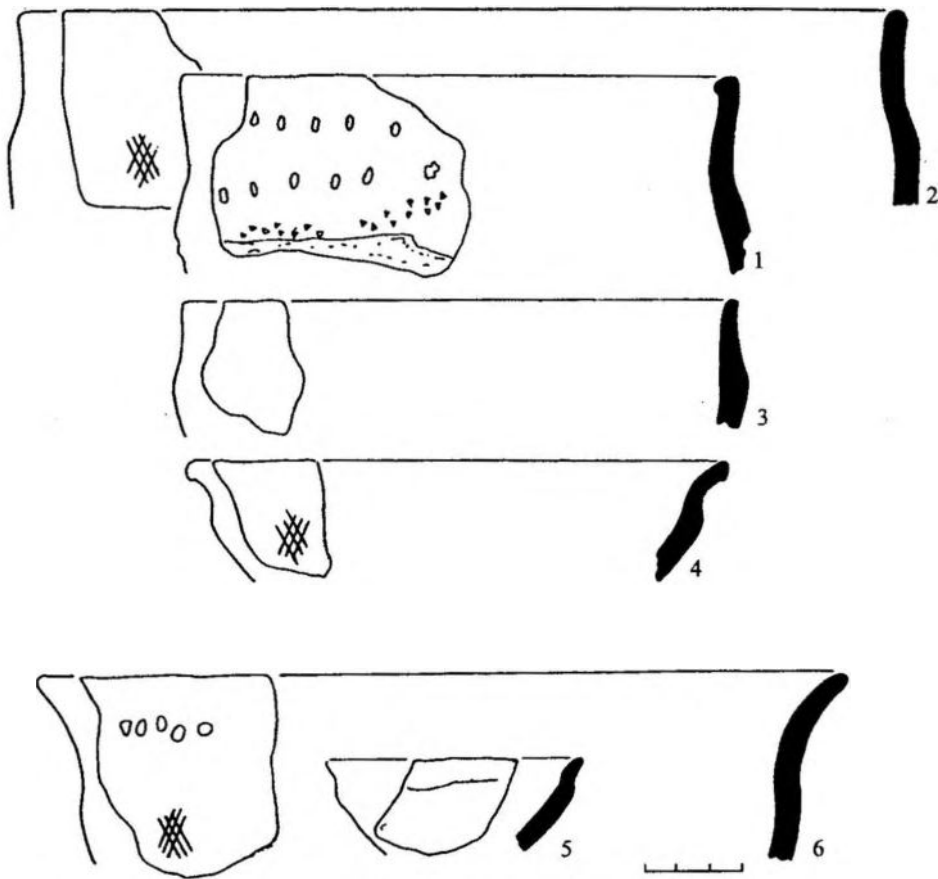

Рис. 10. Керамика групп 6, 7 и индивидуальные сосуды.
1 - 6Вб; 2 - 6Ба; 3 - 7Ве; 4 - 6Ев; 5, 6 - индивидуальные сосуды

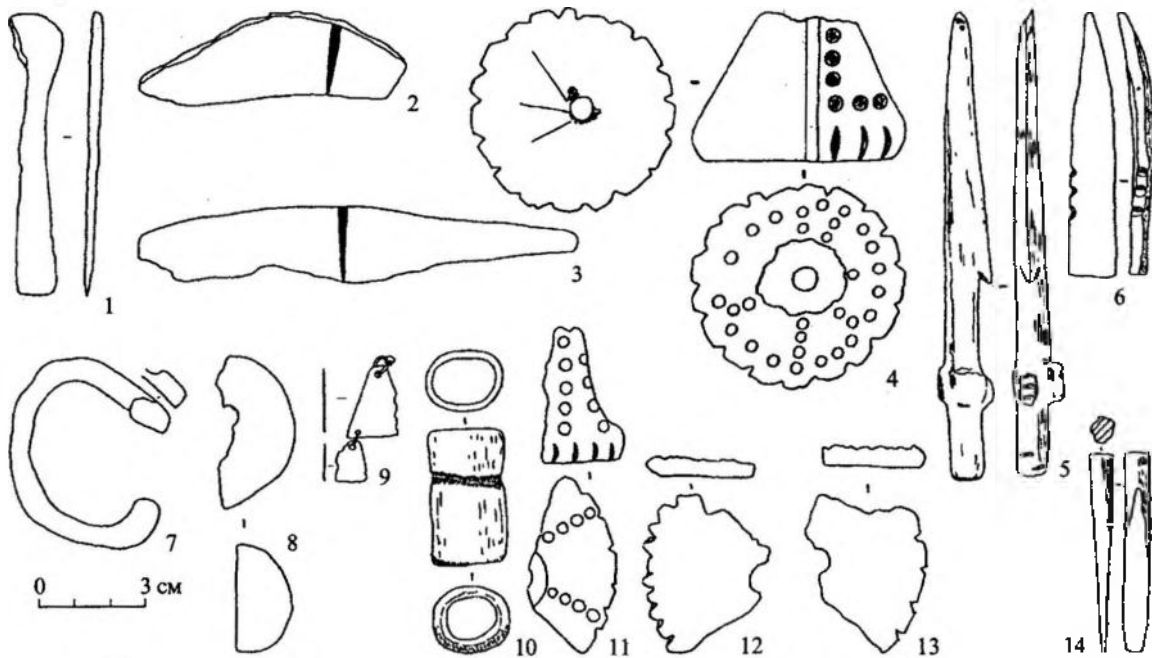

Рис. 11. Вещевые находки с городища Дулёво.
1 - фрагмент пластинчатого кресала?; 2 - фрагмент ножа?; 3 - нож; 4 - грузик дьякова типа;
5 - гарпун; 6 - предмет неясного назначения; 7 - фрагмент фибулы?; 8 - фрагмент грузила;
9 - подвеска трапециевидная; 10 - рукоятка; 11 - 13 - фрагменты грузиков дьякова типа; 14 - фрагмент
(черешок?) наконечника стрелы. 1-3 - железо; 4, 8, 11, 13 - глина; 5, 6, 10, 14 - кость; 9 - бронза;
12 - сланец(?)

(датируется в пределах 2-й – 3-й четв. I тыс. н.э. [7, с. 69]), трапециевидные медные неорнаментированные подвески и глиняное грузило (дата вещей широкая – I тыс. н.э.), железная фибула и, предположительно, обломок железного пластинчатого кресала с петлевидным концом (дата последнего в пределах 2-й четв. I тыс. н.э. – VII в. н.э. [8, с. 19]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973 г. / Д.А. Крайнов, Л.В. Кольцов, К.И. Комаров, Е.М. Молодцова // Архив ИА РАН. Р-1. № 5033.
2. Комаров К.И. Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО – 1973. М., 1974.
3. Исланова И.В. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
4. Вишневецкий В.И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII-VII вв. до н.э. – VII-VIII вв. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2485.
5. Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
6. Смирнов К.А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. (МИА. № 184).
7. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980.
8. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.

*Институт археологии РАН,
Москва
Тверской государственный
объединённый музей,
Тверь*

I.V. Islanova

THE POTTERY OF DULEVO (KOZLOVO) HILLFORT*

Summary

The hillfort of the Early Iron Age Dulevo (Kozlovo) is situated in Staritsa Area of Tver Region on the left bank of the Volga River. It was excavated in 1965, 1967, and 1973 by K.I. Komarov. Numerous pottery fragments and other artifacts were found in the excavated areas and shafts. The author analyses the collection of pottery in relation to the deposits where the fragments of ceramics were found, the way of their surface treatment, and to the reconstructed shapes of the upper parts of the pots.

The author traces the changes in correlation between textile and polished pots. It occurs that in the upper lays the number of the textile pottery fragments goes down while the quantity of the polished pottery fragments goes up.

The peculiarity of the hillfort's pottery is based on a considerable number of ornamented vessels (23,3%) in contrast to the analogues monuments of nearby territories.

The author suggests there were three stages of the hillfort existence according to its pottery and other finds: V-III cc. BC (but one can't exclude the opportunity of the hillfort existence in VIII-VI cc. BC); late 1st millennium BC – early 1st millennium AD; the second quarter – the middle of the 1st millennium AD.

* The research is done under support of Russian Humanitarian Scientific Foundation, grant № 00-01-00091a.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

О.М. Олейников

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ТВЕРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

Чтобы лучше разобраться в проблеме славянской колонизации изучаемой территории, следует в первую очередь обратиться к изучению лепной керамики – основного источника при исследовании сложных этнокультурных процессов, происходивших на территории Верхней Волги. На поселениях 2-й пол. I тыс. н.э. это – наиболее массовый материал.

Цель данной статьи – разработка классификации лепной керамики, бытовавшей у населения Тверского Поволжья в период раннего средневековья. Классификация основана на изучении более тысячи фрагментов верхних частей сосудов и более сотни целых форм, собранных на памятниках I тыс. н.э., расположенных в Осташковском, Селижаровском, Ржевском, Зубцовском, Старицком, Калининском, Торжокском и Вышневолоцком районах Тверской области¹. На время написания статьи стационарными раскопками было исследовано 36 памятников 2-й пол. I тыс. н.э. (на 7 селищах раскопано 1304 кв. м; на 3 городищах вскрыто 136 кв. м; в 26 могильниках изучено 225 погребений; раскопано 3 сопки), на остальных 455 памятниках этого времени проводились шурфовка или сбор подъёмного материала².

Закрытые комплексы на изучаемой территории представлены только погребениями в могильниках. К третьей четверти I тыс. н.э. относится несколько десятков таких комплексов, в то же время комплексы конца I тыс. н.э. обнаружены почти на всех стационарно исследуемых могильниках Тверского Поволжья. На поселениях собранная лепная керамика разделялась по слоям, что давало не совсем точное временное распределение определённых типов керамики на изучаемом памятнике вследствие нарушенности культурного слоя перекопами более позднего времени, выбросами из ям, кротовинами и т.д. Слои датировались по находкам определённых категорий украшений и бытовых вещей, для которых уже разработаны хронологические шкалы, и по относительной хронологии. В исключительных случаях использовались естественно-научные методы датирования: радиоуглеродный, спорово-пыльцевой, дефектоскопии, нейтронографии и термолюминисценции. Для подтверждения полученной датировки определённого типа керамики велись поиски аналогов ему на других памятниках Восточной Европы, сравнивались не только форма сосуда или его верхней части, но и состав глины, наполнитель, плотность, обжиг и др.

Времени начала проникновения носителей культуры длинных курганов (КДК) на изучаемую территорию предшествовал очень неблагоприятный в климатическом плане период (кон. IV – кон. VI вв. н.э.). Этот период характеризуется наиболее низкими температурами за 2000 лет (до 2° ниже современного уровня), увеличением годовых сумм осадков и значительной увлажнённостью территории, что повлекло за собой разрастание болот и повышение уровня озёр и рек. Поймы рек в настоящее время во многих местах перекрыты аллювиальными отложениями, под которыми обнаружены поселения эпохи раннего железа (РЖВ) III–IV вв. н.э. Поселения и могильники этого времени в Тверском Поволжье пока не выявлены. Так как изучаемая территория находится на Валдайской возвышенности, которая в настоящее время со всех сторон окружена верховыми или низинными болотами, с кон. IV в. по кон. VI в. бывшими непроходимыми, то проникновение населения извне сюда в тот период было невозможным. Местное автохтонное население из-за сильной увлажнённости климата, по всей видимости, вымерло или ушло.

С кон. VI в. начинается резкое потепление на Верхней Волге. В связи с усыханием болот открылись переходы для колонистов. Основной поток их шёл с юго-запада и с северо-запада в район Верхневолжских озёр. Это были носители культуры псковских длинных курганов (КПДК). Самое раннее на сегодня погребение из могильника Гринино I (курган 3) датируется С¹⁴ – 610 ± 30 г. н.э. [1] (раскопки И.Н. Черных 1989 г., ТГОМ). В этом же кургане найдены «В-образные» пряжки, которые также относятся к этому времени. «В-образные» пряжки – как железные, так и бронзовые – обнаружены также и в курганной группе Млёвский Бор. Все остальные датировки погребений этой культуры укладываются в промежуток с сер. VII по нач. X вв. н.э.

¹ Большая часть коллекций хранится в Тверском государственном объединённом музее и его филиалах, а также в Тверском государственном университете, ГИМС, у руководителей экспедиций, в частных собраниях. Часть коллекций известна только по полевым описям.

² Приношу глубокую благодарность всем исследователям, чьи материалы использованы в этой статье.

Лепная посуда формировалась спиральным или кольцевым налепом, что хорошо прослежено в шлифах стенок сосудов. Днища изготавливались из плоской лепёшки или из заготовки в виде блюдечка, с внешней стороны которой встречается подсыпка из дресвы или песка. В глину в качестве отошителя вносили дресву, гравий, песок, органику. Обжиг керамики слабый – костровой, черепок рыхлый, легко крошится, в изломе трёхцветный. Цвет сосудов различный: чёрный, тёмно-коричневый, коричневый, светло-коричневый, серый, серо-розовый. Внешняя поверхность заглажена рукой, травой, щепой, реже – лощиком.

Поскольку материал в основном фрагментарен, классификация керамики производилась по профилю верхней части сосуда (или по профилю всего сосуда), при этом учитывались, по возможности, его пропорции.

В основу классификации положено изменение формы верхней части сосудов.

К **первому типу** относятся слабопрофилированные горшки с усечённо-коническим туловом, которое плавно переходит в покатое плечико. Наибольшее расширение приходится на верхнюю четверть. Венчик слабовогнутый. Целых форм не обнаружено, но судя по аналогиям, диаметр дна сосудов был равен половине диаметра наибольшего расширения тулова (рис. 1).

Обнаружены фрагменты венчиков сосудов крупных и средних размеров с диаметром верха 18-26 см. Стенки имеют толщину 7-10 мм. В качестве отошителя использовалась крупная и средняя дресва. Обжиг костровой, слабый. Черепок рыхлый. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики: коричневый, светло-коричневый. На внутренней стороне венчиков обнаружен пагар, т.е. это кухонная посуда. Орнамент отсутствует. Края венчиков округлые или прямые.

Керамика первого типа встречается на памятниках со слоями 3-й четв. I тыс. н.э. Благовещенье, слой № 3 (коричневая супесь), перекрытый слоем со стеклянными бусами IX-X вв. ближневосточного производства (раскопки О.М. Олейникова 1985-1986 гг.); Бобронники, слой перекрыт аллювиальными отложениями, обнаружена керамика с лошением (раскопки О.М. Олейникова 1987 г.); Усть-Тудовка, слой перекрывает поселение эпохи раннего железа III-IV вв. н.э., в нём обнаружены фрагменты керамики с лошением (раскопки А.В. Энгватовой 1986 г.). Во всех указанных слоях этих памятников тип 1 лепной керамики представлен единичными экземплярами при отсутствии лепной керамики конца I тыс. н.э. Сосуды данного типа обнаружены также в слоях 1-й трети I тыс. н.э. на памятниках раннего железного века Тверского Поволжья (Благовещенье, Усть-Тудовка).

Эти горшки имеют аналоги на памятниках 3-й четв. I тыс. н.э. на территории Чехии (доселение Бржезно близ Лоуны и поселение Семице), в верховьях Буга (поселение Рипнев), на р. Тетеревке – притоке р. Десны (поселение Тетеревка), в Верхнем Поднепровье, в нижних слоях Изборска и Пскова, в кривичских длинных курганах и на поселениях [2, с. 645-666; 3, с. 121-138; 4, с. 79, рис. 10; 5, с. 105, рис. 19; 2, 5, 9; 6, с. 65, рис. 1: В].

В соответствующие слои памятников Тверского Поволжья данный тип керамики мог попасть как из подстилающих их слоёв РЖВ, так и, возможно, с новым потоком переселенцев из Верхнего Поднепровья в VII в. н.э.

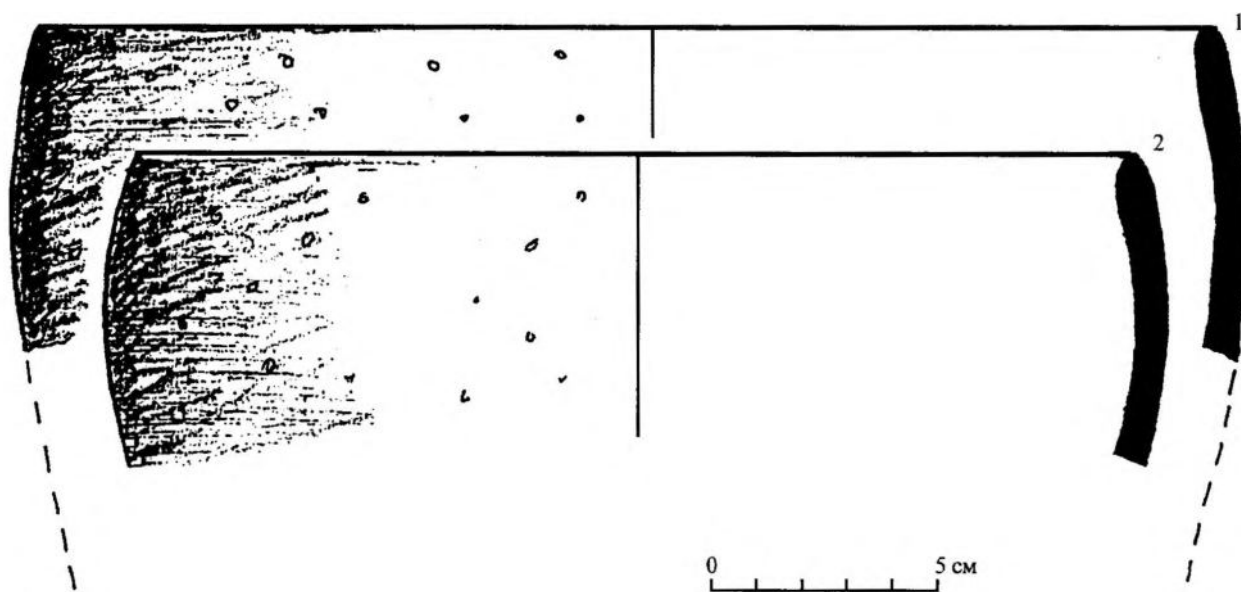

Рис. 1. Лепная керамика. Тип 1.

1 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-1954-Г-6-4-Я; 2 – поселение Усть-Тудовка, п.о. № 487 (п.о. № – номер по полевой описи – здесь и далее)

Ко второму типу относятся слабопрофилированные горшки с маленьким отогнутым наружу венчиком. Наибольшее расширение их приходится на верхнюю четверть. Тулово – усечённо-коническое, плавно переходящее в покато плечико. Диаметр дна чуть больше половины диаметра наибольшего расширения тулова. Высота сосудов равна диаметру наибольшего расширения тулова (рис. 2).

Обнаружены целые формы и фрагменты от горшков средних и крупных размеров с диаметром по венчику 20-33 см. Стенки имеют толщину 7-9 мм. В качестве отошителя использовалась крупная дрсва. Обжиг костровой, неровный. Черепки рыхлые. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики – коричневый или светло-коричневый. На внутренней стороне венчиков обнаружен чёрный нагар, что говорит о принадлежности данного типа керамики к кухонной посуде. Орнамент отсутствует.

Выделено два варианта (деление на варианты основано на разных формах профиля края венчика):

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 2: 1);

вариант 2 – край венчика срезан горизонтально (рис. 2: 2).

Керамика второго типа встречается в основном в западных районах изучаемой территории на памятниках, принадлежащих КДК и датируемых 3-й четв. I тыс. н.э.: могильник Гринино 2, погребение датируется С¹⁴ VII в. н.э. (раскопки О.М. Олейникова 1990 г.), поселения Усть-Тудовка, Благовещенье, Шитовичи (предматериковый слой, перекрытый слоем с лепной керамикой кон. I тыс. н.э., – раскопки О.М. Олейникова 1989 г.), Алкатово, Бельково, Берёзово, Высокое 4 (разведки А.Д. Максимова 1979-1980 гг.), Бдынь, Кеты (разведка В.М. Воробьёва 1979 г.), Ветла 1 (разведка Ю.Н. Урбана 1975 г.) и др. – и составляет менее 1% от общего количества изученной лепной керамики.

Эти горшки имеют многочисленные аналоги на памятниках со славянской керамикой 3-й четв. I тыс. н.э. Она известна на обширной территории от Верхней Эльбы до Среднего Поднепровья. В северо-западной части восточно-славянского ареала сосуды этого типа встречаются в нижних слоях Изборска, Пскова, в кривичских длинных курганах и на поселениях [7, с. 40; 8, с. 15, рис. 2, 25; 9; 10, с. 65, рис. 25; 5, с. 104, рис. 19: 4, 8; 11, табл. 19].

На изучаемую территорию данный тип керамики попал, по всей видимости, вместе с носителями КПК (рис. 3).

К третьему типу верхневолжской лепной посуды относятся высокие слабопрофилированные горшки с покатыми плечиками и плавно отогнутым наружу венчиком. Наибольшее расширение их приходится на верхнюю четверть высоты. Тулово – усечённо-коническое, иногда слегка округлое. Диаметр дна почти в два раза меньше диаметра устья (рис. 4). Высота их примерно равна диаметру наибольшего расширения тулова.

Среди сосудов третьего типа преобладают горшки крупных и средних размеров диаметром по венчику 22-30 см, но встречаются и малые формы. Стенки имеют толщину 8-12 мм. В качестве отошителя использовалась крупная дрсва. Обжиг костровой, неровный. Черепок крошится, рыхлый. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики – коричневый, светло-коричневый, серый. Нагар обнаружен почти на всех венчиках. Орнамент отсутствует (в единичном случае встречено орнаментирование плечика вдавленными пальца).

Выделено два варианта:

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 4: 1-6, 8-11);

вариант 2 – край венчика прямой (рис. 4: 7).

Керамика третьего типа встречается на многих раннесредневековых памятниках Верхней Волги со слоями, датируемыми 3-й четв. I тыс. н.э., расположенных в основном на северо-западе и западе изучаемой территории и в Ржевском районе: поселения Свёклино, Вселуг 2 (разведки В.М. Воробьёва 1977-1978 гг.), могильник Гринино 1 (раскопки И.Н. Черных 1989 г.), селища Берёзово 1, Берёзово 2, Жабье (разведки А.Д. Максимова 1979-1980 гг.), Кузнятино 2 (разведка М.Г. Жилина 1976 г.), Усть-Тудовка, Благовещенье, Бобронники, Шитовичи и др., курганная группа Тухачёво 1, курган № 11 (раскопки О.М. Олейникова 2001 г.) – и составляет около 3% от общего количества изученной лепной керамики.

Эти горшки имеют многочисленные аналоги на памятниках со славянской керамикой 3-й четв. I тыс. н.э. от Верхней Эльбы до Среднего Поднепровья. Сосуды этого типа встречаются в нижних слоях Изборска, Пскова, в кривичских длинных курганах и на поселениях [12, с. 48, рис. 2; 13, с. 128, рис. 1; 14, с. 78, рис. 1: 2-4; 15, с. 148, рис. 11; 10, с. 65, рис. 25: 3, 15-17; 16; 6, тип 3; 11, табл. 19: 1, 5 и 20: 3].

На изучаемую территорию данный тип керамики попал, по всей видимости, вместе с носителями КПК.

К четвёртому типу верхневолжской лепной посуды относятся слабопрофилированные горшки с усечённо-коническим или слабоокруглым туловом с наибольшим расширением в верхней трети горшка. Плечики покаты с небольшим “ребром” с внешней стороны стенки. Венчик высокий, плавно отогнутый наружу. Диаметр дна в два раза меньше диаметра наибольшего расширения тулова. Высота горшка примерно равна диаметру венчика (рис. 5).

Сосуды четвёртого типа представлены горшками крупных размеров диаметром по венчику 26-38 см. Стенки имеют толщину 10-14 мм. В качестве отошителя использовалась средняя или крупная дрсва. Обжиг костровой, слабый. Черепок рыхлый, легко крошится. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики – коричневый, светло-коричневый.

На всех фрагментах венчиков горшков данного типа обнаружен нагар, что говорит о применении их в качестве кухонной посуды. Орнамент отсутствует.

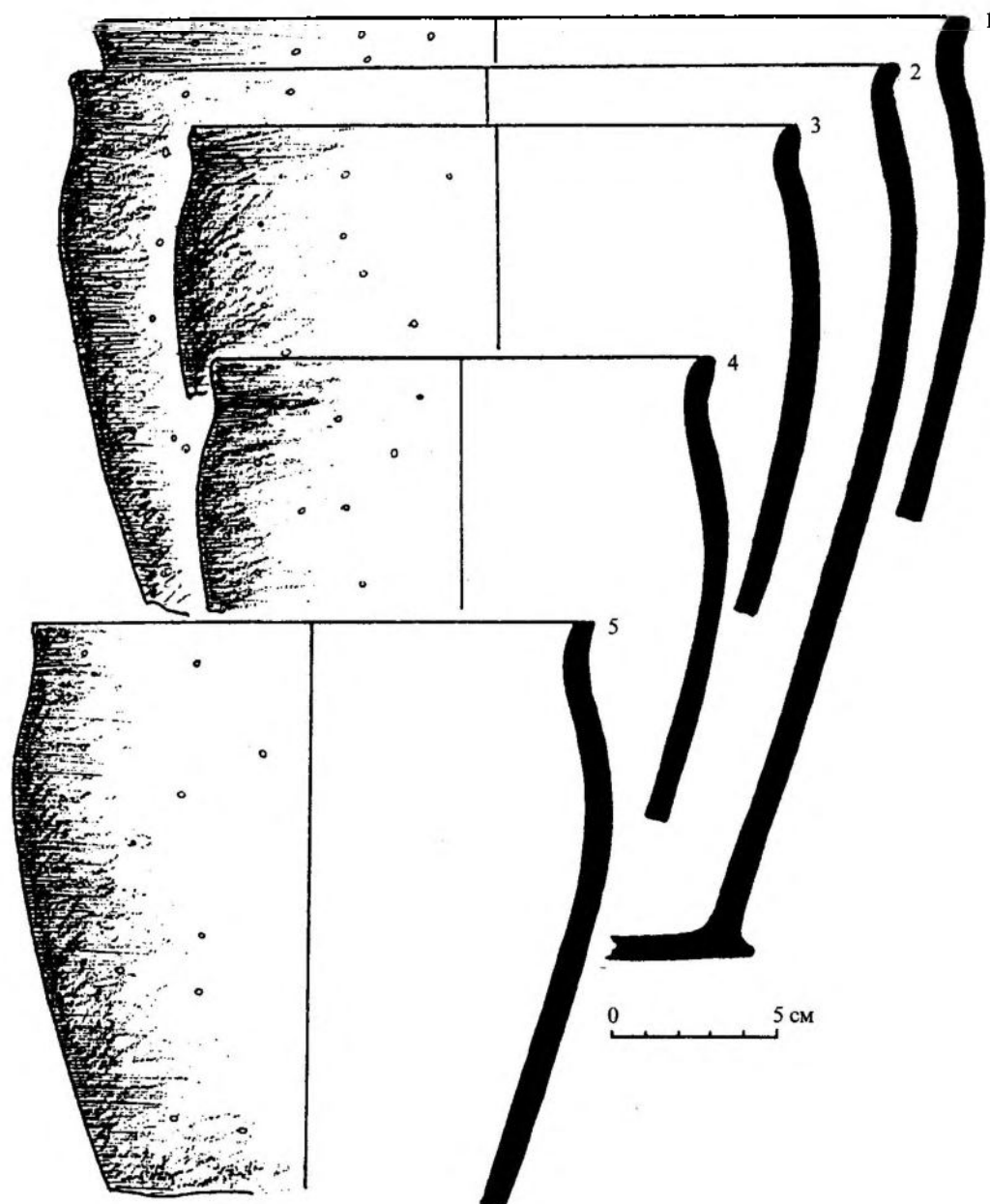

Рис. 2. Лепная керамика. Тип 2.

1 – поселение Усть-Тудовка, п.о. № 377; 2 – курганный группа Гринино 2, курган 1, погр. 2;
3 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-1949; 4, 5 – поселение Шитовичи, п.о. № 89-4-30, 89-4-31

Выделено два варианта:

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 5: 1, 2, 4);
вариант 2 – край венчика прямой (рис. 5: 3).

Керамика четвертого типа встречается вместе с керамикой третьего типа в слоях, отнесённых к VII - VIII вв.: могильник Струйское, курган № 4, второй этап погребений в урне, датируемый C^{14} и по находкам 2-й пол. VII-VIII вв. (раскопки О.М. Олейникова 1987 г.); поселения Свёклино 1, Бобронники, Усть-Тудовка – и составляет около 1% от общего количества изученной лепной керамики.

Данная керамика известна на памятниках северо-западной части восточно-славянского ареала: Изборск, Псков, Новгород, Старая Ладога [17, с. 136; 10, с. 65; 6, с. 65].

На изучаемую территорию данный тип керамики попал, по всей видимости, вместе с носителями КПДК.

К пятому типу относятся слабопрофилированные горшки (миски) с максимальным расширением по срезу венчика (тюльпановидные). Высота меньше максимального диаметра. Сосуды относятся в основном к малым и средним формам диаметром по венчику 9-18 см. Стенки имеют толщину 5-8 мм. В качестве отделителя использовалась мелкая или средняя дресва. Обжиг средний. Цвет керамики – коричневый, светло-коричневый. Поверхность неровная, шероховатая. Нагар на внутренней стороне венчика отсутствует, что говорит о принадлежности данных горшков к столовой посуде (рис. 6).

Орнамент отсутствует. Край венчика округлый.

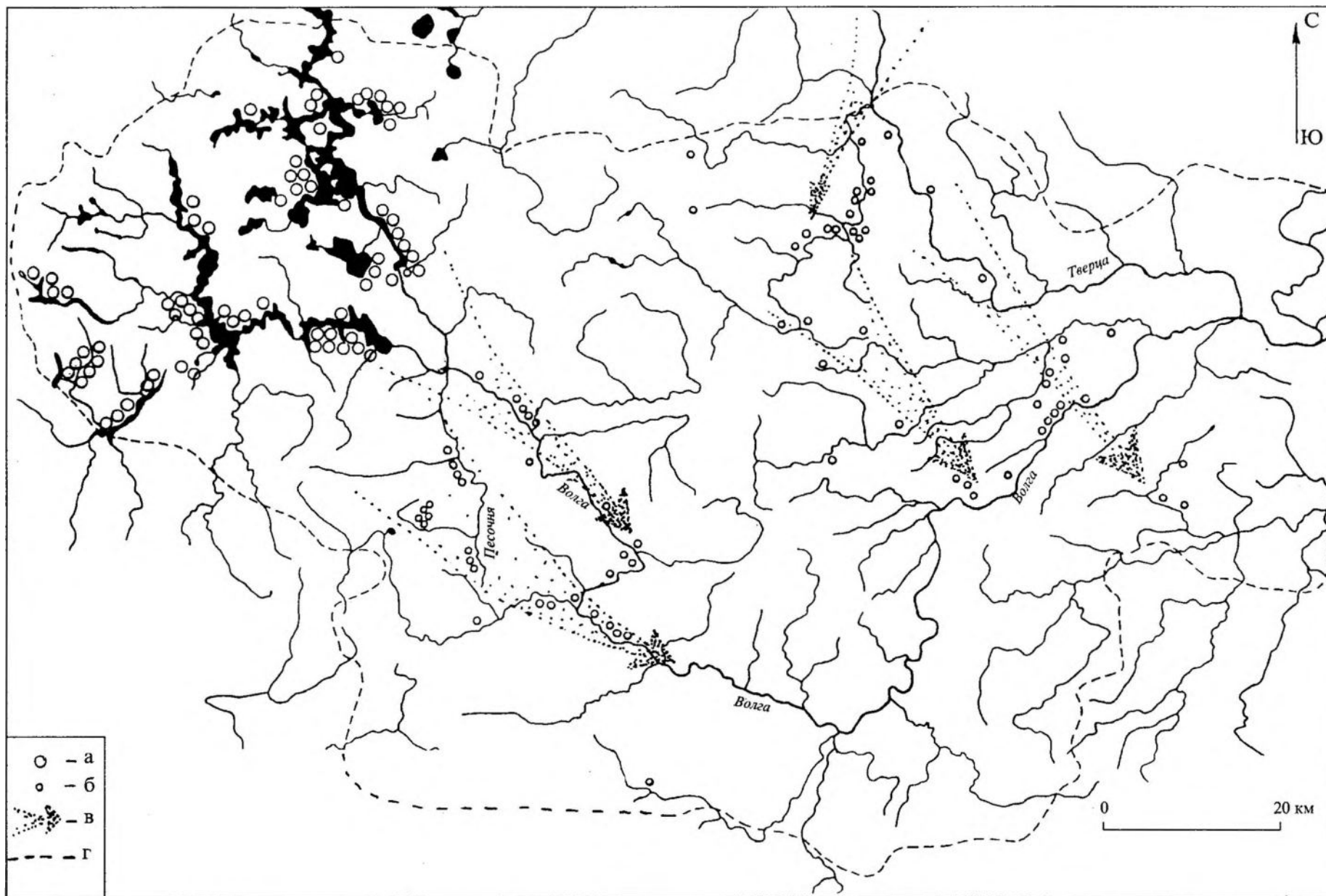

Рис. 3. Карта памятников КПДК на территории Тверского Поволжья: а – могильники, функционировавшие с 3-й четв. I тыс. н.э.; б – могильники, функционировавшие с 4-й четв. I тыс. н.э.; в – направления продвижения носителей КПДК в Тверское Поволжье; г – граница изучаемой территории

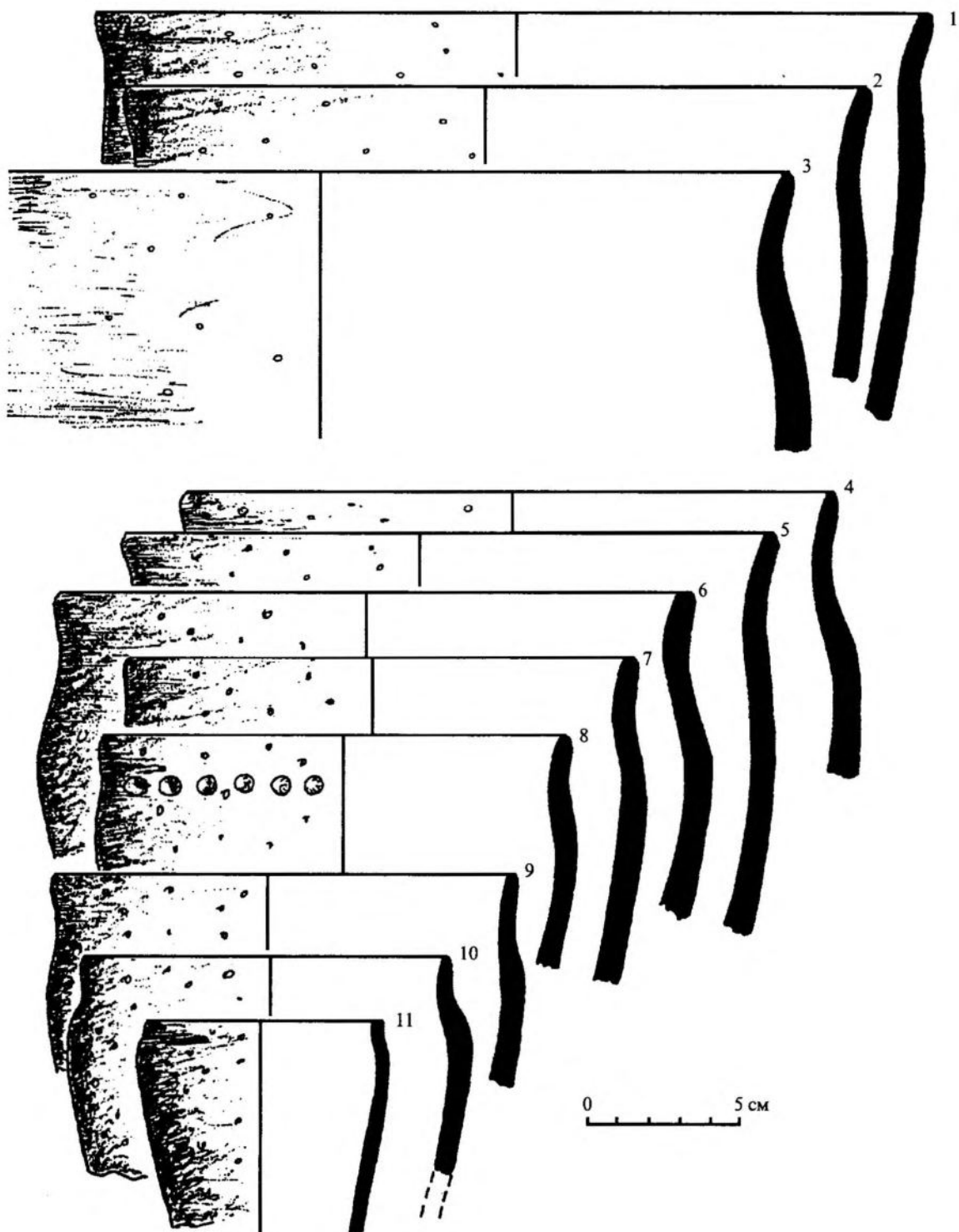

Рис. 4. Лепная керамика. Тип 3.
 1, 4, 5, 7 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-2175, 85-989, 85-455, 85-312; 2, 3 – поселение Усть Тудовка, п.о. № 255, 446; 6, 10 – поселение Шитовичи, п.о. № 89-3-147, 89-4-538; 8, 9 – поселение Свёклино, п.о. № 1, 2; 11 – поселение Берёзово, п.о. № 1

На памятниках Верхневолжья данный тип керамики встречен в слоях 1-й и 3-й четв. I тыс. н.э.: поселения Картунь (раскопки В.М. Воробьева 1980 г.), Усть-Тудовка, Благовещенье и др. – и составляет менее 1% от общего количества изученной лепной керамики.

Аналогичные сосуды известны на многих раннесредневековых памятниках северо-западной части Восточной Европы и датируются 2-й пол. I тыс. н.э. П.Н. Третьяков рассматривал данный тип керамики как наследие верхнеднепровских балтов [18, с. 65, рис. 7: 10; 19, с. 54, рис. 4: 6; 8, с. 51, тип VI; 20, с. 28, тип 2; 21, с. 85-86, тип VI; 17, с. 137, рис. 56: 18; 15, с. 148, рис. 11: 15; 22, с. 66, рис. 27: 9а, 10; 10, с. 65; 23, с. 131, рис. 4: 6; 24, с. 92, рис. 1: 8, 9; 25, с. 246, рис. 49: 10; 4, с. 77].

На изучаемые памятники (часто многослойные) данный тип керамики мог попасть или из подстилающих их слоёв РЖВ, или, возможно, с новым потоком переселенцев из Верхнего Поднепровья в VII в. н.э.

К шестому типу верхневолжской лепной керамики относятся сосуды баночной формы с почти отвесными стенками, часть которых сужается по направлению к днищу или имеет слегка раздутую в центральной части, бочёнковидную, форму (рис. 7).

По некоторым целым формам, найденным в погребениях, можно говорить, что высота горшка примерно равна его диаметру или чуть превышает его. Обнаруженные фрагменты керамики этого типа принадлежат сосудам средних и малых размеров, диаметром по венчику 10-22 см. Стенки имеют толщину 4-10 мм. В качестве отощителя использовалась в основном средняя дресва. Обжиг костровой, неровный. Черепок рыхлый, легко крошится. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики – коричневый, светло-коричневый, розовый.

На внутренней стороне венчиков обнаружен нагар. Орнамент отсутствует.

Выделено три варианта:

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 7:1);

вариант 2 – край венчика заострён (рис. 7:3);

вариант 3 – край венчика прямой (рис. 7:2).

Керамика шестого типа встречается на раннесредневековых памятниках изучаемой территории в слоях и комплексах IX-X вв. н.э.: могильник Струйское, курган № 6 (раскопки М.Е. Смирновой 1987 г.); поселения Благовещенье (слои конца VIII-X вв.), Волково, предматериковый слой с керамикой посл. четв. I тыс. н.э. (раскопки О.М. Олейникова 1991 г.), Филатово (раскопки А.В. Мирецкого 1986 г.), Берёзка (разведка М.Г. Жилина 1976 г.), Б. Пищалино 1, Свёклино 3 (разведка В.М. Воробьева 1977 г.), Добрая (разведка В.М. Воробьева 1976 г.) и др. – и составляет около 3% от общего количества изученной лепной керамики.

Аналогичные сосуды известны на многих памятниках Северо-Западного региона Восточной Европы: в Старой Ладогге, Изборске, Пскове, на городище Камно, на памятниках рюгеского типа в Юго-Восточной Эстонии, в древнейшем комплексе Городца под Лугой и среди урн в могильниках длинных курганов [7, с. 40; 26, с. 223, рис. 31: 11; 27, с. 75, рис. 24; 11, с. 26; 6, с. 65, тип 4; 28, с. 189, 190, рис. 2; 29, с. 163, табл. 11: 2]. Сосуды баночной формы по своему происхождению, по видимому, связаны с неславянским населением, местным или пришедшим со славянскими колонистами.

Во втором случае на изучаемую территорию данный тип керамики попал, по всей вероятности, вместе с носителями КПДК. Но так как эти типы горшков встречены в основном в южной части изучаемого региона, то возможна их принадлежность и к культуре смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК). На это указывают также и находки в изучаемых комплексах проволоочно-пластинчатых височных колец, ланцетовидных привесок и бисеровидных проволоочных привесок, характерных для памятников КСПДК VIII-IX вв. (поселения Благовещенье и Струйское).

К седьмому типу относятся слабопрофилированные горшки со слабовыпуклыми стенками и маленьким венчиком. Высота горшка равна наибольшему диаметру тулова. Диаметр дна равен $4/5$ - $3/5$ диаметра венчика. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю четверть высоты сосуда (рис. 8).

Сосуды седьмого типа в основном средних и малых размеров, диаметром по венчику 10-22 см, но встречаются горшки диаметром до 30 см. Стенки имеют толщину 4-8 мм. Тесто преимущественно рыхлое, обжиг слабый, в качестве отощителя использовалась дресва: как мелкая, так и крупная. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики – темно-коричневый, коричневый и светло-коричневый.

На внутренней стороне всех венчиков прослежен чёрный нагар, что говорит о принадлежности данных горшков к кухонной керамике.

По наклону венчика сосуды седьмого типа делятся на три подтипа:

подтип 1 – венчик отогнут наружу (рис. 8:1);

подтип 2 – венчик поставлен вертикально (рис. 8:2);

подтип 3 – венчик вогнуто-выгнутый (рис. 8:3).

Край венчика округлый или прямой.

Фрагменты горшков седьмого типа встречены почти на всех стационарно изученных раннесредневековых памятниках верховьев р. Волги со слоями 2-й пол. I тыс. н.э. и составляют около 5% от общего количества изученной лепной керамики. На селище Благовещенье данный тип керамики в основном обнаружен в слое № 3 (коричневая супесь), который перекрыт слоем со стеклянными бусами IX-X вв. ближневосточного производства; но и в слое IX-X вв. встречены отдельные фрагменты данного типа. В могильнике Девичье 4, относящемся к КПДК, данный тип керамики обнаружен в погребении VIII-IX вв. (раскопки О.М. Олейникова 1998 г.)

Такие сосуды встречены среди керамики практически во всех регионах северной части Восточной Европы

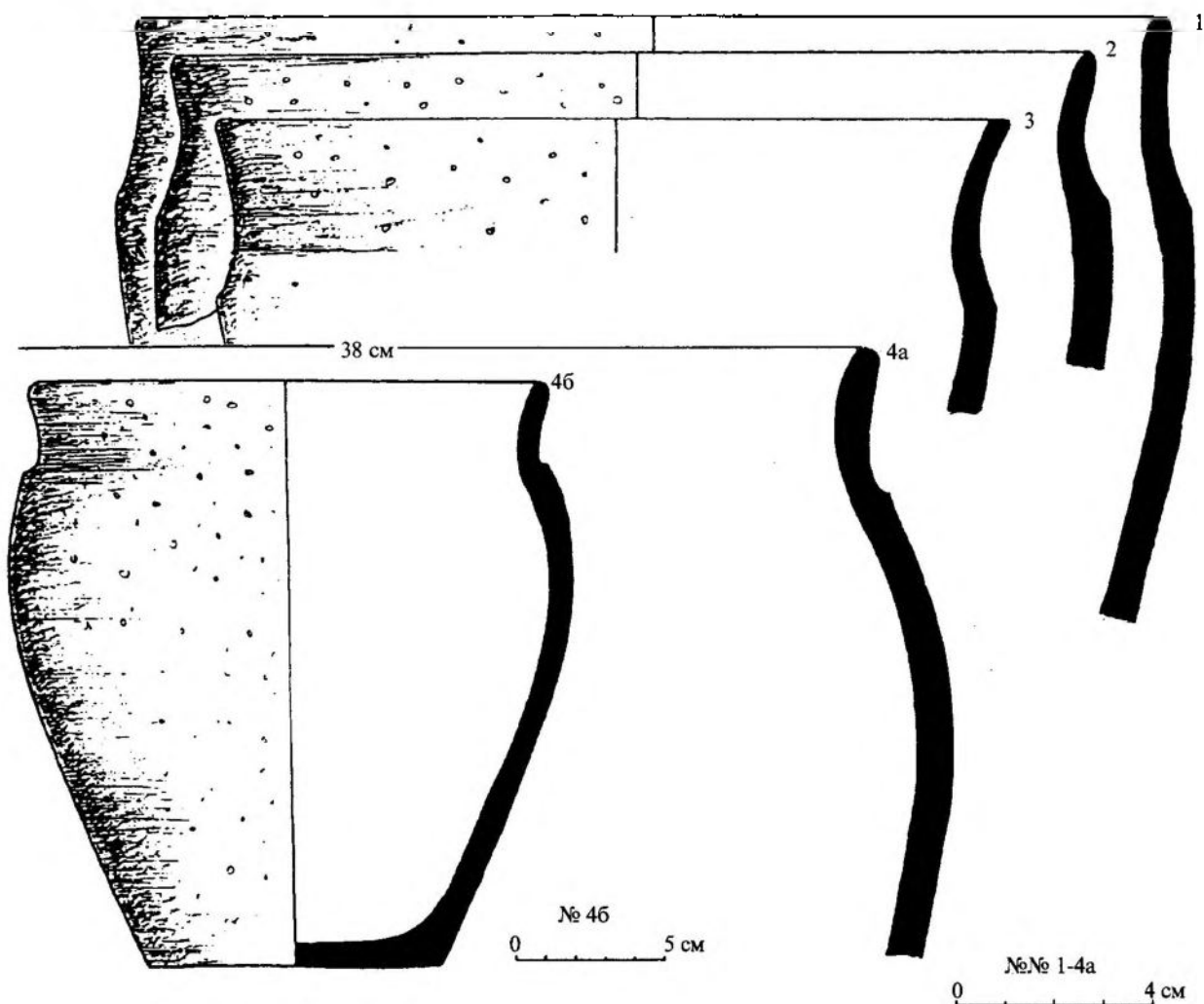

Рис. 5. Лепная керамика. Тип 4.
 1 – поселение Бобронники, п. о. № 86-9; 2 – поселение Усть-Тудовка, п. о. № 585;
 3 – поселение Свёклино, п. о. № 3;
 4 – курганная группа Струйское, курган № 4 (б – реконструкция)

и датируются VII-X вв. н.э., но в отдельных случаях (Ярославское Поволжье) бытуют до XII в. [18, с. 38; 26, с. 223; 30, с. 189, рис. 4: 7, 9; 12, с. 46; 31, с. 86; 21, с. 85-86, тип IV; 25, с. 192, 246, рис. 49: 1-3; 32, с. 7; 6, с. 65, тип 3; 10, с. 65].

К восьмому типу относятся хорошо профилированные сосуды с прямым, преимущественно высоким венчиком (рис. 9). Пропорции горшков из-за большой фрагментарности керамики определить трудно, но судя по аналогам, их можно отнести к мисковидным сосудам с широким устьем. Наибольшее расширение тулова почти в два раза превышает высоту горшка и находится в его верхней трети (тип VII по типологии И.В. Ислановой керамики Мстинско-Моложского междуречья) [12, с. 51, рис. 3: 8-11].

Обнаружены фрагменты горшков крупных и средних размеров диаметром по венчику 15-27 см. Стенки имеют толщину 6-9 мм. В качестве отощителя использовалась крупная и мелкая дресва. Обжиг костровой. Черепок довольно прочный. Поверхность заглажена или подлощена. Цвет керамики – чёрный, тёмно-коричневый, коричневый.

На внутренней стороне большинства венчиков обнаружен чёрный нагар. Орнамент прослежен по краю венчика в виде насечек или оттисков штампа «верёвочка на палочке».

По наклону венчика выделено два подтипа.

Подтип 1 – венчик поставлен вертикально (рис. 9: 1):

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 9: 1а, г);

вариант 2 – край венчика прямой (рис. 9: 1б);

вариант 3 – край венчика заострён срезом с внутренней стороны (рис. 9: 1в).

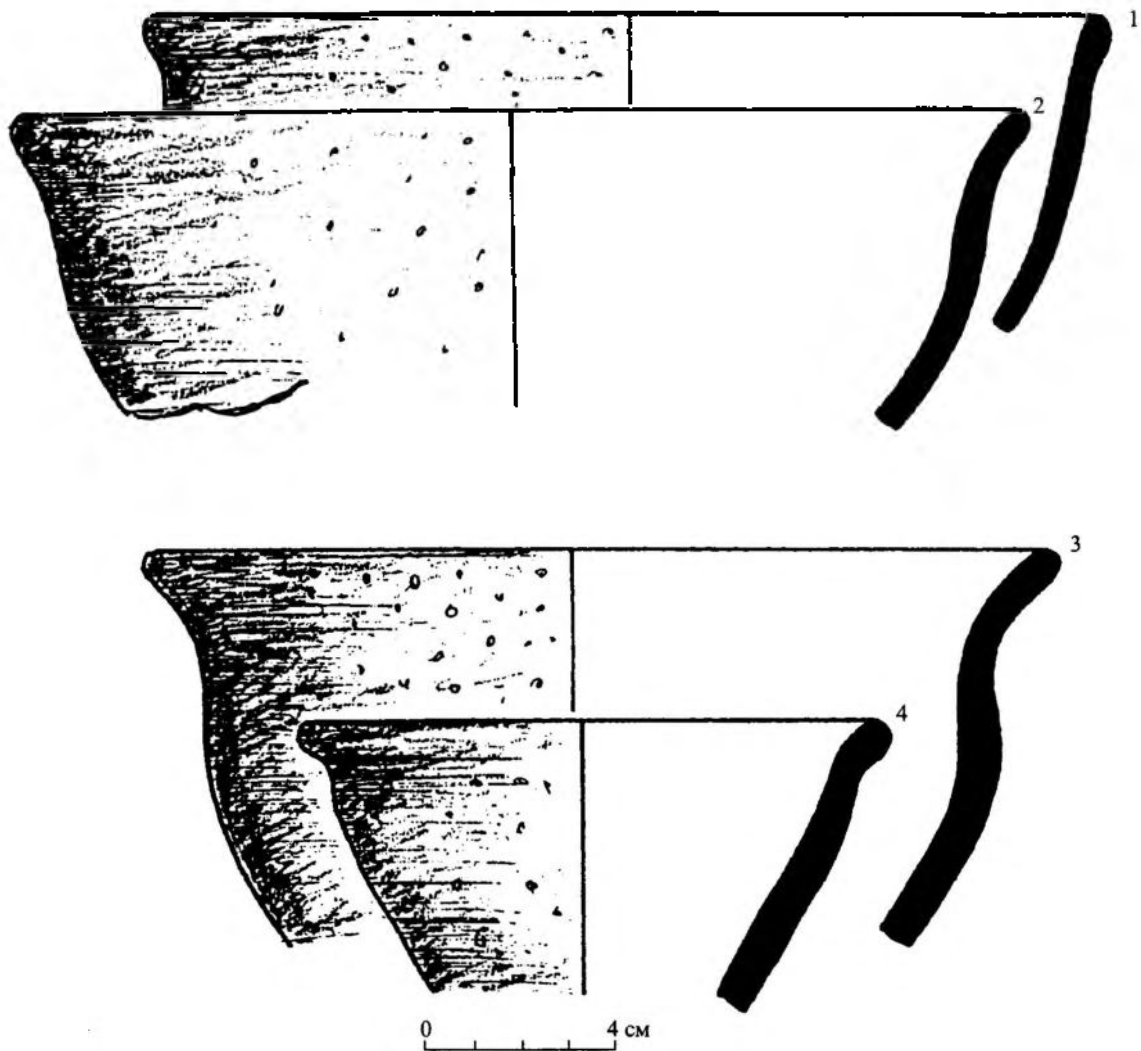

Рис. 6. Лепная керамика. Тип 5.
1, 2 – поселение Усть-Тудовка, п.о. № 45, 695; 3 – поселение Благовещенье, п.о. № 86-1566;
4 – поселение Картунь, п.о. № 7

Подтип 2 – венчик отклонён наружу (рис. 9: 2);
вариант 1 – край венчика срезан горизонтально (рис. 9: 2а);
вариант 2 – край венчика отогнут наружу (рис. 9: 2б).

Керамика восьмого типа встречается на верхневолжских поселениях в слоях 2-й пол. I тыс. н.э.: Благовещенье (слои, датируемые VII-X вв., – до 5%), Струйское (слои VIII-X вв. – до 1%), Бобронники (3-я четв. I тыс. н.э. – до 10%), Свёклино, Усть-Тудовка (слои VII-VIII вв. – до 1%), Суходоля 2, Добрая, Кеты 2 и др. – и составляет около 2% от общего числа найденной лепной керамики. Возможно, этот тип посуды связан с местным населением раннего железного века (широко распространён в VI-VII вв. на позднем этапе дьяковской культуры) [33, с. 90-189; 20, с. 26, тип 1, рис. 1: 1]. Вполне вероятно, что сосуды этого типа бытовали и в X в.

Аналогичная керамика встречается в слоях VII-X вв. н.э. на многих раннесредневековых памятниках северной части восточно-славянского ареала [19, с. 55, рис. 6: 6; 34, с. 184, рис. 4; 12, с. 51, рис. 1: 3; 35, с. 69, рис. 1: 1; 36, с. 138, рис. 2: 3; 37, с. 68, рис. 3; 38, с. 37, рис. 2: 11; 10, с. 65; 39, с. 230, рис. 3; 40, с. 24, рис. 1: 4].

К девятому типу относятся горшки с усечённо-коническим туловом и ребром у основания венчика. Диаметр венчика превышает диаметр дна примерно в два раза. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю четверть высоты сосуда. Высота горшка примерно равна максимальному расширению тулова (рис. 10-13).

По наклону венчика сосуды первого типа делятся на три подтипа:
подтип 1 – венчик отогнут наружу (рис. 10-11);
подтип 2 – венчик поставлен вертикально (рис. 12);
подтип 3 – венчик вогнуто-выгнутый (рис. 13).

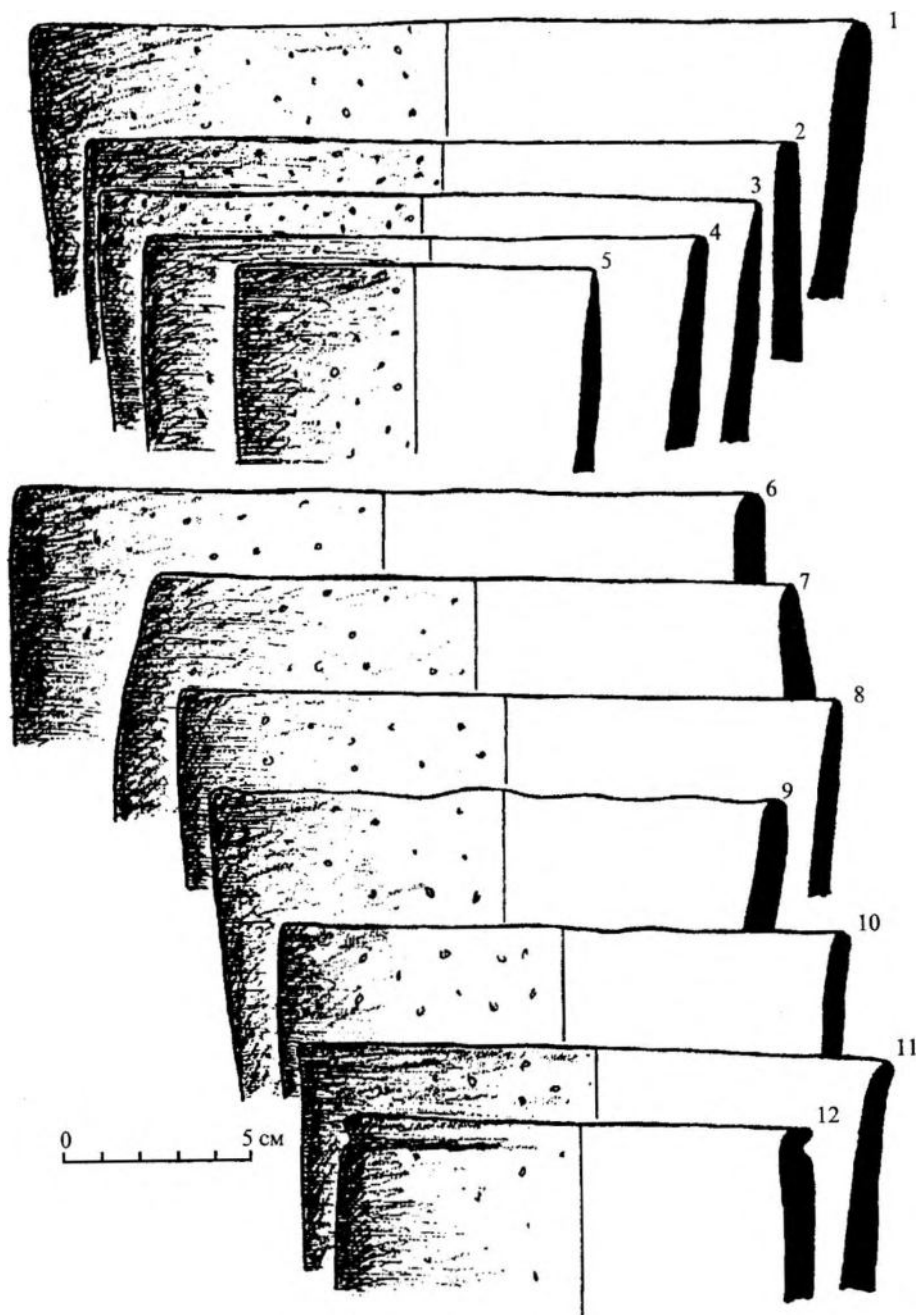

Рис. 7. Лепная керамика. Тип 6.
 1-5 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-4, 84-2087, 84-2556, 85-2267, 85-2035;
 6 – курганная группа Струйское, К-6; 7 – поселение Филатово, № 1;
 8 – поселение Усть-Тудовка, п.о. № 456; 9, 12 – поселение Волково, п.о. № 887, 898;
 10 – поселение Большое Пищалино 1, п.о. № 4; 11 – поселение Берёзка, п.о. № 5

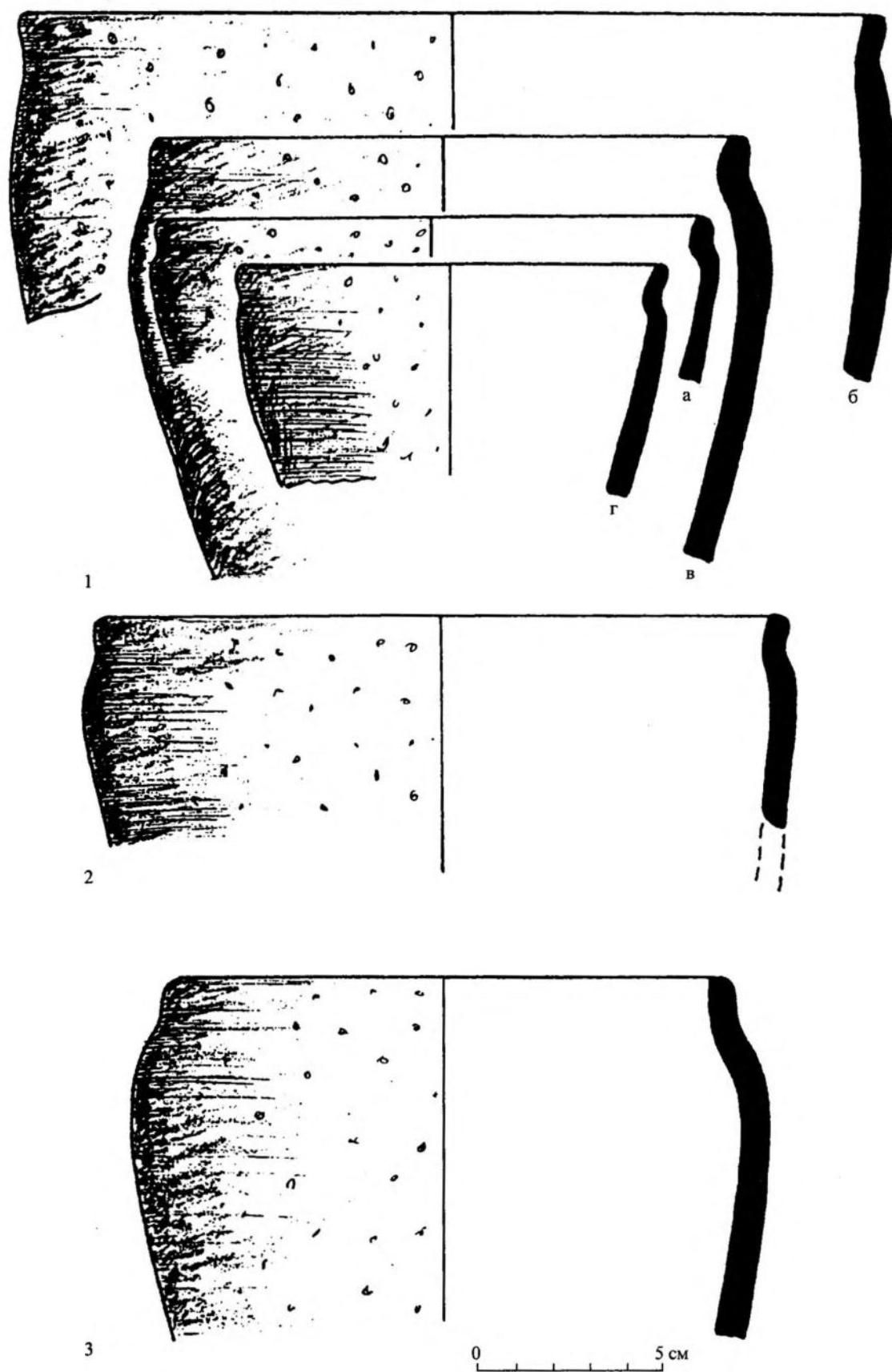

Рис. 8. Лепная керамика. Тип 7.

1 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-2231, 86-2035, 85-1473, 85-661; 2 – поселение Волково, п.о. № 387;
3 – поселение Струйское, п.о. № 4179-87

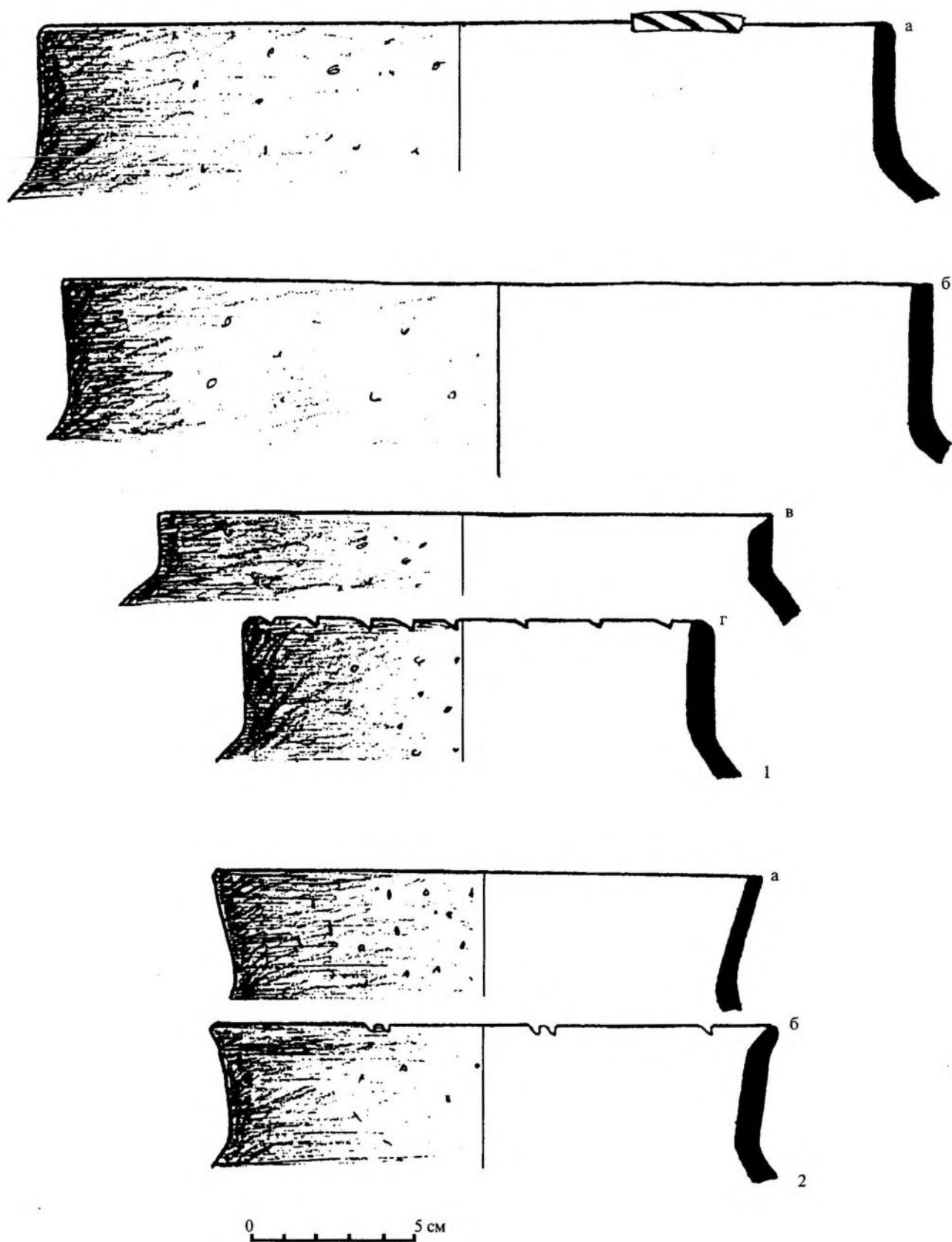

Рис. 9. Лепная керамика. Тип 8.
 1а, б; 2б – поселение Благовещенье, п.о. № 85-1583, 86-2556, 85-1608; 1в – поселение Струйское, п.о. № 87-409; 1г – поселение Бобронники, п.о. № 87-15; 2а – поселение Усть-Тудовка, п.о. № 438

Первый подтип делится по длине венчика на два вида.

К первому виду относятся горшки с высоким венчиком. Это сосуды крупных и средних размеров, диаметром по венчику 22-27 см. Стенки имеют толщину 5-10 мм. В качестве отошителя для глины использовались крупная дресва и песок. Поверхность горшков грубая, с выступающими зёрнами дресвы. Обжиг слабый, костровой. Цвет керамики – чёрный, серый, тёмно-коричневый, коричневый (рис. 10).

На внутренней стороне венчика прослежен чёрный нагар, что говорит о применении данных горшков в качестве кухонной посуды.

На многие горшки был нанесён орнамент в виде пальцевых вдавлений, вдавлений трубчатой костью или оттисков штампа («верёвочка на палочке») на верхней части тулова или по краю венчика.

Первый вид разделён на два варианта:

вариант 1 – срез края венчика горизонтальный (рис. 10: 1);

вариант 2 – край венчика округлый (рис. 10: 2).

Ко второму виду относятся горшки с маленьким венчиком. Это сосуды в основном средних размеров, диаметром по венчику 17-20 см, но встречаются и крупные – диаметром до 25 см, и малые – диаметром до 12 см формы (рис. 11). Стенки имеют толщину 6-10 мм. В качестве отошителя использовались дресва, гравий и песок. Поверхность горшка грубая, с выступающими зёрнами дресвы разных размеров. Обжиг костровой. Цвет керамики – чёрный, тёмно-коричневый, коричневый.

По наличию нагара на внутренней стороне венчиков данный тип керамики также следует отнести к кухонной посуде.

Орнаментация отсутствует, только в единичных случаях (северные районы изучаемой территории) на сосудах обнаружен орнамент в виде палочных вдавлений или оттисков штампа «верёвочка на палочке» по ребру (рис. 11). Край венчика округлый.

Керамика девятого типа первого подтипа встречается на поселениях со слоями кон. I тыс. н.э. (Шитовичи, Волково, Благовещенье, Струйское, Свёклино, Жданское I, Жулёво, Старое Китово, Борзыни, Тверецкое и др.) и составляет около 10% от общего числа изученной лепной керамики. Это слои и закрытые комплексы со стеклянными бусами IX – нач. XI вв., перекрытые слоями с находками кон. X – нач. XI вв. (дирхемы, денарии, бусы и т.д.) Сосуды девятого типа преобладают на поселениях северных (по р. Тверде, Шегре, Поведи) и западных (по берегам Верхневолжских озёр) районов изучаемой территории и характерны для памятников культуры сопок (рис. 14).

Второй подтип представлен горшками больших и средних размеров, диаметром по венчику 17-28 см, с вертикально поставленным венчиком. Стенки имеют толщину 6-7 мм. В качестве отошителя использовались дресва и гравий (в основном крупных размеров) и песок. Поверхность горшков грубая, с выступающими зёрнами дресвы. Обжиг костровой. Цвет керамики – чёрный, тёмно-коричневый, коричневый (рис. 12).

Данный подтип горшков также относится к кухонной посуде. Орнаментация отсутствует.

Выделено два варианта:

вариант 1 – край венчика срезан горизонтально (рис. 12: 2);

вариант 2 – край венчика заострён плавным срезом с внутренней стороны (рис. 12: 3).

Данный подтип керамики встречен на поселениях со слоями посл. четв. I тыс. н.э., в основном северных (по р. Тверде, Шегре, Поведи) и западных (по берегам Верхневолжских озёр) районов изучаемой территории и характерен для памятников культуры сопок.

На поселениях Волково, Шитовичи, Свёклино данный подтип составляет около 8% от общего числа найденной лепной керамики. В Благовещенье – около 4%.

Третий подтип представлен горшками больших и средних размеров, диаметром по венчику 18-24 см, с вогнуто-выгнутым венчиком. Стенки сосудов имеют толщину 5-10 мм. В качестве отошителя использовались мелкая и средняя дресва и гравий и песок. Поверхность горшков достаточно ровная и заглаженная, с выступающими зёрнами дресвы. Обжиг костровой. Цвет керамики – тёмно-коричневый и коричневый.

Эти горшки использовались в качестве столовой и кухонной посуды.

Орнамент встречен на одном фрагменте в виде палочных вдавлений по ребру (рис. 13: 1).

Выделено три варианта:

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 13: 1);

вариант 2 – край венчика плавно заострён с внутренней стороны (рис. 13: 2);

вариант 3 – край венчика срезан горизонтально (рис. 13: 3).

Такие сосуды характерны не для всех памятников рассматриваемого региона. Наибольшее количество фрагментов этой керамики найдено на поселениях со слоями кон. I тыс. н.э. (Шитовичи, Волково – до 25%), в подъёмном материале на поселениях Жданское I (разведка А.Д. Максимова 1979 г.), Борзыни (разведка П.Д. Малыгина 1985 г.), Глухово (разведка А.П. Ланцева 1986 г.) и др. Они составляют около 2% от общего числа найденной здесь лепной керамики (в пересчёте на сосуды).

Наибольшая концентрация сосудов девятого типа (подтип 3) отмечена в северных и северо-западных районах изучаемой территории на поселениях со слоями кон. I тыс. н.э. Для памятников 3-й четв. I тыс. н.э. такая посуда не характерна.

Эти сосуды имеют широкий круг аналогий в памятниках последних веков I тыс. н.э. Новгородско-Псковской земли: Псков, Изборск, Старая Ладога, неукрепленные поселения Поильменья. Более отдалённые аналогии этой керамики есть среди славянских древностей междуречья Нижней Вислы и Одера [41, с. 57; 42, с. 141-144, рис. 4; 18, с. 38, 64, рис. 9; 43, с. 72; 12, с. 48, тип 4; 44, с. 116, рис. 7; 45, с. 116; 46, с. 167; 17, с. 136; 38,

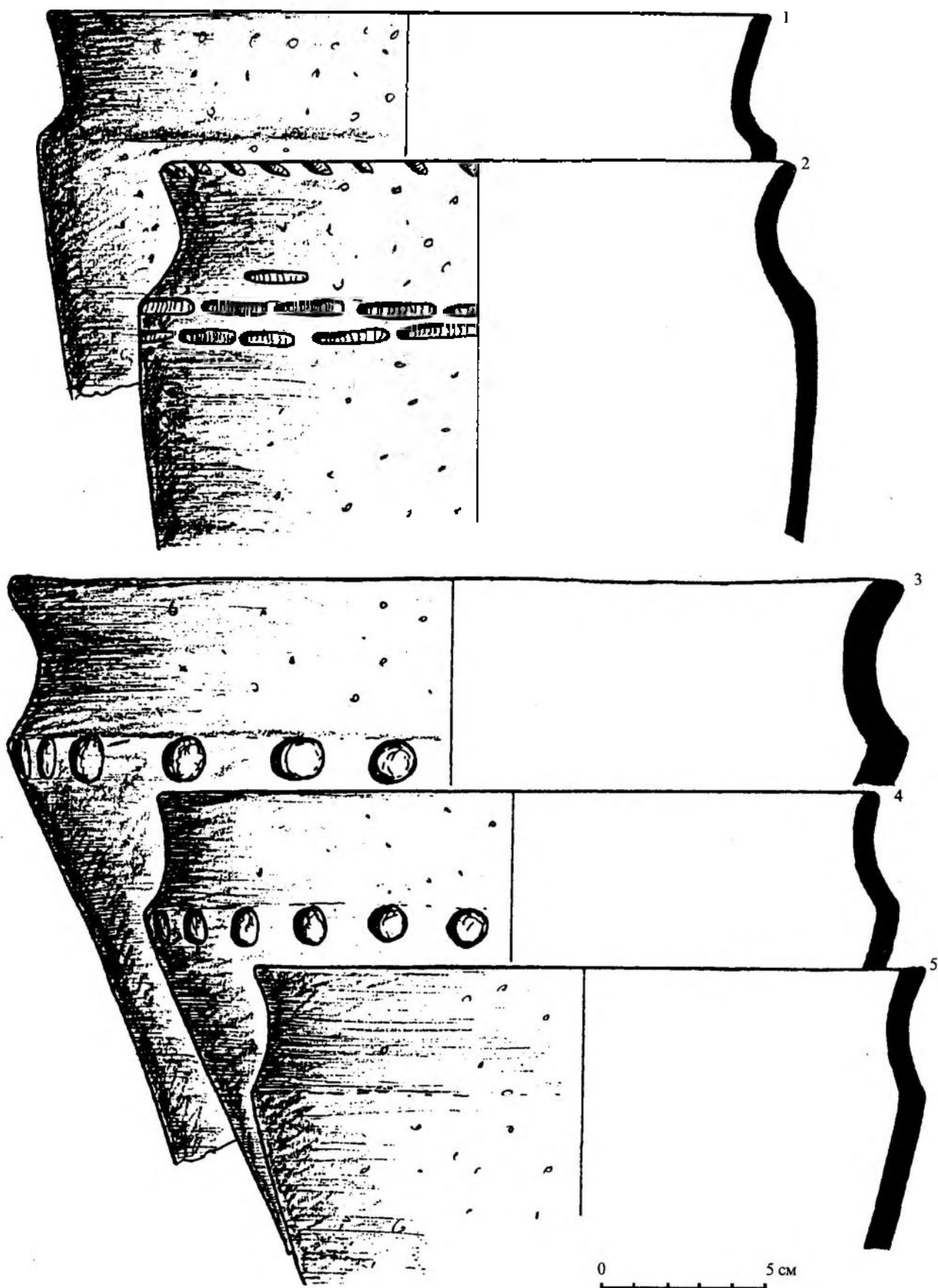

Рис. 10. Лепная керамика. Тип 9, подтип 1, вид 1.
 1, 2 – поселение Волково, п.о. № 91-428, 91-738; 3, 4 – поселение Шитовичи, п.о. № 89-2308, 90-Р-1;
 5 – поселение Благовещенье, п.о. № 86-3416

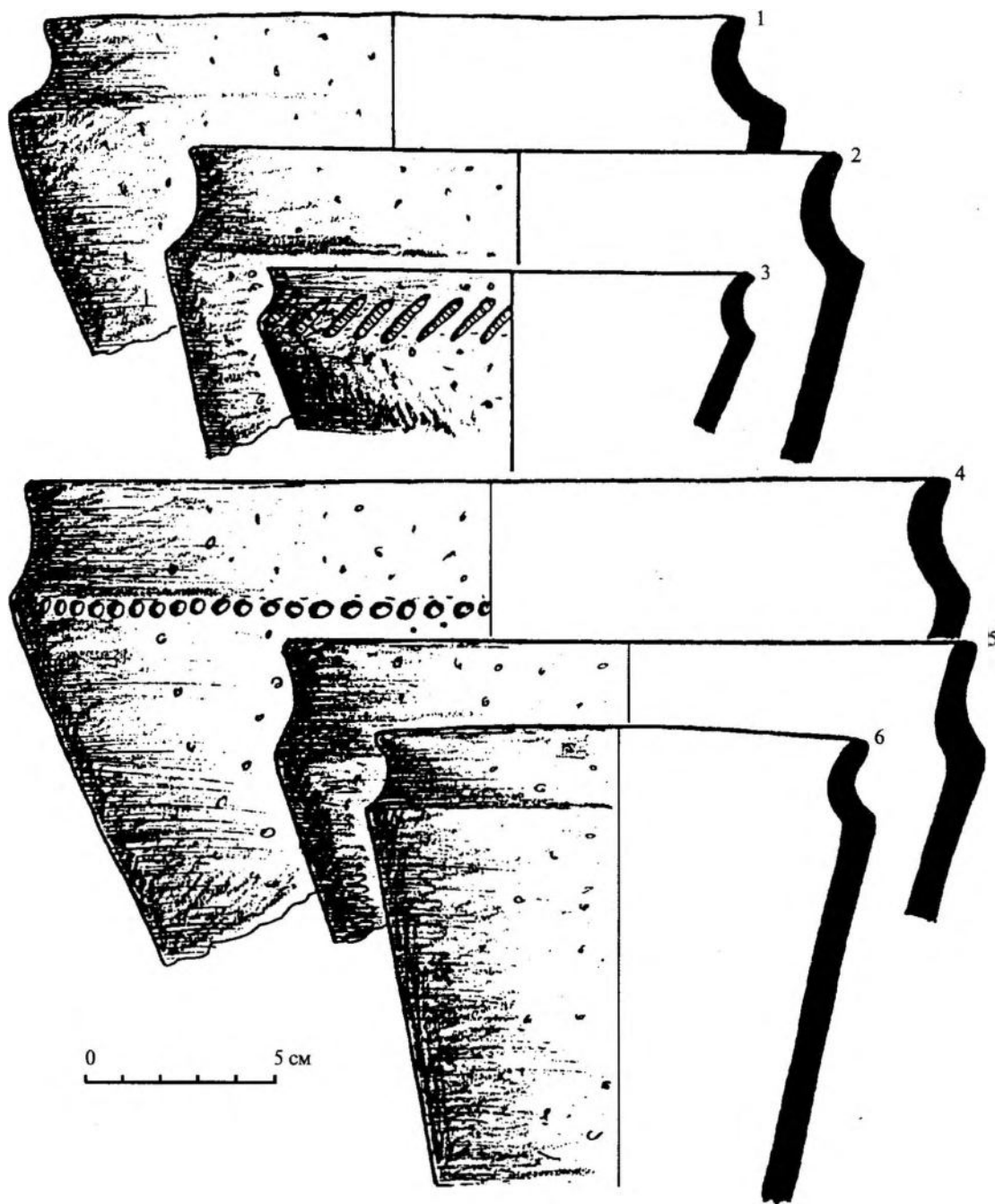

Рис. 11. Лепная керамика. Тип 9, подтип 1, вид 2.

1 – поселение Волково, п.о. № 91-80; 2 – поселение Благовещенье, п.о. № 84-2471;

3-5 – поселение Шитовичи, п.о. № 90-3944, 90-2600, 90-2420; 6 – поселение Струйское, п.о. № 87-935

с. 36; 47, с. 22; 15, с. 144; 23, с. 131, рис. 3, 4; 48, с. 186; 40, с. 24; 6, с. 63, тип 2; 49, с. 24; 28, с. 191, 192, рис. 2, 3; 24, с. 3-10, тип 2, 3; 50, с. 41-43, гус. 6].

К десятому типу относятся горшки с усечённо-коническим туловом со слабовыпуклыми стенками и ребром у основания венчика. Этот тип представлен горшками низких пропорций – диаметр венчика больше высоты сосуда и превышает диаметр дна примерно в два раза. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю четверть высоты горшка (рис. 15). Венчик слабо отогнут наружу.

Это сосуды в основном средних и малых размеров, диаметром по венчику 13-24 см. Толщина стенок 5-8 мм. В качестве отощителя использовались средняя дресва и песок. Поверхность горшка грубая, с выступающими зёрнами дресвы. Обжиг костровой. Цвет керамики – тёмно-коричневый, коричневый, светло-коричневый.

На внутренней стороне почти всех венчиков прослежен чёрный нагар, что говорит о принадлежности данных горшков, особенно средних размеров, к кухонной посуде. На горшках малых размеров нагар не обнаружен, что может свидетельствовать об использовании данных горшков в составе столовой посуды.

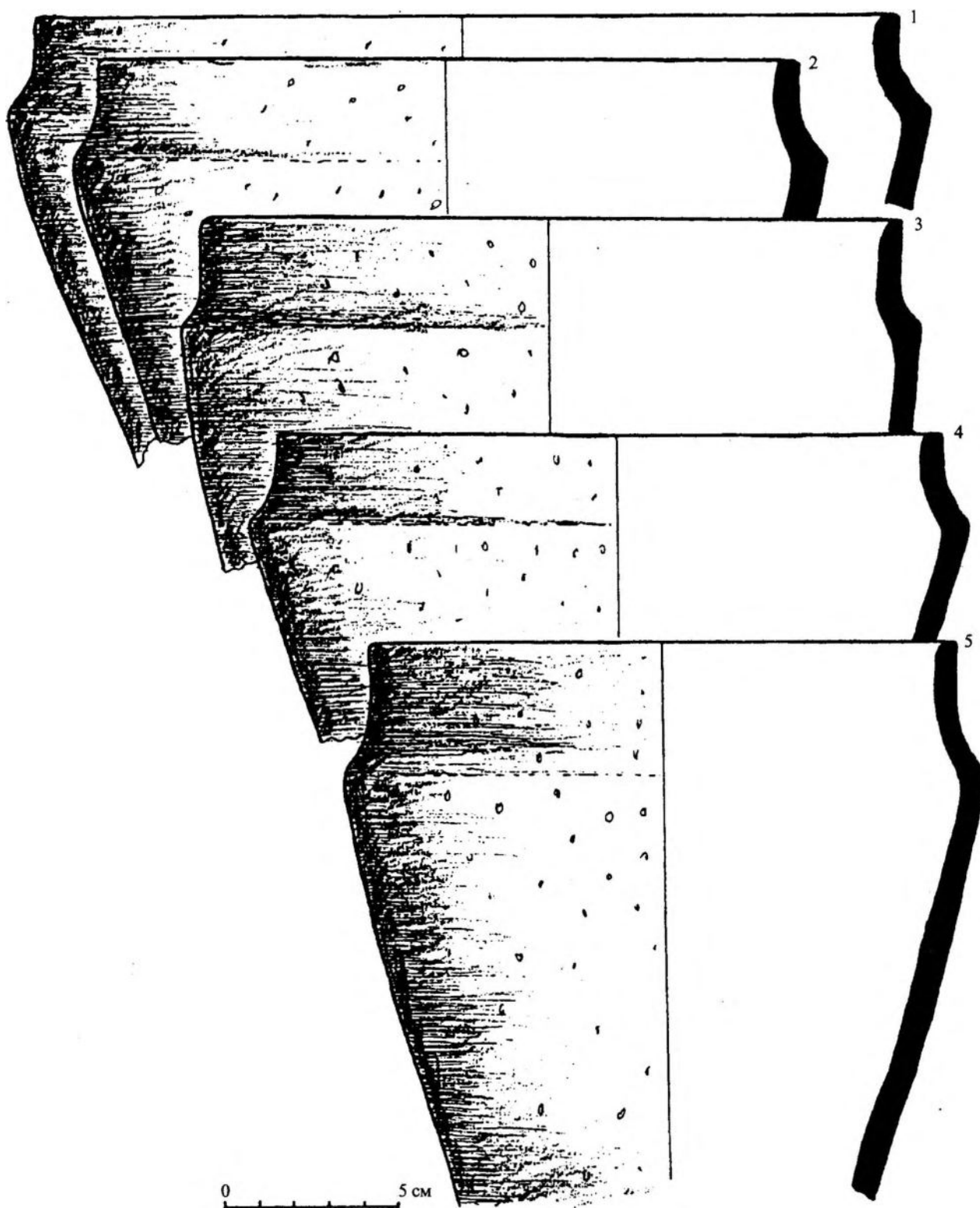

Рис. 12. Лепная керамика. Тип 9, подтип 2.
 1-2 – поселение Шитовичи, п.о. № 90-1885, 90-2418; 3 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-Д-3-1;
 4 – поселение Волково, п.о. № 91-789-1; 5 – поселение Свёклино, п.о. № 8

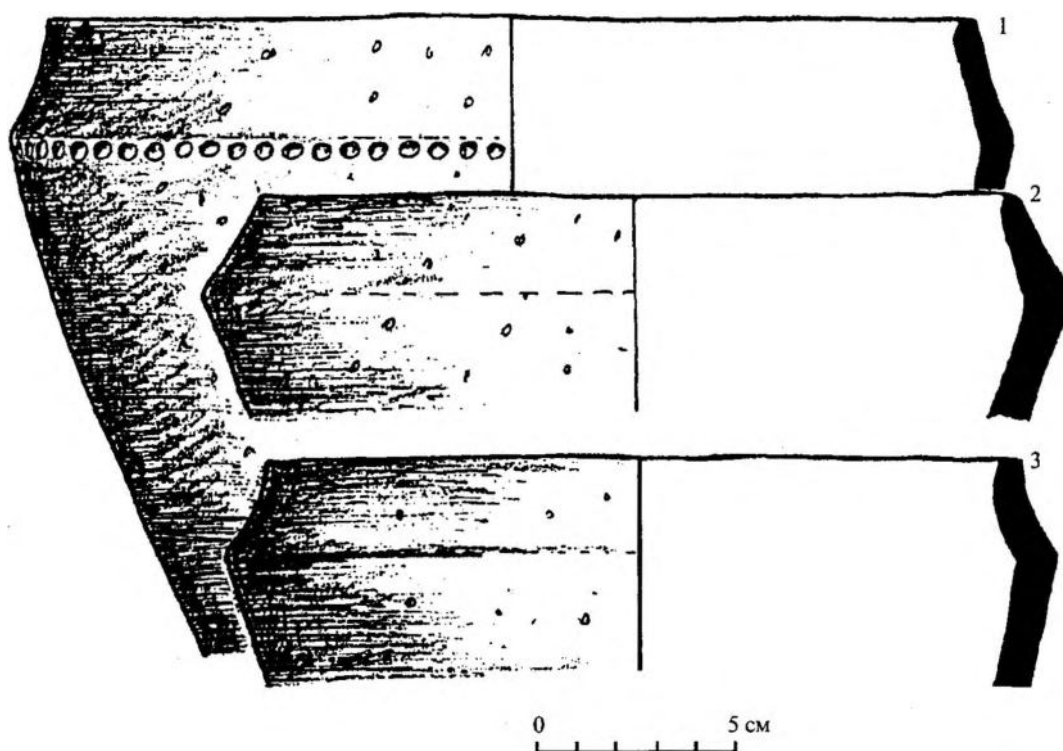

Рис. 13. Лепная керамика. Тип 9, подтип 3.
1, 3 – поселение Шитовичи, п.о. № 89-п-4, 90-1986; 2 – поселение Волково, п.о. № 91-438-9

На многие горшки был нанесён орнамент в верхней части тулова в виде зигзагообразных или косых оттисков штампа «верёвочка на палочке»; зигзагообразных линий наколов, нанесённых заострённым предметом; вдавлений палочки (рис. 15).

Выделено три варианта керамики десятого типа:

- вариант 1 – край венчика округлый (рис. 15: 1);
- вариант 2 – край венчика срезан горизонтально (рис. 15: 4);
- вариант 3 – край венчика плавно заострён с внутренней стороны (рис. 15: 5).

Фрагменты сосудов десятого типа обнаружены почти на всех памятниках изучаемого региона в слоях кон. I тыс. н.э. с концентрацией в северных и северо-западных районах на памятниках культуры сопок и на основных водных артериях (поселения Шитовичи, Волково, Благовещенье, Струйское, Берёзово I, Жданское I и др.) и составляют около 5% от общего числа найденной лепной керамики. Это слой и закрытые комплексы со стеклянными бусами IX – нач. XI вв., перекрытые слоями с находками кон. X – нач. XI вв. (дирхемы, денарии, бусы и т.д.). Для памятников 3-й четв. I тыс. н.э. такая посуда не характерна.

Эти сосуды находят аналогии на многих памятниках северо-западной части Восточной Европы: Псков, Изборск, Новгород, Старая Ладога, поселения Поильменья и Мсты – и датируются кон. I тыс. н.э. [41, с. 60; 31, с. 90; 44, с. 116; 47, с. 22; 15, с. 145; 17, с. 134, 182; 38, с. 36; 6, с. 65, рис. 1; 24, с. 3-10, тип 3: 2].

К одиннадцатому типу отнесены горшки с туловом S-видной формы, со слабовыпуклыми стенками, резко выраженным, крутым, плечиком и маленьким венчиком. Высота горшка равна диаметру наибольшего расширения тулова. Диаметр дна равен примерно $4/5-3/5$ диаметра по венчику. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю четверть высоты сосуда (рис. 16, 17).

Сосуды одиннадцатого типа в основном средних и малых размеров, диаметром по венчику 9-22 см. Стенки имеют толщину 5-8 мм. В качестве отощителя использовались мелкая и средняя дресва, гравий и песок. Поверхность горшка грубая. Обжиг костровой, неровный. Цвет керамики – чёрный, тёмно-коричневый, коричневый, светло-коричневый.

На внутренней стороне всех венчиков присутствует чёрный нагар, что говорит о принадлежности данных горшков к кухонной посуде.

Орнамент на горшках данного типа прослежен на единичных экземплярах в виде косых или зигзагообразных оттисков штампа «верёвочка на палочке» и пальцевых вдавлений по верхнему краю тулова.

По наклону венчика сосуды одиннадцатого типа делятся на два подтипа.

Подтип 1 – венчик отогнут наружу (рис. 16):

- вариант 1 – край венчика округлый (рис. 16: 1);
- вариант 2 – край венчика срезан горизонтально (рис. 16: 6);
- вариант 3 – край венчика плавно заострён с внутренней стороны (рис. 16: 7).

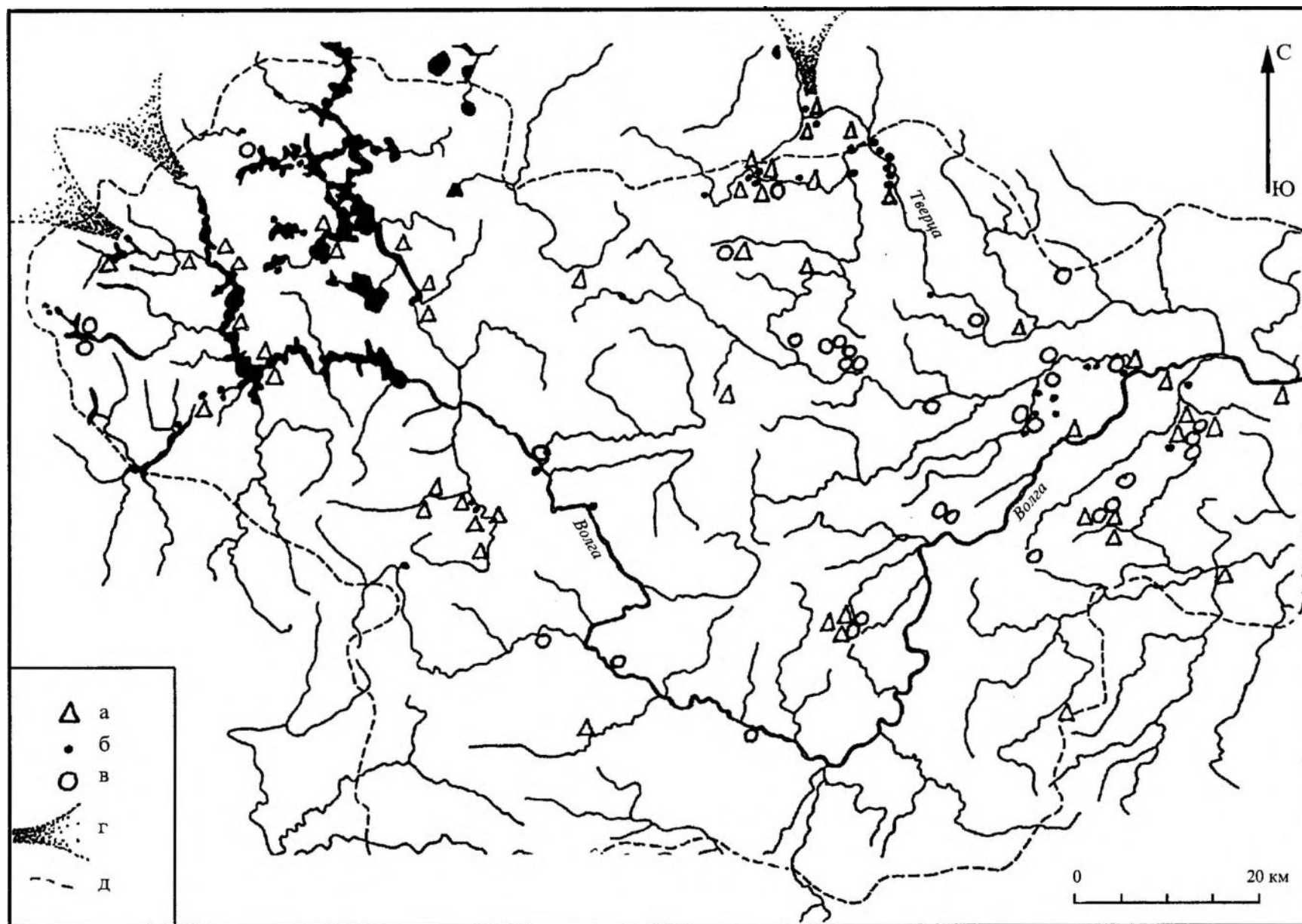

Рис. 14. Карта памятников культуры новгородских сопок на территории Тверского Поволжья: а – могильники, имеющие в своём составе сопки; б – поселения, синхронные сопкам; в – курганы с каменной обкладкой в основании; г – направления продвижения носителей культуры сопок в Тверское Поволжье; д – граница изучаемой территории

Подтип 2 – венчик поставлен вертикально (рис. 17):
вариант 1 – край венчика округлый.

Фрагменты сосудов одиннадцатого типа обнаружены почти на всех исследованных раскопках памятниках раннего средневековья Тверского Поволжья: Благовещенье (15%), Струйское (10%), Свёклино (5%), Шитовичи (5%), Волково (8%), Добрая, Усть-Суходолка (разведка В.М. Воробьева 1976 г.), Аладыно, Поволжье, Большое Пищалино 2 (разведка В.М. Воробьева 1977 г.), Берёзка, Захарово, Кузнятино 1 и 2 (разведка М.Г. Жилина 1976 г.), Суходол 1 (разведка М.Г. Жилина 1976 г., раскопки А.Н. Хохлова 1986 г.), Витьбино 2 и 3 (разведка И.Н. Черных и А.Д. Максимова 1979 г.), Перпино (раскопки В.П. Фролова 1985 г.) и др. – в слоях конца I тыс. н.э., датированных бусами IX-X вв., ланцетовидными и бизовидными привесками, проволочно-пластинчатыми височными кольцами, трапециевидными привесками, подковообразными фибулами и пр., и составляют около 10% от общего числа найденной здесь керамики. Керамика данного типа обнаружена, в основном, на поселениях и в могильниках, расположенных в южной и центральной частях изучаемого региона по берегам рек Волги, Тудовки, Вазузы, Западной Двины и Жукопы. Данная керамика встречается и на поселениях, расположенных по Волге и Шоше в западном районе изучаемой территории (рис. 18).

Эти горшки находят аналогии в памятниках КДК смоленско-полоцких кривичей и Новгородско-Псковской земли и датируются сер. VIII- нач. X вв. н.э. с наибольшим распространением в IX в. В Ярославском Поволжье этот тип горшков бытует до XI в. [18, с. 76; 7, с. 40; 26, с. 231; 12, с. 51; 17, с. 182; 15, с. 147; 51, с. 88; 10, с. 36, 65; 24, с. 3-10; тип 3: 36].

К двенадцатому типу относятся слабопрофилированные горшки с усечённо-коническим, раздутым в верхней половине туловом и маленьким венчиком. Высота горшка равна диаметру венчика. Диаметр дна равен 2/3 диаметра венчика. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть высоты сосуда (рис. 19).

Сосуды двенадцатого типа – в основном средних размеров, диаметром по венчику 15-26 см. Толщина стенок 8-10 мм. В качестве отощителя использовались мелкая, средняя и крупная дресва и песок. Обжиг костровой неровный, слабый. Поверхность грубая, с выступающей дресвой. Цвет керамики – тёмно-коричневый, коричневый, светло-коричневый.

Горшки данного типа следует отнести к кухонной посуде по обнаруженному нагару с внутренней стороны венчиков.

Орнамент встречен на единичных фрагментах керамики в виде оттисков штампа «верёвочка на палочке» по верхнему краю тулова.

По наклону венчика сосуды двенадцатого типа делятся на два подтипа:

подтип 1 – венчик отогнут наружу (рис. 19: 1-3);

подтип 2 – венчик поставлен вертикально (рис. 19: 4).

Край венчика у всех сосудов этого типа округлый.

Фрагменты горшков двенадцатого типа встречены почти на всех раннесредневековых поселениях верхнего р. Волги, где есть слои конца VIII-X вв. н.э. (датирующие находки – стеклянные бусы ближневосточного производства: лимонovidные всех цветов, рубленый бисер, глазчатые и т.д.): Свёклино, Струйское, Благовещенье, Волково, Шитовичи и др., а также в Березовцем могильнике – и составляют около 10% от общего числа изученной керамики. В слоях и комплексах 3-й четв. I тыс. н.э. этот тип представлен единичными фрагментами сосудов (поселение Благовещенье).

Эти сосуды имеют аналоги на многих памятниках северной части Восточной Европы в комплексах посл. четв. I тыс. н.э. [41, с. 57; 7, с. 40; 18, с. 66; 12, с. 46; 13, с. 46; 36, с. 137-139; 17, с. 136; 10, с. 65; 40, с. 24]. Подобная керамика известна в дьяковской культуре, например, на Троицком городище в слоях сер. – нач. 2-й пол. I тыс. н.э. [22, с. 66, рис. 27: 9а, 9б, 10, рис. 67].

Так как распространение памятников с керамикой этого типа совпадает с картой памятников КПДК, то можно предположить, что этот тип керамики эволюционно возник из предыдущих (типы 2, 3).

К тринадцатому типу верхневолжской керамики относятся сосуды с округлым туловом, с расширением в средней части или в верхней трети, с покатыми плечиками, которые плавно переходят в слабоотогнутый венчик. Высота горшка примерно равна наибольшему диаметру тулова (рис. 20).

Сосуды тринадцатого типа – в основном средних размеров, диаметром по венчику 13-17 см. Стенки имеют толщину 5-12 мм. В качестве отощителя использовались главным образом песок и мелкая и средняя дресва. Обжиг костровой, неравномерный. Поверхность у большинства горшков заглажена, с выступающими на ней зёрнами дресвы. Цвет керамики – коричневый, тёмно-коричневый, светло-коричневый. У большинства горшков этого типа имеется чёрный нагар с внутренней стороны венчика, что позволяет отнести их к кухонной посуде.

Орнамент обнаружен только у одного сосуда – в виде прочерченной ломаной линии по его шейке (рис. 20:4).

Выделено три варианта:

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 20: 1);

вариант 2 – край венчика срезан наружу (рис. 20: 4);

вариант 3 – срез края венчика горизонтальный (рис. 20: 3).

Керамика тринадцатого типа встречена на средневековых памятниках Верхней Волги в слоях кон. IX – X вв. (Благовещенье, Струйское, Свёклино, Волково и др.) и составляет около 4% от общего числа найден-

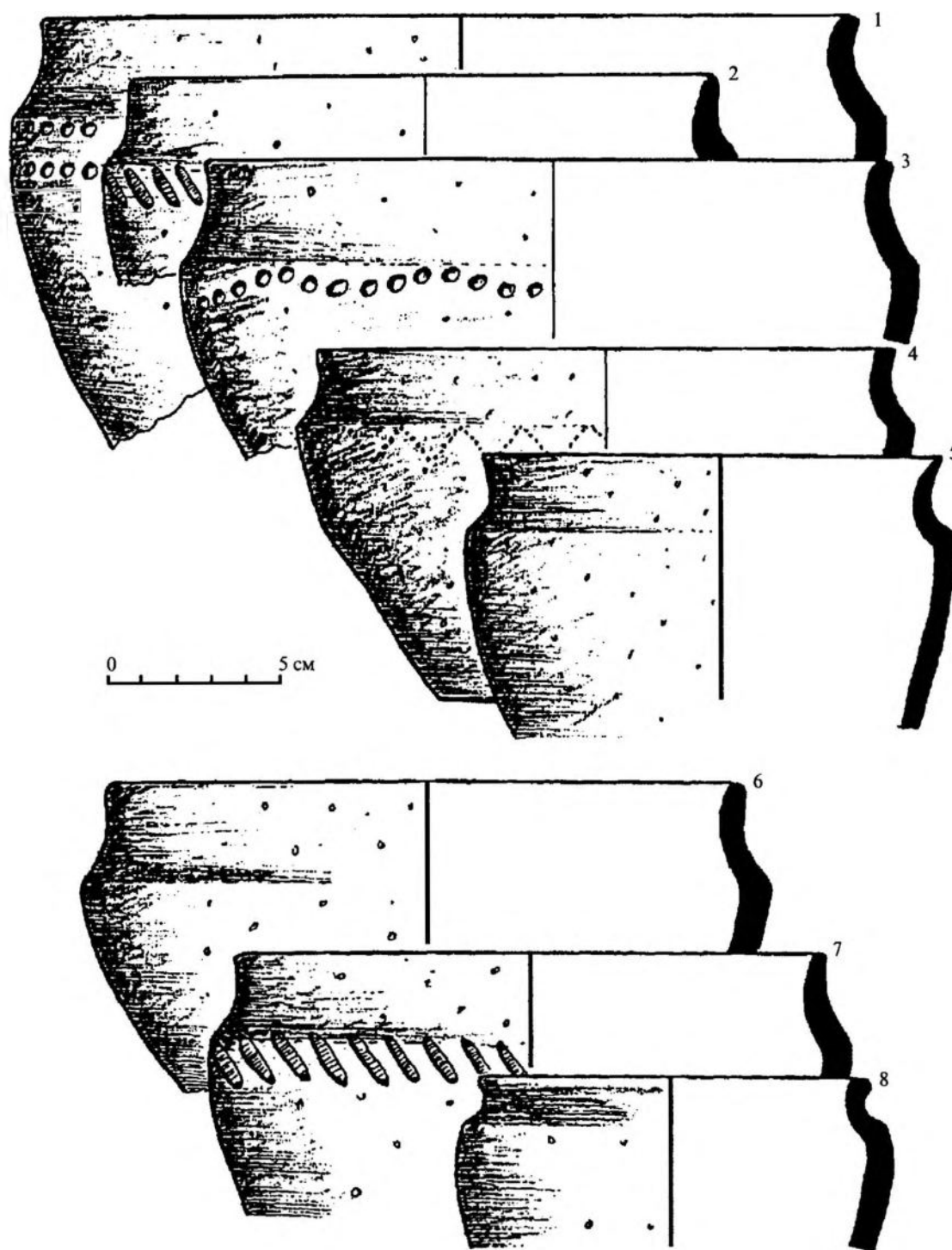

Рис. 15. Лепная керамика. Тип 10.

1, 3, 4 – поселение Шитовичи, п.о. № 90-3609, П-6-89, 90-3943; 2 – поселение Волково, п.о. № 91-287;
5-8 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-319, 84-176, 84-2474, 86-829

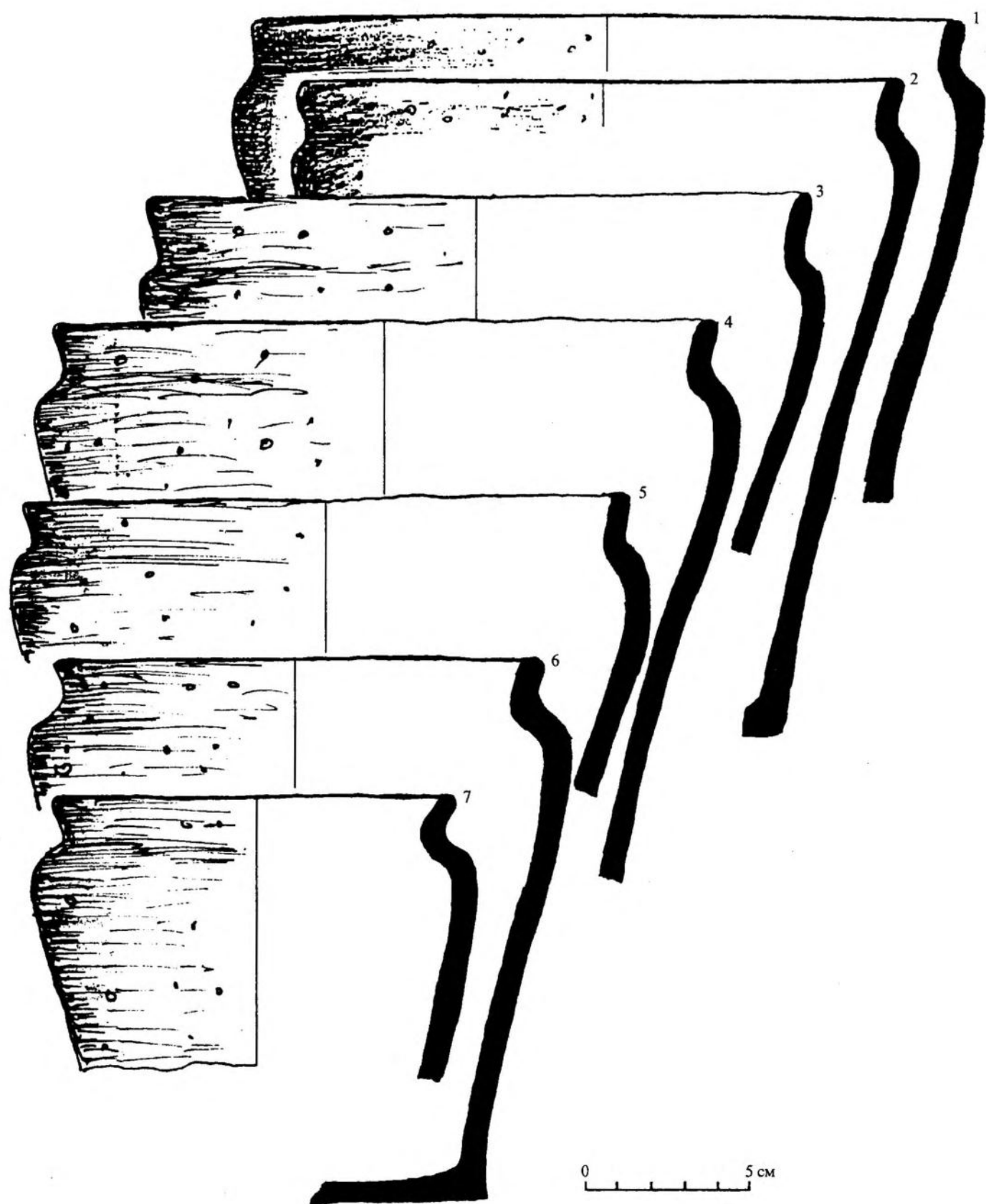

Рис. 16. Лепная керамика. Тип 11, подтип 1.
 1-4 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-3491, 85-2246, 85-Б-2-1, 85-1170; 5 – поселение Струйское,
 п.о. № 87-1397; 6 – поселение Шитовичи, п.о. № 90-45; 7 – поселение Волково, п.о. № 91-726

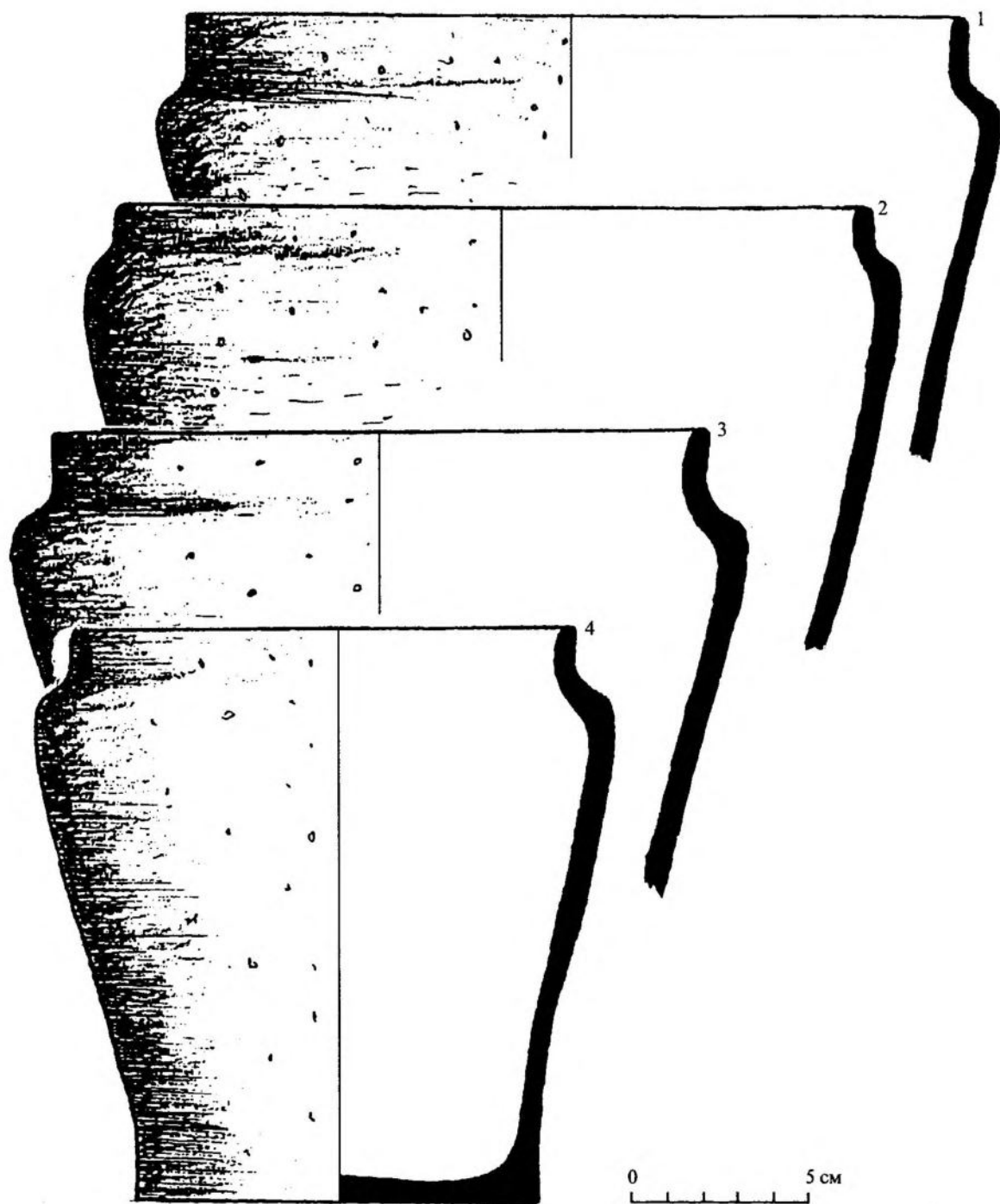

Рис. 17. Лепная керамика. Тип 11, подтип 2.

1-2 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-2229, 86-3203; 3 – поселение Шитовичи, п.о. № 89-555;
4 – поселение Волково, п.о. № 91-4-48

ной здесь лепной керамики. Эти сосуды имеют аналоги на многих памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в комплексах кон. I тыс. н.э.: Псков, Новгород, Старая Ладога, Суздаль, поселения Поильменя и Мсты и т.д. [12, с. 46; 31, с. 86; 36, с. 137; 13, с. 129; 15, с. 147; 17, с. 136; 10, с. 65; 24, с. 93, тип IV].

Керамика этого типа, вероятно, появилась с новой волной переселенцев в кон. IX – нач. X вв., двигавшихся как с северо-запада, так и с севера.

К четырнадцатому типу относятся горшкообразные сосуды с плавным профилем, выпуклыми плечиками и небольшим венчиком. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосуда. Диаметр дна почти в два раза меньше диаметра венчика. Высота горшка равна диаметру венчика (рис. 21, 22).

Сосуды четырнадцатого типа имеют разные размеры. Диаметр по венчику – 13-26 см. Толщина стенок 6-11 мм. В качестве отошителя использовались мелкая и средняя дресва и песок. Обжиг костровой, неровный. Поверхность грубая, неровная. Цвет керамики – темно-коричневый, коричневый, серый.

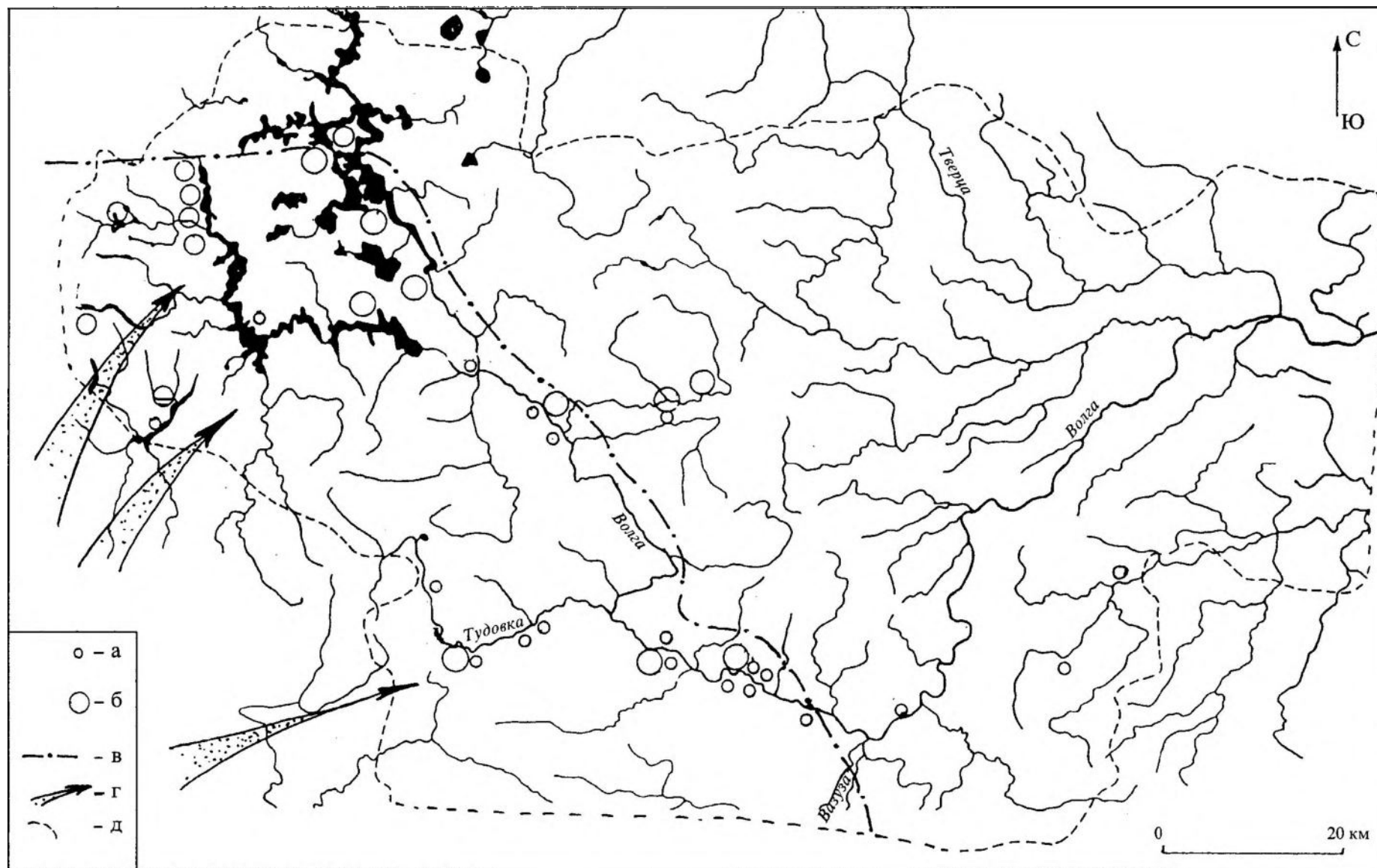

Рис. 18. Карта памятников КСПДК на территории Тверского Поволжья:
 а – поселения конца I тыс. н.э. с керамикой, характерной для КСПДК; б – могильники КСПДК; в – граница Смоленской земли (по А.Н. Насонову); г – направления проникновения носителей КСПДК; д – граница изучаемой территории

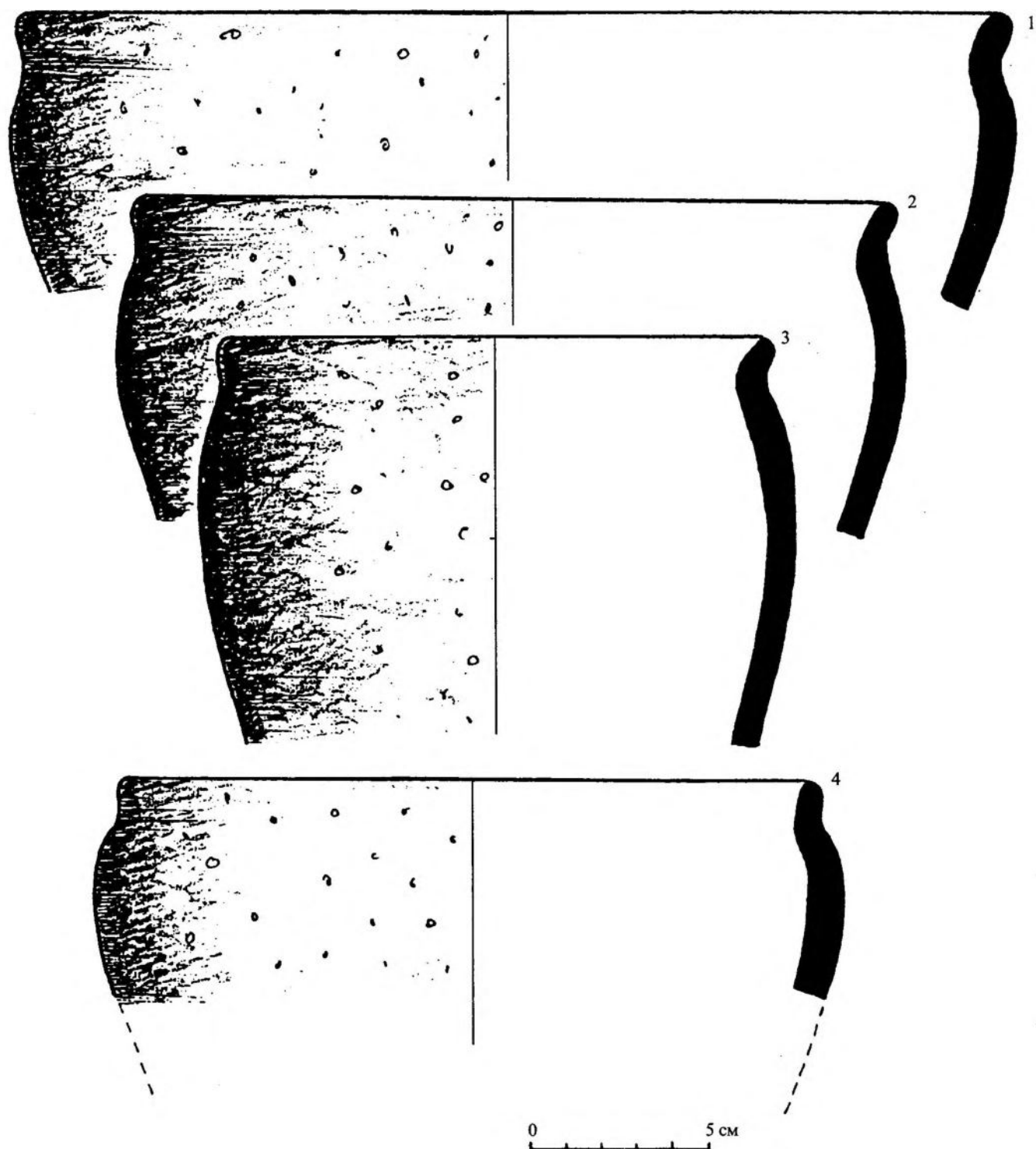

Рис. 19. Лепная керамика. Тип 12.

1, 2 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-1291, 86-2680; 3 – поселение Струйское, п.о. № 87-1444;
4 – поселение Шитовичи, п.о. № 90-883-4

У всех горшков этого типа присутствует чёрный нагар с внутренней стороны венчика, что позволяет отнести их к кухонной посуде.

На единичных фрагментах обнаружен зигзаговый верёвочный орнамент («верёвочка на палочке») по плечу или по краю венчика (рис. 21, 22).

По наклону венчика выделено три подтипа.

Подтип 1 – венчик отогнут наружу (рис. 21: 1-10):

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 21: 3);

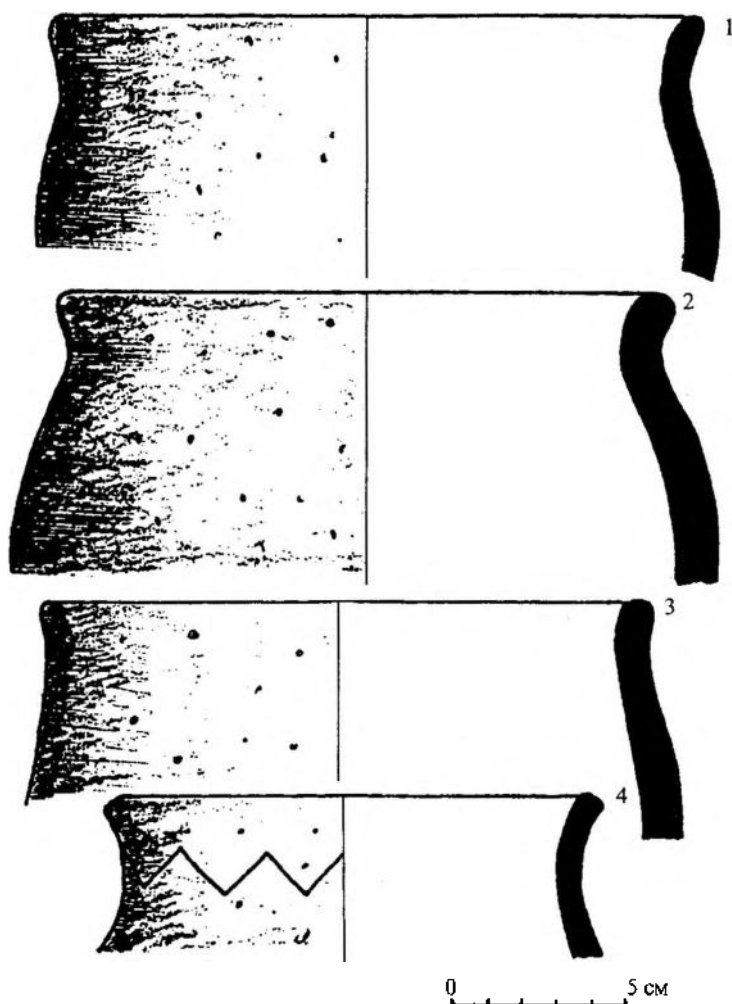

Рис. 20. Лепная керамика. Тип 13.

1, 4 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-384, 85-1036; 2 – поселение Струйское, п.о. № 87-6187;
3 – поселение Волково, п.о. № 761

вариант 2 – край венчика заострён плавным срезом с внешней стороны (рис. 21: 4);
вариант 3 – край венчика заострён и имеет округлый внешний утолщённый валик (рис. 21: 10);
вариант 4 – край прямой (рис. 21: 6);
вариант 5 – край округлый с округлым внешним валиком (рис. 21: 9).

Подтип 2 – венчик поставлен вертикально (рис. 22):

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 22: 1);
вариант 2 – край венчика заострён плавным срезом с внутренней стороны (рис. 22: 2);
вариант 3 – край венчика заострён плавным срезом с внешней стороны (рис. 22: 3);
вариант 4 – край венчика срезан горизонтально (рис. 22: 4).

Подтип 3 – венчик отогнуто-вогнутый. Край венчика округлый (рис. 21: 11).

Это самый распространённый тип керамики. Он встречен в слоях посл. четв. I тыс. н.э., датируемых стеклянными бусами ближневосточного производства (лимоновидные всех цветов, рубленый бисер, глазчатые и т.д.), ланцетовидными, трапециевидными и бизсвидными привесками, проволочно-пластинчатыми височными кольцами, подковообразными фибулами и пр., на всех раннесредневековых поселениях Верхней Волги, расположенных по берегам Волги, Западной Двины, Тудовки, Жукопы и Песочни: Минино, Мажиниха (разведка М.Г. Жилина 1976 г.), Манчарово (разведка Л.В. Кольцова 1976 г.), Тицицы 1, Усть-Суходолка (разведка В.М. Воробьева 1976 г.), Благовещенье, Струйское, Волково, Шитовичи, Витьбино 2 и 4, Захарово, Кузнятено 1, Першино и др. Такие сосуды составляют около 40% от общего числа найденной здесь лепной керамики.

Керамика четырнадцатого типа имеет многочисленные аналоги в восточно-славянских памятниках кон. VIII-X вв. [41, с. 60; 18, с. 38; 26, с. 223; 12, с. 51; 31, с. 86; 36, тип VIII6; 17, с. 182; 51, с. 88; 10, с. 65; 23, рис. 3, 4; 6, тип 1; 49, с. 24, табл. XIII: 4-6; 11, с. 26, табл. 21: 1, 3-8, 10-11; 24, с. 5, тип V].

К пятнадцатому типу лепной керамики относятся округлобокие мискообразные сосуды с вертикальной или загнутой внутрь верхней частью стенки. Форма дна неясна, но можно предположить как плоскую, так и округлую. Из-за фрагментарности говорить о пропорциях трудно. Обнаруженные фрагменты принадлежат

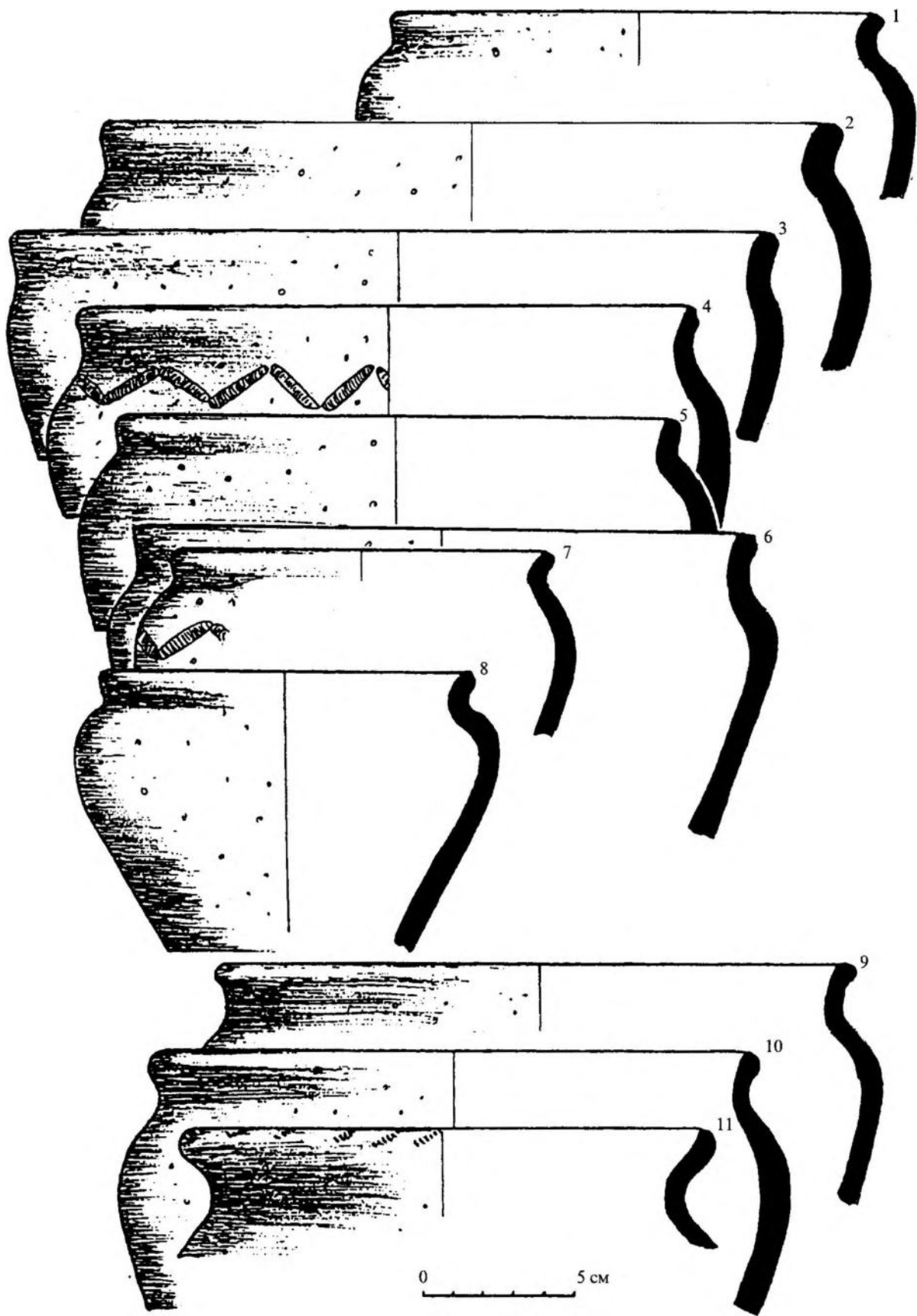

Рис. 21. Лепная керамика. Тип 14, подтипы 1, 3.
 1-5, 11 – поселение Благовещенье, п.о. № 85-1333, 85-1928, 85-1266, 85-50, 85-741, № 85-744;
 6-8 – поселение Шитовичи, п.о. № 89-к2-п1, 90-1985, 90-2445;
 9, 10 – поселение Струйское, п.о. № 87-52-4, 87-663-3

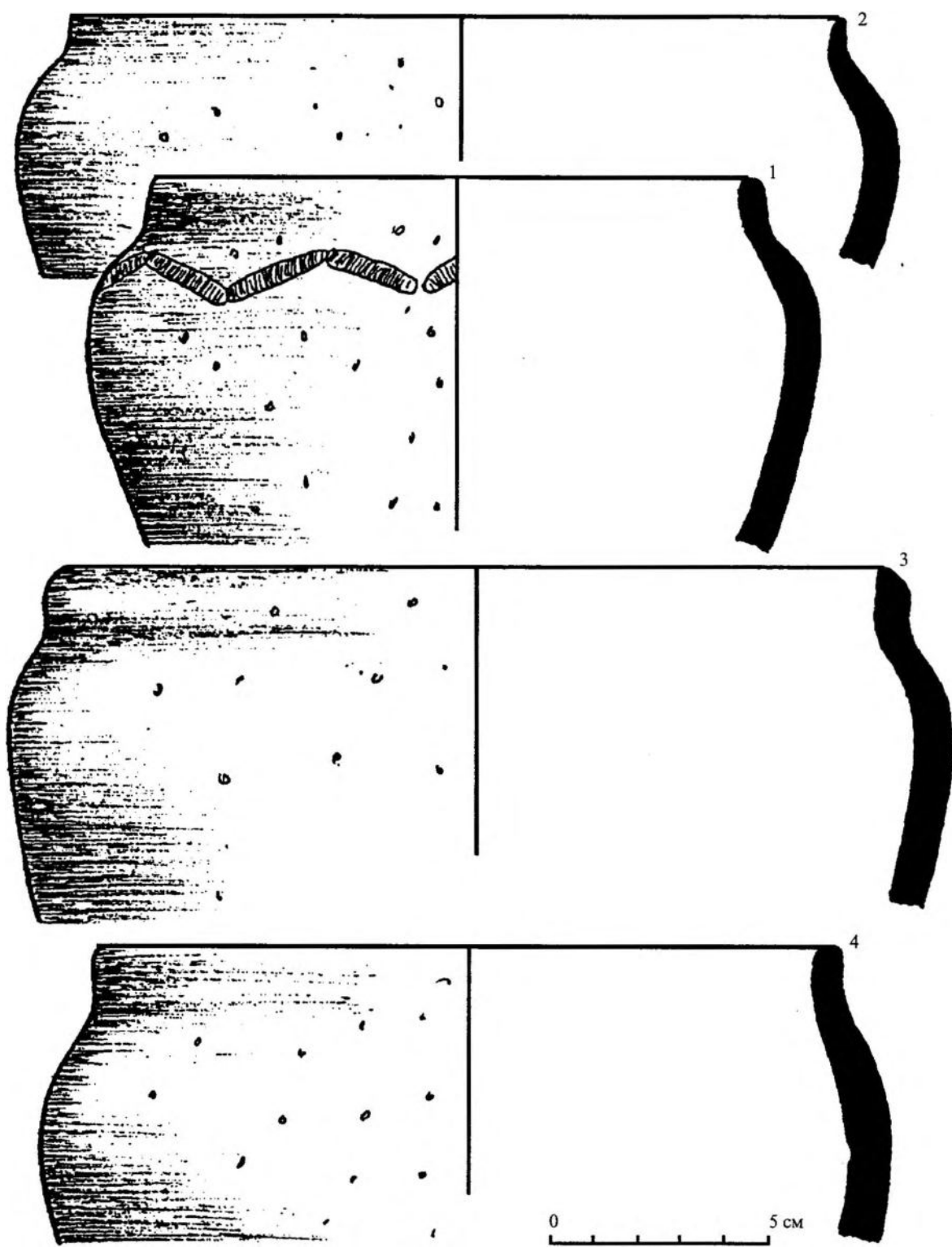

Рис. 22. Лепная керамика. Тип 14, подтип 2.
 1, 2 – поселение Благовещенье, п.о. № 84-1157, 85-958; 3 – поселение Струйское, п.о. № 87-987-А;
 4 – поселение Першино, п.о. № 97-5

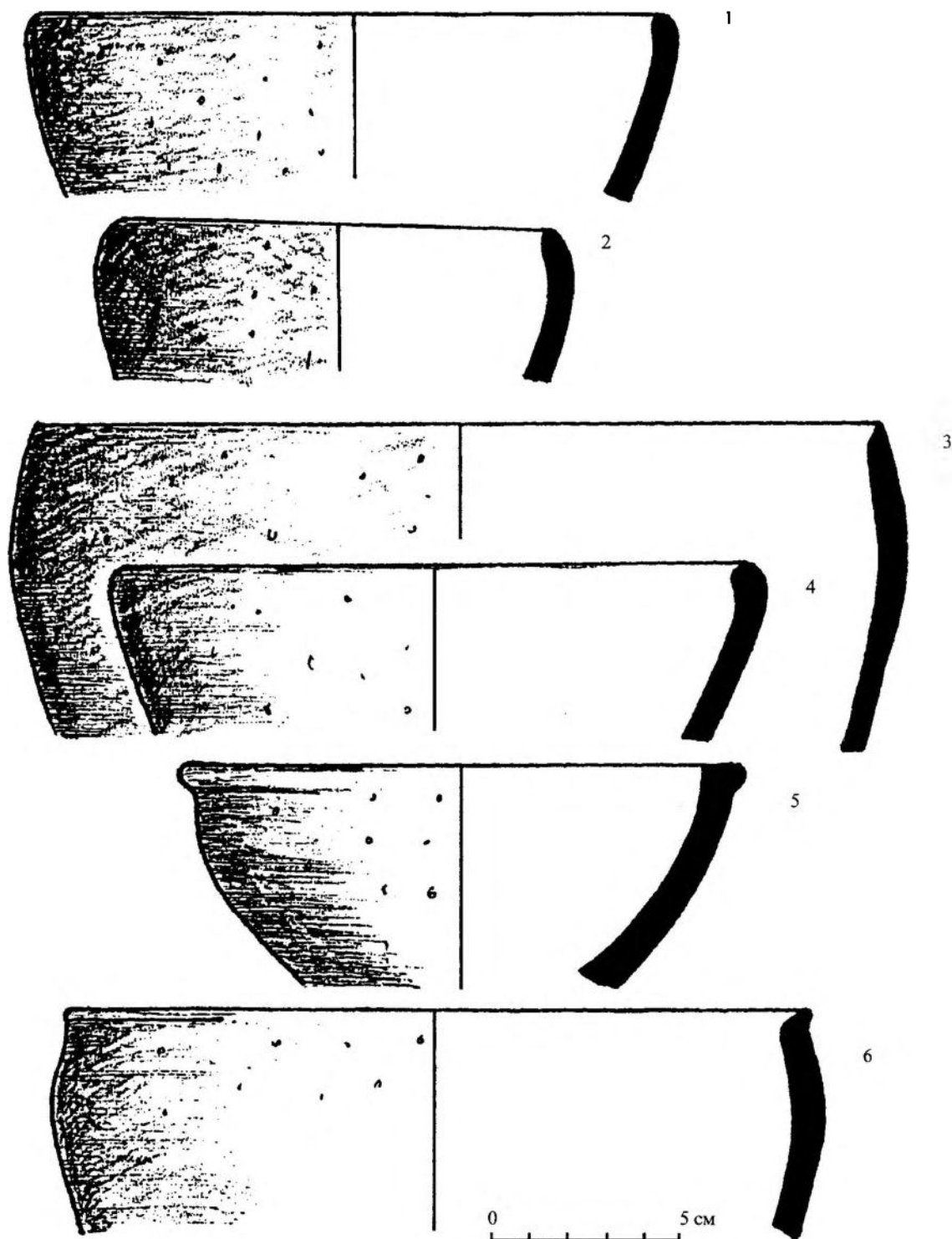

Рис. 23. Лепная керамика. Тип 15.

1-3 – поселение Благовещенье, п.о. № 86-604, 85-336, 85-640; 4 – поселение Усть-Тудовка, п.о. № 777;
5 – поселение Струйское, п.о. № 87-829; 6 – поселение Шитовичи, п.о. № 90-1145

сосудам средних и малых размеров, диаметром по венчику 12-23 см. Стенки имеют толщину 6-8 мм. В качестве отощителя использовалась крупная и средняя дресва. Поверхность шероховатая. Обжиг хороший. Цвет керамики – коричневый, светло-коричневый (рис. 23).

Нагар на внутренней стороне венчиков прослежен только на отдельных фрагментах. Вероятно, горшки этого типа использовались в качестве столовой посуды.

Выделено три варианта керамики пятнадцатого типа:

вариант 1 – край венчика округлый (рис. 23: 1, 2, 4);

вариант 2 – край венчика заострён плавным срезом с внутренней стороны (рис. 23: 3);

вариант 3 – край венчика прямой с внешним выступом, который имеет пологую внешнюю сторону (рис. 23: 5).

Посуда данного типа найдена преимущественно на селищах со слоями кон. I тыс. н.э. (Благовешенье, Струйское, Шитовичи) и составляет менее 1% найденной здесь лепной керамики.

Этот тип керамики имеет аналоги в Ярославском Поволжье, в приладожских курганах, в бассейне р. Мамы и характерен в целом для зоны расселения финно-угров от Финляндии до Урала, встречаясь в небольшом количестве на всех памятниках Северной Руси [13, с. 129, рис. 2: 5-6; 24, с. 3, тип 8; 25, с. 194, рис. 49].

* * *

Итак, выделенные типы лепной керамики, существовавшей в Тверском Поволжье во 2-й пол. I тыс. н.э., в какой-то степени выступают этническими и хронологическими индикаторами.

Ряд форм лепных сосудов (типы 5, 6, 8, 15) имеют широкие аналогии на памятниках финно-угорского и балтского круга древностей. Предположительно, истоки этих форм следует искать в местной культуре эпохи раннего железа. Керамика других типов (1, 2, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14) появилась здесь вместе с переселенцами. Исследователи связывают подобные сосуды со славянским освоением изучаемой территории [52, с. 66].

Сосуды 1, 2, 3 и 4 типов появились в 3-й четв. I тыс. н.э. в западных и северных районах Тверского Поволжья на памятниках культуры псковских длинных курганов и постепенно "распространились" на восток. В это же время на памятниках КПДК появилась керамика типов 5, 7, 8, которая просуществовала до нач. X в.

С кон. VIII в. на этих памятниках стала бытовать керамика типов 6 и 12, которые, возможно, эволюционировали из типов 2 и 3 и прекратили своё существование в X в.

В посл. четв. I тыс. н.э. на север и северо-запад изучаемой территории стало проникать население культуры сопок, оставившее памятники с ребристыми горшками типов 9, 10. На этих же памятниках в кон. IX в. появился новый тип керамики (тип 13), связанный с новой волной переселенцев с северо-запада.

С IX в. в южные районы Тверского Поволжья по рекам Западная Двина, Жужопа, Песочня, Тудовка и Вазуза стали проникать из Верхнего Поднепровья носители культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которые плотно заселили берега Волги и Тудовки от Селижарова до Старицы. Они принесли с собой моду на горшки с резко выраженным крутым плечиком (тип 11), которые имеют наибольшее распространение в Верхнем Поднепровье на памятниках КСПДК [26, с. 223, 231].

В кон. IX в. н.э. на Волге встретились три переселенческих потока. Первый – носители культуры псковских длинных курганов, пришедшие сюда с северо-запада и севера. Второй – носители культуры сопок, двигавшиеся, в основном, с севера. Третий – переселенцы с Верхнего Поднепровья, пришедшие с юга и юго-запада, связанные с культурой смоленско-полоцких длинных курганов. Этот процесс происходил на фоне демографического роста местного населения.

В кон. IX–1-й пол. X вв. отмечается резкое увеличение количества лепной керамики на памятниках Тверского Поволжья, особенно 14 типа, что связано, по всей видимости, как с внутренними демографическими процессами, так и с новым притоком населения на данную территорию из западных районов (в большей степени из Верхнего Поднепровья и в меньшей – из Северо-Западной Руси). Этот приток населения продолжался на протяжении всего X в., достигнув максимума в кон. X – нач. XI вв., и шёл в основном по р. Волге.

В кон. X – нач. XI вв. большинство типов лепной керамики выходит из употребления, уступая место сосудам, изготовленным на гончарном круге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов С.Г. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии Т. II. СПб.: Псков, 1997.
2. Pleinerowa I. Zur relativen Chronologie der Keramik vom Prager Typus auf Grund der Siedlungsgrabung Brezno bei Louny // AR. 1968. № 5.
3. Pleinerowa I. Germanische und slawische Komponenten in der altslawischen Siedlung Brezno bei Louny // Germania. № 43. 1965.
4. Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
5. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
6. Седов В.В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155. 1978.
7. Белецкий С.В. Раскопки Псковского городища в 1977-1978 гг. // Древнерусские города. М., 1981.
8. Исланова И.В. О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н.э. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.
9. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII-XIII вв. М., 1987.
10. Рябищин Е.А. Новые открытия в Старой Ладогe // Средневековая Ладога. Л., 1985.
11. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. (САИ. Вып. F1-8).
12. Исланова И.В. Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
13. Лапишин В.А. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
14. Носов Е.Н. Поселение у Волховских порогов // КСИА. Вып. 146. 1976.
15. Носов Е.Н., Плохов А.В. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
16. Русанова И.П. Славянские древности VI-XI вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. (САИ. Вып. E1-25).
17. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
18. Горюнова В.М. Начальная история древних Лук (X – начало XI вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
19. Белецкий С.В. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983.
20. Максимов А.Д. Некоторые формы лепных сосудов с затертой поверхностью с городища Орлов Городок // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
21. Макаров Н.А. Лепная керамика Восточного Прионежья IX-XII вв. // КСИА. Вып. 196. 1989.
22. Розенфельдт И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971. (МИА. № 184).

23. Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2.
24. Смирнова Л. И. Лепная керамика из Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2.
25. Седых В. И. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
26. Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
27. Лебедев Г. С. Городец под Лугой // КСИА. Вып. 135. 1973.
28. Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi // СА. № XIV. 1950.
29. Шмидехельм М. X. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
30. Исламова И. В. Селище Шурской II близ Ростова Великого // СА. 1982. № 2.
31. Исламова И. В. Раскопки Бежецких курганов и городища Еськи // КСИА. Вып. 164. 1981.
32. Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. 1976.
33. Розенфельд И. Г. Керамика дяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
34. Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11. 1984.
35. Кадиева Е. К. Керамические сосуды древнерусского поселения Введенского. По материалам раскопок 1987-1989 гг. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
36. Лапшин В. А. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
37. Носов Е. Н. Поселение и могильник у озера Съезжее // КСИА. Вып. 166. 1981.
38. Носов Е. Н., Шлохов А. В. Поселение Холмопий городок под Новгородом (археологические данные) // КСИА. Вып. 195. 1989.
39. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода: по материалам раскопок 1951-1954 гг. // МИА. № 55. 1956.
40. Спиридонов А. М. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // КСИА. Вып. 187. 1986.
41. Белецкий С. В. Раскопки в Псковском кремле в 1972-1974 гг. // КСИА. Вып. 155. 1978.
42. Граздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 6. 1964.
43. Исламова И. В. Сопки бассейна Мологи и Верхней Мсты // КСИА. Вып. 187. 1986.
44. Конецкий В. Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (К вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. н.э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
45. Минасян Р. С. Селище Узмень // АСГЭ. Вып. 14. 1972.
46. Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.
47. Носов Е. И. Волховский водный путь и поселения конца I тыс. н.э. // КСИА. Вып. 164. 1981.
48. Петренко В. П., Шитова Т. Б. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985.
49. Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970. (САИ. Вып. Е1-8).
50. Losinski W. Początki wczesnosredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsety (VII-X/XI w.). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.
51. Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник МГУ (История). 1973. № 3.
52. Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

*Тверской государственный объединённый музей,
Тверь*

O.M. Oleynikov

HAND-MADE POTTERY OF THE POPULATION OF THE VOLGA BASIN IN TVER REGION IN THE 2ND HALF OF THE 1ST MILLENIUM AD

Summary

The author presents the typology of the hand-made pottery of the 2nd half of the 1st millennium AD. He states that the determined types are the ethnic and chronological indicators. Types 5, 6, 8, 15 are analogous to the vessels found on the monuments of the Finns-Ugres and the Balts. The ceramics of another types was brought in the region by migrants.

The vessels of types 1-4 dated to the 3rd quarter of the 1st millennium AD, together with the pottery of types 5, 7, 8, which existed till the beginning of the 10th century AD, were found on the monuments of the Pskov Long Barrows culture. Types 6 and 12 appeared there in the 9th century AD.

The population of the Sopka culture left the monuments with the ribbed pots of types 9, 10, 13 in the last quarter of the 1st millennium AD. The migrants from the Upper Dnieper basin brought the vessels of type 11 with a steep shoulder.

The author marks that the number of a hand-made pottery in the considering region, especially of type 14, increased sharply in the end of the 9th – the first half of the 10th centuries AD. He thinks it was probably connected with the internal demographic processes, as well as with new migrations of the population from the southern and western areas. By the end of the 10th – the beginning of the 11th centuries AD most of the hand-made pottery types had vanished being replaced by the vessels made on a potter's wheel.

*Tver State United Museum
15, S. Perovskoy St., Tver,
170006, Russia*

В.И. Вишневский

ФИННО-УГОРСКИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА РАТЬКОВСКОМ ГОРОДИЩЕ В ВЕРХОВЬЯХ р. ДУБНЫ

В 1996 году экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника был открыт новый памятник позднего этапа дьяковской культуры – Ратьковское городище [1; 2; 3]. Расположено оно у д. Ратьково Александровского района Владимирской области, на мысу левого берега р. Дубны при впадении в неё р. Рассоловки, сильно разрушенном течением обеих рек. Площадка городища высотой 20-26 м вытянута с СЗ на ЮВ и имеет длину 150 м, ширину в северной части, в самой "стрелке" – 6-10 м, с "напольной" стороны – 45 м. Культурный слой сохранился на площади 2400 кв. м. С напольной стороны прослеживается ров глубиной до 4,5 м.

В шурфе 1 (3×3 м), заложенном у северной оконечности мыса, обнаружен культурный слой – тёмно-коричневая супесь мощностью 0,20-0,45 м с фрагментами лепной гладкостенной керамики и мелкими фрагментами кальцинированных костей. Во втором пласте был найден развал небольшого лепного гладкостенного горшка (диаметр – 10,5 см, высота – 8 см) (рис. 1: 38), ниже выявлено округлое пятно тёмно-коричневой супеси (1,1×1,3 м), при выборке которого обнаружена яма глубиной 0,8 м от дневной поверхности и 0,3 м в материке.

В 1999-2000 гг. было исследовано 198 кв. м площади городища на северной оконечности мыса. Культурный слой мощностью от 0,3 до 0,5 м содержал остатки погребений с трупосождениями и инвентарём, обнаруженные во всех пластах: с 1-го по 4-й. Всего собран 731 предмет (152 – оплавленные бронзовые изделия).

Среди находок – железные шилья, ножи с прямой спинкой, поясные пряжки и накладки, наконечники стрел. Найдено 13 железных шильев из стержня квадратного сечения, в двух случаях черешок имеет квадратное сечение, а рабочая острей – круглая (рис. 1: 8-16). У пяти шильев – скрученная в 5-8 витков середина (рис. 1: 8, 10, 11, 13, 15). Аналоги их встречены на Троицком городище и могут быть отнесены к сер. I тысячелетия н.э. Железные ножи (1 целый и два фрагмента) относятся к типу прямых черешковых, у которых черешок продолжает линию обушка (рис. 1: 5-7). Подобные ножи встречены на дьяковских и мерянских городищах (тип 5 по К.А. Смирнову [4, с. 81, табл. II:21], тип 2, вид 2 по А.Е. Леонтьеву [5, с. 104, рис. 41:2]).

Овальные кованые поясные пряжки (1 целая и 1 фрагмент) (рис. 1:17) (тип 3 по И.Г. Розенфельдт [6, с. 90, рис. 22]) имеют аналоги как на Троицком городище, так и в Сарском могильнике. Прямоугольная маленькая пряжка (рис. 1: 18) также имеет широкие аналоги в муромских и мордовских могильниках. И.Г. Розенфельдт прямоугольные пряжки (правда более крупные) относит к сбруйным. Прямоугольная поясная накладка с вогнутыми боковыми длинными сторонами и двумя заклёпками (рис. 1:23) (тип 3 по И.Г.Розенфельдт, VI-VII вв. н.э.), по А.К. Амброзу, датируется VII в. н.э. [7, с. 108, рис. 9:28, с. 113]. Подобные известны в Безводнинском могильнике – в погребениях №№ 21, 16, 141, 153 – VI-VII вв. [8, с. 212, рис. 43]. Есть такие находки на позднедьяковских поселениях: Луковня, Кикинское (V-VIII вв.), в длинных курганах Тверской области [6, с. 114]. Другая накладка с отверстиями для двух заклёпок имеет форму двух ромбов, соединённых прямоугольной перемычкой, аналогов ей нет (рис. 1:24). Найдены два плоских железных кольца (2 см в диаметре), видимо, также детали поясного набора (рис. 1: 21,22). Возможно, к поясному набору относятся и орнаментированная бронзовая подвеска с лопастью (рис. 2: 9) (тип I, вид I по И.Г. Розенфельдт [6, с. 109-11, рис. 26:1; 27:1,2,4]), датируемая VI-VII вв. Ю.А. Краснов относит подобные подвески (тип Б4) к деталям головного убора [8, с. 46, рис. 27: 16].

Из двух целых и двух фрагментов трёхлопастных наконечников стрел один – с упором (рис. 1: 1), тип 17 по А.Ф. Медведеву, V-VIII вв. н.э. [9, с. 347-349, табл. 136]. Аналоги известны с Кухмарского селища IX-XIII вв. (Переславль-Залесский историко-художественный музей-заповедник, инв. № 13391), селища Сарское 2 [5, с. 112, рис. 42: 1] и из кургана № 73 Петровского курганного могильника X в. [10, с. 55]. Близкие к нему наконечники, с отличием в форме лопастей, типа 2 по И.Г. Розенфельдт, VII-IX вв., встречены на Попадьинском селище в двух фрагментах (VI-VII вв.) [5, с. 234, рис. 102: 33], на городищах Кунцевском и Выжегше (VII-IX вв.) [5, с. 203, рис. 86: 6, 7], в Безводнинском могильнике (кон. VII - I-я пол. VIII вв.) [8, с. 216, рис. 51: 8]. К типу 17 по А.Ф. Медведеву могут быть предварительно отнесены два фрагмента острий наконечников (рис. 1: 3,4). Второй наконечник – трёхлопастный, без упора (рис. 1: 2), близкий к типу 23 (VIII-IX вв.) по А.Ф. Медведеву [9, с. 348-349, табл. 135: 11].

Найдены фрагменты каменных литейных формочек, керамическое пряслице, две прямоугольные бусины синего стекла.

Литейные формочки – прямоугольные брусочки из мягкого камня – находки, типичные для позднедьяковских (Кикинское, Дьяковское, Щербинское, Попадьяинское и Введенское) [11, с. 48-55] и мерянских (Сарское, Дурасовское, Выжегша) городищ и могильников поволжских финнов: мерянских, муромских и мордовских (Чулковский, 2-й Журавкинский, Сарский, Шокшинский, Старший Кужендеевский). Найдено три целых и пять фрагментов формочек. На трёх из них – веерообразно расходящиеся каналы, завершающиеся полусферическими углублениями (для отливки зерни) (рис. 1: 28, 29, 32), на трёх других – прямые тоненькие каналы с полусферическими углублениями (для отливки петелек) (рис. 1: 25, 26, 30), одна – для отливки спирального украшения (рис. 1: 31). Интересна литейная форма для отливки привески в форме «креста в круге», на обратной стороне которой – граффити в виде неровных треугольника и параллелограмма (рис. 1: 27). Формы обожжены и растрескались в огне. Датировка каменных формочек – VII-X вв. н.э.

Бусы синего полупрозрачного стекла прямоугольной формы со срезанными углами и "мягкими" гранями (рис. 1: 35, 36) (тип I по И.Г. Розенфельдт [6, с. 62-63, рис. 14]) встречены на городищах Щербинское, Троицкое, Синьковское, Боровский курган, в Крюково-Кужновском, Армисвском и Безводнинском могильниках. Датировка – 2-я пол. I тыс. н.э. (VII-X вв.). Керамические пряслица цилиндрической и биконической форм (рис. 1: 33, 34) также имеют широкое распространение на позднедьяковских городищах и в финских могильниках I тыс. н.э. Большая серия подобных пряслиц найдена, например, на Сарском городище [5, с. 133, рис. 53].

В составе найденных бронзовых украшений спиральные пронизки, пластинчатые обоймы с чеканным орнаментом (фрагменты налобного венчика), разомкнутые колечки, которыми обжимались головные жгуты, мелкие полусферические бляшки-«скорлупки», височные кольца, крупная крестовидная фибула, 23 небольшие цилиндрические «шумящие» подвески с двумя-тремя «лапчатыми» или «колокольчатыми» привесками, фрагменты «шумящих» подвесок с ажурными щитками.

Наиболее раннюю датировку имеет крестовидная фибула с трапециевидным "хвостом" (рис. 2: 1), датируемая по П.П. Ефименко V в. н.э. (стадия С) [12, с. 43], по А.К. Амброзу – VI в. [7, с. 113]. Аналогичные вещи происходят с Дуденевского городища (район Углича), городища Земляной струг (район Касимова), могильников Борковского, Кузьминского (погр. 50), Старокадомского (погр. 57), Заречье-4 (рязано-окские могильники). Датировка – VI-VII вв. н.э.

Бронзовая застёжка-сюльгама изготовлена из проволоки круглого сечения с концами в виде удлиненных трубочек (т.н. «усов») (рис. 2: 2). Подобные встречены во многих финно-угорских могильниках: муромских (Кочкинский [13, с. 43, рис. 24: 16, 17; 14]), мордовских (Старокадомский, погр. 22 [15, с. 51, табл. V: 8] – датируется VI-VII вв.; Усть-Чёрная [5, с. 224, рис. 96: 8] – 3-я четв. I тыс. н.э. (VI-VII вв.); Безводнинский [8, с. 204, рис. 32: 3 – тип IIIA1 (погр. 130), рис. 23: 4, с. 205, рис. 33: 5 (погр. 131)] – стадия 3: VI- конец VII вв.); рязано-окских (Заречье-4, погр. 13 и 29) [16, с. 113, рис. 8: 5, 6; с. 114, рис. 9: 4, 6]. В рязано-окских и пензенско-сурских могильниках сюльгамы с короткими усами "широко" датируются примерно одинаковым промежутком времени – VI-VII вв.

Фрагмент ажурной застёжки-сюльгамы – кольцо тройного витого жгута, украшенное снаружи припаянными волнотами (рис. 2: 3). Имеет аналог в Кочкинском муромском могильнике VII-VIII вв. [13, с. 43, рис. 24: 1]. Встречены также две бронзовые иглы от сгоревших застёжек (рис. 2: 7, 8).

Небольшие круглые незамкнутые височные кольца из круглой проволоки диаметром 2, 2,5, 3,5 см (рис. 2: 4-6), тип 2 по И.Г. Розенфельдт, имеют аналоги среди находок с дьяковских городищ Топорок, Боршевское, Отмичи, мерянских – Сарского и Мало-Давыдовского, в курганах Ярославского Поволжья. Е.И. Горюнова относила их к типично мерянским украшениям (в могильниках других финских племён они практически не встречаются) [17, с. 58]. В Безводнинском могильнике пара таких колец происходит из погр. 134 (стадия 2 – VI в.). И.Г. Розенфельдт датирует их VI-IX вв. н.э. [6, с. 13-14].

Среди 24 небольших «шумящих» подвесок с двумя-тремя «лапчатыми» или «колокольчатыми» привесками, являвшихся частью головного убора, ожерелий или поясных украшений, поскольку щитки их имеют по 2 полукруглых петли для нанизывания на пинур (21 целая и 3 фрагмента), выделяются следующие типы.

Тип 1 (8 экз.) (рис. 2: 10-17). С цилиндрическим щитком в виде спирали в 8-10 оборотов, к которому снизу крепятся два кольца с треугольными («лапчатыми») привесками. У двух экземпляров в углах каждой «лапки» припаяно по одному шарик, у одного экземпляра – по два шарика. Такие подвески найдены на Сарском городище и в могильнике Большое Молочное. Подобные экземпляры с тремя привесками известны с городища Березняки, из могильника Сарского городища, постройки № 1 Поповского городища и датированы IX-XI вв. н.э. [5, с. 95, рис. 35: 4, рис. 37: 5].

Тип 2 (5 экз.) (рис. 2: 18-22). С цилиндрическим щитком в виде спирали в 9 и 10 оборотов, к которому снизу крепятся два кольца с привесками-«колокольчиками». У одной подвески края щитка украшены четырьмя парами припаянных шариков (две пары сверху и две – с боков). Подобные встречены в рязано-окских могильниках: Старокадомском, Борковском, Курманском, Заречье-4. Датируются VI-VII вв. н.э. [15, с. 61, табл. XV: 2].

К какому-то из этих двух типов, по-видимому, относятся ещё 2 фрагмента подвесок с цилиндрическим щитком в виде спирали в 8-10 оборотов, к которому снизу крепились кольца.

Тип 3 (2 экз.) (рис. 2: 23, 24). С цилиндрическим щитком в виде полутрубочки, по краям и в середине обмотанной двойной проволокой круглого сечения. Края щитка украшены четырьмя парами припаянных

Рис. 1. Инвентарь могильника на Ратьковском городище.

Железные, каменные, керамические и стеклянные изделия:

1-4 – наконечники стрел; 5-7 – ножи; 8-16 – шилья; 17-20 – пряжки; 21-22 – кольца; 23-24 – поясные накладки; 25-32 – литейные формы; 33-34 – пряслица; 35-36 – бусы; 37-40 – сосуды.

1-24 – железо; 25-32 – камень; 33-34, 37-40 – керамика; 35-36 – стекло

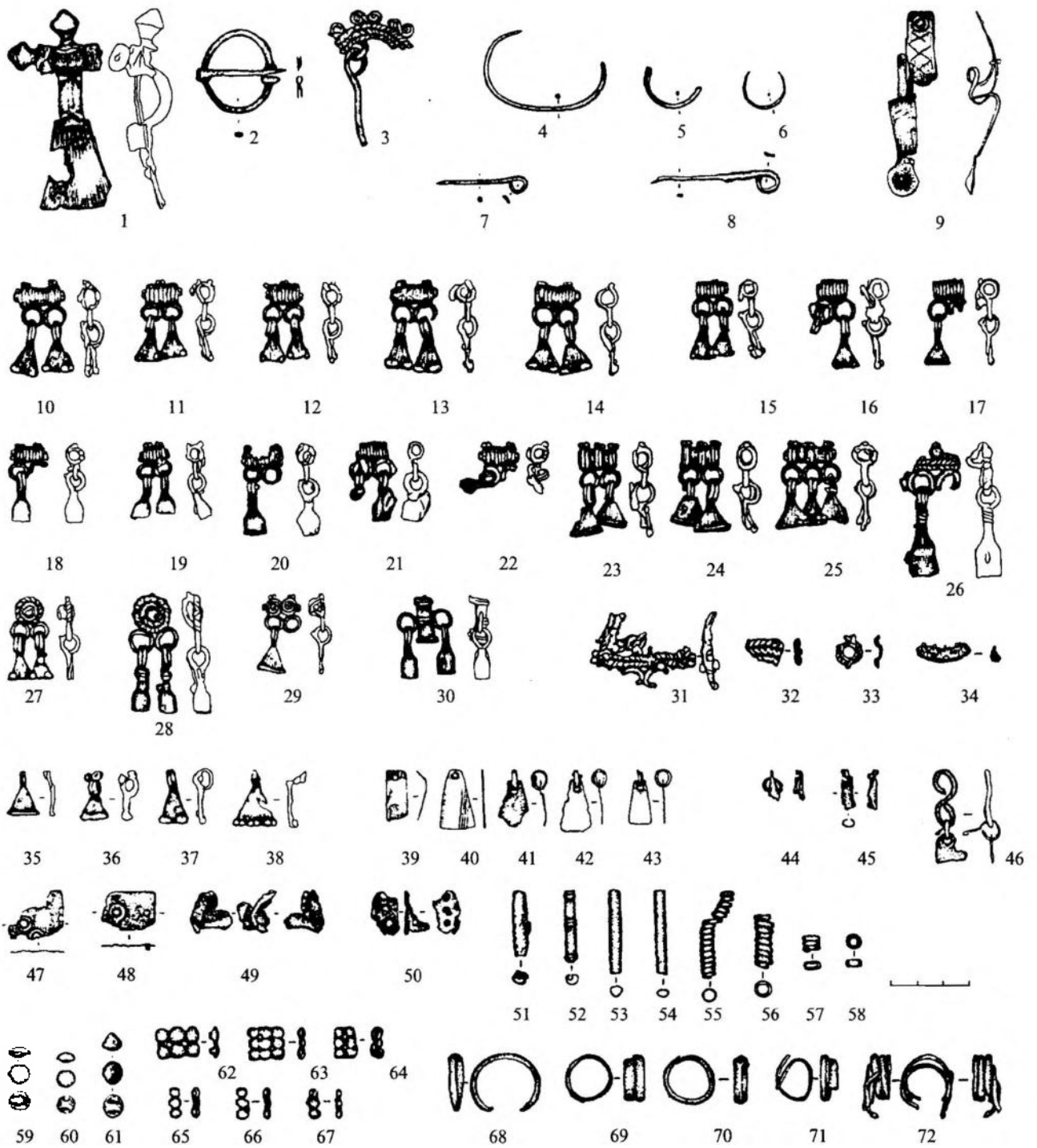

Рис. 2. Инвентарь могильника на Ратьковском городище. Бронзовые украшения:
 1 – фибула; 2-3 – скульгамы; 4-6 – височные кольца; 7-8 – иглы от застёжек; 9 – поясная подвеска;
 10-30 – «шумящие» подвески; 31-46 – фрагменты «шумящих» подвесок; 47-50 – фрагменты обоймиц;
 51-54 – трубочки-пронизки; 55-56 – спирали-пронизки; 57 – незамкнутые кольца;
 58 – кольцо с налобного шнура; 59-61 – бляшки-«скорлупки»;
 62-67 – бляшки-пронизки; 68-72 – перстни

шариков (две пары сверху и две – с боков). Снизу к щитку крепятся два кольца с треугольными («лапчатыми») привесками, украшенными вдоль нижнего края полоской из спаренных проволок. Подвески этого типа встречены в могильниках Сарского городища [5, с. 95, рис. 35: 5], Максимковском [18, с. 282, табл. XXXIV: 26].

Тип 4 (1 экз.) (рис. 2: 25) С цилиндрическим щитком в виде полутрубочки, по краям и середине обмотанной двойной проволокой круглого сечения. Края щитка украшены четырьмя парами припаянных шариков (две пары сверху и две – с боков). Снизу к щитку крепятся три кольца с треугольными («лапчатыми») привесками. В углу каждой привески припаяно по два шарика. Аналогии – в могильниках Сарского городища [5, с. 97, рис. 37: 4], Чулковском [19, с. 80-81, табл. IX: 3], Максимковском.

Тип 5 (1 экз.) (рис. 2: 29) С биспиральным щитком, края которого украшены четырьмя парами припаянных шариков (две пары сверху и две – с боков). Снизу к щитку крепятся два кольца с треугольными («лапчатыми») привесками, украшенными вдоль нижнего края полоской из спаренных проволок. Такие подвески есть в могильнике Сарского городища, на самом Сарском городище [5, с. 97, рис. 37: 3, с. 174, рис. 73: 2]. Бляшка с тремя биспиральными волотами происходит с Синьковского городища [20, с. 81, рис. 46: 1].

Тип 6 (1 экз.) (рис. 2: 27). С круглым щитком в виде полусферы со жгутовым обрамлением. Снизу к щитку крепятся два кольца с треугольными («лапчатыми») привесками. В углу каждой привески припаяно по два шарика. Аналогии (2 экз.) есть в Сарском могильнике [5, с. 95, рис. 35: 2,3].

Тип 7 (1 экз.) (рис. 2: 28). С круглым щитком в виде полусферы с двойным жгутовым обрамлением. Снизу к щитку крепятся два кольца с привесками-«колокольчиками». Каждый «колокольчик» при переходе к петле имеет витой стержень в 3-4 оборота.

Тип 8 (1 экз.) (рис. 2: 30). С цилиндрическим щитком в виде вертикальной полутрубочки, по краям и в середине обмотанной двойной проволокой круглого сечения. С боков к щитку крепятся два кольца с привесками-«колокольчиками». Похожие детали есть на крупной подвеске из муромского Максимковского могильника (погр. 30) [18, с. 282, табл. XXXIV: 18].

Тип 9 (1 экз.) (рис. 2: 31). С ажурным полукруглым или подтреугольным щитком, образовавшимся полосами двойного жгута и украшенным по краям парами припаянных шариков. Снизу к щитку крепились пять колец. Привесками, по-видимому, были крупные «колокольчики» (три таких «колокольчика» было найдено в той же яме, где и сам щиток). Наиболее вероятный аналог этой вещи – привеска с подтреугольным ажурным щитком и пятью кольцами из кургана № 34 Киучерского могильника (датируется IX-X вв.). Близкие подвески найдены на Сарском городище [5, с. 174, рис. 73: 17] и в Новленском мерянском могильнике [17, с. 125, рис. 58: 11].

Тип 10 (1 экз.) (рис. 2: 26). Фрагмент шумящей подвески – щиток из двойного шнура и выпуклой круглой бляшки, к которому припаяны два кольца с привесками – крупными «колокольчиками» (сохранился один).

Надо отметить небольшие фрагменты щитков ажурных подвесок: дуга из двойной полосы жгута с напаянными по краю шариками, полоса тройного жгута, полусфера в обрамлении полосы жгута (может быть, часть подвески типов 6 или 7) (рис. 2: 32-34).

Привески. Собрано 19 «колокольчатых» и 11 «лапчатых» привесок (рис. 2: 35-38), 3 фрагмента от привесок, а также привески из тонкого листа бронзы: 15 – трапециевидных и 2 – прямоугольных (рис. 2: 39-43). Одна крупная трапециевидная привеска имеет помимо отверстия сверху два в нижних углах – для привешивания маленьких подвесок. Найдены два фрагмента узких конусовидных привесок из тонкого бронзового листа (рис. 2: 44, 45). Они крепились на края подвесок-бляшек (рызано-окские могильники – Борковский, Старокадомский, погр. 7, 43, 51, 60, 64, 65, Заречье-4 (VI-VII вв.)) [16, с. 114, рис. 9: 1,8, с. 116, рис. 10: 1]; муромский Чулковский, погр. 6; мордовский Темниковский) или являлись деталями пакосников (Безводнинский могильник, тип А4 по Ю.А. Краснову, погр. 54/55 и 78, VII-1-я пол. VIII вв. [8, с. 46, рис. 27: 10]).

Найдено также 8 восьмёркообразных звеньев (рис. 2: 46) и 10 круглых незамкнутых звеньев для крепления пластинчатых привесок.

Всего собрано 152 бронзовых оплавленных фрагмента украшений. В чрезвычайно деформированном виде найдено 50 фрагментов бронзовых пластин, из них 8 – с чеканным орнаментом в виде полусферических выпуклин (рис. 2: 47-50). В некоторых случаях реконструируются прямоугольные обоймицы – фрагменты налобного венчика. В трёх случаях оставшиеся заклёпки указывают на то, что мы имеем дело с поясными накладками, одна из них украшена чеканным орнаментом в виде полусфер, обведённым выпуклыми кольцами (рис. 2: 48). Два фрагмента с пуансонным орнаментом по краям и вдавленным концентрическим посередине (рис. 2: 49-50) имеют аналогии – обоймицы из погр. 2 комплекса культуры длинных курганов Подол I на оз. Кафтино [21, с. 400, рис. 6: 1] и из смоленских длинных курганов могильников Поречье, Цирковка, Арефинского [22, с. 201, табл. 25,26,17]. Встречены подобные на селище Юрьевская Горка [23, с. 45, рис. 76: 29]. Бронзовые тиснёные обоймицы с орнаментом, возможно, от головных венчиков, встречаются в Восточной Европе от Прибалтики до Прикамья. Датируются 3-й четв. I тыс. н.э., захватывая VIII в. [23, с. 50]. Другие детали головных венчиков – спирали-пронизки (всего 32 целых и фрагментов, встречены и на дьяковских городищах (Щербинском и Троицком), и во всех финских групповых могильниках) и трубочки-пронизки из тонкого бронзового листа (4 экз., причём один имеет по краям и в середине околовку двойным выпуклым рельефом).

Значительную серию (63 экз.) составили разомкнутые колечки, которыми обжимались ремешки головного жгута, некоторые из них снеслись (возможно, в огне) по 2-3 вместе (рис. 2: 57), а также мелкие бляшки-«скорлупки» с петельками на тыльной стороне (62 экз., из них 9 – конические, остальные – полусферические) (рис. 2: 59-61). Кроме этого найдены бляшки-пронизки, собранные из нескольких полусфер-«скорлупок»: двух (1 экз.), трёх (12 экз.) (рис. 2: 62-67), шести (1 экз.), девяти (1 экз.) (рис. 2: 63), пятнадцати (1 экз.).

Бляшки-«скорлупки» есть на большинстве дьяковских городищ, в том числе в "кладах" Щербинского и Троицкого [24, с. 80, табл. 19: 4,5]. В.В. Седов отнёс их к VI-VII вв., И.Г. Розенфельдт датировала бляшки из погр. 87 и погр. 96 Кошибеевского могильника VI-VII вв. (по А.К. Амброзу – VII в.). Несколькo чаще встречаются они в мордовских могильниках: Черемисском кладбище, Веселовском, Юмском.

Одинарные бляшки-«скорлупки» встречены на городищах Щербинском, Чёрной Горе, Луковне, Боровском кургане. Двойные и тройные бляшки – на городищах Троицком, Щербинском, Дьяков Лоб, Графская Гора, Топорок; из пяти полусфер – на Троицком. Их практически нет в финских окских могильниках [6, с. 118-199].

Отметим 121 замкнутое маленькое колечко, вероятно, литые из белой бронзы, диаметром 4 мм, которые тоже явно напизывались на шнурок или ремешок (рис. 2: 58).

Кольцевидная перстней составляет 25 экз. Из них незамкнутых подтреугольного сечения – 16 (рис. 2: 68), спиральных – 9 (рис. 2: 69-72). Аналогов первому типу перстней нами не найдено ни на позднедьяковских городищах, ни в материалах финских могильников.

Посуда представлена небольшими неорнаментированными горшками профилированных форм (типы IV и VI Безводнинского могильника [8, с. 218]), вылепленными из глины с примесью дресвы (рис. 1: 37-40). Небольшие горшки (рис. 1: 37,38), близкие к типу IV Безводнинского могильника и к типу 2 домика мёртвых Саввино-Сторожевского городища [25, с. 146, рис. 6], имели заглаженную поверхность. Основная масса сосудов характеризуется плавно расширяющимся вверх туловом, переходящим в округлое плечико, завершающееся отогнутым наружу, чуть приострѐнным венчиком. Однако есть два фрагмента сосудов с высоким, чуть суженным книзу туловом, выделенным уступом плечиком, переходящим в высокий, почти прямой, чуть-чуть отогнутый наружу, венчик. Подобные формы есть в керамических комплексах дьяковских городищ (Березняки [20, с. 65, рис. 36: 2], Кикинское, Щербинское).

Практически все бронзовые украшения расплавлены или повреждены. Покрyты окалиной были железные пряжка, иглы от пряжек, шилья, ножи, фрагмент наконечника стрелы, растрескались в огне камешные литейные формочки, деформированы и ошлакованы некоторые фрагменты керамики. Не имеют следов огня развалы керамических сосудов, большая часть фрагментов керамики, керамические пряслица, фрагменты головных украшений, стеклянные бусы.

Кости людей (мужчины, женщины, дети) "обожжены" при высокой температуре, очищены от углей и золы и специально измельчены. Обращает на себя внимание то, что кости "обжигались" при разных температурах. Первая группа – белые прокалённые кости, с деформациями и трещинами (высокотемпературный "обжиг" – 800-1000°C), вторая группа – чёрные обожжённые кости без деформации (температура горения – около 500°C) (определения проведены М.В. Козловской – ИА РАН).

Кости животных, обожжённые при менее высокой температуре, были предварительно обработаны (возможно, сварены?) и измельчены. Из прочих костей животных удалось идентифицировать лишь три: кальцинированный фрагмент зуба хищника и фрагменты бедренной кости выдры *Lutra lutra* (определения сделаны Ек.Е. Антипиной – ИА РАН). Встречены обугленные зёрна злаков.

Найденные фрагменты костей не представляли собой скоплений, а были рассеяны по всей площади мыса и встречались на разной глубине. Кости и погребальный инвентарь (большой частью оплавленные фрагменты бронзовых изделий) не всегда образуют скопления и не всегда совпадают с выявленными в материке небольшими по размеру и глубине ямами. Однако нами предпринята попытка топографически выделить погребальные комплексы (взаимосвязь скоплений находок и ям в материке).

1 комплекс. Яма I (1999 г.) (гл. 26 см, 1,5×2 м) и яма из шурфа 1996 г. (гл. 30 см, диаметр 80 см). Кроме фрагментов кальцинированных костей найдены скопления фрагментов керамики (154 фр.), в т.ч. развалы четырёх сосудов: двух призматических (8×11 см и 8×12 см) с отогнутыми венчиками и с заглаженными поверхностями (рис. 1: 37,38), близких к типам II и IV керамики Безводнинского могильника и к типу II – домика мёртвых Саввино-Сторожевского городища (подобный сосуд диаметром 10 см, высотой 6 см есть на Попадьянском селище [20, с. 74, рис. 41: 11]), и двух сосудов средних пропорций (12×13 см и 11,5×14 см) с отогнутыми венчиками, по с грубой, шероховатой поверхностью (рис. 1: 39,40) типа III керамики домика мёртвых Саввино-Сторожевского городища и типа VII Безводнинского могильника [25, с. 146, рис. 6; 8, с. 218, рис. 57]. Среди находок фрагмент каменной литейной формы для отливки спирального ложновитого украшения (рис. 1: 31), железные шилья (рис. 1: 15), трёхлопастный наконечник стрелы (рис. 1: 2), пряжка (рис. 1: 17) и фрагмент пряжки (рис. 1: 19), фрагмент ножа (рис. 1: 7), бронзовое височное кольцо (рис. 2: 4), звенья от привесок, керамическое пряслице цилиндрической формы (рис. 1: 33). По-видимому, это остатки мужского и женского погребений.

2 комплекс. Ямы 9 (1999 г.) (60×60 см, гл. 10 см) и 10 (80×140 см, гл. 12 см) – наиболее насыщенное скопление фрагментов кальцинированных костей (1538 фр.), керамики (1324 фр.), в том числе ошлакованных, обугленных зёрен злаков и около 200 изделий: крестовидная фибула (рис. 2: 1), 42 бляшки-«скорлупки», 11 «шумящих» подвесок (рис. 2: 10, 14, 17, 22-24, 27, 28, 30, 32-34), кольца и звенья от налобных венчиков, ножи, шилья, стеклянные бусы (рис. 1: 35,36), биконическое керамическое пряслице (рис. 1: 34), фрагменты литейных формочек (рис. 1: 27-30), бронзовые "слитки".

3 комплекс. Яма 14 (1999 г.) (40×60 см, гл. 25-30 см). Найдены шумящие привески – тройная (рис. 2: 25) и двойная с биспиральным щитком (рис. 2: 29), фрагмент ажурной «шумящей» подвески (рис. 2: 31), шесть привесок-«колокольчиков», фрагмент узкой конической привески (рис. 2: 44), восьмёркообразные и круглые звенья, 5 пронизок-спиралей и две трубочки-пронизки, фрагмент орнаментированной пластинки (рис.

2: 50), целый незамкнутый перстень треугольного сечения (рис. 2: 68) и один фрагмент перстня, фрагменты каменной литейной формочки (рис. 1: 32), 10 бронзовых "слитков".

4 комплекс. Яма 10 (2000 г.) овальной формы, размерами 1×1,5 м, глубиной 0,6-0,9 м. Культурный слой над ямой и в её заполнении содержал скопление обугленных зёрен злаков (674 зерна, их распределение по пластикам: 1 пл. – 5, 2 пл. – 19, 3 пл. – 303, 4 пл. – 347) и 35 изделий. Среди них – две «шумящие» подвески (рис. 2: 11, 12), 11 бляшек-«скорлупок» и 5 бляшек из трёх полусфер-«скорлупок» (рис. 2: 65-67), 2 фрагмента литейных формочек (рис. 1: 25, 26), другие части которых были найдены по соседству, 4 спирали, 3 литых кольца и 2 незамкнутых звена от налобных шнуров, 4 "слитка", фрагмент проволоки.

5 комплекс. Яма 5 (2000 г.) овальной формы, размерами 0,5×0,6 м, глубиной 0,2 м. На площади в 2 кв. м найдены 721 фрагмент кальцинированных костей, 15 обугленных зёрен и 98 предметов (вокруг ямы, на глубине 20-30 см). Среди находок – поясная подвеска (рис. 2: 9), 27 «шумящих» подвесок (рис. 2: 13, 18, 19), кольца с налобного венчика (36 экз.), спирали-пронизки (6 экз.), бляшка-«скорлупка», бляшка-пронизка из трёх полусфер, перстень незамкнутый, привески «лапчатая» и «колокольчатая», две привески трапециевидные.

Датировка вещей из могильника располагается в диапазоне от VI-VII до IX-X вв. н.э. Оставлен он был, вероятно, смешанным финно-угорским и частично балтским населением, поскольку в нём присутствуют вещи, типичные как для рязано-окских, мерянских и муромских могильников (крестовидные фибулы, «шумящие» подвески, спиральные пронизки, трёхлопастные наконечники стрел), так и для позднедьяковских городищ (бляшки-«скорлупки», многочастные бляшки, шилья из кручёных стержней). Добавим, что имеются в комплексе аналоги вещам из домиков мёртвых с городищ Брезняки («шумящие» привески, сосуды с прямым горлом) и Саввино-Сторожевского (сосуды типов II и III, трапециевидная привеска с двумя такими же меньшего размера).

Таким образом, вопрос о «домике мёртвых» на Ратьковском городище пока не закрыт, поскольку имеют место черты обряда, отмеченные в погребальных комплексах на р. Суде [26; 27; 28; 29]: рассредоточение находок, расположение их не в ямах, а над ямами; а в инвентаре присутствуют типично позднедьяковские предметы – бляшки-«скорлупки», многочастные бляшки-пронизки, а также предметы, встречающиеся и на позднедьяковских городищах, и в волжских и окских могильниках (ножи, поясные накладки с вогнутыми сторонами, камешные литейные формы, крестовидные фибулы, пряслица, спиральные перстни, спиральные пронизки, трапециевидные привески).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневецкий В.И. Исследования Сергиево-Посадского музея-заповедника // АО – 1996. М., 1997.
2. Вишневецкий В.И. Раскопки Ратьковского раннесредневекового могильника // АО – 1999. М., 2001.
3. Антипина Е.Е., Вишневецкий В.И., Козловская М.В. Погребение на позднедьяковском городище в верховьях р. Дубны // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.
4. Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
5. Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996. (К предыстории Северо-Восточной Руси. Вып. 4).
6. Розенфельд И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
7. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3.
8. Краснов Ю.А. Безводный могильник. М., 1980.
9. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985.
10. Недошивина Н.Г. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963.
11. Вишневецкий В.И. О бронзолитейном деле на Кихинском городище // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной полосы Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996.
12. Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. // СА. № II. 1937.
13. Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
14. Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988. (АЭМК. Вып. 14).
15. Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совмине Мордовской АССР (НИИЯЛИЭ). Вып. 85. Саранск, 1988.
16. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Вещевые комплексы могильника Заречье-4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
17. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. 1961.
18. Финно-угры, балты и славяне в средневековье. М., 1987. (Археология СССР).
19. Гришаков В.В. История населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1988.
20. Третьяков Л.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э. // МИА. № 5. 1941.
21. Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
22. Седов В.В. Длинные курганы кривичей // М., 1974. (САИ. Вып. F1-8).
23. Исламова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
24. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. 1970.
25. Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище дьякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
26. Башенькин А.Н. Исследования в Молого-Шекснинском междуречье // АО – 1993. М., 1994.

27. Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Исследования Северорусской экспедиции // АО – 1994. М., 1995.
28. Башенькин А.Н. Работы Северорусской экспедиции // АО – 1995. М., 1996.
29. Башенькин А.Н. "Домик мертвых" Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.

*Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник,
Сергиев Посад, Московская область*

V.V. Vishnevsky

**THE EARLY MIDDLE AGE FINNO-UGRISH CEMETERY ON RATKOVO HILLFORT
ON THE UPPER DUBNA RIVER**

Summary

The burial ground found on the Ratkovo hillfort on the Upper Dubna River is a unique cemetery which belongs to the Late Dyakovo culture ancients of the Volga – the Oka watershed. The cemetery contains the remains of lots of burnt corpses brought from outside: crumbled calcinic bones and inventory which was partly destroyed by flame. Bronze ornaments, glass beads, clay spinning weights and vessels, stone casting moulds, iron knives, awls and arrow-heads found there are analogous to the artifacts from the cemeteries of the Volga Finns (Merya and Muroma) and the Ryazan – the Oka burial grounds, as well as from the Late Dyakovo hillforts and monuments of the Long Barrows culture. The considered complex is dated to the 6-7th – 9-10th centuries AD.

*The Sergiev-Posad State Museum-Reservation
of History and Art
9a, Ovrazhny Lane, Sergiev Posad,
141300, Moscow Region,
Russia*

А.В. Курбатов

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1. О понятии почитаемых природных объектов

В понятие «природные историко-культурные объекты» включаются широко известные на территории Восточной Европы культовые камни, почитаемые деревья, родники (источники), холмы («горы»), урочища и пенцеры, которые в различное время служили для совершения обрядовых действий языческого характера, т.е. отражали домопозитивистическое мировоззрение. В позднейшее время часть таких объектов была включена в систему обрядов христианского круга. Они широко известны и в других регионах мира, где также входили в систему обрядов локальных политеистических систем, а затем – в круг церемоний и обрядов мусульманского, христианского и буддийского исповеданий.

Ю.В. Уртанс предложил называть культовым камешь, «который используется в культовых действиях как символ или как предмет культа. Это означает, что объект либо воспринимается как воплощение или местожительство божеств, духов, сверхъестественной силы, либо использовался как предмет культа в виде жертвенника, вместилища целебной воды, репера для астрономических наблюдений и т.п.» [1, с. 47].

Специалисты называют по крайней мере две причины отнесения валунов к категории культовых памятников. Во-первых, это сохранение вплоть до настоящего времени комплекса обрядов возле таких камней,

где сам камень и изображения на нём прямо связаны с отдельными христианскими или языческими персонажами. Известия о таких обрядах зафиксированы в описаниях XVIII - XX вв. Во-вторых, отнесение возможно по наличию на камнях знаков и изображений, если аналогичные знаки (и камни) связаны с соответствующими преданиями или используются как культовые. Так, «следы» стоп человека, известные во многих местах как «след Богородицы» или «Иисуса Христа», могут считаться ритуальными и на валунах, о которых легенды и предания не сохранились (рис. 1, 2). Такой подход представляется правомерным, учитывая утрату целых пластов древней информации и культурной традиции на значительных пространствах Восточной Европы. В. Матулис для «следовиков» предложил термин «мифологические камни» [2, с. 66]. В связи с этим правомерно поставить вопрос – какие из знаков или изображений можно рассматривать в ассоциативном ключе? Это очевидно в отношении «следов» – стоп человека, лап животных и птиц, а также знаков «подковы». О них сохранилось множество легенд и преданий в Европе и на других континентах.

Другая группа камней, со знаками или без них, не связана с информацией о языческих или христианских ритуалах. Их сакральный характер в древности не подтверждают и данные археологии. Так, из имеющихся в Белоруссии историко-культурных валунов Л.В. Дучиц относит к «культовым» камни с рисунками (5 объектов), с письменами (13), с редко встречаемыми знаками – «в виде крестов, стрелочек, решеток» (4), с высеченными крестами (20) и Борисовы камни (7). Последние могли быть межевыми знаками, что согласуется с данными городских книг и юридических актов по Белоруссии XVI - XVII вв. [3, с. 63, 64].

Рис. 1. «Козелий камень» в Боровичском районе Новгородской области. Открыл Г.И. Ивановский. Фото И.Д. Маланина 1986 г.

Рис. 2. Иштутинский камень в Боровичском районе Новгородской области. Открыл Г.И. Ивановский. Фото И.Д. Маланина 1986 г.

Рис. 3. "Белый" камень на оз. Самро в Лужском районе Ленинградской области. Фото А.В. Курбатова 1983 г.

Для Белоруссии намечена взаимосвязь зон массового распространения ледниковых валунов и численности связанных с ними легенд (преданий). Концентрация историко-культурных камней фиксируется в районах массового распространения ледниковых валунов – в Полоцкой, Витебской и Минской областях, тогда как в Брестской, Гродненской и Гомельской областях таких преданий и валунов в ландшафте встречается сравнительно мало. Это наблюдение условно, поскольку отражает только степень изученности региона специалистами и сохранность народных преданий.

Число историко-культурных и культовых валунов сильно различается по регионам. Больше всего их известно в областях, примыкающих к Балтийскому морю: в Эстонии – более 1100 камней с чашевидными выемками [12, с. 729 - 732]; в Латвии к концу 1980-х годов насчитывали 343 различных объекта, в том числе 75 камней с различными углублениями и 104 "следовики" [1, с. 49; 13; 14]; в Литве – более 300 жертвенных камней [2, с. 65 - 66]; в Белоруссии на 1985 г. – более 156 [3, с. 65].

Для северо-запада России систематизированы и картированы памятники Псковской, Ленинградской, Тверской и Новгородской областей [4; 6; 15 - 17]. Однако число природных историко-культурных объектов постоянно возрастает в результате полевых работ археологов и этнографов в последние годы. Так, на Псковщине к 1982 г. было «известно не менее 80 пунктов, где сохранились до настоящего времени или найдены ранее культовые камни. Наиболее широко представлены "следовики" – 42» [18, с. 17]. Исключая сомнительные или непроверяемые данные, А.А. Александров уточнил: «известно не менее 67 культовых камней», в том числе камни-"следовики" в 35 пунктах [4, с. 12]. Уже в начале 1990-х гг. исследователь насчитал не менее 130 почитаемых валунов в Псковской области [19, с. 62]. А разведки последних лет позволяют скорректировать и эти цифры в сторону увеличения [20, с. 38 - 39].

Для Псковской области известны камни со знаками человеческой руки, стрелки, черты, котла (?), ключа (?) [4, с. 12, рис. 1]. В Новгородской области есть валуны с высеченными крестами (7 экз.), а в Тверской – с такими знаками, как «трезубцы, костыли, крюки», «тамга Рюриковичей», рог тура, перекрещивающиеся линии, рука, лицо человека, фигура оленя, обод колеса [5, с. 78; 6, табл. 1]. Убедительной причины считать указанные валуны культовыми, как правило, не имеется. Многие из них, безусловно, служили межевыми знаками, ориентирами дороги или удобного пути. Подобные камни, а также валуны без следов искусственной обработки или знаков, но имеющие легенды, предания и личные имена («кравцы», «Синий камень», «Конь», «Белый» (рис. 3), «Неронов пал», «Баш и Башиха») следует, по Ю.В. Уртансу, выделять в группу «историко-культурных валунов» [1, с. 47].

Нельзя исключать культового значения некоторых камней-"крестовиков", отличных от межевых по характеру изображений и сохранившимся о них поверьям [4, с. 15], а также отдельных межевых камней с собственными именами, остаточное почитание которых зафиксировано в XIX - XX вв., например, Тёплый камень в Псковской области [7, с. 42 - 44].

Для сохранения и обобщения сведений, пригодных для последующей аналитической работы, в настоящее время публикуются сводки историко-культурных объектов по Латвии и Литве [8; 9].

2. О распространении почитаемых валунов

Движение ледниковых щитов в плейстоцене привело к созданию своеобразных форм ландшафта в гляциальных зонах. Валунцы – одна из составляющих ландшафта – были разнесены ледником по обширным пространствам Европейской России, включая Воронежскую, Московскую, Нижегородскую области, Мордовию, а также Украины – до Днепропетровска [10, с. 13, схема]. Их расположение отмечает течение ледниковых масс. Например, некоторые специфичные карельские породы в виде валунов встречаются в Подмоскowie [11, с. 20 - 21].

То же нам известно и по другим областям и регионам. В Новгородской области к 1991 г. насчитывалось около 80 культовых камней, тогда как на 1998 г. собраны сведения о более чем 120 валунах [5, с. 77; 17, с. 216]. Недавние сводки историко-культурных валунов по Ленинградской и Тверской областям [6; 16] уже могут быть дополнены¹ (рис. 4, 5). В Белоруссии на 1985 г. были известны 156 "культовых камней", среди которых 50 "следовиков", а на 1997 г. отмечено уже около 300 культовых валунов, среди них 64 "следовика" [3, с. 63; 22, с. 133, табл. 1]. Процесс накопления сведений о камнях-"следовиках" в Латвии в 1950 - 1980-е гг. описывает Ю.В. Уртанс [13, с. 92 - 94].

Наращивание фонда почитаемых валунов, выявленных на местности или "собранных" по письменным источникам, происходит в восточных и северных зонах их массового распространения – в Ярославской, Владимирской, Калужской, Ивановской, Смоленской областях, в Каргопольском крае [23, с. 101 - 106; 24, с. 87 - 92; 25, с. 59; 26, с. 95 - 99; 27, с. 57 - 65]. Но общая тенденция к уменьшению числа почитаемых камней всех видов прослеживается от берегов Балтики в восточном, юго-восточном и северо-восточном направлениях [28, с. 65 - 67].

3. Историкографический аспект

Научная проблематика почитаемых камней в Европе и в других частях света складывается уже в XIX в. В обозрении поездки по северным губерниям России в 1821 - 1822 гг. З. Доленго-Ходаковский среди прочего отмечал и знаменательные камни. Декабрист Павел Якушкин, сосланный в Новгородскую губернию, в путевых заметках записал легенды и предания о "целебных" валунах и других природных и археологических объектах [29]. Ф.Н. Глинка, проживая в с. Кузнецово Бежецкого уезда, собирает в имении валуны с разными изображениями, позднее поступившие в Тверской музей [29; 30, с. 25 - 29]. В это время научный интерес к почитаемым камням проявляется в Латвии, Литве, Белоруссии, в Западной Европе [3; 13; см. библиографию: 31; 32]. Первая сводка камней-"следовиков" в 1907 г. охватила страны Европы, Азии и Африки [33]. Спустя полвека дано первое региональное описание камней-"следовиков" Литвы [34].

Привлекающие внимание специалистов и краеведов культовые камни "обросли" внушительной библиографией. Интерпретация камней и знаков отражает стадиальность их изучения. В отечественной историографии XIX в. преобладало мнение о принадлежности камней с изображениями и знаками древним славянам языческой поры. В первую очередь это относится к валунам "со следками", чашевидными углублениями и крестами. Мнение основывалось на сохранении легенд и преданий, доживающих до XIX в. Можно упомянуть сведения о «стопе Богородицы» из Почаевской лавры, Конь-камне в Ефремовском уезде, камнях Баш и Башиха в Одосвском уезде. Н.М. Карамзин считал такие валуны памятниками «каменосечного искусства древних славян», прежде всего указывая на камень «Степан» [30].

Мнения исследователей XIX и XX вв. имеют ряд общих черт, несмотря на различия в интерпретации отдельных видов валунов. Они зависят отчасти от уровня обобщения источников и широты привлекаемых аналогий. Общим в рассуждениях можно назвать типологическую нерасчленённость изображений и знаков в разных контекстах. Так, появления "следов" человека на скалах и валунах, разбросанных по всем континентам, сводятся к одним и тем же причинам и считаются взаимосвязанными. Здесь следует говорить о методической неразработанности проблематики [32, с. 136 - 137], на что указали современные исследователи [1; 5; 28; 31; 36].

Наиболее уязвимой для критики остаётся сама база источников. Основное здесь – это неправомерность суждений о почитании конкретных валунов в дохристианское время на основе данных более позднего времени (XVI - XX вв.). «Глубина народной памяти» требует своего обоснования и подтверждения, что для большинства камней проблематично. Объективные данные могут быть получены только на основе комплексного метода, т.е. сбора и оценки археологической, фольклорно-этнографической и исторической информации по каждому памятнику, что и было предложено на конкретных примерах [31; 37, с. 365 - 374].

4. Основы проблематики на современном этапе

В критической части современных работ по данной проблематике остаются и нерешённые вопросы [31; 35 - 37]. Основное – это возможность привлечения уже собранных материалов по массиву почитаемых валунов Восточной Европы. Строго научный подход к сбору разносторонней информации на основе методических разработок каждой исторической дисциплины (истории, археологии, этнографии, фольклористики) для подавляющего большинства объектов или невозможен, или объективно затруднён. Многие валуны, описанные в XIX - начале XX вв., сейчас на местности не найдены и, видимо, уже не существуют. Объяснения этому многократно приводились: использование в фундаментах построек, разбивание их для разных целей, перемещение для освобождения площади под посевы, заболачивание и залесённость местности и другое. Потеря объектов на местности, а также перемещение их исключают возможности археологического изучения, привязку к ландшафту и группам археологических памятников.

Сказанное верно для всех регионов. В сводке "следовиков" Белоруссии размеры камня указаны в 16 случаях из 64, а размеры знаков – в 8 случаях [22, табл. 1], что ясно показывает отсутствие современного обследования. В Латвии на сегодня «археологами обследованы, описаны и обмерены 36 "следовиков" из 98 известных. Из 98 "следовиков" до наших дней сохранилось 27 камней; 11 уже ранее уничтожены, о степени со-

¹ Сведения, полученные о новых почитаемых валунах в Ленинградской и Тверской областях, требующие проверки и научного описания, опубликованы в альманахе "Отечество" [21, с. 164-190].

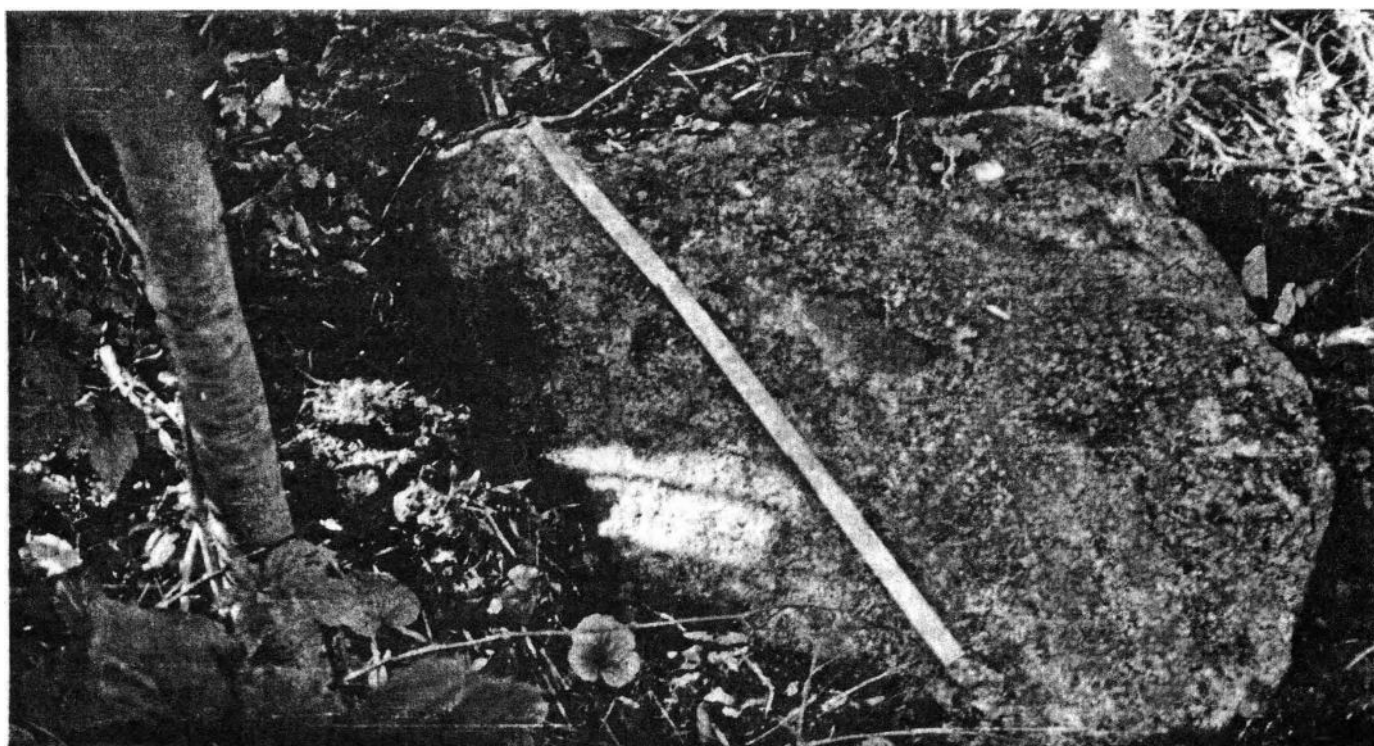

Рис. 4. Камень-"следовик" у д. Соколок
в Лужском районе Ленинградской области.
Разведки В.И. Тимофеева 1984 г.

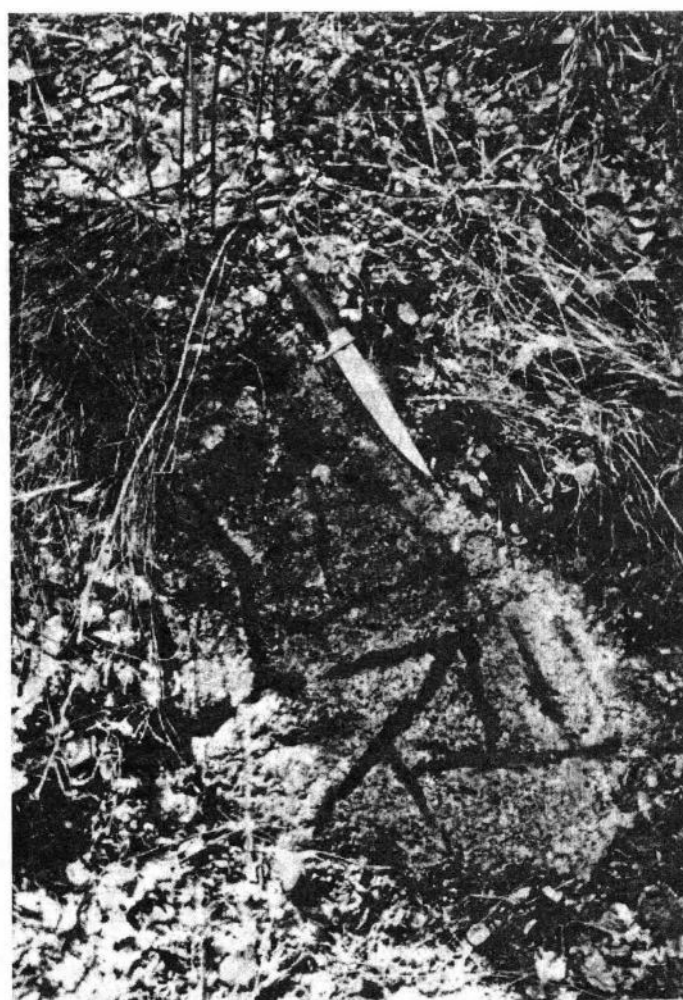

Рис. 5. Камень с неопределёнными знаками
у д. Воложба Тихвинского района
Ленинградской области.
Разведки А. Ильина 1991 г.

хранности остальных 60 "следовиков" нет достоверных сведений... Археологами на местах эти камни не проверены или не найдены» [13, с. 97]. Факты уничтожения камней отмечены и в Новгородской области [17, с. 216].

Трудно проверить и фольклорно-этнографические сведения. Для многих камней они не сохранились или собраны недостаточно полно. Здесь огромное значение имеют преемственность населения конкретного места (региона) и сохранение им традиционного уклада, а также местных легенд и преданий. Бурные события XX в. пагубно сказались на сохранении традиционной культуры во многих областях и регионах Восточной Европы. Например, в Ленинградской области большинство населения (и сельского и городского) неоднократно сменялось. Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война 1918-1920 гг. вызвали отток жителей, а коллективизация и "борьба с кулаками" вылились в массовые репрессии и переселения в отношении многих крепких крестьянских хозяйств. После Второй мировой войны значительно сократилась численность населения области, в первую очередь сельского. Послевоенную разруху дополняли укрупнения колхозов и совхозов, когда многие деревни были заброшены. А мелиорация 1960-1980-х гг. уничтожила участки ранних поселений вместе с другими археологическими памятниками. В результате сведения XIX - начала XX вв. по почитаемым объектам в настоящее время в большинстве своём не подтверждаются. А сохранившиеся валуны, как правило, не имеют легенд и преданий [16].

Таким образом, при критическом подходе значительная часть валунов должна быть изъята из научного оборота в силу непроверяемости и гипотетичности их существования, неосуществимости комплексного изучения объекта, на чём настаивают исследователи. Однако возможен и другой подход. Следует рассматривать такие объекты не как археологический, а как фольклорный источник, не выводя их за рамки статистического охвата материала.

В целом же проблема источника для изучения почитаемых природных объектов остаётся основной, но возникают и другие. Например, в какой степени подвергнутые комплексному изучению единичные объекты можно рассматривать как отражение общих тенденций или закономерностей развития религиозно-мифологических представлений древнего населения? Или правомерно ли использование фольклорных материалов о непроверяемых на местности памятниках, известных по литературе?

В последнее время усиливается скепсис в отношении времени появления почитаемых валунов в Восточной Европе. Для этого есть серьёзные основания. Н.А. Макаров и А.В. Чернецов, выступив с критикой работы А.А. Александрова, настаивают «на строгом подходе к материалу», но не сомневаются, что почитание ряда камней связано с дославянской эпохой [31, с. 84]. Более резко выразил своё мнение А.А. Панченко: «дальнейшее изучение "дохристианского этапа" почитания камней и, тем более, родников и деревьев на территории Северо-Запада России не представляется возможным», поскольку «археологические сведения о культовых камнях – крайне скудны» [35, с. 94 - 95]. Он скептически относится к привязке почитаемых валунов к археологическим памятникам I тыс. н.э. или более ранним и высказывает сомнения в отношении связи валунов с дохристианскими воззрениями на основании имеющихся преданий и легенд [36, с. 109]. По его мнению, «почитаемые камни и источники были своеобразными "деревенскими святынями" в период позднего средневековья и Нового времени. Будучи топографическими объектами, и камни, и источники составляли часть "культурного ландшафта" русской деревни» [37, с. 118].

Такое положение не нарушают известия средневековых письменных источников о почитаемых валунах. Например, о камне в Переяславле, из которого преподобный Иринея изгнал беса [38, стлб. 1373 - 1374], или летописные сообщения архиепископа Макария 1534 г., что «в Чюди и в Ижере и в Кореле и во многих Руских местах в пржезреченых оных скверные молбища идолские удержашася и до царства ... великого князя Ивана Васильевича... Суть же скверные молбища их лес и камене и реки и блата и горы и холмы...» [39, приложение, "В", с. 73 - 74].

Формирование негативных взглядов на древность почитания камней можно рассматривать как попытку объективации наших представлений при наличном фонде источников и выражение идей, положительных и перспективных для дальнейших разработок.

Учитывая сказанное, нам представляется следующее.

1. Решение вопросов о времени бытования и использовании "почитаемых камней", времени появления знаков и изображений на них, об отражении функции валунов в фольклорно-мифологическом контексте возможно только при охвате всего наличного материала на широкой территории; одна из важнейших задач – сравнительная статистическая оценка материала отдельных регионов и областей (как географических, так и административных), что позволит локализовать материальные или фольклорные признаки данных объектов.

2. Необходим дифференцированный подход к сбору и обработке информации о камнях на основе методик ряда исторических дисциплин (письменной истории, археологии, этнографии, фольклористики); археологам предлагается уделять больше внимания точному описанию самого камня, его местоположения, составу и характеру знаков, топографической ситуации и связи с другими близлежащими памятниками [31, с. 81].

3. Необходима единая типология знаков. На сегодня исследователи предложили для каждого региона (области) свои типологии, расходящиеся в ряде позиций. Например, М.В. Шорин и А.А. Александров не различают валуны с выемками различных форм и размеров [4, с. 15; 5, с. 78]. Напротив, исследователи стран Балтии разделяют искусственные углубления по форме и размерам, находя культурно-хронологические отличия. Выделены небольшие «чашевидные углубления», относимые к I тыс. до н.э., преимущественно распространённые в Эстонии [2, с. 65], а также цилиндрические, конические, прямоугольные, трапециевид-

ные и тазообразные («канавки») углубления, относящиеся к более позднему времени. Также дифференцированы разные формы камней и выемок на них в Латвии [14, с. 89 и сл.; 40, с. 38].

4. Необходим целенаправленный сбор фольклорного материала. Его сопоставление с письменными и археологическими источниками показало, что легенды и предания о природных объектах отражают только позднесредневековую культурную традицию. Находимые здесь «языческие переживания» во многих случаях не имеют фиксированной связи с более ранними дохристианскими культами. Это подтверждают и материалы археологических раскопок возле камней [13, с. 104 - 105; 17, с. 218 - 219], и данные о начале почитания валунов в Каргополье [31, с. 88]. Выводы исследователей наводят на предположение о том, что «глубина народной памяти», заключённая в давших этнографии и фольклора, не уходит далее XV-XVI вв. и не является основанием для более древних палеокультурных реконструкций. Можно предполагать полное забвение раннеславянского пласта представлений о валунах к этому времени.

5. Археологические данные и возможности датировки

Лакуарность источниковой базы не следует делать основанием для сомнений в почитании валунов в дохристианский период славянской истории. Материалы I тыс. н.э. и даже более ранние возле валунов имеются. Учитывая высокий процент перемещённых валунов, прирост позитивных археологических данных не будет быстрым, а отсутствие при раскопках вообще каких-либо материалов не должно удивлять.

Первый положительный опыт дали исследования Г.С. Лебедева возле валуна у д. Большое Конезерье в Лужском районе Ленинградской области. Здесь на камне Параскевы Пятницы, видимо, в XVI в. была поставлена часовня. Найденные у валуна керамика и другие предметы конца I тыс. н.э., средневековья и Нового времени могут свидетельствовать о длительности почитания камня. Судя по монетному комплексу, оно сохранялось до последнего времени [41; 42, с. 69].

Появились и другие находки. Камень у д. Будник на р. Черёхе в 8 км от Пскова в преданиях связан с местом рождения князя Владимира Святославича. Камень почитался до недавнего времени. Местные жители усматривали на нём очертания креста и стопы человека. На полосе берега возле валуна найдены мелкие фрагменты лепной и раннегончарной керамики X в. [43, с. 102 - 103].

В южной части Велижского района Смоленской области у д. Староселье обследовано селище 2-й пол. I тыс. н.э., рядом с которым найдены несколько валунов с изображениями подковы и камней-"чашечников" [44, с. 3 - 5].

В 18 км от г. Козельска (Калужская область), в урочище "Чёртово городище", на мысовой части городища разведками собрана керамика 1-й пол. I тыс. н.э. Здесь лежал валун, на котором сохранилось 6 чашевидных выемок диаметром 2 - 7 см при глубине 4 - 20,5 см [25, с. 59]. Кроме того, раскопки у 4 камней в Новгородской области дали позднесредневековый материал [17, с. 218].

В свете последних находок представляет интерес возможность ландшафтного сопоставления валунов и других археологических памятников, особенно в периферийных зонах распространения, например, в Каргополье.

Говоря о датировке культовых валунов, не следует рассматривать обобщённо всю совокупность этих объектов. Наиболее ранними, по мнению исследователей, являются камни с чашевидными выемками, появление которых в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии относят к I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Чашевидные выемки на валунах, по сведениям финских и эстонских специалистов, использовались для поминальной жертвы умершим, а сами камни располагались вблизи или на территории древних могильников [13, с. 103; 45, с. 72]. Один из таких валунов, бывший своего рода языческим жертвенником, обследовался возле городища Имбаре в Кретингском районе Литвы. На его верхней стороне зафиксировано 75 чашевидных выемок диаметром 3 - 6 см и глубиной 0,5 - 2 см. Под валуном открыта площадка диаметром 6 м, вымощенная мелкими колотыми камнями, со следами костра. Это жертвенное место отнесено ко времени заселения городища - к 1-й пол. I тыс. до н.э. [46, с. 13].

К древним языческим жертвенникам в Литве и Латвии также относят камни правильной округлой формы, расширяющиеся книзу, с крупными цилиндрическими углублениями (диаметр 15 - 16 см, глубина до 10 см) и камни с коническими углублениями. Обряды с использованием огня происходили на них, судя по керамическим материалам, в начале II тыс. н.э. Возле камней с плоскодонными выемками языческие обряды совершались и в XVI - XVIII вв. [2; 40, с. 38 - 39; 46; 47, с. 164 - 165]. Камни с корытообразными выемками в Латвии также использовались для языческих действий и жертвоприношений [14, с. 98]. Следы обрядовых кострищ есть и возле некоторых "следовиков" (со звериными "лапами" и другими "следами"). Часть из них датируется началом II тыс. н.э., другие - более ранним временем [46, с. 14].

Необычность сюжета или техники нанесения изображения на валуне также может быть основанием для датировки. Так, в зоне современной городской застройки г. Твери местным жителям давно был известен камень с несколькими знаками, выполненными в технике точечной выбивки на его ровной верхней стороне. Наиболее отчётливо видны "след", "овал", "крест" и две группы из трёх параллельных линий. Сравнительный анализ изображений позволяет сопоставлять эти знаки с комплексами петроглифов Скандинавии, а также с изображениями на камне Щеглец на реке Вишере [48, с. 348 - 349; 32, с. 132].

Долгое время Щеглец был едва ли не единственным в лесной полосе Восточной Европы петроглифическим комплексом кроме наскальных групп Урала и Беломорья. Выбитые в точечной технике контурные знаки «стоп и ладоней», солярные и грибовидные знаки А.А. Формозов сопоставил с аналогичными рисунками из Каменной Могилы под Мелитополем и с петроглифами Скандинавии, где последние тракуются как изображения колесниц.

Близкие по стилю и технике нанесения знаки в последние годы опубликованы по Белоруссии. У д. Стайки Логойского района на одном из валунов контурной линией выбиты знаки «надобны на лук са стралой ці на чалавека», изображения креста, «конверты» и «сонейки» [10, с. 163 - 167]. В Белоруссии известны и другие камни с высеченными неопределёнными рисунками. У местечка Петровичи в бывшем Климовицком повете лежал валун «з фігурамі і літарамі», а около Логойска П. Шпилевскому говорили о большом валуне, покрытом высеченными фигурками. Камни «с вырезанными фигурками», уничтоженные крестьянами при расчистке леса, отмечены в Гродненской губернии [49, с. 172, 175].

6. Практика комплексного источниковедения

Одной из проблем изучения остаётся отсутствие комплексного источниковедения применительно ко всей массе известных историко-культурных валунов. Ранний опыт комплексного охвата материала дают раскопки Г.С. Лебедева в Ленинградской области [42, с. 69]. Другой пример комплексного подхода дан при изучении села Суйсарь в Южной Карелии. В описании этнографических черт обрядности, относящихся к XIX в. и в значительной степени к XX в., приводится факт гуляний молодежи на Иванов день возле огромного камня «Табот». Здесь разводили костры, варили общую кашу, ели пироги, прыгали через костёр, гадали на шуженых. Но археологические работы у камня, видимо, не проводились [50, с. 126].

Междисциплинарные исследования выполнены у д. Кашельково в Новгородской области. Найденный на могильнике каменный крест авторы работ связывают с раскопанным по соседству селищем XV - XVI вв. и аргументируют, таким образом, начало традиции сакрализации креста [37, с. 365].

Здесь уместно отметить работу Т.А. Бернштам о взаимодействии народной культуры и христианского вероучения, рассматривающую стадиальность проникновения основ христианского мировоззрения в жизнь и быт русского народа, его отражение в материальной и духовной культуре. В работе показаны ограниченные возможности христианских церковнослужителей влиять на все стороны жизни и быта сельского населения Руси в период феодальной раздробленности. «Многие церковные обычаи на местах рождались из народно-бытовых форм и органично вливались в обрядовую жизнь населения. Лишь в центрах церковь пыталась определить каноническое отправление обрядов "по христианскому закону", что не могло находить в то время широкого отклика и оставалось в рамках митрополии или богословия...». Впервые, по мнению исследователя, самобытность народной религии полностью проявилась в ходе централизации государства и церкви в XV - XVI вв. В этот период закрепляется разрыв между «культурами» низов и верхов, между ними начинается диалог-конфликт. Централизованная церковь активизирует борьбу по искоренению «неправедной» веры сельского населения: увеличивается поток поучений, постановлений духовных соборов, которые никогда полностью до низов не доходили. Реальная христианизация была обязанностью сельской (приходской церкви), занимавшей крайне низкое положение в церковном строительстве, в уровне грамотности служителей и в их авторитете у прихожан на подавляющей территории России вплоть до рубежа XIX - XX вв. «Будучи частью... коллектива – общины или прихода, сельский клир вольно (или невольно) продолжал участвовать в творчестве народной религии» [51, с. 93 - 95].

7. О происхождении традиции почитания валунов Восточной Европы

Для ответа на вопрос представляется необходимым ограничить район поисков только Европой. Исследования последнего времени, обобщение отдельных групп памятников в разных частях Европы в значительной степени усиливают и конкретизируют мотивы для такого ограничения.

Среди ранних памятников привлекают внимание энеолитические антропоморфные каменные стелы Причерноморья со «стопами», а также петроглифы с такими же знаками из Каменной Могилы под Мелитополем. Стелы со «следами» отмечены в Причерноморье, на территории Украины, России, Молдавии, Румынии. Исследователи неоднократно обращались к их рассмотрению. Исключая перечисление широкого круга сходных изображений по всему миру, авторы специальных работ указывают на их непосредственную связь с конкретными археологическими комплексами в Западной и Восточной Европе. «Стопы» из Каменной Могилы прямо связаны со стелами ямной культуры с изображением ступней набором стилистических черт изображений и привязкой к определённому кругу древностей [52, с. 12]. Дальнейшее сравнение изображений на стелах и в Каменной Могиле идёт по линии поиска аналогий только для одного элемента – следа ноги, что ограничивает любые наметившиеся сближения с подобными группами памятников в других регионах Европы. Так, Н.А. Рычков не считает возможным связывать происхождение энеолитических стел Причерноморья с близкими им по времени стелами Западной Европы [53, с. 69] на том основании, что последние несут изображения ноги, а не «стопы».

Такие исследователи как А.А. Формозов обоснованно видят в причерноморских стелах «бесспорное свидетельство тесных связей искусства юга европейской части СССР и Средиземноморья в эпоху энеолита». «Очень многое здесь перекликается с мегалитическими изваяниями Франции, Италии, Болгарии. Это трактовка носа и глаз в виде двух перпендикулярных друг другу черт, пояса и ожерелья, Т-образные скипетры и пастушьи палки, маленькие фигурки людей-близнецов. Совпадений столько, что случайными они быть не могут». В доказательство этих связей приводятся «камни с изображением ...пастушьих палок» на Херсонщине, аналогичные рисунки на скалах «на Западе». Кроме того, «совершенно одинаково показаны запряжки быков на гравировках Каменной могилы в Приазовье и в горах Лигурии». Отмечена и приуроченность энеолитических изваяний, подобно дольменам, к побережью Чёрного моря и другому водному пути – к Днепру [54, с. 105 - 106].

Помимо антропоморфных стел А.А. Формозов привлекает находку каменной плиты из Бахчи-эли под Симферополем. На её верхней торцовой стороне видны два ряда круглых углублений. Есть сведения о валуне с чашевидными выемками на Херсоншиле. Такие углубления находят широкий круг аналогий в разных странах Западной Европы, имеются они и на кавказских дольменах, и на христианских храмах Армении [54, с. 108, 114].

Находки каменных антропоморфных стел во Франции, Италии, на Мальте и в других регионах Западной Европы сопоставляются с наскальными изображениями и рисунками на мегалитических погребальных сооружениях. Сложилось мнение о единстве происхождения этих памятников в IV - II тыс. до н.э. в Средиземноморском бассейне [55, с. 363]. Большое число чашевидных выемок на скалах и валунах встречено в Италии в Западных Альпах – более 3200 [56, с. 115].

Таким образом, обозначается связь дольменных погребальных сооружений, антропоморфных каменных изваяний и серии знаков (изображений) на близких по времени и происхождению комплексах в разных регионах Европы. Эта связь подчёркивается и географическими признаками – приуроченностью к трансевропейским морским путям.

Можно уверенно говорить, что традиции наскальных изображений и соответствующих им знаков на отдельных валунах прослеживаются в разных регионах Западной Европы в течение длительного времени, вплоть до I - II тыс. н.э. Показателен один из наиболее известных и хорошо изученных комплексов Западной Европы – в долине Камоника в итальянских Альпах, где наскальное искусство не прерывается на протяжении последних 10 тысяч лет. Здесь среди прочих также встречаются изображения колесниц, стоп человека и чашевидные выемки, соответствующие комплексам мегалитических культур и более позднего времени [57].

Рассматривая дольменные постройки в Европе и на других континентах, В.И. Марковин пришёл к выводу о наибольшем сходстве западно-кавказских дольменов с сооружениями стран Средиземноморского побережья, включая памятники, расположенные на территории Западного Причерноморья, а на востоке – с аналогичными постройками Деканского полуострова [58, с. 291 и сл.]. С этим согласны многие отечественные и зарубежные учёные. В III тыс. до н.э. строители дольменных построек из Средиземноморья начинают миграции в западном и восточном направлениях. Хронологический отрезок 2600 - 2100 гг. до н.э. специалисты называют «первым периодом морской торговли». Тогда же появляются и древнейшие изображения многовёсельных и даже парусных кораблей на сосудах, каменных печатях, в виде глиняных моделей. При движении традиции (и её посетителей) в новых условиях изменялись формы дольменов. Однако многие семантически значимые черты – конструктивные элементы и оформление (знаки, изображения) – сохранились. «Символизация, связанная со средиземноморскими мегалитическими постройками (включая гроты) в виде солярных знаков (солнечных изображений), зигзагов, углублений, напоминающих звездное небо, изображений частей человеческого тела (грудь, личина), сама идея воспроизводящей силы, заключенной в дольменах (гротах), находит аналогии в западно-кавказских памятниках» [58, с. 314 - 315]. Культурное наследие строителей дольменов Кавказа прослеживается и в причерноморских степях и в Крыму.

Дольменообразные сооружения распространены по всему западному побережью Европы – от Испании до Северной Германии, Дании, южных районов Швеции и Норвегии. В Германии, например, известны не только длинные составные дольмены, врытые в землю, с круглым отверстием в передней плите, но и каменные антропоморфные стелы, близкие по стилю находкам из Франции и Италии [59, с. 34 - 37].

Феномен мегалитической традиции Европы до сих пор не раскрыт до конца. Э.Л. Лаевская рассматривает саму идею традиции и её реального воплощения в разных частях Европы в противопоставлении «миру керамики» – традициям ранних цивилизаций Египта, Месопотамии, Восточного Средиземноморья. В основе различий лежат географические факторы, наследие культур поздних фаз верхнего палеолита, динамика социальных изменений. «Сакрально-художественную реальность, адекватную их мировоззренческой реальности, обитатели мира мегалитов творят не в хрупкой глине, а в традиционном для их культурного круга камне, и не в искусственно вылепленной модели, а в реальных пространственно-объемных категориях» [60, с. 134]. Эта «западная» традиция накладывает отпечаток на всё последующее развитие культур круга мегалитов или подвергшихся их влиянию, придавая определённые мировоззренческие тенденции культуре античной Греции и Рима.

Оценивая современные европейские исследования, А.Л. Монгайт писал, что вопрос о происхождении мегалитических построек сложен и до сих пор не решён. «Мегалиты не представляют единую культуру, их создали различные общины, и "мегалитическая" керамика в различных местах очень разная. Очевидно, причиной их сооружения является общая религиозная идея, зародившаяся в сходных социальных и географических условиях: попытка создать для умершего неразрушаемый, вечный дом». «Мысль о едином народе – строителе мегалитов окончательно опровергнута открытиями последних лет». Древнейшие мегалиты в Западной Европе появились в Испании и Португалии (2-я пол. IV тыс. до н.э.), распространяясь с юга на север. Северные сооружения – более бедные по архитектурным формам, разнообразию инвентаря и количеству металла [61, с. 263, 264]. Движение носителей мегалитических традиций шло как сушей, так и морем вдоль побережий Атлантики и Северного моря [54, с. 94; 62, с. 412 - 413, 418].

На карте распространения мегалитических камерных погребений в Западной Европе С. Пиггота осталась не охваченной восточная часть побережья Балтийского моря, включая страны Балтии и Северо-Запад России [61, с. 267]. Между тем элементы такой традиции здесь есть. В Литве это – вертикально стоящие кампи – столбы или менгиры (stabakuliai). Устные народные предания считают их окаменевшими людьми.

Аналогичные объекты есть в Белоруссии, в земле ятвягов (Слеп-камни). В Литве же мы находим большое разнообразие различных видов почитаемых валунов: каменные алтари на языческих святилищах, камни-«кресла» или «Чёртов троп», камни-«кровати», камни-«столы», камни-«следовики» и «чашечники», валуны с разных форм и размеров выемками [9, с. 722 - 726]. Не менее вариативны виды историко-культурных камней Латвии и Белоруссии [49], где сохраняется множество легенд и преданий о них. Но чем дальше к востоку от побережья Балтики, тем меньше становится историко-культурных валунов и тем беднее фольклорный пласт [28, с. 56 - 57]. В этом можно видеть длительность и полноту влияния носителей мегалитических традиций вблизи побережья Балтики в противовес более удалённым территориям.

В приведённых примерах видна определённая связь различных мегалитических сооружений в Европе с наскальными изображениями и знаками на камнях. Конечно, остаётся ещё много неясного и непроверенного, но, по словам А.А. Формозова, «близкие аналогии знакам Щеглеца в Южной Швеции и на Каменной Могиле не случайны... Улавливаются эти связи и при анализе памятников искусства» [32, с. 134]. Известные сегодня петроглифы эпохи бронзы на валунах лесной зоны Восточной Европы в некоторой степени свидетельствуют о проникновении сюда отголосков традиций почитания мегалитических сооружений. При наличии огромного числа ледниковых валунов это почитание выливается в специфические формы.

Появление петроглифов на валунах в Северной Европе значительно отстаёт по времени от проникновения сюда традиции сооружения дольменов. Если первые мегалиты в Северной Европе появляются в III периоде неолита (по О. Монтелиусу) – в 2500 - 2000 гг. до н.э. [61, с. 273], то ранние знаки на камнях и скалах Южной Швеции, по мнению М. Мальмера, относятся к рубежу II-III периодов эпохи бронзы [63, с. 62], что соответствует в абсолютной хронологии времени от 1200 г. до 1000 г. до н.э. [64, с. 173], и продолжают создаваться даже в эпоху железа. К этому времени относятся погребальные сооружения из каменных плит или валунов. На плитах подчас высекались изображения, сходные с наскальными рисунками. Наиболее известен, в этом отношении курган Кивик на восточном побережье Швеции [65, с. 105, 108].

Таким образом, можно представить, что появление в Северной Европе и, в частности, на Северо-Западе России самой идеи отражения иррациональных представлений в каменных сооружениях или в отдельных валунах и скалах, которую мы видим в южной части Европы и в Причерноморье в эпоху раннего металла, относится к III - II тыс. до н.э. На северо-востоке Балтийского ареала мегалитические традиции приняли специфические формы. Здесь использовали по большей части не искусственно обработанные камни для погребальных сооружений, а природные валуны ледникового происхождения. Из них делали каменные выемки, складывали т.н. «каменные кучи» и даже курганы.

Во второй половине эпохи бронзы в Прибалтике были распространены курганные могильники с каменными вещами и другими конструкциями и каменными ящиками. В частности, известна группа т.п. ладьевидных могил с каменной наземной обкладкой ладьевидной формы. Эти памятники датируются конц. II - I-й пол. I тыс. до н.э. [66, с. 34 - 39, 41 - 47, 68 - 73]. Показательно и жертвенное место, найденное при раскопках городища Курмаячай в Кретингском районе Литвы, в виде сложенного из валунов полукруга диаметром 18 м. В центре его выложена мелкими камнями четырёхугольная площадка – жертвенное место конца I тыс. н.э. Здесь собраны фрагменты штрихованной лепной керамики со слегка шероховатой поверхностью [46, с. 14 - 15].

В определённой связи с традициями мегалитических сооружений стоят и своеобразные памятники севера Европейской России – каменные лабиринты. Раскопки имеющих к ним отношение поселений позволяют предполагать, что лабиринты сооружали в течение длительного периода – II - I тыс. до н.э. О назначении этих построек мнения разделяются: одни учёные полагают, что они как-то связаны с рыболовством, другие – не отрицают культового использования лабиринтов [67, с. 185 и сл.].

К I тыс. до н.э. иррациональные представления о валунах у народов северной половины Европы получают окончательное оформление. И в этом виде сохраняются до настоящего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уртанс Ю.В. Об идентификации культовых камней Северо-Запада РСФСР и Прибалтики // Тезисы докладов научной конференции "Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология." Нарва, 1989.
2. Матулис В. Литовские жертвенные камни // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1985. Псков, 1985.
3. Дучиц Л.В. Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1985. Псков, 1985.
4. Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 175. 1983.
5. Шорин М.В. Вопросы классификации и датировки культовых камней (По материалам Новгородской области) // КСИА. Вып. 205. 1991.
6. Курбатов А.В. Историко-культурные валуны Тверской области // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996.
7. Плоткин К.М. Теплый камень – пограничный знак на западном псковском рубеже // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988.
8. Urtans J. Pedakmeni, robezakmeni, muldakmeni. Riga, 1990.
9. Vaitkevicius V. Senoios Lietuvos svetvietes. Zemaitija. Vilnius, 1998. (Резюме на рус. и англ. языках).
10. Ляукоу Э.А. Мауклывя сведкі мінушчыны. Мінск, 1992.
11. Борисов И.А. О чем говорят камни Карелии. Петрозаводск, 1952.
12. Lougas V. Vaikeste lohkudega kultusekivid // Eesti loodus. 12. Tallinn, 1972.
13. Уртанс Ю.В. Камни - "следовики" на территории Латвии // Известия Академии наук Латвийской ССР. № 7 (492). Рига, 1988.

14. *Саше А.* Dohupjakmeni Latviya // *Arheologija un etnografija*. Т. XI. Riga, 1974.
15. *Курбатов А.В.* Карта историко-культурных природных объектов на территории Ленинградской области // Международная конференция, посвященная 100-летию В.И. Равдоникаса: Тезисы докладов. СПб., 1994.
16. *Курбатов А.В.* Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Приложение. СПб., 1995.
17. *Шорин М.В.* Культурные камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // *Археологические Вести*. № 5. СПб., 1998.
18. *Александров А.А.* Следы язычества на Псковщине // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1982. Псков, 1982.
19. *Александров А.А.* Культурные камни Псковской земли: язычество и христианство // *Земля Псковская, древняя и современная*. 1991. Псков, 1991.
20. *Еремеев И.И., Короткевич Б.С., Фурасьев А.Г.* Работы Северо-Западной экспедиции Эрмитажа в Смоленской и Псковской областях // *АО – 1995*. М., 1996.
21. *Курбатов А.В.* Загадочные знаки на камнях // *Отечество*. М., 2000.
22. Камни-«следовики» Белоруси // *Л.В. Дучиц, Э.М. Зайковский, Э.А. Левков, А.К. Карабанов, В.Ф. Винокуров* // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 9. Мінск, 1997. (На белорус. языке).
23. *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
24. *Бакаев А.М.* Культурные камни Переяславского Залесья // *Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы*. Вып. III. Иваново, 1996.
25. *Присикин О.Л., Фролов А.С.* Древний культовый камень в урочище "Чертово городище" // 5-я краснелесская конференция Калужской области: Тезисы докладов. Обнинск, 1990.
26. *Хухарев В.В.* К вопросу о историко-культурных валунах г. Кирова и района // *Песочненский историко-археологический сборник*. Вып. 3. Ч. 1. Киров, 1997.
27. *Шевырева В.В.* Культурные камни в Каргополье // *РА*. 1992. № 2.
28. *Курбатов А.В.* О выделении языческих культовых объектов (на примере кампей-следовиков) // *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: Тезисы докладов научной конференции*. Л., 1990.
29. *Якушкин П.* Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина. СПб., 1860.
30. *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.
31. *Макаров Н.А., Чернецов А.В.* К изучению культовых камней // *СА*. 1988. № 3.
32. *Формозов А.А.* Камень "Щеглец" близ Новгорода и камни-«следовики» // *СЭ*. 1965. № 5.
33. *Varuch M.* Boze stopki. Warszawa, 1907.
34. *Tarasenka P.* Pedos akmenyie. Vilnius, 1958.
35. *Панченко А.А.* Почитаемые камни, родники и деревья как историко-культурный источник // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 3. Новгород, 1990.
36. *Панченко А.А.* О проблеме культурно-исторической атрибуции культовых камней Северо-Запада России // *Международная конференция, посвященная 100-летию В.И. Равдоникаса: Тезисы докладов*. СПб., 1994.
37. *Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б.* Почитаемое место у деревни Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыни // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 11. Новгород, 1997.
38. *Житие Преподобного Иринарха* // *Русская историческая библиотека*. Т. XIII. СПб., 1909.
39. *Полное собрание русских летописей*. Т. 5. СПб., 1851.
40. *Урманс Ю.В.* Два вида культовых кампей с выемками в Латвии // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1992. Псков, 1992.
41. *Лебедев Г.С.* Памятники Древянского шлата в Верхнем Полужье // *АО – 1979*. М., 1980.
42. *Лебедев Г.С.* Памятники в урочище "Священка" на озере Врево в Верхнем Полужье // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1987. Псков, 1987.
43. *Александров А.А.* Разведка в окрестностях д. Будник под Псковом // *Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации*. СПб., 1996.
44. Работы в Псковской и Смоленской областях в 1995 г. / *А.Н. Мазуркевич, Б.С. Короткевич, Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев, И.И. Еремеев* // *Отчетная археологическая сессия. Государственный Эрмитаж*. Май 1996 г. СПб., 1996.
45. *Урманс Ю.В.* Культурные камни с углублениями в Латвии // *КСИА*. Вып. 190. 1987.
46. *Даугудис В.* О языческих святилищах в Литве // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов к предстоящей научной конференции «Древнерусское язычество и его традиции»*. Псков, 1988.
47. *Урбанавичюс В.* Реликты язычества в памятниках 14 - 16 вв. в Литве // *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий*. Таллин, 1985.
48. *Курбатов А.В.* Камень с петроглифами в г. Твери в контексте проблематики паскальных изображений Европы // *Тверской археологический сборник*. Вып. 2. Тверь, 1996.
49. *Мялешка М.* Камень у верапах і паданьнях беларуса // *Запіскі Аддзелу гуманітарных навук*. Кн. 4. Працы катэдры этнаграфіі. Т.1. Сшытак 1. Менск, 1928.
50. *Логинов К.К.* Этнографическое описание села Суйсарь // *Село Суйсарь: история, быт, культура*. Петрозаводск, 1997.
51. *Бернштам Г.А.* Русская народная культура и народная религия // *СЭ*. 1989. № 1.
52. *Титова Е.Н.* Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев, 1982.
53. *Рычков М.О.* Про зображення "ступнів ніг" на антропоморфних стелах доби раннього металу // *Археологія*. Т. 38. Київ, 1982.
54. *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е. М., 1980.
55. *Berg Paul-Louis van* Megalithisme et organisation de l'espace art, architecture et traditions religieuses // *Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise*. Т. 93. № 3. 1996.
56. *Baldi Riccardo* Incisioni rypestri a "roccias fenestre" Comune di Roccabryna Valle Maira (Cunco) // *Survey. Anni V- VI*. № 7- 8. 1991-1992.
57. *Anati Emmanuel* Valcamonica Rock Art. A New History for Europe // *Studi Camuni*. Vol. XIII. 1994.
58. *Миркович В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
59. *Glinther Klaus* Galeriengraber, Stein- und Holzkammern // *Archäologie in Deutschland*. Н. 3. 1996.
60. *Давеская Э.Л.* Мир керамики и мир мегалитов. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М., 1997.
61. *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
62. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

63. *Malmér M. P.* A Chorological Study of North European Rock Art // *Studies in Archaeology*. Vol. 7. Stockholm, 1981.
64. *Kuhn H.* The Rock Pictures of Europe. London, 1966.
65. *Монгайт А.И.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
66. *Граудонис Я.Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.
67. *Мулла И.М.* К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

A.V. Kurbatov

**MODERN PROBLEMS OF STUDYING NATURAL HISTORICAL-CULTURAL OBJECTS
OF EASTERN EUROPE**

Summary

The article considers the scope knowledge we have on one of the groups of archaeological monuments, the so called rite stones which are widely spread in Eastern Europe. The author expresses his opinion about the necessity of studying these monuments on the wide territory of their distribution in order to understand adequately this historical-cultural phenomena. The author takes into account the views of lots of scholars, and shows the differences in their ways of studying those monuments, as well as considers possible methods for creation an integrated methodics of their investigation and fixing. He also suggests his own scheme of distribution of the reflection of irrational ideas worked out by ancient peoples of Europe, as it was implemented in the rite stones. The scholar explains the specific features of worship of boulders of glacial origin in Eastern Europe.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
АО – Археологические открытия. Москва
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВУЗ, вуз – высшее учебное заведение
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры (Ленинград, Москва)
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
ГИН – Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Индекс радиоуглеродных анализов
ГУК – Государственное учреждение культуры
ГЭС – гидроэлектростанция
ИА – Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
ИНКВА – Международная ассоциация по изучению четвертичного периода
КОФ – коллекция основного фонда
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛГУ – Ленинградский государственный университет (Ленинград)
ЛЕ – Лаборатория археологической технологии Ленинградского отделения ИА АН СССР (ИИМК РАН) (Ленинград – Санкт-Петербург). Индекс радиоуглеродных анализов
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (Ленинград)
ЛОИИМК – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР (Ленинград)
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МАЭ – Научно-исследовательский институт “Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)” РАН (Санкт-Петербург)
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НВФ – научно-вспомогательный фонд
НИИ – Научно-исследовательский институт
НПЦ – Научно-производственный центр
н.э. – новая эра
РА – Российская археология. Москва
РАН – Российская Академия наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
СА – Советская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
ССР – Советская социалистическая республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭ – Советская этнография. Москва
ТА – Геохимическая лаборатория Института зоологии и ботаники АН Эстонии (Тарту, Эстония). Индекс радиоуглеродных анализов
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТГИМ, Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея (Москва)
ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей (Тверь)
AD – Anno Domini – от Рождества Христова (новой эры)
AE – Arheologija un etnografija. Riga
AR – Archeologicka rozhledy. Praha
BC – Before Christmas – до Рождества Христова (до новой эры)
BP – Before Present – от наших дней
GIN – Geological Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Индекс радиоуглеродных анализов
GrN – Centre for Isotope Research, University of Groningen (The Netherlands). Индекс радиоуглеродных анализов
ISKOS – Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska form min nesföreninden. Helsingfors, Helsinki
Ki – Institute of Radiogeochimistry of the Environment, Ukrainian Academy of Sciences (Kiev, Ukraine). Индекс радиоуглеродных анализов
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Черных И.Н., Ивановская Н.И., Максимов А.Д., Шпак Т.А. Памяти Юрия Николаевича Урбана (1940–2002)	5
Сидоров В.В. Интерпретационные возможности основных понятий археологии (археологическая онтология)	8
Столяр А.Д. О становлении сознания в свете археологических источников эпох камня (к постановке проблемы)	14
Столяр А.Д. Феномен Оленеостровского могильника (мезолит Карелии)	19
Желтова М.Н., Кулькова М.А., Карасёв Н.С., Лисицын С.Н. Опыт разработки методики анализа кремнёвого сырья	25
Лисицын С.Н. Технология расщепления кремня на финальнопалеолитической стоянке-мастерской Аносово I	35
Кольцов Л.В. Формирование мезолитических культур Северной Европы	46
Кольцов Л.В. О некоторых тенденциях развития культур мезолита Северной Европы	54
Кравцов А.Е. О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечёткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры)	60
Сорокин А.Н. О мезолите низовьев р. Мокши	71
Галимова М.Ш. Новые материалы по мезолиту Марийского края в свете проблемы взаимодействия культурных традиций	83
Карманов В.Н. Памятники с трапециями на европейском Северо-Востоке	91
Жилин М.Г. Заселение Сахтышского торфяника в мезолите и неолите	99
Жилин М.Г. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье	106
Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область)	117
Аверин В.А. Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4	123
Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.)	127
Леонова Е.В. Стоянка Авсерьгово 2 (мезолитический слой)	137
Васильева Н.Б., Косорукова Н.В. Новые данные о мезолитической стоянке Лиственка 8 в бассейне Шексны	151
Иванищева М.В. Каменный инвентарь стоянки эпохи мезолита Берёзовая Слободка X на Нижней Сухоне	159
Иванищев А.М. Погребения каменного века на Тудозере (по материалам раскопок 1995, 1998, 2000 гг.)	171
Гусенцова Т.М. Структура мезолитических сооружений Кошкинской стоянки (правобережье р. Вятки)	176
Волокитин А.В. Исследование мезолитических жилищ стоянки Парч 2 на Вычегде	183
Королькова Л.В. Новые данные о памятниках эпох мезолита – неолита в Юго-Восточном Приладожье	192
Синицына Г.В., Зарецкая Н.Е. О новой дате валдайской культуры	196
Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы	209
Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи	215
Косинская Л.Л. К проблеме генезиса черноборской археологической культуры (по материалам поселения Чёрная Вадя на Нижней Вычегде)	224
Цетлин Ю.Б. Происхождение графических способов декорирования глиняной посуды (постановка проблемы)	231
Калинина И.В. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры	241
Костылёва Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-ребенчатой керамики	248
Герман К.Э. Локальные варианты культуры сперрингс (по данным керамики)	257
Герман К.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс в Карелии	264
Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса)	274
Вискалин А.В. Ранние группы накольчатой и ребенчатой керамики Волго-Камья: проблемы выделения и происхождения	284
Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения)	293
Ставицкий В.В. Саконовская неолитическая стоянка и проблема таксономического статуса балахнинских памятников	304
Никитин В.В., Вискалин А.В., Ставицкий В.В. Охранные раскопки стоянки Сутырская 1	313
Никитин В.В. Основные итоги изучения волосовской культуры в XX веке	317
Сидоров В.В. Волосовская керамика во II тысячелетии до н.э.	322
Королёв А.И. Волосовская керамика Сурско-Мокшанского междуречья	332
Уткин А.В., Костылёва Е.Л. Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы	342
Сидоров В.В. Волосовские жилища поселений Маслово болота	348
Никитин В.В. Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье	363
Вискалин А.В. Поселение ранних металлургов и коневодов на Барыше	370

Челяпов В.П. Памятники примокшанской культуры на Средней Оке	378
Тарасов А.Ю. Об использовании медных инструментов для обработки кремня на поселениях бронзового века в Карелии	388
Волкова Е.В. Могильники фатьяновской культуры Новинки 1 и 2 (по результатам археологических исследований в 1999 и 2000 гг.)	393
Григорьева Г.В. Орнамент на изделиях из бивня и кости с верхнепалеолитических памятников Поднепровья	408
Недомолкина Н.Г. Сланцевая плитка с орнаментом с поселения Вёкса	412
Витенкова И.Ф. Изображения людей и птиц в неолите – энеолите Карелии	417
Гонзов А.В. Кремнёвые фигурки из фондов Павловского краеведческого музея	425
Шахнович М.М. Новые находки фигурных молотов на территории Карелии	430
Жульников А.М. О находке в Прибеломорье фигурного топора-молота с обухом в виде головы медведя	439
Сидоров В.В. Топор с янусовидным изображением из реки Осень	442
Ильиных В.В. Культ медведя в Пермском Приуралье в раннем железном веке (по материалам ананьинской и гляденской культуры)	448
Исламова И.В. О локальных группах дьяковских памятников	451
Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища	461
Максимов А.Д. Типология железных ножей городища Отмичи	468
Сапрыкина И.А., Энговатова А.В. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино	477
Лопатина О.А. Некоторые особенности технологии керамического производства населения городища дьяковской культуры Настасьино	494
Сыроватко А.С., Елистратов А.Я. Об опыте определения отпечатков пальцев на дьяковских керамике и мелкой глиняной пластике	503
Исламова И.В. Керамика городища Дулёво (Козлово)	508
Олейников О.М. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э.	520
Вишневский В.И. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны	550
Курбатов А.В. Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе	558
Список сокращений	569

CONTENTS

Tchernykh I.N., Ivanovskaya N.I., Maksimov A.D., Shpak T.A. In the Memory of Yuri Nikolaevich Urban (1940–2002)	5
Sidorov V.V. Interpretation Opportunities of Basic Archaeological Concepts (Archaeological Ontology)	8
Stolyar A.D. About Consciousness' Coming-into-being in the Light of Archaeological Sources of the Stone Epochs (to the Problem Formulation)	14
Stolyar A.D. A Phenomena of Oleniy Ostrov Cemetery (the Mesolithic of Karelia)	19
Zhel'tova M.N., Kulkova M.A., Karasjov N.S., Lisitsyn S.N. An Attempt of Developing Methods of Flint Raw Material Analysis	25
Lisitsyn S.N. The Knapping Technique on the Final Palaeolithic Site-Workshop Anosovo I	35
Koltsov L.V. The Formation of the Mesolithic Cultures of Northern Europe	46
Koltsov L.V. On Some Tendencies of the Mesolithic Cultures of Northern Europe Development	54
Kravtsov A.E. On the Attempts to the Studies of the Mesolithic Sites with Illegible Stratigraphy (on the Materials from the Monuments of Icevo Culture)	60
Sorokin A.N. On the Mesolithic of the Lower Moksha River	71
Galimova M.Sh. New Data on the Mesolithic of Mari Land in the Light of the Problem of Interaction of Cultural Traditions	83
Karmanov V.N. Monuments with Trapezes in Northeastern Europe	91
Zhilin M.G. The Inhabitation of Sakhtysh Peatbog in the Mesolithic and the Neolithic	99
Zhilin M.G. Stratigraphy and Planography of the Multi-Layer Site Stanovoye 4 in the Upper Volga River Basin	106
Zaretskaya N.E., Uspenskaya O.N., Zhilin M.G. The Age and Genetic Types of the Layers of Two Cuts of the Multi-Layer Site Stanovoye 4 (Ivanovo Region)	117
Averin V.A. The Layer of Ienevo Culture on the Peat- Site Stanovoye 4	123
Kravtsov A.E., Konnov S.B. The Site Ladyzhino 3 (the Preliminary Results of Studies in 1999-2000)	127
Leonova E.V. Avsergovo 2 Site (the Mesolithic Layer)	137
Vasilyeva N.B., Kosorukova N.V. New Data on the Mesolithic Site Listvenka 8 in the Sheksna River Basin	151
Ivanischeva M.V. The Stone Inventory of the Mesolithic Site Berjozovaya Slobodka X on the Lower Sukhona River	159
Ivanishev A.M. The Burials of the Stone Age on the Tudozero Lake (on the Materials of the Excavations of 1995, 1998, 2000)	171
Gusentsova T.M. The Structure of the Mesolithic Constructions of Koshkino Site (the Right Bank of the Vyatka River)	176
Volokitin A.V. The Study of the Mesolithic Dwellings of the Camp-Site Parch 2 on the Vychegda River	183
Korol'kova L.V. New Data on the Monuments of the Mesolithic – the Neolithic at the South-Eastern Area of the Ladoga Lake	192
Sinitsyna G.V., Zaretskaya N.E. On the New Date of Valday Culture	196
Timofeev V.I. Some Problems of the Eastern Europe Neolithization	209
Kosinskaya L.I. The Neolithic of Northwestern Siberia: Genesis and Connections	215
Kosinskaya L.I. On the Problem of Genesis of Chernoborskaya Culture (on the Materials of Chornaya Vadya site at the Lower Vychegda)	224
Tsetlin Yu.B. The Origin of Graphic Pottery Decoration Techniques (the Problem Setting)	231
Kalinina I.V. The Morphology of the Neolithic Vessels' Decoration and Stylistic Specifications of Wooden Zoo- and Anthropomorphic Sculpture	241
Kostyleva E.L., Kalinina I.V. The Usage of Animals' Bones for Pit-Comb Pottery Ornamentation	248
German K.E. The Local Variants of Sperrings Culture (According to Ceramics Data)	257
German K.E. The Chronology and Stages of Sperrings Culture in Karelia	264
Viskalin A.V. The Ways of the Neolithic Spreading in the Volga – the Kama Rivers' Basin (to the Question Setting)	274
Viskalin A.V. Early Groups of Pricked and Comb Pottery of the Volga – the Kama Rivers Watershed: the Problems of Determination and Origin	284
Nikitin V.V. The Culture of the Bearers of the Pottery with Pricked Ornament in Wooden Zone of the Middle Volga River Basin (to the Problem of Origin)	293
Stavitsky V.V. The Sakonovskaya Neolithic Site and the Problem of Taxonomic Status of the Monuments of Balakhna Type	304
Nikitin V.V., Viskalin A.V., Stavitsky V.V. Protective Excavations of Sootyrskaya 1 Site	313
Nikitin V.V. Basic Results of Volosovo Culture Studies in the 20th Century	317
Sidorov V.V. Volosovo Culture in the 2nd Millenium BC	322
Koroljev A.I. The Pottery of Volosovo Culture of the Moksha and the Sura Rivers' Watershed	332
Utkin A.V., Kostyleva E.L. Funeral "Sanctuaries" of the Aeneolithic in the Forests of Eastern Europe	342
Sidorov V.V. Dwellings of the Sites of Volosovo Culture on Maslovo Boloto (Maslovo Marsh)	348
Nikitin V.V. Evolution of Houses of the Stone and Early Metal Epochs in the Mari Volga Basin	363
Viskalin A.V. A Settlement of Early Metallurgists and Horse Breeders on the Barysh River	370

Chelyapov V.P. The Monuments of Primokshanskaya Culture on the Middle Oka River	378
Tarasov A.Yu. About the Use of Copper Tools for Flint Development on the Bronze Age Sites in Karelia	388
Volkova E.V. The Cemeteries of Fatjanovo Culture Novinki 1, 2 (the Results of Excavations in 1999-2000)	393
Grigorjeva G.V. Ornament on Tusk and Bone Artifacts from the Late Palaeolithic Monuments of the Dnieper River Basin	408
Nedomolkina N.G. Schistose Slab with Ornament from Vjeksa Site	412
Vitenkova I.F. Images of People and Birds in the Neolithic and Eneolithic of Karelia	417
Gonozov A.V. Flint Figurines from the Storage of Pavlovo Museum	425
Shakhnovitch M.M. The New Finds of Figured Hammers in the Territory of Karelia	430
Zhubnikov A.M. About the Find of an Axe with a Bear Head-Shaped Butt in the White Sea Region	439
Sidorov V.V. An Axe with Yanus Shape Image from the Osen River	442
Ilijnykh V.V. The Bear Worship in Perm Region at the Urals in the Early Iron Age (on the Materials of Ananjino and Glyadenovo Cultures)	448
Islanova I.V. On the Local Groups of Dyakovo Monuments	451
Syrovatko A.S., Spiridonova E.A. The Application of Palinological Analysis for Protopopovo Hillfort Stratification	461
Maksimov A.D. The Typology of the Iron Knives from Otmichi Hillfort	468
Saprykina I.A., Engovatova A.V. Chemical Compound of Non-Ferrous Metals of Dyakovo Time from the Excavations of Nastasyino Hillfort	477
Lopatina O.A. Some Peculiarities of Ceramics Production Technology of the Inhabitants of Nastasyino Hillfort of Dyakovo Culture	494
Syrovatko A.S., Elistratov A.Ya. On the Attempt of Fingerprints Determination on Dyakovo Culture Pottery and Minor Clay Plastic Artifacts	503
Islanova I.V. The Pottery of Dulevo (Kozlovo) Hillfort	508
Oleynikov O.M. Hand-Made Pottery of the Population of the Volga Basin in Tver Region in the 2nd Half of the 1st Millenium AD	520
Vishnevsky V.V. The Early Middle Age Finno-Ugrish Cemetery on Ratkovo Hillfort on the Upper Dubna River	550
Kurbatov A.V. Modern Problems of Studying Natural Historical-Cultural Objects of Eastern Europe	558
List of Abbreviations	569

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ (ТГОМ)

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области:**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская обл., г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-264) 2-11-11, 2-13-88.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172796, Тверская обл., Пеновский р-н, пос. Ворошилово.
Тел. (8-230) 3-17-34, 3-17-18.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Зубцовский краеведческий музей**
172330, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-262) 2-12-43.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1988 г.
- 4. Калязинский краеведческий музей**
171550, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-249) 2-04-79.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, А.Н. Хохлов. 1987-1991 гг.
- 5. Кимрский краеведческий музей**
171510, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1990 г.
- 6. Конаковский краеведческий музей**
171280, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-242) 4-14-49, 4-14-50.
Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1990 г.
- 7. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-237) 2-27-11.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1994 г.
- 8. Лихославльский краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-261) 2-10-56.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1995 г.
- 9. Осташковский краеведческий музей**
172750, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-235) 2-16-46, 2-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1986 г.
- 10. Старицкий архитектурно-художественный и археологический музей**
171360, Тверская обл., г. Старица, ул. Пушкина, д. 1а.
Тел. (8-263) 2-13-85.
Авторы экспозиции «Археология Тверской области» И.Г. Портнягин и др. 1978 г.

11. Тверской областной краеведческий музей — головное учреждение объединения (основан в 1866 г. как историко-археологический музей).

170000, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.

Тел. (0822) 33-51-27 (приёмная генерального директора объединённого музея), факс 33-37-90; E-mail: museum @ tversu. ru; 48-79-97 (отдел археологии объединённого музея); 33-77-76 (сектор археологических фондов отдела фондов объединённого музея).

Автор археологических разделов экспозиции (территория совр. Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н.э. - сер. II тыс. н.э.) И.Н. Черных. 1996 г.

12. Торопецкий краеведческий музей

172850, Тверская обл., г. Торопец, ул. Комсомольская, д. 2.

Тел. (8-268) 2-26-94.

Автор археологических разделов экспозиции И.Г. Портнягин. 1974 г.

13. Удомельский краеведческий музей

171850, г. Удомля, ул. Энергетиков, д. 2.

Тел. (8-08255) 5-04-60.

Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 2002 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ

оказывает услуги юридическим и физическим лицам в осуществлении на хоз. договорной основе различных археологических исследований:

полевых - разведывательные обследования, историко-культурная (археологическая) экспертиза земельных участков, инвентаризация памятников археологии, надзор за проведением земляных работ на объектах историко-культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;

камеральных - реставрация археологического металла, обработка остеологических коллекций из археологических раскопок (домашние животные), отрисовка находок;

в разработке историко-археологических опорных планов;

в подготовке и оформлении археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15. Телефоны для справок: (0822) 48-79-97, 33-77-76; E-mail: museum @ tversu. ru.

Тверской археологический сборник
Выпуск 5

Отв. редактор выпуска *И.Н. Черных*.
Технический редактор *И.Н. Черных*.
Корректоры: *В.А. Румянцева, Н.Н. Румянцев, И.Н. Черных*.
Компьютерный набор, вёрстка: *И.Ю. Довженко, А.М. Уткина*.
Оригинал-макет: *И.Ю. Довженко, И.Н. Черных*.
Перевод на англ. язык и корректура: *В.В. Дайнин, В.А. Миловидов*.

АР № 040632 от 9.06.98 г.

Подписано к печати 4.07.2003 г. Формат бумаги 84x108¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 36 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ 5024. Цена свободная.

Тверская областная типография.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

